

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav. 652.10 (75)

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

СОВРЕМЕНИКЪ

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

Н. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXXV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

1859

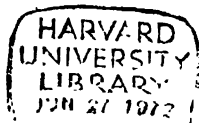
△
P5Caw 652.10 (75)

✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. Мая 1 дня 1859 года.

Ценсоръ Д. Мацкесичъ.

Keller Ed

АНГЛІЙСКАЯ КОММЕРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Идея свободной торговли признана справедливою въ теоріи со времени возведенія политической экономіи на степень науки гениемъ Адама Смита; но въ практикѣ не много можно указать примѣровъ, чтобы ею руководствовались государства въ международныхъ сношеніяхъ. Человѣкъ нескоро освобождается отъ заблужденій, особенно если заблужденія тѣсно связаны, по крайней мѣрѣ по его мнѣнію, съ его личными интересами. Вотъ почему истины политической экономіи утверждаются гораздо медленнѣе въ обществѣ, чѣмъ истины всякой другой науки. Прибавимъ къ этому, что не одинъ только слѣпой эгоизмъ частныхъ интересовъ полагаетъ преграды водворенію свободныхъ международныхъ сношеній. Сколько находится людей съ полнымъ убѣжденіемъ, что правительство не должно допускать свободнаго развитія частной дѣятельности, что необходимо подчинить ее строгимъ правиламъ, иначе она можетъ подвергнута опасности существованіе самого государства,—то есть, выходя совершенно изъ другаго принципа, они приходятъ къ тому же заключенію, какъ люди утверждающіе, будто бы интересъ частный и общественный противоположны другъ другу.

Такимъ образомъ старые предразсудки и рутина съ одной стороны, ложныя теоріи, порожденныя болѣзненнымъ состояніемъ общества, съ другой, — соединенными силами препятствуютъ утвержденію здравыхъ началъ науки, вопреки самымъ убѣдительнымъ фактамъ, доказывающимъ непреложность ея заключеній во всѣхъ

тѣхъ случаяхъ, гдѣ свободная торговля была примѣнена къ практикѣ. Единственная надежда на измѣненіе существующихъ до сихъ поръ стѣснительныхъ таможенныхъ постановленій въ большей части европейскихъ государствъ заключается *въ необходимости*, которая торжествуетъ часто тамъ, гдѣ наука безсильна. Необходимость заставить кончить споръ, который могъ бы продолжиться до безконечности, и разсѣчетъ гордіевъ узелъ, потому что она говоритъ сильнѣе всѣхъ привычекъ и всѣхъ частныхъ интересовъ. Мы представимъ здѣсь дѣйствіе этой необходимости въ государствѣ, въ которомъ монополія и народныя предразсудки пользовались необыкновеннымъ вліяніемъ, освящены были временемъ и имѣли сильную опору въ самомъ характерѣ народа. Если исторія учить чему нибудь и удерживаетъ отъ заблужденій, часто гибельныхъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, то постепенныя измѣненія въ англійскомъ таможенномъ законодательствѣ представляютъ одинъ изъ самыхъ занимательныхъ и въ то же время самыхъ поучительныхъ уроковъ въ экономическомъ развитіи жизни народовъ.

I.

Попытки возвести протекціонизмъ на степень теорій явились въ очень недавнее время. Мы встрѣчаемъ таможенные пошлины даже въ Средніе вѣка, но онѣ тогда взились безразлично съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ и чрезвычайно рѣдко имѣли цѣль охранительную. Получая отъ нихъ довольно значительный доходъ, правительства тогдашняго времени часто для собственной своей выгоды старались поощрять привозъ особенно такихъ предметовъ, которые не производились внутри страны, освобождали его отъ всякихъ стѣсненій и подвергали платежу пошлинъ только вывозимые продукты. Такъ наприимѣръ Андерсонъ въ своей «Исторіи Торговли» говоритъ, что въ Англіи въ царствованіе Эдуарда III, въ 1354 г. пошлина съ вывозимыхъ предметовъ доставляла казнѣ 28,000 ф. ст., а съ привозныхъ не болѣе 600 ф. ст. По его же словамъ король давалъ иностраннымъ купцамъ болѣе привилегій, чѣмъ своимъ собственнымъ: однажды при этомъ государѣ запрещенъ былъ вывозъ шерсти и овецъ, но правительственныя нужды скоро заставили его отмѣнить это постановленіе.

Слишкомъ черезъ сто лѣтъ послѣ этого, при Эдуардѣ IV (1461—1483 г.), въ первый разъ подвергнуты были запрещенію нѣкоторыя изъ привозимыхъ издѣлій, особенно шерстяныя и желѣзныя, также ленты и кружева. При его преемникѣ, Ричардѣ III, запрещеніе это

было распространено и на другія металлическія издѣлія, за исключеніемъ серебряныхъ и золотыхъ. Но никогда промышленность и торговля не подвергались такимъ ограниченіямъ, какъ въ царствованіе королевы Елизаветы, при которой не только подтверждены были всѣ прежнія ограниченія, но еще изданы строгіе противу нарушителей законы, которые однако вслѣдствіе своей строгости, кажется, никогда не были приводимы въ исполненіе. Къ числу запрещенныхъ къ привозу въ Англію товаровъ нужно еще прибавить шелковыя ткани. Запрещеніе ихъ послѣдовало въ царствованіе Карла II по просьбѣ англійскихъ фабрикантовъ. Но кромѣ упомянутыхъ ограниченій, изданныхъ съ видимою цѣлью покровительства народной промышленности, таможенныя пошлины въ Англіи считались постоянно источникомъ государственнаго дохода. Самое даже названіе тарифа, изданнаго въ 1660 г., *субсидію* (old subsidy) не позволяетъ въ этомъ сомнѣваться. Тарифъ этотъ былъ весьма умѣренный и составлялъ не болѣе 5% цѣнности привозимыхъ товаровъ. Различныя государственныя потребности заставили увеличить его около половины XVIII столѣтія до 25% ad valorem (*). Французскіе товары подвергались однако болѣе тяжелымъ пошлинамъ, такъ что каждый разъ, когда на произведенія всѣхъ другихъ странъ пошлина увеличивалась на 5%, на французскія прибавлялось 25% ad valorem, что впрочемъ было только репрессаліею со стороны Англіи.

Хотя во всѣхъ упомянутыхъ запрещеніяхъ замѣтна болѣе случайность, чѣмъ какой нибудь обдуманнѣйшій планъ или система, однако двѣ статьи англійскаго таможеннаго кодекса заслуживаютъ особенное вниманіе. Первая касается жизненныхъ припасовъ и преимущественно пшеницы, другая относится къ навигаціи.

Съ конца XIV ст. до 1849 г. хлѣбъ былъ постоянно предметомъ законодательныхъ мѣръ, которыя безпрестанно измѣнялись. До этого времени существовало въ Англіи общее правило, что вывозъ дозволялся не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства. Въ 1394 г. позволено было вывозить хлѣбъ безъ всякаго особаго разрѣшенія; но было сказано, что въ случаѣ необходимости вывозъ могъ быть приостановленъ. Опасенія голода были причиною, что въ 1436 г. послѣдовало новое постановленіе, по которому вывозъ разрѣшался всѣмъ безъ исключенія, если только цѣна пшеницы на внутреннихъ рынкахъ не превышала 6 шил. 8 пенсовъ за четверть (**), въ про-

(*) Въ 1698 г. на 3%, въ 1703 и 4 годахъ тоже на 3% и наконецъ въ 1747 году прибавлено снова 3%.

(**) 1 р. 36 коп. за четверть.

тивномъ случаѣ привозъ былъ совершенно свободенъ отъ пошлинъ, а вывозъ воспрещался. Спустя 71 годъ послѣ этого, изданъ былъ опять новый законъ, которымъ уничтожались всѣ существовавшія постановленія и возстановлялся первоначальный порядокъ. Когда вслѣдствіе значительнаго привоза драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки цѣна хлѣба стала возвышаться, то парламентъ въ заботливости о благосостояніи земледѣлія, и преимущественно имѣя въ виду обезпеченіе сбыта по цѣнѣ, которая бы могла вознаградить издержки производства, принужденъ былъ нѣсколько разъ измѣнять предѣльную цѣну, при которой дозволялся привозъ и вывозъ. Такъ въ 1670 г. можно было вывозить пшеницу только тогда, когда цѣна ея внутри государства стояла ниже 53 шил. 4 пен. за кварталъ (*), причемъ привозъ ея изъ-за границы былъ воспрещенъ. Это постановленіе, уравнивающее повидимому всѣ интересы, считалось въ свое время гениальнымъ; оно не имѣло худыхъ послѣдствій для потребителей, потому что вывозъ хлѣба изъ Англіи значительно превышалъ привозъ и цѣны, за исключеніемъ развѣ неурожайныхъ годовъ, никогда не достигали такой высоты. Если цѣна переходила за вышеупомянутый предѣлъ, иностранный хлѣбъ допускался для продажи, съ пошлиною 8 шил. съ квартала (**).

Несмотря на такое сильное ограниченіе, оно не казалось еще достаточнымъ для огражденія англійскихъ земледѣльческихъ интересовъ, и черезъ 10 лѣтъ послѣ этого новый билль уничтожилъ всякую плату, взимаемую съ финансовою цѣлью при вывозѣ хлѣба изъ Англіи и даже за каждый кварталъ вывезенной пшеницы выдавалось 5 шил. преміи, ввозъ же дозволялся при рыночной цѣнѣ въ 80 шил. за кварт. — Но такое искусственное возвышеніе цѣны на главный предметъ потребленія народа имѣло самое неблагоприятное вліяніе на народное благосостояніе. Населеніе въ Англіи значительно уже увеличилось въ это время и такая цѣна голодныхъ лѣтъ могла даже угрожать внутренней безопасности; вотъ почему парламентъ поспѣшилъ въ 1773 г. понизить предѣльную цѣну ввоза до 48 шил. Въ 1791 году она снова была возвышена до 54 шил. за кварталъ. Ниже 50 шил. привозъ воспрещался. Въ 1804 г. предѣльная цѣна снова была поднята до 66 шил. за квар.; но военныя событія того времени дѣлали такое ограниченіе недействительнымъ.

Нужно, впрочемъ, сказать, что такія частыя перемѣны тарифа въ отношеніи предмета первой необходимости происходили не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ. Франція прибѣгала къ

(*) 11 руб. 55 коп. за четверть.

(**) 1 р. 74 коп. съ четверти.

нимъ столь же часто, хотя земледѣльцы ея не могли имѣть такого сильнаго вліянія на законодательство, какъ въ Англіи. Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, чтобы земледѣліе въ послѣднемъ государствѣ отстало отъ другихъ промысловъ. Напротивъ, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія успѣхи его были весьма значительны; но вслѣдствіе изобрѣтеній Аркрейта и Уатта, фабричная дѣятельность получила такое сильное развитіе, а вмѣстѣ съ нею и населеніе такъ умножилось, что въ первые годы XIX вѣка цѣны на хлѣбъ достигли необычайной высоты 115, а въ 1812 г. даже 122 шил. за кв. (25 руб. 20 коп. и 27 руб. 50 коп. за четверть). Нѣтъ сомнѣнія, что такому возвышенію много способствовала война; но какъ бы то ни было, эта высокая цѣна и значительный доходъ съ поземельной собственности привлекли къ ней огромные капиталы и заставили обратить подъ пашню даже такую землю, которая находилась до сихъ поръ подъ пастбищами. Послѣдовавшій затѣмъ обильный урожай, а вслѣдствіе того и упадокъ цѣнъ на хлѣбъ поставили фермеровъ въ самое затруднительное положеніе, такъ что даже охранительный тарифъ 1804 г. казался имъ недостаточнымъ. Безчисленныя петиціи фермеровъ представлены были въ парламентъ, и въ 1815 г. послѣ продолжительныхъ преній рѣшено было, что цѣна 80 шил. за кв. полагается необходимою для вознагражденія фермеровъ за издержки производства, и дозволенъ былъ свободный привозъ хлѣба изъ-за границы только при этой и высшей цѣнѣ; при низшей же запрещенъ безусловно.

Билль этотъ принятъ былъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, но возбудилъ въ народѣ сильное волненіе, которое заставило правительство окружить парламентъ войскомъ и употребить оружіе для усмиренія возстанія. Въ верхней палатѣ 10 перовъ сильно возстали противъ этого закона, названнаго ими закономъ голода, и послѣ продолжительной оппозиціи внесенъ былъ ими въ книгу краснорѣчивый протестъ, написанный лордомъ Гранвиллемъ. Полагаютъ, что причина, побудившая парламентъ принять этотъ билль, заключалась въ упадкѣ монетной системы тогдашняго времени. Значительный выпускъ билетовъ англійскаго банка произвелъ пониженіе въ ихъ курсѣ. Въ 1797 г. находилось въ обращеніи банковыхъ билетовъ на 8½ милл. фунт. стер., а въ 1815 г. было ихъ уже болѣе 27 милл. (168,750,000 руб.), и они упали почти 25% противу звонкой монеты. Опасаясь еще болѣе значительнаго пониженія, пока законъ, освобождавшій банкъ отъ размѣна своихъ билетовъ на звонкую монету, не будетъ уничтоженъ, землевладѣльцы настояли на принятіе билля, который защищалъ ихъ отъ уменьшенія дохода съ поземельной собственности.

Другой предметъ, который законодательная власть старалась поддержать и возвысить посредствомъ охранительныхъ мѣръ, былъ купеческій флотъ. Первый законъ о навигаціи изданъ былъ въ 1381 г. въ царствованіе Ричарда II, который запретилъ своимъ подданнымъ привозить или вывозить товары на чужихъ корабляхъ подъ опасеніемъ ихъ конфискаціи. Но такое строгое ограниченіе мореплаванія было несообразно съ тогдашнимъ состояніемъ англійскаго торговаго флота, и потому въ слѣдующемъ же году позволено было употреблять для торговли иностранные корабли, когда не было англійскихъ. Нѣсколько лѣтъ спустя установлена была такса на фрахтъ между Англією и главными континентальными государствами и нѣкоторые товары дозволялось привозить только на англійскихъ корабляхъ. Эта ограничительная система породила множество затрудненій и весьма стѣснила торговыя сношенія, почему и была замѣнена въ царствованіе королевы Елисаветы *различными* пошлинами (*discriminating duties*) на иностранные корабли, приходящіе въ колоніи. Кромѣ того, каботажная торговля и рыбная ловля предложены были исключительно англійскимъ судамъ. Постановленіе это оставалось безъ измѣненія до временъ англійской революціи.

Въ 1651 г. Румпъ-парламентъ издалъ новый законъ, извѣстный подъ названіемъ *навигационнаго акта*, который управлялъ торговымъ мореплаваніемъ въ Англіи безъ всякаго измѣненія въ своей сущности почти въ теченіи 2-хъ столѣтій (*). Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ актъ былъ слѣдствіемъ политической и торговой зависти противъ Голландіи, которая захватила въ это время въ свои руки всю транзитную торговлю между Вест-Индією и Европою и приняла участіе въ судьбѣ

(*) Главныя положенія этого акта заключались въ слѣдующемъ: 1) Привозъ и вывозъ товаровъ изъ англійскихъ владѣній, лежащихъ въ Азіи, Африкѣ или Америкѣ, и каботажная торговля дозволялась только на британскихъ, ирландскихъ или на построенныхъ въ англійскихъ колоніяхъ корабляхъ. Британскимъ кораблемъ считался тотъ, который имѣлъ по крайней мѣрѣ три четверти экипажа, состоящаго изъ англичанъ и составлялъ собственность англичанина. Такое же условіе было необходимо для признанія національности иностранныхъ кораблей. 2) Колоніальные товары могли привозиться только на англійскихъ корабляхъ. 3) Множество другихъ громоздкихъ произведенийъ дозволялось привозить или на англійскихъ корабляхъ прямо изъ мѣстъ ихъ производства, или же на корабляхъ тѣхъ странъ, которыя ихъ производятъ. 4) Всякаго рода соленая рыба и китовый жиръ, привозимые на иностранныхъ корабляхъ въ Англію, должны были платить двойную пошлину. 5) Сахаръ, табакъ, хлопкъ, индиго, красильное дерево могли вывозиться изъ колоній только на англійскихъ корабляхъ. Эти товары и нѣкоторые другіе назывались *исчисленными* товарами (*enumerated commodities*); всѣ остальные *неисчисленными* (*non enumerated*), которые хотя могли вывозиться и на иностранныхъ корабляхъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями.

изгнаннаго наслѣдника британскаго престола. Эти совершенно случайныя обстоятельства дали начало эгоистической торговой политикѣ, на которую съ теченіемъ времени многіе стали смотрѣть, какъ на главную причину морскаго могущества Англіи. Одобреніе навигаціоннаго акта Ад. Смитомъ еще болѣе послужило къ упроченію его славы, хотя это одобреніе несогласно съ его собственными началами, высказанными при опредѣленіи значенія монополіи.

Ограниченія, которымъ подверглась по этому акту торговля иностранцевъ съ англійскими колоніями, найдены были столь благодѣтельными для государства, что были подтверждены и еще болѣе развиты въ царствованіе Карла II въ 1660 г. Имѣя въ виду первоначально предоставить монополію привоза колоніальныхъ произведеній въ Англію отечественнымъ кораблямъ, правительство стремилось теперь достигнуть того же и въ отношеніи вывоза ихъ въ другія страны. Такія стѣсненія, направленныя противъ иностраннаго купеческаго флота, еще болѣе были усилены послѣдующими распоряженіями законодательной власти, по которымъ онъ подвергся болѣе тяжелымъ портовымъ пошлинамъ. Первое измѣненіе навигаціоннаго акта сдѣлалось необходимымъ только послѣ признанія независимости Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, которые на первомъ же конгрессѣ подчинили англійскій купеческій флотъ такимъ же ограниченіямъ, какимъ подвергался ихъ собственный въ Англіи. Это понудило признать за ними тѣ же права, которыми пользовались нѣкоторыя привилегированныя европейскія державы.

Изъ англійскихъ министровъ Питтъ началъ первый слѣдовать болѣе справедливой и раціональной политикѣ въ торговыхъ сношеніяхъ, чему можетъ служить доказательствомъ заключенный имъ торговый трактатъ съ Франціею въ 1786 г. Къ несчастью, война отсрочила на долго всѣ предпріятыя имъ таможенныя преобразованія и еще болѣе затруднила ихъ многими послѣдующими ограниченіями, изданными частію для увеличенія государственнаго дохода, частію же какъ репрессалии противъ другихъ странъ, находившихся съ Англіею въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Однако во всемъ прежнемъ ея торговомъ законодательствѣ мы нигдѣ не встрѣчаемъ такого глубокаго и обдуманнаго плана охранять отечественную промышленность, о которомъ съ такимъ убѣжденіемъ говорятъ противники свободной торговли. Всѣ упомянутые нами законы изданы были подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ или эгоизма преобладающаго въ парламентѣ земледѣльческаго класса и только въ послѣдствіи придуманы бытъ для этихъ мѣръ систематическій порядокъ.

II.

Миръ, послѣдовавшій за окончаніемъ войны, возбужденной французской революціею, можетъ почитаться началомъ новой эпохи въ промышленномъ развитіи Англіи. Самымъ замѣчательнымъ слѣдствіемъ этой борьбы былъ рѣзкій предѣлъ, поставленный ею между прошедшимъ и настоящимъ временемъ въ политическихъ и экономическихъ отношеніяхъ Великобританіи къ другимъ государствамъ. Въ кровавыхъ сраженіяхъ временъ Наполеона какъ будто погибли всѣ прежнія дипломатическія предавія; явились новыя потребности и международныя сношенія получили совершенно новый видъ. Торговое положеніе Англіи въ это время заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нельсонъ уничтожилъ морскія силы континентальныхъ державъ, и Англія, за исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, не имѣла соперниковъ между первостепенными державами въ господствѣ на моряхъ. Безпрестанныя войны препятствовали развитію фабричной дѣятельности на материкѣ Европы и Великобританія сдѣлалась всемірнымъ рынкомъ для сбыта и покупки самыхъ разнообразныхъ произведеній. Для удержанія за собою столь выгоднаго положенія, ей стоило только войти въ дружескія торговыя сношенія съ всѣми европейскими государствами и допустить къ своимъ владѣніямъ всѣ народы для свободнаго обмѣна ихъ произведеній. Къ нечастію государственные люди, управлявшіе въ то время британскою политикою, не могли или не умѣли воспользоваться этими благоприятными обстоятельствами и не предвидѣли, какія гибельныя послѣдствія могутъ произойти отъ принятой ими узкой и эгоистической торговой системы. Не смотря на то, что англійскій народъ имѣлъ въ естественномъ богатствѣ желѣза и каменнаго угля, въ пріобрѣтенной ловкости работниковъ всѣ условія для сильнаго развитія мануфактурной дѣятельности и для превосходства своего надъ другими, правительство старалось обезпечить его положеніе посредствомъ разнаго рода торговыхъ ограниченій. Въ таможенномъ тарифѣ не была пропущена ни одна статья привоза, которая только могла сдѣлаться предметомъ общаго потребленія. Такихъ статей находилось въ немъ 1,100 (кромѣ 200 предметовъ безусловно запрещенныхъ). Между болѣе важными предметами, хотя дозволенными къ привозу, но обложенными столь высокими пошлинами, что ихъ можно считать почти запрещенными, довольно указать на иностранный сахаръ, съ котораго взималось пошлины 6 р. 50 к. съ пуда, между тѣмъ какъ съ привозимаго изъ англійскихъ колоній только 3 р.; дѣсь привозимый съ береговъ Балтійскаго моря платилъ пошлины отъ 100—500 проц.

своей стоимости для покровительства канадскаго, малосоднаго для построекъ; чай, съ котораго взималось въ казну болѣе 300 проц. его стоимости. Къ нимъ нужно прибавить еще стекляныя и коженныя издѣлія, красильныя вещества, рогатый скотъ, овцы, мясо и вообще всѣ съѣстные припасы и фабричныя издѣлія, которыя могли соперничать съ производимыми внутри государства.

Въ такомъ положеніи находился англійскій таможенный уставъ въ началѣ 1815 г. Не смотря на сильно протекціонный его характеръ, нѣсколько событій происшедшихъ около этого времени предвѣщало, что въ немъ скоро должны будутъ послѣдовать нѣкоторыя перемѣны. Одно изъ самыхъ важныхъ и много общающихся въ будущемъ было измѣненіе, сдѣланное въ хартіи Остъ-Индской Компаніи, которая исключительно завладѣла торговлею съ Остъ-Индіею и Китаемъ и, не допуская къ ней частныхъ предпринимателей, заставляла потребителей платить чрезмѣрныя цѣны за предметы ежедневнаго потребленія, чтобы вознаградить себя за безразсудное и расточительное управленіе подчиненною ей страной.

Въ 1814 г. торговля съ президентствами мадрасскимъ, калькутскимъ и бомбейскимъ и съ портомъ Пенангъ сдѣлалась доступною для всѣхъ подданныхъ Англіи. Въ слѣдующемъ году произошла значительная реформа въ сношеніяхъ этого государства съ Соединенными Штатами. Со времени принятія сѣверо-американскимъ конгрессомъ репрессальныхъ мѣръ противъ Англіи, правительства обѣихъ странъ вели между собою упорную таможенную борьбу, съ неизчислимыми потерями для обоюдныхъ торговыхъ интересовъ. Вслѣдствіе высокихъ различныхъ пошлинъ ни одна нація не хотѣла вывозить своихъ товаровъ на корабляхъ другой, что заставляло каждую изъ нихъ держать излишнее число купеческихъ судовъ. Если бы подобное явленіе происходило въ небольшихъ размѣрахъ, оно казалось бы только смѣшнымъ, но торговля сношенія между ними увеличивались каждый годъ и потому объемъ зла подѣйствовалъ на его исправленіе; сами купцы не могли болѣе вынести такого положенія и конвенціею 1815 г. оба народа поставлены были на степень совершеннаго равенства. Чрезъ 7 лѣтъ эта уступка была распространена и на другія государства, когда въ 1822 г. Пруссія объявила намѣреніе употребить такую же репрессалію противъ англійскихъ кораблей и товаровъ, если ея корабли не будутъ освобождены отъ тяжелыхъ налоговъ, которыми они подвергались въ великобританскихъ портахъ. Вслѣдствіе искусно веденныхъ Пруссіею переговоровъ изданъ былъ въ Великобританіи *актъ о взаимности пошлинъ* (Reciprocity of duties act), по которому правительство получило власть распространить и на другія страны усло-

вія, содержащіяся въ конвенціи 1815 г. На этомъ основаніи заключены были договоры съ Голландією, Пруссією, Ганноверомъ, Мекленбургомъ и Данією, а вскорѣ послѣ съ Ганзейскими городами, Францією, Швецією и Норвегією, Папскою Областью, Австрією и Мехикою. Къ этому же періоду относится первое волненіе, произведенное въ 1816 г. необыкновенною дороговизною хлѣба, которое въ слѣдующемъ году превратилось въ явное возмущеніе, когда толпа народа, собравшись на Петровскомъ полѣ въ Манчестерѣ, рѣшилась идти въ Лондонъ и просить регента объ облегченіи ея участи. При этомъ разнеслась молва по всему государству, что возстаніе сдѣлается общимъ во всѣхъ сѣверныхъ и среднихъ графствахъ. Дѣйствительно, правительство принуждено было употребить военную силу, чтобы удержать возмутителей на пути въ Поттингемъ, при чемъ казнены были трое изъ главныхъ предводителей. Это однако нисколько не умирало возстанія, потому что 16 августа 1819 г. 100,000 работниковъ надъ начальствомъ Гента снова вошли въ Манчестеръ для совѣщанія о своемъ бѣдственномъ положеніи и принятія какихъ нибудь мѣръ для его улучшенія. Въ этомъ собраніи они единогласно рѣшили домогаться уничтоженія народнаго долга и совершеннаго преобразованія нижней палаты, которая по ихъ мнѣнію была продана лордамъ. Хотя эта толпа была тоже разсѣяна вооруженною силою, но правительство нашлось вынужденнымъ издать 6 новыхъ устрашительныхъ законовъ и пріостановить дѣйствіе Habeas corpus для совершеннаго возстановленія порядка и внутренняго спокойствія. Эти событія открыли глаза правительству, которое начало понимать, что строгіе охранительные законы были причиною бѣдствій, производя искусственную дороговизну сѣстныхъ припасовъ и закрывая рынки для сбыта англійскихъ издѣлій въ европейскихъ государствахъ, начавшихъ по примѣру Англіи вводить у себя такія же ограниченія, а уменьшеніе сбыта по необходимости должно было дѣйствовать и на уменьшеніе задѣльной платы рабочаго класса. Въ то же время множество англійскихъ работниковъ начало переселяться на континентъ, основывая и поддерживая тамъ фабрики, которыя при содѣйствіи охранительныхъ пошлинъ вытѣсняли изъ внутренняго потребленія великобританскіе товары. Тогда пробудилось и общественное мнѣніе. Многіе изъ самыхъ практическихъ людей, подъ вліяніемъ ученія Адама Смита, начали убѣждаться, что высокія пошлины не только вредны для частныхъ лицъ, но и уменьшаютъ казенный доходъ. Вслѣдствіе этого было подано въ парламентъ множество прошеній отъ главныхъ промышленныхъ городовъ Англіи, изъ которыхъ самое замѣчательное составлено было богатѣйшими торговыми домами въ Лондо-

нѣ. Изложенныя въ немъ начала, будучи представлены фабрикантами и купцами, много лѣтъ занимавшимися самою обширною торговлею, приобрѣли авторитетъ, которымъ прикрывались въ послѣдствіи государственные люди и снискали славу его редактору Туку, извѣстному автору сочиненія «Исторія цѣнъ». Кромѣ того, оно немедленно вызвало нѣкоторыя таможенные преобразованія въ Англіи и имѣло вліяніе на послѣдующія рѣшенія парламента, потому мы рѣшаемся здѣсь привести главные его положенія:

«Основываясь на томъ, что внѣшняя торговля служить для народа обильнымъ источникомъ богатства и благоденствія, давая ему возможность привозить такіе товары, которыя въ другихъ странахъ имѣютъ для своего производства болѣе свойственную почву, климатъ, капиталы и промышленную дѣятельность, и вывозить тѣ, которыя онъ самъ производитъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ;

что уничтоженіе всѣхъ запрещеній доставило бы внѣшней торговлѣ самое обширное развитіе, а капиталамъ и промышленной дѣятельности государства самое лучшее направленіе;

что правило покупать товары, гдѣ они дешевле, и продавать, гдѣ дороже, управляющее дѣйствіями каждаго отдѣльнаго купца, съ совершенною точностью можетъ быть примѣнено и къ торговлѣ всего народа и служить ему самымъ лучшимъ руководствомъ;

что политика, основанная на такомъ правилѣ, сдѣлала бы всемірную торговлю обмѣномъ взаимныхъ выгодъ и увеличила бы массу богатства и потребленія жителей каждаго государства;

что, къ несчастью, до сихъ поръ преобладаетъ болѣе или менѣе противоположная политика не только у нашего правительства, но и у всѣхъ другихъ; каждое изъ нихъ старается исключить чужія произведенія, съ благовидною цѣлью и похвальнымъ намѣреніемъ покровительствовать собственной промышленности, но въ окончательномъ результатѣ подвергаетъ потребителей, то есть весь народъ, лишеніямъ въ количествѣ или качествѣ товаровъ, и измѣняетъ такимъ образомъ этотъ источникъ взаимныхъ выгодъ и согласія между государствами въ вѣчный поводъ зависти и непріязни;

что господствующіе предразсудки въ пользу запретительной и охранительной системы основываются на томъ ложномъ предположеніи, будто всякій ввозъ иностранныхъ товаровъ уменьшаетъ или обезсиливаетъ въ такой же пропорціи народную промышленность; но что если извѣстная отрасль труда, будучи не въ состояніи выдержать неограниченнаго соперничества съ иностранцами и дѣйствительно будетъ оставлена, то никакой привозъ не можетъ продолжаться безъ соотвѣтственнаго вывоза, прямаго или косвеннаго, и

другая отрасль болѣе сильная разовьется въ такой же или большей мѣрѣ вывоза, представляя для нашего труда и нашихъ капиталовъ занятіе равное, если не болѣе значительное и прибыльное, — легко доказать, что изъ всѣхъ покровительственныхъ или запретительныхъ пошлинъ, лежащихъ на обществѣ въ видѣ тяжелаго налога, только самая незначительная часть доставляетъ барышъ тѣмъ, въ пользу которыхъ онѣ установлены, и ни одна изъ нихъ не вознаграждаетъ потерь, которыя приноситъ всѣмъ классамъ общества;

что одно изъ самыхъ вредныхъ послѣдствій охранительной системы заключается въ томъ, что искусственное покровительство, доставляемое одной изъ отраслей промышленности, служитъ предлогомъ домогательства для всѣхъ другихъ, такъ что, слѣдя строгой логикѣ въ этомъ отношеніи, слѣдовало бы прекратить всѣ внѣшнія торговля сношенія, и что доказательства, ведущія къ такой крайности, могли бы точно такимъ же образомъ оправдать возстановленіе преградъ для свободнаго обмѣна произведеній между тремя соединенными королевствами или даже между отдѣльными графствами;

что изученіе вредныхъ послѣдствій охранительной системы весьма удобно, особенно въ настоящее время, и, по мнѣнію простителей, привело бы къ убѣжденію, что нищета, повсюду господствующая, значительно усилена этою системою и что можно было бы облегчить ее только самымъ скорѣйшимъ уничтоженіемъ ограниченій, которыя приводятъ въ бездѣйствіе капиталы и отечественную промышленность безъ всякаго вознагражденія для государственнаго дохода;

что явное отверженіе актикоммерческихъ началъ нашей охранительной системы важно теперь тѣмъ болѣе, что иностранные купцы и фабриканты съ нѣкотораго времени безпрестанно осаждаютъ свои правительства требованіями новыхъ запрещеній или болѣе высокихъ пошлинъ, основываясь на примѣрѣ Англіи;

что лучшее средство для уничтоженія коммерческой непріязни другихъ государствъ насъ противу заключается въ принятіи съ нашей стороны въ руководство болѣе дружелюбной и свободной торговой политики;

что въ окончательномъ результатѣ система управленія, основанная на свободной торговлѣ, есть въ тоже время самая выгодная;

просители обращаются къ мудрости парламента съ просьбою принять такіа мѣры, которыя бы, предоставляя болѣе свободы внѣшней торговлѣ, могли увеличить вмѣстѣ съ тѣмъ и народное благосостояніе.»

Слѣдствіемъ этого прошенія было немедленное назначеніе комитетовъ въ обѣихъ палатахъ для изысканія средствъ къ развитію и улучшенію торговли. При этомъ глава тогдашняго министер-

ства, лордъ Ливерпуль объявилъ въ верхней палатѣ, что совершенно убѣжденъ въ справедливости началъ свободной торговли и въ возможности беззотлагательнаго ихъ примѣненія ко всѣмъ отраслямъ народной дѣятельности, за исключеніемъ только земледѣлія, шелководства и льняныхъ фабрикъ.

Комитетъ нижней палаты въ представленномъ имъ рапортѣ указалъ на страшное замѣшательство, господствующее въ таможенномъ тарифѣ и присходящее, по его мнѣнію, отъ множества самыхъ разнообразныхъ постановленій, изданныхъ въ различное время, изъ которыхъ значительная часть не имѣла уже никакого смысла, а только подавала поводъ къ несправедливымъ конфискаціямъ и стѣснела торговлю. Онъ доказывалъ необходимость отмены нѣкоторыхъ ограниченій, особенно въ отношеніи привоза колоніальныхъ произведеній изъ европейскихъ портовъ.

Такія изслѣдованія приготовляли путь послѣдующимъ министерствамъ къ преобразованіямъ таможеннаго законодательства. Правительство и теперь сдѣлало нѣкоторыя уступки, дозволивъ въ 1821 г. всѣмъ англійскимъ купцамъ торговать непосредственно съ Восточною Индією, чѣмъ уже шесть лѣтъ пользовались Соединенные Штаты, и снявъ пошлину со строительнаго и мачтоваго лѣса, привозимаго съ береговъ Балтійскаго моря. Въ томъ же году назначенъ былъ нижнею палатою новый комитетъ, вызванный безчисленнымъ множествомъ прошеній, поступившихъ въ парламентъ отъ земледѣльцевъ, жаловавшихся на упадокъ цѣнъ, произведенный, по ихъ мнѣнію, билетомъ 1819 г., по которому уничтожился принужденный курсъ банковыхъ билетовъ, установленный въ 1797 г., и англійскій банкъ долженъ былъ снова принимать ихъ къ размѣну на звонкую монету. Въ превосходномъ рапортѣ комитетъ доказывалъ, что виною всѣхъ бѣдствій и частыхъ перемѣнъ, происходящихъ въ цѣнѣ хлѣба, есть законъ 1815 году, который, запрещая привозить его изъ-за границы до тѣхъ поръ, пока цѣна на внутреннихъ рынкахъ не достигнетъ 80 шил. за квартиру, а при такой и высшей цѣнѣ открывая совершенно свободный ввозъ его, давалъ поводъ къ разорительнымъ для бѣднаго класса спекуляціямъ и не позволялъ установиться постояннымъ среднимъ цѣнамъ.

Въ слѣдующемъ году палата назначила новый комитетъ по этому же предмету, котораго заключенія были совершенно противоположны предыдущимъ. Это вызвало замѣчательную брошюру Рикардо «On protection to the agriculture», которая считается однимъ изъ лучшихъ сочиненій этого писателя. Въ ней онъ доказываетъ, что высокая цѣна

хлѣба, истекающая вслѣдствіе запрещенія или ограниченія свободнаго привоза его изъ-за границы, гибельна для всѣхъ классовъ общества, за исключеніемъ нѣкоторыхъ поземельныхъ владѣльцевъ; что протекція не улучшаетъ положенія фермеровъ, которые при высокихъ цѣнахъ хлѣба должны платить и высокую ренту, и наконецъ, что она уменьшаетъ доходъ всѣхъ другихъ предпринимателей, заставляя ихъ платить большую задѣльную плату.

Не смотря на всѣ усилія Хускиссона и на замѣчательные труды предъидущаго комитета, палата согласилась съ представленными ей заключеніями. Предѣльная цѣна запрещенія была понижена съ 80 ш. за кв. до 70 шил., но какъ въ тоже время произошло общее пониженіе всѣхъ цѣнностей, вслѣдствіе замѣна бумажныхъ денегъ металлическими, то это пониженіе было только номинальное. Кромѣ того постановлено было взимать пошлины 12 ш. съ кв. привозимой пшеницы при цѣнѣ ея внутри государства отъ 70—80 ш. за кв. и 5 ш. при цѣнѣ отъ 80—85 ш.

III.

Новый періодъ открывается пятью предложеніями, сдѣланными въ нижней палатѣ вице-президентомъ Торговаго Совѣта Валисомъ, въ духѣ свободной торговли, которыя получили силу закона въ томъ же 1822 году. Первый билль уничтожалъ всѣ постановленія вѣнчней торговлѣ, изданныя до навигаціоннаго акта. Вторымъ измѣнялись нѣкоторыя статьи навигаціоннаго акта, въ отношеніи всѣхъ государствъ, которыя заключаютъ торговые договоры съ Великобританіею на основаніи акта о взаимности пошлинъ. По третьему дозволялось привозить нѣкоторые товары изъ всѣхъ европейскихъ портовъ на корабляхъ, принадлежащихъ странамъ, изъ которыхъ они вывозились. Въ числѣ этихъ товаровъ были сало и табакъ. Произведенія Южной Америки дозволено было привозить на корабляхъ тѣхъ странъ, гдѣ они добывались, но съ условіемъ, что англійскій купеческій флотъ будетъ въ нихъ пользоваться такими же правами. Четвертый билль относился до торговли съ американскими колоніями. На основаніи его позволялось привозить извѣстные продукты этихъ странъ, большею частью сырые матеріалы и съѣстные припасы, съ платежемъ пошлины, въ опредѣленные порты, которыхъ число могло быть увеличено по распоряженію правительства, на судахъ англійскихъ или принадлежащихъ мѣстамъ

ихъ производства, откуда они могли вывозиться въ другія колоніи или въ Великобританію. Наконецъ пятый билль опредѣлялъ условія сношеній этихъ колоній съ другими частями свѣта. Всѣ мѣстныя колоніальныя произведенія позволено было вывозить во всѣ европейскіе и африканскіе порты, а изъ этихъ портовъ привозить въ колоніи исчисленные товары, но не иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ.

Въ 1823 г., произошла значительная перемѣна въ англійскомъ министерствѣ, главою котораго сдѣлался Канинингъ на мѣсто Кастельбрэ; Робинсонъ принялъ на себя обязанность канцлера казначейства, а Хускиссонъ должность председателя Торговаго Совѣта (*). Хускиссонъ обращалъ на себя особенное вниманіе парламента и всего народа. Медленно проходя всѣ административныя ступени, онъ имѣлъ возможность практически изучить многіе финансовыя и экономическіе вопросы и, владѣя необыкновеннымъ даромъ слова, умѣлъ съ большимъ талантомъ перелить въ массы своихъ слушателей и читателей личныя свои убѣжденія. Въ странѣ, гдѣ каждый могъ свободно излагать свои мысли, онъ долженъ былъ дѣйствовать съ чрезвычайною осторожностію, чтобы не слишкомъ вооружить противъ себя общественное мнѣніе, которое сильно склонилось въ это время къ охранительной системѣ; поэтому не станемъ удивляться, что большая часть предлагаемыхъ имъ реформъ не исключали протекціи. Ни Хускиссонъ, ни Пиль не раздѣляли сначала мнѣнія экономистовъ въ отношеніи свободной торговли, и только глубокое изученіе самыхъ фактовъ довело ихъ до сознанія ея необходимости для народной пользы. Это обстоятельство весьма для насъ важно, какъ доказательство того, что нельзя упрекнуть ихъ въ приверженности къ отвлеченнымъ теоріямъ.

Хускиссонъ началъ свои реформы во внѣшней торговлѣ пересмотромъ законовъ, относящихся до шелковой промышленности. Шелковыя фабрики получили довольно значительное развитіе со времени переселенія 70,000 французскихъ гугенотовъ въ Англію послѣ уничтоженія Нантскаго эдикта. Съ этого времени онѣ пользовались высокими охранительными пошлинами, а въ 1765 году было даже запрещено привозить шелковыя ткани изъ Франціи. Робинсонъ, представляя проектъ закона объ уничтоженіи этого запрещенія въ 1824 г., замѣчалъ весьма основательно, что всякое запрещеніе иностранныхъ товаровъ должно уменьшать сбытъ собственныхъ произведеній, потому что, уменьшая число продавцевъ, мы уменьшаемъ и

(*) Первая должность соответствуетъ въ другихъ государствахъ должности министра финансовъ, вторая — министра торговли.

число покупателей, а во-вторых — оно побуждает других государства къ подобнымъ же запрещеніямъ, противъ которыхъ такъ сильно возстаютъ англійскіе фабриканты, хотя первые подаютъ поводъ и примѣръ. Приверженцы запретительной системы говорили, что при свободной конкуренціи англійскіе мануфактуристы должны будутъ непременно разориться. Тогда Хускиссонъ, защищая проэктъ, представленный его товарищемъ, представилъ многія доказательства, что сами фабриканты въ Лондонѣ и Вестминстерѣ стѣсняются этимъ запрещеніемъ, и указалъ на огромные успѣхи, сдѣланные бумажными фабриками въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ, хотя онѣ никогда не пользовались никакою протекціею. «Покровительство, прибавилъ онъ, нужно сказать это къ стыду Англіи, причина тому, что мы въ шелковомъ производствѣ такъ далеко отстали отъ нашихъ соседей.»

Чтобы не подвергать опасности довольно значительныхъ капиталовъ, затраченныхъ на это производство, правительство, оставляя пошлину на иностранныя шелковыя издѣлія въ 30% *ad valorem* и уменьшая ее на шелкъ сырецъ и трощеный съ 4 и 14 шил. 8 п. съ фунта до 1 и 3 шил. 6 п., предложило снять запрещеніе только чрезъ 2 года. Хускиссонъ, оканчивая свою рѣчь при громкихъ рукоплесканіяхъ, прибавилъ: «Я говорю вамъ это не подъ влияніемъ теоріи; въ теченіе моей государственной жизни я видѣлъ много примѣровъ неточности различныхъ теорій, и потому не увлекаюсь ими. Если станутъ меня обвинять въ сильной наклонности къ началамъ свободной торговли, то объявляю себя впередъ виноватымъ; но эти начала основаны у меня на опытѣ. Примѣняя ихъ къ коммерческимъ интересамъ нашего государства, они становятся еще болѣе очевидными. Наше богатство и промышленность, наша ловкость и благосостояніе призываютъ насъ къ свободнымъ сношеніямъ съ другими странами и, дѣйствуя такимъ образомъ, я убѣжденъ, что дѣйствую для блага моего отечества». Въ началѣ этого же года, по предложеніи Юма, нижняя палата назначила комитетъ для изслѣдованія вліянія на народное благосостояніе трехъ равно стѣснительныхъ законовъ, запрещающихъ вывозъ множества машинъ и орудій, переселеніе работниковъ въ другія государства и коалиціи ихъ между собою для установленія задѣльной платы и числа часовъ работы на фабрикахъ. Послѣдніе два закона по представленію комитета были уничтожены, но первый иждѣтъ за себя большинство членовъ палаты. Не смотря на то, что законъ этотъ, изданный за 40 лѣтъ тому назадъ, заключалъ въ себѣ многія, довольно странныя противорѣчія, что онъ давалъ поводъ къ безчисленнымъ обманамъ

и не соответствовали тогдашнему развитію промышленности, фабриканты всѣхъ значительныхъ городовъ Англіи считали существованіе его необходимымъ. Послѣ продолжительнаго спора предложеніе объ уничтоженіи этого закона было отвергнуто, но королевскому совѣту предоставлялась власть смягчать его ограничительныя дѣйствія, и Хускиссонъ принялъ за правило позволять вывозъ всѣхъ громоздкихъ машинъ и запрещать только новоизобрѣтенныя. Наконецъ къ числу важнѣйшихъ преобразованій, совершенныхъ въ 1824 г. нужно отнести уменьшеніе пошлины на ромъ, привозимый изъ англійскихъ владѣній, а также на привозную и вывозную шерсть. Оба эти предмета еще больше были облегчены въ слѣдующемъ году. Но самое замѣчательное преобразованіе, совершенное въ 1824 году, заключалось въ уничтоженіи таможенныхъ преградъ, существовавшихъ до сихъ поръ между Англіею и Ирландіею, и введеніи въ нихъ одинаковаго тарифа.

Эта послѣдняя реформа дала поводъ Хускиссону сдѣлать въ 1825 г. предложеніе о допущеніи къ торговли съ колоніями на тѣхъ же правахъ, какими пользовались Соединенные Штаты. Предложеніе это было принято и, начиная съ 1-го января 1826 г., получило силу закона. Товары, подлежащіе запрещенію, могли быть привозимы въ колоніи всѣхъ странъ съ платою отъ $7\frac{1}{2}$ до 30 проц. пошлины ad valorem. Для вывоза колоніальныхъ произведеній допущены были корабли всѣхъ націй, у которыхъ англійскіе купцы пользовались подобными же правами. Значительное потребленіе кофе заставило правительство уменьшить на него пошлину въ половину противъ прежней и смягчить ее на вино, пеньку, ленъ, желѣзо, мѣдь, цинкъ, олово и свинецъ. Пошлина на привозимыя бумажныя ткани уменьшена была до 10 проц. по цѣнности; на льняныя до 25 проц., но не ранѣе какъ чрезъ 8 лѣтъ, въ теченіе которыхъ пошлина, наложенная на каждый родъ тканей отдѣльно, должна была ежегодно и постепенно уменьшаться до вышеозначеннаго предѣла.

Предлагая эти и другія уменьшенія, министръ торговли доказывалъ ихъ пользу примѣромъ необыкновенныхъ успѣховъ, какіе сдѣланы были англійскими фабрикантами, когда по договору съ Франціею въ 1786 г. произведены были гораздо значительнѣйшія облегченія въ торговыхъ сношеніяхъ между этими народами. «Хотя задѣльная плата и низка на континентѣ, сказалъ онъ, и уменьшаетъ издержки производства, но она одна недостаточна для того, чтобы склонить вѣсы на сторону иностранцевъ. Со-временнѣе изобрѣтеніе паровой машины и примѣненія къ производству столькихъ открытій химическихъ и механическихъ, ручной трудъ исчезаетъ передъ твор-

ческими способностями ума. Соединеніе этихъ способностей и великихъ капиталовъ, которыми они управляютъ, отличаетъ Великобританскую промышленность отъ всѣхъ другихъ и ставитъ ее на первомъ мѣстѣ въ цѣломъ мірѣ. Прибавьте къ этому смѣлость и послѣдовательность въ предпріятіяхъ, постоянство и энергію въ усиліяхъ, свойственныя только англійскому характеру но признанію даже нашихъ соперниковъ, и вы согласитесь со мною, что наше коммерческое превосходство должно болѣе основываться на этихъ качествахъ, чѣмъ на преміяхъ или охранительной системѣ». Мы нарочно привели эти слова, чтобы показать, что въ этой Англій, которой постоянно приписываютъ макіавелліевскую политику, фабриканты столь же сильно сопротивлялись таможеннымъ реформамъ и доказывали, что свободное соперничество будетъ для нихъ губительно, какъ это еще въ настоящее время утверждаютъ во Франціи и въ другихъ государствахъ. «Пусть мой почтенный другъ, заключалъ Хукиссонъ свою рѣчь, министръ финансовъ, продолжавшій въ каждое засѣданіе представлять палатѣ доказательства, что отъ уменьшенія излишнихъ пошлинъ увеличивается государственный доходъ; пусть другія государства видятъ, что, несмотря на такіа ежегодныя уменьшенія, казна у насъ полна, и я не сомнѣюсь, что чрезъ нѣсколько лѣтъ имъ откроются глаза. Они повѣрятъ нашей откровенности, которую теперь подозреваютъ, и послѣдуютъ для собственной своей пользы нашему примѣру, какъ прежде подражали намъ въ запрещеніяхъ и ограниченіяхъ.»

Къ числу важнѣйшихъ преобразованій во внѣшней торговлѣ, сдѣланныхъ въ этомъ году, нужно отнести еще составленіе новаго таможенного устава. Этотъ огромный трудъ, состоящій въ отменѣ старыхъ постановленій, не имѣющихъ уже никакого значенія, въ замѣненіи ихъ новыми и, главное, въ упрощеніи формъ, столь стѣснительныхъ для торговыхъ сдѣлокъ, былъ исполненъ таможеннымъ контролеромъ Д. Юмомъ подъ наблюденіемъ Хукиссона.

Но ни одинъ предметъ торговаго законодательства не подвергался такимъ измѣненіямъ и не вызывалъ столь энергическихъ споровъ, какъ хлѣбные законы. Со времени билля, изданнаго въ 1822 г.; состояніе рабочаго класса, преимущественно въ мануфактурныхъ округахъ, возбудило въ людяхъ благомыслящихъ живѣйшее участіе. Голодъ пораждалъ многія преступленія и ропотъ неудовольствія раздавался во всѣхъ частяхъ государства. Не смотря на благотворительныя усилія частныхъ лицъ, не смотря на даровую раздачу соли, одежды и угля въ мѣстахъ, наиболѣе страдающихъ отъ высокой цѣны хлѣ-

ба, неудовольствіе не уменьшалось: бѣдные инстинктивно сознавали, что необходима справедливость, одинаковая для всѣхъ классовъ, а не милостыня, для радикальнаго прекращенія бѣдствія. Благотворительность со стороны людей, создавшихъ законнымъ образомъ голодъ и послѣ старающихся въ филантропіи найти средство къ уменьшенію зла, изъ него проистекающаго, возбуждала сильное недовѣріе. Фабриканты согласны были на всѣ таможенные реформы, но домогались только снятія запрещенія съ иностраннаго хлѣба. Между тѣмъ цѣль, предполагаемая закономъ 1822 г., не была достигнута, потому что среднія цѣны пшеницы въ послѣдніе 3 года отъ внутренняго соперничества понизились до 58 и даже 55 шилл. за четверть. При такомъ состояніи землевладѣльцы и думать не хотѣли о какомъ бы то ни было пониженіи пошлины. Они указывали на магазины континентальныхъ державъ, наполненные хлѣбомъ и ожидающіе только открытія свободнаго привоза, чтобы наполнить Англію своими запасами и сдѣлать земледѣліе въ ней невозможнымъ.

Такимъ образомъ Хускиссонъ находился между двумя противными партіями и принялъ между ними весьма трудную роль посредника. Онъ былъ убѣжденъ, что радикальной реформы въ этомъ отношеніи сдѣлать невозможно, и старался только облегчить путь своимъ преемникамъ къ будущимъ преобразованіямъ. Вотъ почему въ рѣчахъ его съ этого времени мы часто встрѣчаемъ противорѣчіе съ его убѣжденіями и тѣми началами, которыми онъ руководствовался во всѣхъ другихъ случаяхъ. Когда фабриканты упрекали его въ непослѣдовательности, что онъ, снимая всѣ запрещенія и уменьшая пошлину на мануфактурныя издѣлія, не опасался для нихъ вреднаго вліянія иностраннаго соперничества и въ тоже время съ такою заботливостью старался устранить это соперничество для предмета первой необходимости, Хускиссонъ представлялъ, что эти издѣлія производятся въ Англіи гораздо дешевле, чѣмъ въ какомъ либо другомъ государствѣ, между тѣмъ какъ земледѣліе находится въ обратномъ положеніи, а между тѣмъ на благосостояніи класса землевладѣльцевъ основывается могущество Великобританіи. Но, защищая интересъ поземельныхъ собственниковъ, онъ хотѣлъ однако стѣснить предѣлы покровительства, которымъ они пользовались, и представлялъ убѣдительные факты вреднаго его вліянія и совершенной неэффективности. Такъ, напримѣръ, искусственная дороговизна дѣлала жизнь въ Англіи для бѣдныхъ работниковъ почти невозможною, и многіе изъ нихъ переселялись въ другія государства. Кромѣ того перемѣщеніе капиталовъ дѣлалось годъ отъ году значительнѣе и эти два обстоятельства по необходимости должны были про-

производит упадокъ цѣнъ на хлѣбъ и угрожали земледѣлю продолжительнымъ, а можетъ быть и постояннымъ страданіемъ. Вслѣдствіе дороговизны пшеницы уменьшалось ея потребленіе и колебаніе цѣнъ приносило значительныя потери даже для самыхъ землевладѣльцевъ. Къ чему послужилъ законъ 1822 г., когда въ продолженіе только $2\frac{1}{2}$ лѣтъ цѣна на хлѣбъ измѣнялась отъ 112 шилл. за кварталъ до 38 шилл.?

Еще въ 1825 году Хускиссонъ, желая предупредить угрожавшій въ это время голодъ, сдѣлалъ предложеніе допустить къ продажѣ хлѣбъ, находящійся въ лондонскихъ складочныхъ магазинахъ, и допустить привозъ его изъ Канады, установивъ для него постоянную пошлину. Палаты согласились, но послѣдняя мѣра принята была, вопреки желанію министра торговли, только какъ временная и въ видѣ исключенія. Имѣя въ виду необходимость облегчить участь бѣдныхъ потребителей, Хускиссонъ желалъ этого достигнуть другимъ образомъ; онъ старался подѣйствовать на умы тѣхъ, которые, имѣя власть издавать законы, обязательные для всѣхъ классовъ общества, пользовались этимъ правомъ до сихъ поръ только съ видимою цѣлю обезпечить свои личные интересы. Для этого онъ поручилъ Вильяму Джекобу, человѣку весьма дѣятельному и по своей должности (*) хорошо ознакомленному съ этимъ предметомъ, изучить состояніе сельскаго хозяйства и торговли хлѣбомъ на континентѣ. Джекобъ посѣтилъ значительную часть Европы, преимущественно останавливаясь въ прусскихъ прибалтійскихъ провинціяхъ и въ Царствѣ Польскомъ, и вездѣ нашелъ земледѣліе на низкой степени развитія. Но больше всего его удивила незначительность запаса хлѣба, находившагося въ этихъ странахъ. Такъ, въ Помераніи въ Данцигѣ, Эльбингѣ и Любекѣ нашелъ онъ въ магазинахъ, въ августѣ и сентябрѣ 1825 г. не болѣе 460,000 квар. пшеницы (**); въ русскихъ прибалтійскихъ, датскихъ и мекленбургскихъ портахъ, въ Бременѣ и Гамбургѣ вмѣстѣ взятыхъ, не болѣе 210,000 кв. (***). Въ Варшавѣ, Казимирѣ и Краковѣ обширныя зданія для храненія хлѣба нашелъ онъ совершенно пустыми. Весь бассейнъ Вислы могъ доставить, даже при такихъ высокихъ цѣнахъ, какія господствовали въ Европѣ съ 1791 — 1801, для иностранной продажи не болѣе полмилліона кварталовъ. На основаніи этихъ фактовъ, опровергающихъ совершенно неосновательныя предположенія протек-

(*) Онъ былъ генеральнымъ инспекторомъ среднихъ цѣнъ хлѣба въ Англіи.

(**) 638,724 четверти.

(***) 387,891 четв. пшен.

ціонистовъ, Джекобъ считалъ возможнымъ соперничество съ иностранцами въ производствѣ пшеницы при постоянной пошлинѣ въ 10 шил. за кварталъ. Но правительство, полагая, что вопросъ этотъ не достигнулъ совершенной зрѣлости, рѣшилось оставить еще на два года въ силѣ прежнее законодательство, хотя неблагоприятные урожанъ въ слѣдующемъ году заставили нарушить это обѣщаніе. Капнингъ, опасаясь бѣдственныхъ послѣдствій, которыя обыкновенно порождалъ голодъ, но, въ тоже время не имѣя надежды одолѣть могущественной партіи землевладѣльцевъ въ парламентѣ, предложилъ только двѣ временныя мѣры: 1) дозволить продать около 300,000 кв. пшеницы, находящейся въ складочныхъ магазинахъ въ разныхъ портахъ Англіи, и 2) разрѣшить правительству право допускать къ привозу иностранный хлѣбъ съ пошлиною въ 12 шил. съ кв. На первое палата легко согласилась, тѣмъ болѣе, что уже существовалъ примѣръ подобнаго дозволенія; но второе казалось ей слишкомъ опаснымъ нововведеніемъ. Не смотря на это, крайнія обстоятельства заставили министерство отступить отъ законовъ, и по повелѣнію королевскаго совѣта дозволенъ былъ ввозъ яроваго хлѣба, однако съ условіемъ, что купцы должны будутъ заплатить такую пошлину, какая будетъ въ послѣдствіи назначена парламентомъ. Созванный нарочно для этого парламентъ узаконилъ это распоряженіе.

Такая система законодательства не могла уже найти никакого оправданія. Всѣ ученые, занимающіеся экономическими вопросами, къ какой бы политической партіи они ни принадлежали, стали громко ее осуждать. Знаменитый ученый Макъ-Коллохъ доказывалъ, что покровительство земледѣлію обходится ежегодно народу по крайней въ мѣрѣ 20 мил. ф. ст. (*), изъ которыхъ 15 мил. составляли чистую потерю, ничѣмъ не вознаграждающуюся для государства, потому что земледѣльцы, обрабатывая худыя земли, принуждены были больше издерживать на производство хлѣба, чѣмъ издерживалось бы при свободной торговлѣ. Онъ разсматривалъ всѣ налоги, лежащіе на землѣ, и доказалъ фактически, что они не такъ велики, какъ обыкновенно представляютъ землевладѣльцы для того, чтобы оправдать законное покровительство, которымъ они пользовались. Многочисленные митинги, собираемые въ главныхъ мануфактурныхъ городахъ, сильно волновали народъ. При такомъ настроеніи умовъ, министерство надѣялось найти въ палатѣ общинъ большинство въ пользу предполагаемыхъ преобразованій хлѣбныхъ законовъ. Хускиссонъ, одержимый болѣзью, не могъ лично предложить проекта новаго закона и обя-

(*) 125 мил. р. сер.

занность эту принял на себя Каннингъ, который пользовался необыкновенною популярностью въ нижней палатѣ и послѣ смерти лорда Ливерпуля сдѣлался главою министерства. Послѣ перваго чтенія большинство 69 голосовъ въ нижней палатѣ оказалось въ пользу министерскаго проэкта, который вышелъ невредимъ и послѣ остальныхъ двухъ чтеній; но поправка, предложенная въ палатѣ лордовъ герцогомъ Веллингтономъ и принятая въ ней незначительнымъ большинствомъ, искажила его совершенно и заставила Каннинга взять этотъ проэктъ обратно; первый министръ могъ только получить разрѣшеніе на временный выпускъ хлѣба изъ складочныхъ магазиновъ.

Между тѣмъ министерство вторично отправило на континентъ Джекоба, который въ этотъ разъ особенно изучилъ состояніе земледѣлія и запасныхъ магазиновъ въ Даніи, Мекленбургѣ, Ганноверѣ и Ганзейскихъ городахъ. Джекобъ опять нашелъ, что запасы, которыхъ такъ страшились англійскіе землевладѣльцы, были совершенно ничтожны. Въ тоже время онъ представилъ убѣдительныя доказательства, что они могутъ увеличиться только до извѣстнаго весьма незначительнаго предѣла, и наконецъ указалъ на одинъ довольно любопытный фактъ, именно, что цѣна на хлѣбъ упала въ то время, когда его находилось меньше для продажи. Джекобъ полагалъ весьма справедливо, что подобное экономическое явленіе могло произойти только вслѣдствіе запретительной системы, принятой не только въ Англіи, но и въ другихъ государствахъ. Купцы, неувѣренные во времени продажи закупленнаго ими хлѣба и будучи не въ состояніи предвидѣть, куда можно будетъ его отправить, принуждены были продавать его иногда съ потерей.

Послѣ этого донесенія, основаннаго на очевидныхъ данныхъ, сомнѣніе было уже болѣе невозможно.

Всѣ классы производителей, не исключая даже и землевладѣльцевъ, желали выйти изъ такого затруднительнаго, по своей измѣнчивости, положенія и домогались какого нибудь рѣшенія. Вслѣдствіе этого герцогъ Веллингтонъ, заступившій мѣсто Каннинга въ главѣ министерства, представилъ новый проэктъ, который впрочемъ мало отличался отъ прежняго. Единственная разница заключалась только въ назначеніи послѣдней высшей предѣльной цѣны, при которой дозволялся ввозъ иностраннаго хлѣба. Для опредѣленія среднихъ цѣнъ собирались данныя еженедѣльно на 150 рынкахъ Англіи; ирландскіе и шотландскіе были устранены, потому что цѣны хлѣба были на нихъ слишкомъ низки. Проэктъ Веллингтона былъ принятъ палатами въ концѣ 1828 г. Мы приводимъ здѣсь для сравненія оба

эти проекта подвижной пошлины, которая въ свое время пользовалась большимъ уваженіемъ.

должно было взыскивать пошлины.

При средней цѣнѣ на 150 рынкахъ.	По проекту Каннинга.	По проекту Веллинг- тона, принятому парламентомъ.
73 шил. и выше	1 шил.	1 шил.
72 —	1 —	2 — 8 п.
71 —	1 —	6 — 8 —
70 —	1 —	10 — 8 —
69 —	2 —	13 — 8 —
68 —	4 —	16 — 8 —
67 —	6 —	18 — 8 —
66 —	8 —	20 — 8 —
65 —	10 —	21 — 8 —
64 —	12 —	22 — 8 —
63 —	14 —	23 — 8 —
62 —	16 —	24 — 8 —
61 —	18 —	25 — 8 —
60 —	20 —	26 — 8 —
59 —	22 —	27 — 8 —
58 —	24 —	28 — 8 —
57 —	26 —	29 — 8 —
56 —	28 —	30 — 8 —
55 —	30 —	31 — 8 —
54 —	«	32 — 8 —
53 —	«	33 — 8 —

Такая подвижная пошлина, по мнѣнію многихъ, представляла необыкновенныя выгоды для всѣхъ классовъ общества. Она удовлетворяла интересамъ землевладѣльцевъ, обеспечивая имъ во всякое время необходимую цѣну для вознагражденія за издержки производства, устраняла слишкомъ высокія цѣны въ случаѣ неурожая и слѣдовательно охраняла интересъ бѣдныхъ, и наконецъ дѣлала ненужнымъ вмѣшательство власти исполнительной и освобождала ее отъ необходимости приостанавливать дѣйствіе законовъ; достигала ли она дѣйствительно всѣхъ этихъ результатовъ, объ этомъ мы скажемъ ниже.

Вотъ главные реформы, произведенныя Хускиссономъ въ таможенномъ тарифѣ. Во все время его управленія потребители были облегчены, вслѣдствіе уменьшенія пошлинъ, на сумму свыше 35 мил. рублей серебромъ, между тѣмъ какъ съ 1814 по 1822 такое об-

легчение не составляло даже 8 мил. р. Но эти цифры не дают еще точнаго понятія о томъ, въ какой мѣрѣ его преобразованія были благотѣльны для народа. Довольно сказать, что производство и потребленіе нѣкоторыхъ предметовъ въ теченіе этого періода удвоилось и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже удесятирилось. Сравнивая на-примѣръ обработку шолоковыхъ издѣлій, которыя болѣе другихъ пользовались сильнымъ покровительствомъ въ первые и послѣдніе 3 года господства запретительной системы, мы находимъ, что среднее количество привозимаго шолка увеличилось въ теченіе 58-лѣтняго періода (съ 1765 — 1825) на 336% или приращеніе на каждый годъ составляетъ 5,79%. Въ то же время фабриканты въ Спитальфильдѣ и Ковентри постоянно жаловались, что контрабанда угрожаетъ имъ неминуемымъ разореніемъ. Но мы уже видѣли, что неудобствѣе еще болѣе усилилось, когда Хускиссонъ рѣшился прекратить это злоупотребленіе посредствомъ снятія запрещенія съ привозимыхъ шолоковыхъ тканей. Не прошло 7 лѣтъ со времени этой реформы, ткачи города Маклессфильда впряглись сами въ коляску Хускиссона и возили его въ триумфѣ по всему городу, называя его спасителемъ своей промышленности. Въ теченіе 21 года, слѣдующихъ за уменьшеніемъ пошлины, привозъ увеличился на 247% или въ годъ на 11,76%. Съ 1814 — 1824 количество обрабатываемаго шолка на англійскихъ фабрикахъ составляло въ годъ нѣсколько болѣе 1,882,000 ф., въ теченіе же 10 лѣтъ послѣ 1824 г. 3,678,000 ф., а съ 1834 по 1844 г. 3,963,000 ф. Въ Манчестерѣ въ 1823 г. находилось ткацкихъ станковъ для шолоковыхъ матерій 5,500, чрезъ 5 лѣтъ число ихъ увеличилось до 12,000, и цѣнность сырца шолоковыхъ тканей увеличилась въ этотъ промежутокъ времени съ 3,150,000 ф. ст. до 7 мил. ф. ст. О внутреннемъ потребленіи этихъ тканей Портеръ говоритъ: «Шелковыя матеріи не составляютъ уже болѣе предмета роскоши. Можно встрѣтить много женщинъ за прилавкомъ, которыя носятъ шелковыя платья. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ въ настоящее время гораздо меньше различія между столицею и мануфактурными городами, чѣмъ прежде.»

Не менѣе важнымъ доказательствомъ благотѣльнаго вліянія Хускиссона служитъ льняная промышленность. Странными покажутся намъ теперь слова короля Вильгельма III, помѣщенные въ отвѣтъ на адресъ обѣихъ палатъ, въ которомъ онъ испрашивали защиты отъ ирландскихъ шерстяныхъ фабрикъ: «Я все сдѣлаю, сказалъ король, чтобы обезсилить въ Ирландіи производство шерстяныхъ, а ноощрить изобиліе льняныхъ издѣлій». Вслѣдствіе этого обѣщанія наложены были тяжелыя пошлины на привозимый чесаный ленъ и установлены значительныя преміи за вывозъ льняныхъ издѣлій,

производимыхъ внутри государства. Мэкъ-Коллохъ говорить, что если бы сумма, выданная въ видѣ такихъ премій, наложена была для обращенія изъ процентовъ, то проценты давали бы больше дохода, чѣмъ его получалось отъ продажи всего количества льняныхъ тканей за границу. Въ 1826 году, пошлина на чесанный съ 10 ф. 14 ш. и 6 п. съ центнера (*) и на нечесанный съ 5 п. уменьшена до однообразной величины 4 пенс. съ центнера. Въ послѣдующіе 3 года она должна была снова постепенно уменьшаться и съ 1828 составлять только номинальную пошлину въ 1 пенни съ центнера. Слѣдствія этой перемѣны оказались немедленно. Въ 1820—1825 г. средній ежегодный привозъ льна составлялъ менѣе 534,000 центн., въ 1825—1830 г. 881,000 ц., а въ 1830—1844 г. 1,346,000 ц. Дешевизна этого свѣжаго произведенія усилила потребленіе тканей и вызвала многія изобрѣтенія. Въ 1813 г. длина фунта нитокъ средней толщины составляла не болѣе 3,330 ярдовъ; въ 1824 г., 5,220 ярдовъ, а въ 1833 г. 11,130 ярдовъ (**). Цѣна пряжи въ теченіе этого же періода времени уменьшилась въ 9 разъ. Вывозъ пряжи во Францію въ 20 лѣтъ увеличился отъ 76,000 фунтовъ до 22 мил. ф., а привозъ ея изъ-за границы въ Англію, составлявшій въ 1827 г. 4 мил. ф., уменьшился въ 1844 г. до 1 мил. ф. Цѣнность вывоза льняныхъ тканей чрезъ 10 лѣтъ съ 1834—до 1844 г. удвоилась, отъ 2 мил. она достигла до 4 мил. ф. ст.

Такія же слѣдствія были произведены уменьшеніемъ пошлинъ на шерсть и на стекло.

Но еще болѣе блистательные результаты представляетъ намъ реформа, хотя и неполная, навигаціоннаго акта, произведенная съ 1822 по 1827 г. учрежденіемъ складочныхъ магазиновъ, облегченіемъ нѣкоторыхъ статей привоза и заключеніемъ торговыхъ договоровъ на основаніи акта о взаимности пошлинъ. Чтобы убѣдиться, что англичане выиграли болѣе другихъ народовъ отъ этой реформы, довольно привести нѣсколько статистическихъ данныхъ.

Въ 1821 г. выѣстимость англійскихъ кораблей, торгующихъ съ Соединенными Штатами, составляла 55,188 тоннъ; въ 1844 г. она достигла 750,000 т. Въ теченіе того же времени выѣстимость англійскихъ кораблей во всемірной торговлѣ увеличилась на 155% или болѣе, чѣмъ на миллионъ тоннъ.

Такимъ образомъ всѣ главныя отрасли народной промышленности быстро подвинулись впередъ, хотя примѣненіе къ нимъ началъ свободной торговли шло весьма медленно и при существованіи силь-

(*) Англійскій центнеръ составляетъ 112 русскихъ фунтовъ.

(**) Ярдъ равняется 3 футахъ.

наго ограниченія въ привозѣ хлѣба изъ-за границы оно не могло оказать всѣхъ благотѣльныхъ послѣдствій, какихъ бы по справедливости можно было ожидать и которыя немедленно осуществились послѣ важныхъ преобразованій, произведенныхъ въ послѣдующіе періоды.

IV.

Министерство Веллингтона осталось болѣе памятнымъ въ Англіи по своимъ политическимъ, чѣмъ экономическимъ преобразованіямъ, но оно впрочемъ и продолжалось не долго. Смерть Георга IV и вступленіе на престолъ его брата герцога Кларанскаго въ 1830 г. сдѣлали необходимымъ распустить парламентъ. Выборы, произведенные подъ вліяніемъ іюльской революціи и сильнаго кризиса, удручавшаго въ то время Англію, были непріязненны для министровъ изъ партіи тори, которые послѣ собранія палаты подали немедленно въ отставку, и главою новаго кабинета сдѣлался лордъ Грей. Въ его управленіе экономическія теоріи должны были тоже уступить мѣсто разсмотрѣнію политическихъ правъ народа. Общественное вниманіе было обращено постоянно на нижнюю палату, въ которой мало находилось дѣйствительныхъ представителей средняго сословія, получившаго въ послѣднее время огромное значеніе въ государствѣ. Въ этомъ случаѣ не столько чувство политической справедливости, сколько внутреннее убѣжденіе, что никакое существенное улучшеніе въ торговомъ законодательствѣ не можетъ быть произведено, пока аристократическій элементъ будетъ преобладать въ обѣихъ палатахъ, заставило народъ домогаться реформы въ составѣ представителей палаты общинъ. Такая реформа была необходима, особенно для уничтоженія монополіи на хлѣбъ, кромѣ многихъ другихъ стѣснительныхъ законовъ, относящихся до внѣшнихъ сношеній. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что только покровительственная система могла вызвать эти многочисленные митинги и даже народные возмущенія и доставить вліяніе такимъ людямъ, какъ Коббеттъ, Гэнтъ и ихъ сообщники.

Въ 1832 г. былъ наконецъ принятъ билль о преобразованіи парламента и съ этихъ поръ мы дѣйствительно замѣчаемъ, что и въ таможенномъ кодексѣ быстро совершаются разныя улучшенія. Многія изъ нихъ были приготовлены, какъ мы уже видѣли, Хускисономъ и превосходно развиты въ сочиненіи Парнеля «On financial reform», которое пользовалось въ свое время необыкновеннымъ вліяніемъ. Парнель доказывалъ въ немъ, что никакія улучшенія въ обществѣ невозможны до тѣхъ поръ, пока правительство не измѣ-

нить системы податей, которыя должны преимущественно падать на чистый доходъ, а не на предметы потребленія. Искусственная дороговизна послѣднихъ дѣлаетъ ихъ недоступными для массы народа, потому уменьшаетъ занятіе бѣдныхъ работниковъ и производительность капиталовъ, и слѣдовательно препятствуетъ скорому ихъ накопленію. Наконецъ хотя многіе предметы потребленія, какъ чай, кофе, сахаръ, вино и т. п., могутъ служить отличнымъ источникомъ государственнаго дохода, но для этого не должны быть облагаемы слишкомъ высокою пошлиною.

Но всѣ эти вопросы мало занимали въ то время нижнюю палату, которая до своего преобразованія весьма немного сдѣлала для облегченія торговли.

Лишь только созвана была новая палата, ей немедленно нужно было приступить къ пересмотру хартіи Остъ-Индской Компаніи, которой неудобства были ясно представлены изслѣдовательными комитетами въ 1820, 1823, 1830, 1831 и особенно въ 1832 г. Съ тѣхъ поръ какъ нѣкоторые порты Восточной Индіи сдѣлались открыты для частныхъ лицъ, сумма торговыхъ оборотовъ съ этою странюю почти учетверилась въ теченіе 20 лѣтъ, не смотря на многія препятствія, полагаемыя законами для свободныхъ сношеній съ нею. При возобновленіи хартіи въ 1833 г. компанія не только лишилась торговой монополіи съ Китаемъ, но ей было даже запрещено вести съ этимъ государствомъ на свой счетъ какія бы то ни было коммерческія операціи. Наконецъ участь ея, какъ политической корпораціи, рѣшена только въ нынѣшнемъ году въ послѣднихъ засѣданіяхъ парламента. По новому положенію, какъ извѣстно, вся правительственная власть перешла въ руки особаго совѣта и въ настоящее время эта компанія немногимъ отличается отъ другихъ купеческихъ компаній. Облегчая торговлю съ Азією, палата распространила право привоза чаю на всѣ значительные порты Великобританіи и Ирландіи. До сихъ поръ этимъ правомъ пользовался одинъ Лондонъ, гдѣ продажа его совершалась въ опредѣленные сроки. Всѣ эти ограниченія были устранены вмѣстѣ съ уменьшеніемъ пошлины отъ 15 до 25 проц., смотря по различнымъ сортамъ чая. Но какъ этотъ законъ подавалъ поводъ ко многимъ обманамъ, то спустя два года была установлена однообразная пошлина 2 ш. 1 п. съ фунта (*).

Пошлина на сахаръ, доставлявшая постоянно значительный доходъ казнѣ, подлежала еще съ прошедшаго столѣтія ежегодному утвержденію парламента. Нужды правительства заставляли ее постоянно увеличивать, такъ что въ 1806 г. сахарный песокъ, приво-

(*) 22 руб. 87 коп. съ пуда (почти 86½ коп. съ фунта).

зимый изъ Антильскихъ острововъ, подлежалъ таможенной платѣ 30 ш., а изъ Восточной Индіи 40 шил. съ центнера; изъ иностранныхъ владѣній онъ не допускался къ привозу. Въ 1826, 1830, 1833 г. произведены были значительныя облегченія.

Въ 1840 г. война съ Китаемъ заставила англійское правительство увеличить на 5 проц. пошлину со всѣхъ предметовъ привоза, за исключеніемъ хлѣба; это обстоятельство подало поводъ нѣкоторымъ изъ членовъ нижней палаты сдѣлать предложеніе о назначеніи комитета для изслѣдованія дѣйствія таможенныхъ пошлинъ на развитіе промышленности, и на величину государственнаго дохода. Палата согласилась и избрала для этого изъ своей среды людей, спеціально знакомыхъ съ предметомъ; потому неудивительно, что никогда еще объ немъ не было собрано столь разнообразныхъ и многочисленныхъ свѣдѣній. Въ этотъ комитетъ были призываемы самые опытные и просвѣщенные администраторы, изъ которыхъ достаточно упомянуть Джона Юма, служившаго 38 лѣтъ въ таможи и 11 въ торговомъ департаментѣ, Мэкъ-Грегора и Портера, секретарей того же департамента, — изъ нихъ послѣдній былъ предсѣдателемъ статистическаго отдѣленія, и наконецъ Боурина, извѣстнаго путешественника и экономиста. Кромѣ того были призваны представители всѣхъ почти главныхъ отраслей промышленности.

Приглашенные свидѣтели всѣ безъ исключенія объявили, что таможенное покровительство никогда не достигаетъ предполагаемой цѣли и во всякомъ случаѣ обременительно для народа. По собраннымъ офиціальнымъ даннымъ оказалось, что съ 1838 по 1841 г. привезено было одной пшеницы 9,435,000 квартеровъ, между тѣмъ какъ за предъидущіе 4 года всѣхъ родовъ хлѣба вмѣстѣ не болѣе 362,000 квар., и что средній урожай въ трехъ соединенныхъ королевствахъ былъ уже недостаточенъ для прокормленія жителей. Притомъ пшеницу за недостаткомъ домашней покупали большею частью на чистыя деньги, потому что при охранительныхъ пошлинахъ невозможно впередъ предвидѣть и приготовить въ замѣнъ ея другихъ какихъ нибудь мануфактурныхъ издѣлій. Это подтверждалось значительнымъ вывозомъ драгоценныхъ металловъ, который въ 1838 — 1841 годахъ простирался до 10 мил. ф. стер., отъ чего самое обращеніе денегъ въ это время подвергалось большимъ затрудненіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ отвѣтахъ Юма мы находимъ замѣчательный фактъ, что однѣ только пошлины на сѣбные припасы обременяли народъ ежегоднымъ налогомъ въ 36 мил. ф. стер. (*). Въ тоже время онъ дока-

(*) 225 мил. руб. сер.

зываетъ, что бремя государственныхъ податей не только не оправдываетъ протекціонныхъ пошлинъ, но положительно ихъ опровергаетъ, потому что еще болѣе увеличиваетъ существующее уже бѣдственное положеніе рабочаго класса. Уменьшеніе пошлинъ, по его мнѣнію, производимое съ цѣлью облегчить народъ, никогда не должно зависѣть отъ таможенныхъ преобразованій другихъ государствъ, которыя по необходимости принуждены будутъ сами слѣдовать тому же примѣру. Если Англія не поспѣшитъ открыть портовъ для свободнаго привоза всѣхъ произведеній, то не подлежитъ сомнѣнію, что вывозъ ея произведеній станетъ уменьшаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея могущество станетъ клониться къ упадку.

Въ то же время Портеръ представилъ многіе несообразности тарифа, въ которомъ находится 1,150 статей, а изъ нихъ только 17 приносятъ казнѣ дохода 21,700,000 ф. стер., между тѣмъ какъ на всѣ остальные приходится не болѣе 1,260,000 ф. стер. Кромѣ того различная пошлина на одни и тѣ же предметы, во различнаго происхожденія, поражала напрасную трату капиталовъ, которой ничѣмъ нельзя было оправдать. Такъ, напр. съ кофе, привозимаго изъ британскихъ владѣній, взымалось при ввозѣ 6 пенсовъ пошлины, съ иностраннаго 15. Но какъ производство перваго было недостаточно для внутренняго потребленія, то для избѣжанія высокой пошлины англійскіе купцы покупали кофе въ европейскихъ портахъ, перевозили его большею частію на мѣсть Доброй Надежды, для колонизированія, а оттуда уже доставляли въ Англію. Не меньшую потерю для народа производила пошлина на сахаръ. Привозимый изъ Бразиліи стоилъ въ англійскихъ складочныхъ магазинахъ въ два раза дешевле индійскаго. «Англія, говоритъ по этому случаю знаменитый статистикъ, заплатила въ 1840 г., не включая въ это пошлины, 5 мил. ф. стерл. дороже, чѣмъ какой нибудь другой народъ, за то же количество сахару. Въ томъ же году мы вывели нашихъ товаровъ въ колоніи, изъ которыхъ привозится къ намъ сахаръ, цѣнностью на 4 мил. ф. стерл., такъ что слѣдуя экономическимъ началамъ, то есть, покупая его на самыхъ дешевыхъ рынкахъ, мы выиграли бы еще 1 мил. ф. стер., даже если бы подарили плантаторамъ купленные ими у насъ произведенія». Такая искусственная дороговизна не только была вредна для потребителей, но на столько же почти уменьшила и казенный доходъ. Мэкъ-Грегоръ постоянно указывалъ на невыгоды, въ которыя таможенные законы ставятъ англійскихъ фабрикантовъ въ соперничествѣ съ иностранцами, невыгоды, происходившія преимущественно отъ того, что жизненные припасы въ Англіи необыкновенно дороги. Англійскій работникъ, по его словамъ, платилъ за хлѣбъ отъ 40 до 80 проц. дороже,

чѣмъ работникъ въ другихъ государствахъ, а если бы сосчитать сумму платимыхъ имъ налоговъ въ пользу частныхъ лицъ за необходимые для него предметы потребленія, то навѣрно она была бы въ два раза больше государственныхъ податей. Только дороговизною жизненныхъ припасовъ можно объяснить то странное явленіе, что множество богатыхъ людей проводятъ жизнь на континентѣ и издерживаютъ тамъ отъ 4 до 5 мил. ф. стер. ежегодно. Что касается пошлины на фабричныя издѣлія, то для тѣхъ, которыя вывозятся въ огромномъ количествѣ, она не имѣетъ никакого значенія, для другихъ же, какъ шелковыя ткани, перчатки и т. н. она недействительна, потому что ихъ доставляютъ контрабандисты. Всѣ призванные въ комитетъ фабриканты единогласно отвергли дѣлаемое противъ нихъ возраженіе, будтобы они домогаются свободнаго привоза хлѣба только для того, чтобы понизить задѣльную плату. Основываясь на ежедневной практикѣ, они утверждали, что только высокая цѣна съѣстныхъ припасовъ понижаетъ заработную плату, и съ пониженіемъ ея эта плата непремѣнно возвысится, потому что большее потребленіе фабричныхъ издѣлій увеличитъ ихъ производство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и запросъ на трудъ. Изъ собранныхъ такимъ образомъ свидѣтельствъ представленъ былъ палатѣ рапортъ, который какъ будто заключалъ въ себѣ программу для будущихъ преобразованій таможеннаго кодекса.

Въ 1841 г. министерство, предлагая на разсмотрѣніе нижней палаты свой финансовый планъ, особенно домогалось уменьшенія таможенной пошлины на 3 предмета, на дерево, сахаръ и хлѣбъ. Но этотъ проектъ въ одной изъ своихъ частей возбудилъ сильное сопротивленіе преимущественно потому, что слишкомъ противорѣчилъ ослѣпленному въ то время общественному мнѣнію. Такъ уменьшеніе пошлины на иностранный сахаръ, привозимый по большей части изъ странъ, гдѣ господствовало еще невольничество, порождало религиозное чувство многихъ абolicіонистовъ и казалось несообразнымъ съ тѣми пожертвованіями, которыя такъ недавно еще сдѣлалъ народъ для ихъ освобожденія. Къ этому нужно прибавить, что подъ личиною филантропіи здѣсь скрывался самый низкій эгоизмъ плантаторовъ, которые рады были случаю найти для своихъ интересовъ такую великолѣпную защиту. Борьба продолжалась въ теченіе 8 длинныхъ засѣданій. Напрасно Россель и Маколей доказывали, что палата болѣе заботится о неграхъ, чѣмъ о своихъ собственныхъ согражданахъ, что если нравственность и человеколюбіе дозволяютъ одѣваться въ бумажныя ткани и курить табакъ, — предметы, производимыя неграми, — то какимъ образомъ можетъ она запрещать употребленіе сахара и кофе, происходящихъ изъ того же источника? Законъ не по-

загасить никакихъ препятствій для привоза этихъ предметовъ въ колоніи, а не допускать ихъ въ Англію. Мало того: англійскіе фабриканты расширяють сахаръ въ складочныхъ мѣстахъ и развозятъ его по Европѣ, такъ что на всемъ земномъ шарѣ только жители великобританскихъ острововъ не могутъ имъ пользоваться. «И кто же будетъ столь легковѣренъ, кого можно было бы убѣдить, что подобное законодательство подѣйствуетъ на уничтоженіе невольничества? Не гораздо ли справедливѣе полагать, что мы скорѣе достигнемъ нашей цѣли посредствомъ свободныхъ сношеній?»

Но всѣ эти доказательства не помогли противъ большинства, которое впередъ рѣшило наденіе министерства виговъ. Замѣчательно, что въ этой борьбѣ самымъ сильнымъ противникомъ таможенныхъ преобразованій является Пиль, который, сдѣлавшись первымъ министромъ, превзошелъ въ рѣшимости всѣхъ своихъ предшественниковъ. По всей вѣроятности онъ не предвидѣлъ, какое сильное оружіе подавалъ въ руки своихъ парламентскихъ враговъ, поставляя интересы партіи выше интереса общественнаго.

Разсматривая всѣ реформы, произведенныя въ этомъ періодѣ, и оцѣнивая ихъ послѣдствія, мы должны поставить на первомъ мѣстѣ уничтоженіе монополіи Остъ-Индской Компаніи. Такъ, вывозъ англійскихъ товаровъ въ Индію и Китай, составлявшій въ 1833 г. (въ годъ измѣненія хартіи) 3,495,000 ф. стер., чрезъ 7 лѣтъ увеличился болѣе чѣмъ на 2½ мил., между тѣмъ какъ за 7 предшествовавшихъ лѣтъ увеличеніе не превышало 300,000 ф. стер. Кромѣ того въ привозѣ изъ Индіи появились многіе новые предметы, какъ льняное сѣмя, ромъ, табакъ, шерсть и нѣкоторые другіе. Количество привозимаго кофе и кожъ (въ 1846 г.) утроилось, а пеньки, рису и перцу удвоилось. Прежде привозъ сахара изъ Индіи былъ совершенно незначителенъ, но съ 1833 года онъ сдѣлался одною изъ важнѣйшихъ статей торговли. Тоже самое можно сказать о колоніальныхъ произведеніяхъ, которыя сдѣлались предметомъ почти необходимости вслѣдствіе долгой привычки и потребленіе которыхъ зависитъ безусловно отъ ихъ цѣны и благосостоянія массы народа. Въ настоящее время сахаръ, чай и кофе составляютъ послѣ мяса и хлѣба главные элементы человѣческаго пропитанія, и всякая пере мѣна пошлины имѣла сильное вліяніе на ихъ потребленіе. О сахарѣ мы въ этомъ періодѣ сказать ничего не можемъ, потому что примѣненіе къ нему принципа свободной торговли послѣдовало только въ 1844 году. Въ 1784 году пошлина на чай составляла 67 проц. и тогда его потреблялось нѣсколько меньше 5 мил. фун. Въ слѣдующемъ году пошлина была понижена до 12½ проц.; въ слѣдствіе чего потребленіе увеличилось въ послѣдую-

щѣ 3 года до 10, 12 и 17 мил. ф. Въ годъ открытія свободной торговли съ Китаемъ потреблялось чаю нѣсколько меньше 30 мил. ф., спустя 11 лѣтъ послѣ этого потребленіе увеличилось до 41 мил. ф. Въ 1801 году пошлина на кофе, привозимый съ великобританскихъ плантацій, составляла 1 ш. 6 п. съ фунта и онъ доступенъ былъ только богатому классу; среднее потребленіе каждаго жителя въ соединенныхъ королевствахъ не превышало тогда $\frac{1}{16}$ фунта. Въ 1811 г. пошлина была уменьшена до 7 п. съ фунта и потребленіе увеличилось на 750 проц., а доходъ казны утроился. Въ 1825 г. пошлина снова была уменьшена въ половину, потребленіе за тѣмъ немедленно увеличилось до 14 мил. ф. или на 200 проц., а казна получила 100,000 ф. ст., т. е. въ два раза больше дохода противъ 1811 г. Потребленіе кофе увеличилось наконецъ до того, что Вест-Индскіе острова не были въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ и въ 1835 г. необходимо было допустить кофе изъ Остѣ-Индіи на тѣхъ же условіяхъ; въ слѣдствіе того потребленіе достигло до 20 мил. ф., а въ 1842 г. оно составляло $28\frac{1}{2}$ мил. ф. Но для лучшей оцѣнки вліянія покровительственной системы мы приведемъ для сравненія оффиціальныя цифры вишней торговли за два года, когда еще никакихъ важныхъ преобразованій не было сдѣлано въ таможенномъ тарифѣ:

	В ы в о з ъ .	
	1819 г.	1826 г.
	ф. стерл.	ф. стерл.
Въ европейскія владѣнія	16,000,000	13,000,000
— Америку	316,294	295,768
— Соединенные Штаты Сѣвер. Америки .	4,929,845	4,659,018
— Великобританіи владѣнія Сѣвер. Америки и Вестъ-Индіи	6,861,314	4,601,072
— иностранныя колоніи Вестъ-Индіи . .	892,306	570,409
Общая сумма вывоза во всѣ части свѣта составляла	34,881,727	31,536,724

Но съ 1826 г. послѣдовали различныя измѣненія въ англійскомъ тарифѣ и въ 1849 г. вывозъ въ европейскія государства почти удвоился, въ Африку увеличился на 400%, въ Соединенные Штаты на 80%, въ британскія владѣнія Сѣверной Америки и Вестъ-Индію на 25%, въ иностранныя колоніи Вестъ-Индіи болѣе, чѣмъ на 10%, а общій итогъ вывоза во всѣ части свѣта увеличился до 58,484,292 ф. ст. Такого увеличенія въ вывозѣ невозможно объяснить никакими либо замѣчательными изобрѣтеніями, произведенными въ это время технической промышленностью, ни открытіемъ новыхъ рынковъ

для сбыта англійскихъ произведеній, и самыя важнѣйшія улучшенія произведены въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, съ которыхъ была снята запретительная система и которыя до тѣхъ поръ находились почти въ упадкѣ. Облегченіе, доставленное народу въ теченіе этого періода уменьшеніемъ пошлинъ, составляло свыше 16½ мил. руб. сер..

Разумѣется, эти частныя успѣхи не могли искоренить всѣхъ бѣдствій и лишеній, накопленныхъ продолжительною войною и сильнымъ ограниченіемъ привоза иностраннаго хлѣба. Это ограниченіе, несовмѣстное съ значительнымъ приращеніемъ народонаселенія, порождало неудовольствіе и безпорядки между рабочимъ классомъ и было причиною частыхъ поджоговъ и возмущеній, въ которыхъ скрывались страшные элементы революціи. Реформы Хуккинсона и его послѣдователей были гораздо могущественнѣе для ихъ прекращенія, чѣмъ всѣ устроительныя мѣры, противъ нихъ принимаемыя.

V.

Положеніе Пиза при вступленіи его въ должность перваго министра было весьма затруднительно. Воспитанный съ дѣтства въ приверженности къ партіи консерваторовъ, признанный съ давняго времени ихъ главою, онъ постоянно и во всѣхъ главныхъ политическихъ и экономическихъ вопросахъ являлся, однако, болѣе смѣлымъ реформаторомъ, чѣмъ самыя вѣги. Эманципация католиковъ, противъ которой онъ возставалъ столь долго и такъ энергически, была совершена главнымъ образомъ при его содѣйствіи. Это было первое обстоятельство, которое отвлекло отъ него многихъ изъ его парламентскихъ приверженцевъ. Во время борьбы за преобразованіе нижней палаты, онъ постоянно находился во главѣ оппозиціи; не лишь только борьба кончилась торжествомъ его противниковъ, онъ ирится съ побѣдителями. Наконецъ хлѣбные законы, считавшіеся основаніемъ могущества и значенія аристократіи, на которые лорды смотрѣли, какъ на единственное средство удержать власть въ своихъ рукахъ, были отиѣнены его усиліями. Мало того, въ самой палатѣ произошла совершенная революція. Партіи перемѣшались между собою, не было уже между ними прежнихъ рѣзкихъ разлнчій и торіа являютоя дѣйствительно, какъ выражаются ихъ политическіе враги, консерваторами, которымъ нечего болѣе сохранять. Но можно ли на этомъ основаніи, какъ это многіе дѣлали, обвинять Пиза въ непослѣдовательности? Разумѣется, нѣтъ. Ро-

бертъ Пиль представляет намъ великій приѣзръ государственнаго человѣка, *мудраго и славнаго совѣтника свободнаго народа*, какъ его назвали въ Англіи послѣ его смерти, который съ одной стороны благоразумными уступками удерживалъ слишкомъ быстрое развитіе демократическаго элемента, съ другой — никогда не соглашался на преобразованія, пока внутреннее убѣжденіе, основанное на глубокомъ изученіи фактовъ, не доказывало ему необходимости и пользы ихъ для общественнаго благосостоянія.

Мы уже видѣли, что съ нѣкотораго времени экономическіе вопросы получили въ Англіи болѣе важности, чѣмъ политическіе. Къ этому ведутъ по необходимости возрастающія и съ каждымъ днемъ становившіяся все тѣснѣе внѣшнія сношенія и высшая степень умственнаго развитія между массою народа. Но кромя того бѣдственное положеніе многихъ мануфактурныхъ городовъ въ самомъ началѣ министерства Пиль требовало рѣшительныхъ и немедленныхъ мѣръ со стороны правительства. Въ одномъ только городѣ Лидсѣ въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ (1837 — 1841 г.) обанкротилось 39 фабрикантовъ и 16 купцовъ шерстяныхъ издѣлій; въ то же время было закрыто 18 фабрикъ для пряденія льна, 9 для шерсти, 16 для выдѣлки машинъ, и послѣ ликвидаціи оказалось, что потеря частныхъ лицъ, имѣвшихъ съ разорившимися различными кредитными сдѣлками, превышала 6¼ мил. руб. Въ Бредфордѣ все фабричное производство уменьшилось на 30%. Въ одномъ изъ самыхъ многочисленныхъ округовъ Йоркскаго графства, въ Торнтонъ-Родъ 45 фермеровъ обанкротилось или оставило свои фермы и долговъ на нихъ считалось до 10 мил. руб. Въ Ноттингемѣ 10,580 человѣкъ или 1/5 всего населенія получали вспомошествованіе отъ прихода, и задѣльная плата работниковъ понизилась до 25%, а въ Бирмингемѣ даже до 60%. Производство металлическихъ издѣлій въ Вольверъ-Эмptonѣ уменьшилось въ шесть разъ, а въ Шеффилдѣ въ четыре раза (*), число бѣдныхъ удвоилось, а населеніе значительно уменьшилось. Такое же печальное явленіе можно было видѣть въ округахъ Глостерскомъ, Коммерсетскомъ и Вильтскомъ, извѣстныхъ по своимъ шерстянымъ фабрикамъ. Въ Ковентри одна треть работниковъ осталась безъ занятія, а въ Спитальфилдѣ нужно было приостановить работу на 8,000 станковъ и 24,000 человѣкъ содержалось подаваніемъ отъ прихода. Въ Лондонѣ 1,000 наборщиковъ и 9,000 портныхъ принуждены были оставить свои ремесла. Во многихъ городахъ Шотландіи оффиціальныя донесенія представляли такіа же бѣдствія рабочаго класса; но нигдѣ они не достигали

(*) Report of Mr Redgrave, Inspector for the Eastern District. 1843.

такихъ ужасныхъ размѣровъ, какъ въ графствѣ Ланкастерскомъ. Достаточно указать на городъ Болтонъ, въ которомъ $\frac{1}{3}$ населенія лишены были средствъ пропитанія и въ теченіе пяти лѣтъ подать на бѣдныхъ утронлась. Изъ 1,003 семействъ каждое получало въ недѣлю не болѣе 35 коп. сер. Въ другомъ городѣ, Вигонѣ, подневная плата была едва достаточна, чтобы на нее купить $1\frac{1}{2}$ фунта хлѣба. Въ Манчестерѣ нищета еще была печальнѣе. Члены человѣколюбиваго общества посѣтили тамъ 12,000 бѣдныхъ и донесенія, сдѣланныя ими, поразили всѣхъ ужасомъ. Большая часть этихъ несчастныхъ заложили всю свою мебель и одежду, на сколько позволяло прижитіе, для покупки хлѣба; цѣнность же этихъ заложенныхъ вещей простиралась до 175,000 руб. Многіе изъ самыхъ трезвыхъ и трудолюбивыхъ работниковъ, зарабатывавшихъ прежде отъ $5\frac{1}{2}$ до $7\frac{1}{2}$ руб. сер. въ недѣлю, принуждены были питаться негодными растеніями (*).

Можно бы наполнить цѣлую книгу подобными примѣрами; но мы считаемъ это лишнимъ. Указать же на нѣкоторые изъ нихъ казалось намъ необходимымъ для объясненія того, почему весь народъ, можно сказать, приготовился слушать Роберта Пилля, когда онъ, послѣ испрошенныхъ пяти мѣсяцевъ отсрочки, представилъ свой финансовый планъ 9 февраля 1842 г. Внутри нижней палаты всѣ мѣста были заняты, извнѣ ее осаждала густая толпа народа, съ нетерпѣніемъ ловившая каждую вѣсть, между тѣмъ какъ почта была нарочно остановлена для разосланія въ самыя отдаленныя области предложеннаго Пиллемъ финансоваго проекта. Какое-то инстинктивное чувство заставляло всѣхъ ожидать, что, несмотря на явную приверженность его къ землевладѣльческимъ интересамъ, принципъ свободной торговли во многомъ восторжествуетъ и международныя сношенія получатъ значительное облегченіе. Важность этихъ преобразованій и мѣсто, которое они занимаютъ въ экономической исторіи Англіи, заставляютъ насъ изложить нѣсколько подробнѣе предложенія, сдѣланныя первымъ министромъ.

Сущность преобразованій Пилля заключалась въ увеличеніи источника государственнаго дохода и въ облегченіи бѣднаго класса потребителей съ сохраненіемъ при этомъ, сколько возможно, привилегій поземельныхъ владѣльцевъ, и наконецъ, въ оживленіи дѣятельности всѣхъ отраслей промышленности. Задача была весьма трудная. Расходъ на будущій финансовый годъ былъ вычисленъ на 50,819,000 фун. стерл., между тѣмъ дохода же предполагалось болѣе 48,350,000 фун. стерл., то есть дефицитъ составлялъ 2,469,000

(*) *Anti-bread-tax circular. 1842.*

фунт. стерл., не включая здѣсь издержекъ на войну съ Китаемъ и другихъ непредвидѣнныхъ расходовъ. Убѣдившись по опыту, что увеличеніе налога на главные предметы потребленія или на промышленную дѣятельность достигло крайняго предѣла и не возстановить нарушеннаго уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ равновѣсія въ бюджетѣ, Пиль рѣшился воскресить почти уже забытый источникъ государственнаго дохода, не употребляемый со времени заключенія мира и весьма непопулярный въ Англіи, именно — подать съ дохода, къ которой прибѣгали только въ самыя критическія минуты. Подать эта, устанавливаемая только для Великобританіи, должна была составлять 7 пенни съ фунта стерлин. или почти 3%; но отъ нея освобождались доходы ниже 50 фунт. стерл. (337 руб. 50 к.) и съ фермеровъ предполагалось брать только половину. Этотъ источникъ долженъ былъ доставить около 4,380,000 фунт. стерл., покрыть дефицитъ и военные издержки, и оставить еще излишка около 1,200,000 фунт. стерл., который могъ бы дать возможность уменьшить наиболѣе тягостныя таможенныя цѣны. При этомъ разсмотрѣно было 1,200 статей тарифа, который для большаго удобства былъ раздѣленъ на 19 отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ были помѣщены разнаго рода съѣстные припасы, между которыми главное мѣсто занималъ хлѣбъ; для него Пиль предложилъ болѣе умѣренную подвижную пошлину. Отъ доказывать, что существовавшая до сихъ поръ цѣна была вредна и для потребителей и для земледѣльцевъ, особенно потому, что при значительномъ увеличеніи цѣны пшеницы на внутреннихъ рынкахъ слишкомъ быстро понижалась пошлина, вслѣдствіе чего спекуляторы часто удерживали ее въ складочныхъ магазинахъ для того, чтобы получить и высшую цѣну, и заплатить меньше въ пользу казеннаго дохода. И хотя законъ никогда не могъ обезпечить такой цѣны на хлѣбъ, которая бы вознаграждала земледѣльцамъ издержки производства, но Пиль, основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, полагалъ, что въ обыкновенные годы земледѣльческая промышленность въ соединенныхъ королевствахъ могла и должна была обезпечить пропитаніе жителей. Поэтому, предлагаемая имъ мѣра имѣла то преимущество, что устранила всѣ прежнія неудобства и не вредила земледѣльческимъ интересамъ. Она заключалась въ слѣдующемъ: при внутренней цѣнѣ 50 шил. за кв. пшеницы пошлина составляла 20 шил. При каждомъ увеличеніи ея на 1 шил. пошлина уменьшалась тоже на 1 шиллингъ до 53 шиллинговъ. Но при цѣнѣ въ 53, 54 и 55 шиллинговъ пошлина оставалась неподвижною въ 17 шиллин., послѣ чего опять каждое увеличеніе цѣны на 1 шил. уменьшало въ такой же пропорціи пошлину, пока внутренняя цѣна не достигнетъ 66, 67 и 68 шилл. за кв.,

причемъ снова полагалась однообразная пошлина въ 5 шилл. съ кв., пока цѣна не достигнетъ 73 шилл., и тогда взимался 1 шилл. пошлины; при высшей же цѣнѣ ввозъ дозволялся безпошлинно. Самое дѣльное возраженіе противъ этой искусственной мѣры было сдѣлано Кобденомъ, который сказалъ, что такъ какъ парламентъ не могъ установить опредѣленной задѣльной платы работникамъ, то несправедливо было съ его стороны возвышать цѣну на хлѣбъ. Но большинство голосовъ было въ пользу проекта министра. Въ основаніе другихъ таможенныхъ преобразованій приняты были слѣдующія мѣры: уничтоженіе всѣхъ запрещеній; пошлина на сырые матеріалы должна быть сколько возможно номинальная и ни въ какомъ случаѣ не превышать 5%, на полуобработанные произведенія не свыше 12%, и на мануфактурныя издѣлія максимумъ 20%. Кроме того съ иностраннаго кофе предлагалось взимать вмѣсто 1 шилл. 3 пен. съ фунта. 8 пенсовъ, а съ колоніальнаго 4 вмѣсто 6 пен., наконецъ колоніальный хлѣсъ освобождался отъ всякой платы, а иностранный долженъ былъ платить въ половину меньше прежняго (22 шилл. 6 пен. съ галста). Пожертвованіе, сдѣланное правительствомъ вслѣдствіе этихъ преобразованій, составляло 1,210,000 фунт. стерл. (*). Этотъ проектъ, несмотря на свою умѣренность и на видимое желаніе согласить противоположныя стремленія, возбудилъ сильное сопротивленіе и землевладельцевъ, и фабрикантовъ. Первые опасались значительнаго пониженія цѣны на скотъ отъ привоза его изъ-за границы, другіе возражали, что по этому плану таможенные преобразованія начинаются тѣмъ, чѣмъ должны бы окончиться. Нужно прежде обезпечить работникамъ дешевое содержаніе, а послѣ уже открыть предѣлы государства для свободнаго соперничества съ иностранными фабрикантами; но до тѣхъ поръ, пока существуютъ ограниченія на привозный хлѣбъ, такое соперничество невозможно. На эти возраженія Пилъ отвѣчалъ съ одной стороны, что значительнаго привоза живаго скота ожидать невозможно, и что онъ не будетъ имѣть почти никакого вліянія на пониженіе внутреннихъ цѣнъ, что такія же опасенія появились, когда дозволено было привозить въ Англію скотъ изъ Ирландіи, а между тѣмъ опытъ показывалъ, что съ тѣхъ поръ цѣны на него повысились. Съ другой же стороны, что мануфактуристы не въ правѣ жаловаться, получая

(*) Потеря съ пошлины на дерево составляла 600,000 фунт. стерл., съ кофе—170,000; съ остальныхъ предметовъ ввоза, въ числѣ которыхъ находились: рогатый скотъ, овцы, свиньи, мясо свѣжее и соленое и проч., — 270,000; съ предметовъ вывоза 100,000 и наконецъ уменьшенъ налогъ на дилижансы на 70,000 ф. ст..

такое значительное облегченіе въ приобрѣтеніи сырыхъ матеріаловъ и сѣстныхъ припасовъ.

Эти объясненія, какъ и слѣдовало ожидать, не казались убѣдительными для недовольныхъ. Крайніе протенціонисты смотрѣли съ опасеніемъ на будущее и уже въ это время имѣли большое недовѣріе къ Пилу, что сдѣлалось явнымъ, когда герцогъ Букингемскій вышелъ изъ министерства. Въ то же время приверженцы свободной торговли, названные въ послѣдствіи манчестерскою партіей, которыхъ число въ парламентъ годъ отъ году возрастало, не соглашались ни на какія уступки, а между тѣмъ обстоятельства постоянно склоняли перваго министра на ихъ сторону. Такъ въ 1843 году на пшеницу, привозимую съ Канады, уменьшена пошлина на 1 шил., а вскорѣ послѣ Гладстонъ предложилъ уничтожить запрещеніе на вывозъ машинъ изъ Англіи, на что палата согласилась безъ большихъ усилій. Въ 1844 году уменьшена была снова пошлина на 20 статей привоза, изъ которыхъ важнѣйшія были иностранный кофе, корица, уксусъ и стеклянные издѣлія. Доходъ казны вслѣдствіе всѣхъ этихъ преобразованій долженъ былъ уменьшиться на 450,000 ф. ст. Между тѣмъ случилось совершенно противное: въ 1841 году таможи доставили казнѣ 19,900,000 ф. ст. дохода; въ 1842 году 18,700,000; въ 1843 г. послѣ введенія преобразованія—21,400,000 и въ 1844 г. 23,500,000.

До сихъ поръ всѣ финансовыя предположенія Пила были утверждены парламентомъ, однако онъ мало по малу терялъ въ немъ своихъ приверженцевъ. Такъ напримѣръ, вопросъ о пошлинѣ на сахаръ не кончился паденіемъ министерства. Въ теченіе двухъ предыдущихъ лѣтъ пошлина на этотъ предметъ оставалась неизмѣнною, но въ 1844 году дѣйствующее состояніе бюджета позволило сдѣлать для него нѣкоторое облегченіе. Поэтому Пилъ предложилъ уменьшить пошлину на иностранный сахаръ, привозимый изъ странъ, гдѣ не было невольничества, съ 63 ш. съ центнера до 34. Предложеніе это встрѣтило троякаго рода противниковъ. Манчестерская партія домогалась однообразной пошлины на сахаръ всякаго происхожденія; виги, соглашались на различную пошлину между иностраннымъ сахаромъ и привозимымъ изъ британскихъ колоній въ пользу послѣдняго, не хотѣли однако допустить разницы между производствомъ свободнымъ и несвободнымъ. Наконецъ партія плантаторовъ представила также свою поправку, которая была такъ искусно составлена, что весьма легко могла обмануть людей неопытныхъ или незнакомыхъ съ этою отраслью торговли. Филиппъ Майльсъ сдѣлалъ предложеніе уменьшить пошлину на сахаръ колоніальный до 20 ш. съ центнера, на сахаръ иностранный, неочищен-

ный, свободного производства — до 30 шил., на такой же очищенный 34 ш.

Предложенія виговъ и защитниковъ свободной торговли были отвергнуты; но третье нашло приверженцевъ не только въ противникахъ министерства, желавшихъ его низвергнуть, но даже между членами, принадлежащими къ манчестерской партіи, которые могли думать, что оно имѣетъ въ виду выгоду потребителей. Располагая въ парламентѣ болѣе чѣмъ 100 голосами, они имѣли въ рукахъ свою судьбу министерства, когда оно объявило, что этотъ вопросъ считаетъ кабинетнымъ, то есть рѣшающимъ его существованіе. Но къ счастью для него, Кобденъ заблаговременно открылъ хитрость. Догадываясь, что предложеніе это, вышедшее изъ партіи протекціонистовъ, которые жаловались, что Пиль хочетъ ихъ разорить, должно было заключать въ себѣ какую нибудь уловку, онъ потребовалъ свидѣній у людей специальныхъ и узналъ, что очищенный сахаръ составляетъ около $\frac{3}{4}$ всего потребленія въ Англіи и что такимъ образомъ плантаторы имѣли въ виду увеличить протекцію для производимаго ими сахара вмѣсто 10 шил., по плану министра, до 14 шил. съ центнера. Поэтому Кобденъ отдѣлился со своими политическими друзьями отъ оппозиціи и подалъ голосъ въ пользу предложенія министра. Этотъ благородный примѣръ имѣлъ великое вліяніе на общественное мнѣніе, которое ясно увидѣло, что Лига руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ не какимъ нибудь частнымъ интересомъ партіи, но выгодами всего государства.

Въ 1845 году положеніе общества было самое благопріятное и финансы государства находились въ цвѣтущемъ состояніи, но внѣшнія событія того времени требовали увеличенія военныхъ силъ (*). Вмѣстѣ съ тѣмъ Пиль, увлекаемый сильнымъ движеніемъ умовъ на сторону свободной торговли, уже въ тронной рѣчи приготовилъ народъ и парламентъ къ важнымъ таможеннымъ преобразованіямъ. Но для этого необходимо было продолжить еще на нѣкоторое время подать съ дохода, которой срокъ оканчивался въ этомъ году. Источникъ этотъ превзошелъ даже ожиданія министра, доставивъ въ послѣднее время 5,190,000 фунт. стерл. Точно также и съ таможенного сбора получилось болѣе 1 мил. фунт., чѣмъ предполагалось въ бюджетѣ. Излишекъ такимъ образомъ полученный составилъ на текущій годъ (съ 5-го апрѣля 1844 года по 5-е апрѣля 1855 года) болѣе 5 мил. фунт. стерл. Но если бы палата не согласилась продолжить подати съ дохода, то въ государственномъ бюджетѣ снова бы появился дефицитъ. Чтобы склонить парламентъ къ своему финансовому плану, Пиль затронулъ самыя чувствительныя

(*) По случаю извѣстнаго дѣла Тантн.

струны патриотизма и национальной гордости англичанъ и въ то же время указалъ на благія послѣдствія своихъ преобразованій для народнаго благосостоянія, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Успѣшный результатъ прежнихъ опытовъ заставлялъ его тоже употребить предполагаемый излишекъ дохода на будущій годъ, который долженъ былъ составить 3,409,000 ф. ст., главнымъ образомъ для облегченія бѣдныхъ потребителей посредствомъ уменьшенія пошлины на сырые матеріалы или такіе предметы, которыхъ свободный ввозъ оживитъ промышленность и доставитъ занятіе работникамъ.

Первое преобразованіе въ таможенномъ тарифѣ касалось сахара, на который пошлина была понижена въ слѣдующихъ размѣрахъ: на привозимый изъ британскихъ колоній съ 24 ш. до 16 ш. 4 п. и 14 ш. съ центнера, смотря по сортамъ (очищенный и неочищенный); на иностранный съ 34 ш. до 28 и 23 ш. Вслѣдствіе этого уменьшенія каждый фунтъ сахара долженъ былъ обходиться потребителямъ дешевле почти въ 4 к. с. Всѣ пошлины съ вывоза уничтожены. Все это должно было произвести потерю для казны на 1,483,000 ф. ст. Кромѣ того изъ 813 предметовъ, подлежащихъ при ввозѣ таможенному сбору, пошлина уничтожена совершенно на 430, которые доставляли правительству только 320,000 ф. ст.

Успѣхъ этого плана былъ огромный и большинство палаты осталось на сторонѣ министра, не смотря на то, что и въ парламентѣ и внѣ его онъ возбудилъ сильную оппозицію. Такъ различіе между пошлинами на сахаръ иностранный и привозимый изъ собственныхъ колоній вызвало со стороны Маклея самый краснорѣчивый протестъ, въ которомъ онъ насмѣшливо и весьма остроумно доказалъ всю непоследовательность подобной мѣры. Въ то же время многія газеты, перечисляя предметы, на которые была сбавлена или совершенно уничтожена пошлина, иронически указывали на нѣкоторыя поразительныя несообразности англійскаго тарифа. «Хлѣбъ нашъ обложенъ пошлиною, но мышьякъ можетъ привозиться свободно, такъ что если не можемъ дешево питаться, то по крайней мѣрѣ имѣемъ возможность дешево умереть. Съ костей, кожи, шерсти, роговъ, хвостовъ иностраннаго рогатаго скота не взимаютъ болѣе никакой платы, а на мясо ес удержали. Перья, шерсть и гагачій пухъ для нашихъ кроватей снижали благосклонный взглядъ перваго министра, но стада барановъ остаются всегда подъ покровительствомъ герцога Ричмондскаго (*)».

(*) Герцоги Ричмондскій принадлежалъ къ самымъ крайнимъ защитникамъ хлѣбныхъ законовъ.

Оставляя въ сторонѣ эти нападки, мы можемъ однако сказать, что идея общественнаго интереса сдѣлалась господствующею не только въ министерствѣ, но и въ цѣломъ парламентѣ. Оппозиція крайнихъ протекціонистовъ не могла уже выступать противъ нихъ съ прежнею смѣлостью. Новое продолженіе подати къ дохода не было слѣдствіемъ затруднительнаго финансоваго положенія, не вынуждалось никакою войною, и однако нижняя палата на него согласилась, сознавая необходимость примѣнить къ государственному управленію принципъ свободной торговли, не смотря на сильное сопротивленіе, встрѣчаемое въ могущественномъ классѣ землевладѣльцевъ, и часто вопреки желанію даже самыхъ министровъ (*). Какимъ же образомъ появилась эта сила необходимости и къѣмъ была вызвана? Почему она такъ внезапно овладѣла умами и преклоняла на свою сторону самыхъ упорныхъ ея противниковъ? Вопросы весьма важные и въ высшей степени интересные, потому что съ ними связано настоящее общественное развитіе Англіи, которое не можетъ не произвести вліянія и на другія страны. Мы уже нѣсколько разъ упоминали о Лигѣ, но не говорили до сихъ поръ о ея значеніи, хотя ей принадлежитъ безспорно честь самыхъ главныхъ преобразованій въ таможенномъ тарифѣ. Она-то вызвала всѣ совершенныя въ послѣднее время благотѣльныя перемѣны и показала примѣръ, какихъ результатовъ можно достигнуть, опираясь на справедливой идеѣ и дѣйствуя въ предѣлахъ законности. Подобное явленіе возможно только при такомъ государственномъ устройствѣ, какое существуетъ въ Великобританіи, и лучше можетъ объяснить его, чѣмъ самыя обширныя описанія; въ немъ также находится много поучительнаго и въ экономическомъ отношеніи. Мы должны разсказать исторію этого движенія, для лучшаго пониманія послѣднихъ реформъ Пили.

Прежде всего мы должны замѣтить, что ни въ одномъ народѣ не развита частная дѣятельность во всѣхъ отношеніяхъ до такой высокой степени, какъ въ англійскомъ. Правительству британскому рѣдко случается дать начало какому нибудь важному преобразованію политическому или экономическому, а большею частью люди съ убѣжденіемъ, выработавшіе какую нибудь животворную идею, которая можетъ служить иногда частнымъ ихъ интересамъ, но ни въ какомъ случаѣ не противорѣчитъ интересамъ общественнымъ, посвящаютъ ей, можно сказать безъ преувеличенія, всю свою жизнь и имущество и дѣйствуютъ до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ своей цѣли. Для этого они обращаются къ своимъ согражданамъ одинаковаго съ ними образа мыслей, составляютъ съ ними общества и въ нихъ

(*) Это случилось во время перваго министерства Дерби — д'Израэли.

провизированныхъ собраніяхъ или митингахъ своими рѣчами стараются просвѣтить общественное мнѣніе и возбудить между народомъ такъ называемое волненіе (agitation).

Эти волненія происходятъ публично, возбуждаютъ открытыя пренія, полемику въ журналахъ и наконецъ вызываютъ въ обществѣ сильное противодѣйствіе; поэтому понятно, что никакія утопическія мечты и стремленія не могутъ въ государствѣ пустить глубокихъ корней; ложь выйдетъ немедленно наружу и правительству нѣтъ никакой необходимости для прекращенія зла прибѣгать къ стѣснительнымъ мѣрамъ. Но въ тоже время всѣ полезныя преобразованія совершаются медленно, послѣ глубокаго ихъ обсужденія и притомъ безъ всякихъ потрясеній. Такимъ образомъ уничтожено было невольничество негровъ, такъ достигли эманципаціи католиковъ и парламентской реформы. Но всѣ эти волненія не могутъ сравниться съ Лигою противъ хлѣбныхъ законовъ ни по обширности размѣровъ, ни по значительности употребленныхъ въ дѣйствіе средствъ, ни наконецъ по количеству талантливыхъ людей, которые приняли въ ней участіе.

Съ того самаго времени, какъ введена были въ Англіи почти запретительная пошлина на иностранный хлѣбъ, то есть съ 1815 г., начали появляться общества во многихъ городахъ, гдѣ нищета достигла крайнихъ предѣловъ, съ цѣлю ея уничтоженія. Но они не встрѣтили большаго сочувствія въ народѣ, который исключительно въ это время былъ занятъ политическими вопросами, а можетъ быть и потому, что еще недостаточно нашлось людей способныхъ, которые бы были въ состояніи заинтересовать публику этимъ предметомъ (*). Но въ 1837 г., по случаю ужаснаго кризиса въ Соединенныхъ Штатахъ, вызваннаго преслѣдованіемъ банковъ и банковыхъ билетовъ президентомъ Джексономъ, фабричная промышленность въ Англіи получила сильный ударъ. Къ этому присоединились неурожай въ слѣдующемъ году и мы выше представили бѣдственныя послѣдствія этихъ событій въ нѣкоторыхъ городахъ. Но нигдѣ они не достигли такихъ размѣровъ, какъ въ графствѣ Ланкастерскомъ и особенно въ одномъ изъ его городовъ Больтонѣ. Изъ 50 находящихся тамъ фабрикъ 30 было закрыто и болѣе 5,000 работниковъ лишилось всякихъ средствъ къ существованію. вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось количество преступленій и въ такой же мѣрѣ, какъ пустѣли фабрики, тюрьмы напол-

---

(*) Такъ еще въ 1827 г. появился знаменитый памфлетъ противъ запрещенія привоза хлѣба подъ заглавіемъ: *Anti corn Law catechisms* (катехизисъ противъ хлѣбныхъ законовъ), который имѣлъ 10 изданій, но авторъ его не нашелъ въ это время дѣятельныхъ себѣ помощниковъ.

ялись до крайности. Пораженный такими страданіями народа, нѣкто докторъ Бирни объявилъ 4 августа жителямъ Больтона, что онъ вечеромъ въ театрѣ будетъ разсуждать о хлѣбныхъ законахъ и о ихъ вредныхъ послѣдствіяхъ. Отвѣчая на этотъ призывъ, значительная толпа народа собралась къ назначенному времени; но при самомъ началѣ своей рѣчи ораторъ такъ смѣшался и спутался, что работники начали свистать и чуть было не бросились на несчастнаго доктора. Тогда одинъ молодой студентъ медицины, Паультонъ, въ порывѣ благороднаго чувства, поспѣшно явился на сцену, чтобы спасти Бирни, занялъ его мѣсто и безъ всякаго приготовленія произнесъ противъ хлѣбныхъ законовъ самую краснорѣчивую филиппику. Публика слушала его съ увлеченіемъ и при громкихъ рукоплесканіяхъ послѣ окончанія рѣчи просила его продолжать подобнаго рода лекціи. Вскорѣ послѣ того Боурингъ, представитель Больтона въ парламентѣ, объѣжая, послѣ своего возвращенія изъ путешествія по Европѣ, нѣкоторые мануфактурные округа, прибылъ въ Манчестеръ и, будучи приглашенъ на вечеръ фабрикантами этого города, разсказалъ имъ о происшествіи въ Болтонѣ. Послѣ глубокихъ разсужденій, собраніе образовало изъ среды себя общество, состоящее изъ 8 членовъ, и положило начать серьезно борьбу противъ протекціонной системы (*). Призвавъ къ себѣ Паультона, это общество поручило ему вмѣстѣ съ редакторомъ манчестерской газеты Times, Прентайсомъ, и однимъ изъ богатѣйшихъ манчестерскихъ фабрикантовъ Смитомъ созывать съ этою цѣлью митинги не только въ Манчестерѣ, но и въ другихъ главнѣйшихъ мануфактурныхъ городахъ Англіи. Вскорѣ послѣ того Смитъ отъ имени комитета новаго общества обратился къ манчестерской торговой палатѣ, съ предложеніемъ представить прошеніе въ парламентъ о необходимости немедленнаго уничтоженія законовъ, ограничивающихъ свободный привозъ съѣстныхъ припасовъ. Въ собраніи своемъ торговая палата, послѣ продолжительныхъ споровъ, приняла значительнымъ большинствомъ голосовъ проектъ прошенія, составленнаго бумажнымъ фабрикантомъ Кобденомъ, пользовавшимся уже въ то время большимъ уваженіемъ между своими согражданами. Въ этомъ прошеніи между прочимъ было сказано: «Если хлѣбные законы не будутъ немедленно уничтожены, то гибель фабрикъ неизбежна, и только примѣненіе къ таможенному уставу въ самомъ обширномъ размѣрѣ принципа свободной торговли можетъ обезпечить благоденствіе про-

(*) Вотъ имена первыхъ основателей Лиги, изъ которыхъ большая часть осталась въ неопредѣленности: Эд. Бамстеръ, В. Куннингемъ, А. Дальзіель, Дж. Гови, Дж. Лесли, А. Прентайсъ, В. Равсонъ и Ф. Томсонъ.

мышленности и спонсорство государства». Вслѣдъ за тѣмъ предложена была добромольная подписка, по которой собрано на расходы по этому предпріятію 3,000 ф. ст. (18,750 руб. сер.)

Въ 1839 г. созваны были въ Манчестеръ представители фабричной дѣятельности со всѣхъ концовъ Англіи, въ числѣ которыхъ находилось 14 членовъ парламента. Это собраніе единогласно рѣшило распространить свои дѣйствія въ пользу свободной торговли на всю страну и поклялось не оставлять этого дѣла общей пользы до тѣхъ поръ, пока предполагаемая цѣль не будетъ достигнута. Кромѣ того всѣ члены собранія дали слово явиться въ половинѣ февраля въ Лондонъ, когда Вильерсъ долженъ былъ представить прошеніе объ уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ, подписанное 40,000 лицъ, и сдѣлать предложеніе, чтобы палата выслушала причины, побудившія представить это прошеніе. Но предложеніе Вильерса было отвергнуто нижнею палатою, большинствомъ 189 голосовъ. Депутаты возвратились въ Манчестеръ и тамъ снова рѣшились личнымъ присутствіемъ придать большее значеніе второму предложенію Вильерса, состоявшему въ томъ, чтобы вся палата превратилась въ комитетъ для разсмотрѣнія закона о торговлѣ хлѣбомъ. Изъ 541 членовъ только 197 поддержали это новое предложеніе, которое въ палатѣ Лордовъ встрѣтило еще большее сопротивленіе (оно было отвергнуто тамъ большинствомъ 220 членовъ противъ 24). Тогда Кобденъ въ слѣдующемъ собраніи фабрикантовъ напомнилъ примѣръ союза ганзейскихъ городовъ, совѣтуя образовать подобную же лигу между главными мануфактурными городами Англіи для уничтоженія несправедливыхъ привилегій феодалной аристократіи. «Какъ, спросилъ кто-то въ собраніи, — образовать лигу противъ хлѣбныхъ законовъ?» «Да, отвѣчалъ Кобденъ, лигу противъ хлѣбныхъ законовъ» (*anti corn law league*) и такимъ образомъ новое общество получило свое названіе.

Не смотря на то, что съ нѣкотораго времени экономическія истины о торговлѣ начали изъ книгъ переходить въ практику, и что люди, стоящіе въ главѣ правительства, стали ими руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ, новой лигѣ предстояли почти неодолимые препятствія. Поземельная аристократія пользовалась по преданію необъяснимымъ уваженіемъ, располагала огромными богатствами, составляла большинство въ парламентѣ, имѣла за собою все духовенство господствующей церкви и наконецъ въ ея рукахъ находилась почти исключительно власть административная и судебная. Кромѣ того лига должна была бороться съ непріязненною ей партією хартистовъ, которая сильно овладѣла умами самаго бѣднаго класса работниковъ, прельщая его необыкновенными выгодами равенства

правъ политическихъ въ то время, когда народъ умираетъ съ голоду. Хартисты истили, какъ могли, производа разнаго рода замѣшательства въ собраніяхъ Лиги, за то, что она не хотѣла, выйти изъ своихъ скромныхъ предѣловъ и отвергала всякое предложеніе дѣйствовать за одно не только съ ними, но со всякою политическою партіею. Наконецъ въ массѣ народа тогда еще господствовало общее убѣжденіе, что дороговизна хлѣба имѣла вліяніе на возвышеніе задѣльной платы, и потому борьба противъ поземельной монополіи казалась болѣе части рабочимъ только борьбою между лордами земель и лордами бумажныхъ фабрикъ, отъ которой они ничего не могли выиграть.

Не смотря на это Лига принялась отважно за дѣло. Новая подписка доставила ей 6,000 ф. ст. и дала возможность ея основателямъ немедленно приступить къ правильной организаціи общества. Всякій членъ, подписавшійся на 50 ф. ст. (312 р. 50 к.) принадлежалъ къ генеральному совѣту, изъ котораго выбирался совѣтъ исполнительный, состоящій изъ самыхъ значительныхъ подписчиковъ или изъ людей, которые могли наиболѣе способствовать къ распространенію вліянія общества, послѣ чего естественнымъ образомъ произошло между ними раздѣленіе занятій. Каждый изъ членовъ принялся за то, къ чему былъ болѣе способенъ. Джоржъ Вильямсъ, извѣстный по своимъ административнымъ талантамъ, былъ избранъ предсѣдателемъ исполнительнаго совѣта; но душою его былъ Кобденъ, славившійся своимъ оживленнымъ, яснымъ и въ высшей степени популярнымъ краснорѣчіемъ. Самыми замѣчательными помощниками его на митингахъ были кзакеръ Брайтъ и Вильямъ Фоксъ. Подъ вліяніемъ исполнительнаго совѣта образовались въ различныхъ городахъ мѣстные комитеты, подчиненные главному, имѣвшему пребываніе въ Манчестерѣ, и сталъ издаваться въ апрѣлѣ 1839 года періодическій журналъ. Для болѣе успѣшнаго дѣйствія Англія была раздѣлена на 12 округовъ и въ каждый изъ нихъ былъ посланъ профессоръ политической экономіи, который долженъ былъ читать лекціи для всѣхъ классовъ народа, между тѣмъ какъ краснорѣчивые пропагандисты отправились во всѣ значительные мануфактурные города Великобританіи для созыванія митинговъ (*).

(*) Журналъ Лиги подъ заглавіемъ «*Anti-corn tax Circular*» сталъ выходить еженедѣльно съ 16-го апрѣля 1839 г. и продолжался до 21-го апрѣля 1841 г. Въ этомъ году онъ былъ замѣненъ еженедѣльнымъ журналомъ, получившимъ болѣе выразительное названіе «*Anti bread-tax Circular*» (циркуляръ противъ налога на хлѣбъ), который 30-го сентября 1843 г. переименованъ былъ въ *The League (Лига)*. Последний журналъ печатался въ 20,000 экземпляровъ и прекратился только съ прекращеніемъ самого общества. Но печатная дѣятельность Лиги

Бюро главного совета поразало всех посетителей зрелищем необыкновенной деятельности; это было целое министерство. Оно раздѣлялось на нѣсколько отдѣленій: писменное, торговое, финансовое и избирательное, которымъ подчинялись еще комитеты работниковъ и даже дамы, которыхъ ваише въ этомъ случаѣ было необыкновенно для Лиги. Дама не только возбуждала благородное соревнованіе между членами общества своимъ присутствіемъ, но и сама принимала дѣятельное участіе въ ихъ трудахъ, устраивая базары и пріятники для приверженцевъ свободной торговли, собиравъ подписки на прошенія, подаваемые ими королю и т. п. (*). И не нужно забывать, что все это устроила компанія кушечъ и фабрикантовъ, вступившихъ въ борьбу съ самыми опытыми государственными людьми и представавшихъ съ ними такой же поразительный контрастъ, какъ нѣкогда Франклинъ съ посѣдившими и чинными французскими и англійскими дипломатами. Члены Лиги привели въ дѣйствіе все, что только можетъ увлечь и просвѣтить народъ, нѣдѣйствуя съ дальновидною и зрѣлою мудростію, они никогда не прибѣгали къ возбужденію страстей или физической силѣ; здравый смыслъ ихъ оказался довольно гибкимъ, чтобы, пользуясь всѣми законными средствами, избѣгнуть расставленныхъ на нихъ сѣтей; однимъ словомъ, они оказались достойными учениками великаго учителя въ такихъ дѣлахъ, О'Коннелла.

Въ 1840 г. средства Лиги позволили ей построить въ Манчестерѣ деревянное зданіе, посвященное исключительно для ея засѣданій и для совѣщающихъ ею митинговъ. Между тѣмъ и нравственное ея вліяніе постоянно усиливалось; городъ Стокпортъ избралъ своимъ представителемъ Кобдена, который могъ такимъ образомъ лично дѣйствовать въ самомъ парламентѣ. Въ слѣдующемъ году Лига, опасаясь противодѣйствій своимъ планамъ со стороны англиканской церкви и желая придать имъ болѣе важности, обратилась къ дисси-

---

етимъ не ограничилась; она почти ежедневно издавала сатирическія памфлеты, маленькія разсужденія, доступныя для самаго низшаго класса и по цѣнѣ (2½ коп.) и по способу изложенія; она прибѣгала даже къ афишкамъ и объявленіямъ, заключающимъ въ себѣ куплеты, изрѣченія, пословицы то серьезные, то шуточные или ѣдкія, напечатанныя большимъ шрифтомъ, которыя поневолѣ останавливали народъ, идущій на работу или возвращавшійся съ нея; наконецъ она дѣйствовала и на будущія поколѣнія, печатавъ и раздавая даромъ буквары для дѣтей въ духѣ свободной торговли и возбуждая въ нихъ такимъ образомъ несправедливыя чувства противъ монополій.

(*) Такъ въ средній зимы въ 1841 г. она собрала въ Манчестерѣ и другихъ значительныхъ городахъ болѣе 100,000 подписей на прошеніи, представленномъ королю Виктору.

дентскому духовенству, убѣждая его во имя общественнаго блага дѣйствовать за одно съ нею. 1,600 священниковъ немедленно приняли съ всей готовностью это предложеніе, а 700 изъ нихъ, принадлежавшихъ къ разнороднымъ сектамъ, посѣщали даже въ Манчестерѣ и послѣ 4-хъ дневныхъ засѣданій, тронутые до глубины сердца благороднымъ и безкорыстнымъ предпріятіемъ Лиги, обѣщали ей съ своей стороны всевозможное содѣйствіе и подписали прошеніе въ парламентъ, которое оканчивалось словами: *существующія постановленія о торговлѣ ялльбожъ нарушаютъ законъ Господній и ограничиваютъ благодѣянія всевышняго промысла.* Между тѣмъ денежные средства Лиги увеличивались такъ же быстро, какъ и ея приверженцы; одинъ базаръ, благодаря содѣйствію манчестерскихъ дамъ, доставилъ въ этомъ году обществу 10,000 ф. ст. (62,500 р. с.).

Мы не станемъ слѣдить постепенно за всѣми дѣйствіями Лиги и приведемъ только главнѣйшія событія изъ ея исторіи. Изъ отчета, представленнаго Кобденомъ въ концѣ 1842 году, можно видѣть необыкновенную дѣятельность главнаго ея комитета. Такъ въ теченіе только 3-хъ недѣль напечатано было 380,000 брошюръ, независимо отъ издаваемого журнала, а между тѣмъ лекціи и митинги продолжались своимъ порядкомъ. Главные члены комитета посѣтили Лидсъ, Бирмингемъ, Шеффилдъ, Глестго и другіе города, которые присоединили свои пожертвованія къ сдѣланнымъ въ Манчестерѣ. Добровольныя эти приношенія составили въ 1842 году сумму въ 25,000 ф. ст., а на будущій годъ рѣшено было въ совѣтѣ собрать 50,000 ф. ст., чтобы еще съ большею энергіею продолжать начатое дѣло. «Если можно собрать, прибавилъ Кобденъ, 2 милліона подписей на прошеніи объ отмітѣ хлѣбныхъ законовъ, то можетъ ли представить затрудненіе сборъ 1 мил. шилл.» И дѣйствительно надежда его не обманула. Съ каждымъ днемъ средства Лиги возрастали, такъ что въ этомъ же еще году она могла воздвигнуть въ теченіе 6 недѣль вмѣсто прежняго деревяннаго огромное каменное зданіе, въ которомъ зала могла помѣстить 10,000 человекъ. Мѣсто для этого зданія было набрано то самое, на которомъ собрался митингъ еще въ 1819 г., для той же самой цѣли, разогнанный воинскою силою. Первое собраніе открылось въ началѣ 1843 г. радостнымъ извѣстіемъ, что годовая сумма простиралась уже до 44,000 ф. ст.

Но люди, стоявшие въ главѣ этого движенія, поняли, что для усиленныхъ дѣйствій Лиги необходимо болѣе обширное поприще, и потому въ началѣ этого же года, съ общаго согласія членовъ главнаго совѣта, засѣданія комитета перенесены въ Лондонъ. Удавшись въ столицу, Лига однако не оставляла безъ вниманія провинціальныхъ городовъ и въ этомъ отношеніи ей оказали необыкновенную

услугу желѣзныхъ дороги и недавно произведенная почтовая реформа. Первые давали возможность знаменитымъ ея ораторамъ являться немедленно тамъ, гдѣ ихъ присутствіе считалось необходимымъ, такъ что, говоря утромъ на митингъ въ Ливерпуль, они могли къ вечеру явиться предъ многочисленнымъ собраніемъ въ Единбургъ или Глестго. Почтовая реформа совершена была въ 1839 г.; она состояла въ томъ, что за всѣ письма не свыше $\frac{1}{2}$ унціи вѣсомъ (тоже, что у насъ 1 лотъ) полагалась однообразная плата 1 пенни (*). Чтобы судить о важности этой реформы для Англии и о необыкновенной дѣятельности ея, довольно сказать, что она получала и отправляла ежегодно до 300,000 писемъ.

Въ Лондонѣ съ самаго начала открытія еженедѣльныхъ митинговъ сперва въ одной тавернѣ, а потомъ во франмасонской залѣ, стеченіе публики было такъ велико, что оказалось необходимымъ болѣе обширное помѣщеніе въ театрѣ. Но скоро и это зданіе оказалось тѣснымъ и многимъ желающимъ нужно было отказываться въ билетахъ. Небольшое возвышеніе было устроено на сценѣ для ораторовъ, публика помѣщалась въ креслахъ и ложахъ. Между тѣмъ поземельные владѣльцы, смотрѣвшіе до сихъ поръ съ презрѣніемъ на дѣйствія Англии, замѣтивъ, что общественное мнѣніе начинаетъ сильно склоняться на ея сторону, увидѣли себя въ необходимости принять тоже рѣшительныя мѣры. И дѣйствительно не было ни одного орудія, начиная отъ клеветы, распространяемой по ихъ внушенію даже англиканскимъ духовенствомъ, котораго бы они не употребляли, и ни одного благопріятнаго обстоятельства, которымъ бы они не воспользовались, чтобы выставить на показъ свою заботливость о благосостояніи народа. Въ парламентѣ были ими представляемы различные проекты о сокращеніи часовъ работы на фабрикахъ, объ устройствѣ богадѣльнъ, о переселеніи излишка населенія въ колоніи и т. п. Но члены Англии съ своей стороны, содѣйствуя и въ большей гораздо мѣрѣ, чѣмъ лорды, каждому благотѣльному предпріятію, въ тоже время безжалостно разоблачали эту ложную филантропію и, смѣло срывая маску, указывали постоянно на скрывающійся подъ нею самый постыдный эгоизмъ. Такъ послѣднее предложеніе, касающееся переселенія, подало поводъ Джемсу Вильсону и Кобдену къ произнесенію замѣчательныхъ рѣчей на митингъ 30-го марта 1846 г. «Вы хотите, сказалъ первый, — основывая колоніи, открыть въ будущемъ новыя рынки, а между тѣмъ стѣсните уже существующіе посредникомъ разнаго рода ограниченій!» «Волы и лошади, прибавилъ Кобденъ, пашутъ всегда на рынкахъ свою цѣну; только человѣкъ,

(*) Такая малая англійская почта, равняющаяся нашимъ $2\frac{1}{4}$ коп. сер.

это сверхкомплектное животное, представляет собою предмет затрудненія для власти законодательной, которая не знаетъ, какъ отъ него освободиться, даже съ потерей. Если это излишнее населеніе въ 1½ милліона людей не можетъ содержаться въ Англіи, не смотря десятикратное накопленіе въ ней капиталовъ, то какимъ образомъ можетъ оно найти средства для жизни въ Каналѣ? Не гораздо ли благоразумнѣе было бы дозволить свободный привозъ къ намъ средствъ пропитанія, чѣмъ высылать насъ къ этимъ средствамъ? И спрашивалъ ли кто нибудь этихъ несчастныхъ, желаютъ ли они переселиться?»

Но Лига не довольствовалась уже проповѣдями въ однихъ городахъ; Кобденъ отправился въ земледѣльческіе графства, гдѣ хлѣбная монополія больше всего имѣла защитниковъ между фермерами, и тамъ часто, на открытомъ мѣстѣ (какъ напр. въ Гетфордѣ), съ высоты вагона, говорилъ въ собраніи нѣсколькихъ тысячъ земледѣльцевъ о собственной ихъ выгодѣ, какою они первые воспользуются отъ введенія свободной торговли. Эти собранія всегда соглашались съ его доказательствами. А между тѣмъ, чтобы не оставить никакого сомнѣнія на счетъ искренности своихъ домогательствъ, исполнительный совѣтъ Лиги издалъ манифестъ, въ которомъ было сказано, что Лига требуетъ совершеннаго и немедленнаго уничтоженія всѣхъ охранительныхъ пошлинъ не только для земледѣлія, но равно для фабрикъ и торговли. За манифестомъ послѣдовалъ отчетъ совѣта о его дѣятельности и предположеніяхъ на будущій годъ. Всѣ печатныя изданія Лиги, составившія около 9 милліоновъ экземпляровъ, были разосланы 300,000 избирателей въ графствахъ и 400,000 въ городахъ. Независимо отъ Лондона и Манчестера въ 140 городахъ устроены были митинги, на которыхъ всегда находились нѣкоторые изъ членовъ совѣта. На слѣдующій годъ рѣшено было писать каждую недѣлю къ 300,000 избирателей графствъ, присутствовать вездѣ, гдѣ только откроется вакантное мѣсто въ парламентъ, и поддерживать тамъ кандидатовъ, приверженныхъ къ свободной торговлѣ. Для покрытія издержекъ предположено собрать 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года Лигѣ представился случай испытать свою силу въ Лондонѣ и оцѣнить успѣхи своей пропаганды. Въ столицѣ открылось вакантное мѣсто члена въ нижнюю палату. Явилось два кандидата: одинъ изъ нихъ Баррингъ, богатый банкиръ, пользующійся личнымъ уваженіемъ и вліяніемъ въ высшемъ кругу аристократіи посредствомъ дяди своего, лорда Амбуртона, — другой человѣкъ неизвѣстный, нѣкто Джемсъ Потиссонъ, приверженецъ свободной торговли. Лига употребила всѣ вѣзвѣщія отъ нея сред-

ства для доставленія побѣды своему представителю. Она нѣсколько разъ созывала избирателей въ ковенгарденскій театръ и, чтобы предупредить при этомъ подкупъ, публично объявила, что каждый, кто поймастъ и представитъ присяжнымъ подкупающаго или подкупленнаго, получить 100 фунт. ст. награжденія. Борьба была весьма трудная; но, несмотря на всѣ усилія министерства и финансовое вліяніе Баринга, его противникъ вышелъ побѣдителемъ. Это былъ необыкновенный успѣхъ; поздравленія посылались со всѣхъ сторонъ, а многочисленные приверженцы свободной торговли въ Глазго подписали благодарственный адресъ Кобдену, въ которомъ имя его было поставлено наряду съ великими реформаторами Англіи, Вильберфорсомъ, Кларксономъ О'Коннеломъ и лордомъ Гресомъ. Въ то же время митинги умножились по всему государству для собранія суммы 100,000 ф. ст. Въ Манчестерѣ немедленно послѣ приглашенія явились въ ратушѣ знаменитѣйшіе негодіанты и мануфактуристы, и выразивъ свою благодарность Кобдену и Брайту, въ теченіе полтора часа подписали на общее дѣло сумму 11,000 фунт. стерлин., которая чрезъ мѣсяцъ увеличилась до 20,000 фунт. (125,000 руб. серебромъ). Другіе города не хотѣли уступить въ соревнованіи, и вскорѣ можно было убѣдиться, что теперь Лигѣ легче собрать сто тысячъ ф., чѣмъ прежде десять. Но важнѣе этихъ пожертвованій для Лиги было присоединеніе къ ней значительнѣйшихъ капиталистовъ Лондона, многихъ аристократическихъ фамилій и наконецъ многочисленнаго класса работниковъ, которые, какъ мы упоминали выше, до сихъ поръ ей не довѣряли. Въ декабрѣ 1843 года болѣе 4,000 рабочихъ изъ графства Лейчестерскаго прислали дружескій адресъ Кобдену и Брайту и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вмѣстѣ со многими фермерами и даже фабрикантами они пригласили ихъ на публичное собраніе съ предводителями хартистовъ—О'Бріеномъ и О'Конноромъ. Ораторы Лиги съ величайшимъ удовольствіемъ приняли это приглашеніе, но О'Бріенъ не дождался назначенное время и споръ съ О'Конноромъ кончился тѣмъ, что его предложеніе, чтобы прежде всякихъ коммерческихъ реформъ стараться достигнуть пересмотра конституціи, было отвергнуто въ собраніи огромнымъ большинствомъ голосовъ. Съ этихъ поръ аристократія стала угрожать опасностью даже въ мѣстахъ, по видимому наименѣе доступныхъ дѣйствию Лиги и гдѣ она пользовалась почти неограниченнымъ вліяніемъ. Чтобы не лишиться единственной и послѣдней своей опоры, герцоги Ричмондскій и Букингемскій рѣшились образовать Анти-Лигу, принимая въ составъ ея самыхъ отчаянныхъ протекціонистовъ и подражая въ ея устройствѣ своей опасной соперницѣ. Такимъ образомъ кромѣ главной ассо-

ціаціи, находящейся въ Лондонѣ, были организованы мѣстные во всѣхъ земледѣльческихъ графствахъ. Но эти ассоціаціи не казались страшными для Лиги; напротивъ, по нимъ она судила о своихъ успѣхахъ, заставивъ людей, до сихъ поръ только установившихся въ свою пользу таможенные законы, искать опоры въ общественномъ мнѣніи, и надѣясь долго ихъ побѣдить на этомъ полѣ, особенно послѣ того, какъ одинъ членовъ Анти-Лиги недавно высказалъ свое убѣжденіе, что покровительство земледѣльцамъ необходимо для того, чтобы они могли платить свои долги и быть въ состояніи давать приданое своимъ дочерямъ. Лига не оставила безъ отвѣта ни одного возраженія, дѣлаемаго противъ свободной торговли, ни одного софизма, или ложнаго патріотическаго возгласа, которыми протекціонисты старались прикрыть свои эгоистическія стремленія. Такъ между прочимъ на митингѣ 26-го января 1844 г. Фоксъ съ необыкновенною пропією возсталъ противу одного и чаще всего употребляемаго софизма, будто охранительныя пошлины необходимы для того, чтобы не нѣматься въ зависимость отъ иностранцевъ, и доказалъ всю его несостоятельность. Мы приводимъ здѣсь эту рѣчь, какъ образецъ краснорѣчія въ народномъ духѣ. *Была любимымъ мнѣ отъ иностранцевъ, вотъ любимая тема нашей аристократіи. Но она забываетъ, что гуано, употребляемое ею для удобренія полей, покрываетъ британскую почву иностраннымъ навозомъ, который проникаетъ въ каждый атомъ зерна и налагаетъ на него платно столь нетерпимой ею зависимости. И кто же онъ, этотъ богатый баринъ, этотъ адвокатъ народной независимости и врагъ всякаго сношенія съ иностранцами? Разсмотримъ его жизнь. Вотъ поваръ французъ, приготавлиющій обѣдъ для господина, и лакей швейцарецъ, приготавлиющій господина къ обѣду. Миледи, которую онъ ведетъ подъ руку, сілетъ вся въ жемчугъ, котораго никто не найдетъ въ британскихъ раковинахъ, а перо, развѣивающееся на ея головѣ, вырвано не изъ хвоста англійской индѣйки. Говядина на его столѣ происходитъ изъ Бельгіи, а вина съ береговъ Рейна или Роны. Онъ поконитъ свои взоры на дѣвѣтахъ, привезенныхъ изъ Южной Америки, и услаждаетъ свое обоняніе дымомъ листьевъ, доставленныхъ изъ Сѣверной Америки. Его любимый конь принадлежитъ къ арабской породѣ, собачка къ сенбернарской. Его галерея наполнена фламандскими картинами и греческими статуями. Когда онъ хочетъ развѣяться, то идетъ слушать итальянскихъ артистовъ, поющихъ нѣмецкую музыку, послѣ которой слѣдуетъ французскій балетъ. Показывается ли онъ въ судебныхъ должностяхъ, тогда его плечи покрываетъ торюста, котораго напрасно бы кто искалъ между британскими животными. Даже его унѣ представляютъ пестроту чужо-*

земныхъ заимствованій. Его философія и поэзія происходятъ изъ Греціи и Рима, геометрія изъ Александріи, арифметика изъ Аравіи и религія изъ Палестины. Въ колыбели уже онъ кусаетъ рождающіеся зубами кораллы, собираемый въ Индійскомъ океанѣ, а когда умереть, ему поставятъ памятникъ изъ каррарскаго мрамора». Когда лорды, прикрывая свои эгоистическія стремленія общимъ интересомъ, доказывали, что покровительство отечественному земледѣлію обезпечиваетъ существованіе сельскихъ работниковъ, Фоксъ не менѣе рѣзко отвѣчалъ: «Покровительство земледѣльческому работнику! О, да! Вы ему покровительствовали до тѣхъ поръ, пока онъ не спустился со всѣхъ ступеней общественной лѣстницы; пока его одежда не превратилась въ лохмотья, а его хитина—въ шалашъ; пока его жена и дѣти, не имѣя приличнаго платья, не могутъ болѣе ходить въ церковь. Ваше покровительство гнало его изъ поля въ рабочій домъ, изъ рабочаго дома въ судъ, изъ суда въ тюрьму, а изъ тюрьмы въ гробъ. Только подъ холоднымъ камнемъ найдетъ онъ болѣе дѣйствительное покровительство, чѣмъ подъ вашими законами. И почему слѣдуетъ ограждать привилегіями одинъ только какой нибудь классъ общества? Почему состояніе землевладѣльца заслуживаетъ покровительства на счетъ цѣлаго общества? Почему не покровительствовать также философа, артиста, поэта?... Но все это только уловка. Аристократія покровительствуетъ сама себѣ. Она бросаетъ намъ перчатку и хочетъ, какъ говорятъ, уничтожить Лигу. Хорошо, попробуемъ. Нѣтъ уже между нею этихъ гордыхъ бароновъ Руйнелидскихъ; прошло время рыцарства. Прошло оно для нихъ, потому что нѣтъ ничего рыцарскаго въ томъ, что наши лорды слѣбались хлѣбными кунцами и угнетаютъ всю страну для того, чтобы увеличить свой барышъ. Но куда же они идутъ, отчуждаясь такимъ образомъ отъ всего общества? Они рождаютъ недовѣріе между работниками; они объявляютъ войну всѣмъ народнымъ интересамъ, лишаютъ себя всего, что составляетъ ихъ силу и достоинство. Куда идутъ они, отдѣляясь отъ общественнаго движенія, считая, что они будутъ всегда довольно сильны, чтобы задавить своихъ согражданъ? Нечего имъ ждать отъ такой политики, кромѣ разоренія и стыда. Если они будутъ въ ней упорствовать, то скоро увидятъ, что жизнь ихъ будетъ неразлучна со страхомъ и униженіемъ; земля будетъ дрожать подъ ихъ стопами, какъ нѣкогда она дрожала подъ стопами братоубійцы Каина. Пусть они пробѣгутъ весь міръ, нигдѣ они не встрѣтятъ чувства любви и благосклонной улыбки. Но пусть они соединятся съ нами, пусть соединятся съ цѣлымъ народомъ,—тутъ ожидаетъ ихъ уваженіе, богатство, счастье. Если же они объявятъ ему войну, неминуемая гибель угрожаетъ этой надменнѣй кастѣ». На объединенія въ непосредствен-

тельности учения экономистовъ, что дороговизна происходитъ отъ таможенныхъ ограничений, то есть отъ уменьшенія привоза, и что въ то же время свободная торговля не понижаетъ цѣны на предметы, производимые внутри государства, представители Лиги отбѣтали: «Не нужно иногда забывать, что дешевизна и дороговизна могутъ быть слѣдствіемъ двухъ различныхъ причинъ. Дороговизна можетъ происходить въ обществѣ или отъ рѣдкости или отъ значительной силы погребленія. Въ первомъ случаѣ цѣна предметовъ неособенна со средствами приобрѣтенія, во второмъ она показываетъ усиліи общественного богатства. Такъ и дешевизна можетъ быть слѣдствіемъ или большаго обилія предметовъ или недостатка средствъ для удовлетворенія потребностей. Такъ, въ 1819 г., когда вельшши на шерсть составляла 6 пен. съ фунта, привозъ ея не превышалъ 19 мил. £., но съ тѣхъ поръ, какъ Хусинсонъ убѣдилъ налету понизить на нее пошлину до 1 п. съ фунта, привозъ чрезъ нѣсколько лѣтъ увеличился до 64 мил. £. и, не смотря на это, цѣна шерсти возвысилась внутри государства отъ 12 до 19 пенни за фунтъ (отъ 27 до 43 к. сер.). Въ 1836 г. по случаю торговаго кризиса привозъ шерсти снова уменьшился до 40 мил. £. и вслѣдъ за тѣмъ цѣна ея упала съ 19 до 10 пен. за фунтъ. Такія статистическія данныя показываютъ намъ, что за каждымъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ привоза шерсти слѣдовали увеличеніе или уменьшеніе вывоза шерстяныхъ издѣлій.»

Въ то время, какъ ораторы Лиги просвѣщали народъ, налагая и объясняя ему самые сложные вопросы политической экономіи; Кобденъ рѣшился побѣдить протекціонистовъ въ парламентѣ собственнымъ ихъ оружіемъ. Онъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы нижняя палата избрала изъ среды себя комитетъ для изслѣдованія состоянія земледѣльческаго класса, соглашався даже, чтобы большинство этого комитета состояло изъ партіи землевладѣльцевъ, и уступая въ чемъ нибудь председателю одному изъ нихъ, хотя онъ, по принятому обыкновению, имѣлъ на это право, какъ авторъ предложенія. Въ предисловіи рѣчи, сказанной по этому случаю, онъ замѣтилъ, что каждое изъ прежде сдѣланныхъ изслѣдованій убѣждало правительство, что устанавливаемая законодательною властью цѣна хлѣба оназывалась всегда недействительною и что фермеры, заключившіе сообразно съ нею договоры съ поземельными собственниками, никогда не были въ состояніи выполнить принятыхъ на себя условій. Онъ доказалъ при этомъ, что пониженіе цѣны на хлѣбъ отъ свободнаго привоза его изъ другихъ странъ далеко не такъ опасно, какъ это стараются представить протекціонисты, и наконецъ, что ограниченія въ этомъ привозѣ, устанавливаемая будто бы въ пользу

бу сельскихъ работниковъ, довели ихъ до крайности. Въ то же время, желая отыскать лордавъ, которые до сихъ поръ отдѣлялись своими филантропическими сочувствіемъ къ бѣдному классу на счетъ мануфактуристовъ, онъ представилъ оффиціальныя рапорты о крайней нищетѣ сельскаго населенія въ четырехъ южныхъ графствахъ. Это былъ тяжелый ударъ для землевладѣльцевъ, и хотя предложеніе Кобдена было отвергнуто, но пренія, происходившія въ палатѣ, не были потеряны для народа.

Вскорѣ послѣ того Кобденъ рѣшился на болѣ смѣлое и въ то же время самое искусное предпріятіе, какое только можно было выдумать, для приобрѣтенія большинства въ палатѣ въ пользу свободной торговли. Планъ его состоялъ въ слѣдующемъ: несмотря на знаменитую парламентскую реформу, произведенную Грессомъ въ 1832 году, лорды успѣли отстоять для сохраненія своего политическаго преобладанія одну изъ самыхъ важныхъ статей прежней картіи, по которой каждый житель собственной Англіи, владѣющій свободнымъ посемельнымъ участкомъ (free-hold), приносящимъ ему 40 ш. (12 р. сер), имѣлъ право быть избирателемъ. Такой участокъ можно было приобрѣсти за 50 или 60 ш. ст. (313 до 375 р. сер.). До сихъ поръ аристократія пользовалась этимъ правомъ исключительно для своихъ выгодъ; но теперь ораторы Лиги направили все свое краснорѣчіе на то, чтобы убѣдить зажиточныхъ фабричныхъ работниковъ, вмѣсто отдачи накопленныхъ ими капиталовъ въ сберегательныя кассы, употребить ихъ на приобрѣтеніе подобныхъ участковъ. Кобденъ предлагалъ самымъ прилежнымъ изъ нихъ въ займы нужныя деньги, а между тѣмъ, страницы журнала Лиги были наполнены самыми подробными объясненіями, какъ на счетъ покупки земли, такъ и внесенія своего имени въ число избирателей. На митингахъ ораторы, представляя великую обязанность гражданина, доказывали, что торговля ограничена существовала въ Англіи такъ долго только потому, что изъ самаго многочисленнаго класса мало кто до сихъ поръ думалъ воспользоваться предоставленнымъ закономъ правомъ. Кроме того поручено было опытнымъ юристамъ разсмотрѣть въ каждомъ избирательномъ комитетѣ реестры выписывающихся и проверить ихъ справедливость; предводители Лиги, не теряя времени, разѣхались по всей Англіи, желая личнымъ присутствіемъ возбудить болѣе энергіи въ своихъ приверженцахъ. Кобденъ въ теченіе десяти недѣль присутствовалъ на 85 митингахъ и результатомъ этой необыкновенной дѣятельности было то, что въ родолженіе трехъ мѣсяцевъ около 250,000 фунтовъ стерлин. было употреблено работниками на приобрѣтеніе въ различныхъ графствахъ свободныхъ посемельныхъ участковъ. Не доходящая агентамъ сошнѣ Лиги

оказалось, что изъ 160 мѣстечекъ, пользующихся правомъ выбора, 112 было предано Англіи и что въ трехъ только графствахъ (Ланкастерскомъ, честерскомъ и Йоркскомъ) явилось уже 5,000 новыхъ избирателей.

Эти факты начали сильно безпокоить протекціонистовъ, которые видимо терли въ общественномъ мнѣніи. Лига напротивъ считала свои усилія по уменьшающемуся числу голосовъ нижней палаты противныхъ предложенію, представляемому ежегодно Виллорсамъ, объ уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ. Такъ въ 1842 г. предложеніе это было отвергнуто большинствомъ 303 голосовъ, въ 1843 г.—256 и въ 1844 г. только 206. Кроме того и министерство начало уже при каждомъ удобномъ случаѣ высказывать свои убѣжденія въ пользу свободной торговли, и это до такой степени раздражало партію крайнихъ торж, что они не щадили даже личности Пиза, называя его жаживникомъ. Ослѣпленные своими интересами и не видя перемѣны явно промешедшей въ обществѣ, они часто подавали въ руки своихъ противниковъ самое сильное противъ себя орудіе—насмѣшку. Такъ при представленіи бюджета въ началѣ 1845 г. министерство предложило между прочимъ уничтожить пошлину на разнаго рода жиръ и сало. Землеуладѣльцы немедленно встали противъ этого предложенія, доказывая, что подъ названіемъ жира кушцы станутъ привозить коровье масло, отъ чего могутъ пострадать земледѣльческіе интересы. Но министръ торговли Кларкъ успѣшилъ ихъ успокоить, утѣря самымъ торжественнымъ образомъ, что привозимое иностранцами масло будетъ смѣшано со смолою, такъ что его будетъ невозможно употреблять въ пищу.

Такая предосторожность подава новодѣ ко многимъ шуткамъ. Такъ напримѣръ полковникъ Томпсонъ сдѣлалъ предложеніе на одномъ митингѣ помѣстить въ элементарныхъ книгахъ для дѣтей, — на вопросъ, какія обязанности возложены на министровъ Великобританіи, — слѣдующій отвѣтъ: примѣшивать смолу къ нашему маслу.

Ко всему этому необходимо прибавить еще одинъ замѣчательный фактъ. Объявивъ войну всѣмъ безъ исключенія монополиямъ и торговымъ ограниченіямъ, Лига съ немалымъ шумомъ возставала противъ всякаго вооруженнаго вмѣшательства, противъ всѣхъ завоеваній или пріобрѣтеній новыхъ населеній. Этотъ рѣшительный переломъ въ политикѣ англійскаго кабинета, какой мы замѣчаемъ съ недавняго времени, нужно приписать сильному вліянію Лиги и ея ораторовъ. Мы не можемъ не привести весьма интересной рѣчи, сказанной Фоксомъ въ присутствіи многочисленнаго собранія приверженцевъ свободной торговли, по случаю недоразумѣній, возникшихъ между Англіею и Соединенными Штатами за Орегонъ, и

возбуждавшей самое сильное сочувствіе въ массѣ слушателей. «Что же это за территория, сказалъ онъ, за которую мы ведемъ споръ и располагаемся одной третью ея пространства? 360,000 кв. м. (630,000 кв. верстъ) бесплодной степи, высохшей лавины, американской Сахары, Ботанибей красныхъ кожъ, царства буйволовъ и нѣсколькихъ сотъ индейцевъ, называющихъ себя плоскоголовыми и разщепленноносными! И вотъ предметъ спора! Но Польша и Польша могли бы столь же хорошо владѣть насъ въ войну за Лунныя горы! Пусть люди, неимѣющіе болѣе гостепріимнаго убѣжища, поселятся на этой территоріи и обратятъ подлѣ нашу плодородную ея часть. Когда она будетъ населена, когда утвердится тамъ промышленность и возникнутъ многочисленные города, когда скалистыя горы прорѣжутся желѣзными дорогами, а каналы соединятъ Восточный океанъ съ Тихимъ, когда воды американскія поворотятся пароходами, тогда будетъ время поговорить объ Орегонѣ. Но тогда, не посылая ни одного полка или линейнаго корабля, безъ бомбардированія городовъ и безъ пролитія капли крови, свободная торговля подчинитъ намъ не только Орегонъ, но и Соединенные Штаты. Тогда не будетъ ни одного разчищателя лѣсовъ, который бы въ своемъ бѣльѣ не носилъ манчестерской ливреи; ни одного охотника, котораго ружье не имѣло бы шесфилдскаго клейма, а лѣнныя издѣлія Спитальфилда будутъ служить англійскимъ знаменомъ, развивающимся на берегахъ Миссури. Орегонъ тогда будетъ дѣйствительно завоеванъ и станетъ плетить дѣла нашимъ промышленникамъ, потому что будетъ добровольно для насъ трудиться. Для насъ онъ станетъ производить пшеницу и присылать откормленный скотъ; но для этого не нужно англійскаго губернатора, который бы спорилъ съ нѣстными законодательными властями, или англійскихъ солдатъ, удерживающихъ спокойствіе посредствомъ пытокъ. Свободная торговля, вотъ самое благородное господство и самое вѣрное завоеваніе.»

Искоренна такимъ образомъ старыя предразсудки въ массѣ народа и умѣряя возмущенныя ея порывы, Лига понимала, что она неминуемо достигнетъ своей цѣли, какъ постановили дѣйствіемъ на избирательные комитеты. Но для этого нужны были средства. Касса ея находилась въ цвѣтущемъ состояніи, но предполагаемая сумма въ 100,000 фунт. стерлин. не была еще охотательно собрана. Тогда совѣтъ рѣшился употребить то же средство въ Лондонѣ, которое ему такъ хорошо удалось въ прошломъ году въ Манчестерѣ, т. е. съ народный базаръ, перучить устройство его также дамамъ. Дамы въ числѣ 2,000 образовали между собою общество подъ председательствомъ нѣсколькихъ депутатовъ совѣта и съ необыкновен-

важною дѣятельностью принимая за исполненіе этого предпріятія. Ковентгарденскій театръ былъ превращенъ въ великолѣпный готическій храмъ, названный дворцомъ Аладина, въ которомъ съ рѣдкимъ вкусомъ были размѣщены самыя разнообразныя произведенія англійской промышленности, и эта выставка, предвѣстница всемірной, осуществленной спустя 6 лѣтъ, доставила Англіи 25,900 ф. стер. (155,250 р. сер.).

Послѣ такого замѣчательнаго явленія никто уже болѣе не сомнѣвался въ успѣшномъ и скоромъ окончаніи борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ. Нужно впрочемъ прибавить, что и въ парламентѣ произошла важная перемѣна въ убѣжденіяхъ предводителей двухъ противныхъ политическихъ партій. Когда дошла очередь до предложенія Вильерса, возобновляемаго, какъ мы уже сказали, сегоднѣ съ 1838 году, вся нижняя палата находилась въ полномъ составѣ, со страхомъ или нетерпѣніемъ ожидая результата возбуждаемыхъ по этому случаю преній. Министерство по обязанности еще защищало существующую и имъ же самимъ составленную недвижимую пошлину, но слабо, и для всѣхъ уже было очевидно, что оно выжидало только удобнаго случая для ея уничтоженія. Въ то же время лордъ Россель, явно склонялся къ началу свободной торговли, предлагалъ незначительную пошлину только на время переходнаго состоянія.

Можно однако положительно сказать, что дѣло это не кончилось бы еще такъ скоро, если бы одно случайное обстоятельство не дало ему болѣе рѣшительнаго оборота. Въ сентябрѣ и октябрѣ 1845 г. стали доходить до правительства изъ разныхъ частей государства, а преимущественно изъ Ирландіи, самыя неблагопріятныя слухи о неизвѣстной еще до сихъ поръ болѣзни картофеля, которая угрожала голодною смертію миллионамъ несчастныхъ ирландцевъ, почти исключительно питающихся этимъ продуктомъ. Устрашенное министерство отправило для изслѣдованія этого бѣдствія двухъ знаменитыхъ ученыхъ Линдли и Пейсера, которые только подтвердили справедливость прежнихъ доносеній, но не открыли средствъ для его устраненія. Тогда Пилль созвалъ совѣтъ министерства и предложилъ ему дѣйствовать: или приостановить дѣйствіе хлѣбныхъ законовъ на нѣкоторое время съ тѣмъ, чтобы испросить впоследствии въ парламентѣ одобреніе этой необычайной мѣры, или созвать немедленно парламентъ и предложить ему совершенное уничтоженіе этихъ законовъ. Первый министръ при этомъ замѣтилъ, что, по его личному убѣжденію, послѣдній способъ казался ему болѣе удобнымъ. Но ни одно изъ этихъ предложеній не было принято членами министерства. Болѣе всѣхъ возставалъ противъ нихъ лордъ Стюартъ (нынѣ первый министръ лордъ Дарбинъ), основываясь на томъ, что невозможно еще судить о

сикъ поръ и объ уборкѣ хлѣба, и о количествѣ поврежденнаго картофеля, а между тѣмъ опасно было затрогивать существующее законодательство, чтобы не пришлось совершенно отъ него отказаться. Для полученія болѣе положительныхъ свѣдѣній объ Ирландіи, министерство назначило новую комиссію изъ самыхъ опытныхъ чиновниковъ этой страны.

Лига, разумѣется, не могла упустить столь удобнаго времени для своихъ дѣйствій. Число митинговъ умножилось и ораторы ея удвоили свою дѣятельность. Но болѣе важнымъ событіемъ, чѣмъ нѣхъ рѣчи, въ это время было появленіе въ газетахъ письма Джона Росселя къ избирателямъ лондонскаго Сити. Въ этомъ письмѣ глава виговъ, представляя опасность положенія, происходящую и отъ болѣзни картофеля и отъ неувѣренности, какія мѣры противъ этого несчастія будутъ приняты министерствомъ, — неувѣренности, весьма вредно дѣйствующей на торговлю, откровенно сознавался, что его убѣжденіе о необходимости покровительства для земадельческой промышленности въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ совершенно измѣнилось и что въ настоящее время никакая нешлина на привозимый хлѣбъ болѣе невозможна. Въ тоже время онъ совѣтовалъ, чтобы народъ посредствомъ просьбъ въ парламентъ и другихъ законныхъ изъясненій своей воли облегчилъ положеніе перваго министра и доставилъ ему предлогъ освободиться съ честью отъ узъ, связывающихъ его съ интересами партіи торі. Примеру Росселя послѣдовали другія замѣчательныя лица изъ партіи виговъ. Пилъ сознавалъ всю затруднительность этихъ обстоятельствъ и крайнее неудобство своего положенія между консерваторами, доставившими ему власть и поддерживавшими его, и сильнымъ гнетомъ общественнаго мнѣнія, пробужденнаго не только Лигою, но и бѣдственными положеніемъ страны. Желая найти опору по крайней мѣрѣ въ единствѣ кабинета, онъ вторично созвалъ 25 ноября своихъ товарищей и снова предложилъ имъ необходимость совершеннаго уничтоженія существующаго тарифа на привозимый хлѣбъ. Несмотря на то, что герцогъ Веллингтъонъ, сильно въ первый разъ возстававшій противъ этой мѣры, привнесъ сторону Нилла, считалъ удержаніе власти въ рукахъ консерваторовъ гораздо важнѣе, чѣмъ кака бы то ни была торговая реформа, лордъ Стенли остался при своемъ мнѣніи и подалъ въ отставку. Это рѣшило участь всего кабинета, потому что вслѣдъ за тѣмъ и первый министръ просилъ королеву о своемъ увольненіи. Призванный на его мѣсто Россель спорѣ убѣдился, что онъ не можетъ разсчитывать въ нижней палатѣ на большинство и что кабинетъ лигавъ при тогдашнемъ положеніи дѣлъ былъ совершенно невозможенъ, потому спорѣ отказался отъ сдѣланнаго ему предло-

женія. Тогда королева опять обратилась къ Пэлю съ просьбою составить новое министерство. Пэль не колебался ни одной минуты, и за исключеніемъ Стенли, котораго замѣнилъ Гледстонъ, онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ прежнихъ членовъ, которые не хотѣли оставить его въ такую критическую минуту.

Между тѣмъ Лига, желая ускорить преобразование, за которое она боролась уже 8 лѣтъ, отменила свое прежнее рѣшеніе—не подавать болѣе въ парламентъ прошеній, которыя немедленно за тѣмъ и носынались цѣлыми тысячами. Кромѣ того на митингъ 23 декабря 1845 г. въ Манчестерѣ принято было единогласно предложеніе собрать 250,000 ф. ст., чтобы быть въ состояніи открыть компанію въ будущемъ году въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, первый промышленный городъ въ государствѣ напавъ собою замѣчательный примѣръ того, на какия пожертвованія способны частные люди въ Англіи, если стремятся осуществить великую идею, которой практическое примѣненіе обѣщаетъ улучшить общественное благосостояніе. На другой день утромъ, послѣ объявленія рѣшенія совѣта Лиги, собравшіеся въ ратушѣ банкиры, фабриканты и купцы подписались въ одно засѣданіе на 60,000 ф. ст., а черезъ нѣсколько дней сумма эта возросла до 75,000. Изъ другихъ городовъ, принявшихъ участіе въ подпискѣ, Ливерпуль пожертвовалъ 40,000, и Лидсъ — 36,000; такъ что на третьей недѣлѣ было уже болѣе половины требуемой суммы. Въ представленномъ Лигею отчетѣ было сказано, что слишкомъ 600,000 ф. ст. было употреблено работниками на приобрѣтеніе свободныхъ участковъ, и такой способъ увеличенія числа избирателей, по случаю возникшаго процесса, признанъ былъ судебною властью не только законнымъ, но достойнымъ всякой похвалы. Эти факты лучше всего доказываютъ намъ, какъ успѣшно дѣйствовала Лига на общественное мнѣніе. Къ несчастію, политика прежнихъ государственныхъ людей Великобританіи носила въ Европѣ страшное недовѣріе даже къ самымъ благороднымъ стремленіямъ народа. Во всѣхъ преобразованіяхъ, совершенныхъ въ послѣднее время въ государствѣ, люди съ предубѣжденіемъ искали позарышъ замысловъ. Такъ было съ освобожденіемъ негровъ и такими же образамъ нѣкоторые судятъ о тамошней реформѣ. Эта продолжительная борьба противъ непоколебимыхъ предрѣшеній, во время которой такіе замѣчательныя личности, какъ Кобденъ, Брайтъ, Смитъ, Вилсонъ, не щадили ни времени, ни денегъ, ни своего усерднаго труда, имѣютъ надъ тѣмъ только легкое пошевеленіе, разсѣянной для того, чтобы обмануть континентальныя державы. Между тѣмъ многія событія тогдашняго времени, поразительныя по своей простотѣ и чистотѣ, могли бы убѣ-

днѣ сѣбѣхъ скептическихъ людей, что простой народъ дѣйствовалъ подѣ влияніемъ собственныхъ бѣдствій, нисколько не заботясь о другихъ государствахъ. Такъ между прочимъ въ графствѣ Вилтъ-скомъ собралось 5-го января 1846 года болѣе 1,000 поселянъ на открытомъ полѣ, ночью, во время сильной стужи, чтобы представить также свое прошеніе въ парламентъ. Сколоченное изъ нѣсколькихъ досокъ небольшое и узкое возвышеніе, на которомъ находился деревянный столикъ и нѣсколько стульевъ, служило помѣщеніемъ для председателя, тоже изъ поселянъ, и нѣсколькихъ журналистовъ. При блѣдномъ свѣтѣ луны, изрѣдка освобождающейся изъ-подъ темныхъ облаковъ, и при четырехъ или пяти свѣчахъ въ фонаряхъ или закрываемыхъ отъ вѣтра руками, происходилъ этотъ митингъ нищеты. Голодъ и отчаяніе рѣзкими чертами были написаны на истощенныхъ лицахъ этихъ новыхъ Гемпденовъ. Нужно прочесть эти раздирающіе сердце рассказы, чтобы убѣдиться, что отмена хлѣбныхъ законовъ была дѣломъ, вынужденнымъ только крайнимъ положеніемъ рабочаго класса.

Одинъ изъ присутствующихъ на этомъ сельскомъ митингѣ предложилъ собранію рѣшеніе: «Рабочій классъ находится теперь въ болѣе бѣдственномъ положеніи, чѣмъ въ прошедшемъ году, когда я доказывалъ въ подобномъ же собраніи, что всякій имѣющій пятеро или шестеро дѣтей ложился спать болѣе обремененнымъ долгами, чѣмъ на канунѣ... «Меня увѣрили, что когда-то крестьяне употребляли въ пищу хлѣбъ, масло, сыръ, говядину и пиво; теперь мы питаемся только картофелемъ, съ прибавленіемъ немного соли. Мнѣ сорокъ лѣтъ, и въ теченіе этого времени я не купилъ ни одного фунта говядины». Но самая печальная рѣчь была произнесена однимъ крестьяниномъ изъ Чарльтона. «Я сдѣлалъ 20 милъ дороги, чтобы рассказать вамъ о моемъ бѣдствіи. Намъ нужно жить, мнѣ, моей женѣ и 6 дѣтямъ, за 8 шил. въ недѣлю (2 р. 40 к.), когда хлѣбъ стоитъ 15 пенсовъ за галлонъ (27 к. за гарнецъ). Фермеры говорятъ намъ, что задѣльная плата измѣняется съ измѣненіемъ урожая; но въ прошедшую весну я зарабатывалъ 7 шил. въ недѣлю, а хлѣбъ покупалъ по 9 п. за галлонъ, который теперь стоитъ 6-ю пенсами дороже. Но считая по 1 фунту хлѣба на человѣка, для насъ нуженъ 1 галлонъ въ день. Кромѣ того необходима одежда, отопленіе, квартира, а для всего этого ничего уже болѣе не остается послѣ покупки хлѣба. Я сказалъ чиновнику общаго вспомоществованія, что не могу прокормить моего семейства исключительною жалованіемъ. Онъ далъ мнѣ повелѣніе помѣстить одного изъ моихъ дѣтей въ домъ для рабочихъ. Другъ мой, любите ли вы одно дитя болѣе, чѣмъ другое? Я не знаю, которое изъ нихъ

послать, я не желалъ ни съ однимъ изъ нихъ разлучиться. Я сказалъ моей старшей дочери: ты пойдешь въ домъ призрѣнія. Но она отказалась; я обратился къ другимъ и каждое изъ нихъ отвѣтило съ криками и слезами, раздражающими сердце: — не отсылай меня, батюшка, не отсылай меня».

Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ открылись 22 января 1846 г. засѣданія парламента. Пиль, желая освободиться отъ тягостнаго вліянія своей партіи, которая въ послѣднее время осыпала его самыми горькими, и обидными упреками, и приготовить слушателей къ предполагаемымъ преобразованіямъ, сказалъ въ окончаніи своей рѣчи: «Когда послѣ утомительныхъ трудовъ послѣдняго засѣданія я проводилъ свои дни и ночи, читая донесенія и обдумывая планы, какимъ бы образомъ отвратить угрожающее намъ народное бѣдствіе, признаюсь, что послѣ этого мнѣ горестно видѣть себя предметомъ обвиненія въ вѣроломствѣ противъ пользы моего отечества или нѣкоторыхъ частныхъ интересовъ. Мнѣ постоянно говорятъ, что тѣ интересы, которые помогли мнѣ достигнуть министерства, довольно еще могущественны, чтобы меня низвергнуть. Но эти люди заблуждаются. Я никому не обязанъ тѣмъ, что принялъ на себя тягостный трудъ и пожертвованія, которыхъ требуетъ мое официальное положеніе... Кромѣ того, власть перваго министра есть тяжелая и трудная обязанность. Когда честь и долгъ этого требуютъ, я, не отказываясь отъ нея, готовъ принять на себя отвѣтственность, но никогда не согласнусь, чтобы она въ рукахъ моихъ была ослаблена; я не хочу оставаться при рулѣ во время бурной ночи, если не могу свободно управлять этимъ рулемъ; я всегда буду подчиняться только одной обязанности, — руководствоваться во всемъ пользою общественною и безопасностью государства». Въ слѣдующемъ засѣданіи при многочисленномъ стеченіи публики, въ которой находились даже два члена королевской фамиліи, Пиль представилъ свой проектъ коммерческой реформы, изложеніе котораго продолжалось 3½ часа. Первая часть его относилась къ интересамъ фабричнымъ, вторая къ земледѣльческимъ. По этому проекту уменьшалась въ половину пошлина на сало для облегченія бѣдному классу потребленія весьма важныхъ для него предметовъ—свѣчей и мыла. На строительный лѣсъ постепенное пониженіе тарифа было разложено на нѣсколько лѣтъ. Что касается иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій, то министръ принималъ въ основаніе своей реформы только казенный доходъ и считалъ, что пошлина съ нихъ въ 10% *ad valorem* достигнетъ этой цѣли самымъ выгоднымъ для потребителей образомъ. Изъ этого общаго правила исключались шелковыя ткани, которыя могли считаться предметомъ

роскоши; поэтому пошлина на них составляла 15%, *ad valorem*. Изъ земледѣльческихъ продуктовъ майсъ, сарачинское пшено и клеверное сѣмя были освобождены отъ всякой платы при ввозѣ; на масло, сыръ, соленую рыбу пошлина уменьшена въ половину; на всѣ другіе предметы царства растительнаго (за исключеніемъ зерноваго хлѣба) и животнаго предполагалось уничтожить ее немедленно. Наконецъ, желая дать сельскимъ хозяевамъ время приготовиться къ радикальной перемѣнѣ, Пиль предложилъ удержать охранительную пошлину на хлѣбъ, впрочемъ, очень умѣренную, еще на три года. Она состояла въ слѣдующемъ: при цѣнѣ пшеницы на внутреннихъ рынкахъ въ 48 шил., предполагалось брать 10 шил. съ квартера. Пошлина эта считалась самою высшею, предѣльною и должна была постепенно уменьшаться на 1 шил. при соотвѣтственномъ возвышеніи цѣны пшеницы тоже на 1 шил., пока не понизится до 4 шил., то есть, пока цѣна квартера пшеницы не достигнетъ внутри государства до 53 шил. При этой цѣнѣ и выше пошлина должна была оставаться неподвижною. Обязательное дѣйствіе этого закона предполагалось продолжить только до 1-го февраля 1849 г.; послѣ чего окончательно уничтожалось всякое ограниченіе, недопускающее свободнаго привоза хлѣба, и правительство желало только удержать 1 шиллингъ номинальной пошлины для статистическихъ цѣлей. Привозъ хлѣба изъ британскихъ владѣній долженъ былъ считаться свободнымъ со времени утвержденія министерскаго прозекта законодательною властью. Въ заключеніе Пиль прибавилъ, что предлагалъ эти мѣры, онъ не надѣялся, чтобы другія державы последовали примѣру Англіи, которая въ этомъ случаѣ должна заботиться о своей собственной пользѣ и не обращать вниманія на иностранную коммерческую политику. «Всякія репрессаліи, сказалъ онъ, всегда были вредны болѣе для тѣхъ государствъ, которымъ къ нимъ прибѣгаютъ, чѣмъ для тѣхъ, противъ которыхъ онѣ направлены.»

Открывшіяся послѣ этой рѣчи пренія заняли 12 засѣданій и при сильной оппозиціи были бытъ приняты окончательно нижнею палатою не раньше, какъ черезъ 4 мѣсяца послѣ его предложенія (*). Въ этомъ продолжительномъ спорѣ болѣе 100 ораторовъ принимали участіе и большинство только 98 голосовъ рѣшило его

(*) Хотя въ палатѣ лордовъ были этотъ встрѣтилъ тоже многихъ противниковъ, но пренія въ ней не были столь продолжительны и не сопровождались такимъ разрозненіемъ политическихъ партій; 28-го мая онъ получилъ королевскую санкцію и сдѣлался закономъ.

въ пользу министерскаго провкта. Впрочемъ большинство это было совершенно случайное; оно произошло, благодаря тому обстоятельству, что часть партіи консервативной, члены которой названы впоследствии пилитами, соединилась со своими политическими врагами, вигами и приверженцами свободной торговли. Всѣ ультраконсерваторы, которыхъ число простиралось до 240, отдѣлились отъ Пилы навсегда. Понятно, что съ такимъ разногласнымъ большинствомъ Пилу невозможно было болѣе оставаться во главѣ правленія; при первомъ послѣ этого представившемся вопросѣ эти разнородные элементы отдѣлились другъ отъ друга и министерство должно было подать въ отставку. Но соединивъ свое имя съ величайшею таможенною реформою, Пиль не могъ не отдать справедливости человѣку, который наиболѣе способствовалъ ея осуществленію. Въ замѣчательной прощальной рѣчи, произнесенной имъ при оставленіи власти перваго министра, онъ въ заключеніи сказалъ: «Заслуга послѣднихъ преобразованій не принадлежитъ исключительно ни одной изъ политическихъ партій. Между ними произошло временное соединеніе, которое при вліяніи правительства рѣшило окончательный ихъ успѣхъ. Но имя, которое должно и вѣроятно будетъ съ ними связано навсегда, принадлежитъ человѣку, который, дѣйствуя подъ вліяніемъ самыхъ безкорыстныхъ побужденій и съ неустойчивою энергіею призывая на помощь здравый смыслъ народа, доказалъ ихъ необходимость своимъ краснорѣчіемъ, тѣмъ болѣе удивительнымъ, что оно было просто и безъ всякаго приготовленія,—это имя Ричарда Кобдена.... Я оставляю власть съ непріятнымъ чувствомъ, что навлекъ на себя негодованіе многихъ людей, которые глубоко сожалеютъ о разорванныхъ связяхъ партій, тѣмъ болѣе, что, по ихъ убѣжденію, вѣрность принятымъ обязательствамъ партій составляетъ одно изъ самыхъ могущественныхъ колесъ управленія. Я удаляюсь, подвергая себя жестокимъ упрекамъ тѣхъ людей, которые держатся принципа протекціи не вслѣдствіе эгоистическихъ внушеній, но потому, что считаютъ его существеннымъ и необходимымъ условіемъ отечественнаго благосостоянія. Наконецъ для тѣхъ изъ защитниковъ протекціи, которые хотѣли бы удержать ее изъ менѣе честныхъ побужденій и единственно потому, что съ нею связаны ихъ частныя выгоды, для этихъ приверженцевъ монополіи, имя мое будетъ служить навсегда предметомъ проклятія. *Но можетъ статься, что это имя будетъ иногда произнесено съ чувствомъ благосклонности въ скромной жизни тѣхъ, которыхъ судьба обрекла снискивать насущный хлѣбъ въ потѣ лица, когда они для восстановленія истощенныхъ силъ будутъ имѣть обильную и безпошлинную пищу, тѣмъ болѣе пріятную,*

что чувство несправедливости не будет къ ней примѣшивать своей горечи (*).

Рѣчь эта была принята съ необыкновенными рукоплесканіями; манчестерская партія и виги изъявляли другъ передъ другомъ чувства глубокаго уваженія къ падшему министру. При выходѣ изъ парламента Пиль былъ встрѣченъ многочисленными толпами народа, которыя при его видѣ обнажили головы и въ молчаніи сопровождали его до самаго дома.

22 іюля 1846 году созванъ былъ совѣтъ Лиги, состоявшій изъ 500 человекъ, въ Манчестерѣ; Кобденъ, выразивъ благодарность королевѣ, Пилю и Росселю и тѣмъ лицамъ, которыя своими учеными или практическими трудами способствовали къ утвержденію свободной торговли въ Англіи, какъ Джонъ Юмъ, Макъ-Грегори и Портеръ, предложилъ приостановить дѣйствія Лиги до окончательнаго уничтоженія хлѣбныхъ законовъ, что было принято единодушно. Послѣ этого собраніе, предоставивъ исполнительному совѣту право возобновить волненіе въ случаѣ, если бы протекціонисты сдѣлали какое нибудь покушеніе противъ реформы Пила, рѣшило по представленію Грега освободить подписчиковъ отъ дальнѣйшаго взноса предложенной суммы въ 250,000 ф. ст. считая внесенные уже 20% достаточными для всѣхъ будущихъ издержекъ (**). Такимъ образомъ кончилось это необыкновенное волненіе, оставивъ въ Англіи неизгладимые слѣды своей продолжительной дѣятельности, благодаря которой въ настоящее время принципъ свободной торговли господствуетъ тамъ не только въ общественномъ мнѣніи, но и въ таможенномъ кодексѣ. Всѣ послѣдующія министерства послѣ паденія Пила, безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали, имѣли въ отношеніи коммерческой политики одну и ту же цѣль: облегчить, сколько это согласно съ казеннымъ доходомъ, вышнюю торговлю отъ всякихъ стѣсненій. Такъ, первымъ дѣломъ новаго кабинета лорда Росселя было предложеніе уравнить пошлину

(*) Эти послѣднія слова, по предложенію Кобдена, были высѣчены на памятникѣ, воздвигнутомъ Пилу послѣ его смерти работниками истинно народною подпискою по 1 пенни (2½ коп. сер.) съ человека.

(**) Въ этомъ же засѣданіи члены собранія единогласно рѣшили просить предсѣдателя Лиги Вильсона принять 20,000 ф. ст., какъ вознагражденіе за неутомимые его труды по административной части, а всѣмъ главнымъ членамъ исполнительнаго совѣта были поднесены серебряные сервизы. Послѣ того въ другомъ, нарочно созванномъ собраніи, въ ознаменованіе своей благодарности фабриканты единодушно предложили Кобдену отъ своего имени 75,000 ф. ст., а его дѣятельнѣйшему помощнику Брайту великолѣпную библіотеку.

на сахаръ всякаго происхожденія, не исключая даже странъ, въ которыхъ господствовало невольничество, но съ соблюденіемъ постепенности въ теченіе 5 лѣтъ, такъ что съ 1851 г. должна была взиматься однообразная пошлина 14 шил. съ центнера. Въ тоже время уменьшена пошлина на колоніальный ромъ, и сношенія съ самыми колоніями подверглись значительному преобразованію. Имъ предоставлено было право ввести у себя однообразный тарифъ безъ всякихъ привилегій для англійскихъ произведеній. Но самымъ замѣчательнымъ преобразованіемъ, совершеннымъ въ управленіе лорда Росселя, можно считать отмѣну навигаціоннаго акта. До послѣдняго времени навигаціонный актъ находилъ многихъ приверженцевъ не только между корабельщиками, пользующимися его покровительствомъ, но даже между учеными и государственными людьми. Но съ 1847 г. по предложенію одного изъ членовъ Лиги, Рикардо, нижняя палата избрала изъ своей среды людей специально знакомыхъ съ предметомъ, для изслѣдованія состоянія купческаго флота въ Англіи. Комитетъ собралъ всѣ официальные данныя и частныя показанія, относящіяся къ этому предмету. Эти изслѣдованія не остались безъ послѣдствій. Любопытныя извлеченія изъ нихъ были обнародованы предсѣдателемъ комитета Рикардо и имѣли большое вліяніе на измѣненіе существующаго законодательства. Дѣйствительно, по новому положенію, утвержденному въ 1846 году, рое должно было получить обязательную силу съ 1 января 1850 г., всѣ иностранные корабли были уравниены въ правахъ съ англійскими во всѣхъ портахъ трехъ соединенныхъ королевствъ. Но это постановленіе относилось только до внѣшней торговли, каботажная въ метрополіи и въ колоніяхъ, а равно и перевозъ товаровъ изъ одной колоніи въ другую, были предоставлены исключительно англійскимъ кораблямъ. Это послѣднее ограниченіе могло однако быть устранено въ каждой колоніи, по просьбѣ мѣстной законодательной власти, королевскимъ рѣшеніемъ, а въ Восточной Индіи генералъ-губернаторомъ и его совѣтомъ. Наконецъ хотя для опредѣленія національности англійскаго корабля былъ принятъ въ основаніе прежній законъ, но королевская прокламація могла его отмѣнить и кромѣ того шкиперамъ дозволялось принимать въ качествѣ матросовъ подданныхъ другихъ государствъ.

Необходимымъ слѣдствіемъ этого преобразованія было измѣненіе колоніальной политики, которой Англія до сихъ поръ слѣдовала. Мы уже сказали, что колоніи получили право устанавливать у себя таможенный тарифъ, сообразно со своими выгодами. Въ 1850 г. Россель сдѣлалъ предложеніе дополнить этотъ законъ

признаніемъ самостоятельности и политической свободы въ административномъ отношеніи во всѣхъ поселеніяхъ, гдѣ англичанъ по числу было больше, чѣмъ туземцевъ въ такой пропорціи, чтобы существованіе свободныхъ установленій могло быть обезпечено. Мы приведемъ здѣсь для тѣхъ, которые думаютъ, что все могущество Великобританіи основывается на ея обширныхъ колоніяхъ, заключеніе рѣчи, сказанной первымъ министромъ въ нижней палатѣ въ засѣданіи 8-го февраля 1850 году. «Я предвижу, сказалъ Россель, что населеніе и богатство возрастутъ въ нѣкоторыхъ нашихъ колоніяхъ до того, что онѣ намъ скажутъ когда нибудь: «Мы довольно сильны, чтобы быть независимыми отъ Англіи; узы, насъ связывающіе съ нею, сдѣлались для насъ тягостными и настало время, съ котораго мы, сохраняя дружбу и тѣсный союзъ съ метрополіею, желаемъ сдѣлаться самостоятельными». Я не думаю, чтобы это время было слишкомъ близко, но сдѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ, чтобы онѣ были способны управлять собою сами; дозволимъ имъ теперь же распоряжаться своими дѣлами; пусть населеніе умножается въ нихъ вмѣстѣ съ благосостояніемъ, и что бы ни случилось послѣ, мы, граждане этого великаго государства, будемъ имѣть утѣшеніе сказать себѣ, что способствовали всемірному благу». Десятимѣсячное министерство тори, послѣ паденія кабинета лорда Росселя, послужило только къ окончательному утвержденію реформы Пилля. Хотя Лига, опасаясь вліянія партіи протекціонистовъ, глава которыхъ лордъ Дэрби сдѣлался въ февралѣ 1852 году первымъ министромъ, возобновила свое прежнее устройство и открыла подписку въ Манчестерѣ, которая въ 25 минутъ достигла 27,500 фунт. стерлин., но послѣдовавшіе за распусценіемъ парламента выборы явно показали, что эти опасенія были напрасны. Единственно достойнымъ вниманія событіемъ этого эфемернаго министерства было предложеніе лорда Пальмерстона, которое, устраняя слишкомъ рѣзкія выраженія, заключавшіяся въ предложеніи Вильерса, уничтожило навсегда надежды протекціонистовъ на отмену хлѣбныхъ законовъ, два съ половиною года тому назадъ вошедшихъ въ силу. Оно заключалось въ слѣдующемъ: «Палата считаетъ, что улучшенія въ государствѣ и въ особенности въ состояніи рабочаго класса были слѣдствіемъ послѣднихъ законодательныхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ введено было неограниченное соперничество, уничтожены охранительныя пошлины, и чрезъ это уменьшена цѣна и увеличено обиліе съѣстныхъ припасовъ; что эта политика, будучи строго ведена и благоразумно развита, составитъ лучшее средство для доставленія возможности отечественной промышлен-

ности уплачивать лежащіе на ней налоги и сдѣлать народъ счастливымъ и довольнымъ. Палата готова разсматривать мѣры, сообразныя съ этими принципами, которыя ей будутъ представлены министрами ея величества» (*). Однако ни народъ, ни вновь созданный парламентъ не довѣряли кабинету, состоящему изъ крайнихъ протекціонистовъ; это оказалось яснымъ въ самомъ началѣ преній, открывшихся по случаю предложеннаго имъ бюджета, который былъ отвергнутъ въ нижней палатѣ большинствомъ 19 голосовъ. Образовавшееся вскорѣ за тѣмъ министерство подѣ представѣтельствомъ лорда Эбердина служило какъ бы продолженіемъ управленія Росселя. Знаменитый сподвижникъ и товарищъ Пила Гледстонъ принялъ въ немъ должность канцлера казначейства. По его плану, представленному 19 апрѣля 1853 г. и служившему почти окончаніемъ великаго дѣла, начатаго Хускиссономъ, произведены были слѣдующія важныя преобразованія въ таможенномъ тарифѣ: 1) Пошлина на чай была уменьшена немедленно съ 2 шилл. 2¼ пен. до 1 шилл. 10 пен. съ фунта; въ слѣдующемъ году она должна была составлять 1 шиллингъ 6 пен.; съ 1855 по 1856 г. 1 ш. 3 п. и наконецъ съ 5-го апрѣля 1856 года только 1 шил. Такая постепенность считалась необходимою для вознагражденія казеннаго дохода большимъ количествомъ потребления, которое должно было произойти въ этотъ промежутокъ времени. 2) Всѣ сырыя и полуобработанныя произведенія освобождались отъ всякой платы при ввозѣ, съ мануфактурныхъ же издѣлій пошлина не должна была превышать 10% *ad valorem*. 3) Сравнивались пошлины на одинаковые предметы, привозимые изъ британскихъ колоній или изъ другихъ странъ, и наконецъ 4) Пошлины на всѣ оставшіеся еще обложенными съѣстные припасы, какъ: сыръ, масло, какао, яблоки и проч., уменьшились въ половину. Въ этомъ значительномъ преобразованіи только вина и шолковыя ткани не получили никакого облегченія, потому что онѣ, будучи предметами роскоши, облагались только въ видахъ казеннаго дохода. По этому закону казна уступала изъ своего таможеннаго дохода въ пользу потребителей 1,338,000 ф. ст. Но, — фактъ достойный вниманія и котораго никакіе протекціонные софизмы не въ состояніи затемнить, — несмотря на то, что сумма облегченій, произведенныхъ въ таможенныхъ и акцизныхъ сборахъ съ 1842 г., составляли болѣе 10,000,000 ф. ст.

(*) Въ предложеніи Вильерса находилось между прочихъ выраженіе, что *актъ 1846 г. есть мѣра мудрая, справедливая и благотворительная*. Министерство не могло согласиться на него; въ противномъ случаѣ оно должно бы было сознаться, что постоянная его оппозиція противъ этого акта имѣла всѣ свойства противоположныя выше выраженнымъ.

казенный доходъ въ 1853 г. съ этихъ статей былъ меньше только на 122,411 ф. ст., чѣмъ въ 1842 г.

Въ дополненіе къ этимъ преобразованіямъ сдѣланы были еще слѣдующія важныя перемѣны какъ въ самомъ способѣ взиманія таможенныхъ пошлинъ, такъ и въ осмотрѣ товаровъ. Пошлина *ad valorem*, какъ весьма затруднительная и подающая поводъ къ безпрестаннымъ спорамъ, была замѣнена спеціальною на каждый предметъ въ соотвѣтственной пропорціи. Облегченъ былъ провозъ товаровъ изъ одного порта въ другой чрезъ внутреннія области государства прекращеніемъ ихъ осмотра, если только эти товары назначены были для вывоза за границу. Наконецъ всѣ таможенныя постановленія собраны были въ одинъ актъ и изложены съ необыкновенною простотою и ясностью.

Въ этомъ же засѣданіи уничтожены были послѣдніе остатки, уцѣлѣвшіе еще до сихъ поръ изъ навигаціоннаго акта. Каботажная торговля сдѣлалась съ 1853 г. доступною для всѣхъ иностранцевъ наравнѣ съ природными жителями и дозволено было англійскимъ корабельщикамъ набирать матросовъ для своихъ экипажей, по усмотрѣнію, изъ англичанъ или иностранцевъ, такъ что національность корабля зависѣла теперь только отъ національности ихъ собственника.

Останавливаясь на 1853 году, какъ предшествующемъ восточной войнѣ, по случаю которой промышленность должна была по необходимости стѣсниться въ своемъ развитіи, мы бросимъ теперь бѣглый взглядъ на слѣдствія таможенныхъ преобразованій въ Англіи въ отношеніи главныхъ отраслей промышленности, преимущественно же такихъ, которыя прежде пользовались покровительствомъ. При этомъ мы должны замѣтить, что со времени болѣе полного примѣненія въ ней принципа свободной торговли къ таможенному уставу, мы не встрѣчаемъ такихъ быстрыхъ переходовъ отъ увеличенія къ уменьшенію въ отдѣльныхъ производствахъ, какія часто случались прежде, исключая только годы страшнаго неурожая или войны; напротивъ, развитіе промышленности идетъ въ ней теперь болѣе естественнымъ образомъ и постоянно увеличивается, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, представляющей общую цѣнность вывоза всѣхъ произведеній изъ Великобританіи и Ирландіи, начиная съ 1842 года, согласно съ цѣнами, объявленными на таможняхъ.

Цѣнность вывоза.

1842 годъ.	47,381,023 фунт. стерл.		
1843 —	52,279,709 — —		
1844 —	58,584,292 — —		
1845 —	60,111,082 — —		
1846 —	57,786,876 — —		
1847 —	58,842,377 — —		
1848 —	52,849,445 — —		
1849 —	63,596,025 — —		
1850 —	71,367,885 — —		
1851 —	74,448,722 — —		
1852 —	78,076,854 — —		
1853 —	93,357,306 ('). —		

Въ таблицѣ мы замѣчаемъ уменьшеніе вывоза съ 1846—1848 годовъ, но это объясняется кризисомъ, произведеннымъ безразсудными спекуляціями на желѣзныя дороги и болѣзью картофеля въ Ирландіи. Начиная же съ 1849 г., вывозъ сталъ увеличиваться въ такой пропорціи, какой мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ предшествующихъ годовъ. Главные предметы вывоза въ 1853 г. состояли изъ хлопчато-бумажныхъ тканей (25,800,000 ф. ст.), желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій (10,848,000 фунт. ст.), шерстяныхъ (10 мил.), бумажной пряжи и предметовъ одежды (14 мил. фунт. стерл.). Что касается ввоза, мы не можемъ пользоваться ежегодными официальными публикаціями торговаго департамента, потому что цѣна, по которой опредѣляется привозъ товаровъ, была установлена еще въ 1694 г., а съ тѣхъ поръ весьма многія обстоятельства имѣли вліяніе на ся измѣненіе. Довольно здѣсь сказать, что привозъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ 10 лѣтъ (съ 1842—1851 годъ) почти утроился (съ 38,254,511 увеличился до 109,531,612 долларовъ. Количество привозной пшеницы и мансу составляло въ 1841 г. не болѣе 2,400,000 квартеровъ, въ 1852 г. оно достигло до 6,750,000 кварт. и въ этомъ числѣ изъ портовъ Чернаго моря около 1 мил. Среднее же количество привоза всѣхъ родовъ хлѣба съ 1847—1853 составляло 8,220,000 квартеровъ (**).

(*) Въ эту сумму не вошла цѣнность товаровъ, не записываемыхъ въ таможенные реестры. Изъ обнародованныхъ въ послѣдствіи официальныхъ данныхъ оказывается, что цѣнность вывоза 1853 г. простиралась до 100 мил. ф. стер. Въ 1854 г. она понижалась до 97,184,726 ф. ст., въ 1855 — до 93,688,080, а въ 1856 г. снова увеличилась до 115,890,857 ф. ст. См. *Economist* 1859.

(**) 11,387,000 четвертей.

И несмотря на такой значительный привозъ, земледѣліе находится въ настоящее время въ Англіи въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ прежде. Фермеры стали прискивать болѣе разнообразныя удобренія, свойственныя каждому роду почвы, введены были новыя сѣвообороты, уничтожены безполезныя ограды и пустыя пространства обращены подъ пашню. Въ тоже время дренажъ и примѣненіе силы пара къ обработкѣ полей стали вводиться повсемѣсто въ сельскомъ хозяйствѣ. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ поземельныхъ владѣльцевъ въ Шотландіи въ концѣ сентября 1852 г. объявилъ, что въ этой части государства уже не оставалось болѣе ни одной не снятой фермы и что арендная плата была выше, чѣмъ 4 или 5 лѣтъ тому назадъ. «Мы спали прежде, говорятъ теперь самыя простыя земледѣльцы, и не дѣлали всего, что могли дѣлать; мы имѣли всегда передъ собою неизвѣстность и не смѣли идти впередъ, опасаясь уничтоженія хлѣбныхъ законовъ, котораго домогались столь могущественныя интересы. Теперь облака разсѣялись, чудовище, котораго мы такъ пугались, явилось передъ нами; мы его измѣрили и нашли, что оно не такъ страшно; земля укрѣпилась подъ нашими ногами, мы больше не опасаемся ничего и зависимъ теперь отъ Бога и отъ насъ самихъ».

Одновременно съ такимъ улучшеніемъ въ земледѣльческомъ промыслѣ произошелъ замѣчательный фактъ: цѣны на хлѣбъ и мясо не только не понизились на внутреннихъ рынкахъ, какъ предполагали всѣ земледѣльцы, а напротивъ, постепенно стали возвышаться и вмѣстѣ съ ними стала увеличиваться задѣльная плата. Вслѣдствіе этого количество бѣдныхъ, получающихъ вспомошествованіе отъ приходовъ, значительно уменьшилось. По донесенію комиссаровъ, которымъ поручено попеченіе о бѣдныхъ, подать для нихъ, составлявшая только въ одной Англіи съ Уэльсомъ въ 1847—48 г. 6,180,764 ф. ст., въ 1851 — 52 уменьшилась до 4,897,685 ф. ст., а изъ 940,851 лица, получавшихъ вспомошествованіе въ 1849 г. осталось къ 1853 г. только 743,639. Даже въ Ирландіи, этой классической странѣ нищенства, количество бѣдныхъ, простирающееся въ 1849 г. до 620,147 чел., составляло въ 1855 г. 106,802 ч.

Такіе же успѣхи мы замѣчаемъ въ мореплаваніи и кораблестроеніи послѣ уничтоженія навигаціоннаго акта. Мы уже видѣли, что вывозъ всѣхъ произведеній вообще увеличился съ 1849 по 1853 г. почти на 58%; невозможно поэтому предполагать, чтобы количество кораблей и ихъ вмѣстимость остались съ тѣхъ поръ неизмѣнными. И дѣйствительно въ 1849 г. вмѣстимость кораблей, вошедшихъ или вышедшихъ изъ всѣхъ портовъ великобританскихъ владѣній, со-

ставляла 14,000,000 тоннъ, изъ которыхъ на англійскіе приходилось 9,670,000 т., въ 1853 г. изъ 18,400,000 т. на англійскіе приходилось 10,270,000 т., въ 1856 г. изъ 20,370,000 т. — 11,465,000, а въ 1857 г. изъ 23,180,00 т. — 13,700,000 т. Несмотря на то, что Англія прорѣзана каналами и желѣзными дорогами во всѣхъ направленіяхъ, каботажная торговля въ ней достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Такъ напримѣръ въ томъ же 1853 годѣ вмѣстимость всѣхъ судовъ, принимающихъ въ этой торговлѣ участіе, простиралась слишкомъ до 26 мил. тоннъ и только самая незначительная часть изъ нея приходилась на иностранные корабли, между тѣмъ, какъ въ 1849 году она составляла 24,800,000 т. Въ то же время дѣятельность на всѣхъ корабельныхъ верфяхъ Англіи была столь значительна, что кораблестроители не могли удовлетворять всѣмъ заказамъ. Въ 1849 г. вмѣстимость построенныхъ кораблей въ Англіи составляла 117,000 тоннъ, а въ 1853 г. она увеличилась до 203,000 т.

Столь же неосновательными оказались опасенія протекціонистовъ, касательно колоній, съ которыми сношенія метрополии, по ихъ мнѣнію, должны были прекратиться при дозволеніи иностранцамъ свободной съ ними торговли. Можно полагать, что $\frac{1}{4}$ всего вывоза изъ колоній направляется въ настоящее время въ Великобританію. Для примѣра приведемъ только потребление главныхъ колоніальныхъ продуктовъ. Съ 1819 по 1844 г. среднее потребление сахара каждымъ жителемъ Великобританіи и Ирландіи не превышало 18 ф. Но начиная съ послѣдняго года, пошлина на этотъ предметъ постоянно была уменьшаема до 1854 г., въ которомъ она составляла только 54% прежней; въ такой же пропорціи увеличилось и потребление его, потому что съ 18 ф. оно поднялось до 34 ф. на человѣка. По случаю восточной войны снова была установлена прибавочная пошлина, которая возвысила цѣну сахара на каждый центнеръ на 8 шилл.; вслѣдствіе чего потребление его уменьшилось въ 1855 г. до 30, а въ 1856 г. до 28 ф. на каждого. Въ 1857 г. потребление снова увеличилось до 31 ф.

Потребление кофе не превосходило въ началѣ нынѣшняго столѣтія 1 мил. ф.; но вслѣдствіе уменьшенія пошлины на половину въ 1825 г. потребление его увеличилось до 15 мил. ф. Въ 1840 г. оно составляло слишкомъ 25 мил., съ 1850—1854 въ средней сложности оно достигло до 34,596,000, а въ 1855 г. до 35,759,000 ф. (*). Вмѣстѣ съ тѣмъ и общая торговля съ колоніями значительно усилилась. Такъ торговые обороты съ одною Восточною Индіею въ теченіе 10

(*) Въ 1856 г. оно нѣсколько уменьшилось, именно до 34,995,000 ф.

лѣтъ съ 1843 по 1852 увеличились болѣе, чѣмъ на 50%; съ 24 они возвысились до 37 мил. ф. ст.

Еще болѣе поразительныя доказательства выгодъ свободной торговли представляетъ привозъ хлопка и вывозъ бумажныхъ тканей, которыя по своей дешевизнѣ потребляются въ настоящее время во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Въ началѣ XIX стол. привозили хлопка въ Англію нѣсколько больше 50 мил., въ 1840 г. привозъ увеличился до 600 мил. въ 1851 г. 760 мил., въ 1853 г. до 900 мил., въ 1856 году онъ превосходилъ 1000 мил. фунтовъ. Пряденіе бумаги представляетъ въ настоящее время торжество промышленнаго искусства въ Англіи и съ ея изобрѣтательностью въ этомъ отношеніи не можетъ соперничать ни одинъ народъ въ свѣтѣ. На всемірной выставкѣ въ 1851 г. представлены были бумажныя нитки такой тонкости, что изъ одного фунта по вѣсу выпрядено ея было 1,720,000 ярдовъ (5,160,000 футовъ). Объявленная цѣнность вывозимыхъ бумажныхъ издѣлій по средней сложности за 3 года съ 1841—1842 г. составляла 24 мил., а съ 1851—1853 слишкомъ 28 мил. ф. ст. Дешевизна бумажныхъ вязанныхъ издѣлій тамъ необыкновенная. Напр., женскіе чулки продаются по 1 р. за дюжину и сбытъ ихъ увеличился въ послѣднее время до того, что далъ возможность повысить задѣльную плату почти на 50%. До 1849 г. эти издѣлія въ Англіи не могли соперничать съ саксонскими, преимущественно потому, что англійскіе фабриканты должны были платить своимъ рабочимъ 3 р. за такой трудъ, который обходился въ Саксоніи 90 коп. сер. Но изобрѣтеніе вязательной машины Клауссеномъ перемѣнило въ этихъ странахъ взаимное положеніе фабрикантовъ. Послѣ осмотра новоизобрѣтенной машины, саксонскіе мануфактуристы убѣдились въ свою очередь, что ручная работа болѣе невозможна.

Шерстяныя фабрики представляютъ намъ тоже доказательства усилившейся въ Англіи промышленной дѣятельности послѣ облегченія тарифа не только на сырой матеріалъ, но и на мануфактурныя издѣлія. Привозъ шерсти изъ иностранныхъ государствъ, составлявшій въ 1842 г. 45,880,000 ф. достигнулъ въ 1845 г. до 76.800.000 ф. Онъ уменьшился нѣсколько въ послѣдующіе годы, по случаю сильнаго неурожаа хлѣба, но начиная съ 1851 г. снова сталъ быстро возрастать. Такъ въ 1851 г. привезено было 83 мил., въ 1852 году 94 мил., а въ 1853 г. слишкомъ 119 мил. ф. Соразмѣрно съ тѣмъ цѣнность вывоза шерстяныхъ издѣлій съ 5,330,000 ф. ст. въ 1840 г. увеличилась въ 1853 г. до 10,170,000 ф. ст. Льняное производство начало дѣлать значительные успѣхи только въ послѣднее время, когда машины стали мало по малу замѣнять ручную работу въ

придѣленіи и особенно въ тканѣ. Между 1840 и 1850 г. цѣнность вывоза льняныхъ издѣлій оставалась почти неизмѣнною и въ средней сложности не превышала 3,700,000 ф. ст., но съ 1850 по 1853 г. она составляла 4,750,000 ф. ст. Вывозъ шелковыхъ издѣлій сталъ увеличиваться только съ тѣхъ поръ, какъ уменьшена была въ половину пошлина на иностранныя шелковыя ткани. Въ 1840 г. онъ составлялъ по цѣнности не болѣе 800,000 ф. ст.; въ 1853 г. увеличился уже до 2 мил. ф. ст. Общая сумма вывоза только этихъ 4 предметовъ въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ увеличилась на 50%, составляя въ 1857 году 58 мил. фунт. стерл.; для другихъ произведеній, которые при отправленіи за границу записываются въ таможенные книги, увеличеніе было еще значительнѣе, именно около 68%. Не менѣе благотѣльное вліяніе имѣли таможенные преобразованія и на финансы государства. Возобновленная Робертомъ Пилемъ подать съ дохода дала возможность не только облегчить потребителей посредствомъ уменьшенія косвенныхъ налоговъ на 16 мил. ф. ст. и сдѣлать для нихъ доступными многіе прежде дорогіе предметы, но и доставила правительству излишекъ, который въ теченіе 11 лѣтъ (съ 1842 по 1853 г.) составлялъ огромную сумму 24,740,000 фунт. ст. Но замѣчательнѣе всего, что не смотря на столь значительное уменьшеніе пошлинъ на всѣ иностранныя произведенія, таможенный доходъ въ 1853 году былъ меньше только на 122,411 фунт. стерл., чѣмъ въ 1842 году (20,902,734 вмѣсто 21,025,145 фунт. стерл.). Въ то же время въ народѣ на каждомъ шагѣ можно встрѣтить явные признаки увеличившагося благосостоянія. Мы уже говорили о значительномъ уменьшеніи подати для бѣдныхъ; въ дополненіе къ этому прибавимъ, что сбереженія въ массѣ рабочаго класса замѣтно увеличились. Капиталъ всѣхъ сберегательныхъ кассъ въ трехъ соединенныхъ королевствахъ составлялъ въ 1842 г. 25 мил., а въ 1850 г. увеличился до 33 мил. ф. ст. Изъ миліона вкладчиковъ 600,000 было такихъ, которые положили не свыше 10 ф. ст. Кромѣ того въ томъ же году находилось 130 поземельныхъ обществъ (*) для покупки свободныхъ поземельныхъ участковъ, съ 85,000 членовъ и 120,000 акцій. Общества эти купили 310 имѣній, изъ которыхъ составлено было 19,500 участковъ, а вырученная за нихъ сумма простиралась до 790,000 ф. ст. Всѣ эти участки были куплены простыми работниками.

Мы не станемъ приводить статистическихъ данныхъ о состояніи въ Англіи разныхъ отраслей промышленности за послѣдніе годы,

(*) *Free-hold land societies.*

потому что восточная война, какъ мы уже сказали, по необходимости должна была имѣть вредное вліяніе на ея внѣшнюю торговлю и слѣдовательно уменьшить благотѣльные послѣдствія таможенной реформы. Но если стѣсненіе торговыхъ сношеній и военныя издержки, простирающіяся по послѣднимъ извѣстіямъ до 100 мил. ф. ст., не произвели въ ней бѣдственнаго признака, обыкновенно появляющагося послѣ окончанія каждой войны, и если притомъ промышленная дѣятельность, не смотря на эту войну, на революцію въ Китаѣ и неурожай, поразившій многія страны Европы въ 1853 и 1855 г. не только не уменьшилась, но въ нѣкоторыхъ своихъ отрасляхъ даже увеличилась, то такое явленіе лучше всякихъ цифръ доказываетъ благотѣльную пользу произведенныхъ въ ней преобразованій.

В. КАЛИНОВСКИЙ.

МОСКОВСКІЙ СЫЩИКЪ ЯКОВЛЕВЪ.

ВОСПОМНАНІЯ.

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.»
Грибѣдовъ.

Въ 1831 году умеръ въ Москвѣ отъ холеры, на исходѣ шестого десятка лѣтъ своей жизни, коллежскій совѣтникъ Гаврило Яковлевичъ Яковлевъ, не оставившій послѣ себя ни потомства, ни родства. Онъ служилъ въ московской полиціи слѣдственнымъ приставомъ, но вообще былъ извѣстенъ подъ названіемъ сыщика. Имѣлъ всѣ орденскіе знаки, какіе только было можно имѣть въ его чинѣ, и кромѣ того, множество подарковъ, — табакерокъ, перстней, часовъ и денежныхъ наградъ, за открытіе виновныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, поимку ихъ, доведеніе до чистосердечнаго сознанія и отысканіе похищеннаго и ограбленнаго имущества.

Въ свое время онъ былъ признаваемъ человѣкомъ полезнымъ и даже необходимымъ. Это доказывается тѣмъ, что много разъ, по распоряженіямъ высшаго начальства, онъ былъ командированъ въ С.-Петербургъ и другія отдаленныя отъ Москвы мѣста, когда тамъ случались какія нибудь важныя преступныя происшествія, и мѣстныя власти не могли открыть виновныхъ. Его розыски по большей части увѣнчивались полнымъ успѣхомъ и слава объ этомъ гремѣла на широкомъ пространствѣ Россіи. Фамилія его сдѣлалась извѣстною старому и малому и притомъ въ такомъ родѣ, что самыя капризныя и крикливыя дѣти умолкали, если имъ говорили, что идетъ сыщикъ Яковлевъ.

По происхожденію онъ былъ изъ военныхъ кантонистовъ; службу же началъ аудиторскимъ писаремъ, — хотя, къ удивленію, очень плохо и съ трудомъ писалъ и не бойко читалъ, особенно рукописное. Я узналъ его лично въ 1825 году, встрѣчался съ

нимъ потомъ очень часто и имѣлъ возможность знать подробно-сти о всѣхъ его дѣйствіяхъ до самой его смерти.

Сыщицкая знаменитость и слава Яковлева достигали до высшаго своего предѣла въ 1824 году, а потомъ стали упадать по причинѣ наступленія его преклонныхъ лѣтъ, а еще болѣе по случаю измѣненія воззрѣній начальства на средства, которыя онъ употреблялъ, для открытія преступленій и для доведенія подозрѣваемыхъ до чистосердечнаго сознанія. Законъ о недѣланіи пристрастныхъ допросовъ и истязаній при слѣдствіяхъ существовалъ и тогда, но Яковлевъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто этого закона совсѣмъ не было, и до того времени начальство смотрѣло на это какъ-то сквозь пальцы.

Поприще сыщика началъ Яковлевъ въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія и, какъ самъ онъ мнѣ рассказывалъ, оставленъ былъ въ 1812 году, при нашествіи непріятелей на Москву, для ея поджоговъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими чиновниками московской полиціи, изъ числа которыхъ я зналъ еще г. Щербу, очень хорошаго и добраго человѣка.

Какъ не удивляться иногда слишкомъ быстрому измѣненію идей человѣческихъ! Въ первые годы по изгнаніи французовъ, всѣ русскіе старались опровергать господствовавшее тогда въ Европѣ мнѣніе, что Москва сожжена самими русскими, по распоряженію правительства. Бывшій въ 1812 году главнокомандующимъ въ Москвѣ графъ Растопчинъ старался опровергать это мнѣніе своими брошюрами, писанными имъ на французскомъ языкѣ и печатанными въ Парижѣ, какъ будто защищая отъ такого нареканія честь Россіи и свою собственную, приписывая сожженіе столицы занимавшимъ ее непріятелямъ и поставляя это въ преступленіе имъ. Не удивительно бы еще было, если бы эти дѣйствія употреблялись для возбужденія народа, во время отечественной войны, къ энергической борьбѣ съ непріятелями. Но и этой причины допустить нельзя, потому что война та была уже кончена съ безсмертною для Россіи славою. Значить, что тогда понимали этотъ предметъ по своему. Спустя немного лѣтъ послѣ этого, русскіе историки отечественной войны начали доказывать фактами, что Москва сожжена самими русскими, и это дѣйствіе относить къ чести нашего народа и правительства, какъ рѣдкую черту самоотверженія и предусмотрительности, послужившую къ разстройству непріятельской арміи, во время ея пребыванія въ Москвѣ, потомъ истребленію и изгнанію ея остатковъ изъ Россіи.

По штату московской полиціи полагалось тогда четыре слѣдственныхъ пристава, изъ которыхъ одинъ управлялъ канцеляріею оберъ-полиціймейстера, а на трехъ остальныхъ возлагалось производство значительныхъ слѣдствій. Канцеляріи при нихъ не полагалось; но по множеству поручаемыхъ имъ слѣдствій, они были въ необходимости нанимать писмоводителей и по нѣскольку писцовъ, не числившихся на службѣ.

У Яковлева много лѣтъ сряду былъ писмоводителемъ одинъ безобразный горбунъ, какой-то выгнанный изъ службы чиновникъ, великій мастеръ крючкотворства и бывшій правою рукою Яковлева во всѣхъ вопіющихъ противу челоуѣчества продѣлкахъ. Кстати скажу о наружности самого Яковлева и отличительныхъ свойствахъ его. Ростомъ онъ былъ невеликъ, имѣлъ большое брюхо и такую короткую шею, что ленты орденовъ, на ней носимыхъ, не могли лежать гладко и свивались жгутиками. Однажды мнѣ случилось слышать остроу, отпущенную одною особою, хорошо знавшею Яковлева, — что для его шеи гораздо пристойнѣе пенковая веревка, нежели скрученная лента. Одутловатое лицо его и особенно широкій носъ, поросшіи рѣдкими, но довольно длинными, въ родѣ щетины, волосами, были синевато-багроваго цвѣта, съ красными, на подобіе мрамора, прожилками, и усыпаны множествомъ угрей отвратительнаго вида. Глаза подъ нависшими съ просѣдью бровями и съ опухшими вѣками были постоянно красны и имѣли очень измѣнчивое выраженіе. Если съ нимъ говорилъ начальникъ, то во все это время, какъ бы оно ни было продолжительно, глаза Яковлева, прикованные къ глазамъ начальника, сохраняя свою удивительную способность не мигать, изъявляли глубочайшее подобострастіе. Глазные зрачки его при этомъ все болѣе и болѣе расширялись; а во всемъ его корпусѣ, наклоненномъ впередъ на выпрямленныхъ колѣняхъ и соединенныхъ каблукахъ, съ вытянутою шеею, на сколько это было возможно, не шевелился ни одинъ мускулъ. Совсѣмъ другое происходило, когда Яковлевъ говорилъ съ просителемъ; тогда глаза его принимали выраженіе, соотвѣтственное тому положенію, въ которое онъ желалъ его поставить подобно своимъ на него видамъ. Но если онъ старался по своему довести до *чистосердечнаго сознанія* подозрѣваемаго въ преступленіи, то глаза его принимали такое выраженіе, какое можно замѣтить только у звѣрей, посаженныхъ въ клѣтки за желѣзными рѣшетками. При другихъ же обстоятельствахъ вся

его наружность отличалась какою-то туповатостию и апатіею. Онъ не обладалъ ни прозорливостию, ни особеннымъ умомъ; былъ очень суевѣренъ и придерживался простонародныхъ примѣтъ. Отъ природы онъ былъ жестокосердъ и не получилъ образованія, смягчающаго этотъ недостатокъ. Впрочемъ строго соблюдалъ всѣ посты и неутомимо посѣщалъ храмы Божіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ страстный любитель медвѣжьей травли; всегда держалъ по нѣскольку притравленныхъ на медвѣдя отличныхъ мордашекъ и приходилъ въ восторгъ, когда которая нибудь изъ нихъ на травлѣ ловко впивалась въ общипанное ухо медвѣдя и бѣдный звѣрь, потерявши силы защищаться, падалъ и издавалъ жалостный ревъ. Проѣзжая около городскихъ боенъ, онъ всегда останавливался, заходилъ туда и оставался тамъ зрителемъ по получасу и болѣе, не взирая на отвратительную вонь. Онъ почти никогда не упускалъ случаевъ посмотрѣть на публичное исполненіе судебныхъ приговоровъ надъ преступниками; зналъ по именамъ и отечествамъ всѣхъ палачей, вступалъ съ ними въ шуточные разговоры и безъ омерзѣнія бралъ въ руки бывшіе въ дѣлѣ кнуты, плети, щипцы для рванія ноздрей и штемпеля для клейменія лицъ; разсматривалъ ихъ съ видомъ знатока и дѣлалъ свои замѣчанія, хотя это нисколько не входило въ кругъ служебныхъ его обязанностей. Любилъ выпить, и часто неумѣренно.

Яковлевъ отъ природы былъ щедро надѣленъ особенною способностію или шестымъ, такъ сказать, инстинктивнымъ чувствомъ, въ родѣ чутія, для преслѣдованія преступниковъ, распознаванія ихъ въ толпѣ по одной наружности и поимки ихъ. Но такъ какъ арена, на которую простиралась его дѣятельность, была слишкомъ обширна, и число преслѣдуемыхъ имъ очень велико, то онъ имѣлъ у себя цѣлую толпу сподручныхъ ему сыщиковъ изъ всѣхъ низшихъ сословій, которыхъ для отличія отъ сыщиковъ, состоящихъ на службѣ, я буду называть ищейками. Эти ищейки состояли изъ людей самыхъ безприветливыхъ, что иначе и быть не могло. Для такихъ дѣлъ нужны рыбаки, далеко видящіе другихъ рыбаковъ. Почти всѣ такіе ищейки или сами принимали краденое или участвовали въ воровствѣ, еще чаще составляли воровскія шайки и подводили на кражу; потомъ выдавали своихъ товарищей за деньги, получаемыя ими отъ своего главнаго начальника, Яковлева. Если пойманные по ихъ указаніямъ преступники, во время допросовъ при слѣдствіи и судѣ, оговаривали ихъ въ соучастіи,

то въ первомъ случаѣ былъ ихъ защитникомъ самъ Яковлевъ, а во второмъ буква закона, запрещающая давать вѣру преступнику, оговаривающему доносителя на него. Конечно очень многія кражи совсѣмъ не состоялись бы, если бы сами ищейки не подговорили и не подвели къ тому людей, хотя дурной нравственности и такого же образа жизни, но еще не рѣшавшихся на воровство. Если участвовавшій въ воровствѣ ищейка получалъ хорошую долю изъ украденнаго, то онъ не только не обнаруживалъ виновныхъ, но даже старался скрыть всякіе слѣды къ ихъ поимкѣ и отысканію украденнаго. Если же эта доля была мала, то ищейка открывалъ объ нихъ Яковлеву и получалъ отъ него вознагражденіе.

Излагая это, я припоминаю два случая, одинъ съ комическою, и другой съ трагическою, потрясающею душу развязкою.

Одинъ чиновникъ особыхъ порученій, изъ хорошей фамиліи и довольно богатый, пожелалъ приобрести славу сыщика; Яковлевъ призвалъ одного изъ ищеекъ, великаго плута, и поручилъ ему доставить чиновнику случай отыскать какую нибудь значительную покражу и переловить похитителей, далъ для этого довольно значительную сумму денегъ и обѣщалъ еще большую, когда все устроится по его желанію. Ищейка, получивъ деньги, являлся къ чиновнику часто, но проводилъ его одними только обѣщаніями. Нетерпѣливому чиновнику надобно ожиданіе и проводочки и наконецъ онъ далъ ищейкѣ положительное приказаніе набрать себѣ товарищей и ночью украсть изъ указаннаго имъ самымъ дома дорогіе столовые часы и потомъ немедленно дать ему знать о мѣстѣ, гдѣ они будутъ спрятаны и гдѣ имѣютъ притонъ его товарищи, чтобы отыскать часы и переловить воровъ. Домъ и часы, указанные чиновникомъ, принадлежали извѣстному вельможѣ, бывшему въ короткихъ связяхъ съ начальникомъ чиновника; а чиновникъ такъ и рассчитывалъ, что по совершеніи имъ такого мастерскаго сыскаго подвига слава объ этомъ разлетится по всей Москвѣ, и благодарный за отысканіе украденныхъ часовъ вельможа попроситъ у его начальника о представленіи его за это къ наградѣ. Изъ проэкта чиновника выполнена была въ точности только первая половина: часы украдены ночью самымъ наглымъ образомъ, посредствомъ лѣстницы, приставленной съ улицы къ окну во второмъ этажѣ дома. Ищейка же по неизвѣстнымъ причинамъ не явился послѣ того къ чиновнику; но на бѣду послѣдняго, по прошествіи недолгаго

времени, полиція отыскала украденныя часы, совѣтъ уже изломанные, и переловила воровъ, а въ числѣ ихъ ишейку, который при допросѣ подробно показавъ, какъ по приказанію чиновника онъ подговорилъ другихъ мошенниковъ и какъ украдены ими часы. Хотя для подтвержденія показанія ишейки не нашлось юридическихъ доказательствъ и чиновникъ не могъ быть обвиненъ, но онъ лишился мѣста, вынужденъ былъ заплатить за изломанные часы ту сумму, которой они стояли при покупкѣ, и по гласности этой исторіи выѣхалъ изъ Москвы, чтобы скрыться отъ всеобщихъ насмѣшекъ.

Другой чиновникъ, только не особыхъ порученій, побуждаемый такими же расчетами, какъ и первый, поручилъ одному ишейкѣ непремѣнно открыть какихъ нибудь дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій, давалъ ему по временамъ деньги и за успешное исполненіе этого порученія обѣщавъ значительную награду. Для ишейки эта задача была очень трудна, а приманка большой награды очень соблазнительна, — и вотъ какъ онъ устроилъ дѣло. Онъ отыскалъ одного бѣднаго и семейнаго рѣщика, который, хотя былъ порядочный человекъ, но имѣлъ пристрастіе къ вину и часто напивался пьянъ. Ишейка нанялъ неподалеку отъ квартиры рѣщика комнатку на подворьѣ, познакомился съ нимъ, сталъ его часто зазывать къ себѣ и угощать и, постепенно спивши его настолько, сколько ему было нужно, началъ его уговаривать вырѣзать на мѣдной доскѣ рисунокъ для оттиска двадцати-пятирублевой ассигнаціи, съ оригинала, даннаго ему чиновникомъ. Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ тотъ согласился и началъ работу въ комнатѣ ишейки; но рисунокъ не былъ изготовленъ еще и до половины, какъ ишейка донесъ о томъ своему чиновнику, который, пригласивъ мѣстнаго полицейскаго офицера и добросовѣстныхъ свидѣтелей, отправился въ комнату ишейки и нашелъ тамъ спящаго пьянаго рѣщика и около него въ столикѣ ассигнацію, неоконченный съ нея рисунокъ, вырѣзанный на мѣдной доскѣ, и рѣзецъ. Несчастный рѣщикъ, вытрезвившись, рассказалъ подробно, какъ все происходило. Грубый и неправильный рисунокъ, вырѣзанный въ пьяномъ состояніи трясущеюся рукою, былъ въ такомъ безобразномъ видѣ, что если бы онъ даже былъ оконченъ и снятъ съ него оттискъ, то вѣроятно и неграмотный мальчикъ, видѣвшій хоть одинъ разъ настоящую ассигнацію, не могъ бы не замѣтить этого неуксуснаго подлога. Не смотря на это, рѣщикъ подвергся всей строгой отвѣтственности по бук-

въ закона за тяжкое преступленіе, а тѣ, которые довели его до такого поступка, достигли своихъ цѣлей и воспользовались плодами успѣха. Волки были сыты, но овца не уцѣлѣла.

Сущность этого происшествія имѣетъ сходство, съ однимъ случаемъ, описаннымъ г. Лохвицкимъ въ статьѣ его: «Засѣданія Парижскаго Уголовнаго Суда» въ 1857—58 году, помѣщенной въ № 23 «Русскаго Вѣстника». Выписки изъ рѣчи, произнесенной адвокатомъ въ защиту обвиненнаго и признававшагося въ поддѣлкѣ трехъ фальшивыхъ монетъ, заключеніе эксперта, что фальшивая монета все-таки должна быть похожа, и похожа близко на настоящую, но что куски, вырѣзанные обвиняемымъ изъ олова, не имѣютъ и подобія монеты, и рѣшеніе присяжныхъ, — очень интересны и поучительны.

Я зналъ кромѣ Яковлева нѣсколько другихъ лицъ, на груди и шеѣ которыхъ красовались знаки, пожалованные имъ за открытіе преступленій, устроенныхъ и обнаруженныхъ способами, подобными тѣмъ, какіе я рассказалъ выше, и не замѣчалъ, чтобы ношеніе такихъ знаковъ тѣми лицами давило имъ грудь или стѣсняло дыханіе.

Яковлевъ надѣленъ былъ не только особенными способностями, но и крѣпкимъ здоровьемъ, необходимымъ сыщику. Для него не только не было тягостно, но даже составляло пріятное занятіе переодѣваться въ разные платья, а иногда въ рубища, въ нарикѣ и съ подвязанною бороδοю часто обходить въ ночное время отвратительныя убѣжища нищеты, разгула и преступленій и быть зрителемъ той печальной и грязной стороны человеческой жизни, о которой не издавшій ее лично можетъ получить нѣкоторое понятіе изъ чтенія Лондонскихъ, Парижскихъ и другихъ Тайнъ. Въ разрядъ этихъ убѣжищъ входятъ: а) отвратительныя по нечистотѣ квартиры и подвалы, куда пускаются на одинъ только ночлегъ люди, неимѣющіе постоянного пристанища, и столичные нищіе, которые жалобнымъ голосомъ вымаливаютъ подаваніе при церквяхъ и на улицахъ, но раньше всѣхъ утромъ собираются у дверей кабаковъ и ожидаютъ ихъ открытія, а въ вечернее время поютъ тамъ разные удалыя пѣсни самыми веселымъ голосомъ, сопровождая свои оргіи изумительными сквернословіями; а когда наступать часы закрытія кабаковъ, то бывають выталкиваемы изъ нихъ силою. Въ такихъ квартирахъ часто имѣютъ притоны разные мошенники и укрывающіеся бѣглецы и преступники. б) Дома для торговли развра-

томъ. с) Всѣ питейныя и трактирныя заведенія. d) Общественныя бани, баньки и проч. Яковлевъ часто посѣщалъ эти мѣста, иногда одинъ, а иногда въ сопровожденіи какого нибудь, тоже переодѣтаго, своего агента или сотрудника.

Въ среднихъ своихъ лѣтахъ онъ былъ довольно силенъ и нерѣдко, встрѣчая отыскиваемого имъ или подозрительнаго человека, неустрашимо бросался на него одинъ, связывалъ его и отводилъ подъ стражу. Но бывало довольно и такихъ случаевъ, что и на его долю доставались порядочные побои, укладывавшіе его въ постель на нѣсколько дней и даже недѣль. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ имѣлъ обыкновеніе натирать свои оконтуженные члены хлѣбнымъ виномъ, которому онъ отдавалъ преимущество предъ всѣми другими наружными и внутренними медицинскими средствами отъ всѣхъ человѣческихъ недуговъ. Нѣсколько разъ онъ спасался отъ неизбежной повидному смерти, при дѣйствіяхъ своихъ по сыскной части, только по особенному счастію, не оставлявшему его въ продолженіе всей его жизни.

По большому размѣру сыскныхъ операцій Яковлева, онъ въ необходимости былъ употреблять значительныя суммы денегъ; но эти расходы покрывались съ большимъ избыткомъ приношеніями въ извѣстные праздники и его именины отъ содержателей и содержательницъ вышепоименованныхъ мною заведеній, для которыхъ онъ былъ грозою, а въ случаѣ нужды самою благонадежною защитою. Не періодическіе же, а экстренные случаи, доставлявшіе ему иногда значительныя куши, бывали отъ встрѣчи его въ тѣхъ заведеніяхъ, особенно въ означенномъ буквою b), съ богатыми купеческими сыновьями, кутившими тайно отъ своихъ родителей или сушругъ.

Сверхъ того Яковлевъ, вынудивъ у какого нибудь вора чистосердечное сознаніе и потомъ производя слѣдствіе, имѣлъ невинное обыкновеніе обращаться съ нимъ очень фамиллярно и давать ему самъ или чрезъ своего горбуна-письмоводителя конфиденціальныя совѣты, вслѣдствіе которыхъ воръ показывалъ, что онъ продалъ какую нибудь вещь краденую называемому имъ человѣку, всегда довольно зажиточному, но неимѣющему большаго значенія въ обществѣ и хорошихъ связей. У него производили внезапный домовый обыскъ, по-большей части ночью, и хотя конечно краденой вещи не находили, но несмотря на это, брали его подъ стражу. Репутація Яковлева-приводила въ ужасъ даже самыхъ невинныхъ, и оговоренному оставался одинъ только

исходъ изъ бѣды — полюбовная съ нимъ сдѣлка. Послѣ этого воръ на очной ставкѣ сознавался, что онъ оговорилъ того человѣка безвинно, по какому нибудь бывшему прежде неудовольствію, или, какъ тогда выражались мошенники, по-насѣраку. Это техническое слово имѣло тогда мѣсто даже въ формальныхъ письменныхъ актахъ. При этомъ воръ называлъ новое, столько же виновное, какъ и первое лицо, которому будто бы продалъ краденую вещь. Въ этомъ порядкѣ по дѣлу о покражѣ какой нибудь одной вещи были оговариваемы и потомъ оправдываемы по нѣскольку лицъ одно послѣ другаго. Въ справедливости такихъ продѣлокъ покойнаго Яковлева можно удостовѣриться, прочитавши нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ, имъ произведенныхъ, покоящихся теперь въ архивахъ. Воръ поступалъ въ такихъ случаяхъ безбоязненно, съ увѣренностію, что такія его дѣйствія не усиливаютъ полагаемаго закономъ наказанія за то преступленіе, въ которомъ онъ уже сознался; притомъ же и ему приходилась маленькая доля изъ добычи.

Яковлевъ въ продолженіе своей службы въ должности сыщика открылъ виновныхъ во многихъ самыхъ важныхъ преступленіяхъ, отыскалъ огромное количество украденныхъ и ограбленныхъ денегъ и имуществъ и переловилъ значительное число бѣглыхъ, воровъ, разбойниковъ и всякаго другаго рода преступниковъ. Успѣхами своими во всемъ этомъ обязанъ онъ не столько ловкости и природнымъ своимъ къ тому способностямъ, сколько безчеловѣчнымъ средствамъ, которыя онъ употреблялъ при допросахъ, несмотря на запрещеніе закона; при этомъ, къ довершенію бѣды, онъ почти всегда былъ на-веселѣ, а часто и пьянъ. Самые упорные и сильные тѣлосложеніемъ, подозрѣваемые въ преступленіи, люди рѣдко могли долго выносить грозныя увѣщанія Яковлева и наконецъ чистосердечно сознавались въ сдѣланныхъ ими преступленіяхъ, открывали своихъ соучастниковъ и мѣста, куда скрывали похищенное или награбленное. Къ несчастію, бывало много и такихъ примѣровъ, что невинно подозрѣваемые сознавались въ тѣхъ преступленіяхъ, которыми они не были причастны. Впослѣдствіи иногда обнаруживаемы были настоящіе виновники тѣхъ преступленій, совершеніе которыхъ приняли на себя невинные, при допросѣ ихъ Яковлевымъ. Но по негласности нашего судопроизводства, это было извѣстно только канцеляріямъ въ судахъ и не порождало никакихъ непріятныхъ послѣдствій для сыщика. Многіе изъ такихъ несчастныхъ, на ко-

торыхъ падали неосновательныя подозрѣнія въ преступленіи побывавъ на допросахъ Яковлева, во всю свою остальную жизнь носили знаки увѣчья или преждевременно отправлялись на вѣчный покой. Представляемые въ судебныя мѣста преступники, часто при передопросахъ въ судѣ жаловались на дѣланныя имъ Яковлевымъ при слѣдствіяхъ истязанія. Суды или вовсе не принимали такихъ жалобъ, или признавали ихъ незаслуживающими довѣрія, а изрѣдка относились въ полицію о произведеніи по такимъ жалобамъ изслѣдованія; но никогда не отыскивалось достаточныхъ юридическихъ доказательствъ къ обвиненію Яковлева.

Одна фамилія Яковлева приводила въ трепетъ людей, имѣвшихъ не совсѣмъ чистую совѣсть, и иногда служила волшебнымъ словомъ, производившимъ чудеса.

Однажды я пріѣхалъ къ оберъ-полиціймейстеру утромъ, когда онъ былъ занятъ приѣмомъ донесеній частныхъ приставовъ о происшествіяхъ за минувшія сутки. Я оставался въ приемной залѣ, гдѣ случился тогда Яковлевъ и еще нѣсколько чиновниковъ. Сквозь запертую дверь кабинета довольно долго было слышно, что генералъ лично допрашивалъ какого-то человѣка, представленнаго къ нему по подозрѣнію въ кражѣ. Допросъ этотъ сопровождался то рѣзкими, то глухими звуками, пояснѣвшими всю его энергичность, и безпрестанно раздавался голосъ арестанта: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю». Наконецъ въ кабинетѣ послышались быстрые шаги, дверь отворилась и взволнованный генералъ крикнулъ: Яковлевъ! При этомъ словѣ, стоявшій посреди кабинета, большого роста, съ вклокоченными волосами, растрепанный человѣкъ, быстро оборотился лицомъ къ генералу, упалъ на колѣни, назвалъ себя виноватымъ и началъ подробно разсказывать, какъ онъ совершилъ то преступленіе, въ которомъ падало на него подозрѣніе.

Если бы какой нибудь досужій, съ современными понятіями человѣкъ, возымѣлъ желаніе и получилъ возможность обозрѣть слѣдственные дѣла, произведенныя Яковлевымъ въ первые 30 лѣтъ текущаго столѣтія, хранящіяся теперь въ архивахъ разныхъ судебныхъ мѣстъ, то могъ бы извлечь множество матеріаловъ, какъ поучительныхъ, такъ и интересныхъ, а еще болѣе поясняющихъ нравственныя стороны нашего народа, администраціи и судебного производства въ эту эпоху.

Знаменитость Яковлева по сыскнымъ дѣламъ достигла высшей своей степени во время бытности въ Москвѣ оберъ-полиц-

мейстеромъ генераль-маіора А. С. III. 1-го, который составлялъ въ свое время очень замѣчательное лицо и былъ въ этой должности болѣе десяти лѣтъ (*). Онъ оставилъ послѣ себя хорошую память очень во многомъ. Онъ сдѣлалъ по своему вѣдомству множество полезныхъ преобразованій и учредилъ такіе порядки по управленію, изъ которыхъ многіе остаются безъ измѣненія до сего времени, по доказанному долготѣльными опытами ихъ удобству. Главнѣйшее же и болѣе другихъ благотворное изъ его дѣлъ есть преобразование и устройство въ Москвѣ пожарной команды и огнегасительныхъ снарядовъ, бывшихъ до него въ плачевномъ положеніи. Онъ положилъ основаніе тому превосходному состоянію, въ которомъ теперь находятся эти части въ обѣихъ столицахъ и по справедливости должно сказать, что въ продолженіе 34 лѣтъ послѣ него эти части не во многомъ усовершенствовались. А это самое служить доказательствомъ, что онъ самъ довелъ ихъ до такого совершенства, къ которому впослѣдствіи прибавить многого было нельзя.

Пожарныхъ сигналовъ на каланчахъ при А. С. еще не было; а при пожарныхъ командахъ всегда было по нѣскольку казаковъ, съ осѣдлыми лошадьми, которые въ случаѣ пожара давали знать о томъ въ сосѣднія части и отъ нихъ въ дальнѣйшія. Но несмотря на это, пожарныя команды являлись на мѣста пожаровъ съ изумительною скоростію. Лошади подъ обозомъ были превосходныя; самый обозъ и сбруя въ блестящемъ и щегольскомъ видѣ; пожарныя трубы и другія инструменты въ полной исправности. Команда въ порядкѣ, знающая свое дѣло, и хотя безъ металлическихъ шлемовъ, но въ соотвѣтственной времени года и ея назначенію одеждѣ.

А. С. почти всегда являлся на пожаръ первымъ изъ начальниковъ. Въ каретномъ сараѣ его квартиры, во всякое время дня и ночи, была дежурная, заложенная въ дрожки, пара лошадей, которыя были у него всѣ превосходныя. По первому удару въ

(*) Известный драматическій писатель Коцебу въ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ, кажется, «Одинъ годъ изъ моей жизни», рассказываетъ, какъ онъ въ концѣ прошлаго столѣтія схваченъ былъ на границѣ при вѣздѣ въ Россію и отправленъ въ Сибирь съ «сельдъ-егеремъ», котораго фамилію онъ не называетъ, а обозначаетъ буквою III., имѣвшимъ способность нить и вѣсть на каждой станціи при перемѣнѣ лошадей, безъ разбору и порядка все, что можно было отыскать: медъ и пансиую икру въ одно и тоже время. Нѣкоторые меня уверяли, будто это былъ Александръ Сергѣевичъ. Но немытъ быть это одна веселая шутка, придуманная какимъ нибудь злодѣйческимъ человекомъ.

звонокъ прискакавшаго съ вѣстію о пожарѣ казака, онъ неминуемо скоро одѣвался, садился на поданныя дрожки и во всю конскую прыть мчался по московскимъ улицамъ, сопровождаемый своими ординарцами, урядникомъ и двумя казаками. Такимъ же образомъ мчались туда брантъ-маіоръ и два бывшихъ тогда въ Москвѣ полицмейстера съ своими конвоями.

Прибывъ на мѣсто пожара, онъ зорко осматривалъ мѣстность, и несмотря на свою порядочную дородность, съ изумительною ловкостію и неустрашимостію взбирался на крыши многоэтажныхъ горящихъ зданій и оттуда, окружаемый пламенемъ и удушливымъ дымомъ, онъ звонкимъ голосомъ отдавалъ приказанія пожарнымъ командамъ; съ нагайкою въ рукахъ для побужденія неповоротливыхъ и лѣнивыхъ, онъ былъ самъ первымъ дѣятелемъ и примѣромъ самоотверженія для всѣхъ, въ борьбѣ съ разрушительною стихіею, и всегда съ успѣхомъ останавливалъ ея губительное дѣйствіе. Часто измученный, съ перепачканнымъ сажею лицомъ, съ обгорѣлымъ бѣлымъ султаномъ на шляпѣ, въ измоченномъ платьѣ и ббуби, онъ спускался съ горящаго зданія, садился на стулъ или скамейку, поставленные на мостовой, и ординарецъ по его приказанію подавалъ ему калачъ и полштофа простаго вина, взятые изъ ближайшихъ заведеній; онъ выпивалъ стаканъ, а иногда другой, и закусывалъ; но между тѣмъ зорко слѣдилъ за дѣйствіемъ пожарныхъ командъ и дѣлалъ нужныя распоряженія съ свойственною ему энергіею. Пестрая толпа зрителей, стоявшая въ должномъ порядкѣ, смотрѣла не столько на самый пожаръ, сколько на главнаго его гасителя, и восхищалась его личною, молодецкою неустрашимостію и мастерскими распоряженіями; а простой народъ приходилъ сверхъ того въ восторгъ, отъ оказываемой имъ публично чести нашему винцу и калачу. Изъ толпы слышались частыя восклицанія: вотъ отецъ, вотъ русскій челоувѣкъ, вотъ такъ молодецъ! Александръ Сергѣевичъ пользовался почти всеобщею любовью средняго и низшаго сословія столицы и особенно купечества, не изъ раскольниковъ; но всѣ очень его боялись, потому что могучая рука его, сжатая въ кулакъ и распростертая, была для многихъ грозна и тяжела.

Александръ Сергѣевичъ жилъ очень роскошно, и все имъ сдѣланное отличалось изящнымъ вкусомъ и удобствомъ. Кухня его была образцомъ порядка и опрятности. Утреннія его дѣятельность начиналась всегда тѣмъ, что онъ сходилъ въ кухню и

осматривалъ припасы, приготовленные для того дня и разложенные на столахъ подъ хрустальными колпаками. Посуда, столы, стѣны, полы, одежда поваровъ, они сами и все прочее отличались безукоризненною, щегольскою чистотою и блескомъ; малѣйшая пылинка не могла укрыться отъ зоркаго его взгляда. Эта чистота и блескъ проявлялись во всемъ житейскомъ быту Александра Сергѣевича и на всемъ, что хотъ нѣсколько подлежало непосредственному его вліянію. Не знаю, имѣлъ ли онъ собственное свое состояніе, но за женою онъ получалъ въ приданое значительный капиталъ.

Должность оберъ-полицмейстера въ то время имѣла не высокіе оклады содержанія. Необходимые же и экстренные расходы по этой должности были велики; не говоря уже о многомъ, что могло считаться излишнимъ въ домашней жизни для другаго генерала, но необходимымъ для оберъ-полицмейстера, онъ долженъ былъ употреблять значительныя суммы для содержанія своей канцеляріи, штатное положеніе которой далеко не соответствовало современной потребности и количеству письменныхъ дѣлъ, размножавшихся безпрестанно. А еще болѣе требовалось расходовъ на жалованье тайнымъ агентамъ полиціи изъ всѣхъ слоевъ общества столицы и содержаніе толпы разныхъ сыщиковъ и ищеекъ, какъ необходимаго зла, но на что не отпускалось изъ казны ни копѣйки. Также необходимо было прибавлять къ ремонтной суммѣ пожарныхъ обоза и лошадей, штатное положеніе на которыя было очень недостаточно. Впрочемъ послѣднюю статью значительно подкрѣплялъ не то законъ, не то обычай — отбирать у всѣхъ лошадей за неосторожную ѣзду по улицамъ и отдавать въ пожарную команду, безъ судебного на то опредѣленія, что однако же влекло за собою при нѣкоторыхъ случаяхъ вопиющую и притѣснительную несправедливость.

Александръ Сергѣевичъ пользовался также экономіею отъ обмундировки полицейскихъ и пожарныхъ нижнихъ чиновъ, иногда и отъ провіанта ихъ, принимая поставку его отъ городской думы на свое попеченіе и покупая дешевле той цѣны, которую самъ получалъ; въ такомъ же родѣ, и притомъ постоянно, отъ сухаго фуража для продовольствія пожарныхъ лошадей, полагаемаго на всѣ 12 мѣсяцевъ въ году, и особенно отъ найма луговъ, кошенія на нихъ сѣна нижними чинами и перевозки его на мѣста на пожарныхъ лошадяхъ; отъ заготовки масла для освѣщенія уличныхъ фонарей, а иногда дровъ

для отопленія полицейскихъ зданій, когда также принималъ эти статьи на свое попеченіе (*). Такого рода экономія была гласная и подкрѣплялась менѣе гласнымъ содѣйствіемъ къ увеличенію ея со стороны винныхъ откупщиковъ. Но имѣлъ ли Александръ Сергѣевичъ другіе доходы, кромѣ этихъ, про то зналъ онъ самъ и, можетъ быть, его духовный отецъ. Въ разсказахъ о подобныхъ предметахъ нѣтъ возможности различить истину отъ лжи, какъ почти и во всѣхъ другихъ разсказахъ, не только о событіяхъ давно минувшихъ, но даже и о тѣхъ, которые совершаются въ наше время, если только мы не видимъ ихъ собственными глазами.

Принимая въ соображеніе, что Александръ Сергѣевичъ былъ отличный хозяинъ и примѣрный во всемъ распорядитель, можно бы было предполагать, что средства, которыя доставляла ему его должность, были очень достаточны и даже съ избыткомъ для роскошной его жизни; но, къ несчастію, онъ перешелъ въ этомъ границы умѣренности и разсчета и забылъ, что всему бываетъ конецъ, слѣдовательно и доходамъ, приносимымъ какою либо должностію, и самой службѣ. Для удовлетворенія своихъ роскошныхъ затѣй и предпріятій онъ пользовался значительнымъ кредитомъ и выстроилъ на Тверской улицѣ домъ, принадлежащій теперь Шевалдышеву, въ которомъ помѣщается его гостинница. Домъ этотъ строился подъ личнымъ надзоромъ Александра Сергѣевича; при чемъ употреблялись самыя лучшіе и дорогіе матеріалы, и наконецъ онъ былъ отѣланъ и меблированъ самымъ великолѣпнымъ и изящнымъ образомъ, такъ что едва ли можно было тогда отыскать въ Москвѣ другой ему подобный домъ.

Во все время службы Александра Сергѣевича въ Москвѣ оберъ-полицмейстеромъ и долго послѣ его выбытія, былъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ. При всей своей душевной добротѣ, безпристрастной правдивости и неутомимой дѣятельности для пользы общей Дмитрій Владиміровичъ не могъ, конечно, угодить всѣмъ и приобрѣсти любовь всѣхъ безъ исключенія. Къ сожалѣнію, по неизвѣстнымъ причинамъ, Александръ Сергѣевичъ принадлежалъ къ числу немногихъ недовольныхъ и не скрывалъ этого ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ своихъ. Но

(*) Впрочемъ уже болѣе 20 лѣтъ городская дума производитъ заготовленіе провіанта, масла и дровъ сама, чрезъ подрядчиковъ.

князь Дмитрій Владиміровичъ, оставляя личности и другія мелочи въ сторонѣ, видѣлъ въ Александрѣ Сергѣевичѣ чловѣка очень способнаго къ занимаемой имъ должности и, справедливо цѣня успѣшныя труды и заботы его къ улучшенію всего относящагося до благоустройства города, особенно полиціи и пожарной команды, не упускалъ случаевъ ходатайствовать о его наградахъ.

Въ 1824 году Александръ Сергѣевичъ переведенъ былъ изъ Москвы въ С. Петербургъ оберъ-полицмейстеромъ же, когда тамъ военнымъ генералъ-губернаторомъ былъ знаменитый графъ Милорадовичъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ образѣ жизни Александра Сергѣевича, принесшей ему самыя горькія плоды, я расскажу слѣдующій случай: по отъѣздѣ его вмѣстѣ съ своимъ семействомъ къ новой его должности, онъ отправилъ свое имущество въ С. Петербургъ съ особымъ обозомъ. Неподалеку отъ Новгорода встрѣтилъ этотъ обозъ проѣзжавшій графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчѣевъ и обратилъ вниманіе на длинный рядъ разныхъ блестящихъ экипажей и походныхъ фуръ, множество превосходныхъ и цѣнныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей и щегольски одѣтую въ форменное платье прислугу. Остановясь и подозвавъ къ себѣ одного служителя, онъ спросилъ, кому все это принадлежитъ? На отвѣтъ же его, что С. Петербургскому оберъ-полицмейстеру III^ю, онъ продолжалъ: скажи ему, что всего этого никогда не было и нѣтъ у самого Аракчѣева.

Вслѣдъ за событіемъ 14 декабря 1825 года, Александръ Сергѣевичъ былъ уволенъ отъ своей должности и назначенъ состоять по кавалеріи, а наконецъ совсѣмъ уволенъ отъ службы съ пенсіономъ тогдашняго оклада. Новое его положеніе навлекло на него всѣ житейскія невзгоды. Онъ переѣхалъ въ Москву и поселился въ своемъ домѣ. Средства его къ жизни внезапно ограничились однимъ пенсіономъ. Цѣнныя вещи постепенно начали поступать въ продажу и притомъ многія за безцѣнокъ. Поступили ко взысканію съ него многія долговыя обязательства и въ томъ числѣ закладная на домъ. Стѣсненное его положеніе слѣвалось гласно; кредитъ его упалъ совсѣмъ, и Александръ Сергѣевичъ въ отчаяніи началъ чаще прибѣгать къ тому напитку, который нѣкогда подкрѣплялъ его силы и дѣятельность на пожарахъ. Нѣкоторые, но впрочемъ очень немногіе, изъ богатаго московскаго купечества, узнавъ о крайнемъ его положеніи, являлись къ нему съ пособіями; но и эти ресурсы постепенно мельчали. дѣлались рѣже и наконецъ прекратились совсѣмъ.

Все его имѣніе было продано съ публичнаго торга, въ томъ числѣ и домъ, за третью часть той суммы, которой стоила его постройка. Вырученныхъ денегъ оказалось недостаточно на полный платежъ всѣмъ кредиторамъ; а потому сдѣлано распоряженіе удерживать на ихъ удовлетвореніе часть пенсіона Александра Сергѣевича. Изъ бывшаго своего великолѣпнаго дома онъ переселился на Арбатскую улицу въ деревянный домикъ, имѣвшій только три окна на улицу, и нанялъ въ немъ три комнатки; но и за наемъ ихъ не имѣлъ возможности заплатить, когда наступилъ срокъ. По просьбѣ владѣльца дома, прежде бывшая подъ его начальствомъ полиція требовала или платежа за квартиру денегъ, или выѣзда изъ дома. Но куда? Въ это горестное для него время я однажды осенью, проходя по Арбату, видѣлъ сквозь отворенную калитку, что онъ въ ветхомъ и замасленномъ халатѣ рубить на дворѣ въ корытѣ капусту. Я сравнилъ былую жизнь его съ тогдашнею, сердце мое облилось кровью. Вотъ образецъ превратностей, случающихся въ жизни человѣческой, горечь которыхъ еще болѣе усиливается, если совѣсть впаваго въ такое несчастіе можетъ упрекать его въ томъ, что онъ доведенъ до этого своею нерасчетливостію, а еще болѣе слабостями. Тѣмъ ужаснѣе положеніе такого человѣка, если онъ имѣетъ еще семейство, ознакомленное имъ со всѣми удобствами и прелестями роскошной жизни и потомъ лишенное даже дневнаго пропитанія.

Въ этомъ, повидимому безвыходномъ, положеніи Александра Сергѣевича, къ нему явилась помощь, которой онъ не имѣлъ права ожидать. Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, узнавъ о его положеніи, припоминая объ немъ одно хорошее и забывъ обо всемъ дурномъ, безъ всякаго съ чьей либо стороны ходатайства или просьбы, сдѣлался его ангеломъ хранителемъ на всю остальную его жизнь: платилъ за наемъ его квартиры и снабжалъ его средствами для жизни, которыя впрочемъ не всегда употреблялись согласно благодѣтельному ихъ назначенію, по причинамъ, не отъ князя уже зависѣвшимъ. Въ этомъ положеніи Александръ Сергѣевичъ скончался около 1832 года.

А. КАЛУТНИНЪ.

15 марта 1888 г.
Калуга.

СУМАСНѢДШІЙ.

Кто говорить, что я съ ума сошелъ?
Напротивъ, я гостямъ радешенекъ.... Садитесь.
Какъ это вамъ не грѣхъ! Неужели я зодъ!
Не укушу — чего боитесь?

Давило голову, въ груди лежалъ свинецъ....
Глаза мои горять.... но я давно не плачу.
Я все скрывалъ отъ васъ.... Внимайте, наконецъ
Я разрѣшилъ мою задачу.

Да, господа! міръ обновленъ. — Вѣка
Къ благословенному придвинули насъ вѣку;
Вамъ скажетъ всякая приказная строка,
Что счастье нужно человѣку....

Народы поднялись — и обнажили мечъ;
Но образумились, — и обнялись какъ братья.
Что раздѣляло ихъ, все надо было сжечь,
Чтобъ только снять печать проклятья.

Настало царствіе небесное!... свѣтло!
Просторно! вольны всѣ какъ птицы!
Тиранства нѣтъ — и все какъ сонъ прошло —
Рабь, оковы и темницы.

Наука царствуетъ, видѣнья отошли....
Одни безумцы ими одержимы.
Чу!... Слышите.... поютъ со всѣхъ концовъ земли
Невидимые херувимы.

Ликуйте! вѣчную привѣтствуйте весну!
Свободы райскій гимнъ пѣзъ сердца такъ и рвется!
И я тянусь, тянусь, какъ лучъ въ одну струну...
Что, если сердце оборвется?!

Я. ПОЛОВСКІЙ.

ПОДОЗРѢНІЕ.

Что ты къ этой звѣздѣ привязалась
Всей довѣрчивой дѣтской душой?
Ты, очей не сводя, любовалась
До разсвѣта избранной звѣздой.

Въ простодушныхъ своихъ изліяньяхъ,
Я боюсь, — не сказала-ль ты ей
О моихъ откровенныхъ признаньяхъ,
О любви безразсудной моей....

И звѣзда твоя, вѣрно, болтлива:
Разговоръ ея льется въ лучахъ,
И ей милъ нашъ ручей говорливый,
Порожденный слѣгами въ горахъ....

Про любовь — какъ гулялъ я съ тобою —
Прожурчалъ намъ не даромъ ручей,
Серебряный твоею звѣздою,
Ироническихъ много рѣчей.

Н. ПУШКИНЪ.

1854.

ВИННЫЙ АКЦИЗЪ.

Вредъ откуповъ сознавъ всѣми. Единственнымъ препятствіемъ къ ихъ уничтоженію выставляется затруднительность обейтись безъ посредства откупщиковъ при сборѣ налога, составляющаго самую важную статью нашихъ доходовъ. Говорятъ, будто казна, принимая этотъ акцизъ въ свое собственное управленіе, не въ состояніи устроить такую систему сбора, при которой корчемство не отняло бы значительной части ея дохода съ вина. Это возраженіе можетъ держаться только на незнаніи исторіи и на незнакомствѣ съ тѣми способами взиманія виннаго акциза, какіе существуютъ въ другихъ государствахъ и каждый изъ которыхъ для казны гораздо выгоднѣе нашихъ откуповъ.

Когда-то существовали откупа не всей Западной Европѣ и до самаго ихъ уничтоженія повсюду слышалось тоже самое возраженіе о затруднительности уничтожить ихъ, какое слышимъ теперь у насъ. Повсюду говорили, что для казны будетъ затруднительно предупредить недочеты и обманы въ сборѣ тѣхъ налоговъ, которымъ отдавались на откупъ. Но когда наконецъ уничтожались откупа, то повсюду оказывалось, что самой казнѣ собирать эти налоги вовсе незатруднительно, и что, начавъ собирать ихъ сама, она тотчасъ же получала больше дохода, нежели сколько доставляли ей откупщики. Въ увеличеніи дохода сомнѣній быть не можетъ для человѣка хоть нѣсколько внимательнаго характеръ операціи, которая называется откупомъ. Откупъ не пользуется нравственнымъ уваженіемъ отъ общества; онъ — дѣло рискованное; онъ требуетъ затраты огромныхъ суммъ; онъ требуетъ рѣдкаго соединенія извѣстныхъ ка-

чествѣ ума съ извѣстными качествами совѣсти; коммерческіе люди знаютъ, что за каждое изъ этихъ условій необходимо требуется особая выгода. За нечистое дѣло надобно получить по крайней мѣрѣ 10 процентовъ лишней прибыли противъ чистаго дѣла; за невѣрное дѣло надобно тоже взять процентовъ 10 или больше; а если это дѣло таково, что кромѣ извѣстнаго рода совѣсти нужна тутъ оборотливость ума, то опять такіе человѣкъ, соединяющій такіе счастливыя качества, извлекаетъ изъ нихъ 10 или больше процентовъ выгоды. Сочтемъ всѣ эти десятки процентовъ и увидимъ, что откупъ можетъ существовать только съ тѣмъ, чтобы вмѣсто рубля, слѣдовавшаго въ казну, отдавать въ казну 60 или 50 копѣекъ, а 40 или и цѣлыя 50 оставлять у себя за комиссію. На дняхъ мы прочли въ газетахъ исторію, превосходно объясняющую это обстоятельство. Турецкое правительство думаетъ отдать теперь на откупъ таможенные сборы Константинопольскаго порта. Сборъ этотъ далъ въ прошломъ году турецкой казнѣ до 50,000,000 піастровъ. Съ каждымъ годомъ онъ быстро возрастаетъ. Откупщики не даютъ за него болѣе 40,000,000. Читая эти строки, невольно спрашиваешь себя: зачѣмъ же отдавать на откупъ? Не выиграла ли было бы для турецкой казны просто дарить по 5 милліоновъ въ годъ тѣмъ лицамъ, которые хотѣтъ взять откупъ? Все-таки у ней осталось бы выигрыша за нынѣшній годъ болѣе 5 милліоновъ, а на слѣдующій годъ еще больше. Но тутъ есть обстоятельство другаго рода: свои 50 милліоновъ турецкая казна получала постепенно въ теченіе цѣлаго года, а ей нужно нынѣшній или завтрашній день непременно 10 или 20 милліоновъ; откупщики дадутъ ихъ ей впередъ, и вотъ она готова пожертвовать десятью или больше милліонами, чтобы получить какихъ нибудь 20 милліоновъ двумя-тремя мѣсяцами раньше, чѣмъ они дошли бы до нея сами. Непонятна небрежность, которая доводитъ финансы до такого разстройства; но когда они доведены до него, то понятна всякая сдѣлка, какъ бы разорительна ни была она. Турція дѣлаетъ теперь то самое, что дѣлаютъ моты, подписывающій вексель на полгода въ 2,000 руб., для полученія нынѣ тысячъ, необходимой для него, чтобы не быть посаженнымъ въ тюрьму завтра.

Подобнымъ образомъ держались и тѣ откупа, которые наиболѣе знамениты въ исторіи финансовъ, la ferme générale старинной Франціи. Правительство постоянно забирало деньги у откупщиковъ впередъ и впередъ, сначала на мѣсяцъ, на полтора, за слѣдующій годъ, потомъ больше и больше, такъ что подъ конецъ, бывало, въ какомъ нибудь апрѣлѣ забраны были впередъ не только деньги до самаго конца года, но и половина откупной суммы за слѣдующій годъ. Тутъ дѣйствительно можно было призадуматься надъ тѣмъ, какъ

избавиться отъ откуповъ. Но то ли у насъ? Развѣ наши откупщики ссужаютъ впередъ деньгами казну? Каждому извѣстно, что они мастера только на обороты совершенно противнаго рода, — они умѣютъ только объявлять себя несостоятельными, выпрашивать себѣ льготы и отсрочки. Едва ли когда бывалъ случай, чтобы казна получила исправно въ назначенные сроки всю откупную сумму. Не знаемъ, найдется ли и такой случай, чтобы хотя со всѣми разсрочками была ею получена вся откупная сумма. Слава Богу, наша казна ничего не должна откупщикамъ. Теперь всѣмъ извѣстно, что она и не нуждается въ забираиіи денегъ раньше срока. Въ чемъ же трудность отиѣнить откупъ? Но, говорятъ, трудно рѣшиться произвести переворотъ въ важнѣйшей отрасли доходовъ: откупъ даетъ около третьей части всей суммы доходовъ. Опять таки это еще не Богъ знаетъ что по сравненію съ той трудностью, какая была для другихъ государствъ и въ этомъ отношеніи. Во Франціи болѣе половины всѣхъ доходовъ отдавалось на откупъ и все-таки это не помѣшало разомъ покончить дѣло съ откупами. Да и что затруднительнаго въ томъ, когда отрасль доходовъ, отдаваемая на откупъ, есть самая обильная? Еслибъ откупъ давалъ миллионъ, вы говорите, что было бы легко его уничтожить и получать вмѣсто одного миллиона миллионъ двѣсти тысячъ. Но если откупъ даетъ 100 миллионъ, а по его уничтоженіи казна будетъ получать 120, какая жъ тутъ бѣда для казны? Напротивъ, кажется, что чѣмъ значительнѣе сумма, тѣмъ огромнѣе и цифра пропорціональной прибыли казны отъ уничтоженія откуповъ, стало быть тѣмъ сильнѣе причина не церемониться съ откупами.

«Но, говорятъ, хорошо говорить — отиѣнимъ откупа; а какъ устроить, чтобы казна получила не убытокъ, а прибыль, сама занявшись сборомъ доходовъ? Какъ сдѣлать то, чтобы сборъ шелъ правильно, безъ большой утайки? Теперь утайка преслѣдуется откупщиками; возможно ли казнѣ исполнить это такъ удачно, какъ дѣлаютъ откупщики? Если мы введемъ сбираніе акциза казною, — кто намъ поручится, что огромная часть товара, подлежащаго акцизу, не укроется отъ него?» Но, во-первыхъ, вѣдь существуетъ же контрабандный провозъ заграничныхъ товаровъ и страхъ контрабанды однако не мѣшаетъ казнѣ самой собирать таможенные пошлины. Почему она не отдаетъ таможенъ на откупъ? Разсчитъ тутъ ясенъ. Если товаровъ привозится на 100 миллионъ и при казенномъ управленіи 20 процентовъ изъ нихъ привозятся контрабандою, казна все-таки беретъ пошлину съ 80 миллионъ; положимъ, что частный откупъ могъ бы вдвое уменьшить контрабанду и оплачивалось бы пошлиною 90 миллионъ; но откупъ взялъ бы себѣ за комиссію по

крайней мѣрѣ третью часть, и казна получала бы пошлины только съ 60 милліоновъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что частный откупъ дѣйствительно можетъ уменьшить контрабанду; но мы видимъ, что правительство въ таможенномъ дѣлѣ принимаетъ убытки, приносимые контрабандою, за потерю менѣе значительную той, какую принесло бы ей введеніе откупа. Оно рассчитываетъ совершенно правильно. Теперь, если правительство не боится контрабанды въ привозѣ иностранныхъ товаровъ, то неужели оно можетъ бояться контрабанды во внутреннемъ производствѣ, слѣдить за которымъ во всякомъ случаѣ легче, нежели за привозомъ иностранныхъ товаровъ? Впрочемъ, къ чему эти разсужденія, когда есть факты, прямо показывающіе, что государство у насъ можетъ обходиться безъ помощи откупа при взиманіи акциза. Развѣ не сама казна взимаетъ налогъ съ соли? А вѣдь и объ этомъ налогѣ во Франціи говорили, пока онъ былъ отданъ на откупъ, что казна не сдумѣетъ взимать его. Развѣ не взимаетъ казна, сама, акциза съ табаку? и развѣ кто нибудь изъ насъ не знаетъ, что контрабанда въ массѣ табачнаго производства вовсе не имѣетъ огромныхъ размѣровъ, которыми бы чувствительно уменьшался доходъ съ акциза? А между тѣмъ всякій можетъ понять, что за производствомъ и продажей табаку услѣдить гораздо труднѣе, нежели за винокурениемъ и торговлею хлѣбнымъ виномъ. Люди, которые говорятъ, что казна у насъ могла бы получить менѣе дохода съ хлѣбнаго вина, если бы стала взимать его сама, забываютъ доказать, что и акцизъ съ табаку выгодно было бы казнѣ отдать на откупъ. А пока они не докажутъ этого, пока, напротивъ, казна думаетъ, и каждый изъ насъ соглашается съ нею, что табачный акцизъ выгодно ей взимать самой, до тѣхъ поръ каждый изъ насъ имѣетъ полное право пренебрегать всѣми возраженіями, какія представляются противъ уничтоженія виннаго откупа. Пока я умѣю дѣлать дѣло гораздо болѣе трудное, до тѣхъ поръ я могу пренебрегать всѣми криками о томъ, будто бы не сдумѣю справиться съ дѣломъ гораздо болѣе легкимъ.

А взиманіе акциза съ хлѣбнаго вина самую казною — дѣло безспорно вовсе незатруднительное. Въ разныхъ государствахъ Западной Европы оно устроено по разнымъ основаніямъ, и каждое изъ нихъ можетъ быть принято у насъ безъ особенныхъ затрудненій, и каждое дастъ казнѣ больше дохода, нежели сколько даетъ откупъ. Мы кратко изложимъ способы взиманія акциза съ водки и вообще спиртныхъ напитковъ въ главныхъ государствахъ Западной Европы, и читатель увидитъ справедливость нашихъ словъ. Не само собою разумѣется, что хотя каждый изъ этихъ способовъ заслуживаетъ безусловнаго предпочтенія передъ откупомъ, все-таки они сами

разнятся степенями простоты и удобства къ практическому примѣненію у насъ; потому, изложивъ ихъ, мы представимъ соображеніе о томъ, каково было бы, по нашему мнѣнію, удобнѣйшее основаніе сбора самую казною виннаго акциза у насъ.

Основаніемъ для акциза съ хлѣбнаго вина могутъ служить или матеріалы, изъ которыхъ оно готовится, или посуда, въ которой совершается его производство, или, наконецъ, уже готовый продуктъ — вино, водка или спиртъ (*).

Въ Пруссіи основаніемъ для акциза съ водки принять матеріалъ, изъ котораго она готовится; потому и водочный акцизъ называется налогомъ на водочное сусло (Maischsteuer). Для этого опредѣляется, сколько водки, извѣстнаго градуса, получается изъ даннаго количества сусла при каждомъ заторѣ, и сообразно тому опредѣляется подать, какую долженъ платить чанъ извѣстной величины при каждомъ заторѣ. Основаніе расчета принято такое, чтобы кварта водки въ 50° (по градуснику Tralles'a) платила $1\frac{9}{16}$ зильбергрошеновъ акциза (по переводѣ на наши деньги и мѣры это составило бы 49 коп. сер. съ ведра полугара). По мѣрѣ усовершенствованія способовъ винокурения, одно и тоже количество сусла стало давать больше водки, нежели получалось отъ него прежде. Первоначально полагалось, что изъ 25 кварть сусла получается одна кварта водки; потомъ тоже количество стало получаться изъ $20\frac{5}{8}$ кварть сусла; теперь наконецъ считаютъ, что кварта водки получается изъ $15\frac{5}{8}$ кварть вмѣстимости винокуреннаго чана, при чемъ нѣкоторая часть его полагается пустою при началѣ затора, потому что масса, приходя въ броженіе, увеличивается въ объемѣ. По этому расчету берется нынѣ одинъ зильбергрошенъ съ каждыхъ десяти кварть вмѣстимости куба, за каждый заторъ, или, перевода приблизительно на русскія мѣры, съ куба во 100 ведеръ за каждый заторъ около 3 руб. сер.

На томъ же основаніи взимается въ Англіи подать съ солода, употребляемаго для производства пива. Пивовары должны ежемѣсячно извѣщать о количествѣ приготавлиаемаго ими солода; чиновники правительства повѣряютъ эти показанія и берутъ по 2 шиллинга 7 пенсовъ съ бушеля (около 4 руб. 75 коп. съ четверти). Эта подать собирается очень удобно въ томъ случаѣ, если мельница для солода не принадлежитъ самому владѣльцу приготавлиаемаго на ней солода. Дополнительною пошлиною служить налогъ на хмѣль. Хозяева плантацій хмѣля должны подавать извѣстія о пространствѣ земли, занятой у нихъ хмѣлемъ, о мѣстахъ для просушки хмѣля,

(*) Rau, die Grundsätze der Finanzwissenschaft.

магазинахъ, въ которые онъ складывается, и о дняхъ, когда они будутъ взвѣшивать его и сыпать въ мѣшки. Центнеръ хлѣба платитъ 18 шиллинговъ 8 пенсовъ пошлыны (около 1 руб. 95 коп. съ пуда).

Подобныя основанія для подати съ хлѣбнаго вина и пива приняты въ Австріи, въ Баваріи и въ большей части другихъ нѣмецкихъ государствъ.

Другимъ основаніемъ для взиманія акциза служить посуда, въ которой изготовляются спиртные напитки. Она берется съ винокуренныхъ кубовъ, смотря по ихъ размѣру, за каждые сутки процесса винокурения или за какойнибудь другой срокъ, указанный опытомъ. Такъ въ курфиршествѣ Гессенскомъ берется по $2\frac{1}{2}$ зильбергрошена съ каждаго четырехъ масовъ вмѣстимости куба, за каждые 24 часа винокурения (около 36 коп. съ ведра вмѣстимости за каждые сутки).

Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ въ Баденѣ, берется подать съ вмѣстимости куба помѣсячно, безъ различія продолжительности или краткости времени дѣйствительнаго винокурения въ этотъ періодъ. Въ Баденѣ каждые три маса вмѣстимости куба платятъ въ мѣсяцъ 2 крейцера.

Наконецъ третьимъ основаніемъ для взиманія акциза служить уже самый продуктъ, выдѣланный и приготовленный къ продажѣ. Этотъ способъ принять, напримѣръ, во Франціи, гдѣ акцизъ имѣетъ слѣдующіе виды: пошлына съ поступленія вина въ торговлю и потребление (*droit de circulation et de consommation*), пошлына съ привоза въ большіе города (*droit d'entrée*) и пошлына съ разничной продажи (*droit de détail*).

Подать съ поступленія въ торговлю и потребления берется при вывозѣ вина изъ складочнаго магазина. Бочка или боченокъ съ виномъ не можетъ быть провозимъ иначе, какъ съ квитанціею на провозъ, въ которой обозначается имя человека, отправляющаго винный транспортъ, количество перевозимаго вина, мѣсто, куда оно препровождается, и время, назначенное для перевозки. Этому налогу одинаково подлежатъ виноградное и хлѣбное вино, пиво, сидръ и медъ; величина налога измѣняется отъ 60 сантимовъ за гектолитръ, взимаемыхъ съ сидра и дешевыхъ виноградныхъ винъ (мѣся 2 коп. за ведро) до 34 франковъ съ гектолитра (около 1 р. съ ведра), взимаемыхъ за спиртъ.

Подать при ввозѣ въ города и села, имѣющія болѣе 4,000 жителей, не заслуживаетъ нашего вниманія, потому что, къ счастью, у насъ вообще нѣтъ городскихъ таможенныхъ пошлынъ (*octroi*), возбуждающихъ такъ много жалобъ и затрудненій во Франціи.

Пошлына съ разничной продажи составляетъ 10 процентовъ цѣны, по которой продается вино рюмками и бутылками въ распи-

вочныхъ лавочкахъ, въ трактирахъ и тому подобныхъ заведеніяхъ.

Намъ кажется, что система взиманія подати съ матеріаловъ или посуды гораздо сложнее системы, по которой налогъ берется уже съ готоваго продукта, и потому едва ли не слѣдуетъ предпочесть такое основаніе для акциза, при которомъ онъ взимается уже прямо съ водки при ея поступленіи изъ запасныхъ депо въ продажу. Главнымъ неудобствомъ этой системы была бы затруднительность слѣдить за продажей водки изъ многочисленныхъ маленькихъ винокуренъ, какія существуютъ въ земляхъ, гдѣ винокуренье и продажа водки издавна были свободны. Но у насъ этого неудобства нѣтъ. Хороша или дурна система откуповъ, но при реформѣ надобно брать въ соображеніе факты, уже произведенные ею въ народной жизни. У насъ винокуренье производится не въ маленькихъ, почти домашнихъ размѣрахъ, какъ, напримѣръ у финляндцевъ; оно издавна уже сосредоточилось въ нѣсколькихъ большихъ заведеніяхъ, по своему размѣру подобныхъ бумагопрядильнымъ фабрикамъ или стеариновымъ заводамъ. Мы уже привыкли къ такому порядку вещей, и никто не считаетъ стѣсненіемъ своихъ правъ того, что не можетъ курить вина для своего домашняго обихода; никому не приходится въ голову требовать такого права. Пусть же все въ этомъ отношеніи останется по прежнему; пусть существуютъ только немногочисленные обширныя винокурни, производящія товаръ для оптовой продажи. Никто не огорчится даже тѣмъ, если у насъ, какъ въ Англіи, будетъ постановлено правиломъ, что винокуренный заводъ разрѣшается имѣть только тому, кто хочетъ устроить его въ обширномъ размѣрѣ. Въ Англіи наименьшій размѣръ винокуреннаго чана опредѣленъ въ 400 галлоновъ (110 ведеръ). У насъ можно опредѣлить эту границу наименьшаго размѣра еще выше. Можно даже, не нарушая народныхъ привычекъ и желаній, сдѣлать еще одинъ шагъ дальше: можно прямымъ образомъ ограничить число винокуренныхъ заводовъ, какъ существуетъ подобное правило относительно аптекъ. Число аптекъ ограничено, вѣроятно, съ той мыслью, чтобы онѣ не подрывали одна другой излишнимъ размноженіемъ, чтобы хозяинъ аптеки не былъ принуждаемъ незначительностью своего торговаго оборота прибѣгать къ поддѣлкамъ въ приготовленіи лѣкарствъ. При ограниченіи числа винокуренныхъ заводовъ ясно будетъ представляться другая цѣль: чѣмъ меньше ихъ число, тѣмъ легче надзоръ за ними. Чтобы не было монополіи, не надобно препятствовать основанію новаго завода въ такомъ мѣстѣ, гдѣ существуетъ только одинъ заводъ на цѣлый большой округъ; но двухъ-трехъ заводовъ на уздѣ средней величины, въ большей части мѣстностей, гдѣ суще-

ствуется какойнибудь другой сбытъ хлѣба, кромѣ винокурениа, было бы достаточно. Въ Кіевской губерніи, имѣющей 400 верстъ длины и 230 верстъ ширины по самымъ большимъ диаметрамъ, существовало въ 1845 году 372 винокуренныхъ завода. Этого слишкомъ много для 900 квад. миль. Если изъ нихъ оставить только 35, разстояніе между ними все-таки нигдѣ не будетъ больше 50 верстъ, и каждое село, если недовольно условіями ближайшаго завода, будетъ имѣть на разстояніи одного дня провоза другой заводъ, куда легко можетъ сбывать свой хлѣбъ. Итакъ, мы говоримъ, что съ сохраненіемъ полного удобства для земледѣльцевъ въ сбытъ хлѣба, число винокуренныхъ заводовъ, не очень значительное и въ настоящее время, можетъ чрезвычайно быть уменьшено для облегченія въ сборѣ акциза. Тѣ хозяева, заводы которыхъ подверглись бы закрытію, легко могли бы употребить, безъ убытка для себя, готовое зданіе подъ какоенибудь другое промышленное заведеніе, если были бы за годъ или за полтора предупреждены о срокѣ закрытія ихъ заводовъ, а посуда, остающаяся ненужной для нихъ, могла бы быть взята казною по третейской оцѣнкѣ, если они не сбудутъ ее на остающіеся заводы. Во всякомъ случаѣ, какъ бы щедро казна ни вздумала вознаградить владѣльцевъ закрываемыхъ заводовъ, очень немного нужно истратить денегъ, чтобы они не остались въ убыткѣ, потому что капиталы, затрачиваемые на устройство винокуренныхъ заводовъ, очень незначительны. Такъ, напримѣръ, заводъ, выкуривающій 250,000 ведръ въ годъ, стоитъ весь не болѣе 30,000 руб. сер., считая тутъ и зданіе, которое не пропадетъ, стало быть и не нуждается въ выкупѣ.

Мы предполагаемъ, что если бы сборъ акциза при сохраненіи нынѣшняго числа заводовъ оказался труднымъ (чему нельзя вѣрить), то правительству было бы очень легко отвратить это затрудненіе, уменьшивъ число заводовъ. Никто не можетъ сказать, чтобы уѣздному смотрителю виннаго акциза нельзя было строго усмотрѣть за винокурениемъ, если въ его вѣдомствѣ будетъ всего два-три или пять, или даже хотя десять заводовъ. Теперь, какими же образомъ взимать акцизъ съ выдѣланнаго вина? Если брать акцизъ прямо при самой выдѣлкѣ еще до продажи, это можетъ служить обремененіемъ для заводчика и препятствіемъ къ производству вина въ довольно долгій запасъ. Если брать акцизъ при продажѣ вина изъ рукъ заводчика, открывается обширная возможность контрабанды; и, кажется, главное недоумѣніе объ устройствѣ акцизнаго сбора заключается въ томъ, что кромѣ этихъ двухъ неудобныхъ способовъ не замѣчаютъ еще одного, который свободенъ отъ всякихъ неудобствъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, взимая акцизъ не при производствѣ, а при

продажѣ, заставить заводчика производить продажу такъ, чтобы водка проходила подѣ контролемъ казны, взимающей акцизъ. Надобно только узаконить, что все выдѣливаемое вино должно поступать прямо и немедленно во выдѣлкѣ въ складочный магазинъ, находящійся подѣ вѣдѣніемъ акцизнаго сборщика; и только изъ этого магазина, но никакъ не съ завода, должна водка поступать въ продажу. При такомъ порядкѣ можно даже установить правило чрезвычайно выгодное для заводчиковъ. Вино не такой товаръ, который подвергался бы порчѣ или оставался бы безъ сбыта. Потому, принявъ водку въ складочный магазинъ, казна можетъ, ничѣмъ ни рискуя, выдать заводчику по его просьбѣ половину или двѣ трети низшей цѣны вина за три предъидущіе года, съ вычетомъ этихъ денегъ изъ тѣхъ, которыя онъ получитъ за дѣйствительную продажу вина.

Цѣль такого порядка состоитъ не въ томъ, чтобы казна хотѣла сама участвовать въ торговлѣ виномъ, — нѣтъ, пусть самъ заводчикъ продаетъ свой товаръ кому хочетъ и по какой хочетъ цѣнѣ; надобно только, чтобы вино не поступало въ продажу безъ уплаты акциза, и казна только хранить вино до продажи, чтобы взять акцизъ, а не участвовать въ торговлѣ имъ. Выпуская бочку съ виномъ за дверь складочнаго подвала и накладывая штемпель или бандероль на выпускаемую бочку, казна не принимаетъ на себя далѣе никакихъ заботъ о путешествіи и участи этой бочки. Пусть покупатель везетъ ее куда хочетъ, продаетъ какъ хочетъ. Намъ кажется, что хлопотъ для казны тутъ немного, хотя бы продажа изъ подвала производилась и отдѣльными бочками; но если бы оказалось нужнымъ еще болѣе упростить и облегчить это дѣло, можно поставить правиломъ, что отпускъ изъ акцизнаго подвала производится только партіями болѣе значительными, нежели одна бочка; напримѣръ, наименьшимъ размѣромъ покупки можно было бы поставить 10 или 25 бочекъ; тогда можно было бы еще больше облегчить для надсмотрщика это дѣло, опредѣливъ только извѣстные дни для выпуска вина изъ подвала, напримѣръ одинъ день въ недѣлю и даже въ двѣ недѣли.

Что же далѣе? — Далѣе—ничего. Весь механизмъ системы, одобряемой нами, состоитъ въ двухъ словахъ: акцизъ берется при продажѣ водки изъ подвала, въ который водка поступаетъ немедленно по изготовленіи. Если угодно, можно даже сейчасъ же написать «Проектъ устава о порядкѣ взиманія акциза съ хлѣбнаго вина», съ раздѣленіемъ на параграфы и съ переложеніемъ на дѣловой языкъ. Работа эта такъ легка, что можно было бы предоставить ее каждому читателю; но мѣста этотъ проектъ займетъ немного, потому не будетъ бѣды помѣстить его здѣсь.

ПРОЕКТЪ УСТАВА

О ПОРЯДКѢ ВЗИМАНІЯ АКЦИЗА СЪ ХЛѢБНАГО ВІНА.

§ 1.

Винокуренные заводы учреждаются не иначе, какъ по ходатайству мѣстныхъ жителей, съ разрѣшенія правительства.

Примѣчаніе 1-е къ § 1-му. Изъ существующихъ винѣ заводовъ оставляются только нѣкоторые изъ значительнѣйшихъ, имѣющіе размѣръ не менѣе опредѣленнаго § 2-го; прочіе же закрываются по истеченіи годичнаго срока отъ обнародованія этихъ правилъ.

Примѣчаніе 2-е къ § 1-му. Владѣльцы уничтожаемыхъ заводовъ, если не продадутъ посуду и прочія принадлежности, служившія для винокурения, на остающіеся заводы, должны сдать эту посуду съ принадлежностями въ казну по цѣнѣ, опредѣленной третейскою комиссіею, составленною изъ уѣзднаго сборщика акциза, одного депутата, назначеннаго губернаторомъ, и одного изъ жителей уѣзда по выбору заводчика.

Примѣчаніе 3-е къ § 1-му. Во всякомъ случаѣ по наступленіи означеннаго срока винокуренные кубы и прочія принадлежности винокурения не могутъ оставаться ни въ аданіи, ни вообще въ дачѣ уничтоженнаго завода, и бывшій заводчикъ обязанъ представить удостовѣреніе о томъ, что сбылъ ихъ законнымъ порядкомъ по смыслу примѣчанія 2-го.

§ 2.

Винокуренный заводъ долженъ быть устроенъ не менѣе, какъ на 100,000 ведръ полуугара годичной выдѣлки.

§ 3.

Выдѣланное хлѣбное вино сливается въ бочки подъ надзоромъ акцизнаго присяжнаго, опредѣляемаго состоять при заводѣ по назначенію уѣзднаго сборщика акциза. Къ каждой налитой бочкѣ при самой ея закупоркѣ онъ прикладываетъ печать и вноситъ въ шнуровую книгу число налитыхъ бочекъ.

§ 4.

Неприкосновенность печатей и цѣлость бочекъ остаются послѣ того подъ личной отвѣтственностью управляющаго заводомъ до принятія ихъ уѣзднымъ сборщикомъ акциза въ складочный подвалъ.

§ 5.

При каждом винокуренномъ заводѣ находится складочный подвалъ, ключи котораго хранятся у акцизнаго прислужнаго, а печать у уѣзднаго сборщика акциза.

§ 6.

Уѣздный сборщикъ акциза прикладываетъ къ дверямъ складочнаго подвала находящуюся у него печать, которая снимается только лично имъ самимъ при входѣ его въ подвалъ и снова налагается имъ при удаленіи его изъ подвала.

§ 7.

Для принятія выкуреннаго вина въ подвалъ назначаются определенные дни не менѣе двухъ дней въ недѣлю, въ которые уѣздный сборщикъ акциза обязанъ являться на заводъ, если не будетъ предварительно извѣщено, что вина къ принятію въ подвалъ на заводѣ не имѣется.

§ 8.

По разлитіи вновь выкуреннаго вина въ бочки, ни одна бочка не должна оставаться на заводѣ до принятія въ подвалъ долѣе четырехъ сутокъ, и во всякомъ случаѣ всѣ бочки, налитыя въ заводѣ къ наступленію пріемнаго дня, должны быть сданы въ подвалъ въ тотъ же первый пріемный день.

§ 9.

Отпускъ проданныхъ бочекъ изъ подвала производится въ дни назначенные для пріема. Въ случаѣ надобности могутъ быть назначаемы для отпуска и особенные дни по требованію заводчика.

§ 10.

Продажа производится совершенно свободно самимъ заводчикомъ безъ всякаго выѣшательства казны, съ тѣмъ однимъ ограниченіемъ, что должна совершаться не малкими количествами, а ономъ, т. е. бочками.

§ 11.

Отпуская проданныя бочки изъ подвала, уѣздный сборщикъ акциза кладетъ на каждую изъ нихъ установленный штемпель или бандероль.

§ 12.

Акцизъ взимается немедленно по наложеніи штемпеля, передъ отпускомъ бочекъ изъ подвала. Онъ уплачивается или заводчикомъ, или покупщикомъ по ихъ взаимному соглашенію.

§ 13.

Уѣздный смотритель акциза еженедѣльно представляетъ губернскому сборщику отчеты о числѣ бочекъ, хранившихся въ подвалѣ въ началѣ недѣли, о числѣ вновь поступившихъ бочекъ въ теченіе недѣли, о числѣ отпущенныхъ въ продажу и количествѣ собраннаго съ нихъ акциза и, наконецъ, о количествѣ бочекъ, остающихся въ подвалѣ въ слѣдующей недѣли.

§ 14.

За нарушеніе правилъ, постановляемыхъ этимъ уставомъ, опредѣляются штрафы и наказанія въ слѣдующемъ размѣрѣ:

За всякое контрабандное дѣйствіе заводчикъ подвергается штрафу въ пять разъ большому той суммы акциза, которой лишилась казна съ водки, поступившей въ продажу безъ уплаты акциза.

При третьемъ случаѣ подобнаго рода весь заводъ берется въ казну и продается съ публичнаго торга въ ея пользу.

Акцизные присяжные за уклоненіе отъ своихъ обязанностей подвергаются тѣмъ же наказаніямъ, какимъ подлежатъ за подобныя преступленія нижніе чины, которымъ вручена продажа гербовой бумаги.

Уѣздный и губернский сборщики акциза за нарушеніе своихъ обязанностей подвергаются тѣмъ же наказаніямъ, какъ уѣздные и губернскіе казначеи въ подобныхъ случаяхъ.

Вотъ проектъ всего устава для взиманія акциза съ хлѣбнаго вина. Эти немногосложныя правила достаточны для совершеннаго огражденія казны отъ контрабандной продажи вина съ заводовъ.

«Такъ, скажутъ намъ; но при этомъ предполагается, что сборщики акциза люди совершенно добросовѣстные, которые не согласятся прикрывать контрабандныя дѣйствія заводчиковъ ни за какія взятки; гдѣ же найти такихъ добросовѣстныхъ исполнителей закона? Продажность нашихъ чиновниковъ составляетъ предметъ всеобщихъ жалобъ». Что сказать на это? Неужели въ самомъ дѣлѣ въ Россіи такъ мало честныхъ людей? Кто захочетъ искать ихъ—найдетъ ихъ десятки въ каждомъ губернскомъ городѣ, десятки въ каждомъ департаментѣ какого угодно министерства. По личному опыту мы можемъ

засвидѣтельствовать, что въ самыхъ ослабленныхъ вѣдомствахъ мы находили многихъ людей честности совершенно безукоризненной, стоящей выше всякихъ соблазновъ. Мы знаемъ такихъ людей и въ комиссаріатскомъ и въ провіантскомъ департаментахъ. И ни одинъ честный человекъ, жившій въ свѣтѣ, не скажетъ, чтобы трудно было найти честныхъ людей для замѣщенія какого угодно числа должностей, если только неподкупная честность составляетъ главное требованіе этихъ должностей. Надобно только знакомиться съ людьми и хотѣть искать честныхъ людей, надобно при этомъ слушать мнѣнія честныхъ и умныхъ людей, живущихъ въ томъ кругу, изъ котораго должны быть избираемы кандидаты. Само собою разумѣется, кто знаетъ людей только по формулярнымъ спискамъ и официальнымъ бумагамъ, тотъ ничего вѣрнаго не можетъ сказать о нихъ. Немногимъ больше пользы приносятъ и личныя свиданія въ официальныхъ отношеніяхъ, хотя бы происходили каждый день. Но совершенно другое дѣло, если знать по опыту, что человекъ пользуется репутаціей честности или недобросовѣстности въ томъ кругу, среди котораго живетъ. Эта репутація рѣдко бываетъ обманчива. Постарайтесь же войти въ кругъ знакомства человека, если хотите знать, можно ли положиться на его правила и характеръ. Кто соблюдаетъ это правило, тотъ не будетъ имѣть недостатка въ честныхъ людяхъ, ему нужныхъ.

Само собою разумѣется, что люди, которые станутъ честно исполнять извѣстную обязанность, примутъ ее на себя только тогда, если ее дѣйствительно можно исполнять честнымъ образомъ и если вознагражденіе, ему представляемое, соотвѣтствуетъ требованіямъ общества относительно образа жизни людей, занимающихъ положеніе въ свѣтѣ, даваемое этой должностью. Губернскій сборщикъ акциза по своему положенію необходимо долженъ принадлежать къ числу значительныхъ членовъ губернскаго общества. Въ нынѣшнее время нужно имѣть не менѣе 5,000 рублей дохода, чтобы соотвѣтствовать требованіямъ этого положенія. Для уѣзднаго сборщика податей по тѣмъ же самымъ отношеніямъ необходимо имѣть 3,000 руб. При такомъ вознагражденіи, половина котораго обращалась бы въ пенсію, можно имѣть на этихъ мѣстахъ людей честныхъ, если только хотѣть искать ихъ. Мы говорили объ условіи необходимомъ для того, чтобы умѣть отыскать дѣйствительно честныхъ людей; это условіе — короткое знакомство въ томъ кругу общества, къ которому принадлежатъ кандидаты. Выборъ долженъ основываться на личномъ знакомствѣ съ человекомъ въ его общественной жизни и на знакомствѣ съ его репутаціею въ обществѣ, близко его знающемъ. Этому условію можно удовлетворить, если высшая административная власть должна

выбирать кандидатов только на мѣста губернскихъ сборщиковъ акциза. При существованіи 60 или 70 такихъ мѣстъ, число вакансій въ годъ не будетъ превышать 10; изъ нихъ половина будетъ доставаться уѣзднымъ сборщикамъ, доказавшимъ свои права достойною службою, стало быть новыхъ людей понадобится въ годъ всего только человѣка четыре или человѣкъ пять. Кто захочетъ запятаться, тотъ можетъ имѣть достаточное знакомство въ кругу, изъ котораго должны выходить кандидаты, чтобы имѣть въ годъ четырехъ или пятерыхъ людей, на которыхъ можно положиться. Но силъ человеческихъ не достало бы имѣть сотни хорошо знакомыхъ кандидатовъ, и потому выборъ многочисленныхъ уѣздныхъ сборщиковъ былъ бы затруднителенъ для высшей административной власти. Лучше оставить это дѣло власти и ответственности губернскихъ сборщиковъ; это представляетъ и ту выгоду, что начальникъ вообще бываетъ доволенъ своими помощниками только тогда, когда самъ выбираетъ ихъ.

Мы думаемъ, и всѣ люди, знающіе наше общество, согласятся съ нами, что замѣщеніе акцизныхъ должностей людьми совершенно честными очень удобно и вѣрно при соблюденіи этихъ условій. Мы не говоримъ о томъ, удобоисполнимы или нѣтъ самыя эти условія. Для рѣшенія такого вопроса нужно было бы близкое личное знакомство съ такимъ кругомъ общества, который недоступенъ пишущимъ людямъ. Мы, писатели, хорошо знаемъ людей только средняго и низшаго классовъ, и за нихъ мы можемъ поручиться; остальное оставляемъ личному знанію другихъ. Мы говоримъ только, что если высшая административная власть въ состояніи употребить тотъ способъ выбора, который изложенъ нами, то успѣхъ несомнѣненъ.

Но выборъ честнаго человѣка и назначеніе ему достаточнаго вознагражденія, — это только одна сторона обстоятельствъ, нужныхъ для честнаго исполненія должности; другимъ условіемъ, еще болѣе важнымъ, надобно признавать возможность не отступать отъ своего долга при отправленіи служебной обязанности, съ вѣрною перспективою сохранить свою репутацію и мѣсто при соблюденіи своихъ обязанностей, потерять то и другое и подвергнуться законному взысканію въ случаѣ нарушенія ихъ. Чтобы видѣть, въ какихъ учрежденіяхъ нуждается это условіе, надобно вникнуть въ особенныя качества обязанностей, лежащихъ на сборщикѣ виннаго акциза.

Прежде всего тутъ представляется намъ то обстоятельство, что очень сильные интересы могутъ желать свести его съ прямого пути, или повредить ему за честное исполненіе его долга. Заводъ, выкуривающій 300,000 ведеръ, вовсе не рѣдкость; хозяинъ такого завода имѣетъ годичный оборотъ на сотни тысячъ рублей и обыкновенно

занимаетъ въ обществѣ положеніе болѣе значительное, нежели даже главныя лица губернской администраціи. Почти всегда онъ имѣетъ дружескія или родственныя связи съ людьми очень сильными, обыкновенно приняты какъ свой въ томъ кругу, куда губернская администрація является только съ визитомъ, или для должностныхъ объясненій. Извѣстно, въ какой значительной степени можетъ быть усилена выдѣлка вина на данномъ заводѣ, если сбытъ слишкомъ выгоденъ. Положимъ акцизъ хотя бы только въ одинъ рубль сер. съ ведра. Дѣлаясь выгодною отъ контрабанды даже пополамъ съ покупщикомъ, заводчикъ имѣлъ бы выгоды 50 коп. съ ведра. Усильвъ дѣятельность завода вдвое противъ нормальной цифры, онъ имѣлъ бы въ остаткѣ для контрабанды около 400,000 ведеръ, т. е. до 200,000 рублей сер. ежегоднаго барыша. Кто знаетъ жизнь, тому извѣстно, что человѣкъ съ вѣсомъ въ высшемъ обществѣ всегда найдетъ случай задавить маленькаго человѣка, если находитъ выгоду не пожалѣть для этого сотню тысячъ и если маленькій человѣкъ лишень возможности выставить свои дѣйствія на ясный дневной свѣтъ, а должны они оставаться въ вѣдѣніи одного канцелярскаго порядка. Изъ этого мы видимъ, что честному акцизному сборщику не было бы возможности удержаться на своемъ мѣстѣ, если бы онъ захотѣлъ пренятствовать контрабандѣ сильнаго заводчика, и не могъ бы опираться на свидѣтельство общества въ свою защиту. Сильный и денежный человѣкъ всегда можетъ подвести кляузы, устроить прицѣпки, неотвратимыя однимъ канцелярскимъ подрядчикомъ. Стало быть для сборщика акциза необходима опора общаго голоса, если онъ хочетъ быть честенъ: безъ этой опоры онъ будетъ задавленъ каждымъ заводчикомъ. Съ другой стороны, и высшая администрація только при помощи общаго голоса можетъ достойно знать, исполняютъ ли сборщики свою обязанность. Гдѣ замѣшаны интересы, располагающіе сотнями тысячъ, тамъ канцелярскія средства недостаточны для открытія истины. Государство можетъ оставаться равнодушнымъ къ судьбѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, которыя касаются только частныхъ лицъ; оно можетъ оставлять на волю случая ихъ веденіе, довольствоваться слабымъ бюрократическимъ контролемъ для надзора за ними. Но нельзя шутить тамъ, гдѣ отъ недосмотра могутъ погибнуть его собственные милліоны. Именно такимъ дѣломъ представляется сборъ акциза съ хлѣбнаго вина. Выгода, приносимая казнѣ вспомогательнымъ контролемъ общаго голоса, не стала бы въ дѣлѣ акцизнаго сбора омрачаться никакими неудовольствіями для высшей администраціи. Все состояло бы единственно въ обнаруженіи контрабанды, преслѣдуемой самимъ правительствомъ. Только въ общественномъ контролѣ сборщикъ акциза

могъ бы найти опору для борьбы съ личными выгодами заводчика, а правительство нашло бы средство имѣть полный сборъ акциза черезъ неподкупныхъ чиновниковъ.

Никто не будетъ спорить, что и сборщику акциза, и правительству не стоило бы никакого труда знать и предупреждать каждую попытку заводчика къ заведенію контрабанды, если бы допущена была публичность всѣхъ дѣлъ, касающихся до сбора акциза. Мы говоримъ здѣсь пока не объ измѣненіи порядка судопроизводства, а только о томъ чтобы каждый, имѣющій дѣло по сбору акциза, могъ печатать всякія оправданія и объясненія по этимъ дѣламъ, а каждый, имѣющій свѣдѣнія о производствѣ контрабандной продажи вина въ томъ или другомъ мѣстѣ, могъ доводить эти свѣдѣнія до публики. Отъ общества не можетъ укрыться, если какой нибудь заводчикъ сдѣлалъ бы опытъ контрабандной продажи водки; отъ общества не могло бы укрыться, если бы какой нибудь сборщикъ акциза вешелъ въ сдѣлку съ заводчикомъ. Нужно только допустить, чтобы общество говорило о томъ, что знаетъ, и контрабанда со стороны заводчиковъ, потворство имъ со сторонъ сборщиковъ станетъ дѣломъ, немедленно подвергающимся наказанію. Случаи такой контрабанды будутъ столь же рѣдки, какъ дѣланіе фальшивой монеты на многолюдной улицѣ среди бѣлаго дня. Общество и укажетъ, и докажетъ всякую попытку къ подобному нарушенію законовъ. Словомъ сказать, чѣмъ больше думаемъ мы о вліяніи изложенныхъ нами условій акцизнаго сбора, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что при такомъ порядкѣ дѣлъ доходъ казны былъ бы совершенно огражденъ отъ всякой контрабандной продажи водки съ винокуренныхъ заводовъ. Мы увѣрены, что каждый, знакомый съ житейскими дѣлами и съ вліяніемъ разныхъ учреждений на ходъ администраціи, будетъ думать объ этомъ дѣлѣ точно также.

Если же при такомъ порядкѣ дѣлъ казна была бы ограждена отъ контрабанды заводчика, то едва ли стоить говорить о безопасности ея отъ мелочнаго контрабанднаго винокурения виѣ заводовъ, существующихъ законнымъ образомъ. При печатномъ обнаруженіи всѣхъ дѣлъ, относящихся къ винокурению и сбору акциза, скрытое существованіе сколько нибудь значительныхъ винокуренъ было бы такою же физическою невозможностью, какъ напримѣръ существованіе армарки неизвѣстной всякому, кому угодно справиться объ ея существованіи. Стоило бы выкурить какому нибудь аферисту какихъ нибудь десять или двадцать ведеръ вина и продать ихъ, и въ тотъ же день знало бы объ этомъ цѣлое село, черезъ недѣлю зналъ бы объ этомъ цѣлый уѣздъ; и уѣздному сборщику акциза не было бы надобности отыскивать мѣсто или виновника тайнаго винокуре-

нія, — и виновникъ, и его адресъ были бы указаны ему не далѣе какъ первымъ сосѣдомъ за чайнымъ или обѣденнымъ столомъ. Но не было бы надобности дожидаться и словъ сосѣда; почти не было бы надобности заботиться сборщику акциза о преслѣдованіи тайнаго винокурения нѣтъ заводовъ: сами винокуренные заводчики позаботились бы объ этомъ раньше всѣхъ, потому что тайное винокурение подрывало бы сбытъ ихъ товара; преслѣдованіе тайнаго винокурения требовалось бы выгодами самихъ заводчиковъ не меньше, чѣмъ выгодами казны, и она достаточно обезпечивалась бы ихъ проищательностью и дѣятельностью противъ этого зла; ей оставалось бы только пользоваться ихъ усердными указаніями.

Мы останавливались на отпускѣ бочекъ съ бандеролями или итмпелями изъ акцизнаго погреба, находящагося при каждомъ заводѣ. Слѣдить за водкою далѣе нѣтъ надобности, если говорить только о сборѣ акциза: онъ взятъ при самомъ поступленіи хлѣбнаго вина отъ заводчика въ руки торговца, и что далѣе будетъ съ виномъ, это все равно, если обращать вниманіе только на полноту настоящаго сбора. Но для огражденія народнаго благосостоянія и здоровья, т. е. и для того самаго, чтобы не оскудѣвали, а увеличивались доходы казны съ каждымъ будущимъ годомъ, конечно нужно принять нѣкоторыя правила для свободной торговли виномъ, чтобы не возможности предохранить общество отъ развратной спекуляціи въ этой торговлѣ. Въ этомъ отдѣлѣ статьи мы можемъ быть очень кратки, потому что принципы винной торговли ясны сами по себѣ и не возбуждаютъ сомнѣній даже въ людяхъ незнакомыхъ ни съ чѣмъ, кромѣ нашей рутины. Во-первыхъ, продажа изъ лавокъ на выносъ должна быть строго отдѣлена отъ продажи въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вино употребляется покупателями. Лавки, въ которыхъ водка продается на выносъ, никакъ не должны имѣть комнатъ, въ которыхъ бы можно было пить вино. За каждую рюмку вина, вышутую въ такой лавкѣ, хозяинъ лавки долженъ подвергаться значительному штрафу, и при третьемъ или четвертомъ случаѣ такого нарушенія лавка должна быть закрываема, а хозяинъ или сидѣлецъ, виновный въ нарушеніи правила, долженъ, сверхъ штрафа, подвергаться заключенію въ тюрьму на извѣстный срокъ. Мѣста, въ которыхъ позволено пить продаваемое вино, никакъ не должны оставаться только лавками для продажи вина или кабаками: такое право должно предоставляться только заведеніямъ, промыселъ которыхъ основанъ на приготовленіи обѣдовъ для своихъ посѣтителей, т. е. ресторанамъ, трактирамъ, харчевнямъ и постояннымъ дворамъ. За соблюденіемъ этихъ правилъ невозможно услѣдить безъ допущенія того самаго условія, которое одно ограждаетъ казну отъ контрабан-

ды при сборѣ акциза, т. е. безъ допущенія полной гласности по всѣмъ дѣламъ такого рода; за то при этомъ единственномъ условіи не будетъ никакого труда охранить благосостояніе и здоровье народа отъ возобновленія нынѣшнихъ кабацкихъ злоупотребленій. Какъ заводчики воспользуются этимъ правомъ для прекращенія всякихъ попытокъ къ тайному винокурению, такъ содержатели трактировъ и харчевенъ воспользуются имъ для подавленія всякихъ попытокъ обратить лавку, обязанную продавать вино только на выносъ, въ нѣчто похожее на нынѣшній кабакъ. Такимъ образомъ главными правилами для розничной продажи хлѣбнаго вина должны были бы служить слѣдующіе принципы:

Для розничной продажи хлѣбнаго вина существуютъ, во-первыхъ, лавки, продающія его на выносъ, во-вторыхъ, позволяется имѣть вино для употребленія гостей всѣмъ тѣмъ заведеніямъ, въ которыхъ существуетъ общій столъ.

Въ лавкахъ, продающихъ водку на выносъ, подъ тяжелыми штрафами и наказаніями запрещается допускать питье вина.

Правила, существующія для трактировъ и другихъ подобныхъ заведеній, вообще удовлетворительны въ томъ отношеніи, о которомъ теперь идетъ рѣчь, и кромѣ исправленій своихъ подробностей нуждаются только въ гарантіи, которая обезпечивала бы ихъ строгое соблюденіе. Такою гарантіею служить свобода печатнаго слова по всѣмъ дѣламъ, относящимся къ сбору акциза съ хлѣбнаго вина и къ торговлѣ спиртными напѣтками.

А. ПАМКАТЫЕВЪ.

ГУБЕРНСКІЙ КАРНАВАЛЪ.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Въ концѣ октября, часовъ въ одиннадцать утра, бѣловодскому губернатору, Александру Павлычу Муходавлеву, подали письмо отъ одного изъ его близкихъ пріятелей, Григорья Алексѣича Баламутова, письмо съ надписью «весьма нужное».

«*Mon très-cher ami!* писалъ г. Баламутовъ, — жена моя объявила свою непремѣнную волю провести нынѣшнюю зиму въ Бѣловодскѣ, а такъ какъ уже давно извѣстно, что *se que sette veut, Dieu le veut*, то я и посылаю моего повѣреннаго, коллежскаго регистратора Носова, сдѣлать распоряженія *en conséquence* въ этомъ городишкѣ. Вы всецѣльны въ Бѣловодскѣ, потому и адресуюсь къ вамъ съ убѣдительною просьбой, приказать кому нибудь помочь моему посланному, незнающему вашего города, въ его поискахъ и приготовленіяхъ, тѣмъ болѣе, что г. Носовъ имѣетъ слабость сильно запивать. Жена моя вполнѣ увѣрена, что вы примете самое дѣятельное участіе въ исполненіи ея каприза. *Au revoir*; не забывайте душевно преданнаго вамъ

Гр. Баламутова.»

— Прекрасно! вскрикнулъ Александръ Павлычъ, обращаясь къ докладывавшему ему въ то время старшему секретарю губернскаго правленія; — прекрасно! мы повеселимся эту зиму! Баламутовъ аристократъ *dans toute la force du terme*.

Толстый секретарь, не понимавшій французскаго языка, счелъ долгомъ отвѣчать его превосходительству лаконическимъ: «слушаю—съ»! Александръ Павлычъ вскочилъ со своего кресла и позвонилъ. Вошелъ юный чиновникъ канцеляріи, бывшій на дежурствѣ.

— Гдѣ посланный г. Баламутова? спросилъ Муходавлевъ.

— Въ приемной, ваше превосходительство, отвѣчалъ дежурный.

— Ну, вы можете теперь идти: мнѣ некогда слушать вашъ докладъ, — приходите послѣ, проговорилъ губернаторъ, торопливо выходя изъ за-письменнаго стола и направляясь къ двери.

Старшій секретарь какъ-то особенно радостно фыркнулъ и началъ укладывать въ портфель толстую кипу недоложенныхъ журналовъ.

Муходавлевъ вышелъ въ приемную. Стоявшія тамъ двѣ вдовы чиновницы, пришедшія просить о пенсіонѣ, и старый отставной офицеръ на деревяшкѣ, явившійся съ жалобою на полицію, протянули было къ его превосходительству руки, крѣпко сжимавшія прошенія, написанныя на послѣднія кровныя деньги.

— Некогда, подождите, отрывисто прикрикнулъ на нихъ озабоченный Муходавлевъ. — Гдѣ здѣсь посланный отъ Григорья Алексѣича Баламутова?

— Я—съ! — И къ нему подошелъ толстый рябой господинъ, лѣтъ сорока-пяти, съ краснымъ лицомъ и глазами и багровымъ носомъ.

Александръ Павлычъ вспомнилъ рекомендацію Баламутова, однако вѣжливо поклонился.

— Григорій Алексѣичъ прислалъ меня заготовить имъ помѣщеніе, ваше превосходительство, доложилъ г. Носовъ.

— Знаю, знаю! Будьте увѣрены, что все, что отъ меня зависить, будетъ для васъ сдѣлано.... Дежурный! продолжалъ губернаторъ, обращаясь къ юному чиновнику, — пошлите сейчасъ же за полицмейстеромъ. — А вы, г. Носовъ, подите со мной: мнѣ хочется распросить у васъ о Баламутовѣ: мы съ нимъ вѣдь старые пріятели.

Губернаторъ пошелъ изъ пріемной, сопровождаемый г. Носовымъ.

— Ваше превосходительство! пить, ѣсть нечего! возопила одна изъ вдовъ-чиновницъ, похрабрѣ на языкъ.

— Некогда, некогда, — подождите! поспѣшно крикнулъ Александръ Павлычъ и юркнулъ въ дверь.

Простители грустно потупили голову.

— Приходите лучше завтра, замѣтилъ имъ челоѣколюбивый дежурный чиновникъ; — что ждать-то понапрасну! ужъ нынче не приметъ онъ вашихъ просьбъ.

Вдовы и отставной офицеръ поплелись со слезами на глазахъ вонъ изъ пріемной и изъ губернаторскаго дома.

Черезъ часъ явился полицмейстеръ, высокій подполковникъ, лѣтъ тридцати-пяти.

Бѣловодскій полицмейстеръ Иванъ Егорычъ Крайтъ былъ замѣчательный челоѣкъ. Онъ былъ голландецъ по происхожденію, женатъ былъ на дѣвицѣ аристократической породы, занимался воспитаніемъ какихъ-то знатныхъ особъ, говорилъ на четырехъ или пяти живыхъ языкахъ, при всемъ этомъ любилъ покутить и по службѣ велъ свои дѣла очень ловко.... По милости своего вѣшняго лоска и жены, Иванъ Егорычъ втерся въ губернскую аристократію и поддерживался тамъ, не смотря на ничтожность своего мѣста, благодаря покровительству Муходавлева, который, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, имѣлъ свои причины покровительствовать полицмейстеру.

— *A, mon cher ami*, вскрикнулъ губернаторъ, когда въ его кабинетъ вошелъ Иванъ Егорычъ, — я за вами посылаю по экстренному дѣлу: мой пріятель Баламутовъ прислалъ своего повѣреннаго заготовить ему квартиру, такъ я поручаю вамъ принять подъ свое покровительство г-на Носова.

Муходавлевъ показалъ на повѣреннаго, который низко поклонился полицмейстеру.

— Дайте ему въ полное распоряженіе частнаго пристава, по-расторопиѣ, продолжалъ Александръ Павлычъ; а то — не надужи бы его жида.

Полицмейстеръ, котораго въ городѣ звали жидовскимъ батькой, немного нахмурился, однако сейчасъ же поправился и отвѣчалъ губернатору, что приказаніе его будетъ исполнено въ точности.

— Сегодня вечеромъ я буду у васъ, сказалъ пофранцузски Александръ Павлычъ полицмейстеру, отпуская его.

— Слушаю-съ... и она также будетъ, отвѣчалъ Иванъ Егорычъ, откланиваясь.

Носовъ вышелъ съ полицмейстеромъ и поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ полицію.

Александръ Павлычъ посмотрѣлъ на часы: было ровно часъ. Онъ спросилъ одѣваться и поѣхалъ съ визитами; надо было сообщить губернской аристократіи о будущемъ пріѣздѣ Баламутовыхъ; — дѣла же были оставлены на завтра.

Полицмейстеръ въ точности исполнилъ приказаніе губернатора. Носову былъ данъ расторопнѣйшій частный приставъ Карпъ Онуфричъ Отпѣтый, которому полицмейстеръ строго подтвердилъ:

— Смотри ты у меня! чуть что не такъ, смошенничаешь ли, или запьешь, или на тебя пожалуется г. Носовъ, — берегись!

Частный приставъ исподлобья посмотрѣлъ на своего временнаго начальника Носова и отрывисто сказалъ ему: «пойдемте-съ».

Носовъ дружески распрощался съ полицмейстеромъ и послѣдовалъ за Карпомъ Онуфричемъ.

— Что же вамъ нужно прежде всего? спросилъ частный приставъ своего спутника, подсаживая его въ свои пролетки.

— Извѣстно что, — домъ нуженъ прежде всего, отвѣчалъ Носовъ.

— Гм, промычалъ Отпѣтый, та-а-къ-съ..... а какой домъ вамъ нуженъ-съ?

— Да самый большой! Везите меня въ такой, котораго больше въ городѣ нѣтъ! Вотъ какой намъ нуженъ, самодовольно проговорилъ повѣренный.

Частный приставъ задумался.

— Пошелъ къ купчихѣ Остроглазовой, приказалъ онъ наконецъ полицейскому солдату его части, сидѣвшему у него на козлахъ.

— Заѣдемъ лучше прежде въ хорошую гостиницу, да выпьемъ, замѣтилъ Носовъ, страстный любитель выпивки.

— Можно и это, отвѣчалъ частный приставъ, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ.

Пріятели заѣхали въ первый попавшійся трактиръ, гдѣ Носовъ потребовалъ графинъ водки.

— И Богъ знаетъ что это за фантазія пришла моему довѣрителю зимовать въ Бѣловодскѣ! жалобно проговорилъ Носовъ, — а я вотъ скитайся здѣсь, да устраивай помѣщеніе! Жили-бы себѣ въ Питерѣ или въ Москвѣ, тамъ по крайности веселости больше, а то выдумали сюда прикатить! И на что это похоже, спрашиваю я васъ, Карпъ Онуфричъ!

— Богаты-сѣ, отвѣчалъ угрюмо частный приставъ: — съ жиру бѣсятся!

— Да ужъ подлинно — съ жиру бѣсятся. Сами посудите: шесть тысячъ душъ въ степныхъ мѣстахъ, да денегъ куры не клюютъ! Доходовъ ежегодныхъ не проживаютъ! какъ бы тутъ казалось не жить въ столицѣ, а вотъ сюда лѣзутъ!

— У большихъ господъ всегда такія, можно сказать, фантазіи приходятъ-сѣ, замѣтилъ частный приставъ.

— Да вѣдь оно что-сѣ, продолжалъ Носовъ, которому водка развязала языкъ: — самому-то куда бы не хотѣлось сюда, — въ столицѣ, понимаете ли, и клубы, и театры, и танцовщицы всякія, а здѣсь что? Такъ, — ничтожность одна, можно сказать! Такъ самъ-то и радъ бы радехонекъ въ Москву, или Питеръ, да жена, сама барыня-то, уперлась: захотѣлось, видите, въ такой городъ ѣхать, гдѣ бы она была первая дама, чтобы ужъ лучше ея никого не было! Вотъ и тащися сюда, Богъ знаетъ за какимъ дѣломъ! Эхъ-ма! сказано: волосъ дологъ, а умъ коротокъ! А еще говорить: къ Европѣ, дескать, ближе, — въ нѣсколько часовъ въ нѣмецкую землю можно съѣздить. Какъ же не такъ, держись!... Литвы не хочешь ли, вмѣсто пѣмцевъ-то. Только и есть, что жида да поляки... цвокаютъ да дзякаютъ.

И недовольный Носовъ всталъ съ мѣста и вытащилъ изъ кармана толстый бумажникъ, съ намѣреніемъ расплатиться за выпитую водку.

— Что это вы-сѣ? Не безпокойтесь, воскликнулъ съ необыкновенною живостью частный приставъ. — Помилуйте-сѣ, что ихъ баловать-то этихъ мошенниковъ-трактирщиковъ? Они должны понимать, что такое начальство! Вѣдь я тоже начальство ему-сѣ: частный приставъ-сѣ! съ достоинствомъ объявилъ Карпъ Онуфричъ.

— Оно такъ-сѣ, поспѣшилъ согласиться съ нимъ его собесѣдникъ, пряча назадъ въ карманъ вынутый оттуда бумажникъ; — оно такъ-сѣ: дѣйствительно нужно, чтобы эти бородачи начальство знали.

— Уж если такое желаніе ваше будетъ, чтобы занлатить-сь, такъ эти деньги лучше мнѣ бы отдали-сь, перѣшительно промолвилъ частный приставъ: — я по крайности бѣдный человѣкъ-сь....

— Хорошо, хорошо, довольно небрежно перебилъ его повѣренный: — намъ даромъ никто не служить. — Поѣдьте же домъ-то смотрѣть.

Частный приставъ со всѣхъ ногъ бросился велѣть подавать лошадей; куда дѣвалась его недавняя апатія....

Трехъ-этажный домъ купчихи 1-й гильдіи Остроглазовой стоялъ на главной улицѣ города и дѣйствительно былъ самый большой изъ всѣхъ городскихъ домовъ, кромѣ сумасшедшаго дома и арестантскихъ ротъ.

— Такъ это-то у васъ называется большимъ домомъ? съ разсчитаннымъ презрѣніемъ проговорилъ Носовъ и пожалъ плечами.

— Самый большой-сь, какъ-то особенно жалобно отвѣчалъ г. Отпѣтый.

— Фю-фю-фю!... засвисталъ повѣренный, — гдѣ же тутъ намъ помѣститься!

Частный приставъ подобострастно и съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ посмотрѣлъ на представителя такой важной особы, которая не могла помѣститься въ трехъ-этажномъ домѣ. Носовъ замѣтилъ эффектъ, произведенный имъ, и остался очень доволенъ.

Долго стучался частный приставъ въ запертыя ворота, пока босая, растрепанная дѣвчонка не подбѣжала со двора и не окликнула посѣтителей пискливымъ, испуганнымъ голосомъ.

— Да отворяй, сто чертей твоему батькѣ! сердито закричалъ Отпѣтый, который уже давно отбилъ себѣ кулаки о толстую калитку.

Дѣвчонка еще болѣе струсила и, конечно не подумавъ отворить ворота, побѣжала въ домъ.

Частный приставъ принялся опять барабанить въ калитку, осыпая въ промежуткахъ хозяйку непечатными выраженіями. Прогрогнувшій Носовъ вылезъ изъ пролетки и перескакивалъ въ это время съ одной ноги на другую.

Наконецъ Карпъ Онуфричъ потерялъ терпѣніе и приказалъ своему возницѣ перелѣзть черезъ ворота и отворить ихъ. Полн-

цейскій служитель ловко исполнилъ приказаніе. Только что онъ принялся отодвигать отъ калитки тяжелый запоръ, какъ раздался громкій голосъ выскочившей на крыльцо хозяйки:

— Господи ты мій Боже! Що се таке? Дневной разбой: ворота ломають! караулъ!

— Э! чтобъ тебѣ провалиться, увѣщевалъ ее полицейскій:— что горло-то дерешь? Развѣ не видишь....

Хозяйка затихла и только крестилась и шептала:

— Помилуй насъ Господи! что за напасть такая!

Частный приставъ и повѣренный Баламутова вошли на дворъ.

— Эй, хозяйка! крикнулъ частный приставъ: — показывайте намъ домъ.

Но хозяйка со страху не отвѣчала ни слова и шмыгнула за дверь:

— Экая дуриша какая! вскричалъ частный приставъ: — вы неповѣрите, какой здѣсь необразованный народъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Носову: — чего бы, кажется, бояться частнаго пристава? вѣдь онъ обязанъ беречь, такъ сказать, обывателя, сохранять его спокойствіе?.... Такіе дураки, что не приведи Богъ!

Носовъ ничего не отвѣчалъ и направился въ дверь, куда скрылась хозяйка.

— Пожалуйте, пожалуйста сюда, запищала тоненькимъ голосомъ купчиха Остроглазова, отворяя дверь въ сѣни, гдѣ толпились неожиданные гости: — пожалуйста, не обезсудьте меня старуху.

Гости прошли вслѣдъ за хозяйкой въ одну изъ комнатъ нижняго этажа, гдѣ уже стояла на столѣ водка и дворянская закуска.

Частный приставъ ѣлъ и пилъ, какъ будто и не завтракалъ; Носовъ же сохранялъ свое *quant à soi* и не притрагивался ни къ чему, къ крайнему горю хозяйки.

— Ну, мы къ вамъ, Матрена Спиридоновна, по дѣлу пріѣхали, началъ частный приставъ, когда ни въ графинчикъ, ни на тарелкахъ ничего не оставалось.

Струсившая купчиха молчала и только низко клаялась.

— Вашъ домъ намъ на зиму нуженъ, продолжалъ частный приставъ: — помѣщикъ Баламутовъ прислалъ вотъ ихъ нанять его, — и онъ указалъ на Носова.

— Охъ, отцы родные, да я боюсь отдавать домъ-то въ наймы! Что мнѣ съ тѣми деньгами, — домъ испортятъ; вѣдь какой постоялецъ навернется.

— Ну, ужь матушка, вамъ тутъ разсуждать нечего, перебилъ ее Карпъ Онуфричъ: — начальство вамъ этого постояльца прислало, а оно лучше васъ знаетъ... Такъ-то.

— Ой, лышечки! какое-же такое начальство? съ неподдѣльною горестью спросила купчиха.

— Какое! извѣстно какое: губернаторъ, полицмейстеръ! Горестъ хозяйки еще болѣе усилилась.

— Ой Господи, ты мій Боже! хибя я уже въ своемъ домѣ не владыка! попробовала она отговориться.

— Ну, вотъ изволите видѣть, съ особеннымъ сожалѣніемъ сказалъ частный приставъ своему спутнику:—изволите видѣть, какой здѣсь глупый народъ: начальству не вѣрить.

— Ну ты, матушка, Матрена Спиридовна, разсуждать не изволь, опять обратился онъ къ хозяйкѣ: — поумнѣй, да постарше тебя уже разсудили, а изволь-ка идти, да домъ намъ показывать, а то вѣдь худо будетъ!

— Да вамъ сколько комнатъ-то нужно? спросила домовладѣлица, видя, что надо повинноваться.

— Какъ сколько? вскрикнулъ повѣренный; да намъ и всего-то дома, и то мало!

— А я-жь гдѣ буду жить? горестно возопила хозяйка.

— Ну ужь, матушка, это твое дѣло, отвѣчалъ Носовъ:—гдѣ нибудь помѣстишься.

Частный опять вмѣшался съ своимъ авторитетомъ и опять до того запугалъ старуху, что она рѣшилась выбраться изъ своего дома и искать себѣ квартиры.

Начался осмотръ дома. Повѣренный былъ всѣмъ недоволенъ.

— Экая тѣснота, кричалъ онъ, хотя комнатъ было черезъ-чуръ много и онѣ были черезъ-чуръ простѣры:—экая скарденность какая!

— Ну, тутъ ужь не найдете лучше, отвѣчалъ частный приставъ, какъ будто извиняясь въ томъ, въ чемъ онъ не былъ виноватъ: — ужь такой городъ; здѣсь лучше этого дома нѣтъ!

— Да помилуйте, куда-же это мы всѣхъ людей-то помѣстимъ? Вѣдь у насъ однихъ офиціантовъ двадцать пять человѣкъ, да казачковъ съ десятокъ, да ливрейныхъ человѣкъ пять; куда мы это все дѣнемъ? ужь о музыкантахъ и говорить нечего: — для нихъ надо домъ особенный нанимать! Ахъ, ты Господи, Господи! Вотъ бѣда-то!

— Э, помилуйте, Гаврило Андреичъ, чего вы такъ изволите беспокоиться? уговаривалъ его частный приставъ: — этотъ народъ вездѣ можетъ помѣститься—не господа какіе нибудь,—ей-Богу-право, чего тутъ объ нихъ такъ заботиться!

— Ну, положимъ, люди еще такъ, помѣстятся какъ нибудь; ну а вотъ собакъ—то куда мы помѣстимъ? ихъ у насъ гончихъ одинѣхъ шестьдесятъ, да борзыхъ столько же! — Баринъ—то нашъ такой охотникъ!

Частный приставъ призадумался.

— Опять, — лошадей какъ мы размѣстимъ? продолжалъ недовольный Носовъ: — вѣдь у насъ одинѣхъ каретныхъ шестнадцать, да охотничьихъ, да барскихъ верховыхъ.... просто не перечесть!

Частный приставъ ротъ разинулъ отъ удивленія къ такой небывалой въ городѣ Бѣловодскѣ роскоши; да и не одинъ онъ удивлялся; кухарка Остроглазовой успѣла уже шмыгнуть за ворота и передавала всѣмъ прохожимъ, знакомымъ и незнакомымъ, о происшествіи, постигшемъ ея хозяйку. Народъ столпился противъ давно знакомаго дома купчихи Остроглазовой и хотя и не видѣлъ повѣреннаго, нанимавшаго этотъ домъ, однако все-таки съ особеннымъ любопытствомъ глазѣлъ на домъ, который долженъ былъ въ скоромъ времени заключать въ своихъ стѣнахъ такого небывалаго богача.

Долго еще пѣтушился повѣренный Баламутова, долго еще уговаривалъ и успокаивалъ его частный приставъ, пока наконецъ не убѣдилъ его, что лучше этого дома въ Бѣловодскѣ найти нельзя, и Носовъ согласился его нанять, съ условіемъ, что для музыкантовъ и для собакъ будутъ отысканы поблизости другія помѣщенія.

Хозяйка дома, вѣроятно въ отмщеніе за насильственный наемъ ея дома посредствомъ полицейскихъ мѣръ, заломила за зиму, то есть отъ половины ноябрю до половины февраля, неслыханную пѣну. Носовъ не только безпрекословно согласился на нее, но даже обѣщалъ и деньги заплатить впередъ, съ тѣмъ, чтобы хозяйка дала ему расписку въ полученіи отъ него за домъ суммы вдвое большей.

— Извольте, батюшка, извольте, отвѣчала обрадованная купчиха: — ужъ то не мое дѣло, а ваше, отчего не подписать. Эти наймы вѣдь мнѣ не впервые: у меня прежде многіе паннимали, такъ тоже бывало расписываешься....

Приказавъ хозяйки приготовить домъ къ половинѣ ноября, Носовъ собрался уѣзжать. Частный приставъ на прощаньи сорвалъ со старухи благодарность за богатаго и тороватаго постояльца.

— Ну, поѣдете теперь—по близости для собакъ помѣщенія искать, сказалъ Носовъ частному, садясь въ пролетки.

— Какъ же-съ, какъ же-съ, поѣдете-съ, поспѣвши отвѣтить Отпѣтый, вспрыгивая въ экипажъ и садясь подлѣ своего спутника, изъ почтенія, бокомъ.

— Карпъ Онуфричъ, Карпъ Онуфричъ! кричалъ въ это время обѣжавшій что-ни-есть силы квартальный надзиратель; Карпъ Онуфричъ, стойте-съ, подождите-съ!

Частный, съ разрѣшенія Носова, остановилъ лошадей.

— Что тебѣ нужно? чего орешь, какъ угорѣлый? крикнулъ онъ квартальному.

— У насъ во второй части пожаръ, Карпъ Онуфричъ,—доложилъ въ попыхахъ квартальный:—домъ мѣщанина Колтушенко горитъ-съ.

— Ну, такъ чего ты орешь-то, крикнулъ Отпѣтый. Коли горитъ, такъ и ступай себѣ на пожаръ, а мнѣ, — видишь, — некогда....

— Экой глупый народъ, эти квартальные — съ! объявилъ онъ, обращаясь къ Носову, когда квартальный удалился и лошади повезли ихъ, куда слѣдовало:—вѣдь знаетъ, что у меня на рукахъ дѣло.

— Все отъ необразованія, глубокомысленно замѣтилъ Гаврило Андреичъ.—Однако съѣздыте на пожаръ; какъ пожарная команда тамъ управляется? добавилъ онъ.

— И, помилуйте, чего смотрѣть! съ усмѣшкой, махнувъ рукой, отвѣчалъ частный приставъ.—Какая у насъ пожарная команда! Такъ, посрамленіе, а не команда! Да и признаться вамъ откровенно, прибавилъ онъ какъ-то особенно горестно, нашему брату на пожарѣ быть опасно: полицмейстеръ у насъ шьющій и во дѣло больно драчливъ: недавно частнаго Золотькова такъ хватилъ кулакомъ въ грудь, что тотъ доселѣ боленъ; такъ-то-съ!

— На пожарѣ впрочемъ и нельзя, замѣтилъ Носовъ.

— Да и не на однихъ пожарахъ-съ,—продолжалъ Отпѣтый, которому водка сильно развязала языкъ:—вчера съ своимъ письмоводителю далъ въ зубы такъ, что тотъ съ лѣстницы свалился!

— Гмъ, промышаль Носовъ, скажите пожалуйста, какой дерзкій! Что же это на него не жалуются губернатору?

— И, помилуйте! жалобно вскрикнулъ частный приставъ,— какъ тутъ жаловаться? Александръ Павлычъ чуть не каждый день въ гостяхъ у него за-просто бываетъ!

— Какъ? нереспросилъ удивленный Носовъ:—губернаторъ у полицмейстера за-просто каждой день бываетъ?

Носовъ вообще имѣлъ чрезвычайно высокое понятие объ авторитетѣ губернаторовъ: онъ былъ выгнанъ изъ службы однимъ изъ самыхъ гордыхъ и неприступныхъ губернаторовъ.

— Еще бы-съ! подтвердилъ частный приставъ, съ-пьяну не понимавшій опасности своихъ словъ: — полицмейстеръ-то нашъ сводить Александра Павлыча съ предсѣдательшей, Рыковой; вотъ сударь, барыня-то! гусарь, чистый гусарь, побей меня Богъ! — Частный засмѣялся.

— А мужъ? спросилъ Носовъ, охотникъ до всевозможныхъ скандаловъ.

— Подозрѣваетъ, должно быть, да молчить; вѣдь ему-то и на руку-съ: извѣстно ужъ — управляетъ, какъ хочетъ... Нечего бояться; знаетъ, что губернаторъ покроетъ.

— Ну, городокъ! проговорилъ Носовъ вслухъ, а самъ подумалъ: херошій городокъ! можно здѣсь въ мутной водѣ рыбу ловить.

— Только, пожалуйста, не погубите бѣднаго человѣка: не рассказывайте никому, что я теперь говорилъ, униженно сталъ упрашивать частный приставъ, спохватившійся, что онъ уже слишкомъ разоткровенничался; — я вѣдь это такъ съ-пьяну болталъ-съ.

— И, полноте, Карпъ Онуфричъ, что мнѣ за дѣло? равнодушно отвѣчалъ Носовъ:—я нездѣшній, никого не знаю, что же мнѣ? я уже давно забылъ, что вы мнѣ говорили. Да опять же безъ свидѣтелей, — что говорить, что не говорить, все равно!

— Правда, правда-съ, подтвердилъ Отпѣтый и лицо его просіяло.

— Ну, забыть-то, мы, пожалуй, этого и не забудемъ, подумалъ Носовъ.

— А чортъ съ тобой, хоть и рассказывай,—подумалъ съ своей стороны частный приставъ:—меня выпнать изъ службы нельзя: самъ всѣхъ подъ судъ подтяну!

Собесѣдники остались по-прежнему большими друзьями.

Между тѣмъ губернаторъ, какъ мы уже сказали, поскандалъ во многіе дома бѣловодской аристократіи объявлять радостную новость, что Баламутовъ будетъ жить зиму въ ихъ городѣ и что слѣдовательно скукъ и однообразію уже не будетъ въ немъ мѣста.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этой до нельзя странной личности, которая и по лѣтамъ, и по воспитанію лѣзла въ современные, передовые люди, а дѣла все-таки не дѣлала.

Александръ Павлычъ Муходавлевъ былъ господинъ самаго аристократическаго происхожденія, роста нѣсколько выше средняго, съ кругловатымъ лицомъ, съ характеристически выдвинутой впередъ нижней губой. Онъ посредствомъ протекціи окончилъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Протекція и сильныя связи повлекли Александра Павлыча и по службѣ весьма скоро: карьеру онъ сдѣлалъ блестящую, и въ сорокъ лѣтъ былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ. Общество сильно надѣялось на молодого губернатора; всѣ порядочные люди думали, что вотъ, дескать, наконецъ-то дождались они который принесетъ на службу свѣжій и умный взглядъ молодого губернатора, человѣка, получившаго первостепенное образованіе, который выведетъ и приблизитъ къ себѣ все даровитое и честное чиновничество и далеко прогонитъ рутинныхъ взяточниковъ; но не тутъ-то было: Муходавлевъ оказался весьма недалекимъ человѣкомъ, а уже объ тактѣ и умѣньи себя держать, — и говорить ничего. Вотъ анекдотъ, характеризующій Муходавлева и показывающій, куда заходилъ онъ, вслѣдствіе неумѣнья вести себя.

Дожидались разъ проѣзда какой-то важной особы, дожидался и губернаторъ. Извѣстно, что стоять у подъѣзда дома, приготовленнаго для пріятія важной особы, и смотрѣть на толпу жиждовъ и православныхъ бородачей, собравшихся поглазѣть на рѣдкаго гостя, отнюдь не весело, а тѣмъ болѣе губернскому сановнику съ его важностью. Вдругъ бѣгутъ свиньи, явленіе совершенно обыкновенное въ Бѣловодскѣ. Его превосходительству захотѣлось отъ скуки поострить. — и вотъ онъ, обратясь къ стоявшему подлѣ него помѣщику, который содержалъ почтовую станцію, говоритъ ему довольно дерзкимъ тономъ, показывая на свиней:

— Это ваша деревенщина сюда залѣзла?

— И, помилуйте, ваше превосходительство, отвѣчалъ помѣщикъ, неохотникъ до дерзкихъ остротъ, — это ваши: въ городѣ больше свиней, чѣмъ у насъ въ деревняхъ.

Муходавлевъ почувствовалъ, что его помѣщикъ ошпарилъ кипяткомъ, какъ поваръ ледащую собаку, забѣжавшую на кухню что нибудь стащить. Ну, понятно, что губернатору непріятно проглотить такую пилюлю; надо было, во что бы то ни стало, выльзти оттуда, куда загналъ его помѣщикъ, и придумалъ же онъ для этого средство самое приличное: онъ накинудся на столешаго тутъ же на вытяжку бѣднаго частного пристава.

— Это твое семейство, съострилъ онъ, указывая частному приставу на свиней, скрывавшихся уже въ отдаленіи.

— Виновать-съ! могъ только проговорить растерявшійся и испугавшійся частный приставъ.

Муходавлевъ захохоталъ во все горло.

Такіе случаи скоро отдалили отъ Муходавлева все, что было дѣльнаго и честнаго, и тогда онъ уже окончательно погубъ: попалъ въ кружокъ губернскихъ аристократовъ, а известно, что за аристократическіе кружки бываютъ въ губернскихъ городахъ.... Аристократы постарались привязать къ себѣ губернатора чѣмъ нибудь посущественнѣе своего ухаживанья. Муходавлевъ былъ сильно падохъ до женскаго пола, особенно до пикантнаго женскаго пола,—аристократія снабдила его и этимъ. Самая пикантная барыня изъ всѣхъ бѣловодскихъ дамъ была супруга аристократическаго чиновника Рыкова. Эта барыня плѣнила Муходавлева вольностью своего обращенія, и дѣло было сдѣлано.... Хитрый полицмейстеръ, пользуясь аристократичностью своей супруги, влѣзъ въ этотъ завѣтный кружокъ, сблизился съ Рыковой и не только былъ посредникомъ между двумя любовниками, но еще доставлялъ имъ средства видѣться въ своемъ домѣ....

Таковъ-то былъ Александръ Павлычъ Муходавлевъ, ѣздившій теперь по аристократическимъ домамъ объявлять о радостномъ событіи, о приѣздѣ г-на Баламутова въ г. Бѣловодскъ.

Первый визитъ губернатора былъ къ Рыкову, председателю палаты государственныхъ имуществъ.

Николай Филиппычъ Рыковъ былъ одинъ изъ видныхъ бѣловодскихъ аристократовъ. Мы уже видѣли изъ двухъ разговоровъ, какія щекотливыя отношенія существовали между нимъ и Муходавлевымъ; эти-то отношенія и составляли всю силу и мо-

гущество Рыкова; иначе, можно смѣло ручаться, онъ не долго бы присидѣлъ на своемъ мѣстѣ.

Николай Филипычъ былъ шестидесятилѣтній баринъ предстательской дородности и съ чиновничьи-благообразною наружностью. Всякому движенію своему онъ старался придать возможную граціозность, даже ходилъ не иначе, какъ покачиваясь и вытягивая носки, какъ танцмейстеръ. Ума Богъ ему не далъ, но замѣнь его Рыковъ отличался непомѣрною самоувѣренностью и наглостью. Онъ очень любилъ притворяться генераломъ, хотя былъ только статскій совѣтникъ. Впрочемъ, гдѣ касалось дѣло существеннаго интереса, тамъ онъ не пренебрегалъ ничѣмъ и пользовался доходами во всѣхъ видахъ, начиная отъ грубаго срыванья и кончая утонченнѣйшимъ вымогательствомъ. Вотъ наприимѣръ одинъ анекдотъ о немъ.

Когда Николай Филипычъ пріѣхалъ въ Бѣловодскъ и началъ обзаводиться всѣмъ необходимымъ для губернскаго аристократа; ему очень понравилась коляска, разумеется на лежачихъ рессорахъ, принадлежавшая одному купцу. Онъ призываетъ одного изъ своихъ чиновниковъ, и, вручивъ ему сто-рублевую бумажку, приказываетъ купить для него коляску. Но коляска стоила пятьсотъ рублей и была почти новая; понятно, что хозяинъ не отдавалъ ее за сто. Чиновникъ не захотѣлъ платить своихъ денегъ и доложилъ начальству о настоящей цѣнѣ. Начальство, увидя, что чиновникъ не догадался платить своихъ денегъ, пришло въ неописанный азартъ, грозило несчастному всѣми карами временъ инквизиціи, наконецъ, замѣтивъ, что (о, ужасъ!) одна пуговица вицъ-мундира чиновника не застегнута, — приказало виновному сейчасъ же выходить въ отставку.

Прибавимъ, что это еще не слишкомъ вопіющій поступокъ, сравнительно съ послѣдующимъ обращеніемъ этого господина со своими подчиненными. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ съѣзжалъ въ Петербургъ, онъ сдѣлался вдесятеро нестерпимѣе прежняго и на всякое вѣжливое представленіе, даже своихъ совѣтниковъ, о томъ, что его поступки совершенно незаконны, кричалъ изъ всѣхъ силъ, что онъ у своего начальства запросто обѣдалъ, и слѣдовательно имѣлъ право, по его мнѣнію, не признавать надъ собою закона.

Подчиненные же его, окончательно ошеломленные этимъ обѣдомъ запросто, вздыхали, молчали, терпѣли и платили....

Таковъ былъ Николай Филиппычъ Рыковъ, къ которому направлялъ свой путь Муходавлевъ.

— Дома? молодецки крикнулъ Муходавлевъ, входя въ переднюю дома Рыкова.

— Генеральша у себя-съ, отвѣчалъ лакей, отворяя обѣ половинки дверей для губернатора.

У Рыкова было такъ заведено, что въ его отсутствіе лакеи иначе его не называли, какъ генераломъ.

Муходавлевъ отправился съ особеннымъ самодовольствіемъ къ хозяйкѣ дома; нижняя губа его еще болѣе оттопырилась впередъ и на лицѣ его ясно можно было видѣть, что онъ счастливый побѣдитель.

Аннѣ Ивановнѣ Рыковой было лѣтъ двадцать шесть; она была брюнетка, самая жгучая брюнетка, какую только можно вообразить; въ глазахъ ея, даже въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ, такъ и горѣла страсть, да еще кака! Лучше такой жены нельзя и желать человѣку съ такими дипломатическими способностями и уловками, какъ Рыковъ.

Madame de Rykoff, какъ звали ее бѣловодскіе аристократы, приняла поклоненіе Александра Павлыча, сидя на какой-то фантастической бержеркѣ, осѣненной высокими деревьями, взятыми изъ какой-то оранжереи вѣдомства Николая Филиппыча.

Разговоръ Муходавлева и предсѣдательши начался конечно съ пустяковъ, которые передавать не стоитъ; замѣчательно только, что предсѣдательша чрезвычайно любила двусмысленности, полагая въ нихъ остроуміе и всю прелесть разговора, хотя ея двусмысленности рѣдко были остры, а большею частію совершенно неудачны.

— А знаете ли? торжественно объявилъ Александръ Павлычъ: — сюда Баламутовы на зиму переѣзжаютъ.

Предсѣдательша захлопала въ ладоши отъ радости.

— Ахъ, какъ я рада, какъ я рада! пищала она съ неподдѣльнымъ восторгомъ: — я очень люблю шумъ и суету.

— Это почему? спросилъ Муходавлевъ.

— Много шума, менѣе за вами замѣчаютъ, наивно отвѣчала она: — а я этого-то и добивалась.

При этомъ она сдѣлала глазки.

Александръ Павлычъ какъ-то особенно снობично и страстно взглянулъ на нее.

— Къ тому же Баламутовъ порядочный человѣкъ; я его влюблю въ себя, кокетничала Анна Ивановна.

— Неужели вамъ недовольно.... меня, хотѣлъ добавить Муходавлевъ.

Дама покраснѣла, однако скоро поправилась.

— Я рѣдко бываю довольна, смѣясь возразила она.

Губернаторъ въ свою очередь захохоталъ, но видно было, что этотъ смѣхъ не отъ души.

— Надо затѣять какія нибудь веселости, проговорила Рыкова, чтобы замать разговоръ, не нравившійся ея гостю.

— Это уже не наше дѣло, сухо отвѣчалъ онъ, — Баламутовы сами умѣютъ жить, какъ никто.

Предсѣдательша увидѣла, что ея Донъ-Жуанъ не на шутку дуетъ губы, и потому, принявъ томно-ласкающій и въ тоже время раздражающій видъ, она объявила ему, что вечеромъ она будетъ въ гостяхъ у полицмейстерши.

Куда дѣвался гнѣвъ Муходавлева! Онъ растаялъ отъ восторга и не зналъ, что ему сдѣлать съ собою, чтобы поскорѣе убить время до вечера.

— Знаешь ли что, *Alexandre?* шепнула ему искусительная предсѣдательша, прощаясь съ нимъ: — мы много обязаны полицмейстеру.

— Знаю, знаю, поспѣшно перебилъ ее Александръ Павлычъ: — въ первое представленіе я его представляю къ Аннѣ на двою.

Гость ухмалъ, не слыша подъ собою ногъ, въ другіе дома объявлять ту же самую новость.

Черезъ четверть часа послѣ его отъѣзда возвратился домой Рыковъ.

— У меня Александръ Павлычъ былъ, объявила ему супруга и тутъ же рассказала новость, сообщенную Муходавлевымъ.

Но супругъ новости не выслушалъ и поспѣшилъ спросить:

— Ну что, была ли ты съ нимъ любезна?

— Конечно, какъ и всегда.

— Ты бы съѣздила нынче вечеромъ къ полицмейстершѣ, замѣтилъ дипломатическій супругъ.

— Я нынче ѣду.

— Гм! хорошо, проворчалъ предсѣдатель, и въ то же время подумалъ: нынче же надо послать къ губернатору всѣ смѣты для утвержденія.

— Эй, человекъ, крикнулъ онъ, — дѣлопроизводителя ко мнѣ. — Смотри же, мой другъ, будь умна, прибавилъ онъ женѣ: — я на тебя вполне надѣюсь.

ГЛАВА II.

Бѣловодское общество, какъ высшее, такъ и среднее, было до крайности заинтересовано прїѣздомъ Баламутовыхъ. Но, надобно правду сказать, — высшее общество съ большимъ спокойствіемъ духа ожидало ихъ вожделѣннаго прїѣзда: аристократы знали, что Баламутовы, прїѣхавъ въ городъ, не могутъ пройти мимо нихъ, что они необходимо примкнутъ къ ихъ кружку. За то среднее общество волновалось изъ-всей мочи. И въ самомъ дѣлѣ, причина для волненія была самая живая, законная: поѣдутъ ли Баламутовы знакомиться съ среднимъ кружкомъ? Вопросъ, какъ видите, самый щекотливый. Лучшіе политики этого кружка старались проникнуть тайну для того, чтобы знать, какою миною встрѣтить новыхъ гостей: гордо-холодною, или мило-внимательною?

Долго, долго законодательницы средняго кружка ломали себѣ головы въ одиночку; проклятый вопросъ никакъ не поддавался рѣшенію *a priori*: необходима была конференція.

Въ среднемъ кружкѣ дамы занимали мѣста въ общественной іерархіи по чинамъ мужей, и потому законодательницами этого кружка были двѣ полковницы: гарнизонная и артиллерійская. Эти-то двѣ дамы и съѣхались въ одинъ прескверный и препешный вечеръ подумать и погадать о томъ, какъ имъ и за ними всему среднему обществу, *чиновничьему*, какъ съ презрѣніемъ называла его аристократія, нужно будетъ вести себя въ отношеніи къ Баламутовымъ.

Гарнизонная полковница была нѣмка, съ самыми идеальными вкусами; артиллерійская — легкая и игривая провинціальная газель. Оказалось, что одна полковница была вода, а другая деревянное масло, предметы, какъ извѣстно, неудобосоединимые. Гарнизонная половина держалась болѣе того мнѣнія, что имъ нужно встрѣтить прїѣзжихъ какъ можно внимательнѣе, даже, если обстоятельства того потребуютъ, заплатить имъ визитъ, но ни за что не сближаться съ ними.

— Нельзя узнать заранее, добавляла расчётливая нѣмка, сколько издержекъ принесетъ намъ ихъ знакомство: они люди богатые, очень богатые, а мой Иванъ Ивановичъ много въ карты проигрываетъ, да и батальонъ уже не даётъ съ нѣкоторыхъ поръ прежнихъ доходовъ.

— Ахъ, не говорите, *ma chère*, пиццала газель: — какъ можно намъ отстать отъ этихъ господъ? Вѣдь мы, слава Богу, тоже полковницы, не столоначальницы какія нибудь! У нихъ будутъ балы, театры, чудо, прелесть!... Газель закрывала даже глаза, предвкушая будущее упоеніе.

— Даже маскарады у нихъ, говорятъ, будутъ, прибавляла шопотомъ шаловливая полковница.

Строгая нѣмка сурово покачивала головой, на которую была наплена рыжеватая накладка.

Дѣло происходило у гарнизонной полковницы, и такъ какъ дамы рѣшительно не могли согласиться въ своихъ мнѣніяхъ, то потребовали къ себѣ самого гарнизоннаго полковника, Ивана Ивановича Голубева.

Иванъ Ивановичъ съ развязностью образцоваго фельдфебеля; блестя эполетами и гремя шпорами, явился въ гостиную и поздоровался на англійскій манеръ.

Дамы немедленно поставили его въ щекотливую необходимость быть между ними судьей.

Полковникъ служилъ когда-то въ гвардіи и потому славился умѣньемъ вести разговоры съ дамами; кромѣ того, по самому характеру своему, онъ былъ человѣкъ, любившій рѣшать всевозможные вопросы, хотя бы они касались даже метафизики: онъ былъ коноводъ средняго кружка. Полковникъ, по вѣжливости и изъ самолюбія, натурально склонился на сторону гостей.

— Конечно, конечно, кричалъ онъ, намъ ронять себя не надо; чтобы я, батальонный командиръ, уступилъ въ чемъ нибудь дорогу какому нибудь штафиркѣ, рябчику.... никогда! Я скорѣе брошу лишникъ десять тысячъ въ эту зиму, чѣмъ уступлю!

Полковница грустно посмотрѣла на мотоватаго мужа: у ней было пять человѣкъ дѣтей.

— Именно, именно, я тоже говорю, кричала неразумная газель.

Иванъ Ивановичъ перехватилъ на лету грустный взглядъ жены и поспѣшилъ ее успокоить:

— Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ уступать, по крайней мѣрѣ мнѣ, что нынѣшній годъ дѣла мои должны пойти хорошо!

— Да, вѣдь нынче наборъ! воскликнула гостья: — какіе вы счастливые, Иванъ Ивановичъ! Дайте намъ непременно балъ, слышите ли, непременно!

— Извольте, извольте, отвѣчалъ любезный полковникъ: — ужь будьте покойны, утремъ нось этихъ Баламутовыхъ!

— Э, да еще, можетъ быть, они и знакомиться съ нами не будутъ, съ какою-то особенною радостью проговорила Голубева.

— Какъ это можно? развѣ они не знаютъ приличій? возразилъ полковникъ, да и задумался: дѣло было точно весьма возможное.

— Впрочемъ врядъ не познакомится, подумала вслухъ Голубева: они вѣдь будутъ давать балы, такъ если не познакомится со всѣми, то у нихъ пусто будетъ.

Полковникъ пришелъ въ восторгъ: въ самомъ дѣлѣ, онъ убѣдился теперь, что Баламутовы не познакомится съ ними не могутъ.

Артиллерійская полковница распрощалась совершенно успокоенная: вопросъ былъ рѣшенъ такъ, какъ она ожидала, какъ ей хотѣлось.

На другой день весь средній кружокъ зналъ, что Баламутовы съ ними не познакомится не могутъ, и началъ дѣлать надлежащія приготовления: чиновничество поналегло на свои доходы; помѣщики, начинавшіе уже съѣзжаться въ городъ и не ожидавшіе такого происшествія, какъ пріѣздъ Баламутовыхъ, послали въ мѣстныя гонимыя за своими доходными статьями, а однихъ, уже предчувствуя, какъ пойдетъ дѣло, заранее взявъ свидѣтельство гражданской палаты на порозалогъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, даже уже заложенныхъ не такой же основательной причинѣ.

Къ половинѣ ноября мундиха Остроглазова, дѣятельно покураживаемая полиціей, которая въ этомъ случаѣ была ревностной исполнительницей приказаній ближайшаго и высшаго начальства, приготовила свои казенныя палаты для приѣма дорогихъ гостей. Готовы уже были помѣщенія, и для собакъ, и для музыкантовъ, какъ пріѣхалъ первый транспортъ людей и вещей, принадлежавшихъ Баламутовымъ. Съ этой минуты толпа зѣвакъ не отходила отъ дома Остроглазовой и, стоя на морозѣ съ утра

до ночи, глазѣла на зашиту мебель, на завернутыя зеркала, на закутаннѣхъ и обмерзлыхъ горничныхъ и лакеевъ.

Перевозка продолжалась цѣлую недѣлю и ужъ чего-чего не привезли изъ деревни для домашняго обихода Баламутовыхъ! Прохожіе и прочіе зѣваки не затворяли ртавъ отъ удивленія. Наконецъ все устроилось, суета прекратилась, оправившіеся и умывшіеся лакеи начали гонять зѣвакъ отъ дому самыми неделикатными средствами..... Это значило, что съ часу на часъ жадутъ господъ.

Кто же эти Баламутовы, которые еще до пріѣзда своего такъ сильно взволновали мирный Бѣловодскъ, давно, казалось, потерявшій способность волноваться чѣмъ бы то ни было?

Отставной гвардіи поручикъ Григорій Алексѣичъ Баламутовъ былъ владѣльцемъ шести тысячъ душъ и милліона рублей чистаго капитала,—кажется, лучшей рекомендаціи не надо. Григорій Алексѣичъ былъ единственный сынъ богатаго, стараго помѣщика, который выше денегъ и своего знаменитаго (когда-то) дворянскаго рода ничего не видѣлъ и не признавалъ. По мнѣнію старика, всякое занятіе мало-мальски похожее на занятіе людей, живущихъ трудомъ, уже унижало дворянское достоинство. Не мудроено опредѣлять изъ этого, подъ какиѣмъ вліяніемъ выросъ и развился Григорій Алексѣичъ и какиѣмъ юношей онъ былъ въ девятнадцать лѣтъ, когда отецъ рѣшился отвезти его въ Петербургъ и записать въ одинъ изъ дорожныхъ гвардейскихъ полковъ, разумеется, въ кавалерійскій. Кутежъ, дебоши разомъ дались и полюбились Григорію Алексѣичу, а папенька его только радовался, что Гриша связывается единственно съ товарищами громкихъ фамилій, тысячи бросаетъ для того, чтобы не отстать отъ нихъ и не уронить своего древняго дворянства. Но такая жизнь оказалась не очень полезною для молодого здоровья, и тогда черезъ четыре по отъѣздѣ въ С. Петербургъ, Григорію Алексѣичу уже нужно было ѣхать за границу для того, чтобы серьезно лечиться отъ послѣдствій своей веселой жизни. Что онъ тамъ дѣлалъ, полезно ли было путешествіе для его ума и здоровья, предоставляемъ судить читателю; скажемъ только, что старикъ Баламутовъ наконецъ закричѣлъ отъ непониманія монте-иристовскихъ расходовъ сына и вызвалъ его строгими мѣрами къ себѣ. Увидя его, старикъ испугался: передъ нимъ стоялъ живой мертвецъ, съ впадыми и тусклыми глазами, встанувавшимися щеками и съ очень рѣдкими волосами, а Григорію Алексѣичу въ то

время было не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Видя, что дѣло плохо, старикъ взялъ его въ отставку, года два лѣчилъ его у лучшихъ докторовъ, наконецъ вылѣчилъ и положилъ непремѣнно женить для того, чтобы остепенить. Чудо излѣченія этого милого жертвенца совершилось въ Москвѣ, а тамъ въ невѣстахъ недостатка нѣтъ, стало быть, — дѣло скоро сдѣлалось. Григорій Алексѣичъ, по приказанію батюшки, женился на двухъ тысячахъ душахъ, разумѣется заложенныхъ, и взялъ въ придачу аристократическую дѣвицу, княжну, лѣтъ двадцати-пяти. Старикъ Баламутовъ сейчасъ же выкупилъ души своей невѣстки изъ залога и вслѣдъ за тѣмъ умеръ. Григорій Алексѣичъ наконецъ остался сиротою (мать его давно уже умерла); но не пришлось уже ему попользоваться своей волей: старикъ не ошибся, рассчитывая остепенить его женитьбой. Варвара Петровна окончательно переломила и переѣхала своего мужа; она приобрѣла надъ нимъ такую неограниченную власть, что даже позволяла себѣ безнаказанно третировать его публично дуракомъ. При ней онъ дѣлался почти идіотомъ.

Начало нашего разсказа застаётъ Григорья Алексѣича тридцати-лѣтнимъ бариномъ, высокаго роста, бѣлокурого цвѣта волосъ и съ оловянными, а въ присутствіи жены нѣсколько испуганными, глазами, безпрестанно обращающимися къ собесѣднику и какъ будто спрашивавшими: «не совралъ ли я чего?» Любимое занятіе Григорья Алексѣича, занятіе, которому онъ предавался иногда цѣлые часы, особенно въ деревнѣ, было — переборка и раскладываніе крупныхъ кредитныхъ билетовъ.

Одна только живая черта и была въ характеръ Григорья Алексѣича, да и то не слишкомъ похвальная: онъ былъ гастрономъ, и дѣйствительно замѣчательный гастрономъ. Безъ жены же Григорій Алексѣичъ былъ другой человѣкъ: откуда притъ бралась, — все нипочемъ! Григорій Алексѣичъ позволялъ себѣ даже говорить и судить вкривъ и вкосъ обо всемъ, что зналъ, и даже о томъ, чего никогда и не знавалъ.

Супруга его, Варвара Петровна, была дама тонкая, томная, нѣжная и чувствительная по наружности, а на дѣлѣ мучительница всего, что только нѣло несчастье ее окружать, и всего болѣе мужа: онъ, бѣдный, при супругѣ слова не смѣлъ пикнуть, а если и разѣвалъ ротъ, то Варвара Петровна сейчасъ же закрѣтъ его восклицаніемъ, въ родѣ слѣдующаго:

— Хорошо, *Grégoire*, хорошо! Мы знаемъ, что ты хочешь сказать!

И замолкалъ бѣдный *Grégoire*, не сказавъ ни слова, и отправлялся себѣ въ кабинетъ перебирать кредитные билеты; а то, если есть нѣсколько въ карманѣ, то запустить и туда руку до тѣхъ поръ, пока жена взглядами не выгонитъ его оттуда.

Варваръ Петровнѣ въ началѣ нашего разсказа исполнилось двадцать семь лѣтъ. Она жила и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и во всѣхъ столицахъ Европы, наконецъ ей приѣлось столичное житье, — и она потребовала на эту зиму провинціального города. Григорій Алексѣичъ избилъ цѣлый учебникъ русской географіи, предлагая капризной супругѣ то одинъ, то другой губернской городъ; наконецъ ея выборъ остановился на Бѣловодскѣ, именно потому, что тамошній губернаторъ — холостой, слѣдовательно вакансія первой дамы въ городѣ никѣмъ не занята. Муходавлевъ еще кромѣ того оказался короткимъ пріятелемъ Григорья Алексѣича.

Дня черезъ три послѣ окончательнаго изготовленія дома Остроглазовой къ пріему рѣдкихъ гостей, городъ Бѣловодскъ былъ пораженъ почти небывалымъ явленіемъ: по грязнымъ улицамъ его мчался, что было мочи, запряженный восьмерикомъ щегольской двумѣстный дормезъ; за дормезомъ четверомѣстная дорожная карета, конечно тоже на лежачихъ рессорахъ, и за каретой какой-то замысловатый фургоны, устроенный для помѣщенія дорожной кухни.

Эти экипажи возбудили всеобщее любопытство и хотя всѣ почти навѣрно знали, что въ нихъ ѣхали Баламутовы, однако многія дамы средняго круга сбили съ ногъ своихъ лакеесъ; чтобы тѣ сейчасъ же бѣжали за экипажами и достоверно узнали, куда они направляють путь. Но экипажи скакали сломя голову и узнаванье это удалось только одной полковницѣ Тычкиной, и то только потому, что у мужа ея былъ вѣстовой съ своею лошадыю. Вѣстовой, по приказанію полковницы, поскакалъ слѣдомъ за интересными экипажами, проводилъ ихъ до самаго дома Остроглазовой и воротился доложить барынѣ, что въ городъ приѣхали Баламутовы. Полковница немедленно командировала того же вѣстоваго извѣстить ея пріятельницу, командиршу внутренней стражи, о вожделѣнномъ событіи. Полицейстеръ, который раньше поставилъ у вѣзда въ городъ квартальнаго надзирателя,

даже скоро узнать о приѣздѣ Баламутовыхъ и поскакалъ доложить объ этомъ губернатору.

— Ахъ, Боже мой, что за гадость такая, эта квартира! звонко кричала, поднимаясь по убранной коврами лѣстницѣ въ бель-этажъ своей квартиры, Варвара Петровна, всю дорогу охавшая, жаловавшаяся на слабость, и наконецъ на послѣдней стациіи пришедшая въ такое изнеможеніе, что не могла даже слова промолвить и только вполголоса грызла мужа, сидѣвшаго въ одномъ съ ней дормезѣ.

— Ахъ, *mon Dieu, mon Dieu*, какое мѣщанство! какой ужасъ! продолжала воскресная барыня: — кто это такую квартиру нанялъ? Это все вы виноваты! заключила она, обращаясь къ мужу, не стѣсняясь присутствіемъ всей дворни; — это вы все виноваты: вѣчно глупостей надѣлаете.... *Mon Dieu, est-il bête cet homme, est-il bête!*

— Но, *chère Babette*, это не я.... осмѣлился было заговорить несчастный сунругъ.

— Вы еще станете оправдываться! воскликнула сердитая супруга.

— *Mais, ma chère....* заикнулся было Баламутовъ.

— *Taisez-vous*, молчите, сударь! рѣзко крикнула Варвара Петровна и сердито тоннула ножкой. Боже мой, Боже! продолжала она, будто сама съ собой, — эти мѣщане во дворянствѣ никогда не съумѣютъ оцѣнить и понять аристократическихъ потребностей! Это ужасно, весь вѣкъ жить съ человѣкомъ не изъ своего круга!

И Варвара Петровна въ изнеможеніи утѣлась на первый попавшійся ей диванъ. Шедшая сзади господъ горничная, увидя приближеніе опаснаго припадка, постигшаго ея барыню, сейчасъ же вытащила изъ дорожнаго мѣшка пузырекъ съ какимъ-то спиртомъ и давай имъ тыкать барыню въ носъ.

Бѣдный Григорій Алексѣичъ не зналъ, что ему дѣлать, и сложилъ руки, уныло, почти идиотически, смотрѣлъ на продѣлки своей супруги....

Варвара Петровна долго стояла, охала, лежа въ постелѣ, и проклинала всѣхъ, начиная съ мужа, за звѣрское равнодушіе къ ея жестокимъ страданіямъ и повѣряла вполголоса несчастія свои супружеской жизни своей конфиденткѣ и фрейлинѣ, старой дѣвкѣ лѣтъ подлѣ сорокъ, злости и дурноты непомѣрной.

Долго бы еще продолжалась болѣзнь Варвары Петровны, можетъ быть надо было бы привозить и врачей и покупать аптекарскія снадобья, если бы Муходавлевъ печально не перервалъ этой болѣзни въ самомъ ея началѣ. Какъ только полицмейстеръ явился доложить ему о прїѣздѣ Баламутовыхъ, онъ приказалъ ему немедленно командировать частнаго пристава—узнать о здоровьи вновь прїѣхавшихъ дорожныхъ гостей и состоятъ въ ихъ распоряженіи для предупрежденія малѣйшихъ желаній. Это лестное порученіе быть лакеемъ господъ Баламутовыхъ вышло на долю Отпѣтаго. Особая внимательность губернатора, несомнѣнно доказывавшая Варварѣ Петровнѣ, что она непремѣнно должна быть и будетъ первою дамою въ Бѣловодскѣ, нигомъ выдѣлила онасныя истерическія припадки, постигшіе эту изнѣженную особу: она не только сейчасъ же встала съ постели, но посмотрѣла болѣе благосклонными глазами на нанятый домъ и даже (что значитъ удовлетворенное—то самолюбіе!) слегка похвалила комнату, назначенную для ея будуара. Отпѣтый получилъ отъ Носова, по приказанію Баламутовой, цѣлую двадцати—пяти—рублевую бумажку и былъ чрезвычайно тронутъ этою благодарностію.

ГЛАВА III.

Уже слишкомъ недѣлю прїѣхали Баламутовы въ Бѣловодскъ и никто еще ихъ не видалъ не только у себя въ домѣ, но даже на улицахъ. Одинъ только губернаторъ получилъ на другой день по прїѣздѣ Баламутова его визитъ, который и заплатилъ сейчасъ же. Общество было страшно шокировано. Одно только колоссальное богатство Баламутовыхъ спасало ихъ отъ сплетенъ, а то бы не прошло и имъ даромъ преступленіе противъ разъ—навсегда принятыхъ и утвержденныхъ провинціальныхъ обычаевъ. Но хотя многое и проходило даромъ Григорію Алексѣичу и его супругѣ, а все—таки общество, особенно аристократическій кружокъ, начинало сердиться, а люди повольнодуміе, — даже и поговаривать довольно крупно.

Такъ прошло дней десять. Бѣловодскіе патриціи потеряли наконецъ терпѣніе и рѣшились дѣйствовать, не теряя времени. У Муходавлева часто собирались по вечерамъ пить чай за—просто, какъ говорятъ, а ужъ извѣстно, кто ѣздитъ къ губернатору пить

чай за-просто.... И такъ, въ одну изъ субботъ у Муходавлева собрались его губернскіе пріятели: предсѣдатели палатъ, предводитель Иванъ Михайлычъ, его братъ Антонъ Михайлычъ, оба гастрономы, славившіеся въ цѣломъ городѣ.

Долго сидѣли гости, не касаясь горячо занимавшаго ихъ всѣхъ предмета, то есть визитовъ Баламутовыхъ. Долго говорили о предметахъ постороннихъ, хотя тоже важныхъ и достойныхъ просвѣщеннаго вниманія столь сильныхъ особъ, прежде чѣмъ коснулись того, который сильно задѣвалъ всѣ ихъ помыслы.

— Что это у васъ за книги, спросилъ для начала разговора предсѣдатель уголовной палаты, корнетъ Михаилъ Филатычъ Безсудный.

Корнетъ Безсудный былъ коноводомъ аристократической партіи, рѣшителемъ всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ въ ней. Эта завидная привилегія дана ему не за умъ или образованіе (ни того, ни другаго природа не дала Михаилу Филатычу, замѣнивъ и то и другое приличнымъ количествомъ душъ), а за то, что у него въ Петербургѣ былъ братъ—очень умный человекъ.

— Что это у васъ, за книги на столѣ? повторилъ свой вопросъ Михаилъ Филатычъ, показывая на столъ, заваленный неразрѣзанными книгами.

— А, это пустяки.... русскіе журналы, небрежно отвѣчалъ Александръ Павлычъ.

— А вы выписываете русскіе журналы? съ какимъ-то ужасомъ промолвилъ Рыковъ.

— Да, выписываю; мнѣ, какъ губернатору, необходимо слѣдить за этими, какъ ихъ называютъ, обличительными статьями....

Всѣ потушили головы.

— Наша литература сдѣлалась теперь чортъ-знаетъ-чѣмъ, лекторальнымъ тономъ заговорилъ корнетъ Безсудный: — мѣшается не въ свое дѣло, ругаетъ наопаля всѣхъ ... Это ужасъ! а не могу равнодушно взять русскаго журнала въ руки!

— Да, да, подтвердилъ Муходавлевъ:—я тоже противъ этой обличительной литературы: ужъ пусть-бы писали объ мелкихъ провинностяхъ, какъ прежде, ну,—объ станovýchъ, городничихъ, квартальныхъ, все-бы это ничего: тѣ люди мелкіе, да и щекотливости, *point d'honneur* никакого не имѣютъ.... А то вѣдь нѣтъ, этого мало: выводить губернскихъ чиновниковъ....

— Чего! даже предводителей, которые жалованья не получают, а такъ, изъ чести служить,—и тѣхъ оскорбляютъ! перебилъ Антонъ Михайлычъ, мужчина лѣтъ пятидесяти, съ длинными усами и темными волосами съ просѣдью. Вся фигура Антона Михайлыча дышала особенною важностью, нѣсколько ошибкою.

— Да такъ ругаются, что и привязаться-то никакъ нельзя, замѣтилъ братъ Антона Михайлыча, Иванъ Михайлычъ.

— Главное то вредно, сказалъ Рыковъ, что эти обличительныя статьи, по моему мнѣнію, имѣютъ весьма вредное вліяніе на нравственность молодыхъ людей.—Посмотрите, сколько теперь развелось людей, которые позволяютъ себѣ судить всѣхъ!

— Да, молодые люди нынче чрезвычайно развратились, съ сожалѣніемъ качая головой, объявилъ корнетъ Безсудный, — я самъ человѣкъ современный, но этакого развращенія нравовъ не терплю! — Вотъ наприимѣръ пожаловалъ сюда этотъ г. Баламутовъ; что это такое? Приѣхалъ вотъ уже почти двѣ недѣли, ни съ кѣмъ не знакомился, сидитъ себѣ взаперти.... Что онъ, пренебрегаетъ, что ли, нами?

— Э, нѣтъ, Михаилъ Филатычъ, нѣтъ; вы сильно ошибаетесь въ Баламутовѣ,—заступился Муходавлевъ — *c'est un aristocrate dans toute la force du terme*; онъ, повѣрьте, не заразится какимъ нибудь книжнымъ вольнодумствомъ: онъ никогда и не читаетъ русскихъ книгъ!

— Положимъ, что такъ,—перебилъ Безсудный:—все-таки, согласитесь, поведение его больше, чѣмъ странно.

— Да, оно конечно удивительно, что аристократъ не любить обществу, замѣтилъ Иванъ Михайлычъ:—я даже сомнѣваюсь, чтобъ онъ былъ настоящій гастрономъ.

— О, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ! Что онъ гастрономъ, то я за это поручусь: я его давно знаю,—говорилъ Муходавлевъ съ особенною горячностью.

— Такъ чтожъ онъ съ нами не знакомится? прервалъ его аналитическій Антонъ Михайлычъ:—выходитъ, онъ не умѣетъ жить.

Долго спорилъ Муходавлевъ, долго заступался онъ за своего старого знакомаго, наконецъ далъ своимъ собесѣдникамъ слово поговорить съ Баламутовыми и заставить ихъ сейчасъ же дѣлать визиты. Власти успокоились, получивъ слово губернатора, и сейчасъ же засѣли за карты, да такъ уже и не вставали до двухъ часовъ ночи, забывъ все на свѣтѣ, даже обличительную литературу.

На другой день утромъ, то есть въ воскресенье, Муходавлевъ отправился къ Баламутовымъ исполнять свое щекотливое дипломатическое предпріятіе.

Баламутова приняла гостя въ своей великолѣпной гостиной и посадила его подлѣ себя; мужъ ея сѣлъ въ почтительномъ отдаленіи.

— Ну, какъ вамъ нравится нашъ Бѣловодскъ? спросилъ Александръ Павлычъ Баламутову, чтобы приступить какъ нибудь къ замышленному разговору.

— Ахъ, ужъ не говорите, защищала Варвара Петровна. Это ужасъ! грязь, нечистота! Это Богъ знаетъ что такое! Послѣ Парижа, Лондона, Петербурга....

Муходавлевъ, имѣвшій маленькую страсть къ спорамъ, началъ увѣрять свою собесѣдницу, что Бѣловодскъ прекрасный городокъ, особенно лѣтомъ, и что хотя его дѣйствительно невозможно сравнивать съ Парижемъ, но что все-таки....

— И общество здѣсь какое прекрасное, особенно высшее! добавилъ онъ: — *ce sont tous des gens très commes-ils-faut. А propos*, Григорій Алексѣичъ, что же это вы не съѣздите, не познакомитесь съ здѣшнимъ обществомъ?

— Я-съ, — началъ занкаться Баламутовъ, — съ большимъ удовольствіемъ... да вотъ, какъ жена... поправился онъ, встрѣтивъ грозный взглядъ супруги.

— *Grégoire!* строго замѣтила Варвара Петровна, *que dites-vous?* съ удовольствіемъ?

— Я ничего, *ma chère*, я ничего, — бормоталъ Григорій Алексѣичъ, — я такъ....

Муходавлевъ увидалъ, что съ Григоріемъ Алексѣичемъ при супругѣ не столкуешь, и что надо дѣйствовать на нее, чтобы подвинуть на что нибудь его.

— *J'ai à vous parler*, — безъ перемоніи шепнулъ онъ ей, не обращая вниманія на своего стараго пріятеля.

Варвара Петровна сдѣлала гостю очаровательные глазки и, обратясь къ мужу, просто-напросто объявила ему:

— *Grégoire*, пооди въ свой кабинетъ, — тамъ тебѣ надо еще многимъ распорядиться.

Баламутовъ перемигнулся въ лицѣ, вздрогнулъ, однако не осмѣлился противиться и поплелся въ кабинетъ разбирать свои кредитные билеты.

— Что это вы живете въ такомъ затворничествѣ? началъ Александръ Павлычъ.

— Да такъ.... съ кѣмъ же тутъ видѣться? довольно небрежно отвѣчала Варвара Петровна, нѣсколько оскорбленная тѣмъ, что гость заговорилъ съ ней не о томъ, о чемъ ей бы хотѣлось.

— Напрасно, здѣсь есть люди весьма порядочные: Безсудные, Рыковы... началъ пересчитывать Муходавлевъ.

— Ахъ полноте. *Qu' ai-je de commun avec tout ce monde?* возразила Баламутова, — поговоримъ лучше о миломъ Петербургѣ.

Гость закусилъ губы, съѣвъ такую пилюлю, однако поговорилъ и о миломъ Петербургѣ, который былъ весьма немиалъ для Варвары Петровны, когда она тамъ жила.

Александръ Павлычъ попробовалъ атаковать петербурго — манію Варвары Петровны.

— Но я вамъ долженъ сказать, что здѣсь все высшее общество, — нашъ кругъ, то есть, — изъ Петербурга.

— Да, можетъ быть, — чиновники! небрежно согласилась Варвара Петровна.

Гость опять увидѣлъ, что дѣло плохо.

— Вы, я думаю, себѣ пропасть новыхъ костюмовъ надѣтали: вы всегда были такіа мастерицы одѣваться, — приступилъ онъ съ другой стороны.

— Да, какъ всегда! отвѣчала Баламутова, которая все еще сердилась за что-то на молодого губернатора.

— Здѣшнія дамы съ нетерпѣніемъ ждутъ случая увидѣть вашъ туалетъ, — онъ столько уже слышали... продолжалъ Муходавлевъ.

— Поймутъ ли онѣ порядочный-то туалетъ? съ обиднымъ сомнѣніемъ возразила Баламутова.

Александръ Павлычъ разсердился.

— Но неужели вы пріѣхали сюда затѣмъ, чтобы сидѣть въ четырехъ стѣнахъ? вскрикнулъ онъ.

— Я пріѣхала сюда такъ, по капризу, отвѣчала Баламутова, — я очень вѣдь капризна....

Муходавлевъ хотѣлъ отвѣтить, что онъ это давно уже замѣтилъ, однако удержался и объявилъ, что кому же и капризничать на бѣломъ свѣтѣ, какъ не хорошенькой женщицѣ. За эту любезность онъ былъ награжденъ новымъ чудеснымъ взглядомъ, которому на этотъ разъ придали столько выразительности, что

даже Александръ Павлычъ, не очень быстрый на пониманье, понималъ, чего отъ него хотѣли, и повелъ дѣло *en conséquence*.

— Приѣхала по капризу, — продолжала барыня, охотница до сильныхъ ощущеній, — а теперь мнѣ кажется, что не для кого выѣзжать, вотъ я и сижу дома!

Баламутова задумалась и грустно посмотрѣла на великосвѣтскаго снобса, сидѣвшаго передъ ней, какъ на иголкахъ.

— Вы не повѣрите, какъ грустно выѣзжать, не имѣя никого, кто бы цѣнилъ вашу жертву, потому что, согласитесь, вѣдь это жертва — отдать себя окончательно обществу, не имѣть минуты своей, быть вѣчно подъ маской!

Баламутова была иногда очень краснорѣчива.

— Какъ вамъ нестыдно, какъ вамъ не грѣхъ сомнѣваться въ своей силѣ! шепталъ Муходавлевъ, который не могъ никакъ удержаться отъ волокитства. — Напротивъ, я знаю человѣка, который отдалъ бы половину жизни, чтобы вы выѣзжали, потому что, согласитесь, это единственное средство къ частымъ свиданіямъ, — нельзя же весь вѣкъ сидѣть у васъ въ домѣ.

— Вы знаете такого человѣка! вскрикнула въ восторгѣ Варвара Петровна, дѣлая своему собесѣднику еще разъ убійственные глазки, отъ которыхъ тотъ растаялъ окончательно; — кто же онъ такой?

Муходавлевъ промычалъ что-то весьма неопредѣленное.

— Онъ здѣсь? продолжала свой допросъ Баламутова.

Муходавлевъ кивнулъ головой.

— Онъ.... аристократъ?

— Еще бы! *un homme titré*, проговорился гость, да и закусилъ языкъ.

Варвара Петровна въ восторгѣ поглядѣла на своего новаго обожателя.... Гость съ своей стороны, увидя разгорѣвшееся отъ страсти лицо своей собесѣдницы, ея блиставшіе глаза и волнуемую грудь, подумалъ.

— А что, чертъ возьми, думать тутъ нечего: *il faut prendre l'amour, où on la trouve...*

Но въ тоже время Александръ Павлычъ чувствовалъ, что отъ дѣскодыко смѣшонъ, и чтобы съ честью вынутаться изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, онъ вскочилъ со своего кресла.

— Нѣтъ, надо бѣжать отъ васъ, — вы слишкомъ опасны!

— Куда вы? куда вы? вскрикнула Баламутова, — оставайтесь, посидите еще немного.

— Не могу, право не могу: отечество призываетъ, служба, — началъ выпутываться губернаторъ, которому казалось уже довольно успѣха для перваго дебюта.

— Что служба ваша, когда я хочу васъ видѣть! деспотически объявила Варвара Петровна.

Муходавлевъ дѣйствительно забылъ и отечество и службу, — и остался.

Потолковавъ съ своимъ новымъ предметомъ еще около часу, онъ сталъ окончательно прощаться.

— Ну, такъ вы поѣдете дѣлать визиты? былъ его послѣдній вопросъ.... Для меня, прибавилъ онъ въ полголоса.

— *Vous faites de moi tout ce que vous voulez*, — сконетничала Баламутова, — поѣду, такъ и быть, посмотрю вашихъ дамъ.

— *Merci*; я вамъ завтра списочекъ всѣхъ домовъ пришлю, продолжалъ онъ, пожимая руку своей собесѣдницы. — Вы вѣдь вѣроятно поѣдете и въ средній кружокъ?

— Боже мой, что вы? *Quelle horreur!* вскричала испуганная аристократка.

— Иначе нельзя, объявилъ Муходавлевъ: вамъ надо будетъ давать балы, — такъ безъ средняго кружка у васъ будетъ пустота страшная.

— Ахъ, Боже мой, что вы со мной дѣлаете! простонала Баламутова.

— Поѣдете? приставакъ онъ.

— Такъ и быть, рѣшила она; но съ тѣмъ, чтобы этотъ средній кружокъ не ждалъ отъ меня никакой короткости....

— Еще бы! вскричалъ гость, окончательно откланиваясь: — довольно однихъ формальныхъ визитовъ.

— Ну, одолѣлъ крѣпость, думалъ онъ, садясь въ свою коляску: — однако капризная бабенка!

— Какой душка этотъ Муходавлевъ! какой *sainte-à-fait!* подумала Баламутова и отправилась въ свою гардеробную — выбирать платье для завтрашняго выѣзда.

Муходавлевъ же поскакалъ во всѣ аристократическіе дома объявлять о томъ, что завтра Баламутовы будутъ дѣлать визиты, и черезъ два часа всполошилъ весь городъ.

Въ присланномъ отъ Муходавлева Баламутовой списочкѣ фамилія Рыковой стояла первою, — Варвара Петровна поѣхала къ ней первой.

Рыкова приняла свою новую знакомую весьма радушно, — она была польщена тѣмъ, что она пріѣхала къ ней прежде, чѣмъ къ кому нибудь другому, — это ей сообщилъ Муходавлевъ; но, несмотря на радужный пріемъ, Варвара Петровна была сначала нѣсколько шокирована и даже испугана вольнымъ обращеніемъ хозяйки. Григорій Алексѣичъ Баламутовъ не сопутствовалъ своей супругѣ: она считала неприличнымъ ѣхать куда нибудь съ мужемъ. Онъ съ своей стороны также отправился дѣлать визиты по списочку, данному ему женой, съ строгимъ наказомъ больше ни къ кому не ѣздить, чтобы не уронить своего достоинства.

— Вы навѣрно жили въ Петербургѣ? былъ первый вопросъ Рыковой, которая почему-то питала особенную страсть къ Петербургу.

Гостья отвѣчала утвердительно.

— Это сейчасъ видно, замѣтила хозяйка:—въ васъ видна сейчасъ эта порядочность, эта свѣтскость, которую напрасно было бы искать въ провинціальной дамѣ даже хорошаго круга. Здѣсь это ужасъ! *C'est une horreur!* Вы нигдѣ не увидите такихъ смѣшныхъ фигуръ, какъ здѣсь, а ужь одѣваться ни одна не умѣетъ, особенно эти чиновницы,—*ça n'a l'air de rien!* Вообразите, эти дамы какъ будто пришиты къ своимъ мужьямъ, свою супружескую вѣрность простираютъ до смѣшнаго; инныя чуть не цалуются съ мужьями публично....

Цѣломудренная на словахъ Баламутова нѣсколько сконфузилась и вздумала перемѣнить разговоръ.

— Здѣсь большое общество? начала она.

— О, нѣтъ, собственно нашего аристократическаго кружка домовъ шесть, семь, не больше, *mais ce sont de bonnes maisons*. Конечно, исключая очень немногихъ, все это провинциализмъ *dans toute l'étendue du terme*,—но женщины, знаете ли, все такія, въ которыхъ можно многое сдѣлать. Я, признаюсь вамъ откровенно, много развернула и эмансипировала женщинъ моего круга.

Баламутова вспомнила, что видала въ Москвѣ эмансипированныхъ барынь, и потому сейчасъ же предложила Рыковой слѣдующій вопросъ:

— Вы вѣрно занимаетесь литературой, сочиняете что нибудь?

Варвара Петровна слыхала, что всѣ эмансипированныя женщины — писательницы.

Рыкова залилась самымъ непритворнымъ и громкимъ смѣхомъ.

— Я, сочинять! ха, ха, ха! *Pour qui me prenez-vous donc?* Развѣ я нищая какаянибудь? Русскій писатель! *qu'est-ce qu'il y a de plus méquin?*

Баламутова съ своей стороны тоже вломила въ амбицію.

— *Je vous demande bien pardon, madame Ryko'ff*, возразила она: — я не говорю вообще объ литературѣ, о глупой какойнибудь учености.... Но стихи сочинять, отчего же? Вотъ графиня Ростопчина—ужь какая аристократка, но сочиняетъ же стихи.... добавила Варвара Петровна съ нѣкоторою перѣшительностью:— она сама хорошенько не знала, пишетъ ли стихи графиня Ростопчина,—она только слыхала объ этомъ.

— Ну да, *madame Rostoptschine*, — это исключеніе, эксцентрикъ! *enfin, c'est une dame de Moscou*, а московскія дамы всѣ какъ-то эксцентричны, объявила хозяйка. Вотъ *à Pétersbourg*, другое дѣло, — никто не позволить себѣ сочинять, *au risque de s'encanailler*.... право,—я это очень хорошо знаю,—я долго жила въ Петербургѣ и посѣщала лучшее общество!

— Вашъ мужъ занималъ тамъ вѣроятно очень высокое мѣсто? спросила Баламутова, нѣсколько уколотая аристократичностью Рыковой.

— Какъ же! онъ былъ начальникомъ отдѣленія, съ комическою важностью объявила Анна Ивановна.

Гостыя встала и стала прощаться, прося не забывать и ее, что Анна Ивановна съ готовностью общалась.

Дамы разстались далеко не друзьями: Баламутовой очень не понравилась Рыкова; она смутно чувствовала, что встрѣтится съ ней на одной дорогѣ; Рыковой же Баламутова показалась совершенно пустой женщиной.

Долго ѣздила Баламутова по аристократическимъ домамъ и очень несчастливо: ее, какъ рѣдкость, принимали во всѣхъ домахъ, а извѣстно, что нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ то, что вездѣ принимаютъ, когда надобно сдѣлать нѣсколько десятковъ визитовъ. Слѣдствіемъ этого несчастія было то, что Варвара Петровна не успѣла попасть въ тотъ же день въ средній кругъ. Она пріѣхала измученная домой и сейчасъ же написала къ Мухомову, чтобы онъ пріѣзжалъ вечеромъ проводить ее.

Баламутова не застала мужа своего дома: онъ съ своей стороны тоже ѣздилъ съ визитами. Онъ выѣхалъ изъ дому въ часъ утра и потому былъ счастливѣе своей супруги: всѣ председатели были въ своихъ палатахъ и онъ засталъ дома только нѣкото-

рытъ неслужащихъ аристократовъ, — перваго Антона Михайлыча, котораго онъ когда-то видалъ въ Петербургѣ.

— А! старый пріятель, добро пожаловать; какъ давно мы съ вами не видались! Завтракали ли вы? обратился Антонъ Михайлычъ къ Баламутову съ такимъ фамиллярнымъ привѣтствіемъ.

Антонъ Михайлычъ вообще имѣлъ слабость лѣзть въ близкіе знакомые всякаго богатаго или знатнаго человѣка; передъ очень же знатными онъ нѣсколько подличалъ и даже унижалъ свое предводительское достоинство и провинціальныи олигархиизмъ.

— Благодарю, я завтракалъ уже, отвѣчалъ Баламутовъ, рѣшительно ошеломленный фамиллярностью Антона Михайлыча.

— Напрасно, ей Богу напрасно, басомъ объявилъ хозяинъ: — а у насъ здѣсь, батюшка, одно развлеченіе: гастропомія! Какъ объѣхъся хорошенько, по правиламъ науки, такъ и легче какъ-то на душѣ сдѣлается, право! забудешь даже, что не въ Петербургѣ.

— Это такъ! съ горячностью подтвердилъ Григорій Алексѣичъ, попавшій на своего конька: — это истинная правда: объѣдъ заставляетъ забыть рѣшительно всякое горе, даже семейную жизнь, проговорился Григорій Алексѣичъ.

— Какъ этакъ трюфлей *à la serviette* наѣхъся досыта, ну какое, я васъ спрашиваю, несчастье пойдетъ на умъ?

— Или фазановъ въ пору?

— Или опять артишоки *au naturel!*

И пошли пріятели пересчитывать съѣдобные предметы, которые заставляютъ забывать всевозможныя несчастія въ сей водоли плача.

— У меня и жена гастропомка, радостно и съ какою-то особенною гордостью проговорилъ Антонъ Михайлычъ: — какъ же, какъ же, — самъ ее воспитывалъ, и теперь гастропомка хоть куда! — Погодите, мы и васъ здѣсь разовьемъ! Вы охотникъ? продолжалъ радушный хозяинъ.

— О, да! еще какой! страстный охотникъ!

— И прекрасно, въ отъѣзжее поле поѣдешь!

— Да жаль, что здѣсь по близости негдѣ охотиться съ собаками, а я привыкъ очень часто ѣздить.

— Это можно будетъ устроить, объявилъ Антонъ Михайлычъ: — здѣсь есть большой казенный садъ, такъ скажите Мухомавлеву и Рыкову, — они позволятъ вамъ тамъ охотиться.

— Это бы очень хорошо; но вѣдь садъ казенный, — позволять ли? возразилъ Григорій Алексѣичъ, который, по невинности своей, до сихъ поръ не зналъ еще, что богатому человѣку, да еще въ добавокъ губернскому аристократу, въ губернскомъ городѣ все дозволяется.

— Э, помилуйте, возразилъ болѣе вѣрившій въ авторитетъ Баламутова хозяинъ. — Что же тутъ такого? Что сдѣлается саду? Что переломають тамъ нѣсколько кустовъ? Экая важность такая! Вѣдь садъ казенный, кому же какое дѣло!

— Да, это такъ, согласился Баламутовъ, который сейчасъ же смекнулъ, что до казеннаго сада никому никакого дѣла нѣтъ.

— Ну такъ рѣшено? сказалъ Антонъ Михайлычъ, больно хлопая по рукѣ своего собесѣдника: — устроиваемъ *partie de plaisir* въ казенномъ саду? Вы будете у Рыкова, такъ поговорите ему; нарочно поѣзжайте попозже — часа въ два: онъ уже воротится изъ палаты, онъ тамъ очень недолго сидитъ.

— Непремѣнно, непременно, отвѣчалъ Баламутовъ, въ восторгѣ отъ изобрѣтенія Антона Михайлыча.

— Вы знакомы съ моей женой? вспомнилъ наконецъ спросить Антонъ Михайлычъ.

— Нѣтъ, не имѣлъ еще удовольствія....

— А такъ я васъ сейчасъ познакомлю; вотъ вы сами увидите: она рѣдкая женщина, женщина, которая нисколько не стѣснить мужское общество! — *Marie, Marie!* кричалъ громогласно Антонъ Михайлычъ въ дверь гостиной, гдѣ онъ сидѣлъ съ Баламутовымъ.

Черезъ пять минутъ изъ заднихъ комнатъ выплыла, какъ пава, Марья Петровна, полная, даже черезчуръ полная женщина, лѣтъ тридцати слишкомъ, блѣлая, румяная, кровь съ молокомъ.

Антонъ Михайлычъ представилъ ей своего новаго знакомаго, котораго старался изъ всѣхъ силъ выдать за стараго пріятеля.

— *Enchantée!* процѣдила сквозь зубы Марья Петровна тоненькимъ фальцетто, который никакъ нельзя было предполагать въ такомъ обширномъ тѣлѣ.

— Ну что, моя гастрономка? принимала сегодня *medaillia*? спросилъ Антонъ Михайлычъ для того, чтобы доказать гостю, что жена его дѣйствительно рѣдкая женщина и никогда не стѣснить своимъ присутствіемъ никакое мужское общество.

— Полно, *Antoine!* жеманно возразила Марья Петровна.

— Что полно? продолжалъ неугомонный супругъ, — ты, кажется, женщина благоразумная, ха, ха, ха.... понимаешь, что медведь вещь полезная! Вотъ я самъ объѣлся артишоковъ, ну — и принималъ медведя.

Баламутовъ разинулъ ротъ и, вытаращивъ глаза, смотрѣлъ на Антона Михайлыча: онъ не понималъ, что такое медведь.

— Вы знаете, что такое медведь? обратился къ нему Антонъ Михайлычъ:—это такія нялюки, которыя и я, и она, принимаемъ отъ расстройства желудка; а это часто случается у гастрономовъ.

— *Et madame votre épouse?* поспѣшила спросить Марья Петровна, чтобы прекратить неприятный для нея разговоръ супруга.

— Она сейчасъ будетъ у васъ, отвѣчалъ нѣсколько свысока Баламутовъ. Вслѣдствіе особеннаго ухаживанья за собой Антона Михайлыча, онъ сдѣлалъ не очень выгодное заключеніе объ его аристократизмѣ.

— Ну-съ, такъ устроиваемъ охоту? виѣшался опять въ разговоръ Антонъ Михайлычъ.

— О, не только охоту, мы все здѣсь уладимъ: и балы, и маскарады, и театры, — я затѣю сюда и пріѣхалъ....

— Главное, надо приготовить въ казенномъ саду тонкій завтракъ, понимаете, въ павильонѣ, перебилъ его Антонъ Михайлычъ, у котораго на умѣ ничего, кромѣ ѣды и ея послѣдствій; никогда не бывало.

Гость поспѣшилъ проститься: ему еще надо было объѣздить всѣхъ сильныхъ властей.

— Умный человѣкъ, заключилъ Антонъ Михайлычъ, проводивъ гостя за двери: — очень умный человѣкъ!

Баламутовъ произвелъ на общество самое разнообразное впечатлѣніе, смотря потому, попадалъ ли онъ въ разговоръ на своего конька, или нѣтъ. Мы уже видѣли, что Антонъ Михайлычъ называлъ его очень умнымъ человѣкомъ. Иванъ Михайлычъ рѣшилъ, что онъ дуракъ; губернаторъ Муходавлевъ, знавшій его уже давно, относился объ немъ съ самой лестной стороны, а Безсудный, не могшій простить Баламутову медленности въ началѣ знакомства, объявилъ, что онъ круглый дуракъ. Впрочемъ надо замѣтить, что Безсудный былъ всегда чрезвычайно рѣзокъ и неоснователенъ въ своихъ приговорахъ и считалъ всѣхъ дураками, кромѣ себя самого. Наконецъ предсѣдатель, Акимъ Акакиевичъ Кобылкинъ, старецъ, вѣчно воображавшій себя боль-

нымъ, и замѣчательный тѣмъ, что, совершенно здоровый, до того морилъ себя діетой, что нажилъ скорбуть, Акимъ Акакычъ не сдѣлалъ никакого заключенія о Баламутовѣ, а положилъ пови-даться съ товарищемъ предсѣдателя своей палаты, чтобы спро-сить у него, какого ему быть мнѣнія о новомъ знакомомъ?

Послѣдній визитъ того дня Баламутовъ сдѣлалъ Рыкову.

Николай Филипычъ принялъ Баламутова съ чувствомъ соб-ственного достоинства, однако такъ, какъ слѣдовало принять аристократа близко знакомаго съ губернаторомъ.

— Могу вамъ сообщить пріятную новость, объявилъ Нико-лай Филипычъ своему гостю, нѣсколько пѣвучимъ голосомъ, которому онъ старался придать тонъ добродушной важности: — сюда долженъ на дняхъ пріѣхать по случаю рекрутскаго набора адъютантъ князь Таракановъ, молодой полковникъ и аристо-кратъ одной изъ самыхъ старыхъ русскихъ семей: я отъ него получилъ письмо.

Управляющій палатою привралъ для пущей важности, что онъ получилъ письмо отъ адъютанта: онъ, попросту безъ затѣй, получилъ форменныя бумаги отъ губернатора и отъ самого князя о пріѣздѣ послѣдняго въ Бѣловодскъ.

Князь Таракановъ оказался весьма короткимъ знакомымъ Григорья Алексѣича; обстоятельство это, повидимому совер-шенно незначительное, сейчасъ же измѣнило тонъ Николая Фи-липыча на очень мягкій и уже совершенно неважный.

— Я очень радъ, что Сережа Таракановъ ѣдетъ сюда; мы еще лучше повеселимся, — онъ *bon vivant* и славный малый, ска-залъ Баламутовъ.

— Слава тебѣ, Господи, что онъ *bon vivant*, подумалъ Рыковъ и сейчасъ-же принялся спрашивать у Баламутова мельчайшія подробности относительно характера ожидаемаго адъютанта; но, къ несчастію, наблюдательности, да и быстрого соображенія Баламутовъ отъ природы не получилъ, а потому и всѣ распросы Рыкова остались втунѣ.

— А у меня есть къ вамъ просьба, Николай Филипычъ, на-чалъ Баламутовъ, когда тотъ прекратилъ всѣ распросы о князѣ Таракановѣ.

— Что такое? Съ удовольствіемъ все, что отъ меня зависитъ, обязательно отвѣчалъ Рыковъ, который сейчасъ же разсчелъ, что знакомство Баламутова съ адъютантомъ можно обратить въ свою пользу.

— Вамъ подчиненъ здѣшній казенный садъ? спросилъ гость.

— Все, что есть въ здѣшней губерніи казеннаго, все подчинено непосредственно мнѣ! съ гордостью объявилъ Николай Филиппычъ и значительно поднялъ указательный палецъ кверху и потомъ сильно ткнулъ имъ себя въ грудь.

Баламутовъ благоговѣнно наклонилъ голову: онъ испугался, не министръ ли инкогнито сидитъ передъ нимъ.

— Ну-съ, такъ что же вамъ угодно? переспросилъ управляющій, опять уже отчасти начальническимъ тономъ.

Вообще не было человѣка, который скорѣе Рыкова переходилъ бы изъ мягкаго тона въ начальнической не только съ низшимъ, но даже съ равнымъ себѣ, и начальнической тонъ обращалъ бы въ дерзкій, даже иногда въ ущербъ своей выгодѣ и чести, ибо господину Рыкову весьма часто приходилось получать двѣ дерзости въ отвѣтъ на одну.

Баламутовъ, запуганный, какъ уже извѣстно читателю, женой, нѣсколько струсилъ суровой интонаціи голоса председателя и не зналъ, что уже ему и говорить, еслибы самъ Николай Филиппычъ, довольный произведеннымъ на гостя впечатлѣніемъ, не смягчалъ своего тона.

— Мы хотимъ устроить въ казенномъ саду охоту всѣмъ обществомъ, съ дамами... началъ Баламутовъ излагать свою просьбу.

— Какую охоту?

— Съ собаками и съ ружьями, а звѣрей заранѣе я велю насажать.

— Это прекрасно! радостно вскричалъ Рыковъ, прекрасно! Вотъ князь Таракановъ пріѣдетъ, это его развлечетъ, и Мухомавлеву будетъ пріятно!

— О, разумѣется, и Александръ Павлычъ, и князь оба будутъ, за это я ручаюсь,—объявилъ Баламутовъ.

— Я вамъ помогу, помогу со всѣмъ удовольствіемъ! вы не даромъ вамъ достались на эту зиму: намъ надо весь этотъ карнавалъ повеселиться! говорилъ управляющій, дружески прикасаясь къ плечу Баламутова.

Баламутовъ пришелъ въ неописанный восторгъ: онъ всегда очень любилъ, чтобы его считали общественнымъ увеселителемъ.

— Такъ вотъ какъ мы сдѣлаемъ, продолжалъ Рыковъ: казенный садъ я прикажу вамъ дать....

— Только, Николай Филиппычъ, я заранѣе долженъ вамъ сказать, что пожалуй переломаютъ тамъ кусты, деревья, тамъ я

заплачу, проговорилъ Баламутовъ, который любилъ разыгрывать роль большого барина.

— Полноте пожалуйста! добродушно перебилъ его управляющій:—ну, изъ-за чего вы будете тратить деньги? Садъ казенный, такъ я имъ могу распорядиться, какъ хочу; вѣдь это нельзя позволить какойнибудь мелочи, окружному, распоряжаться, какъ ему угодно, съ казеннымъ имуществомъ, ну, а я—предсѣдатель, это другое дѣло! А на эти деньги, что вы заплатили бы намъ за поломку, вы намъ дадите лишній балъ, какъ князь Таракановъ здѣсь будетъ; не такъ ли? прибавилъ Николай Филиппычъ, благосклонно улыбаясь.

— О, съ удовольствіемъ! Я заранѣе опредѣлилъ бросить здѣсь въ три мѣсяца тридцать или сорокъ тысячъ цѣлковыхъ....

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, перебилъ его управляющій, который не любилъ до смерти, если ктонибудь въ его присутствіи позволялъ себѣ поднимать носъ.—Ну-съ, такъ садъ я отдаю въ ваше распоряженіе; только вы заранѣе назначьте день, — а то надо будетъ распорядиться.... новыгнать отсюда гуляющихъ и никого больше не пускать: эта сволочь, мелкіе чиновники, вѣчно набьются въ этотъ казенный садъ, съ женами, съ дѣтьми, цѣлыми толпами,—такъ надо ихъ новыгнать, чтобы не мѣшали.

— Разумѣтся, разумѣтся, надо, чтобы никакой дряни тамъ не было, кромѣ нашего общества, — никого, никого! закричалъ Баламутовъ, не думая о томъ, что онъ говоритъ, и не понимая обидной двусмысленности своихъ словъ.

— Да, конечно; кромѣ того надо назначить день заранѣе, потому что я велю вычистить весь садъ, предавѣжигъ управляющій:—здѣсь есть казенное училище, такъ, вы понимаете,—мнѣ стоитъ только приказать.... ну, а что мальчики тамъ какихънибудь три-четыре дня не поучатся, что за важность!

— Разумѣтся, подтвердилъ Баламутовъ: — что за важность!

— Ну-съ такъ такъ-то-съ, продолжалъ управляющій:—всѣ приготовления, завтракъ, обѣдъ, охота, музыка, все ваше, все уже вы заготовите; ну, а звѣрей я тоже могу вамъ доставить: вѣдь, вы понимаете, что мнѣ, какъ управляющему, стоитъ только слово сказать и звѣри будутъ представлены.

— Это прекрасно! воскликнулъ въ неописанномъ восторгѣ Баламутовъ, бывший страстнымъ охотникомъ; — это великогѣпно,—все общество будетъ вамъ благодарно, а про меня и говорить уже нечего!

— Очень радъ, что могу служить, обязательно промолвилъ управляющій: — и какихъ звѣрей вамъ навезутъ! и волковъ, и лисицъ, и русаковъ! чего хотите, того просите! закричалъ расходившійся предсѣдатель. Только вы затѣжайте отъ меня къ Муходавлеву и скажите ему; потому, вы понимаете, садъ въ городѣ и неловко ему не сказать.

— О, непременно, непременно! самая вѣжливость этого требуетъ, я сейчасъ же поѣду, отвѣчалъ Григорій Алексѣичъ.

Гость всталъ и началъ раскланиваться.

— Когда же вамъ угодно, *monsieur* Рыковъ, чтобы я это устроилъ? спросилъ онъ.

— Разумѣется, когда князь Таракановъ пріѣдетъ; это для него какъ будто бы будетъ устроено, отвѣчалъ хитрый хозяинъ.

Баламутовъ простился и поскакалъ къ Муходавлеву.

Григорій Алексѣичъ засталъ его въ залѣ, разговаривающимъ съ какимъ-то толстымъ помѣщикомъ, явившимся съ жалобой.

— *Vous êtes occisé?* спросилъ Баламутовъ.

— Да вотъ Богъ послалъ наказанье, отвѣчалъ Александръ Павлычъ по-французски, довольно дерзко указывая на просителя. А вы—не по дѣлу ли?

Баламутовъ началъ по-французски объяснять свои желанія относительно охоты. Муходавлевъ внимательно его слушалъ, оставивъ помѣщика безъ всякаго вниманія. Помѣщикъ смотрѣлъ на нихъ, саркастически улыбаясь.

— Я очень радъ, очень радъ, поспѣшилъ отвѣтить Александръ Павлычъ Баламутову:—эта охота будетъ очень пріятна; а для разныхъ порученій вашихъ я вамъ дамъ чиновника вы можете его сдѣлать своимъ *maître d'hôtel* емъ.

Баламутовъ поблагодарилъ за вниманіе и удалился.

ГЛАВА IV.

Баламутовы, казалось, подрядились ежеминутно занимать собою бѣловодское общество. Не успѣли они сдѣлать всѣ необходимыя визиты и тѣмъ возбудить толки, какъ вниманіе всѣхъ было обращено на необыкновенныя приготовленія, дѣлаемые въ казенномъ саду для охоты, затѣваемой празднымъ воображеніемъ Баламутовыхъ и бѣловодскихъ аристократовъ.

Прикомандированный къ Баламутовымъ для исправленія должности дворецкаго (а какъ скандальная хроника Бѣловодская говорить, для того, чтобы Муходавлеву имѣть при г-жѣ Баламутовой своего клеветника), чиновникъ Федотъ Захарычъ Мироновъ летѣлъ изъ одного конца города въ другой и съ самымъ озабоченнымъ, дѣловымъ видомъ возилъ въ садъ, то какую нибудь ткань для обивки стѣнъ устроенной въ саду кофейни, то огромный ящикъ съ посудой, или просто ѣздилъ такъ, съ пустыми руками. Носовъ, на половину потерявшій свое значеніе, сильно косился на новаго дворецкаго и не шутя собирался отломать ему бока, чтобъ впредь онъ не ходилъ въ лакейскія должности.

— Нѣтъ, думалъ Носовъ, — если такъ все будетъ, такъ лучше убираться за добра-ума, пока не выгнали. Надо пошкать, нѣтъ ли хорошей полицейской должности.

Варвара Петровна Баламутова, разъ захотѣвъ веселиться, уже не могла остановиться и съ каждымъ днемъ выдумывала новыя затѣи. Приготовленія къ охотѣ еще не кончились, какъ случайно ей пришла въ голову другая мысль, за которую она принялась еще съ большимъ жаромъ, ибо эта мысль была ея изобрѣтеніемъ.

Около недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ Варвара Петровна кончила свои визиты; къ ней утромъ пріѣхалъ Муходавлевъ, раздушенный, разфранченный до пельзя, только что прогнанный отъ себя правителя канцеляріи съ скучными бумагами, чтобы ѣхать къ Баламутовой.

Варвара Петровна жаловалась гостю, что ей рѣдко достается удовольствіе его видѣть. Гость пришелъ въ большой восторгъ отъ этого лестнаго для него полупризнанія.

— Надо непременно устроить что нибудь такое, что бы соединило общество и давало бы мнѣ случай часто васъ видѣть, кокетничала Баламутова.

— О, будьте увѣрены, что съ этимъ условіемъ я на все готовъ, съ жаромъ отвѣчалъ любезный начальникъ губерніи.

— Чтожь бы мнѣ затѣять? въ раздумьи спрашивала неизобрѣтательная Баламутова.

И хозяйка, и гость задумались.

— Развѣ пока до охоты устроить большую кавалькаду? спросила Варвара Петровна: я бы выбрала васъ своимъ *сacrier servant*.

Но Муходавлеву это предложеніе не улыбалось: онъ до сихъ поръ еще ни разу не счумѣлъ удержаться верхомъ на лошади, даже заранѣе объявилъ Баламутову, что онъ на предполагаемой охотѣ останется съ дамами и не поѣдетъ ни за что верхомъ.

— Э, нѣтъ, *madame Balamouloff*, этого нельзя: мнѣ, согласитесь, невозможно скакать гусаромъ въ какойнибудь кавалькадѣ.

— Даже и со мной? съ неудовольствіемъ проговорила Баламутова.

— Но я начальникъ губерніи.

— Ахъ, Боже мой, великая важность! Вонъ генералы есть постарше васъ, да ѣздятъ же верхомъ.

— Да они военные: имъ необходимо ѣздить, усовершенствоваться.

Варвара Петровна была чрезвычайно недовольна, надула губки и промолвила почти со слезами на глазахъ:

— Вы никогда не хотите для меня ничего сдѣлать, а вотъ для Анны Ивановны Рыковой вы бы все сдѣлали.

Муходавлевъ нѣсколько сконфузился и подумалъ:

— Чортъ ее знаетъ, откуда она узнала!

Валерія Михайловна замѣтила его смущеніе и рѣшилась идти дальше.

— Ну хорошо, если губернаторская важность не позволяетъ вамъ сѣсть верхомъ на лошадь, такъ я выдумаю чтонибудь другое и посмотримъ, какъ вы на это не согласитесь!

— Что такое? съ безпокойствомъ спросилъ Александръ Павлычъ.

— Заранѣе говорю вамъ, что если вы не исполните и этого желанія моего, то уже не ждите отъ меня ни малѣйшаго снисхожденія.

Муходавлевъ нахмурился: онъ стоялъ между двухъ весьма сильныхъ огней: съ одной стороны губернаторскій *quant à soi*, а съ другой снобичность, которая громко требовала отъ него сохраненія титула любезнаго кавалера.

— Что же такое? переспросилъ онъ еще съ бѣльшимъ безпокойствомъ.

— Я хочу затѣять благородный спектакль въ пользу бѣдныхъ, и вы будете играть! съ торжествующимъ видомъ проговорила хозяйка.

— Но... занкнулся—было Муходавлевъ.

— Со мною въ одной пьесѣ, кокетливо перебила его Баламутова: я *jeune première*, а вы мой *jeun premier*.

Александръ Павлычъ совершенно растаялъ и, оглянувшись по сторонамъ, крѣпко поцаловалъ хорошенькую ручку, которую протягивала ему Варвара Петровна.

— Вы дѣлаете со мной все, что хотите, проговорилъ онъ съ особенною любезностью.

— А *Annette* Рыкова, тоже дѣлаетъ съ вами все, что хочетъ? кокетничала Баламутова.

Муходавлева какъ кипяткомъ обварило отъ этого вопроса.

— Ну полно, полно, не конфузьтесь, успокоивала его Баламутова: — такъ вы играете со мной?

— Разумѣется.

— *Merci!* и Варвара Петровна еще кокетливѣе прежняго протянула руку.

Но гостю было не до того: онъ очень хорошо чувствовалъ, что если ему неприлично ѣздить верхомъ, то еще неприличнѣе играть на сценѣ, и какую же роль? перваго любовника; онъ чувствовалъ, что онъ дѣлаетъ глупость, и въ душѣ давалъ себѣ честное слово какъ нибудь, всѣми неправдами отдѣлаться отъ чести играть роль *jeun premier* г-жи Баламутовой, по крайней мѣрѣ на сценѣ.

Какъ только Муходавлевъ уѣхалъ, чрезвычайно недовольный собой, Варвара Петровна послала просить къ себѣ жившаго зиму въ Бѣловодскѣ помѣщика князя Чепухинскаго, котораго специальность состояла въ томъ, что онъ ѣздилъ съ женою изъ города въ городъ и вездѣ устраивалъ благородные спектакли, на которыхъ всегда игралъ роль первыхъ комиковъ.

Князь, который за тысячу верстъ чуялъ благородный спектакль, сейчасъ же пріѣхалъ къ Баламутовой.

Это былъ мужчина высокаго роста, лѣтъ пятидесяти, съ необыкновенно живыми тѣлодвиженіями и непомерною претензіей на всегдашній комизмъ.

Варвара Петровна приняла князя съ неподдѣльною радостью и тотчасъ же объявила, что хочетъ устроить благородный спектакль. Князь тотчасъ же взялся быть режиссеромъ и принялся съ Варварой Петровной набирать труппу.

— Въ труппу мнѣ надобно, во-первыхъ, четырехъ любовницъ, началъ князь, который любилъ дѣлать дѣла *en grand*.

— Гдѣ жъ это мы столько возьмемъ? въ недоумѣніи подумала вслухъ Варвара Петровна.

Князь Петръ злобно посмотрѣлъ на женщину, осмѣливающуюся сомнѣваться въ его способности устроить благородныя труппы, и сердито отвѣчалъ:

— Гдѣ найдемъ? разумѣется, въ Бѣловодскѣ, а не въ Парижѣ! Первая любовница — вы, вторая — жена моя, третья — Тычкина, четвертая — Рыкова! Вотъ и нашелъ, а вы еще спрашиваете, гдѣ найдешь?

— Что вы, что вы, князь? почти закричала хозяйка; ну, положимъ, я и княгиня — такъ; но Тычкина не нашего общества; лучше бы жену предводителя.

— Толста, коротка и неповоротлива, — объявилъ князь; а та будетъ филлеточекъ играть.

— Ну-съ, надо двухъ любовниковъ, продолжалъ требовательный князь.

— Муходавлева непременно въ любовники возьмите, потребовала наивная Варвара Петровна.

— А развѣ онъ будетъ играть? недовѣрчиво спросилъ князь Петръ.

— Конечно, со мной: онъ перваго любовника, а я первую любовницу, какъ вы ихъ называете, — проговорила Баламутова, нѣсколько покраснѣвъ.

— Муходавлевъ будетъ играть? переспросилъ скептикъ Чепухинскій.

— Ну да, что жъ такое?

— Да какъ же это? а въ губернаторской-то ложѣ кто же будетъ сидѣть!

— Ахъ, какой вы, князь, скучный! вскрикнула Баламутова: — какъ, кто? да никто не будетъ сидѣть!

— Нельзя этого.

— Отчего же нельзя?

— Представительности, парада того не будутъ, отвѣчалъ князь, большой формалистъ: — губернаторъ всегда долженъ сидѣть въ срединѣ, на то и губернаторская ложа называется, — прибавилъ онъ серьезно.

Чтобы отвязаться отъ докучнаго формалиста, Варвара Петровна объявила, что во время тѣхъ пьесъ, гдѣ будетъ участвовать Муходавлевъ, его мѣсто въ ложѣ будетъ занято вице-губернаторомъ.

— Да все, какъ же это? повторялъ князь въ раздуми:— губернаторъ тутъ, а на его мѣстѣ вице-губернаторъ! Нехорошо! — Ну, да пусть будетъ такъ, рѣшилъ онъ наконецъ, увидѣвъ, что безъ участія молодаго губернатора, Баламутова можетъ охладѣть къ театру, и тогда—прощай благородный спектакль.

— Ну, а ктожь другой—то любовникъ? а? какъ вы думаете? началъ опять князь.

— У губернатора возьмемъ кого нибудь изъ чиновниковъ особыхъ порученій, отвѣчала изобрѣтательная Варвара Петровна:— эти чиновники особыхъ порученій всегда такіе *comme-il-faut*.

— Только не у насъ! Наши не годятся, объявилъ князь:—всѣ такіе волю, что Боже упаси! въ каждомъ по пятнадцати пудовъ будетъ! Вѣдь Муходавлевъ еще не успѣлъ своего штата составить, набрать поджарыхъ-то.

— Какъ же быть? въ раздуми проговорила Баламутова.

— Есть одинъ молодой чиновникъ особыхъ порученій, Хлопушкинъ....

— Кто это такой Хлопушкинъ? порядочный? говоритъ по-французски? засыпала вопросами Варвара Петровна своего собесѣдника.

— Какъ же, какъ же, приличный: онъ родственникъ Муходавлева, пояснилъ князь:—одно только, есть ли въ немъ талантъ? онъ такой, кажется, не умный!

— Ахъ, Боже мой! вскричала Варвара Петровна; что вы, князь? Родственникъ Муходавлева, слѣдовательно аристократъ, молодой человекъ, и не годится на благородный спектакль! это невозможно!

Князь пришелъ въ азартъ.

— Вы думаете, что благородный спектакль пустяки? что тутъ можно такъ, безъ таланта быть? что тутъ всякій профанъ, котораго въ хористы не возьмутъ ни въ одну труппу, годится на первыя роли? Ошибаетесь, сильно ошибаетесь. Здѣсь также нуженъ сильный талантъ! Неужели вы думаете, что мнѣ, таланту первостепенному, весело играть съ такимъ дуракомъ, что ни въ зубъ толкнуть? Ошибаетесь! Это такая каторга, что не приведи Богъ!

Варвара Петровна была рѣшительно подавлена такимъ ужаснымъ потокомъ словъ: какъ всякая капризная женщина, она притихала передъ тѣмъ, кто, какъ говорится, хоть колъ ему теши на головѣ, а ужъ не уступить, все будетъ кричать свое.

Увидя эффектъ, произведенный на слушательницу этой грозной филиппикой, князь остановился, перевелъ духъ и болѣе покойнымъ тономъ объявилъ ей:

— Оно бы ничего, можно бы и его взять,—да дѣло въ томъ, что онъ на слѣдствіи въ уѣздѣ.

— На какомъ слѣдствіи? что такое слѣдствіе? допрашивала Варвара Петровна, при которой законы не были писаны.

— Какъ, что такое слѣдствіе? да такъ, слѣдствіе—слѣдствіе и есть! началъ объяснять князь Чепухинскій:—украдетъ или убьетъ кого какойнибудь мужикъ, или тамъ мертвое тѣло найдутъ, вотъ чиновникъ и ѣдетъ слѣдствіе производить, спрашиваетъ другихъ мужиковъ, къ присягѣ арестантовъ приводить.

— Ахъ, бѣдненькій Хлопушкинъ! воскликнула сердобольная Варвара Петровна — мертвое тѣло, мужики, арестанты.... *Quelle horreur!* В ображаю, въ какомъ ужасномъ положеніи долженъ быть *un aristocrate* на слѣдствіи.

— Да-съ, скверное положеніе, поддакнулъ князь, который былъ большой охотникъ дѣлать изъ мухи слона.

— Надо непременно попросить Муходавлева, чтобы онъ позволилъ этому молодому человѣку возвратиться сюда, а слѣдствіе можетъ произвести и дрянъ какаянибудь.

— Совершенно справедливо—съ, рѣшилъ князь.

— Но возвратимся къ трупѣ: кто будетъ у насъ первый комикъ?

— Комикъ я, рѣзко объявилъ князь.

— Конечно вы, вы, несравненный князь! въ восторгѣ, Богъ знаетъ отчего, вскрикнула Варвара Петровна.

— Второго комика надо поискать, продолжалъ князь, потирая лобъ:—ктобы это былъ здѣсь второй комикъ?

— Да послѣ сыщемъ, князь, перебила его Варвара Петровна, которой уже порядкомъ надоѣло набираніе трупы.

— Ну, хорошо, отвѣчалъ князь, которому очень хотѣлось остаться одному комикомъ, чтобы занимать всѣ до одной комическія роли.

— Ай, ай, ай, забывъ, вдругъ вскрикнулъ онъ:—а кто же будутъ комическія старухи, благородные отцы?

Баханутова тоже задумалась вмѣстѣ съ княземъ.

Въ самомъ дѣлѣ вопросъ относительно старухъ и отцовъ рѣшить было довольно мудрено: въ провинціальномъ городѣ врать

ли можно сыскать даму, принадлежащую къ обществу, которая бы рѣшилась быть комической старухой, да и благородные отцы, какъ извѣстно, тоже не большіе охотники до такихъ продѣлокъ и рѣшительно предпочитаютъ преферансъ съ табелькой спеническому искусству.

— Знаете, кого возьмемъ въ отцы? воскликнулъ наконецъ князь, шолкнувъ даже пальцами отъ удовольствія, что вопросъ этотъ рѣшается:—онъ же можетъ быть и резонеромъ! — Котова, товарища предсѣдателя уголовной палаты, вотъ кого возьмемъ.

Баламутова поморщилась.

— Я слышала, что онъ сплетникъ большой, сказала она.

— Ну чтожь, что сплетникъ? велика важность!

— Какъ, велика важность! про него здѣшняя аристократія ужасы говорить! Говорятъ, у него друзья есть писатели, такъ онъ имъ передаетъ всякое происшествіе изъ высшаго круга, а они, вообразите, печатаютъ!

— Такъ здѣсь есть писатели? и печатаютъ? съ необыкновенною живостію спросилъ князь.—Это прекрасно! Вотъ бы адресоваться, чтобы для насъ новенькихъ водевильчиковъ написали.

— Да, это было бы хорошо, возразила Баламутова:—но эти писатели удаляются изъ нашего общества, живутъ, какъ медвѣди, въ своихъ берлогахъ, и знаютъ только съ своимъ кружкомъ. И потомъ Богъ знаетъ, что они за люди? *Sont-ils seulement nobles?*

— Ну вотъ это-то нехорошо! отвѣчалъ князь; а Котова-то все-таки возьмемъ.

— Да онъ такой странный, неуклюжій....

— Э, ничего,—на сценѣ выломается.

— А ужъ если заговорить, то, говорятъ, ничего понять нельзя; какъ сумасшедшій какой! Онъ даже, говорятъ, на какой-то политической экономіи помѣшался. Это мнѣ говорилъ самъ Муходавлевъ; онъ вѣдь, вы знаете, всѣ науки знаетъ.

— На политической экономіи?... прошепталъ князь:—стало этотъ Котовъ, какъ ихъ называютъ, коммунистъ?

— Да, вотъ вы видите! съ торжествующимъ видомъ сказала Баламутова.

— Это ничего, рѣшилъ князь:—когда губернаторъ будетъ съ нами, то уже насъ ни въ чемъ не заподозрять! А безъ Котова нельзя!

Баламутова покорилась необходимости.

— Въ старуки-то кого же? началъ опять неутомимый князь.

— Полициейстерну можно, перѣшительно проговорила Варвара Петровна: она нѣсколько побавлялась крутаго режиссера.

— Нельзя, объявилъ тотъ:—она женщина представительная, ее надо для выходовъ: королеву тамъ какуюнибудь, герцогиню ли отхватать!

— Ну, кого же?

— Вотъ Марью Петровну можно.

— Какъ можно? она обидится! отвѣчала испуганная Варвара Петровна: — она любитъ молодиться.

— Ей-то, такой толстой бабѣ? объявилъ невѣжливый режиссеръ.

Баламутова въ отвѣтъ только пожала плечами.

— Ну, такъ первыя любовницы поочередно будутъ старухами, рѣшилъ князь и началъ прощаться.

— Куда же вы, князь? удерживала его хозяйка.

— Какъ куда? выбрать нѣсы, отвѣчалъ горячій театралъ. А вечеромъ къ вамъ пораньше прїѣду.

— Пожалуйста.

— А ктожъ у насъ будетъ кассой заведывать, деньги выдавать? спросилъ пунктуальный князь, возвращаясь уже отъ двери.

— Расходы мои, отвѣчала Баламутова:—такъ я поручу моему мужу.

— Отлично! воскликнулъ князь:—велите же ему по моимъ запискамъ отпускать деньги.

— О будьте покойны, отвѣчала Баламутова:—безъ разсуждений будетъ платить.

— Вы настоящая аристократка, объявилъ князь:—съ вами впріятно дѣло имѣть!

Баламутова очень мило улыбнулась этому комплименту и, проводивъ князя, отправила сейчасъ же крѣпостнаго курьера съ записками къ участникамъ предполагаемаго спектакля.

Курьеръ отправился уже съ полчаса, какъ Варварѣ Петровнѣ подали слегка надушенную записку, запечатанную облаткой съ вензелемъ подъ короной.

— Отъ кого? спросила она.

— Отъ Александра Павлыча Муходавлева, торжественно объявилъ лакей.

Варвара Петровна поспѣшила распечатать съ легкимъ волненіемъ въ душѣ.

Муходавлевъ писалъ, что онъ съ невыясненнымъ удовольствіемъ принялъ бы участіе въ предполагаемомъ спектаклѣ, но къ несчастію въ Бѣловодскѣ долженъ на дняхъ пріѣхать полковникъ князь Таракановъ и что ему, губернатору, нужно принять *sur les arrérages*; чрезъ двѣ же недѣли долженъ проѣхать генералъ-губернаторъ, и ему рѣшительно не будетъ времени заняться ролями своими. Въ заключеніе Муходавлевъ просилъ позволенія замѣнить себя своимъ родственникомъ Хвинушкинымъ, который будетъ на дняхъ, ибо ему уже послано предписаніе сдать слѣдствіе другому и явиться сейчасъ же въ губернской городъ играть на благородномъ театрѣ. Наконецъ Муходавлевъ просилъ позволить ему быть ежедневно на репетиціяхъ: «такимъ образомъ, прибавлялъ онъ, не играя, я не буду отвлекаться отъ удовольствія быть подлѣ васъ постоянно и восхищаться вашимъ прелестнымъ талантомъ.»

Варвара Петровна, въ первые минуты по прочтеніи письма, чуть было не умерла отъ злости. Она уже хотѣла разстрѣлять, бросить и спектакли и все.... Но черезъ часъ злости начала затупѣть мѣсто спасительному хладнокровному разсужденію и спектакль уцѣлѣлъ, — по той причинѣ, что Баламутова больше-всего боялась, чтобы не сказали въ городѣ, что она не стѣнѣла, не могла устроить затѣянаго. Вторая причина, тоже весьма важная, спасла затѣю Варвары Петровны: она боялась, чтобы ктонибудь не подхватилъ ея мысль и не привелъ въ исполненіе безъ нея.

Вечеромъ, часовъ въ 9, къ Баламутовой съѣхались всѣ, приглашенные участвовать въ спектаклѣ. Изъ пожилыхъ аристократовъ никого не было: имъ дѣлать было бы нечего; даже самъ Баламутовъ, участвовавшій въ труппѣ въ качествѣ кассира, уѣхалъ къ Ивану Михайлычу — покушать и поговорить объ ѣдѣ.

Губернаторъ пріѣхалъ: онъ считался молодымъ человѣкомъ. Баламутова приняла его такъ сухо, такъ неласково, что тотъ почувствовалъ себя въ очень неловкомъ положеніи и отъ души обрадовался, увидя Рыкову, которая выразительно поглядывала на него. Онъ подсѣлъ къ ней и мигомъ избавился отъ неловкости положенія. Баламутова увидѣла это сближеніе и поблѣднѣла отъ злости.

Между тѣмъ князь Чепухинскій, усѣвшись за круглымъ столомъ гостинной, на который навалилъ нѣсколько десятковъ привезенныхъ имъ книгъ, приступилъ къ своему дѣлу.

— Я предлагаю; покуда, сыграть по крайней мѣрѣ пятнадцать спектаклей въ зиму, началъ проповѣдывать князь, наконецъ не довольствовавшийся малымъ.

Всѣ встали противъ него и первая Баламутова: никому не хотѣлось прерывать удовольствіе въ работу.

— Мы вѣдь не настоящія актрисы, чтобы не сходить съ подмостковъ! вскричала Рыкова.

Баламутова никакъ не могла пропустить случая колкнуть свою опасную соперницу и тотчасъ же, по-женски, быстро, перешла на сторону театра.

— Впрочемъ я согласна съ княземъ, объявила она въ отвѣтъ Рыковой:—вѣдь играть мы будемъ въ пользу бѣдныхъ, такъ чѣмъ больше имъ соберемъ денегъ, тѣмъ лучше. Если же кому нибудь не угодно будетъ участвовать въ нѣкоторыхъ спектакляхъ, то мы принуждать не станемъ,—прибавила она съ самой любезной и въ тоже время ядовитой улыбкой, обращаясь къ Рыковой:—вы можете выбрать себѣ *cavalier saillant* и сидѣть съ нимъ, пока мы будемъ заняты дѣломъ.

Рыкова посомѣяла отъ бѣшенства, которое было необходимо поднять; у Мухомалева нижняя губа оттопырилась на вершокъ, всѣ дѣлами переглянулись.

— Ну, князь, начинайте выбирать репертуаръ, сказала Баламутова; почувствовавшая наконецъ неловкость своей выходки.

— Ничего «спектакль первый»,—проговорилъ князь начальническимъ тономъ товарищу предсѣдателя, который протянулъ уже пальцы, вооруженные карандашемъ и украшенные огромнымъ перстнемъ съ красною гербовою печатью.

— Написали? переспросилъ князь.

— Да.

— «Въ людяхъ ангелъ не жена», диктовалъ князь, потирая въ раздумьи лобъ, комедія-водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ.

— Ахъ, Боже мой! что вы, что вы, князь? накинулись на него всѣ присутствующіе:—такая старина! такая пошлость!

— Нѣтъ, выберите модную пьесу, князь, говорила Баламутова.

— Выберите пьесу поживѣй, вотъ хоть «Взаимное обученіе»,—я буду шеею играть, кричала легкомысленная Рыкова.

— Я предлагаю «Предубѣжденіе» Львова,—проповѣдывалъ Котовъ: — я буду играть станового.

Князь Петръ чуть было не оглохъ и принужденъ былъ зажать уши.

Долго продолжались споры, долго раздавались самые разнообразныя, противорѣчащія одно другому мнѣнія, пока наконецъ не склеили кой-какъ перваго представленія. Всѣмъ примадонамъ хотѣлось участвовать въ первомъ спектаклѣ, всѣ онѣ при этомъ требовали самыхъ эффектныхъ ролей, потому сценаріемъ этотъ вышелъ необыкновенно длинный и черезъ туру разнообразенъ. Князь Петръ, приверженецъ старинны, выбралъ для себя водевилъ «А и Ф», Рыкова по легкости нрава и поведенія не требовала водевиля съ переодѣваньемъ, а Баламутова настаивала, во что бы то ни стало, на французскомъ водевилѣ. Но оказалось, что князь Петръ французскаго языка не зналъ и такъ какъ онъ былъ единственный комикъ труппы, то и водевилъ не состоялся. Баламутова рѣшительно стала въ труппѣ русскихъ пьесъ она не знала ни одной, да и играть-то въ русской пьесѣ ей казалось совершенно неприличнымъ, а французскія не шли....

— «Предубѣжденіе» давайте играть, *M-me Balamoutoff*, — ломилъ все свое социальный товарищъ председателя: — надо играть пьесы съ общественнымъ, современнымъ значеніемъ; доказалъ онъ причину своего выбора.

— *Qu'est-ce que se* «Предубѣжденіе»? спросила Баламутова.

— Въ этой пьесѣ генеральская дочка выблается изъ становаго и выходитъ за него.

— *Quelle horreur!* вскрикнула Баламутова, нешутя разбѣшенная: — *quelle horreur!* становой прютавъ женится на генеральской дочери! Это Богъ знаетъ, что такое! *C'est une demoiselle impertinente*, — кричала Варвара Петровна, совершенно покраснѣвъ: — и мнѣ предлагать подобную роль!

Дама была неутѣшна, такъ что Муходавлевъ сжался надъ ней и подѣхалъ съ объясненіями и утѣшеніемъ; но былъ принятъ весьма сурово и возвратился назадъ къ Рыковой.

— Ну, поставимъ «Чинովника», — предложилъ князь Петръ, котораго неудача Котова сдѣлала не много болѣе осторожнымъ; разсердить Баламутову было совсѣмъ не весело.

— Что это такое? начала свой обычный допросъ Варвара Петровна.

— Комедія графа Сологуба, отвѣчалъ князь.

Графа? восклицала Баламутова, *ça doit être très-joli!* Графа сочиненье, *c'est intéressant!* Какую же я буду роль играть?

— Графиня, разумеется! воскликнул князь, обрадовавшийся тому, что наконецъ нашлась пьеса, которая была по вкусу Баламутовой.

— Графиня! радостно воскликнула Варвара Петровна. — *C'est magnifique*, я согласна! Что же это за роль?

Князь Петръ вкратцѣ разсказалъ ей содержаніе роли.

Баламутова задумалась.

— Ахъ, какая прелестная роль! задумчиво проговорила она: — *tout-à-fait comme moi!* Графиня выходитъ за простаго, за Надимова, — я тоже вышла за *Grégoir'a*....

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Баламутовой при горестномъ воспоминаніи о потерѣ княжескаго титула.

Роль графини была ею принята съ восторгомъ, такъ что возбуждала даже зависть остальныхъ дамъ.

Роль Надимова очень хотѣлось взять на себя Котову, но князь Петръ рѣшительно объявилъ ему, что онъ опредѣленъ въ трушу благороднымъ отцомъ или резонеромъ, но что никонимъ образомъ не годится въ любовники. На все согласный Котовъ покорился, и Надимовымъ заочно назначенъ Хлопушкинъ, котораго губернаторъ далъ слово избавить на все время спектаклей отъ всякихъ слѣдствій и порученій.

Одна Тычкина не получила еще главной роли и не очень бы и заботилась объ этомъ: къ чести ея надо сказать, что въ ней не было глухой «анаберни губернскихъ аристократокъ». Но съ другой стороны супругъ ея былъ набитъ гордостью до нелзя и, конечно, узнавъ, что женѣ его не дали главной роли, запрета бы ей играть.... надо было и ей придумать главную роль.

— «Буку» давайте поставимъ! крикнулъ князь, рассчитывавшій на эффектную комическую роль: — а вы, Александра Николаевна «Елагинскую» будете играть! славно отхватаемъ!

Но «Буку» забраковали общимъ голосомъ вслѣдъ за Баламутовой, которая нашла неприличнымъ волокитство старика за кокетливой вдовой.

— Лучше «Буки» не найдете ничего, — возилъ что-ни-бсть князь, стараясь перекрычать всѣхъ гостей, разомъ говорившихъ.

— Мнѣ тоже хочется переодѣваться, какъ и *M-me Рыковой!* вскричала юная и неопытная полковница.

— А когда такъ, такъ играйте «Полковника старыхъ временъ»! Вотъ и переодѣваться будете въ роли полковника, объявилъ князь Петръ, имѣвшій неистощимую память во части театральвой.

— *Quelle idée!* укоризненно проговорила Баламутова, обращаясь къ Тычкиной: — вашъ мужъ не позволитъ вамъ играть «Полковника старыхъ временъ».

— Полковника? возразила наивная Александра Николаевна: — нѣтъ, полковника позволить, онъ самъ полковникъ; вотъ поручика какогонибудь я бы и сама не взяла.

Баламутова презрительно закусила губы.

Однако тѣмъ дѣло и рѣшилось: первый спектакль былъ назначенъ, роли розданы, розданы и книги для списыванія ролей! Первая репетиція назначена черезъ нѣсколько дней и гости разѣхались чрезвычайно довольные судьбой, приведшей въ ихъ городъ такую общественную увеселительницу, какъ Баламутова. Но Варвара Петровна была очень недовольна: она подвѣтила кое-что между Муходавловымъ и Рыковой и выходила изъ себя отъ ревности. Разумѣется, это непріязненное чувство оборвалось на несчастномъ мужѣ.

ГЛАВА V.

— Послушай, Сашетъ, прилично ли, душа моя, чтобы въ моемъ чинѣ жена моя играла на сценѣ, какъ какаянибудь актриса? говорилъ Тычкинъ своей женѣ, въ интимномъ разговорѣ съ нею.

— Да вѣдь это, благородный спектакль въ пользу бѣдныхъ, возразила супруга самымъ мягкимъ и тихимъ тономъ, какой только она могла принять.

— Ну, благородный онъ такъ, или нѣтъ, — все равно; а все-таки прилично ли? настаивалъ Тычкинъ и, сооротивъ серьезную и важную мину, началъ ерошить рѣдкіе остатки сѣдыхъ волосъ съ затылка на лысину и потомъ проговорилъ нѣсколько таинственно: — вѣдь ты, душа моя, полковница, не уронить бы тебѣ себя.

— Да вѣдь это въ пользу бѣдныхъ, заикнулась было полковница.

— Эхъ, матушка, что за бѣдные! чортъ съ ними. Вѣдь ты полковница! перебилъ ее супругъ.

Александра Николаевна ничего не сказала, только надулась и чуть-чуть не заплакала.

Тычкинъ увидѣлъ горестное положеніе супруги и такъ какъ онъ былъ человѣкъ отъ природы очень добрый, да притомъ и самый конфиденціальный разговоръ съ молоденькой и хорошенькой женою располагалъ его къ нѣжнымъ ощущеніямъ, то онъ и ощутилъ какую-то нравственную неловкость, увидя ея горе. Онъ быстро заходя изъ угла въ уголъ, не зная, на что рѣшиться.

— Кто жъ тамъ у васъ играетъ кромѣ тебя? наконецъ спросилъ онъ.

Тычкина назвала всѣхъ участвующихъ.

А-а-а! все аристократія! протянулъ полковникъ, а самъ подумалъ:

— Однако это хорошо, что нѣтъ ни одного инженера!

Тычкинъ терпѣть не могъ инженеровъ и по аналогіи равновѣсить ихъ мундиръ къ женѣ. Ему какъ-то причудилось, что одинъ изъ инженерныхъ офицеровъ не только ухаживаетъ, но даже счастливо ухаживаетъ за его женою; вслѣдствіе того онъ возненавидѣлъ весь корпусъ инженеровъ.

— Ну, въ такомъ обществѣ, я думаю, можно играть и полковницъ, — рѣшилъ онъ наконецъ послѣ нѣкотораго размышленія.

Александра Николаевна просіяла и бросилась цаловать стараго мужа, (это тоже, какъ извѣстно, своего рода подкупъ, со-вращающій человѣка съ пути истиннаго).

— Въ какой же ты пьесѣ будешь играть? допрашивалъ полковникъ, у котораго отъ поцалуевъ вся кровь клынула въ голову.

— Въ «Полковникъ старыхъ временъ»; отвѣчала нѣжная жена.

— А какую роль?

— Самого полковника.

— Полковника? переспросилъ удивленный Тычкинъ: — какъ полковника? Да развѣ встарину бабы были полковниками? — Тычкинъ даже нѣсколько обидѣлся, будучи самъ полковникомъ.

Александра Николаевна поспѣшила его успокоить и рассказала содержаніе своей роли, которую она уже успѣла переписать потихоньку отъ мужа, такъ какъ его разрѣшеніе не было еще получено.

Тычкинъ задумался.

— Полковника!... промолвилъ онъ, ероша затылокъ; полковника-то бы еще ничего..... я самъ полковникъ; да какъ же это передѣваться-то? Видъ это непримично, дуца моя.

— Да отчего же, неприлично? настаивала жена.

— Помилуй, матушка, какъ что? Просто индесантно! Фалды узенькія у старыхъ мундировъ, просто ни на что не похожи!

Полковникъ презрительно пожалъ плечами.

Тычкина увидѣла, что дѣло плохо, и поспѣшила объяснить мужу, что индесантно ничего въ мужскомъ костюмѣ нѣтъ, что сама Рыкова, на что ужь свѣтская, и та будетъ переодеваться, наконецъ успокоила его тѣмъ, что полковникъ въ водевиль не русскій, а французскій, и носить не мундиръ съ узенькими фалдами, а кафтанъ. Тычкину захотѣлось увидѣть свою супругу молодымъ полковникомъ и онъ согласился на то, чтобы она играла эту роль.

— Ну, а эполеты—то тебѣ какіе надо? приставалъ онъ къ ней; — если серебряные, такъ я тебѣ свои дамъ.

Но полковница отказалась отъ серебряныхъ эполетъ и вдругъ задумалась: ей пришла на умъ недостаточность состоянія ея мужа; она вспомнила, что надо будетъ дѣлать слишкомъ большія издержки.

— Чего же ты задумалась, Сашетъ? спросилъ мужъ.

— Я думаю, что эти спектакли слишкомъ дорого намъ обойдутся, а денегъ нѣтъ, — не лучше ли отказаться?

Тычкинъ сначала остолебѣлъ отъ такого неожиданнаго замѣренія супруги, потомъ рассердился.

— Что ты, матушка, съ ума что ли сошла? закричалъ онъ — какъ можно отказываться? весь высшій кругъ играетъ. Какъ можно? Послѣ этого скажутъ, что мы мѣщане, — испугались расходовъ.... Ни, ни, ни! И не думай отказываться!

— А денегъ-то гдѣ взять?

— Достану, матушка, — это не твое дѣло.

— Да вѣдь тебѣ еще нужно тысячу рублей долгу заплатить по твоему заемному письму.

— Подождутъ, — не велики господа!

— Да ты далъ честное слово отдать черезъ недѣлю? дожила своего безтолковаго супруга Александра Николаевна.

— И, полно пожалуйста! вскричалъ Тычкинъ такимъ тономъ, какъ будто бы говорилъ съ ребенкомъ. — Кто же исполняетъ эти честныя слова?

Александра Николаевна въ недоумѣніи посмотрѣла на своего супруга.

— Не думай ни о чемъ, твердилъ Тычкинъ: — достану денегъ.

— У кого? недоумчиво переспросила Александра Николаевна.

— У старика Бѣлоса, хладнокровно отвѣчалъ полковникъ.
— Ты вѣдь тамъ какое-то слѣдствіе надъ нимъ производишь, съ нѣкоторымъ ужасомъ проговорила жена.

— Гм, такъ чтоли? Съ него-то и брать, отвѣчалъ циническій полковникъ.

Полковница замолчала. Такъ почти всегда кончались добрыя разговѣнія этой не совсѣмъ еще испорченной натуры.

Николай Филиппычъ Рыковъ точно такъ же полагалъ, что ему нельзя и не должно, по занимаемому имъ мѣсту, отстаивать отъ другихъ; а такъ какъ служебная дѣятельность была единственнымъ источникомъ дохода Рыкова, то онъ въ одно прекрасное утро послалъ за своимъ чиновникомъ, который былъ секретнымъ агентомъ его и, можетъ быть, одинъ изъ всѣхъ подчиненныхъ, пользовался нѣкоторою снисходительностью, хотя даже эта снисходительность и это довѣріе не спасали клеветачинника отъ дерзкихъ и часто пошлыхъ выходокъ Николая Филиппыча.

Чиновникъ вошелъ въ кабинетъ и низко поклонился. Николай Филиппычъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и, для поддержанія своей предсѣдательской важности, схватилъ и развернулъ кверху ногами лежавшую на его столѣ безъ употребленія книгу, притворившись, что не видитъ и не замѣчаетъ возмезднаго чиновника. Постоявъ минутъ съ десять, чиновникъ, котораго въ палатѣ ожидала куча дѣлъ, осмѣлился кашлянуть для привлеченія на себя начальническаго вниманія. Рыковъ вздрогнулъ, какъ будто бы испугался и, съ негодованіемъ взглянувъ на чиновника, строго спросилъ.

— Что это значитъ? Что вы тутъ дѣлаете, что вамъ нужно?

— Виновать-съ, пробормоталъ чиновникъ, — тамъ въ прихожей какіе-то люди дожидаются, такъ я долагалъ....

— Крестьяне! заговорилъ Рыковъ еще строже. Такъ и нужно беспокоить меня для всякаго? Это вы вѣрно въ своихъ журналахъ вычитываете такія новости?

— Виновать, безъ вины виновать, говорилъ хладнокровно чиновникъ.

— Вы всегда виноваты! кричалъ Рыковъ. Но это мнѣ наконецъ надоѣсть и я васъ выгоню.... Ступайте къ своему дѣлу и оставьте меня въ покоѣ,

Чиновникъ поклонился и медленно пошелъ къ двери.

— Да, я чуть было не забылъ! крикнулъ вслѣдъ ему Николай Филипычъ: — я вѣдь васъ по нужному дѣлу требовалъ.

— Чего изволите-съ? поспѣвши, спросилъ чиновникъ, быстро обернувшись.

— Нынѣшнюю зиму, вы знаете, наше общество, то есть высшее общество, намѣрено сильно веселиться, такъ мнѣ, понимаете, нужно будетъ вдвое больше денегъ, чѣмъ обыкновенно; понимаете?

— Слушаю-съ, бойко отвѣчалъ опытный чиновникъ.

— Такъ я вамъ дамъ какую нибудь командировку, — поѣжайте. Я вамъ дамъ такое предписаніе секретное, которое вы по возвращеніи представите мнѣ обратно. Вы представляйте его только, но, разумѣется, никому въ руки не давайте; понимаете?

— Слушаю-съ.

— Наборомъ можно поугаждать; впрочемъ у меня и безъ того всѣ послушны, нажется.

— По сколько же съ души-съ? таинственно спросилъ посылаемый агентъ.

— Да вѣдь.... у насъ ревизскихъ тысячь полтора ста будетъ.

Управляющій задумался и началъ разсчитывать и смекать въ умѣ, по сколько бы взять съ каждой головы.

— По десяти копѣекъ довольно, я думаю, говорить въ раздумьи Николай Филипычъ: — да, довольно, — по десяти. А то нынче зимою наборъ, такъ все равно....

Чиновникъ на все отвѣчалъ лаконическимъ весьма выразительнымъ «слушаю-съ».

— Ступайте, можете идти, объявилъ наконецъ управляющій, — дожпдайтесь моего предписанія. — Да, смохватился его высокородіе, — что тамъ за люди дожидаются?

— Не могу знать, отвѣчалъ смѣтливый чиновникъ: — я осмѣлился въ квартирѣ вашей ихъ расспрашивать.

Эта боязнь очень понравилась Николаю Филипычу; онъ съ видимымъ удовольствіемъ поправилъ свою Анну на шеѣ и бросилъ на агента взглядъ исполнительный благоволенія.

Послѣ того управляющій принялъ величественно-гордую, но въ тоже время весьма граціозную осанку и пошелъ въ переднюю.

Чиновникъ отправился за нимъ на ципочкахъ.

— Если важное дѣло какое нибудь у нихъ, то, понимаете, совладайтесь съ ними послѣ моего разговора, — говорилъ Рымовъ дорогой слѣдовавшему за нимъ агенту.

— Слушаю-съ, извольте быть совершенно покойны, отвѣчалъ агентъ.

Оставимъ на время сильныхъ міра сего и заглянемъ въ болѣе темный закоулокъ бѣловодскаго общества, ибо, по системѣ обезьянничества, и въ такихъ темныхъ уголкахъ появленіе Баламутовыхъ произвело величайшій эффектъ.

Карлъ Ивановичъ Таубе, смирнѣйшій рыжій нѣмецъ, среднихъ лѣтъ и роста, худой и обросшій какою-то щетиной, которую онъ величалъ пышнымъ именемъ бакенбардъ, былъ бездариѣйшимъ нѣмецкимъ учителемъ мѣстной гимназіи. Сынъ бѣдныхъ и неблагородныхъ родителей-нѣмцевъ, Карлъ Ивановичъ съ малолѣтства привыкъ довольствоваться малымъ и свое жалованье, подкрѣпленное немногочисленными уроками нѣмецкаго языка, считалъ чуть-чуть не ротшильдовскимъ богатствомъ. Счастливо жилъ онъ, не помышляя даже о томъ, что на свѣтѣ можетъ существовать нужда.

Такъ бы и умеръ Карлъ Ивановичъ счастливымъ богачемъ, (ибо богатство, какъ сказалъ одинъ изъ самыхъ глубокомысленныхъ мудрецовъ, состоятъ въ довольствѣ своей судьбой). Но неблагодарная судьба вѣроятно не совсѣмъ была довольна Карломъ Ивановичемъ: она сыграла съ нимъ злую шутку. На тридцать-шестомъ году своего существованія Таубе влюбился въ одну француженку, бывшую гувернанткой или классной дамой въ одномъ изъ домовъ, гдѣ онъ къ несчастію давалъ уроки, а извѣстно, что если рыжій нѣмецъ влюбляется, то онъ вполнѣнну этого не дѣлаетъ никогда, а попросту вторичается по ушамъ, забывая всякую нѣмецкую важность и аккуратность.

Роза Ивановна была прехорошенькая барышня, лѣтъ двадцати двухъ, что называется, *piquante et adasante* до невозможности. За ней было всегда пропасть ухаживающихъ, и все людей съ состояніемъ и свѣтскихъ; но Роза Ивановна умѣла держать ихъ всѣхъ на привязи и въ тоже время въ почтительномъ отдаленіи: она знала прекрасно, что всѣ эти господа имѣютъ на нее самыя не деликатныя виды, а дурной славы Роза Ивановна въ

дѣвицахъ боялась, какъ огня. Она ждала съ нетерпѣніемъ законнаго мужа, — мужъ, извѣстно, все покрываетъ, — и хотѣла она только такого мужа, который бы за счастье считалъ бракъ съ нею. — Судьба, враждебная Карлу Ивановичу, какъ нельзя лучше угодила Розѣ Ивановнѣ: они встрѣтились, и Карлъ Ивановичъ погибъ, какъ неопытный мотылекъ, попавшій на свѣчку, разумѣется, стеариновую: не должно обижать хорошенекихъ женщинъ сальными сравненіями, хотя бы онѣ и стоили ихъ. Мѣсяца черезъ два послѣ ихъ перваго знакомства, они были обвѣнчаны, — и не одинъ, а два раза: лютеранскимъ и католическимъ обрядомъ. Въ день свадьбы Карлъ Ивановичъ былъ въ такомъ восторгѣ, такъ нестерпимо сіялъ, что многія губернскія дамы пожимали плечами и находили, что «это просто ужасъ, какъ неприлично!» Но радость Карла Ивановича была очень непродолжительна; оказалось, что Роза Ивановна вовсе не стояла пылкой, безкорыстной, нѣмецки-честной любви Карла Ивановича.... Но пусть читатель самъ увидитъ ихъ жизнь.

Въ небольшой гостиной маленькаго домика, стоявшаго гдѣ-то въ отдаленной улицѣ Бѣловодска, сидѣла на какой-то вычурной кушеткѣ Роза Ивановна; Карлъ Ивановичъ, скучный, разстроенный, шагаль изъ угла въ уголъ, отчего, по причинѣ маленькихъ размѣровъ комнаты, у него начинала кружиться голова. Гостиная, какъ и вообще вся квартира г-жи Таубе, представляла смѣсь ненужной роскоши съ рѣзкою бѣдностью. При первомъ взглядѣ на эту квартиру безсемейныхъ людей (у Таубе не было дѣтей) было видно ясное доказательство того, что хозяйка не хотѣла или не умѣла приложить своихъ рукъ къ домашнимъ дѣламъ. Ей было все трын-трава! Воротится ли мужъ со службы голодный, усталый, разсерженный мальчишками, — не найдетъ онъ покоя, привѣтливаго ухаживанья за собою любимой жены, для которой онъ переносилъ твердо и терпѣливо всѣ утреннія невзгоды: она отправилась къ великосвѣтской пріятельницѣ, принимающей ее изъ милости, или какъ ширмы своимъ прегрѣшеніямъ, или поскакала къ какойнибудь модисткѣ проматывать послѣднія деньги, выработанныя мужемъ, не довольствуясь подарками разныхъ вздыхателей; а мужъ, голодный и усталый, забыть, — что до него за дѣло: вѣдь онъ мужъ, къ тому же мужъ не аристократъ!

— Какъ вы хотите, Карлъ Ивановичъ, но я хочу непременно быть и на охотѣ Баламутовыхъ, и на ихъ балахъ, словомъ —

участковать во всяких удовольствияхъ, а для этого мнѣ нужны деньги! говорила съ жаромъ Роза Ивановна.

— Ахъ, *mon cher* Rosalie, говорилъ въ отчаяніи Карлъ Ивановичъ, принимая самую жалобную позу; ты знаешь очень хорошо, что я для тебя ничего не пожалѣю, но что же дѣлать, если негдѣ взять!

Роза Ивановна презрительно захохотала.

— Негдѣ взять! воскликнула она:—это очень мало! Вотъ чѣмъ вы платите за то, что я вамъ принесла такую огромную жертву, жизнь свою стубила, выйдя за васъ замужъ! Вы вѣрно не помните, какъ вы мнѣ клялись, бывши женихомъ, что всякій капризъ мой будетъ вами исполненъ безъ отговорокъ.

Смирный отъ природы Карлъ Ивановичъ только вздохнулъ, потупивъ голову, и промолчалъ.

— Ну, хорошо, сказала Роза Ивановна съ хладнокровною, рассчитанною злостью, — хорошо, если вы такъ же жадны и скупы, какъ и пусты, то я найду сама себѣ денегъ безъ вашей помощи.

Карлъ Ивановичъ нагнувшись и поднявъ на жену свои оловянные глаза, въ которыхъ заискрилось что-то похожее на энергію.

— Гдѣ? спросилъ онъ у нея, почти задыхаясь.

— У Музедзлеса возьму, хладнокровно объявила жена.

Несчастный Карлъ Ивановичъ вѣсело блѣдный, какъ полагно.

— Не срамите меня! вскрикнулъ онъ громовымъ голосомъ, въ мараи моего честнаго имени! я запрещаю вамъ это!

— Вы мнѣ запрещаете? насмѣшливо отвѣчала Роза Ивановна и замѣлась смѣхомъ.

На пѣвецъ расхрабрися не на шутку.

— Да, я, вашъ мужъ, запрещаю вамъ не только видѣться, даже и говорить съ этимъ....

Карлъ Ивановичъ не договорилъ, самъ струенивъ того, что хотѣлъ сказать. У бѣднаго учителя морозъ пробѣжалъ по жиламъ.

Роза Ивановна, сначала пораженная необыкновенною выходкою своего смирнаго супруга, сейчасъ же оправилась и замѣтила, что она самъ же исполнела своихъ словъ: побѣда ея была рѣшена.

— А, такъ вы такъ-то, закричала она ему: — вы вздумали ругать начальника губерніи! Хорошо, я ему это скажу, а вы знаете, что онъ не позволитъ всякой дряни забываться.

Карлъ Ивановичъ, окончательно опечаленный тяжестью своей вины, бросился просить прощенія у жены... Вечеромъ, по настоянію Розы Ивановны, отправился онъ къ нѣмцу-пріятелю, человѣку денежному, и опираясь на свое честное слово отдать деньги въ извѣстный срокъ, взялъ у него тысячу рублей серебромъ, какъ требовала Роза Ивановна: нѣмецъ-капиталистъ зналъ, что до сихъ поръ на слова Таубе можно полагаться болѣе, чѣмъ на иной вексель.

Роза Ивановна, возманившая мужа между двумя огнями и принудившая его такимъ образомъ до стать ей денегъ, была очень довольна и своею судьбой и поведеніемъ мужа, но все-таки дала себѣ слово, не упустить воспользоваться кой-чѣмъ и отъ молодого губернатора: извѣстно, чѣмъ больше денегъ, тѣмъ лучше.

Такой переворотъ въ семейныхъ дѣлахъ бѣднаго нѣмца-учителя произвело появленіе Баламутовъ!

Возвращенъ теперь на другой конецъ губернской общественной лѣстницы, на людей-богачей съ десятками тысячъ годового дохода.

Въ самомъ центрѣ города занималъ огромный каменный, разубѣлся, желтый домъ Иванъ Михайлычъ, губернской аристократъ и гастрономъ. Жена его была молодая женщина стариннаго, но разорившагося рода. Ей было двадцать восемь лѣтъ, она была неглуха отъ природы, вышла отъ природы не и душу, и сердце, — не жизнь съ такимъ гениальнымъ на оборотство челоуѣкомъ, какъ Иванъ Михайлычъ, убивала въ ней всѣ дары природы. Анна Николаевна сначала боролась съ мужемъ, съ его амбіціями, съ самою собою, но въ восемь лѣтъ замужества она утомилась, начала уступать и, махнувъ рукой на всѣ продолжки супруга, впадала въ какую-то мертвящую апатію. Но пренебрегая только, возмущенная въ глубинѣ души не слишкомъ разбранившимъ на моральнымъ ощущеніи супругомъ, она вдругъ выныривала опять и опять принималась за снотую борьбу съ своимъ мужемъ и опять скоро замѣчала, что была лбомъ въ деревянную стѣну. Супругъ же ея только объѣдался, да металъ достоинствъ своихъ четверыхъ дѣтей.

Мы застаемъ Анну Николаевну именно въ одну изъ такихъ минутъ, когда материнское чувство возбуждало въ ней умиротворяющую энергію и она становилась противъ желаній мужа.

Годъ былъ изуродованный, доходы весьма плохи, и на зиму Иванъ Михайлычъ получилъ денегъ меньше, чѣмъ бы ему было нужно. Прямые—ссоры-не ссоры, а такъ въ родѣ того—между нимъ и женою былъ слѣдующій: Аннѣ Николаевнѣ хотѣлось, во что бы то ни стало, выписать изъ-за границы гувернера и гувернантку изъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было уже семь лѣтъ; Иванъ Михайлычъ наотказывался дать на эти деньги ииръ на весь мѣръ.

— Какъ же можно, *chère amie*, мнѣ, предводителю, не дать обѣде, унизиться передъ всѣмъ обществомъ? я вѣдь не кто другой....

Анна Николаевна начала сердиться.

— Можно и должно не давать обѣдовъ, когда эти деньги назначены для воспитанія дѣтей, горячо заговорила она.

— Да что за нустакъ, *та chère*, это воспитаніе? возразилъ мужъ: — еще успѣють воспитаться.

И больно, и горько стало Аннѣ Николаевнѣ.

— Дѣлай, что хочешь, объявила она своему безтолковому супругу, — деньги твои, но меня, на твоимъ мѣстѣ, совѣсть бы мучала, если-бы я проѣла деньги, необходимыя для дѣтей.

— И, душа моя, что за громкія фразы? возразилъ тотъ:—для дѣтей ничего не нужно: сыты, обуты, одѣты, пофранцузски поворотать,—чего же имъ больше? А вотъ, если я уроню свое достоинство, если я, предводитель, буду скупиться, какъ какойнибудь плѣбей, такъ вотъ уже тогда навѣрно меня будетъ совѣсть мучить.

Наступило молчаніе довольно тяжелое для обоихъ супруговъ.

— Впрочемъ тебѣ достанетъ на все денегъ, начала опять Анна Николаевна;—дай мнѣ двѣ тысячи рублей серебромъ, а остальные трати, куда тебѣ угодно.

Иванъ Михайлычъ вскочилъ съ своего мѣста.

— Помилуй, душа моя, ты сама не знаешь, что ты говоришь! вскрикнулъ онъ; — мнѣ прислали всего шесть тысячъ цѣлковыхъ и до весны денегъ не будетъ!

— Что же? отвѣчала Анна Николаевна, — давай дѣлиться: мнѣ дай двѣ, себѣ оставь четыре тысячи.

— Невозможно! отвѣчалъ Иванъ Михайлычъ такимъ тономъ, какъ будто бы отказывалъ ребенку, просящему дать ему съ неба луну: — никакъ невозможно! Посуди сама: мнѣ надо непременно дать шесть обѣдовъ, по одному въ двѣ недѣли....

— Зачѣмъ же такъ много? съ поминкою горестно перебила его жена.

— Зачѣмъ, зачѣмъ! У Баламутовыхъ будетъ каждый день недели парадный обѣдъ, онъ самъ мнѣ говорилъ.

Анна Николаевна тяжело вздохнула.

— Ну, такъ шесть обѣдовъ, потому два бала, да каждую неделю дни! продолжалъ пересчитывать по пальцамъ Иванъ Михайлычъ.

— Да тебѣ, другъ мой, мало будетъ и шести тысячъ! съ ужасомъ проговорила Анна Николаевна.

Иванъ Михайлычъ задумался и уставилъ глаза въ полъ.

Но недолго длилось его размышленіе: вдохновеніе остигло его голову съ англійскимъ пробормотомъ.

— Ну, чтожъ? Недостанетъ — я самъ знаю! Займу! объявилъ онъ.

— Займешь? отвѣчала ему жена: — а отдавать вѣдь надо.

— Ну, чтожъ? какая ты, право, *ma sotte*, безпониная! Я перезаложу Ивановку, пояснилъ супругъ.

— Последнее явленіе! вскрикнула Анна Николаевна и залилась слезами.

Иванъ Михайлычъ не понималъ, да и не могъ понять причины этихъ слезъ, и бросился наловать жену и уговаривать ее не плакать. Анна Николаевна была неутѣшна: мысль о дѣтяхъ, которыхъ разорялъ отецъ, не давала ей ни минуты отдыха. Тогда Иванъ Михайлычъ, видя безуспѣшность своихъ ухаживаній, свалилъ все на слабые нервы жены и поѣхалъ занимать деньги съ обязательствомъ возратить ихъ сейчасъ же послѣ перезалога имѣнія. Истатъ онъ заѣхалъ и къ предсѣдателю гражданской палаты, попросить его выдать ему поскорѣ свидѣтельство на перезалогъ несчастной Ивановки.

Въ то же время, какъ Иванъ Михайлычъ такъ упорно и такъ нерасчетливо началъ противодействовать благоразумнымъ желаніямъ своей несчастной жены, Муходавлевъ, прогнавъ отъ себя за недосугомъ какого-то секретаря съ докладомъ и подписавъ на-скоро всѣ подложенныя бумаги, ходилъ нахмурился изъ угла въ уголокъ по своему кабинету.

Вопросъ, предстоявшій ему къ разрѣшенію, былъ дѣйствительно чрезвычайно важенъ: уступать ему, первому лицу въ гу-

бернін, первое мѣсто въ роскоши и слѣдовательно въ уваженіи общества, — Баламутовымъ, или не уступить, и если не уступить, то гдѣ достать на это средствъ?

— Хорошо, подумалъ онъ, хорошо еще, что я не жепать: съ женою было бы вдесятеро больше расходовъ.

Послѣ долгаго размышленія Муходавлевъ, не выдумавъ ровпо ничего для поправленія своихъ горестныхъ обстоятельствъ, послалъ за своимъ правителемъ канцеляріи, считавшимся первымъ на выдумки между всѣмъ чиновнымъ племенемъ губерніи.

Правитель канцеляріи, господинъ приличной наружности и среднихъ лѣтъ, былъ то, что называютъ расторопнымъ чиновникомъ, то есть, вели начальство въ огонь или въ воду. — въ огонь и въ воду полѣзеть; вели начальство отписаться отъ вышшаго начальства — напишетъ такое донесеніе, что высшее начальство во вѣки вѣковъ не разберетъ, кто правъ, кто виноватъ; словомъ, правитель былъ дѣлецъ въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Правитель канцеляріи давно уже стоялъ у притолки пачальническаго кабинета, заложивъ руки назадъ, и покашливалъ изрѣдка для того, чтобы побудить начальство сказать что нибудь, а Муходавлевъ, по молодости лѣтъ и неопытности, никакъ не рѣшался заговорить о предметѣ, его интересующемъ.

— Ну-съ, что у насъ новенькаго, рѣшился онъ наконецъ начать издалика: — все ли у насъ благополучно?

— Слава Богу, ваше превосходительство, все обстоитъ благополучно.

— Гм, хорошо, — премошвилъ Муходавлевъ, не выслушавъ даже отвѣта правителя.

Наступило опять тяжелое для начальника молчаніе; правитель канцеляріи носматривалъ на него довольно насмѣшливо; взглядъ его какъ будто говорилъ: «что, попался, голубчикъ?»

— Ну-съ, началъ опять Муходавлевъ, послѣ вѣкотораго молчанія: — у меня есть дѣло до васъ....

— Что угодно будетъ приказать, — объявилъ, низко кланяясь, правитель.

— Вотъ въ чемъ дѣло! — Муходавлевъ началъ приискивать выраженія.

Правитель канцеляріи состроилъ самую виновную рожу и во всѣ глаза смотрѣлъ на свое начальство.

— Это дѣло, такъ сказать, не служебное, продолжалъ Муходавлевъ: — это, такъ сказать, въ личное для меня одолженіе.

Правитель канцеляріи сразу понялъ, въ чемъ дѣло, чего нужно его начальнику, но притихъ и притворился.

Муходавлевъ опять помолчалъ и наконецъ рѣшился приступить къ самому дѣлу, но опять-таки издали.

— Здѣсь много жидовъ? началъ онъ.

— Одиннадцать тысячъ триста двадцать четыре души мужескаго пола, отвѣчалъ скороговоркой правитель канцеляріи, не краснѣя.

— Гм! это хорошо, отозвался Муходавлевъ, — народъ трудолюбивый.

— Мошенники-съ, замѣтилъ правитель.

— Да, это правда, отвѣчалъ разсѣянно Муходавлевъ: — и богатые между ними есть?

— О, сколько угодно, ваше превосходительство: — всѣ богаты, доложилъ правитель.

— Послушайте, какъ бы вы.... Муходавлевъ снизошелъ до того, что взялъ правителя канцеляріи за руку; — какъ бы вы.... поговорили....

— Кому-съ, ваше превосходительство?

— Жидамъ-то богатымъ.... Муходавлевъ заикнулся.

Правитель притворился опять непонимающимъ.

— Объ чемъ-съ?

— Да объ деньгахъ! съ сердцемъ вскричалъ Муходавлевъ, негодуя на недогадливость своего чиновника: — мнѣ, понимаете ли, мнѣ теперь очень нужны деньги.

Правитель усталъ глаза въ полъ.

— Вы понимаете, *mon cher*, началъ оправдываться Муходавлевъ: — я бы никогда не прибѣгнулъ къ такимъ мѣрамъ, но согласитесь, мнѣ нельзя отстать отъ порядочныхъ людей! Ну опять *madame* Рыкова, *madame* Баламутова.... такія милыя дамы, — согласитесь, мнѣ нельзя; нужны необходимо деньги.

— Не знаю, какъ-съ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ хитрый правитель: — жида даромъ не дадутъ-съ....

— Помилуйте, кто-же говорить даромъ, воскликнулъ Муходавлевъ: — я какіе угодно проценты дамъ.

— Опять — они безъ залога не дадутъ!

— Да я имъ заложу имѣніе, землю, что хотять, торопливо вскрикнулъ Муходавлевъ. — Даже больше того: я кромѣ того

могу для нихъ дѣлать все, что имъ нужно въ присутственныхъ мѣстахъ, — тамъ торги, подряды какіе нибудь.

— А, такъ ты такой-то! подумалъ правитель, недавно еще бывшій на своемъ мѣстѣ и неуспѣвшій еще, что называется, вполне раскусить своего начальника.

— Да помилуйте, ваше превосходительство, началъ свой чиновничій приступ хитрый правитель канцеляріи: — вѣдь это будетъ чрезвычайно невыгодно для васъ.

— А чтожь дѣлать? возразилъ Муходавлевъ, съ сердцемъ махнувъ рукою: — безъ денегъ будетъ еще невыгоднѣе: наше высшее общество на это чрезвычайно взыскательно.

— Помилуйте, продолжалъ правитель тѣмъ же жалобнымъ тономъ: — я, по долгу моему, никакъ не могу посовѣтовать вамъ этой сдѣлки-съ, тѣмъ болѣе, что жида народъ, извѣстно, болтливый, — мигомъ разблаговѣстятъ по всей губерніи.

— Боже сохрани! вскрикнулъ Муходавлевъ: — я никакой гласности не хочу.

— Съ жидами, ваше превосходительство, отъ этого уберечься нельзя; впрочемъ какъ вамъ будетъ угодно, — я ихъ давно знаю-съ.

Муходавлевъ задумался.

— Что же дѣлать? что же дѣлать? повторялъ онъ, — въ самомъ дѣлѣ не зная, что дѣлать.

Правителю только этого и хотѣлось.

— По истинной преданности моей къ вашему превосходительству, началъ онъ: — я осмѣлился бы посовѣтовать вамъ....

— Что такое, что такое? быстро перебилъ его Муходавлевъ: — говорите, Бога ради говорите, я на все согласенъ.

— Для чего вашему превосходительству связываться съ жидами, которые васъ надуютъ, продадутъ, да наконецъ и раславятъ во всѣхъ концахъ? Я полагаю, это дѣло можно обдѣлать такъ, что все будетъ шито и крыто.

— Говорите пожалуйста поскорѣе; я буду вамъ весьма обязанъ.

— Извольте взять у откупщика, объявилъ нѣсколько перфшительно правитель.

— Что вы! что вы! какъ можно! вскричалъ губернаторъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, что жъ тутъ такое? Все равно, у кого ни брать деньги, а тутъ по крайней мѣрѣ изволите взять безъ залоговъ, безъ процентовъ, да и огласки никакой не будетъ.

— Да все-таки....

— Какъ угодно вашему превосходительству, хладнокровно возразилъ правитель канцеляріи.

— Да нельзя ли какъ нибудь иначе?

— Иначе нельзя, ваше превосходительство, рѣзко отвѣчалъ правитель: — да и что это васъ такъ беспокоитъ? Съ откупщиковъ всѣ берутъ взятки-съ, а вѣдь это не взятка, а займы-съ. Да онъ ни процентовъ, ни залогу не возьметъ-съ, а денегъ дастъ, сколько вамъ угодно.

— Да вѣдь за это онъ захочетъ, чтобы я что нибудь для него сдѣлалъ.... проговорилъ нерѣшительно Муходавлевъ и самъ покраснѣлъ.

— И, помяните, ваше превосходительство, за что же-съ? за что тутъ что нибудь дѣлать? Вѣдь больше ничего — займы-съ!

— Да, конечно, — займы, это дѣло другое: я согласенъ, вскричалъ Муходавлевъ, утѣшая себя, какъ ребенокъ. — Такъ съѣздите же къ нему.

— Сію секунду, отвѣчалъ правитель: — сколько же вамъ угодно получить?

— Тысячъ шесть серебромъ, на годъ.

Правитель ускскалъ къ откупщику.

Муходавлева нѣсколько мучила совѣсть, какъ онъ ее ни успокоивалъ разными софизмами; наконецъ совѣсть эта съ непривычки начала такъ мучить его, что онъ былъ готовъ послать воротить; но не удалось совѣсти одержать такой побѣды. Муходавлевъ получилъ двѣ записки и обѣ, разумеется, французскія. «Мы всѣ, здѣшнія дамы, писала Баламутова, намѣрены пріѣхать къ вамъ когда нибудь вечеромъ, *pour faire honneur à votre logis de garçon*; пріѣзжайте сегодня ко мнѣ, — мы потолкуемъ съ вами объ этомъ».

— А денегъ нѣтъ ни копѣйки! горестно подумалъ онъ.

«*Cher monsieur*, писала г-жа Таубе, — что же вы меня забыли? Я горю нетерпѣніемъ васъ видѣть: *j'ai beaucoup de choses à vous dire!* Пріѣзжайте сегодня въ 10-ть часовъ вечера и — главное — привозите браслетъ, который вы мнѣ обѣщали; *recevoir quelque chose de votre part est un bonheur pour votre toute dévouée....*»

— А денегъ ни копѣйки, подумалъ еще горестнѣе Александръ Павлычъ.

Въ эту минуту вошелъ правитель канцеляріи; Муходавлевъ встрѣтилъ его, какъ спасителя.

— Ну, что? нетерпѣливо крикнулъ онъ.

Правитель сост, онъ плачевную мину.

— Откупщикъ говорить, что онъ денегъ взаймы не даетъ, а такъ, безвозвратно, если угодно вашему превосходительству....

— Какъ можно, какой стыдъ! вскрикнулъ Муходавлевъ, покраснѣвъ, какъ макъ цвѣтъ.

Правитель пожалъ плечами и подумалъ.

— Экъ его, дубинноголовый закон!

— Да чтожъ тутъ, ваше превосходительство, продолжалъ онъ вслухъ: — нашъ откупщикъ че совѣкъ хорошій, а вамъ же лучше: не возвращать денегъ. — Онъ даетъ не шесть, а десять тысячъ, ваше превосходительство, и деньги сейчасъ, договорилъ правитель, немного помолчалъ.

— Десять? разсѣянно сказалъ Муходавлевъ, озираясь по всѣмъ сторонамъ. Взглядъ его упалъ на полученные записки и рѣшилъ все: ложный стыдъ заставилъ замолчать совѣсть, досихъ поръ чистую въ этомъ отношеніи, хотя и весьма шаткую.

— Да вѣдь, можетъ быть, откупщикъ захочетъ, чтобы я сдѣлалъ какую нибудь несправедливость для него? проговорилъ, въ видѣ послѣдней оговорки, губернаторъ.

— Помилюйте, ваше превосходительство, развѣ я это допущу когда нибудь! возразилъ правитель съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства: — вы позволите обижать меня....

— Э нѣтъ, нѣтъ, извините, — я такъ.... проговорилъ сконфузившійся Александръ Павлычъ.

— Такъ, какъ же, ваше превосходительство? спросилъ правитель: — пора, онъ дожидается.

— Побѣждайте, рѣшилъ Муходавлевъ, въ умѣ котораго мелькнули всѣ губернскіе снобсы обоихъ половъ: — побѣждайте и кланяйтесь ему, отъ меня, скажите, что я никогда не забуду этой услуги.

Черезъ часъ получилъ онъ отъ откупщика десять тысячъ рублей и рассыпался въ благодарностяхъ передъ тѣмъ, кого до сихъ поръ считалъ мошенникомъ.

Еще одной ступенью ниже спустился по нравственной лѣстницѣ Муходавлевъ, рожденный честнымъ, хоть и пустымъ человѣкомъ: прежде драхъ носа передъ всѣмъ, что не аристократично, хоть и даровито и трудолюбиво; затѣмъ эротическія шалости, наконецъ теперь подарки отъ откупщиковъ; а тутъ уже оставался одинъ шагъ и до взяточничества....

ГЛАВА VI.

Между тѣмъ какъ Александръ Павлычъ Муходавлевъ хлопоталъ о томъ, чтобы поддержать свое достоинство предъ губернской аристократіей, ему явился опасный соперникъ въ лицѣ князя Тараканова.

Князь Павелъ Петровичъ Таракановъ, во время своего пріѣзда въ Бѣловодскъ, былъ мужчиною лѣтъ тридцати-пяти, маленькаго роста, который онъ нѣсколько прибавлялъ неестественной величины каблуками, чернявый, плюгавый, «ногтемъ придавить», по народному русскому выраженію....

Характеры, подобные князю Тараканову, вы встрѣчали очень часто, читатель: пороха не выдумаетъ, но натертъ и свѣтски образованъ; на словахъ честенъ и благороденъ, даже иногда чуть не плачетъ весьма граціозно, когда «о честности высокой говорить», а на дѣлѣ готовъ обмануть и ограбить брата роднаго, когда приходится дѣлить съ нимъ какое нибудь наслѣдство; въ жизни никогда ничѣмъ путнымъ и серьезнымъ не занимался, а говорить обо всемъ мастеръ, — конечно въ гостиной, а не въ кабинетѣ; говорить на четырехъ живыхъ языкахъ, хотя ни объ ихъ грамматикѣ, ни о литературѣ и не слыхивалъ, — наконецъ очень, очень знатенъ.

Какъ же могъ онъ выскочить въ люди? Очень просто: отецъ его въ старину служилъ и былъ дѣйствительно не только полезный, но даже историческій человѣкъ; за подвиги отца князь Таракановъ былъ награжденъ, да и пошелъ себѣ своей дорогой! «Не въ войнѣ, а въ мирѣ бралъ лбомъ», путешествовалъ, шаркалъ, танцевалъ, имѣлъ серьезное отвращеніе отъ пороха и штыка, которые вывели въ люди его отца, никогда никакихъ порученій внутри Россіи не имѣлъ и къ тридцати-пяти годамъ оказался полковникомъ, однимъ изъ лучшихъ польковъ Россіи, и въ долгу, какъ въ шелку.

Пріѣхавъ въ Бѣловодскъ на первое довольно трудное порученіе, князь Павелъ Петровичъ сейчасъ же потребовалъ къ себѣ представителя и начальника мѣстной регулярной военной силы, полковника Голубева. Не то, чтобы ему полковникъ былъ дѣйствительно нуженъ, нѣтъ! а такъ — чтобы на первыхъ же порахъ показать простымъ смертнымъ: «вотъ-де я какой! полковниковъ

требую къ себѣ по службѣ!» Иванъ Ивановичъ Голубевъ, какъ старый служака, знавшій очень коротко слѣтковъ подобныхъ князю Тарakanову, явился къ его сіятельству въ самой полной формѣ, какую только онъ имѣлъ, даже усы нафабрилъ такъ, что они дыбили и стоялись, какъ хорошо накрахмаленная юбка.

— Имѣю честь представиться вашему сіятельству, командиръ бѣловодскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, арміи полковникъ и кавалеръ Голубевъ, ловко отрапортовалъ Иванъ Ивановичъ, вытянувшись въ струнку.

Такой маневръ чрезвычайно понравился князю, который любилъ пользоваться почестями, ему непринадлежащими; но не смотря на смиреніе Голубева, онъ не сошелъ съ своего начальническаго пьедестала.

— А, пробормоталъ онъ сначала довольно невнятно: — очень хорошо! Что, у васъ все въ порядкѣ?

— Вѣреннѣйшій мнѣ батальонъ и принадлежащія къ оному инвалидныя команды обстоятъ благополучно, ваше сіятельство! продолжалъ полковникъ тѣмъ же фельдфебельскимъ тономъ.

— Посмотримъ, посмотримъ, объявилъ было князь Таракановъ.

Но это «посмотримъ» отнюдь не аранжировало Ивана Ивановича, и потому онъ поспѣшилъ принять свои мѣры.

— Ординарцы и вѣстовые отъ вѣреннаго мнѣ батальона ожидаютъ счастья представиться вашему сіятельству, еще ловче и еще болѣе впопадъ отрапортовалъ Иванъ Ивановичъ.

Князь Павелъ Петровичъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія.

Вошли ординарцы и вѣстовые и продѣлали всѣ свои формальности, при чемъ нѣсколько попортили сапогами полы квартиры, отведенной его сіятельству.

Князь Таракановъ былъ въ восторгѣ и даже далъ солдатамъ на водку двадцать пять рублей серебромъ.

Когда ординарцы убрались, то князь снизошелъ до того, что пожалъ руку полковника Голубева, благодаря его за исправность батальона.

— Благодарю, благодарю! говорилъ онъ самымъ любезнымъ, хотя въ тоже время начальническимъ тономъ: — вашъ батальонъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ; я непременно доложу объ этомъ, кому слѣдуетъ! Отличный порядокъ, дисциплина прекрасная, я вамъ очень благодаренъ!

— Садитесь, садитесь, пожалуйста, продолжайте князь Таракановъ своему собесѣднику въ принадлежнѣ снисхожденія: — садитесь; не хотите ли сигару?

Полковникъ Голубевъ, послѣ долгихъ отказовъ, сѣлъ наконецъ на самый кончикъ стула, а отъ сигары окончательно отказался.

Такое утонченное обращеніе окончательно расположило князя Тараканова въ пользу гарнизоннаго командира и князь, котораго давно уже подмывало любопытство, рѣшился вступить съ нимъ въ полукороткій разговоръ.

Иванъ Ивановичъ сразу пронохалъ и опредѣлилъ со всевозможною точностью личность, съ которою судьба его столкнула въ самыхъ живыхъ его интересахъ — въ рекрутскомъ наборѣ.

— Ну-съ, какъ вы здѣсь поживаете? Хорошъ ли городъ? началъ спрашивать князь.

Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ на манеръ Сквозника-Дмухановскаго, что, дескать, городъ такъ себѣ, хорошій; но что такому просвѣщенному гостю мало Парижа и Петербурга, и такъ далѣе.

У князя сперлось дыханіе отъ удовольствія, доставленнаго ему этимъ комплиментомъ.

— Да, это правда; въ провинціи такая тоска, что ужасъ! отвѣчалъ князь: — но все-таки есть города, которые, такъ сказать, располагаютъ къ себѣ патріархальностью, радушіемъ, преданностью....

Его сіятельство зарапортовался.

— А есть здѣсь порядочныя женщины? круто перемѣнилъ онъ свою рацею, обращаясь къ давно-интересовавшему его предмету.

Полковникъ Голубевъ принялъ таинственно-умильный видъ, даже наклонилъ голову на бокъ и перечелъ всѣ бѣловодскія знаменитости женскаго пола, а кстати разсказалъ и о проэктированныхъ къ приѣзду князя удовольствіяхъ....

— А, Баламутова здѣсь! Я ее знаю очень коротко! Мнѣ непременно надо къ ней заѣхать.

— Онѣ давно уже ждутъ съ нетерпѣніемъ ваше сіятельство, объявилъ Иванъ Ивановичъ.

— Ждетъ! вскрикнулъ князь, вскакивая съ мѣста, — я сейчасъ же долженъ ѣхать.

Голубевъ поднялся съ мѣста.

— А, прощайте, прощайте, полковникъ, торопливо заговорилъ князь Таракановъ, внутренно благодаря догадливаго гарнизоннаго полковника за его отъѣздъ во время.

— Вѣдомости еще надо подписать вашему сіятельству, приступилъ Иванъ Ивановичъ въ самую критическую минуту.

— Какія вѣдомости?

— Относительно принятыхъ до сихъ поръ рекрутъ, которые выступаютъ сего числа. Можетъ быть, вашему сіятельству угодно будетъ ихъ осмотрѣть? продолжалъ Голубевъ ровнымъ и самымъ почтительнымъ тономъ.

— Когда же они выступаютъ? спросилъ князь, у котораго въ душѣ шевельнулось что-то похожее на сознаніе долга.

— Сію минуту, ваше сіятельство, объявилъ Голубевъ, очень нелюбившій подобныхъ проявленій сознанія долга.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, какъ же быть? торопливо говорилъ князь, — мнѣ некогда! Я впрочемъ на васъ надѣюсь: вѣрно тамъ все въ порядкѣ! Мнѣ необходимо къ губернатору, къ Баламутовымъ....

— Будьте покойны, ваше сіятельство, успокоивалъ его Голубевъ, подкладывая ему подъ носъ вѣдомости: — я остановлю рекрутъ; послѣ извольте посмотрѣть, а теперь извольте только эти бумаги подписать: ихъ чрезъ часъ надо отправлять на почту-сь.

Князь подписалъ не смотря.

— Черезъ часъ я буду смотрѣть партію, крикнулъ онъ вслѣдъ торопливо удалявшемуся Голубеву.

— Ну, братъ, теперь смотри-не-смотри: вѣдомости подписалъ! подумалъ тотъ, надѣвая калоши и шинель и преворно убираясь домой.

Проводивъ Голубева, князь Таракановъ забылъ и о подписанныхъ вѣдомостяхъ тому, чего онъ никогда не видалъ, и объ рекрутахъ, и ушелъ передъ зеркаломъ заниматься своей наружностью, че латься, мазаться и притвраться. Ровно черезъ часъ онъ въ парадной формѣ входилъ въ кабинетъ Муходавлева, который выбѣжалъ ему на встрѣчу.

— Ахъ, *cher prince*, какъ я радъ, что судьба привела васъ въ наше захолустье, вскричалъ губернаторъ, любезно протягивая руку князю. — Что новаго въ Петербургѣ? — Надо замѣтить, что Муходавлевъ нѣсколько опровинціался въ Бѣловодскѣ и даже получилъ нѣкоторую патріархальность въ обращеніи.

Князь отвѣчалъ очень уклончиво и, припавъ серьезный, оффиціальнѣйшій тонъ, заговорилъ о наборѣ и своемъ порученіи.

Муходавлевъ оттопырилъ нижнюю губу: ему ужасно не понравилась манера князя Тараканова; однако, чтобы не уронить своего достоинства и показать гостю, что и онъ дѣловой человѣкъ, Александръ Павлычъ сейчасъ же понизилъ тонъ и заговорилъ о разныхъ служебныхъ оффиціальностяхъ.

— Вы спрашиваете, князь, каковы здѣсь чиновники, которые участвуютъ въ производствѣ набора? заговорилъ онъ очень серьезно.

— Да, вы понимаете, что мнѣ, какъ присланному наблюдать за производствомъ набора, необходимо знать характеръ и способности моихъ новыхъ сослуживцевъ.

— Я долженъ вамъ сказать, князь, что я до сихъ поръ совершенно доволенъ всѣми старшими губернскими чиновниками, продолжалъ губернаторъ: — это все люди порядочные, дѣльные и главное — весьма хорошихъ фамилій: это, понимаете, главное, *un homme bien* не будетъ всегда высокъ и благороденъ. Это не то что какой нибудь *bourgeois-gentilhomme* или подъячій!

Князь совершенно согласился съ мнѣніемъ губернатора.

— Особенно рекомендую вамъ, князь, *Mr Рыкова*, — говорилъ губернаторъ, не могшій «не порадовать родному человѣчку». Это человѣкъ истинно порядочный! Вотъ вы увидите, въ какой дисциплинѣ, въ какомъ порядкѣ онъ держитъ свое вѣдомство! А главное — у него открытый домъ, *une femme charmante*, договорилъ Муходавлевъ, который никакъ не могъ долго устоять на служебномъ разговорѣ.

Князь Таракановъ, какъ мы уже замѣтили, самъ былъ не большой ходокъ по этой части, а потому и онъ не утерпѣлъ и съ радостью схватился за разговоръ о дамахъ, интересный болѣе всякихъ служебныхъ переговоровъ.

Оба пріятеля, бросивъ въ сторону свое взаимное обморочиванье служебною дѣятельностію и ревностію къ пользѣ отечества, обратились къ предмету, равно интересовавшему ихъ обоихъ.

— А здѣсь, говорятъ, много порядочныхъ женщинъ? заговорилъ князь Таракановъ.

— О, вы не можете себѣ представить, какое здѣсь милое, прекрасное общество! отвѣчалъ восторженнымъ голосомъ юный губернаторъ.

— Разумѣется, я говорю о высшемъ кружкѣ, — добавилъ онъ, испугавшись слишкомъ общей похвалы, сдѣланной имъ.

— Говорять, Баламутова здѣсь, отвѣчалъ князь, такъ я не удивляюсь, что здѣсь весело: она очень милая женщина.

— О, конечно, перебилъ его Муходавлевъ;—но не одна она: здѣсь есть домовъ десять, въ которыхъ вы найдете истинно милыхъ и любезныхъ женщинъ: Рыкова, Баламутова, Безсудная, да мало ли! Вѣдь вы знаете, князь, что я вездѣ бывалъ, жила въ первыхъ городахъ Европы и всегда въ лучшихъ обществахъ, но по совѣсти вамъ говорю, что здѣшнее высшее общество не уступить никому изъ тѣхъ, которыя я видѣлъ.

Князь вытаращилъ глаза отъ удивленія: онъ отчасти не вѣрилъ губернатору.

— А что же, *ces dames sont-elles aimables?* спросилъ онъ.

— Еще бы! вы не можете себѣ представить, какъ онѣ всѣ любезны! Я скажу вамъ откровенно, я всегда былъ дамскимъ любимцемъ и по этой части дѣйствительно избалованъ; но я за счастье почту, если кто нибудь *de ces belles dames* обратитъ на меня свое вниманіе.

— А, такъ вотъ какъ, возразилъ князь, начинавшій нѣсколько завидовать Муходавлеву: *vous me faites venir l'eau à la bouche!* и князь едва сидѣлъ на креслѣ отъ нетерпѣнія видѣть такіа чуда въ провинціальномъ захолустьѣ.

— Я, сказать правду, очень счастливъ съ женщинами, болталъ Муходавлевъ, — даже черезчуръ счастливъ! Я очень радъ, что вы пріѣхали, князь, продолжалъ онъ: — а то мнѣ уже было тяжело ухаживать за всѣми одному.

И гость и хозяинъ засмѣялись.

— Право, вы меня такъ заинтересовали своимъ мастерскимъ описаніемъ вашего общества, что я съ нетерпѣніемъ жду случая познакомиться съ нимъ, проговорилъ любезный князь.

— За чѣмъ же дѣло стало? возразилъ губернаторъ, если хотите, такъ я сейчасъ же васъ познакомлю со всѣми.

— Я и то хотѣлъ ѣхать къ Баламутовой: она моя петербургская знакомая.

— Ну, такъ и поѣдемъ сейчасъ же къ Баламутовой, а оттуда кстати и къ другимъ: къ Рыковой, къ Безсудной, — заговорилъ быстрый на исполненіе своихъ преднамѣреній губернаторъ.

— Да ловко ли мнѣ, въ моемъ званіи, первому ѣхать къ нимъ? спросилъ князь.

— Э, ничего! это все люди *de la haute volée*—объявилъ губернаторъ; къ тому же они всѣ теперь по своимъ палатамъ сидятъ и выйдетъ, что мы будемъ у однѣхъ дамъ.

Князь начиналъ соглашаться, незамѣчая, что Муходавлевъ съ нимъ немного хитритъ, хотя и совершенно певнино: Таракановъ съ перваго разу хотѣлъ себя поставить въ отношеніе официальнаго и моральнаго равенства съ губернаторомъ; этотъ замѣтилъ такое оскорбительное для своей чести памѣреніе и рѣшилъ потащить князя сейчасъ же съ визитами къ губернскимъ властямъ, чтобы показать ему разницу, бывшую между нимъ самимъ и полковникомъ.

— Да, вѣдь я не знаю, какъ мнѣ ѣхать? воскликнулъ князь, вспомнивъ что-то такое.

— А что?

— Мнѣ нужно осмотрѣть партію рекрутъ: меня ожидаютъ уже два часа.

— *Eh, mon cher prince!* какъ это вы еще не привыкли къ службѣ? укоризненно и съ нѣкоторой ироніей возразилъ Муходавлевъ. — Ну, что же за важность, *que ses gens* прождутъ лишній часъ или два? Это еще лучше: вѣдь эти люди соразмѣряютъ важность и силу начальника по тому, сколько времени они его ждутъ, dokonчили свой служебный урокъ Муходавлевъ.

Князь стоялъ въ раздумьи: онъ видалъ въ Петербургѣ другое, видалъ, какъ недослагаемо-сильныя лица не заставляли себя ждать простыхъ солдатъ!

— Должно быть въ провинціи совсѣмъ другое, подумалъ князь.

— Да и здѣшній военный начальникъ, полковникъ Голубевъ, очень дѣльный и хорошій человекъ, продолжалъ Александръ Павлычъ, имѣвшій слабость считать хорошими людьми всѣхъ сильныхъ положеніемъ и должностію лицъ, считая за то мелкихъ чиновниковъ непремѣнно мошенниками:—я вамъ рекомендую его, князь: можете вполнѣ на него положиться, добавилъ онъ для вящаго убѣжденія своего пріятеля.

Князь уже брался за каску, а губернаторъ за шляпу, какъ вошедшій дежурный чиновникъ доложилъ Муходавлеву, что его ожидаются трое секретарей съ бумагами.

— Пусть подождутъ, гордо приказалъ Муходавлевъ: — мнѣ некогда;—велите намъ коляску подавать: я приѣду черезъ часъ.

Чинovníкъ побѣжалъ исполнять приказаніе.

Князь Таракановъ возымѣлъ самое лестное мнѣніе о силѣ Александра Павлыча и о дисциплинѣ, введенной имъ въ губерніи, и разсудилъ, что если начальникъ губерніи такъ безцеремонно заставляетъ ждать секретарей, то отчего же ему, князю Тараканову, не заставить подождать себя сотни двѣ рекрутъ и гарнизоннаго прапорщика, командующаго ими?

Пріятели прошли черезъ залу, гдѣ припали поклоненіе ожившихъ доклада секретарей, и поѣхали себѣ съ визитами. Секретари усмѣхнулись слегка взадъ уѣзжавшему губернатору, понюхали табакъ, махнули рукой и поспѣшили опять въ храмы Оемиды разныхъ вѣдомствъ.

Правду или пѣтъ говорилъ Муходавлевъ, что ему подошла роль единственнаго деревенскаго пѣтуха и что ему хочетъ я имѣть по этой части виць-волокиту, какъ по управленію губерніею имѣлъ онъ виць-губернатора, но надо сказать, что Таракановъ по этому предмету оказался докой, не хуже самого Муходавлева, и этотъ послѣдній скоро началъ недружелюбно поглядывать на успѣхи полковника, имъ самымъ введеннаго въ кружокъ, гдѣ онъ царствовалъ до сихъ поръ одинъ, неограниченно и безраздѣльно. Въ дамскомъ обществѣ образовалось раздѣленіе на двѣ великія партіи, въ родѣ торн и виговъ. Консерватистки конечно остались на сторонѣ порядка вещей, сдѣлавшагося уже старымъ, то-есть на сторонѣ Муходавлева; радикальныя же барыни, нововводительницы, увлеклись новизною личности и мундира князя Тараканова и избрали его повелителемъ своихъ сердецъ. Были наконецъ и такія слабохарактерныя дамы, которыя никакъ не могли стать подъ одно чье нибудь знамя, а видяли, по волѣ случая, направо и налево. Но объ такихъ среднихъ, безразличныхъ личностяхъ не стоитъ и говорить; онѣ пользовались общимъ презрѣніемъ обѣихъ великихъ партій. Но страннѣе всего то, что всѣ почти бывшія обожательницы Муходавлева, увидя обворожительнаго Тараканова, сразу бросили перваго, уступая мѣстоновымъ дамамъ, которыя прежде не смѣли и подумать о великолѣпномъ губернаторѣ, а теперь влюблялись въ него на очинченныхъ вакансіяхъ. Это обстоятельство—любовь дамъ нѣскольکو пизшаго разряда,—страшно бѣсило Муходавлева и водворило въ его сердцѣ ненависть къ узурпатору Тараканову, несмотря на то, что польза службы требовала бы ихъ единодушнаго, дружнаго дѣйствія противъ необходимо существующаго зла.

Одна только прежняя аристократическая партизанка губернатора не послѣдовала за новымъ свѣтиломъ, осталась вѣрною прежнему — это была Анна Ивановна Рыкова. Даже болѣе: прежде эта женщина только кокетничала съ Муходавлевымъ, скажемъ наконецъ правду, — вела съ нимъ нѣсколько неблаго-родную служебно-дипломатическую интригу; теперь же привязалась къ нему и даже полюбила его, неизвѣстно надолго ли, но чистосердечно. Виною этой реакціи въ чувствахъ Рыковой былъ никто другой, какъ ея собственный мужъ.

Съ перваго свиданія своего съ княземъ Таракановымъ Рыковъ началъ дѣйствовать на жену и по своему деспотическому праву скоро объявилъ ей, что онъ требуетъ отъ ней повторенія съ княземъ продѣлокъ ея съ губернаторомъ. Незвѣстно, проснувшаяся ли на время совѣсть, или просто женскій капризъ, вѣрнѣе послѣднее, заставилъ Рыкову неблагоклонно посмотреть на черненькую тенденцію супруга, хотя прежде она смотрѣла на подобныя же требованія его совѣмъ другими глазами. Зная авѣрскій деспотизмъ мужа, она начала хитрить, — выполнять его волю по наружности и въ тоже время всячески отталкивать отъ себя князя. Николай Филиппычъ взялъ было такую же методу, несродную его характеру — сталъ хитрить: замѣтивъ, что его жена все ближе и ближе сходится съ Муходавлевымъ, онъ, начитавшись какого-то мудраго французскаго романа, началъ разоблачать при ней слабости Александра Павлыча. Но принялся онъ за это дѣло не такъ, какъ бы слѣдовало, ибо его непокорному и грубому характеру мягкая, вкрадчивая хитрость была несродна, и жена скоро замѣтила его намѣренія; наконецъ, по неумѣнью наблюдать и ловко подмѣчать людскіе недостатки, онъ нападалъ въ молодомъ губернаторѣ не на то, на что бы слѣдовало, чтобъ сдѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ женщины, преслѣдовалъ напимѣръ его служебные недостатки, до которыхъ Анна Ивановна дѣла не было, — однимъ словомъ онъ достигъ совѣмъ не того, чего ему хотѣлось. Рыкова поняла сраму, что мужу ея хочется, во что бы то ни стало, отнять у ней Муходавлева, — понятно, что ей во что бы то ни стало захотѣлось его удержать. Весьма скоро дѣло дошло до того, что Александръ Павлычъ сдѣлался дорогъ молодой, пылкой женщиной и она, не видя его смѣшныхъ и дурныхъ сторонъ, не шутя влюбилась въ него. Николай Филиппычъ сейчасъ же замѣтилъ эту неутѣшительную перемѣну въ своей супругѣ и, избѣсивъ

шись, положилъ силой сломить это, невыносимое для его гордости, непріятное для его расчетовъ, чувство. Мы застаемъ его въ ту минуту, когда онъ, привязавшись къ какому-то пустому случаю, дерзко напалъ на любовь своей жены къ молодому губернатору.

— Я вамъ говорю, сударыня, что ваше поведеніе мнѣ совсемъ не нравится! кричалъ красный отъ гнѣва Николай Филиппычъ, ходя скорыми шагами по мягкимъ коврамъ будуара своей супруги.

— Я васъ не понимаю, съ притворнымъ хладнокровіемъ отвѣчала Анна Иваповна, которая всегда прибѣгала къ хитрости для усмиренія своего супруга.

— Вы не понимаете меня? саркастически замѣтилъ управляющій;—давно ли?

— Съ нѣкотораго времени я рѣшительно перестала понимать, чего вы отъ меня требуете, возразила супруга.

— А, такъ ты не понимаешь, что я хочу и требую, чтобы ты была любезна съ этимъ княземъ Таракановымъ? кричалъ вышедшій изъ себя супругъ:—ты не понимаешь, что отъ этого моя выгода зависитъ? Странно, какъ ты сдѣлалась непонятлива!

Анна Ивановна ничего не отвѣчала, только слегка усмѣхнулась и пожала плечами. Это движеніе окончательно взбѣсило ее супруга.

— Я понимаю, что это значитъ, заоралъ онъ громовымъ голосомъ: — это все штуки Муходавлева, который за тобою открыто ухаживаетъ. Ты влюблена въ него, ты хочешь срамить меня! Но ты меня знаешь, — я или разобью васъ обоихъ въдребезги, или заставлю тебя слушаться....

Но Анна Ивановна не хотѣла уступить. Произошла тяжелая супружеская сцена, кончившаяся обморокомъ жены. А Николай Филиппычъ поѣхалъ на вечеръ къ губернатору, съ которымъ былъ повидимому въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

ГЛАВА VII.

Подумавъ нѣсколько времени, отрезвившись отъ обуявшей его ярости, Николай Филиппычъ сообразилъ, что губернаторъ ему необходимъ такъ же, какъ и князь Таракановъ. Въ видѣ сдѣланныхъ соображеній онъ рѣшился оставить отношенія жены къ

Муходавлеву въ томъ видѣ, въ какомъ они были, и только наблюдать за ними, чтобы жена въ самомъ дѣлѣ не употребила какого нибудь оскорбительнаго для его чести мнѣнія. Князя же Тараканова, который былъ уже оттолкунутъ отъ Анны Ивановны ея искуснымъ обращеніемъ съ нимъ, падо было свести съ другой женщиной, которую бы легко было держать въ рукахъ. Николай Филиппычъ скоро прискалъ такую женщину, и на другой же день послѣ страшной сцены своей съ женой отправился вечеромъ къ госпожѣ Таубе, у которой онъ до тѣхъ поръ ни разу не былъ.

Хитрая француженка съ перваго взгляда на входившаго управляющаго прекрасно поняла, что у него есть къ ней важная просьба, несмотря на то, что Рыковъ приплъ на себя самую беззаботную фізіономію и, какъ казалось, рѣшился хитрить до *non plus ultra* для обезпеченія себѣ выгоды условій.

Николай Филиппычъ пріѣхалъ въ самую пору: во-первыхъ Таубе не было дома, иначе онъ весьма недружелюбно посмотрѣлъ бы на нежданный визитъ управляющаго; во-вторыхъ Роза Ивановна скучала безъ дѣла и сильныхъ ощущеній, — Муходавлевъ послѣ того вечера какъ привезъ ей просимый браслетъ, не былъ у ней и, казалось, окончательно забылъ ее для другихъ.

— Я давно хотѣлъ быть у васъ, *ma belle dame*, началъ Рыковъ оправдывать свое совершенно-несвоевременное появленіе въ гостинной г-жи Таубе: — давно хотѣлъ, но служба, занятія, *vous comprenez*, — оставляютъ мнѣ слишкомъ мало времени.... Рыковъ занкнулся, почувствовавъ острый, пронизательный взглядъ учительши, обращенный на него.

Наступило молчаніе, весьма невыгодное для пышнаго управляющаго; Роза Ивановна продолжала его разсматривать весьма пристально. Рыковъ, несмотря на свою гордость, на власть и важность, совершенно сконфузился.

— У васъ есть вѣроятно до меня какое нибудь важное дѣло? прямо начала свой допросъ смѣтливая Роза Ивановна, видѣвшая, что при смущеніи гостя ей необходимо самой приступить прямо къ дѣлу.

Какъ будто какая-нибудь гора свалилась съ плечъ Николая Филиппыча, который главнымъ образомъ сатруднился въ томъ, какъ ему начать разговоръ. Теперь онъ увидѣлъ, что онъ поте-

рѣлъ уже всѣ шансы, что хитрить ему больше нечего, и потому рѣшился дѣйствовать прямо.

— Да, есть дѣло, и очень важное, отвѣчалъ онъ.

— Что такое? говорите прямо, безъ хитростей и безъ замѣшательства: *je suis une femme à vous comprendre*, объявила Роза Ивановна.

— Вы знаете, *chère madame* Таубе, что теперь начался наборъ и пріѣхалъ князь Таракановъ.... началъ управляющій.

— Знаю, отвѣчала учительша, — знаю также, что вамъ необходимо имѣть его въ рукахъ.

— Именно, именно, *madame* Таубе! воскликнулъ Николай Филипычъ, весьма благодарный хозяйкѣ за то, что она сократила ему половину пути: — я удивляюсь вашей провицательности, добавилъ онъ въ видѣ любезности.

— Удивительно мудро догадаться, улыбаясь замѣтила Роза Ивановна: — вы за тѣмъ ко мнѣ и пріѣхали, чтобы просить моей помощи.

Рыковъ окончательно спасовалъ передъ такой дальновидностью и вытаращилъ глаза отъ удивленія.

— Что вы на меня такъ смотрите? продолжала г-жа Таубе, любившая идти прямо къ цѣли: — вамъ необходимо для вашихъ служебныхъ расчетовъ имѣть въ рукахъ и губернатора, и князя; губернаторъ уже привязанъ, остается привязать князя, — не такъ ли?

— Такъ, молвилъ оторопѣвшій управляющій: онъ приготовился вести переговоры съ Розой Ивановной дипломатическимъ путемъ и окончательно потерялся, когда она разбила въ пухъ его дипломатическія намѣренія.

— Вѣрно особа, которая придерживаетъ Муходавлева, не хочетъ отъ него отказаться, такъ вы и пріѣхали ко мнѣ, — продолжала мучить своего собесѣдника Роза Ивановна.

Николай Филипычъ вспыхнулъ.

— Оставьте это, съ сердцемъ проговорилъ онъ, — это до васъ не касается....

— Ну, такъ оставимъ, хладнокровно отвѣчала г-жа Таубе; — сколько же вы мнѣ дадите, чтобы я дѣйствовала въ вашу пользу? прямо и совершенно спокойно спросила хитрая бѣловодская гетера.

— Рыковъ, несмотря на всю свою привычку къ дѣламъ такого рода, никакъ не рѣшился прямого вопроса о деньгахъ и заикаясь пробормоталъ:

— Я васъ не понимаю.... Это такое дѣло.... Князь Таракаповъ очень богатый человѣкъ.

Роза Ивановна засмѣялась.

— Послушайте, *cher monsieur*, сказала она: — вы лучше, чѣмъ кто нибудь, знаете, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ ничего даромъ ни кому не дѣлается; вамъ я нужна — вы и платите! очень естественно, кажется!

— Но, *ma belle dame*, — князь Таракаповъ.... опять попробовалъ было заговорить управляющій.

— Э, не беспокойтесь пожалуйста объ этомъ князь, — съ сердцемъ перебила его Роза Ивановна: — онъ тоже заплатитъ, — я очень люблю деньги.

Николай Филипычъ увидалъ, что тутъ разсуждать больше нечего и скрѣпя сердце началъ разговоръ объ субсидіяхъ своей союзницѣ.

Долго длились переговоры, Рыковъ жестоко спорилъ за каждый рубль, Роза Ивановна не уступала ни шагу и наконецъ поставила на своемъ. За то, чтобы во все время пребыванія въ Бѣловодскѣ полковника держать его въ рукахъ, г-жа Таубе выговорила три тысячи рублей серебромъ.

Рыковъ, кончивъ сдѣлку, всталъ красный, какъ анненская лента, бывшая у него на шеѣ, и подумалъ невольно.

— Ну, козырь-баба, нечего сказать!

А Роза Ивановна подозрительно смотрѣла ему въ глаза и, какъ кажется, хотѣла влѣзть ему въ душу, чтобы разобрать, не слишкомъ ли дешево она съ него взяла.

— Теперь, душа моя, надо намъ условиться, какъ дѣйствовать, — началъ Рыковъ, измѣняя почтительный тонъ на фамильярный: дѣйствительно, церемониться было нечего.

— Давайте задатокъ, объявила напрямикъ Роза Ивановна: — а платить будете помѣсячно.

И этой выходки не ожидалъ глубокомысленный сердцевѣдецъ Николай Филипычъ; но видя бесполезность всякихъ споровъ и удивленій, машинально полѣзъ въ карманъ за бумажникомъ. Роза Ивановна протянула руку.

— Сколько же? лаконически спросилъ управляющій.

— Пять сотъ, еще короче отвѣтила барыня.

Нечего было дѣлать, Николай Филипычъ расплатился; собесѣдница его взяла деньги, тщательно ихъ перечела и завила въ новый платокъ.

Рыковъ только посматривалъ да удивлялся.

— Тепе; такъ, объявила Роза Ивановна, окончивъ все свои притетовленія:—пу-сть, давайте говорить обѣ дѣла. Ваша жена, я слышала, больна?

Рыковъ сначала нѣсколько смѣшался, однако отвѣчалъ утвердительно.

Роза Ивановна задумалась.

— Это скверно, медленно проговорила она: — Муходавлевъ будетъ мнѣ мѣшать, пояснила она, не стѣсняясь присутствіемъ мужа Анны Ивановны.

Николай Филиппычъ обидѣлся и хотѣлъ—было показать это своей сообщницѣ, но вспомнилъ о започенныхъ деньгахъ и, подумавъ, что съ жепщиною, подобною Розѣ Ивановнѣ, сдѣлать ничего нельзя и тронуть ее морально невозможно, успокоился и еще внимательнѣе началъ слушать г-жу Таубе.

— Знаете, что? продолжала она въ раздумьи:—падо бы, чтобы Муходавлевъ во время болѣзни вашей жены ухаживалъ за Баламутовой, а то, пожалуй, она долго проболѣетъ и онъ будетъ приставать ко мнѣ.

— Да какъ же мнѣ это сдѣлать? скрѣпя сердце спросилъ Николай Филиппычъ, рѣшившійся ничѣмъ не обижаться.

— Ахъ, Боже мой, вы ничего не понимаете! вспылчиво вскрикнула Роза Ивановна:—натурально, надо, чтобы Баламутова съ нимъ пококетничала,—онъ сейчасъ же прибѣжитъ къ ней.

— Да, это правда, прибѣжить, рѣшилъ управляющій, прекрасно знавшій Муходавлева: — да какъ же сдѣлать, чтобы она сейчасъ же кокетничала-то съ нимъ? Вѣдь она чай тоже ударилась за новенькихъ.

Роза Ивановна опять призадумалась.

— Здѣсь надо употребить такого человѣка, который бы любилъ виѣшиваться въ чужія дѣла непрощенный, чтобы при случаѣ можно было выкрутиться, если что откроется, и свалить все на него.

Рыковъ не зналъ уже, какъ и удивляться мудрости своей новой сообщницы.

— Вотъ, чего лучше! вскричала Роза Ивановна: — Иванъ Михайлычъ именно такой человѣкъ, какого нужно: и глупъ, и лгуны, и болтунъ.

— Конечно дакъ, подтвердилъ Рыковъ:—да что же дѣлать-то съ нимъ?

— Поѣзжайте сейчасъ же къ нему, какъ будто на вечеръ, и проговоритесь печально, что Муходавлевъ безъ ума влюбленъ въ Баламутову; пожалуй скажите, что ваша жена оттого и занемогла.

Николая Филиппыча немного покорибило, когда его сообщница упомянула объ Аннѣ Ивановнѣ, однако, поразмысливъ, онъ убѣдился, что планъ Розы Ивановны былъ недуренъ, и потому безпрекословно взялся его исполнить, замѣтивъ только, что Иванъ Михайлычъ пожалуй ему не повѣритъ, зная отношенія его жены къ губернатору.

— Пустяки! рѣшила Роза Ивановна: — онъ всему повѣритъ, а если и не повѣритъ, все равно будетъ болтать; онъ непременно сейчасъ же передастъ это Баламутовой, а она начнетъ ухаживать за Муходавлевымъ, когда начнутся эти увеселенія, охота, балы, спектакли, — и я ручаюсь за свой успѣхъ.

Николай Филиппычъ въ припадкѣ особенной радости поцеловалъ ручку хорошенькой Розы Ивановны и отправился по ея назначенію. Проводивъ его, Роза Ивановна опять перечла полученныя ею деньги и начала раздумывать, сколько бы ей вытянуть у князя за то, что она предала его въ руки Николая Филиппыча.

Переговоривъ съ Иваномъ Михайлычемъ, Рыковъ поѣхалъ домой, очень довольный собой, и всю дорогу былъ въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа, какъ Чтиковъ, купившій мертвыхъ душъ. Дома онъ нашелъ жену все еще очень больную, пошелъ къ ней и даже снисходилъ до того, что ласково поговорилъ съ ней, какъ будто ничего между ними не бывало. Бѣдная женщина, которую уже мучила совѣсть за то, что она слишкомъ энергически высказалась, запыкала отъ внезапной переменѣ обращенія съ нею, виновной женой такого неукротимаго мужа, какъ Николай Филиппычъ. Она долго и горячо плакала и ей стало легче; но тѣмъ не менѣе, несмотря на слезы, ей и въ голову не приходила мысль отказаться отъ своей любви.

Едва пережилъ длинную зимнюю ночь Иванъ Михайлычъ, никакъ не могшій утерпѣть, чтобы поскорѣе не передать Баламутовой извѣстіе, доставленное ему Рыковымъ о Муходавлевѣ: Иванъ Михайлычъ очень любилъ разыгрывать важную роль въ аристократическомъ муравейникѣ города Бѣловодска и считалъ за личное себѣ оскорбленіе, если кто прежде его сообщалъ по принадлежности какую нибудь сплетню или:

новость. Въ этомъ же случаѣ дѣло касалось предмета особенно важнаго: Иванъ Михайлычъ могъ сдѣлаться посредникомъ въ интригѣ между первыми лицами въ Бѣловодскѣ. Можетъ ли быть что нибудь почтѣе и лестнѣе такого посредничества въ губернскомъ городѣ?

Наконецъ пришло визитное время и Иванъ Михайлычъ поскакалъ на кровныхъ жеребцахъ къ предмету своихъ дипломатическихкихъ дѣлей. Варвара Петровна довольно сурово выслушала его объясненія, отзывавшіяся нѣкоторымъ нахальствомъ, и скоро умѣла выпроводить отъ себя непрешеннаго гостя. Но, разсудивши хладнокровнѣе, она рѣшила, что такъ какъ Иванъ Михайлычъ очень глухъ, то слѣдовательно выдумать отъ себя ничего не можетъ, а навѣрно Муходавлевъ въ привадѣ откровенности, какъ извѣстно, всегда неразлучной съ истинною любовью; высказавъ ему свои чувства. Вслѣдъ за такою увѣренностію въ Варварѣ Петровнѣ родилось чувство состраданія къ Муходавлеву, а вслѣдъ за тѣмъ ревность подсказала ей опасеніе, чтобы кто нибудь, а воюго болѣе Рыкова, не задумала отбить его въ свое нераздѣльное владѣніе. Она рѣшила принять свои мѣры, чтобы не выпустить изъ своихъ рукъ Муходавлева, вѣтренность котораго давно уже вошла въ пословицу.

На успѣха Варвара Петровна рѣшить этотъ казусный вопросъ, какъ несчастная звѣзда Александра Павлыча привела его въ гостиную Баламутовой.

Нельзя выразить словами той поспѣшности, съ какою Баламутова крикнула докладывавшему о пріѣздѣ губернатора лакею, не простое, а фамусовское «преси»; нетерпѣніе ея простерлось до того, что она, позабывъ всю свою важность первой дамы въ городѣ, выбѣжала на встрѣчу дорогому гостю въ самую залу.

Гости даже нѣсколько сконфузила такая особая внимательность, которой онъ никакъ не ожидалъ.

— А, Александръ Павлычъ, какъ васъ давно не было видно! вскрикнула Баламутова, радушно подавая бѣленькую ручку очаровательному Муходавлеву: — вы вѣрно влюбились и скрываетесь отъ свѣта.

Муходавлевъ, который дѣйствительно сидѣлъ дня два дома, по причинѣ насморка, хотѣлъ было высказать своей собесѣдницѣ настоящую причину своего аскетизма; но насморкъ совсѣмъ непривлекательная и неинтересная болѣзнь и потому онъ рѣшилъ свалить свое затворничество на службу и дѣла.

Варваръ Петровнѣ, неизвѣстно почему, стало очень жаль молодого человѣка, жертвующаго для пользы службы своими самыми святыми чувствами. На нее нашелъ *такой чувствительный стихъ*. Она склонила голову на бокъ, приняла сентиментально-грустное выраженіе лица (она знала, что это выраженіе къ ней очень идетъ) и проговорила вполголоса, значительно поглядывая на своего собесѣдника:

— Вы не повѣрите, какъ я глубоко понимаю ваше положеніе! Я не хотѣла бы быть на вашемъ мѣстѣ: жить весь вѣкъ для другихъ, а не для себя — это ужасно!

Варвара Петровна граціозно закрыла глаза рукой, губернаторъ наострилъ уши и разинулъ ротъ, однако скоро оправился и съ разу попалъ въ тонъ Баламутовой.

— Это правда, *madame Balamoutoff*, горячо проговорилъ онъ:— моя жизнь посвящена отечеству! Вы не повѣрите, чего мнѣ стоитъ часто служба! А для чего я тружусь? Такъ! единственно изъ сознанія долга!

— Эти скучныя бумаги, *c'est affreux!* продолжала въ томъ же тонѣ хозяйка.

— Бумаги *pas encore!* отвѣчалъ губернаторъ:— но эти чиновники, эти квартальные, это ужасъ! *ils sont tellement impertinents!*

Онъ съ омерзѣніемъ пожалъ плечами; Баламутова пришла въ совершенное отчаяніе.

У Муходавлева глаза все больше и больше расширились, а вѣсть съ тѣмъ лучъ истины все болѣе и болѣе освѣщала его голову, наполненную самыми важными планами государственныхъ преобразованій: онъ скоро понялъ тенденціи Баламутовой, различилъ всѣ ея маневры и—погибъ!

Часа черезъ два послѣ самаго дружественнаго разговора съ Баламутовой, Муходавлевъ нѣсколько поохладѣлъ и вспомнилъ о Рыковой. Онъ наскоро распростился съ хозяйкой и полетѣлъ домой. Но скоро у него прошло всякое сожалѣніе и даже воспоминаніе о бѣдной женщинѣ, которая до сихъ поръ занимала его и наконецъ теперь истинно полюбила.

Варвара Петровна съ своей стороны была совершенно счастлива и уже окончательно забыла о невѣрномъ князѣ Тарахановѣ: любовь Муходавлева, оказалось, могла вознаградить ее съ избыткомъ за эту незначительную потерю.

Счастіе улыбалось Николаю Филиппичу Рыкову: половина дѣла, и притомъ самая трудная, была сдѣлана; въ усиѣхъ

самой легкой половины, то есть въ соединеніи князя съ г-жею Таубе, не было никакого сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что она уже видѣлась и познакомилась съ нимъ покороче и что первыя атаки ея на него были весьма успѣшны. Послѣ-завтра начинался рекрутскій наборъ—верхъ благополучія для Николая Филиппыча, завтра была назначена ожидаемая съ нетерпѣніемъ охота Баламутовыхъ, которая должна была окончательно завлечь князя Тараканова въ руки его хорошенькой противницы—все это до такой степени радовало Николая Филиппыча, что онъ былъ особенно вѣжливъ и внимателенъ съ своими подчиненными; подчиненные сильно струсили такого внезапнаго затишья и ждали еще худшей бури.

Роза Ивановна купила себѣ шегольскую верховую лошадь и цѣлую недѣлю по цѣлымъ днямъ проводила время съ берейторомъ мѣстной команды.

ГЛАВА VIII.

Съ ранняго утра вожделѣннаго дня, избраннаго Баламутовыми для придуманной ими охоты въ городскомъ саду, въ г. Бѣловодскѣ обнаружилось неестественное волненіе, которое даже какъ-то очень не шло къ мирной однообразной физиономіи этого «нарочито-невеликаго города.» Несмотря на то, что день былъ не праздничный, изъ всѣхъ улицъ вытолзали и стремились по направленію къ казенному саду тысячи гражданъ и гражданокъ въ самыхъ праздничныхъ костюмахъ; туда же плелись и православные мужички, чтобы поглазѣть на то, какъ веселятся люди; наконецъ, подобравши фалды ободранныхъ халатовъ и распустивъ по вѣтру выбивавшіеся изъ-подъ экскентричныхъ шапокъ жалкіе остатки пейсиковъ, бѣжали во всю прыть жидки и жидовки съ апельсинами, виноградомъ и прочими сластями и безъ всякихъ сластей, привлекаемые надеждою на пожизну и отъ торговли, и отъ тороватости богатыхъ «ухъ какихъ богатыхъ» пановъ, какъ называло жидовское племя Баламутовыхъ: по городу какимъ-то черезъ-чуръ услужливымъ агентомъ Баламутовыхъ былъ распушенъ слухъ, что народъ, собравшійся поглазѣть на увеселенія господъ, будутъ одѣвать деньгами.

Полиція съ своей стороны не глѣзала и, принявъ во вниманіе значительное скопленіе народа, командировала къ казенному саду своихъ служителей....

Стремилась къ саду и бѣловодскіе чиновники всѣхъ вѣдомствъ, одѣтые, — кто въ форменное пальто съ самыми ефѣтнымъ золотыми пуговицами, кто, — помоложе, — въ пальто штатскаго покроя и самаго вычурнаго фасона, кто, — поболѣзненнѣе, — въ шинель съ теплымъ воротничкомъ; а тузы чиновничьяго цѣха напялили на плечи елоты и все это поколѣніе, взявъ подъ руки женъ и дочерей и пустивъ передъ собою тучу сыновей-гимназистовъ; пошло по самому непріятному для ходьбы песчаному грунту, въ которомъ вязла нога по самыя колѣни, все пошло къ саду, съ твердую увѣренностію, что откроются имъ двери казеннаго рая со всѣми приготовляющимися въ немъ удовольствіями. Но жестоко ошиблись всѣ: и жидаы, и чиновники, и чиновницы!

Черный народъ, прибѣжавшій на мѣсто конечно гораздо ранѣе господъ чиновниковъ, давно уже толпился у воротъ сада и глазѣлъ на полицейскихъ церберовъ, которые, ошетиня усы и засучивъ кулаки, давали весьма сильный физическій отпоръ неотбойнымъ посѣтителямъ. Народъ начиналъ шумѣть и волноваться, полицейскіе, въ особенности такъ называемые, — *жакалы*, употребили въ дѣло тоненькія палочки... Народъ, поглощая усы и бороды и перебранившись съ строгими охранителями безопасности въ саду, отступать все дальше и дальше, прямо на корзины и лотки промышленнаго племени нарандлава, которое и здѣсь уже успѣло завести свою торговлю и одно потерпѣло отъ неудовольствій черни: народъ распорядился обокрасть подшумокъ жидаевъ, которые и подняли вслѣдствіе того беззаконія страшнѣйшій вопль.

Чиновники, состоявшие подлѣ особымъ покровительствомъ своихъ кокардъ и форменныхъ одѣваній, никакъ не предполагали, чтобы и ихъ постигла также участь. Тѣмъ неменѣе ихъ ожидало невѣроятное разочарованіе.

— Позвольте, господа, позвольте, — кричалъ толстый секретарь казенной палаты, несшій на плечахъ медвѣдей и тащившій за руки полнуюхенную супругу и неменѣе тяжелую дочку и продававшійся чрезъ толпу болѣе мелкихъ чиновниковъ.

— Не приказано пускать! остановилъ его самымъ прискорбнымъ тономъ квартальный, стоявшій у воротъ сада.

Секретарь остолбенѣлъ.

— Какъ? не приказано пускать? меня? переспросилъ онъ съ негоддѣльнымъ укасомъ.

— Не приказано-съ, ей-Богу не приказано-съ, Семенъ Елисейчъ! съ горестью восклинулъ квартальный.

— Быть не можетъ, рѣшилъ секретарь и потребовалъ частнаго, надѣясь на свое близкое знакомство съ нимъ.

Но частный, знакомый уже читателю Отпѣтый, никакъ не могъ помочь бѣдѣ, тѣмъ болѣе, что служебная судьба полиціи никоимъ образомъ не могла завѣсть отъ казенной палаты. Секретарь и здѣсь остался съ нѣсомъ и внѣ себя отъ злости подхватилъ своихъ дамъ и отошелъ, ругаясь на чѣмъ свѣтъ стоитъ.

— Вишь ты, и баръ не пропускаютъ, замѣтилъ стоявшій во вдалекѣ бородачъ другому бородачу.

— Ничто, стало нельзя, отвѣчалъ другой.

— Да вѣдь садъ-то казенный, мірской, стало быть, — замѣтилъ порный.

— Эхъ дура голова! отвѣчалъ тотъ: стало всякую шушеру и пускать? Не приходится, братъ, съ суковнымъ-то рыломъ въ казенный рядъ.

Борода повидному удовольствовалась этимъ объясненіемъ.

Секретарь все еще продолжалъ браниться; дамы его съ цѣлью усладить свою неприязнь давно уже лущили кулачками ужи да записки, возбуждая тѣмъ зависть въ проходившихъ женахъ и дочеряхъ не столь значительныхъ чиновниковъ..

— Нѣтъ, ты не смѣешь меня не пропустить. Описки! Афанасійчъ! кричалъ секретарь губернскаго правленія квартальному: не смѣешь, а то завтра же подъ судъ отдадутъ, да еще и отъ должности отрѣзать.

Частный, услышавшій этотъ возгласъ, поспѣшилъ подойти и подать помощь угнетенному квартальному.

— Нельзя-съ, ей Богу нельзя-съ, добрый-милъ Самсонъ Силычъ, востералъ онъ въ тылцу-первый разъ секретарю губернскаго правленія эту извѣстную формулу.

Но секретарь Смилъ не промолвъ.

— Меня-то нельзя? воскликнулъ онъ: — а побось спасай васъ отъ петли, когда отдадутъ васъ подъ судъ, давай вамъ командировки, что ни-на-есть выгоднѣйшія, покрывай васъ.

Частный потупилъ голову подъ бременемъ падашаго на него обвиненія въ страшнѣйшей неблагодарности и только пожимая плечами, находясь въ нѣрѣшимости между строгимъ исполне-

нѣмъ долга и закономъ самосохраненія. Частный не зналъ, что ему дѣлать, и уже начиналъ сдаваться, какъ вдругъ загремѣлъ экипажъ и раздался повелительный голосъ полицмейстера.

— Назадъ, назадъ! кричалъ блюститель порядка:—не пускать въ садъ никого! — и рука его обратилась на толпу чиновниковъ.

Отпѣтый отдохнулъ и, пожавъ плечами, указалъ глазами секретарю губернскаго правленія на полицмейстера.

Секретарь по еѣлъ къ тому.

— У меня въ отдѣленіи, ваше высокоблагородіе, есть дѣло о нанесеніи вами побоевъ и увѣчья квартальному Петрашеву, началъ онъ самымъ унизительнымъ и подобострастнымъ тономъ: онъ зналъ характеръ полицмейстера.

— Ну, чтожъ такое? довольно грубо перебилъ тотъ.

— То я осмѣлился спросить у вашего высокоблагородія, какъ вамъ будетъ угодно поступить съ этимъ полицейскимъ офицеромъ.

— А! спасибо вамъ! проговорилъ полицмейстеръ: — конечно подѣ судъ его за непокорность начальству: ихъ надо учить, чтобы они не смѣли жаловаться.

— Слушаю-съ, смиренно доложилъ секретарь:—завтра же заслушаемъ и приговоримъ-съ.... Позвольте, ваше высокоблагородіе, мнѣ какъ нибудь въ садъ пробраться, —еще смиреннѣе началъ молить хитрый секретарь.

Спрашивается, какъ не смиловаться передъ такимъ смиреніемъ? И дѣйствительно полицмейстеръ смиловался и приказалъ пропустить нужнаго ему секретаря, строго наказывая ему ни подѣ какимъ видомъ не попадаться на глаза губернатору.

Толпа молодыхъ чиновниковъ увидя пропускъ секретаря, бросилась на частного.

— Пустите, пустите и насъ, — кричала молодежь.

Толпа напирала, частный отбивался и наконецъ въ отчаяніи закричалъ караулъ.

Полицмейстеръ очутился сейчасъ же на мѣстѣ свалки.

— Это что значитъ? грозно прикринулъ онъ: — вы полиціи не повиноваться? Вотъ я васъ выучу!

И, схвативъ за шиворотъ одного изъ самыхъ смиренныхъ и безотѣпныхъ покардоносцевъ, стоявшаго въ сторонѣ, полицмейстеръ громкогласно прикринулъ «бери его въ полицію, разбойника!»

Чиновника потащили куда слѣдуетъ.

Полицмейстеръ въ триумфѣ вошелъ въ садовую калитку и, гремя саблею, скрылся за дверьми.

Вольнодумная молодежь пробормотала что-то себѣ подъ носъ и удалилась: порядокъ былъ водворенъ.

Скоро вниманіе народа было развлечено новымъ презанимательнымъ зрѣлищемъ: крестьяне везли звѣрей въ разнокалиберныхъ клѣткахъ, волковъ, лисицъ и зайцевъ и, въѣхавъ въ рѣшетчатые ворота, начали выпускать своихъ плѣнниковъ на недолгую волю. Сотенъ шесть крестьянъ съ палками и другимъ дреколіемъ стали по стѣнкамъ, окружавшимъ садъ, густою цѣпью, чтобы звѣри не могли улизнуть изъ своей обширной ловушки.

Между тѣмъ на площадкѣ, гдѣ находилась такъ называемая въ Бѣловодскѣ ротопа, была страшная кутерьма. Тутъ столпились доѣзжачіе въ красныхъ кунтушахъ съ своею гончею командою; борзятники въ зеленыхъ полукафтанахъ съ тощими борзыми; шныряли изъ нарочно устроенной кухни повара и поварята въ бѣлыхъ курткахъ и колпакахъ; рыскали то съ подносомъ, установленнымъ посудою, то съ досками для раздвижныхъ столовъ, официанты въ допотопныхъ фракахъ и бумажныхъ перчаткахъ. Тутъ же бѣгали изъ угла въ уголъ, на перебой одинъ передъ другимъ, повѣренный и дворецкій Баламутова, оба въ поту и пыли съ охрипшими горлами и вклоченными отъ излишняго усердія волосами. Шумъ былъ невообразимый.

Первый пріѣхалъ, разумѣется Баламутовъ, въ двѣнадцатомъ часу; — все стихло. Григорій Алексѣичъ, веселый, сіяющій, но съ озабоченнымъ, дѣловымъ видомъ осмотрѣлъ всѣ приготовленія и, казалось, остался ими чрезвычайно доволенъ. Носовъ и новый дворецкій изъ чиновниковъ же увивались около Григорія Алексѣича и наперерывъ старались выставить свое усердіе, хотя Баламутовъ весьма мало обращалъ вниманія на ихъ эгоистическую политику. Желаніе выказать хозяину всю огромность подъятыхъ ими трудовъ довело Носова и его противника до сажого смѣшного обезьянничества: если одинъ сниметъ шапку и оботретъ вспотѣвшій лобъ, стараясь обратить тѣмъ на себя вниманіе Баламутова, то навѣрно и другой сейчасъ же дѣзетъ за платкомъ съ тою же цѣлью; одинъ потретъ ноги морщась и гримасничая въ то время, когда на него смотритъ великолѣпный баринъ, и другой сейчасъ захохлетъ и схватится за совершенно здоровую ногу, — словомъ оба противника употребляли самыя энергическія усилія, чтобы перевѣсить одинъ другаго во имѣніи.

Баламутова, который конечно и не думалъ ни минуты о пропскахъ, ни о заслугахъ ихъ. Это окончательно выводило изъ себя соперниковъ и кончилось тѣмъ, что они чуть было не подрались въ присутствіи Григорья Алексѣича.

Скоро начали съѣзжаться гости, пріѣхалъ губернаторъ, князь Таракановъ, всѣ заняли свои мѣста и началась охота.

Въ роскошно убранной ротондѣ, на возвышеніи сидѣло избраннѣйшее общество, состоявшее изъ тѣхъ, которые не могли или не хотѣли ѣздить верхомъ. Муходавлевъ былъ главою этого сборища; нужно ли и говорить послѣ того, что Варвара Петровна Баламутова не поѣхала верхомъ, а претекстовала какое-то инкомодите на поижъ и осталась подлѣ своего обожателя. Варвара Петровна была очень не въ духѣ: она надѣялась, что болѣзнь Анны Ивановны Рыковой не позволитъ ей участвовать въ затѣянной охотѣ, и уже мысленно радовалась, что она безраздѣльно и безопасно будетъ владѣть предметомъ своей капризной любви; — не тутъ-то было: судьба готовила Варварѣ Петровнѣ горькое разочарованіе и опасную соперницу. — Анна Ивановна немного оправилась отъ болѣзни и такъ какъ услужливыя пріятельницы, пріѣзжавшія навѣщать ее во время болѣзни, успѣли уже сообщить ей, вѣроятно для ея развлечения, о новой склонности Муходавлева, то она рѣшилась появиться на охотѣ. Блѣдная, изнуренная, но все-таки еще очень хорошенькая, Рыкова сидѣла прямо противъ Баламутовой и Муходавлева и не спускала съ нихъ строгаго, пронизательнаго и можетъ быть чересчуръ краснорѣчиваго взгляда. Баламутовой было сначала очень неловко, но она переломила себя и удвоила свою любезность къ Александру Павлычу. Муходавлевъ также сконфузился сначала, увидѣвъ Рыкову, и хотѣлъ подойти къ ней, ускандзнувъ какъ нибудь отъ Варвары Петровны, но это оказалось невозможнымъ: Баламутова уже поймала его и не отпускала ни на шагъ отъ себя; онъ рѣшился покориться своей участи, тѣмъ легче, что его опаснаго соперника князя Тараканова не было: онъ носился по саду на борзomъ жеребцѣ, рядомъ съ побѣдоносной Розой Ивановной, захотѣвшей, во что бы то ни стало, имѣть его своимъ кавалеромъ.

Въ балаганѣ, какъ мы уже сказали, были собраны всѣ бѣловодскія знаменитости. Тутъ были и Рыковы, и Безсудный, и князь Чепухинскій, и Хлопушинъ, пріѣзжавшій съ сидѣлками....

Всѣ, въ ожиданіи результатовъ охоты, заняты были разговорами, каждый смотря по своимъ склонностямъ.

— Вы не повѣрите, *mesdames*, какое нужно знаніе сцены, какое присутствіе духа, какую привычку, когда играешь въ благородномъ спектаклѣ! кричалъ рьяный любитель театра Чепухинскій. — Я вотъ про себя расскажу вамъ случай. Играю я разъ Мордашева, въ «А и Ф». Помните эту сцену, когда кухарка бьетъ посуду и бросается Мордашеву въ ноги? Ну-съ, брякнули за кулисами какіе-то черепки, то есть понимаете, подразумевается столовая посуда; Анна Петровна играла кухарку, вбѣгаетъ на сцену, да, знаете, не остереглась какъ-то, а женщина-то тучная, сильная, задѣла печально за дверь, да только что бацъ мнѣ въ ноги, анъ и декорация валится, совсѣмъ такъ-таки стѣна и повалилась! Что тутъ дѣлать? спрашиваю я васъ. Вѣдь другой слабый актеръ, не талантъ, оробѣлъ бы во всю ивановскую, и спектакль погибъ! Ну, а у меня не такъ вышло, прибавилъ князь самодовольно, немного помолчалъ: — я не потерпѣлъ и хладнокровно обругалъ ее тутъ же, да и замѣтилъ: что ты, молъ, дура не только посуду бьешь, да еще и стѣны ломаешь! Повѣрите ли, такъ увлекся игрой, что толстой короной обругалъ Анну Петровну, ей Богу обругалъ! На то игра!

Князь самодовольно засмѣялся.

— Отчего вы скучны, *madame Rykoff*? приставалъ къ Аннѣ Ивановнѣ неотвязчивый Хлопушкинъ.

— Я больна была, лаконически отвѣчала Анна Ивановна.

— Вѣроятно *maladie du coeur*? переспросилъ юноша, считавшій такой вопросъ особенно остроумнымъ.

Анна Ивановна посмотрѣла на него какъ-то особенно презрительно, такъ что такого взгляда даже и Хлопушкинъ не могъ не понять. — Онъ сильно сконфузился и перелетѣлъ къ другимъ дамамъ на новые подвиги, которые нерѣдко кончались для него такъ же позорно.

Въ тоже время въ другомъ углу происходилъ самый ожесточенный споръ между товарищами председателя уголовной палаты Котовымъ, Иваномъ Михайлычемъ и председателемъ уголовной палаты корнетомъ Безсуднымъ. Толковали о старой вещи: о томъ, какой трудъ лучше, — обязательный или свободный?

— Этотъ народъ такъ еще необразованъ, кричалъ Безсудный: — что онъ не пойметъ всей важности своихъ новыхъ правъ, а это, — согласитесь....

— Не могу согласиться, вопилъ горячій эмансипаторъ Котовъ. Я убѣжденъ, что эти люди не хуже насъ поймутъ все, что надобно понимать.

Безсудный нѣсколько презрительно пожалъ плечами.

— Пожалуй, я согласенъ на эмансипацію, — важно, какъ будто изъ милости, проговорилъ онъ: — но все-таки надо вознаграждать дворянъ другими правами....

— Сто такое? спросюсюкалъ Николай Александрычъ Подмахакій, бывший неподалеку и вслушавшійся въ разговоръ. Надо замѣтить, что защиту обязательнаго труда Подмахакій считалъ чѣмъ-то въ родѣ самаго священнаго для себя дѣла и не могъ равнодушно переносить никакой похвалы эмансипаціи.

— Что такое? продолжалъ онъ, сюсюкая, — свободный трудъ лучше обязательнаго? — какъ бы не такъ! Я, батюшка, не привыкъ мѣщанствовать! я люблю комфортъ! Я не могу обойтись безъ большой дворни, люблю выкурить хорошую сигару! Такъ-то-съ!

Подмахакій со злостью поцарапалъ тщательно обточенными ногтями свою великолѣпную лысину.

Но не ожидалъ Николай Александрычъ такого отпора, какъ тотъ, который ему сдѣлалъ Котовъ, окончательно вышедшій изъ себя, Богъ вѣсть изъ-за чего.

— Ну, положимъ, оно такъ, возразилъ Котовъ притворно апатическимъ тономъ: — положимъ, вы такой уже аристократъ, что и не приведи Богъ; да какъ же вы не хотите вспомнить того, что ваша бабушка и дѣдушка.... вѣдь обходились же безъ дворни, да безъ сигаръ?

Подмахакій посоветъ отъ неимовѣрной конфузій: возражать на слова Котова онъ не смѣлъ, — всѣмъ извѣстно было то обстоятельство, на которое *намакнулъ* Котовъ, да и глупость-то Подмахакскаго была уже черезчуръ значительна.

— Что вамъ до этого за дѣло? бормоталъ онъ въ отвѣтъ Котову, совершенно потерявшись и красный какъ владимірская вишня; ну, что жъ? Ну я, положимъ, могу обойтись безъ комфорта, безъ дворни, безъ сигаръ. Но другой и не можетъ.

Котовъ захохоталъ и повернулся къ нему спиною.

— Вольнодумецъ, заключилъ въ утѣшеніе себѣ Подмахакій.

— Вредный человекъ! объявилъ Безсудный: — поверите ли, каждую недѣлю подаетъ мнѣніе въ палату! Въ одномъ даже осмѣлился написать, что онъ проситъ палату поступать по законамъ, а не безъ нихъ, — каково!...

Между тѣмъ бросившіяся въ густоту сада гончія давно уже заливались на всѣ голоса, давно уже порекали и орали доѣзжаніе и много уже погублено было звѣринныхъ существованій, какъ налетѣлъ отая, гнавшая на красному звѣрю, начала поддвигаться по напряженію къ полянѣ, гдѣ находились зрители. Но аллеѣ, ведущей къ этому мѣсту, впереди всѣхъ летѣлъ со всѣхъ ногъ матерой волкъ, скаля зубы и сверкая глазами; вслѣдъ за нимъ, безпрестанно щипля его и водъ во всю мочь, катился огромный клубокъ багряныхъ однокорытниковъ, неотбоянно преслѣдовавшихъ звѣря по пятамъ; въ перерѣзъ по аллеѣ съ правой стороны скакалъ сломя голову Баламутовъ съ нѣсколькими борзыми, опередившими его. Баламутовъ, въ пылу охоты, давно уже потерялъ шапку, раскраснѣлся, растрепалъ длинные шелковистые волосы; въ эту минуту, несмотря на все свое ничтожество, онъ былъ хорошъ. Лицо его, освѣщенное огнемъ страсти, перестало казаться пошлымъ и безжизненнымъ. Казалось, Григорія Алексѣича непременно постигнетъ звѣря.... вотъ, вотъ его собаки уже доспѣваютъ бѣгущаго врага... Но съ противоположной стороны пелась во весь опоръ, вся раскраснѣвшаяся, гибкая, граціозная Роза Ивановна и рядомъ съ ней летѣлъ красный полковничій околышъ фуражки вмѣстѣ съ окончательно захваченнымъ въ плѣнъ полковникомъ. Николай Филипповичъ Рыковъ, толковавшій въ это время съ какою-то важною особою о необходимости палочной дисциплины, невольно обернулся на лошадиный топотъ и, увидя князя и его даму, улыбнулся отъ удовольствія. Роза Ивановна съ своимъ кавалеромъ были счастливѣе Баламутова: ихъ собаки вцѣпились въ волка и князь Таракановъ приказалъ стремляющему своему распорядиться съ звѣремъ, какъ слѣдуетъ. Когда звѣрь былъ убитъ, его сіятельство сошелъ съ коня, отпозончилъ мертваго звѣря по французскому обычаю, и чуть не на когтяхъ подаль окровавленную лану Розѣ Ивановнѣ.

— Это совершенно порьшарски! насмѣшливо замѣтила Баламутова своему собесѣднику: *т-те Таубе* окончательно поймала князя, *c'est une excellente chasseresse. celle-là*, — съострила Варвара Петровна.

Рыкова давно уже выходила изъ себя, видя кокетничанье Баламутовой съ Муходавлевымъ, и рѣшилась воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы уколоть хорошенькую свою заклятую соперницу; случай этотъ наконецъ представился.

— Ваша охота, *madame Balamoutoff*, тоже очень успѣшна: мы давно уже это замѣтили.

Баламутова вспыхнула.

— Что вы хотите этимъ сказать, *madame Rykoff*? гордо спросила она, окидывая свою противницу самымъ презрительнымъ взглядомъ, который по мнѣнію Баламутовой долженъ былъ непременно ее уничтожить.

Однако Анна Ивановна не уничтожилась; напротивъ, при своей страстной натурѣ, забывшись и вышедши изъ границъ приличія разъ, она не могла уже остановиться и продолжала идти той же скандальной дорогой.

— О, вы пребоольшая кокетка, рѣзко отвѣчала она Баламутовой: — вы даже не довольствуетесь своими поклонниками, — вамъ непременно надо чужихъ.

При этой новой непростительной дерзости, Баламутова вскочила съ своего мѣста и поблѣднѣла, какъ полотно.

Муходавлевъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, и не зналъ, что ему дѣлать: скандалъ былъ великолѣпнѣйшій, не прекратить его невозможно, а взять чьюнибудь сторону опасно: лишиться милости другой стороны.

— Вы слишкомъ дерзки! проговорила задыхаясь Баламутова. — Дайте мнѣ вашу руку, продолжала она, обращаясь къ Муходавлеву.

Тотъ, не зная, что и почему онъ дѣлаетъ, машинально повиновался и ушелъ подъ руку съ Баламутовой.

Когда Анна Ивановна увидѣла Муходавлева съ ея соперницей, вся кровь ударила ей въ голову; это новое оскорбленіе и любви, и женскаго тщеславія, было слишкомъ тяжело.

Николай Филиппычъ, которому уже передали о происшедшей сценѣ, подошелъ къ женѣ возбѣшенный и съ налившимися кровью глазами и, довольно грубо схвативъ ее за руку, проговорилъ довольно громко.

— Вы нездоровы: поѣдьте домой!

Анна Ивановна машинально повиновалась и Николай Филиппычъ величественно сошелъ съ лѣстницы, ведя подъ руку свою живую жену.

Въ продолженіе всего пути до воротъ сада Николай Филиппычъ упорно молчалъ, только кусалъ губы; сама же жена на пореу, онъ шепнулъ ей лаконически.

— Вы съ ума сошли, я съ вами справлюсь!

Анна Ивановна, коротко знавшая своего почтеннаго супруга, не отвѣчала ничего и задилась слезами. — Николай Филипычъ прехладнокровно захлопнулъ дверцы кареты и приказалъ лакею везти барыню поскорѣе домой и сейчасъ же пріѣзжать обратно. Самъ же Рыковъ отправился опять въ ротонду, чтобы какъ нибудь загладить прегрѣшенія своей жены. — Нѣтъ! чтобы онъ считалъ честь свою оскорбленною.... нѣтъ! просто онъ понималъ, что вслѣдствіе выходки Анны Ивановны и губернаторъ, и князь Таракановъ могутъ пойти противъ него во многихъ дѣлахъ, а завтра начинался наборъ. Надо было, во что бы то ни стало, поправить дѣло, хотя бы и съ маленькимъ урономъ для своей важности.

Еще издали слышалъ Николай Филипычъ оглушающій говоръ въ ротондѣ и почувалъ, что говорятъ о немъ, объ его женѣ. Онъ не ошибся въ этомъ предположеніи: только что онъ подошелъ къ лѣсенкѣ, ведущей въ балаганъ, какъ говоръ притихъ, — знакъ, что говорили о немъ, — и всѣ взоры съ недоумѣніемъ и любопытствомъ обратились на него.

Однако охота уже кончилась, собирали собакъ, Баламутовъ могъ сію минуту воротиться и Николай Филипычъ понялъ, что надо поторопиться примиреніемъ съ Баламутовой до его прихода, а то пришлось бы мириться еще и съ нимъ, а извиненья просить у поручика Баламутова статскому совѣтнику никакъ не приходилось по понятіямъ Николая Филипыча.

Чтобы придать себѣ болѣе самоувѣренности, такъ называемаго *aplomb*, Николай Филипычъ безпрестанно поправлялъ висѣвшій у него на шеѣ крестъ.

Баламутова стояла съ Муходавлевымъ посреди ротонды; туда направился Николай Филипычъ, снисходительно и дружественно улыбаясь и граціозно раскланиваясь. Баламутова нахмурила хорошенькія бровки и сурово смотрѣла на приближавшагося управляющаго палатой.

— Что вамъ угодно здѣсь? привѣтствовала она его такимъ грубымъ вопросомъ.

Въ прахъ разлетѣлись отъ этого дерзкаго приѣма всѣ миролюбивыя намѣренія Николая Филипыча; неукротимый характеръ его вспыхнулъ и бѣшенство закипѣло въ немъ.

— Миѣ удивителенъ этотъ вопросъ, сударыня, отвѣчалъ онъ, гордо поднимая носъ, какъ гусь, собирающійся пощипать проходящаго безъ палки путника: — странный вопросъ, повторяю я,

продолжалъ онъ, возвышая постепенно голосъ: — я начальникъ этого сада и пріѣхалъ его инспектировать.—Вотъ васъ, сударыня, я могъ бы спросить, что вамъ здѣсь нужно, если бы самъ не позволилъ вамъ, — понимаете ли? *если бы я не позволилъ вамъ*—здѣсь быть.

Рыковъ презрительно улыбался; очередь поблѣднѣть отъ безсильной злобы пришла Баламутовой. Не зная, что дѣлать, она обратила умоляющіе взоры на Муходавлева, который наконецъ понялъ, что его вмѣшательство въ происшедшую исторію болѣе чѣмъ необходимо.

Онъ подошелъ къ Николаю Филиппу, взялъ его подъ руку, отвелъ въ сторону отъ ротонды и началъ что-то съ жаромъ говорить ему; слышны были только слова: «князь Таракановъ непременно расскажетъ; въ Петербургѣ это не понравится». Рыковъ послѣ нѣсколькихъ возраженій раскланялся съ губернаторомъ и, сумрачный, сердитый, пошелъ по аллеѣ къ выходу.

И было въ самомъ дѣлѣ отъ чего сердиться; кромѣ того, что скандальное происшествіе этого утра клало очень и очень неблагоприятное пятно на честь Николая Филиппа и его супруги, это бы еще ничего: но дурно было то, что поступки Анны Ивановны и Николая Филиппа могли легко возстановить противъ него и князя Тараканова и губернатора, и тогда прощайте безгрѣшные и грѣшные доходы всякаго рода, а тутъ еще, какъ на бѣду подоспѣлъ—рекрутскій наборъ...

Полонъ такихъ грустныхъ мыслей Рыковъ, шелъ по аллеямъ и вопреки своей обыкновенной замашкѣ не драгъ носа кверху, а напротивъ насунился, сгорбился и опустилъ его книзу. Даже уѣхавши въ карету и отправившись домой, онъ не могъ успокоиться: его все тревожила мысль о безвыходности его служебнаго положенія.

Однако напрасно очень горевалъ Николай Филиппъ: судьба берегла его, какъ нѣжная мать, и уже вполонину поправила ошибки его и его жены. Роза Ивановна окончательно свела съ ума князя Тараканова, которому даже назначила свиданье *tête-à-tête* въ своемъ домѣ, — а она была добрая союзница, потому что выгоды ея того требовали. Другая власть, то есть Муходавлевъ, тоже долженъ былъ скоро перейти на сторону Рыкова: это устроила Анна Ивановна, уже давно раскашлявшаяся въ своей неприличной сценѣ съ Баламутовой.... Но оставимъ это до слѣдующей главы.

НОВАЯ ВЕСНА.

(изъ ГЕЙНЕ).

Липа вся подъ снѣжнымъ пухомъ,
Вѣтеръ ходитъ по полянамъ,
Облака нѣмая въ небѣ
Облекаются туманомъ.

Дождь пустыненъ, лѣсъ безжизненъ.
Все вокругъ темно, уныло,
Стужа въ полѣ, стужа въ сердцахъ,
Сердце сжалось и застыло.

Вдругъ качнулись вѣтки липы,
Съ нихъ пушинки полетѣли;
Весь обсыпанъ, грустно молвишь:
«Дождялся опять метели!»

Но взглядишь — и сердце вздрогнетъ:
То не снѣгъ, не иней льдистый,
То цвѣтовъ весеннихъ бѣлыхъ
Рой пушистый, рой душистый.

Чары чудныя свершились:
Дышетъ наемъ зимній холодъ,
Снѣгъ сталъ вѣшними цвѣтами
И ты самъ сталъ сердцемъ молодъ.

ММХ. МИХАЙЛОВЪ.

ПЕРЛЫ И ПѢСНИ.

(сѢ НАМЕЦКАГО).

Къ морскому берегу рыбачка молодая
Идетъ, лишь утренній повѣтъ вѣтерокъ;
И видитъ груды тамъ коралловъ драгоцѣнныхъ
И перловъ, брошенныхъ волнами на песокъ.

Довольная своимъ сокровищемъ неожиданнымъ,
Она украсить имъ спѣшитъ простой нарядъ;
И въ мягкій шолкъ волосъ жемчужины вплетая,
Завистливыхъ подругъ угадываетъ взглядъ.

Но, ахъ! не думаетъ счастливая малютка,
Что вѣтеръ злой въ тотъ мигъ, какъ перлы ей дарилъ,
Быть можетъ не одну головку молодую
И не одинъ корабль въ пучину погрузилъ!

И ты, дитя мое, прими съ улыбкой пѣсни,
Что нынѣ въ даръ тебѣ пѣвцомъ принесены,
И, какъ рыбачка та, забудь, что извлекаетъ
Ихъ буря изъ его душевной глубины!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

САРДИНСКАЯ АРМІЯ,

СПОСОБЪ ЕЯ НАБОРА И СОДЕРЖАНІЯ.

Народъ вообще съ трудомъ понимаетъ необходимость налога. Ему представляется, что единственное здѣсь основаніе капризъ или произволъ. По мѣрѣ того какъ просвѣщеніе проникаетъ въ невѣжествующія массы, многое для нихъ объясняется, на многое онѣ смотрятъ иначе. Можетъ быть, со временемъ и взносъ определенной суммы въ казну покажется имъ приношеніемъ обыкновеннымъ, даже необходимымъ въ томъ смыслѣ, что государство на свои нужды, на общія народныя нужды, не въ состояніи имѣть ни единого гроша, который бы не вышелъ изъ кармана его подданныхъ. Положимъ, что мы идемъ къ этому золотому вѣку здоровыхъ понятій и убѣжденій. Пока мы видимъ другое. Въ наше время, едва ли найдется человѣкъ, который, приготовляя къ взносу въ казначейство или сборщику податей заработанную въ потѣ лица копѣйку, не произнесъ бы печальнаго ей напутствія, а порой и укора. Впрочемъ, не одинъ простолюдинъ поступаетъ такъ. Съ повышеніемъ социальныхъ ступеней, когда увеличивающіяся матеріальныя средства, по необходимости и по всей справедливости, должны съотвѣтствовать и болѣе значительнымъ налогамъ, не рѣдко слышится не меньшій ропотъ.

Если налогъ денежный, вещественный производитъ подобное впечатлѣніе на массы, то налогъ личный весьма естественно долженъ производить впечатлѣніе еще сильнѣйшее. Здѣсь финансовый или экономическій вопросъ уже въ связи со всѣмъ, что че-

ловѣческое сердце заключаетъ нѣжнаго. Взгляните на мать или жену, когда они *добровольно* отпускаютъ въ дальній путь сына, другая мужа; прислушайтесь къ ихъ страданіямъ. Но здѣсь у нихъ есть по крайней мѣрѣ утѣшеніе, что сынъ или мужъ идетъ для своего или общаго семейнаго блага, что онъ можетъ возвратиться когда захочетъ, что они могутъ когда имъ угодно призвать его, что онъ, по истеченіи извѣстнаго срока, возвратится въ лучшемъ положеніи, съ деньгами, съ почестями, съ оытностью, увидитъ свѣтъ и себя покажетъ. Поставьте этихъ бѣдныхъ женщинъ, куда хотите, на верхъ или на низъ іерархической лѣстницы; сдѣлайте изъ нихъ дворянку и знатную барыню, или несчастную поселянку, — проявленія одни. Работникъ, котораго теряетъ послѣдняя, переноситъ пару рукъ и трудъ свой только на другую почву, на иное поприще. Слѣдовательно, результаты его труда принадлежатъ если не совсѣмъ, то частью той же семьѣ. Отпустить сына или мужа *по волю* — далеко не то. Еще тяжелѣе отпустить его въ солдаты. Говорите женѣ, матери, сестрамъ, что это священный долгъ каждаго гражданина, что воинъ — высокій защитникъ отечества, что роль его завидна. Онѣ будутъ отвѣчать вамъ слезами, рыданіями. Передъ воображеніемъ этихъ кровавыхъ натуръ рисуются иныя картины: путь до губернскаго города, рекрутское присутствіе, тяжелая наука подъ указкой ефрейтора, неумолимая дисциплина, продолжительная разлука, гдѣ невольнымъ забвеніемъ смѣняются всѣ семейныя узы, наконецъ эта неизвѣстность съ ея тысячею смертей въ походахъ, переходахъ, битвахъ, непогодахъ, лишеніяхъ всякаго рода... Грубость наружной коры, которую преимущественно и едва ли не исключительно поражаетъ тяжелый жребій, не всегда такъ невоспріимчива, какъ мы думаемъ. Напротивъ, незнакомая съ тонкостями образованныхъ успокоеній, безъ ресурсовъ, способствующихъ стойчески переносить удары судьбы, сердце тѣмъ болѣе концентрировано, слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ горестную утрату. При видѣ этихъ слезъ и воплей, невольно думаешь, ужъ не собираются ли человѣка живаго и здороваго, ни за что, ни про что, отправить на тотъ свѣтъ?

Обязанностью филантропа было войти въ такое положеніе, изыскать средства уменьшить долю зла, постигающаго человечество и могущаго быть устраненнымъ или значительно уменьшеннымъ. Изъ чудовища, какимъ для необразованной массы представлялась ожидавшая ее участь, необходимо было создать менѣе ужасающую форму, истребить укоренившіеся въ ней на этотъ счетъ временемъ и оытомъ повѣрія, успокоить опасенія, доказать однимъ словомъ, что того, чего она боится, нѣтъ и быть не можетъ. Чтобъ достигнуть этой цѣли, надо было прежде всего

обратиться къ существовавшей во время оно системѣ набора и раз-
смотрѣть, нельзя ли преобразовать ее на болѣе гуманныхъ основані-
яхъ, сдѣлать изъ службы національное занятіе и сократить вообще
ея терминъ. Въ этомъ случаѣ филантропъ сошелся съ экономис-
томъ, который требуетъ, чтобъ отъ земли или отъ работы не было
отрываемо полезныхъ рукъ, и утверждаетъ, что основа и опора госу-
дарства—не солдаты, а земледѣлецъ, точно также какъ средство къ
общественному преуспѣянію—не штыкъ, а соха. Селянинъ, на осно-
ваніи опредѣлительнаго, нелицепріятнаго закона взятый на службу,
никогда не долженъ забывать, что онъ рано или поздно, а непремѣн-
но обязанъ обратиться въ того же селянина, какимъ былъ и всегда
будетъ; что возвратясь онъ найдетъ оставленный кровъ, мать, семей-
ство, друзей; что онъ начнетъ ту же самую достойную всякаго уваже-
нія жизнь, изъ которой правительство, для общихъ потребностей го-
сударства. Человѣкъ, устарѣвшій подъ ранцемъ, успѣлъ забыть все,
что зналъ, будучи юношей, отвыкъ отъ полевыхъ занятій, разна-
комился съ ремесломъ, которымъ занимался съ дѣтства и для но-
вой жизни, къ которой возвращаетъ его служба, не въ состояніи
принести почти ничего существенно-полезнаго. Еслибъ онъ и захо-
тѣлъ, онъ уже не такъ легко можетъ слиться съ массою, изъ кото-
рой вышелъ; его умъ, его трудъ, вся жизнь, въ лучшей порѣ ея, из-
держаны въ совершенно другой сферѣ дѣятельности, гдѣ онъ
освоился съ другими людьми, съ другими понятіями и принялъ
уже трудно искореняемыя привычки. Возьмите въ примѣръ Фран-
цію, по преимуществу военную державу, за ней Пруссію и Піемонтъ.
Новѣйшія преобразованія по части рекрутскаго набора привели къ то-
му, что тамъ солдаты, едва скинувъ онъ мундиръ, становится частью
общаго цѣлаго, и подъ селяниномъ, продавцомъ, извозчикомъ, лаке-
емъ и пр., съ которыми вы имѣете дѣло, вы съ трудомъ узнаете быв-
шаго военного. Въ Піемонтѣ правительство дѣлаетъ еще болѣе. Оно
беретъ грубаго пастуха съ его неприступныхъ горъ, или необразо-
ваннаго земледѣльца съ его нажитей, и черезъ пять лѣтъ возвра-
щаетъ его тѣмъ же горамъ, тѣмъ же полямъ, но въ теченіе этого
времени, оно успѣло обучить его чтенію, письму, ариметикѣ, зако-
ну Божію, стрѣльбѣ въ цѣль, фехтованію, гимнастикѣ. Онъ такимъ
образомъ вноситъ сюда элементъ образованности, имѣетъ съ любовью
къ ремеслу своихъ отцовъ, отъ котораго не имѣлъ времени отвыкнуть.
Говорятъ, старый солдатъ въ рядахъ имѣетъ неотъемлемыя достоин-
ства,—устойчивѣе, опытнѣе, надежнѣе. Положимъ, что это до нѣ-
которой степени справедливо; поставьте однако на его мѣсто молода-
го солдата, и вы не замедлите убѣдиться, что этотъ принесетъ едва
ли не болѣе пользы. При умномъ и добромъ начальникѣ, умѣемъ

возбудить въ немъ благородный инстинктъ, онъ горитъ честолюбіемъ, ищетъ случая выказать себя, достичь отличій. По естественному закону своей организаціи, онъ болѣе живъ, воспримчивъ, способенъ лучше переносить тягости и лишения, легче увлекаться... Подобными массами управлять несравненно удобнѣе. Старый солдатъ идетъ, куда прикажутъ, это правда; но на стычку съ непріятелемъ не всегда несетъ то задушевное увлеченіе, ту безотчетную отвагу, на какія способна юная натура, не бѣжитъ явно отъ дѣла, но на него и не напрашивается.

Во всѣхъ государствахъ запада системы отбытія военной повинности болѣе или менѣе сходятся на уменьшенныхъ по возможности срокахъ службы, и главное на смыслѣ законовъ, выражающихъ заботливую предусмотрительность къ нуждамъ и пользамъ страны и гражданъ.

Я не разъ былъ свидѣтелемъ, до какой степени процессъ вербовки рекрутъ въ Сардинскомъ королевствѣ простъ и человѣченъ. Между тѣмъ цѣль, до которой хочетъ достигнуть правительство, нисколько отъ того не страдаетъ. Напротивъ. Разумѣется, и здѣсь есть своего рода невыгоды; но взвѣсивъ ихъ съ тѣмъ, что было прежде, нельзя не придти къ убѣжденію, что принятая здѣсь система достойна вниманія. На всякій случай неизлишнимъ считаю прибавить, что большая часть выводовъ, приводимыхъ мною, подтверждена личными моими наблюденіями, и что всѣ цифры, которыя будутъ приведены впослѣдствіи, заимствованы мною изъ официальныхъ источниковъ.

I.

Со времени первой французской революціи, на итальянскомъ полуостровѣ, для рекрутскихъ наборовъ, была введена система конскрипціи, которая и удержалась вездѣ, за исключеніемъ однихъ Папской Области, гдѣ существуетъ добровольное обязательство или вербовка. Въ Сардинскомъ королевствѣ, которымъ мы исключительно намѣрены заняться, до статута, т. е. до 1848 г. когда не было гласности, несмотря на рациональный наборъ, были свои несправедливости. Съ того времени онѣ совершенно исчезли. До 1853 года большая часть рекрутъ была обязана служить 16 лѣтъ, съ слѣдующимъ подраздѣленіемъ: 1 годъ подъ ружьемъ, 7 лѣтъ въ безсрочномъ отпуску и 8 въ резервной арміи. По послѣдовавшему послѣ того закону, 16-ти лѣтній срокъ сокращенъ на половину; нынѣ 8 лѣтъ дѣйствительной службы искупаютъ все; но при этомъ каждому солдату дано

право, по истеченіи 5 лѣтъ, требовать отпуска съ тѣмъ условіемъ, что вмѣсто остающихся за нимъ 3 лѣтъ, онъ проведетъ въ *безсрочномъ отпуску*, оставаясь въ полномъ распоряженіи правительства, двойное число или 6 лѣтъ. — До 1853 года, со всего королевства для дѣйствительной службы бралось отъ 9 до 10 тысячъ человѣкъ, т. е. 1 изъ 275 и 247.

Въ 1853 году правительство признало полезнымъ, въ добавокъ къ безсрочнымъ отпускнымъ, имѣть опредѣленный резервъ, который бы:

- 1) не отягощала государственныхъ финансовъ,
- и 2) не причиняла отягощенія классамъ народа, обязаннымъ несть бремя военной службы.

Другими словами, — принять мѣру, которая бы интересамъ арміи не приносила въ жертву государственныхъ интересовъ и гражданскихъ интересовъ семействъ и цѣлой страны.

Съ этой поры было принято раздѣлять наборъ на *два категоріи*. Въ *первой* числились люди, обязанные несть военную службу; во *второй* тѣ, которые должны были составлять резервъ. Число послѣдняго, за исключеніемъ безсрочно отпускныхъ, было опредѣлено въ 3,000 чел.

Съ 1855 года, *вторая категорія* была увеличена до 4,000 чел.

Въ июлѣ 1857 года, по закону, который, въ настоящее время сохраняетъ свою полную силу, постановлено брать, со всего числа поступающей въ конскрипцію молодежи, 9,000 чел., для дѣйствительной службы, а всѣхъ остальныхъ за тѣмъ, которые не подлежатъ никакимъ законнымъ изъятіямъ, считать въ резервъ. Этотъ резервъ или *вторая категорія* не составляетъ *второй арміи*. Это не что иное, какъ рассадникъ людей, которые нѣсколько приучены къ военному дѣлу и, въ случаѣ нужды, могутъ пополнять выбывшихъ изъ строю. Они, въ теченіе 5 лѣтъ, *но не больше*, состоятъ въ распоряженіи правительства, и въ продолженіе этого времени *только одинъ разъ* призываются на 40 дней (отъ 20 мая по 30 іюня) для обученія въ лагерѣ, *campro d'istruzione*. Въ это время ихъ содержать, какъ настоящихъ солдатъ. Послѣднія войны за ломбардскую независимость доказали, до какой степени резервы необходимы. Если ихъ организовывать только тогда, какъ настаетъ нужда, эти импровизированные солдаты далеко не соответствовали бы своей цѣли, вдругъ оторванные отъ своего дѣла. *Вторая категорія* образуетъ ихъ нѣсколько. Главное, она приучаетъ ихъ къ мысли, что они тѣже солдаты, и рано или поздно должны явиться на службу. Кромѣ того, въ мирное время есть всѣ средства на-досугъ разсмотрѣть и повѣрить уваженія, освобождающія того или другаго отъ службы. Въ военное время не то.

Тутъ торопиться необходимо. Такимъ образомъ, чрезъ это отклоняются возможныя несправедливости. Содержаніе *второй категоріи* правительству ничего не стоитъ, потому что тутъ не требуется ни платы жалованья, ни одежды. Одно *campo d'istruzione* примѣрно для *десяти тысячъ* чел. резерва (*) требуетъ не болѣе 400,000 франковъ.

По закону 20 марта 1854 г., исполнительной власти было дозволено, безъ особаго разрѣшенія, переводить людей изъ *второй категоріи* въ *первую*, и такимъ образомъ тѣхъ, которые, въ обыкновенное время, должныствовали явиться только на 40 дней для обученія, ставить въ ряды дѣйствительнаго войска и заставлять несть службу въ теченіе 8 лѣтъ. По закону 1857 года, этотъ переводъ, послѣ окончательнаго заключенія дѣла по рекрутской повинности (*discarico finale*), можетъ быть произведенъ не иначе, какъ по особому королевскому рескрипту. Такимъ образомъ *вторая категорія* совершенно обезпечена на счетъ того, что не сегодня—завтра надо стать подъ ружье. Она не пополняетъ убылей въ полкахъ, не комплектуетъ безсрочно отпусковыхъ, и знаетъ, что за исключеніемъ развѣ войны или необыкновенныхъ обстоятельствъ, никто не можетъ располагать ею. По достиженіи 26 лѣтъ (здѣсь въ рекруты поступаютъ на 21-мъ году) люди этой категоріи совершенно свободны отъ всякой военной повинности. Сверхъ того, по прежнему закону, они не могли вступать въ бракъ безъ особаго разрѣшенія военнаго министра, и въ случаѣ, если это дѣлали, то ихъ немедленно переводили изъ *второй категоріи* въ *первую*. Необходимость оставаться холостымъ въ теченіе пяти лѣтъ, до 26 лѣтняго возраста, представляла для земледѣльческаго класса большое лишеніе и важный ущербъ для хозяйства. Новый законъ отмѣнилъ это. Всѣ, не попавшіе въ *первую категорію*, имѣютъ полное право жениться.

Въ дѣлѣ рекрутской повинности, система, болѣе приближающаяся къ совершенству, болѣе отличающаяся принципомъ справедливости, есть, безъ сомнѣнія, та, гдѣ граждане, для исполненія лежащаго на нихъ долга, призываются подъ возможно-одинаковыми условіями. Достигнуть абсолютной справедливости чрезвычайно трудно. Положимъ, правительство вздумало бы заставить всѣхъ молодыхъ людей, *поочередно*, одинаково опредѣленное время несть службу. Чего бы оно достигло? Развѣ того, что причинило бы большое неудобство финансамъ и военной службѣ, и едва ли бы кого особенно удовлетворило. Когда можно оказать пользу большинству чрезъ уменьшеніе

(*) *Примѣч.* Среднимъ числомъ, за поступленіемъ 9 т. чел. въ дѣйствительную службу, въ резервъ остается почти столько же. Это будетъ объяснено подробнѣе впослѣдствіи.

лежащаго на немъ бремени, не есть ли уже и то большая заслуга? Нѣкоторые утверждаютъ, будто предоставленіе на произволъ судьбы, какъ дѣлается въ конскрипціи, вопроса, кому идти подъ ружье и кому нѣтъ, смотря по тому, кто вынулъ изъ урны меньшій или большій номеръ, также вещь не весьма нормальная. Какъ однако не согласиться, что при тѣхъ обезпеченіяхъ, какія представляютъ законъ, при тѣхъ исключеніяхъ, какими каждому дано право пользоваться, при той гласности, какая тутъ существуетъ, каждый гораздо охотнѣе предоставитъ этотъ капитальный для него вопросъ жребію, чѣмъ возложить свою судьбу на чей бы ни было приговоръ, гдѣ, при всемъ желаніи быть справедливымъ, невозможно иногда не допустить нѣкотораго лицепріятія и не поблагопріятствовать одному на счетъ другаго. Здѣсь по крайней мѣрѣ рѣшается одинъ слѣпой случай, безъ ущерба однако тѣмъ, кто имѣетъ право быть исключеннымъ; и человеку, на долю котораго выпалъ номеръ, не-на кого пенять или жаловаться. Система конскрипціи при этомъ и несравненно менѣе сложна.—Мы впрочемъ не говоримъ, чтобъ она была выше всѣхъ другихъ системъ и одна была удобопримѣнима. Правительства обязаны преимущественно придерживаться той формы набора, которая болѣе соотвѣтствуетъ быту народа и его понятіямъ о справедливости; но все таки повторяемъ, что внѣшняя ея обстановка должна на гласности и законности.

При введеніи закона 1857 года, нѣкоторые опасались, что цифра *второй категоріи* будетъ чрезмѣрно увеличена. Мы увидимъ впоследствии, что изъ 52,000 молодыхъ людей, на 21 году вписанныхъ въ рекрутскія сказки, для конскрипціи 1857 года, едва третья часть, т. е. 18,000 чел., оказалось способною къ дѣйствительной службѣ. Взявъ въ этомъ году подъ ружье 9,000 чел., правительство къ *второй категоріи* отчислило не болѣе 9,000 чел. Другое опасеніе состояло въ томъ, что слишкомъ сильное увеличеніе объема *второй категоріи* можетъ быть предосудительно для преуспѣянія земледѣлія и промышленности. Это опасеніе оказалось безъ большаго основанія. Обязанности, лежащія на людяхъ *второй категоріи*, весьма не важны. Время, когда ихъ собираютъ (однажды въ пять лѣтъ), выбрано именно то, когда одніе полевые работы окончены, другія еще не должны начинаться. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, на переѣздѣ до лагерей, *campo d'istruzione*, расположенныхъ въ разныхъ пунктахъ, требуется много-много сутокъ. Прибывъ на мѣсто, они находятъ хорошее помѣщеніе, добрую пищу; ихъ обучаютъ опытные офицеры; въ военныхъ занятіяхъ они приобрѣтаютъ ловкость и развитіе физическихъ силъ. Къ тому 40 или 45-дневное отсутствіе для людей, которые взяты за всѣми необходимыми для хозяйствен-

ныхъ нуждъ исключеніями, не можетъ быть весьма чувствительно, особенно, если принять въ расчетъ, что, въ продолженіе этого періода, они, какъ мы сказали, не слишкомъ много были бы заняты дома. Впрочемъ, тоже самое дѣлается въ Пруссіи и Швейцаріи, и примѣры доказываютъ, что столь непродолжительное отсутствіе не въ состояніи представить серьезнаго помѣшательства ни земледѣлію, ни другимъ занятіямъ. Для тѣхъ, кого бы это могло связывать, есть средство обойтись безъ дальнаго переѣзда до *campo d'istruzione*. Въ главныхъ городахъ, гдѣ существуютъ военные штабы, каждую весну учреждаются спеціальныя курсы для солдатъ. Тутъ ихъ обучаютъ фрунту, управленію оружіемъ, стрѣльбѣ въ цѣль. Посѣщая эти школы въ извѣстный періодъ времени и въ извѣстные часы, солдаты, записанные во *вторую категорію*, избавляются уже отъ дальнѣйшихъ обученій. Это средство хорошо еще и тѣмъ, что правительство сохраняетъ расходы по прокормленію и помѣщенію, такъ какъ здѣсь предполагается, что солдаты живутъ въ томъ же городѣ или покрайней мѣрѣ отбываютъ свою обязанность, не слишкомъ отдалаясь отъ дому.

Противники новаго закона, допуская, что отбыть одинъ разъ въ пять лѣтъ лагерную службу не важно, находятъ важнымъ то, что молодые люди, попавшіе во *вторую категорію*, не могутъ, какъ требуетъ законъ, выходить свободно, какъ бывало прежде, за границу. На это можно возразить, что подобное право у нихъ не отнято, но только подчинено нѣкоторымъ условіямъ. Такъ напримѣръ, если нѣтъ ни малѣйшаго подозрѣнія, что подобные люди, удаляясь изъ отечества, хотятъ избавиться отъ лежащей на нихъ обязанности, военныя начальства провинцій имѣютъ полное право выдавать имъ дозволеніе на полученіе заграничнаго паспорта, за исключеніемъ только Америки и Восточной Индіи. Разумѣется, это дозволеніе прекращается на время войны или другихъ необыкновенныхъ обстоятельствъ.

По закону о конскрипціи, всѣ молодые люди, безъ исключенія, будь они дворяне, владѣльцы, ремесленники, духовные, разночинцы и пр. и пр., должны подвергаться жребію. Сверхъ всевозможныхъ исключеній, о которыхъ мы упомянемъ ниже, для людей достаточныхъ существуетъ еще здѣсь средство избавиться отъ рекрутства, это — поставить охотника за себя, или уплатить слѣдующую на то сумму. Это здѣсь называется словомъ *supptogazione*. Чтобы *суррогаци*, т. е. замѣны, не были ни затруднительны, ни слишкомъ дороги, законъ 1854 г. упростилъ вопросъ, дозволивъ каждому желающему вносить за себя въ государственное казначейство 3,000 фран. Въ законѣ упоминается, что при каждомъ рекрутскомъ наборѣ мо-

жесть быть внесено въ *суррогаціонные* (замѣнные) списки столько человѣкъ, сколько въ полкахъ окажется охотниковъ продолжать службу (*assoldamento*). Въ предпоследніе два набора, т. е. въ 1856 и 1857 году оказалось, что число послѣднихъ значительно превосходило число просьбъ о *суррогаціи*, такъ что военный министръ не только могъ освободить отъ рекрутской повинности всѣхъ тѣхъ, которые во время набора въ состояніи были внести установленную сумму въ 3,000 франк., но даже и тѣхъ, которые, будучи уже записаны въ полки (*incorporati*), имѣли возможность представить ту же премію.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе вопроса, не было ли бы прилично уничтожить или ограничить обыкновенныя, т. е. безъ посредства правительства, *суррогаціи* (какъ это недавно введено во французской имперіи, гдѣ *суррогаціи* допущены только между братьями и родственниками до 6 колѣна), на томъ основаніи, что одного военного элемента было бы достаточно для удовлетворенія просьбъ тѣхъ, которые желали бы избавиться отъ службы. Не мѣшаетъ однако имѣть въ виду, что, по существующему нынѣ уставу, люди, вписанные въ рекрутскіе списки, и не имѣющіе намѣренія воспользоваться дарованнымъ имъ средствомъ освобожденія, имѣютъ все-таки право замѣщать себя *охотниками* (*rimpiazzanti*). Въ качествѣ охотниковъ законъ допускаетъ только:

Во 1-хъ, людей *второй категоріи*, изъявившихъ на то согласіе въ теченіе одного года со дня полученія ими *окончательнаго увольненія* (*congedo*), т. е. по истеченіи 5-лѣтняго термина ихъ состоянія во *второй категоріи*; и

Во 2-хъ, людей, освобожденныхъ отъ рекрутской обязанности по разнымъ семейнымъ уваженіямъ.

Въ наборъ 1857 г., обыкновенныя *суррогаціи*, произведенныя въ рекрутскихъ совѣтахъ, простирались до 63, а средняя цѣна до 1,950 франк (*). Умѣренность этой цифры доказываетъ, что не было недостатка въ людяхъ, желавшихъ добровольно и сознательно служить за другихъ.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ объясненій, разрѣшающихъ главные пункты оппозиціи противъ закона 1857 г., остается доказать, что за назначеніемъ въ *первую категорію*, т. е. въ дѣйствительную при полкахъ службу, 9,000 чел. (цифра нормальная въ обыкновенное время), и за отнесеніемъ во *вторую категорію* всѣхъ тѣхъ, которые остаются внесенными въ списки, какъ способные къ службѣ, число этой послѣдней категоріи не можетъ превосходить 8 или 9 тысячъ человѣкъ.

(*) Во Франціи, на 1838 годъ эта плата (*la taux de la prestation individuelle*) опредѣлена въ 2,000 франковъ.

Основной законъ о рекрутской повинности весьма строго разсматриваетъ физическую годность (*idoneità*) къ военной службѣ, и вмѣстѣ оказываетъ большое снисхожденіе къ освобожденію (*esenzioni*) по семейнымъ обстоятельствамъ.

Разбирая статистическія таблицы послѣднихъ рекрутскихъ наборовъ въ Пьемонтѣ, можно придти къ тому выводу, что во всемъ государствѣ, среднимъ числомъ, на каждые 100 чел., внесенныхъ въ списки конскрипціи и подлежащихъ разбору рекрутскихъ совѣтовъ (*consigli di leva*):

31 чел. остаются за реформой (*sono riformati*) по болѣзни, или разнымъ тѣлеснымъ недостаткамъ, освобождающимъ отъ службы (*).

23 чел. по семейнымъ уваженіямъ (**).

6 чел. остаются до слѣдующаго набора, по причинѣ болѣзни (*infermità*), могущихъ быть излѣченными; по нахожденію подлѣ домъ; по недостатку указаннаго роста (***) и проч.

4 чел. не являются къ набору и признаются бѣглыми (*genitenti*). Эта огромная пропорція относится къ многочисленнымъ эмигрантамъ прибрежныхъ провинцій, которые съ молодыхъ лѣтъ, для пріисканія пропитанія, отправляются въ дальніе края. Сюда же включены и люди неизвѣстные, вписанные въ метрическія книги той мѣстности, гдѣ жили временно ихъ родители, а частію и умершіе.

2 чел. исключаются по незаконному внесенію въ конскрипціонныя сказки, какъ наприм. умершіе, подданные другихъ державъ, лица, записанные вдвойнѣ и пр.

Всѣ эти исключенія сокращаютъ со 100 на 34 чел. число людей, остающихся для дѣйствительной военной службы; другими словами, изъ всего числа вписанныхъ въ общіе списки каждаго набора только третья часть съ сущности подлежитъ набору. — Во Франціи, по отчету 1858 г., изъ 100 человекъ, вписанныхъ въ списки, набору подлежали 45 чел. Этотъ перевѣсъ происходитъ отъ того, что въ Сардинскомъ королевствѣ законъ представляетъ болѣе причинъ къ освобожденіямъ отъ рекрутской повинности, вслѣдствіе семейныхъ уваженій.

Имѣя въ виду, что среднее число людей, ежегодно внесенныхъ въ списки, простирается до 52,000 чел., число способныхъ къ военной службѣ ограничивается такимъ образомъ 17 или 18 тысячами человекъ.

(*) Во Франціи *les reformés* простираются отъ 30 до 32 на 100.

(**) Во Франціи это представляетъ цифру менѣе, чѣмъ 17 на 100.

(***) Тѣ, которые не достигли 1 метра 54 сантиметровъ (т. е. 2 аршина 3 вершка) рѣшительно отсылаются домой; тѣ, кто болѣе 1 метр. 54 сант., но менѣе 1 метр. 56 сант., отсылаются къ будущему набору.

Въ рекрутскій наборъ 1857 г., вписанныхъ въ метрическія сказки 1836 года было всего 52,068 чел., а число попавшихъ въ рекруты только 17,705 чел. (изъ которыхъ въ 1-ю категорію зачислено 8,873 чел. (*)) и во 2-ю 8,832 чел.),

Все это достаточно доказываетъ, что при подобной системѣ рекрутской повинности, гражданскіе интересы государства неочень рискуютъ быть принесенными въ жертву интересамъ военнымъ. Назначеніе одной трети молодыхъ людей въ военную службу (считая тутъ и вторую категорію, которая только въ крайнихъ случаяхъ можетъ быть призвана подъ ружье), конечно, значительно, но это не составляетъ однако необыкновенно-тяжелого бремени для государства. Во Франціи мы видимъ почти тоже. Одна треть призывается подъ ружье, две трети избавляются. Тутъ среднимъ числомъ вписанныхъ ежегодно въ списки отъ 300 до 310 тысячъ чел., изъ которыхъ въ обыкновенное время берется 100,000 человекъ.

Законъ 1857 г. былъ принятъ народомъ безъ особеннаго ропота. Оффиціальныя донесенія удостовѣряютъ, что ни одной просьбы ни отъ общинъ, ни отъ частныхъ лицъ не поступило въ военное министерство на счетъ безграничнаго разширенія кадры второй категоріи, и ни одинъ изъ 8,832 чел. не возразилъ противъ постигшей его участи. Народный смыслъ не замедлилъ постигнуть духъ этихъ нововведеній и убѣдился, что если числительное количество контингента второй категоріи увеличилось, то, напротивъ, уменьшились обязанности, лежавшія на солдатахъ этой категоріи, и что вообще налогъ, который здѣсь считается данью патріотизма, необходимою для защиты всѣхъ и каждого, распредѣленъ съ бѣльшей, чѣмъ прежде, справедливостью.

II.

Въ извѣстное время, обыкновенно весной, сардинскій военный министръ вноситъ въ Законодательную Палату проектъ закона о произведеніи по всему государству рекрутскаго набора (*leva*) по *такому-то классу* (**) и на *такой-то* годъ. По этому закону, всѣ молодые люди безъ исключенія, дворяне, мѣщане, духовные, земледѣльцы и пр., достигшіе 21-го лѣтняго возраста, должны явиться

(*) До 9,000 чел., недостаетъ здѣсь 127 чел.,—это объяснено ниже.

(**) Подъ словомъ *классъ* разумѣются всѣ люди, родившіеся въ извѣстномъ году и подлежащіе одновременно конскрипціи. Такъ въ 1857 году призывался классъ 1836 года.

къ конскрипціи. По разсмотрѣніи проекта въ палатѣ и затѣмъ въ сенатѣ, онъ подтверждается королемъ и для приведенія въ исполненіе рассылается къ генералъ-интендантамъ (профектамъ) и военнымъ начальствамъ въ провинціяхъ. Генералъ-интенданты немедленно сообщаютъ о томъ, по принадлежности, синдикамъ (мерамъ) всѣхъ общинъ, а военныя начальства комендантамъ и рекрутскимъ комиссарамъ (*maggiori di leva*). Синдикъ между тѣмъ, въ началѣ каждаго года, обязанъ опубликовать (обыкновенно публикаціи выставляются въ рамкахъ или наклеиваются на стѣну, при входѣ въ ратушу) всѣхъ рожденныхъ въ его общинѣ въ *такомъ-то* году, т. е. имѣющихъ 20 лѣтъ, которые должны принять участіе въ предстоящей (*) конскрипціи. Это дѣлается для того, чтобъ каждый зналъ, что его очередь наступила, и тѣ, которые внесены не законно, имѣли возможность заблаговременно представить объясненія или документы. Тутъ же сообщаются и положительныя свѣдѣнія на счетъ тѣхъ, о смерти которыхъ не дано знать синдикамъ. Все, что поступаетъ въ это время въ ратушу, свѣдѣнія, объясненія и документы, изготавляется для заблаговременнаго представленія комиссарамъ.

По прошествіи извѣстнаго времени послѣ обнародованія закона, обыкновенно мѣсяца черезъ два, военное министерство предписываетъ *рекрутскимъ совѣтамъ* (*consigli di leva*), когда именно приступить къ операціи въ той или другой общинѣ, опредѣливъ день открытія и закрытія засѣданій. Вся процедура не беретъ болѣе *трехъ мѣсяцевъ*.

Въ извѣстный срокъ, рекрутскіе комиссары отправляются каждый въ всѣ общины опредѣленныхъ имъ округовъ (*mandamento*) и тутъ на мѣстѣ провѣряютъ списки, о которыхъ мы говорили, дѣлая на нихъ отмѣтки или исключенія, какія синдикъ предлагаетъ имъ на основаніи законныхъ документовъ. Это совершается частію и чрезъ предварительную переписку, иначе публичныя засѣданія могли бы быть весьма продолжительны. Синдикъ обращаетъ на эту статью особенное вниманіе, такъ какъ по разсмотрѣніи комиссарами списковъ и за тѣмъ по вынужденію конскриптами изъ урны нумеровъ, число людей, вписанныхъ въ списки каждаго округа, *mandamento*, служитъ основаніемъ для контингента *первой категоріи*. Тутъ уже послѣдующія исключенія не принимаются въ расчетъ для передѣлки очередныхъ списковъ.

(*) Тѣ, которые по чему либо въ списки не попали, должны предупредить о томъ синдикъ. Иначе они подвергаются вѣни, тюремному заключенію, берутся въ солдаты безъ тиража и лишаются всѣхъ льготъ по выкупу и пр., какими пользуются ихъ товарищи.

Такъ напримѣръ, въ 1857 году, изъ 60,312 чел., вписанныхъ въ списки класса 1836 года, было, до вынутія конскриптами номеровъ, исключено 8,244 чел.

Въ томъ числѣ:

умершихъ	6,508 чел.
поступившихъ во флотъ . .	743 —
иностранныхъ подданныхъ .	19 —
незаконно-вписанныхъ . .	103 —
вдвойнѣ вписанныхъ . . .	635 —
по разн. др. причинамъ . .	236 —

По окончаніи процедуры вынутія номеровъ, рекрутскими совѣтами исключено еще 984 (*) —

Итого. . . 9,228 чел.

Я нѣсколько разъ присутствовалъ на актѣ конскрипціи. Молодежь, значущаяся по спискамъ, и по этому давно знающая о своей очереди, готовится къ нему въ своей общинѣ обыкновенно за нѣсколько недѣль. Это приготовленіе, болѣе или менѣе публичное, *sona populo*, и преимущественно состоитъ въ такъ называемой *farandole*, т. е. пляскѣ, или лучше топаньи подъ свирѣль и барабанъ, гдѣ молодежь движется впередъ, подпрыгивая, съ разными ужимками и гиканьемъ, по два въ рядъ, а время отъ времени останавливается, дѣлится на двѣ фаланги, дѣлаетъ родъ шена. Разумѣется, до, въ продолженіе и послѣ *фарандолы* производятся надлежащіе возліанія Бахусу, что значительно увеличиваетъ шумъ этихъ демонстрацій. Обыкновенно онѣ производятся по воскреснымъ днямъ. — Наканунъ роковаго тиража почти вся ночь проходитъ въ пѣніи, пляскахъ, маршахъ и контромаршахъ, при чемъ одна община дѣлаетъ визиты другой. Все происходитъ, впрочемъ, довольно мирно; объ особенныхъ буйствахъ я никогда не слышалъ.

Въ назначенный день, рано утромъ, рекрутскій комиссаръ, въ сопровожденіи карабинернаго (жандармскаго) офицера, мѣстнаго мера и своего секретаря, является для производства самой конскрипціи въ главный пунктъ округа, куда для сокращенія работы изъ

(*) Нѣкоторые округа не въ состояніи поставить законнаго количества рекрутъ (*contingente assegnato*), по причинамъ, независимымъ отъ доброй воли жителей. Такъ напримѣръ, въ г. Аостѣ, изъ 149 чел., вписанныхъ въ списки, община не могла выставить причитающейся обыкновенно изъ наличнаго числа пятой съ половиной части, т. е. 27 челов., а выставила только 24 чел. Всѣ вписанные были съ зобами, грыжей, недоросли и т. п. Въ 1857 г. было всего недочету 127 чел., которые взяты при слѣдующихъ наборахъ.

всѣхъ общинъ, приписанныхъ на время набора къ этому округу, собраны молодые люди по 21 году. Операция производится преимущественно въ какой-нибудь церкви. У входа становится пикетъ изъ 4 или болѣе карабинеровъ. Синдики созванныхъ общинъ, каждый съ своимъ секретаремъ, въ черныхъ фракахъ и трехцвѣтныхъ шарфахъ, сидятъ за своими столами. Публика помѣщается, гдѣ можетъ, — на хорахъ, на паперти. Внутри другой пикетъ. Актъ начинается тѣмъ, что комиссаръ громко читаетъ списокъ всѣмъ рожденнымъ въ *такой-то* общинѣ, въ *такомъ-то* году, о которомъ идетъ рѣчь. Синдикъ слѣдитъ по своему списку, и противъ каждого имени, по заранѣ сдѣланнымъ отмѣткамъ, говоритъ: *здѣсь, на лицо, или умеръ, или въ отсутствіи* и т. д. Смерть, болѣзни или другія причины, ведущія къ рѣшительному или временному исключенію (*cancellazione*), онъ удостовѣряетъ надлежащими законно-утвержденными документами, которые комиссаръ громко читаетъ и затѣмъ дѣлаетъ соотвѣтственную отмѣтку. Когда эта исторія кончена и число должностующихъ принять участіе въ тиражѣ выяснено, онъ подводитъ послѣднимъ итогъ для того, чтобъ согласно съ тѣмъ изготавить потребное количество билетовъ, никакъ не болѣе и не меньше. Иначе онъ подвергается отвѣтственности. Затѣмъ бросается жребій, съ какой общины начинать; послѣ чего дается приказаніе указанную общину пропустить въ церковь. Карабинеры разступаются, молодежь входитъ. Въ присутствіи этихъ людей, прямыхъ участниковъ совершающагося акта, комиссаръ снова объявляетъ, что *столько-то* именно человекъ составляютъ итогъ молодежи, находящейся передъ нимъ общины, которая должна поступить въ солдаты; согласно тому отсчитываетъ нумеръ за нумеромъ, въ ихъ прогрессивномъ порядкѣ, соотвѣтствующее этому итогу количество билетовъ (*); свертываетъ ихъ одинаковымъ образомъ; продѣваетъ каждый, для большаго однообразія, въ мѣдное колечко; снова перелистывая, кладетъ ихъ одинъ за другимъ въ стеклянную, прозрачную урну; усердно мѣшаетъ и наконецъ начинаетъ вызывать, по именамъ и по порядку внесенія въ списокъ, каждого изъ молодыхъ людей, какъ присутствующихъ, такъ и тѣхъ, которые роднымъ или синдикъ поручили взять за нихъ билетъ. Въ этотъ моментъ, когда рѣшается участь каждого, любопытно слѣдитъ за физіономіями. Къ моему удовольствію, я долженъ сказать, что я никогда, или почти никогда не замѣтилъ, чтобъ какая либо изъ нихъ была сильно поражена, сильно встревожена. Всякій выступаетъ впередъ весьма не-

(*) Билетъ величиной вершка съ полтора. На немъ крупнымъ шрифтомъ печатный №, затѣмъ тотъ же самый № прописью, и въ заключеніе подпись комиссара.

принужденно, снимаетъ свои сапоги (чтобъ стать подъ мѣрку), равнодушно подходитъ къ урнѣ, вынимаетъ билетъ, передаетъ его комиссару, становится подъ мѣрку, и когда комиссаръ громко объявилъ вынутый номеръ, бросивъ его на столъ, а карабинерный вахмистръ (*marechal-de-logis*) объявляетъ, сколько въ новобранцѣ сантиметровъ, послѣдній, съ горя или радости, смотря по тому, высокъ или низокъ взятый имъ номеръ (*), подходитъ или не подходитъ онъ подъ законную мѣрку, самъ рѣдко не огласить храма крикомъ: ги! ги! ги! не прибавить какого нибудь остраго словца, не огласить: *буду лизимъ берсаьере*, или *артиллеристомъ!* и, схвативъ сапоги и шляпу, не выскочить стремглавъ на улицу.

Все это происходитъ, какъ говорятъ французы, *à la bonne*. Зрители и свидѣтели улыбаются, власти дѣлаютъ видъ, будто ничего не замѣчаютъ. Ни въ комъ не замѣтно ни отчаянія, ни рѣзкаго неудовольствія, ни неумѣреннаго буйства. И отъ чего бы? Все совершается такъ человѣчно, такъ законно! Самый строптивый характеръ не найдетъ къ чему привязаться. Здѣсь всякій видитъ, что одна судьба рѣшаетъ его участь, что при томъ ни что отъ него не скрыто, все дѣлается публично, всѣ резоны, какіе каждый можетъ законно представить, чтобъ избавиться отъ конскрипціи, немедленно принимаются въ надлежащее уваженіе, и т. д. Въ случаѣ, еслибъ была допущена какая либо оплошность, напримѣръ: положено въ урну билетовъ даже однимъ болѣе или менѣе, чѣмъ слѣдовало, не забрано надлежащихъ справокъ и пр., военное министерство спѣшитъ разрѣшить дѣло въ пользу тѣхъ, кого несправедливость постигла; а жребій, если о немъ идетъ рѣчь, считается незаконнымъ, отлагается до слѣдующаго года.

Спустя мѣсяцъ по окончаніи этой процедуры, подлежащая къ службѣ молодежь должна, по особому извѣщенію, собираться въ главный городъ провинціи для окончательнаго освидѣтельствованія и разбора въ рекрутскомъ совѣтѣ (**). Здѣсь всякій имѣетъ право представить причины, по которымъ онъ могъ бы быть избавленъ отъ рекрутства и которыя по чему либо или не были въ свое время представлены ратушѣ, или не приняты ею въ уваженіе. Когда совѣтъ удостовѣрился, что никакихъ причинъ къ изъятію не суще-

(*) Прежде, когда въ резервъ требовалось только 3 т. чел., высокій № забывалъ отъ рекрутства окончательно. Теперь никакой № отъ него не забывается; но все-таки попасть во 2-ю категорию пріятнѣе, чѣмъ въ первую. Ее могутъ не призвать никогда подъ ружье для дѣйствительной службы.

(**) Совѣты состоятъ изъ генералъ-интенданта (префекта), занимающаго мѣсто предсѣдателя, изъ депутатовъ отъ военного начальства, карабинернаго (жандармскаго) офицера и главнаго медика. Засѣданія совѣта публичныя. Въ Туринѣ, въ 1837 г. совѣтъ имѣлъ 50 засѣданій,

ствуесть, новобранца подвергаютъ тщательному медицинскому осмотру. Это дѣлается самымъ человѣческимъ и приличнымъ образомъ, за ширмой, гдѣ каждый свидѣлствуется поочередно въ присутствіи медика (*) и военныхъ депутатовъ. При этомъ молодыхъ людей не держатъ нагими по нѣскольку часовъ на лѣстницѣ или въ сѣняхъ, и что еще непростительнѣе, въ присутствіи ихъ родственницъ, какъ это дѣлалось и едва ли не дѣлается еще въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ. Когда осмотръ удостовѣрилъ, что молодой человекъ, по тѣлеснымъ и умственнымъ условіямъ, способенъ къ службѣ, его ставятъ снова подъ мѣрку и окончательно записываютъ въ списокъ рекрутъ.

Послѣ того новобранцы распускаются по домамъ на 6 или на 8 недѣль. Эта льгота предоставлена имъ съ той цѣлью, чтобы они, окончательно зная свою участь, имѣли время устроить свои домашнія дѣла и изворотиться въ томъ случаѣ, когда имъ необходимо требовать справокъ, документовъ и пр. и ходатайствовать передъ трибунами о незаконности ихъ внесенія въ списки. Тутъ они ждутъ, пока придетъ приказаніе явиться на службу тѣмъ изъ нихъ, которые, по расчету военного министерства, отъ *такого-то* до *такого-то нумера*, выпавшаго на долю каждой общины, должны поступить въ *первую категорию*. Тѣмъ изъ нихъ, которые не хотятъ, или по недостатку средствъ, не могутъ возвратиться домой, особенно если община отдаленна, дозволено оставаться при военномъ депо и начать свою службу. Это называется преждевременнымъ поступленіемъ (*anticipata incorporazione*). — Изъ общинъ въ полки рекруты отправляются съ назначеннымъ къ тому сержантомъ, и въ одеждѣ, какую они дома носили.

Въ числѣ 52,068 чел. вышувшихъ, въ 1857 году, во всемъ Сардинскомъ королевствѣ, билетовъ было :

рожденныхъ въ 1836 году	49,023 чел.
рожденныхъ до 1836 г., по пропущенныхъ въ прежнихъ спискахъ	656 —
рожденныхъ въ 1835 г., и оставленныхъ отъ прежняго набора къ настоящему (<i>capi-lista</i>).	2,389 — (**).

(*) Для предупрежденія подкуповъ, медики мѣняются каждый разъ, а приглашенія имъ разсылаются не ранѣе, какъ наканунѣ вечеромъ. Въ случаѣ болѣзни, освобождающей отъ рекрутства, совѣтъ самъ осматриваетъ рекрута или приглашаетъ для того новаго медика.

(**) Они обыкновенно стоятъ въ главѣ списковъ и ставятся отдѣльно отъ произведеннаго класса, такъ какъ записаны по предшествовавшимъ и только оставлены безъ распредѣленія впредь до перевѣрки, могутъ ли они, по росту или здоровью, быть солдатами.

Рекрутскими совѣтами изъ числа этихъ 52,068 чел. было исключено изъ списковъ 15,893 чел., частью по недостатку роста, частью по болѣзненному состоянію, что однако не мѣшало полковому начальству исключить, по болѣзни, еще 386 чел. Въ то же время, собственно по *семейнымъ уваженіямъ*, было исключено 11,898 чел., т. е. 23 чел. изъ каждыхъ 100.

Уваженія, по которымъ эти послѣднія исключенія были допущены и которыхъ и теперь въ своей силѣ, относились:

1) Къ единственнымъ сыновьямъ отца, которому 50 лѣтъ. Такихъ исключеній было	3,411
2) Къ единственнымъ сыновьямъ отца, которому хотя и нѣтъ 50 лѣтъ, но который вдовъ и не въ состояніи работать пропитаніе	52
3) Къ единственнымъ сыновьямъ или первенцамъ, а за неимѣніемъ сыновей, къ единственнымъ племянникамъ или первенцамъ вдовой матери, или вдовой бабки, или отца или дѣда, вступившихъ на 70-й годъ жизни.	3,777
4) Къ старшимъ братьямъ сиротъ безъ отца и матери, или къ единственнымъ братьямъ въ семьѣ сиротъ, способнымъ къ зарабатыванію хлѣба.	1,119
5) Къ имѣющимъ роднаго брата въ дѣйствительной службѣ	3,550 (*)
6) Къ имѣющимъ роднаго брата въ отставкѣ за ранамъ или по болѣзненному состоянію, причиненному службой	17
7) Къ имѣющимъ брата умершаго на службѣ отъ ранъ или т. п.	268
8) Къ имѣющимъ брата, умершаго въ безсрочномъ отпуску, но вслѣдствіе полученныхъ на службѣ ранъ или болѣзней.	3
9) Къ имѣющимъ брата, умершаго въ отставкѣ, но отъ той же причины	1
<hr/>	
И того	11,898

Въ отношеніи къ воспитанникамъ духовныхъ училищъ уставъ разрѣшаетъ увольнять отъ военной службы *одного* чел. на каждые 20 тысячъ жителей. На этомъ основаніи въ 1857 году уволено 185 чел.

(*) Если въ семействѣ способныхъ къ военной службѣ, напримѣръ, 8 человекъ, то берется сначала *первый*, потомъ *третій*, наконецъ *пятый*, все черезъ одного. — Изъ двухъ близнецовъ берется тотъ, который взялъ № ниже. Въ числѣ 3,880 чел. такихъ исключеній было 19.

Изъ 52,068 чел., внесенныхъ въ списки 1857 г., было оставлено до набора 1858 года:

за ростомъ	1,202 чел.
по неудовлетворительности здоровья, которое од- нако могло поправиться	1,547 —
по разнымъ другимъ обстоятельствамъ	53 —

И того . . 2,802 чел.

Сумма выкупа или освобожденія (*liberazione*), какъ уже мы сказали, назначена была на 1857 годъ въ 3,100 фр., изъ которыхъ 100 на первое обзаведеніе (*соттедо*). Число поступившихъ на мѣсто выкупившихся до 540 чел., считая тутъ 425 чел. солдатъ, окончившихъ опредѣленный срокъ службы и 85 новыхъ волонтеровъ. Что касается до частныхъ званій (*суппогазiónи*), это представляло цифру 74 чел.

Сверхъ рекрутскихъ совѣтовъ, въ Сардинскомъ королевствѣ существуютъ особыя коммиссіи, состоящія изъ высшихъ чиновъ арміи. Ихъ двѣ, одна въ Туринѣ (для твердой земли), другая въ Кальяри (для острова). По окончаніи занятій совѣтовъ, общіе списки поступаютъ сюда, разбираются, и смотря по тому, кто какого роста, физическихъ силъ, профессіи, познаній, даже иногда — замѣтимъ это — личныхъ расположеній (*inclinazione*), каждый изъ новобранцевъ 1-й категоріи распределяется, одинъ въ артиллеристы, другой въ кавалерію, берсальеры, линейные полки, инженеры и пр., а равно и по полкамъ или командамъ, въ томъ числѣ, какого требуетъ военное министерство для надлежащаго укомплектованія. Прежде эта работа производилась въ рекрутскихъ совѣтахъ каждой провинціи, но она не представляла единства и часто возбуждала бесполезную переписку и затрудненія. Въ случаѣ какихъ либо претензій на приговоръ рекрутскихъ совѣтовъ и коммиссій, дѣла рассматриваются еще въ верховномъ комитетѣ, составленномъ изъ генераловъ и государственныхъ совѣтниковъ (*consiglieri di stato*). Рѣшенія его военный министръ безпрекословно приводитъ въ исполненіе. Кромѣ того, по вопросу о мѣстѣ жительства и рожденія, о лѣтахъ, родствѣ, гражданскихъ правахъ, вписанные въ списки имѣютъ право обращаться къ обыкновеннымъ гражданскимъ трибуналамъ. Уволенныхъ отъ службы, на томъ и другомъ основаніи, въ 1857 году считалось 33 чел. Въсѣхъ съ тѣмъ только 7 чел. были отдавы подъ судъ за притворство въ болѣзняхъ или въ физическихъ недостаткахъ и за представленіе фальшивыхъ документовъ.

Въ случаѣ, если новобранцы оказываются неспособными къ службѣ, по поступленіи уже рекрутъ въ полки, что дѣлается немедленно

по окончаніи распредѣленій комиссін, неспособныхъ вступить министерство до закрытія дѣла по набору (*discarico finale*) (*) имѣетъ право замѣщать людьми второй категоріи. Впослѣдствіи это право, какъ мы сказали, принадлежитъ одному королю.

Неизлишнимъ считаю въ дополненіе къ тому, что изложено, привести здѣсь нѣкоторыя статистическія данныя, не лишеныя интереса для того, кто хотѣлъ бы ознакомиться въ этомъ дѣломъ короче.

Вотъ общая таблица рекрутскаго набора въ 1857 году:

Записанныхъ по прежнимъ наборамъ (<i>Capilista</i>) было	2,413 чел.	
Пропущенныхъ по тѣмъ же наборамъ	632 "	
Внесенныхъ въ списки 1857 г.	57,267 "	
	<hr/>	60,312 чел.

<i>Изъ того числа, какъ выше сказано, исключено (<i>cancellati</i>) до взятія билетовъ (<i>prima dell'estrazione</i>) . . . . .</i>	8,244 чел.
<i>Затѣмъ по спискамъ значилось . . . . .</i>	52,068 "

Въ число этихъ 52,068 чел. считалось:

Католиковъ	51,786 чел.	
Протестантовъ	215 "	
Евреевъ	67 "	
	<hr/>	52,068 "

1) *Исключено изъ нихъ по взятіи билетовъ, по документамъ, представленнымъ общинами, родственникамъ и конскриптами:*

Умершихъ	713 чел.
Иностран. подданныхъ	31 «
Записанныхъ вдвойнѣ	64 «
Недопущенныхъ (<i>esclusi</i>)(**)	72 «
Незаконно вписанныхъ	46 «
По разнымъ другимъ причинамъ	58 «
	<hr/>

984

(*) *Discarico finale*, которымъ оканчивается наборъ, есть актъ, или декларация, полагающая конецъ всему производству дѣла по набору, и освобождающая общины комиссаровъ и совѣты отъ всякой въ отношеніи къ настоящему набору ответственности.

(**) Подъ этими разумѣются люди, подвергшіеся уголовнымъ наказаніямъ и ссыловъ палачей.

2) *Оставлено за реформой или забракос-
вано* (reformati):

По принципъ роста	4,754 чел.	
За физическими недостатками или бо- лезнями	11,139 «	
По разнымъ другимъ причинамъ . . .	319 «	
	<hr/>	16,202 чел.

3) *Освобождено* (escutati) (*).

Окончательно	11,898 чел.	
Временно	27 «	
	<hr/>	11,925 «

4) *Уволено* (desponsati)

Воспитанниковъ блага духовенства . .	138 чел.	
— черлаго	47 «	
	<hr/>	185 «

5) *Оставлено до слѣдующаго набора:*

За ростомъ	1,202 (**)	
За слабостью здоровья	1,547 (")	
За временной приписью въ матросы .	34 чел.	
По другимъ причинамъ	17 «	
	<hr/>	2,800 «

6) *Въ составъ контингента первой кате-
горіи отнесено:*

Помѣнявшихъ нумерами (билетами) .	52 чел.	
Поступившихъ за выкупившихъ . .	260 «	
Замѣстившихъ братьевъ	66 «	
— другихъ	63 «	
Волонтеровъ	373 «	
Переведенныхъ изъ 2-й категоріи въ 1-ю за недостаткомъ комплекта . .	99 «	
Воспитанниковъ Военной Академіи .	3 «	
Разныхъ другихъ	52 «	
Вписавшихъ въ списки	7,905 «	
	<hr/>	8,873 чел.

Слѣдовательно, до 9000 чел. 1-й категоріи не доста-
вало 127.

(*) Т. е. по семейнымъ уваженіямъ.

(**) По этимъ причинамъ люди оставляются только на годъ. Если въ те-
ченіе года роста не достигъ законной мѣры или здоровье совершенно не восстано-
вилось, то человека окончательно оставляютъ за реформой.

7) Въ составъ контингента второй категории отчислено:

За помѣщенныхъ братьями	8 чел.
Помѣнявшихся номерами	59 «
Воспитанниковъ духовныхъ Академій	87 «
Состоящихъ по спискамъ	8,678 «
Отсутствовавшихъ	7 «
	<hr/>
	8,832 «

и 8) Объявлено неявившимся къ конспирациѣ или блыцецовъ (repenté) . . . . .

2,267 (*) ч.

Итого . . . . . 52,068 чел.

О ростѣ внесенныхъ въ списки класса 1836 г., изъ 52,068 чел. было:

Ниже 1 метра 54 сантиметровъ	4,440
— 1 — 56	2,419
Отъ 1 м. 56 с. — до 1 м. 62 с.	12,726
— 1 — 62 « — « 1 — 70 «	17,765
— 1 — 70 « — « 1 — 75 «	3,977
— 1 — 75 « — « 1 — 80 «	1,360
— 1 — 80 « и выше	224
Неявившихся къ мѣркѣ	8,216
	<hr/>
	52,068

О профессіи, искусствахъ, ремеслахъ, а равно и образованіи обывателей категорій:

Погонщиковъ скота и конюховъ	978 чел.
Земледѣльцевъ и пастуховъ	10,937 «
Каменотесцовъ, штукатуровъ и т. п.	1,038 «
Кузнецовъ и т. п.	457 «
Столяровъ	597 «
Гребцовъ и рыбаковъ	154 «
Сапожниковъ, выбѣльщиковъ кожъ	515 «
Продавцовъ жизненныхъ припасовъ	564 «
Лекарей и аптекарей	90 «
Чиновниковъ, студентовъ, занимающихся собственными профессіями	732 «

(*) Въ это число входитъ множество лицъ, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній и которыя частью уже и не въ живыхъ. Блѣдцы подвергаются по закону тюремному и другимъ наказаніямъ, за помѣну каждаго изъ нихъ платится 50 фр.

2) Оставлено за реформой или забранено (riformati):	66 чел.
По принципъ роста	72 "
За физическими на- дѣлами	242 "
По разнымъ др	709 "
3) Освобожд-	210 "
Окончат	103 "
Времер	194 "
Окончат	7,833 "
Времер	776 "
Окончат	9,086 "
Времер	17,705 чел.

III.

Изъ всего, что выше изложено, легко вывести нѣсколько заклю-
ченій.

Первое, что бросается въ глаза, это уваженіе, какое сардинское пра-
вительство имѣетъ къ достоинству человѣка. Оно съ необыкновенной
заботливостью облекло процессъ набора въ такую строгую законную
форму, что она отстраняетъ даже самое попозволеніе къ произволу.
Каждый здѣшній гражданинъ знаетъ, что его ждетъ, и въ тоже время
исполнѣ убѣждаетъ, что нѣтъ на свѣтѣ у него такого врага, который
бы по тому или другому незаконному уваженію могъ заставить его
идти въ солдаты, или благопріятеля, будь онъ даже самымъ коро-
лемъ, который бы могъ избавить его отъ рекрутства. Передъ сар-
динскимъ кодексомъ всѣ равны — маркизъ, богачъ, ремесленникъ
или нищій, всѣ за извѣстными исключеніями, о которыхъ было го-
ворено выше, должны идти на конскрипцію, брать изъ урны би-
леты, становиться подъ мѣру, подвергаться медицинскому свидѣ-
тельству и пр. Одни люди достаточные, желающіе избавиться
отъ рекрутства, имѣютъ право выкупаться или представлять за
себя охотника, но только въ мирное время. Въ военное выкупъ
возбраненъ. Элементы, изъ которыхъ такимъ образомъ слагается
войско, основаны на нравственныхъ началахъ. Въ здѣшнюю военную
службу не отдають, какъ бы въ наказаніе или для проученія, лю-
дей дурнаго поведенія. Въ Піэмонть военную обязанность несетъ
всякій гражданинъ. Судьба, постигающая то одного, то друга-
го безъ особеннаго выбора и лицепріятія, и ставящая селянина
въ одну шеренгу съ сыномъ хорошей фамиліи, не можетъ не обла-
гораживать службы. Мнѣ не разъ случалось, сардинскій, видѣть,

какъ дворяне—солдаты преспокойно чистятъ свою одежду, убираютъ постель, подметають комнаты, ходятъ за покупкой провизіи, однимъ словомъ, исполняютъ все тоже, что и ихъ сослуживцы—поселяне или ремесленники, между тѣмъ какъ у другаго изъ нихъ есть 50 и 100 тысячъ доходу, своей отелъ, великолѣпный экипажъ, прислуга, которыми онъ пользуется только въ свободное время, на часть—на два, и то не иначе, какъ днемъ. Подобное сообщество, въ отношеніи къ низшимъ людямъ, дѣйствуетъ чрезвычайно благотворно. Оно очищаетъ и морализируетъ что тутъ попадается дурнаго, даетъ простолюдину выгодное понятіе о службѣ, куда вмѣстѣ съ нимъ не стыдятся идти и сынъ его господина или патрона; возвышаетъ въ его мнѣніи достоинство возложеннаго на него званія, и если одинъ, получившій воспитаніе, смотритъ на эту службу, какъ на дорогу къ почестямъ, отличіямъ и славѣ, то другой сознаетъ, что для того, чтобы походить на своего товарища, ему необходимо что либо знать, чему либо учиться. Отсюда полезное соревнованіе. Онъ усердно вникаетъ въ то, что ему преподается; старается преуспѣть въ стрѣльбѣ, въ гимнастикѣ, во фронтѣ, и если не всегда выходитъ изъ школы ученымъ, то по крайней мѣрѣ рѣдко безъ того, чтобы не быть добрымъ и исправнымъ солдатомъ. Сардинская армія, взятая цѣликомъ изъ среды всѣхъ классовъ народа, составляетъ, можно сказать, тотъ же народъ, съ той только разницею, что это народъ выбранный, молодой, здоровый и дисциплинированный.

Съ минуты, когда въ массы проникаетъ убѣжденіе, что власти, поставленныя для наблюденія за закономъ, не въ состояніи выйти изъ законныхъ границъ, или сдѣлать что либо во вредъ или въ пользу кого бы то ни было, мало по малу укрѣпляется идея о справедливости. Сардинскій законъ чрезвычайно снисходителенъ, наприимѣръ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о семейныхъ вопросахъ; избавляющихъ отъ рекрутства. Мы видѣли, какъ велико число подобныхъ исключеній. Едва ли въ какомъ государствѣ эта часть доведена до такой степени предусмотрительной заботливости о ближнемъ. Мало этого, если обстоятельства, избавляющія отъ рекрутства, произошли уже по поступленіи рекрута на службу, ему дозволено просить объ освобожденіи (*in via di grazia*), и эти просьбы всегда уважаются. Въ то законъ весьма простъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Здѣсь нѣтъ никакой возможности избавиться подъ предлогомъ, наприимѣръ нездоровья, если это не основано на истинѣ. Кто боленъ, доказываетъ въ рекрутскомъ совѣтѣ въ виду всѣхъ. Еслибы и не доказывалось, то полковой командиръ къ себѣ больнаго неприметъ и еще менѣе станетъ держать его. Кто не боленъ, а хотѣлъ бы имъ притвориться, не можетъ никого подкупить, потому что не знаетъ,

кто изъ докторовъ будетъ назначенъ къ освидѣтельствуванію. Сверхъ того надо пройти тутъ чрезъ контроль другихъ лицъ, нѣсколько набившихъ руку на дѣлахъ подобнаго рода. Въ случаѣ сомнѣнія, большаго свидѣлствуютъ чрезъ другаго доктора, призваннаго ex abrupto, оставляютъ на испытаніе въ больницѣ, или отсылаютъ къ конскрипціи будущаго года. При открытіи притворства, виновнаго судятъ обыкновеннымъ гражданскимъ судомъ, и послѣ выдержанія имъ наказанія, записываютъ, если онъ способенъ, въ солдаты, причемъ онъ уже не пользуется никакими льготами, предоставленными его товарищамъ, относительно выкупа, представленія за себя охотника, пользованія безсрочнымъ отпускомъ и пр. Здѣсь не мѣшаетъ имѣть въ виду еще и то, что обманувъ свѣтъ, или — вещь невозможная — подкупивъ доктора и другихъ лицъ, конскриптить не въ состояніи обмануть своихъ сотоварищей или подкупить общественное мнѣніе своего околodka, а это пунктъ большой важности. Отдѣляясь отъ службы, онъ заставляетъ служить за себя другихъ, именно тѣхъ самыхъ подростковъ, друзей и сосѣдей, которые очень хорошо знаютъ, — притворяется ли онъ, или нѣтъ, находятъ собственный интересъ въ томъ, чтобъ обвинить его, и всегда имѣютъ возможность тѣмъ или другимъ образомъ наказать его за обманъ. Изъ этого видно, что здѣсь общественный контроль какъ нельзя лучше помогаетъ закону, — новое доказательство, какъ справедливость и открытыя дѣйствія правительства образуютъ народный смыслъ, и какъ въ этомъ здоровомъ общественномъ мнѣніи само правительство выигрываетъ.

Кромѣ случаевъ, допускающихъ освобожденіе отъ рекрутства, здѣсь, какъ я выше сказалъ, существуетъ выкупъ (liberazione). Это пунктъ, заслуживающій вниманія. Въ прежисе время, до конституціи, выкупа въ Піэмонтѣ не существовало. Необходимо было представить за себя охотника. Это вело къ важнымъ неудобствамъ и злоупотребленіямъ. Надо было хлопотать о пріисканіи охотника, отыскавши — сговариваться и торговаться, исполнять его капризы, содержать его въ довольствѣ, чтобъ онъ или самъ не отказался, или другіе его не переманили, и всѣ эти хлопоты и пожертвованія вносили часто къ тому, что въ минуту набора его находили неспособнымъ къ военной службѣ, и такимъ образомъ бѣдняка, который былъ все это время въ тревожномъ ожиданіи и издержалъ не мало денегъ, самого брали въ солдаты. Законъ сжался надъ человекомъ. Теперь представленіе за себя охотника существуетъ только для тѣхъ, кто находитъ, что эта сдѣлка выгоднѣе для него, чѣмъ выкупъ. Выкупъ весьма проситъ. Каждый годъ, при объявленіи конскрипціи, въ королевскомъ декретѣ упоминается, какаѣ цифра выкупа на этотъ разъ

назначена. Въ прошломъ году, наприимѣръ, она простиралась до 3,100 фр., въ нынѣшнемъ до 3,600. Въмѣсто откупившагося, община не обязана, какъ это, противъ всѣхъ законовъ справедливости, существуетъ въ Ломбардо-Венеціи, оставлять новаго рекрута. Правительство принуждаетъ охотниковъ само. Въ охотники преимущественно поступаютъ солдаты, выслужившіе 8-ми-лѣтній терминъ. Ихъ обмѣновенно оказывается болѣе, чѣмъ требуется. Охотникъ не долженъ быть только старѣе 35 лѣтъ и не быть женатымъ. Полученная съ выкупившагося сумма не идетъ въ казну, какъ наприимѣръ въ Австріи, гдѣ правительство съ 1850 по 1856 г. взяло за эту статью съ ломбардо-венеціанцевъ три милліона гульденовъ, т. е. болѣе, чѣмъ милліонъ франковъ въ годъ, а кладется въ сберегательную кассу (*), изъ которой вновь поступившему солдату ежемѣсячно выдаются проценты; капиталъ же вручается по окончаніи 8-лѣтнаго термина.

Оставляя общину и родныхъ на какія нибудь пять лѣтъ, юноша своимъ отлученіемъ на службу не производитъ, конечно, того впечатлѣнія, какъ бы случилось при болѣе продолжительномъ срокѣ. Законъ благотворно предупреждаетъ еще другое горе: онъ не дозволяетъ ему жениться ранѣе, чѣмъ онъ не пройдетъ черезъ конскрипцію. Если мать и сестры страдаютъ при разлукѣ, то кановы должны быть страданія жены и дѣтей? Разсчитывать, что, не позволяя жениться до 21 года, государство терять въ народонаселеніи, могутъ только тѣ, кто смотритъ на человѣка, какъ на существо чисто матеріальное, единственная цѣль котораго размножаться и заселять землю. Я желалъ бы спросить у нихъ, до какой степени полезно увеличивать сумму нашихъ страданій и до какой степени нравственно оставлять на произволъ судьбы одиночество бѣдной жены? — Кромѣ непродолжительности разлуки, родные находятъ отраду во всей обстановкѣ рекрутства. Они знаютъ, что человѣкъ, съ которымъ они расстанутся, вынулъ самъ свой жребій; что законъ взялъ во вниманіе всѣ его семейныя нужды, что гдѣ бы онъ ни былъ и куда бы ни поступилъ, никто не имѣетъ права самовластно поукать имъ. Тѣлесныхъ наказаній въ сардинской арміи не существуетъ; брани не дозволено. Въ послѣдніе годы царствованія Карла Альберта, какой-то австрійскій выходецъ предложилъ ввести здѣсь шпицрутены. Король, говоря, отвѣчалъ, что его солдаты разбѣгутся. Когда нижній чинъ провинится, регламентъ предписываетъ мѣру заслуженнаго наказанія, не смѣшивая рядовыхъ съ унтеръ-офице-

(*) За исключеніемъ 100 фр., которые идутъ на обмундированіе его вновь всѣмъ необходимымъ (*corredo*).

ранин. Такъ, напримѣръ, тѣхъ и другихъ сначала увѣщаваютъ съ глаза на глазъ; въ слѣдующій разъ—при товарищѣхъ; не отпускаютъ изъ казармы (*consegna*): заставляютъ учиться не во время; сажаютъ подъ арестъ и на хлѣбъ — на воду; потомъ *перемых* подвергаютъ разнымъ работамъ (*servizio di punizione*), заковываютъ даже въ кандалы; *последнихъ* разжаловываютъ. — Вообще, старшіе въ отношеніи къ младшимъ стараются быть такими, чтобы опосредствовать къ возможному облагораженію каждаго, какъ бы онъ мелокъ чиномъ ни былъ, и существующей здѣсь весьма строгой дисциплинѣ придать нѣчто среднее между взыскательностью отца и его снисходительностью. Поэтому подобныя отношенія не только изъ службы не дѣлаютъ ужасающаго страшилыща, но много помогаютъ тому, чтобы къ ней пріохотить. Замѣтимъ, что возможность сохранить дисциплину при отсутствіи строгихъ и особенно тѣлесныхъ наказаній нисколько не обуславливается высшимъ нравственнымъ или умственнымъ образованіемъ народа. Здѣшній народъ стоитъ въ этомъ отношеніи не выше другихъ, намъ известныхъ государствъ. Только стараніемъ развить на службѣ чувство собственного достоинства въ солдатахъ и отсутствіемъ унижающихъ тѣлесныхъ наказаній можно приписать это явленіе. Сержантъ, къ которому поступаетъ рекрутъ, не сидѣтъ, напримѣръ, ни на минуту забыться. Иначе, всѣ происходящія отъ того послѣдствія (еслибъ рекрутъ напримѣръ отвѣчалъ ему тѣмъ же) надаютъ на него самого. Впрочемъ, предварительная школа не мудрена и не сложна, потому что отъ солдата не требуютъ отличной, непогрѣзительной вытравки, которая въ сущности болѣе пріятна для глаза, чѣмъ существенно полезна для службы (*). Она продолжается около 40 дней. После того солдатъ поступаетъ во фронтъ, и тамъ доканчиваетъ свое воспитаніе. Офицеры, за весьма рѣдкими исключеніями, держатъ себя, въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ, невысокомѣрно, а подчиненные, въ свою очередь, въ отношеніи къ офицерамъ, почтительно, но неподобострастно.

Занятія солдата многообразны, даже можно бы было ихъ нѣсколько сократить; но, надо отдать справедливость начальству, онѣ распределены такъ, что не утомляютъ бесполезно тѣла въ ущербъ головъ. Онъ встаетъ обыкновенно съ разсвѣтомъ. Прежде всего раскрываетъ окна своей палаты, убираетъ постель, умывается, со-

(*) Я не имѣю точныхъ свѣдѣній о смертности въ войскѣ. Знаю однако, что въ некоторыхъ полкахъ изъ 1,000 чл. умираетъ ежегодно отъ 30 до 35. Въ сравненіи съ другими государствами, это число не велико.

вернуться молниѣю, чистить оружіе, окончательно одѣвается, послѣ чего направи производятъ смотръ, для удостовѣренія, все ли въ исправности, и расчитываютъ людей по карауламъ. Если затѣмъ погода позволяетъ, полкъ отправляется на ученье, если нѣтъ, то учится въ казармахъ, и уже по окончаніи эказерцій завтракаютъ. Это обыкновенно происходитъ между 8 и 9 ч. утра. Послѣ завтрака, солдаты обязаны вымыть свою посуду и поставить ее на мѣсто. Около 10 ч. отправляются караулы, но предварительномъ осмотрѣ ихъ дежурный штабъ-офицеромъ и по отдѣлѣ командиру полка ротмистра. Затѣмъ реальный или батальонный командиръ, а иногда и самъ полковникъ (командиръ полка) осматриваютъ наряды и дѣлаютъ инспекцію то вооруженію, то одеждѣ и обуви. По воскресеньямъ въ это время, послѣ обѣда, бываетъ медицинскій смотръ, отъ чего скрѣпленны болѣзнями не могутъ достигнуть снѣлаго развѣтлѣ и даже заразить другія. Обѣдаютъ около 4 часовъ. Послѣ нѣкотораго отдыха, полкъ занимается или маной ибудъ военной школой, или, особенно лѣтомъ, снова учится въ полѣ. Зорю бьютъ съ закатомъ солнца, зимой нѣсколько позже. Здѣсь опять идетъ та же школа. Ложатся спать въ 9 ч. По регламенту, въ 9½ всѣ огни должны быть потушены и запрещается говорить. Съ ноября по февраль, когда дни коротки, отираются при всѣхъ полкахъ курсы чтенія, письма, арифметики и т. п., на которыхъ каждый солдатъ обязанъ присутствовать. Сверхъ того, во всякое время года онъ учится фехтованію (зри чемъ дорется на палкахъ, на сабляхъ, штыкѣ и ружьяхъ), гимнастикѣ, стрѣльбѣ въ цѣль, а лѣтомъ плаванію. Такъ какъ часы занятій, смотря по времени года, но какому, даме по распоряженію командира, безпрестанно измѣняются, то и по призыву подробной выписки нѣтъ такъ называемаго *Otagio*, т. е. распределенія часовъ всѣмъ занятіямъ съ такою-то по такою-то нѣсложъ. Въ заключеніе, солдатамъ, каждый день, въ удобное время, читаются особыя наставленія, съ помощью которыхъ отаратся знакомить ихъ съ механиклатурой оружія и вооруженія, съ разбѣжкой лагеря, крайностною службою, обязанностями ихъ на службѣ и внѣ ея, уголовнымъ военнымъ кодексомъ, разными *снда-чани* (*competeage*), причитающимися имъ по закону натурой или деньгами, регламентомъ о военной дисциплинѣ, положеніемъ ихъ маленькаго комитета, обязанностью ихъ къ артоп, цѣнами на разные вещи, принадлежащія къ ихъ одеждѣ и вооруженію, именами начальниковъ, и пр. и пр.

Дворянинъ или земледѣлецъ, каждый подчиненъ здѣсь однимъ правиламъ. Такъ, напримѣръ, никто не можетъ попасть въ офицеры иначе, какъ по истеченіи известнаго числа лѣтъ и по выдержаніи

экзамена (*). Еще одно условіе: надо пройти чрезъ всѣ нижнія чины и быть сержантомъ. Такимъ образомъ, простой, неграмотный земледѣлецъ, который выучился въ школу читать и писать и выказалъ способности, не болѣе не менѣе какъ и дворянинъ, окончившій курсъ наукъ въ университетѣ, могутъ быть произведены въ капралы не ранѣе, какъ черезъ 1 годъ со дня поступления въ службу, а въ сержанты (унтеръ-офицеры) черезъ 2 года со дня производства въ капралы. Затѣмъ они должны прослужить во фронтѣ еще 1 годъ, т. е. всего 4 года, и если чувствуютъ въ себѣ довольно способности и своимъ поведеніемъ и службой успѣли обратить на себя вниманіе начальства, ихъ отираляютъ въ особо учрежденную для того школу въ Иврѣ (Ivrée), гдѣ они должны усовершенствоваться въ военныхъ наукахъ. Отсюда черезъ 1 годъ они выпускаются уже въ полки съ чиномъ подпоручика (прапорщикомъ въ сардинской арміи и тѣмъ).

Изъ этого видно, что на достиженію офицерскаго званія, для солдата не требуется болѣе 5 лѣтъ. По закону, для полковника унтеръ-офицеровъ оставляются въ полкахъ $\frac{2}{3}$ офицерскихъ вакансій. Остальная треть сохраняется для молодыхъ людей, выходящихъ изъ военныхъ школъ.

Въ Пьемонтѣ существуетъ, и то по имени, только одинъ гвардейскій полкъ. Затѣмъ все считается арміей. Всѣ приписаннымъ и оккупіа гвардіи зачисляются въ одинъ серебряный батальонъ. Въ линейныхъ полкахъ (о которыхъ преимущественно и идетъ рѣчь), всѣ проходятъ чрезъ одну и ту же линію чиновъ и получаютъ одинаковымъ жалованьемъ. Между рядовыми допущены два разряда: одни отборные (scelti), другіе ordinarij. Вся разница состоитъ въ томъ, что первые получаютъ въ день жалованья 45 сантимовъ ($11\frac{1}{2}$ к.), а остальные 40. Кроме того, тѣмъ и другимъ производится по 15 сант. въ день добавочныхъ. Этими послѣдними ведется особый счетъ, и они служатъ собственно на покрытие расходовъ по обмундированію и его ремонту. Это дѣлается такимъ образомъ: на каждаго рекрута, поступающаго въ полкъ, отъ правительства ассигнуется сто франковъ. На эти 100 франк. полковое начальство обязано купить ему шинель (capote), туніку (tunique), пару суконныхъ и пару холстинныхъ панталонъ, 2 пары нижняго платья, киверъ (keri), фуражку (bonnet de police), кожаные штиблеты (quetres), 2 пары башмаковъ, галстухъ, 3 бумажныхъ рубашки, 2 носовыхъ платка, шерстяную фуфайку, приборъ для шитья, котелокъ съ крышкой, ложку изъ луженого желѣза, жестянки для ваксы,

(*) Изъ этого, разумѣется, исключаются тѣ, кто кончилъ образованіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, т. е. вышелъ прямо въ офицеры.

мастни и деревяннаго масла для чищенія башмаковъ, кожаныхъ вещей и ружья, 3 щетки, холщевую куртку, ночной колпакъ, полотенце, баклагу для воды (bottaccio), холщевую сумку для хлѣба (tassa) (*); въѣсто подтяжекъ полевой ремень и 2 пары перчатокъ бумажныхъ и шерстяныхъ (**). Кромѣ того, правительство безвозмездно даетъ ему полное вооруженіе — ружье, португезу, тесакъ и пр.; на прокормленіе бѣлаго хлѣба по 735 граммовъ (около 2 фунтовъ) каждыи день, дровъ на варку пищи (на отопленіе казармъ дровъ не полагается) и желѣзную кровать (branda), съ тюфякомъ, шерстянымъ одеяломъ, простыней и подушкой.

15-го сент. въ день удерживаются въ кассѣ полка до тѣхъ поръ, пока издержанная на обмундированіе солдата сумма не попростея спола. Когда это достигнуто, 15 сент. въ день уже обращаются въ пользованіе солдату; только они не выдаются ему *черезъ казначея* пять дней, какъ его жалованье (40 и 45 сент.), а по истеченіи каждаго шести мѣсяцевъ. Особый счетъ суммъ на обмундированіе ведется съ той цѣлью, чтобъ солдата приучить къ порядку и бережливости. Чѣмъ онъ меньше тратитъ на свою одежду, тѣмъ болѣе получаетъ при разсчетѣ. Есть люди, которымъ этихъ 15 сент. (въ годъ 54 фр.), конечно, недостаточно. Они, по необходимости, должны полку. Долгъ дурень тѣмъ, что солдата не выпускаютъ въ чистую отставку до тѣхъ поръ, пока онъ не внесетъ должной суммы спола. Такъ, напримѣръ, при послѣднемъ сборѣ безсрочно отпусковыхъ, должны были явиться подъ ружье и тѣ, которые уже выслужили полный 11 лѣтній срокъ, но считались въ долгу. Эта мѣра и самаго нерядливаго заставляетъ быть аккуратнымъ. Каждый солдатъ имѣетъ свою особую книгу, называемую *libretto del sconto*, которая находится у ротнаго командира, ведется капраломъ, и которую онъ имѣетъ право провѣрять, чтобъ знать, что онъ долженъ полку или что полкъ ему долженъ.

Такъ какъ, съ другой стороны, интересъ солдата заключается въ томъ, чтобъ какъ можно меньше требовать и какъ можно долѣе скрывать, что у него износилось или попортилось, то въ предупрежденіе этого учрежденъ контроль. Каждую недѣлю, въ субботу, ротный командиръ съ этой цѣлью дѣлаетъ смотръ *del bottino*, т. е. вещамъ, составляющимъ полную экипировку, и если что самъ замѣтитъ, или на что солдатъ ему укажетъ, какъ на изношенное или испорченное

(*) Баклагу и сумку, во время похода, солдаты носятъ съ боку, на шнуркѣ черезъ плечо.

(**) По справочнымъ цѣнамъ, все эти вещи стоятъ 136 фр.—36 фр. добиваются изъ послѣдующихъ лѣтъ.

и требующее перекѣны или исправленія, признается капралъ выдать натурой, исправить и внести расходомъ въ *libretto del disconto*. Такимъ образомъ ни солдатъ ничего не теряетъ, ни служба, и что лучше, со стороны перваго никакихъ денежныхъ претензій и быть не можетъ.

Изъ выдаваемого солдату *черезъ каждые пять дней* жалованья (по 40 и 45 сент. въ день), онъ обязанъ отдавать ежедневно на артель (*massa*) 30 сент. За эти 30 сент. въ день онъ имѣетъ завтракъ и обѣдъ. Тотъ и другой обыкновенно состоятъ изъ похлебки, съ той разницей, что по утру ему дается 150 граммовъ такъ называемыхъ *pâte de Gênes* или *de Naples* (вермишель) или такое же количество рису, приправленныхъ 25 граммами свиного сала или коровьяго масла и какой-нибудь зеленью; а вечеромъ 150 граммовъ говядины и 150 граммовъ накрошеннаго (*) ломтиками хлѣба. По пятницамъ (постный день) вермишель у него утромъ съ какой-нибудь приправой, а вечеромъ рисъ, или наоборотъ. Вино раздается, когда въ артели есть лишніе деньги. — Въ военное время, нижніе чинамъ, у которыхъ тогда удерживается въ сутки только 20 сент., выдается уже правительствомъ *ежедневно*: овсяного хлѣба 750 граммовъ, хлѣба для крошки въ похлебку 250, мяса 300; рису 60; зелени 60, соли 17, свиного сала 15, вина поллитра, и кромѣ того нигде кофѣ. — Въ мирное время, артели содержатся по-ротно. Поварами тѣже нижніе чины, каждый въ свою очередь. Для этого ежедневно наряжаются 1 капралъ и 2 солдата. Для закупокъ припасовъ, отъ каждой роты ежедневно и также по-очереди назначается сержантъ съ дюжиной солдатъ. Они обходятъ мясниковъ, булочниковъ, зеленщиковъ, и пр. и пр., и покупаютъ что заранее рѣшено артелью или ротнымъ командиромъ. Высшее наблюденіе за этими покупками имѣетъ дежурный офицеръ. Солдатъ, надѣленный необыкновеннымъ аппетитомъ, получаетъ добавочную порцію хлѣба. Въ случаѣ особенной дороговизны на жизненные потребности, полкъ добавляетъ артели, что слѣдуетъ, и ватѣмъ имѣетъ уже счеты съ военнымъ министерствомъ.

Изъ тѣхъ же 30 сент. въ день артель платитъ прачкѣ за стирку бѣлья, цырульнику и пр.

При подобной системѣ продовольствія, не можетъ быть и тѣни неудовольствій въ смыслѣ экономическомъ. Здѣсь всѣ отиѣчаютъ за cadaго, каждый за всѣхъ и за отвѣтчикомъ не надо ходить да—

(*) Это дѣлается такъ: говядину наръзываютъ ломтиками, потомъ промачиваютъ хлѣбъ, и то и другое, взвѣсивъ, кладутъ каждому въ особый котелокъ и наливляютъ поверхъ вару.

зако; онъ на лицо. Такимъ образомъ контроль не отягачивается въ долгій ящикъ. Каждый тотчасъ же можетъ справиться и узнать, почему одно дурно, другое дорого и т. п.

Изъ приведенныхъ выше расчетовъ видно, что сардинскій солдатъ, исправно одѣтый (я не знаю лучше, удобнѣе и пристойнѣе его формы) и сытно кормимый (ему болѣе никакъ не нужно, такъ какъ вообще итальянецъ довольно воздержанъ), ежедневно обходится государству около 80 сантимовъ. Я считаю адѣсь:

жалованье (здѣсь и харчевые)	40	снт.
обмундированіе	15	«
хлѣбъ	18	«
дрова	2	«
и наконецъ кровать	4	«

И того . . 79 снт.

или около 285 фр. въ годъ. Если же принимать въ расчетъ все остальное, какъ то: содержаніе казармы, гдѣ онъ номѣщается (адѣсь во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ существуютъ гарнизоны, есть особыя казармы), госпитали, школы, пенсіи, начальство, фуражъ, покупку лошадей и проч., линейный солдатъ въ мирное время обходится въ годъ 417 фр. берсальере (стрѣлокъ) 432, кавалеристъ 851, артиллеристъ 673, инженеръ 803, фурлейтъ 691, карабинеръ (жандармъ) отъ 899 до 1,084, вольный стрѣлокъ 406 (*).

За смотры, разводы и парады сардинскій солдатъ рѣдко что либо получаетъ. Въ необыкновенныхъ только случаяхъ, какъ наприм., по окончаніи продолжительныхъ маневровъ и т. я., король выдаетъ изъ своихъ собственныхъ суммъ отъ 12 снт. до 1 фр. на человѣка. За особенное отличіе въ сраженіи противъ непріятеля онъ получаетъ за то нѣчто болѣе существенное, именно—медаль di valori militare (за военную доблесть), которая дается по строгому разбору его заслугъ, съ приговора его товарищей, и приноситъ ему, если она серебряная, 100 фр. въ годъ пенсіи, а если золотая, 200 фр. Въ этомъ отношеніи солдатъ, такъ точно какъ и генераль, пользуются одинаковымъ пансіономъ. За то надо знать, въ какомъ эта медаль почетъ и какъ солдатъ, заслужившій ее, высоко на себя смотритъ.

Сверхъ правъ, предоставленныхъ каждому смышленному и доброму рядовому на достиженіе нижнихъ чиновъ до сержанта и даже

(*) Эти цифры заимствованы изъ представленнаго въ текущемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ законодательную палату окончательнаго отчета военнаго министерства за 1886 годъ; изъ котораго между прочимъ видно, что въ томъ году на дѣйствительной службѣ состояло 48,418 чел. (въ томъ числѣ 2,706 офицеровъ) и что содержаніе этого войска стоило вообще 28,190,032 фр.

офицерский эполетъ, онъ имѣетъ важныя обозначенія для своей будущности въ томъ случаѣ, когда продолжительное служеніе (°), болѣзни или раны дѣлаютъ его неспособнымъ къ службѣ. Это одинъ изъ важныхъ, гуманитарныхъ вопросовъ. Здѣшнее заботливое правительство не отрываетъ отъ земли безъ нужды здоровыхъ рукъ, и когда человекъ, котораго оно взяло, пролилъ за отечество кровь или прослужилъ продолжительный терминъ, и оказывается неспособнымъ ни для земледѣлія, ни для службы, оно даетъ ему средства существованія, съ которыми онъ не можетъ быть въ тягость ни семьѣ, ни общинѣ, ни отечеству. Къ этимъ обезпеченіямъ принадлежатъ: пенсія, баталіонъ ветерановъ и инвалидный домъ.

Пенсія для нижнихъ чиновъ полагаются слѣдующія:

Старшему унтеръ-офицеру или					
фельдфебелю (<i>furiere maggiore</i>) . . .	отъ 360	до 650	франк. въ годъ.		
Младшему (<i>furiere</i> и <i>sergente</i>) . . .	» 300	» 520	»	»	»
Капралу (<i>caporale</i>)	» 220	» 400	»	»	»
Рядовому (<i>soldato</i>)	» 200	» 250 (**)	»	»	»

Полную пенсію (*maximum*) получаютъ тяжело-раненные и тѣ, которымъ болѣзни не позволяютъ работою снискивать пропитаніе. Меньшую (*minimum*) получаютъ безъ исключенія всѣ тѣ, которые

(°) Солдаты, какъ я сказалъ, служатъ только 8 лѣтъ; но нѣкоторые изъ нихъ поступаютъ вновь охотниками. Это дозволено два раза, лишь бы солдаты были не старше 35 лѣтъ и не были женаты. Капралы и сержанты, получающіе лучшее жалованье (отъ 55 до 120 сант. въ день), обыкновенно остаются во фронтѣ болѣе продолжительный терминъ.

(**) Для любознательна, прилагаю здѣсь таблицу получаемыхъ сардинскихъ генералитетомъ, штабъ и оберъ-офицерами жалованья, прибавочныхъ (*pag in arretrati*), раціоновъ и пенсій:

	жалов.	прибавочн.	раціон.	пенсія.		
	7,200 фр.	1,800	3	отъ 3,500	до	4,500 фр.
генералъ-маіору.						
полковнику (т. е.						
полковому коман).	6,000 »	600	2	» 2,700	»	3,600 »
подполковнику.	4,000 »		2	» 2,160	»	3,000 »
маіору. . . .	3,500 »		1	» 1,800	»	2,500 »
капитану . . .	2,400 »			» 1,400	»	1,900 »
штабъ-капитану.	2,100 »			» 1,400	»	1,900 »
поручику. . .	1,480 »			» 920	»	1,400 »
подпоручику. .	1,300 »			» 720	»	1,170 »

Пенсія всѣмъ этимъ лицамъ назначается по истеченіи 30 лѣтней службы, за исключеніемъ поручиковъ, получающихъ ее за 25 лѣтъ. Необходимо быть въ чинѣ не менѣе 2 лѣтъ. По болѣзни, назначается пенсія и ранѣ. За каждый годъ сверхъ опредѣленнаго термина прибавляется 4 процента. Пенсія ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать жалованье. — Къ получаемому жалованью слѣдуетъ еще прибавить помещеніе натурой и деньщиковъ.

прослужили во фронтѣ 25 лѣтъ. За каждый годъ свыше 25 лѣтъ прибавляется 4 процента.

Въ баталіонѣ ветерановъ могутъ быть приняты нижніе чины, которые прослужили 18 лѣтъ, и хотя по болѣзнямъ и не имѣютъ силъ продолжать дѣйствительную службу, но въ состояніи занимать чѣмъ либо другимъ. Изъ баталіона ветерановъ, люди неспособные назначаются по военному министерству въ вахтера, смотрители магазиновъ, сторожа и т. п. Тѣ, которые не хотятъ поступить въ баталіонъ, отпускаются, съ нѣкоторымъ денежнымъ вознагражденіемъ, домой. Инвалидный домъ для раненныхъ находится въ г. Асти. Въ 1857 году, въ ротѣ ветерановъ и инвалидномъ домѣ считалось 980 чел. Изъ 45 т. чел., составлявшихъ тогда наличное число сардинской арміи, это представляло пропорцію 1 къ 46.

Такъ какъ рѣчь постоянно шла о 1857 годѣ, то я неизлишнимъ считаю, въ заключеніе, привести здѣсь выписку изъ представленной за тотъ годъ королю вѣдомости объ общемъ личномъ составѣ войска. Это также болѣе или менѣе можетъ входить въ кадръ предмета, которымъ мы занимаемся.

Такимъ образомъ изъ вѣдомости оказывается, что въ 18 линейныхъ полкахъ, корпусѣ берсальеровъ, 9 кавалерійскихъ полкахъ, артиллеріи, военно-учебныхъ заведеніяхъ, карабинерахъ, дворцовой гвардіи, инвалидномъ домѣ, ротѣ ветерановъ, инженерахъ и разныхъ другихъ службахъ, въ 1857 году состояло на лицо всего 44,775 чел.

Въ томъ числѣ:

солдаты	35,296 чел.
капраловъ	5,158 "
унтеръ-офицеровъ	4,321 "
	<hr/> 44,775 чел.

Изъ нихъ:

а) считалось по службѣ:

менѣ 1 года	7,657 "
отъ 1 до 2 лѣтъ	7,563 "
» 2 » 4 »	14,389 "
» 4 » 8 »	8,304 "
болѣе 8	6,862 "
	<hr/> 44,775 "

б) имѣли лѣтъ отъ роду:

менѣ 18.	54 "
отъ 18 до 20.	614 "
» 21 » 25.	30,689 "

Т. LXXV. Отд. I.

» 26 » 30.	8,178 чел.
» 31 » 40.	3,196 »
болѣе 40.	2,044 »
	<hr/> 44,775 чел

с) было по профессіямъ до поступленія на службу:

студентовъ	2,309 »
свободн. профессій	940 »
негоціантовъ	615 »
владѣльц. недвижимостью въ городахъ	370 »
земледѣльцевъ	24,215 »
рабочихъ и поденщиковъ	8,701 »
слугъ	725 »
мориковъ	106 »
перевозчиковъ и рыбаковъ	287 »
содержателей гостиницъ, отелей, ко- феенъ, постоялыхъ дворовъ и пр.	411 »
разныхъ другихъ профессій, какъ-то: извозчиковъ, погонщиковъ, торговцевъ и проч.	5,654 »
лишенныхъ средствъ къ пропитанію.	449 »
	<hr/> 44,775 (") »

Объяснивъ, сколько дозволяли мои средства, систему существующаго въ Пьемонтѣ набора рекрутъ, занятій солдата, его содержанія, его правъ и привилегій, я имѣлъ намѣреніе показать, до какой степени эта система старается не уклоняться отъ современныхъ понятій и требованій. Для народной массы, здѣсь, сколько было можно, отклонены причины къ неудовольствіямъ, укорамъ и тѣмъ болѣе къ опасеніямъ, о которыхъ мы говорили выше. Конечно, совершенства абсолютнаго, въ дѣлахъ подобнаго рода, едва ли суждено достигнуть. Всегда и вездѣ найдутся недовольные, всегда и вездѣ будутъ существовать нѣкоторые неудобства. Украинскій казакъ, родившійся такъ—сказать на конѣ и съ пеленокъ имѣющій право считать себя воиномъ, врядъ ли равнодушно оставляетъ родной кровъ, когда служба зоветъ его въ отдаленныя губерніи. Разлука съ нимъ его родныхъ, конечно, не обходится безъ слезъ. При другихъ, болѣе тяжелыхъ условіяхъ, это еще понятнѣе. Одно, въ чемъ упрекаютъ сардинское начальство, состоитъ въ слишкомъ большой сложности занятій солдата. Конечно, ихъ можно бы было

(") Въ томъ числѣ состояло: иностранцевъ 633 чел., волонтеровъ 3,721 и воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній 279.

упростить; но не повело ли бы это къ другимъ невыгодамъ? При заботливости правительства о благосостояніи арміи, невозможно допустить, чтобъ эта статья не была серьёзно обдуманна. Другое неудобство мы видимъ—въ числительности войска. Какъ ни говорите, а не весьма легко воставлять ежегодно 9000 чел. въ солдаты, такъ какъ (полагая, что въ Пьемонтѣ мужскаго пола около $2\frac{1}{2}$ миллионъ душъ) изъ каждаго 278 чел. гражданъ этимъ способомъ берется 1. Здѣсь необходимо еще принять въ расчетъ, что въ числѣ 278 чел. можетъ быть около $\frac{2}{3}$ стариковъ, подростковъ, дѣтей, больныхъ, и что такимъ образомъ 1 берется изъ сотни самыхъ дѣятельныхъ и полезныхъ работниковъ. Сорока-пяти тысячная армія, вмѣстѣ съ министерствомъ и всѣми военными учрежденіями, поглощающая ежегодно около 35 миллионъ, т. е. четвертую часть государственныхъ доходовъ, также бремя не послѣднее, потому что съ тѣмъ связаны и лишніе налоги. Это ведетъ къ расходамъ, несоразмѣрнымъ съ ресурсами страны. Обстоятельства однако въ нѣкоторой степени оправдываютъ Пьемонтъ. До тѣхъ поръ, пока его либеральныя учрежденія будутъ въ столкновеніи съ непріязненнымъ сосѣдствомъ Австріи, ему невозможно объ этой реформѣ и думать. Разрѣшитъ ли что начинающаяся война? Въ интересахъ государствъ, въ интересахъ самихъ правительствъ, матеріальное приусиженіе которыхъ держится на народномъ благоденствіи, надо бы было желать, чтобъ она привела къ результатамъ, болѣе благотворнымъ, чѣмъ знаменитый вѣнскій трактатъ. Это одно могло бы упростить вопросъ объ огромныхъ вооруженіяхъ, отнимающихъ у Европы около осьми миллионъ полезныхъ рукъ и стоящихъ ей ежегодно до четырехъ миллиардовъ. Тогда и Пьемонтъ имѣлъ бы полную возможность значительно сократить свое войско, и такимъ образомъ отъ системы набора, существующаго въ немъ, устранить, если не единственный, то одинъ изъ главныхъ упрековъ ея неудобству. Посмотримъ, что скажетъ будущность? Она разрѣшитъ, до какой степени описанная мною система достигаетъ главной цѣли, именно, чтобъ изъ гражданина сдѣлать солдата и изъ солдата надежнаго защитника отечества. Надѣюсь, отвѣтъ будетъ вполне удовлетворительнымъ. Десять лѣтъ либеральныхъ учрежденій и всѣ усилія правительства развить нравственную сторону взятаго имъ на службу человека не могли же пройти даромъ.

ВАСИЛІЙ ТУНЪЕВЪ.

Лаго-Маджоре.
Апрѣль, 1869 г.

Кричать перепела, трещать коростели,
Ночныя бабочки влетѣли,
И позднихъ соловьевъ надъ рѣчкою вдали
Звучать порывистыя трели.
Въ напѣвахъ вечера тревожною душой
Ищу былаго наслажденья;
Увы! какъ прежде въ грудь живительной струей
Они не вносятъ откровенья.

Но тѣмъ мучительнѣй, какъ близкая бѣда,
Меня томить вопросъ лукавый:
Ужели подошли къ моимъ устамъ года
Съ такою горькою отравой?
Иль вѣкъ смолкающій въ наследство передалъ
Свои безплодныя мнѣ муки,
И въ одиночествѣ мнѣ допивать флягъ,
Изъ рукъ переходившій въ руки?

Преходятъ юноши съ улыбкой предо мной
И слышу я ихъ шопотъ внятной:
«Чего онъ ищетъ здѣсь, средъ жизни молодой,
Съ своею тоскою непонятной?»

Спѣшите, юноши, и вѣрить и любить,
Вкушать и трудъ и наслажденье,
Придетъ моя пора и скоро, можетъ быть,
Мое настанетъ возрожденье.
Приснится мнѣ опять весенній, свѣтлый сонъ
На лонѣ божески-единомъ,
И міра новаго, покоенъ, примиренъ,
Я стану вѣчнымъ гражданиномъ.

А. ФЕТЪ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ

И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ВЪ ЕВРОПѢ.

III (*).

КРЕДИТНЫЯ ТОВАРИЩЕСТВА ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

Виртембергская кредитная компанія. — Организациа и ходъ ея операций. — Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита. — Его происхожденіе и устройство. — Выкупъ крестьянскихъ повинностей въ Ганноверѣ. — Провинціальныя учрежденія поземельнаго кредита въ Ганноверѣ.

Въ предъидущей статьѣ мы рассказали устройство поземельнаго кредита въ Пруссіи; въ настоящей мы будемъ продолжать описаніе кредитныхъ учрежденій той же системы, т. е. основанныхъ въ видахъ удовлетворенія интересамъ преимущественно заемщиковъ или землевладѣльцевъ, а не занмодавцевъ (вкладчиковъ) или капиталистовъ. Въ нашемъ изложеніи, мы будемъ пользоваться фактами и существующими правилами поземельнаго кредита, для объясненія нѣкоторыхъ условій его развитія.

Въ ряду германскихъ кредитныхъ учрежденій разсматриваемой нами группы, одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ *Виртембергская кредитная компанія* (*Württembergischer Kreditverein*) (*).

(*) См. «Соврем.» 1839 г., № 2. :

(*) См. *Des institution de crédit foncier en Allemagne et en Belgique par M. Royer. Paris. 1845. Ch. II. Des associations de crédit agricole dans le royaume Wurtemberg.* Также: *Die Banken von Otto Huebner, Lpz. 1834. стр. 408.*

Она имѣетъ нѣкоторыя заслуживающія вниманія особенности, хотя многія изъ нихъ любопытны только потому, что могутъ дать полезныя предостереженія, а не указанія при устройствѣ предпріятій поземельнаго кредита.

Виртембергскій поземельный кредитъ учрежденъ для всякихъ землевладѣльцевъ крупныхъ и мелкихъ, дворянъ и крестьянъ, безъ всякаго различія состоянія, и этимъ онъ отличается отъ подобныхъ же учреждений сѣверной Германіи, гдѣ крестьяне или вовсе не допускаются въ компаніи или же съ низшею оцѣнкою ихъ имѣній сравнительно съ дворянами или помѣщиками. Виртембергская компанія основана была въ 1825 г.; ея уставъ былъ пересмотрѣнъ въ 1831 и въ 1845 г. Первоначально компанія должна была распространить свои дѣйствія на Виртембергъ, Баварію, Баденъ и Гогенцоллернъ; но въ послѣдствіи оказались весьма вредные для ея операций результаты такого развитія, и она должна была исключительно сосредоточиться въ королевствѣ Виртембергскомъ. Ройе, постоянно защищающій необходимость возможно большаго сосредоточенія дѣйствій каждаго учрежденія поземельнаго кредита на малыхъ пространствахъ, въ предѣлахъ одной небольшой страны или же одной провинціи, выставляетъ слѣдующія удобства мѣстныхъ кредитныхъ учреждений (въ противоположность централизованныхъ и обнимающихъ собою цѣлыя большія государства или нѣсколько мелкихъ государствъ). 1) Онѣ облегчаютъ оцѣнки имѣній, надзоръ участниковъ и другія распоряженія, клонящіяся къ обезпеченію кредита компаніи. 2) Когда поземельный кредитъ поставленъ подъ наблюденіе административныхъ и судебныхъ властей, то интересы мѣстныхъ учреждений ближе принимаются къ сердцу мѣстными должностными лицами, нежели центральными управленіями. 3) Мѣстныя кредитныя учрежденія не сопряжены со всѣми невыгодами централизаціи управленія, многочисленнымъ должностнымъ составомъ, сложностью переписки и дѣлопроизводства и проч.

Но независимо отъ первоначальнаго излишняго расширенія географическихъ границъ дѣятельности Виртембергской компаніи, многіе недостатки самаго ея устройства препятствовали успѣхамъ ея развитія. Она не ограничивается выдачею землевладѣльцамъ закладныхъ листовъ, какъ Прусскіе институты, а сама обращается къ капиталистамъ и занимаетъ у нихъ суммы для своихъ заемщиковъ. Этимъ способомъ надѣялись достигнуть уменьшенія

процентовъ, и дѣйствительно Виртембергская компанія заключаетъ займы по весьма умѣреннымъ процентамъ, но за то ея операціи сопряжены съ величайшею сложностью, которая обращается въ тягость для ея членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость требуетъ замѣтить, что ни одно кредитное учрежденіе въ Германіи не управляется съ болѣею добросовѣстностью и бережливостью, какъ Виртембергское, и не имѣетъ болѣе общепользнаго характера во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ.

Первоначально размѣръ процентовъ по займамъ компаніи былъ предметъ каждый разъ свободнаго соглашенія между компаніей и капиталистами; впоследствии назначенъ опредѣленный процентъ, который предлагается желающимъ сдѣлать ссуды компаніи. Этотъ процентъ не назначенъ въ уставѣ и зависитъ отъ обстоятельствъ денежнаго рынка; сперва компанія платила 3%, потомъ должна была возвысить процентъ до 3½ и 4. Ссуды принимаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда есть требованіе займа, со стороны землевладѣльцевъ. Вообще въ Виртембергѣ постоянно болѣе лицъ предлагающихъ свои капиталы компаніи, чѣмъ заемщиковъ; это видно изъ того, что облигаціи, выдаваемые компаніею заимодаателямъ или вкладчикамъ (а не заемщикамъ, какъ въ Пруссіи) постоянно пользуются на биржѣ преміею (до 12%).

Виртембергскія облигаціи раздроблены на весьма мелкія суммы отъ 1000 флориновъ (около 500 р. сер.) до 100 фл. (около 50 р. сер.); это значительно привлекаетъ къ нимъ публику.

Сумма выданныхъ подъ каждое имѣніе облигацій должна составлять не болѣе половины его стоимости, по оцѣнкѣ, и сумма ежегоднаго дохода съ имѣнія должна равняться по крайней мѣрѣ 1½ суммы ежегодной ренты, уплачиваемой по облигаціямъ. Размѣръ производимыхъ компаніей ссудъ каждому землевладѣльцу долженъ быть не менѣе 2,000 флор. (около 1000 р.); хотя компанія не дѣлаетъ никакого различія состоянія между своими заемщиками, но все таки такой размѣръ доступенъ лишь для среднихъ землевладѣльцевъ, а не крестьянъ. Послѣ государственныхъ податей, взысканія компаніи принадлежатъ къ первому разряду гипотечныхъ долговъ, лежащихъ на имѣніяхъ. Гипотечная часть устроена и содержится въ Виртембергѣ въ чрезвычайномъ порядкѣ. Всѣ имѣнія описаны и кадастрованы; въ каждомъ мѣстномъ управленіи находятся полныя инвентари имъ, и въ нихъ вписываются, по требованію частныхъ лицъ, всѣ происшед-

шія перемены: переходъ имѣнія отъ одного владѣльца къ другому, долги или запрещенія, которыя лежатъ на самомъ имѣніи и не имѣютъ ничего общаго съ владѣльцемъ, и т. д. Выписка изъ этихъ книгъ, выдаваемая даромъ, служитъ достаточнымъ документомъ для всякихъ правъ и претензій.

Въ Виртембергѣ допускается для неисправныхъ заемщиковъ два года отсрочки, по истеченіи которыхъ компанія можетъ приступить ко взысканію недоимки съ имѣнія или къ продажѣ, и въ такомъ случаѣ взысканіе производится весьма быстро (не далѣе 6 недѣль). Для обезпеченія займодателямъ или владѣльцамъ облигацій безостановочнаго платежа процентовъ (т. е., именно на эти два года) сперва была устроена круговая ответственность всѣхъ заемщиковъ или членовъ компаніи, но впослѣдствіи она была замѣнена резервнымъ фондомъ, который составляется изъ особаго ежегоднаго сбора со всѣхъ заемщиковъ и изъ другихъ прибылей компаніи.

Погашеніе капитальнаго долга производится по тиражу изъ суммъ, ежегодно образующихся въ кассѣ компаніи изъ процентовъ, вносимыхъ всѣми заемщиками, на погашеніе. Каждый владѣлецъ облигацій имѣетъ право на предъявленіе ея для уплаты ему всего капитала; но это право заключается лишь въ правѣ на преимущественное предъ прочими облигаціями участіе въ тиражѣ, котораго размѣры всегда пропорціональны не числу предъявленныхъ долговъ, а наличному капиталу погашенія компаніи. Если этого капитала накопилось достаточно для уплаты по всѣмъ предъявленнымъ облигаціямъ, то тиражъ не имѣетъ мѣста, и всѣ такія облигаціи выкупаются сполна. Затѣмъ облигаціи, оставшіяся не выкупленными по одному тиражу, получаютъ преимущество въ слѣдующемъ и т. д. Такимъ образомъ право выкупа принадлежитъ собственно исключительно компаніи; а вкладчики или владѣльцы облигацій имѣютъ право, заявивши свое желаніе получить обратно свои капиталы, только на преимущество въ очереди тиражей. Выкупъ производится по номинальной цѣнѣ. Весь этотъ порядокъ выкупа весьма благоразумно обдуманъ.

Все, что мы сказали до сихъ поръ, относится преимущественно къ займодателямъ или вкладчикамъ компаніи; теперь мы будемъ говорить о правахъ и обязанностяхъ заемщиковъ.

Вслѣдствіе опредѣленія *minimum* ссудъ (4,300 фр.), могутъ быть заемщиками и затѣмъ членами компаніи всѣ владѣльцы имѣній, оцѣненныхъ не менѣе 9,000 франковъ и приносящихъ

ежегоднаго дохода не менѣе 350 фр. Изъ того правила допускаются исключенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда компанія имѣетъ особенное убѣжденіе въ прочности залога, она можетъ производить ссуды въ 2, 150 франк., и подъ имѣнія въ 4,500 фр. Крімъ того, когда занимаютъ цѣлыя крестьянскія общины или когда онѣ принимаютъ на себя ручательство въ исправности должника, то могутъ быть выдаваемы ссуды до 1,075 франковъ, подъ земли, стоящія 2,150 ф. Здѣсь всѣ взысканія производятся компаніею съ мирской кассы, которая уже можетъ сама обращаться къ отдѣльнымъ должникамъ.

Заемщики или землевладѣльцы платятъ $3\frac{1}{2}$ процента, а при возвышеніи процентовъ облигацій даже $4\frac{1}{2}$, независимо отъ погасительнаго процента и другихъ расходовъ. Эти проценты весьма значительны. Брать $\frac{1}{2}$ на расходы по управленію слишкомъ много, тѣмъ болѣе, что компанія уже образовала резервный фондъ, на проценты съ котораго она могла бы отнести эти расходы, какъ это дѣлается въ другихъ подобныхъ учрежденіяхъ. Постоянныя жалобы вынудили компанію понизить эти $\frac{1}{2}\%$ на расходъ по управленію; она ихъ нѣсколько понижаетъ по мѣрѣ погашенія капитальныхъ долговъ. Но этимъ не ограничиваются обременительныя обязанности заемщиковъ Виртембергской компаніи. Она требуетъ отъ нихъ взноса процентовъ каждые 6 мѣсяцевъ, уплачивая сама вкладчикамъ только разъ въ годъ, и такимъ образомъ пользуется еще процентами, накопляющимися въ теченіе 6 мѣсяцевъ на эти платежи заемщиковъ. Заемщики должны, при первомъ своемъ шестимѣсячномъ взносѣ, уплатить сверхъ того проценты, причитающіеся за $1\frac{1}{2}$ мѣсяца впередъ, въ видѣ обезпеченія на случай неисправности; изъ этого аванса образуется также капиталъ, процентами съ котораго компанія пользуется въ теченіе всего періода погашенія долга. Погасительный процентъ (сверхъ $3\frac{1}{2}\%$) разлитъ, смотря по періоду времени, на который заключенъ заемъ; *minimum* погашенія 1% и тогда капиталъ погашается въ 48 лѣтъ; самый короткій срокъ 10 лѣтъ. Но и по истеченіи срока погашенія, заемщикъ долженъ продолжать взносъ процентовъ еще два года, для составленія резервнаго фонда. Этотъ сборъ установленъ взаимъ прежняго круговаго ручательства всѣхъ заемщиковъ. Наконецъ заемщики обязаны при заключеніи долга внести на первоначальное обзаведеніе компаніи единовременно $4\frac{1}{6}\%$ со всего занимаемаго капитала; и потому на каждые 100 флориновъ они полу-

чаютъ только около 96, а проценты платятъ по расчету на 100; этотъ взносъ также разсрочивается имъ въ видѣ прибавочнаго платежа къ имъ постояннымъ процентамъ, и тогда вмѣсто 100 ф., которые они дѣйствительно получили, считается, что они должны 104 $\frac{1}{6}$ %. Если заемщикъ пожелаетъ до срока выплатить свой капитальной долгъ, то онъ долженъ внести 10% сверхъ своего долга.

Изъ всего этого видно, до какой степени усложненъ механизмъ финансовыхъ операций Виртембергской компаніи; такой сложности не представляетъ ни одно подобное германское учрежденіе. Эта сложность тѣмъ болѣе обращается въ справедливый укоръ Виртембергской компаніи, что она дѣйствуетъ исключительно въ интересахъ заемщиковъ, которымъ по уставу и принадлежатъ всѣ капиталы, накопившіеся изъ разныхъ прибавочныхъ взысканій, на нихъ налагаемыхъ. Впрочемъ, вслѣдствіе многихъ ущербовъ понесенныхъ компаніею за границу (при началѣ своихъ дѣйствій), эти капиталы не такъ велики; они составляютъ только 4 $\frac{1}{2}$ % пропорціонально всѣмъ заключеннымъ займамъ.

Займы заключаются подъ залогъ недвижимостей, преимущественно пахатныхъ земель. Вообще постройки не должны превышать $\frac{1}{4}$ всего закладываемаго капитала, но въ большихъ городахъ и одни строенія могутъ служить обезпеченіемъ. На фабрикахъ оцѣниваются только строенія. Лѣса принимаются въ залогъ только отъ общинъ.

Компанія имѣетъ право ускоренной процедуры по взысканію недоимокъ съ залога, и заемщикъ письменно обязывается не возбуждать въ этомъ случаѣ никакихъ исковъ и споровъ противъ компаніи. Для покрытія недоимокъ, компанія имѣетъ право дѣлать займы въ банкахъ на счетъ неисправныхъ плательщиковъ; это правило весьма стѣснительно для должниковъ, и въ Пруссіи его избѣгнули взысканіемъ процентовъ на недоимки и подчиненіемъ неисправныхъ имѣній администраціи. Заемщикъ можетъ всегда прежде сроковъ очистить свой долгъ: взносомъ всего неуплаченнаго капитальнаго долга, облигаціями компаніи, безъ предварительнаго даже объ этомъ увѣдомленія, взносомъ наличными деньгами (но не иначе какъ съ объявленіемъ за 6 мѣсяцевъ). Заемщикъ можетъ также во всякое время требовать сокращенія періода погашенія, приматіемъ на себя обязанности

уплачивать большее количество погасительныхъ ежегодныхъ процентовъ; можетъ просить и о продолженіи періода погашенія, то есть, о дозволеніи вносить меньшее количество ежегоднаго погасительнаго процента. Эти права весьма важны для заемщиковъ, ибо подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ своего хозяйства, они могутъ не всегда располагать одинаковыми средствами къ погашенію своихъ долговъ.

Всѣ безъ изъятія заемщики — члены компаніи и имъ принадлежитъ исключительное право управленія ея дѣлами. Три раза въ годъ собираются общія собранія всѣхъ членовъ; ими избирается по большинству голосовъ на три года правленіе, состоящее изъ 5 членовъ, которые могутъ быть и не членами компаніи. Последнее составляетъ особенность Виртембергскаго Общества. Въ общихъ собраніяхъ принимаютъ участіе и уполномоченные членовъ; но никто не можетъ имѣть болѣе двухъ голосовъ. Всѣ члены компаніи имѣютъ право собственности (пропорціональное заключеннымъ ими займамъ) на резервный фондъ, который составляется изъ $4\frac{1}{6}\%$, уплачиваемыхъ ими на первоначальное обзаведеніе, сборовъ ($\frac{1}{2}\%$) на управленіе, процентовъ на эти суммы и на авансы, о которыхъ мы говорили. Всякій заемщикъ, сполна очистившій свой капитальный долгъ, получаетъ свидѣтельство на принадлежащую ему часть резервнаго фонда; это свидѣтельство, своего рода облигація, выдается на предъявителя (то есть, безымянное) и приноситъ $2\frac{1}{2}\%$.

Этотъ резервный фондъ, какъ мы видѣли, служитъ источникомъ разныхъ усложненій, которыхъ нѣтъ въ другихъ компаніяхъ. Нельзя не признать ихъ совершенно излишними; гораздо лучше было бы составлять резервный фондъ исключительно для покрытія недомокъ.

При правленіи состоитъ особый судебный комитетъ, имъ избранный. Правительство имѣетъ своимъ представителемъ чиновника, наблюдающаго только за точнымъ соблюденіемъ устава. Этимъ ограничивается всякое вмѣшательство правительства въ дѣла компаніи, которая сравнительно съ другими подобными учрежденіями пользуется величайшею независимостью.

Мы представимъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія объ операціяхъ Виртембергской Компаніи (*).

(*) *Hübner. Die Banken. p. 441—443.*

Къ 1 января 1848 г. было непогашеннаго капитальнаго долга 5,516,268 флориновъ (*).

Послѣ того было вновь выдано ссудъ:

1848	382,395	фл.	50	крейперовъ.
1849	86,354	—	10	—
1850	512,522	—	55	—

Затѣмъ положеніе актива и пассива (**) компаніи было слѣдующее:

	Активъ.	Пассивъ.	Излишекъ.
1847	5,886,239	5,409,594	386,645
1848	5,994,193	5,588,716	405,477
1849	6,019,206	5,607,355	411,850
1850	6,202,431	5,767,286	435,145
1851	6,170,731	5,661,577	449,135
1852	6,106,933	5,648,285	458,648

Изъ этихъ цифръ видно, что излишекъ въ пользу компаніи, то есть резервный ея фондъ, постоянно возрасталъ, несмотря на постепенное уменьшеніе непогашеннаго долга. Это обстоятельство еще болѣе удостовѣряетъ въ бесполезности такихъ чрезвычайныхъ усилій къ составленію резервнаго фонда.

До 1847 г. случаи неисправности заемщиковъ были чрезвычайно рѣдки; но уже въ 1850 г. насчитывалось 50 случаевъ (220,437 ф. недоимки) аукціонной продажи имѣній на 1100 займовъ. Вообще послѣ 1847 года обстоятельства сдѣлались менѣе благоприятны, что должно приписать политическимъ событіямъ; компанія вынуждена сдѣлалась гораздо чаще прибѣгать къ мѣрамъ строгости, чѣмъ прежде.

По важности своихъ операций, заслуживаетъ особеннаго вниманія въ Германіи *Ганноверское Учрежденіе Поземельнаго Кредита* (*Hannoverische Landescreditanstalt*). Мы считаемъ нужнымъ войти въ нѣкоторыя подробности относительно этого учрежденія, ибо, занимаясь преимущественно *выкупомъ разныхъ крестьянскихъ повинностей*, возникшихъ изъ феодальныхъ отношеній, оно представляетъ особенный интересъ для русской публики. Ганноверъ принадлежитъ къ тѣмъ государствамъ Гер-

(*) Флоринъ или гульденъ (рейнский) равенъ 33 к; онъ содержитъ 60 крейперовъ.

(**) Активъ представляетъ выданныя подъ залогъ ссуды; пассивъ — вклады или облигаціи.

маніи, гдѣ земля сохранила наиболѣе глубокіе слѣды феодальной системы и крестьяне были обложены множествомъ разныхъ повинностей въ пользу дворянства. Мирнымъ путемъ выкупа всѣ эти повинности постепенно исчезали въ Германіи и крестьянскія земли сдѣлались такими же свободными, какъ и дворянскія.

Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита собственно и возникло съ спеціальною цѣлю выкупа крестьянскихъ повинностей; оно только впоследствии, въ 1842 г., было распространено вообще на всякія операціи поземельнаго кредита. Мы рассмотримъ его происхожденіе и настоящее развитіе (*). Ганноверская система выкупа крестьянскихъ повинностей не только достойна вниманія при обсужденіи готовящейся реформы въ крестьянскомъ быту въ нашемъ отечествѣ, гдѣ вопросъ этотъ представляется еще весьма новымъ, но она пользуется особеннымъ уваженіемъ въ Германіи и тамъ была указываема, какъ образецъ для подобныхъ операцій, по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной и феодальной зависимости.

Уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ была не разъ заявлена представителями сословій въ Ганноверѣ необходимость основанія, съ содѣйствіемъ правительства, кредитнаго учрежденія для выкупа повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ въ отношеніи къ ихъ прежнимъ помѣщикамъ, ибо хотя законъ предоставлялъ крестьянамъ право на выкупъ (то есть, объявилъ феодальныя повинности крестьянскихъ земель подлежащими выкупу — *ablösbar*—какъ это болѣею частію предварительно дѣлается въ Германіи), но вознагражденіе помѣщиковъ чрезъ единовременные взносы со стороны крестьянъ было болѣею частію недоступно для ихъ способствъ, а окончательная развязка феодальныхъ отношеній и совершенное освобожденіе обязанныхъ повинностями крестьянъ были одинаково необходимы и для успѣховъ хозяйства, и крестьянъ, и помѣщиковъ. Дѣло это оказывалось невозможнымъ предоставить исключительно частнымъ сдѣлкамъ; нужно было содѣйствіе правительства.

(*) Относительно Ганноверскаго учрежденія поземельнаго кредита мы будемъ руководствоваться преимущественно статьею, помѣщенной въ *Archiv der Politischen Oekonomie u. Polizeiwissenschaft von Rau und Hansen*, за 1861 годъ: *Die Hannoversche Landescreditanstalt vom Geheimen Regierungsrathe Benning im Hannover*. Также: *Royer, Des institutions de crédit foncier*; *Josseau, Des institutions de crédit foncier et agricole*, и *Huebner, Die Banken*.

До окончательнаго учрежденія выкупа прошло въ Ганноверѣ много времени въ толкахъ и преніяхъ, какъ всегда бываетъ въ Германіи; наконецъ кредитное учрежденіе было открыто въ февралѣ 1841 г., и цѣлю ему поставленъ былъ выкупъ повинностей всякаго рода, обременявшихъ крестьянскія земли, натуральныхъ, денежныхъ и работъ или барщины, преимущественно же *десятины*, признававшейся особенно тягостной для крестьянъ. Въ то же время правительство заявило желаніе, чтобы кредитное учрежденіе не ограничивалось только операціями для выкупа повинностей, но и вообще распространило свои дѣйствія на ссуды подъ залогъ земли и для другихъ цѣлей; на первое время такіе ссуды могли быть производимы лишь подъ залогъ крестьянскихъ дворовъ (*Bauerhöfen*, то есть, всей совокупности недвижимой собственности, принадлежащей одному крестьянскому хозяйству), *одѣнемныхъ не менѣе, какъ въ 5000 талеровъ*. Потомъ право на ссуды для иныхъ цѣлей, нежели выкупъ, было понижено сперва на 100 тал. чистаго дохода, и потомъ даже на 60 тал. — 18 іюня 1842 г. Ганноверское учрежденіе для выкупа крестьянскихъ повинностей было окончательно преобразовано въ *учрежденіе поземельнаго кредита вообще*. Указаніями 1844, 1846 и 1848 годовъ, по желанію сословій, были сдѣланы нѣкоторые дополненія и облегченія для заемщиковъ.

Мы изложимъ главные основанія этого учрежденія въ его окончательной формѣ.

Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита въ сущности основано на томъ же началѣ, какъ и всѣ подобныя германскія учрежденія; оно точно также имѣетъ цѣлю перенести въ руки своихъ заемщиковъ весь кредитъ, который получаетъ отъ своихъ заимодателей. Но Ганноверское учрежденіе не *корпорация* землевладѣльцевъ, каковы земскія кредитныя общества въ другихъ странахъ Германіи (напримѣръ въ Пруссіи и Виртембергѣ), а *правительственное учрежденіе*, хотя и имѣющее всю самостоятельность и всѣ принадлежности права на пріобрѣтеніе и собственнаго имущества — какъ *юридическое лицо*.

Оно производитъ ссуды:

- 1) Для выкупа *поземельныхъ повинностей* всякаго рода.
- 2) Для всякихъ иныхъ цѣлей, преимущественно для погашенія старыхъ *гипотечныхъ долговъ*.

Въ первомъ разрядѣ ссудъ, вся годовая сумма выкупаемыхъ повинностей не можетъ превосходить половины годового чистаго дохода, опредѣленнаго по оцѣнкѣ земли, служащей обезпеченіемъ, то есть, принимается выкупъ лишь такой суммы повинностей, которая бы равнялась не болѣе, какъ половинѣ чистаго дохода лица, желающаго воспользоваться выкупомъ. Обезпеченіемъ ссудъ для выкупа служатъ имѣніе или земля лица обязаннаго повинностью (*Pflichtige*); взысканіе съ имѣнія платежей, слѣдующихъ учрежденію, пользуется преимуществомъ передъ всякими другими долгами. Учрежденіе, принимая на себя выкупъ повинности, замѣняетъ собою лицо (помѣщика), имѣвшее право на повинность (*Berechtigtter*), вступаетъ во всѣ его права и потому какъ для наложенія запрещенія на имущество, такъ и для производства взысканія нѣтъ никакой надобности въ согласіи этого послѣдняго, т. е. помѣщика.

Круговое ручательство между нѣсколькими лицами, выкупающими свои повинности, не допускается.

Ссуды втораго разряда (то есть, не для выкупа) не могутъ превосходить половины капитала имѣнія, служащаго обезпеченіемъ; здѣсь принимаются въ оцѣнку (въ различіе отъ ссудъ перваго разряда) только земля, и притомъ удобная для воздѣлыванія, безъ строеній и прочаго имущества, которыя могутъ служить обезпеченіемъ лишь ссудъ для выкупа. Имѣнія втораго разряда ссудъ должны, чтобъ служить обезпеченіемъ, быть установленнымъ порядкомъ заложены въ присутственныхъ мѣстахъ.

Для обоого рода ссудъ дѣйствуютъ слѣдующія правила:

Никакія отчужденія въ имѣніяхъ, служащихъ обезпеченіемъ, никакія рѣшенія относительно нихъ со стороны правительственныхъ мѣстъ, и администрацій или суда не могутъ быть приведены въ дѣйствіе, если они сколько нибудь затрогиваютъ права или вредятъ интересамъ кредитнаго учрежденія. Всякій долгъ кредитному учрежденію неразрывно связанъ съ имѣніемъ, переходитъ ко всѣмъ его приобрѣтателямъ, безъ всякаго предварительнаго ихъ на то согласія и никогда не можетъ поступить въ конкурсную массу, а удовлетворяется прежде всякихъ другихъ взысканій. Это право можетъ казаться стѣснительнымъ для нѣкоторыхъ лицъ; но бывъ разъ повѣшенъ въ гниоточную опись имѣнія, долгъ кредитнаго установленія дѣлается для всѣхъ гласнымъ и обуславливаетъ собою самую цѣнность имѣнія.

Цѣлыя общины, городскія, сельскія, приходскія и подобныя признанныя закономъ корпораціи могутъ также занимать, подѣ залогъ своего общественнаго имущества, которое можетъ состоять не въ однихъ земляхъ, но и въ строеніяхъ. Ссуды общинамъ могутъ равняться $\frac{2}{3}$ цѣны залога. Недоимки съ общинъ взыскиваются административнымъ порядкомъ, чрезъ мѣстныя власти, наблюдающія за сборомъ податей.

Кредитное учрежденіе не производитъ ссудъ ниже 200 талеровъ капитала.

На рѣшенія дирекціи относительно взысканій не можетъ быть приносимо никакой жалобы или апелляціи.

Заемщики могутъ четыре раза въ году вносить разныя суммы въ счетъ уплаты впередъ своихъ долговъ, но не менѣе каждый разъ 25 тал.

Заемщики платятъ учрежденію ежегодно $4\frac{1}{4}$ процента съ полученнаго капитала, полугодовыми взносами. Все, что остается изъ этихъ $4\frac{1}{4}$ % за покрытіемъ процентовъ, выплачиваемыхъ вкладчикамъ или заимодавцамъ кредитнаго учрежденія, и расходовъ управленія, идетъ на ежегодное погашеніе капитальнаго долга. По первоначальному уставу изъ $4\frac{1}{2}$ % шло: $3\frac{1}{2}$ % на уплату процентовъ, $\frac{1}{4}$ % на управленіе и резервный фондъ (на послѣдній $\frac{1}{12}$ %) и $\frac{1}{2}$ % на погашеніе капитала. Но въ 1848 году это исчисленіе было измѣнено такимъ образомъ: Дальнѣйшее накопленіе резервнаго фонда прекращено и затѣмъ освободились $\frac{1}{12}$ %; ежегодно поступающій процентъ на расходы управленія исчисляется уже не на весь занятый капиталъ, а лишь на часть его, ежегодно остающуюся не погашенною, (т. е., этотъ процентъ ежегодно уменьшается, и затѣмъ все, что остается ежегодно свободнымъ изъ $4\frac{1}{4}$ %, которые продолжаютъ взиматься съ заемщиковъ, идетъ на погашеніе капитальнаго долга. Это исчисленіе чрезвычайно облегчаетъ заемщиковъ, ибо значительно сокращаетъ сроки ихъ обязательствъ передъ кредитнымъ учрежденіемъ, увеличивая ежегодно погашаемую часть капитальнаго долга.

Заемщики имѣютъ право всегда сократить сроки своихъ долговъ принятіемъ на себя обязанности уплачивать большее количество ежегодныхъ погасительныхъ процентовъ. Самый низшій размѣръ ежегодныхъ платежей $4\frac{1}{4}$ %, т. е., $\frac{1}{2}$ % на погашеніе капитала.

Въ Гамбургскомъ кредитномъ учрежденіи дѣйствуетъ тотъ же расчетъ сложныхъ процентовъ, о которомъ мы говорили въ первой нашей статьѣ и который примѣненъ ко всѣмъ операціямъ поземельнаго кредита, т. е. заемщика, внося ежегодно погасительный процентъ, постепенно уменьшаетъ свой капитальный долгъ, въ то время, какъ онъ постоянно вноситъ ту же ежегодную сумму процентовъ, численную на весь капитальный долгъ; потому каждый годъ цифра погашенной имъ части капитальнаго долга прогрессивно возрастаетъ и, платя ежегодно 1 %, онъ уплачиваетъ свой долгъ не въ сто лѣтъ, (еслибы дѣйствительно шло въ уплату капитала только 1 %, а не 1 % + та частица изъ $3\frac{1}{2}$ %, которая составляетъ излишекъ процентовъ на ежегодно остающуюся непогашенною сумму капитальнаго долга), а въ 43 года, платя $\frac{1}{2}$ % не въ 200 лѣтъ, а въ 60, и т. д. Чтобы выражаться какъ можно яснѣе, мы представимъ примѣръ: я занялъ въ банкѣ въ 1860 г. 1000 р. капитала и обязался платить ежегодно 4 %, или 40 р., изъ которыхъ $3\frac{1}{2}$ или 35 р. на уплату собственно процентовъ и $\frac{1}{2}$ % или 5 р. на погашеніе капитала. За 1860 г. я внесъ 40 р.; къ 1861 г. будетъ въ долгу на мнѣ уже не 1000 р. капитала, а только 995 р., между тѣмъ я вношу за 1860 г. тѣ же 40 р., изъ которыхъ употребляется банкомъ на уплату процентовъ ($3\frac{1}{2}$ %) уже не 35 р., а только $34\frac{95}{1000}$ руб. (то есть, сколько слѣдуетъ на 995 р. капитала), и остальные $\frac{175}{1000}$ р. идутъ вмѣстѣ съ 5 руб. на погашеніе капитала. Такъ продолжается каждый годъ и эта послѣдняя дробь постоянно возрастаетъ, а остающійся на мнѣ капитальный долгъ прогрессивно уменьшается. Въ распоряженіи банка ежегодно остается большая сумма на возвратъ долговъ, заключенныхъ имъ для производства ссудъ. Въ первой статьѣ нашей мы иначе, то есть въ другой формѣ, объясняли операцію сложныхъ процентовъ; мы предполагали, что банкъ ежегодно накапливаетъ свой погасительный капиталъ нарощеніемъ процентовъ на ежегодно выплачиваемые проценты. Здѣсь мы предположили, что этотъ погасительный процентъ дѣйствительно ежегодно идетъ на погашеніе капитала, то есть на возвратъ долговъ или вкладовъ банка, — такъ оно болѣею частью и дѣлается. Банкъ ежегодно выкупаетъ изъ обращенія выданныя имъ облигаціи и тѣмъ самымъ уменьшаетъ сумму ежегодно выплачиваемыхъ имъ процентовъ, въ то время, какъ отъ своихъ

заемщиков получает ежегодно ту же сумму процентов. Поэтому банкъ, дѣйствующій исключительно въ интересахъ заемщиковъ или землевладѣльцевъ, и можетъ назначать сроки ихъ обязательствъ болѣе краткіе, нежели тѣ, какъ приходились бы по расчету погасительныхъ процентовъ на всю сумму капитальнаго долга, то есть, напримѣръ, сто лѣтъ для 1 ½%, 50 лѣтъ для 2% и т. д. Сущность операціи сложныхъ процентовъ остается всегда та же, въ какую бы форму она ни была облечена, то есть, какимъ бы способомъ банкъ ею ни пользовался; возможность успѣха этой операціи заключается въ возможности со стороны банка тотчасъ, по полученіи какихъ либо платежей, пускать ихъ въ новые обороты.

Проценты, уплачиваемые Ганноверскимъ кредитнымъ учрежденіемъ, не имѣютъ разъ навсегда опредѣленнаго масштаба, но зависятъ по необходимости отъ количества обращающихся свободныхъ капиталовъ въ странѣ. Сообразно съ пониженіемъ этихъ процентовъ, оно можетъ уменьшить и проценты, уплачиваемые его заемщиками. До сихъ поръ оно платило и взимало 3½%; при этомъ размѣръ процентовъ, сто тысячъ капитала погашается:

При ежегодномъ вносѣ заемщиками 4¼ тал. въ 55 лѣтъ.

—	—	4½	—	46	—
—	—	4¾	—	41	—
—	—	5	—	36	—

Отъ воли заемщиковъ зависитъ вносить ту или другую цифру этихъ ежегодныхъ платежей, то есть вносить болѣе или меньшій погасительный процентъ.

Въ случаѣ неисправности насчитывается на каждый талеръ (91¼ к.) недоймки серебряной грошъ (около 3 к.) пени и кромѣ того заемщикъ можетъ быть принужденъ къ болѣе быстрому погашенію, то есть, къ высшему размѣру ежегодныхъ взносовъ.

Ганноверское кредитное учрежденіе, какъ и другія ему подобныя, чтобы производить свои ссуды, занимаетъ капиталъ у третьихъ лицъ. Для этого оно выпускаетъ облигаціи именныя или безыменныя (на предъявителя); облигаціи могутъ быть надписаны на разныя суммы, но не ниже 50 тал. и не выше 5000

тысячъ. Къ облигаціямъ могутъ быть прилагаемы особые купоны для полученія процентовъ.

Эти облигаціи выпускаются въ размѣрѣ ссудъ, выдаваемыхъ кредитнымъ учрежденіемъ, и потому обезпеченіемъ ихъ служатъ права его въ отношеніи къ заемщикамъ и запрещенія, наложенныя на ихъ имѣнія. Кромѣ того, все имущество учрежденія, и въ томъ числѣ резервный фондъ, отвѣтствуютъ за исправность его въ отношеніи къ его вкладчикамъ или владѣльцамъ облигацій. Резервный фондъ, составившійся первоначально изъ спеціального процента, наполняется остатками отъ расходовъ управленія, пенямъ и всякими прибылями, въ числѣ которыхъ самыя значительныя происходятъ отъ обязанности заемщиковъ уплачивать проценты два раза въ годъ, и отъ полученія наконецъ процентовъ по облигаціямъ лишь разъ въ годъ. Казна гарантировала кредитному учрежденію до 500,000 талеровъ, къ которымъ оно всегда можетъ прибѣгнуть для удовлетворенія своихъ вкладчиковъ, и государственное казначейство обязано дѣлать всегда, по требованію кредитнаго учрежденія, авансъ до 100,000 тал. за 3 %.

Облигаціи выдаются непосредственно въ руки вкладчиковъ, а заемщики получаютъ ссуды чистыми деньгами. Такимъ образомъ Ганноверское кредитное учрежденіе принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя сами приобрѣтаютъ отъ капиталистовъ деньги, нужныя для землевладѣльцевъ, а не ограничиваются выдачею послѣднимъ закладныхъ листовъ, для обращенія ихъ въ деньги продажею (какъ прусскіе институты).

Владѣльцы облигацій имѣютъ право на требованіе уплаты по нимъ сполна капитала изъ кассы учрежденія, заявивъ о томъ за 6 мѣсяцевъ впередъ; тоже самое право имѣетъ и кредитное учрежденіе на погашеніе облигацій или на возвратъ вкладовъ.

Завѣдываніе Ганноверскимъ кредитнымъ учрежденіемъ принадлежитъ министерству внутреннихъ дѣлъ, которое назначаетъ трехъ дворянъ, составляющихъ правленіе. Въ этомъ правленіи сосредоточивается все управленіе дѣлами учрежденія, въ которомъ никто изъ прочихъ землевладѣльцевъ или заемщиковъ не имѣетъ никакого голоса и участія.

Изъ всего нами сказаннаго видно, что Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита есть правительственное или казенное

и строго отличается отъ обществъ поземельнаго кредита въ Германіи. Съ послѣдними оно имѣетъ только то общаго, что дѣйствуетъ исключительно въ интересахъ землевладѣльцевъ или заемщиковъ, потому и относится къ той же группѣ учреждений поземельнаго кредита. Но оно не товарищество, а казенное учрежденіе, потому и несетъ на себѣ всѣ послѣдствія такого характера: и въ гарантіи своего кредита, основанной не на круговомъ ручательствѣ компаніоновъ или заемщиковъ, а на правительствѣ и содѣйствіи казны (отсюда возможность возвращать вклады по предъявленію облигацій), и въ механизмѣ управленія, состоящемъ изъ лицъ, назначаемыхъ отъ правительства, а не выборныхъ общества или сословія. Въ другомъ мѣстѣ мы войдемъ въ сравнительное разсмотрѣніе условій разныхъ родовъ организациі поземельнаго кредита и сдѣлаемъ нѣкоторые общіе выводы о ихъ относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ; пока мы считаемъ только нужнымъ выставить особенности каждой организациі и проистекающія изъ нихъ особенности самыхъ операцій кредита.

Если отъ изложенія общихъ началъ, на которыхъ основано Ганноверское кредитное учрежденіе, обратимся къ дѣйствительнымъ результатамъ его операцій, то увидимъ, что оно вполне удовлетворило цѣли своего существованія и принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ дѣйствія и финансовыя положенія самыя успѣшныя.

Уже съ перваго года своего существованія (1841 г.) его ссуды, собственно для выкупа десятины (*Zehntablösungen*), были весьма значительны. Въ слѣдующемъ году вновь выданныя ссуды достигли самой высшей цифры, какая ежегодно была въ теченіе всего времени существованія учрежденія, и именно около 1½ милліона талеровъ. Въ третьемъ и четвертомъ году ссуды уменьшились, но не далеко отстали отъ этой цифры. Съ пятого года ежегодная цифра ссудъ уже не достигаетъ прежней высоты, и съ 1847 г. постоянно упадаетъ. Причину этого надо, конечно, искать не въ ослабленіи дѣйствій учрежденія, а въ постепенномъ исчезновеніи повинностей, къ выкупу которыхъ оно было преимущественно предназначено и которыя, тотчасъ послѣ открытія его дѣйствій, всѣ обратились къ выкупу.

Вотъ цифры ежегодныхъ ссудъ:

	На выкупъ по- винностей.	Для другихъ цѣлей.	Всего.
1841	752,376 т.		752,376
1842	1,492,770		1,492,770
1843	1,209,251	3,300	1,212,551
1844	1,287,020	36,202	1,323,222
1845	749,046	70,140	819,186
1846	439,442	93,527	532,969
1847	531,789	189,313	721,102
1848	410,909	221,447	632,356
1849	203,455	144,174	347,629
1850	173,721	194,212	367,933
<hr/>			
Итого	7,249,779 т.	952,315 т.	8,202,094 т.

Изъ этой цифры ссудъ было въ 1849 г. погашено 510,824 тал., такъ что въ 1850 г. оставалось всего 7,691,270 тал.

Изъ движенія всѣхъ этихъ цифръ видно, что ссуды для выкупа постепенно уменьшались, какъ и слѣдовало быть, а ссуды вообще подъ имѣннѣе возрастали до 1848 г. постоянно и съ этого года уменьшились, согласно съ общимъ потрясеніемъ коммерческихъ дѣлъ въ Европѣ.

Число лицъ, выкупавшихъ свои повинности въ теченіе этого 10-ти-лѣтняго періода было 20,550. Изъ нихъ окончательно выкупили свои повинности и очистили свои долги въ этотъ періодъ уже 320.

Уже до открытія дѣйствій Ганноверскаго кредитнаго учрежденія обязанные повинностями крестьяне обращались къ выкупу путемъ частныхъ займовъ у постороннихъ лицъ, или заключеніемъ подобныхъ же сдѣлокъ съ самими помѣщиками, или наконецъ чрезъ одно частное кредитное общество, содѣйствовавшее выкупу. Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита мало по малу переводило на себя эти долги, къ очевидной выгодѣ крестьянъ, ибо здѣсь они могли воспользоваться гораздо болѣе продолжительными сроками кредита и погашенія. Этимъ объясняется, почему и во всѣ послѣдующіе годы существованія учрежденія продолжали выдаваться ссуды для выкупа, не смотря на огромное количество ихъ при самомъ основаніи.

Ссуды для иныхъ цѣлей, нежели выкупъ повинностей, какъ мы видѣли, постоянно возрастали; онѣ особенно поднялись съ того времени, какъ дозволены были ссуды общинамъ и подѣ

общественныя имущества. Тому же содѣйствовало дозволеніе уплачивать впередъ, во всякое время и всякія суммы, на погашеніе капитальнаго долга и по волѣ заемщиковъ всегда ускорять, болѣе крупными ежегодными взносами, сроки погашенія. Эта льгота въ практикѣ всегда оказывается чрезвычайно благоприятною для интересовъ заемщиковъ, не стѣсня ихъ свободы распорядиться операціями своего хозяйства, къ очищенію долговъ въ тотъ или другой срокъ, какой окажется для нихъ болѣе удобнымъ, подъ вліяніемъ часто измѣняющихся домашнихъ обстоятельствъ. Даже небогатые крестьяне стали прибѣгать къ кредиту, не только для выкупа своихъ повинностей, но и для раздѣловъ имущества по наслѣдству, для округленія своихъ владѣній и проч. Въ такихъ случаяхъ заемщикамъ нѣтъ надобности, чтобы сдѣлать оборотъ по хозяйству, прибѣгать къ слишкомъ долгосрочнымъ погашеніямъ (55, 46 лѣтъ и проч., съ $4\frac{1}{4}\%$, $4\frac{1}{2}\%$ и т. д.), и въ Ганноверскомъ учрежденіи весьма много заключается займовъ съ условіемъ весьма высокихъ ежегодныхъ платежей, отъ 5% даже до 10% на болѣе короткіе сроки погашенія капитала.

Ссуды общинамъ, городскимъ и сельскимъ, постоянно возрастаютъ, особенно для содѣйствія публичнымъ сооруженіямъ и постройкамъ.

Переходя собственно къ другой сторонѣ операцій Ганноверскаго кредитнаго учрежденія, ко *вкладамъ*, (къ капиталамъ, имъ самымъ занимаемымъ, для выдачи ссудъ землевладѣльцамъ и представляемымъ его облигаціями), мы должны замѣтить, что съ самаго начала своей дѣятельности оно получило важное содѣйствіе отъ казны, ссудившей ему всѣ суммы, которыя оно получало отъ выкупа десятины и другихъ повинностей въ своихъ собственныхъ или *государственныхъ имуществахъ*. Для этого послѣдняго выкупа была учреждена правительствомъ особая *выкупная касса*. Точно также были переданы въ кредитное учрежденіе суммы, получавшіяся отъ выкупа крестьянскихъ земель въ монастырскихъ имѣніяхъ. Всѣ эти капиталы были отданы кредитному учрежденію займообразно по умѣренному проценту 3%. Это было важнымъ облегченіемъ для дѣйствій учрежденія, которое сперва не легко могло бы получить нужныя ему суммы отъ частныхъ лицъ, между которыми не вдругъ распространилось довѣріе къ новымъ кредитнымъ бу-магамъ. Кредитное учрежденіе передало въ казенныя и мо-

настырскія кассы свои облигаціи, взаѣмъ ихъ ссудъ. Но скоро и частныя лица обратились къ приобрѣтенію этихъ облигацій и стали предлагать кредитному учрежденію свои капиталы, на которые оно уже выдавало облигаціи съ $3\frac{1}{2}\%$. Облигаціи получили скоро курсъ выше пари или своей номинальной цѣны. Курсъ ихъ стоялъ такъ высоко, что учрежденіе могло уже впоследствии, не измѣняя масштаба процентовъ ($3\frac{1}{2}\%$) по своимъ облигаціямъ, требовать отъ капиталистовъ, желавшихъ ихъ приобрѣсть, нѣкоторой наддачи, что оно не разъ и дѣлало; напримѣръ, выдавая облигацію въ 100 талеровъ, оно получало отъ своихъ вкладчиковъ не 100 т. чистыми деньгами, а 101, $100\frac{1}{2}$ т. и т. д. Политическія событія, хотя и остановили нѣсколько возрастаніе займовъ изъ кредитнаго учрежденія, но нисколько не потрясли его кредита или движенія вкладовъ; напротивъ того, капиталы, отклонившись на нѣкоторое время отъ помѣщеній въ государственныя фонды и промышленныя предпріятія, съ большею силою прилили къ помѣщенію въ земскихъ облигаціяхъ, такъ что кредитное учрежденіе оказало даже помощь государственному казначейству, возвративъ ему болѣе милліона талеровъ, въ счетъ его ссудъ (изъ кассы государственныхъ имуществъ), о которыхъ мы говорили выше и которыя составляли въ началѣ 1848 г. около $2\frac{1}{2}$ мил. тал. Въ концѣ 1849 г. оно снова стало выпускать облигаціи по 3% и уплатило государственному казначейству до $\frac{1}{2}$ мил. т. Въ послѣднее время Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита обходится вовсе безъ подкрѣпленія займами изъ казенныхъ источниковъ и дѣйствуетъ единственно, какъ посредникъ между поземельною собственностью и частными свободными капиталами. Немногіе банки могутъ выставить столь удовлетворительное положеніе своихъ финансовъ и столь благодѣтельные результаты своихъ операцій.

Всѣ вклады или облигаціи Ганноверскаго учрежденія поземельнаго кредита могутъ быть всегда предъявляемы къ возврату или разѣну на чистыя деньги въ его кассѣ; мы видѣли, что на разсмотрѣнныя нами кредитныя учрежденія, на теорія поземельнаго кредита не допускаютъ такого условія, а напротивъ они отнимаютъ у вкладчиковъ или владѣльцевъ облигацій банка всякое право на обратное востребованіе своихъ капиталовъ изъ кассы банка. Это условіе постояннаго права востребованія значительно содѣйствуетъ возвышенію курса ганноверскихъ облигацій, но

изъ этого нельзя еще заключить, чтобы оно всегда было возможно; объемъ капиталовъ, приводимыхъ въ обращеніе ганноверскимъ поземельнымъ кредитомъ, не довольно обширенъ, чтобы онъ могъ служить въ этомъ отношеніи полезнымъ примѣромъ для другихъ подобныхъ учреждений. Достаточно припомнить, что самая высшая цифра ссудъ землевладѣльцамъ изъ Ганноверскаго кредитнаго учрежденія едва восходила въ теченіе одного года до 1½ мил. тал., а въ прусскихъ земскихъ институтахъ она доходила почти до 90 мил. тал., и въ каждомъ институтѣ отдѣльно до 20, 30 и 40 мил. тал. Но кромѣ этой относительной мелкости оборотовъ, не должно забывать: 1) что Ганноверское учрежденіе обязано уплачивать лишь по истеченіи шести мѣсяцевъ со дня предъявленія; 2) что оно обязано постоянно выкупать часть своихъ облигацій суммами своего погасительнаго фонда и потому предъявляемыя къ размѣну облигаціи могутъ болѣе или менѣе соответствовать ежегодной цифрѣ, предназначенной къ выкупу, и 3) учрежденіе имѣетъ въ запасъ, на крайній случай, кредитъ изъ государственнаго казначейства (до 500,000 т.), который всегда можетъ покрыть всякое, вѣроятное востребованіе вкладовъ. Право на востребованіе вкладовъ объясняетъ, почему въ Ганноверѣ процентъ по нимъ болѣе или менѣе могъ быть сохраненъ одинъ и тотъ же; между тѣмъ какъ въ прочихъ странахъ Германіи, особенно южной, подобныя учрежденія вынуждены были нѣсколько возвысить свой процентъ.

Ганноверское кредитное учрежденіе принимаетъ также депозиты или капиталы для храненія и, смотря по продолжительности сроковъ, на которые они ему взрываются, оно уплачиваетъ по нимъ проценты, отъ 2% и болѣе. Судебныя мѣста, по закону, обязаны отдавать ему на храненіе капиталы, на которые налагается запрещеніе.

Резервный фондъ составлялъ въ 1850 г. до 55,000 т. Еще не случалось относить ущербовъ на этотъ фондъ. Но къ публичной продажѣ имѣній, и даже преставленій, вынужденны были не разъ прибѣгать; долги переходятъ при этомъ на пемундикокъ. Вообще недоимки были незначительны. Мы не можемъ представить свѣдѣнія о нихъ лишь до 1850 г.; недоимки взимаются съ большою строгостью.

Годы.	Число записи- ковъ.	Сумма ежегод- ныхъ изъ пла- тежей въ та- лерахъ.	Н е д о и м к и.		Наложен- ныя за не- домки пе- ни въ та- лерахъ.
			Число не- домочныхъ записи- ковъ.	Сумма не- домочныхъ платежей въ талерахъ.	
1845	14,664	223,980	190	4344	181
1846	16,598	256,372	170	3950	167
1847	17,717	282,323	146	4584	189
1848	18,806	316,693	128	4032	169
1849	19,716	339,731	160	4700	197
1850	20,550	355,168	142	4560	188

Изъ этой таблицы видно, какъ маловажны были недоимки сравнительно съ годовыми платежами, слѣдовавшими отъ записчиковъ. Вся недоимка съ 1845 по 1850 г. составляетъ около $\frac{1}{2}$ тал. на 100 т. или $\frac{1}{2}\%$. Изъ этой недоимки (около 26,000 тал.) только 4000 т. были взысканы путемъ экзекуцій или продажи заложенного имущества.

Всѣ безъ изъятія расходы управленія какъ центрального, такъ и мѣстнаго (въ провинціальныхъ конторахъ) составляли:

въ 1841 г.	2319 т.
1842	4665
1843	7807
1844	7329
1845	7634
1846	7183
1847	7826
1848	8403
1849	8783

Расходы эти возрастали вслѣдствіе развитія учрежденія и во всякомъ случаѣ они чрезвычайно умеренны. Въ 1849 г. они составляли $\frac{1}{8}\%$ на всю оставшуюся долговую сумму.

Нынѣ всѣ долги учрежденія государственному казначейству погашены, такъ что оно ничего не стоило казнѣ, хотя и основано съ ея содѣйствіемъ.

Столь благоприятное состояніе для ганноверскаго поземельнаго кредита не должно относить къ одной его организаціи, которая никакъ не представляется совершенствомъ, но также и къ успѣхамъ вообще народнаго хозяйства и благосостоянія въ Ганноверѣ, къ возрастанію народнаго капитала, развитію

раціональнаго хозяйства и постоянно выгодному сбыту земледѣльческихъ произведеній, возвышавшихся въ цѣнѣ.

Кромѣ описаннаго нами главнаго учрежденія поземельнаго кредита въ Ганноверѣ существуютъ еще другія подобныя же мѣстныя учрежденія:

1) *Дворянская кредитная компанія (Der ritterschaftliche Creditverein) въ Монебургъ.*

2) *Дворянская кредитная компанія въ Каленбургъ, Грубенгагенъ и Гильдесгеймъ.*

3) *Дворянская кредитная компанія въ Бременъ, Ведернъ и Гадельнъ.*

Всѣ эти компаніи основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ; землевладѣльцы, получающіе ссуды, дѣлаются членами и отвѣтствуютъ за всѣ долги, заключенные компаніею. Вообще поземельный кредитъ организована въ нихъ такъ же, какъ въ Пруссіи.

Въ Ганноверѣ былъ не разъ подымаемъ вопросъ о сліянїи всѣхъ компаній въ одномъ *главномъ учрежденіи поземельнаго кредита*. Расходы управленія при этомъ безъ сомнѣнія сократятся; сліянїе улыбаются и централизаторскимъ стремленіямъ бюрократіи. Но провинціальныя учрежденія противились сліянію и вѣроятно никогда не согласятся пожертвовать своею самостоятельностью и независимостью.

Въ приложеніи мы предлагаемъ для соображенія читателей таблицы, по которымъ исчисляются процентные и погасительные платежи въ Ганноверскомъ учрежденіи поземельнаго кредита; съ помощью таблицъ можно нагляднѣе представить себѣ ходъ операціи и погашенія долговъ.

Теперь мы перейдемъ къ остальнымъ кредитнымъ учрежденіямъ той же группы и предоставляемъ себѣ въ своемъ мѣстѣ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе затронутой здѣсь операціи выкупа крестьянскихъ земель и повинностей; этому предмету будетъ посвящена нами, въ заключеніи нашего труда, особая статья, въ которой мы сдѣлаемъ сравнительное обзорѣніе выкупныхъ операцій въ разныхъ странахъ Германіи.

ТАБЛИЦА,

ПОКАЗЫВАЮЩАЯ, СКОЛЬКО ПРИХОДИТСЯ ЗАЕМЩИКУ ЕЖЕГОДНО ВНОСИТЬ НА УПЛАТУ ДОЛГА ВЪ 100,000 РУБЛЕЙ, ПРИ $3\frac{1}{2}\%$ ПРОЦЕНТОВЪ, $\frac{1}{2}\%$ ПОГАШЕНИЯ И $\frac{1}{4}\%$ НА РАСХОДЫ УПРАВЛЕНИЯ, ИЛИ ВСЕГО $4\frac{1}{4}\%$.

Годы.	Какой капиталъ остается въ долгу къ каждому году.	Ежегодная рента въ $4\frac{1}{4}\%$.	Изъ этой ренты вычитается:		Всего на уплату процентовъ и расходовъ управленія.	Остается на погашеніе капитала.	Какой капиталъ остается непогашеннымъ къ концу года.
			$3\frac{1}{2}\%$ для уплаты вкладчикъ процентовъ.	$\frac{1}{4}\%$ на расходы управленія.			
1	100,000	4,250	3,500	250	3,750	500	99,500
2	99,500	4,250	3,482 $\frac{1}{2}$	250	3,732 $\frac{1}{2}$	517 $\frac{1}{2}$	99,982 $\frac{1}{2}$
3	98,982 $\frac{1}{2}$	4,250	3,465	250	3,715	535	98,447 $\frac{1}{2}$
4	98,447 $\frac{1}{2}$	4,250	3,445	250	3,695	555	97,892
5	97,892 $\frac{1}{2}$	4,250	3,427 $\frac{1}{2}$	250	3,677 $\frac{1}{2}$	572 $\frac{1}{2}$	97,320
6	97,320	4,250	3,405	250	3,655	595	96,725
7	96,725	4,250	3,385	250	3,635	615	96,110
8	96,110	4,250	3,362 $\frac{1}{2}$	250	3,612 $\frac{1}{2}$	637 $\frac{1}{2}$	95,472 $\frac{1}{2}$
9	95,472 $\frac{1}{2}$	4,250	3,342 $\frac{1}{2}$	250	3,592 $\frac{1}{2}$	657 $\frac{1}{2}$	94,815
10	94,815	4,250	3,317 $\frac{1}{2}$	250	3,567 $\frac{1}{2}$	682 $\frac{1}{2}$	94,132 $\frac{1}{2}$
11	94,132 $\frac{1}{2}$	4,250	3,292 $\frac{1}{2}$	250	3,542 $\frac{1}{2}$	707 $\frac{1}{2}$	93,425
12	93,425	4,250	3,270	250	3,520	730	92,695
13	92,695	4,250	3,242 $\frac{1}{2}$	250	3,492 $\frac{1}{2}$	757 $\frac{1}{2}$	91,937 $\frac{1}{2}$
14	91,937 $\frac{1}{2}$	4,250	3,217 $\frac{1}{2}$	250	3,467 $\frac{1}{2}$	782 $\frac{1}{2}$	91,135
15	91,155	4,250	3,190	250	3,440	810	90,345
16	90,345	4,250	3,160	250	3,410	840	89,505
17	89,505	4,250	3,132 $\frac{1}{2}$	250	3,382 $\frac{1}{2}$	887 $\frac{1}{2}$	88,637 $\frac{1}{2}$
18	88,637 $\frac{1}{2}$	4,250	3,102 $\frac{1}{2}$	250	3,352 $\frac{1}{2}$	897 $\frac{1}{2}$	87,740
19	87,740	4,250	3,070	250	3,320	930	86,810
20	86,810	4,250	3,040	250	3,290	960	85,850
21	85,850	4,250	3,005	250	3,255	995	84,855
22	84,885	4,250	2,972 $\frac{1}{2}$	250	3,222 $\frac{1}{2}$	1,027 $\frac{1}{2}$	83,827 $\frac{1}{2}$
23	83,827 $\frac{1}{2}$	4,250	2,932 $\frac{1}{2}$	250	3,182 $\frac{1}{2}$	1,067 $\frac{1}{2}$	82,760
24	82,760	4,250	2,895	250	3,140	1,105	81,655
25	81,655	4,250	2,857 $\frac{1}{2}$	250	3,107 $\frac{1}{2}$	1,142 $\frac{1}{2}$	80,512 $\frac{1}{2}$
26	80,512 $\frac{1}{2}$	4,250	2,817 $\frac{1}{2}$	250	3,067 $\frac{1}{2}$	1,182 $\frac{1}{2}$	79,330
27	79,330	4,250	2,777 $\frac{1}{2}$	250	3,027 $\frac{1}{2}$	1,222 $\frac{1}{2}$	78,105 $\frac{1}{2}$
28	78,105 $\frac{1}{2}$	4,250	2,732 $\frac{1}{2}$	250	2,982 $\frac{1}{2}$	1,267 $\frac{1}{2}$	76,840
29	76,840	4,250	2,690	250	2,949	1,310	75,530
30	75,530	4,250	2,642 $\frac{1}{2}$	250	2,892 $\frac{1}{2}$	1,357 $\frac{1}{2}$	74,172 $\frac{1}{2}$
31	74,172 $\frac{1}{2}$	4,250	2,595	250	2,845	1,405	72,767 $\frac{1}{2}$
32	72,767 $\frac{1}{2}$	4,250	2,547 $\frac{1}{2}$	250	2,797	1,452 $\frac{1}{2}$	71,310

Годы.	Какой капиталъ остается въ долгу къ каждому году.	Ежегодная рента въ 4 1/4 %.	Изъ этой ренты вычитается:		Всего на уплату процентовъ и расходовъ управленія.	Остается на погашеніе капитала.	Какой капиталъ остается непогашеннымъ къ концу года.
			3 1/2 % для уплаты вкладчикамъ процентовъ.	1/4 % на расходы управленія.			
33	71,310	4,250	2,495	250	2,745	1,505	69,805
34	69,805	4,250	5,445	250	2,695	1,555	68,250
35	68,250	4,250	2,387 1/2	250	2,637 1/2	1,612 1/2	66,637 1/2
36	66,637 1/2	4,250	2,332 1/2	250	2,582 1/2	1,667 1/2	64,970
37	64,970	4,250	2,275	250	2,525	1,725	63,245
38	63,245	4,250	2,215	250	2,465	1,785	61,460
39	61,460	4,250	2,150	250	2,400	1,850	59,610
40	59,610	4,250	2,087 1/2	250	2,337 1/2	1,912 1/2	57,697 1/2
41	57,697 1/2	4,250	2,020	250	2,270	1,980	55,717 1/2
42	55,717 1/2	4,250	1,950	250	2,200	2,050	53,667 1/2
43	53,667 1/2	4,250	1,877 1/2	250	2,127 1/2	2,122 1/2	51,545
44	51,545	4,250	1,805	250	2,055	2,195	49,350
45	49,350	4,350	1,727 1/2	250	1,977 1/2	2,272 1/2	47,077 1/2
46	47,077 1/2	4,250	1,647 1/2	250	1,897 1/2	2,352 1/2	44,725
47	44,725	4,250	1,565	250	1,815	2,435	42,290
48	42,290	4,250	1,480	250	1,730	2,520	39,770
49	39,770	4,250	1,392 1/2	250	1,642 1/2	2,607 1/2	37,162 1/2
50	37,162 1/2	4,250	1,300	250	1,550	2,700	34,462 1/2
51	34,462 1/2	4,250	1,207 1/2	250	1,457 1/2	2,792 1/2	31,670
52	31,670	4,250	1,107 1/2	250	1,357 1/2	2,892 1/2	28,777 1/2
53	28,777 1/2	4,250	1,007 1/2	250	1,257 1/2	2,992 1/2	25,787 1/2
54	25,787 1/2	4,250	902 1/2	250	1,152 1/2	3,097 1/2	22,687 1/2
55	22,687 1/2	4,250	795	250	1,045	3,205	19,482 1/2
56	19,482	4,250	682 1/2	250	932 1/2	3,315 1/2	16,165
57	16,165	4,250	565	250	815	3,435	12,730
58	12,730	4,250	445	250	695	3,555	9,175
59	9,175	4,250	322 1/2	250	572 1/2	3,677 1/2	5,497 1/2
60	5,497 1/2	4,250	192 1/2	250	482 1/2	3,807 1/2	1,690
Остается въ долгу къ слѣдующему 61-му году						98,310	
						1,690	
						100,000	

ТАБЛИЦА,

ПОКАЗЫВАЮЩАЯ, СКОЛЬКО ПРИХОДИТСЯ ЗАЕМЩИКУ ЕЖЕГОДНО ВНОСИТЬ ДЛЯ
УПЛАТЫ ДОЛГА ВЪ 100,000 РУБЛЕЙ, ПРИ $3\frac{1}{2}\%$ ПРОЦЕНТОВЪ, 1%
ПОГАШЕНИЯ И $\frac{1}{4}\%$ НА УПРАВЛЕНІЕ, ИЛИ ВСЕГО $4\frac{3}{4}\%$.

Годы.	Какой наплатъ остается въ долгу къ каждому году.	Ежегодная рента въ $4\frac{3}{4}\%$.	Изъ этой ренты вычитается:		Всего на уплату процентовъ и расходовъ управленія.	Остается на погашеніе капитала.	Какой капиталъ остается непогашеннымъ къ концу года.
			$3\frac{1}{4}\%$ для уплаты вкладчикамъ процентовъ.	$\frac{1}{4}\%$ на расходы управленія.			
1	100,000	4,750	3,500	250	3,750	1,000	99,000
2	99,000	4,750	3,465	250	3,715	1,035	97,965
3	97,965	4,750	3,430	250	3,680	1,070	96,895
4	96,895	4,750	3,390	250	3,640	1,110	95,785
5	95,785	4,750	3,350	250	3,600	1,150	94,635
6	94,635	4,750	3,310	250	3,560	1,190	93,445
7	93,445	4,750	3,270	250	3,520	1,230	92,215
8	92,215	4,750	3,230	250	3,480	1,270	90,945
9	90,945	4,750	3,185	250	3,435	1,315	89,630
10	89,630	4,750	3,135	250	3,385	1,365	88,265
11	88,265	4,750	2,090	250	3,340	1,410	86,855
12	86,855	4,750	2,040	250	3,290	1,460	85,395
13	85,395	4,750	2,990	250	3,240	1,510	83,885
14	83,885	4,750	2,935	250	3,185	1,565	82,320
15	82,320	4,750	2,880	250	3,130	1,620	80,700
16	80,700	4,750	2,825	250	3,075	1,675	79,025
17	79,025	4,750	2,765	250	3,015	1,735	77,290
18	77,290	4,750	2,705	250	2,955	1,795	75,495
19	75,495	4,750	2,640	250	2,890	1,860	73,635
20	73,635	4,750	2,575	250	2,825	1,925	71,710
21	71,710	4,750	2,510	250	2,760	1,990	69,720
22	69,720	4,750	2,440	250	2,690	2,060	67,660
23	67,660	4,750	2,370	250	2,620	2,130	65,530
24	65,530	4,750	2,295	250	2,545	2,205	63,325
25	63,325	4,750	2,215	250	2,465	2,285	61,040
26	61,040	4,750	2,135	250	2,385	2,365	58,685
27	58,685	4,750	2,050	250	2,300	2,450	56,225
28	56,225	4,750	1,970	250	2,220	2,530	53,695
29	53,695	4,750	1,880	250	2,130	2,620	51,075
30	51,075	4,750	1,790	250	2,040	2,710	48,365
31	48,365	4,750	1,695	250	1,945	2,805	45,560
32	45,560	4,750	1,595	250	1,845	2,905	42,655

Годы.	Какой капиталъ остается въ долгу къ каждому году.	Ежегодная рента въ 4 3/4 %.	Изъ этой ренты вычитается:		Всего на уплату процентовъ и расходовъ управленія.	Остается на погашеніе капитала.	Какой капиталъ остается непогашеннымъ къ концу года.
			3 1/2 % для уплаты вкладчикъ процентовъ.	1/4 % на расходы управленія.			
33	42,655	4,750	1,495	250	1,745	3,005	39,650
34	39,650	4,750	1,390	250	1,640	3,110	36,540
35	36,540	4,750	1,280	250	1,530	3,220	33,320
36	33,320	4,750	1,165	250	1,415	3,335	29,985
37	29,985	4,750	1,050	250	1,300	3,450	26,535
38	26,535	4,750	930	250	1,180	3,570	22,965
39	22,965	4,750	805	250	1,055	3,695	19,220
40	19,220	4,750	675	250	925	3,825	15,445
41	15,445	4,750	540	250	790	3,960	11,485
42	11,485	4,750	400	250	650	4,100	7,386
43	7,385	4,750	260	250	510	4,240	3,145
Остается въ долгу къ слѣдующему 44-му году						96,855	
						3,145	
						100,000	

В. ВЕЗОВРАЗОВЪ.

ЮНОСТЬ И СТАРОСТЬ.

(ИЗЪ РОБЕРТА ПРУТЦА).

Нѣтъ, вы насъ понять не въ силахъ;
Мы васъ тоже не поймемъ....
Такъ разстанемся, и каждый
Пусть идетъ своимъ путемъ.
На челѣ у васъ морщины,
Сердце холодно у васъ;
Вы и сами говорите,
Что ужъ пламень въ немъ погасъ.
Мы же юны, сильны, пылки,
Въ насъ кипитъ отвагой кровь....
Тутъ союза быть не можетъ!
Тутъ непрочная любовь!

Безъ вражды, безъ тѣни злобы,
Мы «прости» вамъ говоримъ;
Передъ вашей сѣдною
Мы колѣна преклонимъ.
Но зачѣмъ у васъ, при видѣ
Свѣжихъ юноши ланитъ
И кудрей густыхъ и черныхъ,
Душу тайный страхъ томить?
И у васъ вилися кудри,
Былъ когда-то смѣлый взглядъ....
Нынче кудри побѣлѣли —
Нынче взоры не горять!

Я же нечужд вам,
 Не чужд ни жгучей жгуче,
 Прощайте вы, друзья!
 Кто ждал меня д'яла согреть!
 Кто ждал меня, да нечужд,
 Да ждал меня головой, —
 Да ждал меня, кто вышел
 Желанием на бой.
 Мы же б'шено так рвемся,
 Жаждем д'яла и борьбы:
 И страданья и волненья
 Просим жадно у судьбы!

Мы стоим на верснуты,
 Разойтись пора пришла:
 Вань жидущая долина,
 Навь жидущая скала!
 Отдыхайте же, жидь предки,
 Ночь жидущая ружья,
 У жидущих слава
 Жидущая жидущая!
 Мы жидь жидущая
 Жидь жидь не буди:
 Для жидущих обольется
 Жидь жидь старческой жидущей.

Ты жидь, жидущая жидущая,
 Жидущая жидущая жидущая,
 Жидущая жидущая жидущая,
 Жидущая жидущая жидущая!
 Для жидущих жидущих жидущих
 Жидущих жидущих жидущих жидущих:
 И жидь жидь жидущих жидущих — жидущих жидущих
 Жидущих жидущих жидущих жидущих!
 Пусть жидущих жидущих жидущих жидущих,
 Жидущих жидущих жидущих жидущих:
 Жидущих жидущих жидущих жидущих
 Жидущих жидущих жидущих жидущих!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

ГУБЕРНСКІЙ КАРНАВАЛЪ.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

ГЛАВА IX.

Пришло и время рекрутскаго набора въ Бѣловодскѣ. Разскажемъ изъ него одинъ случай, имѣющій близкое отношеніе къ нашей исторіи.

Никифоръ Коровай мужикъ лѣтъ пятидесяти-шести, одинъ изъ самыхъ богатыхъ крестьянъ не только волости, а можетъ быть и округа, пріѣхалъ за шестьдесятъ верстъ сдавать охотника за свое семейство. Извѣстно, что если мужикъ сдаетъ наемщика за свое семейство, то это прямое и ясное доказательство того, что онъ богатъ, а чѣмъ богаче мужикъ, тѣмъ больше, конечно, можетъ онъ дать, кому слѣдуетъ, — въ видѣ ли благодарности за кой-какія послабленія, въ видѣ ли казенныхъ взысканій, которыя хотя и прямо, въ обрѣзъ вычислены въ законѣ, но такъ какъ мужикъ въ грамотѣ неслепъ, то взимаются по усмотрѣнію. У Никифора три сына взрослыхъ и уже женатыхъ, и два не женатыхъ, всѣ молодцы одинъ къ одному. Никифоръ Коровай давно уже положилъ — всѣми мѣрами избавить дѣтей отъ рекрутчины. Нѣсколько лѣтъ онъ отплачивался, кому слѣдуетъ, чтобы показывали дѣтей его больными, или уменьшали бы имъ года, и платилъ всегда черезчуръ дорого. Наконецъ ему надоѣлъ

этотъ періодическій платежъ дани: онъ рѣшился поставить охотника за свое семейство. Сказано — сдѣлано. Выгнанный изъ какого-то суда, — должно быть земскаго, — отставной подъячій, по просьбѣ Никифора, нашелъ гдѣ-то въ захолустьи, въ какомъ-то питейномъ домѣ, забулдыгу лѣтъ двадцати двухъ, окончательно спившагося съ круга и рѣшившагося испытать счастья на полѣ брани. Пьяница приказный пьянствовалъ недѣли три съ пьяницей охотникомъ на счетъ мужика, наконецъ уговорилъ его согласиться на предложеніе старика. Подъячій получилъ за хлопоты пятьдесятъ рублей, будущій рекрутъ взялъ триста пятьдесятъ, да проплатилъ оныя цѣлковыхъ пятьдесятъ, — значить уже стали мужику въ копѣйку!... Ровно два мѣсяца передъ наборомъ охотникъ пьянствовалъ съ утра до ночи и, взявъ деньги впередъ, рѣшительно помыкалъ хозяиномъ, какъ ему было угодно. Никифоръ все терпѣлъ, заплативъ деньги впередъ, терпѣлъ даже присутствіе буйнаго во хмѣлю и блудливаго, какъ кошка, подъячаго, который ни на шагъ не отставалъ отъ своего друга охотника и научалъ его всѣмъ возможнымъ мерзостямъ. Возилъ Никифоръ своего охотника и къ окружному, чтобы посмотрилъ, годится ли тотъ въ солдаты? Окружной посмотрилъ того со всѣхъ сторонъ, взялъ славную взятку, да и объявилъ, что «хоть-моль, охотникъ твой и хорошъ кажись, Никифоръ, да сказать теперь покуда ничего нельзя; а какъ пріѣдешь совсѣмъ отдавать его, тогда опять у меня побывай!» Понялъ бѣдный мужикъ, въ чемъ дѣло, только почесалъ въ головѣ, да полѣзъ въ заветную кубышку, съ незапамятныхъ лѣтъ запрятанную Богъ — вѣсть куда. Привезъ наконецъ мужикъ отдавать своего рекрута; съ нимъ было два старшихъ сына, дюжіе, здоровые мужики, привезенные въ видѣ почетнаго караула для оканчивавшаго свое бурное поприще охотника. Старикъ, потупивъ голову и считая что-то про себя по пальцамъ, скорымъ шагомъ отправился къ ближайшему своему начальнику; сыновья его, и между ними печальный охотникъ, шли за нимъ. На перекресткѣ они встрѣтили блѣднаго, заплаканнаго мужика ихъ же волости, лѣтъ тридцати, въ худой изорванной одежѣ, въ сопровожденіи плотнаго мужика съ хитрымъ выраженіемъ лица; — въ первомъ Никифоръ узналъ крестьянина Захара Горюна, а второй былъ отдатчикъ.

Повстрѣчавшись съ Никифоромъ, Горюнъ снялъ свою старенькую шапку и низко поклонился. Никифоръ никогда не былъ гордъ и спесивъ и отвѣчалъ ему ласково.

— Что, Захарушко? куда тебя Богъ несетъ? спросилъ онъ у бѣдняка.

— Бѣда, ай батюшки, какая бѣда, отвѣчалъ со вздохомъ мужикъ, — слезы такъ и брызнули изъ глазъ его:—къ окружному иду, пояснилъ мужикъ еще съ большею горестью.

— Что, иль въ солдаты берутъ? спросилъ Никифоръ.

— Берутъ, жалобно отвѣчалъ Захаръ и потупилъ голову.

Никифоръ покачалъ головой.

— Говорятъ: ты тройникъ, продолжалъ мужикъ, — а какой я тройникъ, Никифоръ Семенычъ, самъ ты знаешь, — отецъ слѣпой съ печки не слѣзаетъ, а братишко — калѣка кривоногій, по землѣ ползаетъ; одинъ я, какъ есть, работникъ.

Мужикъ тяжело вздохнулъ.

— Вотъ и иду, милости просить, говорилъ онъ; — спасибо еще голова такой жалостливый, — говоритъ: стунай—моль съ отдатчикомъ, походи, поклоняйся. Я вотъ и пошелъ....

Никифоръ сомнительно покачалъ головой.

— А деньги есть? спросилъ онъ у него.

Захаръ болѣзненно засмѣялся.

— Деньги!.. какія тѣ у насъ деньги? У насъ и хлѣбушка-то не ма.

Никифоръ еще безнадежнѣе покачалъ головой и задумался.

— Ну, братъ, жаль мнѣ тебя, наконецъ вымолвилъ онъ, чтобы чѣмъ нибудь утѣшить мужика, котораго дѣло было дѣйствительно очень ненадежно: — пойдемъ уже со мной къ пану-то (*) напому, онъ до меня всегда такой ласковый, можетъ что сдѣлаетъ и для тебя.

Захаръ Горюнъ чуть не упалъ въ ноги благодарителю.

Подходя къ дому окружнаго начальника, мужики еще издали сняли шапки и такимъ образомъ достигли воротъ. Здѣсь ихъ встрѣтилъ дворникъ и взялъ съ нихъ за пропускъ, — за Горюна заплатилъ Никифоръ. На лѣстницѣ поймалъ крестьянъ писмоводитель, — надо было опять платить, чтобы онъ не разстроивалъ и не отговаривалъ, когда начальникъ согласится на просьбы мужиковъ; въ передней грязный, заспанный лакей взялъ съ нихъ еще акциденцію, чтобы, не задерживая, доложить объ ихъ приходѣ своему барину.

(*) Крестьяне иначе не называютъ окружныхъ, какъ господами, папаш.

Никифоръ не ошибся, говоря, что онъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ папомъ: едва тотъ услышалъ, что пришелъ Коровай, какъ расширилъ ротъ до ушей и громовымъ голосомъ приказалъ его позвать.

— А, здорово, борода, здорово, мазеца! съострилъ онъ, обращаясь къ вошедшему посѣтителю.

— Ну, чего тебѣ еще надо? продолжалъ шутить панъ, — опять пришелъ душу тянуть за своихъ ледачихъ сынковъ? Ну, ужъ это, братъ, дудки. Мнѣ уже надоѣло ихъ все больными-то показывать, да и деньги до зарѣзу нужны!

Окружной самодовольно захохоталъ. Мужикъ, знавшій коротко окружного, очень испугался того, что ему деньги нужны.

— Ужъ не лучше ли къ нему въ другое время зайти, думалъ мужикъ, — когда ему не такъ гроши нужны будутъ?

Однако окружной очень хорошо смекнулъ, въ чемъ дѣло, зачѣмъ мужикъ пришелъ, и началъ его допрашивать.

Мужикъ послѣ нѣкотораго колебанія разсказалъ свою надобность.

— Ну, чтожъ, дѣло, дѣло, вкричалъ окружной: — лишь бы годился охотникъ.

Привели охотника, раздѣли его до нага и осмотрѣли. Рекрутъ дѣйствительно былъ красавецъ собой и не имѣлъ рѣшительно никакихъ физическихъ недостатковъ, такъ же, какъ и въ первый осмотръ.

Впрочемъ панъ не высказалъ своей оцѣнки сейчасъ же, а прогналъ прежде охотника съ его одеждой въ рукахъ, а потомъ обратился къ Никифору съ слѣдующимъ лаконическимъ вопросомъ.

— Ну, сколько же?

Мужикъ потупилъ голову.

— Сколько ваша милость положить изволите? отвѣчалъ тотъ, скрѣпя сердце.

Панъ задумался.

— Ну, Богъ съ тобой, объявилъ онъ наконецъ; — давай пятьсотъ цѣлковыхъ, да веди охотника въ палату.

Мужика обварило, какъ кипяткомъ.

— Батюшка, отецъ родной, ваше высокоблагородіе, помилуйте, не много ли будетъ?

Окружной не былъ очень злой человѣкъ и потому рѣшился вступить съ крестьяниномъ въ дружественное разсужденіе, тѣмъ

болѣе, что въ Никифорѣ нельзя было предположить никакого либеральнаго духа и смиреніе его было очевидно.

— Эхъ, дуракъ ты, дуракъ, посмотрю я, началъ объяснять разумный панъ:—туда же, подлецъ, торгуешься! Да ты сочти, болванъ, да подумай, атъ можетъ твоя глупая башка и пойметъ, что изъ этихъ пятисотъ—то карбованцевъ—я долженъ буду самъ отдать четыреста,—что же мнѣ-то останется? а? глупая ты голова, посмотрю я, а еще волосы въ снѣгу!

Онъ съ особенной укоризной покачалъ головой.

— Да, сударь, ваше высокоблагородіе. На нѣ-то милость довольно бы было и двухъ сотенныхъ; вѣдь прежде всегда такъ бывало, двѣ сотни отдаешь на Николая Филиппича.

— Эхъ ты, дура-голова, съ усмѣшкой возразилъ опружикъ:—ничего-то вы, флуки, не знаете, ничего не смыслите! Ну, слушай же, дуракъ ты: хотѣ говорить съ вами, да объяснять вамъ, что и какъ, — это только баловство пустое; ну, да ужь Бегъ съ тобой,—слушай, да ужь послѣ этого и пикнуть слова не можешь: какъ прикажутъ, такъ и будетъ, понимаешь?

— Понимаю—ста, батюшка баринъ, ваше высокоблагородіе, вымолвилъ мужикъ съ неподдѣльною горестію.

— Ты чай слыхалъ, что Николай Филиппичъ нашъ—человѣкъ важный, что ему и жить надо не такъ, какъ вамъ грѣшнымъ? началъ окружной.

Мужикъ молчалъ и только поглядывалъ на него.

— Слыхалъ ты чай то же, что ему отъ другихъ важныхъ господъ ототавать никакъ не приходится; куда они, туда и онъ; такъ что ли?

— Такъ, сударь, такъ, отвѣчалъ мужикъ, видѣвшій надъ своимъ карманомъ бѣду неминуемую и начинавшій понемногу свыкаться съ этою горестною мыслью.

— Ну, такъ знай, что эту зиму въ городѣ живетъ одинъ богатый, очень богатый панъ, Баламутовъ; понимаешь, ему тысячи ни по чемъ; онъ здѣсь всѣ веселости справляетъ, пановъ веселить, такъ нашему-то ужь отстать никакъ нельзя, понимаешь?

— Понимаю—съ, проговорилъ сквозь зубы совершенно убитый мужикъ.

— Ну, такъ вотъ потому-то съ тебя и берутъ вмѣсто двухъ-сотъ теперь четыреста, понялъ?

Никифоръ покорился обстоятельствамъ и, вздохнувъ во всѣ легкія, подбѣзъ за пазуху, вынулъ пачку замазанныхъ ассиг-

націй и, оточтя пятьсотъ рублей, подавъ ихъ благотѣльному отцу—начальнику.

— Извольте принять, сударь, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ ему, а самъ подумалъ:

— Нехай сто чертей этимъ панамъ Баламутовымъ, за какими рожкомъ ихъ свата притащило?

Окружной взялъ деньги, перечесть ихъ и положить въ карманъ.

Между тѣмъ Никифоръ вспомнилъ объ несчастномъ Горюнѣ, стоявшемъ до сихъ поръ въ передней окружного, и рѣшилъ въ умѣ, что такъ какъ деньги окружному уже отданы и деньги черзчуръ большія, то можно попросить его за несчастнаго Горюна и пану не грѣхъ было бы заступить въ ту же плагу и его спасеніе.

— Я, пане, въ вамъ другое еще дѣло имѣю, рѣшился проговорить Никифоръ, видя, что окружной кончилъ уже считанье денегъ.

— Что такое?

Никифоръ рассказывалъ, въ чемъ дѣло.

— Ну, братъ, ты за такую швагголь лучше и не проси: что тебѣ за дѣло?

Никифоръ задумался и, рѣшивъ, что за Богомъ доброе дѣло не промадаетъ, попытался вступитъ съ окружнымъ въ болѣе конфиденціальныя разговоръ.

— Я, ваше высокоблагородіе, согласенъ отъ своего кнута за Горюна вашему высокоблагородію поблагодарить; явите только Божескую милость, ослобоните его, вѣдь вся семья на міру пойдетъ, съ голоду поколѣетъ,

— А сколько же ты даешь?

— Да золотой бы, ваше высокоблагородіе, нерѣшительно проговорилъ тотъ, какъ будто испугавшись своей дерзости предлагать такую ничтожную сумму такой особѣ.

— Что? протянулъ панъ: — за такое дѣло золотой? да ты никакъ съ ума спятилъ!

— Не могу, ваше высокоблагородіе, ей Богу больше не могу, объявилъ рѣшительнымъ тономъ крестьянинъ:—посудите сами, сударь, вѣдь онъ мнѣ не братъ, не свать, — такъ, изъ одной жалости! А ужъ съ него ничего не возмешь, кошки во дворѣ нѣтути.

Окружной самъ зналъ, что съ Горюна рѣшительно взять нечего и потому, поломавшись немного, объявилъ Никифору:

— Давай золотой, Богъ съ вами!

Золотой былъ отданъ, но хитрый окружной самъ слѣлать ничего не могъ и потому призвалъ Горюна и приказалъ ему идти къ дому Рыкова и дожидаться его тамъ, такъ какъ онъ сейчасъ же пойдетъ туда.

— Ну, а ты ступай туда.... тамъ освидѣтельствуютъ твоего охотника, проговорилъ онъ Никифору: — да смотри, не забудь Хрипунова, понимаешь?

Никифоръ наклонилъ голову въ знакъ согласія и почесалъ только въ затылкѣ.

Едва мужики вышли на дворъ, какъ Горюнъ, хотя и не знавшій о поступкѣ Никифора, но враньисавшій его вышательству и просьбамъ милостивое заступничество, которое обѣщали ему окружной, повалился ему въ ноги; у бѣдлага языкъ едва говорилъ и духъ занимался отъ радостной надежды освободиться отъ сдачи и спасти тѣмъ отъ голодной смерти старуху мать, слѣпago отца и калѣку брата.

Разставшись съ облагодѣтельствованнымъ имъ Горюномъ, Никифоръ съ своими спутниками отправился къ Хрипунову. Не будемъ рассказывать свиданія и конфиденціальныхъ переговоровъ Никифора съ Хрипуновымъ; скажемъ только, что визитъ этотъ обошелся отдатчику ровно въ сто рублей серебромъ, несмотря на то, что Хрипуновъ, такъ же, какъ и окружной, ясно видѣлъ, что забраковать представляемаго охотника никакъ нельзя.

Отъ совѣтника мужикъ отправился въ палату, гдѣ рекрутъ его долженствовалъ быть формально признанъ годнымъ, и тогда, — только тогда, — Никифоръ имѣлъ уже право представлять его въ рекрутское присутствіе и тамъ уже хлопотать, чтобы приняли совершенно годнаго къ военной службѣ человѣка.

Въ то же время, когда Никифоръ Коровой терпѣлъ такіа испытанія, бѣдный Захаръ Горюнъ со своимъ аргусомъ-отдатчикомъ, мерзъ у подъѣзда Рыкова, мерзъ, перескакивая съ ноги на ногу, и никакъ не осмѣливался не только войти въ сѣни квартиры столь сильной особы, но даже пристѣсть на каменное крыльцо. Изнуренное, блѣдное лицо крестьянина, сначала освѣтившееся было надеждой, вновь впало въ какое-то безжизненное отчаяніе: сердце мужика чуюло что-то недоброе, хотя онъ старался утѣшить себя мыслию, что такой важный панъ, какъ Ни-

ко лай Филипычъ, взятокъ не беретъ и долженъ быть непременно спр аведливъ и милостивъ,

Часа черезъ полтора послѣ прихода Горюна и его караульнаго къ подъѣзду Рыкова, къ тому же подъѣзду подкатилъ щегольской фаетонъ, парой красивыхъ лошадей, и изъ него выѣзъ окружной, весь закутанный богатой енотовой шубой, съ треуголкой подъ мышкой и съ бобровымъ картузомъ на головѣ. Махнувъ рукою стоявшимъ крестьянамъ, чтобы они шли наверхъ въ переднюю Рыкова, окружной быстро влетѣлъ по лѣстницѣ, сбросилъ шубу, оправилъ мундиръ и шпагу и весьма вѣжливое попросилъ лакея доложить о себѣ.

— Позови его сюда, раздался изъ кабинета грубый голосъ Рыкова въ отвѣтъ на докладъ лакея.

Окружной съ замирающимъ сердцемъ, куропаткой просеменялъ ножками до дверей кабинета, откашлянулся передъ ними и отворилъ ихъ, какъ будто бы онъ были дверьми какого нибудь неприкосновеннаго святилища.

— Ну-съ, что вамъ нужно? довольно грубо спросилъ Николай Филипычъ у окружнаго въ отвѣтъ на его формулу: честь имѣю представиться.... и т. д. Надо замѣтить, что никто изъ чиновниковъ Николая Филипыча, даже тѣ, которые ходили къ нему раза по два и по три на день, никто не смѣлъ приблизиться къ нему безъ этой заклѣточной формулы.

— Крестьянинъ такой-то волости, такого-то села Никифоръ Коровой представляетъ охотника за свое семейство, ваше превосходительство.

— Ну-съ! продолжалъ Рыковъ.

— Охотникъ весьма красивый и видный мужчина, ваше превосходительство.

— Такъ чѣмъ же вы окончили?

— Извольте получить четыреста рублей, отвѣчалъ понятливый окружной.

— Четыреста? съ легкимъ волненіемъ переспросилъ Николай Филипычъ у окружнаго, который въ это время полѣзъ въ карманъ.

— Точно такъ-съ, продолжалъ докладывать ловкій подчиненный: — прежде съ годныхъ охотниковъ бралось по двѣсти рублей съ головы, но теперь, зная, сколь необходимы вамъ деньги, я рѣшился требовать съ cadaго охотника четыреста.

Кончивъ эту длинную, но весьма пріятную для слуха Рыкова рацею, окружной подалъ ему завернутую въ чистую, бѣлѣйшую бумагу пачку засаленныхъ ассигнацій, которую управляющій сейчасъ же тщательно перечелъ.

— Да, это правда, мнѣ деньги очень и очень нужны, сказалъ Николай Филиппычъ довольно любезнымъ и мягкимъ тономъ: — надо утереть носъ этимъ скотамъ Баламутовымъ.

Что значатъ деньги-то! Даже неприступный Николай Филиппычъ, и тотъ, получивъ неожиданно двойное количество денегъ, развернулся, помиловивѣлъ, даже вступилъ съ подчиненнымъ въ родъ какой-то полуконфиденціальности.

— А что, много будетъ у насъ охотниковъ? спросилъ онъ у окружного.

— По другимъ округамъ не могу знать, ваше превосходительство, а по моему человѣкъ десять будетъ-съ.

— Это хорошо, подумалъ Николай Филиппычъ и сейчасъ же помножилъ въ умѣ четыреста на десять; вышелъ кушъ хорошій:

— Хорошо-съ, сказалъ онъ вспыхнувъ: — старайтесь, служите всегда также усердно: я васъ представлю къ наградѣ, прикажите написать представление.

Окружной чуть не вспрыгнулъ отъ радости.

Николай Филиппычъ уже откланивался съ окружнымъ, давая ему тѣмъ замѣтить, что больше ему дѣлать въ кабинетѣ начальника нечего, какъ окружной вспомнилъ объ ожидавшемъ въ передней рѣшеніи своей участи Захаръ Горюнь и доложилъ о немъ управляющему.

— Что, онъ богатый мужикъ? спросилъ тотъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ окружной: — ни кола, ни двора, а тройникъ: отецъ слѣпой, братъ дурачекъ и калѣка.

Николай Филиппычъ задумался и казалось, что-то разсчитывалъ, наконецъ состроилъ самую величественную мину и отправился въ переднюю въ сопровожденіи окружного.

Только что онъ вышелъ въ переднюю, какъ Горюнь бросилъ ему въ ноги, съ громкимъ воплемъ и, въ припадкѣ особливаго усердія, обнялъ его ноги.

— Батюшка, баринъ, будь отцомъ роднымъ, кричалъ мужикъ, видѣвшій единственное спасеніе свое и своей семьи въ доброй волѣ управляющаго: — батюшка, баринъ, не пусти по міру отца съ матерью и братишку моихъ, заставь вѣчно Богу молить за твое здоровье.

Невѣжливость мужика, то есть сказанные имъ: *батюшка-баринъ и ты*, вмѣсто «ваше превосходительство», которое очень любилъ Николай Филипычъ, хотя оно ему не принадлежало, наконецъ неприличная фамиллярность крестьянина, схватившаго въ свои объятія стопы его высокородія, все это мигомъ рѣшило участь несчастнаго.

— Что ты? заревѣлъ Рыковъ, тыкая носками сапоговъ въ лицо слишкомъ довѣрчиваго мужика, отчего у того пошла кровь изъ носа. Ты смѣешь меня еще за ноги хватать? Я тебѣ дамъ, анаѣма ты такая!

Мужикъ отвалился отъ штановъ управляющаго и выпрямился во весь ростъ; глаза его засверкали, голова приподнялась — видно было, что пріемъ управляющаго выводитъ его изъ терпѣнія.

Уже одинъ такой гордый видъ въ состояніи былъ довести Николая Филипыча до бѣшенства во время самаго мирнаго расположенія духа; какъ же можно ему было не взбѣситься въ настоящую минуту?

И точно — онъ взбѣсился и мужику досталась такая трепка, что не приведи Богъ, а въ добавокъ Николай Филипычъ, ревнуя объ исправленіи деревенскихъ овецъ своихъ, приказалъ отдатчику тащить виновнаго къ волостному головѣ, занимавшемуся поставкой рекрутъ и именемъ Рыкова приказать тому немедленно представить дерзкаго ослушника въ рекрутское присутствіе.

Мужикъ тяжело вздохнулъ и поплелся.

Но пораженіемъ, претерпѣннымъ отъ Рыкова, не кончились похождения Горюна.

Отдатчикъ привелъ его къ тому мѣсту по близости рекрутскаго присутствія, гдѣ находился ихъ волостной голова и всѣ рекруты ихъ волости, въ томъ числѣ и Никифоръ Коровой со своимъ охотникомъ, уже освидѣтельствованнымъ палатою.

— Ну, Захарко, что Богъ далъ? спросили почти въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе, не исключая и головы — такое сильное участіе принимали они въ несчастномъ мужикѣ.

Горюнъ молча указалъ крестьянамъ на свое лицо, на которомъ еще виднѣлись слѣды запекшейся крови, и горько застѣлся.

— Вона, мотри, братцы, пань-то на водку сколько далъ, про-нически проговорилъ онъ, хотя слезы, выбитыя изъ его крѣпкой природы болью, горемъ и униженіемъ, едва давали ему говорить.

Мужикъ сѣлъ на придорожный камень съ тихимъ, раздраженнымъ душою смѣхомъ; голова не вытерпѣвъ, отвернувшись и высморгнулся въ полу своего форменнаго аяма.

Наступило тяжелое для всѣхъ молчаніе; его прервалъ Никифоръ Коровой. Онъ подошелъ къ головѣ и началъ говорить съ нимъ вполголоса.

— Оно ужъ извѣстно, отвѣчалъ голова: — онъ спокоенъ—вѣку былъ кровопійца, разбойникъ какой-то; ну, да и тотъ хорошъ, — изъ булыжника наровить кашу сварить; — дуракъ, братъ, ты Никифоръ, что далъ этому асниду золотой....

— Да не въ томъ дѣло, не о томъ рѣчь, Михайло Афанасьичъ: — Господь съ нимъ, съ золотымъ, провалиться бы ему; малаго-то ослободи какъ нибудь, вѣдь ты у насъ всему дѣлу голова,—какъ скажешь, такъ тому и быть.

Голова потупился въ землю.

— Страшно, опасно, прошепталъ онъ: — помилуй Богъ, какъ узнаетъ.

— Чтожь, вѣдь ты голова, тебя бить не посмѣтъ, возразилъ Никифоръ.

Голова усмѣхнулся.

— Не посмѣтъ! старшинъ же деретъ не на животь, а на смерть, а вѣдь и тѣхъ тоже не смѣтъ.

Голова задумался сильно.

— Ну, инъ быть по твоему, рѣшилъ онъ наконецъ: — авось побоятся поколотить.

— Эй, Захаръ, а Захаръ,—началъ онъ, подойдя къ сидѣвшему въ глубокой задумчивости мужику: — что ты такъ приснирѣлъ? авось Богъ милостивъ, братъ?

Мужикъ отчаянно махнулъ рукой.

— Чаво махать-то! отъ маханья не пособится! А ты вотъ лучше послунай добрыхъ людей, продолжалъ увѣщевать голова.

Мужикъ поднялъ голову и вынулъ глазами въ своего собеседника.

— А что, Михайло Афанасьичъ? проговорилъ онъ, едва не задышавъ отъ вновь родившейся надежды.

— Что? а вотъ что, малый! сказалъ голова, вынимая изъ шароваръ мѣдную табакерку и запуская туда толстые пальцы. — Ты чай слыхалъ, что сюда прислали какого-то князя или тамъ графа, смотрѣть за начальствомъ при наборѣ.

— Слыхалъ, отвѣчалъ мужикъ.

— Ну, а слыхалъ, такъ ступай къ нему, да и пожалуйся, проговорилъ скороговоркой голова.

— А что, Захаръ, и впрямъ подь, голубчикъ, подь, небось, закричали въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе.

— А какъ же ты-то, Михайло Афанасьичъ? нерѣшительно промолвилъ Горюнь: — управляющій тебя пожалуй со свѣту сживетъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ дойдетъ.

Голова опять испугался, всѣ замолчали.

— Да что, Михайло Афанасьичъ, выѣшался наконецъ Коровай: — ты скажи управляющему-то, что Захаръ потихоньку ушелъ; ну, посердится, побранить, да и только.... За то тебѣ Богъ видимо пошлетъ.

Всѣмъ понравилось это предложеніе, даже голова — и тотъ не сталъ спорить и, махнувъ рукой, рѣшительно объявилъ: — а ну, — была-не была, потихоньку, такъ потихоньку! Только ты, Захарушка, въ самомъ дѣлѣ не наостри лыжи, прибавилъ онъ, обращаясь къ Горюню.

— Вотъ-тѣ Христось, Михайло Афанасьичъ, что какъ только отпустить, къ тебѣ прибѣгу сейчасъ же, отвѣчалъ тотъ.

— А если не удастся? нерѣшительно продолжалъ голова.

— Удастся, не удастся, — все равно, объявилъ Захаръ; вотъ-тѣ крестъ святой — назадъ сейчасъ же приду.

Честные люди всегда вѣрятъ честнымъ людямъ, потому никто ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что Захаръ сдержитъ свое слово. Черезъ пять минутъ Захаръ перекрестился, простился съ головой и товарищами и скорымъ шагомъ побѣжалъ размещать квартиру князя Тараканова.

Провожатаго ему дать было нельзя, иначе управляющій увидѣлъ бы въ этомъ участіе головы; не доложитъ объ уходѣ Горюна къ князю Тараканову — голова тоже боялся, потому что полковникъ по всей вѣроятности, такъ предполагали крестьяне, вступится въ дѣло и будетъ писать или говорить о немъ на словахъ Рыкову. — Нечего дѣлать, голова рѣшился идти къ Николаю Филиппичу, читая про себя известное изреченіе, долженствовавшее, по мнѣнію головы, укротить ярость этого великаго господина.

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, шепталъ всю дорогу голова.

ГЛАВА X.

Не долго искалъ Горюнь большого пана, присланнаго смотрѣть за туземными панами, во время рекрутскаго набора: не найти князя Тараканова было довольно мудрено.

Въ то время, когда Закаръ Горюнь подымался тяжелыми шагами по устланной ковромъ лестницѣ его квартиры, князь сидѣлъ запершись въ своемъ кабинетѣ и занятъ былъ весьма важнымъ дѣломъ: онъ соображалъ, какимъ образомъ могло случиться то обстоятельство, что Роза Ивановна Таубе, согласившись вчерашній день на одинокое свиданіе съ нимъ, не наградила его за его пылкую любовь, и какимъ образомъ онъ опростоволапился....

— Ну, положимъ, она женщина добродѣтельная, тѣмъ лучше для меня, — прибавилъ въ скобкахъ его сіятельство: — положимъ, что ей съ перваго разу нельзя было самой навязываться мнѣ на шею; но я-то, я-то чего звралъ? Это непростительно! Это больше чѣмъ непростительно, — это глупо.

Употребивъ съ полчаса времени на обдумываніе этой казусной ошибки и давъ себѣ слово непременно выпросить у г-жи Таубе еще маленькое свиданіе и тогда непременно энергически поправить свой промахъ, князь Павелъ Петровичъ рѣшился уже было сѣсть за кучу сухихъ бумагъ, накопившихся у него за три дня, проведенныя въ непрерывныхъ увеселеніяхъ, — какъ вдругъ вшедшій камердинеръ доложилъ ему, что пришелъ казенный мушкетеръ Закаръ Горюнь, который не отступно проситъ аудіенціи у его сіятельства.

— Я уже гналъ его, ваше сіятельство, говорилъ, что вы изволите почивать, ничего неимется, все стоитъ, ждать, говорить, буду, — показывалъ странное упрямство мужика великолѣпный княжескій камердинеръ.

Но князь былъ человѣкъ современный, начитавшійся многихъ хорошихъ вещей, хотя и не понимавшій ихъ, наконецъ былъ отчасти и эманципаторъ, потому обращеніе камердинера съ «почтеннымъ земледѣльцомъ» отнюдь ему не пришлось по праву и камердинеръ получилъ порядочную головомойку.

Вспомнивъ вѣроятно крестьянъ, а скорѣе всего крестьянокъ Жоржа-Санда, князь сбросилъ свой сѣренькій домашній скюрточокъ и спросилъ живѣе, какъ можно живѣе, полукастанъ, да

еще съ эполетами. Послѣ того онъ объявилъ камердинеру довольно важно: «проси въ залу», на что камердинеръ, вышедши за дверь, довольно саркастически улыбнулся.

Захаръ Горюнъ, ни живъ, ни мертвъ отъ страха, переступилъ порогъ залы, указанной ему княжескимъ камердинеромъ и, трясая всѣмъ тѣломъ, останавливался у притоки и машинально вертѣлъ свою уродливую манку съ ушами. Кровь застыла у его носа и у угловъ рта, а лицо было украшено почтеннымъ количествомъ синяковъ — дѣломъ рукъ Николая Филиппа.

Князь Таракановъ, рассчитывая на великолѣпный эффектъ, съ шумомъ распахнулъ двери и невольно остолебѣлъ при видѣ несчастнаго мужика; даже, сказать правду, князь почувствовалъ какое-то омерзѣніе при видѣ его.

— Что тебѣ, любезный, отъ меня нужно? наконецъ рѣшился спросить мужика великолѣпный полковникъ....

Мужикъ конечно повалился въ ноги и долго не могъ выговорить ни слова отъ слишкомъ сильнаго волненія.

У князя Тараканова сердце было мягкое и, несмотря на невыгодное впечатлѣніе, произведенное на него мужикомъ, онъ началъ чувствовать къ нему что-то похожее на состраданіе, тѣмъ болѣе, что въ характерѣ его сѣятельства никогда не бывало никакой твердости и что ему переходить отъ одного чувства къ другому, совершенно противоположному, ровно ничего не стоило. Намеицеъ, когда мужикъ собрался съ духомъ и подробно рассказалъ свое дѣло и безчеловѣчный поступокъ съ нимъ управляющаго палатой государственныхъ имуществъ, то князь Таракановъ окончательно принялъ сторону мужика: онъ вспомнилъ вчерашнее происшествіе на охотѣ, вспомнилъ, какъ завтра же при вѣсѣхъ онъ найдетъ выѣстъ съ губернаторомъ, что Рыновъ и его супруга *mauvais genre* (губернаторъ конечно умалчалъ объ Аннѣ Ивановнѣ). Это обстоятельство сильно послужило въ пользу Горюна: какъ, въ самомъ дѣлѣ, князь Таракановъ, такой важной особѣ, не пойти въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, даже не разбирая, кто правъ, кто виноватъ, противъ *mauvais genre* а.

Князь и разбирать дѣла болѣе не сталъ, съ него было довольно одного внутренняго убѣжденія; онъ утѣрилъ крестьянина, что онъ сейчасъ же пойдетъ писать объ немъ нужныя бумаги, что все для него сдѣлается и освободитъ отъ рекрутчины, и накажетъ управляющаго за жестокое обращеніе, и на-

градить голову Михайла Афанасьича, и крестьянина Коровая за ихъ благодаренія Захару Горюну, который, обнадеженный злобою князя на Рыкова, вступилъ было съ нимъ въ самый отвлеченный разговоръ и особенно ходатайствовалъ у его сіятельства награды головѣ и Никифору за ихъ добродѣтели. Князь все общалъ и полетѣлъ писать *строжайшія* бумаги.

Но писать — не все равно, что *хотѣть* писать: князь Таракановъ скоро это увидѣлъ, испортивши три стальныхъ пера и не написавъ ни одной строчки. Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельство было довольно трудное, даже и для знатока по бумажной части, не то, что для князя Тараканова: князь не имѣлъ ни малѣйшаго права вступаться въ дѣла подобнаго рода, оттого, должно быть, у него и редакция предположенныхъ бумагъ никакъ не клеилась. Поломавъ себѣ голову около получаса, князь кончилъ тѣмъ, чѣмъ бы ему слѣдовало начать: послалъ мужика къ губернатору. Однако къ чести его надо сказать, что онъ написалъ Мухомавлеву французскую записочку на раздушенной бумагѣ и просилъ въ этой записочкѣ, въ личное ему одолженіе, обратить особое вниманіе на дѣло Захара Горюна.

— Черезъ часъ впрочемъ я самъ буду къ губернатору, сказалъ князь, отпуская мужика и вручая ему пахучее посланіе свое къ начальнику губерніи.

Мужикъ опять бросился въ ноги князю и стукнулся лбомъ объ полъ. Это истинно-сыновнее почтеніе очень понравилось князю, которому до сихъ поръ никто въ ноги не кланялся.

Онъ весьма милостиво приказалъ мужику встать и выпроводилъ его въ переднюю, а самъ подумалъ про себя:

— *Ces paysans russes* — очень хорошій народъ: сейчасъ эта религіозность видна, это уваженіе, безусловная покорность старшимъ....

Горюхъ поплелся къ губернатору, — надежда сильно ожила въ его измученной душѣ; Богъ знаетъ, суждено ли осуществиться этой темной надеждѣ!

Между тѣмъ голова явился къ Рыкову и извѣстилъ его о бѣгствѣ Горюна, чѣмъ привелъ Николая Филипыча въ неопписанную ярость. Дѣло было дѣйствительно нехорошо: во-первыхъ Горюхъ былъ единственный кормилецъ трехъ калѣкъ и, по совѣсти, его въ солдаты нельзя было отдать; во-вторыхъ мужикъ побить былъ при многихъ свидѣтеляхъ (при окружномъ, при наемныхъ людяхъ Рыкова, при палатскомъ вахтерѣ, пако-

нецъ при караулившемъ Горюна отдатчикѣ), и Рыковъ зналъ, что за такую попечительность его не похвалятъ. Но главное было то, что вчерашнее происшествіе на охотѣ уже возстановило противъ Николая Филипыча — и губернатора, и князя Тараканова.

Зло взяло Николая Филипыча, и въ припадкѣ бѣшенства онъ еще хуже испортилъ свое дѣло: бросился на голову и исколотилъ его до очевидныхъ доказательствъ въ нанесеніи побоевъ, да и свидѣтели этого происшествія опять-таки были. Голова, крѣпко разобитый и еще крѣпче побитый, рѣшительно объявилъ Рыкову, что пойдетъ на него жаловаться губернатору, выбѣжалъ изъ дому и ударился внизъ по улицѣ прямо къ губернаторскому дому.

Рыковъ увидѣлъ, что дѣло очень скверно, и бросился къ женѣ для того, чтобы во-первыхъ сорвать на ней зло, а во-вторыхъ потребовать отъ нея поправки своихъ собственныхъ промаховъ, то есть дѣла, которое онъ самъ считалъ невозможнымъ.

— Ну-съ, покорнѣйше васъ благодарю, сударыня; вотъ какое спасибо за вчерашнюю исторію, въ тысячу первый разъ повторилъ Николай Филипычъ, входя въ будуаръ жены.

Анна Ивановна со страхомъ и недоумѣніемъ посмотрѣла на мужа: она давно уже горько раскаивалась въ своемъ поступкѣ и Богъ-знаетъ что дала бы, чтобы его поправить, особенно поправить испорченныя этимъ происшествіемъ отношенія свои съ Муходавлевымъ.

— Нечего на меня смотрѣть, кричалъ Николай Филипычъ: — изъ-за тебя придется опять лишиться мѣста! Сколько уже разъ меня выгоняли! Гдѣ, гдѣ я не былъ! И изъ вицъ-губернаторовъ-то выгнали; наконецъ нашелъ себѣ приличное мѣсто, и что жъ? И отсюда по милости жены выгонять. Пусть бы вы ужъ амуричали себѣ, какъ хотѣли, съ Муходавлевымъ.... чортъ съ нимъ и съ вами, продолжалъ вѣжливый супругъ; — но портить мнѣ карьеру, когда я представленъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, ссорить меня съ необходимыми мнѣ людьми, — съ княземъ, съ губернаторомъ, со всѣмъ обществомъ, — это чересчуръ, я вамъ этого не позволю!

Анна Ивановна заплакала. Бѣдная женщина только и дѣлала, что плакала цѣлые сутки.

— Плачьте, плачьте, этого только не доставало, кричалъ Рыковъ: — точно слезами вы меня вытаете изъ омуты, — это, ей-Богу, забавно!

— Да что въ вамъ случилось? спросила жено:— не мучите, не терзайте меня, а лучше расскажите.

Паресыиная рѣчь умирками и грубостями, Рыковъ разсказалъ жинѣ происшествіе съ Горюномъ и кончилъ разговоръ тѣмъ, что потребовали ея помощи для примиренія съ Муходавцевымъ.

— Дѣлайте, что хотите, но только расположите его въ мою пользу, сказалъ онъ жинѣ уже почти ласково.

— Какъ же это сдѣлать? спросила она.

— Онъ въ четыре часа совершенно свободенъ и одинъ, — слышите изъ нему, — понимаете? вполголоса и многозначительно переговорилъ Николай Филиппычъ и поспѣшно вышелъ изъ бу-
дуара.

— Одѣваться! карету! крикнулъ онъ, входя въ свой кабинетъ:— живо!

Черезъ четверть часа карета его подъѣхала къ подъѣзду дома, занимаемаго Рогой Ивановой, и онъ имѣлъ долгій секретный разговоръ съ прелестной хозяйкой этого не совсѣмъ прелестнаго убѣжища.

— Ну, слава Богу, денево еще была, проверчалаъ онъ, вы-
зола изъ дверей дома и вѣзая въ свою карету.

Въ губернаторской передней, прибѣжавшій туда волостной голова началъ Горюна, откровенно высказавъ ему свое горе и сталъ жидеть съ нимъ ждать выхода Муходавцева, давши за то четвертакъ на водку унтеръ-офицеру, стоящему у дверей приемной.

Долго стояли мужики, дожидаясь губернатора, — его все не было.

Въ два часа пополудни въ швейцарскую съ громомъ и звономъ вошелъ князь Таракановъ; надежда возродилась въ сердцѣ несчастнаго Горюна, келати началъ надѣяться и голова. И тѣмъ, розня черезъ часъ Горюна позвали наверхъ къ губернатору, голова пошелъ съ нимъ, справедливо расчитывая, что дѣло у нихъ общее, слѣдовательно и говорить о немъ надо вмѣстѣ.

Губернаторъ, которому князь Таракановъ съ особеннымъ жаромъ передалъ несчастія Горюна, увидѣлъ, что князь хочетъ показать ему, что «вотъ моля — я какой дѣльный, дѣловой и горячій къ правдѣ человекъ, — нѣ, смотри и казись: врядъ ли тебѣ достигнуть такого совершенства». Вслѣдствіе такого съ достовѣрностію предположеннаго утѣзованія князя Тараканова,

Муходавлевъ возымѣлъ непоколебимое намѣреніе — сію же секунду и въ этомъ же дѣлѣ доказать ему, что гражданскіи доблести не только не чужды его собственной особѣ, но еще далеко выше и обширнѣе доблестей самого Тараканова. На основаніи такихъ душевныхъ убѣжденій, оба великосвѣтскіе пріятель, сошедшіеся на служебной аренѣ, принялись пускать другъ другу пыль въ глаза.

Узнавъ отъ князя, въ чемъ дѣло, Муходавлевъ пришелъ сейчасъ же въ неописанный ужасъ. Однако, чтобы показать князю Тараканову, что онъ не основывается на однихъ словесныхъ докладахъ, которые весьма легко могутъ быть ложными, губернаторъ велѣлъ, какъ мы уже видѣли, позвать къ себѣ Горюна.

Только-что вышли изъ кабинета губернаторъ и полковникъ и показались мужикамъ, какъ они конечно немедленно стукнули лбами въ полъ и не вставали до тѣхъ поръ, пока звучный, хоть и нѣсколько носовой, голосъ начальника губерніи не приказалъ имъ вставать и отвѣчать на его вопросы.

Потолковавъ довольно долго съ крестьянами и узнавъ до мельчайшихъ подробностей всѣ горести Горюна и властнаго головы, губернаторъ и полковникъ наперерывъ начали выходить изъ себя и грозить всѣмъ карами небесными и земными, а главное — административными, провинившемуся управленію.

— Я непременно назначу слѣдствіе, сейчасъ же слѣдствіе, кричалъ губернаторъ.

— Не донести ли мнѣ въ Петербургъ, вызвался полковникъ.

Но губернаторъ нашелъ, что это слишкомъ уже много, и общалъ подумать объ этомъ обстоятельствѣ.

Мужики, не помня себя отъ радости, низкоронко кланялись.

— Будьте покойны, добрые люди, объявилъ имъ губернаторъ, пожелавшій, кромѣ распорядительности, поощеждать передъ княземъ ушнѣемъ разговаривать съ простымъ народомъ:— повѣрьте мнѣ, друзья мои, что я слишкомъ уважаю вашу полезную дѣятельность, слишкомъ уважаю весь почтенный классъ земледѣльцевъ, чтобы оставить подобное преступленіе вашего управляющаго безъ должнаго взысканія. Будьте покойны и надѣйтесь на меня!

Мужики, не понявъ ни одного слова изъ всей этой речи, почли долгомъ опять бухнуть ему въ ноги и заголосить:

— Благодаримъ, отецъ родной, кормилецъ ты нашъ! ты нашъ отецъ, а мы твои дѣти,—и тому подобные крестьянскіе комплименты, которымъ саміи говорящіе почти никогда въ душѣ не сочувствуютъ.

Александръ Павлычъ самодовольно улыбался, поглядывая на князя Тараканова, который съ завистью смотрѣлъ на губернатора и думалъ:

— *C'est étonnant!* вѣдь этотъ Муходавлевъ очень глупъ, а какъ говорить! *quella verve, quelle éloquence, quel jargon!* Удивительно! Не душно бы и мнѣ такъ же говорить съ простымъ народомъ!

И, желая сколько нибудь затемнить чрезчуръ яркій успѣхъ Муходавлева и привлечь нѣсколько лучей его на свою особу, князь Таракановъ обратился къ мужикамъ.

— Будьте увѣрены, друзья мои, началъ онъ, примѣняясь по возможности къ выраженіямъ губернатора:—будьте увѣрены, что вы и ваше дѣло встрѣтите и во мнѣ столь же горячее сочувствіе, какое вы встрѣтили въ достойномъ начальникѣ здѣшней губерніи; даю вамъ слово, что и я, такъ же какъ его превосходительство, жизни не пощажу для того, чтобы порокъ былъ наказанъ и вы получили должное удовлетвореніе!

— Кажется, недурно, очень недурно, не хуже Муходавлевской рѣчи,—самодовольно подумалъ князь Павелъ Петровичъ.

Мужики съ своей стороны не поняли и этого барина, но точно такъ же совершили ему земной поклонъ, которымъ князь остался очень и очень доволенъ; его смущало только одно обстоятельство: Муходавлеву мужики отвѣчали на его рѣчь, называя отцомъ роднымъ и т. д., а ему, Тараканову, не отвѣчали ничего.

Долго еще продолжали свой разговоръ князь и губернаторъ, мужики уже давно получили приказаніе написать просьбу и завтра же подать ее губернатору и давно уже были отосланы вонъ, а все-таки разговоръ ихъ заступниковъ продолжался все на одну и ту же тему, то есть, что поступокъ Рыкова требуетъ самаго примѣрнаго наказанія и что ему, послѣ вчерашняго *procédé* въ саду, не слѣдуетъ и ожидать никакой пощады, никакого довѣрія ни отъ одного благомыслящаго человѣка на свѣтѣ. Наконецъ князь Павелъ Петровичъ расшаркался, пожалъ руку Александра Павловича и, загремѣвъ саблею, полетѣлъ во-свояси, твердо убѣжденный, что его день не потерянь. Муходавлевъ съ своей стороны

тоже былъ очень доволенъ своимъ поведеніемъ при адъютантѣ и рѣшилъ, въ умѣ конечно, а не на бумагѣ, изгнать непременно, во что бы то ни стало, звѣроподобнаго Рыкова изъ предѣловъ своей губерніи.

Едва князь Таракановъ возвратился домой, какъ ему подали благовоспитаннѣйшую женскую записку, слегка раздушенную, легкимъ лежачимъ почеркомъ написанную, словомъ—совершенно аристократическую записку. Князь самодовольно улыбнулся, повернулъ письмо и, прочтя подпись, съ особеннымъ удовольствіемъ процѣдилъ сквозь зубы:

— А, Роза! Что-то она пишетъ?

Дѣйствительно, писала Роза Ивановна, и писала вещи весьма пріятныя какъ для самолюбія, такъ и для прочахъ чувствъ князя Тараканова. Она почти изъяснилась ему въ самой пламенной любви, немогушей терпѣть ни одного мгновенія разлуки съ своимъ предметомъ, и просила князя сейчасъ же явиться на свиданіе. Роза Ивановна добавляла, что такъ какъ ея мужъ—тигръ кровожадный, по своей ревности, то она приглашаетъ его сіятельство пріѣхать въ самый отдаленный уголокъ Бѣловодска, въ домъ отставной унтеръ-офицерши Подтибриной.

Прочитавъ записку, князь сейчасъ же поскакалъ въ гостиницу, васкорю поѣвъ то, чѣмъ снабдила его милость служителя, — самъ князь былъ слишкомъ занятъ и взволнованъ, чтобы знать, что онъ кушаетъ, — и поскакалъ стремглавъ въ домъ унтеръ-офицерши Подтибриной, гдѣ его давно уже дожидалась разодѣтая въ нухъ и прахъ побѣдоносная Роза Ивановна. Но оставимъ на время этого счастливаго князя и вернемся къ молодому губернатору, который, грозно сверкая очами, готовилъ въ умѣ своемъ всевозможныя административныя и даже финансовыя карты злополучному Рыкову.

Муходавлевъ сидѣлъ у своего письменнаго стола въ кабинетѣ и раздумывалъ, доносить ли ему о звѣрскомъ поступкѣ Николая Филиппыча или не доносить? Онъ уже склонился на первое рѣшеніе, по той причинѣ, что, по его мнѣнію, всякое донесеніе губернатора, тѣмъ болѣе такое энергическое донесеніе, — неминуемо должно возвысить значеніе его общепользной дѣятельности....

Вдругъ входитъ камердинеръ Муходавлева, — завитой, напوماженный франтъ.

— Что такое? нетерпѣливо спросилъ Муходавлевъ.

— Ваше превосходительство, одна дама пришла:

— Чтожь тутъ удивительнаго? отказать, непремѣнно отка-
зать, сказать, что меня дома нѣтъ! Сколько я разъ приказывалъ
отказывать всѣмъ послѣ четырехъ часовъ?

— Да не то, ваше превосходительство, что вы изволите ду-
мать, — не просительница, — дама, какъ есть дама, и вошла по
черной лѣстницѣ.

— По черной лѣстницѣ? торжмиво проговорилъ Муходав-
левъ, вскакивая со своего кресла. — Кто же бы это могъ быть?

Онъ задумался и сообразилъ:

— Вѣрно Баламутова, — кромѣ ея некому.

— Проси поскорѣ сюда, объявилъ онъ лакею, а самъ бро-
силъ запирающіе дверь изъ залы.

— *C'est bien*, подумалъ онъ, отрѣзавъ такимъ образомъ от-
ступленіе непротиву: — посмотримъ теперь, *chère Babette!*...

Вошла дама въ щегольскомъ бархатномъ салонѣ и въ шляпкѣ
съ вуалью; Муходавлевъ было уже хотѣлъ закричать и назвать да-
му *chère Babette*, какъ необыкновенная, врожденная снобичность
спасла его отъ такого непоправимаго промаха: онъ замѣтилъ, что
приѣзжая дама совсѣмъ не похожа на Варвару Петровну.

— *J'ai l'honneur de parler...* началъ онъ, подходя къ незна-
комкѣ....

— Неужели вы меня не узнали, прозвучалъ знакомый го-
лосъ, и вуаль откинулась; передъ Муходавлевымъ стояла Ры-
кова.

— Анна Ивановна, это вы? вскрикнулъ онъ и растерялся.

Рыкова обросила салонъ и кинулась къ нему.

— *Alexandre*, прошептала она со слезами на глазахъ: — не
мучь меня, что это за пріемъ? что за холодность?

— Признаюсь, проговорилъ въ смущеніи Муходавлевъ, я ни-
какъ не ожидаю вашего визита....

— Послѣ вчерашняго происшествія? перебила его Анна Ива-
новна.

Онъ многозначительно промолчалъ.

— Слушай, *Alexandre*, продолжала гостя страстнымъ голо-
сомъ, слушай, мой единственный другъ! Неужели ты не понимаешь,
что моя выходка, — сознаюсь, глупая непростительная выходка, —
произошла отъ любви къ тебѣ? Какъ же не грѣхъ тебѣ отвер-
гать меня, — за то, что я для тебя же забыла всѣ общественныя
приличія?

Муходавлевъ вообще не отличался суровостію нрава. А предъ хорошенькой женщиной онъ никакъ не могъ устоять. Въ отвѣтъ на страстную рѣчь Рыковой, онъ бросился къ ней и сталъ цаловать ея руки. Миръ былъ заключенъ очень скоро, и Баламутова была забыта легкомысленнымъ Муходавлевымъ.

Но визитъ Рыковой, сдѣланный по волѣ ея супруга, могъ бы кончиться рѣшительно ничѣмъ (разумѣется, относительно дипломатической его цѣли), потому что Анна Ивановна въ самомъ дѣлѣ увлеклась своими чувствами и забыла все въ мирѣ, начиная съ своего супруга. Но Муходавлевъ напомнилъ Аниѣ Ивановнѣ о дѣлѣ ея супруга и даже самъ облегчилъ ей его исполненіе.

— *A propos*, сказалъ онъ, когда пылкость его собственнымъ ощущеній немного поулеглась: — *à propos, chère Annette*, ты вѣрно не знаешь еще, какія страшныя жалобы поступили на твоего мужа?

Анна Ивановна поняла, что ей выгоднѣе всего скитрить и притвориться ничего не знающей и даже равнодушной къ подобнымъ дѣламъ.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчала она: какія же жалобы? Впрочемъ, *cher ami*, мнѣ дѣла нѣтъ — какъ до моего мужа, такъ и до жалобъ на него.

— Какъ можно, дѣла нѣтъ! вскричалъ онъ: — да это такія жалобы, за которыми не только лишать мѣста, но еще выгонять изъ службы навсегда, подъ судъ отдадутъ.

Анна Ивановна притворилась испуганною.

— Что такое, что такое, *Alexandre*? Не мучь меня, скажи пожалуйста!

И она страстно и въ тоже время дѣтски довѣрчиво прильнула къ нему.

Александръ Павлычъ, очень довольный испугомъ Анны Ивановны, рассказалъ уже извѣстную читателямъ и самой Рыковой исторію крестьянъ Горюна и головы.

Аниѣ Ивановнѣ въ самомъ дѣлѣ постушокъ мужа показался отвратительнымъ: она непритворно пожалѣла мужиковъ, закрыла глаза бѣленькими пальчиками; но все-таки рассудила, что если мужа ея выгонять изъ службы, то ей ѣсть будетъ нечего, и потому принялась хлопотать.

— *Alexandre*, это ужасно! шептала она: — мужъ мой варваръ, тиранъ, безчестный человѣкъ, — это ужасно!

Мухомедовъ молчалъ и очень былъ радъ такому отъѣзду Рыковой объ ея добродѣтельномъ супругѣ.

— Что же теперь сдѣлають съ моимъ мужемъ? продолжала она спрашивать.

— Я назначу завтра же слѣдствіе и отдамъ его подъ судъ, рѣшилъ Мухомедовъ довольно деспотическимъ тономъ, хотя и не имѣлъ права отдавать Рыкова подъ судъ. Отдамъ подъ судъ и доведу въ Петербургъ, добавивъ онъ для вѣщаго эффекта.

Анна Ивановна горько заплакала и на всѣ утѣшенія Мухомедова повторяла только:

— Я несчастная женщина, *Alexandre*, самая несчастная въ мірѣ женщина: *tout est fini*, что со мною будетъ?

Мухомедовъ готовъ былъ исколоть иголками свой глупый языкъ, за то, что онъ выболталъ дѣло такой нервной женщины и главное за то, что прихвостнулъ суденъ; но дѣлать было уже ничего.

Долго продолжались утѣшенія Мухомедова, наконецъ когда Рыкова увидѣла, что онъ опять совершенно поддался ея магнетической власти, тогда она со всевозможною иррадиациею и нѣжностью кинулась ему:

— Спаси мужа, если только хоть немного меня любишь, отъѣзди ты спасенья меня!

Что тутъ прикажете дѣлать? какъ отвергнуть такую просьбу? Мухомедовъ, нѣтъ и надо было думать, прежде отвергивался, отпѣкивался, отпалкивался, но все напрасно: черезъ полчаса онъ былъ окончательно побѣжденъ.

Между тѣмъ въ домѣ унтеръ-офицерши Подтибриной происходила подобная же сцена, имѣвшая туже дѣль и тѣже послѣдствія.

Роза Ивановна очень ловко, въ самомъ разгарѣ нѣжности князя Тараканова умѣла, ни съ того, ни съ сего, приревновать его къ Рыковой и представить, будто онъ нападаетъ на Николая Филиппыча единственно изъ желанія отомстить его женѣ за невнимательность къ ухаживанью его, князя. Таракановъ клялся, что ничего, кромѣ Розы, не любилъ и не любитъ; но она ничего не хотѣла слушать и требовала отъ него, въ доказательство его любви, — кромѣ браслета и еще кой-какихъ бездѣлицъ, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ Николая Филиппыча.

Помня недавнія обѣщанія мужикамъ, князь возмущалъ, что это невозможно; тогда Роза Ивановна, раздразнивши до нолыхъ чувства своего обомателя, вдругъ вскочила и стала надѣвать салопъ, объявивъ, что она не вѣритъ любви, которая упирается отговариваться невозможностью. Таракановъ не выдержалъ, бросился къ Розѣ съ новыми ягнеленіями своихъ чувствъ и согласился на все. Кончилось тѣмъ, что онъ далъ ей честное слово—не только не преслѣдовать, но даже защищать Рыкова, который, по ея словамъ, былъ совершенно невиненъ, а страдалъ только по интригамъ жены.

Интересно было видѣть обоихъ великосвѣтскихъ общественныхъ дѣятелей, для которыхъ правда была важно всего на свѣтѣ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ они разстались съ своими обольстительницами, и когда волнение пылкихъ страстей ихъ поутихло и въ свои права вступила та холодная доля разсудка, которою ихъ снабдила природа.

Александръ Павловичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, у письменнаго стола, облокотившись обѣими руками на столъ, и думалъ довольно горькую думу.

— Чортъ возьми, думалъ онъ, какъ же это я такъ опрометовлся? обѣщать этой сумасшедшей Аннеттѣ, что я буду защищать ея мужа? Да и дѣло-то такое свѣрское: поколотить мужика ни за что, ни про что, побить пощину, разорвать цѣлое семейство.... Скверно! не надо бы дѣлать слова! Да я впрочемъ все-таки назначу слѣдствіе, а слѣдователемъ можно будетъ назначить Хлопушкина,—онъ ничего не откроетъ и дѣло кончено; а съ Рыкова я возмю слово не брать и этихъ мужиковъ не преслѣдовать, правое, такъ! рѣшило: сдѣлаю! подумалъ онъ.

— Впрочемъ—такъ скверно, снова началъ разсуждать Мухомовъ: это все-таки замарать Рыкова, да и Аннетту откорбить; оставить бы дѣло такъ, безъ послѣдствій, утишить мужиковъ, что все будетъ сдѣлано, а самому перервать ихъ просьбы, сдѣлавъ только вынужденіе Рыкову... Это было бы лучше... да проклятый Таракановъ въ городѣ живетъ и принимаетъ большое участіе въ этомъ Горюнкѣ—какъ разъ напишетъ, куда влѣзуть, и будетъ плохо. Чортъ знаетъ, что тутъ дѣлать!

— Вотъ что сдѣлаю, придумалъ онъ наконецъ—скажу Тараканову, что назначеніе слѣдствія надъ Рыковымъ; но мало бы

пожелавшимъ ему арестантъ, можетъ нарушить дисциплину! рѣшилъ онъ, въ азартъ сѣсть на столу. — Ну, а чтобы онъ не донесъ никуда никуда въ Петербургъ, такъ я его удержу, что я самъ произведу собственное дознание и самъ доведу.... Такъ, значитъ этого дурака можно надуть.

И Мухомоловъ, въ ожиданіи отъ своего изобрѣтенія, потеръ руки и рѣшился сейчасъ же послать самую любезную записочку къ князю Тараканову, въ которой просилъ его убѣдительно повѣстить его сейчасъ же.

Князь Павелъ Петровичъ Таракановъ также былъ очень не склоненъ думать.

Онъ первый принималъ участіе въ Горюнь, обладалъ его своимъ словомъ, помочь его бѣдѣ, самъ послалъ его къ губернатору, поднести и того же необыкновенно-горючую дѣятельность-а теперь.... ему же, князю Тараканову, приходится кричать во весь рѣвъ, даже противъ убѣжденія и совѣсти, что Рынокъ правъ въ отношеніи къ несчастному Горюну. Князь чувствовалъ, что это нехорошо, но дѣлать было нечего: онъ далъ слово М-не Трубе, въ то время князь, было неформально безчестнѣе обмануть ее, чѣмъ мужиковъ; кроме того, Роза Ивановна принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыхъ обмануть было невозможно, но очень опасно. Полюбопытнѣе не знать, что ему дѣлать, какъ поступить ему къ Мухомолову, чтобы умѣрить въ немъ проявленіе казненной гражданской доблести. Но судьба смалилась надъ княземъ, — превративъ его размышленія приходить посланнаго съ запиской отъ Мухомолова.

Князь сильно обрадовался приглашенію губернатора, почувствуя, что тутъ должна скрываться развязка его мучительныхъ сомнѣній. Одѣвшись весьма поспѣшно, онъ воискалъ къ Мухомолову. Тотъ въ свою очередь тоже обрадовался званію гостя, встрѣтилъ его ускореннѣе дверей залы и, дружески ухвативъ за руку, потащилъ въ свою кабинетъ, отдавъ строгѣйшее приказаніе не принимать никого.

Уже въскорѣю манути сидѣли гость и хозяинъ другъ противъ друга въ кабинетѣ, вели-разговоръ объ разныхъ пустякахъ, не шедшихъ къ дѣлу, и никакъ не рѣшались начать разговоръ о предметѣ, обантъ ихъ занимавшемъ; но къ чести молодого губернатора надо отмѣтить, что онъ оказался лучшимъ дипломатомъ, чѣмъ юный полковникъ: губернатора доводило каждаго

кровно ждалъ удобной минуты перевести разговоръ на дѣло мужиковъ и боялся только, чтобы Таракановъ не началъ снухлать кой-какнѣ возраженій и препятетій. А полковникъ—тогда просто трусилъ, что Муходавлетовъ и не начнетъ разговора объ дѣлѣ и такимъ образомъ оно останется въ томъ же положеніи, а тогда конечно бѣда неминуемая отъ Роси Ивановны, да притомъ и честное слово, данное ей—перерометъ Тараканова такъ и подымало поскорѣе начать интересующій его разговоръ: стоитъ онъ все проиграть.

— А *propos*, что наше дѣло объ этихъ мужикахъ? Имѣете ли вы какія нибудь свѣдѣнія о томъ, что именно было между ими и Рыковымъ? спросилъ князь, оглаживъ брови и вѣки на приступъ.

Но при этомъ нападении губернаторъ тоже сильно встревожился: Муходавлетову пришло въ голову, что Таракановъ хлопотаетъ о скорѣйшемъ назначеніи свѣдѣствъ, — онъ даже побѣдился, заподозривъ, что князь принимаетъ самое дѣлительное и горячее участіе въ судьбѣ обиженныхъ мужиковъ и что уже въ такомъ случаѣ ему, Муходавлетову, останется только дѣйствовать по волеіи человека, могущаго написать противъ него въ Петербургъ. Петербурга Муходавлетовъ сильно побаивался.

— Бѣда, подумалъ губернаторъ: — этотъ дуракъ наболтаетъ чортъ знаетъ чего въ Петербургѣ! Ну, *comme Amelle, je vous demande bien pardon*; своя рубашка ближе къ тѣлу!

— Нѣтъ, я еще не имѣю никакихъ свѣдѣній по дѣлу этихъ мужиковъ, поспѣшилъ отвѣтить онъ на вопросъ своего собесѣдника: — вѣдь вы знаете, князь, что я дожидаюсь просьбы нхъ, — безъ нея я не могу сдѣлать никакихъ распоряженій; но будьте увѣрены, что я употреблю самыя дѣлительныя мѣры *et je vous assure, que justice sera faite!*

Пришла очередь струсить князю: — какъ, въ самомъ дѣлѣ, защищать неправую сторону ему, когда губернаторъ извѣщаетъ такое благородное намѣреніе преслѣдовать воражъ и вознаграждать угнетенную добродѣтель? Князь до того растерялся, что позабылъ всѣ свои дипломатическія намѣренія, всѣ тонкости, и началъ горячо увѣрять губернатора, что Рыковъ правъ, что его оклеветали.

— Я имѣю положительныя свѣдѣнія, толковалъ князь Павелъ Петровичъ, *qui se moquent* Рыковъ не виноватъ ни сколько! Я знаю навѣрно, что эти мужики негодны!

Надо было все великодушнее умиль владѣть собой, какъ имѣла Муходавлева, чтобы не броситься сію же минуту въ объятія князя, — такъ обрадовала губернатора перемена его мыслей. Однако онъ сейчасъ же сдержалъ; въ чемъ дѣло, и на него князь не бросился, а только замѣтилъ ему, что онъ такъ увѣренъ въ безпристрастїи и смѣлости его, что, вѣра ему на слово, непремѣнно вывинтитъ ходъ дѣла.

— Это извѣстіе, сообщенное вами, *mon prince*, совершенно не имѣетъ видъ вопроса! говорилъ горячій къ правдѣ губернаторъ: — знаю васъ, и вамъ вѣрю на слово и уже конечно теперь слѣдствія не назначу и доносить не буду: — не такъ ли?

— Раздѣлется, раздѣлится, поспѣивала отвѣтаться князь едва сдерживая на мѣстѣ отъ радости: — и стоитъ ли изъ-за какихъ нибудь мушкетъ, которые жалки, поднимать всю эту кутерьму?

Этотъ разговоръ и кончился. На утро, мушкетъ подали просьбу, которая въ тотъ же день при отношенїи губернатора была отослана на распоряженіе Рыкова, а тотъ распорядился и съ бумагой и съ мушкетами по своему и надолго отлучилъ охотниковъ до жалобъ: Губернатора и колликовникъ тоже остались очень довольны собой. Не знаю, что говорили Горюхи и волостной голова, которые валились въ ноги благотѣльных паталышковъ, призывавшихъ въ ихъ судьбѣ такое горячее участіе.

ГЛАВА XI.

Но по моему слабому перу описывать потанно патетическій танецъ Варвары Петровны Баламутовой; послѣдовавшій за оскорбленіемъ, полученнымъ ею отъ Рыковыхъ: хотя молодой губернаторъ и объяснился довольно рѣзко, правда наединѣ, съ преступнымъ Рыковымъ, хотя тотъ и удался изъ сада почти по требованію губернатора, однако это слабое наказаніе нисколько не удовлетворило Варвару Петровну; — она злилась на чужъ сайтъ стоятъ, дѣлала довольно колкія замѣчанія самымъ приближеннымъ къ ней людямъ и въ томъ числѣ даже Муходавлеву; — мужу конечно досталось отъ нея первому, хотя онъ не былъ нисколько виноватъ въ полученной его супругой непрїятности.

Долго онъ не могъ понять, въ чемъ дѣло, изъ-за чего такъ волнуетъ и злитъ его супруга, за что такъ немилосердно нападаетъ на него публично; наконецъ онъ обратился къ Ивану Михайлычу и получилъ отъ него нѣсколько лаконическое описаніе происшествія. Изъ этого описанія Баламутовъ понялъ только, что Рыковъ и его жена, не оказали должнаго уваженія Варварѣ Петровнѣ. Самолюбіе Баламутова заговорило; но еще сильнѣе усилилъ страхъ предъ женою. Этотъ страхъ могъ подвигнуть Григорія Алексѣича на возможные геройскіе подвиги, и онъ дѣйствительно раздумалъ—было на этотъ разъ отлечься даже не совсѣмъ пріятно своимъ лѣтамъ и положенію въ свѣтѣ. Вспомнивъ свою бурную молодость, Баламутовъ затѣялъ было вызвать на дуэль Рыкова. Но изъ многихъ соображеній въ нѣсколькихъ бѣловодскихъ аристократахъ, служившихъ когда-то въ военной службѣ, рѣшено было, что Баламутову съ Рыковымъ драться не унизительно, такъ какъ оба они принадлежатъ къ хорошимъ семьямъ и живутъ видное положеніе въ обществѣ. Вслѣдствіе такихъ соображеній, приравненныхъ замѣчаніемъ одного изъ секундентовъ Ивана Михайлыча, — что дуэль не можетъ нисколько войти въ непріятную исторію, ибо Мухомавлеву ничего не посядетъ сдѣлать аристократамъ, да притомъ и самъ въ душѣ рыцарь, — вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній вызовъ былъ немедленно сдѣланъ со стороны Баламутова, черезъ посредство Ивана Михайлыча, и принятъ Рыковымъ.

Неслышанный въ Бѣловодскѣ скандалъ готовъ былъ совершиться. Но, къ счастью, любовь лучшихъ бѣловодскихъ гражданъ къ сохраненію общественнаго порядка и распорядительность губернскаго начальства спасли все. Одинъ изъ секундентовъ Баламутова, подполковникъ Ямичевскій, не жалея кровопролитія, извѣстивъ о пріемлѣнной дуэли полковника Тычкова; а секунданта Рыкова, помѣщика Подмаханій, по безъ воли самого Николая Фялицыча, формально донесъ обо всемъ Мухомавлеву.

Явившись къ губернатору, Подмаханій встрѣтилъ уже выходящаго отъ него Тычкова, очень встревоженнаго извѣстіемъ, полученнымъ отъ Ямичевского, и явившагося къ Мухомавлеву съ требованіемъ совета и помощи для отягченія грозившаго скандала.

Мухомавлеву съ своей стороны было очень радъ, что Бѣловодскъ такъ эмансипируется — даже до степени дуэли, — но на

дѣлѣ ему необходимо было показаться очень сердитымъ; онъ зналъ, что Тычкины умѣютъ подписывать свою фамилію подъ всевозможными донесеніями, точно такъ же, какъ и самъ Муходавлевъ. Поэтому онъ постарался успокоить старика полковника и, узнавъ отъ него, кто и какъ дерется, — объявлять, что все дѣло уладить и завтра дать ему знать о послѣдствіяхъ, и послѣ того весьма выразительно раскланялся съ нимъ.

Только-что, проводивъ гостя, Александръ Павловичъ задумался было о томъ, какимъ образомъ повернуть къ мирной развязкѣ заварившуюся исторію, такъ, чтобы не оскорбить празднующихъ сторонъ, принадлежащихъ къ аристократическому породу города Бѣловодска, — какъ въ кабинетъ его — не въикалъ, а цорвался, блѣдный, разстроенный, растрепанный Николай Александровичъ Подмахачинъ. Муходавлевъ и его успокоилъ, и дѣйствительно тотчасъ по его уходѣ послалъ вѣстимаго за Баламутовымъ и Рыковымъ.

Оба явились черезъ четверть часа. — Особенно радъ былъ призыву губернатора Николай Филипповичъ, который догадывался сейчасъ же, что губернаторъ дѣйствуетъ вслѣдствіе визита Подмахачинаго.

Что происходило у губернатора, — неизвѣстно; однако, послѣ горячаго разговора втроемъ, Муходавлевъ послалъ за Иваномъ Михайловичемъ и за подполковникомъ Изюмцевскимъ, и дверь кабинета, гдѣ засѣдалъ онъ съ общими противниками, опять заперлась за вновь пріѣхавшими; наконецъ около полуночи губернаторъ вышелъ изъ кабинета и приказалъ дворецкому подать шампанскаго, и скоро изъ кабинета послышались дружелюбны чоканья и еще болѣе дружескіе поцалуи. На другой день весь городъ говорилъ, что Муходавлевъ помирилъ Баламутова съ Рыковымъ и даже передавали атикомолку, что Николай Филипповичъ просилъ прощенья у Григорія Алексѣича.

— Что значить наборъ-то! говорили себѣ, ночь-ночь азеязычники.

На другой день Муходавлевъ повидался съ Варварой Петровной Баламутовой и съ Анной Ивановной Рыковой, а на третій день вторая поѣхала къ первой съ визитомъ. Опять въ Бѣловодскѣ начали сплетничать, что Рыкова извинялась передъ Баламутовой.... Впрочемъ, мало ли что сплетничаютъ. Сплетнямъ провинціальнымъ дивиться нечего, а вотъ подивитесь лучше дѣятельности и свѣтской находчивости молодаго губернатора. На-

жется, чего труднѣе — помирить двухъ барынь, поссорившихся изъ-за одного и того же кавалера? а Муходавлевъ помирить!...

Всеобщее примиреніе отпраздновано было на великолѣпномъ обѣдѣ, который заданъ былъ Иваномъ Михайлычемъ — на послѣднія его деньги. На другой день послѣ этого онъ сидѣлъ въ своей гостиной, полный сладостныхъ воспоминаній о вчерашнихъ кушаньяхъ; тутъ же сидѣла и жена его, Анна Николаевна, далеко не въ столь пріятномъ расположеніи духа. Она знала, что вчерашній обѣдъ окончательно истощилъ ихъ средства, теперь въ цѣломъ домѣ не было денегъ и не откуда было достать ихъ....

Но Иванъ Михайлычъ былъ счастливъ: великолѣпный обѣдъ, данный имъ, заставлялъ его позабыть все на свѣтѣ.

— А славный обѣдъ былъ вчера, проговорилъ онъ съ видомъ гордости: — Баламутовы навѣрно умираютъ теперь съ жаждою: у нихъ не бывало, да и не можетъ быть такого повара, какъ у меня.

Анна Николаевна отмалчивалась, хотя въ душѣ у ней кипѣло много самыхъ горькихъ чувствъ.

— Ты замѣтила, какъ Муходавлевъ объѣдался этимъ соусомъ съ пѣтушьями гребешками, продолжалъ Иванъ Михайлычъ: — братъ — такъ тотъ же вывертъ: кажется, совсѣмъ объѣлся.

Анна Николаевна все молчала.

— Чтожъ ты молчишь? съ неудовольствіемъ проговорилъ обиженный молчаніемъ жены Иванъ Михайлычъ: — что это у тебя, или языкъ отвалился? съ сердцемъ проговорилъ онъ.

— Что же говорить? возразила съ горестью и легкимъ презрѣніемъ, выведенная изъ терпѣнія Анна Николаевна: — я уже не разъ говорила тебѣ, что твой образъ жизни скоро разоритъ насъ окончательно; я уже напоминала тебѣ, что у тебя есть дѣти, которымъ ты не хочешь дать и образованія, какое бы нужно было, чтобы они могли сами достать себѣ кусокъ хлѣба, и въ тоже время не думаешь и оставить имъ что нибудь, чтобы они могли жить и не имѣя образованія.

Иванъ Михайлычъ со злобью махнулъ рукой.

— Ну, пошла опять объ этихъ меркантильностяхъ! сердито вскричалъ онъ: — какъ это тебѣ не падоѣстъ вѣчно объ одномъ и томъ же толковать?

— И не перестану до тѣхъ поръ, пока не буду совершенно покойна за дѣтей, твердо отвѣчала Анна Николаевна.

— Какія глупости, рѣшилъ Иванъ Михайлычъ: — я уже не маленькій, слава Богу, чтобы меня учить! Я сказалъ, что дѣтямъ оставляю до смерти моей все состояніе, ну, и довольно! Минутъ — Ивановское, Сантъ — Красный Холмъ....

— Полно пересчитывать, Иванъ Михайлычъ, возразила супруга: — хорошо оставлять, если что останется....

— Какъ такъ? перебилъ супругъ.

— Да такъ, ничего не останется: все за долги продадутъ, возразила Анна Николаевна.

— Вздоръ какой! рассудилъ благоразумнѣйшій Иванъ Михайлычъ и даже трихнулъ головой, чтобы прогнать подальше такія горькія мысли.

Однако не отвертѣлся почтенный представитель бѣловодскаго дворянства отъ меркантильнаго, какъ онъ называлъ, разговора. Неумолимая Анна Николаевна привязалась къ его неперемонному восклицанію и съ безпомощною логикой и знаніемъ ариметики доказала своему супругу, что у него долговъ вдвое больше, чѣмъ стоятъ имѣнія.

Это практическое занятіе ариметикой и логикой крайне не понравилось Ивану Михайлычу. Чтобы отвязаться, онъ объявилъ женѣ коротко и ясно, что онъ заплатитъ всѣ долги.

— Когда и чѣмъ? добавила Анна Николаевна, рѣшившаяся довести супруга до сознанія.

Супругъ началъ было отвертываться отъ прямыхъ отвѣтовъ; однако скоро вынужденъ былъ сознаться, что заплатитъ ему будетъ нечѣмъ, потому что уже всѣ произведенія его земель были проданы на корню.

— Ну, подождутъ кредиторы, да и только, рѣшилъ онъ наконецъ.

— А если не будутъ ждать? вѣдь они уже и такъ черезчуръ много ждутъ, возразила Анна Николаевна.

— Ну, отписываться буду: губернаторъ мнѣ пріятель, — не скоро поймутъ! самодовольно объявилъ Иванъ Михайлычъ.

— А отъ казны и отъ опекунскаго совѣта также отпишешься?

Разговоръ этотъ давно уже не нравился Ивану Михайлычу, и чтобы отвязаться отъ жены, онъ рѣшился солгать.

— Вотъ объ чемъ вспоминала! вскрикнулъ отецъ, саркастически улыбаясь: — я давно уже заплаattel и подати, и недоимки, и проценты въ сѣбѣ.

— Когда же? допрашивала недоверчивая супруга.

— Какъ когда? Да управляющій задаетъ въ Москву, — она и заплаattel, солгалъ Иванъ Михайлычъ, разозлеть не моргнувъ и не морщась.

Анна Николаевна недоверчиво покачала головою, оцѣлко промолчала.

Вслѣдствіе этого Иванъ Михайлычъ и самъ подумалъ: «а можетъ быть, управляющій и въ самомъ дѣлѣ успѣлъ такъ какъ нибудь завлатель все....»

Но судьба готовила ему полное и самое горькое разочарованіе отъ того же управляющаго: въ эту минуту въполъ ланей и подаль Ивану Михайлычу письмо. Иванъ Михайлычъ немедленно прочиталъ письмо и поблѣднлъ.

— Что такое? спросила встревоженная Анна Николаевна.

Иванъ Михайлычъ, разстроившись, молча подаль ей письмо.

Письмо дѣйствительно было невесело: управляющій доносилъ, что всѣ имѣнія Ивана Михайлыча назначены въ продажу съ аукціона, что ихъ уже описываютъ и что необходимо сейчасъ же внести три тыщды рублей серебромъ, чтобы на время отсрочить продажу и какъ нибудь повернуться.

Смушеніе и малодушіе Ивана Михайлыча были неописанны. И въ самомъ дѣлѣ, его положеніе вдругъ оказалось самымъ безнадежнымъ: денегъ нѣтъ, и занять негдѣ. На жидовъ надежды уже не было никакой: какъ только это хитрое племя узнало, что Иванъ Михайлычъ наканунѣ своего великолѣпнаго бала, даннаго въ новый годъ, посылалъ продавать за безцѣнокъ разныя вещи изъ своего и женнна туалетовъ и въ томъ числѣ продалъ шелковую матерію, предназначавшуюся для его собственнаго халата, — какъ только узнало жидовское племя это грустное обстоятельство, кредитъ Ивана Михайлыча у разныхъ Юсекъ, Мошекъ, Мордохаевъ и Янкелей окончательно погнбъ.

Долго думала Анна Николаевна, какъ бы пособить горю, но ничего не могла придумать, — такъ скудны были въ дѣйствительности средства ея великолѣпнаго супруга.

— Я поѣду къ брату, возьму у него, придумалъ наконецъ Иванъ Михайлычъ.

— Помилуй, развѣ у него бываютъ когданибудь деньги? недовѣрчиво возразила Анна Николаевна.

— Теперь есть, онъ хотѣлъ занять, объявилъ Иванъ Михайлычъ: — у него еще есть кредитъ.

— Зачѣмъ же ему занимать? спросила удивленная Анна Николаевна.

— Да вчера онъ мнѣ сказалъ, что онъ хочетъ также дать большой обѣдъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ проговорилъ Иванъ Михайлычъ: ему было чего-то совѣстно.

Анна Николаевна недовѣрчиво покачала головой, но потомъ разсудила, что если у Антона Михайлыча есть наличныя деньги, то онъ, можетъ быть, и не откажетъ въ такомъ крайнемъ случаѣ. Сдѣлавши это предположеніе, Анна Николаевна поспѣшила отправить своего разстроеннаго супруга къ его брату.

Антонъ Михайлычъ дѣйствительно въ это время имѣлъ въ рукахъ деньги. Онъ только-что съѣздивъ въ этотъ самый день къ жидаку, который въ Бѣловодскомъ аристократическомъ кругу извѣстенъ былъ подъ именемъ Гершки, и, запродавъ ему по контракту надежды на всю шерсть будущаго года со своихъ овецъ, привезъ домой ровно три тысячи рублей серебромъ. Восторгъ его не зналъ предѣловъ: еще по дорогѣ домой, онъ заѣхалъ къ другому жидаку въ автографію и заказалъ ему великолѣпныя пригласительныя билеты на обѣдъ; заѣхалъ и къ третьему жидаку, которому приказалъ принести къ нему на домъ самыя модныя и дорогія матеріи для бальныхъ платьевъ: Антонъ Михайлычъ, какъ видите, не забылъ и жену....

Приѣхавши домой, Антонъ Михайлычъ сейчасъ же засѣлъ въ своемъ кабинетѣ — составлять списокъ кушаньямъ, которыми онъ долженъ былъ угощать избранныхъ на своемъ обѣдѣ. Супъ, пирожки и холодное достались ему — хотя и не безъ головоломки, однако довольно легко; но на соусахъ изобрѣтательный по части обжорства умъ его сталъ втушкѣ: надо было непременно что-нибудь и очень дорогое, и очень необыкновенное, и очень портящее желудокъ, то есть очень гастрономическое. А между тѣмъ Бѣловодскъ такъ недавно еще сталъ эмансипироваться, въ немъ такъ трудно отыскать какую-нибудь рѣдкость.... Антонъ Михайлычъ погрузился въ тяжелую думу, которая была прервана приходомъ его брата.

— А, братъ, здорово! какъ нельзя болѣе кстати! закричалъ не на шутку обрадованный Антонъ Михайлычъ:—какъ ты думаешь, какой бы союзъ пустить первымъ на моемъ обѣдѣ?

— Надо съ трюфлями что нибудь, объявилъ Иванъ Михайлычъ, невольно отвлекаясь отъ своей горькой думы. — А ты даешь обѣдѣ?

— Даю, послѣ завтра.

— Стало, досталъ денегъ?

— Да, три тысячи! самодовольно объявилъ Антонъ Михайлычъ.

Иванъ Михайлычъ вздохнулъ, какъ кузнечный мѣхъ, отъ зависти и огорченія.

— Что съ тобой, братъ Иванъ? заботливо освѣдомился Антонъ Михайлычъ:—ты на себя не похожъ! Вѣрно желудокъ не въ порядкѣ? а? не хочешь ли медвѣдя? засыпалъ онъ брата вопросами, ясно показывавшими участіе; но братъ въ отвѣтъ только сопѣлъ, съ намѣреніемъ поселить въ сердца брата не одно участіе, но и сильнѣйшее состраданіе.

Послѣ долгихъ приготовленій и увѣщаній со стороны брата, Иванъ Михайлычъ рѣшился высказать ему свое горе. Узнать, въ чемъ дѣло, Антонъ Михайлычъ сначала испугался; но потомъ скоро пришелъ въ себя.

— Эхъ, какъ ты меня испугалъ, заговорилъ онъ самымъ безпечнымъ тономъ:—я думалъ—Богъ-знаетъ уже что случилось, а то—опись и публикація! Это, любезный братъ, пустяки,—послѣ второй публикаціи внесешь деньги и баста, развяжешься со всѣми этими пивками.

Видя, что дѣло плохо, что Антонъ Михайлычъ не поддается, Иванъ Михайлычъ прибавилъ, что если бы взыскивался одинъ долгъ опекунскому совѣту, такъ это бы еще ничего, но что взыскиваются еще недоимки....

— И это пустяки! крикнулъ Антонъ Михайлычъ, не давъ брату кончить его іереміаду:—сѣзди къ губернатору, онъ для тебя все сдѣлаетъ, — дастъ предписаніе остановить взысканіе, и дѣло въ шляпѣ.

— Да еще частные долги есть, въ отчаяніи возразилъ Иванъ Михайлычъ.

Тутъ ужъ и Антонъ Михайлычъ потерялся и прикусилъ языкъ. Братья задумались.

Антонъ Михайлычъ сложилъ руки на брюхѣ и смотрѣлъ на полъ, а Иванъ Михайлычъ поглядывалъ на него.

— Братъ, я къ тебѣ съ просьбой, рѣшился наконецъ Иванъ Михайлычъ приступить къ дѣлу.

— Что такое? спросилъ Антонъ Михайлычъ, вздохнувъ, какъ будто отъ печальности вопроса: онъ, бѣдный, начиналъ уже догадываться, къ чему клонился пріѣздъ Ивана Михайлыча.

— Мнѣ нужно всего только три тысячи цѣлковыхъ: дай мнѣ займы тѣ, что нынче занялъ, спаси меня, просительнымъ тономъ объявилъ Иванъ Михайлычъ.

— Такъ и зналъ! подумалъ горестно Антонъ Михайлычъ: Господи, Господи, что же мнѣ дѣлать?

Дѣйствительно, положеніе Антона Михайлыча было весьма трудное, и страшная нравственная борьба происходила внутри его. Онъ не былъ заклятымъ эгоистомъ, и горестное положеніе брата возбуждало въ немъ состраданіе. Но съ другой стороны, — отдать брату деньги значить отказаться отъ великосвѣтской жизни, отъ возможности выдержать себя наравнѣ съ Баламутовыми, признать себя побѣжденнымъ, — это было уже гораздо хуже не только разоренія, хоть бы и роднаго брата, но гораздо хуже и собственной своей гибели. Было о чемъ думать, и долго молчалъ Антонъ Михайлычъ, хотя и не думая ни о чемъ, но все-таки притворяясь, что онъ думаетъ; наконецъ ему пришла счастливая мысль объяснить съ братомъ откровенно.

— Любезный братъ Иванъ, началъ свою рѣчь Антонъ Михайлычъ: — ты знаешь, какъ много я люблю тебя и сестрицу Анну Николаевну, и всѣхъ дѣтей твоихъ....

Иванъ Михайлычъ промывалъ что-то въ знакъ согласія и кивнулъ головой; Антонъ Михайлычъ вздохнулъ, понюхалъ табакъ и перевелъ духъ.

— Я сейчасъ готовъ отдать тебѣ эти три тысячи, сейчасъ такъ-таки готовъ встать и отдать, продолжалъ Антонъ Михайлычъ, дѣйствительно вставая и направляясь къ бюро, гдѣ хранилось недавно пріобрѣтенное сокровище.

Уже Иванъ Михайлычъ и руку протянулъ, а другую послалъ въ карманъ за платкомъ на случай слезъ, неизбежныхъ при проявленіи такой братской добродѣтели и родственнаго самоотверженія, но къ несчастію, движеніе Антона Михайлыча къ бюро оказалось фальшивой тревогой, и Иванъ Михайлычъ со стыдомъ привелъ руки свои въ порядокъ.

— Да, я бы сейчас же вынулъ деньги и далъ бы тебѣ ихъ, Богъ въ томъ свидѣтель, продолжалъ Антонъ Михайлычъ торжественно:—но бываютъ обстоятельства, есть положенія, которыя иногда заставляютъ человѣка дѣйствовать не такъ, какъ бы ему хотѣлось, какъ ему диктуется его сердце, — *noblesse oblige!* съ силой подценить Антонъ Михайлычъ.

— Подлецъ, должно быть, братъ Антонъ, горестно подумалъ Иванъ Михайлычъ и вытаращилъ на него глаза.

— Я отдаюсь самому тебѣ на судъ, продолжалъ Антонъ Михайлычъ:—положимъ, я тебѣ отдаю деньги; ты на время спасенъ, — но только на время, потому что всѣхъ долговъ ты не заплатишь,—а я, я! что со мной будетъ?—Я долженъ буду отказаться отъ великосвѣтской жизни, долженъ буду отречься отъ титула порядочнаго человѣка и гастронома, наконецъ главное, — уступить первенство Баламутовымъ, — согласись, это ужасно! Тебѣ хорошо! ты уже утеръ носъ этимъ гордецамъ: выписалъ женѣ костюмовъ тысячи на двѣ, на три, пять большихъ обѣдовъ далъ, три бала.... Ну, а я? я что буду дѣлать?

Антонъ Михайлычъ замолчалъ, чтобы посмотрѣть, какой эффектъ произведетъ онъ на брата;—эффектъ былъ дѣйствительно великолѣпный.

— На тебя сошло, добивалъ его убѣжденіями Антонъ Михайлычъ:—неужели ты захочешь, чтобы нашъ родъ посрамился передъ какими нибудь Баламутовыми?

Этотъ аргументъ окончательно сбилъ съ позицій Ивана Михайлыча.

— Нѣтъ, братъ, нѣтъ,—это нельзя, вскрикнулъ онъ:—безъ обѣда нельзя.

Братья крѣпко схватили другъ друга за руки, и черезъ минуту Иванъ Михайлычъ, забывъ о своемъ положеніи, уже придумывалъ, вмѣстѣ съ братомъ, самый дорогой союзъ для предстоящаго обѣда.

— А вели сдѣлать, братъ, трюфли *à la serviette*, говорилъ онъ:—*c'est ce qu'il y a de plus cher et de plus comme-il-faut*.

Но какъ ни утѣшительны были гастрономическія разсужденія, все-таки Иванъ Михайлычъ скоро опять вспомнилъ о своемъ безнадежномъ положеніи и снова задумался, въ чемъ послѣдовалъ ему и Антонъ Михайлычъ. Но сколько ни думали братья — ничего не придумали и потому рѣшились немедленно отправиться къ корнету Безсудному, чтобы попросить у него

совѣта, а если можно, то и помощи, такъ какъ онъ считался самымъ умнымъ человѣкомъ изъ всей бѣловодской аристократіи и особенно былъ охотникъ и мастеръ давать благіе совѣты.

Но самъ корнетъ Безсудный въ это время находился въ очень непріятномъ положеніи: при всемъ своемъ философскомъ направленіи, онъ такъ же, какъ и прочіе смертные, заразился общимъ примѣромъ и, несмотря на совершенно разстроенное состояніе, рѣшился лѣзть въ гору вслѣдъ за Бадамутowymi. Въ этомъ усердно помогала ему и супруга его, Катерина Петровна, сестра жены Антона Михайлыча. Въ то время, какъ бѣловодскіе братья—гастрономы собирались ѣхать къ Безсудному за совѣтомъ, онъ самъ, послѣ жаркаго разговора съ супругой, собирався ѣхать занимать деньги, необходимыя для затѣяннаго имъ музыкальнаго вечера. Братья застали его уже почти на дорогѣ.

— Мы къ вамъ, Михаилъ Филатычъ, спасите насъ! басомъ объявилъ Иванъ Михайлычъ, входя въ кабинетъ Безсуднаго.

Михаилъ Филатычъ подозрительно посмотрѣлъ на братьевъ: ему показалось, что они имѣютъ до него служебную просьбу.

— Если вамъ нужно по палатѣ что нибудь, то обратитесь къ одному изъ моихъ секретарей,—онъ мнѣ доложитъ, нѣскольکو сурово отвѣчалъ Михаилъ Филатычъ, которому было не до дѣлъ и не до просителей.

— Да пѣтъ, не то! перебилъ его Антонъ Михайлычъ:—на что намъ ваша палата? мы пріѣхали просто съ вами посовѣтоваться, какъ съ умнымъ человѣкомъ.

Эта лесть подѣйствовала: Михаилъ Филатычъ просіялъ, смягчился, и несмотря на то, что ему было не время, попросилъ гостей садиться.

— Что же такое? началъ онъ съ живымъ участіемъ и любопытствомъ.

Братья, оба вмѣстѣ, перебивая другъ друга, рассказали свою надобность.

— Вотъ тебѣ на, подумалъ Безсудный:—нашли, у кого просить денегъ, или совѣта, гдѣ ихъ достать!

Впрочемъ, несмотря на то, что Михаилъ Филатычъ и самъ не зналъ, какъ рѣшить подобный же вопросъ для самого себя, все-таки, чтобы не уронить своего достоинства и не потерять репутаціи оракула, онъ завелъ, примѣнительно къ обстоятельствамъ, какую-то отдаленную матерію о кредитѣ и займѣ, которую когда-то и гдѣ-то вычиталъ съ грѣхомъ пополамъ, нако-

нецѣ рѣшилъ, что онъ хотя и не знаетъ, гдѣ достать денегъ, но совѣтуетъ гостямъ обратиться къ кому нибудь изъ богатыхъ людей!

Гости слушали Безсуднаго съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и старались изъ всѣхъ силъ уразумѣть темный смыслъ словъ умнѣйшаго корнета. Но старанія ихъ были напрасны, и они такъ и ушли отъ Безсуднаго, не взявши въ толкъ, что онъ такое говорилъ....

— Умнѣйшій ~~человѣкъ~~ человекъ, объявилъ Иванъ Михайлычъ, сходя по лѣстницѣ къ подъѣзду Безсуднаго.

— Да, ума палата и свѣдѣній нахваталъ тьму, подтвердилъ Антонъ Михайлычъ, запахивая шубу и съ наслажденіемъ зѣвая.

— Однако, куда же мы поѣдемъ? спросилъ Иванъ Михайлычъ.

— Да къ кому говорилъ Безсудный? отвѣчалъ Антонъ Михайлычъ: — надо его слушаться: онъ человекъ умный.

— А къ кому онъ говорилъ?

— Не знаю.

— И я не знаю!

Оба брата остановились въ раздумьи и посматривали другъ на друга.

— Поѣдемъ, братъ, къ Муходавлеву; не поможетъ ли онъ намъ, сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія Антонъ Михайлычъ.

И оба брата покатили къ молодому губернатору.

Вслѣдъ за ними поѣхалъ и Михаилъ Филатычъ Безсудный — къ жиду Гершкѣ, закладывая ему послѣднюю незаложенную землю свою для того, чтобы устроить у себя, по требованію жены, музыкальный вечеръ.

Въ тоже время Александръ Павлычъ Муходавлевъ имѣлъ конфиденціальный разговоръ съ своимъ правителемъ канцеляріи, который со дня займа губернаторомъ денегъ у откупщика, сдѣлался необходимымъ совѣтникомъ и агентомъ его.

Муходавлевъ, какъ и можно догадаться, взявъ у откупщика деньги, нѣкоторымъ образомъ обязался дѣлать ему послабленія и удовольствія, а извѣстно, что такое значитъ удовольствіе откупщика. Муходавлевъ зналъ это очень хорошо и совѣсть его была не совсѣмъ спокойна. Откупщикъ передалъ правителю канцеляріи, что онъ очень бы желалъ, чтобы партіи рекрутъ направлялись по казеннымъ селеніямъ, гдѣ онъ торгуетъ водкой, и миновали помѣщичьи имѣнія, гдѣ существуетъ вольная продажа.

Какъ нарочно, трактовая дорога, по которой должны были проходить партіи рекрутъ, шла черезъ два или три помѣщичьи села, а чтобы вести рекрутъ на казенныя селенія, нужно было заставить ихъ сдѣлать лишніе версты семьдесятъ, но такъ, чтобы они, сдѣлавъ эти лишніе семьдесятъ версты, все-таки приходили въ опредѣленное время на мѣсто.

Правитель канцеляріи, по просьбѣ откупщика, добивался этого удлинненія маршрута; губернаторъ, памятуя долгъ службы, не соглашался на это.

— Нѣтъ, какъ можно! нельзя, нельзя! я этого не позволю, кричалъ онъ, немного разсерженный наглою просьбою откупщика.

— Какъ вамъ угодно, ваше превосходительство, отвѣчалъ хитрый правитель:—я самъ думаю, что эта перемѣна маршрута будетъ затруднительна.

— Ну, вотъ вы сами видите, объявилъ губернаторъ, обрадованный неожиданною поддержкою правителя.

Оба замозчали; правитель стоялъ у притоки, заложивъ руки назадъ, а губернаторъ быстро ходилъ изъ угла въ уголъ, охорашиваясь передъ каждымъ зеркаломъ, которыхъ въ его кабинетѣ было достаточно.

— Ваше превосходительство, я позабылъ вамъ доложить, приступилъ правитель канцеляріи другимъ манеромъ:—откупщикъ поручилъ мнѣ просить васъ возвратить ему занятыя деньги: говорить, торговля весьма плохо идетъ.

Муходавлева точно кипяткомъ обварило.

— Какъ такъ? зачѣмъ ему деньги? Вѣдь онъ говорилъ—отдать, когда я захочу, началъ онъ вывертываться.

Правитель однако былъ человѣкъ неумолимый.

— Что же дѣлать, ваше превосходительство? Тогда онъ говорилъ одно, а теперь другое, началъ онъ объяснять.

— Да почему же? какъ онъ смѣетъ измѣнять свой уговоръ со мной? перебилъ его съ сердцемъ Муходавлевъ, который почувалъ, что дѣло тутъ какъ будто для него весьма скверное.

Правитель съ недоумѣніемъ и соболѣзнованіемъ пожалъ плечами.

— Да какъ же это онъ такъ? нынче одно, завтра другое, приставалъ къ нему Александръ Павлычъ.

— Онъ говоритъ, что торговля плохая, — можетъ обанкротиться безъ этихъ денегъ.

— Какъ же можетъ быть плохо торговля? Теперь наборъ, пояснилъ губернаторъ, который начиналъ уже хорошо понимать тонкости откупныхъ операцій.

— Да онъ говорить, что городъ одинъ и во время набора не покроетъ ему убытковъ прежняго времени, а что рекрутскіе этапы все больше въ помѣщичьихъ селеніяхъ.

Губернаторъ понялъ, въ чей огородъ бросаютъ камешки, и позеленѣлъ отъ досады.

— Что жъ мнѣ дѣлать? сердито вскрикнулъ онъ: — чего нельзя, того нельзя! А денегъ я не могу ему отдать теперь.

— Какъ будетъ угодно вашему превосходительству, хладнокровно отвѣчалъ правитель: — только не было бы вамъ неприятностей, — мой долгъ доложить.

— Что такое? спросилъ Муходавлевъ испуганнымъ голосомъ.

— Да вѣдь у откупщика въ рукахъ сохраняя росписка вашего превосходительства, такъ не представилъ бы онъ ее министру.

Муходавлевъ поблѣднѣлъ, какъ полетно, и едва могъ выговорить.

— Онъ этого не сдѣлаетъ: это будетъ подло.

Правитель канцеляріи тихо засмѣялся.

— И, помилуйте-съ, отвѣчалъ онъ: — отъ этого народа можно всего ожидать! Вѣдь докладывалъ я тогда-съ: не давайте на себя росписки, — такъ цѣть, изволили дать, — изволили сказать, что безъ росписки этотъ заемъ будетъ имѣть видъ взятки.

— И теперь тоже скажу, сердито перебилъ губернаторъ: — я не зналъ, что откупщикъ такой подлецъ.

Надо сказать, что хотя въ тотъ день, когда правитель канцеляріи привезъ Муходавлеву деньги отъ откупщика, съ него и не взяли росписки; но на другой день правитель постарался подстрекнуть совѣсть Александра Павлыча, и безъ того ввело-вашую займомъ, къ тому разсужденію, что заемъ денегъ у откупщика губернаторомъ, и безъ письменнаго обязательства, весьма похожъ на взятку. Слѣдствіемъ этого разсужденія было то, что губернаторъ почти насильно принудилъ откупщика взять съ него росписку. Правитель, разумѣется, повидимому очень противился дачѣ этого документа. Откупщикъ, получивъ росписку, заплатилъ приличный кушъ и своему агенту, правителю канцеляріи.

Теперь только отиулся Муходавлевъ и увидѣлъ, что онъ сдѣлалъ величайшую глупость; хитрый правитель постарался еще напугать своего начальника.

— Да, оно такъ-съ, отвѣчалъ онъ ему: — конечно, заемное обязательство благовиднѣе; но вѣдь дѣло въ томъ, что опъ навѣрно отошлетъ росписку—то министру; такъ тогда, хоть и нельзя къ вамъ по закону придратъся, все-таки будетъ это весьма непріятно.

— Такъ, такъ, конечно непріятно, бормоталъ Муходавлевъ, бѣгая изъ угла въ уголъ:—какъ же бы это устроить? обратился онъ наконецъ къ правителю канцеляріи.

— Какъ вамъ угодно, ваше превосходительство, а я не вижу другаго средства, какъ переимѣнить маршрутъ согласно желанію откупщика: тогда торговля его пойдетъ лучше, такъ онъ и долга требовать не станетъ.

— А росписка? быстро спросилъ Муходавлевъ.

— Постараюсь и ее взять-съ, отвѣчалъ правитель, которому обѣщать что нибудь и не исполнить, ровно ничего не стоило.

— Какъ же это устроить? какія же причины выставить перемѣны этаповъ? говорилъ въ раздумьи Александръ Павлычъ.

— Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, ужъ это мое дѣло: поговорю съ исправникомъ, тотъ и велитъ гдѣ нибудь по близости мостъ сломать; вотъ и надо будетъ кругъ дѣлать, пояснялъ правитель.

— Да все-таки какъ же это? куда ихъ будутъ водить? все добивался объясненія Муходавлевъ.

— Да помилуйте, ваше превосходительство, развѣ это въ первый разъ-съ? Не извольте беспокоиться: я самъ напишу и маршрутъ и всѣ нужныя бумаги, а исправникъ донесетъ, что провалился мостъ; еще подрядчики строительной комиссіи спасибо скажутъ: всѣмъ будетъ выгодно-съ.

— Будто? спросилъ Муходавлевъ недоувѣрчиво.

— Ужъ будьте покойны, ваше превосходительство: за то беру, что всѣ будутъ довольны.

— Ну, а когда это сдѣлаетъ пользу ввѣренной мнѣ губерніи, то дѣлайте, что хотите, — я вамъ разрѣшаю, гордо проговорилъ губернаторъ, очень довольный тѣмъ, что представился удобный случай замазать дурной поступокъ софизмомъ.

«Слава Богу», подумалъ правитель, «теперь сдерну съ откупщика тысячу-другую!»

Правитель канцеляріи началъ откланиваться.

— Пойдите, пойдите, торопливо вскрикнулъ Муходавлевъ: — еще не все, — у меня къ вамъ есть просьба, любезно прибавилъ онъ.

«Знаю, какаѣ, любезный», подумалъ правитель.

— Чего изволите, ваше превосходительство? съ готовностью проговорилъ онъ вслухъ.

— Да, конечно, чего намъ всѣмъ теперь угодно, — денегъ! объявилъ Муходавлевъ, смѣясь и краснѣя.

Правитель канцеляріи сооронилъ удивленную рожу.

— Помилуйте-съ, проговорилъ онъ: — давно ли вы изволили занять у откупщика десять тысячъ?

— Фю, фю, фю, почтеннѣйшій! засвисталъ Муходавлевъ: — изъ этихъ денегъ врядъ ли у меня наберется теперь тысячи четыре!

— Какъ же это такъ скоро, ваше превосходительство?

— Увы, *noblesse oblige*, со вздохомъ отвѣчалъ Александръ Павлычъ: — далъ балъ, далъ два обѣда, гдѣ былъ весь міръ, вся губернія, — пояснилъ онъ, — кой-какія вещи купилъ, браслеты для одной дамы, мебель, драпри, — вотъ вамъ и все.

— Трудно жить въ высшемъ кругу, ваше превосходительство, замѣтилъ правитель.

— Еще какъ трудно-то! съ особенною жалостью вскрикнулъ Муходавлевъ: — вы не повѣрите, но бываютъ иногда такія минуты, что отказался бы отъ всего!

Муходавлевъ граціозно закрылъ глаза рукою: онъ выучился этому жесту у бѣловодскихъ барынь.

— Такъ денегъ, денегъ! вскрикнулъ онъ полусутоливо, полусерьезно, какъ будто очнувшись отъ тяжелого сна.

Правитель канцеляріи задумался и машинально началъковырять въ носу; Муходавлевъ только плюнулъ, отвернувшись отъ этакихъ манеръ его ближайшаго чиновника, однако ничего не сказалъ.

— Что же? какъ же денегъ-то бы достать? приставалъ онъ.

— Да ужъ не знаю какъ, ваше превосходительство, въ раздумьи отвѣчалъ правитель: — развѣ вотъ какъ? теперь наборъ, такъ Рыкова поприжать?

Муходавлева въ жаръ бросило отъ словъ правителя: давно ли онъ былъ такой гордый и неприступный губернаторъ, что съ нимъ и говорить-то не всякій смѣлъ, а теперь ему уже дѣлаютъ

предложенія на подъяческія продѣлки! Кромѣ того, онъ вспомнилъ свои отношенія къ Аннѣ Ивановнѣ Рыковой и нашелъ, что ему прижимать ея мужа и невыгодно.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ это можно! воскликнулъ онъ въ отвѣтъ на предложеніе правителя: — какъ это можно! Это будетъ низко. Да притомъ я совсѣмъ не въ такихъ отношеніяхъ съ Рыковымъ, чтобы вредить ему!

— Ну-съ, такъ можно нажать рекрутское присутствіе, продолжалъ правитель, несколько не смущаясь замѣчаніемъ Муходавлева о подлости его перваго предложенія.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, — въ рекрутскомъ присутствіи мошенничаютъ, замѣтилъ Муходавлевъ: — надо это искоренить, непременно надо! Знаете что? обратился онъ къ правителю: — напишите-ка рекрутскому присутствію предложеніе, какъ можно построже, поэнергичнѣе, даже и колкости въ ходъ пустите, что вотъ дескать до свѣдѣнія моего дошло, что въ рекрутскомъ присутствіи совершаются разныя незаконія и такъ дагбее: вы уже знаете, какія я бумаги люблю.... Ну, а прижимать ихъ не въ моемъ характерѣ!

— Слушаю-съ, напишу-съ построже, отвѣчалъ правитель, а самъ подумалъ:

— Слава Богу, теперь и съ рекрутскаго присутствія слерну.

— Что же на счетъ денегъ? опять заговорилъ Муходавлевъ о предметѣ, интересовавшемъ его больше всякихъ печестій губернскаго рекрутскаго присутствія.

— Да есть тутъ, ваше превосходительство, дѣло.... да не знаю, какъ бы это сдѣлать, нерѣшительно проговорилъ правитель.

— Что такое? что такое? поспѣшно проговорилъ Муходавлевъ.

— Да вотъ какое дѣло, ваше превосходительство, началъ правитель канцеляріи: — есть здѣсь богатый купецъ-жидъ Янкель; у этого Янкеля есть дочь, которая влюбилась въ русскаго купца, да и тотъ также хотъ сейчасъ подъ вѣнецъ. Вотъ дѣвка-то и бѣжала отъ отца къ одному здѣшнему чиновнику почтоваго вѣдомства, старику. Теперь весь кагалъ жидовскій взбунтовался, не хотятъ допустить ее до замужества.

— Ну, что жъ? спросилъ Муходавлевъ....

— Такъ тутъ, ваше превосходительство, можно упереться на то, что дочь бѣжала отъ отца, можно даже будетъ вывести такъ, что какъ будто бы этотъ почтовый чиновникъ сванилъ ее.

Александръ Павлычъ задумался.

— Янкель человѣкъ богатый, продолжалъ правитель, видя, что Муходавлевъ молчитъ:— у него можно занять пока деньжонокъ—съ.

Правитель канцеляріи, какъ видитъ читатель, начинаетъ фамильярничать съ своимъ начальникомъ.

— Пусть же подаетъ мнѣ просьбу: я сейчасъ распоряжусь, объявить поконенъ Муходавлевъ послѣ иѣкоторой внутренней борьбы.

— Сто секундъ—съ, живо доложилъ правитель, у котораго въ квартирѣ дожидался жидъ Янкель. — Сколько же вамъ угодно занять? спросилъ онъ.

— Да тысячи двѣ рублей пока довольно, краснѣя отвѣчалъ Александръ Павлычъ.

«Пшь, загребистая лапа какая!» подумалъ правитель и вздохнулъ отъ зависти.

— Только я... уже ... росниски не дамъ, заикаясь, проговорилъ губернаторъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, на что же эги росниски? воскликнулъ правитель: — вѣдь вы изволите сами знать, что я всегда противъ этихъ письменныхъ документовъ. Правитель канцеляріи быстро исчезъ.

Черезъ четверть часа въ кабинетъ Муходавлева вошелъ рыжій старикъ, жидъ Янкель и подавъ ему просьбу. Правителя съ жидомъ не было: онъ былъ человѣкъ опытный.

Муходавлевъ, принимая прошеніе, почувствовалъ въ немъ сильное приноженіе и покраснѣлъ, какъ макъ цвѣтъ. Вслѣдствіе своего смущенія, онъ поспѣшилъ спровадить жиду, обѣщавъ ему немедленное исполненіе его желаній. Жидъ, низко кланяясь, ушелъ.

Александръ Павлычъ заперъ двери на ключъ и развернулъ просьбу; въ ней было завернуто ровно двѣ тысячи рублей, которые онъ свиряталъ въ бюро, глубоко вздохнувъ и горько подумавъ: «Тяжела ты, свѣтская жизнь!»

Только что онъ убралъ деньги и отперъ двери, въ кабинетъ почти влетѣлъ правитель канцеляріи.

— Сейчасъ же пошлите частного пристава взять эту жидовку отъ почтоваго чиновника и отвести ее къ отцу, съ котораго въ полученіи ея взять росписку, приказалъ онъ правителю.

«Ну, добро, теперь распоряжайся», подумалъ правитель: «хоть, я знаю, ты тутъ ничего не сдѣлаешь, да деньги-то у меня въ карманѣ, да и самъ почти взятку взять. Теперь будешь у меня въ рукахъ!»

Однако ничего такого вслухъ не сказалъ правитель, а ограничился однимъ «слушаю-съ», и пошелъ распоряжаться согласно приказанію губернатора.

Правитель канцеляріи былъ правъ: распоряженія, съ которыми начатыя, не удалось молодому губернатору.

Черезъ часъ послѣ его бесѣды съ правителемъ къ нему явился почтовый чиновникъ, пріотившій еврейку. Это былъ старикъ такой наружности, которая ясно доказывала, что его запугать довольно мушено.

— Вы прислали въ мой домъ полицію, ваше превосходительство, чтобы взять еврейку, которая живетъ у меня, началъ чиновникъ, почтительно кланясь.

Муходавлеву пришла несчастная мысль съ-разу оборвать чиновника и такимъ образомъ выиграть сраженіе.

— Да, и послать полицію, гордо заговорилъ онъ: — и ручаюсь вамъ, что я васъ подвергну страшной отвѣтственности за пристаждержательство бѣглой дочери, которую требуетъ отецъ.

Чиновникъ молчалъ: онъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло; молчаніе это черезчуръ расхрабрило Александра Павлыча, который очень любилъ похорохориться надъ молчаливымъ. Онъ произнесъ старику весьма сильное увѣщаніе, оканчивавшееся громогласнымъ и рѣшительнымъ приказомъ:

— Извольте сейчасъ же возвратить ее отцу, или я съ вами раздѣлаюсь посвоему!

Но старикъ ждалъ только конца рѣчи, чтобы отвѣчать Муходавлеву. Безъ малѣйшаго смущенія, очень твердо и спокойно онъ началъ такую рѣчь.

— Вы напрасно на меня кричали, ваше превосходительство. Выслушайте меня. Какое вы право имѣете подозрѣвать меня, честнаго человѣка, старика, въ подлости, въ покражѣ дочери отъ отца?

— Да она у васъ? возразилъ Муходавлевъ, уже потише и помягче.

— Это ничего не значитъ: въ законѣ сказано, что всякій обязанъ оказывать покровительство нехристіанамъ, желающимъ

принять христіанскую вѣру: ну, я ей и оказываю покровительство въ своемъ домѣ, въ домѣ женатаго старика!...

Александръ Павлычъ началъ переминаться и переступать съ ноги на ногу.

— Потомъ, какъ вы можете, ваше превосходительство, запретить мнѣ крестить эту еврейку? продолжалъ чиновникъ еще настойчивѣе.

Муходавлевъ потерялся....

— Ахъ, Боже мой, вы уже затѣваете исторію, сказалъ онъ, чтобы скольконибудь успокоить расхолодившагося старика:—вѣдь я васъ призывалъ только для того, чтобы отъ васъ самихъ узнать, въ чемъ тутъ дѣло?

— Ровно ничего тутъ нѣтъ дурнаго, ваше превосходительство, отвѣчалъ старикъ: — дочь Янкеля захотѣла креститься, я принялъ ее къ себѣ и завтра же крещу и выдамъ замужъ; попробуйте мнѣ не позволить сдѣлать этого! докончилъ нѣсколько насмѣшливо неуступчивый старикъ.

Муходавлева даже потъ прошибъ отъ душевнаго волненія; онъ долго ходилъ молча, наконецъ остановился передъ чиновникомъ, насмѣшливо на него глядѣвшимъ.

— Слушайте, сказалъ онъ ему: — я позволяю вамъ крестить эту еврейку....

— Покорно благодарю, отвѣчалъ старикъ, насмѣшливо улыбаясь....

— Только нельзя ли ее окрестить нынче же, сейчасъ же? продолжалъ Александръ Павлычъ, хватая старика чиновника за руку: — вы меня этимъ чрезвычайно обяжете: ко мнѣ пристаешь весь жидовскій кагалъ, такъ пусть это ужъ скорѣе кончится.

— Извольте, отвѣчалъ чиновникъ: — и для меня, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: я сейчасъ же поѣду и улажу это дѣло.

— Съ Богомъ, поѣзжайте, любезно проговорилъ Муходавлевъ, провожая старика до самыхъ дверей.

Черезъ два часа онъ получилъ отъ чиновника записку, что еврейка уже окрещена, и впалъ въ раздумье.

«Отдать Янкелю деньги, или нѣтъ?» думалъ онъ, ходя по кабинету, — «отдать, или не отдавать?»

— Впрочемъ, что же тутъ? рѣшилъ онъ наконецъ: — вѣдь это взаимны взяты, такъ отдамъ когданибудь; если бы это была взятка, тогда другое дѣло....

Онъ задумался.

Только-что почтовый чиновникъ уѣхалъ отъ Муходавлева, какъ къ его превосходительству явились братья-гастрономы съ описаніемъ горестей, постигшихъ Ивана Михайлыча.

Разумѣется, прямаго пособія Муходавлевъ не могъ сдѣлать Ивану Михайлычу: самъ всегда почти сидѣлъ безъ денегъ, а если и имѣлъ ихъ, то былъ тоже мастеръ прожывать. За то онъ сейчасъ приказалъ написать секретно исправнику, чтобы онъ какъ можно медленнѣе производилъ нужныя взысканія, чтобы протянуть дѣло это до тѣхъ поръ, пока Иванъ Михайлычъ достанетъ денегъ.

Кстати замѣтимъ, что черезъ двѣ недѣли Иванъ Михайлычъ досталъ у какого-то полоумнаго барина три тысячи рублей; но глупому сыну не въ помощь богатство: эти три тысячи не пошли на уплату долговъ, а были прожиты и проѣдены. Бѣдная Анна Николаевна не осушала глазъ, потому что всѣ имѣнія были описаны и долженствовали быть скоро проданы.

ГЛАВА XII.

Между тѣмъ приготовленія къ благородному спектаклю шли своимъ чередомъ. Одно было нехорошо: добровольныя актрисы повадились ежедневно имѣять пьесы, въ которыхъ онѣ должны были участвовать. Такъ напримѣръ Анна Ивановна Рыкова, выбравшая для себя сначала главную роль въ «Водевиль съ пересодѣваніемъ», закапризничала по наущенію князя Чепухинскаго, которому хотѣлось для себя непременно самую эффектную комическую роль, и потребовала, чтобы кромѣ этого водевиля играли еще и «Буку». Глядя на нее, капризничали и другія, чтобы доказать, что и онѣ тоже барыни—могутъ капризничать, сколько ихъ душѣ угодно. Наконецъ, послѣ долгихъ передѣлываній, всѣ, кромѣ Анны Ивановны, возвратились къ благоразумной уступчивости и поручили князю написать афишу, которая вышла очень длинна. Князь написалъ, губернаторъ утвердилъ и на утро въ жидовской типографіи, на тончайшей почтовой бумагѣ, печаталось во всеобщее свѣдѣніе, что «съ дозволенія начальства благородными любителями сценическаго искусства будетъ дано». (Точка въ подлинникѣ). Затѣмъ напечатано было какимъ-то египетскимъ шрифтомъ: «благородный спектакль» и наконецъ: «содержаніе оного». Содержаніе было самое разнообразное: да-

вали «Буку» въ двухъ дѣйствіяхъ, «Чиншвынка» въ одномъ и наконецъ все-таки «Полковника старыхъ временъ», за котораго очень хлопоталъ самъ полковникъ Тычкинъ. Его очень занимало, какъ это его жена, полковница въ натурѣ, будетъ на сценѣ настоящимъ полковникомъ? «Водевиль съ переодѣваньемъ» оставили на другой спектакль, а вмѣсто него положили поставить живыя картины. Мы застаемъ дѣйствующихъ лицъ этого разсказа въ театрѣ, утромъ, сѣхавшихся на одну изъ многочисленныхъ репетицій.

Театръ былъ такой, какимъ вообще долженъ быть провинціальныи театръ, то есть: малъ, грязенъ, тѣсенъ, неудобенъ, вездѣ сквозить и отовсюду дуетъ, всего только двѣ кануры вмѣсто уборныхъ, такъ что кавалеры, участвовавшіе въ спектаклѣ, должны были одѣваться въ сыромъ подвалѣ, бывшемъ подъ театромъ. Однимъ только Бѣловодскій театръ отличается отъ всѣхъ остальныхъ театровъ въ мірѣ: въ немъ два ряда ложъ и ни въ одной, кромѣ губернаторской, нѣтъ ни стула, ни даже скамейки, чтобы присѣсть: бравшіе ложу должны были присылать въ нее свою мебель, если не желали стоять на ногахъ во все время спектакля.

Сцена была освѣщена нѣсколькими старинными свѣчками, горѣвшими тамъ и сямъ, а въ томъ числѣ и въ оркестрѣ, гдѣ передъ пюпитромъ стояли и сидѣли невыспавшіеся и невыбритые музыканты съ вертлявымъ капельмейстромъ въ серединѣ. На сценѣ сидѣли, ходили, говорили, наконецъ мечтали вдвоемъ и кой о чемъ молчали всѣ участвовавшіе въ спектаклѣ и кромѣ нихъ, разумѣется, Муходавлевъ и князь Таракановъ.

Шумъ и крикъ на сценѣ былъ ужасный: спорили и кричали о томъ, какія живыя картины поставить на первый спектакль, и оралъ громче всѣхъ, разумѣется, князь Чепухинскій. Муходавлевъ сидѣлъ рядомъ съ Рыковой и не принималъ почти никакого участія въ спорѣ; за то князь Таракановъ, котораго предмета, *M-me* Таубе, не было въ театрѣ, хлопоталъ изъ всѣхъ силъ и конечно вертѣлся все больше около Баламутовой.

— Какія же картины-то поставимъ? кричалъ Чепухинскій: рѣшайте, *mesdames*, — вѣдь уже первый часъ, пора бы за репетицію приниматься.

— Я предлагаю поставить море, на морѣ тихо качается гондола, а въ гондолѣ гондольеръ съ своей прекрасной, предлюблилъ подполковникъ Язычнискій, взятый въ труппу на амплуа

фатовъ:—я буду гондольеромъ съ вами, шепнулъ онъ почти на ухо хорошенькой Тычиной. Та, разумеется, покраснѣла и довольно безцеремонно объявила подполковнику:

— Ахъ, отвяжитесь пожалуйста; развѣ я лучше васъ не найду?

Язычинскій проглотилъ нилюлю и отошелъ прочь, ворча сквозь зубы:

— Провинциализмъ, — нечего и сердиться!

— Какъ же это быть-то? горестно объявилъ Чепухинскій:— какую же картину-то бы поставить?

— Ставьте, князь, историческую, разумеется историческую, кричалъ Таракановъ.

Баламутовой, а вслѣдъ за нею и всѣмъ понравилась эта мысль, и всѣ закричали: «историческую, историческую!»

— Ну, хорошо, историческую, отвѣчалъ князь:—да кто же изъ насъ историко-то знаетъ?

Всѣ замолчали и переглянулись другъ съ другомъ.

— Я знаю исторію, вызвался Котовъ.

Всѣ какъ-то особенно радостно посмотрѣли на него; Котовъ задумался.

— Ивана Грознаго, можетъ? промолвилъ онъ въ раздумьи.

— Подите вы съ Грознымъ, объявилъ князь Чепухинскій:— намъ нужно картину съ женщинами.

Котовъ опять задумался; но сколько ни думалъ, все ничего придумать не могъ.

— Муходавлева надо спросить, шепнула Тараканову Варвара Петровна Баламутова, которой завидно было, что Рыкова исключительно завладѣла молодымъ губернаторомъ: — надо разорвать этотъ приторный *tête-à-tête*, дополнила она, насмѣшливо указывая на нихъ глазами.

— Какъ вы злы, *M-me Balamoutoff*, промолвилъ любезный адъютантъ и привелъ своимъ замѣчаньемъ Варвару Петровну въ особенный восторгъ: провинціальныя барыни очень еще любить, когда ихъ находятъ злыми, а Варвара Петровна была совершенная провинціальная барыня.

Муходавлевъ былъ оторванъ отъ приковавшей его легкомысленное сердце Рыковой и потребованъ на совѣтъ; надо было призадуматься надъ вопросомъ объ исторической картинѣ, и Александръ Павлычъ действительно призадумался.

— Развѣ не поставить ли, *mesdames*, Марію Стюартъ, идущую на казнь? нерѣшительно спросилъ онъ.

— Прекрасно, прекрасно, закричали всѣ: Марію Стюартъ, Марію Стюартъ!

— Кто же будетъ Маріей Стюартъ? виѣшался князь.

Всѣ замолчали и начали переглядываться.

— Я не хочу, объявила Баламутова:— у меня и такъ трудная роль.

Настоящая же причина отказа ея была не трудность роли, а просто нежеланіе явиться въ картинѣ блѣдной, разстроенной, каковою должна была быть Марія Стюартъ въ минуту своего шествія на казнь.

Рыкова тоже отказалась, по той причинѣ, что эта роль была не по ней; ей надо было что нибудь пожгучей и пострастнѣй.

Наступило опять молчаніе, всѣ потупили головы и не видѣли того, что въ глазахъ Марьи Петровны ясно было видно страстное желаніе взять на себя эту роль.

— Да вотъ вы, Александра Николаевна, отчего не возьмете этой роли? обратился Таракановъ къ Тычкиной.

— Да что это за Марія Стюартъ? спросила въ неусомнѣніи хорошенькая полковница.

Муходавлевъ и князь Таракановъ почли долгомъ переглянуться и закусить губы.

— Какъ, кто Марія Стюартъ? переспросилъ удивленный князь. — Королева....

— Какъ? королева? вскрикнула Тычкина: — и ее казнятъ?

— Ну, да, отвѣчалъ еще болѣе удивленный князь.

— Какъ можно! мужъ мой узнаетъ, ни за что не позволить.... Это вѣрно изъ французской революціи, пояснила полковница, получившая образованіе въ одномъ изъ бѣловодскихъ пансіоновъ.

Всѣ захохотали,—не выдержали; Тычкина немножко обидѣлась и удалилась къ кулисъ.

Какъ ни крѣпилась Марья Петровна, какъ ни толковалъ ей природный голосъ, что ей быть въ роли Маріи Стюартъ, идущей на казнь, очень смѣшно, но все-таки прививная снобичность взяла въ ней верхъ надъ природой и она предложила свои услуги. Вся труппа переглянулась довольно насмѣшливо, однако приняла услуги Марьи Петровны; режиссеръ князь Чепухинскій попребовалъ—было воспротивиться назначенію Марьи

Петровны въ Маріи Стюартъ, но былъ встрѣченъ такимъ сплѣннымъ неудовольствіемъ и даже упреками со стороны Маріи Петровны, что принужденъ былъ немедленно замолчать.

Начали выбирать другихъ дѣйствующихъ лицъ живой картины. Помѣщикъ Подмахацкій купилъ изъ одного конца въ другой, совался отъ князя Чепухинскаго къ Баламутовой, отъ ней къ Муходавлеву и такъ далѣе ко всѣмъ актерамъ и актрисамъ и сюсюкалъ что было у него силы:

— Меня пожалуйста, приклейте какъ нибудь въ эту картину: у меня уже и костюмъ есть.

Николай Александрычъ Подмахацкій былъ весьма скупъ, хоть и любилъ поаристократничать. Онъ сшилъ себѣ въ прошлую зиму, тоже къ благородному спектаклю, богатый костюмъ французскаго маркиза временъ Людовика XV, костюмъ, который ему обошелся ровно въ двѣсти рублей серебромъ. Жаль было Николаю Александрычу сдѣлать костюмъ для одного раза, и онъ придумалъ облечься въ него другой разъ—къ откупщику на дѣтскій маскарадъ, гдѣ всѣ взрослые, кромѣ Николая Александрыча, были одѣты почеловѣчески. И прокулилъ Николай Александрычъ весь дѣтскій балъ въ шутовскомъ одѣяніи, весьма довольный собой и тѣмъ, что костюмъ онъ сдѣлалъ уже не для одного раза. Однако и этого ему казалось мало: костюмъ при осмотрѣ оказался новешенекъ. Вотъ почему Николай Александрычъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ, какъ бы ему придратъся къ случаю и напялить его на себя еще въ третій разъ.

— Возьмите же и меня въ эту картину: у меня уже и костюмъ, хорошій костюмъ есть, приставалъ онъ въ сотый разъ къ губернатору, стоявшему рядомъ съ княземъ Таракановымъ.

— Какой это костюмъ? тотъ, что вы въ прошломъ году себѣ сдѣлали? спросилъ Александръ Павлычъ.

— Ну да, ну да, отвѣчалъ обрадованный Подмахацкій, да и какъ онъ идетъ ко мнѣ, прелесть!

— Да вѣдь это костюмъ временъ Людовика XV-го? переспросилъ удивленный Муходавлевъ.

— Ну, чтожъ! сказалъ Подмахацкій, еще болѣе удивленный неожиданною придиркою, и вытаращивъ на него глаза: — ну, чтожъ, что Людовика! — Какого бы тамъ ни было, что же такое?

И Муходавлевъ, и князь безъ церемоній захохотали. Подмахацкій не зналъ, обидѣлся ему или смѣяться вѣстѣ съ ними,—

наконецъ рѣшился на послѣднее и захохоталъ. Это добродушіе спасло его.

Муходавлевъ началъ было доказывать невозможность появленія французскаго маркиза конца XVIII-го столѣтія при казни Маріи Стюартъ; но князь Таракановъ, тронутый незлобивымъ добродушіемъ Николая Александровича, а можетъ быть и по внушенію своего насмѣшливаго петербургскаго сердца, вступился за Подмахавцаго и его великолѣпный костюмъ и уговорилъ Муходавлева допустить его въ живую картину въ видѣ маленькаго анахронизма.

— Да и кто здѣсь разберетъ этотъ анахронизмъ? добавилъ князь въ видѣ послѣдняго аргумента.

— Ну да, подоспѣлъ на помощь князю самъ анахронизмъ: — кто здѣсь чтонибудь разберетъ? И анахронизмъ состроилъ презрительную гримасу, самъ не понимая, почему бы нельзя ему быть въ картинѣ въ костюмѣ XVIII-го вѣка.

— Да вотъ, — писатели у меня въ губерніи развелись, съ неудовольствіемъ проговорилъ Муходавлевъ.

— Э, *mon Dieu*, вскрикнулъ князь Таракановъ: — охота же вамъ обращать вниманіе на всякую дрянь — на писателей!

— *C'est vrai, mon prince, c'est vrai*, подоспѣлъ опять Подмахавцкій: — эти писатели все отчаянный *mauvais genre*.

Муходавлевъ улыбнулся и, объявивъ Подмахавцкому, что вся вина въ скандалѣ, если ктонибудь изъ доморощенныхъ писателей замѣтитъ анахронизмъ въ живой картинѣ, падетъ на него, Подмахавцаго, разрѣшилъ ему явиться передъ публикой въ третій разъ въ костюмѣ, который такъ дорого ему стоилъ и такъ хорошо къ нему шелъ.

— Другая какая же будетъ картина? спросилъ Муходавлевъ у всѣхъ участвующихъ.

Начались опять споры, которые рѣшились предложеніемъ князя Чепухинскаго.

— Знаете что, господа? крикнулъ князь Петръ Петровичъ: — давайте, устроимъ цыганскій таборъ, да съ пѣснями, со всѣми операми! Проноемъ плясовую, да кстати и весь цыганскій репертуаръ дернемъ.

Всѣмъ понравилось предложеніе, но приведеніе этого проекта въ исполненіе представляло тѣмъ препятствій.

— Кто же пѣть будетъ? спросилъ князь Таракановъ, у котораго всѣ жилки уже заходили отъ одного намена на поющій дыганскій таборъ.

— Какъ кто? отъѣчалъ князь Петръ, — я запѣлаю.

— Да все-таки мало, замѣтилъ губернаторъ.

— Пѣвчихъ семинаристовъ выпросимъ, а у предсѣдательни Кобылкиной выпросимъ воспитанницъ изъ пріюта: она вѣдь тамъ начальница.

— А когда такъ, такъ разумѣется это будетъ хорошо, замѣтилъ губернаторъ.

— Грандіозно, ваше превосходительство, грандіозно! отъѣчалъ легко-воспламенившійся отъ своихъ изобрѣтеній князь Чепухинскій: — вообразите себѣ, разложимъ бенгальскій огонь среди сцены, таборъ кругомъ, медвѣдя, чортъ возьми, достанемъ!

— Неужели живаго? вскричала Баламутова: — *c'est affreux!*

— Ну, хоть и живаго, да только не медвѣдя, человѣка переодѣнемъ, съостригъ неумолимый камикъ князь Чепухинскій.

— Бандуревскаго возьмемъ въ медвѣди, пошутитъ Баламутова.

— О, вѣтъ, *pardon madame*, отозвался Муходавленъ, охотникъ посмѣяться надъ отсутствующимъ другомъ и недругомъ: — Бандуревскій годится только въ верблюды; а вотъ я взялъ дамъ въ медвѣди славный сюжетъ: есть у меня стриптизъ, — такъ не различите съ медвѣдомъ.

Всѣ захохотали, Богъ знаетъ чему, вѣроятно потому, что всякой губернаторской остротѣ необходимо должно смѣяться и удивляться все провинціальное аристократическое общество.

— Репетицію, репетицію начинать, крикнулъ князь Чепухинскій, вставая съ своего мѣста.

Началась репетиція, со всѣми принадлежностями благородной репетиціи, — капризами, обидчивостью, колкостями со стороны актрисъ, — безпрестаннымъ бѣганьемъ въ буфетъ, и еще болѣе частымъ, если это возможно, ухаживаньемъ за актрисами со стороны актеровъ, и пр. и пр. Ролей, разумѣется, почти никто не зналъ, суфлеръ лѣзъ изъ кожи, князь Чепухинскій волновался и шумѣлъ, — все, какъ слѣдуетъ.

Репетиція наконецъ кончилась ровно въ пять часовъ пополудни.

Всѣ дамы пристали къ князю Чепухинскому съ вопросомъ, когда можно будетъ давать спектакль?

— Рано, рѣзко отвѣчалъ сердитый князь:—еще ролей ни въ зубъ толкнуть не знаете?

Дамы захохотали: есть на свѣтѣ счастливицы, отъ словъ которыхъ, какъ бы дерзки они ни были, всегда смѣются.

— Нельзя ли завтра? шепнула на ухо Муходавлеву Анна Ивановна: она лучше всѣхъ играла, знала уже хорошо свою роль и ей хотѣлось немпожко посадить, что называется, на мель своихъ пріятельницъ и соперницъ, особенно гордую Баламутову. Муходавлевъ, разумѣется, не заставилъ просить себя два раза и потребовалъ, чтобы спектакль былъ на другой день. Дамы, не понимавшія хитрости Рыковой и только съ нетерпѣніемъ ждавшія случая разодрѣться въ пухъ и прахъ и поразить зрителей, если не талантами, которыхъ природа не дала, но ужъ навѣрно прелестью и дороговизной своихъ, нарочно сдѣланныхъ для одного раза костюмовъ, — дамы бросились поддерживать предложеніе и чуть-чуть было не побѣдили воинственнаго князя Чепухинскаго. Однако онъ спасся и спастъ отъ окончательнаго паденія спектакль, но только потому, что Марья Петровна объявила, что у ней неготово еще платье для роли Маріи Стюартъ. Спектакль, волей или неволей, должны были отложить еще на три дня.

— Только уже непременно черезъ три дня, не позже, — сказалъ Муходавлевъ, раскланиваясь съ труппой и особенно вѣжливо прощаясь съ актрисами. — Вы, князь, посылайте завтра же съ утра разносить афиши, обратился онъ къ Чепухинскому. — Да, кстати, отошлите полицмейстеру билетовъ съ сотню: я велю раздать ихъ какъ можно больше. — Надо, чтобы всѣ участвовали въ благотворительномъ предпріятіи.

— Ахъ, *quelle horreur!* зашипала всѣ актрисы: —набьются въ театръ всякіе жиды, бородачи....

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, успокоилъ ихъ князь Чепухинскій:—имъ только покажутъ билеты и возьмутъ деньги и, а въ руки билетовъ не дадутъ; тамъ они себѣ, если хотятъ, могутъ въ раекъ идти.

— Натурально, рѣшилъ губернаторъ и, поклонившись еще разъ дамамъ, пошелъ было къ дверямъ вмѣстѣ съ Таракановымъ.

— Александръ Павлычъ! закричалъ ему вслѣдъ князь Чепухинскій.

— Что такое? спросилъ Муходавлевъ, оборотившись.

— Какъ вы прикажете, пускать намъ этихъ... писателей-то въ театръ, или нѣтъ? Вотъ дамы противъ этого... говорилъ князь Челухинскій.

Муходавлевъ сдѣлалъ самую кислую мину, какую только можно вообразить.

— Ужъ эти мнѣ писатели! вотъ гдѣ они у меня сидятъ! сказалъ онъ, обращаясь къ князю Тарakanову.

— Какъ хотите, Александръ Павлычъ, а мы не хотимъ пускать писателей, пищали барыни: — какая охота попасть въ печать!

— Да помилуйте, какая же тутъ печать? — началъ ихъ утѣшать князь Таракановъ: — вы навѣрно будете играть отлично, такъ чтожъ тутъ, если и будутъ объ васъ писать?

— Э, нѣтъ, князь, нѣтъ! отвѣчали всѣ дамы хоромъ: — если бы вы, или вотъ Александръ Павлычъ писали, то это другое дѣло, намъ было бы это очень пріятно, — мы въ васъ увѣрены. Ну, а эти господа такіе... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что....

Губернаторъ погрузился въ глубокую думу.

Да и было въ самомъ дѣлѣ чего задуматься: съ одной стороны, онъ терпѣть не могъ писателей, которыхъ во ввѣренной ему губерніи расплодилось въ послѣднее время весьма много; съ другой стороны, — какое право кто имѣетъ не пустить въ общественное мѣсто, въ театръ, прилично ведущаго себя человека, платящаго за свое мѣсто деньги?

— Надо ихъ обмануть, этихъ господъ, рѣшилъ онъ наконецъ: — если ктонибудь изъ нихъ придетъ за билетомъ, пусть говорятъ, что всѣ уже разобраны заранѣе, а я прикажу не пускать безъ билетовъ.

— Но вѣдь они могутъ когонибудь подослать взять для себя билеты, вотъ и будутъ съ билетами, — горестно раздумывала Баламутова, которая питала сильное отвращеніе къ литераторамъ.

— Э, помилуйте, вскричалъ князь: — вотъ что значить быть женщиной, — ничего не смыслите въ дѣлахъ! Развѣ нельзя приказать, если сунется хоть одинъ писатель, надѣлать ему дерзостей, — вотъ и исторія; а за исторію не только вывести изъ театра, можно и въ полицію посадить... хоть и писателя.

— Именно такъ, объявилъ, улыбаясь, Муходавлевъ.

Всѣ засмѣялись и затѣмъ разѣхались совершенно покойно.

На другой день была опять репетиція, но уже гораздо раньше началась и гораздо раньше кончилась, потому что была гораздо серьёзнее первой. После репетиции былъ опять общій совѣтъ всѣхъ участниковъ, на которомъ единогласно положили командировать князя Чепухинскаго и подполковника Язычинскаго развозить билеты ко всѣмъ, бывшимъ на счету аристократовъ. Для вѣщаго почета и для большаго побужденія губернскихъ аристократовъ къ щедрости, дамы поручили написать циркулярное воззваніе къ благороднымъ благотворителямъ и тутъ же подписали его пофранцузски, тоже для большей важности. Князь и подполковникъ побѣждали въ гостиницу, такъ какъ некогда было ѣхать обѣдать домой, и перехватили тамъ кой-чего. Князь, какъ первоклассный талантъ на всѣ руки, все молчалъ и все ѣлъ, подполковникъ же ничего почти не ѣлъ, а все занимался своею спеціальностью: рассказывалъ небывалые случаи, бывшіе съ нимъ въ то время, когда онъ принадлежалъ къ самой высшей аристократіи въ имперіи.... Князь все слушалъ, да ѣлъ, даже не поддакивалъ; кончилось тѣмъ, что князь заставилъ хвастливого подполковника заплатить за обѣдъ и за вино. Тотъ поморщился, однако для поддержанія своего аристократизма заплатилъ, и посланники поѣхали, разумеется, прежде всего къ губернатору.

Любопытно было видѣть, какъ вся бѣловодская знать таялась другъ передъ другомъ въ томъ, кто больше заплатитъ за билетъ, и, разумеется, благотворительность, желаніе помочь бѣднымъ, не играли въ этой конкуренціи никакой роли, главная цѣль всѣхъ этихъ господъ была — выскочить передъ другими, бросить больше денегъ, чѣмъ другіе, слѣдовательно доказать свои преимущества въ денежномъ отношеніи и въ дворянскомъ благородствѣ.

Мухомедовъ принялъ посланниковъ весьма милостиво, поговорилъ съ ними о театрѣ вообще и о погодѣ въ особенности и, заплативъ за кресло 1-го ряда, набитое булыжникомъ, сто рублей серебромъ, отпустилъ пословъ съ миромъ. Отъ него послы направились къ князю Тарakanову, который въ ту минуту былъ совсѣмъ почти безъ денегъ. Г-жа Таубе, какъ читатель, я думаю, уже и догадался, была весьма разорительный предметъ.

Князь Таракановъ сначала весьма тонко выспросилъ у гостей, у кого они были, и когда тѣ отвѣтили, то допросилъ также, сколько губернаторъ заплатилъ за свое кресло.

— Чтобъ чортъ его взять, этого Муходавлева, подумалъ князь, узнавъ, что тотъ далъ за билетъ сто цѣлковыхъ:—теперь и мнѣ надо давать по крайней мѣрѣ столько же.

И, нечего дѣлать, сирѣчь сердце, полѣзъ его сѣтельство въ карманъ и отдалъ сто-рублевый кредитный билетъ, а въ карманѣ у него осталось всего пять цѣлковыхъ.

Вице-губернаторъ не считался аристократомъ, — ему и не повезли билета; за то повезли Бандуревскому и Рыкову; эти господа, осчастливленные наборомъ, конечно не поскупились, особенно нашъ старый знакомый Аркадій Аполлоновичъ Бандуревскій, который очень боялся того, чтобы его какъ нибудь не обнесли чаркой.

Онъ до того обрадовался, увидя посланниковъ, что вытаращилъ глаза, растопырилъ пальцы и не зналъ уже, что ему и дѣлать.

— Какая ужасная погода, *quel temps affreux*, началъ онъ: — а я былъ въ палатѣ, *dans la chambre; imaginez-vous*, намъ всѣмъ отказали въ наградахъ.... *je n'y comprends rien* — ничего не понимаю: все-таки *je suis* дѣйствительный статскій... *un général* по военной: звѣзда мнѣ необходима.

Гости, видя, что его превосходительство занесъ околесную, поспѣшили ему сунуть въ руку билетъ на ложу, такъ какъ онъ былъ человекъ семейный.

— *Qu'est ce que c'est?* спросилъ Бандуревскій.

— Это билетъ въ театръ на благородный спектакль, *mon général*, отвѣчалъ подполковникъ.

— А, билетъ, *un billet*, ложа, забормоталъ его превосходительство; — *c'est bien!* объявилъ онъ, и какъ ни въ чемъ не бывало, спряталъ билетъ въ карманъ и опять понесъ свое, то есть объ отказѣ ему въ звѣздѣ.

Послы долго крѣпились, наконецъ не выдержали—попросили горестнаго генерала безъ звѣзды заплатить имъ деньги и отпустить ихъ дальше.

— *C'est vrai, c'est vrai*, нужны деньги, забормоталъ генералъ: — нужны деньги; генералъ задумался.

— А сколько вамъ дали за ложу? вдругъ спросилъ онъ у князя.

Тотъ объяснилъ его превосходительству, что они ни у кого кромѣ губернатора еще не были, а что губернаторъ заплатилъ за кресло сто рублей. Послы солгали, сказавъ для боль-

шаго почета Аркадію Аполлоновичу, что они не были даже у Тараканова.

Бандуревскій покраснѣлъ отъ радости и чуть-чуть не оборвалъ себя на шеѣ креста, поправляя его.

Лестъ подѣйствовала, какъ нельзя лучше, — его превосходительство отправился въ свой кабинетъ и началъ отсчитывать деньги.

— Теперь наборъ, утѣшалъ самъ себя председатель, — безъ денегъ не буду сидѣть: дамъ дѣйсти.

И дѣйствительно далъ дѣйсти.

Николай Филиппычъ Рыковъ принялъ гостей нѣсколько сыска, но все-таки довольно милостиво, и хотя онъ, такъ же какъ и Бандуревскій, былъ очень огорченъ отказомъ въ чинѣ, однако по благоразумію своему ни слова объ этой горести не упомянулъ, а трактовалъ все «объ матерьяхъ важныхъ», какъ-то: о наборѣ, объ упадкѣ нравственности въ молодыхъ людяхъ, наконецъ объ обѣдѣ запросто у начальства и о прочихъ серьезныхъ дѣлахъ.

Кончивъ рацею, его высокородіе выбранилъ еще разъ молодыхъ людей и, освѣдомившись, что Бандуревскій заплатилъ за ложу двѣсти рублей, далъ посѣтителямъ двѣсти пятьдесятъ.

Посѣтители съ поклонами удалились, а управляющій заперся въ кабинетѣ, перечелъ оставшіяся у него деньги, поморщился и сейчасъ же послалъ за мѣстнымъ окружнымъ начальникомъ, съ которымъ и имѣлъ конфиденціальный разговоръ.

Отъ Рыковыхъ послы поѣхали къ Баламутову, отъ котораго получили баснословную цѣну за ложу, цѣлыхъ пятьсотъ рублей.

— Дѣла не дурно идутъ, сказалъ князь Ченухинскій, влѣзая въ коляску.

— Сколько? спросилъ подполковникъ.

— Больше тысячи рублей, съ гордостью отвѣчалъ тотъ и направилъ свою колесницу къ Ивану Михайлычу.

Къ аристократіи, какъ мы уже видѣли, ѣздили особые полномочные и собирали съ нея добровольную, хотя и весьма значительную и тяжелую дань; съ плебейми поступали иначе, не столь церемонно.

Съ самаго ранняго утра отдано тремъ комиссіонерамъ по тридцати пяти билетовъ каждому, а всего сто пять, и стро-

го приказано продать всё кругомъ по пяти цѣлковыхъ, и билеты въ цѣлости возвратить назадъ, потому что они должны были послѣ того вторично продаваться въ кассѣ театра.

Слѣдить за похождениями всѣхъ этихъ коммиссіонеровъ будетъ не только черезъ-чуръ утомительно, но и бесполезно.... Поѣдемъ съ знакомымъ уже намъ, Карпомъ Онуфричемъ Отпѣтымъ.

Прежде всего Карпъ Онуфричъ посмотрѣлъ на часы; оказалось девять часовъ утра.

«Завтракать еще рано», подумалъ онъ и направилъ свой путь въ ряды.

— Хозяинъ здѣсь? молодецки крикнулъ Карпъ Онуфричъ, входя въ крайнюю лавку богатаго русскаго купца, страшнѣйшаго плута и въ тоже время жидомора.

— Здѣсь, батюшка, Карпъ Онуфричъ! здѣсь, ваше высокоблагородіе, раздались разомъ голоса самого хозяина и всѣхъ прикащиковъ.

— Ну, здорово, борода; экъ-те брюхо-то расперло! пошутилъ Отпѣтый, давая порядочнаго тумака купцу въ животъ.

Купецъ радостно ухмыльнулся, потрепалъ свой животъ обѣими руками и, весело перемигнувшись съ прикащиками, самодовольно проговорилъ:

— Ништо такн, ваше высокоблагородіе, мамонъ—таки имѣемъ—съ.

Прикащики тоже почувствовали радость и ухмыльнулись, и не отъ одной остроты хозяина, но и отъ лицедрѣнія любимаго пристава, который умѣетъ такъ мило шутить, что невольно сердце лежитъ къ нему.

— Ну, братъ, мамонъ мамонемъ, а ты развязывай-ка мощнито; а то ишь, говорятъ, она у тебя съ брюхо толщиной-то, лопнуть хочетъ!

Какъ ни непріятно было хозяину такое объявленіе полиціи, однако все-таки шутка частнаго взяла верхъ, и купецъ все-таки смѣялся.

— А чего вамъ требуется? спросилъ онъ, смѣясь, у частнаго пристава.

— Какъ чего? денегъ, вотъ чего, объявилъ частный приставъ.

— А это по чьему же будетъ распоряжку, ваше высокоблагородіе? спросилъ купецъ.

— Эхъ ты, дурында роговня, вскричалъ частный приставъ, вторично оказывая купцу полицейскую ласку, въ видѣ доброй затрещины: — чей же можетъ быть распорядокъ, какъ ни полицейстера съ губернаторомъ?

— Такъ-съ, протянулъ купецъ: — а на счетъ чего, привѣрно сказать, это чинится?

— Борода-ты, посмотрю я, глупая, Пареевъ Терентійчъ, ничего-то ты не смыслишь! Театръ, братецъ, будетъ въ пользу бѣдныхъ, пояснилъ Отпѣтый.

— Такъ-съ.... да это, ваше благородіе, не наша покупка; куда намъ съ суконнымъ-то рынкомъ, да въ казашный рядъ.

— Ахъ ты дуралей, дуралей, кушанекъ! отвѣчалъ Отпѣтый, съ соболѣзнованіемъ качая головой: — да развѣ тебя туда пускать? Ты только заплати за билетъ.

— Такъ, стало-бытъ, намъ туда сборки не будетъ? то-есть нашему обществу-то? радостно спросилъ купецъ.

— Какой чортъ! и билета не увидишь, только росниску дашь, успокоилъ его частный.

— Это можно, можно, ваше благородіе, отвѣчалъ просившій купецъ, подходя къ конторкѣ: — сколько же грѣшей-то треба? спросилъ онъ.

— Давай десять цѣлковыхъ, да и Богъ съ тобой, объявилъ частный.

— Что больно много, ваше благородіе?

— Ну, торгуйся, торгуйся еще, дуракъ, вѣдь на это такса...

— Гм.... такъ-съ?... задумчиво промолвилъ купецъ: — въ нашей думѣ что-то не было слышно, чтобы платили такую такцію.

Частный захохоталъ, и купецъ захохоталъ, и прикащики, даже мальчишки, глядя на нихъ, захохотали.

— Ну, давай, братъ, деньги-то, — некогда! понукалъ приставъ.

— Возьмите пять, ваше благородіе, нерѣшительно промолвилъ купецъ, отпирая конторку.

Частный приставъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Ну, восемь, ваше благородіе, поспѣшилъ набавить купецъ.

Частного дернуло еще купецъ прежнего.

— Извольте, извольте, ваше благородіе, сказалъ купецъ, нарочно отыскавъ замасленную и разорванную десятирублевую бумажку и подавая ее частному приставу.

— Давно бы такъ, отвѣчалъ тотъ, пряча бумажку: — а то еще торговаться вздумалъ!

Купецъ—было приподнималъ шапку, въ надеждѣ, что частный приставъ уѣзжаетъ; однако, не тутъ—то было, частный приставъ все стоялъ.

— Что раскланиваешься — то? шутишь замѣтилъ Отпѣтый: — а магарычей не знаешь?

— Выносите, молодцы, кучеру ихъ благородія головку сахару, приказалъ купецъ прикащикамъ, которые бѣгомъ бросились исполнять приказаніе.

— На этомъ, братъ, спасибо, объявилъ Отпѣтый: — только, любезный, вѣдь это все дрянъ, прилагательное, а ты мнѣ дай существительнаго—то!

Карпъ Онуфрічъ выразительно протянулъ руку и посучилъ пальцами.

— Довольно будетъ, ваше благородіе, в сахарку—съ, перфшительно и какъ—то боязливо проговорилъ купецъ.

— Толкуй ты тамъ, иронически замѣтилъ Карпъ Онуфрічъ: — а еще кумъ: стыдно, братъ.

Карпъ Онуфрічъ Отпѣтый считалъ себя кумомъ всѣхъ зажиточныхъ купцовъ въ городѣ, даже евреевъ.

Кумъ точно почувствовалъ стыдъ и раскаяніе и вытащилъ изъ конторки трехъ-рублевый билетъ, на этотъ разъ новенькій.

Всепоглощающій карманъ Карпа Онуфріча проглотилъ и этотъ билетъ, и частный, распрощавшись съ хозяиномъ очень дружески, милостиво раскланившись съ сидѣльцами, отправился далѣе.

— Хорошій человекъ, Карпъ Онуфрічъ, замѣтилъ хозяинъ старшему прикащику, почесывая въ затылкѣ.

— Отпѣнный человекъ, поддакнулъ прикащикъ.

— Деретъ только здорово, замѣтилъ хозяинъ.

— Ничто—съ, на те служба—съ, отвѣчалъ прикащикъ.

Хозяинъ съ этимъ согласился и болѣе не было и рѣчи объ убиточномъ визитѣ господина Отпѣтаго.

— Славно, ей-Богу славно, развозить билеты на эти дворянскіе спектакли, подумалъ Отпѣтый: — хоть бы почаще дворяне играли.

Обойдя ряды и пользовавшіеся отъ всякаго и лишнюю платою за билетъ, и благодарностію (конечно не въ той мѣрѣ, какъ въ первой лавкѣ: первый купецъ былъ особенный благодѣтель по-

лицейскій) Карпъ Онуфричъ Отпѣтый взобрался на свою плетеную тележку, запряженную крѣпкой парочкой, и рѣшась отпра-виться по купцамъ, не торгующимъ по лавкамъ, а живущимъ по домамъ, то есть къ тузамъ торговаго сословія, приказалъ везти себя къ почетному гражданину Плетенникову, который пользовался общимъ уваженіемъ въ городѣ и котораго полиція крѣпко побаивалась.

— Здравствуй, батюшка, здравствуй; гдѣ пошатался, какихъ вѣстей нахватался? встрѣтилъ Отпѣтаго такимъ привѣтствіемъ старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, средняго роста, съ бѣлыми волосами и бородой, но еще крѣпкій и бодрый на видъ. Это былъ самъ Плетенниковъ.

Карпъ Онуфричъ, да и никто, даже самъ полицмейстеръ, не смѣлъ фамильярничать съ строгимъ и гордымъ своею истинно-честною (что у насъ въ торговлѣ рѣдкость) и полезною дѣятель-ностію старикомъ. Надо было видѣть, съ какимъ подобостра-стіемъ, съ какою почти рабскою угодливостью, частный при-ставъ бросился пожимать обѣими руками протянутую ему ста-рикомъ руку.

— Ну, съ чѣмъ пожаловалъ? спросилъ старикъ; да, можетъ закусить хочешь?

Карпъ Онуфричъ отъ закуски, конечно, не отказался и ста-рикъ громогласно приказалъ подать гостю выпить и закусить.

— Я къ вамъ, такъ сказать, по дѣлу, Петръ Парамонычъ, началъ частный приставъ.

— Постой, поѣшь прежде, а тамъ и за дѣла примешься, отвѣчалъ Плетенниковъ, перебивая частнаго пристава.

— Да дѣло-то нужное, занкнулся было Карпъ Онуфричъ.

— Не стану слушать, заупрямился капризный старикъ: — прежде моего хлѣба — соли поѣшь, такъ и будешь гостемъ моимъ.

— Да я не въ гости, Петръ Парамонычъ, я по дѣлу, возра-зилъ было частный приставъ.

— Ну, братъ, съ дѣлами я полиціи терпѣть не могу: у меня и съ дѣломъ будь гостемъ; а то вы по дѣламъ-то пріѣзжаете больно азартны.

Частный приставъ потупился и тихо засмѣялся.

Подали закуску. Частный приставъ налилъ двѣ рюмки и одну подаль Плетенникову, кланяясь и приговаривая:

— Прежде хозяину-съ, Петръ Парамонычъ!

— Отстань, братецъ, что я, съума, что ли, сошелъ теверь пить? еще обѣди позднія не отошли, отвѣчалъ старикъ.

Частный приставъ выпилъ обѣ рюмки одинъ, повторилъ ихъ и съѣлъ все, что было подано.

— Ну, теперь говори, въ чемъ твое дѣло, объявилъ ему старикъ, видя, что гость уже пришелъ въ то состояніе, въ которомъ онъ любилъ полицейскихъ. — Ну, что тамъ у тебя?

Частный приставъ видимо принеживалъ выраженій, чтобы начать щекотливый разговоръ о деньгахъ съ умнымъ старикомъ.

— Вы, сударь, Петръ Парамонычъ, человекъ умный, началъ онъ издалика и лестно: — вы не похожи на нашихъ дураковъ-бородачей, вы понимаете....

Старикъ насмѣшливо поглядывалъ на Карпа Онуфрича и молча кланялся ему. Частному приставу сдѣлалось очень неловко отъ этого пытливаго и умнаго взгляда.

Онъ почувалъ, что лучше дѣло вести прямо, безъ увертокъ и объявивъ Плетенникову настоящую причину своего пріѣзда, протянулъ было къ нему уже и руку съ билетомъ; Петру Парамонычу не смѣли не дать билета.

— Стой, стой! сказалъ старикъ: — убери руку, да спрячь билетъ: не возьму.

— Какъ же это такъ? спросилъ изумленный приставъ.

— Да такъ, — не надо, — проваливай!

— Помилуйте, отчего же-съ, Петръ Парамонычъ?

— Оттого, что ты неучъ, Карпъ Онуфричъ, спокойно отвѣчалъ старикъ.

Частный приставъ чрезвычайно удивился.

— Нечего буркулами-то вертѣть, сказалъ старикъ поостроже, но все еще не сердясь: — неучъ ты: къ бородаѣ пріѣхалъ, да еще бороды ругаешь.

— Да я не вась Петръ Парамонычъ, началъ оправдываться частный приставъ.

— Еще бы ты меня-то! съ сердцемъ вскричалъ старикъ: — а ты знаешь, что я купецъ, такъ и товарищей моихъ не тронь. Пошелъ вонъ!

Частный приставъ, окончательно убитый оборотомъ, который приняло дѣло, задумался: ему не хотѣлось упускать добычи.

— Да, ну положимъ, Петръ Парамонычъ, я и неучъ, и все, что вамъ угодно, потому что я виноватъ передъ вами, — забылся,

да вѣдь я не своей волей къ вамъ пріѣхалъ, сказалъ онъ въ свое извиненіе.

— Отъ кого же это ты пріѣхалъ? насмѣшливо спросилъ Плетниковъ.

— Полицмейстеръ прислалъ-съ.

— Такъ скажи ты и своему полицмейстеру, зачѣмъ дураковъ посылаетъ? самъ бы могъ пріѣхать ко мнѣ: деньги, братъ, почетъ любить, объявилъ начинавшій сердиться старикъ: — а то вы впрямь неучи: посади васъ за столъ, такъ вы и ноги на столъ.

Частный приставъ пришелъ въ ужасъ и робко оглядѣлся вокругъ, нѣтъ ли гдѣ свидѣтеля?

— Петръ Парамонычъ, что имъ? шепталъ онъ: — побойтесь Бога! вы это полицмейстера-то такъ чистите? Ну, какъ онъ узнаетъ!

— А мнѣ что его бояться? я не полицейскій, меня не побоятъ. А все-таки онъ невѣжа!

— Да помилуйте, Петръ Парамонычъ, какъ же можно-съ? особенно жалостливо вопилъ частный приставъ, складывая руки и склонивъ голову на бокъ: — вѣдь это есть, такъ сказать, воля губернатора, такого лица.

— Воля? протяжно проговорилъ старикъ, подымаясь съ своего мѣста. — Скажи ты ему, что лучше бы было ему, вмѣсто того, чтобы за бабьими хвостами гоняться, поучиться уважать стариковъ, которыхъ всѣ уважаютъ! Такъ-то.... А полицмейстеру своему скажи, чтобы онъ мнѣ на глаза не показывался: такъ отшлифую, такую правду расскажу ему при всѣхъ въ глаза, что стыдно будетъ! Слышишь? такъ и передай!

Частный приставъ схватился за шапку и поплелся было къ двери; но вспыльчивый старикъ, сорвавъ зло, уже успокоился и разсудилъ, что частный приставъ совсѣмъ невиновать въ своемъ униженномъ положеніи.

— Стой, стой! куда ты? крикнулъ онъ ему вслѣдъ: — постой: благодарность позабылъ.

Частный приставъ вернулся.

— На тебѣ, братъ, сказалъ старикъ, подавая ему десяти рублевую бумажку: — благодарность благодарностью, а правда правдой.

Частный почтительно поклонился.

— Ну, не дуйся, братъ, выпей вонъ мадерцы,—по прежнему дружики будемъ, утѣшевая его раскаявшійся въ минутной вспышкѣ старикъ, трепая его по плечу.

Частный приставъ выпилъ мадеры и немного повеселѣлъ.

— А чтобъ доказать тебѣ, что я не изъ скупости не хочу брать билета, такъ вотъ что я сдѣлаю: эй, Матвѣй, Матюша! крикнулъ старикъ.

Вошелъ русый дѣтина, лѣтъ двадцати, въ русскомъ нарядѣ, младшій сынъ старика.

— Матюша, сказалъ хладнокровно старикъ:—раздать завтра поутру по перквамъ нищимъ тысячу цѣлковыхъ.

Молодой человекъ поклонился и вышелъ.

— Поѣзжай же и расскажи все своему полицмейстеру, сказалъ Плетенниковъ, выпроваживая Отпѣтаго.

Ровно черезъ день послѣ этого происшествія былъ наконецъ данъ столь давно обѣщанный и съ нетерпѣніемъ ожидаемый губернской публикою благородный спектакль. Онъ прошелъ вообще, какъ проходятъ губернскіе благородные спектакли. Таже парадная обстановка, свѣчи на колонкахъ, поддерживающихъ ложи, партеръ во фракахъ и мундирахъ, ложи декольте и *manches courtes*, тѣже казенные куплеты, пропѣтые пискливыми или фальшивыми голосами, фарсы перваго комика, наконецъ тоже незнанье, куда дѣвать руки, у перваго любовника.... Однако были въ этомъ спектаклѣ и свои оригинальныя черты.

Рыкова была до того хороша въ роли «Елагинской» въ «Букѣ», что двѣ или три женщины, уважающія себя, вышли изъ своихъ ложъ; до того хороша, что когда она качалась на качеляхъ, то видны были совершенно ясно ея чулки тѣлеснаго цвѣта; до того хороша, что многіе старички не выдерживали и, подоженные прямою игрой Анны Ивановны, вскакивали съ своихъ мѣстъ. Баламутова, въ роли графини, была чересчуръ сантиментальна и не знала своей роли; кромѣ того она была не въ духѣ: успѣхъ Рыковой сильно кололъ ей глаза.

Хлопушкинъ окончательно осрамился въ роли «Надимова», въ этой, какъ называютъ, эффектной роли. Хотя онъ самъ былъ отъявленнымъ взяточникомъ и мошенникомъ, и слѣдовательно долженъ былъ бы отлично сыграть роль ходульнаго героя, кричащаго противъ взятокъ; но почему-то онъ никакъ не могъ

войти въ свою роль, которой и не зналъ хорошенько, и несмотря на энергическое поддаване суфлера, стоялъ столбомъ до тѣхъ поръ, пока суфлеръ, выведенный изъ себя, не выдѣлъ изъ своей будки до половины и не началъ подсказывать ему роль во весь голосъ.

Это рвеніе суфлера, возбуждившее смѣхъ публики, подѣйствовало на Хлопушкина, и онъ, попавши на вызубренный пассажъ, вдругъ началъ пороть его, какъ пономарь. Баламутова страшно разозлилась: неудача ея *jeune premier*, въ такой великолѣпной, по провинціальнымъ понятіямъ, роли, парализировала и ея собственную игру. Ужъ и досталось-же за кулисами несчастному Хлопушкпну! Князь Ченухинскій былъ кончить до сальности и поддерживалъ свою провинціальную репутацію великаго артиста. За то живая картина и дивертисементъ «цыганскій таборъ» были неподражаемы. Цыганскія пѣсни были пропѣты очень хорошо пѣвчими изъ семинаристовъ.

— *Ça n'allait pas mal!* сказалъ Муходавлевъ князю Тараканову, выходя изъ театра.

— *Mais oui*, отвѣчалъ лѣниво князь.

— *Madame Rykoff était sublime!* объявилъ Александръ Павлычъ.

— О, да!

— Собрали три тысячи цѣлковыхъ въ пользу бѣдныхъ, *c'est le principal*, сказалъ заботливый губернаторъ.

— Ба! такъ много? переспросилъ удивленный князь.

— Мы здѣсь все дѣлаемъ *en grand!* самодовольно отвѣчалъ Муходавлевъ.

Таково было мнѣніе о спектаклѣ главы бѣловодскаго общества; ясно, что и остальные члены его не смѣли говорить другаго: писатели хотя не были впущены въ театръ, но узнали все въ подробности на другой-же день.

ГЛАВА XIII.

Бѣловодскъ очень веселился эту зиму, такъ веселился, какъ никогда ни одинъ губернскій городъ не веселился и не кутилъ, даже во время ярмарокъ, выборовъ и прочихъ сходбищъ помѣщичьяго класса. Но всякая веселость въ этомъ продажномъ мірѣ стоитъ денегъ и часто большихъ денегъ. Бѣловодскіе ари-

дипломаты наконецъ пришли въ такое положеніе, что висѣли, какъ говорится, на ничтожѣ, а надъ имѣніями ихъ тоже на ничтожѣ висѣлъ тяжелый аукціонный молотокъ.

Однимъ были въ Бѣловодскѣ и такіе счастливыя, которые сами не разорялись, потому что ничего никогда не имѣли, но за то разоряли другихъ. Заглянемъ, въ нѣкоторые уголки и посмотримъ на такихъ счастливицевъ.

— *C'est affreux*, это ужасно, какъ деньги идутъ! Какъ вода, точно какъ вода, разсуждалъ Аркадій Аполлонычъ Бандуревскій, сидя въ своемъ супруги своей, недавно родившей двойню. — На двѣсти было много денегъ, далъ двѣсти рублей за ложу.... *un spectacle de la noblesse*.... ну, еще кой-какіе расходы, вотъ и нѣтъ уже денегъ: осталось очень мало, *très-peu*.

— Ты, Аркадія, не умѣешь служить, отвѣчала супруга: — тебѣ надобно бы поучиться, хоть у другихъ: у тебя такое большое семейство! Посмотри, другіе на твоимъ мѣстѣ получаютъ до ста тысячъ дохода, а ты и тридцати не получаешь.

— Я, ма chère, постараюсь.... бормоталъ въ видѣ извиненія Аркадій Аполлонычъ.

— Что стараюсь, стараюсь! съ укоризной отвѣчала супруга: — ты лучше, чѣмъ говорить, дѣлай дѣло: теперь наборъ, позови секретаря, да и распеки хорошенько, чтобы онъ тебя не обманывалъ, приносилъ сполна твою часть.

— *C'est vrai*, надо распечь, — *il faut absolument* распечь, соглашался супругъ.

— Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало? пошли за нимъ сейчасъ и распеки хорошенько, даже арестуй.

— А распекать, *on ne peut pas*, отвѣтилъ Бандуревскій: — я безъ него не могу обейтись: *il connaît très-bien son affaire*.... дѣло свое онъ очень хорошо знаетъ.

— Ну, такъ распеки только, да смотри, хорошенько, чтобы я всюду слышала, какъ будешь кричать, наказывала супруга.

— О, я знаю распекать, — *je suis un général*.... А звѣзды не дали бормотать молчало и со вздохомъ председатель, — это несправедливо, *c'est une injustice!* Я ли уже не хорошо служу: при мнѣ вотъ недавно еще простили миллионъ недоимки!

Долго бы еще болталъ Аркадій Аполлонычъ, если бы супруга не заблагоразсудилось его выгнать. Его превосходительство послала за писмоводителемъ пенрутскаго присутствія.

— Ужасные негодяи! поджигалъ себя Аркадій Аполлонычъ въ ожиданіи письмоводителя; ужасный народъ: *ils prennent tout pour eux*, а мнѣ какіе нибудь пустяки даютъ!

Письмоводитель засталъ Аркадія Аполлоныча въ раздумьи и долженъ былъ кашлянуть довольно громко, чтобы привлечь на себя начальническое вниманіе.

— А, это вы? проговорилъ Бандуревскій, окидывая свои оловянные глаза на письмоводителя.

— Точно такъ-съ, съ бумагами, ваше превосходительство, доложилъ письмоводитель, почтительнѣйше кланяясь.

— Привяжусь, непременно привяжусь и распеку, думалъ Бандуревскій.

Долго думалъ онъ, съ чего бы начать привязываться къ письмоводителю; наконецъ объявилъ ему *de lui en blanc*; что онъ имъ недоволенъ.

Письмоводитель сдѣлалъ удивленную и въ тоже время огорченную мину.

— Что такое, ваше превосходительство? заговорилъ онъ торопливо: — чѣмъ я могъ прогнѣвить васъ? Явите божескую милость, объясните мою вину: я приложу все стараніе, чтобы ее исправить, ваше превосходительство.

Но вины-то и не зналъ за письмоводителемъ благоразумнѣйшій Аркадій Аполлонычъ, хотя за нимъ и водилось весьма много грѣховъ, даже смертныхъ.

— Я такъ вообще, всѣмъ недоволенъ! объявилъ предѣлатель; а самъ подумалъ въ тоже время: нѣтъ, не такъ привязался, — надо съ другой стороны.

— Что это у васъ за бумаги? спросилъ онъ письмоводителя съ намѣреніемъ привязаться къ нему съ другой стороны и усаживаясь за свой письменный столъ. Письмоводитель подлетѣлъ къ нему и ткнулъ ему подъ носъ тетрадь.

— Журналъ о принятіи въ солдаты по приговору уголовной палаты, доложилъ письмоводитель форменнымъ тономъ.

— Арестантъ одинъ, ваше превосходительство, судился въ уголовной палатѣ, докладывалъ письмоводитель: — уголовная палата и присудила его къ отдачѣ въ рекруты, а буде не годится въ военную службу, то къ наказанію розгами. Это, ваше превосходительство, журналъ о его принятіи въ военную службу.

Аркадій Аполлонычъ слушалъ, вытаращивъ глаза, ничего ровно не понималъ и долго думалъ послѣ того, какъ письмо-

дителя почтѣлъ докладъ; наконецъ ему пришло въ голову, что къ этому дѣлу можно привязаться.

— Это что такое? что вы тамъ мнѣ подаете къ подписи? Вы ничего не смыслите въ дѣлахъ! Что такое? завопилъ что было нечистый предводитель, такъ чтобы жена его слышала изъ спальни, какъ онъ распекаетъ.

— Какъ, что такое, ваше превосходительство? журналъ рекрутскаго присутствія, отвѣчалъ нѣсколько удивленный письмоводитель.

— Журналъ! Этого только не доставало! Такого отвѣта только не доставало! кричалъ председатель: — какое право имѣетъ уголовникъ налага учить рекрутское присутствіе? Я хочу, чтобы прежде выскли арестанта, а потомъ въ солдаты его.... А то учить еще вздумали!

— Ахъ ты баранья голова! подумалъ письмоводитель, и паляти-те изъ тебя нѣтъ ни на грошъ: забылъ, что арестантъ еще вчера окончательно принять!

Однако письмоводитель ничего такого вслухъ не сказалъ, а напротивъ весьма почтительно доложилъ, что теперь поздно исполнять приказаніе его превосходительства, ибо арестанту уже забрызгъ лобъ. Бандуревскій пришелъ въ ярость, не страшную; а немилосердную ярость, услыша такую новость, которая должна бы быть для него не новостью, потому что не далѣе какъ наканунѣ онъ самъ, къ великому огорченію арестанта, довольно внятно и выразительно крикнулъ извѣстную формулу «лобъ.» Аркадій Аполлонычъ такъ раскричался, что супруга его, услышавъ такой гвалтъ, пришла въ неописанный восторгъ.

— Однако Аркадь иногда очень хорошо ведетъ себя, думала она; молодецъ: вѣрно тысячи три выкричить у письмоводителя.

— Такъ вотъ какъ вы служите? вопилъ Аркадій Аполлонычъ! Вы потихоньку отъ меня рекрутъ принимать, а потомъ подсовывать мнѣ бумаги! Я знаю, что это значить: вы взяли взятку съ арестанта!

— Ну, братъ, подумалъ письмоводитель, пристально посмотрѣвъ ему въ глаза: — если уже ты подозреваешь, что арестантъ далъ мнѣ взятку, чтобы я его въ солдаты отдалъ, такъ съ тобой церемониться нечего.

Послѣ этого спасительнаго размышленія, письмоводитель рѣшился ошестиниться и въ свою очередь прикривнулъ на разъя-

ренного попусту Бандуревского и даже постраждали его, что выйдет въ отставку.

Бандуревскій оторопѣлъ и испугался. Онъ очень хорошо понималъ, что держится только секретарями, что онъ самъ даже взятки, и той не умѣетъ взять хорошенько, — сейчасъ попадется какъ куръ во щи. Онъ помнилъ очень хорошо, что когда разъ, какъ-то очень давно, въ началѣ своего предѣлательства, онъ вздумалъ самъ заправлять дѣлами по своей волѣ, то послѣ секретари насилу отписались отъ министерскихъ нахлобучекъ. Поступокъ письмоводителя до того смутилъ генерала безъ звѣзды, что онъ сейчасъ же спустился тона на три ноты.

— *Ecoutez donc*, послушайте, *pourquoi donc* въ отставку? а это такъ сказать, это — начальническое замѣчаніе.

Но письмоводитель упрямо продолжалъ страшать отставкой, хотя на дѣлѣ-то очень боялся отставки, такъ какъ его помощникъ могъ прекрасно его замѣнить и жаждалъ, какъ веронъ прови, изгнанія его.

— Ну, за что вы такъ разсердились? *pourquoi vous êtes vous fâchés?* заплѣлъ уже такую пѣсню Аркадій Аполлонычъ, да что, что я остановился этотъ журналъ подписывать? да? Такъ *ce sont des* пустяки, сейчасъ подпишу! И его превосходительство действительно подписалъ спорный журналъ. Угрюмый письмоводитель, видя такое полное и очевидное раскаяніе начальства, на половину смиловался и началъ тыкать генералу подъ носъ бумаги одну за другою, не говоря ни слова. Генералъ, вѣроятно для доказательства полного своего раскаянія и довѣрія къ письмоводителю, подписалъ всѣ до одной, не читая.

Докладъ кончился; письмоводитель началъ собирать бумаги, а генералъ безъ звѣзды все переминался и прикидывалъ, съ чего бы начать ему щекотливый разговоръ.

— *Ecoutez*, послушайте, *mon cher ami*, началъ предсѣдатель робкимъ голосомъ: — со мной неприятный случай, *un accident très désagréable....* у меня нѣтъ денегъ....

Аркадій Аполлонычъ остановился и подождалъ, что скажетъ на это письмоводитель; но тотъ только фыркнулъ, потеръ пальцемъ носъ и промолчалъ; Бандуревскій почувствовалъ себя въ весьма неловкомъ положеніи.

— *Ça arrive quelquefois*, это иногда бываетъ, продолжалъ онъ самымъ убѣдительнымъ тономъ, и началъ рассказывать, на половину по-французски, какой-то анекдотъ изъ своей молодости.

Но и анекдотъ помогъ мало.

Письмоводитель не тронулся рассказомъ своего начальника, и Аркадій Аполлонычъ съ замираніемъ сердца долженъ былъ повторить щекотливый вопросъ.

— Ну-съ, любезнѣйшій, чтоже на счетъ денегъ?

— Да гдѣ же ихъ взять? откупщикамъ еще не приходилъ срокъ платить, пояснилъ сердитый письменоводитель.

— Теперь наборъ.... робко и нерѣшительно проговорилъ председатель.

— Чтожъ что наборъ, ваше превосходительство? нынче народъ такой жидоморъ одѣлался, что хоть ты что хочешь дѣлай: все нарочитъ даромъ, постыжиль разочаровать генерала его безчеловѣчный кліентъ. — Да вѣдь опять эти деньги отъ совѣтника немилости получить: вѣдь вамъ извѣстно, что во время набора совѣтникъ получаетъ, а тамъ, по окончаніи набора, дѣлитъ съ вами-съ.

— Да, да, *je sais ça*.... я знаю это, заговорилъ председатель: — но вѣдь до конца набора еще далеко. — А много тамъ собралось у совѣтника?

— Да вѣдь онъ ежедневно докладываетъ вашему превосходительству.

— Да, да, *je sais ça*... Но вы понимаете, у меня голова занята важными дѣлами, — *j'ai oublié*.... я позабылъ....

— Ты и записывать-то, безмозглый, не догадался, подумалъ письменоводитель. Постой же, мы съ совѣтникомъ тебя поажемъ. — Сущіе пустяки, ваше превосходительство, хладнокровно объявилъ онъ, и двухъ тысячъ, пожалуй, не наберется: нынче народъ сталъ жидоморъ.

— Ай, ай, ай, *c'est mal*, очень дурно! съ весьма понятною горестью воскликнулъ Аркадій Аполлонычъ: — а мнѣ нужны теперь деньги: жена родила.... нарядные крестины....

— Что же дѣлать-съ? негдѣ взять, объявилъ невозмутимый письменоводитель.

— Нельзя ли гдѣ нибудь занять? у какого нибудь просителя побогаче? совершенно мягко и необыкновенно просительно вымолвилъ Аркадій Аполлонычъ.

— Постой, подумалъ письменоводитель, дамъ я этому дураку рублей триста взаймы, да возьму съ него сохранную росписку: тогда попробуйка онъ у меня заартачиться!

И дѣйствительно, письмоводитель, пользуясь слабостью и тупостью начальника, въ нѣсколько минутъ довелъ его до того, что онъ считалъ себя обязаннымъ своему письмоводителю, когда тотъ предложилъ ему триста рублей подѣ сохраннымъ росписку.

Когда достойный подчиненный Бандуревскаго отправился къ себѣ, чтобы приготовить деньги и росписку, — Аркадій Аполлонычъ пошелъ къ своей супругѣ и разсказалъ ей подвигъ добродѣтели письмоводителя. Но на Бандуревскую разсказъ произвелъ впечатлѣніе вовсе не благопріятное.

— Ахъ ты, глупая голова! крикнула она, видѣвъ себя отъ гнѣва: — его надувають, хотятъ въ петлю подтянуть, а онъ еще добродѣтель прославляетъ! хорошъ, батюшка, нечего сказать! А этотъ негодяй письмоводитель! пользоваться глупостью своего начальника! Я ему задамъ!

— *Mais, ma chère....* заикнулся Бандуревскій.

— Молчать! скомандовала супруга: — письмоводителя мнѣ сюда, живо.... Слышишь?

Аркадій Аполлонычъ горошкомъ выкатился изъ комнаты и только ворчалъ дорогой себѣ подѣ носъ: — *c'est affreux*, никогда меня такъ не третировали! Вѣдь все-таки *je suis un général*! Ужасная женщина, когда больна; *mais quand* она здорова, я дѣлаю изъ ней все, что хочу. *Il faut être patient*, надо быть терпѣливымъ! ужъ мужчины въ терпѣніи.

Достигнувъ нечувствительно передней, Бандуревскій столкнулся съ возвратившимся письмоводителемъ.

— А, *bon jour*, принесли? спросилъ предсѣдатель.

— Точно такъ-съ; а вотъ и росписка, извольте подписать, торопливо проговорилъ письмоводитель, — мнѣ некогда, надо въ рекрутское присутствіе.

— *Ma femme* на васъ очень сердится, пойдите къ ней: она приказала васъ привести, объявилъ предсѣдатель.

— За что же, ваше превосходительство? спросилъ смекнувшій, въ чемъ дѣло, письмоводитель: — кажется, усердіе мое, преданность извѣстны вамъ.

— Не знаю, не знаю, *je n'en sais rien*, бормоталъ предсѣдатель, убѣгая въ спальню жены. Письмоводитель съ сокрушеннымъ сердцемъ пошелъ за нимъ.

— Экая скверная баба, горестно думалъ письмоводитель: — вѣдь пронюхала, проклятая! Теперь облупить, какъ есть облупить.

пить, какъ липку. И отставкой ее не запугаешь: сейчасъ найдетъ охотника, — теперь наборъ.

— *Entrez*, объявилъ Аркадій Аполлонычъ, подходя къ дверямъ спальни и пропуская впередъ обреченнаго на погибель писмоводителя. Самъ же его превосходительство благоразумно остался за дверями и, приложивъ ухо къ замку, началъ подслушивать.

— А, здравствуйте, честный, благородный человекъ, проинически привѣтствовала Бандуревская входившую жертву свою.

— Мое почтеніе, ваше превосходительство, какъ изволите находиться въ своемъ здоровьи? Малютки ваши-сь? добавилъ развязно, какъ будто ни въ чемъ не бывало, писмоводитель, раснаряживаясь съ ловкостью почти военнаго человекъ; бѣдный хотѣлъ разсѣять бурю, вистѣвшую надъ его головой, свѣтскостью и ловкостью своего обращенія.

Но предсѣдательша была не такая дама.

— Вы негодяй, милостивый государь! начала она *ex abrupto*... Вы пользуетесь добротой своего начальника и хотите подвести его въ петлю, ограбить, не дать ему того, что ему слѣдуетъ. Вы подлець! слышите, — подлець!

Писмоводитель рѣшился обидѣться, чтобы попробовать, не лучше ли это будетъ.

— Ваше превосходительство, началъ онъ необыкновенно сильнымъ тономъ и съ особеннымъ достоинствомъ: — не извольте такъ ругаться: я чиновникъ!

— Чиновникъ! зашипѣла предсѣдательша: — я вамъ дамъ чиновничество! Сейчасъ вонъ изъ службы выгоню!

— Аршадъ! Аршадъ! кричала Бандуревская. — Говорятъ тебѣ, поди сюда! заорала она наконецъ голосомъ гienны.

Несчастный супругъ, стоявшій, — ни живъ, ни мертвъ, — за дверь, пріотворилъ ее въ половину и показалъ свою физиономію, которая отъ испуга сдѣлалась, если возможно выразиться такъ объ этой физиономіи, — еще глупѣе.

— Сейчасъ отошли его подъ арестъ, отдала приказаніе своему супругу разсердившаяся предсѣдательша: — а завтра непременно выгони его вонъ, вонъ изъ службы! На его мѣсто назначъ Пѣтухова: я его знаю, — онъ честнѣе этого.

Писмоводитель увидѣлъ, что дѣло плохо, и такъ какъ Бандуревскую невозможно было увѣрить въ томъ, что онъ, писмоводитель, не получалъ съ отдатчиковъ предсѣдательской,

львиной доли, въ ущербъ его превосходительству, то и дѣло рѣшено было очень скоро, тѣмъ болѣе, что Пѣтуховъ былъ его помощникомъ и дѣло зналъ не хуже его. Стычка съ предсѣдательшей кончилась тѣмъ, что письмоводитель принесъ ея превосходительству двѣ тысячи цѣлковыхъ безвозвратно и тогда только испросилъ начальническое прощеніе.

— Ну, вотъ видишь, Аршадъ, какъ надо служить! воскликнула предсѣдательница:—теперь совѣтника надо поприжать, да съ него взять три тысячи, Безъ денегъ намъ недѣзя жить: надола отставать отъ другихъ.

Предсѣдатель, пораженный неожиданнымъ исходомъ дѣла, бормоталъ про себя:

— *Une matrasse femme*, козырь-баба! Больная, а какъ хорошо управляетя! *Je crois*, что если бы ей на модѣлы выйти, то она его поборола бы *absolument!* И верблюда, пожалуй, приобрести.... Предсѣдатель задумался.

— Чтобъ васъ черти разнесли со всею вашею требухой, ворчалъ недовольный письмоводитель, торопыжко направляясь въ рекрутское присутствіе.—Ну, баба! Теперь надо отдатчиковъ еще больше поприжать, вернуть свое.

И пришелъ гнѣвный письмоводитель въ рекрутское присутствіе и напустилъ онъ такого страху и трепету на отдатчиковъ, что полѣзли они, сердечные, часто за послѣднимъ рублемъ серебра, чтобы заткнуть ненасытную глотку письмоводителя.

И не въ однихъ присутственныхъ мѣстахъ, причастныхъ къ дѣлу набора, пріѣздъ Баламутовыхъ имѣлъ такое гибельное вліяніе на нравственность чиновнаго люда и на карманъ прощителей. Вездѣ и всюду чиновники дѣйствовали съ удвоенною ревностью и въ оправданіе свое объявляли, что дворянскій гоноръ не позволяетъ имъ отстать отъ какихъ нибудь Баламутовыхъ.

ГЛАВА XIV.

Давно уже мы оставили Варвару Петровну Баламутову; давно уже не слѣдили за ней. Впрочемъ она и не героиня этого разсказа, — она скорѣе является въ немъ, какъ *fatum* древнихъ, *fatum*, доведшій всѣхъ, желавшихъ идти съ нимъ, до конечнаго разоренія.

Варвара Петровна уже подѣлила дѣла была оставлена главнымъ преподавателемъ Бѣловодскаго волокитства: низъ Таранановъ, какъ уже извѣстно благосклонному читателю, покая въ сѣти м-ме Таубе; да и тому же, окончивъ порученіе, онъ не дождался ни конца губернскаго сезона, ни даже конца набора, и улетѣлъ на курьерскихъ туда, откуда пріѣхалъ, — доканчивать свое вѣрное разореніе, если Богъ не помянетъ ему какой нибудь красавицы купеческаго званія, или откупщицой дочки, которая перепоручитъ ему свой капиталъ, вмѣстѣ съ пяти-шестю особымъ срокомъ и со всѣмъ своимъ родствомъ, — но Богъ съ нимъ: онъ тоже не нашъ герой!

Муходавлевъ окончательно выводилъ Баламутову изъ себя. Какъ! объясниться ей, первой дамѣ въ городѣ, въ любви, при этомъ (такъ думала Баламутова) Иванъ Михайлычъ съ объявленіемъ этой пылкой любви (такъ говорилъ Иванъ Михайлычъ), и вдругъ ни съ того ни съ сего, съ самаго того дня, когда на охотѣ Андра Ивановича Рыкова такъ неучтиво поступила съ ней, Баламутовой, — отшатнуться отъ своей дамы и окончательно прилѣпиться, въ ущербъ всякому приличію, къ виновной, *прошечной* (какой позоръ!) ея же Баламутовою, Аннѣ Ивановнѣ! Сначала Варвара Петровна употребляла всѣ хитрости, всѣ удовольствія, всѣ тайныя продѣлки кокетства, чтобы возвратить себѣ любовь молодаго губернатора, и дѣйствительно, — до благороднаго спектакля ей это удавалось иногда: по вольности поведенія и вѣтрености характера, Муходавлевъ дезертировалъ изъ подъ знаменъ Рыковой къ знаменамъ Баламутовой. Но послѣ перваго спектакля все перемѣнилось: Муходавлевъ вступилъ въ родъ крѣпостнаго состоянія къ Аннѣ Ивановнѣ. Богъ знаетъ, отчего это случилось! Выдумала ли что нибудь Рыкова для удержанія при себѣ Александра Павлыча, чулки ли тѣлеснаго цѣта, которыя она показывала, качаясь на начеляхъ въ роли «Елагинской», — не знаю (должно быть не чулки: ихъ и прежде видалъ Муходавлевъ); но только фактъ существовалъ. Поговаривали въ городѣ, что у Александра Павлыча недоставало часто денегъ, и Николай Филинычъ черезъ супругу иногда снабжалъ его живообразно.... Впрочемъ, мало ли что врутъ? Одно было вѣрно: Рыкова почти не отпускала отъ себя Александра Павлыча, который за то утверждалъ всѣ шедшія къ нему отъ Рыкова смѣты и журналы. Баламутова злилась, какъ звѣрь лютый,

сѣла—было совсѣмъ мужа, наконецъ, выйдя изъ себя, положила *отдѣлать* хорошенько молодого губернатора и *отдѣлывала* это произвести непременно публично.

Лѣтній сезонъ подходилъ къ концу. Началась уже *масляница*, веселости нѣли, все прогрессивно учащаясь и дѣлалась раззорительнѣе.

Въ одинъ изъ масляничныхъ дней, въ гостиней Варвары Петровны Баламутовой собралась довольно большая мужская компания. Были: Иванъ Михайлычъ съ братомъ, корнетъ Бессудный, помѣщикъ Подмахачій, подполковникъ Язычинскій и нѣсколько личностей менѣе замѣчательныхъ, до которыхъ нѣтъ нѣтъ дѣла. Рѣчь шла о молодомъ губернаторѣ.

— Что это давно не видно Александра Павлыча? спросила Баламутова, съ цѣлью выспросить что нибудь у своихъ гостей: — господа, вы не видали его?

— Я у него на дняхъ за-просто обѣдалъ: вѣдь онъ мнѣ большой другъ, отозвался немедленно подполковникъ Язычинскій.

— Вчера онъ у меня устрицъ свѣжихъ ѣлъ, да еще медвѣжатины мы хватили немножко: онъ, кажется, обѣлся, басомъ отозвался Иванъ Михайлычъ, поправляя свои височки.

— А, такъ онъ боленъ, сказала съ притворнымъ сожалѣніемъ Баламутова; — жаль, то-то его и не видно.

— Нѣтъ-съ, *madame Balamoutoff*, онъ не боленъ: я сегодня видѣлъ его экипажъ у подъезда Рыковыхъ, объявилъ Подмахачій.

— Опять? пробасилъ Антонъ Михайлычъ: — я видѣлъ его вчера тамъ же.

— А я третьего дня, когда у меня былъ супъ *à la jardinière*, объявилъ Иванъ Михайлычъ.

— А, такъ вотъ какъ! вскричала притворно шутливымъ тономъ Варвара Петровна: — да это чистая *démonstration d'amour*! не такъ ли, господа?

— Конечно такъ, конечно такъ, это чистое доказательство любви, крикнули всѣ.

— Я знаю навѣрно, что Мухомавлевъ влюбленъ въ *madame Rykoff*, объявилъ подполковникъ Язычинскій: — я вѣдь всегда былъ повѣреннымъ всѣхъ аристократовъ.

— Онъ мнѣ очень сазнался: вѣдь я ему большой другъ: онъ безъ меня жить не можетъ и во время мнѣ признается, причагъ что было мочи Поднахапкій.

— Онъ и мнѣ тоже говорилъ, пробасилъ Иванъ Михайлычъ, который никакъ не могъ перенести, чтобы губернаторъ былъ опированенъ съ кѣмъ нибудь другимъ, а не съ нимъ. Иванъ Михайлычъ совсѣмъ забылъ, что еще недавно онъ прїѣзжалъ къ Варварѣ Петровнѣ и объявлялъ ей, что Муходавлевъ влюбленъ въ нее.

Баламутова однако не забыла этого эпизода Ивана Михайлыча, и посмотрѣла пристально и довольно выразительно на лгуна, который и агать-то не умѣлъ такъ, чтобы не помянуться.

Разговоръ продолжался на эту тему и конечно все болѣе и болѣе поджигалъ и безъ того жажризную Баламутову.

Вдругъ входитъ въ гостиную самъ Александръ Павлычъ Муходавлевъ, веселый, сѣмный, бодрый, съ самой любезной улыбкой на губахъ....

У Варвары Петровны вся жолчъ вскипѣла и бросилась въ голову; она чувствовала, что она блѣднѣетъ отъ злости, но отчаянными усиліями переложила себя и очень любезно протянула руку Александру Павлычу и усадила его подлѣ себя.

— Какъ здоровье Анны Ивановны Рыковой? спросила Баламутова послѣ первыхъ здравствованій, такимъ тономъ, что Муходавлевъ не могъ не оскорбиться, особенно при нечистой по этой части совѣсти.

— Я не знаю.... я не былъ.... началъ онъ заикаясь.

— Какъ не были? вскричала Баламутова:— я знаю навѣрно, что вы были у Анны Ивановны вчера, третьего дня, *qu'en sais-je encore!*

— Я долженъ васъ особенно благодарить, Варвара Петровна, за честь, которую вы мнѣ дѣлаете, освѣдомляясь, гдѣ видать мой экипажъ, замѣтилъ съ язвительной усмѣшкой Александръ Павлычъ.

Баламутова разсardилась окончательно и вспыхнула, какъ порохъ.

— *Ne souez pas fat, monieur*, начала она:— что мнѣ за дѣло до васъ и до вашихъ отношеній къ этой.... *м-ме* Рыковой? Я могу только нелицеприятно сказать иногда на счетъ разнообразія и

различности вкусовъ, и порадоваться необычайной терпимости Николая Филиныча.

Пришла очередь Александру Павлычу попросить изъясниться.

— Я васъ рѣшительно не понимаю, *mon sieur Balamoutoff*, какую различность вы во мнѣ нашли? нѣкія отношенія вы зрѣли между мною и Анной Ивановной? Наконецъ и Рыковъ прилетѣлъ вѣдь совсѣмъ некстати.

— А, когда вы не сознаетесь, то я васъ выведу на сухую воду, засоворила Баламутова, смѣясь, чтобы придать обществу видъ шутки.

— Во первыхъ, отношенія ваши къ Аннѣ Ивановнѣ известны: вы въ нее влюблены и даже... но не оному большаго ничего, добавила Баламутова, многозначительно помолчать и все-таки улыбаясь.

Муходавлевъ сконфузился, однако сталъ вужными вытупываться.

— Кто вамъ это сказалъ? горячо заспорилъ онъ.

— Тотъ, кому вы это сами говорили, возразила Баламутова.

Всѣ собесѣдники, недавно сообщавшіе новость о Муходавлевѣ, почувствовали нѣкоторое смущеніе, особенно Подмахайкинъ.

— Кому же я это говорилъ? продолжалъ допрашивать губернаторъ, чувствуя, что онъ попадаетъ на слѣдъ порядочной сплетни.

— У васъ дурная память! продолжала Баламутова, которая все еще подозрѣвала Муходавлева въ скрытности, а не настоящихъ лгуновъ во лжи:—у васъ совсѣмъ памяти нѣтъ, если вы отказываетесь отъ своихъ словъ при тѣхъ самыхъ лицахъ, которыхъ вы ихъ говорили.

Муходавлевъ пожалъ плечами и осмотрѣлъ всѣхъ присутствовавшихъ; разстройство лысаго Подмахайкина, разумѣется, привлекло его особое вниманіе и онъ остановилъ на немъ свой пристальный взглядъ. Бѣдный Подмахайкинъ радъ бы былъ провалиться сквозь землю отъ стыда, но провалиться сквозь паркетъ мудрено, и онъ, опустивъ глаза книзу, драгъ же временамъ немилосердо лысину и выразительно молчалъ, какъ индюкъ, приготовляющійся къ сѣченію.

— Ну да, ну да, говорила Баламутова, видя, на кого смотритъ Муходавлевъ:—не дальше, какъ нѣтъ нѣмуть тому назадъ,

Иванъ Михайлычъ, подполковникъ Язычинскій и г. Подмаханскій рассказывали мнѣ, что вы имъ всѣмъ троицѣ, — каждому, разумеется, порознь, — признавались въ безнадежной любви своей къ Рыковой.

— А, такъ этой сплетней я обязанъ вамъ, господа, сказалъ губернаторъ, раскланиваясь съ появившимися сплетниками: — покорно васъ благодарю, господа. — Не вѣрьте этимъ господамъ ни въ чемъ и никогда, Варвара Петровна, продолжалъ онъ, обращаясь къ Баламутовой: — не вѣрьте, потому что на свѣтѣ есть всякіе люди; есть люди живые, не знающіе ничего святаго, давно потерявшіе свою репутацію и потому позволяющіе себѣ марать репутацію женщины; есть, Варвара Петровна, люди, которыхъ весь умъ, вся душа въ желудкѣ, которые часто забираются и не исполняютъ своей обязанности; есть наконецъ люди, которые обобьютъ всѣ ваши пороги и добившись наконецъ, что вы ихъ будете терять, какъ шутовъ, за ихъ косноязычность и глупость, они отплатятъ вамъ тѣмъ, что будутъ скитаться изъ дома въ домъ и сплетничать про васъ; — всякіе люди есть, Варвара Петровна, и не всѣмъ можно вѣрить. — Я не про васъ говорю, господа, докончилъ губернаторъ, обращаясь къ пойманнымъ сплетникамъ: не обижайтесь.

Гости бормотали что-то, желая заговорить; но ничего не могли сказать и только смотрѣли по сторонамъ какъ-то дико и неопредѣленно. Баламутова страшно разсердилась, во-первыхъ за то, что была обманута и, во-вторыхъ за то, что не только не поймала Муходавлева, но еще сама была имъ порядочно разбита.

Иванъ Михайлычъ какъ-то невпопадъ поглядѣлъ на Варвару Петровну, и она накинулась на него.

— Нечего на меня смотрѣть теперь, сердито заговорила она. — Вспомните, что не дальше какъ три, или четыре недѣли тому назадъ вы пріѣзжали ко мнѣ съ донесеніемъ, что Александръ Павлычъ признавался вамъ лично, что онъ страстно влюбленъ, — въ кого бы выдумали, Александръ Павлычъ? — въ меня! съ торжествующимъ видомъ закончила свою рѣчь строгая барыня.

Иванъ Михайлычъ страшно сконфузился, тѣмъ болѣе, что Муходавлевъ очень зло смѣялся.

— Я все-таки *maréchal de la noblesse*.... бормоталъ Иванъ Михайлычъ, не зная съ чего и какъ начать свое оправданіе, что

врочемъ дѣйствительно было очень трудно:—все-таки.... какъ можно такъ.... Мнѣ кто-то сказалъ....

— Братъ, поѣдемъ отсюда, сказалъ Антонъ Михайлычъ, разсердившійся за брата и желавшій вывести его поскорѣе изъ затруднительнаго положенія: — поѣдемъ, здѣсь не наше мѣсто! гордо добавилъ онъ и, сухо раскланявшись съ хозяйкой и губернаторомъ, величественно отправился вонъ изъ гостиной.

Иванъ Михайлычъ, какъ ребенокъ, которому не хочется слушаться, но который не послушаться не смѣетъ, потихоньку пошелъ за нимъ. Но поровнявшись съ губернаторомъ онъ остановился; Богъ знаетъ, что ему пришло въ голову,—хотѣлъ ли обернуть исторію въ шутку, или такъ просто, какъ съ нимъ часто случалось, — только онъ брякнулъ ни къ селу, ни къ городу: — какіе мнѣ стразбургскіе пироги прислали, Александръ Павлычъ, пріѣзжайте завтра по утру отвѣдать.

Все общество покатилося со смѣху, не исключая Подмахацкаго и Язычинскаго. Иванъ Михайлычъ поспѣшилъ удалиться, а Варвара Петровна разсердилась на мѣдныя лбы, которые, только-что пойманные во лжи, осмѣливались возвышать голосъ и даже смѣяться. Губы у ней задрожали и она многозначительно объявила обоимъ пойманнымъ:

— Господа, я васъ не удерживаю, такъ же, какъ и вашего собрата по сплетнямъ; ваши экипажи, я думаю, уже поданы. А впередъ извините моего швейцара, если онъ васъ не будетъ принимать.

Подполковникъ Язычинскій и помѣщикъ Подмахацкій, поджавши хвосты и безъ всякихъ оправданій, выползли изъ гостиной.

Муходавлевъ былъ очень сердитъ на Баламутову: во первыхъ за то, что она была виною того, что сплетня о его связи съ Рыковой разнесется теперь по всей губерніи съ быстротою молніи; во вторыхъ за то, что она поссорила его съ губернскими аристократами.

— Прощайте, *madame Balamoutoff*, сказалъ онъ ей сейчасъ же послѣ бѣгства сплетниковъ, сухо поклонился и, не давая руки, вышелъ изъ гостиной. За нимъ двинулись остальные гости, видѣвшіе, что присутствіе ихъ совершенно излишне, и гостинная Баламутовой опустѣла.

Варвара Петровна задумалась, потомъ заплакала и, бросившись на диванъ, долго и горько рыдала: ея отношенія съ Муходавлевымъ были окончательно порваны, — она это чувствовала, — съ аристократіей она разсорилась.... Она не знала, что ей дѣлать.

Черезъ два часа пріѣхалъ ея мужъ, ѣздившій куда-то въ гости. Только-что онъ вошелъ въ гостиную, какъ Варвара Петровна вскочила съ дивана и бросилась на него.

— Гдѣ вы были до сихъ поръ? кричала она: — гдѣ вы шатаетесь? Васъ никогда дома нѣтъ!

— Я, *ma chère Babette*, занюлся—было Григорій Алексѣичъ.

— Молчите, перебила его супруга, строго тоная ножкой: — вы еще станете оправдываться!

— Но, *ma chère Babette*.

— Я говорю вамъ,—молчите! Что это? Вы, кажется, хотите перекричать меня? Вы, кажется, выучились у здѣшнихъ медвѣдей—мучить вашу жену! Но я не допущу этого, слышите? Я не хочу здѣсь оставаться! Посылайте за почтовыми лошадьми: я не хочу здѣсь оставаться — ѣду въ Москву!

— Да какъ же, *Babette*... возразилъ-было супругъ.

— Что вы еще разсуждаете? завопила барыня: — вы забываете, кто вы и кто я! Вонъ подите! Чтобъ чрезъ часъ здѣсь были лошади.

Григорій Алексѣичъ горестно вздохнулъ и поплелся распоряжаться отъѣздомъ. Черезъ три часа Баламутовы уѣхали, не простясь ни съ кѣмъ, а чрезъ трое сутокъ домъ купчихи Остроглазовой опустѣлъ окончательно.

Внезапный отъѣздъ Баламутовыхъ какъ громомъ поразила всю губернскую аристократію. Поднялись догадки, предположенія, толки, сплетни, такъ что бѣловодскіе аристократы дошли до состоянія школьника, которому вѣпили въ носъ гусара. Губернское общество всегда приходитъ въ такое состояніе при непредвидѣнныхъ происшествіяхъ. Но какъ ни ломали себѣ голову аристократы, ничего не выдумали, и рѣшились прибѣгнуть къ главѣ своего кружка, Муходавлеву.

Читателю покажется страннымъ, можетъ быть, что аристократія, оскорбленная Муходавлевымъ въ лицѣ своихъ третьихъ непремѣнныхъ членовъ, все-таки лѣзетъ къ нему. Но для того, кто живалъ въ провинціи и самъ вертѣлся въ омутѣ провинціальной жизни, такое миролюбіе и кротость вовсе не покажутся странными. Въ провинціи щекотливы на оскорбленія только женщины, а большая часть мужчинъ не обращаетъ на нихъ ровно никакого вниманія.

Поэтому не только аристократія вообще, но и сами разбитые въ гостиную Баламутовой аристократы, удаляясь съ поля битвы, не питали никакого злобнаго чувства къ молодому губернатору, разбившему ихъ,—эти пораженія часто выпадаютъ на долю губернскихъ львовъ — не стоитъ сердиться! Антонъ Михайлычъ думалъ:

— По дѣломъ брату! вотъ я никогда такъ не попадусь.

Иванъ Михайлычъ говорилъ самъ себѣ:

— А это я хорошо сдѣлалъ, что пригласилъ Муходавлева страсбургскіе пироги ѣсть; можно будетъ попросить оттянуть опіе имѣній еще на нѣсколько времени.

Иванъ Михайлычъ, какъ видите, даже и не думалъ о своемъ пораженіи.

Подмахачкій немного трусилъ, и то не ссоры съ Муходавлевымъ: въ возможность ея онъ даже не вѣрилъ.

— Бѣда, теперь всѣ смѣяться станутъ, это очень нехорошо,—думалъ онъ:—хорошо еще, что масляница кончается—уѣду въ деревню.

Наконецъ подполковникъ Язычинскій бормоталъ себѣ поносъ:

— Однако это хорошо, что Муходавлевъ сказалъ публично, что онъ не насъ ругаетъ, чтобы мы не обижались: теперь не надо на дуэль вызывать, а то было я испугался.

Какъ видите, читатель, съ такими людьми не можетъ быть ссоры: поколотите ихъ, и они сейчасъ же придѣзжутъ къ вамъ, если вы ихъ пустите къ себѣ.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, когда всѣ бѣловодскіе аристократы собрались у Муходавлева, съ цѣлью разъяснить причину отъѣзда Баламутовыхъ, мы встрѣчаемъ тамъ же и Ивана Михайлыча, и Николая Александрыча, и даже подполковника Язычинскаго, и всѣ трое попрежнему лгали, каждый за троихъ

порядочныхъ лгуновъ. Гости сидѣли въ кабинетѣ, бродили по залѣ и по прочимъ комнатамъ, пока главные коноводы аристократическаго кружка рѣшали главный вопросъ: зачѣмъ уѣхали Баламутовы.

— Не знаю, господа, не знаю, говорилъ своимъ собесѣдникамъ молодой губернаторъ: — для меня отъѣздъ Баламутовыхъ такъ страненъ, такъ непонятенъ, что я рѣшительно не могу ума приложить.

Губернаторъ хитрилъ: по привычкѣ къ свѣту, онъ очень хорошо понималъ причину отъѣзда Баламутовой.

— Я всегда замѣчалъ, что этотъ господинъ Баламутовъ большой вольнодумецъ: всегда такъ легко отзывается объ старшихъ, докторальнымъ тономъ объявилъ Николай Филипычъ....

— Я у него видѣлъ разъ въ книжномъ шкапу какую-то французскую философію, таинственно и шопотомъ, нагнувшись къ собесѣдникамъ, проговорилъ полковникъ Тычкинъ: — только, знаете, я не такой человѣкъ: я не показалъ даже и виду, что я замѣтилъ эту мерзкую книжку, — однако сейчасъ же подумалъ, что онъ должно быть коммунистъ.

— Я самъ видѣлъ эту книгу, успокоилъ полковника Антонъ Михайлычъ: — это ничего, она не разрѣзана еще.

— Да все-таки, зачѣмъ имѣть у себя такую опасную книгу? замѣтилъ Тычкинъ.

— Онъ, *peut-être*, поѣхалъ выхлопотать себѣ крестъ какойнибудь, *une croix*, прервалъ очень некстати размышленія чиновниковъ Аркадій Аполлонычъ Бандуревскій.

— Ну пошелъ! махнулъ рукой, перебилъ его Рыковъ: — что у кого болить, тотъ объ томъ и говорить.

— Раскажите лучше, Аркадій Аполлонычъ, анекдотъ о томъ, какъ ваши лошади испугались верблюдовъ, шутя и мигая публикѣ глазомъ, сказалъ Безсудный.

Ничѣмъ нельзя было такъ разсердить Аркадія Аполлоныча, какъ попросить его рассказать этотъ анекдотъ (и Богъ знаетъ почему? Говорятъ, какой-то литераторъ отпечаталъ этотъ анекдотъ въ комическомъ видѣ, къ крайнему огорченію Аркадія Аполлоныча). Бандуревскій обидѣлся и отошелъ.

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ правитель канцеляріи съ большою кипой пакетовъ.

— Что такое? почта? спросилъ губернаторъ.

— Точно такъ , отвѣчалъ тотъ : — петербургская и всѣ уѣздныя.

— Нѣтъ ли намъ наградъ? пошутилъ корнетъ Безсудный.

— *Peut-être* — заговорилъ Бандуревскій.

— Да, какъ же, — держите карманъ! съострилъ Иванъ Михайлычъ: — вамъ не за что давать-то.

Бандуревскій еще больше обидѣлся.

Такъ какъ петербургская почта всегда возбуждаетъ общее любопытство, да и откладывать ея прочтеніе невозможно, то всѣ гости вышли изъ кабинета въ залъ и оставили губернатора наединѣ съ правителемъ канцеляріи.

— Это что? посмотримъ, проговорилъ губернаторъ, принимаясь за первый пакетъ. — А! это отвѣтъ на представленіе Безсуднаго къ наградѣ, — посмотримъ!

— Фю, фю, фю! засвисталъ Александръ Павлычъ, читая бумагу.

— Что такое, ваше превосходительство? спросилъ правитель.

— Да что! пишутъ, батюшка, что награды Безсудный не стоитъ, и просятъ объявить ему, что если онъ будетъ по прежнему перачителенъ къ службѣ, то его отрѣшать отъ должности.

Правитель канцеляріи покачалъ головой.

— По дѣломъ ему, ужъ больно задралъ носъ, замѣтилъ губернаторъ: — подите-ка въ залу, прочтите ему эту бумагу, да возвращайтесь поскорѣе.

Правитель пошелъ и въ точности исполнилъ довольно злое приказаніе Муходавлева. Натурально, корнетъ Безсудный очень огорчился, особенно когда Рыковъ и другіе начали надъ нимъ подтрунивать.

— Ну, батюшка, вторая загвоздка; позовите-ка сюда Рыкова, сказалъ Муходавлевъ правителю, когда тотъ возвратился въ кабинетъ. Пришелъ Рыковъ; Муходавлевъ молча подалъ ему бумагу, — тотъ прочиталъ и поблѣднѣлъ.

И точно бумага была забористая: начальство писало, что до него дошли вѣрные слухи, что Николай Филипычъ черезчуръ грабить, чему, дескать, примѣромъ можетъ служить крестьянинъ Горюнь, — наконецъ извѣстно, что его высокородіе поколотилъ до полусмерти одного человѣка; поэтому начальство утѣждало его, что оно посылаетъ своего чиновника произвести

строгое слѣдствіе объ управленіи Рыкова, а покаместъ уже слѣдано распоряженіе, для избавленія мужиковъ отъ возможныхъ встязаній; до тѣхъ поръ, пока ихъ управляющій не оправдается по суду, удалить его отъ должности.

— Какое тутъ оправданіе! надо ѣхать въ Петербургъ, да подавать въ отставку, подумалъ Николай Филипычъ:—опять по міру пойдешь!

— Вѣрно Таракановъ проговорился, подумали въ одно время и губернаторъ, и несчастный управляющій.

Николай Филипычъ вышелъ изъ кабинета самъ не свой и сейчасъ же уѣхалъ домой.

— Что съ нимъ? думали оставшіеся гости:—вѣрно плохо!

— Чортъ знаетъ, что за почта, проговорилъ губернаторъ, распечатавъ и пробѣжавъ еще нѣсколько бумагъ.

Правитель канцеляріи превратился весь во вниманіе.

Тычкину, вмѣсто генеральскаго чина, — переводъ въ Сибирь тѣмъ же штабъ-офицеромъ; Бандуревскому — министръ проситъ сказать, что пора и честь знать, подавать—дескать въ отставку.

Правитель канцеляріи пожалъ плечами и подумалъ:

— Ай, ловко же чистить Петербургъ!

— Вотъ еще; часъ отъ часу не легче бормоталъ губернаторъ: — имѣнье Антона Михайлыча просятъ описать для продажи съ публичнаго торга. Имѣнье Ивана Михайлыча будетъ черезъ недѣлю продаваться.... У губернатора и бумаги вынимаи изъ рукъ.

«Бѣда», подумалъ онъ: «семейства пойдутъ по міру; впрочемъ, сами виноваты, сами виноваты», заключилъ онъ и, кончивъ распечатываніе и чтеніе, самодовольно сказалъ правителю:

— А намъ никакой пилюли нѣтъ, — это хорошо.

Съ этимъ словомъ онъ вышелъ къ гостямъ съ бумагами, относящимися къ нимъ.

Легкомысліе и безсердечіе этого человѣка выразились теперь шопотъ: онъ роздалъ каждому изъ гостей касавшуюся до него бумагу и, заложивъ руки въ карманы, дерзко и насмѣшливо на нихъ поглядывалъ. Разумѣется, гости, прочтя розданныя имъ бумаги, пришли въ состояніе очень невеселое.

— Что дѣлать, господа, съ самодовольной важностью толковалъ имъ Муходавлевъ: — говорилъ я вамъ, — служите хо-

рошенько, живите расчётливѣе, — вы не слушались.... Теперь вотъ и распивайте, какъ знаете.

Бѣдные чиновники были такъ ошеломлены, что даже не догадались отвѣтить Александру Павлычу, что онъ имъ никогда такихъ благихъ совѣтовъ не подавалъ, да и самъ-то жилъ не лучше ихъ. Но чиновники молчали, потупивъ головы, а Муходавлевъ, конечно, отъ того еще болѣе храбрился.

— Я долженъ сознаться, господа, что я нивѣ комъ изъ васъ не встрѣтилъ истинныхъ помощниковъ мнѣ, продолжалъ онъ: — сейчасъ же, съ перваго же дня моего знакомства съ вами, я понималъ, что ваше развитіе и мое — двѣ вещи разныя, что мы съ вами другъ друга не поймемъ.

Муходавлевъ вообще былъ охтникъ бить лежачаго, хоть бы и аристократа, да и похвастаться своимъ я онъ очень любилъ.

— Жаль мнѣ васъ, господа, заключилъ онъ: — но вы сами во всемъ виноваты.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, приставалъ къ нему правитель канцеляріи.

Муходавлевъ быстро обернулся.

— Ваше превосходительство, не изволили распечатать одного конверта, — упалъ подъ столъ. Изъ министерства, съ надписью «весьма нужное».

Александръ Павлычъ поспѣшилъ сорвать конвертъ, началъ читать и поблѣднѣлъ; къ концу чтенія съ нимъ чуть дурно не сдѣлалось. Пришла и ему пора расплаты.

Изъ министерства писали (чрезвычайно, впрочемъ, вѣжливо и деликатно), что такъ какъ до правительства доходили уже весьма часто свѣдѣнія о томъ, что въ бѣловодской губерніи дѣлаются весьма многія беззаконія, не говоря уже о мелкихъ безпорядкахъ, которые также не должны быть терпимы, то во вѣренную управленію Муходавлева губернію назначается строжайшая ревизія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ.

— Господа, извините, едва могъ проговорить губернаторъ, раскланиваясь со своими гостями: — я получалъ весьма важную бумагу и долженъ сейчасъ же садиться за работу.

Съ этимъ словомъ онъ почти поблѣжалъ въ кабинетъ.

— Что такое? Что случилось? Въ одинъ голосъ спросили гости у правителя. Тотъ только пожалъ плечами и, слыша голосъ Муходавлева, звавшего его къ себѣ, полетѣлъ въ кабинетъ.

— Должно быть, что nibудь очень плохо, сказалъ Антонъ Михайлычъ, хватаясь за шапку.

— *Peut-être*, ему тоже звѣзды не дали, сдѣлалъ свое предположеніе Аркадій Аполлонычъ.

«Побѣхать въ клубъ, поразсказать кой-кому», подумалъ Подмахацкій и первый побѣжалъ надѣвать шубу и калоши.

— Плохо, плохо: пришла бѣда, растворивъ ворота, говорили убитые горемъ чиновники и отправились сообщать своимъ женамъ о своемъ критическомъ положеніи.

Предоставляю читателю судить о томъ, какъ эта почта по-дѣйствовала на женъ попавшихся подъ правосудіе правительства чиновниковъ, особенно на тѣхъ женъ, которыя ни въ чемъ не были виноваты: ни въ мотовствѣ, ни въ бюрократическихъ продѣлкахъ супруговъ. Скажемъ одно, что лучшая изъ нихъ, жена Ивана Михайлыча, съ этого времени занемогла и таяла, какъ свѣчка.

— Знаете, что? обратился губернаторъ къ вошедшему въ кабинетъ правителю: — къ намъ ѣдетъ ревизоръ

— Э-ге,—подумалъ правитель:—плохо дѣло!

— Я не знаю, что мнѣ и дѣлать, продолжалъ Александръ Павлычъ:—я совсѣмъ убить.

Правитель началъ утѣшать его тѣмъ, что ревизія еще ничего, что даже, если по ревизіи губернія окажется въ хорошемъ положеніи, то губернатору непременно послѣдуетъ большая награда.

У Муходавлева немного прояснилось лицо: онъ, по причинѣ недалекости своей въ служебной части, повѣрилъ правителю, а тотъ между тѣмъ думалъ про себя:

— Нѣтъ, братъ, врешь, не удѣлѣешь, слетишь непременно,—потому что ревизию назначаютъ къ тому губернатору, на котораго не надѣются; ну, а развѣ оставить на мѣстѣ такого губернатора, на котораго плохая надежда?

— Что теперь дѣлать? спросилъ губернаторъ:—министерство пишетъ, что ревизоръ на дняхъ выѣзжаетъ изъ Петербурга и теперь уже навѣрно въ дорогѣ. Это просто бѣда!

— Да ужъ извѣстно, что дѣлать, ваше превосходительство, отвѣчалъ правитель:—хуже губернскаго правленія и полиціи мѣстъ не бываетъ;—особенно правленіе изъ рукъ вонъ.... Такъ за нихъ и приняться, засадить день и ночь работать.

— Съѣздите сейчасъ-же за вице-губернаторомъ и за всѣми совѣтниками и секретарями губернскаго правленія: да дайте знать полицмейстеру, что я нынче у него не буду! приказалъ губернаторъ.

Правитель вышелъ, а Муходавлевъ сѣлъ за свой письменный столъ и чуть-чуть не плакалъ отъ страха и раскаянія въ томъ, что онъ обманулъ благородное довѣріе правительства, понадевавшегося на него, какъ на человѣка молодого, свѣжаго и современнаго.

Такъ кончился губерискій карнавалъ!

СВОЯ РУБАШКА.

РАЗСКАЗЪ.

(Посвящается князю Н. А. Оболенской).

Своя рубашка къ тѣлу ближе.
Русская пословица.

Село Байдарово — самое большое селеніе въ .....ской губерніи: въ немъ считается теперь слишкомъ восемь тысячъ жителей обоого пола. Оно занимаетъ привольное мѣсто, почти на самомъ берегу большой, судоходной рѣки, одной изъ коринницъ земли русской. Выгоды этого положенія очевидны. Хотя многіе изъ крестьянъ нашего села живутъ и промышляютъ на сторонѣ, однако въ немъ всегда замѣтно особенное, суетливое движеніе. Байдарово, въ ущербъ своему уѣздному городу Суходолу, служитъ для всего уѣзда центромъ торговли, которая и привлекаетъ въ него на постоянное житіе немалое число купцовъ и мѣщанъ изъ двухъ сосѣднихъ городковъ. Есть въ Байдаровѣ большіе, безобразной «купеческой» архитектуры, каменные дома съ неуклюжими деревянными пристройками; много лавчонокъ съ «краснымъ» и всякимъ другимъ незатѣпливымъ товаромъ; нѣсколько процвѣтающихъ питейныхъ домовъ, три трактира да подъ-тридцать большихъ постоялыхъ дворовъ, съ длинными, темными навѣсами; есть тутъ еще одна суконная фабрика, нѣсколько кожевенныхъ, свѣчныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, и

наконецъ многое множество мелкихъ домишекъ, выстроенныхъ большею частию на стать уѣздныхъ городковъ нашихъ, и тѣсно лѣпящихся одинъ подлѣ другаго.

Окрестности села Байдарова неживописны, но въ характерѣ ихъ есть что-то напоминающее обаятельное раздолье степей: въ одну сторону отъ села разстилаются широкой и немного покатою равниной, далеко убѣгая изъ глазъ, богатые, поемные луга, по которымъ извиается въ отлогихъ берегахъ многоводная, величавая рѣка; съ другой — тянутся сѣропесчаные поля обставленные, вдали отъ Байдарова, на самомъ краю горизонта, малыми холмами, которые во многихъ мѣстахъ пересѣкаются рощами; тутъ же, какъ стражи этихъ полей, стоятъ два огромные кургана, слѣды давней жизни.

Въ этихъ мѣстахъ .....ской губерніи повелась давнымъ-давно русская жизнь. Село Байдарово уже не одну сотню лѣтъ стоитъ на теперешнемъ мѣстѣ; много событій, имѣвшихъ великое значеніе для земли русской, пронеслось и надъ нимъ. Не одинъ разъ, и въ теченіе долгаго времени, шли тутъ, разсѣвая повсюду смерть и погромъ, полчища кочевниковъ; но не перевелась жизнь въ Байдаровѣ. У жителей его въ старые годы были защита и спасенье: съ одной стороны — въ той широкой рѣкѣ, близъ которой находится ихъ селище, такъ какъ черезъ нее не скоро можно было перебраться кочевникамъ, а съ другой — въ принимающихъ видъ къ нему, непроходимыхъ лѣсахъ. Времена тѣхъ великихъ скорбей уже давно миновали; русскій народъ вообще незаблудимъ, — онъ помнитъ немного о бѣдахъ своихъ, но это немного увѣковѣчиваетъ по своему: въ память татарскихъ нашествій онъ зоветъ млечный путь *Батыевою дорогою*.

Есть еще и мифическія воспоминанія у жителей здѣшняго края. Помнятъ они, что во времена стародавнія жили въ этихъ мѣстахъ люди другаго племени, иного разбора — и не чета они были теперешнимъ мелкимъ человѣчкамъ: то были богатыри, ростомъ выше лѣса стоячаго, сильнѣе непримѣръ Илья-Муромца. Жили они просто-на-просто, небольшими поселками, посреди непроходимаго бора. Нужды ихъ домашнія были очень просты — на семь поселковъ былъ у нихъ одинъ только топоръ, который пересылали они изъ поселка въ поселокъ, перебрасывая его поверхъ боровыхъ деревьевъ. (Впрочемъ это былъ такой топоръ, что впоследствии, когда перевелось племя богатырей, мужики племени теперешняго, найдя его какъ-то, выковали изъ

него столько сошниковъ, что достало про всѣхъ обывателей семи большихъ деревень). Богатыри были нелюдиимаго нрава и жили одна-одинохоньки, никогда не допуская въ свое общество женщинъ. Неподалеку же отъ ихъ поселковъ проживали отдѣльно богатырши, къ которымъ по временамъ заходили богатыри въ гости. Такъ-то велось это племя долго-долго, какъ вдругъ случилось слѣдующее странное происшествіе: разъ пахалъ пашню одинъ изъ богатырей (звать, они тоже занимались земледѣліемъ) и пахалъ-то, видно, очень усердно: пройдетъ только разъ сохою — и цѣлая десятина готова. Но вдругъ увидалъ онъ, что чуть-было не наступилъ на какую-то странную тварь, которая тоже какъ будто пахала: богатырь наклонился, поднялъ съ земли и крохотнаго пахаря, и крохотную его лошаденочку, взялъ, уми́стилъ ихъ на широкой ладони, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ да и хотѣлъ раздавить, какъ гадину. — «Нѣтъ! не тронь!» молвила, загорюнившись, случайно тутъ бывшая богатырша, — «знаешь ли ты, что это такое?... Это, вишь, народились новые люди. Мы-то всѣ изомремъ скоро, а въ наше мѣсто будутъ все вотъ какіе человѣчки — и поведется такое племя по концъ земли....» И точно, говоритъ преданіе, скорехонько послѣ того перевелись богатыри въ этомъ краѣ, а на мѣсто ихъ шибко развелась нынѣшняя мелкота-люди.

Байдаровцы — народъ довольно развитый (между ними весьма много грамотниковъ), бывалый и трудовой. Много моголей изнашиваютъ ихъ жесткіе пальцы и много денегъ переходитъ чрезъ ихъ руки; но та бѣда — доля у нихъ бѣсталанная: огромному большинству ихъ, что называется «міру», трудовая копѣйка вотъ уже давно нейдетъ въ прокъ. Завелась у нихъ на селѣ, въ самой сердцевинѣ «міра», такая мерзкая тля, которая постоянно портитъ да портитъ ихъ дѣло, — но объ этой тлѣ послѣ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о трудѣ и промыслѣ байдаровцевъ. Они — бондари на многія мѣста Россіи. Гдѣ только нужны особенно бочки, боченки и кадки, тамъ ужъ непременно найдете бондарей изъ Байдарова. Весь Новороссійскій край, а особенно южный берегъ Крыма, хорошо знаютъ нашихъ бондарей. Многие изъ нихъ достаютъ отъ своего промысла въ годъ рублей по семи сотъ, по тысячѣ ассигнаціями, а иной разъ и съ залпкомъ. Около двухъ тысячъ человѣкъ ежегодно уходятъ изъ Байдарова на сторону, для бондарной работы. Все это прекрасно для всякихъ отчетовъ и статистическихъ описаній, но та бѣда,

повторяемъ, что трудовая копѣйка нейдетъ какъ-то въ прокъ смышленнымъ бондарямъ байдаровскимъ.

Описываемое нами село принадлежало прежде знаменитому богачу *Н. Байдарову*. Жили при немъ зажиточно и спокойно. Но какъ ни хороша была жизнь *за барининомъ*, а байдаровцамъ давно хотѣлось переменны, хотѣлось пожить на своей волѣ. Въ 18^{мъ} году, узнавши, что баринъ, постоянно жившій до тѣхъ поръ за границей, воротился въ Россію, байдаровскіе крестьяне рѣшили проситься на волю у добраго барина. Весь міръ крѣпко ухватился за это предположеніе; но всѣхъ болѣ хлопоталъ бурмистръ байдаровскій Тарасъ Вороненковъ, смышленный и ловкій мужикъ, умѣвшій и дѣло дѣлать, и въ мутной водѣ рыбу ловить. По его совѣту міръ байдаровскій отправилъ къ помѣщику «ходаковъ» просить милости, чтобы соизволилъ отпустить на волю свою вотчину.

Баринъ сначала удивился такой просьбѣ.

— Развѣ нехорошо вамъ у меня? спросилъ онъ довольно сердито у денутатогъ. — Чѣмъ же вы недовольны?

— А нѣту, батюшка, ваше превосходительство! отвѣтали депутаты: — всѣмъ мы довольны отъ вашей милости, — дай Господи много лѣтъ здравствовать!... Да все, то есть оно, тово, словно лучше будетъ... вѣдь, батюшка, и неровенъ часъ....

— Ну, вотъ, — на что это похоже? промолвилъ совѣмъ разгнѣванный баринъ. — Настоящіе мужики, то есть, дураки!.. Пошли вонъ съ глазъ моихъ!...

Приуныли байдаровцы, когда узнали про отказъ на свою просьбу и про гнѣвъ барина.

— Вишь ты, ребята, заговорили—было нѣкоторые крестьяне на сходкѣ: — точно, кажись, не надо бы намъ затѣвать это дѣло....

— Ну, вотъ разсудили! возразилъ бурмистръ. — Экъ вы!... узнавать лишь не надо, а рамо ли; поздно ли, дѣльцо безпре-
мѣнно выторить, — вѣдь вода по каплѣ камень долбитъ.... А ужъ съ первыхъ разговъ и пятиться стали!...

Вскорѣ послѣ того самъ Вороненковъ отправился къ барину и повезъ порядочную, — конечно, отъ міра собранную, — сумму для подарка вѣжливому камердинеру г. *Н. Мѣра* эта была очень усмѣшна. Камердинеръ постарался внушить барину мысль, что не стоитъ держать за собою крестьянъ, которые такъ неблаго-
дарны къ его милостямъ и попеченіямъ о нихъ, которые, не

умѣя цѣнить той счастливой доли, что состоятъ за такимъ великолѣпнымъ господиномъ, осмѣливаются добиваться свободы. Впрочемъ, можетъ быть, не добился бы успѣха и такимъ образомъ Вороненковъ, еслибъ сама судьба не помогла его планамъ: барину понадобилось скорѣе предположенного ѣхать опять за границу, а виѣстъ съ тѣмъ понадобилась ему крупная сумма — и онъ рѣшился отпустить на волю село Байдарово.

Онъ отпустилъ это имѣніе за два милліона ассигнаціями: при самомъ началѣ дѣла объ отпущкѣ онъ получилъ съ крестьянъ шестьсотъ тысячъ, да скорѣе получилъ изъ опекунскаго совѣта, гдѣ для облегченія всей операціи заложилъ Байдарово, слишкомъ восемьсотъ тысячъ; остальную сумму, съ чѣмъ-то пятьсотъ тысячъ, крестьяне должны были выплатить въ извѣстные сроки; долгъ опекунскому совѣту, конечно, на нихъ же остался. До окончательной уплаты долговъ бывшему помѣщику и совѣту, крестьяне байдаровскіе должны были считаться неполнѣ еще получившими свободу.

Разсказывать ли подробно, какъ при сборахъ денегъ на первоначальный взносъ помѣщику и на всякія хлопоты у многихъ крестьянъ побѣдило да посемьянистѣе, жилы вытягивались?... А между тѣмъ позабыли или недотадывались они про существованіе земскихъ чиновниковъ....

А Вороненковъ добился своей цѣли: онъ былъ выбранъ единогласно головою и сталъ съ этихъ поръ полновластнымъ хозяиномъ въ Байдаровѣ. Ему уже никто не мѣшалъ распоряжаться мірскими дѣлами, мірскими деньгами; даже личностью крестьянъ. Повсюду нашелъ онъ поддержку своимъ намѣреніямъ, направленнымъ къ тому, чтобы какъ можно больше нажить на счетъ мірской.

Дѣйствія его были ловки и смѣлы, да обстоятельства сильно тянули на его руку.

Онъ легко убѣдилъ міръ, что для успѣшнаго веденія дѣлъ общественныхъ нужно имѣть на своей сторонѣ всѣхъ главныхъ уѣздныхъ чиновниковъ и многихъ губернскихъ. Всякіе чиновники проторили себѣ широкую дорогу въ Байдарово; въ немъ вдругъ завелось, на случай пріѣзда и проѣзда чиновныхъ особъ, три «въѣзжихъ дома:» одинъ — для крупныхъ, «набольшихъ» чиновниковъ, другой — для среднихъ, третій — для разной мелкоты чиновничьей. Байдарово лежитъ на большой дорогѣ изъ губернскаго города въ уѣздный. Когда разные «сановники»

прѣзжали по этой дорогѣ, земская полиція всегда такъ пригоняла, чтобы въ Байдаровѣ устраивались обѣдъ, ночлегъ, либо закуска для «знатнаго» путешественника. За день, за два до благополучнаго «проездованія», прѣзжалъ обыкновенно въ село становой, а то и самъ исправникъ, и призывалъ къ себѣ голову Вороненкова. Тарасъ Семенычъ являлся въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, выборныхъ отъ міра.

— Ну, братцы,—говорилъ становой или исправникъ, поздоровавшись сначала съ головою: — а я вамъ хорошую новость привезъ; NN изволитъ завтра или послѣ завтра проѣзжать черезъ ваше село! Все ли готово у васъ для приема?...

— Помилуйте, отвѣчалъ Вороненковъ: — да у насъ завсегда все готово....

— Я въ этомъ напередъ былъ увѣренъ. Ты, Тарасъ Семенычъ, просто, золотой человѣкъ для цѣлаго вашего общества, да и для насъ тоже; вѣдь много, братецъ, значитъ, когда такая особа останется довольна, проѣхавъ черезъ село, гдѣ квартира славная, хоть бы въ городѣ такая была.... и въ такомъ все порядкѣ... ну, и тово... угощеніе.... А для васъ-то, байдаровцевъ, какъ это выгодно и полезно! Вѣдь такое лицо всегда можетъ поддержать, оказать милость. Право, Бога надо благодарить.... Такъ иль нѣтъ, братцы?...

— Какъ же, батюшка!... много довольны за неоставленіе... отвѣчали, бывало, въ одинъ голосъ Вороненковъ и выборные,—первый впрочемъ очень громко и весело, а послѣдніе — гораздо тише и даже какъ-то робко.

— Ну, да, да! продолжалъ важно чиновникъ: — нельзя не цѣнить... я знаю.... Такъ ты, Тарасъ Семенычъ, распорядись же!... Видишь ли: этотъ господинъ изволитъ слѣдовать со свитою; ты сначала, разумѣется, хлѣбъ-соль поднесешь, — ну, а главное, чтобы все было готово на квартирѣ....

Подъ конецъ разговора, предусмотрительный чиновникъ говорилъ иногда вполголоса головѣ:

— Ты, смотри тоже, Тарасъ Семенычъ, какъ бы тово... какъ бы не обезпокоили... знаешь?—разными глушестями, просьбами недѣльными, жалобами....

— Не извольте безпокоиться; — отвѣчалъ голова, нарочно, громкимъ голосомъ: — у насъ такихъ людей нѣтъ въ обществѣ, благодаря Бога.... Всякаго у насъ народа много, есть и малосмысленные, а озарниковъ не нѣтъся...

Что Бога гнѣвить, — живемъ спокойно, по милости начальства!..

И Вороненковъ отлично распоряжался при встрѣчахъ начальства.

На первостепенной квартирѣ всего оказывалось вдоволь: и отличной рыбы, и дичи, и вина, и фруктовъ изъ оранжерей сосѣдняго помѣщика. Чинъ-чиномъ происходили встрѣчи знатныхъ путешественниковъ. «Особа» выдетъ изъ экипажа медленно и важно, величественно подойдетъ къ тѣсно-сжавшемуся народу, еще важнѣе и величественнѣе приметъ хлѣбъ-соль отъ головы, потреплетъ его по плечу и промолвитъ съ благосклонною полуулыбкою: «А, голова!... здорово, мой милый!... Ну, что, какъ ты? по-добру, по-здорову?... Въ прошлый разъ, какъ я тебя видѣлъ, помнится мнѣ, ты не былъ такъ сѣдъ....» Само собою разумѣется, «особа» остается отиѣнно-довольна помѣщеніемъ въ Байдаровѣ, сохраняетъ на-долго благосклонное воспоминаніе обо всемъ этомъ, а пріѣхавши въ губернской городъ, рассказываетъ тамошнимъ аристократамъ: «Вы не повѣрите, какъ они приняли меня!... удивительная, чисто-русская преданность!... Это даже трогательно!... народъ истинно-признательный.... И что странно? промышленность не испортила ихъ, — рѣдкій случай. Впрочемъ, и чиновниками тамошними я очень доволенъ: большею частию хорошіе, ловкіе люди. А голова байдаровскій!... право, дайте ему порядочное образованіе — въ совѣтники годился бы!..»

Конечно, эти проѣзды много помогали Вороненкову: крестьяне хорошо видѣли ласковую внимательность высшихъ чиновниковъ къ Тарасу Семенычу, — и стали они уважать его по-добострастно, а бояться пуще огня.

Да, всѣ эти потѣхи недешево обходились міру байдаровскому. Поборы съ крестьянъ сдѣлались чрезмѣрно велики и съ каждымъ годомъ еще увеличивались. На все были поборы... Противъ прежняго времени, тяга каждого крестьянина увеличилась въ нѣскольکو разъ. Впрочемъ всѣ сборы и поборы съ байдаровцевъ, бывшіе въ вѣдѣніи Тараса Семеныча, записывались въ особыя книги, и расходъ по нимъ выводился благоприлично, копѣйка въ копѣйку. Въ концѣ каждого года, Вороненковъ предъявлялъ на міру общественные расходы и всегда добивался утвержденія ихъ. При этихъ случаяхъ онъ поступалъ ловко и предусмотрительно. Въ переднихъ рядахъ мірскаго схода становились люди предан-

ные Тарасу Семенычу, такіе притомъ, у которыхъ горло было широкое, да тутъ же стояло нѣсколько богатыхъ мужиковъ, болѣе или менѣе пріятелей Вороненкову и равнодушныхъ къ мірскимъ дѣламъ — и наконецъ первые ряды схода замыкались крестьянами, «у которыхъ голова съ рожденія клиномъ сведена;» а мужичкамъ позубастѣ приходилось оставаться позади. Правда, Вороненковъ встрѣчалъ иногда оппозицію — не по поводу расходовъ, а поборовъ, — но она не сильна бывала; напротивъ, высказывалась робко, непоследовательно и неумно. Случалось, что иной мужикъ промолвить, глядя на всѣхъ изподлобья и избѣгая глазъ Тараса Семеныча.

— Да что жъ это, ребята, поборы-то все годъ отъ году прибавляются?... Вонъ на нонѣшній годъ опять накинута!... Право-слово, почитай, и не въ моготу становится....

— А и то, никакъ.... отзовется нѣсколько голосовъ, большею частію изъ заднихъ рядовъ схода.

И при этихъ словахъ вдругъ водворяется мертвая тишина.

— Эхъ, умныя головы!... возражаетъ глухимъ, протяжнымъ голосомъ Вороненковъ. — Не подѣ-силу, право, и дѣла-то съ вами вести! Трудисься, трудисься для міра, а все ничего не подѣлаешь. Вотъ теперича Оомка пѣлый міръ смутянить. А чловѣкъ-отъ онъ какой важный, есть кого послушать: голь, бездомникъ, а тоже міромъ хочетъ заправлять!... Ну, что ты, лѣшій, горло-то дерешь?... Поборы большіе!... Да развѣ поборы не по нуждѣ дѣлаются? Вѣдь въ совѣтъ надоть платить и барину надоть.... а чиновникамъ-то—перестать, что-ли, давать? Сами же вы хотѣли откупиться, — ну, и должно дотянуть дѣло до конца. Оно и тяжеленько, да какъ быть-то? Мы теперича ни то казенные, ни то Богъ-вѣсть какіе, такъ тутъ, знамо, не безъ лишнихъ расходовъ.... А мнѣ-то мало труда достается? Сколько разъ въ «губернію» скатаешь, а не то что въ уѣздный городъ!.. Ломаешь-ломаешь старыя кости-то; изъ-за всякаго мірскаго дѣла все я же въ отвѣтъ!... Ну, да что толковать? Дураковъ учить, что мертвыхъ лѣчить. А коли такъ, — вы ослобоните меня изъ головъ, а у начальства я ужъ вымолю себѣ отставку. Что жъ, православные, мнѣ, ей-ей, не въ мочь, больно старъ становлюся, пускай другіе міру послужать.... Да вотъ чего лучше? Оома Игнатычъ головой будетъ въ мое мѣсто. Важно, чай, станетъ заправлять мірскими дѣлами!... А мы со стороны поглядимъ, какъ Оома Игнатычъ хлѣбъ-соль поведетъ съ чи-

новниками, какъ будетъ ладить съ ними по дѣламъ-то и какъ дѣла-то пойдутъ!... Ослобоните, братцы, въ честь прошу!...

— Что ты, что ты! Тарасъ Семенычъ! раздаются крики со всѣхъ сторонъ. — Да мы безъ тебя, словно малые ребята безъ отца, безъ матери!... Ты началъ дѣло,—тебѣ и кончать.... Всѣ начальники тебя знаютъ, доступъ имѣешь, всѣ тебѣ — рука.... Нѣтъ! ты ужь не покидай насъ!... А Ѳомкѣ-разбойнику мы ротъ-то зажмемъ!...

И накинется тутъ, бывало, народъ православный на бѣднаго Ѳомку, какъ на истого врага своего. Когда же, послѣ учетнаго схода, начиналась попойка на счетъ головы, Ѳомкѣ приходилось бѣжать со сходки, такъ сильно раздражались надъ нимъ брань и угрозы подгулявшихъ мірянъ. Съ своей стороны и Вороненковъ не оставался у Ѳомки въ долгу за дерзновенное покушеніе на его власть: въ первый же рекрутскій наборъ самъ Ѳомка, или сынъ его, либо кто нибудь изъ семьи ужь непременно отправлялся на царскую службу.

Старый и малый въ цѣломъ Байдаровѣ сильно боялись Тараса Семеныча, а коли боялись, значить, весьма уважали. Бывало, только покажется онъ на улицѣ, тотчасъ же всѣ снимаютъ шапки и въ поясъ кланяются.

Тарасъ Семенычъ Вороненковъ пользовался уваженіемъ со стороны и сосѣднихъ крестьянъ, ѣзжавшихъ на базары въ Байдарово. Имя его было извѣстно на далекое пространство; многіе помѣщики частехонько выставляли его въ примѣръ своимъ бурмистрамъ и старостамъ. — «Вотъ Вороненковъ, говорили они:—такъ настоящій бурмистръ, даромъ что великая шельма!... Боятся и уважаютъ его въ цѣломъ Байдаровѣ. Да еще какими крестьянами онъ управляетъ? сущими разбойниками, которые издавна и страшно перебалованы, — вѣдь все на оброкъ были, да и оброкъ-то какой!... Дай Богъ, чтобы наши крестьяне такъ боялись!... За то и порядокъ ведется!...»

Можетъ быть, многіе бурмистры и старосты желали бы взять себя въ примѣръ Вороненкова,—да куда! никакъ не угоняешься за такимъ звѣремъ. Да вотъ каковъ человекъ онъ былъ: саміи чиновники, и даже многоопытные въ жизни, не считали для себя предосудительнымъ совѣтоваться съ нимъ о собственныхъ дѣлахъ. И молодецъ Вороненковъ! онъ скоро понялъ значеніе свое среди этой чиновничей братии, «ублаговоряемой» имъ на счетъ мірской: съ достоинствомъ держалъ онъ себя между ними,

не поддавался ихъ прихотямъ и ублажалъ ихъ настолько, насколько нужно было ему для его плановъ.

II.

Одинъ лишь человекъ во всемъ Байдаровъ несколько не боялся Вороненкова, ясно видѣлъ всѣ его вредныя для міра дѣйствія, отъ души его не любилъ; но человекъ этотъ махнулъ рукой на все, но особымъ причинамъ вовсе не вымѣшивался въ мірскія дѣла и даже никогда не ходилъ на сходы.

Звали его Прокофѣемъ Григорьевымъ Терехинымъ. Онъ былъ уже старикъ лѣтъ семидесяти, кожевникъ по промыслу. Промыселъ этотъ достался ему отъ отца, подъ руководствомъ котораго онъ и началъ заниматься дѣломъ. Никогда не работалъ онъ на чужой сторонѣ, а все жилъ безвыѣздно въ Байдаровъ и очень любилъ свое родимое селеніе. Разъ онъ такъ сказалъ про него:

— Всю нашу землю изойди, а не много найдешь такихъ привольныхъ мѣстъ, какъ вотъ наше село. Земля, хоша скудная, да вдоволь ея; а луга-то какіе!... Рѣка-кормилица.... Кругомъ въ деревняхъ — люди все больше зажиточные, можно и дома важно работать: про всѣхъ работы достанетъ. А на чужу сторону зачѣмъ ходить?... Оно бы нешто, кобы только работали, а то балуются.... извѣстно, — человекъ по году домъ и семью не видитъ. Ну, и еще есть причина: оттого, пожалуй, что врозь живутъ и дома-то врозь смотреть — про мірское дѣло кому тутъ позаботиться!...

Прокофій Терехинъ былъ очень зажиточный крестьянинъ. Домъ у него былъ, какъ полная чаша; кожевенное заведеніе — большое и исправное; всякихъ пожитковъ и домашней рухляди достало бы про нѣсколько большихъ семей. Кромѣ кожевеннаго дѣла, въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ своей жизни, онъ занимался торговлей рощами и дѣло это сильно шло ему въ руку: капиталъ у него былъ уже довольно значительный. Усчитывали на селѣ, что у него въ сундукъ должно быть свободныхъ денегъ тысячь тридцать ассигнаціями.

Наружность Прокофія Терехина была характеристическая. Это былъ видный собою старикъ средняго роста, широкоплечій и сильный, съ широкимъ, свѣжимъ лицомъ, съ сѣдоватою окла-

достою бородою, съ открытымъ, по серьезнымъ и даже нѣсколько суровымъ изглаголю.

Онъ былъ чрезвычайно трудолюбивъ и всегда дѣломъ занятъ, даже въ праздники не отдыхалъ за бездѣльемъ. Въ словѣ своемъ онъ стоялъ твердо, въ дѣлѣ былъ честенъ, въ отношеніяхъ къ людямъ ирость и правдивъ. Но вообще въ характерѣ его много было суровости. На это были тоже особыя причины. Съ молодыхъ еще лѣтъ своей долгой жизни онъ началъ «обмирать»: послѣ смерти отца и матери, погибли преждевременно и бѣдственно два его брата, молодые ловкіе и преданные ему товарищи въ дѣлѣ; а потомъ стали умирать у него дѣти, которыхъ много было и изъ которыхъ остался одинъ только сынъ. Старикъ горячо любилъ свою семью, и трудно было ему видѣть, какъ годъ-отъ-году эта большая, прекрасная, ладная семья таяла, словно вѣшній снѣгъ. О несчастныхъ утратахъ своихъ онъ имѣлъ одно крѣпкое убѣжденіе: думалъ онъ, что посылаются отъ Бога на него наказанія, не столько за грѣхи его собственные, сколько за грѣхи его отца, который точно былъ человѣкъ права тяжелаго и даже жестокаго, а смолodu много погрѣшилъ. Но кромѣ этого убѣжденія, еще семейныя утраты имѣли на Прокофья Григорьева много вліянія: онъ сталъ несообщителенъ съ людьми посторонними, на все, что не прямо до него касалось, смотрѣлъ какъ-то подозрительно, холодно и безъ участія, а подъ конецъ сдѣлался скупъ, «жаденъ на деньги» — какъ выражались о немъ въ Байдаровѣ. Не смѣнилъ онъ при этомъ честности своей, но тѣмъ не менѣе, казалось, только въ усиленномъ приобрѣтеніи состоянія онъ и находилъ себѣ утѣху. Въ послѣдніе же пять-шесть лѣтъ было замѣтно въ трудовой его дѣятельности что-то напряженное и безпомощное.

Обращеніе старика Терехина съ семейными своими и работниками было резвое, споейное, требовательное, строгое. Для всѣхъ въ дому онъ указывалъ работу и занятія; только женѣ своей Материнѣ, женщинѣ печальной отъ потери дѣтей и набожной, онъ предоставилъ полную свободу въ дѣйствіяхъ. Но съ сыномъ Иваномъ онъ обращался особенно строго.

И странно казалось, почему такъ суровъ былъ старикъ къ Ивану, сыну безотвѣтному и вовсе неспособному выдти изъ воли отцовской, къ человѣку, въ которомъ ни разу не проглянули вредныя свойства или поползновенія къ чему нибудь дурному. Иванъ былъ очень красивый собою молодецъ, лѣтъ уже

подъ-тридцать, темнорусый, голубоглазый, со взглядомъ привѣтливымъ и кроткимъ. Онъ былъ роста высокаго, но жидокъ и слабосиленъ; а во всей физиономіи и осанкѣ его отражалось что-то задумчивое и робкое. Вообще для лѣтъ своихъ онъ былъ уже чрезучуръ молоджавъ: голосъ у него былъ тихъ и нѣженъ, какъ у дѣвушки; движенія — норывисты, неровны и торопливы.

Вотъ за эту-то торопливость строгій отецъ много попрекалъ Ивана.

— Словно ты мальчикъ махонькой! — говаривалъ старикъ Терехинъ сыну: — ну, что ты мечешься, очерта голову? Развѣ такъ надо дѣло дѣлать? Вѣдь надо вомотрѣться, да принятъся не со сполохомъ, сразу не насаживаться, — дѣло-то, смотришь, и пойдетъ. Семь разъ примѣрь, да одинъ отрѣжь, — вотъ оно и крѣпко будетъ. А то, словно въ пожаръ, торопится!... Да и въ пожаръ не надо торопиться....

Впрочемъ Прокофій никогда не избивалъ сына своего ни грубымъ толчкомъ, ни даже бранивымъ словомъ. Онъ любилъ его чрезвычайно, только не былъ нѣженъ съ нимъ: въ нравѣ его не было мягкости.

Разъ онъ жаловался Катеринѣ на пустую торопливость Ивана:

— Хотя что хощь ты, — нѣту съ нимъ толку. Такъ-то, пожалуй, и мало преку выйдеть!

— А ты, Прокофій Григоричъ, не замай его.... Запугаешь больше попреками....

— Да что онъ — махонькой, что ль?... Я ничѣмъ его не обижаю. Ни разу не поучилъ, какъ меня-то, бывало, за все про все отецъ учивалъ. Не любилъ, покойникъ, потачки давать, — чуть что не по немъ....

— Нѣтъ! ужь ты, ради Господа!...

— Да знаю, знаю я! Слышь — николи не трону. Вѣдь ты жь видѣла, — я и допрежь того.... Господь съ нимъ! милъ онъ мнѣ, больно милъ.... только не могу, вотъ, утерпѣть, чтобъ не попрекнуть иной разъ: заторопится, замыкается, да все не впопадъ!... Ты бы, Катерина, поучила его, да поговорила бы, чтобъ онъ хорошенько въ дѣло вглядывался, а пуще всего, не торопился бы.

Когда начинается нашъ разговоръ, Иванъ уже восемь лѣтъ былъ женатъ. Какъ только исполнилось ему двадцать лѣтъ, старикъ женилъ его. Елена, жена Ивана, была славная жем-

нина. У нѣхъ уже было трое сыновей; Иванъ любилъ безъ памяти и дѣтей, и жену. Старикъ Прокофій не нарадовался на внучковъ; особенно любилъ онъ старшаго, который вѣдомъ и правомъ своимъ походилъ на дѣдушку.

О женитьбѣ Ивана надо сказать здѣсь еще нѣсколько словъ.

За полгода передъ этой женитьбой, голова Вороненковъ засылалъ къ Прокофью Терехину вѣрнаго человѣчка передать старику, что, дескать, голова не прочь будетъ породниться съ нимъ, что за дочерью своей Ульяной дастъ онъ хорошее приданое.

— Нѣту! отвѣчалъ наотрѣзъ Прокофій: — что намъ съ нимъ родниться? — неровня мы ему!... Вишь, онъ, словно баринъ, аль какой чиновникъ, даромъ — что бороду понашенски носить. Пускай отдастъ дочку за какого ни-ма-есть приказнаго, а то, можетъ, и кунецъ ее возьметъ... А намъ, что съ нимъ въ родню входить! Мы люди простые, на счетъ мірской не живали и напредки жить не будемъ. Слава тѣ, Господи, есть у насъ достатокъ честно нажитый, съ насъ и довольно. Намъ что надобно? нуженъ намъ въ семью человѣкъ хорошій, хоша бы и небогатый....

Конечно, Тарасъ Семенычъ Вороненковъ не могъ простить такую обиду. Онъ и давно не долюблялъ Прокофья Терехина, а теперь возненавидѣлъ его и всю его семью.

— Эхидная семья эвто, говаривалъ онъ иногда пріятелямъ своимъ: — кому какъ, а ужъ мнѣ она!...

Однако Вороненковъ не рѣшился явно раздорить съ старикомъ Прокофьемъ. Много причинъ останавливало его отъ этого: Терехинъ такъ жилъ на селѣ, что не за что было придратъсѣ къ нему, да и въ міру его уважали. Случалось, нѣкоторые байдарцы, и довольные и недовольные Вороненковымъ, проговаривали о Терехинѣ, что вотъ, молъ, и Прокофій Григорычъ знатный былъ бы начальникъ, хоша и очень крутенецъ правомъ, — и такіа рѣчи не встрѣчали въ міру возраженій. Смутное чувство самосохраненія шептало Вороненкову, что не слѣдуетъ ему затрогивать Терехина, что этотъ человѣкъ можетъ быть ему врагомъ опаснымъ, что борьба съ нимъ была бы крайне трудна, а исходъ ея ненадеженъ.

«Вишь, проклятый!, — думывалъ онъ съ мрачною злобою о старикѣ Прокофѣ: — словно чортъ въ болотѣ поселился — и не выкинешь изъ болота-то!... Ждѣь богатъ, дѣшій, переходящъ

бы въ купцы,—такъ нѣтъ!... Уродится же такой человекъ, ни за что ты съ нимъ не поладишь. Породниться хотѣлъ,—такъ куда тебѣ!... Эту обиду николи не прощу.... То хорошо, по крайности, что онъ на сходы не ходитъ, въ дѣлахъ мірскихъ не суется. А все надоть бы мнѣ сострунить эстаго стараго волка: думается иной разъ, какъ бы онъ подъ меня не подтыскался!...

Но напрасно такъ думалось Тарасу Семенычу. Терехинъ насколько не заботился о ходѣ мірскихъ дѣлъ. Всѣ поборы платилъ онъ бездоимочно и по первому требованію—и ни разу не выразилъ желанія дозпавать—отчего они съ каждымъ годомъ увеличиваются. Разъ только сказалъ онъ сборщикамъ всякихъ мірскихъ податей:

— Опять прибавили на нонѣшній годъ. Экъ вамъ нейдется! Больно лакомы стали,—а пора бы и честь знать...

— Мы-то чѣмъ виноваты, Прокофій Григорьичъ? возразили сборщики.

— Толкуй, толкуй!... Вишь невинные, безпричинные!... то ужъ не овца, что съ волкомъ въ лѣсъ пошла.... Мірофды вы!...

— Что ты!... Бога побойся, Прокофій Григорьичъ! Мы, ей-ей, твои.... Да и кого это величаешь такъ?...

— Кого?... Чтожъ ты думаешь, побоюсь правду сказать?... Главный-то мірофдъ — Тарасъ Семенычъ Вороненковъ, голова нашъ мудреный, да и вы съ нимъ тоже.

— Сказать-то—не штука, а ты доказалъ бы. А то такъ съ-вѣтру....

— Нѣтъ, не съ вѣтру!... Маю ль что я вижу, да молчу? Своего дѣла у меня довольно.... старъ я.... да что тутъ?... Вотъ коли бъ міръ нашъ смыслъ имѣлъ, ладенъ былъ,—пожалуй, я и доказать взялся бы. Ну, да что по-пустому калякать? Берите-ко денежки,—вотъ вамъ Богъ, а вотъ и порогъ.

Разговоръ этотъ дошелъ до головы Вороненкова. Чрезвычайно озлобился онъ на старика Терехина, но опять сдержался.—Наконецъ выпалъ-таки случай, по которому оба эти старики сдѣлались отъявленными врагами.

III.

Дѣло вышло вотъ изъ-за чего.

Былъ у Прокофія Григорьева родной племянникъ, сынъ его единственной сестры, Абрамъ Федотовъ Сусловъ,—малый мого-

дой, неглухой, праву веселаго и добраго, но черезчуръ гульливый, озорной подчасъ, и мастеръ большой позубоскалить, подсмѣяться; за что и слылъ онъ въ Байдаровѣ подъ именемъ «Абрамки-Балахирева.» Малой этотъ жилъ постоянно на сторонѣ, въ кадашникахъ и прыжникахъ, и являлся домой только въ рабочую пору да на Рождество. Во все время святокъ онъ много, бывало, кутилъ и безъ-устали потѣшалъ народъ своими выдумками и шутовскими продѣлками; перебивалъ онъ во многихъ городахъ, видалъ балаганное паясничанье и любилъ самъ представлять передъ народомъ разныя штуки. Отецъ его, человѣкъ смирный и робкій, безпрестанно его останавливалъ, дядя Терехинъ вѣдучую бранилъ за «бездѣлшничество», а раза два и голова Вороненковъ сильно тазалъ его за «озорничество»; но Абрамка все не унимался.

Вотъ какъ-то, тоже о святкахъ, Абрамъ Сусловъ больше обыкновеннаго разкутился.

Надо сказать здѣсь, что Тарасъ Семенычъ, кромѣ официальныхъ сходовъ, не жаловалъ никакихъ сборищъ, особенно же святочныхъ, — сборищъ всегда шумныхъ, а иногда и буйныхъ. Онъ не могъ совсѣмъ запретить ихъ, но при всякомъ случаѣ грозно изъяснялъ свое начальническое неудовольствіе. Поэтому, чтобы не наводить на гнѣвъ голову, гульливый народъ собирався гдѣ нибудь подальше отъ его двора. На тотъ разъ, когда случилось описываемое нами происшествіе, такое сборище было въ избѣ кузнеца Антопа.

Просторная, съ низкимъ потолкомъ, горница была быткомъ-набита народомъ. Нѣсколько сальныхъ огарковъ, оплывшихъ отъ жара, тускло горѣли въ грязныхъ бутылкахъ, вполонину освѣщая закоптѣлыя стѣны и веселыя, разуряенныя лица. Зрители всюду помѣстились — съ печи и съ палатей рядомъ торчали головы. Несмотря на тѣсноту, посрединѣ избы очистили небольшой кружокъ. Здѣсь, прислонясь къ столбушкѣ возлѣ печи, стоялъ молодой, видный собою парень въ александрійской рубашкѣ. Подлѣ него находился «дружко», который громко выкликалъ: «не желаетъ ли кто изъ красныхъ дѣвунекъ, изъ молодыхъ молодунекъ, добраго молодца изъ неволи выкупить?»

Выкупить, разумѣется, былъ поцалуй. Но кто ни подходилъ — всѣмъ отказъ, пока дѣвки, съ громкимъ смѣхомъ, не вытолкали изъ-среди себя дюжую и красивую Параню, сердечную зазубушку Егора, — того парня, что стоялъ у столбушки. За-

краснѣлась Параня, закрыла лицо рукавомъ, подошла, опустивъ глаза, и низехонько поклонилась. Егоръ улынулся, встряхнулъ кудрами, обнялъ дѣвушку, поцаловалъ ее три раза въ обѣ щеки и отошелъ отъ столба. «Выкупивъ» парня, Параня заняла его мѣсто. Такъ игра продолжалась до тѣхъ поръ, пока всѣ другъ съ другомъ перецаловались.

— Ряженые! ряженые!... вдругъ вскричали нѣсколько голо-совъ.

Дверь широко распахнулась и въ нее, вмѣстѣ съ клубами морознаго пара, ввалилась ватага новыхъ гостей, въ самыхъ безобразныхъ, уродливыхъ нарядахъ. Впереди всѣхъ старичишка, съ накладнымъ горбомъ и длинною льняной бороδοю, выкидывалъ ногами какія-то мудренныя колѣнца, а самъ наигрывалъ на гармоникѣ; за нимъ едва двигался неуклюжій медвѣжекъ, котораго съ визгомъ и хохотомъ всѣ толкали, кто рукой, а кто и ногой; дальше выступалъ дѣшій, а тамъ вытягивалъ шею журавль. Наряды ихъ были незатѣйливы, большую роль играли овчинныя тулупы, надѣтые на разный ладъ и навыворотъ. Пришелъ и рыбакъ, усѣлся на полу и съ разными приговорами, да прибаутками, началъ закидывать удочку, ловить «рыбу съ руками и ногами». Дѣвки и бабы, которыхъ старался онъ зацѣпить за платье, вырывались отъ него, бѣгали, визжали.... Крикъ, смѣхъ, возня!... За всѣмъ этимъ гамомъ не слышать уже стало ни гармоники, ни двухъ балалаекъ.

— Смотри-ко-сь, малый, говорилъ парень съ дураковатой рожей, широкимъ носомъ, рыжій, какъ огонь: — вѣдь это Абрамка никакъ журавлемъ-то?

— И, нѣтъ, малый! отвѣчалъ другой. — Журавлемъ Петруха Гладышевъ, а Абрамка врядъ нонѣ придетъ.

— Что такъ?

— А какъ же!... Вечерась, какъ онъ чортомъ приходилъ, Сенька поколотилъ его—ища у Абрамки кровь носомъ пошла. Больно озорновать Сенька!...

— Онъ въ надеждѣ, что сестра его въ работницахъ у Тараса Семеныча.... молвилъ третій.

— Молчи, покажѣсть цѣль! предупредилъ его товарищъ.

Но Абрамка былъ незлопамятенъ, — да и чтѣ ему былъ какой нибудь шинокъ или колотушка, когда дѣло шло о весельѣ? Какъ скоро затѣвали гдѣ игру, ему ужъ не сидѣлось дома. Если онъ сегодня опоздалъ, такъ потому только, что не всѣ еще

сборы его были кончены. Закадычные друзья его, Тереха да Гаранька, нескоро заучили, что надо, а безъ нихъ нельзя было обойтись. Абрамка—Балахиревъ затѣялъ такое представленіе, какого никто сроду не видывалъ въ Байдаровѣ.

Въ то время, какъ всего менѣе о нихъ думали, трое пріятелей явились какъ—тутъ на вечернику. Абрамка—впереди, двое другихъ немного поодаль. Абрамка шелъ степенно и важно, нескоса поглядывая то на ту, то на другую сторону, палочкой изрѣдка въ полъ постукивая и поглаживая льняную, клиномъ остриженную, бороду. У Абрамки углемъ выведены густыя, черныя брови; на немъ синій суконный кафтанъ — ужь Богъ вѣсть откуда досталъ онъ такой,—и выворотные сапоги. Какъ взглянули на него, такъ и покатались со смѣху: живой, какъ есть живой Тарасъ Семенычъ, — и поступь такая же, и взглядъ, даже ростъ, — Абрамка маленько съѣжился, да и лѣвой бровью точно такъ же безпрестанно подергиваетъ. А какъ заговорилъ Абрамка—хохотня удвоилась.

Посерединѣ избы товарищи Абрамки засуетились около него и стали очищать ему дорогу.

— Посторонитесь, посторонитесь!... говорили они.—Аль не видите? Самъ Тарасъ Семенычъ идетъ!...

И толпа со смѣхомъ раздвигалась, ожидая, что начнется что нибудь занятное. Она не ошиблась.

Тарасъ Семенычъ выдвинулся впередъ, оперся на палочку, понасушилъ брови и протяжно крикнулъ. Съ низкими поклонами подошелъ къ нему Тереха, одѣтый въ какіе-то шутовскія лохмотья и весь испачканный сажею.

— Батюшка, Тарасъ Семенычъ!... заговорилъ жалобнымъ голосомъ Тереха:—позволь срубить въ лѣсу хворостинку, утромъ выгонять скотинку.

Тарасъ Семенычъ затопалъ ногами и застучалъ крѣпко палкою.

— Ахъ ты, разбойникъ! такой-сякой!... По твою ли харю лѣсъ растеть и казна его стережетъ?... Слыхано ли, видано ли—въ лѣсъ тебѣ ходить, да въ лѣсу—то хворостины рубить?... Да я эту хворостину обломаю о твою же спину!

— Батюшка, Тарасъ Семенычъ! положи гнѣвъ на милость! Выслушай ты наше глупое слово, а у насъ про тебя угощенье готово.

Тутъ Тереха подаль какой-то кулекъ. Тарасъ Семенычъ, съ разными ужимками, заглянулъ сначала въ кулекъ, потомъ взялъ его и привѣсилъ въ рукѣ.

— Ладно! говорить онъ, ударивъ мужика по плечу. — На гостиницѣ спасибо, — бери, что тебѣ любо.... Да ты не токма хворостинку, стани хоть осыжку. Только гляди — осырайся, на глаза не попадайся.

Тарасъ Семенычъ опять застучалъ палкою.

— Позовите, говорить, сына моего Макара Тарасыча.

Подбѣжалъ Гаранька, представлявшій сына.

— А гаѣ жъ ты, Макарушка-болванушка, пропадалъ? Аль во кабакѣ на мои денежки гулялъ?... Смотри ты, Макаръ, я тѣ какъ-разъ вспорку задамъ!... Ахъ, сынъ ты мой любезный! не будь разиней-вѣвакой, а будь такой же, какъ я, собакой... Вотъ, смотри-ко-сь, ни изъ кожи я, ни изъ рожи, а хожу-то теперь не въ рогожѣ. Смолodu я въ поле скотинку гонялъ, а схитрилъ-помудрилъ, такъ и въ головы попалъ! Ну, помни же крѣпко мое наставленіе, а вотъ тебѣ родительское благословеніе!...

И вслѣдъ за этими словами Абрамка, къ пущей потѣхѣ зрителей, началъ преусердно тузить терпѣливо игравшаго роль свою Гараньку.

— Ахъ ты!... животикъ надорвешь!... вишь, лѣшій его какъ разбираетъ!... говорили въ толпѣ.

— Настоящій, какъ есть, Тарасъ Семенычъ!... И ругается, словно онъ же!...

Одинъ только пожилой, пасмурный мужикъ, казалось, былъ недоволенъ представленіемъ: онъ все покачивалъ головою и частенько проговаривалъ: «неладно! неладно!»

— Эхъ, малый! молвилъ онъ громко, обратившись къ Абрамкѣ: — шутъ ты настоящій, что и говорить, — а не похвалилъ бы тебя Прокофій Григорьичъ, кабы увидалъ за такими дѣлами.

Абрамка оглянулся. Имя дяди, какъ упрекъ совѣсти, кольнуло его, и на минуту онъ было смутился. Но, тряхнувъ забубенной головою, онъ опять вошелъ въ роль и продолжалъ представление, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Что и смотрѣть-то! сказалъ пожилой мужикъ, увидавъ, что его увѣщаніе пропало даромъ. — Бѣсѣтъ только на потѣшеть!... Тѣфу!...

И онъ пошелъ изъ избы.

— А и то.... замѣтилъ другой мужикъ:—дядя Кузьма дѣло говорить. Пустыя это потѣхи. Узнаетъ Тарасъ Семенычъ,—вѣдь какъ достанется!...

— Что жь, дядя Аксентъ? спросилъ дурковатый, рыжій парень, разинувъ огромный ротъ.—Небось, осерчаетъ?...

Не успѣлъ дядя Аксентъ отвѣтить, какъ вдругъ Абрамка, въ жару своей потѣхи, задѣлъ рыжаго парня совсѣмъ печально, но очень больно; рыжій далъ ему сдачи, а Абрамка изъ всей мочи подоснулъ его по головѣ. Рыжій взвизгнулъ и бросился вонъ изъ избы опростелю. На улицѣ онъ догналъ мужика, порицавшаго представленіе.

— Куда такъ бѣжишь? спросилъ мужикъ.

— Домой.... отвѣчалъ нетвердо рыжій.

— А что жь не смотрѣлъ?

— Абрамка побилъ.

Мужикъ покачалъ головою.

— Знамо, все дурости, такъ дурость и выходить,—произнесъ онъ наставительно.

А между тѣмъ въ избѣ Антона на минуту прерванное представленіе пошло опять своимъ порядкомъ.

Доложили Тарасу Семенычу, что пріѣхали чиновники изъ уѣзднаго города.... Но не станемъ передавать въ подробности, какъ Тарасъ Семенычъ принималъ гостей *дорожнѣ*, какъ угощалъ ихъ всякимъ угощеніемъ, какъ устраивалъ съ ними разныя сдѣлки, и какъ наконецъ, подъ видомъ смиренія и покорности, надулъ самихъ же чиновниковъ: образчикъ грубаго юмора, можетъ быть, уже утомилъ нашихъ читателей.

Въ отрывистыхъ, несвязныхъ, но яркихъ картинахъ Абрамка перебралъ всю жизнь семейную, всю сельскую дѣятельность Тараса Семеныча. Зрители хохотали до-упаду. Въ этой веселости народной сказалась затаенная, общая нелюбовь къ головѣ Вороневкову. А Абрамка, замѣтивъ, что зрителей сильно потѣшаетъ его представленіе, такъ и лѣзъ изъ кожи.

Но Абрамка наконецъ усталъ и хотѣлъ уже кончить представленіе, но кончить соответственно принятой имъ на себя роли. Вотъ онъ низко-низко поклонился всему собранію и загаворилъ протяжно.

— Господа мои честные, пріятели дорогіе! захотѣлось ужъ мнѣ на покой, такъ, пойду я къ себѣ домой. А я вамъ очень благодаренъ: живу, поживаю, что твой баринъ! и ужъ больно-

больно сытъ, и карманекъ, — слава тѣ Господи! — во какъ набить....

Только-что вымолвилъ онъ слова эти, кто-то схватилъ его за плечо, давая знакъ замолчать; Абрамка, по невольному движению, остановился и оглянулся; — а между тѣмъ въ избѣ настала мертвая тишина.... Вдругъ, къ ужасу своему, онъ увидалъ настоящаго Тараса Семеныча, увидалъ его лукавое лицо, его безпрестанно движущуюся бородку, его круглые, быстрые и злые глаза, густыя, дугообразныя брови, сѣдую, угловатую голову, съ низко-подрѣзанными на лбу волосами.

— А чтожь сталь?... промолвилъ глухо, какъ будто сквозь сжатые зубы, Вороненковъ, старавшійся казаться спокойнымъ, между тѣмъ какъ глаза его такъ и горѣли. — Ну-тка, опять!... А съизнова бы, Абрамъ Федотычъ!... Да повесели же честной народъ.... Ты вѣдь, какъ-есть, настоящий Балахиревъ!...

Но Абрамка, дрожа весь отъ страха, уже сорвалъ накладную бороду, палочку бросилъ и стаскивалъ съ себя черныя кафтанъ. Нѣкоторые изъ зрителей какъ разъ замѣтили смущеніе и испугъ Абрамки; несмотря на присутствіе разгнѣваннаго головы, это начинало уже ихъ забавлять и они стали-было посмѣиваться полегоньку.

— Вишь, попался-таки!... смотри-ко-ся!... Абрамка-те... говорили въ толпѣ шопотомъ.

— Спасибо, Абрамъ Федотычъ!.. продолжалъ Вороненковъ, гнѣвъ котораго начинать пробираться наружу. — Спасибо!... Вотъ какъ при народѣ меня цыганишь!... Вишь ты: благо смѣются свиньи эвти разныя, — такъ ты, безстыжіе глаза... Чтожь эвто, послѣдніе дни, что ль, пришли?... Да вотъ я, братецъ ты мой, отучу тебя отъ эстакаго наругательства!... А вы-то, твари поскудныя!... ахъ вы!... По домамъ, сволочъ эдакая!... вотъ я васъ!...

И весь народъ въ одно мгновеніе исчезъ изъ избы, даже самъ хозяинъ, Антонъ кузнецъ, убѣжалъ. Голова съ старшиною, писаремъ и двумя десятскими да Абрамка одни остались на мѣстѣ.

Абрамка окончательно струсилъ. Онъ сталъ на колѣни и взмолился самымъ жалобнымъ голосомъ:

— Батюшка, Тарасъ Семенычъ!... простите!... Вотъ же ей-ей!... на семь мѣстъ провалиться!... напередки — николи не буду!... Другу и недругу....

— А, знаю, что напредки не будешь, возразилъ злобно голова: — я ужъ тово.... отучу отъ озорничества, дай срокъ, со всѣмъ-таки раздѣляюсь!... Что ты Прощѣ Терѣхину племянникъ приходишься, такъ и обнадежился эвтимъ-то! Да нѣтъ, собака! я, вѣдь, ни на кого не посмотрю.... Вишь, родъ вашъ ехидный!...

Затѣмъ онъ подозвалъ десятскихъ.

— Возьмите-ка его, разбойника, сказалъ онъ имъ: — да посадите въ тѣмную! Чорствого хлѣба ему по ломтю утромъ и вечеромъ, да водицы.... Я-те протрезвлю! Я, братъ, съ тобой справлюсь!... Воля-то у меня надъ вами не отнята!...

Подхватили десятскіе раба Божія Абрамку Суслова, скрутили ему руки назадъ такъ, что чуть костей не передомали, угостили его тутъ же добрыми пинками и трезухами да потомъ и втолкнули въ арестантскую при конторѣ, — темную, холодную, сырую и мрачную комнату. Три дня, три ночи прогостилъ въ арестантской бѣдный «Балакиревъ», и только на четвертые сутки былъ выпущенъ самимъ годовою, который при этомъ вдоволь понатѣшился своимъ значеніемъ.... Абрамъ Сусловъ былъ не дѣтъ храбраго десятка, угрозы Тараса Семеныча навели на него великій страхъ. Да и какъ было не струсить ему? Никто за него не заступился, даже самые близкіе родные.

Отецъ Абрама, узнавъ про арестъ его за такіа проказы, не рѣшился самъ идти къ годовѣ просить о сынѣ, а кинулся къ старику Терѣхину. Но Прокофій Григорьевъ и слышать не хотѣлъ о заступничествѣ за Абрама, да и отцу его наказалъ строго-на-строго — не ходить къ годовѣ просить прощенія, ни въ контору спровѣдывать сына.

— Нѣту, Федотъ, говорилъ онъ старику: — не мочи и думать ходить: вѣдь Абрамка-то взаправду больно виноватъ; вишь, вздумалъ зубы скалить надъ мірскимъ дѣломъ!... Какой тутъ смѣхъ!... А пускай хорошенько дроберуть его голодъ да холодъ; небось, не развалится, а можетъ, и поунибѣтъ напредки. Тебѣ, братъ Федотъ, надо бы построже, а то малый-то непутевый выходитъ: испиваетъ частенько, дѣломъ неладно займется: ну, много ль отъ него пользы для дому?... шутюмъ на міру сталъ, а ужъ это послѣднее дѣло.... А къ годовѣ зачѣмъ ходить! какой тамъ милости просить у него?... Не дастъ онъ разума Абрашкѣ да и не уморить его въ темной; на это воли у него нѣтъ: подержить-подержить да самъ и выпустить....

Съ годъ прошло послѣ этого происшествія, а къ концу того года пришлось рекрутскій наборъ. И вспомнилъ тогда, въ самую пору, Тарасъ Семенычъ о дерзновенномъ зубоскальствѣ Абрамки Суслова, а особенно о томъ, что, при такой большой вѣпѣ, никто изъ родныхъ виноватаго,—не только дядя Терехинъ, ни даже Федотъ Сусловъ, «не шокорились», не пришли просить милости и прошенія.

Когда пришло время везти рекрутъ, голова Вороненковъ ловко распорядился. Разъ, поздно вечеромъ, собралъ онъ сходъ изъ самыхъ преданныхъ ему людей и составилъ приговоръ на отдачу въ военную службу, за порочное поведеніе, Абрама Федотова Суслова. Затѣмъ, въ ту же ночь, онъ приказалъ переловить на селѣ очередныхъ молодыхъ парней, передъ самымъ выѣздомъ лично захватилъ и Абрама—и тотчасъ же отпавился въ губернскій городъ.

Ошеломленный Федотъ Сусловъ, у котораго Абрамъ былъ единственный сынъ, прямо кинулся въ домъ Терехиныхъ, разбудилъ старика Прокофья и съ громкими рыданіями повалился ему въ ноги.

— Прокофій Григорьичъ!—говорилъ несчастный Федотъ:—спаси!... заступися!... Господи!... Абрамку въ некрута повезли!...

— Какъ!... когда?... вскричалъ изумленный Прокофій.

— Ночью.... вотъ теперича взяли,—увезли ужъ!... Самъ голова поѣхалъ... Чтò дѣлать... Господи!.. что дѣлать-то мнѣ?...

Между тѣмъ въ домѣ всѣ проснулись, кромѣ малыхъ дѣтей. Въ горницу, гдѣ Прокофій говорилъ съ Сусловымъ, прибѣжали Иванъ Терехинъ, жена его Алена и мать. Женщины, глядя на бѣднаго Федота, горько плакали, а Иванъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ: его поразило это, первое на его глазахъ, семейное горе.

— Ну, ну!... молвилъ старикъ Прокофій обращаясь къ семейнымъ своимъ. — Испужались какъ!... головы потеряли!... Богъ не безъ милости!... А Иванъ-то... эхъ, прости Господи!...

И, не говоря больше ни слова, старикъ надѣлъ полушубокъ, кинулся на дворъ и самъ проворно запрягъ лучшую лошадь.

Потомъ вбѣжалъ въ избу, взялъ шапку и накинулъ тулупъ на плечи.

— Поѣдемъ.... сказалъ онъ отрывисто Федоту.

Въ эту минуту Иванъ, тоже совсѣмъ одѣтый по дорожному, подошелъ къ отцу.

— Батюшка!... пролетѣлъ онъ, задыхаясь отъ волненія:— меня возьми съ собою....

— Нѣту!... отвѣчалъ старикъ..

Иванъ въ какомъ-то отчаяніи опустилъ голову.

— Прокофій Григорычъ, молвила Катерина: — онъ не помѣха тебѣ.... возьми и его....

Старикъ съ минуту подумалъ.

— Ну!... тихо вымолвилъ онъ и махнулъ рукой сыну, чтобы тотъ за нимъ слѣдовалъ.

И всѣ трое тотчасъ же отправились.

Прокофій самъ сталъ править и погналъ изъ всей мочи свою свланую лошадь; верстахъ въ пяти отъ Байдарова настигли они пѣлый поѣздъ. Впереди, на тройкѣ, въ плотно-укрытой повозкѣ, ѣхалъ тихою рысцою Тарасъ Семенычъ съ волостнымъ писаремъ; за нимъ тянулись десять подводъ съ рекрутами и съ караульщиками при нихъ. Всѣ почти рекруты были скованы по ногамъ; большая часть изъ нихъ, какъ истые байдаровцы, народъ бывалый, привыкшій смолоду къ перемѣнамъ въ жизни, сидѣли въ саняхъ равнодушно, какъ ни въ чемъ не бывало; а четверо, успѣвшие, передъ самымъ отправленіемъ въ путь, хлѣбнуть порядкомъ вина, пѣли во все горло какія-то пѣсни. Но нѣсколько человѣкъ, а въ томъ числѣ и Абрамъ Сусловъ, лежали ничкомъ въ саняхъ.

— Стой, ребята!... громко крикнулъ поѣзду старикъ Теренинъ.

Весь поѣздъ остановился. Пробужденный внезапной остановкою отъ пріятной дремоты, Тарасъ Семенычъ выглянулъ изъ повозки.

— Что тамъ? спросилъ онъ.

Прокофій, приказавъ сыну держать лошадь, подошелъ съ Федотомъ Сусловымъ къ повозкѣ Вороненкова. За нѣсколько шаговъ до повозки онъ раза два повторилъ Федоту: «ты погоди... я стану... поговорю...» Сильно клябло у старика на сердцѣ.

— Тарасъ Семенычъ!... сказалъ онъ Вороненкову. — Ты зачѣмъ это взялъ?... зачѣмъ везешь вотъ и его сына?...

— А тебѣ что за дѣло? отвѣчалъ голова.

— Какъ, что за дѣло? продолжалъ Прокофій: — онъ родной племянникъ мнѣ!... Онъ — одинъ сынъ у отца!... Развѣ ты по закону везешь его теперича?...

— Ахъ ты, старый смутникъ, закричалъ грозно Вороненковъ: — да какъ ты посмѣлъ остановить меня?... Кимъ смѣлто?... Я дѣло вотъ исполняю, а ты, словно разбойникъ, останавливаешь середь дороги!... Да я тебя!...

— Ты на меня не кричи! возразилъ Терехинъ. — Пустыми-то рѣчами не запугаешь меня, — я тебѣ не кто другой. Дѣломъ ты сказывай: зачѣмъ взялъ Абрамку?...

— Вотъ такъ, я и скажу тебѣ!.. какъ бы не такъ!.. Отколь это указъ ты мнѣ привезъ?.. Ахъ тебя въ начальники наде-миной поставили, что посмѣлъ такъ-то допрашивать?...

— Нѣту, я не начальникъ тебѣ.... Богъ съ тобой, ты начальствуй.... Да вѣдь всякой, кажись, можетъ и долженъ спрашивать: за что и куда его сына берутъ.... по закону, ахъ не по закону?...

— Ахъ ты, разбойникъ!... Прислушай, ребята: вотъ онъ какой, есть озорникъ!... Ну, братецъ ты мой! справлюсь я и съ тобою теперича!... Отъ начальства отвѣта сталъ требовать!... Дай срокъ!... Много ужъ я терпѣлъ отъ тебя, старого чорта!...

— Не смѣй ты называть такъ меня! перерезалъ гнѣвный Прокофій: — не смѣй, воръ, міроѣдъ, приказный прихвостень!... Я не старый чортъ, а человѣкъ старый — ликъ Божій на мнѣ есть!... Не смѣй!... А теперича я тебѣ дѣломъ сказываю: отпусти сейчасъ Абрамку!...

— Батюшка! Тарасъ Семенычъ! отецъ родной! завопилъ Федотъ Сусловъ, бросаясь на колѣни передъ повозкой. — Не погуби до конца!... Одинъ сынъ и есть у меня! Что хошь со мной дѣлай!... У Абрамки ребяткишки махонькіе!... Батюшка!... спидуйся!...

Но Вороненковъ и слушать не хотѣлъ жалостныхъ рѣчей старика Суслова. Воспользовавшись тѣмъ, что Прокофій Терехинъ замолчалъ, онъ предался неистовой ярости и заругался во всю мочь. Когда наконецъ изсякъ потокъ его мерзкихъ словъ, Терехинъ сказалъ ему:

— Слушай же ты, песь-міроѣдъ!... Отселева — недругъ ты мнѣ заклятой и я тебѣ недругъ!... Вотъ сначала людской судъ насъ рассудитъ, а тамъ — вѣдь недолго намъ ждать — придетъ

и судъ Божій!... Думалъ я, грѣшникъ.... суди жь меня Господь.... не хотѣлъ все я взяться за мірскую правду, а теперича, — вотъ тебѣ Христосъ!... возьмуся!...

— Вишь, чѣмъ угрозилъ! злобно сказалъ Вороненковъ. — Я, братъ, не-токмѣ-что... и до твоего сынка, пожалуй, доберуся!... Воля-то есть у меня!... А тебѣ, смутнику, старому дураку, найду мѣсто, — дай срокъ!... Трогай, ребята!

И поѣздъ тронулся полегоньку.

— Не попустить тебя Богъ долго злыя дѣла дѣлать! тихо промолвилъ старикъ Терѣхинъ, глядя вслѣдъ удалявшимся подводамъ. — Господи! грѣшилъ я, видѣлъ все и не хотѣлъ... Господи! пришелъ часъ воли Твоей!

Потомъ отдалъ онъ свою лошадь Оедоту Суслову, чтобы тотъ ѣхалъ въ городъ и просилъ бы чиновниковъ о помилованіи сына.

— Можетъ, и сжалятся... сказалъ онъ съ горькой усмѣшкою.

Несчастный Сусловъ тотчасъ же отправился, а Терѣхины пошли домой.

Понуривъ голову, Прокофій шелъ то тихо, то скоро. Изрѣдка глубокій вздохъ, словно подавляемый стонъ, вылеталъ изъ его широкой груди. Рядомъ съ нимъ шелъ сынъ его, безпрестанно спотыкаясь отъ мѣсившагося подъ ногами снѣга и не отводя глазъ отъ поникшей головы отца. Въ этой старой головѣ кипѣли тогда печальныя мысли. Видѣлъ Ивапъ, что отецъ его трудную думу думаетъ, никогда прежде не замѣчалъ онъ въ немъ такого разстройства, такой печали — и замирало сердце у молодого парня. Раза два прошепталъ Прокофій какія-то короткія слова, но сынъ не могъ разобрать ихъ.

Глухая ночь стояла еще надъ окрестностью. Темныя облака висѣли сплошной массою на небѣ. Порывистый вѣтеръ, запылавъ иной разъ пискливую пѣсню, подгонялъ нашихъ путниковъ. Легкая метелица вздымала въ полѣ рыхлый снѣгъ и гнала его по сторонамъ проселочной дороги.

Скоро Терѣхины стали подходить къ Байдарову, уже глухо доносился до нихъ крикъ пѣтуховъ на селѣ. Кое-гдѣ прорѣдѣла наконецъ темь ночная, а въ самомъ верху неба тускло проглянули звѣзды — и вѣтеръ сталъ утихать. Еще съ четверть версты прошли Терѣхины и, въ видѣ темной полосы на краю горизонта, показалось передъ ними родное селеніе. Видно было, что Байдарово стало уже просыпаться; въ иныхъ мѣстахъ под-

нимались надъ нимъ столбы изкрасна-голубоватаго дыма, а въ одной изъ церквей раздавался рѣдкій благовѣстъ къ заутрени.

Старикъ Терехинъ остановился и снялъ шапку. Нѣсколько мгновеній простоялъ онъ неподвижно, съ опущенной низко головою.

— Мой это грѣхъ!... мой грѣхъ великій!... произнесъ онъ наконецъ вполголоса, прижимая крѣпко къ груди правую руку.

Слова эти заставили вздрогнуть Ивана, но еще больше смутился онъ духомъ, когда увидалъ, что отецъ его, никогда при немъ не плакавшій,тираетъ слезы.

— Батюшка! осмѣлился промолвить Иванъ:—а батюшка!... можетъ, и не отдадутъ его...

— Не о томъ... оставь... отвѣчалъ тихо старикъ. Потомъ онъ набожно перекрестился три раза и сказалъ, какъ бы про себя: — авось... и мнѣ, грѣшнику, Господь, поможетъ!...

V.

Когда Прокофій возвратился домой, Катерина, увидавъ только его да сына, залилась горькими слезами, а жена Абрама Суслова, тутъ же бывшая съ дѣтьми своими, заголосила, какъ о покойникѣ. Имъ вторила, плача на-взрыдъ, жена Ивана Терехина; дѣти Абрамкины и Ивановы, глядя на старшихъ, тоже плакали. Этотъ взрывъ общей горести произвелъ страшное впечатлѣнiе на душу старика, сильно потрясенную не столько гнѣвомъ противъ Вороненкова и жадостью къ участи племянника, сколько одною тяжкою думою, которая подавляла всѣ его мысли и чувства. Прокофій не могъ удержаться и тоже заплакалъ, какъ никогда въ жизнь не плакалъ. На нѣсколько минутъ тоска одолѣла его — онъ не находилъ себѣ мѣста: то вставалъ съ лавки и ходилъ по горницѣ, то садился опять, то подходилъ къ Катеринѣ или къ женѣ Абрама и какъ бы хотѣлъ сказать имъ что-то, то становился насупротивъ образовъ, словно собирался молиться. А сынъ его сидѣлъ, прислонясь къ стѣнѣ, и не плакалъ, но его била лихорадка, и по тревожному взору его, безсознательно слѣдившему за движенiями отца, по его блѣдному лицу, на которомъ чрезвычайно рѣзко выражался глубокий ужасъ, можно было замѣтить, что душа его чуть ли не больше всѣхъ потрясена.

Наконецъ старикъ Терехинъ какъ бы опомнился и возобладалъ надъ движеніями души своей. Онъ нѣсколько разъ поклонился въ землю передъ образами, шепча молитвенныя слова; за нимъ помолился и всѣ. Переставъ молиться, Прокофій сказалъ женѣ своей:

— Воля Божья, Катерина!... Попускаетъ Онъ злодѣю, — знать, наказатъ насъ хочетъ, вѣру нашу испытать....

Катерина перекрестилась.

— Гдѣ жъ Ѳеодотъ-то? спросила она.

— Въ городъ поѣхалъ.... я лошадь далъ... Нельзя же — проводить сына.

— Можетъ, упросить судей праведныхъ... молвила робко Катерина.

— Нѣту, отвѣчалъ Прокофій: — нечего тутъ надѣяться, — голова настоитъ на своемъ. Не минуетъ Абрамка солдатства.

Жена Абрамкина опять заголосила.

— Ну, перестань же! строго прикрикнулъ на нее старикъ: — вѣдь слезами тутъ не поможешь. Молися Богу лучше! Есть у васъ родные, — вотъ хоть бы мы, — не покинемъ же васъ всѣхъ.

Но жена Абрамова не переставала рыдать и причитать. Наконецъ Прокофій велѣлъ Ивану и работнику отвести ее домой, а Катеринѣ сказалъ, чтобы она шла съ ними же да присмотрѣла за бѣдной женщиной.

Когда ушли они, онъ сталъ собираться ѣхать въ рошу. Въ это время онъ такъ уже владѣлъ собою, что на лицѣ его не осталось никакихъ слѣдовъ недавней тревожной печали, только взглядъ его темносѣрыхъ глазъ сталъ тусклымъ и суровѣе обыкновеннаго.

Однако же не удалось Прокофью тотчасъ выѣхать изъ дому. Лишь только взялся онъ за шапку, какъ въ горницу къ нему стали набираться сосѣди, уже провѣдавшіе о ночной поѣздкѣ Терехиныхъ и Суслова въ погонь за головою. Сосѣдскія бабы стали перешептываться съ Аленой, а мужики обратились къ Прокофью.

— Да что такое приключилось? спрашивали они. — За что жъ это повезли въ некрутѣ Абрама Суслова?

— А спросили бѣ вы у стараго бѣса — прости Господи — у Тараса Воронепкова! отвѣчалъ гнѣвно старикъ.

— Гдѣ жъ его спрашивать теперича? возразилъ Антипъ Ишутинъ, мужикъ простой и болтливый: — вишь, голова-то

уѣхалъ; чай, дня четыре, аль и больше, проѣздить. Ты-то, Прокофій Григорычъ, долженъ знать; слышно, ты догонялъ его.

— Да, догонялъ и догналъ, да и сказалъ ему, что онъ воръ, міроѣдъ, старой песь эдакой!...

— Какъ-таки! вскрикнули двое изъ сосѣдей, а на лицахъ прочихъ выразилось величайшее изумленіе.

— Да такъ! возразилъ Терехинъ. — А что жь?... Не побоюсь я сказать правду!... Вишь, онъ, злодѣй, коли захочетъ,— надъ всякимъ измывается! Вѣдь Абрамка-то Сусловъ одинъ сынъ у отца!...

— Слышалъ я, братцы, сказалъ Ишутинъ: — что вчера ночью голова приговоръ сдѣлалъ, чтобы, то есть, отдать Абрама за порочность.... Эхъ! отца-то больно жалъ!...

— Приговоръ сдѣлалъ! молвилъ съ презрѣніемъ Прокофій. — Ну, да знамо дѣло, этотъ приказный прихвостень все на приказную статью обдѣлалъ!... Да что, — развѣ по одной некрутчинѣ неправда? развѣ это одно? Вотъ хоть бы поборы, оброки какіе!... А отъ него все это!...

— Оно, знамо, тяжелѣй стало супротивъ прежняго-то, заговорили нѣкоторые.

— Да вы поглядите-ко только, продолжалъ Прокофій, — вѣдь онъ и не скрывается: какой домина поставилъ! какую фабрику завелъ!... А чѣмъ такимъ торговалъ—расторговался? На чьи все это денежки?... На мірскія, братцы, на наши кровныя! А, чай, помните вы, какъ онѣ достаются? Сколько верстъ исходятъ наши ребята, чтобы только работу найти.... не одинъ денекъ гнутъ они спину за работой-то... А въ чью добычу потовая работа достается? Тарасу Семенычу Вороненкову она дома строитъ, фабрики заводитъ! Тараса Семеныча она въ лисьи шубы рядитъ, сытной ѣдою, сладкимъ питьемъ угощаетъ, барниномъ нашимъ дѣлаетъ!... Эхъ, за свои же денежки какое лихо мы себѣ купили!... Вотъ теперича мы и вольные стали!... Да развѣ это свобода?...

— Воля Божья! промолвилъ старикъ Ефимъ Моргунцовъ, а прочіе тяжело вздохнули.

— Нѣту, братцы! возразилъ Терехинъ: — не Божья воля,— это наша воля глупая!... Словно мы робятишки махонькіе!... Учесть его не умѣемъ!

Сказавъ эти слова, Прокофій сталъ поглядывать на собесѣдниковъ своихъ пытливо и съ видимымъ безпокойствомъ. На ли-

цахъ ихъ всѣхъ тоже выразилась тревога. Съ минуту всѣ молчали; наконецъ Алексѣй Дѣминъ, чловѣкъ вправу безпокойнаго и сварливаго, сказалъ Терехину:

— Да ты, Прокофій Григорьичъ, что жъ прежде его не учти-
ывалъ?... Бывало, и на сходы николи не придешь.... А тепе-
рича вотъ подбиваешь!...

— Грѣшенъ я, печально отвѣчалъ смущенный старикъ: —
грѣшенъ передъ Господомъ Богомъ, передъ добрыми людьми,
передъ всѣмъ міромъ православнымъ!... И слезно каюсь!... Ду-
малъ я, что мнѣ одному не подобаетъ вести дѣло мірское.... Да
чего... больше я грѣшенъ: думалъ я, какъ бы только поспокой-
нѣй прожить....

— Вишь ты когда образумился! молвилъ Дѣминъ съ укор-
изною. — Вотъ, какъ куснулъ онъ тебя самого, ты эвто и
сталъ заговаривать про мірское дѣло.

— И то правда, отзывались нѣкоторые.

— И я скажу: правда! отвѣчалъ Прокофій. — Упрекайте
меня, братцы, по-дѣломъ мнѣ! Вотъ за то, что я позабыть хо-
тѣлъ про мірскую обиду, и меня задѣлъ злодѣй мірской. Только
твердо вамъ говорю: я-то опомнися, въ разумъ пришелъ! Не
позабудьте же рѣчей моихъ: за мірское дѣло надо стоять друж-
но, такъ Богъ велитъ! Надо стоять, живота не жалѣючи!... И
какъ вы тамъ хотите, а я за міръ потягаюсь съ Тарасомъ Воро-
нцовымъ. Дѣло порѣшеное, и я на все готовъ!...

— А никакъ ужъ напрасно, Прокофій Григорьичъ!... ска-
залъ опять Дѣминъ какъ-то насмѣшливо.

Опустивъ голову, прочіе собесѣдники молча и задумчиво
смотрѣли въ землю. Старикъ поглядѣлъ на всѣхъ, покачалъ
слегка головою и тихо промолвилъ:

— Что жъ, братцы! не замай,—вы въ сторонѣ, я и одинъ —
помоги Господи — дѣло начну....

Въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ Иванъ Терехинъ.
Увидавъ его, Прокофій вдругъ замолчалъ, провелъ рукой по
лбу и сказалъ сосѣдямъ:

— Прощайте покуда, а мнѣ вотъ надо съѣздить въ рошу.

— Такъ какъ же ты съ головою-то? спросилъ Антипъ
Ишутинъ.

— Ну, что тутъ еще калякать! возразилъ сурово Про-
кофій: — мнѣ вотъ ѣхать пора.

Минуты съ двѣ сосѣди побыли еще тутъ, а потомъ молча стали расходиться одинъ за другимъ.

Старикъ Терехинъ наскоро собрался въ недалеую дорогу. Передъ тѣмъ, какъ садиться въ сани, онъ отвелъ сына въ сторону и сказалъ ему:

— Ты, малый, смотри у меня, — ничего не болтай, не въ свое дѣло не суйся.

— О чемъ это, батюшка? спросилъ Иванъ.

— А объ Абрашкѣ. Помни: дѣло твое тутъ, какъ есть, сторона. Станутъ тебя спрашивать, коротенько отвѣчай; повезли, молъ, въ солдаты — да и только. А про что говорилъ я съ головою, ничего не могли сказать. Ты тутъ не суйся, говорю.

— А если.... началъ-было Иванъ.

— Ну, что тамъ! перерывъ сердито старикъ. — Наказалъ я тебѣ — и держи крѣпко, что наказано. Теперича еще слушай: коли что я начну, ты ни во что не входи, не говори ни съ кѣмъ да и мнѣ не рассказывай, что услышишь, никакихъ рѣчей не переноси. Было бъ тебѣ напередъ сказано.... Знаешь ты меня, аль нѣтъ?... Что я задумалъ — и одинъ сдѣлаю, а ты мнѣ въ помощь не годишься; пожалуй, помѣхою только будешь.

При послѣднихъ словахъ Иванъ видимо опечалился.

— Сокрушаться не о чемъ, молвилъ старикъ тихо и ласково; — я вѣдь потому такъ говорю, что ты еще въ силу не вошелъ, никакихъ дѣлъ не знаешь; знамо, изъ моей руки все смотрѣлъ, да и нравъ-то у тебя невыносимый для труднаго дѣла....

Старикъ посмотрѣлъ еще нѣсколько на сына, потрянулъ потомъ головою, какъ бы въ подтвержденіе мысли своей о неспособности его участвовать въ трудномъ предпріятіи, и наконецъ, посадивъ къ себѣ въ сани любимаго своего внука Гришу, отправился въ рошу.

Всю дорогу дума его вертѣлась или на томъ, что надо непременно и какъ можно скорѣе начать дѣло обо всѣхъ неправдахъ Вороненкова, или на томъ, что всячески не должно допустить Ивана до какого-нибудь участія въ дѣлѣ.

«Гдѣ же ему? силы нѣтъ такой!...» разсуждалъ онъ о сынѣ своемъ. «Бѣды только наживетъ даромъ. Мнѣ ужъ немного вѣку осталось, — передъ концомъ послужу міру вѣрою и правдою, а Ивану что накликать на себя злобу Вороненкова?»

Между тѣмъ какъ занимали его такія мысли, онъ уже не правилъ лошадей, и она брела черезчуръ медленно и неровной поступью.

— Дѣдушка! а дѣдушка! сказалъ Гриша, заглядывая въ глаза дѣду. — Дай-ко мнѣ возжи-то.

— А на что тебѣ? спросилъ старикъ, словно очнувшись.

— Да ты не правишь, думаешь все.... отвѣчалъ мальчикъ, улыбаясь.

— Вишь ты! молвилъ Прокофій, тоже улыбнувшись. — Вотъ такъ ты и замѣтилъ, что я все думаю?

— А какъ же! возразилъ ребенокъ: — я вѣдь вижу, что думаешь, больно-много думаешь....

Старикъ отдалъ ему возжи, ласково посмотрѣлъ на него и подумалъ: «будетъ прокъ въ дѣломъ!... Эхъ, кабы Ванюша такой былъ!... А то скоро умру, кто жъ тогда за мѣръ-то постоитъ?» И съ новой печалью старикъ опустилъ голову.

Прокофій пробылъ до вечера въ рошѣ, гдѣ у него была выстроена изба. Дѣлами своими по лѣсному промыслу онъ занялся усердно; неторопясь и внимательно осмотрѣлъ срубленный лѣсъ, приготовленный для разныхъ подѣлокъ; неторопливо же и спокойно распорядился на счетъ дальнѣйшихъ работъ. Только съ работниками онъ былъ неразговорчивъ: при всѣхъ этихъ занятіяхъ въ рошѣ мысль его была теперь далеко—онъ все думалъ о томъ, какъ и съ чего именно начать дѣло съ Вороненковымъ.

«Помощи отъ міру нечего ждать, рассуждалъ онъ самъ съ собою: — одному, какъ есть, придется. Изъ воли Вороненкова ни за что не выдуть. Поздно я за умъ хватился.... Можетъ, свѣкуетъ онъ головою, можетъ пропаду изъ-за-напрасна.... Трудно ужъ теперь дѣло-то начать! Вездѣ есть неправды Тарасовы, — а какъ доказать на него? А и то : пусть будетъ воля Божія! Сказалъ я Вороненкову, что разсужусь съ нимъ сначала судомъ людскимъ — и не отстану-таки отъ слова. Немного мнѣ жить осталось, надо для души потрудиться....»

Къ ночи Прокофій воротился домой. Послѣ ужина, Катерина подошла къ нему и сказала:

— Прокофій Григорьичъ, не прогнѣвись на меня, а я опять хочу поспросить на счетъ Абрама-то....

— А что нужно?

— Неужли-таки отдадутъ его въ солдаты? Можетъ, голова пугать его хочетъ.

— Вишь ты! По твоему, шутки шутить онъ вздумалъ. Нѣтъ, порѣшили онъ дѣло не въ шутку.... А я тебѣ вотъ что скажу: изъ-за насъ угодили Абрамка въ солдаты. Не досталъ Вороненковъ по коню, такъ изначала по оглоблямъ ударилъ!...

— А начальники-то.... одинъ сынъ у отца!... ужли не смилюются?... промолвила со слезами Катерина.

— Вѣдь ужъ я сказалъ давеча: нечего тутъ надѣяться. Голова настоитъ на своемъ.... Злому человѣку завсегда много зла надобно.

Катерина еще больше заплакала.

— А ложись-ко спать, сказалъ старикъ: — что горевать-то? Баба ты набожная, молись больше.... поднимаетъ молитва погибающихъ со дна морскаго!

— Какъ бы и намъ теперича.... прошептала чуть слышно Катерина.

— А что намъ? сурово возразилъ старикъ:—воли Божьей не минуешь. На семъ свѣтѣ зачастую и неправда верхъ беретъ.... Говорю тебѣ — молися.

На другой день старикъ Терехинъ съѣздили въ Суходолъ и перепродалъ знакомому купцу довольно выгодно свою рощу, да кромѣ того сбылъ за хорошія деньги весь почти кожевенный товаръ, заготовленный у него въ заведеніи. Послѣ этихъ распоряженій онъ сталъ гораздо спокойнѣе духомъ.

«Ну», думалъ онъ, «что бы теперича ни случилось, а Ивану и всей семьѣ будетъ, чѣмъ вѣкъ прожить, коли Господь грѣхамъ потерпитъ.»

Въ слѣдующіе дни онъ сталъ собирать свѣдѣнія объ обидахъ, сдѣланныхъ Вороненковымъ, какъ всему міру, такъ и разнымъ лицамъ изъ байдоровцевъ. Но неохотно проговаривались обиженные.

— Да на что тебѣ, Прокофій Григорычъ? отвѣчали они на его распросы. — Вѣдь ужъ это давно было. Мы и тогда не жаловались. Гдѣ ужъ тутъ!... Какъ бы еще чего дурнаго не вышло!

А Прокофій, кромѣ собиранія свѣдѣній объ обидахъ, добивался еще и того, чтобы возбудить рѣчами своими хоть въ нѣкоторыхъ крестьянахъ, если не желаніе участвовать вмѣстѣ съ нимъ, въ борьбѣ съ Вороненковымъ, такъ сознаніе вредности дѣйствій его для міра. Но и въ послѣднемъ старикъ не успѣлъ: надо было раньше приниматься за дѣло.

— Оно, тово.... Прокофій Григорьичъ, говорили въ отвѣтъ на его жаркія рѣчи міряне байдаровскіе: — оно, знамо, нашъ хлѣбъ онъ ѣсть-то... и съ чиновниками ужъ больно спихался... Да можетъ, и надобно такъ-то, можетъ покуда безпремѣнно надобно....

А были и такіе, которые еще хуже принимали рѣчи старика Терехина.

— Намъ-то что за дѣло? проговорили они. — Вышь, вы оба богачи: ну, и какъ тамъ хотите!... Тягайтесь промежь себя, а намъ зачѣмъ приставать?...

Но Прокофій, несмотря ни на что, остался при своемъ твердомъ намѣреніи. Одно только смущало его нѣсколько; не зналъ онъ, съ чего начать дѣло, а посоветоваться съ приказными людьми ему очень не хотѣлось.

— Ужъ такой народъ, думалъ онъ о нихъ: — міроѣды настоящіе!... Воронъ ворону глазъ не выклюетъ, — пожалуй, продадутъ меня. А все, должно быть, безъ нихъ не обойдешся....

Прошло такимъ образомъ дня четыре, а Вороненковъ все еще не возвращался. Прокофій выжидалъ его пріѣзда, чтобы, узнавъ окончательно объ участи Абрама Суслова, тотчасъ потомъ ѣхать въ городъ поискать дѣловаго, вѣрнаго человѣка, который написалъ бы прошеніе обо всѣхъ злыхъ дѣлахъ Тараса Семеныча.

Между тѣмъ Катерина узнала изъ толковъ на селѣ, что мужъ ея затѣваетъ дѣло съ головою. Это намѣреніе испугало чрезвычайно бѣдную женщину.

— Прокофій Григорьичъ, слышала я.... на селѣ проговаривали....

— А что? спросилъ старикъ: — объ Абрашкѣ, чтоль?

— Нѣтъ, отвѣчала Катерина: — сказываютъ, что ты съ головой хочешь потягаться....

— Правду сказываютъ. Ну, такъ чтожь ты?

— Оставь.... ради Господа....

— Перестань пустое болтать!... Крѣпко-на-крѣпко задумай я это дѣло....

— Охъ, горя-то сколько!... Вороненковъ съ земскими... бѣда будетъ....

Старуха горько заплакала.

— Перестань же, говорю,—молвилъ Прокофій:—ты вотъ лучше послушай, что скажу....

Когда Катерина нѣсколько поуспокоилась, онъ продолжалъ:

— Ты мнѣ и не моги впередъ отговаривать: дѣло это совсѣмъ порѣшеное! А вотъ что, помни хорошенько: неровно, дѣла я не покопчу и Господь приберетъ меня,—ты не допускай Ивана тягаться: ему не подѣ силу будетъ.... Прикажи ему въ купцы выписаться въ Суходолъ, пускай непремѣнно выпишется, какихъ бы денегъ ни стоило. Я и самъ ему скажу, коли Господь память передъ концомъ не отыметъ; да все лучше, чтобъ и ты спозаранку знала. Попомни же, Катерина....

Она хотѣла было что-то отвѣчать, но рыданія подорвали ея рѣчь.

— Эхъ-ма!... сказалъ старикъ: — вотъ онѣ, бабы-то, каковы! Ты имъ дѣло говоришь, а онѣ все свое.... Ступай-ко ты спать, и мнѣ пора на покой.

VI.

Наконецъ голова возвратился изъ губернскаго города. Абрама Суслова онъ сдѣлалъ—таки въ рекруты, несмотря на усиленные хлопоты и непрестанныя мольбы отца его. Оедотъ Сусловъ разжалобилъ—было даже чиновниковъ, но не умилостивилъ Тараса Семеныча, который настоялъ на своемъ, счумѣлъ и смогъ уничтожить въ самомъ началѣ чиновническое сердоболіе,—и Абрамъ былъ отданъ въ солдаты «для примѣра» всѣмъ, кто бы вздумалъ возстать противъ значенія головы Вороненкова въ міру байдаровскомъ. Горестъ старика Оедота была неописанна: въ нѣсколько дней онъ постарѣлъ многими годами.

Съ тяжелымъ чувствомъ узнали въ Байдаровѣ про участь Абрама: всѣ были поражены не столько сознаниемъ несправедливости этого дѣла, сколько сожалѣніемъ къ старiku Суслову и къ семьѣ Абрама, а особенно немилосердіемъ головы. Впрочемъ, головѣ нечего было опасаться этого чувства въ народѣ: оно не возбуждало противъ него оппозицію, а только еще болѣе усиливало страхъ къ нему.

Тотчасъ же по возвращеніи своемъ, Тарасъ Семенычъ узналъ отъ преданныхъ ему людей о рѣчахъ и замыслахъ Прокофія Терехина.

— Видишь, старый чортъ! говорилъ онъ своимъ пріятелямъ: — все неймется ему! Мало того: на дорогѣ онамединсь остановилъ и обругалъ, собака, да еще тигаться задумалъ!... Я было хотѣлъ такъ оставить, старый онъ больно человѣкъ, изъ ума выжилъ, а онъ самъ—таки лѣзетъ.... Да вотъ погоди! даромъ-что много у него денегъ,—пособью ему рога!...

Вороненковъ, ни мало не медля, отправился въ уѣздный городъ къ окружному начальнику, съ жалобами на Терехина....

— Вы ужъ, ваше высокоблагородіе, закончилъ онъ разсказъ свой о замыслахъ Терехина: — вы ужъ заставьте вѣчно за себя Бога молить, не попустите злодѣю моему, — погибеліи моей, какъ есть, ищетъ! Я все ему промчалъ, чего-чего не терпѣлъ, а теперича вотъ мочи моей не стало.... Ваше высокоблагородіе! я вѣдь вѣрный слуга вашей милости, а онъ, разбойникъ, знать никого не хочетъ.... Знамо, старикъ—своевольникъ, дуруломъ, на карманъ больно падѣтся.... А вотъ, богатъ-богатъ, да пользы отъ него нѣтъ ни нагрошъ: «за чтò, говоритъ, я давать буду? я все по закону....» Ужъ коли такіе законники, то есть, смутьяны, озорники, разведутся у пасъ на селѣ, нетокмѣ-что дѣлами управлять, и жить-то нельзя будетъ!... Нонѣ съ меня начнетъ злодѣй эдакой, а тамъ мало ль до кого доберется....

Окружной, Михайло Силуянычъ Рыкайловъ, какъ разъ вошелъ во всѣ виды Вороненкова. По просьбѣ его, онъ обѣщалъ на дняхъ же отправиться въ Байдарово, чтобы въ самомъ началѣ прекратить затѣи Терехина.

— Будь покоенъ, голова, сказалъ онъ:—я уйму стараго бездѣльника. Спасибо, что во-время предупредилъ; ты, братъ, право, дѣльный человѣкъ.... Да, зло надо прекращать въ началѣ. Вотъ дай-ка волю такому негодяю, а онъ начнетъ міромъ мутить, а онъ начнетъ доносы писать!... Не обернешься тогда мерзкихъ дѣлъ, а начальству—то какое будетъ безпокойство! Нѣтъ, братъ, я-то ужъ не люблю потакать: у меня всегда расправа короткая, таковъ мой характеръ! Меня по этой статьѣ и начальство знаетъ съ отличной стороны.

Окружной этотъ былъ одаренъ отъ природы мощными средствами для «короткой расправы.» Его широкія плечи, огромные кулаки, густой бастъ, мрачный взглядъ исподобья, умѣнье браниться неистово внушали во всѣхъ его подчиненныхъ величайшее къ нему уваженіе. Способности нашего окружнаго, «прошедшаго, по его собственному выраженію, — огонь и во-

ду» и перемѣниваемаго на своемъ вѣку много всякихъ должностей, были замѣчены съ хорошей стороны: никогда не случилось ему долго хлопотать въ отыскиваніи себѣ мѣста. Вообще этотъ господинъ былъ крупнаго разбора. Крестьяне Суходольскаго округа, когда его назначили къ нимъ, съ перваго же взгляду оцѣнили по своему его качества.

— «Вишь, онъ какой «тѣльный!» — говорили они промежь себя. — Важный начальникъ будетъ.... У него, ребята, держи ухо востро!...»

И точно, надо было держать ухо востро. Михайло Силуянычъ былъ изъ военныхъ и администрація его имѣла особенный характеръ....

Между тѣмъ какъ гроза начальническаго гнѣва сошралась надъ старой головою Прокофья Терѣхина, онъ разнемогся-было не-на-шутку, а потому и отложилъ свою поѣздку въ городъ, для написанія просьбы. Впрочемъ черезъ нѣсколько дней ему полегчало, и онъ опять началъ собираться въ путь; — но вдругъ, однажды вечеромъ, явился къ нему десятскій, съ приказаніемъ немедленно идти въ волостное правленіе къ господину окружному.

— Затѣмъ зовутъ тебя?... съ безпокойствомъ стала спрашивать Катерина.

— А кто-жь его знаетъ!... отвѣчалъ Прокофій. — Можетъ, Вороненковъ что ни-на-есть затѣялъ.

— Ты бы не ходилъ туда: вишь, тебѣ еще не можется.

— Нѣтъ, я пойду, молвилъ старикъ задумчиво: — лучше пойдти, узнаю тамъ.... А и то: коли не пойдти, скажутъ; «ослушается»... Да я вѣдь и въ силахъ теперича дотащиться.

Строго запретивъ сыну провожать себя, онъ отправился, — и видимо черезъ силу. Путь былъ неблизкій: волостное правленіе находилось отъ его дома слишкомъ въ верстѣ. На дворѣ было холодно и темно; рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо Терехину, и, опираясь на толстую палку, онъ брелъ очень медленно. Но ожидали его, видно, съ крайнимъ нетерпѣніемъ: не прошло въ немъ еще и половины разстоянія, какъ повстрѣчался съ нимъ шибко-бѣжавшій другой десятскій.

— Прокофій Григорьичъ, скорѣе!... скорѣе ступай!... кричалъ онъ ему еще за нѣсколько шаговъ: — все тебя спрашиваютъ...

— Что больно скоро понадобилось?—отвѣчалъ Терехинъ, не прибавляя шагу.

— Экой ты! говорю, требуетъ!... въ зашей меня прогналъ за тобою,—ногами нѣда затопалъ!... Ужъ и больно осерчалъ!...

— Да кто? кто?... сказывай порядкомъ.

— А Михайло Силуянычъ, окружной-то....

— Вишь ты!... а про что такъ осерчалъ?

— Голова, Тарасъ Семенычъ все ему про тебя,—ужъ и больно много говорилъ!... Такъ все сказывалъ: ослушникъ, моль, озорникъ... А прѣикалъ окружной вотъ въ сумерки, прибавилъ совсѣмъ нехстати десятскій.

— Пускай наговариваетъ, молвилъ старикъ:—мнѣ чего бояться? Я по правдѣ иду.

Въ эту минуту повстрѣчались съ Терехинымъ еще двое посланныхъ: разсыльный окружного начальника, пожилой, видный солдатъ, да сельскій писарь, малый молодой, съ лисьимъ рыльцемъ.

— Скорѣе!... кричалъ въ большихъ попыткахъ усердный писарь.—Издъ-за тебя брань принимать!... Вишь, тащится!...

Но старикъ, вмѣсто того, чтобы поспѣшить, остановился.

— Скорѣе!... повторилъ онъ.—Погляжу вотъ, малый ты какой приткій. А я и такъ замаялся:—вѣтеръ больно насупротивъ,—надо и духъ перевести.

— Да чтожь ты эвто ослушаешься?—закричалъ писарь:—вѣдь, чай, окружной требуетъ-то!... Ты, братъ....

— Ну, нѣтъ!—возразилъ спокойно старикъ, все еще стоя:—я тебѣ не братъ, да и вовсе родней ты мнѣ не приходишься. Да и про ослушаніе лаешь ты съ-дуру; говорю—замаялся, вишь я усталъ, я вѣдь старикъ старой.

Писаришка очень разгнѣвался.

— Мнѣ окружной приказалъ, заоралъ онъ.—Десятскіе! чего смотрите? Бери его подъ руки, тащи волокомъ!...

— Ну, ты!—промолвилъ сурово разсыльный.—Ужъ больно разходилса!... Старичина и самъ пойдетъ.

— Спасибо,—сказалъ Терехинъ:—знаю, я самъ пойду.... А вотъ и отдохнулъ я маненько,—теперича и пошлетусь, поколь мочи моей хватить.

Въ сопровожденіи четырехъ посланныхъ, онъ дотащился полегоньку до волостнаго правленія, и наконецъ вошелъ въ это мѣсто суда и расправы.

Горница была ярко освѣщена: на большомъ столѣ, горѣли двѣ стеариновыя свѣчи, а на другомъ столѣ, въ глубинѣ горницы, и на лежанкѣ у входа пылало съ полдюжины свѣчъ салныхъ. На лежанкѣ же громко кипѣлъ огромный самоваръ; тутъ былъ и весь чайный приборъ; а въ тѣни отъ самовара скромно жалась къ стѣнкѣ только-что початая бутылка рома. Какъ хозяинъ угощенія, Вороненковъ держался возлѣ лежанки и стоялъ въ почтительномъ положеніи понимающаго свой долгъ подчиненнаго; позади его находился полный стаканъ пуншу, налитый съ начальническаго дозволенія; но онъ не притрогивался еще къ нему, ради приличія. По обѣ стороны входной двери торчали почти неподвижно двое писарей, смотрѣвшихъ, не смигивая глазъ, все на прямого своего начальника — голову. А самъ окружной, заложивъ руки за спину, важно расхаживалъ взадъ и впередъ, и половицы выстроеннаго «хозяйственнымъ способомъ» зданія жалобно и на разные лады трещали подъ тяжелыми стопами Михайла Силуяныча. Въ тоже время онъ громкогласно разсуждалъ о разныхъ дѣловыхъ предметахъ, прихотливо пересказывая отъ одного предмета къ другому, а иногда и совсѣмъ отъ нихъ удаляясь затѣмъ, чтобы хорошенько ругнуть Терехина, осмѣливающагося такъ долго не являться. Въ отвѣтъ на всѣ такія рѣчи изрѣдка слышалось и хриповатое шипѣнье Вороненкова, который всячески старался такъ направлять разговоръ, чтобы не остывало начальническое намѣреніе «учинить расправу для водворенія порядка.»

Разсылный и писарь вошли вмѣстѣ съ Прокофьемъ и остановились съ нимъ у входной двери; десятскіе остались въ сѣняхъ.

— Привели Терехина, ваше высокоблагородіе! — возгласилъ подобострастно усердный писарь.

— А!... произнесъ многозначительно Михайло Силуянычъ. И, подойдя къ Терехину, онъ остановился передъ нимъ, осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, а потомъ устремилъ свой мрачный взоръ прямо въ глаза ему. Но этотъ грозный пріемъ не произвелъ на Прокофья особеннаго дѣйствія: послѣ обычнаго поклона начальнику, онъ стоялъ спокойно и не спуская глазъ. Конечно, это не могло понравиться окружному; на сердцѣ у него такъ вдругъ и закипѣло.... Однако спокойствіе и важный видъ старика удержали на первыхъ парахъ порывы его ярости.

— А!... повторилъ Михайло Силуянычъ болѣе тихимъ тономъ, — а черезъ мгновеніе прибавилъ:—старый мошенникъ!...

При этих словах у старика чуть-замѣтно сдвинулись брови, но онъ продолжалъ молчать и смотрѣть спокойно.

— Мошенникъ!... да!... мерзавецъ старый!... опять пробормоталъ сквозь зубы Михайло Силуянычъ. Потомъ онъ подошелъ къ большому столу, взялъ недопитый стаканъ пуншу и разомъ осушилъ его. Въ эту минуту писарь, ходившій за Терехинымъ, проворно, но на цыпочкахъ, подбѣжалъ къ Вороненкову и сталъ торопливо нашептывать ему что-то.

Подкрѣпивъ свою энергію добрымъ глоткомъ сильнаго напитка, Михайло Силуянычъ, не отходя отъ стола, опять началъ пристально смотрѣть на Терехина.

— Голова! вдругъ закричалъ онъ: — такъ это тотъ самый пегодай старичишка?

— Точно такъ-съ, ваше высокоблагородіе, подобострастно отвѣчалъ Вороненковъ.

— Ахъ ты, разбойникъ! продолжалъ окружной, еще возвышая голосъ. — А подойди-ко сюда, — вотъ ко мнѣ-то, старый чортъ!...

— Напрасно такъ, возразилъ Терехинъ, не сходя съ мѣста. — За что браните вы меня, ваше высокоблагородіе?

Вопросъ этотъ привелъ въ бѣшенство окружнаго. Онъ почти бѣгомъ подбѣжалъ къ старику.

— Да какъ ты смѣлъ!... Да какъ ты смѣлъ такъ отвѣчать мнѣ! кричалъ онъ.

Понахмутивъ брови, Прокофій опять молчалъ, а окружной бранилъ его неистово. Долго ругательства его и угрозы текли неудержимымъ потокомъ.... Но наконецъ онъ началъ уставать; охрипшій голосъ его сталъ обрываться; онъ пересталъ уже ногами топать, пересталъ грозить кулакомъ и даже указательнымъ пальцемъ. Въ эту минуту Вороненковъ, никакъ не желавшій, чтобы «расправа» ограничилась только этимъ, подкрался съ боку къ Михайлѣ Силуянычу и сказалъ ему:

— Онъ, ваше высокоблагородіе, и идти-то сюда не хотѣлъ... на силу притащили... Вотъ онъ рассказываетъ, прибавилъ голова, указывая на писаря.

— Бездѣльникъ, вскричалъ окружной и со всего размаха ударилъ по лицу Терехина.

Старикъ весь вздрогнулъ и пошатнулся; лицо его страшно поблѣднѣло. И въ тоже мгновеніе глаза его загорѣлись и стали

метать искры.... Пошатнувшись, онъ едва было не упалъ; руки его слабо опустились, глухой, протяжный стоиъ вылетѣлъ изъ его груди. Но вдругъ онъ вытянулся во весь ростъ и порывисто сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.... Съ напряженнымъ вниманiемъ слѣдили всѣ за движенiями старика, въ которыхъ было столько грознаго и величественнаго.

По срединѣ комнаты Прокофiй остановился и, поднявъ руку къ образамъ, заговорилъ громкимъ голосомъ:

— Видитъ Господь!... восьмой десятокъ идетъ мнѣ!... отродя не бывало! Видитъ Господь и взыщетъ обиду!

И голосъ его, задрожавъ, оборвался. Тогда какъ будто опомился окружной.

— Чтожь! сказалъ онъ шибко дрожащимъ голосомъ усаживаясь за столъ: — а ты, тово... старый, ты... своевольничать хотѣлъ....

— Я хочу пдти противъ вора-мироѣда Тараски Вороненкова! возразилъ грозно Терехинъ: — не остановите вы меня побоями!.. Убейте, тогда остановите, а правда все выведетъ на свѣтъ:

— Замолчи ты, старый...

— Брани меня! продолжалъ также грозно Прокофiй. — Брани, бей опять!... Небось теперь, бей!... Старъ я, — не мнѣ самому за себя вступиться... Взыщетъ Богъ, помни ты мое слово! А меня ничѣмъ не остановишь, не за себя, а за мiръ хочу стоять....

И, какъ бы призывая Бога въ свидѣтели этимъ словамъ своимъ, старикъ перекрестился. А между тѣмъ душевное волненiе превозмогло его физическiя силы: онъ опять поблѣднѣлъ, голова его стала качаться и онъ вдругъ замолчалъ.

Михайло Силуянычъ началъ ходить по горницѣ, не глядя ни на кого. Онъ видимо былъ взволнованъ и смущенъ. Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ онъ къ Терѣхину и тихо, почти ласково, сказалъ ему:

— Слушай Терехинъ, — уважая твою старость... ну, ты извини меня, какъ быть! погорячился я... За то и я ужъ нисколько не взыскиваю... А ты вотъ уважь меня, старикъ, въ честь прошу: не заводи никакихъ кляузныхъ дѣлъ.... Вѣдь прежде ты жилъ такъ хорошо, ни въ какiя дразги не вѣшивался, — ну, какъ это на старости лѣтъ?

— Нѣту! возразилъ старикъ слабымъ голосомъ: — сказалъ я: постою за правду до конца!... А больше и говорить не хочу съ тобой....

Окружной нахмурился, онъ быстро отошелъ къ окну и сталъ сердито барабанить по стекламъ.

— Ваше высокоблагородіе! прошепталъ Вороненковъ, подкравшись къ окружному: — вы не смотрите, — суній, то есть, разбойникъ... Не отпускайте его домой... Кудабъ засадить... какъ бы онъ, тово... Коли теперича не упить, — бѣда....

— Эй, вы! закричалъ Михайло Силуянычъ, опять приходя нѣсколько въ азартъ: — досадить его подъ арестъ!... А тамъ посмотримъ....

— Пускай, прошепталъ Терѣхинъ.

Писаря не посмѣли, однако, и теперь взять Прокофья, а всѣ кинулись въ сѣни за десятскими. Разсыльный, опустивъ голову, отошелъ къ сторонкѣ. Когда вошли десятскіе, окружной сказалъ почти шопотомъ головѣ:

— Вели имъ...

Вороненковъ поспѣшно передалъ приказаніе, и десятскіе отвели старика въ «темную».

Грозная сцена окончилась тихо. Но впечатлѣніе, произведенное ею на всѣхъ, особенно сильно отразилось на Михайлѣ Силуянычѣ. Какъ ни былъ онъ опытенъ на счетъ «расправокъ», какъ ни мало привыкъ обращать вниманіе на правоту дѣла, однако въ настоящемъ случаѣ совѣсть громко заговорила въ немъ. По природѣ своей онъ былъ не злой человѣкъ, но воспитаніе, не давшее ему никакихъ правилъ, прежняя жизнь, гулявшая и неразумная, а особенно дѣятельность не по закону, безъ всякаго сознанія долга, — испортили его совершенно. Изрѣдка просыпалось въ душѣ его тоскливое чувство правды, но то бывало лишь на мигъ, и конечно онъ самъ всячески старался подавить его въ себѣ. Такъ было и теперь: чувство это опять пробудилось, и никогда, можетъ быть, не сжимало оно такъ болѣзненно душу Михайла Силуяныча. Онъ сердито отказался отъ чаю, не велѣлъ подавать себѣ ужина и отпустилъ тотчасъ же всѣхъ, и голову, не сказавъ ему ни слова на прощаньи. Затѣмъ онъ позвалъ къ себѣ своего рассыльного.

— Спиридоновъ! сказалъ онъ ему: — приготовь мнѣ постель поскорѣе, а потомъ.... нѣтъ! послѣ постель, а теперь отпусти домой Терехина, да вели проводить его....

— Слушаю-съ, отвѣчалъ сурово рассыльный.

Спиридоновъ не замедлялъ исполнить это приказаніе. Но какъ ни скоро онъ повернулся, а Михайло Силуянычъ остался недоволенъ медленностью рассыльного.

— Какъ ты долго! замѣтилъ онъ брюзгливо: — ну, что?... какъ тамъ?

— Отпустилъ Терехина, отвѣчала разсыльный.

— Говорилъ онъ что нибудь?...

— Ничего не говорилъ....

Худо спалось въ эту ночь нашему администратору, дурные сны ему видѣлись. Проснулся онъ рано и тотчасъ же приказалъ запрягать лошадей. Вороненкова онъ и теперь принялъ нехорошо: ни одного почти словечка не промолвилъ съ нимъ, никакихъ приказаній не отдалъ и только что безпрестанно спрашивалъ: «готовы ли лошади?» — а наконецъ и въ дорогу отправился, не напившись даже чаю.

На дворѣ было уже свѣтло, когда онъ выѣхалъ, и это сердило его тоже: почему-то неловко казалось ему ѣхать теперь на глазахъ байдаровцевъ; однако никто почти изъ нихъ не попался ему на длинныхъ улицахъ огромнаго селенія: всѣ жители Байдарова, бывшіе на этихъ улицахъ, прятались по дворамъ при проѣздѣ окружнаго, — онъ замѣтилъ это и еще болѣе смутился.

— Скотина Вороненковъ! сталъ онъ думать о вчерашней исторіи. — Пожалуй, я самъ виноватъ въ ссорѣ съ Терехинымъ, и меня вотъ ввелъ.... Жаловаться будетъ старикъ, навѣрно будетъ.... Опо, конечно, ничего, вѣдь не съѣдятъ же за какую нибудь оплеуху мужику.... А все какъ-то....

VII.

Въ домѣ Терехиныхъ, кромѣ дѣтей Ивана, да работника, никто не спалъ въ ожиданіи возвращенія старика. Катерина сидѣла въ уголку у печки и шептала про себя какія-то молитвы. Неподалеку отъ ней сидѣла Елена и, задумавшись, гладила русую головку старшаго сына своего, который спалъ себѣ спокойно на голой лавкѣ. Иванъ же безпрестанно выбѣгалъ на дворъ и на улицу послушать и посмотреть, не идетъ ли отецъ. Никому изъ нихъ не шло въ голову домашнее дѣло и ни за какую работу не могли они взяться, а всѣ какъ будто ждали чего-то особеннаго, небывалаго и страшнаго. Но вотъ, мимо оконъ, слышались тяжелые, медленные шаги, брякнуло кольцо у калитки и заскрипѣла она отворившись, — Иванъ опрометью бросился вонъ изъ горницы и на дворѣ еще встрѣтилъ старика.

Прокофій вошелъ тихо, блѣдный и тяжело дыша отъ усталости. Не взглянувъ ни на кого изъ домашнихъ, онъ прямо про-

шелъ къ столу въ переднемъ углу и усѣлся у края стола. Но черезъ минуту онъ приподнялся, взглянулъ на образа, медленно перекрестился три раза и опять сѣлъ, закрывъ глаза рукою.

— Что ты, Прокофій Григорьичъ? что ты это, родиный?... али неможется тебѣ?... стала спрашивать Катерина, подойдя къ нему.

— Вотъ, Катерина, сказалъ онъ, вдругъ поднявъ голову и устремивъ на жену свою глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ огнемъ:—вотъ на старости лѣтъ, на восьмомъ десяткѣ, можетъ на самомъ-то концѣ, привелось мнѣ за правду мірскую....

Онъ не могъ договорить и долгій стонъ закончилъ слова его.

— Господи! воскликнула Катерина.—Что жь такое приключилось?

— Онъ ударилъ меня! грозно молвилъ старикъ и всталъ съ мѣста и вытянулъ обѣ руки, какъ будто хотѣлъ схватиться съ оскорбившимъ его человѣкомъ. — Слышите?... ударилъ!... О, Господи!... тяжело какъ!... когда за правду хочу я стоять!...

— Кто ударилъ? кто? вскричали Катерина и Иванъ.

— Окружной!... Вороненковъ — злодѣй поругался надъ моею старостью.... Онъ это заставлялъ!...

Послѣднія слова онъ наслу выговорилъ: такъ ослабъ его голосъ отъ волненія; онъ замолчалъ, опустилъ голову на руку и задумался. И никто не нашелъ словъ, чтобы продолжать разговоръ съ старикомъ. Катерина, тяжело дыша, глотала слезы и всячески старалась удержаться отъ стонувъ и рыданій. Иванъ стоялъ подлѣ отца, ни живъ, ни мертвъ: его, какъ громъ, поразило это извѣстіе. Елена ушла въ другую горницу; грудь ея разрывалась отъ тоски, и она горько плакала. Такъ прошло немало времени. Наконецъ старикъ подошелъ къ Катеринѣ и сказалъ ей:

— Спать тебѣ пора, Катерина, и всѣмъ пора.... Не сонрушайся ты.... Видно, такъ Богу угодно!... Ну, ступай же, Катерина, вотъ и я пойду.... Помолюся, пойду.... авось-либо....

Онъ ушелъ въ свою маленькую каморку и заперся тамъ. Цѣлую ночь онъ не спалъ. Голова его горѣла; ему крѣпко не-можилось: то жаромъ, то холодомъ всего его обдавало. И горькія мысли безпрестанно волновали его душу. Онъ не могъ отогнать ихъ, не могъ успокоиться хоть на минуту. Принялся-было онъ за любимое свое чтеніе, псалтирь, но долженъ былъ отложить святую книгу: мрачная дума, какъ бы насильственно вры-

ваясь въ его разгорѣвшуюся голову, влекла его къ инымъ, житейскимъ предметамъ.

Онъ сталъ вспоминать о всей своей жизни, о долгомъ трудѣ, давшемъ ему довольство и покой, — все припомнилъ, и вдругъ представилось ему, что онъ грѣшникъ великій. что трудился онъ для себя одного, позабывая сираго и нищаго. не возлюбивъ ихъ довольно по закону Божію, — и правда его не вставала за правду мірскую, что за то Богъ и наказывалъ его смертью дѣтей.... И при такихъ мысляхъ унывала душа его, и онъ твердилъ покаянные псалмы и молитвы, которыхъ много зналъ, по обычаю всѣхъ грамотныхъ байдаровцевъ, обыкновенно подъ старость дѣлающихся начотчиками.

А тамъ припоминались ему: Абрамка-племянникъ, старый хворый отецъ его и всякія неправды Вороненкова, и гнѣвъ волновалъ его.

Долго шла эта ночь и много надломила она силы крѣпкаго старика.

Къ утру сонъ постилъ его ненадолго. То былъ тревожный сонъ. Снились ему темная ночь; въ тѣсномъ пространствѣ, ограниченномъ мглою, двигались и мѣшались, въ дикомъ, непонятномъ смятеніи и все какъ будто на одномъ мѣстѣ, ряды особенныхъ головъ человѣческихъ, — а лицъ не видалъ онъ; а надъ этой тѣсной массой головъ вдругъ вскидывалось множество рукъ, какъ будто то были утопленники, въ послѣдній разъ всплывавшіе наверхъ вытягивавшей ихъ въ себя бездны.... Это явленіе возмущало страшной тоскою душу Прокофья. О, какъ жаль было ему и этихъ утопленниковъ и всѣ эти головы! Всѣ эти головы были родныи ему!...

Но вотъ, сквозь густую мглу, внезапно мелькнулъ яркій лучъ.... И Прокофій началъ всматриваться въ ту сторону. Тамъ, далеко, далеко явились предъ нимъ другія толны людей и видны были ему лица нѣ въ слабыхъ очертаніяхъ. Широко разстилались тамъ тучныя нажиты, луга пространныя и зеленые; многоводныя рѣки ихъ орошали — и надъ всѣмъ пространствомъ свѣтозарно сіялъ свѣтъ незаходящій....

«О, свѣте тихій славы Твоея, Господи!» съ отрадою произнесъ старикъ нѣсколько разъ, и съ этими словами проснулся.

Но свѣтлое видѣніе не воскресило его тѣлесныхъ силъ. Съ самаго утра болѣзнь такъ олоумляла Прокофья, что онъ не могъ уже встать съ постели. Страшно переулагалась Катерина, видя его въ такомъ положеніи. Онъ замѣтилъ это и сталъ утѣшать ее.

— Ну, что ты это? словно впервой видишь больных-то? говорилъ онъ ей.

— Да и то — ты впервой такъ-то.

— Ну, что жь!... А ты безъ времени не тревожись. Вѣдь конѣ бы конецъ мой пришелъ, я бы и самъ чувствовалъ, а то нѣтъ, кажись.... Вотъ погоди, Катерина, дѣла-то я еще не сдѣлаю.... Живой объ живомъ и думаетъ, примолвилъ онъ задумчиво.

Чуть только день занялся, сосѣди и родные почти безпрестанно стали навѣщать домъ Терехиныхъ. Шопотомъ разспрашивали они Катерину, Алену и Ивана о томъ, что такое вышло у старика съ окружнымъ. Все происшествіе было извѣстно имъ въ подробности, но все-таки хотѣлось имъ узнать еще подоскональнѣе. «Вѣдь жалѣючи васъ спрашаемъ-то», говорили докучливые гости. Шопотъ въ сосѣдней горницѣ тревожилъ иной разъ больного, и впадало ему на мысль велѣть, чтобы никого не пускали; однако онъ не сдѣлалъ этого.

Однѣмъ разъ, какъ не было постороннихъ, Иванъ сказалъ ему:

— Батюшка, а лучше бы не пускать.... Ты какъ скажешь? А то вѣдь очень неспокойно тебѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Прокофій: оставь, — они не помѣха.

«И то», подумалъ онъ, — «пускай ихъ ходятъ: и надо имъ про все знать....»

Весь этотъ день онъ былъ очень слабъ, но духомъ спокоенъ. Съ домашними, даже съ любимымъ своимъ впучкомъ, онъ говорилъ мало. Думалъ все онъ, какъ бы поскорѣе оправиться, чтобы за дѣло приняться; мысль о дѣлѣ никакъ не покидала его. А мысли о злобѣ Вороненкова и о вчерашнемъ оскорбленіи онъ отгонялъ отъ себя: на это онъ имѣлъ еще довольно душевной силы. Изрѣдка вспоминалъ онъ объ умершихъ дѣтяхъ и братьяхъ, но и съ этими грустными воспоминаніями онъ могъ еще совладѣть, прибѣгая тотчасъ же къ молитвѣ. Душа его отдыхала теперь.

Передъ вечеромъ, когда всѣ посторонніе разошлись наконецъ, онъ позвалъ къ себѣ Ивана и велѣлъ ему читать вслухъ псалтирь. Всѣ его мысли направились на молитву и съ особенною отрадою останавливались на слѣдующихъ стихахъ, которые заставлялъ онъ повторять себѣ по нѣскольку разъ:

«И изведетъ, яко свѣтъ, правду...»

«Господь крѣпость людямъ своимъ дастъ....»

«Кротціи же наследятъ землю...»

Стало смеркаться, и Прокофій впалъ какъ будто въ дремоту. Забѣдивъ это, Иванъ и Катерина, тоже слушавшая чтеніе, вы-

Между тѣмъ Катерина безпрестанно впадала въ безпамятство. Горесть ея была неописанна. Сосѣди и родные рѣшились насильно вывести ее въ комнату Прокофьеву, чтобы она не помѣшала душѣ умирающаго оставить тѣло. Въ горницѣ, гдѣ лежалъ умирающій, находились: Иванъ, все читавшій псалтирь, Федотъ Сусловъ, горько плакавшій въ уголку, и еще человекъ шесть родныхъ, которые хранили глубокое молчаніе, часто крестились и тяжело вздыхали; да иногда входила потихоньку Алена, которую влекла сюда какая-то необоримая сила; вмѣстѣ съ нею входилъ и Гриша, котораго она не могла заставить оставаться съ Катериною: такъ жалобно и убѣдительно просилъ онъ пустить его къ дѣдушкѣ.

И вотъ Гришѣ показалось, что дѣдушка зоветъ его.

— Матушка! шепнулъ онъ Аленѣ: — дѣдушка меня зоветъ.

— Почудилось тебѣ, отвѣчала она.

Но въ эту минуту глаза Прокофья широко раскрылись, ярко вспыхнули, быстро все оглядѣли — и онъ явственно для всѣхъ присутствующихъ произнесъ:

— Гриша! Алена! на-те.... возьмите....

Гриша и Алена хотѣли-было кинуться къ нему, но нѣсколько рукъ удержали ихъ.

— Что ты, Алена? опомнись да перекрестись! не подходите ни за что! заболтали шопотомъ сосѣди и родные, усердно крестясь: — Господи Христе! чтой-то такое онъ отдаетъ? Чай, знаешь, что это худое дѣло!... охъ, родимые, худо!... вотъ ужъ не чаяли, а старикъ-то, знать....

— На-те, возьмите!... повторилъ умирающій, и въ этихъ словахъ слышалось что-то грозное.

Алена мгновеніе колебалась; но, перекрестившись, она почти вырвалась отъ удерживавшихъ ее людей и быстро подошла къ Прокофью, вмѣстѣ съ Гришею.

— Батюшка! тихо сказала она, наклонившись надъ нимъ: — мы здѣсь! Батюшка! во имя Божіе благослови насъ!

— Господь надъ вами! произнесъ онъ для нихъ только слышимымъ голосомъ и протянулъ руку свою, едва приподнимая ее, надъ ихъ наклоненными головами. Иванъ тоже кинулся къ нему, но въ тоже мгновеніе Прокофій испустилъ духъ и на устахъ его мелькнуло какое-то радостное чувство.

С. СЛОВУТИНСКИЙ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ IX.

Предположенія объ установленіи справедливыхъ отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ землѣ крестьянскими обществами и о правильномъ устройствѣ крестьянскаго быта.

II.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ОТДѢЛЪ.

О Личныхъ гражданскихъ правахъ и различныхъ преимуществахъ, предоставляемыхъ водвореннымъ на помѣщичьей землѣ крестьянамъ.

1) Всѣмъ водвореннымъ на помѣщичьей землѣ крестьянамъ должны быть предоставлены опредѣленные гражданскіе преимущества и неограниченное произвольнымъ вмѣшательствомъ право располагать своимъ трудомъ и достояніемъ; въ пользованіи этимъ правомъ достигшій самостоятельности крестьянинъ, не приобрѣвшій еще въ полное владѣніе состоящей въ пользованіи его земли, подчиняется однимъ лишь законнымъ постановленіямъ объ этомъ предметѣ, долженствующимъ способствовать установленію справедливыхъ отношеній между помѣщикомъ, какъ законнымъ владѣльцемъ предоставленной въ пользованіе крестьянскаго общества пахатной и сѣнокосной земли, и крестьянами, какъ кортомщиками этой земли, за которую они при посредствѣ узаконенныхъ положеній обязаны выплачивать владѣльцу опредѣленное закономъ вознагражденіе, состоящее

съ общаго согласія въ повинностяхъ различныхъ родовъ, какъ-то: въ обработкѣ крестьянами опредѣленнаго количества земли и сборѣ съ нихъ различныхъ сельскихъ продуктовъ, состоящихъ въ хлѣбѣ, скотѣ и разныхъ хозяйственныхъ произведеніяхъ, или же въ платежѣ денежнаго оброка съ работами или безъ работъ; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, количество пашни и луговъ, подлежащихъ обработкѣ крестьянскимъ обществомъ, цѣнность различныхъ сборовъ, размѣръ оброка и свойства выговоренной работы должны быть въ точности опредѣлены на законномъ основаніи; всѣ такого рода повинности, какъ бы они ни были малы, должны быть исчислены въ заключаемомъ съ крестьянскими обществами контрактѣ, срокъ котораго назначается первоначально не менѣе какъ на девять или на двѣнадцать лѣтъ.

2) Перемѣщеніе крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую, состоящую въ томъ же уѣздѣ или губерніи, а равно переселеніе въ другія губерніи и перенесеніе крестьянскихъ усадебъ на новыя мѣста, допускаются не иначе, какъ по взаимному соглашенію между собою помѣщика и крестьянъ, въ каковомъ случаѣ обязаны они съобща подать о томъ объявленіе въ мѣстное посредническое присутствіе, которому будетъ поручено веденіе подобнаго рода дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представить проектъ законнаго контракта, заключаемаго не менѣе какъ на девять и не болѣе какъ на двѣнадцать лѣтъ; въ проектѣ должны быть въ подробности изложены всѣ условія перемѣщенія и водворенія на мѣстѣ, какъ-то: размѣръ пособія, денежнаго или лѣсомъ, ежели таковое выговорено переселяющимися крестьянами, количество полевой земли, пахатной, сѣнокосной, выгонной, а равно пустошной и состоящей подъ лѣсомъ, — однимъ словомъ всѣ удобства мѣстности, выгоды и преимущества, уступаемыя имъ на опредѣленное число лѣтъ, должны быть опредѣлены съ точностію, чтобы служить основаніемъ при опредѣленіи слѣдующаго за нихъ владѣльцу соразмѣрнаго законнаго вознагражденія, которое съ общаго согласія можетъ состоять изъ различнаго рода денежныхъ и натуральныхъ повинностей, въ точности исчисленныхъ. Проектъ контракта, по утвержденіи мѣстнымъ присутствіемъ, записывается въ заведенную при судѣ контрактную книгу, переписывается на бѣло и подписывается помѣщикомъ, отъ имени же крестьянскаго общества мірскимъ старостой или другимъ довереннымъ лицомъ; подписанный и засвидѣтельствованный присутствіемъ контрактъ прочитывается вслухъ всѣмъ членамъ крестьянскаго общества, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія и произвольнаго, а равно случайнаго измѣненія первоначальнаго проекта. По одобреніи же обществомъ прочитаннаго вслухъ контракта, настоя-

пій контрактъ выдается помѣщику, а крестьяне получаютъ съ него точную засвидѣтельствованную копію. Подобнаго рода контракты должны быть равнымъ образомъ заключаемы помѣщиками, на основаніи узаконенныхъ положеній, и съ остающимися на прежнихъ мѣстахъ крестьянскими обществами.

3) Все крестьянское общество поручается за исправный платежъ оброка и за точное выполненіе всѣхъ условій контракта; эти условія не могутъ быть измѣняемы по желанію одного лишь помѣщика, либо однихъ крестьянъ; но съ общаго согласія могутъ быть произведены въ контрактѣ измѣненія, которыя нѣкъ и настоящій контрактъ должны быть засвидѣтельствованы мѣстнымъ посредническимъ присутствіемъ; измѣненное условіе выдается помѣщику, крестьяне же получаютъ съ него точную засвидѣтельствованную копію.

4) Для обезпеченія исправнаго взноса государственныхъ и земскихъ повинностей, переселяющіеся въ другую мѣстность той же или другой губерніи крестьяне обязаны внести по крайней мѣрѣ за полгода впередъ причитающіяся съ нихъ казенныя подати, въ уплатѣ которыхъ получаютъ квитанцію изъ уѣзднаго казначейства, обязавшаго уведомить о томъ казенную палату и казначейство того уѣзда, въ которомъ переселенцы намѣрены основать свое жительство. По прибытіи и водвореніи на мѣстѣ, крестьяне должны предъявить квитанцію въ новомъ казначействѣ, которое помѣщаетъ ее и переселяется переселенцевъ платежъ податей въ свое вѣдомство.

5) Переселяющіеся крестьяне могутъ свободно располагать перевозкой, а равно и распродажей всего своего движимаго и недвижимаго имущества, состоящаго въ купленной на свое имя землѣ, въ строеніи, скотѣ, разной домашней утвари, хлѣбѣ зерновомъ, немолоченномъ и обмолоченномъ, пшѣлиномъ въ землѣ и еще несжатомъ, нескошенномъ и скошенномъ, но еще не убранный травѣ, сеномъ, всего имъ принадлежащаго. Крестьяне должны быть ограждены отъ всякой произвольной и стѣснительной оцѣнки остающихся ими на мѣстѣ предметовъ, съ обращеніемъ ихъ въ пользу помѣщика или другихъ остающихся на прежнемъ мѣстѣ крестьянъ. Сверхъ того дается имъ годичный срокъ для болѣе выгодной распродажи остающагося на мѣстѣ строенія и прочей движимости, каковую продажу могутъ они поручить роднымъ или постороннимъ лицамъ. По прошествіи года непроданное переселенцемъ имущество продается съ торговъ, по предварительной о томъ повѣсткѣ владѣльцу, чтобы онъ могъ явиться самъ или выслать довереннаго кому нибудь другому; вырученные же отъ продажи деньги немедленно препровождаются черезъ земскій судъ въ мѣсто жительства переселенца, которому выдаются подъ его росписку. Вырученными

крестьяниномъ отъ продажи своего имущества деньги никакому вычету въ пользу помѣщика не подлежатъ.

6) Какъ переселенные, такъ и остающіеся на мѣстѣ крестьяне, за неисполненіе ими условій контракта, подвергаются различнаго рода взысканіямъ, какъ то: описи и продажѣ въ пользу помѣщика части движимости, излишняго скота, превышающаго необходимую пропорцію на тягло, выгребкѣ излишняго хлѣба, превышающаго потребность на продовольствіе семьи до поступленія новыхъ запасовъ хлѣба, продажѣ излишнихъ запасовъ сѣна, корма, складовъ строеваго лѣса, лишняго строенія, не касаясь самыхъ необходимыхъ въ хозяйственномъ быту крестьянина, какъ то: избы, амбара, житницы, сѣнаго сарая, овина, двора, теплаго омшанника для овецъ, кладовой; но ежели эти строенія въ двойномъ комплектѣ, то продаются изъ нихъ болѣе ветхія, чтобы не довести несостоятельнаго крестьянина до убожества. Ежели крестьянинъ владѣтъ мельницей, или какимъ либо заводомъ, доставляющимъ постоянный доходъ, то таковыя продажѣ не подвергаются, но отдаются въ арендное пользованіе другихъ крестьянъ на опредѣленный срокъ; арендная плата поступаетъ на удовлетвореніе справедливой претензіи помѣщика, которому безъ малѣйшаго замедленія выплачиваются вырученныя отъ продажи различныхъ предметовъ крестьянскаго хозяйства деньги, въ полученіи которыхъ помѣщикъ выдаетъ росписку; въ случаѣ недостаточности этихъ суммъ на покрытіе крестьянской недоимки, уплата ея возлагается на отвѣтственность крестьянскаго общества. Въ такомъ случаѣ недостающая сумма выбирается черезъ уравнительную раскладку на всѣ тягла съ цѣлаго общества, которому и выдается владѣльцемъ квитанція въ полученіи части или полного количества слѣдующей ему суммы; отсрочка платежа общественной недоимки зависитъ единственно отъ воли владѣльца, но нисколько для него необязательна. Исправное поступленіе государственныхъ податей и земскихъ повинностей обезпечивается тѣми же средствами, преимущественно предъ прочими платежами и взысканіями. Крестьянское общество, внесшее за несостоятельнаго должника казенную или помѣщичью недоимку, разсрочиваетъ должнику платежъ долга, но въѣсть съ тѣмъ ограничиваетъ его право свободно располагать своимъ имуществомъ до уплаты долга крестьянскому обществу; въ случаѣ несостоятельности должника, общество приобретаетъ надъ нимъ различныя права, какъ-то подвергаетъ продажѣ движимое его имущество, на основаніи положенія о взысканіи недоимокъ, помѣщаетъ неисправныхъ крестьянъ въ рабочіе дома, опредѣляетъ ихъ на фабрики, мельницы и разные заводы, по контрактамъ, заключеннымъ съ купцами и разными лицами, и рядитъ ихъ во вся-

кія работы, съ правомъ полученія за нихъ заработной платы до полной уплаты долга крестьянскому обществу.

7) Крестьянское общество, употребившее всѣ средства къ исправленію нестарательныхъ, невоздержныхъ и буйныхъ крестьянъ, уличенныхъ къ тому же въ воровствѣ, пьянкованіи виномъ, развратномъ поведеніи, и наносящихъ своими поступками вредъ семейству и всему міру, удостовѣрившись, что полицейскія исправительныя наказанія не принесли желаемой пользы, имѣетъ право удалить изъ среды своей вредныхъ членовъ, сдачею ихъ въ рекруты; въ случаѣ же неспособности ихъ къ военной службѣ, отдавать ихъ въ распоряженіе высшаго правительства для поступленія съ ними по усмотрѣнію его. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, общество обязано вознаградить семейство отданнаго въ рекруты или предоставленнаго въ распоряженіе правительства крестьянина: въ первомъ случаѣ, полной стоимостью рекрутской квитанціи, во второмъ же половиною этой цѣны. Вознагражденіе оставшагося семейства можетъ быть произведено полною уплатою капитала въ продолженіе годичнаго срока или же постояннымъ зачетомъ процентовъ по четыре на сто съ капитальной суммы, при сборѣ государственныхъ податей и помѣщичьихъ повинностей, въ каковомъ случаѣ общество выдаетъ на себя долговое обязательство, за подписью мірскаго старосты и съ приложеніемъ мірской печати, семейству отданнаго въ рекруты или предоставленнаго въ распоряженіе правительства крестьянина. Зачетъ обществомъ узаконенныхъ процентовъ прекращается лишь въ такомъ случаѣ, когда въ оставшемся семействѣ подрастутъ малолѣтніе крестьяне, могущіе исполнѣ и съ лихвою замѣнить вышедшаго члена семьи; тогда при наступленіи рекрутскаго набора, такое семейство освобождается отъ поставки рекрута и ему выдается отъ міра зачетная квитанція, въ замѣнъ мірскаго долговаго обязательства, подлежащаго въ такомъ случаѣ уничтоженію.

8) Помѣщикъ не имѣетъ права брать къ себѣ въ услуженіе мальчиковъ и дѣвочекъ изъ крестьянскихъ семей безъ согласія ихъ родителей или родственниковъ, на попеченіи которыхъ они находятся. Но ежели отецъ или мать, или же въ случаѣ сиротства, ближайшіе родственники, согласятся отпустить дѣтей въ домъ помѣщика, въ такомъ случаѣ обязаны они заключить съ помѣщикомъ условіе, изготовляемое въ двухъ экземплярахъ, въ которомъ должно быть въ точности объяснено, на сколько лѣтъ отпускается въ услуженіе мальчикъ или дѣвочка, на какомъ положеніи и за какое вознагражденіе деньгами или чѣмъ нибудь другимъ; это условіе должно быть подписано помѣщикомъ и родственниками отдаваемыхъ въ услуженіе дѣтей и сверхъ того скрѣплено подписью

мірського старосты, съ приложеніемъ мірской печати, съ надписью: печать такого-то мірського общества; для большей же вѣрности, оно можетъ быть явлено и засвидѣтельствовано въ мѣстномъ посредническомъ присутствіи и тогда оно дѣлается вполне обязательнымъ какъ для помѣщика, такъ равно и для крестьянскаго семейства, заключившаго его. Кромѣ условленнаго вознагражденія, должно быть оговорено, ежели родные или родственники желаютъ, чтобы отданныя въ услуженіе дѣти были обучены грамотѣ или какому нибудь мастерству. Сила договора прекращается по достиженіи дѣтми совершеннолѣтія; но ежели пришедшіе въ совершенный возрастъ молодые люди добровольно пожелаютъ остаться въ услуженіи у помѣщика, то съ согласія родителей или родственниковъ обязаны они заключить новое условіе съ помѣщикомъ на опредѣленное число лѣтъ. Условіе подлежитъ уничтоженію, въ случаѣ доказаннаго неисполненія изложенныхъ въ немъ и принятыхъ на себя обязательствъ, со стороны помѣщика, подвергающагося въ такомъ случаѣ соразмѣрному денежному штрафу, количество котораго должно быть опредѣлено въ условіи, равно въ случаѣ недостаточнаго содержанія и жестокаго обращенія съ отданными въ услуженіе дѣтми, или же въ случаѣ тупоумія, нерадивости и закоренѣлыхъ дурныхъ привычекъ отданныхъ въ услуженіе дѣтей; въ такихъ случаяхъ условіе съ общаго согласія можетъ быть расторгнуто, съ учиненіемъ на немъ подписи, засвидѣтельствованной подписью помѣщика и мірського старосты, что условіе съ общаго согласія уничтожается; въ спорныхъ случаяхъ дѣло поступаетъ на обсужденіе мѣстныхъ посредническихъ присутствій, рѣшенію которыхъ обѣ стороны подчиняются безпрекословно.

9) По достиженіи совершеннолѣтія, которое въ видахъ тѣлеснаго и умственнаго развитія было бы полезно узаконить для мужчинъ въ двадцать и для дѣвушекъ въ осьмнадцать лѣтъ, молодые обоого пола люди вступаютъ между собою въ бракъ, съ согласія родителей или родственниковъ, воспитавшихъ ихъ. Не только помѣщикъ, но даже и родные не имѣютъ права принуждать молодыхъ людей ко вступленію въ бракъ противъ ихъ желанія, за чѣмъ въ особенности должны наблюдать мірской староста и священникъ, которые за вѣнчаніе насильственнаго брака, а равно несовершенно-лѣтнихъ, въ случаѣ обнаружившагося черезъ слѣдствіе, по поступившей жалобѣ, потворства, подвергаются суду и законной отвѣтственности. Молодые обоого пола люди, по достиженіи мужчинами двадцати двухъ-лѣтняго и дѣвушками двадцати-лѣтняго возраста, не могутъ быть удерживаемы близкими родственниками отъ вступленія въ бракъ по собственному желанію. Крестьянскія дѣвушки, не находящія себѣ

жениховъ въ имѣніи, по достиженіи ими двадцати-лѣтняго возраста, не должны быть удерживаемы родителями и родственниками отъ вступленія въ бракъ съ лицами, принадлежащими къ другимъ сельскимъ и городскимъ обществамъ.

10) Достигшіе гражданской самостоятельности крестьяне пользуются на основаніи общихъ законоположеній правомъ пріобрѣтать въ свою собственность всякаго рода движимое и недвижимое имущество; пользованіе имъ и право передачи другимъ, по купчей, дарственной записи, духовному завѣщанію, должны быть подчинены особымъ правиламъ, постановленнымъ въ видахъ общественной пользы, съ цѣлю ограничить произвольныя распоряженія частныхъ лицъ, клонящіяся ко вреду родственниковъ, и для огражденія высшихъ правъ крестьянской общины.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ.

Мірское общинное устройство есть осуществленіе самаго справедливаго и священнаго права, на основаніи котораго всякій членъ крестьянской общины, по достиженіи извѣстнаго, закономъ опредѣленнаго возраста, долженъ быть надѣленъ землею для необходимѣйшихъ своихъ потребностей сообразно съ количествомъ состоящей въ общинномъ владѣніи земли и соразмѣрно потребностямъ прочихъ членовъ общины; величина отдѣльныхъ участковъ земли, правила владѣнія ими, дѣленіе земли и переходимость участковъ отъ одного крестьянина къ другому должны быть опредѣлены ясными и точными законоположеніями. Предлагаю постановить слѣдующія, опытомъ оправданныя, несложныя правила:

1) Состоящая во владѣніи крестьянской общины земля должна быть раздѣлена на равныя участки, по числу крестьянскихъ тяголь или вѣнцовъ; мужъ и жена имѣютъ право на полученіе полнаго участка земли, начиная съ двадцати-лѣтняго возраста до пятидесяти лѣтъ; отъ пятидесяти до шестидесяти лѣтъ предоставляется въ ихъ пользованіе половина участка; въ шестидесять лѣтъ земля снимается и отдается въ пользованіе другихъ членовъ общины, достигшихъ законнаго возраста, но не получившихъ еще въ надѣлъ нетолько полнаго, но даже половиннаго количества тяговой земли; шестидесяти-лѣтніе старики, сдавшіе землю, имѣютъ право на полученіе отъ общины ежегоднаго вспоможенія, надѣломъ даровыми участками земли или выдачею опредѣленнаго количества хлѣба, въ такомъ лишь случаѣ, ежели они безсемейные, или ежели семейство не въ состояніи прокормить ихъ; въ семьяхъ же зажиточныхъ, помѣ-

зующихся доходами отъ промысловъ и торговли, забота о содержаніи и прокормленіи стариковъ виѣняется въ обязанность членамъ семьи.

2) Достигшіе двадцати-лѣтняго возраста, неженатые крестьяне имѣютъ право на полученіе половиннаго тягловаго участка, по мѣрѣ упраздненія участковъ, сдачею ихъ шестидесяти-лѣтними стариками и смертію, а равно переходомъ въ другія общества членовъ общины, владѣвшихъ полными и половинными участками тягловой земли. Овдовѣвшіе крестьяне, непользующіеся хорошимъ здоровьемъ и не желающіе вступить во вторичный бракъ, обязаны сдать полтягла земли, предоставляемой въ пользованіе другихъ членовъ общины, нуждающихся въ землѣ; но ежели есть лишняя земля, то съ мірскаго согласія могутъ они владѣть полнымъ тягломъ; въ случаѣ нежеланія ихъ пользоваться полнымъ тягловымъ надѣломъ, они къ тому принуждаемы быть не могутъ и сданное овдовѣвшимъ крестьяниномъ полу-тягло, за неимѣніемъ нуждающихся въ землѣ, поступаетъ въ общее пользованіе всего міра, платящаго за него оброкъ или отбывающаго работу, по положенію.

3) Обыкновенный надѣлъ землею крестьянскихъ тяголъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ составляетъ не менѣе шести десятинъ на тягло, т. е. приблизительно по три десятины пашни и столько же покосу въ трехъ поляхъ; эта пропорція достаточна для прокормленія, при посредственномъ урожаѣ, семейства, состоящаго изъ мужа и жены и еще двухъ лицъ, малолѣтнихъ или стариковъ; семейство, состоящее изъ большаго числа членовъ, находится въ необходимости прикупать хлѣбъ для своего годоваго продовольствія, что не составляетъ большой тягости для семей зажиточныхъ, хотя и ненадѣленныхъ достаточнымъ количествомъ земли, но занимающихся разными выгодными промыслами и обезпеченныхъ въ своемъ содержаніи посторонними болѣе или менѣе значительными доходами; одинокіе крестьяне, обремененные большимъ семействомъ, превышающимъ нормальную пропорцію душъ на тягло, по справедливости должны быть надѣляемы на малолѣтнихъ и на стариковъ даровыми участками земли опредѣленной мѣры, или получать отъ общины ежегодное вспоможеніе хлѣбомъ или деньгами, посредствомъ взноса за неимущихъ крестьянъ нѣкоторой части государственныхъ и господскихъ повинностей. Шестидесятиная пропорція земли на тягло можетъ быть увеличиваема или уменьшаема соразмѣрно съ количествомъ состоящей въ общинномъ владѣніи земли; но во всякомъ случаѣ семейства недостаточныя, не пользующіяся промысловыми доходами и состоящая не менѣе, какъ изъ четырехъ душъ, пользуются предпочтительно передъ прочими правомъ надѣла нормальною пропорціею земли, по-

лагаемого по шести казенныхъ десятинъ на тягло. Общій надѣлъ землею крестьянскихъ обществъ изъ владѣтельской дачи въ имѣніяхъ, изобилующихъ землею, долженъ быть опредѣленъ по крайней мѣрѣ по три десятины на мужскую ревизскую душу; это количество можетъ быть возвышено до четырехъ десятинъ въ имѣніяхъ многоземельныхъ, гдѣ за надѣломъ землею крестьянскихъ обществъ останется въ пользованіи помѣщика, не меньшее и даже большее количество земли, вполне достаточное для правильнаго устройства помѣщичьего хозяйства. Въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, не надѣленныхъ достаточнымъ количествомъ земли, надѣлъ крестьянскихъ общинъ тягловою землею не долженъ превышать половиннаго количества всей состоящей во владѣніи помѣщика земли, чтобы, согласно съ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 5 декабря 1857 года, не нарушить существующаго нынѣ устройства помѣщичьихъ имѣній; въ такомъ случаѣ вся владѣльская дача по справедливости должна быть раздѣлена на двѣ равныя части, съ уравненіемъ выгодъ мѣстности и достоинства земли: одна половина должна быть предоставлена за опредѣленное вознагражденіе въ пользованіе крестьянскаго общества, а другая оставаться въ неограниченномъ пользованіи помѣщика. Для обезпеченія быта дворовыхъ людей желательно было бы, чтобы тѣ изъ нихъ, которые на основаніи постановленій будутъ имѣть право отойти отъ помѣщиковъ и пожелаютъ приписаться къ сельскимъ обществамъ, были надѣлены трехъ-десятинною пропорціею земли на душу, въ имѣніяхъ многоземельныхъ, въ которыхъ за надѣломъ землею крестьянскихъ обществъ и приписавшихся къ селеніямъ дворовыхъ людей останется еще въ пользованіи помѣщика не меньшее и вполне достаточное количество земли; выдѣленная на дворовыхъ людей трехъ-десятинная пропорція земли должна быть присоединена къ крестьянской дачѣ и войти въ составъ ея на существующихъ нынѣ правилахъ общиннаго устройства; но въ такомъ случаѣ община обязана выдѣлять приписавшимся къ селеніямъ дворовымъ людямъ, по желанію ихъ, тягловые участки земли, за которую они должны отбывать повинности на равнѣ съ крестьянами; во всякомъ случаѣ, даже при недостаткѣ земли на полный надѣлъ ею всѣхъ членовъ общины, дѣти приписавшихся къ селеніямъ дворовыхъ людей, по достиженіи ими совершеннолѣтія, пріобрѣтаютъ право на надѣлъ тягловою землею наравнѣ съ прочими членами крестьянской общины. Обязательный надѣлъ землею крестьянскихъ общинъ и приписавшихся къ селеніямъ дворовыхъ людей ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать половиннаго количества всей находящейся во владѣніи помѣщика земли.

4) Община обязана заботиться о нуждахъ воѣхъ своихъ членовъ и оказывать вспомошествованіе не только безпріютнымъ старикамъ, но и всѣмъ нуждающимся въ помощи, какъ-то семьямъ, обремененнымъ малолѣтними дѣтьми, ежели въ таковой семьѣ нѣтъ лишнихъ работниковъ или работницъ, добывающихъ на сторонѣ деньги на домашнія нужды и на уплату повинностей; ежели въ крестьянской семьѣ есть сироты, неимѣющія отца и матери и содержимыя родными изъ состраданія, несмотря на собственныя нужды; ежели наконецъ въ семействѣ недостаточномъ есть неизлѣчимые больные, неспособные къ работѣ и обременяющіе собою семью; однимъ словомъ, община должна помогать нуждающимся своимъ членамъ во всѣхъ случаяхъ, когда средства и старанія отдѣльнаго крестьянина недостаточны для предохраненія семейства отъ нужды и разоренія.

5) вспомошествованіе нуждающимся членамъ крестьянской общины можетъ быть производимо двоякимъ образомъ: посредствомъ выдѣла имъ даровыхъ участковъ земли опредѣленной мѣры или чрезъ выдачу имъ вмѣсто земли опредѣленнаго количества хлѣба, соразмѣрно возрасту и потребностямъ нуждающагося. Для достиженія этой цѣли наименѣе стѣснительнымъ образомъ, представляется слѣдующее удобоисполнимое средство: отдѣленіе къ одному мѣсту въ каждомъ полѣ десятой части всей, состоящей въ пользованіи общины пахатной земли, для выдѣла изъ нея даровыхъ участковъ, а равно для устройства общественной запашки; оставшаяся за выдѣломъ даровыхъ участковъ, отдѣленная къ одному мѣсту земля удобряется, засѣвается и обрабатывается всѣмъ міромъ; собранный хлѣбъ ссыпается въ сельскій запасный магазинъ и употребляется на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ и на разныя потребности крестьянской общины, излишекъ же его, оставшійся нерозданнымъ, можетъ быть продаваемъ ежегодно и способствовать къ постепенному составленію мірскаго вспомогательнаго капитала.

6) Количество дароваго надѣла должно быть не менѣе полу-десятины пашни и покосу въ каждомъ полѣ, т. е. полторы десятины на мужскую ревнскую душу, что составляетъ четвертую часть всего тягловаго надѣла, полагаемаго по шести десятинъ на тягло. Надѣлъ даровою землею, по желанію крестьянскихъ обществъ, можетъ быть замѣненъ выдачею нуждающимся крестьянамъ опредѣленнаго количества хлѣба, полагаемаго для малолѣтнихъ и для стариковъ не менѣе четверти ржи и осьмины овса на каждую душу. Для этого было бы полезно постановить слѣдующія правила: 1) Начиная съ шести-лѣтняго возраста, малолѣтнія дѣти и сироты мужскаго пола въ семействахъ недостаточныхъ имѣютъ право на полученіе даро-

выхъ участковъ земли или опредѣленнаго количества хлѣба. 2) Дѣвочкамъ выдается половинное количество хлѣбомъ, но даровыхъ участковъ земли не выдѣляется. 3) Родившіяся послѣ ревизіи дѣти, по достиженіи ими шести-лѣтняго возраста, равнымъ образомъ пользуются правомъ на полученіе мірскаго вспоможенія деньгами или хлѣбомъ. 4) По достиженіи двѣнадцати-лѣтняго возраста, выдѣлъ даровыхъ участковъ земли и дача хлѣба прекращаются; двѣнадцати-лѣтній мальчикъ долженъ уже самъ себя прокормить и можетъ быть наряженъ въ подпаски, либо отданъ въ обученіе мастерству или торговлѣ; равнымъ образомъ двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка, привычная къ пряжѣ съ малолѣтства, по достиженіи этого возраста не должна быть въ тягость семейству и міру. 5) Безсемейственнымъ и безпріютнымъ старикамъ, свыше шестидесяти лѣтъ, сдавшимъ свои тягловые участки и неимѣющимъ собственной земли или какого либо промысла, съ помощію котораго они могутъ содержать себя, а равно проживающимъ въ бѣдныхъ семьяхъ, — полагается на годовое продовольствіе по четверти ржи мужику и столько же бабѣ и по осьминѣ овса каждому изъ нихъ на крупу. 6) Если въ крестьянскомъ семействѣ, состоящемъ изъ мужа и жены и нѣсколькихъ человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей, хозяинъ дома, вслѣдствіе продолжительной и изнурительной болѣзни, не въ состояніи прокормить семейство работою, въ такомъ случаѣ пользуется онъ до выздоровленія, безвозмездно, полнымъ участкомъ владѣемой имъ тягловой земли, въ случаѣ же смерти его предоставляется въ безвозмездное пользованіе вдовы и сиротъ половина бывшаго во владѣніи его тяглого участка. 7) На содержаніе такихъ больныхъ, которые обременяютъ собою семейства недостаточныя, неимѣющія лишнихъ работниковъ или работницъ, добывающихъ на сторонѣ деньги на домашнія нужды, полагается высшая мѣра мірскаго вспоможенія, даровой участокъ земли, не менѣе двухъ десятинъ въ трехъ поляхъ или по двѣ четверти ржи и по четверти овса ежегодно; назначеніе такого вполне достаточнаго пособія, превышающаго потребности больного, должно служить къ облегченію участи несчастныхъ страдалцевъ, чтобы семейство, получающее нѣкоторую выгоду отъ хвораго члена семьи, ухаживало за нимъ съ терпѣніемъ и любовію. Въ настоящее время, постоянное и дѣятельное попеченіе о нуждахъ крестьянскаго міра составляетъ лучшее преимущество помѣщичьей власти, и потому при переходѣ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ свободное, эта высокая христіанская обязанность по справедливости должна быть наслѣдствомъ крестьянской общины.

7) Община вноситъ помѣщику оброкъ или отбываетъ работы за участокъ земли, отдѣленный для мірской запашки и на удовлетвореніе потребностей нуждающихся крестьянъ.

8) Платежъ оброка и производство работъ за мірскую запашечную землю, распределяется уравнильнымъ образомъ по тягламъ.

9) Достигшіе двадцати-лѣтняго возраста до пятидесяти лѣтъ включительно, затыглые крестьяне, пользующіеся доходами отъ промысловъ и торговли, которымъ по малоземельности общинной дачи не выдѣлены полные и половинные участки тягловой земли, обязаны наравнѣ съ владѣющими тягловыми участками крестьянами участвовать въ платежѣ государственныхъ и земскихъ повинностей и разныхъ мірскихъ сборовъ, за исключеніемъ больныхъ, неспособныхъ къ хозяйственнымъ занятіямъ крестьянъ, а равно подвергшихся хозяйственнымъ убыткамъ, отъ непредвидѣнныхъ случаевъ. Установленіе личной подати съ достигшихъ совершеннаго возраста затыглыхъ крестьянъ, пользующихся доходами отъ промысловъ и торговли, послужитъ справедливымъ вознагражденіемъ крестьянскихъ общинъ за призрѣніе сиротъ, малолѣтнихъ и стариковъ и за попеченіе о всѣхъ нуждающихся своихъ членахъ.

10) Вся пахатная земля, состоящая въ мірскомъ пользованіи, за исключеніемъ участка, отдѣленнаго для мірской запашки, должна быть раздѣлена на крестьянскія сотни, заключающія въ себѣ по четыреста квадратныхъ сажень, что необходимо для уравнинія тяголъ землею, чтобы каждое тягло въ одинаковой мѣрѣ было надѣлено землею лучшаго или худшаго качества, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ деревни; эти однажды выдѣленные сотни не должны передѣливаться по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, но должны оставаться въ пользованіи принявшаго землю до той поры, пока она ему будетъ ненужна, или снята съ него по мірскому приговору; это необходимо для того, чтобы крестьянинъ прилагалъ болѣе старанія къ удобренію и улучшенію своего участка тщательною обработкою. При увеличеніи народонаселенія можетъ быть допущенъ не передѣлъ, но отдѣленіе отъ тягловыхъ участковъ части пахатной земли, для надѣла ею прибылыхъ тяголъ; въ случаѣ же пріобрѣтенія міромъ въ пользованіе или владѣніе новыхъ земель, удобная для вспашки равномерно разбивается на сотни и дѣлится между тяглами поровну.

11) Сѣнокосъ въ поляхъ и пустошахъ, смотря по достоинству травы, разбивается по возможности уравнильнымъ образомъ на кудги и каждое тягло довольствуется вынутымъ жеребьемъ. Этотъ давно установленный обычай, удовлетворяетъ требованіямъ

справедливости и вполне соответствуетъ потребностямъ общиннаго устройства.

12) Община обязана помогать отставшимъ въ работахъ крестьянамъ, ежели упущеніе произошло не по ихъ винѣ, но вслѣдствіе болѣзни или какого нибудь непредвидѣннаго случая.

13) Ежели въ рабочую пору занеможетъ крестьянинъ или крестьянка, несущіе тягла, и ежели въ домѣ нѣтъ лишняго работника или работницы, въ такомъ случаѣ, міръ обязанъ помочь имъ во всѣхъ полевыхъ работахъ, чтобы они не отстали отъ другихъ; общественная работа производится въ праздничные дни (*), по окончаніи церковной службы, по наряду и подъ наблюденіемъ мірскаго старосты, надзирающаго за добросовѣстнымъ исполненіемъ работы; неисполнившіе наряда по незнанію его, за отлучкой изъ дому, вносятъ по 30 коп. сер. съ человѣка въ пользу мірскаго кассы; ослушники и нерадивые подвергаются двойному денежному штрафу, взыскиваемому съ нихъ немедленно; неявившіеся на работу по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ отъ платежа штрафа освобождаются.

14) Община обязана оказывать постоянное вспомошествованіе всѣмъ, подвергшимся различнымъ случайностямъ крестьянамъ, напримѣръ: ежели у крестьянина, несущаго тягло, пала или обезножѣла, или пропала лошадь, въ то время, когда нужно пахать, сѣять, боронить, возить удобреніе, убирать сѣна или снопы, — или когда въ рабочую пору умереть тягловой крестьянинъ или крестьянка, однимъ словомъ, во всѣхъ случаяхъ, когда остановка въ работахъ произошла не по винѣ самаго хозяина; этой льготой не могутъ воспользоваться больше-тягольные семьи, имѣющія лишннихъ работниковъ и лошадей и пользующіяся хорошимъ достаткомъ.

15) Въ случаѣ эпидемической болѣзни, всѣ здоровые крестьяне и крестьянки обязаны общими силами обработать въ господскихъ и крестьянскихъ поляхъ участки больныхъ и умершихъ, до прекращенія эпидеміи.

16) Не должно быть возбраняемо отставшему въ работахъ крестьянину исправлять свое дѣло въ праздникъ.

17) Община обязана помочь неисправному хозяину обмолотить хлѣбъ, ежели остановка въ молотьбѣ произошла отъ перестройки овина или вслѣдствіе болѣзни хозяина или домашнихъ его.

(*) Назначеніе праздничныхъ дней для производства мірскихъ общественныхъ работъ, согласно съ требованіями хозяйственнаго разсчета, потому что въ будни каждый крестьянинъ занятъ собственнымъ дѣломъ; оно есть въ тоже время практическое приложеніе сваягельской истины, что не человѣкъ созданъ для субботы, а суббота для человѣка.

18) При перестройкѣ двора или избы община помогаетъ строящемуся подводами для перевозки бревенъ. Недавшіе подводы за отлучкою и по незнанію наряда платятъ въ пользу мірской кассы за подводу по 60 коп. сер.; ослушники подвергаются безотлагательному взысканію двойнаго денежнаго штрафа. Неисполнившіе своей обязанности по болѣзни или другимъ причинамъ, признаннымъ уважительнымъ, отъ платежа денежнаго штрафа освобождаются.

19) Если вмѣсто бревенъ куплено готовое строеніе, изба или дворъ, то оно равнымъ образомъ перевозится всѣмъ міромъ; впрочемъ, вспомошествованіе подводами ограничивается перевозкою бревенъ на избу или перестройку двора и необходимѣйшихъ хозяйственныхъ строеній; перевозка большихъ строеній, мельницъ и разныхъ заводовъ, а равно большаго количества бревенъ, превосходящая необходимую потребность обыкновеннаго крестьянскаго быта, до міра не касается.

20) Община отвѣчаетъ за исправный взносъ государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей, которыя она уплачиваетъ за неисправныхъ плательщиковъ, и въ замѣнъ этой обязанности пользуется надъ несостоятельными крестьянами различными правами, на основаніи законныхъ постановленій; если же недоника произошла не по собственной винѣ крестьянина, но вслѣдствіе болѣзни или непредвидѣнныхъ несчастій, въ такомъ случаѣ несостоятельный должникъ отъ уплаты своего долга мірскому обществу освобождается.

21) По достиженіи крестьянскими обществами совершенной независимости и по приобрѣтеніи ими полныхъ правъ свободнаго состоянія, когда правительствомъ дозволенъ будетъ съ надлежащими ограниченіями переходъ крестьянамъ изъ одной мѣстности въ другую, было бы полезно установленіе опредѣленнаго денежнаго взноса въ пользу крестьянскихъ обществъ, за право перехода въ другія общества и сословія; денежный взносъ долженъ быть соразмѣренъ съ невыполненными въ отношеніи къ обществу обязанностями переселяющихся въ другія мѣстности крестьянъ и служить обезпеченіемъ исправнаго отправленія за выбывшихъ членовъ рекрутской повинности, а равно уплаты государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей за состоявшую въ пользованіи переселенцевъ землю; назначеніе умѣреннаго денежнаго взноса, нестѣснительнаго для членовъ крестьянскихъ обществъ, приобрѣвшихъ достатокъ подъ сѣнію благотѣльныхъ общинныхъ учреждений, могло бы способствовать образованію мірскаго вспомогательнаго капитала и увеличенію благосостоянія крестьянскихъ общинъ.

О ПРИОБРѢТЕНІИ ОБЩИНОЮ КРЕСТЬЯНСКОЮ ПОКУПКОЮ У ПОМѢЩИКА, ВЪ ПОЛНОЕ ВЛАДѢНІЕ, СОСТОЯЩЕЙ ВЪ ПОЛЬЗОВАНІИ ЕЮ ЗЕМЛИ И О ПОЛЬЗОВАНІИ КУПЛЕННОЮ ЗЕМЛЕЮ ЧЛЕНАМИ ОБЩИНЫ.

1) Крестьянская община преимущественно передъ отдѣльными крестьянами пользуется правомъ приобрѣтати въ полное владѣніе покупкою у помѣщика состоящую въ пользованіи ея землю; такимъ же правомъ, въ опредѣленномъ размѣрѣ, пользуется каждый отдѣльный крестьянинъ.

2) При покупкѣ земли общиною, никто не можетъ быть устраненъ отъ приобрѣтенія той доли, которою онъ пользуется, и каждый обязанъ внести за свою часть слѣдующее количество денегъ; недостаточные крестьяне пользуются пособіемъ отъ общины, которая вноситъ за нихъ деньги, съ нихъ же получаетъ по срокамъ, и за такую ссуду не состоятельный крестьянинъ предоставляетъ въ пользованіе общины четвертую часть изъ своего участка до полной уплаты долга.

3) Каждое семейство сохраняетъ право на пользованіе своимъ участкомъ до той поры, пока онъ необходимъ для удовлетворенія первыхъ потребностей жизни всѣхъ членовъ семьи; участокъ земли, превосходящій потребности семьи, уменьшившейся смертію своихъ членовъ или переходомъ ихъ въ другія сельскія и городскія общества, поступаетъ въ пользованіе другихъ, нуждающихся въ землѣ крестьянъ, которые уплачиваютъ владѣльцу опредѣленный выкупъ, равняющійся цѣнности земли и крѣпостныхъ пошлинъ, означенныхъ въ купчей крѣпости.

4) Для предупрежденія злоупотребленій, воспрещается отдѣльнымъ крестьянамъ, купившимъ у помѣщика часть состоящей въ ихъ пользованіи общинной земли, закладывать ее другимъ лицамъ, съ объявленіемъ ложной цѣны, превышающей означенную въ купчей крѣпости, — во избѣжаніе законнаго выкупа, владѣемой ими излишней пропорціи земли, другими нуждающимися въ землѣ крестьянами.

5) Если пользуются правомъ выкупа лишнихъ земель крестьяне не въ состояніи внести въ одинъ разъ цѣну земли, значущуюся въ купчей крѣпости, то до полной уплаты ими капитальной суммы обязаны они платить владѣльцу ежегодно по четыре процента съ стоимости земли, означенной въ купчей крѣпости, и сверхъ того пользуются правомъ уплачивать капиталъ по частямъ, въ нѣскольکو сроковъ.

6) Крестьянская община обеспечивает за каждым из своих членов пользование участкомъ земли, непревосходящимъ участкомъ прочихъ членовъ общины, помогаетъ нуждающимся своимъ членамъ въ выкупъ тягловыхъ участковъ, превышающихъ необходимую потребность въ землѣ отдѣльныхъ крестьянскихъ семей и разсрочиваетъ имъ уплату долга на болѣе или менѣе продолжительные сроки.

7) Увеличившіяся семьи, немогущія продовольствоваться купленнымъ ими первоначально участкомъ, преимущественно передъ прочими пользуются правомъ выкупа лишнихъ и выморочныхъ земель.

8) Осиротѣвшимъ семьямъ, состоящимъ изъ женщинъ и дѣтей, оставляется участокъ земли, необходимый для ихъ прокормленія, за излишнюю же землю выплачивается имъ опредѣленный выкупъ, посредствомъ взноса капитальной суммы или платежа процентовъ по четыре на сто до полной уплаты капитала.

9) Дѣти мужескаго пола, оставшіяся сиротами въ малолѣтствѣ, по достиженіи ими совершеннолѣтія и вступленіи въ бракъ, имѣютъ право на полученіе отъ общины необходимаго для ихъ продовольствія участка земли, отдѣляемаго отъ семей, пользующихся излишнею землею, за которую имъ выплачивается опредѣленный выкупъ.

10) Ближайшіе наслѣдники умершаго крестьянина, перешедшіе въ другія сельскія общества, или живущіе въ городахъ, имѣютъ право на полученіе отъ общины опредѣленнаго выкупа за оставшееся послѣ ихъ родственника недвижимое имущество; вполнѣ выморочныя земли поступаютъ въ распоряженіе общины, которая раздаетъ ихъ болѣе нуждающимся крестьянамъ, и полученную за нихъ плату присоединяетъ къ мірскому вспомогательному капиталу.

11) Дозволяется также отдѣльнымъ крестьянамъ пріобрѣтать покупкою у помѣщика состоящіе въ пользованіи ихъ тягловые участки земли, но отнюдь не дозволяется пріобрѣтать земли, состоящіе въ пользованіи другихъ крестьянъ, неимѣющихъ средствъ къ покупке своего участка.

12) Отдѣльные крестьяне, купившіе у помѣщика землю, въ пользованіи ею, подчиняются всѣмъ правиламъ общиннаго устройства и не могутъ требовать выдѣла своего участка къ одному мѣсту. Владѣемая ими земля равнымъ образомъ подлежитъ въ опредѣленныхъ случаяхъ выкупу крестьянскою общиною, черезъ уплату владѣльцу цѣны земли, означенной въ купчей крѣпости.

13) Община преимущественно передъ отдѣльными лицами пользуется правомъ выкупать всѣ смежныя земли и включать ихъ въ составъ полевой земли, на общинномъ положеніи.

14) Отхожія пустоши, несмежныя съ состоящею въ общинномъ владѣніи землею, могутъ быть пріобрѣтаемы членами общины въ особое владѣніе, для учрежденія на нихъ отдѣльнаго хозяйства; эти земли выкуну крестьянскою общиною не подлежатъ.

Общинное владѣніе землею, при которомъ каждое отдѣльное лицо имѣетъ право на получение участка земли, для необходимѣйшихъ потребностей жизни, обезпечивающее разумныя и справедливыя права всѣхъ вообще и cadaго въ особенности, есть самое благодѣтельное и превосходное учрежденіе, удовлетворяющее врожденному чувству справедливости и требованіямъ ума непредубѣжденнаго, и свидѣтельствующее о сметливости и добросовѣстности нашего умнаго русскаго народа. Сохраненіе и полное развитіе общиннаго начала на законномъ основаніи будетъ въ высшей степени благотворно и послужитъ къ упроченію благосостоянія крестьянскихъ общинъ.

О МІРСКОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ И РАЗНЫХЪ СТЕПЕНЯХЪ МІРСКИХЪ СУДЕБНЫХЪ ВЛАСТЕЙ.

1) Первая степень власти въ крестьянской общинѣ принадлежитъ по праву главѣ семейства, то есть старшему въ немъ: отцу, за смертію отца—дядѣ; ежели нѣтъ стариковъ въ домѣ, то старшему брату, родному или двоюродному.

2) Всѣ члены семейства обязаны быть въ полномъ повиновеніи старшему, по наряду его являться на работу свою или господскую; безъ согласія его не должны отлучаться изъ дому на разные промыслы и по первому востребованію главы семейства обязаны возвращаться въ свои дома и отдавать хозяину отчетъ въ заработанныхъ деньгахъ, которыми они не имѣютъ права распоряжаться произвольно; всѣ деньги, добытыя меньшими членами семьи, поступаютъ въ полное распоряженіе старшаго, который расходуетъ ихъ по своему усмотрѣнію; кромѣ того, старшій въ семействѣ распоряжается домашними работами, продажей хлѣба, скота и прочаго, покупкою всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для хозяйственнаго обихода и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отдаетъ отчетъ одному лишь міру.

3) Въ случаѣ неспособности къ управленію или дурнаго поведенія старшаго въ семействѣ, меньшіе члены семьи обязаны обратиться съ своею жалобою къ мірскому старостѣ, который долженъ содѣйствовать примиренію семейныхъ несогласій и водворенію въ семействахъ дружелюбія; равнымъ образомъ и старшій въ семьѣ относится къ

мірскому старостѣ, въ случаѣ неповиновенія, дурнаго поведенія, не-
радивости въ работахъ и утайки заработанныхъ денегъ меньшими
членами семьи.

4) Если старшій или же меньшіе члены семьи рѣшеніемъ мір-
скаго старосты останутся недовольны, въ такомъ случаѣ жалоба по-
ступаетъ на разсмотрѣніе крестьянскаго общества, которое избира-
етъ изъ своей среды временный судъ, состоящій изъ нечетнаго
числа членовъ, отъ трехъ до девяти, чтобы по каждому дѣлу могло
состояться рѣшеніе по большинству голосовъ; назначеніе времен-
ныхъ членовъ мірскаго суда, измѣняющихся каждый разъ, необхо-
димо для того, чтобы при разбирательствѣ крестьянскихъ жалобъ и
всякихъ споровъ были устраняемы отъ участія въ рѣшеніи мір-
скихъ дѣлъ родственники или постороннія лица, подозрѣваемые въ
пристрастіи къ одному изъ подвергавшихся суду общины крестьянъ;
рѣшенія временнаго мірскаго суда исполняются безпрекословно во
всѣхъ дѣлахъ, относящихся до общины и неимѣющихъ прямаго
отношенія къ помѣщику.

5) Штрафованные или наказанные по приговору временнаго мір-
скаго суда крестьяне записываются въ заведенную при имѣніи
штрафную книгу, съ прописаніемъ ихъ вины и присужденнаго за
нее наказанія; неисправляющіеся крестьяне, подвергшіеся вторич-
ному наказанію за важные проступки, имѣются преимущественно въ
виду при отправленіи рекрутской повинности и отдаются въ рекру-
ты предпочтительно передъ смиренными и трудолюбивыми людьми.

6) Если старшій въ семьѣ окажется виновнымъ въ нерадѣніи,
дурномъ поведеніи, нерасчетливости и злоупотребленіи своей власти
надъ меньшими членами, въ такомъ случаѣ, по жалобѣ послѣд-
нихъ, виновный, хотя бы даже отецъ семейства, по приговору мір-
скаго суда лишается правъ старшинства, которое передается одному
изъ меньшихъ членовъ семьи, признанному міромъ болѣе способ-
нымъ и достойнымъ; строптивые члены семьи, неповинующіеся
власти новаго семейнаго главы, подвергаются различнаго рода нака-
заніямъ, по рѣшенію временныхъ мірскихъ судовъ.

7) Помѣщикъ или управляющій имѣніемъ сохраняетъ право
вмѣшательства въ распоряженія крестьянскаго общества во всѣхъ
дѣлахъ, относящихся до владѣльца земли, для смягченія и отмены
несправедливыхъ приговоровъ и для предупрежденія потворства не-
годяимъ, ворами, пьяницамъ, шинкующимъ виномъ и всѣмъ вообще
зажиточнымъ, но недобросовѣстнымъ крестьянамъ, — со стороны
мірскаго старосты, ко вреду крестьянскаго общества.

8) Крестьянское общество пользуется правомъ избирать изъ своей среды мірскаго старосту, который долженъ быть посредствующимъ лицомъ между крестьянами и помѣщикомъ.

9) Въ издѣльныхъ имѣніяхъ староста имѣетъ наблюденіе за господскими работами, подѣ непосредственнымъ надзоромъ помѣщика или его управляющаго, и отвѣчаетъ передъ помѣщикомъ за всякую неисправность и умышенное потворство крестьянамъ.

10) Въ имѣніяхъ оброчныхъ староста собираетъ оброки и высылаетъ ихъ помѣщику, отъ котораго получаетъ росписку въ полученіи имъ оброчной суммы.

11) Какъ въ издѣльныхъ, такъ равно и въ оброчныхъ имѣніяхъ, мірской староста занимается сборомъ государственныхъ и господскихъ повинностей и подвергаетъ неисправныхъ крестьянъ понудительнымъ мѣрамъ, дозволеннымъ законами.

12) Мірской староста выдаетъ мѣсячные билеты и плакатные паспорта, отправляющимся въ отдаленныя мѣстности крестьянамъ, съ согласія помѣщика или управляющаго имѣніемъ, которымъ впрочемъ не предоставлено право задерживать въ имѣніи старательныхъ и исправныхъ крестьянъ, противъ ихъ желанія; проживающіе по плакатнымъ паспортамъ въ столицахъ и въ другихъ губерніяхъ крестьяне, невышолняющіе своихъ обязанностей въ отношеніи къ помѣщику и къ крестьянскому обществу, по требованію своего начальства, сообщаемому черезъ земскую полицію, начальствомъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они временно проживаютъ, должны быть немедленно препровождаемы посредствомъ внутренней стражи въ мѣсто своего жительства.

13) Для усиленія власти мірскаго старосты предоставляется ему право суда и опредѣленія легкихъ наказаній за неважные проступки, а равно назначеніе и взысканіе въ опредѣленныхъ случаяхъ штрафовъ, на основаніи постановленныхъ для разныхъ случаевъ законоположеній.

14) Мірской староста долженъ быть избираемъ преимущественно изъ большихъ семей, или по крайней мѣрѣ изъ двойниковъ, чтобы не было опущенія въ его домашнемъ хозяйствѣ.

15) Крестьянское общество сохраняетъ впрочемъ право избирать старосту изъ одинокихъ мужиковъ, но въ такомъ случаѣ его тягло обрабатывается міромъ, который вноситъ за него государственныя и господскія повинности.

16) За свою службу мірской староста получаетъ въ бесплатное пользованіе участки земли, которымъ онъ пользуется на свое тягло и слѣдующія съ него государственныя и господскія повинности уплачиваются міромъ; кромѣ того, въ издѣльныхъ имѣніяхъ, гдѣ ста-

роста смотреть за работами въ господскомъ полѣ, освобождается отъ работъ; но не отъ платежа денежныхъ повинностей, если есть еще другое тягло въ его семьѣ.

17) Староста имѣетъ хожденіе по всѣмъ мірскимъ дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ, сдаетъ рекрутовъ и во всѣхъ случаяхъ обязанъ заботиться объ огражденіи мірскаго интереса.

18) Семейство старосты во все продолженіе его службы освобождается отъ рекрутской очереди въ такомъ лишь случаѣ, ежели оно состоитъ не болѣе, какъ изъ двойниковъ.

19) Каждый отдѣльный крестьянинъ имѣетъ право приносить помѣщику или его управляющему жалобу на неправильныя и стѣснительныя распоряженія мірскаго старосты, которыя владѣлецъ имѣетъ право отмѣнять на основаніи законныхъ постановленій.

20) За нарушеніе своихъ обязанностей въ отношеніи къ крестьянскому обществу и къ помѣщику, мірской староста подвергается по рѣшенію особыхъ посредническихъ присутствій смѣнѣ и соответственному винѣ его наказанію; послѣ смѣны старосты общество немедленно приступаетъ къ избранію новаго.

21) Крестьянское общество и владѣлецъ земли, въ случаѣ возникшихъ между ними недоразумѣній и взаимныхъ жалобъ, обязаны обратиться къ посредничеству избираемыхъ помѣщиками изъ своей среды окружныхъ сельскихъ начальниковъ, которымъ, съ присоединеніемъ къ нимъ депутата отъ крестьянъ, поручается надзоръ за составленными изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ имѣній сельскими округами, опредѣленнаго размѣра; начальнику сельскаго округа предоставляется совмѣстно съ депутатомъ отъ крестьянъ право разбирательства и рѣшенія нетерпящихъ отлагательства спорныхъ дѣлъ, могущихъ возникнуть между крестьянскими обществами и помѣщиками; рѣшенія сельскихъ окружныхъ начальниковъ приводятся немедленно въ исполненіе, въ случаѣ же сопротивленія владѣльцевъ или крестьянскихъ обществъ, спорныя дѣла поступаютъ на разсмотрѣніе мѣстныхъ посредническихъ присутствій, постановляющихъ окончательныя приговоры поступившимъ въ нихъ жалобамъ и подвергающихъ взысканіямъ и денежнымъ штрафамъ виновныхъ въ неправильныхъ жалобахъ или несправедливомъ рѣшеніи дѣлъ отвѣтственныхъ лицъ.

22) Крестьянское общество и каждый отдѣльный крестьянинъ, невыполняющіе обязанностей своихъ въ отношеніи къ помѣщику, неповинующіеся его законной власти, опредѣленной законоположеніями, неоказывающіе помѣщику должнаго уваженія и тѣмъ болѣе, позволяющіе себѣ разные противозаконныя поступки и противящіеся законнымъ рѣшеніямъ сельскихъ окружныхъ начальниковъ,

подвергаются по степени вины различнымъ наказаніямъ и болѣе или менѣе значительнымъ денежнымъ штрафамъ, по рѣшенію высшей въ уѣздѣ судебной инстанціи мѣстнаго посредническаго присутствія.

23) Въ каждомъ уѣздѣ должно быть учреждено особое посредническое присутствіе для разбирательства и рѣшенія спорныхъ дѣлъ между помѣщиками и крестьянскими обществами и для разрѣшенія недоразумѣній, неизбѣжныхъ при водвореніи новаго порядка вещей. Рѣшенія посредническихъ присутствій постановляются на основаніи положительныхъ узаконеній и получаютъ обязательную силу какъ для помѣщиковъ, такъ равно и для крестьянскихъ обществъ, конорыми приводятся немедленно въ исполненіе.

24) Посредническое присутствіе должно состоять изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, избираемыхъ изъ дворянъ; крестьянскія общества равнымъ образомъ избираютъ изъ своей среды трехъ членовъ, пользующихся правомъ голоса наравнѣ съ членами дворянскаго сословія.

25) Дворянскіе выборы происходятъ въ уѣздномъ городѣ черезъ общую подачу голосовъ всѣхъ проживающихъ въ уѣздѣ дворянъ; чтобы не стѣснять дворянскихъ избирателей въ свободной подачѣ голосовъ, не дозволяется составлять списковъ кандидатовъ и предлагать ихъ избирателямъ для выбора членовъ присутствія изъ числа кандидатовъ, помѣщенныхъ въ списокъ; но всѣ проживающіе въ уѣздѣ дворяне, какъ присутствующіе, такъ и отсутствующіе по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, пользуются правомъ подавать письменные отзывы въ пользу тѣхъ лицъ, которыхъ они считаютъ достойными избранія; получившіе наибольшее число голосовъ утверждаются въ званіи предсѣдателя и членовъ посредническаго присутствія и за тѣмъ присутствующіе члены уѣзнаго собранія приступаютъ къ избранію кандидатовъ такимъ же точно порядкомъ. Если по повѣркѣ письменныхъ отзывовъ присутствующихъ и отсутствующихъ дворянъ окажется, что два лица получили одинаковое количество голосовъ, въ такомъ случаѣ избраніе въ члены посредническаго присутствія рѣшается черезъ письменную подачу голосовъ присутствующихъ въ собраніи дворянъ; въ случаѣ равнаго раздѣленія голосовъ спорные выборы предоставляются рѣшенію жребія.

26) Крестьянскія общества избираютъ со ста душъ трехъ избирателей, которымъ предоставляется право избранія трехъ членовъ въ посредническое присутствіе и столько же кандидатовъ по большинству голосовъ; въ случаѣ равнаго раздѣленія голосовъ

крестьянскихъ избирателей спорные выборы рѣшаются посредствомъ жребія.

27) Выбранные въ члены посредническаго присутствія неслужащія лица, а равно и кандидаты, не имѣютъ права отказываться отъ службы подъ вымышленными предлогами; единственною законною причиною къ отказу можетъ служить постоянное болѣзненное состояніе здоровья, удостовѣренное медицинскимъ слѣдствіемъ и свидѣтельствомъ достойныхъ довѣрія лицъ дворянскаго сословія; уличенные въ уклоненія отъ службы подъ ложными предлогами подвергаются отвѣтственности и денежнымъ штрафамъ, по рѣшенію уѣздныхъ дворянскихъ собраний. Избранные въ члены посредническаго присутствія дворяне, нуждающіеся въ средствахъ къ жизни, сверхъ опредѣленнаго по положенію жалованья, имѣютъ право на полученіе особеннаго денежнаго вспоможенія изъ дворянскихъ суммъ.

28) Члены посредническаго присутствія обязаны ежемѣсячно собираться у дворянскаго предсѣдателя для обсужденія всякаго рода дѣлъ, накопившихся въ продолженіе этого времени; въ важныхъ случаяхъ назначаются особыя засѣданія, на которыхъ по повѣсткѣ предсѣдателя избранные члены должны являться безпрекословно. Предсѣдатель посредническаго присутствія рѣшаетъ собственною властію, на основаніи законныхъ положеній, разныя нетерпящія отлагательства, менѣе важнаго свойства дѣла, по просьбамъ помѣщиковъ на крестьянскія общества и послѣднихъ на помѣщиковъ.

29) Избранные дворянствомъ члены, въ случаѣ болѣзни или встрѣтившейся необходимости отлучиться изъ имѣнія, уведомляютъ о томъ предсѣдателя, который разрѣшаетъ имъ отъѣздъ и въ то же время назначаетъ одного изъ кандидатовъ для исправленія должности отсутствующаго члена; въ случаѣ болѣзни или отлучки изъ имѣнія предсѣдателя, онъ имѣетъ право назначать на свое мѣсто одного изъ членовъ и замѣщаетъ его однимъ изъ кандидатовъ; вступившіе во временное отправление должности предсѣдателя и членовъ посредническаго присутствія пользуются въ продолженіе этого времени присвоеннымъ этимъ должностямъ жалованьемъ. Крестьянскіе члены посредническихъ присутствій равнымъ образомъ состоятъ въ зависимости отъ предсѣдателя и безъ позволенія его не могутъ отлучаться изъ домовъ, на что каждый разъ должны испрашивать разрѣшенія. Отсутствующій членъ немедленно замѣняется однимъ изъ кандидатовъ.

30) Для производства дѣлъ въ посредническомъ присутствіи предсѣдатель приглашаетъ къ себѣ на службу опытнаго чиновника, знакомаго съ судебнымъ дѣлопроизводствомъ.

31) Посредническое присутствіе есть высшая въ уѣздѣ судебная инстанція, для разбирательства и рѣшенія спорныхъ дѣлъ между помѣщиками и подвѣдомственными имъ крестьянскими обществами; независимо отъ судебной власти главное назначеніе его состоитъ въ изысканіи способовъ къ совершенію всякаго рода мировыхъ сдѣлокъ и въ предупрежденіи важныхъ столкновеній между помѣщиками и крестьянскими обществами.

32) Всѣ дѣла въ посредническомъ присутствіи рѣшаются по большинству голосовъ; но, въ случаѣ равенства голосовъ, мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ мнѣнію дворянскихъ или сельскихъ представителей; мнѣніе члена, несогласнаго съ мнѣніемъ большинства и недовольнаго рѣшеніемъ предсѣдателя, заносится въ протоколъ, который подписывается предсѣдателемъ и прочими членами. Рѣшенія присутствія приводятся въ исполненіе безъ замедленія.

33) Всѣ рѣшенныя дѣла по окончаніи года сдаются въ архивъ, который долженъ быть содержимъ въ порядкѣ, на случай какихъ либо необходимыхъ справокъ.

34) Предсѣдателю посредническаго присутствія, который можетъ въ тоже время быть и предводителемъ дворянства, полагается жалованья по шестисотъ руб. сер. въ годъ, и кромѣ того на разъѣзды и разные экстренные расходы четыреста руб., всего тысяча руб.; каждому изъ членовъ полагается по триста руб. и столько же производителю дѣлъ; на канцелярскіе расходы назначается сто руб. въ годъ. Сельскіе члены получаютъ по сту руб. сер. отъ крестьянскихъ обществъ.

35) Посредническія присутствія, по прошествіи года, подлежатъ повѣркѣ комиссій, составляемыхъ изъ трехъ членовъ дворянскаго сословія, избираемыхъ дворянскими уѣздными собраніями, съ присоединеніемъ къ нимъ трехъ депутатовъ отъ крестьянъ; всѣ проживающіе въ уѣздѣ дворяне и управляющіе имѣніями, а равно и крестьянскія общества, пользуются правомъ приносить ревизіонной комиссіи жалобы на несправедливыя рѣшенія посредническаго присутствія. О найденныхъ комиссіею несправностяхъ въ дѣлопроизводствѣ и разныхъ несправедливостяхъ, она доноситъ уѣздному собранію, состоящему изъ всѣхъ наличныхъ, проживающихъ въ уѣздѣ дворянъ.

36) Въ случаѣ обнаруженныхъ ревизіонною комиссіею несправильностей въ дѣлопроизводствѣ и разныхъ злоупотребленій, назначается, по повѣсткѣ уѣзднаго предводителя дворянства, чрезвычайное уѣздное собраніе, избирающее изъ своей среды временный судъ, состоящій изъ нечетнаго числа членовъ, который по большинству голосовъ постановляетъ рѣшенія о подвергшихся обви

ненію въ недобросовѣстности членахъ посредническаго присутствія. Какъ дворянскіе, такъ равно и крестьянскіе члены посредническихъ присутствій, уличенные въ недобросовѣстномъ стяжаніи противозаконнаго интереса, подвергаются по рѣшеніямъ временнаго дворянскаго суда соразмѣрнымъ ихъ винѣ взысканіямъ въ пользу обиженныхъ ими лицъ или обществъ и подлежатъ кромѣ того смѣнѣ и замѣщенію кандидатами; въ то же время приступаютъ къ избранію новыхъ кандидатовъ;—за явное же нарушеніе законоположеній и постановленіе неправильныхъ приговоровъ члены посредническихъ присутствій подвергаются сверхъ того суду высшихъ судебныхъ инстанцій. Крестьянскимъ обществамъ должно быть предоставлено право приносить на пристрастные рѣшенія высшаго дворянскаго суда жалобы начальнику губерніи, какъ представителю высшаго правительства; допущеніе въ то же время печатной гласности для обнаруженія злоупотребленій властей и для обращенія на нихъ вниманія высшаго правительства, послужить лучшимъ средствомъ къ уменьшенію пристрастныхъ рѣшеній и развитію правильнаго судопроизводства.

Дарованіе дворянскому сословію и крестьянскимъ обществамъ неограниченнаго права рѣшать всѣ относящіяся до нихъ дѣла собственнымъ судомъ, на основаніи ясныхъ и точныхъ законоположеній, и добросовѣстное исполненіе обоими сословіями своихъ обязанностей послужить къ водворенію общественнаго благоустройства и къ упроченію благосостоянія, какъ помѣщиковъ, такъ равно и крестьянскихъ обществъ.

О ПОЛЬЗОВАНІИ ПОМѢЩИЧЬИМЪ ЛѢСОМЪ, РАСТУЩИМЪ НА СОСТОЯЩЕЙ ВЪ ПОЛЬЗОВАНІИ КРЕСТЬЯНСКАГО ОБЩЕСТВА ЗЕМЛѢ, И О ПРИОБРѢТЕНІИ ЕГО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ПОКУПКОЮ У ВЛАДѢЛЬЦА.

1) Строевой и дровяной лѣсъ, растущій на предоставленной въ пользованіе крестьянскаго общества землѣ, остается неотъемлемою собственностію помѣщика; но чтобы пріобрѣсти право пользованія дровами на отопленіе избъ, общество обязано избрать изъ среды своей надежнаго сторожа, назначить ему жалованье и поручить надзоръ за лѣсомъ, за сбереженіе котораго онъ отвѣчаетъ. За сторожа отвѣчаетъ все общество. На отхожихъ пустошахъ, удаленныхъ отъ имѣнія, устраивается на помѣщичій счетъ сторожка для жительства сторожа, имѣющаго наблюденіе за сбереженіемъ молодаго и стараго лѣса; въ случаѣ значительности лѣсной дачи, даются лѣс-

ному сторожу на подмогу отъ міра чередовые сторожа, обязанные просторожить недѣлю и отвѣчающіе наравнѣ съ главнымъ сторожемъ за порубку лѣса и потраву травы; чередовые сторожа могутъ быть замѣняемы посредствомъ найма обществомъ постоянного помощника главному сторожу.

2) Отпускъ дровъ крестьянамъ равняется цѣнности издержекъ, употребленныхъ міромъ на жалованье и содержаніе сторожа и его помощника.

3) Если по осмотру лѣса владѣльцемъ или управляющимъ его окажется порубка, то она свидѣлствуется въ присутствіи мірскаго старосты и нѣсколькихъ крестьянъ и производится оцѣнка порубленного лѣса съ назначеніемъ штрафа, по общему положенію о порубкахъ; эти деньги вычитаются изъ назначеннаго лѣсному сторожу жалованья и выплачиваются помѣщику; но если штрафная сумма превышаетъ получаемый сторожемъ годовой окладъ, то она уплачивается крестьянскимъ обществомъ.

4) Если лѣсной сторожъ открылъ виновныхъ въ похищеніи лѣса одного или нѣсколькихъ участниковъ въ порубкѣ, то слѣдующій по положенію о порубкахъ штрафъ, для избѣжанія судебныхъ разбирательствъ и проволочекъ, взыскивается съ виновныхъ поровну, хотя бы они и не въ одинаковой степени воспользовались краденымъ лѣсомъ; въ такомъ случаѣ выдается сторожу изъ штрафныхъ денегъ третья часть.

5) Если общество не пожелаетъ взять на себя обязанность сторожить лѣсъ и отвѣчать за цѣлость его, въ такомъ случаѣ крестьяне лишаются права на безденежный отпускъ дровъ.

6) Крестьянское общество можетъ пользоваться необходимымъ отпускомъ дровъ не иначе, какъ по добровольному соглашенію съ владѣльцемъ за опредѣленное вознагражденіе деньгами или работою.

7) Крестьянское общество можетъ пріобрѣсти право на постоянное пользованіе лѣсомъ не иначе, какъ покупкою всего или части лѣса съ землею или безъ земли, по условію или по купчей крѣпости. При уступкѣ лѣса безъ земли заключается условіе на опредѣленное число лѣтъ; условіе должно быть засвидѣтельствовано въ мѣстномъ посредническомъ присутствіи.

8) Крестьянское общество пріобрѣтаетъ лѣсъ съ землею и безъ земли покупкою у помѣщика не по тягламъ, а по дворамъ, по той причинѣ, что какъ больше-тягольные такъ и малотягольные семьи имѣютъ одинаковую надобность въ лѣсѣ на постройки и отопленіе.

9) Поступившій въ мірское владѣніе лѣсъ становится общою собственностію всего міра, а не нѣкоторыхъ отдѣльныхъ крестьянъ; но если болѣе нуждающіеся изъ крестьянъ не заплатили за свою

часть всѣхъ денегъ, которыя внесли за нихъ другіе, въ такомъ случаѣ общество обязано разсрочить имъ долгъ и получать его по частямъ, за что пользуется изъ каждагодно вырубаемаго на срубку участка лѣса четвертою частью изъ доли крестьянъ, невнесшихъ всѣхъ денегъ за купленный лѣсъ.

10) Пользованіе общественнымъ лѣсомъ подчиняется особымъ правиламъ; лѣсъ, смотря по количеству и возрасту, дѣлится на определенное число участковъ и каждагодно вырубаются одинъ или два участка, или же въ извѣстное время, ежели лѣсъ слишкомъ часть и оттого тупо растеть, то прорѣжается вырубкою лишнихъ деревьевъ, по мірскому приговору; каждагодно вырубаемые на постройки и на отопленіе крестьянскихъ избъ участки лѣса дѣлятся не по тягламъ, а по дворамъ.

11) Рубка, чистка и возка лѣса производится всѣмъ міромъ одновременно, по окончаніи которыхъ лѣсъ заказывается снова; не успѣвшимъ срубить и вывезти своей доли въ одно время съ другими дается отсрочка на определенное время, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: 1) Никому не дозволяется по истеченіи срока, назначеннаго для общей рубки и возки лѣса, брать съ собою въ лѣсъ топоръ; опоздавшіе же возкою и получившіе отсрочку должны заготовить лѣсъ для возки въ продолженіе времени, назначеннаго для общей рубки. 2) За неисполненіе этого правила виновный подвергается на первый разъ отобранію топора и денежному штрафу, не менѣе рубля серебромъ, за вторичное наруженіе его — двойному денежному штрафу, за неоднократное же и упорное повтореніе прежнихъ простунковъ подвергается болѣе тяжелымъ наказаніямъ, по мірскому приговору. 3) Пользованіе валежникомъ и хворостомъ изъ мірскаго лѣса безъ полученнаго отъ общества особаго на то разрѣшенія наказывается на равнѣ съ порубкою стоящихъ на корню деревьевъ.

12) Поступившій въ полное владѣніе крестьянскаго общества покупкою у помѣщика пріобрѣтенный лѣсъ поручается надзору каждагодно избираемаго изъ среды крестьянскаго общества лѣснаго сторожа, имѣющаго право на полученіе отъ общества соотвѣтственнаго за его службу вознагражденія; для обезпеченія же сохранности лѣса сторожа выбираются преимущественно изъ семей зажиточныхъ крестьянъ, съ которыхъ, въ случаѣ значительной порубки или недобросовѣстности лѣснаго сторожа, взыскивается по оцѣнкѣ причиненнаго крестьянскому обществу убытка соразмѣрный штрафъ; по прошествіи года производится освидѣтельствованіе лѣсной дачи и по учиненіи разсчета съ лѣснымъ сторожемъ міръ приступаетъ къ избранію новаго сторожа, или же въ случаѣ согла-

сія стараго сторожа оставляетъ его еще на годъ. Мѣрской староста обязанъ имѣть особенное наблюденіе за сбереженіемъ мѣрскаго лѣса и производитъ každонедѣльно тщательный осмотръ ему; въ случаѣ происшедшихъ вслѣдствіе недостатка бдительности мѣрскаго старосты значительныхъ порубокъ, онъ отвѣчаетъ за потворство лѣснымъ сторожамъ и виновнымъ въ похищеніи лѣса крестьянамъ. Пасеніе скота въ молодомъ лѣсу должно быть строго воспрещено, пока онъ не достигнетъ шестилѣтняго возраста, что необходимо для безпрепятственнаго и успѣшнаго его роста.

О РАЗДѢЛАХЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ СЕМЕЙ.

Главная основа благосостоянія крестьянскихъ обществъ заключается въ согласіи и взаимномъ искреннемъ расположеніи другъ къ другу членовъ одной семьи и въ подчиненіи меньшихъ старшему или хозяину, которымъ можетъ быть отецъ, дядя, братъ родной или двоюродный, и въ иныхъ случаяхъ, даже посторонній человѣкъ, ежели въ видахъ общей пользы два крестьянина согласятся жить въ одномъ домѣ и соединить два отдѣльных хозяйства въ одно общее. Выгоды подобнаго товарищества въ особенности замѣтны въ крестьянскомъ быту, болѣе другимъ подверженному разнымъ случайностямъ, быстро разрушающимъ благосостояніе отдѣльнаго крестьянина, между тѣмъ, какъ семейство состоящее изъ многихъ членовъ, связанныхъ между собою родствомъ или вступившимъ въ товарищество, въ видахъ обоюдной пользы, съ успѣхомъ борется противъ всякихъ неблагопріятныхъ вліяній и съ помощію добраго согласія и труда мало по малу упрочиваетъ свое благосостояніе. Къ числу неблагопріятныхъ вліяній, разрушительно дѣйствующихъ на крестьянское хозяйство, можно отнести слѣдующіе главные случаи: неурожай, градобитіе, пожаръ, паденіе скота, болѣзни хозяина или другихъ членовъ семьи; въ каждомъ изъ этихъ случаевъ отдѣльный крестьянинъ, даже старательный и добросовѣстный, скоро доходитъ до несостоятельности, между тѣмъ какъ семейство, состоящее изъ нѣсколькихъ членовъ, подчиненныхъ власти одного лица и добывающихъ на сторонѣ деньги на уплату повинностей и на хозяйственные нужды, легче переноситъ всякія случайности и убытки и вполне обезпечиваетъ свое благосостояніе; по этимъ причинамъ было бы полезно, въ видахъ благотѣльнаго ограниченія крестьянскихъ раздѣловъ, постановить слѣдующія правила:

1) Семейство, состоящее изъ отца и двухъ или трехъ братьевъ, не должно дѣлиться до тѣхъ поръ, пока у одного изъ женатыхъ

братьевъ не подрастутъ сыновья; тогда одинъ братъ со взрослыми сыновьями или хотя однимъ совершеннолѣтнимъ сыномъ и подростками съ согласіемъ отца можетъ отдѣлиться, остальные же братья остаются съ отцомъ или дядею до того времени, пока семейство не умножится до такой степени, чтобы, какъ отдѣляющаяся, такъ и остающаяся на мѣстѣ семья, состояли не менѣе, какъ изъ двухъ или трехъ взрослыхъ мужиковъ, не старѣе пятидесяти и не моложе восемнадцати или двадцати лѣтъ.

2) Семейство, состоящее изъ двухъ или трехъ родныхъ или двоюродныхъ братьевъ, подчиняется тѣмъ же правиламъ.

3) Раздѣлъ двухъ только братьевъ, родныхъ или двоюродныхъ, а равно дяди съ однимъ или двумя племянниками, ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть допускаемъ.

4) Отдѣленіе двухъ хворыхъ членовъ семьи или даже одного хвораго съ здоровымъ, хотя бы и не старыхъ, не должно быть допускаемо.

5) Крестьянское общество пользуется правомъ сводить вмѣстѣ отдѣльныхъ крестьянъ въ такомъ случаѣ, ежели они отстаютъ отъ другихъ въ работахъ, несправно платятъ подати и постоянно нуждаются въ мірскомъ вспоможеніи; въ сведенныхъ семьяхъ общество назначаетъ хозяиномъ болѣе дѣльнаго и старательнаго изъ обонхъ.

6) Желающіе вступить въ товарищество добровольно сами соглашаются между собою, кому быть хозяиномъ и кому состоять въ зависимости.

7) Семейство, получившее дозволеніе на раздѣлъ, озабочивается устройствомъ новой крестьянской усадьбы, со всѣми необходимыми постройками до раздѣла, и потомъ уже происходитъ раздѣлъ движимости, скота, хлѣба, по возможности уравнительный.

8) Въ спорныхъ случаяхъ, ежели дѣлящіеся не могутъ разойтись между собою полюбовно, раздѣлъ всего крестьянскаго имущества предоставляется разбирательству мірскаго суда, состоящаго изъ хозяевъ. Приговоръ мірскаго суда предоставляется на утвержденіе помѣщика или его управляющаго.

9) Разошедшіеся семьи отбываютъ всякаго рода денежные и натуральныя повинности отдѣльно и никакой ответственности передъ міромъ и помѣщикомъ другъ за друга не подлежатъ; въ случаѣ рекрутскаго набора разошедшіеся семьи, состоящія изъ одинаковаго количества душъ, при наступившей очереди, подвергаются поставкѣ въ рекруты, по рѣшенію жребія, съ вознагражденіемъ отданнаго въ рекруты, по положенію объ отправленіи рекрутской повинности.

10) Хозяинъ дома отвѣчаетъ за сохраненіе порядка и согласія въ семьѣ; ему предоставлено право подвергать домашнихъ легкимъ исправительнымъ наказаніямъ за недружелюбіе и другіе проступки; онъ обязанъ въ особенности поддерживать согласіе между женщинами, отъ сварливости которыхъ преимущественно происходятъ всѣ семейныя несогласія; за потворство дурнымъ свойствамъ жены и невѣстокъ хозяинъ дома подвергается наказанію и лишенію правъ старшинства.

11) Разбирательство семейныхъ несогласій, назначеніе наказаній виновнымъ и опредѣленіе случаевъ, въ которыхъ можетъ быть допущенъ раздѣлъ крестьянскихъ семей, подлежитъ вѣдѣнію крестьянскихъ судовъ, рѣшенія которыхъ приводятся въ исполненіе съ согласія помѣщика или его управляющаго.

12) Въ случаѣ упорнаго недружелюбія въ семьяхъ зажиточныхъ крестьянъ можетъ быть допущено отдѣленіе отъ семьи строптиваго члена, даже одинокаго, но въ такомъ случаѣ семейство, получившее дозволеніе на раздѣлъ, обязано внести въ мірскую кассу опредѣленный денежный залогъ, долженствующій обезпечивать исправный платежъ государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей одинокимъ, отдѣленнымъ отъ семьи крестьяниномъ.

Ограниченіе раздѣловъ не только необходимо въ видахъ матеріальнаго благосостоянія крестьянъ, но оно еще важнѣе въ нравственномъ отношеніи поддерживаніемъ между крестьянами родственныхъ связей, подчиненіемъ нерадивыхъ и строптивыхъ членовъ семьи законной власти отца семейства или старшаго въ домѣ, по семейному или мірскому назначенію, наконецъ обузданіемъ себялюбивыхъ стремленій отдѣльныхъ лицъ и подчиненіемъ ихъ побужденіямъ чистымъ и безкорыстнымъ на пользу ближняго.

О РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ.

Рекрутская повинность должна быть отправляема крестьянскимъ обществомъ уравнительнымъ образомъ и потому было бы полезно и сообразно съ духомъ общиннаго устройства, постановить слѣдующія правила:

1) По полученіи Высочайшаго манифеста о рекрутскомъ наборѣ, собирается мірская сходка, состоящая изъ хозяевъ, и въ присутствіи помѣщика или управляющаго имѣніемъ, приступаютъ къ разбору семей, причемъ назначаютъ рекруты и по числу ихъ, столько же подставныхъ, которымъ подтверждается, чтобы они къ началу набора состояли всѣ на лицо.

2) Выбранные міромъ рекруты распускаются по домамъ и желающимъ идти въ заработки выдаются мѣсячные билеты, въ которыхъ прописывается, что такой-то крестьянинъ, по случаю набора, долженъ явиться въ опредѣленный срокъ въ мѣсто своего жительства; эта предосторожность необходима для того, чтобы никто не могъ укрыться по билету въ городѣ или деревняхъ до окончанія набора, — за укрывательство же таковыхъ людей долженъ быть опредѣленъ значительный штрафъ.

3) Ежели назначенные для постановки въ рекруты крестьяне проживаютъ по плакатному паспорту въ другихъ губерніяхъ или столицахъ, то о таковыхъ сносятся чрезъ земскую полицію съ городскими и мѣстными начальствами того края, гдѣ отсутствующие крестьяне имѣютъ временное жительство, причемъ прилагается отчетливое описаніе ихъ примѣтъ, рода занятій, съ обозначеніемъ ихъ адреса; по полученіи такого рода увѣдомленія, начальства тѣхъ мѣстъ обязаны немедленно вытребовать означенныхъ крестьянъ, отобрать у нихъ плакатные паспорта и билеты и выдать пропуски для возвращенія въ свои дома, о чемъ въ тоже время извѣщается мѣстная полиція, изъ которой поступило требованіе о высылкѣ рекрута.

4) Ежели по какимъ нибудь причинамъ назначенный для поставки въ рекруты крестьянинъ не явится къ сроку и міръ найдетъся вынужденнымъ поставить за него кого либо изъ подставныхъ, въ такомъ случаѣ, по лѣвкѣ домой, отвозится онъ немедленно въ рекрутское присутствіе и поступаетъ въ обмѣнъ за своего подставнаго; — но ежели присутствіе въ уѣздномъ городѣ уже закрыто, то препровождается онъ на собственномъ издженіи въ губернскій городъ, съ удостовѣреніемъ земской полиціи, что такой-то крестьянинъ назначенъ былъ по мірскому приговору къ поставкѣ въ рекруты, на что за неявкой его поставленъ такой-то, котораго онъ долженъ теперь обмѣнить; губернское рекрутское присутствіе, удостовѣривъ въ годности къ военной службѣ представленнаго рекрута, принимаетъ его и выдаетъ за него квитанцію отдатчику; въ квитанціи должно быть означено, что принятый губернскимъ присутствіемъ такой-то поступаетъ въ обмѣнъ за поставленнаго вмѣсто него такого-то крестьянина, выданная же уѣзднымъ присутствіемъ квитанція отбирается и уничтожается. Вновь поставленный рекрутъ немедленно препровождается въ полкъ для обмѣна своего подставнаго, о чемъ губернское рекрутское присутствіе сообщаетъ начальству того полка, въ который онъ долженъ поступить.

5) Всѣ издержки на проѣздъ и за обмундировку рекрута, не явившагося въ назначенный срокъ, взыскиваются съ его семейства.

6) Крестьянское общество озабочивается правильнымъ распредѣленіемъ рекрутской очереди и вознагражденіемъ семействъ, поставившихъ рекрутовъ.

7) Рекруты назначаются преимущественно изъ большихъ семей, состоящихъ изъ пятерниковъ, четверниковъ, тройниковъ и въ крайнемъ случаѣ изъ двойниковъ. Помѣщикъ или управляющій имѣніемъ сохраняютъ право вмѣшательства въ распоряженіе крестьянскаго общества, для отмены неправильныхъ назначеній, несогласныхъ съ требованіями справедливости и строгаго безпристрастія.

8) Въ семействахъ, состоящихъ изъ одинаковаго количества душъ, молодые люди и неженатые назначаются въ рекруты преимущественно передъ женатыми и пожилыми; при одинаковыхъ семейныхъ условіяхъ, очередной порядокъ сдачи въ рекруты опредѣляется по рѣшенію жребія.

9) Помимо очередныхъ, міръ пользуется правомъ сдавать въ рекруты людей дурнаго поведенія, замѣченныхъ въ воровствѣ и вредныхъ для общества; въ крайнихъ случаяхъ, за неимѣніемъ даже годныхъ двойниковъ, дозволяется ставить одинокихъ крестьянъ; но въ такомъ случаѣ общество принимаетъ на себя заботу о прокормленіи и воспитаніи осиротѣвшей семьи, или же раздаетъ сиротъ въ другія семьи, а строеніе, скотъ и движимость раздѣляетъ поровну между семействами, принявшими къ себѣ въ домъ сиротъ; но ежели у дѣтей жива еще мать, или есть въ домѣ родные, которые согласятся кормить ихъ и воспитать, то семейство оставляется на мѣстѣ и получаетъ отъ міра на прокормленіе даровой участокъ земли или же пожеланію его вспомошествованіе хлѣбомъ, по положенію о немущихъ и сиротахъ.

10) Крестьянское общество выплачиваетъ опредѣленное денежное вознагражденіе семейству, поставившему рекрута; это вознагражденіе должно равняться законной стоимости рекрутской квитанціи и не можетъ быть менѣ трехъ-сотъ руб. сер.

11) Уплата опредѣленнаго вознагражденія распредѣляется поровну между крестьянскими тяглами, за исключеніемъ одинокихъ, подлежащихъ рекрутской очереди крестьянъ и можетъ быть произведено посредствомъ выдачи въ годичный срокъ капитальной суммы безъ процентовъ, въ случаѣ же разсрочки крестьянскимъ обществомъ капитальнаго взноса, съ платежемъ ежегодно по четыре процента на сто до полной уплаты капитала; семейство, поставившее рекрута за міръ, подвергается вычету изъ слѣдующей ему суммы той доли, которая по раскладкѣ причтется на состоящіе въ пользованіи его тягловые участки.

12) Оставшіеся послѣ отданныхъ въ рекруты одинокихъ крестьянъ несовершеннолѣтніа дѣти равнымъ образомъ имѣютъ право на получение отъ міра опредѣленнаго за рекрута вознагражденія, которое по достиженіи ими совершеннолѣтія выдается имъ сполна и дѣлится между братьями и сестрами поровну.

Вознагражденіе крестьянскихъ семей, поставившихъ рекрутовъ за міръ, законной стоимостію рекрутской квитанціи, чрезъ раскладку платежа на всѣ крестьянскія тягла, согласно съ требованіями справедливости и соотвѣтствуетъ правиламъ общиннаго устройства, на основаніи которыхъ всѣ члены крестьянской общины, пользующіеся преимуществами общиннаго быта, должны въ равной степени нести сопряженные съ нимъ обязанности.

О СЕЛЬСКИХЪ ЗАПАСНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Благодѣтельная цѣль учрежденія сельскихъ запасныхъ магазиновъ не вполне достигается отъ неполноты постановленій объ этомъ предметѣ и по недостаточности опредѣленнаго положеніемъ о хлѣбныхъ магазинахъ сбора, по четверти ржи и по полчетверти овса на мужскую ревизскую душу, — вслѣдствіе этого, мнѣ кажется полезнымъ сдѣлать въ положеніи слѣдующія измѣненія:

1) Полный сборъ долженъ простираться до двухъ четвертей ржи и до одной четверти овса на мужскую ревизскую душу.

2) Для положенія этого количества хлѣба назначается осмилѣтній срокъ, въ продолженіе котораго устанавливается ежегодный сборъ по четверти ржи и по полчетверти овса съ ревизской души, что вмѣстѣ съ состоящимъ нынѣ на лицо количествомъ запаснаго хлѣба составитъ по двѣ четверти ржи и по четверти овса на душу.

3) Для облегченія семействъ, обремененныхъ малолѣтними дѣтьми, стариками и хворыми членами, сборъ окладнаго хлѣба распределяется по тягламъ.

4) Пособіемъ къ скорѣйшему поступленію опредѣленнаго количества запаснаго хлѣба можетъ послужить установленіе хлѣбнаго прироста; за каждую четверть ржи, отпускаемую крестьянамъ на посѣвъ и на продовольствіе въ рабочую пору, берется четверть прироста, что нѣсколько необременительно, потому что при теперешнемъ положеніи, затрудняющемъ отпускъ хлѣба изъ магазина, нуждающіеся въ хлѣбѣ крестьяне принуждены бываютъ покупать въ лѣтнее время для своего продовольствія хлѣбъ по дорогой цѣнѣ, что для нихъ гораздо невыгоднѣе, чѣмъ отдать осенью лишній четверть на четверть; тѣже, которые берутъ хлѣбъ въ долгъ у за-

житочныхъ крестьянъ, платятъ весьма значительные проценты или же отдаютъ лишку по два четверика и болѣе на четверть. Собранный отъ мірскихъ запасекъ хлѣбъ равнымъ образомъ долженъ быть всыпанъ въ сельскій запасный магазинъ для облегченія и спокойнѣйшаго пополненія сбора окладнаго хлѣба.

5) Обыкновенный отпускъ ржи и овса на продовольствіе не долженъ превышать половиннаго количества хлѣба, хранящагося въ сельскомъ запасномъ магазинѣ.

6) Вновь собираемый хлѣбъ, какъ окладной, такъ и долговой, долженъ быть хорошаго качества, чисто подсыянъ и обмолоченъ на овинѣ, а не на ригѣ, потому что рижный хлѣбъ на посѣвъ не годится. Вновь поступающій хлѣбъ долженъ всыпаться въ особые закромы, чтобы онъ не перемѣшивался съ старымъ хлѣбомъ, который отъ продолжительнаго лежанія можетъ подвергнуться затхлости и сдѣлаться невсхожимъ.

7) Нерозданный на посѣвъ и на продовольствіе хлѣбъ для предупрежденія порчи долженъ быть обмѣняемъ по простествіи трехъ лѣтъ.

8) Крайній срокъ для поступленія отпущеннаго изъ магазина хлѣба назначается не позже 1-го октября; неотдавшіе къ этому времени взятаго или заимеобразно хлѣба платятъ лишний четверикъ за каждую четверть; освобождаются отъ платежа штрафа не всыпавшіе хлѣба, по случаю перестройки овина, а равно вслѣдствіе остановки молотѣбы по болѣзни или какимъ либо другимъ вполнѣ уважительнымъ причинамъ. Въ случаѣ упорства кого либо изъ крестьянъ, мірской староста употребляетъ пенужденіе и самъ выгребаетъ изъ крестьянской житницы невсыпанный долговой хлѣбъ.

9) Въ случаѣ совершеннаго неурожая и градобитія, сборъ отпущеннаго изъ магазина хлѣба разсрочивается на два года; половина его выбирается черезъ годъ, а другая по простествіи двухъ лѣтъ, но въ такомъ особенномъ случаѣ допускается отступленіе отъ обыкновеннаго правила и на слѣдующій за тѣмъ годъ выдается на посѣвъ и на продовольствіе еще третья часть изъ оставшагося въ магазинѣ нерозданнаго половиннаго количества окладнаго хлѣба; вновь розданный хлѣбъ поступаетъ въ узаконенное время обратно въ магазинъ вмѣстѣ съ половиною стараго долга, другая половина котораго должна быть пополнена по простествіи втораго года и за тѣмъ отпускъ хлѣба изъ магазиновъ вновь подчиняется однажды постановленнымъ правиламъ.

10) Отдѣльные крестьяне, подвергшіеся хозяйственнымъ убыткамъ отъ непредвидѣнныхъ случаевъ, равнымъ образомъ получаютъ отсрочку на болѣе или менѣе продолжительные сроки по

приговору сельского общества; въ случаѣ же особенныхъ бѣдственныхъ обстоятельствъ, долговой хлѣбъ съ нихъ не взыскивается и пополняется раскладкой на всѣ тягла.

11) При полномъ комплектѣ хлѣба и удовлетворительномъ состояніи крестьянскаго общества, дозволяется продавать изъ магазина третью часть ржи въ такіе годы, когда цѣна на хлѣбъ высока, для составленія мірскаго капитала. Вырученные отъ продажи мірскаго хлѣба деньги отправляются въ кредитныя установленія для приращенія процентами.

12) Для укомплектованія узаконеннаго количества хлѣба, въ случаѣ продажи изъ магазина третьей части его, устанавливается на слѣдующій годъ окладный сборъ ржи въ такомъ размѣрѣ, чтобы проданное изъ магазина количество ржи было пополено по прошествіи трехъ лѣтъ.

13) Общество избираетъ изъ своей среды на три года смотрителя за магазиномъ, который обязанъ принимать и отпускать изъ магазина хлѣбъ, содержать въ исправности прихода-расходныя книги и отвѣчать предъ обществомъ за пріемъ хлѣба дурнаго качества и за оказавшійся чрезъ оплошность его недомѣръ окладнаго хлѣба; за службу свою магазинный смотритель получаетъ отъ общества опредѣленное жалованье, или же въ безденежное пользованіе полтагла земли. По прошествіи трехъ лѣтъ избирается новый магазинный смотритель, обязанный произвести перемеръ хранящагося въ магазинѣ хлѣба, въ пріемъ котораго онъ росписывается въ прихода-расходной книгѣ.

14) Магазины должны быть устроиваемы въ близкомъ разстояніи отъ господской усадьбы и для охраненія ихъ въ ночное время назначается особенный сторожъ, который поочередно съ усадьбынымъ сторожемъ обязанъ обходить всѣ строенія въ усадьбѣ; за недостатокъ бдительности сторожа подвергаются вычету изъ опредѣленнаго имъ жалованья. По прошествіи года производится перемеръ хранящагося въ магазинѣ хлѣба; въ случаѣ недостатка его, произшедшаго отъ оплошности или недобросовѣстности магазиннаго смотрителя, общество подвергаетъ его соразмѣрному штрафу и выбираетъ съ него недостающее количество хлѣба; въ случаѣ же произведеннаго изъ магазина похищенія хлѣбныхъ запасовъ, произшедшаго вслѣдствіе оплошности или сообщничества магазиннаго сторожа, общество подвергаетъ его соотвѣтственному винѣ взысканію; недостающее же количество пополняетъ чрезъ уравнительную раскладку на всѣ тягла.

О МІРСКОМЪ ВСПОМОГАТЕЛЬНОМЪ КАПИТАЛѢ И ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ЕГО НА НЕОБХОДИМЫЯ ПОТРЕБНОСТИ КРЕСТЬЯНСКАГО ОБЩЕСТВА.

Постепенное составленіе мірскаго вспомогательнаго капитала необходимо для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ крестьянскихъ обществъ, для вспомоствованія отдѣльнымъ крестьянамъ и цѣлымъ селеніямъ, въ случаѣ непредвидѣнныхъ бѣдствій, общественныхъ и частныхъ, какъ то: пожаровъ, неурожаевъ, градобитій, падежа скота и т. д., а равно для приобрѣтенія средствъ къ покупкѣ находящихся въ пользованіи крестьянскаго общества и смежныхъ съ ними земель, принадлежащихъ постороннимъ владѣльцамъ, и для всякихъ общепользныхъ предпріятій. Размѣръ мірскаго капитала долженъ быть не менѣе десяти руб. сер. на мужскую ревизскую душу; но приращеніе его можетъ быть неограниченное; но мѣрѣ же достиженія крестьянами полной независимости, чрезъ приобрѣтеніе у владѣльцевъ въ полное владѣніе состоящихъ въ пользованіи крестьянскихъ обществъ земель, излишекъ мірскаго капитала можетъ быть употребляемъ на улучшеніе крестьянскаго хозяйства и на разныя промышленныя предпріятія, которыя могутъ способствовать увеличенію благосостоянія крестьянскихъ обществъ. Пособіемъ къ постепенному образованію мірскаго капитала могутъ служить слѣдующіе источники:

1) Выручка отъ продажи въ опредѣленныхъ случаяхъ третьей части запаснаго хлѣба изъ полнаго комплекта, полагаемаго по двѣ четверти ржи и по четверти овса на мужскую ревизскую душу.

2) Выручка отъ мірскихъ запасекъ, образовавшихся отъ продажи запасовъ хлѣба, оставшихся за удовлетвореніемъ потребностей нуждающихся крестьянъ.

3) Остатки отъ обыкновенныхъ сборовъ на государственныя и земскія повинности и нежзрасходованныя суммы отъ чрезвычайныхъ сборовъ на устройство новыхъ магазиновъ, школъ, больницъ, починку и постройку мостовъ и разныя другія потребности крестьянскихъ обществъ.

4) Штрафныя деньги, взыскиваемыя за пропуски рабочихъ дней, порубки, поправки и разныя другіе, подлежащія законному взысканію, проступки.

5) Образовавшіеся отъ единовременныхъ взносовъ въ пользу крестьянскихъ обществъ суммы, поступившія съ получившихъ дозволеніе на переходъ въ другія мѣстности крестьянъ.

6) Установленіе собственно на этотъ предметъ каждаго года сбора не менѣе тридцати коп. сер. съ ревизской души; по мѣрѣ увеличенія

благосостояніи крестьянскихъ обществъ, сборъ на составленіе мірскаго капитала можетъ быть увеличенъ до рубля серебромъ и болѣе по мірскому приговору.

7) Вырученныя отъ продажи хлѣба и собранныя изъ другихъ источниковъ суммы, по мѣрѣ накопленія ихъ должны быть отсылаемы въ кредитныя учрежденія для приращенія процентами и не должны быть вынимаемы до того времени, пока не составится полный мірской капиталъ, не менѣе десяти руб. на мужскую ревизскую душу.

8) По составленіи полного мірскаго капитала, дозволяется выдача изъ сохранной казны нѣкоторой части его, ни въ какомъ случаѣ не превышающей половины капитальной суммы, на покрытие чрезвычайныхъ расходовъ крестьянскаго общества, которые не могутъ быть покрыты обыкновенными сборами и остатками отъ суммъ, невнесенныхъ еще въ кредитныя учрежденія; для пополненія вынудой изъ сохранной казны суммы назначается въ такомъ случаѣ вторичный, опредѣленный сборъ на этотъ предметъ, до совершеннаго укомплектованія мірскаго капитала.

9) Крестьянскому обществу должно быть предоставлено право пользоваться для удовлетворенія своихъ нуждъ, процентами съ полного мірскаго капитала, или же для приращенія его оставлять ихъ неприкосновенными, по приговору большинства.

10) Употребленіе на чрезвычайные расходы части мірскаго капитала допускается въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ случаѣ пожара, истребившаго болѣе или менѣе значительное количество крестьянскихъ дворовъ, ежели погорѣвшіе не имѣютъ средствъ купить лѣсу и обстроиться безъ помощи общества. 2) Въ случаѣ скотскаго падежа общаго или частнаго. 3) При совершенномъ неурожаѣ, требующемъ значительной закупки хлѣба на посѣвъ и на продовольствіе, ежели хлѣбные запасы въ магазинѣ недостаточны на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. 4) При настоятельной необходимости чрезвычайнаго и значительнаго сбора на постройку новаго запаснаго магазина и другихъ строеній, какъ-то: сельской школы, больницы, на устройство мостовъ, на осушеніе болотъ, на покупку обществомъ земель, лѣсовъ и на всякіе экстренные расходы, требующіе затраты значительнаго капитала; во всѣхъ этихъ случаяхъ, по израсходованіи обществомъ вынудой изъ сохранной казны части капитальной суммы, крестьянское общество озабочивается скорѣйшимъ пополненіемъ ея до узаконеннаго комплекта.

11) Всѣ члены крестьянскаго общества имѣютъ право на полученіе денежнаго пособія въ чрезвычайныхъ случаяхъ, но преимущественно пользуются имъ менѣе зажиточные и одинокіе крестья-

не; достаточные крестьяне, ненуждающиеся въ деньгахъ, въ случаѣ несчастія отъ пожара, получаютъ отъ общества вспомошествованіе однимъ только подводами и льготами въ работахъ.

12) Общество ссужаетъ занимающихся разными промыслами и торговлею крестьянъ болѣе или менѣе значительными суммами, обезпеченными движимымъ и недвижимымъ имуществомъ должника, и получаетъ съ нихъ по пяти процентовъ на сто за ссуду.

13) Опрежденіе мѣры денежнаго пособия нуждающемуся крестьянину и разсрочка долговаго платежа предоставляется мірскому разбирательству, съ утвержденія помѣщика.

14) Крестьяне, получившіе отъ общества денежное пособие, обязаны уплачивать свой долгъ по срокамъ, безъ процентовъ; въ случаѣ неисправной уплаты долга, взысканіе выданной въ ссуду денежной суммы производится понудительнымъ образомъ, на основаніи постановленій о взысканіи недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ.

15) Общество пользуется правомъ покупать казенныя рекрутскія квитанціи, съ предоставленіемъ ихъ въ пользу подлежащихъ рекрутской очереди, старательныхъ и добросовѣстныхъ крестьянъ, немѣющихся средствъ въ замѣненію себя охотниками, съ разсрочкой или долговаго платежа на опредѣленные сроки.

16) Крестьянскому обществу должно быть предоставлено право употреблять закономъ дозволенную часть мірскаго капитала на всякія промышленныя и торговыя предпріятія, обещающія вѣрное и значительное приращеніе употребленнаго на нихъ капитала; тѣмъ не менѣе это право должно быть ограничено отвѣтственностію всего общества за возможные убытки, пополняемые посредствомъ раскладки на всѣ тягла.

О ДЕНЕЖНЫХЪ ШТРАФАХЪ И РАЗЛИЧНАГО РОДА ВЗЫСКАНІЯХЪ ЗА ПРОТИВОЗАКОННЫЕ ПОСТУПКИ, ПОСТАВЛЯЕМЫХЪ ВЪ ВИДАХЪ ИСПРАВЛЕНІЯ НАРОДНОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ, ДЛЯ ОХРАНЕНІЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИНТЕРЕСОВЪ И ПРЕДУПРЕЖДЕНІЯ ПРЕСТУПНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ, НАНОСЯЩИХЪ ВРЕДЪ ОТДѢЛЬНЫМЪ ЛИЦАМЪ И ОБЩЕСТВАМЪ.

Всякое умышленное и неумышленное нарушеніе правъ собственности должно быть строго наказываемо; противозаконные поступки, какъ бы они маловажны ни были, должны подлежать разнаго рода исправительнымъ наказаніямъ и денежнымъ штрафамъ, болѣе или менѣе значительнымъ, при чемъ должна имѣться въ ви-

ду двоякая цѣль: 1) достаточное вознагражденіе тѣхъ лицъ, которые понесли убытокъ отъ недобросовѣстности другихъ, 2) исправленіе посягающихъ на чужую собственность крестьянъ наказаніями, пропорціональными ихъ винѣ и настолько чувствительными, чтобы отбить у начинающихъ охоту къ присвоенію чужаго достоянія, не подвергая ихъ мѣрамъ чрезмѣрной строгости, недостигающимъ предполагаемой цѣли и доводящимъ челоуѣка до разоренія и ожесточенія. За повтореніе вины должно быть опредѣлено удвоенное наказаніе, неисправляющіеся же и упорствующие въ злѣ крестьяне должны быть подвергаемы болѣе тяжелымъ неправильнымъ наказаніямъ, отдачѣ въ рекруты за миръ, отсылкѣ въ рабочіе дома и даже вовсе удаленію изъ имѣнія, въ предостереженіе другихъ и для охраненія спокойствія и имущества прочихъ членовъ крестьянскаго общества. Самые обыкновенные въ крестьянскомъ быту проступки противъ чужой собственности суть слѣдующіе: порубка въ чужихъ лѣсахъ, погрова луговъ и хлѣбныхъ полей, перекосы травы, увозъ изъ поля чужаго сѣна и чужихъ сноповъ, конокрадство, барышничество съ обманомъ, похищеніе чужаго имущества, пріемъ воровскихъ вещей, шивкованіе виномъ и такъ далѣе; неусынное преслѣдованіе всякихъ противозаконныхъ дѣйствій и мѣры взыскапія за безпечность въ хозяйственномъ быту, вредящую благосостоянію крестьянскихъ обществъ, послужить къ исправленію укоренившихся въ народѣ дурныхъ привычекъ и къ улучшенію народной нравственности распространеніемъ правильныхъ понятій о неприкосновенности чужой собственности и внушеніемъ правилъ честности и долгаго уваженія къ правамъ другихъ лицъ.

Для достиженія предполагаемой благодѣтельной цѣли было бы полезно постановить слѣдующія правила:

1) Для прекращенія порубокъ молодаго лѣса, истребляемаго крестьянами безъ зазрѣнія совѣсти, долженъ быть опредѣленъ за каждое молодое дерево денежный штрафъ, превышающій въ значительной степени его цѣнность; для избѣжанія же потери времени и размогласія при оцѣнкѣ порубленнаго лѣса, самый малый штрафъ за порубку молодаго лѣса слѣдуетъ опредѣлить не менѣе десяти коп. сер. за дерево, хотя бы цѣнность его была несравненно ниже.

2) За каждое дерево, имѣющее настоящую цѣнность болѣе десяти коп. сер., полагается денежный штрафъ, превышающій цѣнность его втрое.

3) Оцѣнка порубленнаго лѣса производится на мѣстѣ порубки приглашаемыми для освидѣтельствованія ея опытными хозяевами, принадлежащими къ той деревнѣ, на датѣ которой произошла порубка, а равно посторонними крестьянами изъ сосѣднихъ деревень, въ при-

сутствіи сотскаго или пятидесятскаго, ежели они не въ отлучкѣ. Въ случаѣ же отлучки ихъ, приглашаются вмѣсто нихъ для присутствованія при оцѣнкѣ, въ родѣ присяжныхъ свидѣтелей, старшины сосѣднихъ деревень; за отлучкой же ихъ, кто нибудь изъ ихъ семейства; мірскіе старосты и деревенскіе старшины постороннихъ сосѣднихъ деревень обязаны оказывать всякое содѣйствіе потерпѣвшимъ отъ порубки владѣльцамъ лѣсовъ, для отысканія по горячимъ слѣдамъ покищенного лѣса и обнаруженія виноватыхъ въ порубкѣ и присвоеніи всякаго рода чужой собственности крестьянъ. Опредѣленный оцѣнщиками штрафъ взыскивается немедленно съ виновнаго, уличеннаго въ порубкѣ лѣса крестьянина, который въ случаѣ сопротивленія подвергается арестованію и передачѣ въ вѣдомство земской полиціи; крестьянинъ, уличенный въ воровствѣ и сопротивленіи законному рѣшенію приглашенныхъ на мѣсто порубки опытныхъ оцѣнщиковъ, подвергается исправительному наказанію и уплатѣ двойнаго штрафа.

4) Пойманные на мѣстѣ порубки крестьяне могутъ быть задерживаемы лѣснымъ сторожемъ или его помощниками, пользующимися правомъ отбирать у нихъ топоръ и оставлять въ закладъ лошадь, хомутъ, роспуски, до учиненія слѣдствія и произнесенія приговора о покражѣ; непойманные на мѣстѣ порубки, но уличенные въ воровствѣ, крестьяне равнымъ образомъ подвергаются уплатѣ опредѣленнаго денежнаго штрафа.

5) Въ случаѣ покражи лѣса и всякаго рода движимаго имущества, ежели слѣдъ приведетъ къ деревнѣ или селу, то мірской староста или старшина, въ отсутствіи же ихъ кто нибудь изъ ихъ семейства, или деревенскій десятскій, обязаны немедленно оказать содѣйствіе заинтересованнымъ лицамъ, для отысканія по горячимъ слѣдамъ похищенного имущества и для обнаруженія виновнаго въ присвоеніи чужой собственности крестьянина; въ такомъ случаѣ долженъ быть дозволенъ домовый обыскъ по всѣмъ дворамъ; деревенскій начальникъ не имѣетъ права противиться этому, даже при недостаткѣ уликъ, въ случаѣ павшаго на деревню или отдѣльное лицо подозрѣнія; воспротивившіеся учиненію обыска по горячимъ слѣдамъ подвергаются полной отвѣтственности за причиненный потерпѣвшимъ отъ покражи лицамъ убытокъ, взыскиваемый съ нихъ сполна.

6) За пасеніе скота въ чужомъ пару и на чужихъ скошенныхъ лугахъ полагается штрафъ по десяти копѣекъ серебромъ съ каждой скотины.

7) За пасеніе скота на чужихъ еще нескошенныхъ лугахъ полагается штрафъ на 20 коп. сер. со штуки, хотя бы потрава и не стои-

за этихъ денегъ; значительная же погрѣба свидѣтельствуется и оцѣнивается особо, такимъ же точно образомъ, какъ и перубки, и опредѣленное за нее вознагражденіе взыскивается независимо отъ штрафныхъ 20 коп. сер. со штуки, полагаемыхъ за нарушеніе чужихъ правъ.

8) За каждую скотину, пойманную въ хлѣбномъ полѣ, взыскивается тридцать копѣекъ серебромъ независимо отъ вознагражденія за причиненный убытокъ, опредѣляемый по особой оцѣнкѣ.

9) Каждый землевладѣлецъ или кортомщикъ земли пользуется правомъ задержать пойманную въ его поляхъ или лугахъ скотину до уплаты за нее опредѣленнаго денежнаго штрафа; за прокормленіе же чужаго скота полагается съ владѣльца его по 20 коп. сер. со штуки за каждый день, независимо отъ штрафныхъ денегъ за погрѣбу.

10) За разбитіе крестца ржаного или яроваго хлѣба налагается штрафъ не менѣе рубля серебромъ.

11) За перекося травы и за увозъ изъ поля чужаго сѣна или чужихъ сноповъ, взыскивается съ виновнаго вдвое травкою или снопами, и кромѣ того подвергается онъ исправительному наказанію за воровство и записывается въ штрафную книгу, съ прописаніемъ его вины и присужденнаго за нее наказанія.

12) Крестьянскимъ обществамъ должно быть вмѣнено въ непремѣнную обязанность не оставлять рогатый скотъ и лошадей безъ присмотра пастуха и подпасковъ, отъ недостатка котораго преимущественно происходятъ погрѣбы луговъ и хлѣбныхъ полей; кромѣ того, общество обязано содержать ночной очередной караулъ для присмотра за лошадьми, пасущимися въ полѣ въ ночное время: каждый хозяинъ обязанъ спутывать молодыхъ рѣзвыхъ лошадей; за несоблюденіе этихъ правилъ общества и отдѣльные крестьяне должны быть подвергаемы соразмѣрному ихъ винѣ денежному штрафу, въ случаѣ происшедшей отъ нарушенія этихъ постановленій значительной погрѣбы въ своихъ или чужихъ поляхъ, или похищенія лошадей съ пастбища въ ночное время. Ежели черезъ недосмотръ ночнаго сторожа пропадетъ изъ табуна лошадь, въ такомъ случаѣ сторожъ обязанъ уплатить хозяину лошади половину ея стоимости, опредѣляемой черезъ мірскую добросовѣстную оцѣнку; за несоблюденіе ночнаго караула крестьянскимъ обществомъ оно подвергается уплатѣ полной стоимости лошади владѣльцу ея.

13) За барышничество лошадьми, соединенное съ обманомъ, взыскивается съ виновныхъ штрафъ, вдвое превосходящій причиненный или обманутымъ лицамъ убытокъ; половина штрафныхъ де-

негъ поступаетъ въ пользу обманутаго крестьянина, а другая вносится въ мірскую кассу.

14) Обличенные въ воровствѣ и разныхъ противозаконныхъ поступкахъ крестьяне обязаны возвратить похищенное ими чужое имущество и кромѣ того подвергаются денежному штрафу, определяемому по степени вины и соразмѣрно достатку провинившагося; зажиточные крестьяне, провинившіеся въ пріемѣ воровскихъ вещей, шпигованіи виномъ и другихъ мошенническихъ поступкахъ, подвергаются преимущественно передъ прочими весьма значительнымъ взысканіямъ, определяемымъ по рѣшеніямъ мірскихъ судовъ, подлежащимъ утвержденію помѣщика или управляющаго имѣніемъ; штрафныя деньги поступаютъ въ мірскую кассу.

15) Всѣ, подвергшіеся взысканіямъ за умышленное воровство и всякаго рода противозаконныя дѣйствія, штрафованные крестьяне записываются въ штрафную книгу и подвергаются преимущественно передъ добросовѣстными людьми отдачѣ въ рекруты за міръ; неисправляющіеся крестьяне, неоднократно подвергавшіеся исправительнымъ наказаніямъ и неспособные къ военной службѣ, удаляются вовсе изъ имѣнія.

16) Уличенные въ распространеніи ложныхъ и возмутительныхъ слуховъ крестьяне должны быть подвергаемы болѣе или менѣе значительнымъ денежнымъ штрафамъ, соразмѣрнымъ ихъ достатку; въ случаѣ же повторенія прежнихъ проступковъ, подвергаются заключенію на опредѣленный срокъ въ рабочіе дома, по приговору мѣстныхъ посредническихъ присутствій.

17) Уличенные въ неограниченномъ своеволіи въ домашнемъ быту, задорности нрава и нанесеніи домашнимъ, а равно постороннимъ лицамъ умышленныхъ оскорбленій словами и побоями, подвергаются на первый разъ исправительному наказанію и денежному штрафу, опредѣленному по приговору мірскаго суда, утверждаемому помѣщикомъ или его управляющимъ; въ случаѣ же повторенія прежнихъ проступковъ подвергаются, по рѣшенію мѣстныхъ посредническихъ присутствій, заключенію въ рабочіе дома на опредѣленный срокъ.

18) Нетрезваго и развратнаго поведенія крестьяне, оскорбляющіе своими поступками общественную нравственность, по рѣшенію мѣстныхъ посредническихъ присутствій, подвергаются заключенію въ рабочіе дома на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

19) Мірской староста, уличенный въ потворствѣ ворами и всякимъ преступнымъ дѣйствіямъ недобросовѣстныхъ крестьянъ, подвергается по рѣшенію мірскихъ судовъ, утвержденному помѣщикомъ или его управляющимъ, въ случаѣ же разногласія между обществомъ

и помѣщикомъ, по приговору мѣстныхъ посредническихъ присутствій, смѣнѣ и болѣе или менѣе значительнымъ взысканіямъ, соразмѣрнымъ степени его вины и значительности причиненнаго черезъ недобросовѣстность его крестьянскому обществу или отдѣльнымъ лицамъ ущерба; въ случаѣ несостоятельности мірскаго старосты, крестьянское общество обязано удовлетворить обиженныхъ своихъ членовъ за понесенные ими черезъ вину мірскаго старосты убытки.

20) Ежели въ зимнюю пору найдено будетъ безчувственное по видимому тѣло на дорогѣ или въ полѣ, по сосѣдству какой нибудь деревни или села, въ такомъ случаѣ крестьяне ближнихъ деревень обязаны до наѣзда земской полиціи поднять это тѣло, внести въ избу и оттирать его снѣгомъ или обливать холодною водою, однимъ словомъ употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства къ приведенію въ чувство замерзшаго человѣка, въ которомъ можетъ быть сохранилась еще жизнь; для предупрежденія несчастныхъ случаевъ подобнаго рода, было бы полезно учредить ночные объѣзды, въ особенности же послѣ мятелей и по сосѣдству питейныхъ домовъ, и постановить строгія мѣры взысканія съ обществъ за неисполненіе священнѣхъ обязанностей человѣколюбія.

21) Владѣльцамъ имѣній и довѣреннымъ отъ нихъ лицамъ предоставляется право наблюдать за точнымъ исполненіемъ вышеизложенныхъ правилъ и доносить посредническимъ присутствіямъ о замѣченномъ ими потворствѣ ворами, мошенникамъ и людямъ предосудительнаго поведенія, со стороны мірскаго старосты; посредническія присутствія обязаны поддерживать закономъ опредѣленную власть помѣщиковъ, необходимую для водворенія общественнаго устройства.

Строгое и добросовѣстное исполненіе вышеозначенныхъ правилъ и дальнѣйшее развитіе судебныхъ законоположеній по этому предмету, вслѣдствіе настоятельной потребности въ измѣненіи или пополненіи ихъ на основаніи положительныхъ указаній опыта, въ соединеніи съ лучшимъ устройствомъ и болѣе удовлетворительнымъ составомъ полицейскаго управленія, будутъ имѣть самое благотворительное вліяніе на улучшеніе народной нравственности и послужатъ къ развитію въ народѣ правильныхъ понятій о справедливости и неприкосновенности чужихъ правъ.

ОВЪ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ РАБОЧИХЪ ДОМАХЪ.

Учрежденіе исправительныхъ рабочихъ домовъ въ каждомъ уѣздѣ необходимо для помѣщенія въ нихъ людей праздновающихся, а

равно для исправленія и пріученія къ труду городскихъ и сельскихъ обывателей, неисполняющихъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ семейству и къ обществамъ, преданныхъ лѣности и разнымъ порокамъ, наносящихъ вредъ другимъ лицамъ и безпечно идущихъ по скользкому пути разнообразныхъ проступковъ, ведущихъ ихъ къ конечной гибели. Правильное и разумно обдуманное устройство исправительныхъ рабочихъ домовъ послужитъ къ уменьшенію преступленій, къ водворенію въ сельскихъ и городскихъ обществахъ порядка и благоустройства, къ охраненію безопасности и имущества частныхъ лицъ, къ успѣшному производству общественныхъ работъ и къ умноженію общаго благосостоянія. Устройство исправительныхъ рабочихъ домовъ должно быть произведено общими силами назначеніемъ чрезвычайнаго денежнаго сбора съ городскихъ и сельскихъ обществъ, съ купеческихъ капиталовъ и съ помѣщичьихъ имѣній; первоначальное устройство ихъ должно быть соразмѣрно съ количествомъ содержащихся въ уѣздныхъ острогахъ преступниковъ, принимая за основаніе разсчета среднее число поступившихъ въ остроги въ продолженіе десяти лѣтъ. По собраніи необходимыхъ суммъ и составленіи смѣты расходовъ на возведеніе зданій рабочаго дома, по утвержденному правительствомъ плану, назначаются торги въ губернскомъ городѣ, по предварительной публикаціи объ нихъ въ столичныхъ и губернскихъ вѣдомостяхъ; по окончаніи торговъ, принимаются залого, равняющіеся половинѣ состоявшейся на торгахъ цѣны и потомъ уже приступаютъ къ началу работъ. Уѣздные дворянскіе предводители и городскіе головы обязаны имѣть неослабный надзоръ за работами и, въ случаѣ недобросовѣстности подрядчика, пользуются правомъ пріостановить ходъ работъ и донести о томъ высшему правительству, которое, по полученіи донесенія, наряжаетъ слѣдствіе, и въ случаѣ обнаружившихся недобросовѣстныхъ дѣйствій подрядчика, подвергаетъ его денежнымъ взысканіямъ, соотвѣтственнымъ цѣнности невыполненныхъ имъ или дурно произведенныхъ работъ, и за тѣмъ уничтожаетъ контрактъ; въ такомъ случаѣ назначаются вторично торги, принимаются новые залого и приступаютъ къ продолженію начатой работы безостановочно. Уѣздные предводители дворянства и городскіе головы, не исполнившіе своей обязанности и допустившіе нарушеніе общественныхъ интересовъ, подвергаются законной отвѣтственности. По возведеніи необходимыхъ зданій составляются штаты и назначается достаточное жалованье и приличное содержаніе смотрителю за рабочимъ домомъ, письмоводителю и опредѣленной по штату прислугѣ.

По открытіи въ уѣздныхъ городахъ рабочихъ домовъ, постановляются слѣдующія правила:

1) Учрежденные въ уѣздныхъ городахъ рабочіе дома состоятъ подъ надзоромъ мѣстныхъ городскихъ и уѣздныхъ присутствій, къ вѣдомству которыхъ принадлежатъ помѣщенные въ рабочемъ домѣ арестанты.

2) Начальство рабочаго дома обязано принимать въ нихъ арестантовъ, не иначе какъ по приговору городскихъ и сельскихъ обществъ, утвержденному мѣстными присутствіями, въ вѣдомствѣ которыхъ они состоятъ.

3) Городскія и сельскія общества вносятъ за помѣщеніе и содержаніе арестантовъ опредѣленную сумму, достаточную для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей содержащихся въ рабочемъ домѣ людей.

4) Поступившій въ рабочій домъ арестантъ записывается въ заведенную для этого предмета книгу, въ который должно быть означено имя, прозвище и время поступленія въ рабочій домъ арестанта; каждый арестантъ имѣетъ особенную приходо-расходную графу, въ которой записываются приобретенныя имъ во время содержанія въ рабочемъ домѣ деньги, а равно выдача изъ нихъ на потребности арестанта, съ разрѣшенія начальства. Приходъ и расходъ денегъ удостовѣряются подписью самого арестанта, или по просьбѣ его кѣмъ либо другимъ.

5) Каждый арестантъ приспособляется преимущественно къ своему обыкновенному роду занятій и обычному мастерству; неимѣющіе же навыка къ мастерствамъ, употребляются начальствомъ рабочаго дома на разныя общественныя работы подъ присмотромъ приставленныхъ къ нимъ надзирателей, наблюдающихъ за успѣшнымъ ходомъ работъ, за прилежаніемъ и нравственностію порученныхъ ихъ надзору арестантовъ.

6) Содержащіеся въ рабочемъ домѣ арестанты состоятъ подъ непосредственнымъ начальствомъ поставленнаго надъ ними смотрителя, обязаннаго подавать ежемѣсячныя вѣдомости городскимъ и уѣзднымъ присутствіямъ о поведеніи и состояніи здоровья содержащихся въ рабочемъ домѣ арестантовъ, а равно о произведенныхъ съ помощію ихъ работахъ и о поступившихъ въ приходъ и расходъ денежныхъ суммахъ, принадлежащихъ каждому отдѣльному арестанту.

7) Смотрители рабочихъ домовъ, съ разрѣшенія городскихъ и уѣздныхъ присутствій, въ вѣдомствѣ которыхъ состоятъ арестанты, заключаютъ условія съ купцами, а равно съ городскими и сельскими обществами и помѣщаютъ содержащихся въ рабочемъ домѣ арестантовъ на фабрики, крупяныя и разные заводы, мельницы, радятъ ихъ въ поленную работу въ городѣ и въ уѣздѣ, ставятъ въ работ-

ники на опредѣленные сроки съ правомъ полученія за нихъ заработной платы; въ лѣтнее время арестанты могутъ быть употреблены на починку дорогъ, мостовъ, гатей, въ каковомъ случаѣ заключаются условія съ сельскими обществами, на обязанности которыхъ лежитъ содержаніе въ порядкѣ своихъ участковъ; вырученные отъ общественныхъ работъ деньги распределяются между арестантами соразмѣрно ихъ трудамъ, по оцѣнкѣ выбраннаго арестантами изъ своей среды распорядителя общественною работою, получающаго за свой трудъ три коп. съ рубля изъ общей выручки; въ случаѣ жалобы кого либо изъ арестантовъ на пристрастный дѣлежъ выработанныхъ денегъ, вслѣдствіе потворства казеннаго надзирателя выбранному изъ среды арестантовъ распорядителю работою, — спорное дѣло подвергается разбирательству и рѣшенію импровизированнаго суда, составленнаго изъ среды самыхъ арестантовъ и состоящаго изъ нечетнаго числа членовъ; общность интересовъ судей и истца и врожденное чувство справедливости, свойственное каждому человеку, подвергавшемуся даже заблужденіямъ, послужить вѣрнымъ поручительствомъ за произнесеніе правильнаго приговора; вырученная каждымъ арестантомъ сумма записывается приходомъ въ его графу; такимъ же точно образомъ вносятся въ приходъ заработки отдѣльных арестантовъ, жившихъ по контракту у купцовъ и отжившихъ свои сроки въ работникахъ.

8) Поступившія въ приходъ деньги, за удовлетвореніемъ необходимыхъ нуждъ арестанта, препровождаются въ мѣстные уѣздныя и городскія присутствія, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ содержащіеся въ рабочемъ домѣ арестанты; мѣстные присутствія употребляютъ эти деньги на уплату казенныхъ и мірскихъ недоимокъ, а равно частныхъ долговъ арестанта, остатокъ же выдаютъ старшему въ семьѣ подъ его росписку.

9) Мѣстные присутствія, основываясь на получаемыхъ ими ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ о поведеніи арестантовъ и на одобрительномъ свидѣтельствѣ смотрителя рабочаго дома, удостовѣрившись въ исправленіи жизни арестанта, дѣлаютъ постановленіе о выпускѣ его изъ рабочаго дома и о дозволеніи ему возвратиться въ свое семейство.

10) Выпущенный изъ рабочаго дома, хотя бы исправившійся, арестантъ лишается правъ старшинства и подчиняется меньшему въ семьѣ родному или двоюродному брату.

11) Возвратившійся въ семью арестантъ, впадающій вновь въ прежніе проступки, подвергается болѣе строгимъ наказаніямъ, отдатъ въ рекруты безъ очереди, а въ случаѣ неспособности къ военной службѣ, переселенію въ дальнія губерніи, по судебному приговору.

12) Содержащіеся въ рабочемъ домѣ арестанты, неоставляющіе своихъ порочныхъ наклонностей, упорствующіе въ злѣ и совращающіе пагубнымъ своимъ примѣромъ нетвердыхъ въ правилахъ товарищей съ добраго пути полезнаго труда и спасительнаго раскаянія, отдѣляются отъ прочихъ арестантовъ и подвергаются болѣе строгому одиночному заключенію; провинившіеся же въ уголовныхъ преступленіяхъ переводятся въ острогъ и подлежатъ суду высшихъ судебныхъ вѣдомствъ.

13) Смотрители рабочихъ домовъ должны быть подчинены власти мѣстныхъ городскихъ и уѣздныхъ присутствій, въ вѣдомствѣ которыхъ состоятъ заключенные въ рабочемъ домѣ арестанты; означенныя присутствія пользуются правомъ назначать изъ среды себя комиссію, состоящую не менѣе какъ изъ трехъ членовъ, уполномочиваемыхъ для произведенія слѣдствія о могущихъ вкрасться въ управленіе рабочаго дома безпорядкахъ и о различныхъ несправедливостяхъ; уличенные въ нарушеніи своихъ обязанностей смотрители рабочихъ домовъ подвергаются, по рѣшенію подлежащихъ присутствій, отрѣшенію отъ должности и соразмѣрнымъ ихъ винѣ болѣе или менѣе значительнымъ взысканіямъ.

Учрежденіе и правильное устройство исправительныхъ рабочихъ домовъ будетъ имѣть несомнѣннымъ послѣдствіемъ уменьшеніе уголовныхъ преступленій и улучшеніе народной нравственности.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ УСТРОЙСТВѢ ВРАЧЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ УѢДАХЪ.

Въ видахъ челоуѣколюбія и для уменьшенія смертности въ простомъ народѣ, происходящей во многихъ случаяхъ отъ недостатка врачей и оставленія безъ врачебной помощи больныхъ, было бы полезно постановить слѣдующія правила:

1) На каждыя десять тысячъ душъ опредѣляется одинъ медикъ, который имѣетъ свое мѣстопробываніе въ центрѣ своего участка.

2) Каждый уѣздный медикъ долженъ имѣть подъ рукою десять фельдшеровъ, набираемыхъ изъ грамотныхъ крестьянъ, не моложе двадцати лѣтъ, которымъ поручается въ завѣдываніе участки въ тысячу душъ, гдѣ они имѣютъ постоянное жительство. Эти фельдшера должны быть подготовлены медикомъ для подаванія первой помощи заболѣвающимъ и обязаны являться къ больному по первому востребованію безъ всякаго замедленія; они должны умѣть прививать оспу, пускать кровь и знать простыя средства отъ различныхъ несложныхъ болѣзней, которымъ наиболѣе подвержены крестьяне,

въ трудныхъ же болѣзняхъ, особенно же эпидемическаго свойства, самъ медикъ, по первому извѣщенію, обязанъ являться къ больнымъ для принятія рѣшительныхъ мѣръ.

3) Каждый медикъ обязанъ объѣзжать свой участокъ разъ въ мѣсяцъ, для надзора за фельдшерами и для удостовѣренія, что сельскія больничныя избы содержатся въ исправности и что предписанія медика въ точности исполняются.

4) Каждый медикъ долженъ имѣть при себѣ аптеку, снабженную медикаментами, по возможности недорогими, но хорошаго качества и въ достаточномъ количествѣ. Медикаменты отпускаются больнымъ по самой дешевой цѣнѣ; немущіе же крестьяне, по представленіи свидѣтельства сельскаго общества о бѣдности ихъ, получаютъ ихъ даромъ.

5) Въ мѣстѣ жительства медика должна быть устроена больница не менѣе какъ на десять кроватей, или, смотря по надобности, даже и на большее количество, для такихъ больныхъ, которыхъ положеніе требуетъ особеннаго о нихъ попеченія и неусыпнаго наблюденія самаго медика.

6) Сельское общество, состоящее не менѣе какъ изъ ста душъ, обязано устроить своимъ иждивеніемъ особенную больничную избу, снабженную кроватями и постельнымъ бѣльемъ и отопливаемую на мірской счетъ; при каждой избѣ полагается сидѣлка, избираемая міромъ изъ женщинъ не молодыхъ лѣтъ, преимущественно изъ вдовъ хорошаго поведенія.

7) Небольшія селенія, состоящія изъ недостаточнаго количества душъ, складываются между собою и устраиваютъ общими средствами больничное помѣщеніе въ мѣстѣ, указанномъ уѣзднымъ медикомъ.

8) Уѣздные медики и подвѣдомственные имъ фельдшера обязаны имѣть строгое наблюденіе, чтобы всякаго рода сомнительные больные, въ особенности же подверженные болѣзнямъ заразительнаго свойства, были непремѣнно отдѣляемы отъ здоровыхъ и немедленно перевозимы въ больницы, для подаванія имъ необходимой и скорой помощи.

9) На каждый участокъ въ десять тысячъ душъ полагается тысячу двѣсти руб. сер., распределяемыхъ слѣдующимъ образомъ: на жалованье медику шестьсотъ руб., десяти фельдшерамъ по шестидесяти руб. сер. каждому, итого шестьсотъ руб. сер. Эта сумма для облегченія сельскихъ обществъ собирается не по душамъ, а по тягламъ, или по владѣмой крестьянами землѣ; половина ея вносится къ Петрову дню, а другая на новый годъ; для устройства сельской аптеки и снабженія ея свѣжими медикаментами назначается по соображеніямъ уѣзднаго медика особый сборъ сверхъ опредѣ-

ленныхъ на жалованье медику и фельдшерамъ тысячи двухъсотъ рублей.

Предлагаемая мною мѣра, при всей недостаточности своей, могутъ весьма ощутительнымъ образомъ способствовать уменьшенію смертности въ простомъ народѣ и распространенію въ крестьянахъ правильныхъ понятій о необходимости разумнаго лѣченія, основаннаго на тщательномъ и добросовѣстномъ изученіи болѣзней и основныхъ правилъ врачебной науки; необходимымъ послѣдствіемъ этого будетъ уменьшеніе довѣрія къ доморощеннымъ лѣкарямъ и лѣкаркамъ, причиняющимъ по большей части значительный вредъ прибѣгающимъ къ ихъ помощи лицамъ; по мѣрѣ же увеличенія благосостоянія крестьянскихъ обществъ, увеличится и возможность приступить къ устройству врачебной части въ уѣздахъ болѣе удовлетворительнымъ образомъ.

ОВЪ УСТРОЙСТВѢ ШКОЛЪ ВЪ СЕЛЬСКИХЪ ПРИХОДАХЪ.

Въ настоящее время польза распространенія грамотности, признанная самимъ правительствомъ, оспаривается весьма немногими людьми, которыхъ сужденія не заслуживаютъ опроверженія, и потому я полагаю, что было бы полезно учредить повсемѣстно школы при сельскихъ приходахъ на слѣдующемъ основаніи:

1) Въ каждомъ приходѣ, состоящемъ не менѣе какъ изъ трехъ сотъ душъ, должна быть учреждена школа изъ одной или двухъ классныхъ комнатъ, по числу дѣтей мужескаго пола, начиная съ восьмилѣтняго возраста до пятнадцати лѣтъ; въ большихъ приходахъ, состоящихъ изъ тысячи и болѣе душъ, по мѣрѣ возрастанія числа учащихся, ежели помѣщеніе сдѣлается слишкомъ тѣсно, воздвигаются новыя пристройки, чтобы никто по достиженіи узаконенныхъ лѣтъ не былъ лишенъ обученія грамотѣ и Закону Божію.

2) Прихожане малыхъ приходовъ, не заключающихъ въ себѣ трехъ сотъ душъ, причисляются къ большимъ приходамъ, въ такомъ случаѣ, ежели они несогласны будутъ устроить и поддерживать собственнымъ иждивеніемъ сельскую школу въ своемъ приходѣ.

3) Достигшіе восьми-лѣтняго возраста непременно должны поступать въ школу даже и въ такомъ случаѣ, ежели бы и родители ихъ или родственники противились тому; впрочемъ должно быть дозволено поступать въ нее и съ семи лѣтъ, въ случаѣ изъясненнаго на то желанія со стороны родителей или дѣтей.

4) Предметы преподаванія въ сельской школѣ суть слѣдующія: чтеніе, письмо, правила грамматики и правописанія, первые четыре правила ариметики и Законъ Божій. Больше способнымъ и прилежнымъ дѣтямъ можетъ быть преподаваема и вторая часть аритметики.

5) Крестьянскія дѣти пользуются въ сельскомъ училищѣ преподаваніемъ первоначальныхъ предметовъ ученія, въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ отъ 1-го ноября по 1-е апрѣля; съ 1-го апрѣля по 1-е ноября ученіе прекращается по причинѣ полевыхъ работъ и никому не должно быть возбраняемо рѣдкѣ мальчиковъ въ пастухи или прѣчать ихъ къ домашнимъ занятіямъ; остающимся же по желанію родителей въ школѣ на лѣтнее время, ученики продолжаютъ пользоваться ученіемъ не иначе, какъ за условленное особое вознагражденіе; передъ роспускомъ дѣтей производится испытаніе въ предметахъ ученія и отличившимся ученикамъ выдаются почетныя награды, состоящія изъ книгъ нравственнаго содержанія и небольшихъ денежныхъ премій.

6) Ученики изъ другихъ деревень размѣщаются по избамъ въ томъ селѣ или деревнѣ, гдѣ учреждена сельская школа; родители и родные должны доставлять имъ хлѣбъ и все продовольствіе, а за квартиру и приварокъ изъ доставленныхъ припасовъ хозяинъ избы не имѣетъ права брать съ ученика болѣе 1 р. сер. за учебное время; впрочемъ денежная плата можетъ быть замѣнена хлѣбомъ или другими продуктами съ общаго согласія. Если квартированіе по избамъ окажется неудобнымъ, то со временемъ можетъ быть устроено для пришлыхъ дѣтей особое помѣщеніе, въ которомъ они могутъ имѣть квартиру и содержаніе подъ присмотромъ приставленнаго къ дѣтямъ особаго надзирагеля, избраннаго родителями и обезпеченнаго ими въ своемъ содержаніи.

7) Вновь опредѣляемые въ села молодые священники могутъ быть лучшими учителями и наставниками для крестьянскихъ дѣтей, и обязанность эта должна быть преимущественно возлагаема на нихъ; тамъ же, гдѣ священники по преклоннымъ лѣтамъ или какимъ либо другимъ причинамъ не въ состояніи принять на себя этой обязанности, прихожане имѣютъ право пріискать вольнаго учителя и условиться съ нимъ въ платѣ за его труды. Было бы полезно устроить со временемъ особый институтъ для приготовленія учителей, сдавшихъ экзаменъ, могущихъ преподавать элементарные предметы ученія въ сельскихъ училищахъ.

8) За cadaго мальчика, обученнаго всѣмъ предметамъ преподаванія въ сельскомъ училищѣ, родители или родные, по окончаніи ученія и учиненіи испытанія, обязаны заплатить учителю три
Т. LXXV. Одг. II.

руб. сереб.; этотъ единовременный взносъ можетъ по желанію крестьянскихъ обществъ быть замѣненъ однажды установленнымъ определеннымъ жалованьемъ, выплачиваемымъ завѣдывающему училищемъ сельскому священнику или постороннему лицу.

9) Необходимыя для устройства сельскаго училища и для покупки учебныхъ матеріаловъ суммы собираются по уравнительной раскладкѣ со всего прихода.

10) Было бы полезно поручить высокообразованному духовному лицу составленіе краткаго катехизиса, приуроченнаго къ понятіямъ крестьянскихъ дѣтей, въ которомъ главнѣйшее вниманіе должно быть обращено на подробное и ясное истолкованіе Божественныхъ десяти Заповѣдей, исполненіе которыхъ, соединенное съ любовью къ ближнему, есть главная основа нашего временнаго и вѣчнаго благосостоянія.

АЛЕКСѢЙ ТЮТЧЕВЪ,
*помѣщикъ Ярославской губерніи,
Мышкинскаго уѣзда.*

Село Знаменское.
12-го марта 1889.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О КАЛЕНДАРЯХЪ.

1. Volks-kalender für 1859, von Gubitz. Berlin.
2. Volks-kalender für 1859, von Trewendt. Breslau.
3. Volks-kalender für 1859, von Steffens. Leipzig.
4. Volks-kalender für 1859, von Nieritz. Leipzig.
5. Мѣсяцесловъ на 1859. Изд. Имп. Ак. Наукъ. С.-Петербургъ.

Достань-ка календарь.

Читай не такъ, какъ пономарь,

А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Грибодовъ.

Ни одной изъ русскихъ книгъ, выходящихъ въ продолженіе года, не жду я съ такимъ нетерпѣніемъ, ни одной не встрѣчаю съ такою радостію, не перечитываю съ такою жадностью при ея появленіи и съ такимъ интересомъ въ продолженіе всего слѣдующаго года, какъ календарь Императорской Академіи Наукъ. Я принадлежу къ числу самыхъ усердныхъ читателей и почитателей календаря. Я читаю календарь для справокъ, читаю, когда я боленъ, читаю, когда я хандрю, читаю, когда нѣтъ новостей въ литературѣ и наукахъ для меня доступныхъ, читаю, когда мнѣ не хочется ни мыслить, ни мечтать, ни читать, ни говорить. Есть господа, и притомъ изъ людей образованныхъ, которые не хотятъ читать календаря потому только, что это календарь.... Календарь вѣдь, а не книга: — что, дескать, тамъ читать? Напрасно! — Я увѣренъ, что многіе изъ этихъ господъ не знаютъ по крайней мѣрѣ половины того, что есть въ календарѣ, а изъ этой половины наберется, быть можетъ,

четверть такихъ свѣдѣній, которыя знать не худо не только человеку образованному, но и всякому православному. Далѣе, есть господа болѣзненные, сердитые, раздражительные, страждущіе хандрой, которые во время болѣзни, въ сильной хандрѣ берутся за книги, за статьи съ извѣстнымъ направленіемъ, съ извѣстными идеями и взглядами, приправленные значительною дозою жолчи, — и тѣмъ еще болѣе разстраиваютъ свое здоровье, впадаютъ еще въ худшее состояніе духа; и въ это несчастное время начинаютъ они новыя творенія, болѣзненные, раздражительныя, которыми потомъ и разрѣшаются, разливая въ свою очередь сами жолчь на міръ божій. Почему бы не посовѣтовать и этимъ господамъ.... Впрочемъ зачѣмъ совѣтовать? У всякаго свой вкусъ и свои привычки. Я хочу сказать только, что календарь есть книга книгъ, на всякую потребу годная, — и улучшенію ея всякій долженъ радоваться болѣе, чѣмъ улучшенію какой нибудь другой книги. Вотъ почему я съ восторгомъ встрѣтилъ календарь на 1859 годъ. Календарь этотъ въ сравненіи съ календарями предшествовавшихъ годовъ составленъ рѣшительно блистательно. Онъ обновился и пополнилъ во всѣхъ своихъ частяхъ. А сколько въ немъ приложений! Когда календарь нашъ давалъ намъ столько приложений, сколько далъ онъ на нынѣшній годъ? Я совершенно увѣренъ, что тѣ, которые нападали на календарь 1859 года, или вовсе не видали прежнихъ календарей, или не потрудились сличить нынѣшняго календаря съ календарями прежнихъ лѣтъ. Календарь сдѣлалъ все, что могъ. При той методѣ, какая принята нынѣ въ его составленіи, нельзя ни требовать, ни ожидать отъ него какихъ-то особенныхъ улучшеній. Другое дѣло, когда будетъ измѣнена метода. Но нужно ли, спросать меня, переимѣнять эту методу? Да, отвѣчу я. Несмотря на то, что я поклонникъ и настоящаго календаря, который имѣетъ свои несомнѣнные достоинства, я долженъ сказать, что метода, принятая при составленіи календаря слишкомъ устарѣла для нашего времени, что она препятствуетъ улучшенію календаря, препятствуетъ ему быть тѣмъ, чѣмъ онъ могъ бы, и даже долженъ бы быть. Потому нельзя не пожелать ему отъ души перерожденія по крайней мѣрѣ съ имѣющимъ наступить скорѣе вторымъ тысячелѣтіемъ Россіи. Въ чашѣ этого, конечно, многими уже желаемого перерожденія, я намѣренъ поговорить о составѣ календарей.

Что такое календарь?

Календарь есть справочная на каждый годъ книга, которая содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о переимѣнахъ времени, имѣющихъ въ томъ году послѣдовать, о явленіяхъ небесныхъ, имѣющихъ случиться отъ того или другаго положенія тѣлъ небесныхъ и взаимнаго

ихъ отношенія между собою. Но календарь сообщаетъ свѣдѣнія не обо всѣхъ измѣненіяхъ времени и не о всѣхъ явленіяхъ небесныхъ, а только о тѣхъ, знаніе которыхъ въ быту житейскомъ по тѣмъ или другимъ причинамъ нужно. Такъ какъ календарь по этому самому есть книга необходимая для всякаго, для ученаго и неученаго, для образованнаго и необразованнаго, то нѣмецъ смотритъ на календарь, какъ на средство, чрезъ которое можно проводить въ народъ и другія полезныя для народа свѣдѣнія и идеи. Съ этою цѣлью онъ старается прежде всего о томъ, чтобы сдѣлать календарь книгою по цѣнѣ доступною бѣднѣйшему изъ бѣднѣйшихъ. И надобно въ самомъ дѣлѣ удивляться, до какой изумительной дешевизны доведена цѣна нѣмецкихъ календарей. Календарь Тревената, напримѣръ, состоящій почти изъ 15 печатныхъ листовъ, съ 10 отличными гравюрами, стоитъ 35—40 коп. сер. Календарь Губица, состоящій почти также изъ 15 листовъ, со множествомъ политипажей, стоитъ столько же. Въ такой же точно соразмѣрности цѣны другихъ календарей. Само собою разумѣется, что даже и за такую небольшую цѣну, какъ 35—40 коп. сер., и такую нужную книгу въ продолженіе цѣлаго года, какъ календарь, если въ немъ содержатся только календарныя свѣдѣнія, купить не всякой. Кто достаетъ деньги трудомъ и потомъ, еще пораздумаетъ, нельзя ли какъ нибудь обойтись безъ календаря—и дѣйствительно обойдется. Слѣдовательно, кромѣ дешевизны цѣны, календари должны привлекать къ себѣ покупателей своимъ внутреннимъ достоинствомъ. Должно сказать, что и въ этомъ отношеніи нѣмецкіе календари доведены до возможнаго совершенства. Смотри на множество отличныхъ гравюръ или политипажей при каждомъ календарѣ, на разнообразное содержаніе календаря, я думаю, самый послѣдній бѣднякъ отдастъ за него деньги не только не жалѣя, но и съ удовольствіемъ. Чего нѣтъ въ нѣмецкихъ календаряхъ?—Тутъ есть и серьезныя статьи, и стихи, и повѣсти, и рассказы, и анекдоты, и изреченія, и смѣлы и т. д.,—и все это составлено не какъ нибудь, а умно и дѣльно, и главное, несмотря на кажущееся разнообразіе, строго приспособлено къ одной цѣли. Будь статья самая умная, нѣмецъ не помѣститъ ея въ своемъ календарѣ, если она не служитъ къ предположенной имъ цѣли. Какая же это цѣль? Цѣль эта — истребленіе заблужденій и предразсудковъ въ народѣ, распространеніе въ немъ всевозможныхъ полезныхъ знаній, добытыхъ и добываемыхъ современною наукою, развитіе добрыхъ правилъ и вкуса, однимъ словомъ — очищеніе и облагороженіе народнаго ума, сердца и вкуса. Призваніе служить этой цѣли есть поистинѣ высокое и святое и, быть можетъ, налагаемое на всякаго писателя самымъ талантомъ, дарованнымъ ему свыше. Оттого лучшіе писатели принимаютъ участіе

въ составленіи нѣмецкихъ календарей, лучшіе люди занимаются ихъ изданіемъ, — и, надобно отдать имъ честь, трудятся съ любовью и умѣньемъ и по справедливости заслуживаютъ уваженія и благодарности отъ своего народа. Календарь прежде всего хочетъ привлечь къ себѣ своею наружностію. Въ немъ хорошенькія картинки. Охотникъ ли кто читать, не охотникъ ли, а картинки посмотреть всякій, — а посмотрѣвъ картинки, заглянетъ и въ оглавленіе статей. А статьи своею формою разсчитаны рѣшительно на всѣ возрасты и вкусы. Юность и дѣтство не стали бы читать статей серьезныхъ, но съ охотою прочтутъ стихи, повѣсти, а если ни то, ни другое, то по крайней мѣрѣ *вицы* и анекдоты. Взрослый, быть можетъ, не захочетъ сначала читать этихъ пустяковъ, захочетъ статей посерьёзнѣе, — есть и серьёзные статьи: кто любитъ политику, — и политика есть; кого интересуютъ только одни рѣдкости, являющіяся въ мірѣ, или кто не хочетъ знать ничего, кромѣ своего хозяйства, и тотъ и другой найдутъ, что читать въ календарѣ, каждый по своему вкусу. Однимъ словомъ, — чего хочешь, того просишь. Но прочитавъ одну статью сначала по личному своему вкусу, всякій заглянетъ и въ другую, понравится и эта, въ третью, такимъ образомъ дойдетъ до серьёзной или ученой, а прочитавъ и послѣднюю, увидитъ, что и здѣсь бояться нечего. Нѣмецъ, когда пишетъ ученую статью для календаря, представляетъ себѣ читателя своего рѣшительно ничего незнающимъ, необучавшимся ни одной наукѣ. Оттого не только взрослый, но всякій мальчикъ, выучившійся грамотѣ, можетъ понимать эти статьи. Такъ онѣ популярны! Но если бы кто и не дошелъ до этихъ статей, то и изъ прочитанныхъ имъ, выбранныхъ имъ самимъ для чтенія статей, — стиховъ ли тамъ, или повѣстей и анекдотовъ и т. п., онъ вынесетъ свою долю пользы. И всякій, познакоившись разъ съ календаремъ, — а времени на это знакомство вѣдь много, цѣлый годъ, — непременно захочетъ имѣть его и на другой годъ. Оттого издатели нѣмецкихъ календарей не смотрятъ на свои календари, какъ на изданія справочныя, имѣющія значеніе только въ опредѣленный срокъ, а потомъ никуда негодныя, такъ сказать, *бросовыя*. Напротивъ, они ведутъ свои календари, какъ связанное погодное періодическое изданіе, помѣщая иногда одну половину статьи въ одномъ году, другую въ другомъ, и дѣлая въ новыхъ календаряхъ указанія на прежніе годы. Когда кончается извѣстный годъ, издатель отрываетъ отъ календаря свѣдѣнія чисто календарныя, которыя обыкновенно занимаютъ два или не много болѣе двухъ листовъ, и у него является «Jahrbuch des Nützlichen und Unterhalten-den», какъ напр. у Губитца или «Feierabend, — Jahrbuch für Ernst und Scherz, Belehrung und Unterhaltung,» какъ у Тревендта. Эти Jahrbücher раскупаются нѣмцами съ жадностію не только по простествіи

двухъ, трехъ лѣтъ послѣ выхода календарей, но постоянно, какъ лучшія книги. Губитцъ въ календарѣ своемъ за нынѣшній годъ извѣщаетъ, что изъ его 24-лѣтнихъ *Jahrbücher* экземпляры за 1836, 1837, 1838 годы распроданы всѣ, а за остальные годы остаются въ незначительномъ числѣ.

Познакомимся теперь ближе съ содержаніемъ нѣмецкихъ календарей.

Какъ главная цѣль издателей календарей состоитъ въ томъ, чтобы сообщать въ нихъ народу сколько можно болѣе полезныхъ свѣдѣній, не увеличивая объема, а слѣдственно и цѣны книгъ, то въ нѣмецкихъ календаряхъ вы прежде всего встрѣтите самую примѣрную бережливость въ употребленіи бумаги. Шрифтъ выбирается сколько возможно мелкій, поля оставляются самыя маленькія; нигдѣ пробѣловъ безъ нужды, строка за строкой лѣпится вездѣ, гдѣ только помѣститься можетъ, не причиняя безобразія. Особенно эта бережливость соблюдается въ части собственно календарной, какъ содержащей въ себѣ свѣдѣнія преходящія, которыя по истеченіи года замѣняются другими. То, что въ нашихъ календаряхъ помѣщается на шести листахъ, здѣсь печатается на двухъ или съ небольшимъ на двухъ. Правда, въ нашихъ календаряхъ требуютъ для себя мѣста нѣкоторыя особенныя свѣдѣнія; напримѣръ, показаніе восхожденія и захожденія солнца, луны, планетъ въ Москвѣ, солнца въ Архангельскѣ, Якутскѣ и т. д., также свѣдѣнія о праздникахъ, крестныхъ ходахъ и т. п. Но этихъ свѣдѣній очень немного. Къ тому же въ нѣмецкихъ календаряхъ помѣщается въ календарной части въ свою очередь много такого, чего нѣтъ въ нашихъ календаряхъ. Каждый мѣсяцъ въ нашемъ календарѣ занимаетъ двѣ страницы, раздѣленные по длинѣ на 14 большихъ и маленькихъ столбцовъ. Въ 4-хъ изъ этихъ столбцовъ означаетъ именное и численное наименованіе дней, въ 8-ми восхожденіе и захожденіе солнца въ Санктпетербургѣ и Москвѣ; изъ остальныхъ двухъ—въ одномъ имена православныхъ святыхъ на каждое число мѣсяца, въ другомъ—среднее время въ истинный полдень. Вотъ и всѣ свѣдѣнія помѣсячныя. Нѣмецкіе календари, напримѣръ Тревендта и Губитца, покрайней мѣрѣ на $\frac{1}{8}$ въ длину и на $\frac{1}{6}$ въ ширину меньше нашего календаря по формату. Каждый мѣсяцъ занимаетъ также только двѣ страницы. Но посмотрите, сколько на этихъ двухъ страницахъ помѣщается свѣдѣній! Въ календарѣ, напримѣръ, Тревендта каждый мѣсяцъ раздѣленъ на 18 столбцовъ. Именное и численное наименованіе дней означаетъ только въ трехъ столбцахъ. Въ восьми столбцахъ означены восхожденіе и захожденіе солнца, луны и долгота дня, въ семи остальныхъ святые а) по новому и б) по старому календарю, в) теченіе луны, г) четверти луны

и положеніе планетъ, д) объясненіе небесныхъ явленій, е) іудейскій календарь, ж) показаніе состоянія погоды по столѣтнему календарю Кнауера и крестьянскимъ примѣтамъ. Въ календарѣ Губитца нѣтъ отдѣльныхъ столбцовъ для небесныхъ явленій, для еврейскаго календаря, для показанія погоды, за то у него половина одной страницы каждаго мѣсяца наполнена изреченіями, анекдотами, стихами, правилами нравственнаго содержанія и т. п. Въ этой мелочи всякій найдетъ что нибудь по своему вкусу. Попадаютъ иногда мысли и замѣтки очень серьезныя, иногда легкія шутки, иногда анекдоты, вызывающіе невольную улыбку и т. п.

За *помѣсячными* показаніями для каждаго мѣсяца въ календарной части нѣмецкихъ календарей помѣщаются свѣдѣнія: 1) о времяисчисленіи; 2) о временахъ года, 3) о затменіяхъ лунныхъ и солнечныхъ; 4) объ отношеніи употребляемыхъ въ общежитіи часовъ къ истинному времени, и кой-какія другія.

Вообще въ календарной части нѣмецкихъ календарей есть все, что каждому нужно знать изъ календарныхъ свѣдѣній въ продолженіе года и даже болѣе. Если бы въ нашихъ календаряхъ календарная часть составляема была точно такъ же и помѣщалась такъ же уютно, то и съ свѣдѣніями особенными, которыя въ ней теперь есть, и съ тѣми свѣдѣніями, которыхъ въ ней нѣтъ, а есть въ нѣмецкихъ календаряхъ, она заняла бы, быть можетъ, не болѣе трехъ печатныхъ листовъ, если не менѣе, слѣдственно имѣла бы три листа въ выгрышѣ.

Перехожу къ некалендарной части календарей нѣмецкихъ, и прежде всего къ отдѣлу статей серьезныхъ. Изъ календарей на 1859 годъ статьями серьезными всѣхъ богаче календарь Губитца. Я говорю: статьями серьезными, потому что чисто-учеными статей, помѣщаемыхъ въ календаряхъ, назвать нельзя. Сообразно цѣли своей онѣ излагаютъ каждый научный предметъ съ тѣхъ только сторонъ, которыя имѣютъ приложеніе въ жизни. Поэтому въ нихъ не бываетъ съ одной стороны статей чисто теоретическихъ, а съ другой нѣтъ въ статьяхъ и спеціальной однородности содержанія. Одна и таже статья разсматриваетъ предметъ въ отношеніяхъ и медицинскомъ, и химическомъ, и технологическомъ и т. д., смотря потому, чрезъ какую науку получилъ онъ приложеніе въ жизни. Поэтому же напрасно мы стали бы искать въ календаряхъ разрѣшенія какихъ нибудь чисто научныхъ или спеціальныхъ историческихъ вопросовъ, или полныхъ статей историческихъ и біографическихъ. Историческія событія и историческія личности выводятся обыкновенно тѣми своими сторонами или рельефнѣе обозначаются съ тѣхъ сторонъ,

которыя могутъ имѣть почему либо благотворное вліяніе на образъ мыслей и духъ народа.

Въ календарѣ Губитца на 1859 годъ изъ статей серьезныхъ помѣщены 4 біографическихъ, 5 по натуральной исторіи и нѣсколько статей смѣшаннаго содержанія.

Къ статьямъ біографическимъ относятся: I) Карлъ фонъ-Штейнъ; II) Памятникъ Гёте и Шиллеру въ Веймарѣ; III) Мавзолей въ Шарлоттенбургѣ; IV) Приключеніе во время краткаго путешествія.

1) Статья: *Карлъ фонъ-Штейнъ* содержитъ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Штейна, принадлежавшаго къ числу самыхъ пламенныхъ патріотовъ. Штейнъ былъ министромъ въ самое тяжелое для Пруссіи время—во время тяготѣвшаго подъ Европою деспотизма Наполеона I. Всѣ усилія дѣятельности Штейна были направлены съ одной стороны къ освобожденію Германіи, съ которымъ онъ считалъ неразрывно связаннымъ величіе Пруссіи, съ другой, внутри королевства, къ возможному расширенію свободы подданныхъ, ибо, по его убѣжденію, «непоколебимою опорою каждаго трона можетъ быть только одна способная къ самопожертвованію любовь и преданность людей свободныхъ». Къ статьѣ приложенъ портретъ Штейна. II) Статья *«Мавзолей въ Шарлоттенбургѣ»*, написанная по случаю имѣющаго совершиться 23-го декабря 1859 года пятидесятилѣтія со времени возвращенія Вильгельма III съ супругою въ столицу послѣ бѣдственной войны съ Наполеономъ, сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности и характерѣ Вильгельма III и о самомъ памятникѣ, воздвигнутомъ въ Шарлоттенбургскомъ замкѣ надъ гробами царственныхъ супруговъ. Замѣчательны сообщаемые авторомъ документы, содержащіе взглядъ короля на народное образованіе и на свободу цензуры, въ особенности послѣдній документъ. По случаю принесенной издателемъ «Вестфальскаго Листка» жалобы на дѣлаемые ему стѣсненія, король пишетъ между прочимъ государственному министру фонъ Ангерну: «если будетъ стѣсняема даже умѣренная гласность, то не остается совершенно никакихъ средствъ слѣдить за злоупотребленіями чиновниковъ, которые отъ этого будутъ дозволять себѣ слишкомъ много своеволія. Въ этомъ отношеніи умѣренная гласность и для правительства и для подданныхъ есть самое вѣрное ручательство противъ нерадѣнія и злонамѣренности чиновниковъ, и потому надобно всячески поощрять и поддерживать ее». Статья украшена двумя политипажами, изъ которыхъ одинъ изображаетъ внутренность мавзолея съ двумя находящимися въ немъ гробницами царственныхъ супруговъ, другой — древнюю царицу Артемизию, воздвигшую памятникъ своему супругу Мавзолу, — по рисунку снятому Мехельномъ въ дрезденской галлерей антиковъ съ ба-

зальтоваго медальона. Рисунокъ этотъ по сходству Артемизии съ супругою Вильгельма III Луизою подалъ первую мысль къ сооруженію мавзолея. III) Статья: «*Памятникъ Гёте и Шиллеру въ Веймарѣ*», написанная по случаю имѣющаго совершиться въ 1859 году столѣтія со времени рожденія Шиллера (1759) и перваго десятилѣтія втораго столѣтія со времени смерти Гёте (1749), излагаетъ взаимныя отношенія обоихъ поэтовъ другъ къ другу при жизни. Къ статьѣ приложенъ видъ памятника, воздвигнутаго обоимъ поэтамъ въ Веймарѣ 4-го сентября 1857 года. Въ заключеніе статьи авторъ сообщаетъ изъ своихъ замѣтокъ нѣсколько мыслей того и другаго поэта, не вошедшихъ въ собраніе ихъ сочиненій. IV. Статья: «*Приключеніе во время краткаго путешествія*», украшенная четырьмя политипажамъ, есть разсказъ умершаго въ 1808 году нѣмецкаго писателя Гейденрейха о поѣздѣ его изъ Лейпцига, по окончаніи здѣсь курса наукъ, въ Веймаръ, забавныхъ приключеній въ время пути, слѣдствіемъ которыхъ была его женитьба.

По натуральной исторіи помѣщены статьи: I) «*Драконъ*», въ которой объясняется, что дракона змѣя въ природѣ не существуетъ, а есть крылатая ящерица—драктъ, животное съ виду отвратительное, но совершенно безвредное, которое живетъ на деревьяхъ въ жаркихъ странахъ стараго свѣта и питается различными насѣкомыми; II) «*Чайки*»; III) «*Формы листьевъ*»; авторъ говоритъ, что «листья безчисленныхъ растений съ давнихъ временъ служили образцами для различныхъ украшеній въ искусствахъ, для этой цѣли служатъ они и въ настоящее время въ этой области человѣческой дѣятельности»; поэтому онъ разсматриваетъ формы листьевъ различныхъ растений; IV) «*Кофейное дерево*»; V) «*Чайный кустарникъ*».

Къ статьямъ серьезнымъ въ календарѣ Губитца должно также причислить: I) «*Первый кофейный домъ въ Вѣнѣ*», разсказъ объ осадѣ Вѣны турками въ 1683 году, о пораженіи и бѣгствѣ ихъ, послѣ котораго найденное въ турецкомъ лагерѣ во множествѣ кофе послужило поводомъ къ основанію перваго кофейнаго дома въ Вѣнѣ; II) «*Кой-что изъ исторіи и медицины, и противъ табаку*»; III) «*Деревенскія исторіи*». Главная мысль статьи, что при невѣжествѣ народа нельзя ожидать отъ него доброй нравственности. Разсказами изъ деревенской жизни доказывается, что въ нравахъ крестьянъ нѣтъ ничего похожаго на тѣ идилліи, которыя рисовали Гесснеръ и другіе поэты; IV) «*Древній и новый міръ*». Статья содержитъ описаніе 12-ти главныхъ божествъ грековъ и римлянъ, атрибутовъ, съ которыми они изображаются, ихъ происхожденія, походовъ и т. п. V) «*Древнее и новое колдовство*».—Всѣ означенныя нами статьи украшены множествомъ политипажей.

Довольно богатъ серьёзными статьями и календарь Тревендта. Самая лучшая изъ этихъ статей въ немъ статья Дуфлоса: «Вода», въ которой раскрывается значеніе воды при опредѣленіи вѣса и мѣры другихъ тѣлъ, затѣмъ—въ гигиеническомъ и хозяйственномъ отношеніи, гдѣ разсматриваются свойства различнаго рода водъ, средства сдѣлать ту или другую воду полезною и годною для того или другаго употребленія; изложеніе и языкъ статьи такъ популярны, что ее пойметъ всякій мальчикъ, а содержаніе статьи такъ приспособлено къ обыденной жизни, что ее поинтересуется прочесть не только всякая хозяйка, но даже и каждая грамотная кухарка и прачка. Далѣе слѣдуютъ статьи II) «О сродствѣ растений», Россмесслера; III) «Лучшіе сорта плодовъ», Тверата; IV, «Технологическія хозяйственныя свѣдѣнія» — тѣ и другія въ особыхъ отдѣлахъ. Мы поименуемъ здѣсь оглавленіе статей того и другаго отдѣла. А) Отдѣлъ техническій. 1) Сушка досокъ; 2) приложеніе пара по методѣ Риттингера къ сбереженію механическаго силою матеріаловъ для горѣнія; 3) алюминій; 4) добываніе стекла мокрымъ путемъ; 5) способъ наводить цинковые листы масляными красками; 6) средство сохранять яичный желтокъ; 7) средство замѣнять костяной уголь искусственнымъ; 8) чистка цвѣтныхъ матерій; 9) приготовленіе хлѣба; 10) раціональная печь для печенія хлѣба. Б) Отдѣлъ хозяйственный. 1) Приготовленіе изъ сточной воды навоза; 2) орошеніе луговъ; 3) сохраненіе яицъ; 4) клееніе; 5) лѣченіе болѣзни картофеля; 6) чистка серебряныхъ вещей; 7) сушка растений съ сохраненіемъ ихъ цвѣта; 8) способъ дѣлать матеріи для платьевъ *невоспламеняемыми*; 10) способъ выводить изъ бѣлья желѣзно-ржавчатые пятна; 11) замѣна копировальной бумаги при прорисовкѣ; 12) очищеніе прогорклаго масла; 13) приготовленіе изъ тростника постилокъ или переплетовъ для мебели и т. п.; 14) искусственный навозъ; 15) настой изъ сѣна; 16) средство истреблять мышей; 17) табачная бумага; 18) сохраненіе хлѣба посредствомъ жженой извести; 19) скорое соленье мяса въ небольшихъ количествахъ; 20) сладкіе рожки; 21) болѣзненные деревья.

Кромѣ указанныхъ нами статей, въ календарѣ Тревендта есть еще одинъ отдѣлъ для статей серьёзныхъ, подъ названіемъ смѣси. Въ смѣси помѣщаются разныя статьи о предметахъ необыкновенныхъ, рѣдкихъ, вообще почему либо особенно замѣчательныхъ. Такъ на 1859 годъ помѣщены здѣсь между прочимъ написанныя нарочно для календаря самыя подробныя описанія «Левіаѳана» и «Транзатлантическаго телеграфа». Такія описанія были бы очень нелишними и въ нашемъ календарѣ, потому что кто не имѣетъ возможности читать иностранныхъ изданій, тому у насъ вовсе негдѣ почерпнуть

удовлетворительныхъ свѣдѣній объ этихъ современныхъ дивахъ. Нашъ календарь упоминалъ о нихъ только кратко въ обзорѣ событій. Въ другихъ нѣмецкихъ календаряхъ отдѣлъ въ родѣ смѣси наполняется историческими курьёзами, какъ на примѣръ въ календарѣ Ниритца. Помѣщенные въ немъ на нынѣшній годъ три статьи въ этомъ родѣ — всѣ очень любопытны. Я привожу здѣсь одну изъ нихъ: «Извлеченіе изъ записной книжки палача. 1656».

«6 мая я пыталъ молодаго челоуѣка 24 лѣтъ, въ присутствіи суда по преступленію въ любодѣніи (*rapto stupri*). 8-го повѣсилъ крестьянина за воровство. 12-го наказывалъ двухъ дѣвушекъ 19-лѣтъ за воровство. 13, 14, 15, 18 и 19-го, — во всѣ эти дни исполнялъ приговоры надъ цыганами — 8 повѣсилъ, 6 колесовалъ, 3 сожегъ. *Requiescant in pace!* (да почіють въ мирѣ!) Отъ 20 до 28 мая по должности дѣлать было нечего, и я лѣчилъ кой у кого лошадей, также составлялъ лѣкарства и мази для крестьянъ. 29-го пыталъ. 30-го тоже. 1, 5, 8 и 9-го іюня тоже. 10-го наказывалъ. 12-го сѣкъ плетями. 14-го ставилъ клейма. (Далѣе вырвано. На половинѣ послѣдняго листа:) Въ нынѣшній годъ благополучно мною было наказано: крестьянъ, имѣющихъ домообзаводство 16; пустодомовъ и поденщиковъ 30; бродягъ, не имѣющихъ мѣста жительства 40; итого 86. Биты плетями 18; вставлены клейма 10; пытаны 40; и того наказанныхъ, битыхъ плетями, заклеименныхъ и преданныхъ пыткѣ 154.

Omnia ad maiorem Dei gloriam! (Все во славу Божію!)

Любезный братъ! Съ удовольствіемъ извѣщаю тебя, что благословеніе Божіе надъ нами. Этотъ годъ былъ поистинѣ счастливъ; Богъ послалъ мнѣ 66 злодѣевъ, надъ которыми всѣми я благополучно исполнилъ приговоры. Если и впередъ дѣло пойдетъ такъ же успѣшно, чего я надѣюсь и о чемъ каждодневно молю Бога, то и я могу добыть себѣ почетное имя. Въ три года, какъ я служу палачемъ, я имѣлъ счастье исполнить приговоры почти надъ 300 челоуѣкъ. О, если бы благій Богъ послалъ еще побольше! Когда я казню 900 челоуѣкъ, тогда я могу сдѣлаться докторомъ. Далъ бы то Богъ! Тогда и я буду имѣть возможность показаться среди людей почетныхъ. Прощай, братъ!»

Кромѣ свѣдѣній календарныхъ и статей серьезнаго содержанія, значительную часть въ нѣмецкихъ календаряхъ, а иногда и большую, составляютъ повѣсти и рассказы. Всѣ эти повѣсти и рассказы имѣютъ цѣлю обрисовать какія нибудь историческія преданія, черты изъ жизни великихъ отечественныхъ лицъ, разсѣять предрассудки, суевѣріе, невѣжество, полученные въ наслѣдство отъ временъ прежнихъ, изобразить какія нибудь черты изъ народнаго, близкаго всѣмъ быта, указать смыслъ и возможность извѣстнаго рода комфорта и удовольствій въ жизни съ маленькими средствами, проводи-

мой среди труда, при честномъ и добросовѣстномъ исполненіи долга и т. п. Подобныя повѣсти и рассказы пишутся для дѣтства и юношества; но ихъ съ удовольствіемъ прочтеть и всякій взрослый. Особенно понравились намъ патріотическіе рассказы изъ жизни Фридриха Великаго, Макса Ринга, въ календаряхъ Тревенда и Стеффенса на 1859 годъ, также рассказы Ниритца.

Сказаннаго мною довольно, чтобы видѣть богатство и разнообразіе содержанія въ календаряхъ нѣмецкихъ. Обращаюсь теперь къ мѣсяцослову, издаваемому Академіею Наукъ.

Народъ русскій имѣетъ, конечно, болѣе нужды въ хорошо составленномъ календарѣ, нежели нѣмцы, у которыхъ и безъ календарей есть много средствъ для народнаго образованія. У нихъ въ извѣстной степени образованіе разлито уже и въ массахъ; у нихъ есть много школъ, и притомъ хорошо организованныхъ; у нихъ есть много книгъ, и дешевыхъ и хорошихъ, для народнаго чтенія. У насъ этого ничего нѣтъ, кромѣ школъ, которыя сравнительно съ народонаселеніемъ очень немногочисленны, да и тѣ, кромѣ грамотности, едва ли даютъ что нибудь учащимся. Наша литература, показывающая столько любви и сочувствія къ интересамъ народа, столько толкующая о необходимости распространенія въ немъ грамотности, о необходимости его образованія, на самомъ дѣлѣ почти вовсе не служитъ дѣлу народнаго образованія. Кто изъ нашихъ литераторовъ, изъ нашихъ ученыхъ всѣхъ возможныхъ родовъ серьезно позаботился о томъ, чтобы сдѣлать что нибудь прочное въ пользу народнаго образованія? Народъ нашъ доселѣ не имѣетъ даже хорошей азбуки. Легко сказать: не имѣетъ азбуки! А вѣдь азбука у нашего народа не только средство для приобрѣтенія грамотности, но для большей части получающихъ грамотность единственная энциклопедія свѣдѣній на всю ихъ жизнь! Недавно одинъ добрый человѣкъ позаботился о томъ, чтобы упростить методу приобрѣтенія грамотности для народа, уничтожилъ въ ней и азы, и покои, и еиты съ прочею братіею, которые всѣ, равно какъ и прилагавшіяся къ нимъ картинки, изображавшія и араповъ и Федей и т. п. съ рѣдкимъ умѣньемъ были приспособлены къ тому, чтобы сначала выбить изъ мальчика какъ можно болѣе толку и потомъ уже въ этомъ подготовленномъ состояніи начинать учить его грамотѣ, такъ что всякій, проходившій азбуку, собственнымъ опытомъ познавалъ, что «корень ученія горекъ». Кто же съ горячимъ сочувствіемъ встрѣтилъ новую методу? Я разумѣю методу г. Золотова. Говорили ли о его трудѣ, рекомендовали ли его, какъ слѣдовало, кричали ли о немъ? Въ то время, когда книги никуда негодныя, не стояющія никакого разбора и не нуждающіяся ни въ какомъ разборѣ, подвергаются самымъ подроб-

нымъ, серьезнымъ разборомъ почти во всѣхъ журналахъ, трудъ Золотова прошелъ едва замѣченнымъ. А между тѣмъ трудъ этотъ стоилъ и нуждался въ разборѣ болѣе, чѣмъ напримѣръ хотя бы книга г. Жеребцова о Россіи. Книга г. Золотова стоила разбора за свою методу даже по однимъ экономическимъ соображеніямъ. Ибо если мы предположимъ, что каждый мальчишка, обучающийся на-дому грамотѣ, истреплетъ на худой конецъ три азбуки, которыя, на худой конецъ, стоятъ 1 рубль, что въ годъ на-дому обучаются грамотѣ во всей Россіи хотя 30,000 человѣкъ, то сколько у народа сбереглось бы денегъ, если бы онъ прежнія азбуки замѣнилъ азбукою г. Золотова, по которой въ десять разъ скорѣе можно выучить мальчика грамотѣ и которой, можно смѣло сказать, одного экземпляра достаточно бы было для обученія грамотѣ четырехъ — пяти мальчиковъ? Но книга г. Золотова и помимо этого имѣла нужду въ серьезномъ разсмотрѣніи критики. Я сказалъ уже, что азбука у насъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и энциклопедія свѣдѣній для очень многихъ, обучающихся грамотѣ, на всю жизнь. Само собою разумѣется, что въ такую книгу нельзя совать все, что попадется подъ руку и составлять ее какъ нибудь. Критика совершила бы трудъ почетный и въ высшей степени полезный для народнаго образованія, если бы потрудилась указать, какъ должны составляться подобныя книги, и разсмотрѣть, удовлетворяетъ ли составленное г. Золотовымъ руководство истиннымъ требованіямъ народнаго обученія. И намъ кажется, что въ особенности руководство г. Золотова требовало такого разсмотрѣнія, какъ прекрасное по своей методѣ, но слабоватое, какъ руководство при развитіи умственныхъ понятій, и потому имѣющее нужду въ исправленіи. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ книги г. Золотова, но нельзя не замѣтить, что свѣдѣній для развитія умственнаго учащихся, въ особенности же дѣтей, помѣщено въ ней очень мало, гораздо менѣе, чѣмъ можно бы и должно бы было помѣстить, да и изъ помѣщенныхъ многія выбраны очень неудачно. Такъ на страницѣ 58 «Азбуки для дѣтей» г. Золотовъ го-
воритъ:

«Доброе дитя бываетъ со всѣми ласково, ни съ кѣмъ никогда не ссорится, никого не обижаетъ, не отнимаетъ лакомства или чего нибудь другаго у тѣхъ, которые его слабѣе; напротивъ оно даже съ каждымъ готово подѣлиться своимъ. Такихъ дѣтей Господь любитъ и благословляетъ, поэтому они бываютъ здоровы и веселы. Болѣзнь ниспосылается намъ въ наказаніе за невоздержность или за ослушаніе». Въ доказательство этихъ истинъ авторъ рассказываетъ такой анекдотъ, что одной маленькой дѣвчкѣ, обучавшейся въ институтѣ, маменька прислала «большой слоеный пирогъ съ ма-

линовымъ вареньемъ» съ тѣмъ, чтобы она подѣлилась имъ съ другими; дѣвочка же не подѣлилась, а съѣла его одна — одну половину днемъ, а другую ночью, — и передъ разсвѣтомъ «стонала и плакала невоздержная и непослушная (!?) дѣвочка», затѣмъ поступила въ больницу, — и чуть было не умерла. Въ другомъ анекдотѣ (стр. 62) авторъ рассказываетъ, что одинъ мальчикъ, сынъ достаточныхъ родителей, учился лѣниво, сидѣлъ въ одномъ классѣ три года, потомъ за лѣность былъ выгнанъ изъ училища. «Это такъ огорчило родителей, что они съ горя умерли (!!?)» За тѣмъ мальчикъ, привыкнувшій лѣниться въ училищѣ, остался такимъ и взрослый по той причинѣ, «что горбатаго могла исправить» (!?), прожилъ родительское имѣніе, ходилъ по-міру, и такъ онъ прошатался нищимъ въ страшномъ рубищѣ нѣсколько лѣтъ и наконецъ въ одно зимнее утро нашли его замерзшимъ подъ заборомъ того дома, который прежде принадлежалъ ему». И все это произошло отъ училищной лѣни! Поистинѣ назидательно для лѣниваго мальчика и устрашительно! На стр. 55 авторъ говоритъ, что въ свободное время умное дитя играетъ, но всегда осторожно и прилично. Затѣмъ рассказываетъ анекдотъ, что Коля залѣзъ на скамью и сталъ на ней прыгать, скамья упала, Коля расшибъ себѣ до крови голову. «Хорошо еще, что этимъ отдѣлался, а могъ бы переломить себѣ руку и ногу и остаться на всю жизнь калѣкою. Могъ бы и на смерть убиться.»—Въ руководствѣ для взрослыхъ рассказывается между прочимъ такой анекдотъ, что помѣщикъ села Протопоповки, желая убѣдить крестьянъ, что коровъ его ходить ночью доить не вѣдьма, какъ думали крестьяне, взялъ зарядилъ крупнымъ пескомъ ружье, подкараулилъ мнимую вѣдьму и подстрѣлилъ по ногамъ. Оказалась дѣйствительно не вѣдьма, а «баба ихъ же села, Матрена, жена Степана, а кума Семена» (стр. 52). Крестьяне, конечно, въ этомъ убѣдились, но такой способъ истребленія народнаго невѣжества и суевѣрія посредствомъ подстрѣливанія, хотя бы то и крупнымъ пескомъ, очень уже назидателенъ!

Далѣе,—народъ нашъ, живя въ XIX столѣтіи, остается почти въ томъ же состояніи, въ какомъ былъ назадъ тому два вѣка, подъ вліяніемъ тѣхъ же идей, которыя онъ черпаетъ изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ черпалъ и прежде. Идеи современныхъ наукъ, которыя по крайней мѣрѣ въ элементарныхъ своихъ началахъ необходимо должно бы было ввести въ его бытъ, напр. идеи физики, агрономіи, юриспруденціи, медицины и т. п., остаются ему чуждыми. И въ то время, когда пароходы разгуливаютъ по различнымъ морямъ и рѣкамъ Россіи, когда около десяти лѣтъ существуетъ Московская желѣзная дорога, народъ русскій во многихъ мѣстахъ до-

селѣ стоитъ еще въ томъ убѣжденіи, что пароходы и паровозы возить нечистая сила! Спрашивается: кто изъ ученыхъ и литераторовъ серьезно подумалъ и позаботился о мѣрахъ, которыми можно было бы мало по малу истреблять невѣжество въ народѣ, проводить въ него полезныя свѣдѣнія, знакомить его съ результатами, добываемыми современною наукою, въ быту его приложимыми? Пишутъ обо всѣхъ и обо всемъ, — къ дѣлу же народнаго образованія совершенное и общее равнодушіе. Почему бы, напримѣръ, людямъ способнымъ не удѣлить части своего времени на изложеніе въ доступныхъ для народа формахъ, нужныхъ для него свѣдѣній изъ физики, агрономіи, медицины, юриспруденціи и т. п.? Бывшій профессоръ Казанскаго университета Мейеръ думалъ, что изданіе юридическаго *катехизиса* много оградилло бы народъ отъ несправедливыхъ притязаній разныхъ чиновъ, и хотѣлъ самъ заняться этимъ дѣломъ, не почитая такого занятія унижительнымъ для своей каведры; его же мыслію было просить дозволенія на открытіе при университетѣ юридической *клиники* или адвокатуры, въ которой могли бы получать совѣты, а если нужно — и ходатаевъ, всѣ намѣревающіеся подавать просьбы въ административныя мѣста, всѣ начинающіе или ведущіе уже дѣла въ мѣстахъ судебныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что исполненіе этой мысли было бы въ высшей степени полезно и для студентовъ, доставляя имъ подъ руководствомъ профессоровъ практику, и для просителей, которые вынѣ бѣгаютъ по губернскимъ городамъ, какъ по лѣсу, отыскивая себѣ совѣтчиковъ и ходатаевъ по дѣламъ между первыми встрѣчными—солдатами, мѣщанами, отставными канцеляристами, и писаніемъ просьбъ, а также подачею просьбъ кляузныхъ и неумѣнъ вести дѣло, только разоряютъ себя, а часто наживаютъ себѣ и *сухую бѣду*. Выѣстъ съ тѣмъ подобная клиника служила бы прекраснымъ средствомъ къ распространенію правильныхъ юридическихъ свѣдѣній въ народѣ. Думаю, что и вообще для проведенія въ народъ полезныхъ разнаго рода идей можно бы было, если бы усерднѣе поискать, найти тѣ или другіе пути. Въ настоящее же время народу нашему рѣшительно не откуда черпать самыхъ необходимыхъ для него свѣдѣній; для него закрыты всѣ источники. Книги, выходящія тысячами, для него недоступны ни по изложенію своему, ни по цѣнѣ, ни даже по содержанію, какъ «не при немъ писанныя». Периодическія изданія еще менѣе доступны. Остаются одни дрянныя изданія, разносимыя букинистами и ходобщиками и продаваемые за безцѣнокъ, которыя и покупаютъ грамотные простолюдины и напаются изъ нихъ разнаго рода грязью, способною опонить и истребить даже и послѣдніе ростки какихъ нибудь добрыхъ началъ въ народѣ. Что же, скажутъ мнѣ, ничего не говорю я о «На-

родномъ Чтеніи?—Но что же особеннаго можно ожидать для народнаго образованія и отъ «Народнаго Чтенія?» Извѣстно многимъ, что народныя чтенія, издававшіяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ и разсылавшіяся крестьянамъ, во многихъ мѣстахъ пролежали въ архивахъ, не выдвъ народа; въ другихъ мѣстахъ, быть можетъ, успѣли достигнуть архивовъ низшихъ инстанцій,—но тѣмъ дѣло и кончилось. Думаю, что такая же печальная судьба ожидаетъ и новое «Народное Чтеніе», если оно не измѣнитъ способа своего распространенія и не дастъ болѣе разнообразія своему содержанію. Дѣло въ томъ, что такія изданія, каково «Народное Чтеніе» въ настоящемъ своемъ видѣ, могутъ выходить только тогда, когда въ народѣ будетъ пробуждена уже охота и потребность чтенія, когда народъ будетъ самъ искать, чего бы почитать. А теперь надобно только пробуждать эту охоту и потребность, отыскивать читателей и завлекать ихъ къ покупкѣ изданія. Способъ распространенія изданія дѣлается по необходимости однимъ изъ главнѣйшихъ условій его успѣха. Никакъ нельзя надѣяться, чтобы крестьянинъ сталъ подписываться на изданіе и получать его черезъ почту, какъ бы оно дешево ни было; это для крестьянъ дѣло непривычное и сопряженное съ разными хлопотами и затрудненіями; тѣмъ болѣе нельзя надѣяться успѣха распространенія изданія чрезъ посредство разныхъ канцелярій и властей. Для крестьянина книга при продажѣ должна быть на лицо. Поэтому, мнѣ кажется, можно было бы ожидать гораздо болѣе успѣха, если бы «Народное Чтеніе» выходило небольшими тетрадами еженедѣльно, и именно въ суботніе дни, когда народъ освобождается отъ работы. Крестьяне, работающіе въ столицахъ, складывались бы по два, по три человѣка и болѣе и покупали бы такіе листки, прочитывая ихъ въ праздникъ, затѣмъ, отправляясь домой, уносили бы эти листки съ собой въ деревни. Такіе листки кромѣ того нашли бы много покупателей въ столицахъ, въ мастерскихъ разнаго рода, въ пивныхъ лавочкахъ, въ мелкихъ трактирахъ. Въ городовъ столичныхъ такіе листки могли бы распространяться на торжкахъ и ярмаркахъ—ходебщиками, въ селахъ и деревняхъ помѣщичьихъ—помѣщиками; среди другихъ крестьянъ—священниками и учителями сельскихъ школъ. Главное, должны быть выбраны такіе органы для распространенія изданія, которые передавали бы его прямо въ руки народа. Тогда, если изданіе будетъ полезно и занимательно, можно будетъ надѣяться, что народъ пріохотится къ чтенію. Но чтобы изданіе было не только полезно, но и занимательно для народа, для этого необходимо ввести въ изданіе отдѣлъ анекдотическій, и при этомъ непременно политическій, безъ которыхъ «Народное Чтеніе» въ настоящее время едва ли можетъ

имѣть успѣхъ въ народѣ. Предметы для статей серьезныхъ должны быть также выбираемы съ большимъ тактомъ, по крайней мѣрѣ при первоначальномъ распространеніи изданія. Самое популярное изложеніе и всевозможныя внутреннія достоинства статьи не будутъ имѣть ровно никакого значенія, если выбранный предметъ будетъ неинтересенъ или мало интересенъ для народа. Самою же лучшею мѣркою для опредѣленія интереса каждаго предмета для народа можетъ, по моему мнѣнію, служить большая или меньшая примѣнимость его въ быту народномъ.

Календарь нашъ есть менѣе всего календарь народный. Въ немъ помѣщаются свѣдѣнія, нужныя не для народа вообще, не для большинства, ни даже наконецъ для болѣе значительнаго меньшинства въ немъ, а для людей поставленныхъ въ особенное исключительное положеніе или по мѣсту жительства, или по роду занятій, или по известнымъ обстоятельствамъ. Въ немъ есть свѣдѣнія, которыхъ никому не нужно знать, кромѣ живущихъ въ Петербургѣ и Москвѣ, есть свѣдѣнія для занимающихся статистикой въ разныхъ ея видахъ, для путешествующихъ вообще, путешествующихъ по желѣзнымъ дорогамъ, шоссе, для ведущихъ корреспонденцію внутреннюю и заграничную, обыкновенную и телеграфическую, для занимающихся сочиненіемъ или подачею просьбъ и т. п. Имѣй календарь въ виду не людей поставленныхъ въ особое положеніе, а весь народъ вообще, у него была бы одна цѣль, и удовлетворить этой цѣли бы легко, сообщая свѣдѣнія для всѣхъ общепригодныя или долженствующія быть общепригодными. Теперь же, преслѣдуя множество цѣлей, желая угождать людямъ по тому или другому отношенію *спеціальнымъ*, онъ не достигаетъ ни одной, и не можетъ достигнуть, какъ бы ни старался быть полнымъ, — если бы увеличился вдвое, втрое, даже вчетверо въ своемъ объемѣ. Положимъ, я путешественникъ. Въ календарѣ есть свѣдѣніе, гдѣ взять подорожную, сколько за нее заплатить, сколько платить за лошадей по дорогѣ, какъ обходиться съ станціонными смотрителями и т. п.; но въ немъ нѣтъ свѣдѣнія, сколько верстъ отъ одной станціи до другой, сколько лошадей на каждой станціи и т. д. Слѣдовательно, если я хочу ѣхать, то, имѣя календарь, все-таки долженъ буду записаться почтовымъ дорожникомъ, и слѣдовательно календарь вполнѣ не удовлетворяетъ меня. Положимъ далѣе, что я проситель, и мнѣ пригодна статья въ календарѣ объ употребленіи гербовой бумаги. Но если я проситель такого рода, что не знаю, въ какое мѣсто на какой бумагѣ подавать прошеніе, то конечно еще болѣе не знаю того, какъ написать прошеніе. Значитъ и при календарѣ мнѣ необходимо будетъ обратиться или къ Своду Законовъ, или къ какому нибудь печатному или живому руководителю, чтобы узнать дѣло.

Слѣдовательно календарь и мы не услужимъ своимъ свѣдѣніямъ. Такихъ же точно образомъ, какія бы мы въ календарѣ ни видали другія свѣдѣнія, статистическія, почтовые и т. п., окажется, что они на большей части случаевъ удовлетворить не могутъ; для другихъ же они иногда вовсе ненужны. Къ чему, напримеръ, мы знать, что проѣзжающій не долженъ быть и бранить станціонныхъ смотрителей, или что въ такое-то мѣсто нужно подавать прошеніе на такой-то бумагѣ, когда я нигде не ѣзжу и никогда въ жизнь свою не подавалъ ни одного прошенія? — Да если бы пришлось и ѣхать или подавать прошеніе, то нужны для этого свѣдѣнія, если и предположить, что я буду имѣть въ нихъ нужду, я могу приобрести безъ всякаго затрудненія на первой почтовой станціи или въ любой канцеляріи присутственныхъ мѣстъ. Не спорю, что и мыъ специальными свѣдѣніи есть такія, которыя для справокъ могутъ пригодиться всѣмъ, напр. росписи городовъ и другимъ замѣчательнымъ мѣстамъ Россійской имперіи; другими свѣдѣніями большинству, быть можетъ, никогда не придется воспользоваться на дѣлѣ, но имѣть ихъ если не полезно, то любопытно всякому; таковы, напримеръ, свѣдѣнія объ устройствѣ почтовыхъ сношеній съ заграничными мѣстами, объ устройствѣ городской почты въ столицахъ, объ устройствѣ телеграфовъ и т. п. Съ этой точки зрѣнія можетъ быть оправдано помѣщеніе въ календарѣ и разныхъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи. Но при всемъ относительно достояніи подобныхъ свѣдѣній странно же печатать ихъ въ календарѣ каждый годъ, если они остаются постоянно неизмѣнными или измѣняются очень рѣдко. Печатаемыя ежегодно и слѣдовательно ежегодно оплачиваемыя, они на большинство читателей, или неполюбопытныхъ, падаютъ въ видѣ налога довольно тяжелого. Календарь, печатая одинъ и тѣже свѣдѣнія каждый годъ, имѣетъ въ виду людей богатыхъ, которые, по истеченіи года, бросаютъ календари, какъ вещь ненужную. Между тѣмъ, не только въ видахъ образованія народнаго, но даже ради собственныхъ своихъ интересовъ, календарь долженъ имѣть въ виду людей преимущественно бѣдныхъ; потому что только тогда у него будетъ много читателей, когда большинство народа будетъ видѣть въ немъ книгу для себя необходимую. Къ тому же, что за справедливость — не обращать вниманія на интересы большинства и угождать интересамъ лицъ, имѣющихъ особенныя нужды по своему особому положенію? — Последніе найдутъ средства и безъ календаря удовлетворить своимъ нуждамъ, а календарь все-таки купить, если онъ будетъ составленъ дѣльно, какъ книгу для дома необходимую.

Какія же, спрашивается, свѣдѣнія должны быть помѣщаемы въ календарѣ?

Свидѣнія, отъчасти я, для всѣхъ и каждому общинтересныя. Календарь свидѣній должны быть причислены къ разряду общинтересныхъ, — это уже отчасти видно изъ указаннаго нами содержанія календарей нѣмецкихъ. Постараемся однако и мы отыскать нѣрку, которую могъ бы опредѣлиться для насъ интересъ календарныхъ свидѣній.

Каждый изъ насъ есть членъ государства, общества и семейства.

Каждого, какъ члена государства, должна интересовать жизнь государства и слѣдовательно всѣ государственныя замѣчательныя, то есть выходящая изъ ряду обыкновенныхъ, событія, совершающіяся внутри и вѣхъ его, дѣятели, стоящіе во главѣ этихъ событій, дѣятели, возбуждавшіе и совершившіе ихъ или способствовавшіе своимъ талантомъ успѣшному продолженію и исходу ихъ на пользу и славу своего народа. Этой потребности политическихъ свидѣній стараются отчасти удовлетворить и наши календари, во-первыхъ, наосведомленнымъ обзоромъ событийъ государственныхъ, совершавшихся внутри и вѣхъ государства въ теченіе предшествовавшаго года, что, конечно, хорошо. Нельзя не пожелать только, чтобы событія вѣковыя, наиримѣръ, война севастопольская, крестьянское дѣло, приобрѣтеніе края амурскаго и т. п. были излагасмы и объясняемы въ особыхъ статьяхъ съ приличною обстоятельностью; во-вторыхъ, генеалогію лицъ царствующаго дома, — и это вѣдь также нужно для того, кто слѣдитъ за политическими событіями. Но странно видѣть, что ежегодно во всѣхъ царствующихъ иностранныхъ домахъ перечисляются всѣ дѣды и тети, племянники и племянницы и т. д. царственныхъ лицъ, — лица почти вовсе не дѣлающіяся ни на какомъ политическомъ поприщѣ. Довольно, если получу генеалогію иностранныхъ царственныхъ домовъ возобновлять черезъ десять или болѣе лѣтъ, смотря по надобности, а въ промежуткахъ помѣщать только лицъ царствующихъ и ихъ наследниковъ, съ упоминаніемъ и тѣхъ переимѣнъ, которыя произойдутъ въ составѣ имѣннаго царственнаго дома со времени намечтанія полной генеалогіи. Этимъ календарь ежегодно сберегалъ бы около двухъ листовъ бумаги, если не болѣе, для намечтанія статей дѣйствительно нужныхъ. Въ календарѣ на 1859 годъ, кромя генеалогіи царствующихъ иностранныхъ домовъ, ежегодно помѣщаемой, къ генеалогіи приложены еще два списка царствующихъ именъ государей — одинъ по старшинству ихъ лѣтъ, другой — по старшинству вступленія на престолъ, — это уже слишкомъ подробно. Въ третьихъ, въ календарѣ помѣщаются некрологи примѣчательныхъ лицъ, среди которыхъ помѣщаются и дѣятели политическіе. Чтобы о некрологахъ не повторять еще разъ, когда рѣчь коснется ихъ ниже, я скажу,

что некрологи какъ о политическихъ дѣятеляхъ, такъ и вообще, составляютъ весьма неудовлетворительно. Весь некрологъ иногда состоитъ въ одномъ извѣщеніи, что такой-то умеръ тогда-то. Главный же ихъ недостатокъ тотъ, что нѣтъ мѣрки, по которой нѣкоторыя личности вносятся въ некрологъ. Некрологъ дѣлается похоть на кладбище, на которомъ родственная любовь воздвигаетъ памятники покойнымъ; подается единственно своимъ влеченіемъ къ нимъ и не обращая вниманія на достоинства почившихъ. Читаемъ, напримеръ, что такой-то, такого-то ранга, умеръ тогда-то, такая-то дѣвица умерла тогда-то. Замышляемъ, всѣ эти лица, рѣшительно никакими особенными заслугами себя не ознаменовавшия и заслугъ которыхъ не значится въ самыхъ некрологахъ или, по крайней мѣрѣ, въ некрологѣ? У другихъ, помѣщенныхъ въ некрологъ, означены и заслуги... но какія заслуги? — Написалъ статью въ такой-то журналъ или издалъ такую-то книгу. Послѣ этого есть надежда, что и я попаду въ некрологъ за то, что написалъ статью и календарикъ, и землякъ мой Колодезиковъ попадетъ въ некрологъ за статьи о Сибири, и всѣ издатели журналовъ и журнальцевъ и ихъ сотрудники, — всѣ попадутъ въ некрологъ!... Помилуй Богъ! какое множество замѣчательныхъ людей угрожаетъ Россіи! Но какая же, спрашивается, калаша просянмать личности, ничѣмъ себя неознаменовавшія, на ряду съ личностями, дѣйствительно замѣчательными? — Всякое возвышеніе личности, не оказавшей никакихъ особенныхъ заслугъ и подвиговъ, происходитъ не предъ личностями, заслужившими дѣйствительное право на память и уваженіе народное, и пріобрѣтающее развитію въ народѣ разумнаго взгляда на достоинство людей. Мы должны благодарить Бога, что въ настоящее время много миналось изъ принимаго, что, напримеръ, уличныя мальчишки не бѣгаютъ дамо за записками писателями, но только за людьми, написавшими въ жизнь свою: *Вотъ я и Нѣтъ*. Къ чему же поддерживать идолотрію младенствующаго народа въ некрологахъ? — Мы увѣрены, что если бы постановить какой нибудь опредѣленный масштабъ для личностей, вносимыхъ въ некрологъ, то этимъ можно бы было сберечь въ календарь не мало мѣста и бумаги. Но некрологъ есть списокъ всѣхъ вообще замѣчательныхъ людей. Личности, выходящія изъ ряда замѣчательныхъ, получившія тѣни или другими своими подвигами право на вѣчную любовь и память народа, заслуживали бы бюграфическіе очерки съ приложеніемъ ихъ портретовъ. А сколько у насъ со временъ Петра до нашего времени было такихъ личностей и на гражданскомъ, на военномъ поприщѣ, и притомъ личностей характеристическихъ!

II. Далѣе, всякаго, какъ члена общества, не могутъ не интересоваться успѣхи общества въ наукахъ, искусствахъ, промышленности. Вотъ замѣчательныя явленія въ этомъ родѣ встрѣчаются общимъ сочувствіемъ. Календарь оказалъ бы неоцѣненную услугу, если бы сталъ: 1) вести лѣтопись всѣхъ замѣчательныхъ произведеній въ наукѣ и литературѣ, явившихся въ продолженіе года; у насъ это болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, необходимо. Отъ журналовъ нельзя требовать, чтобы они были сотрудниковъ по всѣмъ наукамъ. Поэтому иногда приходится благодарить и тѣхъ редакторовъ, которые стараются вести свое дѣло добросовѣстно, ничего не говорить о спеціальныхъ замѣчательныхъ книгахъ; а то бываетъ такъ, что нѣкоторые расхваливаютъ книги, ничего не стоящія, вводя въ явный обманъ публику. Для Академіи отличать произведенія дѣльных ничего не стоитъ. У ней есть специалисты во всѣхъ родахъ знаній. Къ тому же дѣло это и не потребуетъ особыхъ трудовъ. Не нужно писать даже краткихъ отзывовъ обо всѣхъ книгахъ. Довольно, если будетъ помѣщенъ ихъ перечень съ именемъ читавшаго. Это имя и помѣщеніе книги въ академическій перечень будетъ служить для всякаго достаточнымъ ручательствомъ, что книга замѣчательна по какимъ либо отношеніямъ; 2) знакомить съ современными науками, краткими статьями изъ нихъ, особенно удобоприложными къ быту, въ родѣ статей, помѣщаемыхъ въ нѣмецкихъ календаряхъ, также съ сочиненіями и жизнью нашихъ писателей, сдѣлавшихся народными, съ приложеніемъ ихъ портретовъ, факсимиле, рисунковъ съ наметкиковъ, имъ посвященныхъ; и наконецъ съ замѣчательными промышленными предпріятіями; 3) сообщать въ описаніяхъ и рисункахъ рѣдкости наукъ и искусствъ, хранящіяся въ многообразныхъ нашихъ библіотекахъ, музеумахъ, ризницахъ, церквахъ, также описки съ знаменитыхъ картинъ нашихъ первоклассныхъ художниковъ. Все это сближало бы нашъ народъ съ наукою и искусствомъ, очинило и развивало бы его понятія и вкусъ.

III. Наконецъ каждый есть членъ семейства. Все, что можетъ развивать семейства въ умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ отношеніи, все, что будетъ указывать средства къ увеличенію съ меньшими издержками удобствъ въ ихъ вишней обстановкѣ, по всей справедливости можетъ и должно имѣть мѣсто въ календарѣ. Беллетристическіе рассказы изъ отечественной исторіи и жизни знаменитыхъ отечественныхъ людей, въ родѣ рассказовъ Макса Ринга и Ниритца, рассказы, осмѣивающіе и разоблачающіе предрассудки, суевѣріе, нечѣстество, также изображающіе достоинство и разумность жизни трудолюбивой и честной, хотя бы то и бѣдной, очерки

народнаго быта и т. п.,—все это было бы въ высшей степени полезно въ дѣлѣ народнаго образованія. Не менѣе того было бы полезно для постепеннаго улучшенія хозяйственнаго быта въ народѣ—сообщеніе открытій въ наукѣ, приложимыхъ въ хозяйствѣ. Статьи въ родѣ тѣхъ, какія помѣщаются ежегодно по этому отдѣлу въ календарѣ Травенята, были бы кладомъ для всѣхъ русскихъ.

Составленный такимъ образомъ календарь черезъ четыре—пять лѣтъ своего перерожденія считалъ бы своихъ покупателей десятками тысячъ и игралъ бы самую важную роль въ дѣлѣ народнаго образованія.

Обращаясь къ статьямъ, помѣщеннымъ въ приложеніяхъ къ нашему календарю на 1850 годъ. Статья г. Купфера «*О русскихъ мѣрахъ и вѣсахъ*»—дѣльная и полезная и писана такъ, что ее можетъ прочесть всякій безъ особенныхъ затрудненій. Статья г. Савича «*О погодѣ и ея примѣтахъ*» имѣетъ также свои несомнѣнные достоинства, хотя нельзя не сказать, что для ученыхъ она очень легка, а для неученыхъ очень учена или лучше сказать сжата. Многіе пожалѣютъ быть можетъ и о томъ, что авторъ въ статьѣ своей не нашелъ нужнымъ говорить о безчисленныхъ примѣтахъ, по которымъ предугадываетъ перемѣну погоды народъ, и иногда довольно вѣрно.

Что касается до статьи почтеннаго академика Устрялова, то при всемъ нашемъ уваженіи къ таланту и трудамъ этого достойнаго ученаго, мы не знаемъ, что и сказать о ней. Статья эта могла бы имѣть, по нашему мнѣнію, приличное себѣ мѣсто въ примѣчаніяхъ къ какому нибудь ученому сочиненію о Петрѣ, въ бюллетеняхъ Академіи, въ ученомъ историческомъ сборникѣ, пожалуй, въ журналѣ, однимъ словомъ, гдѣ угодно, только никакъ ужъ не въ календарѣ, если будемъ смотрѣть на календарь, какъ на книгу, которая назначается рѣшительно для всѣхъ—для ученыхъ и неученыхъ, образованныхъ и необразованныхъ, для возрастовъ старыхъ и юныхъ и т. д. Во 1-хъ, что такое содержится въ статьѣ, что знать было бы нужно именно всѣмъ или даже многимъ? — Если бы авторъ подорвалъ такое звено или такой фактъ въ русской исторіи, отъ отсутствія которыхъ долженъ бы былъ измѣниться взглядъ на всю исторію или на цѣлый отдѣлъ историческихъ событій, такое открытіе историческое, не смотря на свою специальность, могло бы быть допущено, пожалуй, и въ календарѣ. Но обстоятельство, переданное Штелинымъ, совершенно не имѣетъ подобнаго значенія. Оно ничего не прибавляетъ къ историческимъ событіямъ времени Петра, ни даже къ его личной характеристикѣ. Это былъ маленькій, конечно хорошенькій, камушекъ въ блестящей коронѣ великаго царя, но собой онъ не придавалъ ей никакой цѣнности. Корона эта сдѣлана изъ такого дорога-

го матеріала, такъ вѣска и цѣнна сама по себѣ, что подобныя камушки могутъ отваливаться отъ нея десятками, не умаляя ея вѣса и цѣны. Можетъ быть, это сдѣлаетъ ее даже красивѣе, уничтоживъ излишнюю пестроту и яркость. Если авторъ хотѣлъ своимъ опроверженіемъ разсказа писемъ Петра Великаго показать намѣренную недостоверность сказаній Штелина вообще, то эта цѣль едва ли была бы достигнута даже тогда, когда разсказъ Штелина о письмѣ Петра былъ бы дѣйствительно опровергнутъ. Штелинъ былъ иностранецъ, сначала плохо понималъ порусски, собиралъ разсказы о Петрѣ, отъ кого только имѣлъ возможность, и, быть можетъ, какъ доказываетъ г. Устряловъ, дѣйствительно не различалъ бывшей отъ небылицъ, — что удивительнаго, если у него встрѣтятся одинъ, два, три, десять, даже двадцать разсказовъ недостоверныхъ? Но какое мы имѣемъ право предполагать, что онъ самъ не былъ обманутъ другими, а хотѣлъ обманывать намѣренно, *выдумывая* отъ себя эти разсказы?

Быть можетъ, разсказъ о письмѣ Петра сенату съ береговъ Прута кѣмъ нибудь и выдуманъ.... Впрочемъ и это предположеніе требуетъ еще доказательствъ. Разсказъ, о которомъ идетъ рѣчь, если онъ и дѣйствительно придуманъ кѣмъ нибудь, придуманъ такъ хорошо, такъ идетъ къ личности Петра, что исторической критикѣ надобно облечься рѣшительно во всеоружіе, чтобы уронить его. Не въ обиду почтенному академику мы должны сказать здѣсь, что онъ нимало не подорвалъ разсказа Штелина. На чемъ г. Устряловъ основалъ свое опроверженіе? — Онъ говоритъ, что 1) посланный съ письмомъ Петра не могъ пріѣхать съ береговъ Прута въ Санктпетербургъ въ 9 дней, какъ разсказываетъ Штелинъ, потому что секретарь Василій Степановъ указъ Петра отъ 15-го іюля 1711 года съ береговъ рѣчки Жижи подаль сенату 29-го іюля, слѣдовательно черезъ 14 дней. На это можно сказать, что намъ неизвѣстно, какъ ѣхали, въ какую погоду ѣхали, какими дорогами, на какихъ экипажахъ ѣхали тотъ и другой. Быть можетъ, секретарь Василій Степановъ имѣлъ привычку ночами вовсе не ѣхать, быть можетъ, онъ ѣхалъ въ дурную погоду, или выбиралъ для покойной ѣзды дороги получше, хотя немножко и окольные, а офицеръ скакалъ, *сломая голову*, день и ночь, въ хорошую погоду, да и ѣхалъ не въ экипажѣ. Что удивительнаго, если онъ пріѣхалъ въ Петербургъ пятью днями ранѣе? — Къ тому же и спѣшить ему было нужнѣе, чѣмъ секретарю Василью Степанову. Послѣдній везъ вѣсть конечно не очень радостную о заключеніи невыгоднаго мира, но опасность такъ или иначе все однако миновалась уже: Петръ съ своимъ войскомъ былъ на свободѣ и далеко отъ непріятеля. А ош-

журъ, посланный съ письмомъ съ береговъ Прута, въѣхалъ съ вѣстію отчаяннымъ, выѣхалъ отъ царя въ минуты самыя критическія для него и для всего русскаго войска; онъ, само собою разумѣется, долженъ былъ дорожить каждой минутой во время своего пути. Далѣе говоритъ авторъ: письмо не могло быть адресовано «правительствующему сенату въ С. Петербургѣ», какъ утверждаетъ Штелинь, и въ доказательство приводитъ слова изъ журнала Петра Великаго, въ которыхъ говорится, что только съ 1712 года «сенаторы жить и сенаторское правительство началось быть въ С. Петербургѣ». Но здѣсь очевидно идетъ рѣчь о времени, съ котораго началось постоянное пребываніе сенаторовъ и сената въ Петербургѣ. Чѣмъ же доказать, что и прежде, временно, при бытности здѣсь сенаторовъ, сенатъ не имѣлъ своихъ занятій, особенно въ отсутствіи царя, по его приказанію? — Но допуская хотя и съ трудомъ, что Штелинь могъ по ошибкѣ написать: правительствующему сенату въ С. Петербургѣ, г. Устряловъ говоритъ, что Петръ не могъ нисать вовсе письма такого содержанія, въ какомъ написано письмо передаваемое Штелинымъ. «Еще за три мѣсяца, говоритъ онъ, до Прутскаго дѣла въ вольскомъ мѣстечкѣ Яворовѣ заключенъ Петромъ трактатъ съ Брауншвейгъ-Волфенбиттельскимъ домомъ о бракѣ царевича Алексѣя Петровича съ Шарлоттою — Христиною — Софіею, принцессою Брауншвейгъ-Люнебургскою. Тамъ сказано, что супружесвенный трактатъ постановленъ особливо къ пользѣ, утвержденію и наслѣдству Россійской монархіи. Слѣдовательно, говоритъ авторъ, Петръ признавалъ своимъ наслѣдникомъ сына».... Но мы не видимъ такого слѣдствія, а напротивъ можемъ думать, что Петръ, не видя достойнаго преемника себѣ въ сынѣ, скорѣе хотѣлъ женить его, чтобы имѣть наслѣдника отъ него, а не въ немъ, потому въ трактатѣ слова о наслѣдствѣ могутъ быть относимы не лично къ Алексѣю Петровичу, а къ его потомству. Есть и еще предположеніе, которое читали мы въ одной исторіи, что Петръ, недовольный именно поведеніемъ сына, хотѣлъ скорѣе женить его и самъ отыскивалъ достойную ему невѣсту, въ надеждѣ, что подъ вліяніемъ ушной жены царевичъ исправится и сдѣлается достойнымъ престола. Въ этой надеждѣ, подъ условіемъ т. е. исправленія, Петръ слова трактата о наслѣдствѣ могъ относить и лично къ царевичу. Но какъ условіе это въ исполненіе не пришло, самый бракъ съ Шарлоттою былъ возможенъ только при жизни и непосредственномъ участіи самого Петра, то Петръ, предпочитавшій всему благо Россіи и хорошо знавшій, что со вступленіемъ царевича на престолъ дѣло реформы непременно уничтожится, съ такою же легкостію могъ отказывать ему отъ наслѣдства престола. «И какимъ образомъ,

продолжаетъ г. Устряловъ, Петра могъ писать сенату: неборане между собою достойнѣйшаго мнѣ наслѣдника, когда первые вѣроятнѣе того времени князь Меншиковъ, графъ Головкинъ, графъ Апраксинъ не были сенаторами? Намъ кажется, что слова *между собою* должны быть относимы не къ сенаторамъ только, а къ всему тому сословію, къ которому принадлежали сенаторы. Потому ни не устраняются отъ наслѣдства ни Головкинъ, ни Меншиковъ, ни другіе, и не бывшіе сенаторами.

Какъ «на рѣшительныя доказательства» подожжески разсказъ Штелина, авторъ смотритъ на слѣдующія обстоятельства: что а) въ отвѣтныхъ донесеніяхъ сената государю на всѣ указы, посланные Петромъ во время прутскаго похода, не говорится ни слова «о знаменитомъ письмѣ Штелина»; что б) рескриптъ Петра сенату изъ лагеря съ береговъ рѣки Жижиги отъ 15-го іюля 1711 года «о сраженіи русскихъ войскъ съ турками надъ Прутомъ, о заключеніи съ ними мира и проч., начинающійся прямо словами: «хотя я никоимъ бже хотѣлъ къ вамъ писать о такой матеріи», «свидѣтельствуется несомнительно, что прежде Петра не уведомлялъ сенатъ о встрѣчѣ съ турками»; что наконецъ «въ выпискѣ указамъ, каковы посланы въ прошломъ 1711 году изъ походу къ господамъ высшимъ сенаторамъ» не упоминается о письмѣ, передаваемомъ Штелинымъ.

Но а) сенаторы писали отвѣтныя донесенія только собственно на указы, которыми обыкновенно возлагались на нихъ какія либо порученія, какъ-то говорятъ они сами въ своемъ донесеніи царю отъ 7-го іюля: «отъ вашего царскаго величества получили мы указы... о исправленіи дѣлъ милостиво къ намъ писанные, на которые доносимъ» и проч. Письмо Штелина вовсе не относилось къ такого рода указамъ. Это было скорѣе духовное заступничество Петра, которое въ то время сенаторы должны были хранить въ величайшей тайнѣ, а не счастливомъ окончаніи дѣла, само собою разумѣется, должны были не упоминать о немъ. Да и желательно бы знать, что могли они отвѣчать на него царю?—б) Рескриптъ Петра сенату изъ поля Жижиги отъ 15-го іюля нисколько не исключаетъ собою письмо Штелина. Въ рескриптѣ идетъ рѣчь не о встрѣчѣ съ турками, а о самомъ сраженіи и о послѣдствіяхъ сраженія. Впрочемъ, если бы мы даже согласились съ тѣмъ толкованіемъ, которое авторъ даетъ словамъ рескрипта: «хотя я никоимъ бже» и проч., то и тогда бы возможность штелинскаго письма все-таки не отвергалась бы. Письмо было документъ не официальный, секретный, оно и писано было не въ канцеляріи, а *собственнолично*, съ распоряженіями на случай чрезвычайныхъ обстоятельствъ; слѣдовательно когда обстоятельства эти не случились, оно и должно было для обыкновеннаго, канцелярскаго

теченіи дѣлъ считаться несуществующими, — и Петръ даже въ смыслѣ автора могъ начинать свой рескриптъ отъ 15-го іюля словами «хотя я ниискоимѣ» и проч. По этой же самой причинѣ в) страницѣ было-бы видѣть Штелинское письмо записаннымъ въ приведенной г. Устряловымъ выпискѣ указамъ, посланнымъ сенаторамъ въ походъ 1711 года, нежели не записаннымъ. Въ первомъ случаѣ гораздо легче было бы доказать его подложность, нежели въ послѣднемъ.

Наконецъ я не могу умолчать, что, основываясь даже на самыхъ актахъ, которые приведены г. Устряловымъ въ его «опроверженіи» разсказа Штелина, можно придти къ мысли, что Штелинское письмо съ береговъ Прута действительно было писано. Петръ въ рескриптѣ сенату отъ 15-го іюля, описывая Прутское дѣло, не говоритъ, что русскія войска претерпѣли поражение, напротивъ пишетъ, что они были такъ храбро, что хотя у непріятеля вчетверо войска было было, однакожъ нападенія его были постоянно отбиваемы, такъ что онъ вышелъ вынужденнымъ сначала окопаться, а потомъ когда ему «заподозрѣли трактатъ русскихъ войскъ, то заключенъ былъ сначала «штигматантъ», а потомъ и миръ.» Итакъ Петръ не только не приписываетъ непріятелю побѣды, но и поверхность надъ нимъ приписываетъ своимъ войскамъ (хотя и не скрываетъ, что по недостатку конницы и провіанта онъ не былъ спокоенъ во время боя), и самое перемиріе и миръ представляетъ скорѣе желаніемъ со стороны непріятеля, чѣмъ своимъ. Чтобы объяснить, какимъ образомъ при всей стойкости нашихъ войскъ могъ быть заключенъ миръ съ отдачею туркамъ завоеванныхъ городовъ и съ уничтоженіемъ знамя побѣды, Петръ въ Р. С. къ своему рескрипту этотъ невыгодный миръ представляетъ съ своей стороны какъ бы желаннымъ и выгоднымъ. Нельзя, говорить онъ, конечно не пожалѣть о нѣтѣхъ, гдѣ положили столько трудовъ и убытковъ; «однакожъ чаю снѣгъ ливніемъ другой сторонѣ великое утѣшеніе, которая несравнительно прибылью намъ есть.» Во всемъ рескриптѣ нѣтъ ни слова ни объ опасности, которой подвергались войска, ни тѣмъ болѣе объ опасности царя собственной. Что жъ отвѣчаетъ ему на это сенатъ въ своемъ отвѣтномъ донесеніи отъ 20-го августа? — Сенатъ отвѣчаетъ, что едва освѣдомился онъ, что царь вышелъ здоровымъ изъ сраженія и что войска возвратились, то душевно тому обрадовался. Спрашивается: могъ ли бы такъ отвѣчать сенатъ, основываясь единственно на официальномъ рескриптѣ Петра, скорѣе гласящемъ о торжествѣ войска, чѣмъ о его пораженіи, и неудачу или лучше сказать неполученіе желанной вполне удачи приписывающимъ непредусмотрительности своей собственной и численности не-

пріятеля, если бы не нѣтъ подъ рукою другаго источника, изъ котораго зналъ, что и самъ Петръ и войска его находились въ геразде опасѣйшемъ положеніи, чѣмъ какъ описывалось это въ рескриптѣ?

Нельзя не пожалѣть, что почтенный авторъ, занявшись разсмотрѣніемъ внутренней достовѣрности разсказа Штелина не обратилъ вниманія на внѣшнюю исторію разсказа. Штелинъ издалъ свои анекдоты о Петрѣ Великомъ въ 1785 году въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ и посвятилъ ихъ императрицѣ Екатеринѣ. Черезъ три года въ 1788 году переводъ ихъ явился на русскомъ языкѣ, и затѣмъ переводы ихъ издавались много разъ. Въ заключеніе своего разсказа о письмѣ Петра съ береговъ Прута Штелинъ говоритъ, что подлинникъ письма «находится въ кабинетѣ Петра Великаго при императорскомъ дворѣ въ С. Петербургѣ, между многими другими собственноручными его письмами, и начальникомъ кабинета княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Щербатовымъ показыванъ былъ многимъ особамъ.» При изданіи волеаго Собранія Законовъ подлинника въ рукописяхъ Петра Великаго не отыскали, — потому письмо, приводимое Штелинымъ, и не вошло въ Собраніе Законовъ въ текстъ, а напечатано въ примѣчаніи, но съ вариантами противу помѣщенного у Штелина. Именно въ Собраніи Законовъ въ началѣ письма слова: *господа Сенаты*, чего у Штелина нѣтъ, въ самомъ письмѣ сказано, что русскіе окружены всемеро сильѣйшимъ войскомъ, а не четверо, какъ у Штелина. Всѣ эти факты упоминаются въ «испроверженіи» г. Устрялова и, по нашему мнѣнію, заслуживали бы тщательнаго разсмотрѣнія. 1) Князь Михайло Михайловичъ Щербатовъ умеръ 12 декабря 1790 года. Вѣроятно ли, чтобы Штелинъ, хотя онъ и профессоръ аллегорій, издавалъ книгу свою при жизни князя Щербатова и посвящая ее императрицѣ, въ доказательство истинности выдуманнаго имъ разсказа сталъ ссылаться на близкаго къ императрицѣ человека? Не удобнѣе ли ему было совершенно умолчать объ источникѣ, изъ котораго онъ почерпнулъ разсказъ и сообщаемый имъ документъ, или сослаться на лицо, которое не могло бы обвинить его, всего лучше умершее, если бы разсказъ и документъ были дѣйствительно имъ выдуманы? 2) Переводъ анекдотовъ Штелина въ первый разъ явился въ 1788 году при жизни князя Щербатова. Затѣмъ впослѣдствіи переводы этихъ анекдотовъ издавались много разъ, какъ замѣчено у Сопикова. Ясно, что книга интересовала русскую публику и читалась многими. Письмо Петра съ береговъ Прута, сообщаемое Штелинымъ, — документъ такого рода, который выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Надобно думать, что при появленіи и перваго перевода анекдотовъ было не мало людей, изъ лично знакомыхъ съ княземъ Щербатовымъ, которые заинтересо-

лись видѣть документъ, о которомъ сообщалъ свѣдѣніе Штелинъ или по крайней мѣрѣ знать, правду ли пишетъ Штелинъ? Если бы князь Щербатовъ далъ такой отзывъ, что подобнаго документа никогда не существовало, что весь рассказъ объ этомъ—чистая выдумка Штелина, ужели объ этомъ не сдѣлано бы было никакой замѣтки въ издававшихся тогда журналахъ или по крайней мѣрѣ въ послѣдующихъ изданіяхъ переводовъ штелинскихъ анекдотовъ? — 3) Изъ вариантовъ письма Петра, напечатаннаго въ Полномъ Собраніи Законовъ, съ письмомъ штелинскимъ, видно, что въ рукахъ издателей П. Собр. Законовъ была другая редакція письма, не Штелинская. Спрашивается: откуда взялась эта другая редакція, если письмо выдумалъ Штелинъ? — Это было бы любопытно разслѣдовать.

Всякій согласится, что, принявъ во вниманіе указанныя нами обстоятельства, трудно считать рассказъ Штелина вымышленнымъ, по крайней мѣрѣ, самимъ Штелиннымъ. Впрочемъ, если бы г. Устрялову удалось совершенно очевидно опровергнуть анекдотъ Штелина, то мѣсто статьи его,—мы опять повторимъ это,—было бы все-таки не въ календарѣ, а въ какомъ нибудь ученомъ изданіи. Для календаря нѣмецъ—издатель изъ анекдота Штелина скорѣе сдѣлалъ бы какой нибудь беллетристическій рассказъ въ родѣ разсказовъ Макс-Ринга или Ниритца, — и это было бы безъ сомнѣнія несравненно полезнѣе для народа. Такіе вымыслы, какъ анекдотъ Штелина, если только онъ вымышленъ, — нельзя считать ложью. Это скорѣе удачно созданныя народною фантазіею поэтическіе образы, которые характеризуютъ иногда историческую личность мѣтче и нагляднѣе для всѣхъ, чѣмъ многіе томы ученыхъ сочиненій.

ГРЯЦЬНО.

Г. ЧИЧЕРИНЪ, КАКЪ ПУБЛИЦИСТЪ.

(Очерки Англіи и Франціи. Б. Чичерина. Москва. 1859).

Недавно какъ-то мы отважились изложить мысль необычайно новую и странную: если человекъ, до пятидесяти лѣтъ бывший низкимъ обманщикомъ и злодѣемъ, попавшій въ неожиданную бѣду, призываетъ къ себѣ честныхъ людей и говоритъ: «спасите меня, я буду вашимъ вѣрнымъ другомъ», и если честные люди повѣрятъ ему, а потомъ, вывернувшись изъ бѣды при ихъ помощи, онъ начнетъ куролѣсить хуже прежняго, при чемъ дастъ на орѣи и своимъ избавителямъ, то они сами виноваты въ томъ, что потерпѣть отъ него, — зачѣмъ было имъ вѣрить обѣщанію низкаго обманщика? Проницательные люди немедленно сообразили, что мы возстаемъ противъ честности и защищаемъ обманщиковъ; сообразивъ это, проницательные люди всѣ поголовно вознегодовали на нашу безпривзвенность, низость и обскурантизмъ; проникшись негодованіемъ, они стали выражать его самымъ благороднымъ и энергическимъ образомъ, и словесно, и въ письмахъ, адресованныхъ на наше имя. Мы увидѣли необходимость принести публичное раскаяніе въ нашемъ преступленіи, и въ слѣдующей книжкѣ журнала написали: мы совершенно заблуждались, говоря, что словамъ обманщиковъ не слѣдуетъ вѣрить; мы должны были только сказать, что злодѣи должны подвергаться уголовнымъ наказаніямъ, и тотъ, кто по своему излишнему довѣрію къ ихъ словамъ остановитъ совершеніе правосудія надъ такими людьми, вредитъ самъ себѣ и цѣлому обществу. Изъ этихъ словъ проницательные люди немедленно убѣдились, что мы

дѣйствительно раскаяваемся въ своей прошлой ошибкѣ и смиряемся передъ ихъ удивительною проницательностью. Тогда они съ удовольствіемъ стали потирать себѣ руки, говоря: «ну вотъ, мы вывели васъ опять на прямую дорогу, съ которой вы было сбились».—Правда, точно такъ, отвѣчали мы. Проницательные люди смягчились и даже простили намъ прежнюю нашу ошибку за чистосердечное наше раскаяніе.

Но, увы! мудрѣйшій изъ мудрыхъ погрѣшаетъ семь разъ въ день; какъ же намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, было спастись отъ новаго паденія? Въ то самое время, какъ мы искреннимъ покаяніемъ искушали одинъ проступокъ, мы совершали другой, не менѣе тяжкій: по неразумному легкомыслію, мы проговорились о тѣхъ чувствахъ, какія внушаетъ намъ восхитительное зрѣлище подвиговъ нашей литературы за прошлый годъ. Проницательные люди опять таки не замедлили понять истинный смыслъ нашего грустнаго сарказма. Мы говорили, что литература едва-едва, да и то спотыкаясь на каждомъ шагу, плелась вслѣдъ за людьми, не видящими, куда они идутъ, но желающими по возможности идти назадъ, и въ этомъ шестивъ получила нѣсколько изрядныхъ пинковъ; проницательные люди тотчасъ сообразили, что мы не желаемъ добра литературѣ. Мы говорили, что обсужденіе важныхъ вопросовъ, умалчивающее о существенной сторонѣ ихъ, касающееся только мелочей, да и то съ какою-то вялою слабостью, никакъ не можетъ называться удовлетворительнымъ обсужденіемъ, ничего не разъясняетъ, ни къ чему, кромѣ пошлостей и нелѣпостей, не приводитъ; проницательные люди тотчасъ сообразили, что мы не сочувствуемъ свободѣ печатнаго слова (терминъ «гласность» мы не рѣшаемся употреблять,—до того онъ ошошлся). Былъ въ нашихъ словахъ и тотъ смыслъ, что каково бы наконецъ ни было безотносительное достоинство совѣтовъ и объясненій, нечего ожидать отъ нихъ никакой пользы дѣлу, когда совѣтниковъ и объяснителей просто считаютъ злонамеренными, презираютъ ихъ, гнушаются ими; проницательные люди тотчасъ же поняли, въ чемъ дѣло, и сильно обидѣлись: они сообразили, что мы уважаемъ ихъ менѣе, нежели людей, чувства которыхъ изобличали передъ ними; они сообразили также, что мы хвалимъ обскурантовъ и глупцовъ, и вознегодовали на насъ.

Какъ вы полагали, читатель: можно ли было ожидать, чтобы люди умные, ученые и отчасти знаменитые, оказались одаренными такою проницательностью?

Но къ чему это предисловіе? А хотя бы, на первый разъ, къ тому, чтобы доказать необходимость еще другаго предисловія.

Мы хотимъ быть строгими къ г. Чичерину. Для васъ, читатель, для васъ, человѣкъ обыкновенный, не одаренный изумительною про-
ницательностью, причины строгости ясны сами по себѣ, безъ вся-
кихъ объясненій. Г. Чичеринъ пользуется громкою мѣстностью, а
люди, пользующіеся мѣстностью, должны быть разбираемы строго;
когда рѣчь идетъ о нихъ, общественная польза требуетъ не компли-
ментовъ, а серьезной критики. Г. Чичеринъ человѣкъ умный и уче-
ный. Отъ умнаго и ученаго человѣка надобно требовать многого;
если онъ говоритъ пустяки, его можно по всей справедливости упре-
кать за это, — снисходительность, на которую имѣютъ право про-
стыки, была бы относительно его неумѣстна. Это все ясно для васъ,
читатель, для васъ, человѣкъ съ обыкновеннымъ здравымъ смыс-
ломъ. Вы сами догадались бы, что мы строги къ г. Чичерину пото-
му, что онъ знаменитость, и успокоились бы на этомъ, и не осудили
бы насъ за строгость порицанія, если бы оказалось, что порицаніе
основательно.

Но люди проницательные тотчасъ сообразятъ, что этими про-
стыми причинами не слѣдуетъ ограничиваться ихъ догадливости.
Г. Чичеринъ знаменитость, стало быть, если его порицаютъ, то по-
рицаютъ по какимъ нибудь личнымъ расчетамъ; вѣдь безъ особыхъ
личныхъ побужденій нельзя порицать знаменитостей, по мнѣнію
проницательныхъ людей. И они нападутъ на насъ за г. Чичерина
съ такимъ же восхитительнымъ негодованіемъ, какъ за Поэріо и за
статью о прошлогодней литературѣ.

Нечего дѣлать, надобно покаяться передъ проницательными людь-
ми, отъ догадливости которыхъ никогда не утаишь самыхъ сокро-
венныхъ своихъ мыслей. Да, наша строгость къ г. Чичерину проис-
ходитъ изъ личныхъ побужденій. Каковы эти побужденія, мы долж-
ны объявить, — не ради васъ, читатель, человѣкъ обыкновенный,
а ради людей проницательныхъ.

Г. Чичеринъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ мудрецомъ.
Онъ все обдумалъ, все взвѣсилъ, все рѣшилъ. Онъ выше всякихъ
заблужденій. Эгого мало. Онъ одинъ имѣетъ эту привилегію на
мудрую непогрѣшимость. Кто пишетъ не такъ, какъ приказы-
ваетъ онъ, тотъ человѣкъ вредный для Россіи. Онъ приказываетъ
смотрѣть на все его глазами, говорить обо всемъ въ его тонѣ, подъ
страхомъ политической казни. Если вы осмѣлитесь замѣтить ему,
что онъ напрасно принялъ на себя трудъ приказывать и наказывать,
онъ пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ вамъ: «Вы, другъ мой, чело-
вѣкъ прекрасной души, но вы глупы. Я одинъ понимаю вещи, вы
всѣ ничего не смыслите; слушайтесь, слабоумные друзья мои, меня,
единственного умнаго человѣка между вами».

Изъ этого факта родилась наша статья. Безъ этого факта, не только быть строгими къ г. Чичерину, но и говорить о немъ мы не захотѣли бы, потому что не стоило бы труда разбирать его книгу. Положимъ, что она наполнена странными понятіями, но мало ли у насъ книгъ, наполненныхъ странными понятіями? Почему же именно ему мы стали бы вѣшать въ упрекъ то, въ чемъ столько же виноваты десятки другихъ писателей, также пользующихся извѣстностью умныхъ и ученыхъ людей? Его книга не хуже многихъ другихъ, такъ пусть бы оставался онъ съ своимъ авторитетомъ, довольно безвреднымъ по ограниченности круга людей, имѣющихъ охоту соглашаться съ нимъ.

Но онъ взялъ на себя высокомеріе приказывать и наказывать, онъ взялъ на себя высокомеріе объявлять вредными людьми или глупцами тѣхъ, кто не покоряется ему. — а, это уже другое дѣло. Надобно посмотрѣть, что это такой за мудрецъ и владыка появился между нами. Онъ предписываетъ намъ, какія понятія должны мы имѣть. Посмотримъ, имѣетъ ли онъ самъ понятіе о томъ, чему учить взялся насъ.

Во-первыхъ, онъ учитъ, каковъ долженъ быть публицистъ. Это любопытно. Кстати же, онъ и самъ публицистъ. Посмотримъ, какъ понимаетъ онъ дѣло, за которое взялся.

«Когда вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ государства развивается въ ущербъ другимъ, тогда общественное мнѣніе, чувствуя невыгоды исключительнаго направленія, естественно влечется въ противоположную сторону. Рѣдко при этомъ сохраняется должное чувство мѣры. Богатѣннейшій опытъ, ежечасно ощущаемый гнетъ дѣлаютъ болѣе живыми представленія о темныхъ сторонахъ извѣстнаго порядка и составляютъ забывать его существенныя и благія послѣдствія. Общественное мнѣніе, заходя за предѣлы разумныхъ требованій, идетъ къ полному отрицанію тяготящаго надъ нимъ элемента. Такъ, при анархическомъ разгулѣ свободы, общество воздвигаетъ надъ собою власть, которая стѣсняетъ дѣятельность гражданъ даже въ самыхъ умѣренныхъ ея проявленіяхъ, и наоборотъ, когда рука сдерживающей власти чувствуется слишкомъ сильно, общество естественно видитъ себя спасеніе только въ возможно большемъ ограниченіи вѣдомства правительственныхъ органовъ.

«Публицистъ, который не старается льстить современному увлеченію умовъ, который имѣетъ въ виду не успѣхъ, основанный на поклоненіи современному кумиру, а безпристрастное изслѣдованіе истинныхъ началъ общечеловѣческаго, не долженъ подчиняться подобнымъ требованіямъ. Онъ за случайнымъ не забываетъ существеннаго; злоупотребленія не скрываютъ отъ него благихъ началъ, на которыхъ основывается то или другое учрежденіе. И взглядъ свой, добытый внимательнымъ изу-

ченіемъ исторіи современной жизни, онъ обязанъ высказывать прямо и откровенно, хотя бы онъ противорѣчилъ временному настроенію общества. Могутъ говорить о такъ называемыхъ практическихъ цѣляхъ, о необходимости ярче выставить недостающую сторону общежитія и не дать противоположному мнѣнію орудія, которое можетъ быть употреблено во зло. Не думаю, чтобы практическія цѣли должны были вести къ намѣренному искаженію истины. Извѣстный порядокъ можно исправить не утаеніемъ существенныхъ его сторонъ, не стараніемъ наложить слишкомъ густыя краски на невыгодный его послѣдствія, а разумнымъ его пониманіемъ и безпристрастнымъ слѣдованіемъ естественныхъ его границъ. Одностороннее отрицаніе ведетъ со стороны противоположнаго начала къ отрицанію столь же одностороннему. Вѣсто правильного развитія, основаннаго на взаимномъ пониманіи, на взаимномъ уваженіи различныхъ общественныхъ силъ, въ обществѣ водворяется борьба, и чѣмъ рѣзче высказывается каждое направленіе, чѣмъ болѣе оно вдается въ крайности, тѣмъ упорнѣе взаимное недоброжелательство, тѣмъ болѣе неизбежны столкновенія, тѣмъ болѣе жертвъ и страданій въ общественномъ организмѣ. Повинуясь безусловно временному влеченію, общество быстро приходитъ къ разочарованію; слишкомъ напряженныя силы преждевременно ослабѣваютъ, и люди съ грустью окидываютъ взоромъ свое прошлое, жалѣя о неуцѣлѣвшихся попыткахъ, объ утраченныхъ силахъ, объ обманутыхъ надеждахъ». (Предисловіе, стр. IX и X).

Все это будетъ совершенно вѣрно, еслибѣ только слова публицистѣ поставимъ слово ученый: мы часто слыхивали, что главнымъ достоинствомъ ученаго должно быть служеніе наукѣ, неподдающейся минутнымъ увлеченіямъ общественнаго мнѣнія. Но въ этомъ ли должно состоять главное качество публициста? на его ли специальной обязанности лежитъ изслѣдованіе истинныхъ началъ общежитія? Нѣтъ, онъ выражаетъ и поясняетъ тѣ потребности, которыми занято общество въ данную минуту. Служеніе отвлеченной наукѣ не его дѣло; онъ не профессоръ, а трибунъ или адвокатъ. Г. Чичеринъ не имѣетъ понятія о качествахъ той роли, какую беретъ на себя. Онъ не замѣчаетъ, что публицистъ, воображающій себя профессоромъ, также странный, какъ профессоръ, воображающій себя съестонистомъ.

Въ каждомъ человѣкѣ, для котораго главное дѣло живые люди, а не отвлеченная наука, главнымъ качествомъ должна быть способность понимать, въ какомъ положеніи находится его публика, его слушатели или читатели. Если онъ начнетъ проповѣдывать истины, которыя вовсе не относятся къ его слушателямъ, онъ будетъ смѣшонъ. Лѣность — дурной порокъ; но предположимъ, что въ Англіи или въ Сѣверной Америкѣ является господинъ, начинающій оратор-

ствовать противъ лѣзости: онъ будетъ нелѣпъ, потому что изъ его слушателей, вся жизнь которыхъ неутомимая дѣятельность, ни одинъ не нуждается въ предостереженіяхъ противъ лѣзости. Но еще смѣшнѣе, когда ораторъ начинаетъ предостерегать отъ исключительнаго увлеченія какимъ нибудь хорошимъ качествомъ, которое едва-едва, самымъ слабымъ образомъ, начинаетъ возникать въ его слушателяхъ. Что мы подумали бы о человѣкѣ, который сталъ бы говорить о вредѣ исключительнаго пристрастія къ общественной тишинѣ въ кругу нынѣшнихъ механиковъ, каждый годъ сочиняющихъ по три революціи? Отвлеченныя истины могутъ быть умѣстны въ ученомъ трактатѣ, но слова публициста должны прежде всего сообразоваться съ живыми потребностями извѣстнаго общества въ данную минуту. Что же мы слышимъ отъ г. Чичерина? Онъ предостерегаетъ насъ отъ односторонняго увлеченія какимъ-то отрицаніемъ чего-то будто бы хорошаго, существующаго у насъ, — чего именно, предоставляемъ читателю отыскать въ отрывкѣ, нами выписанномъ изъ него. Вѣроятно наше общество страдаетъ необыкновенною живостью и силой чувствъ, кажущихся г. Чичерину вредными. Вѣроятно мы похожи на какихъ нибудь сѣверо-американцевъ, не признающихъ вмѣшательства центральной власти въ ихъ дѣла? Вѣроятно большинство читателей г. Чичерина ужасные анархисты, которымъ надобно проповѣдовать о необходимости нѣкотораго сохраненія государственной власти, совершенно ими отвергаемой? Кажется, г. Чичеринъ былъ бы готовъ доказывать готтентотамъ вредъ односторонняго увлеченія учеными занятіями, доказывать рыбакамъ опасность излишней болтливости, предостерегать бѣлаго медвѣдя отъ пристрастія къ тропическому климату.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что г. Чичеринъ проникнуть прекраснѣйшими намѣреніями, но насъ изумляетъ прелестный тактъ, съ которымъ онъ беретъ за дѣло, — изумляетъ вѣрность его взгляда на коренныя недостатки нашего общества. Онъ пишетъ по русски и ему кажется нужнымъ объяснять, что онъ не намѣренъ потворствовать анархическимъ стремленіямъ. Ему кажется, будто наше общество до излишества живо чувствуетъ вредную сторону принциповъ, господствующихъ въ немъ. Мы, видите ли, страдаемъ избыткомъ односторонняго отрицанія и насъ надобно предостерегать отъ расположенія къ борьбѣ, къ упорству въ столкновеніяхъ. Странное измѣненіе о нашемъ обществѣ.

Для публициста, кромѣ знанія потребностей общества, нужно также пониманіе формъ, по которымъ движется общественный прогрессъ. До сихъ поръ исторія не представляла ни одного примѣра,

когда успѣхъ получался бы безъ борьбы. Но, по мнѣнію г. Чичерина, — борьба вредна. До сихъ поръ мы знали, что крайность можетъ быть побѣждаема только другою крайностью, что безъ напряженія силъ нельзя одолѣть сильнаго врага; по мнѣнію г. Чичерина, слѣдуетъ избѣгать напряженія силъ: онъ не знаетъ, что, одержавъ побѣду, войско всегда бываетъ утомлено, и что если оно бьется утомленія, то не зачѣмъ ему выходить въ поле.

Еще одно любопытное понятіе. Г. Чичеринъ говоритъ объ искаженіи истины въ угодность современному кумиру общественнаго мнѣнія. Боже ты мой милостивый! Мы, русскіе писатели, по мнѣнію г. Чичерина, можемъ искажать истину изъ раболѣпства передъ общественнымъ мнѣніемъ! Въ какомъ удивительномъ положеніи онъ видитъ насъ! Читатель! знали ли вы до сихъ поръ, кто заставляетъ меня часто лгать передъ вами? Вы сами, читатель. Я, видите ли, могъ бы говорить съ вами обо всемъ, что хочу и какъ хочу, но вы, читатель, связываете мнѣ языкъ вашимъ деспотизмомъ. Нѣтъ, книга г. Чичерина написана не по русски, издана не въ Москвѣ: онъ вѣроятно имѣлъ въ виду сѣверо-американскую публику, которая дѣлаетъ все, что захочетъ, и заставляетъ всѣхъ преклоняться передъ своею волею. Надобно полагать, что г. Чичерину нуженъ былъ необыкновенный запасъ мужества, чтобы защищать бюрократію и централизацію, эти драгоценности, совершенно изгнанныя изъ нашего общества и безнапачно преслѣдуемыя въ немъ. Надобно предполагать, что онъ писалъ для общества, надъ которымъ владеютъ ультра-республиканцы, сажающіе въ тюрьму каждого, кто замолвитъ слово въ пользу монархическаго порядка.

Итакъ главный порокъ нашего общества состоитъ въ томъ, что оно слишкомъ страстно, слишкомъ непреклонно, слишкомъ круто проводить свои стремленія, и публицистъ, пишущій по русски, обязанъ говорить намъ, что мы должны соблюдать умеренность въ борьбѣ, которую ведемъ такъ энергически. По его мнѣнію, надобно публицисту вразумлять насъ, чтобы мы оставили хотя какіе нибудь слѣды старинныхъ нашихъ учреждений; — главное, чего долженъ остерегаться публицистъ, — это потворство «современному кумиру нашего временнаго увлеченія.» Изумительно, изумительно!

«Изъ всего предъидущаго выходитъ, что публицистъ долженъ остановиться на точку зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя, который изучаетъ исторію и современную жизнь во всей ихъ многосторонности, не исключая и не осуждая безусловно ни одного изъ элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ. Такое требованіе, выраженное въ видѣ общей формулы, конечно не встрѣтитъ возраженій; но нельзя скрывать отъ

себя, что какъ скоро дѣло доходить до частныхъ, такъ необходимы не только разногласія, но и прямыя уклоненія отъ принятаго начала. Людямъ, которые увлекаются извѣстнымъ направлениемъ, или слишкомъ живо ощущаютъ на себѣ бремя общественныхъ недостатковъ, не правится всякое слово, сказанное въ пользу того, что болѣзненно на нихъ отзывается. Признавая въ теоріи необходимость безпристрастнаго воззрѣнія, они рошутъ на него, когда оно является передъ ними въ осязательной формѣ. Это можно ожидать въ особенности у насъ, гдѣ гражданская жизнь мало развита и общественные вопросы до сихъ поръ не обсуждались гласно. Мы не привыкли еще обозрѣвать ихъ съ различныхъ сторонъ; мы даже не умѣемъ еще подиѣчать въ сужденіяхъ мѣру и границы. Слыша похвалу или порицаніе, мы склонны считать ихъ за выраженіе мнѣнія безусловнаго, и не обращаемъ вниманія на то, что они высказываются въ извѣстныхъ предѣлахъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Еще хуже, когда эта непривычка къ теоретическимъ сужденіямъ соединяется съ недостаткомъ общественной дѣятельности. Практическія столкновенія лучше всего показываютъ естественныя границы того или другаго общественнаго начала и необходимость восполнить одно другимъ. Тамъ, гдѣ граждане не принимаютъ живаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, неизбежно господствуетъ односторонность взглядовъ, и это ведетъ иногда къ прискорбнымъ явленіямъ. Нѣтъ ничего печальнѣе общества, которое, чувствуя себя не въ силахъ исправить гнетущее его зло, тратитъ время въ безплодныхъ воядыханіяхъ, въ ожесточенной критикѣ, которое, оставаясь въ бездѣйствіи, ожидаетъ, чтобы чужая рука сняла тяготящее надъ нимъ бремя. Общество, которое хочетъ что нибудь сдѣлать, должно глядѣть на вещи прямо и трезво. Первый признакъ разумной силы есть спокойствіе, а спокойствіе ведетъ къ ясному и всестороннему пониманію жизненныхъ явленій, безъ прикрасъ, безъ утайки и безъ раздраженія.» (Предисловіе, стр. XVIII, XIX и XX.)

На все это объясненіе къ пользу безпристрастія мы будемъ отвѣчать только сближеніемъ двухъ мыслей самого г. Чичерина. Отъ совѣтуетъ нашему обществу имѣть всесторонній взглядъ, чуждый раздраженія, а между тѣмъ самъ говоритъ, что въ немъ «неизбѣжно» должна господствовать односторонность взглядовъ. Не бесполезенъ ли совѣтъ удерживаться отъ того, что неизбѣжно? И если кто нибудь станетъ совѣтовать человѣку не быть раздраженнымъ, когда самъ признаетъ раздраженіе неизбѣжнымъ, не показываетъ ли онъ самъ своимъ совѣтомъ, что лишенъ способности понимать условія дѣйствительной жизни? Очень мало, что эти совѣты не обращены, напримѣръ, къ французамъ, сардинцамъ и австрійцамъ: они ведутъ войну, въ войнѣ неизбѣжны сраженія, въ сраженіяхъ неизбѣжны выстрѣлы; но мы думаемъ бы посоветовать имъ, чтобы они сража-

лись, не стрѣляя изъ пушекъ. Дѣло другое, если вы совѣтуете имъ кончить войну и разойтись по домамъ; но нѣтъ, г. Чичеринъ не противъ развитія, онъ только хочетъ, чтобы развитіе совершалось безстрастнымъ образомъ, по рецепту спокойствія и всесторонности. Къ сожалѣнію, этого никогда не бывало. Человѣка душитъ разбойникъ, и по рецепту г. Чичерина этотъ человѣкъ въ то самое время, когда старается отбиться отъ разбойника, долженъ спокойно рассуждать о томъ, что разбойникъ возникаетъ изъ исторической необходимости, имѣетъ историческое право существованія; что великая римская имперія была основана разбойниками; что если должно уважить римское право, то должно уважать и разбойниковъ, безъ которыхъ его не было бы, — помыслите, до того ли человѣку, чтобы помнить обо всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещахъ!

Изъ этихъ совѣтовъ, быть холодными, безпристрастными, подавлять въ себѣ всякое раздраженіе, мы заключаемъ, что г. Чичеринъ знаетъ только, какъ пишутся ученія книги, но не знаетъ, какими силами развивается общественная жизнь. Онъ думаетъ быть публицистомъ, но является школьнымъ учителемъ, у котораго главная забота та, чтобы ученики смирно сидѣли по своимъ мѣстамъ и слушали его наставленія. Первымъ дѣломъ у него выставляется то, чтобы общество отказалось отъ всякихъ живыхъ чувствъ, не болѣе, не нарушить теоретическое безпристрастіе.

Мы думаемъ, что г. Чичеринъ напрасно взолея быть публицистомъ, если нѣтъ у него въ груди живаго сердца. Намъ кажется, что въ немъ слишкомъ сильна склонность къ схоластикѣ. Быть можетъ мы ошибаемся, и дай Богъ, чтобы мы ошиблись; но намъ кажется, что живой человѣкъ, при нынѣшнемъ положеніи нашего общества, не вздумалъ бы говорить противъ «мечтательныхъ отрицателей существующаго порядка», противъ «слишкомъ отважныхъ нововводителей», противъ «болѣзненного нетерпѣнія». Быть можетъ въ этихъ неумѣстныхъ усиліяхъ подавить то, что, право, вовсе не нуждается въ подавленіи со стороны г. Чичерина, виновата не натура его, а случайная односторонность его развитія; но какъ бы то ни было, г. Чичеринъ въ настоящее время рѣшительно не понимаетъ, какому обществу онъ даетъ свои совѣты, не умѣетъ судить о томъ, что уместно и что неумѣстно въ статьяхъ, имѣющихъ претензію руководить нашею общественною жизнью. Только человѣкъ одержимый схоластикой можетъ воображать, что русскому публицисту надобно быть задитникомъ бюрократіи.

Но если г. Чичеринъ неспособенъ теперь быть публицистомъ, которому нужно живое сочувствіе къ современнымъ потребностямъ

общества, то быть может онъ имѣеть качества, нужныя для школьнаго учителя. Будемъ сидѣть смирно, по его приказанію, и слушать его лекціи.

Обязывая школьниковъ сидѣть смирно, школьный учитель самъ обязанъ по крайней мѣрѣ быть порядочно знакомъ съ тѣмъ предметомъ, о которомъ читаетъ онъ лекцію. Главные предметы въ лекціяхъ г. Чичерина: демократія, централизація и бюрократія. Посмотримъ, какое понятіе онъ имѣеть объ этихъ вещахъ.

«.... относительно гражданского устройства и управленія абсолютизмъ и демократія именно потому и сходятся между собою, что въ этой сферѣ прочіе всего утвердились результаты всей новѣйшей исторіи Западной Европы, независимо отъ боренія партій, независимо отъ того, куда переносится источникъ власти. Уничтоженіе самостоятельныхъ союзовъ, корпораціонныхъ правъ, сословныхъ привилегій, вообще уничтоженіе средневѣковыхъ формъ жизни, основанныхъ на дробности общественнаго быта, и созданіе единого государственнаго тѣла — вотъ великое дѣло, начало которому положили абсолютные государи и которое преемственно перешло и къ новой демократіи. Въ этой системѣ народъ представляетъ единую, естественно разчленяющуюся массу, въ которой ни одна часть искусственнымъ образомъ не перевѣшиваетъ другой, въ которой ни одинъ членъ не вытягиваетъ изъ другаго жизненныхъ соковъ. Государственные учрежденія съ цѣлою системою чиновниковъ составляютъ общую связь этого тѣла, общее его строеніе, по которому совершаются его общественныя отправленія, а централизація сводитъ это устройство къ единству, устанавливая центральный пунктъ, отъ котораго исходить и къ которому притекаетъ правительственное движеніе. Конечно, и здѣсь могутъ быть невыгодныя стороны, злоупотребленія; неоживленная народнымъ духомъ, эта форма можетъ превратиться въ мертвую машину. Но что касается до самой сущности этихъ установленій, то нѣтъ сомнѣнія, что они придаютъ народной жизни такое единство, какого бы она безъ того никогда не имѣла. Въ ней создается общая среда, господствующая надъ всѣми частными стремленіями и интересами; въ ней чувствуется единое бѣненіе пульса, разливающего кровь по всѣмъ членамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждая часть свободно занимаетъ то мѣсто, къ которому она тяготеетъ по своей природѣ. Народъ перестаетъ быть собраніемъ разнородныхъ частей; онъ дѣлается общественною единицею, онъ становится особью, которая живетъ единою жизнью.» (Стр. 7 и 8)

Въ дополненіе къ этому мѣсту приведемъ еще слѣдующее:

«Демократическія начала проникаютъ и во внутреннее управленіе Англіи. Здѣсь они являютъ въ видѣ усиленія центральной власти насчетъ мѣстныхъ. Независимость послѣднихъ основана на преобладаніи

аристократическаго элемента въ государствѣ. Поэтому всѣ мѣры, которыя клонятся къ уменьшенію ихъ значенія, къ замѣнѣ даровыхъ должностей, замѣщаемыхъ богатыми землевладѣльцами, бюрократією, доступною всѣмъ и каждому, ведутъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ уничтоженію общественнаго неравенства и преобладанію одного элемента надъ другимъ. Конечно, успѣхи централизаціи и бюрократіи въ Англіи чрезвычайно медленны; однако они не подлежатъ сомнѣнію. Въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія очевидныя злоупотребленія показали необходимость преобразовать и подчинить высшему правительству управленіе общественнымъ призрѣніемъ, поставить подъ надзоръ центральной власти медицинскую полицію, тюрьмы, воспитательныя заведенія, наконецъ въ недавнее время и самую полицію городовъ. Каждый новый законъ объ администраціи, представляемый парламенту, имѣетъ цѣлью усилить центральную власть. Правда, это стремленіе встрѣчаетъ себѣ сильное противодѣйствіе, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ, какъ въ правительствѣ, такъ и въ народѣ. Вопросъ о бюрократіи поднятъ былъ въ послѣднее время съ особенною силою. Война выказала въ яркомъ свѣтѣ недостатки управленія, основаннаго на привилегіяхъ одного сословія. Въ то самое время, какъ раздались вопли общественнаго мнѣнія по случаю бѣдствій англійской арміи въ Крыму, составила лига въ пользу административной реформы. Цѣль ея — уничтожить въ управленіи преобладаніе аристократіи и сдѣлать его доступнымъ способностямъ и талантамъ, въ какой бы сферѣ они ни проявлялись. Сами государственные люди Англіи признаютъ въ нѣкоторой степени необходимость преобразованія, вслѣдствіе чего этотъ вопросъ стоитъ теперь на первомъ планѣ въ дѣлахъ внутренней политики. (Стр. 24 и 25).

Пусть насъ извинитъ г. Чичеринъ, но мы должны сказать, что его понятія о формахъ государственнаго устройства чрезвычайно сбивчивы. Основнымъ принципомъ его понятій оказывается бюрократическое устройство, и ему представляется, будто демократія похожа на абсолютизмъ въ томъ отношеніи, что очень любитъ бюрократію и централизацію. Но какую централизацію и бюрократію найдеть онъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ или въ Швейцаріи? По существенному своему характеру демократія противоположна бюрократіи; она требуетъ того, чтобы каждый гражданинъ былъ независимъ въ дѣлахъ, касающихся только до него одного; каждое село и каждый городъ независимы въ дѣлахъ, касающихся его одного; каждая область — въ своихъ дѣлахъ. Демократія требуетъ полнаго подчиненія администратора жителямъ того округа, дѣлами котораго онъ занимается. Она хочетъ, чтобы администраторъ былъ только повѣреннымъ той части общества, которая поручаетъ ему извѣст-

ныя дѣла, и ежеминутно можете требовать у него отчета о веденіи
каждаго дѣла. Демократія требуетъ самоуправленія и доводитъ его
до федераціи. Демократическое государство есть союзъ республикъ,
или, лучше сказать, образуется изъ нѣсколькихъ постепенныхъ на-
слоеній республиканскихъ союзовъ, такъ что каждый довольно зна-
чительный союзъ состоитъ въ свою очередь изъ союза нѣсколькихъ
округовъ, — таково устройство Соединенныхъ Штатовъ. Въ нихъ
каждая деревенька есть особенная республика; изъ соединенія нѣс-
колькихъ деревень образуется приходъ, который опять-таки состав-
ляетъ самостоятельную республику; изъ соединенія нѣсколькихъ
приходовъ образуется новая республика — графство; изъ нѣсколь-
кихъ графствъ — республиканскій штатъ; изъ союза штатовъ — го-
сударство. Неужели это сколько нибудь похоже на бюрократію? Въ
Швейцаріи каждый кантонъ можетъ имѣть у себя даже особенное
войско. Откуда же взялось у г. Чичерина мнѣніе о бюрократіи, какъ
формѣ демократическаго устройства? Это просто слѣдствіе той пу-
таницы, какую слишкомъ довѣрчивый ученый можетъ дѣлать ко-
паясь черпать изъ великихъ мыслителей французской минималиста-
либеральной, а въ сущности реакціонной школы. Есть на свѣтѣ разные
мелкіе французы, которые многимъ изъ насъ кажутся великими
людьми и которые разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: Англія стра-
на аристократическая, и въ ней нѣтъ ни централизаціи, ни бюро-
кратіи; Франція страна демократическая, и въ ней есть централи-
зація и бюрократія. Слѣдовательно централизація и бюрократія
суть принадлежности демократіи. Это умозаключеніе точно та-
кого же рода, какъ напримѣръ: ученые греки, пріѣхавшіе въ
Римъ, были развратные трусы; слѣдовательно просвѣщеніе ве-
детъ къ разврату и трусости. Франція болѣе 200 лѣтъ имѣла
абсолютное правительство; въ теченіе этого долгаго времени абсо-
лютизмъ успѣлъ выработать соотвѣтствующія себѣ формы управле-
нія, бюрократію и централизацію, и успѣлъ пріучить къ нимъ фран-
цузовъ. Вѣковыя привычки исчезаютъ нелегко и нескоро. Демокра-
тія не имѣетъ такой волшебной силы, чтобы одинъ звукъ этого слова
могъ перерождать нравы народовъ въ нѣсколько лѣтъ; потому фран-
цузы до сихъ поръ не успѣли отдѣлаться отъ бюрократіи и централи-
заціи, введенной у нихъ стариннымъ порядкомъ дѣла, какъ не успѣ-
ли отдѣлаться отъ многихъ другихъ привычекъ, привитыхъ къ
нимъ тою же стариною. Французы, напримѣръ, до сихъ поръ меч-
таютъ о завоеваніяхъ, до сихъ поръ страшно любятъ шегольство,
франтовство, блескъ и тому подобныя пошлости: неужели все это
принадлежности демократіи?—нѣтъ, это просто догнивающие остат-

ки того порядка дѣлъ, какой былъ у нихъ 100 и 200 лѣтъ тому назадъ. Именно потому, что эти старинныя привычки еще не достаточно ослабѣли между французами, демократическая форма до сихъ поръ не могла утвердиться у нихъ. Наполеонъ I и реставрація старались воскресить аристократію; Орлеанская династія всячески старалась поддержать ее; Наполеонъ III въ третій разъ старается воскресить ее. У французовъ еще не достаетъ привычки къ демократическому устройству, и всѣ ихъ правительства, возникавшія изъ побѣды кратковременныхъ попытокъ къ созданію демократическаго устройства, ни мало не могутъ служить образцами приверженности къ тѣмъ новымъ формамъ, на подавленіи которыхъ основывали они свою власть. Наполеонъ I, Бурбоны, Луи-Филиппъ, Луи-Наполеонъ, всѣ они одинаково держались опорою партіи застоя, или даже чистой реакціи. Удивительно ли, что при всѣхъ этихъ управленіяхъ поддерживалась форма администраціи, принадлежащая французской старинѣ? Но всѣ тѣ французы, которые дѣйствительно, а не на словахъ только, привязаны къ демократическому принципу, — всѣ они до одного враждебны теперь бюрократіи и централизаціи. Въ ненависти къ этимъ формамъ они не уступятъ самому заклятому англійскому аристократу. Правда, до сихъ поръ не успѣли они водворить во Франціи того устройства, какое желали бы дать своему отечеству; но изъ этого слѣдуетъ только, что Франція до сихъ поръ не успѣла получить учреждений, соответствующихъ ея демократическимъ стремленіямъ, а вовсе не то, чтобы централизація и бюрократія были принадлежностями демократическаго принципа. Французы похожи на горажанина, недавно переселившагося въ деревню и прогуливающагося по полю въ палевыхъ перчаткахъ и лакированныхъ сапогахъ. Должны ли мы заключать по этимъ принадлежностямъ его костюма, что палевыя перчатки и лакированные сапоги составляютъ принадлежность истинно-деревенскаго образа жизни? Надобно полагать, что, проживши въ деревнѣ, онъ отвыкнетъ отъ этой великосвѣтской дроби.

Г. Чичеринъ, воображающій себѣ демократію по неразвившимся французскимъ ея формамъ, искаженнымъ сильною примѣсью старыхъ учреждений, которыя удѣляли со временемъ абсолютизма, имѣетъ самое фальшивое понятіе о демократіи. Не менѣе фальшиво его понятіе о существенномъ характерѣ абсолютизма, который представляется ему чѣмъ-то столь же враждебнымъ аристократіи, какъ демократическій принципъ. Такой взглядъ опять таки почерпнуть онъ изъ французскихъ книжекъ, восхваляющихъ Мазарини или Ришелье, будто бы благодѣтелей Франціи. Штука въ томъ, что фран-

цузскіе короли старались завоевать области, принадлежавшія могущественнымъ феодальнымъ правителямъ, и наконецъ успѣли покорить ихъ. Разумѣется, пока шла война—была и вражда. Разумѣется, обѣ воевавшія стороны прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы достичь побѣды. Но если теперь австрійское правительство было бы радо произвести революцію въ Парижѣ, лишь бы сбѣть съ рукъ Наполеона III и сохранить Миланъ и Венецію, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы австрійское правительство отличалось сочувствіемъ къ республиканскому устройству и ненавидѣло деспотизмъ. Напротивъ, можно думать, что по своимъ принципамъ оно очень мало разнится отъ своего противника. Точно такъ герцогъ бургундскій, герцогъ бретанскій ничѣмъ не разнились въ своихъ принципахъ отъ короля французскаго, съ которымъ враждовали. Вражда шла только изъ-за того, что разнымъ герцогамъ и графамъ не хотѣлось потерять своихъ владѣній, а королю французскому хотѣлось приобрести эти области. Чтобы склонить къ измѣнѣ подданныхъ своего врага, король французскій могъ покровительствовать притѣсненнымъ горожанамъ его областей, но за то и какойнибудь герцогъ бургундскій помогалъ учрежденію демократической республики въ Парижѣ. Все это было военною тактикою въ родѣ того, какъ монголы могли для упроченія своего господства поднимать рязанскихъ князей противъ московскихъ, или московскихъ противъ тверскихъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ какойнибудь Мамай или Узбекъ огорчались отъ притѣсненій, которымъ какойнибудь Всеволодъ или Георгій подвергалъ сосѣднее княжество?

Но вотъ побѣда была рѣшена, вся Франція соединилась подъ властью короля, отдѣльныхъ владѣній не осталось. Каковъ принципъ извѣстнаго учрежденія, мы можемъ видѣть, когда оно одержитъ побѣду и получить полную силу перестроить жизнь по своему духу. Являются ли французскіе абсолютные короли, начиная съ Людовика XIII, или даже Генриха II, скольконибудь расположенными къ «уничтоженію сословныхъ привилегій», какъ думаетъ г. Чичеринъ? Напротивъ, они устрояютъ цѣлое государство такимъ образомъ, чтобы весь народъ жилъ исключительно для содержанія двора и придворной аристократіи. Всѣ подати лежатъ на простолюдинахъ, почти вся масса простолюдиновъ обязана сверхъ того личными повинностями дворянству. Одни дворяне имѣютъ значеніе, они одни пользуются покровительствомъ государственной власти. Съ Людовика XI или, пожалуй, съ Филиппа Прекраснаго до самаго конца XVIII вѣка ни одна изъ привилегій дворянства не была отменена королевскою властью; напротивъ съ каждымъ поколѣніемъ раз-

ширятся ихъ покровительство дворянству, и въ администраціи, и въ богатствѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ оффиціальной жизни. Центръ всей жизни есть дворъ; дворъ состоитъ исключительно изъ аристократовъ, — какая же тутъ противоположность принципа между абсолютизмомъ и аристократіею? Напротивъ, французскій король есть представитель и глава аристократическаго принципа. Онъ все государство устроиваетъ въ духѣ самой исключительной аристократіи. Не понимать этого можетъ только тотъ, кто не имѣетъ правильнаго понятія ни объ одномъ изъ фактовъ французской исторіи XVI, XVII и XVIII столѣтій.

Но отъ Франціи г. Чичеринъ переходитъ къ Англіи. Онъ видитъ, что въ послѣднее время замѣтно стала падать въ ней аристократія и быстро усиливается демократическій элементъ. Какъ вы думаете, въ чемъ полагаетъ онъ сущность этого движенія? Онъ до того занятъ своею теоріею неразрывной связи бюрократіи съ демократіею, что воображаетъ, будто бы сущность развитія англійскихъ государственныхъ учреждений въ наше время состоитъ въ развитіи бюрократическаго начала, которое до сихъ поръ было въ Англіи слабо, къ великому сожалѣнію г. Чичерина. Это просто забавно. Изъ 28 милліоновъ англичанъ, шотландцевъ и ирландцевъ найдется ли хотя одинъ человѣкъ, отъ самаго отсталаго ультра-тори до самаго горячаго хартиста, который бы не гнушался бюрократіею, не пришелъ въ неистовство отъ одной мысли, что бюрократія когда нибудь можетъ быть введена въ Англію? Англійскіе аристократы очень щедро осыпаютъ своихъ враговъ демократовъ вслѣдственными упреками, но никто въ цѣлой Европѣ никогда не слыхивалъ, чтобы они приписывали имъ наклонность къ бюрократіи. Каждому ребенку извѣстно, что англійскіе демократы съ состраданіемъ и презрѣніемъ смотрятъ на французское бюрократическое устройство, и если сочувствуютъ какому нибудь учрежденію, то единственно австралійскимъ и сѣверо-американскимъ, въ которыхъ бюрократіи еще гораздо меньше, нежели въ англійскихъ. Разсужденія г. Чичерина объ усиленіи бюрократіи въ Англіи отъ усиленія демократіи могутъ служить самымъ воспитательнымъ примѣромъ того, до какого уклоненія отъ очевидной истины можетъ доводить схоластика, отправляющаяся отъ фальшиваго основанія и безбоязненно шагающая кривыми силлогизмами съ полнымъ пренебреженіемъ къ смыслу фактовъ. «Бюрократія есть принадлежность демократіи. Въ Англіи развивается демократія, слѣдовательно Англія вводитъ у себя бюрократію.» Отъ Пальмерстона до Эрнеста Джонса, отъ Росселя до Ферджуса О'Коннора, всѣ нововводители, — и умѣренные либералы, и радикалы, и

хартисты Англіи кричатъ въ одинъ голосъ: «мы гнушаемся бюрократіей»; но г. Чичеринъ мужественно поучаетъ ихъ: «я лучше васъ знаю, кто вы таковы: всѣ вы отчаянные бюрократы». Начитавшись его книги, мы думали даже предложить Пальмерстону должность исправника въ городѣ Туруханскѣ: это мѣсто совершенно соотвѣтствовало бы его наклонностямъ по изображенію г. Чичерина; съ какимъ удовольствіемъ спалъ бы онъ: «На отношеніе вашего высокородія за № 15,217 имѣю честь отвѣтствовать, что безпаспортной солдатской жонки Авдотьи Никитиной на жительствѣ въ Туруханскомъ уѣздѣ не оказалось.»

Впрочемъ очень можетъ быть, что г. Чичеринъ воображаетъ себя бюрократію не въ такомъ видѣ, какъ представляется она намъ. Быть можетъ и абсолютизмъ, и аристократія, и демократія представляются ему вовсе не въ томъ видѣ, въ какомъ привыкли представлять ихъ себѣ мы. Дѣйствительно, это очень можетъ быть: по крайней мѣрѣ надобно предполагать, что если бы эти понятія не представлялись ему совершенно различнымъ отъ обыкновеннаго пониманія способомъ, то онъ не наговорилъ бы объ нихъ такихъ странныхъ вещей, какими наполнена его книга.

Мы вполнѣ выписывали изъ книги г. Чичерина длинные отрывки, на которыхъ основываемъ свое заключеніе, что онъ дѣйствительно не имѣетъ понятія о существенномъ смыслѣ тѣхъ формъ государственнаго устройства, объясненію которыхъ посвящена вся его книга. Читатели могли убѣдиться, что мы не вводимъ на него небывицъ, когда говоримъ, что онъ не знаетъ ни демократіи, ни абсолютизма, ни аристократіи, ни бюрократіи, ни централизаціи. Получивъ такіе результаты, мы можемъ прекратить выписки, потому что вся остальная запутанность понятій въ его книгѣ составляетъ уже естественное слѣдствіе отсутствія правильнаго взгляда на эти основные предметы его разсужденій. Пересмотримъ же коротко содержаніе его книги.

Первая статья, «О политической будущности Англіи», написанная по поводу книги Монталамбера, начинается утѣшительнымъ увѣреніемъ, что вопросы, волнующіе Западную Европу, «не имѣютъ для насъ жизненнаго значенія.» Утѣшительно это потому, что очень благопріятствуетъ смотрѣть намъ на событія Западной Европы «безъ гнѣва и пристрастія». Мы готовы были бы думать, что это увѣреніе просто избитая мысль, употребляющаяся многими изъ насъ по условному правилу, имѣющему свою вышнюю выгоду; но отрывки о роли публициста, выписанные нами изъ предисловія, убѣждаютъ насъ, что г. Чичеринъ въ самомъ дѣлѣ вообра-

жаешь, будто это такъ и будто это очень утѣшительно. Это удивительно. Кому не извѣстно, что вотъ уже очень много лѣтъ наша судьба связана съ судьбою Западной Европы и каждое важное событіе въ ней отражается на насъ? Фридрихъ II ограбилъ Марію Терезію, — и вотъ мы были запутаны въ семьлѣтнюю войну. Европа стала поклоняться Вольтеру, и у насъ началась комедія гуманныхъ возгласовъ въ угодность Вольтеру, лицемерное хвастовство либерализмомъ; но Вольтеръ имѣлъ у насъ много и такихъ приверженцевъ, которые не были лицемерами. Вспыхнула французская революція, и характеръ администраціи у насъ сдѣлался рѣшительнѣе, примѣ и пружины дѣйствія перестали прикрываться философскими украшеніями. Изъ революціи вышелъ Бонапарте, и мы были запутаны въ продолжительныя войны, кончившіяся удачно, но разорившія Россію и присоединившія къ ней Варшаву. Потомъ Меттернихъ основалъ Священный Союзъ, и кому не извѣстно вліяніе этого учрежденія на судьбу Россіи? Продолжать ли этотъ перечень? Намъ кажется, перечисленныхъ фактовъ довольно, чтобы отказаться намъ отъ возможности равнодушно смотрѣть на западно-европейскія событія. «Перевѣсъ либерализма или демократіи, успѣхи революціи или удача диктатуры въ Западной Европѣ, — все это вопросы, не имѣющіе для насъ жизненнаго значенія», — этихъ словъ уже достаточно, чтобы показать совершенное отсутствіе способности понимать положеніе Россіи. Впрочемъ, напрасно мы останавливались на этомъ: мы уже знали, что г. Чичеринъ неспособенъ быть публицистомъ, а способенъ быть только ученымъ схоластикомъ. Для схоластика нѣтъ надобности понимать отношенія своего общества къ фактамъ, которыми онъ занимается; ему только нужно знать факты.

Но и фактовъ г. Чичеринъ не знаетъ самъ, а принимаетъ ихъ на вѣру отъ другихъ, которые не заслуживали его довѣрія. Гнилая оппозиція французскихъ академиковъ называетъ Монталамбера великимъ ораторомъ, а его книгу замѣчательнымъ произведеніемъ; г. Чичеринъ смотритъ на вещи не такъ, какъ французскіе академики, потому могъ бы думать о Монталамберѣ и его книгѣ иначе. Но онъ принимаетъ этого реакціоннаго болтуна очень серьезно за защитника свободы, за представителя либерализма, и серьезно разсуждаетъ о его понятіяхъ, будто бы о мысляхъ дѣльнаго человѣка. Монталамберъ говоритъ объ Англіи вздорныя общія мѣста, въ родѣ того, что «признанность къ старинѣ составляетъ отличительную черту англійскаго народа», что англичане «отличаются отъ другихъ народовъ любовью къ разоблаченію своихъ собственныхъ недостатковъ», что англійская аристократія «невраждебна никакому прогрессу».

су»; г. Чичеринъ очень серьёзно повторять эти пустыя слова, или несправедливыя, или ровно ничего не выражающія: по всему видно, что Монталамберъ для него кажется драгоценнымъ источникомъ свѣдѣній объ Англіи. Человѣкъ ученый не долженъ былъ бы принимать дрянную брошюру за что нибудь значительное. Онъ спорить съ Монталамберомъ очень важно, какъ будто бы съ противникомъ, заслуживающимъ уваженія.

Такое же чреватѣрное уваженіе къ пустымъ репутаціямъ видно въ слѣдующей его статьѣ «Промышленность и государство въ Англіи», составленной по поводу книги Леона Фоше. Леонъ Фоше былъ человѣкъ довольно трудолюбивый, но вовсе не даровитый. Либерализмъ его всегда былъ очень узокъ и сильно отзвучалъ консерватизмомъ. Г. Чичерину кажется, что онъ эмигрировалъ только съ 1848 года. Онъ думаетъ, что только тогда Леонъ Фоше «покинулъ точку безпристрастнаго наблюдателя и сдѣлался членомъ партіи», что только тогда «примкнулъ онъ къ тому близорукому большинству французскаго законодательнаго собранія, которое не умѣло основать новыхъ учреждений». Напрасное присморбіе. Леонъ Фоше всегда принадлежалъ къ близорукимъ людямъ, которые враждовали противъ новыхъ учреждений. Г. Чичеринъ не имѣетъ вѣрныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ партій при Орлеанской династіи; онъ не знаетъ характера той оппозиціи, которая признавала своимъ предводителемъ Тьера, и характера той экономической школы, которая называлась тогда либеральною, но либерализмъ которой ограничивался хлопотами о пониженіи тарифа. Впрочемъ книга Леона Фоше не есть пустая болтовня, какъ кажется Монталамбера: въ ней собрано много фактовъ. Мы не осуждаемъ г. Чичерина за то, что онъ задумалъ серьёзно пользоваться ею. Но любопытенъ выводъ, къ которому клонится всѣ его выписки изъ Леона Фоше и Лаверя. Мы уже говорили объ этомъ выводѣ. Г. Чичеринъ воображаетъ, что сущность реформъ, произведенныхъ парламентомъ въ экономическомъ устройствѣ Англіи, ведетъ къ усиленію бюрократіи; а между тѣмъ изъ этихъ реформъ всѣ важнѣйшія состоятъ въ робкомъ, неполномъ, иногда недѣльномъ удовлетвореніи нѣкоторыхъ изъ экономическихъ потребностей англійскихъ простолюдиновъ; и если эти реформы принадлежатъ къ какой нибудь системѣ понятій, то развѣ къ системѣ тѣхъ экономистовъ, которые думаютъ приписать ветхое рубище своей теоріи нѣкоторыми доскутками социализма. Напримѣръ, въ Англіи запретили держать дѣтей на фабричной работѣ болѣе 12 часовъ въ день; потомъ запретили нанимать женщинъ для работы въ рудникахъ; потомъ предписали, чтобы дѣти, работающія на фабрикахъ,

непрерывно посѣщали школу; потомъ запретили держать женщинъ на фабричной работѣ болѣе 12 часовъ въ сутки. По мнѣнію г. Чичерина это—бюрократія и централизація, а по мнѣнію каждаго экономиста эти постановленія принадлежать къ тому, что г. Чичеринъ называетъ «безумными проявленіями социализма». Такихъ недоразумѣній въ статьѣ о промышленности Англіи находится множество. Но вотъ мѣсто, которое показываетъ, что г. Чичеринъ не знаетъ не только того, къ какому порядку идей принадлежать перечисляемые имъ факты, но не знаетъ даже того, къ какому порядку идей принадлежать его собственные мысли. Онъ начинаетъ говорить о томъ, что разширеніе центральной власти или вмѣшательство правительства должно въ Англіи усиливаться еще значительно, нежели насколько усилилось всѣми произведенными реформами. Тутъ мы читаемъ между прочимъ слѣдующее соображеніе:

«Правительству должны подлежать, говоритъ г. Чичеринъ, всѣ тѣ общественныя установленія, которыя не требуютъ личной предприимчивости и энергіи. Таково, напримеръ, застрахованіе. Въ наше время оно производится частными компаніями, но нѣтъ сомнѣнія, что оно съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть предпринято правительствомъ. Настоящее мѣсто частнаго капитала тамъ, гдѣ онъ является орудіемъ личной дѣятельности; здѣсь же капиталъ цѣлаго общества служитъ обезпеченіемъ риска, которому подвергается каждый изъ его членовъ. Потому мы думаемъ, что съ большимъ и большимъ развитіемъ системы застрахованія, она поступитъ наконецъ въ вѣдомство правительственной власти. Самое государство можно въ вѣкоторомъ отношеніи рассматривать, какъ общество взаимнаго застрахованія, составленное цѣлымъ народомъ: каждый гражданинъ удѣляетъ часть своего достоянія въ общую кассу для того, чтобы получить отъ государства обезпеченіе личной своей дѣятельности.»

Мы не станемъ разбирать, самъ ли г. Чичеринъ написалъ это мѣсто, или заимствовалъ его изъ Милля; онъ не отрицаетъ, что заимствовалъ его, слѣдовательно представляетъ какъ свою собственную мысль. Намъ остается только поздравить централизацію съ приобрѣтеніемъ такого новаго характера. Встарину подобныя вещи назывались регаліями или монополіями казны, но никакъ не централизаціею или бюрократіею; нынѣ называются онѣ иначе; какъ именно называются нынѣ онѣ и къ какому порядку идей принадлежать, мы не станемъ говорить. Но скажемъ, что присвоеніе государству застрахованія, по понятіямъ нынѣшнихъ экономистовъ, ничѣмъ не отличается отъ присвоенія государству исключительнаго права имѣть.

желѣзные дороги, отъ наложенія на него обязанности давать работу рѣшительно каждому неимѣющему работы, принимать на общественное содержаніе каждаго бѣднаго и т. д. Если мы не ошпаемся, всѣ эти мысли составляютъ принадлежность теоріи, которая заслужила отъ г. Чичерина названіе безумной. Намъ остается только жалѣть, что г. Чичеринъ повидимому незнакомъ съ этою теорію, а лишь слыхивалъ о ней отъ людей подобныхъ Монталамберу, Токвилю, Сюдру, Луп-Ребо. Не дурно было бы ему замѣтить вредъ, происходящій отъ этого пробѣла въ знакомствѣ его съ произведеніями современной мысли: онъ украшаетъ свои статьи лоскутками той самой теоріи, которую упрекаетъ въ безумствѣ.

Точно также онъ имѣлъ бы совершенно другое понятіе о смыслѣ демократическаго движенія въ Англіи, если бы изучалъ его по достовѣрнымъ источникамъ, напримѣръ по парламентскимъ препіямъ, по рѣчамъ и сочиненіямъ представителей этого движенія, а не по книжкамъ, писаннымъ отсталыми людьми въ родѣ Леона Фоше, или реакціонерами, въ родѣ Монталамбера.

Третья статья, «Старая французская монархія и революція», написана по поводу книги Токвиля. Начинается она объясненіемъ, что дурно поступаютъ тѣ историки, которые пишутъ подъ вліяніемъ современныхъ политическихъ событій, что историкъ не долженъ вносить страстей настоящаго въ изображеніе прошедшаго. Словомъ сказать, г. Чичеринъ очень подробно и хорошо парафразируетъ извѣстную характеристику лѣтописца въ «Борисѣ Годуновѣ»:

Такъ точно дьякъ, въ приказахъ поспѣлый,
Спокойно зрить на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пушкинъ былъ вѣроятно правъ, изображая такими нашими лѣтописцевъ, людей чуждыхъ всякаго понятія о жизни, сущихъ книжниковъ и притомъ чрезвычайно мало образованныхъ; но г. Чичеринъ напрасно хочетъ, чтобы нынѣшніе историки подражали имъ. Онъ, повидимому, не знаетъ истиннаго смысла тѣхъ возгласовъ объ историческомъ безпристрастіи, которыми наполнены всѣ реакціонныя книги. Реакціонеры называютъ историка безпристрастнымъ тогда, когда онъ доказываетъ, что старинный порядокъ вещей былъ хорошъ. Напротивъ, напримѣръ книгу г. Чичерина «Областные учрежденія» всѣ реакціонеры называютъ пристрастною и несправедливою за то, что авторъ совершенно справедливо изобразилъ въ

ней старинную систему управления не въ розовомъ свѣтѣ. Живой человѣкъ не можетъ не имѣть сильныхъ убѣжденій. Отъ этихъ убѣжденій не отдѣляется онъ, что бы ни сталъ дѣлать: писать исторію или статистику, фельетонъ или повѣсть; все написанное имъ будетъ написано для оправданія и развитія какой нибудь мысли, кажушейся ему справедливою. Если вы раздѣляете эту мысль, вамъ будетъ казаться, что писатель изображаетъ жизнь безпристрастно; если вы враждуете противъ его образа мыслей, вамъ будетъ казаться, что онъ изображаетъ жизнь пристрастно и несправедливо. Следовательно дѣло не въ томъ, проводить ли историкъ свои убѣжденія въ своей книгѣ. Не проводить убѣжденій могутъ только тѣ, которые не имѣютъ ихъ; а не имѣть убѣжденій могутъ только, или люди необразованные, или люди неразвитые, или люди тупые, или люди безсовѣстные; дѣло только въ томъ, хороши ли убѣжденія, проводимыя историкомъ, т. е. возникаютъ ли они изъ желанія добра, справедливости и благосостоянія людямъ, или изъ какихъ нибудь принциповъ, противныхъ благосостоянію общества, и ясно ли понимаетъ историкъ, какія учрежденія и событія содѣйствовали, какія мѣшали осуществленію такого порядка дѣлъ, который пользуется его сочувствіемъ. Если убѣжденія историка честны и если онъ понимаетъ вліяніе изображаемыхъ имъ событій и учреждений на судьбу народа, тогда заслуживаетъ онъ уваженіе; и кромѣ честности убѣждений, другого безпристрастія никогда не бывало ни въ какомъ историкѣ, если онъ былъ одаренъ человѣческимъ смысломъ, а не писалъ какъ бессмысленная машина. Откуда же взялось у г. Чичерина мнѣніе, что историкъ долженъ походить на пушкинскаго лѣтописца? Опять таки оно возникло отъ необдуманнаго принятія чужихъ словъ на вѣру. Если бы онъ самъ подумалъ о томъ, были ли равнодушны Фукидидъ, Тацитъ, Макіавелли, де-Ту, Тьерри, Шлоссеръ, Гиббонъ, или даже хотя такіе историки, какъ Гизо, Тьеръ, Маколей, къ тѣмъ событіямъ и людямъ, о которыхъ писали, онъ увидѣлъ бы, что ни одинъ, сколько нибудь сносный историкъ, не писалъ иначе, какъ для того, чтобы проводить въ своей исторіи свои политическія и общественныя убѣжденія.

Но, принявъ на вѣру чужія слова, лишенные положительнаго смысла, г. Чичеринъ вздумалъ, будто бы Токвиль пишетъ дурно только потому, что проводить въ своей книгѣ политическія убѣжденія извѣстной партіи, а не потому, что его убѣжденія во многомъ реакціонны, во многомъ вздорны. Мы сочувствуемъ Токвилю гораздо меньше, нежели г. Чичерину, но должны сказать, что и въ его нападеніяхъ на Токвиля такъ же мало яснаго понятія о вещахъ, какъ въ

книгъ Токвиля, и притомъ главныя наваденія обращены именно не ту сторону, которая одна только и хороша у Токвиля. Среди множества разнаго вздора, въ книгъ Токвиля проводится одна вѣрная мысль, что абсолютизмъ надѣлалъ Франціи несравненно больше вреда, нежели пользы. Но абсолютизмъ учредилъ бюрократію, а по мнѣнію г. Чичерина бюрократія—вещь очень хорошая, и вотъ онъ считаетъ своею обязанностью вступить за французскій абсолютизмъ противъ Токвиля. Онъ надѣется защитить дѣло французскихъ королей, взявъ образцовымъ временемъ ихъ принципа періодъ раньше того, къ которому относится характеристика Токвиля. Въ XVIII вѣкѣ, говоритъ онъ, абсолютный принципъ уже испортился; чтобы оцѣнить его, надобно посмотреть, каковъ онъ былъ прежде. Но сколько мы ни смотримъ, никакъ не можемъ замѣтить, чтобы когда нибудь защищаемый г. Чичеринымъ принципъ не былъ точно таковъ же, какъ въ XVIII вѣкѣ. Нравственныя и политическія принципы Екаторины Медичи очень хорошо извѣстны; человекъ безъ сильнаго воображенія никакъ не предположить, чтобы она могла сдѣлать сама или допустила другихъ дѣлать что нибудь дѣйствительно полезное для государства. Съ того времени до XVIII вѣка господствовала та же самая политика. Ришельё и Мазарини навѣрное не много принесли пользы націи, хотя быть можетъ, что они умѣли хорошо вести дипломатическія интриги и выбирать хорошихъ генераловъ. Но быть можетъ и въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ принципъ, защищаемый г. Чичеринымъ, былъ уже «испорченъ.» Если такъ, очень жаль, потому что и Карлъ VIII и Людовикъ XII ничѣмъ не отличались въ своихъ тенденціяхъ отъ Генриха II или Людовика XIV. Но г. Чичеринъ смотритъ на дѣло, вѣроятно, съ иной точки зрѣнія. Главнымъ благодѣяніемъ для французской націи онъ считаетъ то, что она получила политическое единство. О, если завоевывать области и по возможности уредивать свои владѣнія, значитъ быть благодѣтелемъ, то почему же не предполагать, что Аттила и Батый были представителями благодѣтельнаго принципа: они хотѣли доставить всему европейскому человечеству то благо, которымъ обязаны были французы Фидиппу Прекрасному, Людовику XI и другимъ собирателямъ земли французской. Результатъ завоевательной политики, правда, оказался недуренъ въ томъ отношеніи, что французская нація соединилась въ одно государство. Но людей, занимавшихся этимъ дѣломъ, не стоитъ называть благодѣтелями націи, потому что они имѣли въ виду вовсе не пользу націи, а только удовлетвореніе собственному эгоизму, и одинаково вели всевозможныя войны, не разбирая

Т. LXXV. Отд. III.

4

того, полезны ли эти войны для національнаго единства, или нѣтъ. Походы на Бургундію, на Бретань происходили изъ того же самаго принципа, какъ и походы Карла VIII въ Италію или Людовика XIV въ Германію; разницы была не въ мысли, а только въ томъ, что одни походы кончались удачно, другіе — нѣтъ. Нѣмецкій Эльзасъ былъ покоренъ на томъ же самомъ основаніи какъ и французская Нормандія. Если завоеваніе Страсбурга не было внушено высокою идеею народнаго блага, то не было внушено ею и завоеваніе Дижона.

Но все-таки надобно же благодарить когонибудь за то, что Франція собралась въ одно цѣлое изъ раздробленныхъ герцогствъ, графствъ и виконтствъ. Чтобы узнать, кого должно благодарить за это, надобно только сдѣлать себѣ вопросъ, почему Шампань осталась во владѣніи французскихъ королей, а Италія, нѣсколько разъ завоеванная французами, все-таки постоянно отрывалась отъ французскаго государства. Отвѣтъ ясенъ: Шампань была населена французами, которые стремились составить одно цѣлое съ остальными французами, а въ Италіи жили итальянцы, которымъ не было охоты присоединяться къ французамъ. Теперь, кажется, не трудно сообразить, какой силѣ обязаны французы тѣмъ обстоятельствомъ, что соединились въ одно государство. Надобно предполагать, что они были обязаны этимъ своему собственному стремленію соединиться въ одно государство. Потому надобно думать, что если французы должны кого благодарить за могущество, пріобрѣтенное Франціею, то должны благодарить за это только самихъ себя, и больше никого. Тотъ или другой эгоистъ, тотъ или другой честолюбецъ могъ находить выгоднымъ для себя стремленіе къ національному единству, врожденное французамъ, но не онъ создалъ его, онъ только пользовался имъ и пользовался почти всегда вреднымъ для самихъ французовъ образомъ. За что же французамъ благодарить его, называть представителемъ какихъ-то высокихъ идей, когда все, что было въ результатъ хорошаго, произошло благодаря только ихъ собственному національному чувству? Если мы станемъ благодарить французскихъ Валуа за то, что при нихъ произошло воссоединеніе французскихъ провинцій, всегда стремившихся къ единству, то не должны ли мы благодарить Елизавету англійскую за то, что при ней Шекспиръ написалъ Гамлета? Намъ кажется, что за Гамлета слѣдуетъ благодарить Шекспира, за французское единство французы должны благодарить самихъ себя.

Такимъ образомъ надобно смотрѣть на степень заслуги абсолютнаго принципа въ дѣлѣ соединенія французской земли. Этотъ принципъ только эгоистически пользовался силою, существовавшей не—

зависимо отъ него; и если оцѣнивать достоинство этого принципа, надобно смотрѣть не на то, что приобрѣталъ онъ, потому что приобретения дѣлались не его заслугами, а національнымъ чувствомъ,—нѣтъ, надобно смотрѣть только на то, что онъ дѣлалъ съ приобретёнными провинціями. Тутъ отвѣтъ опять коротокъ: искони вѣковъ, съ самого Гуго-Капета до Людовика XIV, главною заботою представителей абсолютнаго принципа было полученіе возможно большаго количества доходовъ, какими бы то ни было средствами, начиная съ постояннаго разоренія всей націи законными и незаконными поборами до нарушенія контрактовъ, продажи должностей и дѣланія фальшивой монеты. Начиная съ X и кончая XVII или XVIII вѣкомъ принципъ, защищаемый г. Чичеринымъ, бралъ съ французской націи все, что только могъ взять, и почти постоянно только этимъ да веденіемъ войнъ ограничивалась вся государственная дѣятельность этого принципа. Само собою разумѣется, что безъ исключеній ничего на свѣтъ не бываетъ. Въ теченіе 800 лѣтъ Франція имѣла двухъ государей, дѣйствительно думавшихъ о благѣ народа: Людовика Святаго и Генриха IX, и нѣсколькихъ геніальныхъ министровъ. Но даже Генрихъ IV былъ занятъ своею Габріэлю и военными планами гораздо больше, нежели народными нуждами, а Людовикъ IX не имѣлъ успѣха ни въ одномъ изъ своихъ предпріятій, конечно потому, что его характеръ и его нравственныя правила совершенно не соотвѣтствовали качествамъ, какихъ требуетъ положеніе, доставшееся ему на долю. Что же касается до великихъ французскихъ министровъ, то мы знаемъ, что Сюлли былъ отосланъ въ деревню за неуживчивость характера, а Кольберъ долженъ былъ всѣ свои усилія направлять къ тому, чтобы доставлять Людовику XIV какъ можно болѣе денегъ на веденіе войнъ. И такъ остаются только Ришельё и Мазарини. Они дѣйствительно управляли государствомъ, какъ хотѣли; но при извѣстныхъ качествахъ этихъ людей кто отважится сказать, чтобы когда нибудь приходила тому или другому изъ нихъ въ голову мысль о пользѣ націи?

Мы не надѣемся, чтобы г. Чичеринъ удостоилъ прочтеніемъ нашу статью; мы даже не думаемъ, чтобы это было нужно, потому, какъ непогрѣшительный мудрецъ, онъ, конечно, не могъ бы извлечь никакой пользы изъ нашихъ замѣчаній; но если бы онъ прочелъ эту статью, онъ сказалъ бы, что мы смотримъ на исторію французскаго абсолютизма и предшествовавшаго ему феодальнаго королевства очень пристрастнымъ образомъ, забываемъ все хорошее и выставляемъ на видъ только дурное. Мы точно также говоримъ о его взглядѣ, что онъ преувеличиваетъ все хорошее, приписываетъ

своему любимому принципу многое такое, чѣмъ Франція вовсе не ему обязана. Г. Чичеринъ скажетъ, что мы пристрастны, а онъ безпристрастенъ; мы, наоборотъ, говоримъ, что мы безпристрастны, а онъ пристрастенъ. Какъ разобратъ — кто изъ насъ правъ, кто нѣтъ? Каждый читатель рѣшитъ это сообразно своему образу мыслей. Кому нашъ образъ мыслей кажется справедливымъ, тотъ скажетъ, что и взглядъ нашъ на французскую исторію безпристрастенъ. Кто, напротивъ, раздѣляетъ убѣжденія г. Чичерина, тотъ назоветъ наши понятія о французской исторіи чрезвычайно пристрастными. Но мы и не претендуемъ казаться безпристрастными въ глазахъ каждаго. Г. Чичеринъ претендуетъ, но можетъ быть увѣренъ, что изъ 10 человѣкъ едва ли хотя одинъ признаетъ за нимъ то безпристрастіе, о которомъ онъ такъ хлопочетъ. Какую же выгоду передъ нами, прямо говорящими, что любимъ однихъ, не любимъ другихъ историческихъ дѣятелей, доставила ему его забота казаться равнодушнымъ ко всѣмъ и ко всему? Этою фальшивою претензіею можетъ каждый изъ насъ обольщать самъ себя, но другіе все-таки не будутъ обмануты его самообольщеніемъ. И напримѣръ о г. Чичеринѣ каждый говоритъ, что любовь къ бюрократіи и централизаціи заставляетъ его страннымъ образомъ преувеличивать все хорошее и уменьшать все дурное въ исторіи французскаго абсолютизма.

Четвертая и послѣдняя статья въ книгѣ г. Чичерина, «О французскихъ крестьянахъ», была гораздо менѣе замѣчена публикою, нежели три первыя статьи. Это даетъ намъ возможность не говорить о ней подробно. Замѣтимъ только одно мѣсто, интересное для опредѣленія нынѣшняго направленія симпатій г. Чичерина. Изъ трехъ книгъ, выставленныхъ въ заглавіи этой статьи, г. Чичеринъ обращаетъ вниманіе особенно на двѣ, Дареста и Бонмера. Онъ характеризуетъ ту и другую. Дарестъ самъ объясняетъ свое направленіе слѣдующими довольно странными словами: «Тамъ, гдѣ поверхностныя исторіи видѣли между рабочими классами и высшими сословіями противоборство, существовала, напротивъ, тѣсная связь, скажу болѣе, полное почти общеніе чувствъ и интересовъ.» Изъ этого видно, что книга Дареста написана съ цѣлью доказать, что мятежи французскихъ крестьянъ противъ дворянъ и страшная ненависть поселянъ къ феодальнымъ господамъ была явленіемъ мимолетнымъ, неосновательнымъ, и, собственно говоря, жалобы крестьянъ были неосновательны. Самъ г. Чичеринъ прибавляетъ: «Авторъ представляетъ многія средневѣковыя учрежденія съ слишкомъ выгодной стороны. Онъ нерѣдко старается объяснить общественною пользою такія права, которыя были явнымъ послѣдствіемъ права сильного.»

Бонмеръ, напротивъ того, живо раскрываетъ всю тяжесть положенія поселянъ и постоянно сочувствуетъ имъ, не оказывая потворства средневѣковымъ гнусностямъ. Г. Чичеринъ сочувствуетъ даже французскому абсолютизму, который кажется ему союзникомъ демократіи, и не любитъ самоуправленія за то, что въ Англіи имѣетъ оно аристократическій характеръ. Послѣ этого можно было бы ожидать, что къ Бонмеру у него будетъ больше сочувствія, нежели къ Даресту, защитнику феодализма. Но нѣтъ: Дареста онъ не лишаетъ своей милости, но Бонмера казнить онъ нещадно.

«Г. Дарестъ и г. Бонмеръ могутъ служить представителями двухъ противоположныхъ направленій науки: одинъ слишкомъ старается оправдать все прошедшее, другой слишкомъ старается его унижить. Нельзя не сказать, однако, что первый показалъ несравненно болѣе историческаго и критическаго такта, нежели послѣдній. И не мудрено: несмотря на нѣкоторую односторонность, онъ стоитъ на истинной дорогѣ и смотритъ на исторію не съ точки зрѣнія современной страсти, а какъ ученый наблюдатель, который изучаетъ лежащія передъ нимъ явленія. Книга его можетъ служить лучшимъ руководствомъ для изученія исторіи французскихъ крестьянъ» (стр. 281).

«...Сочиненіе Бонмера написано съ крайне-односторонней точки зрѣнія. Г. Бонмеръ, повидимому, принадлежитъ къ тому разряду французскихъ демократовъ-соціалистовъ, которые, подводя всѣ эпохи подъ исключительную мѣрку настоящихъ своихъ требованій, видятъ въ исторіи не постепенное развитіе народа, а постоянную несправедливость, отъ которой слѣдуетъ отдѣлаться. Это—направленіе вполне отрицательное. Автору нельзя отказать въ начитанности, но приобретенный матеріалъ употребленъ имъ безъ всякой критики и съ явнымъ пристрастіемъ. Книгу его можно назвать не столько исторіею крестьянъ, сколько повѣствованіемъ объ испытанныхъ ими притѣсненіяхъ. Къ несчастію, даже и эта одна сторона далеко не удовлетворяетъ читателей. Весь рассказъ преисполненъ декламаціею, риторическими выходками и преувеличеніемъ, которыя невольно заставляютъ заподозрѣвать самую фактическую вѣрность изображеній, и т. д.» (Стр. 280).

Изъ этого мы можемъ видѣть, что несмотря на всѣ свои разсужденія о прогрессѣ, несмотря на всю нелюбовь къ англійскимъ аристократическимъ учрежденіямъ, г. Чичеринъ не колеблется отдавать преимущество приверженцамъ старины надъ людьми, которые кажутся ему слишкомъ живо сознающими вредную сторону старинныхъ учреждений. Дарестъ оставляетъ безъ вниманія жизненную сторону учреждений и вноситъ въ средневѣковыя учрежденія понятія новаго времени съ цѣлью показать законность беззаконія, пользу

насилія; изъ этого, повидимому, надобно было бы г. Чичерину заключить, что онъ лишенъ всякой способности быть историкомъ; но нѣтъ, «онъ стоитъ на истинной дорогѣ и книга его можетъ служить лучшимъ руководствомъ, показывая въ немъ историческій и критическій тактъ.» Изъ этого заключенія г. Чичеринъ самъ на себѣ можетъ видѣть, что такое скрывается подъ фразою объ историческомъ безпристрастіи, которою онъ обольстился: подъ нею просто скрывается требованіе, чтобы историкъ старался оправдывать беззаконіе и выставлать хорошія качества феодальныхъ и тому подобныхъ учрежденій.

Мы кончили разборъ, и намъ остается объяснить странныя качества, найденныя нами въ книгѣ г. Чичерина. Мы сначала будемъ говорить вообще.

Демократія, готовая скорѣе согласиться на оправданіе феодализма, нежели на его порицаніе, либерализмъ, состоящій въ пристрастіи къ бюрократіи, публицистика, равнодушная къ вопросамъ ея излагаемымъ, ученость, не знающая характера событій и людей, извѣстныхъ каждому, — какимъ образомъ объяснить эти сочетанія каждаго качества съ признаками рѣшительно неумѣстными въ немъ, эту холодность жара, обскурантизмъ просвѣщенія, реактивность прогресса, безсмысліе мысли? Мы приведемъ сначала общія причины, не относящіяся къ лицу. Мы видѣли, почему французская демократія является съ формами бюрократіи: она еще слишкомъ слаба, чтобы отвергнуть вѣвшуюся въ нее старину, противную ея собственной натурѣ. Она похожа на одного изъ недавно уволенныхъ нашихъ кантонистовъ, которые все еще по старой привычкѣ дѣлаютъ подъ козырекъ проходящему офицеру, хотя человекъ, уволенный изъ военной службы не долженъ уже дѣлать подъ козырекъ. Всѣ мы воспитаны обществомъ, въ которомъ владычествуетъ обскурантизмъ и застой; потому, какими понятіями не пропитываемся мы потомъ изъ книгъ, все-таки большая часть изъ насъ сохраняютъ привычное расположеніе къ обскурантизму и застою. Мы похожи на ту ворону, обращенную въ соловья, которая часто, по разсѣянности, каркала по вороньему. Если бы мы всѣ были таковы, нельзя было бы ожидать обществу ничего хорошаго при нашемъ поколѣніи.

Но есть и въ западной Европѣ люди, у которыхъ подъ либерализмомъ скрывается обскурантизмъ; ихъ образъ мыслей негнѣпъ и дуренъ, но онъ имѣетъ нѣкоторую связность, въ немъ нѣтъ рѣжущихъ глаза логическихъ несообразностей. Монталамберъ, напригѣръ, не

станетъ хвалить Робеспьера, не будетъ восхищаться Кромвелемъ. Зачѣмъ же у нашихъ просвѣщенныхъ обскурантовъ такая путаница въ понятіяхъ? Почему русскій человѣкъ способенъ на одной и той же страницѣ восхищаться Жанною Д'Аркъ и хвалить руанскій трибуналъ, который сжегъ ее за сношенія съ бѣсами? Это происходитъ отъ двухъ причинъ. Наши либеральные обскуранты набираются, напримѣръ, своихъ понятій изъ отсталыхъ французскихъ книжекъ; въ этихъ книжкахъ все такъ хорошо, гладко, связно; но онѣ набиты узкими національными предубѣжденіями, нелѣпость которыхъ слишкомъ замѣтна каждому иностранцу. Русскій ученикъ по необходимости отбрасываетъ этотъ вздоръ въ родѣ того, что Наполеонъ въ 1812 году не былъ побѣжденъ, что бюллетени его не содержали безстыдной лжи, что французы—единственная великая нація въ свѣтѣ, и въ этомъ качествѣ никогда не грабили Германію и Италію, а должны, для счастья самихъ нѣмцевъ, владѣть всѣмъ лѣвымъ берегомъ Рейна, и т. д. Отъ этихъ выпусковъ оказываются въ системѣ большіе пробѣлы, и русскій ученикъ наполняетъ ихъ, какъ умѣетъ, лоскутами фактовъ и понятій, набранными откуда Богъ дастъ. Но мало того, что онъ самъ надѣлалъ пробѣловъ необходимыми выпусками: и въ полномъ своемъ иностранномъ видѣ отсталая теорія не касалась многихъ вопросовъ, спеціально важныхъ для русской жизни и неизбежно представляющихся мысли русскаго ученика. Онъ также старается приискать для нихъ отвѣты, ввести ихъ въ чужую систему. По этимъ двумъ причинамъ жилетъ изъ французскаго атласа покрываетъ нашивками изъ англійскаго каленкора, сѣро-нѣмецкаго сукна и русской выбойки. Всѣ эти заплатки не производили бы арлекинскаго вида, если бы цвѣтомъ своимъ подходили къ основной ткани. Но главная нелѣпость состоитъ именно въ томъ, что цвѣтъ заплатъ совсѣмъ не тотъ, какой нуженъ для гармоніи. Первоначальная теорія была составлена, какъ мы сказали, людьми застоя или реакціи съ цѣлью охраненія и защиты старины. Намъ русскимъ нечего жалѣть въ нашей старинѣ и нѣтъ охоты защищать ее. Потому приставки наши имѣютъ обыкновенно совершенно не ту тенденцію, какъ первоначальная теорія. До сихъ поръ мы говорили вообще, теперь сошлемся въ частности на дѣятельность самого г. Чичерина въ подтвержденіе послѣднему обстоятельству. Мы видѣли, какого оттѣнка иностранные писатели, изученіемъ которыхъ онъ занятъ, изъ которыхъ онъ почерпаетъ основныя понятія свои о европейской жизни, съ которыми онъ, если и спорить, то не какъ съ противниками своими по принципу, а какъ съ людьми, имѣющими только частныя недостатки. Эти люди: Токвиль, Леонъ Фоссе, Ла-

вернь, Гизо, Маколей и т. п. господа, то есть все это люди такъ называемаго умѣреннаго и спокойнаго прогресса, иначе сказать, люди, которымъ застои гораздо милѣе всякаго смѣлаго историческаго движенія. Онѣ спорить съ ними, но и въ спорахъ видно, что онѣ чрезвычайно уважаютъ ихъ, и вообще, какъ мы сказали, ихъ книги, ихъ теоріи служатъ ему главнымъ резервуаромъ мудрости. Но есть отрасль знаній, о которой они, къ несчастію, не писали и которою занимается г. Чичеринъ. Эта отрасль — русская исторія. И г. Чичеринъ написалъ превосходную книгу о русской администраціи въ Московскій періодъ. Прочтите эту книгу, и вы почувствуете необходимость протерѣть глаза и снова заглянуть на обертку, чтобы удостовериться, дѣйствительно ли эта книга написана тѣмъ же г. Чичеринымъ, который написалъ «Очерки Англіи и Франціи». Тотъ ли это человекъ, который предпочитаетъ Дареста Бонмеру? Въѣдь объ его «Областныхъ учрежденіяхъ» всѣ умѣренные западно-европейцы буквально сказали бы то самое, что сказалъ онъ о книгѣ Бонмера:

«Направленіе г. Чичерина вполне отрицательное. Автору нельзя отказать въ начитанности, но приобретенный матеріалъ употребленъ имъ безъ всякой критики и съ явнымъ пристрастіемъ. Книгу его можно назвать не столько исторіею русской администраціи, сколько повѣствованіемъ о притѣсненіяхъ, ею оказывавшихся. Къ несчастію, даже и эта одна сторона далеко не удовлетворяетъ читателя. Весь рассказъ преисполненъ преувеличеніемъ, которое невольно заставляетъ заподозрѣвать самую фактическую вѣрность изображеній. Авторъ тщательно выбираетъ изъ источниковъ всякую частность, которая можетъ сгустить краски на его картинѣ, и тѣмъ мрачнѣе событіе, хотя бы оно случилось въ какомъ нибудь углу государства, тѣмъ ярче оно выставляется на видъ, какъ характеристическая черта цѣлой эпохи.»

Эти слова списаны нами съ 280—281 стр. книги г. Чичерина; читатель можетъ сравнить ихъ съ отрывкомъ, который представили мы выше изъ его сужденій о Дарестѣ и Бонмерѣ. Нужно было только переименовать фамилію и выпустить два-три слова, относящіеся къ характеристикѣ слога, — и то самое, что должно служить осужденіемъ Бонмеру, буквально примѣнилось къ самому г. Чичерину, которому впрочемъ мы вовсе не ставимъ въ упрекъ всѣхъ тѣхъ качествъ, какими можетъ возбуждаться подобный отзывъ о его книгѣ со стороны умѣренныхъ прогрессистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ легко г. Чичерину опровергнуть ихъ упрекъ! Онъ можетъ сказать, и дѣйствительно говорилъ: вы заподозрѣваете фактическую вѣрность моихъ изображеній. Проверьте цитаты, и вы найдете, что

я пользовался источниками совершенно добросовѣстно. Вы говорите, что я выбралъ однѣ мрачныя черты,—пересмотрите источники, я предлагаю вамъ найти какія нибудь другія черты, кромѣ найденныхъ мною. Вы говорите, что я преувеличиваю. Я прошу васъ показать хотя одно мѣсто, въ которомъ я сказалъ бы что нибудь, кромѣ того, о чемъ единогласно свидѣлствуютъ всѣ источники. Г. Чичеринъ говорилъ это, и оказалось, что онъ совершенно правъ, оказалось, что не онъ, а самые источники, самая жизнь нашихъ предковъ виновата въ томъ, если все содержаніе его изслѣдованія сводится къ однообразному результату: что дѣлала администрація въ XIII вѣкѣ? — Грабила. Что дѣлала она въ XV вѣкѣ? — Грабила. Что дѣлала она въ XVII вѣкѣ? — Грабила. Что жъ было дѣлать г. Чичерину, если такъ говорили источники? Онъ былъ честенъ, добросовѣстенъ, и если у него не вышла идиллія, не онъ виноватъ.

И вотъ эта примѣсь собственной честной мысли, собственного добросовѣстнаго взгляда къ цѣлой массѣ понятій, на вѣру принятыхъ изъ теоріи застоя, реакціи, изъ теоріи, отвергающей всѣ тѣ живыя силы, безъ которыхъ невозможенъ прогрессъ, изъ теоріи людей, думающихъ взойти на гору безъ труда, сидящихъ въ болотѣ, чтобы не подвергнуться одышкѣ отъ усилій выйти изъ болота, — вотъ эта смѣсь собственной честности и собственного благородства съ чужою пошлостью производить тотъ безсвязный хаосъ не клеющихся одно съ другимъ понятій, который отпечатлѣлся на каждой страницѣ «Очерковъ Англіи и Франціи». Это сочетаніе противостоитъ, разнородные элементы хаоса лѣзутъ прочь одинъ отъ другаго. Нельзя долго служить Еговѣ и Ваалу вмѣстѣ. Надобно отказаться отъ Егovy или сжечь Ваала. Мы смѣло предсказываемъ, что г. Чичеринъ скоро выйдетъ изъ той путаницы понятій, въ которой находится теперь.

Но въ какую сторону онъ выйдетъ изъ нея? Онъ человѣкъ честный, — это мы видимъ, и потому слѣдовало бы ему, когда онъ двинется съ распутія, на которомъ стоитъ теперь, пойти по той дорогѣ, по которой идутъ честные люди, если природа не обдѣлила ихъ умомъ, какъ не обдѣлила г. Чичерина. Быть защитникомъ притѣсняемыхъ, или защитникомъ притѣсненій, — выборъ тутъ не труденъ для честнаго человѣка.

Но мы начали съ того, что г. Чичеринъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ мудрецомъ. Ему трудно будетъ сознаться, — ни передъ нами, ни передъ публикою, — для людей съ благородной гордостью не трудно сознаваться въ своихъ ошибкахъ передъ другими,—нѣтъ, передъ самимъ собою ему трудно будетъ сознаться, что онъ былъ

введенъ въ заблужденіе обманчивымъ благозвучіемъ ложныхъ словъ; что именемъ безпристрастія прикрывалась вражда противъ новаго для сохраненія старинныхъ бѣдствій, именемъ справедливости прикрывалось эгоистическое равнодушіе къ чужимъ страданіямъ. Успѣетъ ли онъ одержать эту побѣду надъ самолюбіемъ, успѣетъ ли онъ стать тѣмъ, чѣмъ долженъ бы стать по своей честной натурѣ, — этого мы не знаемъ. А если г. Чичеринъ не успѣетъ одержать побѣды надъ чуждыми его благородству понятіями, онъ не замедлитъ сдѣлаться мертвымъ схоластикомъ, и будетъ философскими построеніями доказывать историческую необходимость каждаго предписанія земской полиціи, сообразно теоріи безпристрастія. Потомъ историческая необходимость можетъ обратиться у него и въ разумность.

И. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

ЧТО ТАКОЕ ОБЛОМОВЩИНА?

(Обломовъ, романъ И. А. Гончарова. «Отеч. Записки» 1859 г. № I—IV).

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души умѣлъ бы сказать намъ это всемогущее слово «впередъ»? Вѣки проходятъ за вѣками, полмиллона сидней, узальней и болвановъ дремлетъ непробудно, и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющий произнести его, это всемогущее слово...

Гоголь.

Десять лѣтъ ждала наша публика романа г. Гончарова. Задолго до его появленія въ печати, о немъ говорили, какъ о произведеніи необыкновенномъ. Къ чтенію его приступили съ самыми обширными ожиданіями. Между тѣмъ первая часть романа, написанная еще въ 1849 г. и чуждая текущихъ интересовъ настоящей минуты, многимъ показалась скучною. Въ это же время появилось «Дворянское Гнѣздо», и всѣ были увлечены поэтическимъ, въ высшей степени симпатичнымъ талантомъ его автора. «Обломовъ» остался для многихъ въ сторонѣ; многіе даже чувствовали утомленіе отъ необычайнотонкаго и глубокаго психическаго анализа, проникающаго весь романъ г. Гончарова. Та публика, которая любитъ внѣшнюю занимательность дѣйствія, нашла утомительною первую часть романа потому, что до самаго конца ея герой все продолжаетъ лежать на томъ же диванѣ, на которомъ застаегъ его начало первой главы. Тѣ читате-

ли, которымъ нравится обличительное направленіе, недовольны были тѣмъ, что въ романѣ оставалась совершенно нетронутою наша официально-общественная жизнь. Короче — первая часть романа произвела неблагоприятное впечатлѣніе на многихъ читателей.

Кажется, не мало было задатковъ на то, чтобы и весь романъ не имѣлъ успѣха, по крайней мѣрѣ въ нашей публикѣ, которая такъ привыкла считать всю поэтическую литературу забавой и судить художественныя произведенія по первому впечатлѣнію. Но на этотъ разъ художественная правда скоро взяла свое. Послѣдующія части романа сгладили первое непріятное впечатлѣніе у всѣхъ, у кого оно было, и талантъ Гончарова покорилъ своему неотразимому вліянію даже людей, всего менѣе ему сочувствовавшихъ. Тайна такого успѣха заключается, намъ кажется, сколько непосредственно въ силѣ художественнаго таланта автора, столько же и въ необыкновенномъ богатствѣ содержанія романа.

Можетъ показаться страннымъ, что мы находимъ особенное богатство содержанія въ романѣ, въ которомъ, по самому характеру героя, почти вовсе нѣтъ дѣйствія. Но мы надѣемся объяснить свою мысль въ продолженіи статьи, главная цѣль которой и состоитъ въ томъ, чтобы высказать нѣсколько замѣчаній и выводовъ, на которые, по нашему мнѣнію, необходимо наводить содержаніе романа Гончарова.

«Обломовъ» вызоветъ, безъ сомнѣнія, множество критикъ. Вѣроятно, будутъ между ними и корректурныя, которыя отыщутъ какія нибудь погрѣшности въ языкѣ и слогѣ, и патетическія, въ которыхъ будетъ много восклицаній о прелести сценъ и характеровъ, и эстетично-аптекарскія, съ строгою повѣркою того, вездѣ ли точно, по эстетическому рецепту, отпущено дѣйствующимъ лицамъ надлежащее количество такихъ-то и такихъ-то свойствъ и всегда ли эти лица употребляютъ ихъ такъ, какъ сказано въ рецептѣ. Мы не чувствуемъ ни малѣйшей охоты пускаться въ подобныя тонкости, да и читателямъ, вѣроятно, не будетъ особеннаго горя, если мы не станемъ убиваться надъ соображеніями о томъ, вполнѣ ли соответствуетъ такая-то фраза характеру героя и его положенію, или въ ней надобно было нѣсколько словъ переставить, и т. п. Поэтому намъ кажется нисколько не предосудительнымъ заняться болѣе общими соображеніями о содержаніи и значеніи романа Гончарова, хотя, конечно, истые критики и упрекнутъ насъ опять, что статья наша написана не объ Обломовѣ, а только по поводу Обломова.

Намъ кажется, что въ отношеніи къ Гончарову болѣе, чѣмъ въ отношеніи ко всякому другому автору, критика обязана изложить

общіе результаты, выводимыя изъ его произведенія. Есть авторы, которые сами на себя берутъ этотъ трудъ, объясняясь съ читателемъ относительно цѣли и смысла своихъ произведеній. Иные и не высказываютъ категорически своихъ намѣреній, но такъ ведутъ весь рассказъ, что онъ оказывается яснымъ и правильнымъ олицетвореніемъ ихъ мыслей. У такихъ авторовъ каждая страница бьетъ на то, чтобы вразумить читателя, и много нужно недогадливости, чтобы не понять ихъ.... За то плодомъ чтенія ихъ бываетъ болѣе или менѣе полное (смотря по степени таланта автора) *collasie* съ идеею, положенною въ основаніе произведенія. Остальное все улетучивается черезъ два часа по прочтеніи книги. У Гончарова совсѣмъ не то. Онъ вамъ не даетъ, и повидимому не хочетъ дать, никакихъ выводовъ. Жизнь, имъ изображаемая, служить для него не средствомъ къ отвлеченной философіи, а прямою цѣлью сама по себѣ. Ему нѣтъ дѣла до читателя и до выводовъ, какіе вы сдѣлаете изъ романа: это ужъ ваше дѣло. Ошибетесь — пеняйте на свою близорукость, а никакъ не на автора. Онъ представляетъ вамъ живое изображеніе и ручается только за его сходство съ дѣйствительностью; а тамъ ужъ ваше дѣло опредѣлить степень достоинства изображенныхъ предметовъ: онъ къ этому совершенно равнодушенъ. У него нѣтъ и той горячности чувства, которая инымъ талантамъ придаетъ наибольшую силу и прелесть. Тургеневъ, напримѣръ, рассказываетъ о своихъ герояхъ, какъ о людяхъ близкихъ ему, выхватываетъ изъ груди ихъ горячее чувство и съ нѣжнымъ участіемъ, съ болѣзненнымъ трепетомъ слѣдитъ за нимъ, самъ страдаетъ и радуется вмѣстѣ съ лицами, имъ созданными, самъ увлекается той поэтической обстановкой, которой любитъ всегда окружать ихъ.... И его увлеченіе заразительно: оно неотразимо овладѣваетъ симпатіей читателя, съ первой страницы приковываетъ къ разсказу мысль его и чувство, заставляетъ и его переживать, перечувствовать тѣ моменты, въ которыхъ являются передъ нимъ тургеневскія лица. И пройдетъ много времени, — читатель можетъ забыть ходъ разсказа, потерять связь между подробностями происшествій, упустить изъ виду характеристику отдѣльныхъ лицъ и положеній, можетъ наконецъ позабыть все прочитанное; но ему все-таки будетъ памятно и дорого то живое, отрадное впечатлѣніе, которое онъ испытывалъ при чтеніи разсказа. У Гончарова нѣтъ ничего подобнаго. Талантъ его неподатливъ на впечатлѣнія. Онъ не запоетъ лирической пѣсни при взглядѣ на розу и соловья; онъ будетъ пораженъ ими, остановится, будетъ долго всматриваться и вслушиваться, задумается.... Какой процессъ въ это время произойдетъ въ душѣ его, этого намъ не понять хорошенько.... Но вотъ онъ начинаетъ чертить что-то.... Вѣ

холодно всматриваетесь въ неясныя еще черты.... Вотъ онѣ дѣлаются яснѣе, яснѣе, прекраснѣе.... и вдругъ, неизвѣстно—какимъ чудомъ, изъ этихъ чертъ возстаютъ передъ вами и роза, и соловей, со всей своей прелестью и обаяньемъ. Вамъ рисуется не только ихъ образъ, вамъ чутся ароматы розы, слышатся соловьиные звуки.... Пойте лирическую пѣсню, если роза и соловей могутъ возбуждать ваши чувства; художникъ начертилъ ихъ и, довольный своимъ дѣломъ, отходитъ въ сторону; болѣе онъ ничего не прибавитъ.... «И напрасно было бы прибавлять, думаетъ онъ: если самъ образъ не говоритъ вашей душѣ, то что могутъ вамъ сказать слова?...»

Въ этомъ умѣннѣи охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его—заключается сильнѣйшая сторона таланта Гончарова. И ею онъ особенно отличается среди современныхъ русскихъ писателей. Изъ нея легко объясняются всѣ остальные свойства его таланта. У него есть изумительная способность—во всякій данный моментъ останавливать летучее явленіе жизни, во всей его полнотѣ и свѣжести, и держать его передъ собою до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается полной принадлежностью художника. На всѣхъ насъ падаетъ свѣтлый лучъ жизни, но онъ у насъ тотчасъ же и исчезаетъ, едва коснувшись нашего сознанія. И за нимъ идутъ другіе лучи, отъ другихъ предметовъ, и опять столь же быстро исчезаютъ, почти не оставляя слѣда. Такъ проходитъ вся жизнь, скользя по поверхности нашего сознанія. Не то у художника: онъ умѣетъ уловить въ каждомъ предметѣ что нибудь близкое и родственное своей душѣ, умѣетъ остановиться на томъ моментѣ, который чѣмъ нибудь особенно поразилъ его. Смотря по свойству поэтического таланта и по степени его выработанности, сфера, доступная художнику, можетъ суживаться или расширяться, впечатлѣнія могутъ быть живѣе или глубже, выраженіе ихъ — страстнѣе или спокойнѣе. Нерѣдко сочувствіе поэта привлекается какимъ нибудь однимъ качествомъ предметовъ, и это качество онъ старается вызывать и отыскивать всюду, въ возможно-полномъ и живомъ его выраженіи составляетъ свою главную задачу, на него по преимуществу тратитъ свою художническую силу. Такъ являются художники, сливающие внутренній міръ души своей съ міромъ внѣшнихъ явленій и выдающие всю жизнь и природу подъ призою господствующаго въ нихъ самихъ настроенія. Такъ у однихъ все подчиняется чувству пластической красоты, у другихъ по преимуществу рисуются нѣжныя и симпатичныя черты, у иныхъ во всякомъ образѣ, во всякомъ описаніи отражаются гуманныя и социальныя стремленія, и т. д. Ни одна изъ такихъ сторонъ не выдается особенно у Гончарова. У него есть другое свойство: спокойствіе и полнота поэтического міросозерца-

ніа. Онъ ничѣмъ не увлекается исключительно, или увлекается всѣмъ одинаково. Онъ не поражается одной стороною предмета, однимъ моментомъ событія, а вертитъ предметъ со всѣхъ сторонъ, выжидаетъ совершенія всѣхъ моментовъ явленія, и тогда уже приступаетъ къ ихъ художественной переработкѣ. Слѣдствіемъ этого является, конечно, въ художникѣ болѣе спокойное и безпристрастное отношеніе къ изображаемымъ предметамъ, большая отчетливость въ очертаніи даже мелочныхъ подробностей, и ровная доля вниманія ко всѣмъ частностямъ разсказа.

Вотъ отчего нѣкоторымъ кажется романъ Гончарова растянутымъ. Онъ, если хотите, дѣйствительно растянутъ. Въ первой части Обломовъ лежитъ на диванѣ; во второй ѣздитъ къ Ильинскимъ и влюбляется въ Ольгу, а она въ него; въ третьей она видитъ, что ошибалась въ Обломовѣ, и они расходятся; въ четвертой она выходитъ замужъ за друга его Штольца, а онъ женится на хозяйкѣ того дома, гдѣ нанимаетъ квартиру. Вотъ и все. Никакихъ внѣшнихъ событій, никакихъ препятствій (кромѣ развѣ разведенія моста черезъ Неву, прекратившаго свиданія Ольги съ Обломовымъ), никакихъ постороннихъ обстоятельствъ не внѣшивается въ романъ. Лѣнь и апатія Обломова — единственная пружина дѣйствія во всей его исторіи. Какъ же это можно было растянуть на четыре части! Попадись эта тема другому автору, тотъ бы ее обдѣлалъ иначе: написалъ бы страничекъ пятьдесятъ, легкихъ, забавныхъ, сочинилъ бы милый фарсъ, осмѣялъ бы своего лѣнливца, восхитился бы Ольгой и Штольцомъ, да на томъ бы и покончилъ. Разсказъ никакъ бы не былъ скученъ, хотя и не имѣлъ бы особеннаго художественнаго значенія. Гончаровъ принялся за дѣло иначе. Онъ не хотѣлъ отстать отъ явленія, на которое однажды бросилъ свой взглядъ, не прослѣдивши его до конца, не отыскавши его причинъ, не понявши связи его со всѣми окружающими явленіями. Онъ хотѣлъ добиться того, чтобы случайный образъ, мелькнувшій передъ нимъ, возвести въ типъ, придать ему родовое и постоянное значеніе. Поэтому во всемъ, что касалось Обломова, не было для него вещей пустыхъ и ничтожныхъ. Всѣмъ занялся онъ съ любовью, все очертилъ подробно и отчетливо. Не только тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Обломовъ, но и тотъ домъ, въ какомъ онъ только мечталъ жить; не только халатъ его, но сѣрый сюртукъ и щетинистыя бакенбарды слуги его Захара; не только писаніе письма Обломовымъ, но и качество бумаги и чернилъ въ письмѣ старосты къ нему — все приведено и изображено съ полною отчетливостью и рельефностью. Авторъ не можетъ пройти мимоходомъ даже какого нибудь барона фонъ-Лангвагена, не играющаго никакой роли въ романѣ; и о баронѣ напишетъ

онъ цѣлую прекрасную страницу, и написалъ бы двѣ и четыре, если бы не успѣлъ исчерпать его на одной. Это, если хотите, вредитъ быстротѣ дѣйствія, утомляетъ безучастнаго читателя, требующаго, чтобъ его неудержимо увлекали сильными ощущеніями. Но тѣмъ не менѣе въ талантѣ Гончарова—это драгоценное свойство, чрезвычайно много помогающее художественности его изображеній. Начиная читать его, находишь, что многія вещи какъ будто не оправдываются строгой необходимостью, какъ будто не соображены съ вѣчными требованіями искусства. Но вскорѣ начинаешь сжиматься съ тѣмъ міромъ, который онъ изображаетъ, невольно признаешь законность и естественность всѣхъ выводимыхъ имъ явленій, самъ становишься въ положеніе дѣйствующихъ лицъ и какъ-то чувствуешь, что на ихъ мѣстѣ и въ ихъ положеніи иначе и нельзя, да какъ будто и не должно дѣйствовать. Мелкія подробности, непрерывно вносимыя авторомъ и рисуемыя имъ съ любовью и съ необыкновеннымъ мастерствомъ, производятъ наконецъ какое-то обаяніе. Вы совершенно переноситесь въ тотъ міръ, въ который ведетъ васъ авторъ, вы находите въ немъ что-то родное, передъ вами открывается не только внѣшняя форма, но и самая внутренность, душа каждаго лица, каждаго предмета. И послѣ прочтенія всего романа вы чувствуете, что въ сферѣ вашей мысли прибавилось что-то новое, что къ вамъ въ душу глубоко запали новые образы, новые типы. Они васъ долго преслѣдуютъ, вамъ хочется думать надъ ними, хочется выяснить значеніе и отношеніе къ вашей собственной жизни, характеру, наклонностямъ. Куда дѣнется ваша вялость и утомленіе; бодрость мысли и свѣжесть чувства пробуждаются въ васъ. Вы готовы снова перечитать многія страницы, думать надъ ними, спорить о нихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, на насъ дѣйствовалъ Обломовъ: «Сонъ Обломова» и нѣкоторыя отдѣльныя сцены мы прочли по нѣскольку разъ; весь романъ почти сплошь прочитали мы два раза, и во второй разъ онъ намъ понравился едва ли не болѣе, чѣмъ въ первый. Такое обаятельное значеніе имѣютъ эти подробности, которыми авторъ обставляетъ ходъ дѣйствія и которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, *растягиваютъ* романъ!

Такимъ образомъ Гончаровъ является передъ нами прежде всего художникомъ, умѣющимъ выразить полноту явленій жизни. Изображеніе ихъ составляетъ его призваніе, его наслажденіе; объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями и заданными идеями, не поддается никакимъ исключительнымъ симпатіямъ. Оно спокойно, трезво, безстрастно. Составляетъ ли это высшій идеалъ художнической дѣятельности, или, можетъ быть, это даже недостатокъ, обнаруживающій въ ху-

доминикъ слабость воспримчивости? Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и во всякомъ случаѣ былъ бы несправедливъ, безъ ограничений и поясненій. Многимъ не нравится спокойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣшительный приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посылалъ насъ увлекать. Но мы сознаемъ, что желаніе это — нѣсколько обломовское, происходящее отъ склонности имѣть постоянно руководителей, — даже въ чувствахъ. Приписывать автору слабую степень воспримчивости потому только, что впечатлѣнія не вызываютъ у него лирическихъ восторговъ, а молчаливо кроются въ его душевной глубинѣ — несправедливо. Напротивъ, чѣмъ скорѣе и стремительнѣе высказывается впечатлѣніе, тѣмъ чаще оно оказывается поверхностнымъ и мимолетнымъ. Примѣровъ мы видимъ множество на каждомъ шагу въ людяхъ, одаренныхъ несомнѣннымъ запасомъ словеснаго и мимическаго наоса. Если человѣкъ умѣетъ выдержать, задержать въ душѣ своей образъ предмета и потомъ ярко и полно представить его, — это значитъ, что у него чуткая воспримчивость соединяется съ глубокою чувства. Онъ до времени не высказывается, но для него ничто не пропадаетъ въ мірѣ. Все, что живетъ и движется вокругъ него, все, чѣмъ богата природа и людское общество, у него все это —

Какъ-то чудно
Живетъ въ душевной глубинѣ.

Въ немъ, какъ въ магическомъ зеркалѣ, отражаются и не воли его останавливаются, застыраются, одижаются въ твердыя, недвижимыя формы, — всѣ явленія жизни, во всякую данную минуту. Онъ можетъ, кажется, остановить саму жизнь, навсегда укрѣпить и поставить передъ нами самый цѣлостный мигъ ея, чтобы мы вѣчно на него смотрѣли, изучая или наслаждаясь.

Такое могущество, въ высшемъ своемъ развитіи, стоитъ, разумѣется, всего, что мы называемъ симпатичностью, прелестью, свѣжестію или энергіей таланта. Но и это могущество имѣетъ свои стѣнны, и кромѣ того — оно можетъ быть обращено на предметы различнаго рода, что тоже очень важно. Здѣсь мы раскопимся съ приверженцами такъ называемаго искусства для искусства, которые полагаютъ, что превосходное изображеніе древеснаго листочка столь же важно, какъ, напримѣръ, превосходное изображеніе характера человѣка. Можетъ быть, субъективно это будетъ и справедливо: собственно сила таланта можетъ

быть одинакова у двухъ художниковъ, и только сфера ихъ дѣятельности различна. Но мы никогда не согласимся, чтобы поэтъ, трагичій свой талантъ на образцовыя описанія листочковъ и ручейковъ, могъ имѣть одинаковое значеніе съ тѣмъ, кто съ равною силою таланта умѣетъ воспроизводить, напримѣръ, явленія общественной жизни. Намъ кажется, что для критики, для литературы, для самого общества гораздо важнѣе вопросъ о томъ, на что употребляется, въ чемъ выражается талантъ художника, нежели то, какіе размѣры и свойства имѣетъ онъ въ самомъ себѣ, въ отвлеченіи, въ возможности.

Какъ же выразился, на что потрагился талантъ Гончарова? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ долженъ служить разборъ содержанія романа.

Покажиому, не обширную сферу избралъ Гончаровъ для своихъ изображеній. Исторія о томъ, какъ лежить и смиръ добрякъ-гнн-венецъ Обломовъ, и какъ ни дружба, ни любовь не могутъ пробудить и поднять его, — не Богъ вѣсть какая важная исторія. Не въ ней отразилась русская жизнь, въ ней предстаеъ передъ нами живой, современный русскій типъ, отчеканенный съ безпощадною строгостью и правдностью, въ ней оказалось новое слово нашего общественнаго развитія, произнесенное ясно и твердо, безъ отчаянія и безъ ребяческихъ надеждъ, но съ полнымъ сознаніемъ истины. Слово это — *обломовщина*; оно служитъ ключемъ къ разгадкѣ многихъ явленій русской жизни, и оно придаетъ роману Гончарова, гораздо болѣе общественнаго значенія, нежели сколько имѣютъ его всѣ наши обличительныя повѣсти. Въ типъ Обломова и во всей этой обломовщинѣ мы видимъ нѣчто болѣе, нежели престо удачное созданіе сильнаго таланта; мы находимъ въ немъ произведеніе русской жизни, знаменіе времени.

Обломовъ естъ лицо не совсѣмъ новое въ нашей литературѣ; но прежде оно не выставалось предъ нами такъ просто и естественное, какъ въ романѣ Гончарова. Чтобы не заходить слишкомъ далеко въ старину, скажемъ, что родовыя черты обломовскаго типа мы находимъ еще въ Онѣгинѣ, и за тѣмъ нѣсколько разъ встрѣчаемъ ихъ повтореніе въ лучшихъ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ. Дѣло въ томъ, что это коренной, народный нашъ типъ, отъ котораго не могъ отдѣлаться ни одинъ изъ нашихъ серьезныхъ художниковъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сознательнаго развитія общества, типъ этотъ измѣнялъ свои формы, становился въ другія отношенія къ жизни, получалъ новое значеніе. Подмѣнить эти новыя фазы его существованія, опредѣлить сущность его новаго смысла это всегда составляло громадную задачу, и талантъ, умѣа-

нѣй сдѣлать это, всегда дѣлалъ существенный шагъ впередъ въ исторіи нашей литературы. Такой шагъ сдѣлалъ и Гончаровъ своимъ «Обломовымъ». Посмотримъ на главныя черты обломовскаго типа и потомъ попробуемъ провести маленькую параллель между нимъ и нѣкоторыми типами того же рода, въ разное время появившимися въ нашей литературѣ.

Въ чемъ заключаются главныя черты обломовскаго характера? Въ совершенной инертности, происходящей отъ его апатіи ко всему, что дѣлается на свѣтѣ. Причина же апатіи заключается отчасти въ его внѣшнемъ положеніи, отчасти же въ образѣ его умственнаго и нравственнаго развитія. По внѣшнему своему положенію — онъ баринъ; «у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ», по выраженію автора. Преимущество своего положенія Илья Ильичъ объясняетъ Захару такимъ образомъ:

«Развѣ я мечусь, развѣ работаю? мало ѣмъ, что ли? худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чегонибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть кому! Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану ли я беспокоиться? изъ чего мнѣ?... И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства кадилъ за мной? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ кѣмъ, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался.

И Обломовъ говоритъ совершенную правду. Исторія его воспитанія дѣла служитъ подтвержденіемъ его словъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ быть безбашенъ, благодаря тому, что у него и подать, и сдѣлать — есть кому; тутъ ужъ даже и противъ воли порядко онъ бездѣлничаетъ и собарителствуетъ. Ну, скажите, пожалуйста, чего же бы мы хотѣли отъ молодого, выросшаго вотъ въ такихъ условіяхъ:

«Захаръ, — какъ, бывало, нянька, — натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмачки, а Шюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захарѣ ногой въ носъ. Благословенный Захаръ такъ ужъ привыкъ пожаловаться, то получить еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захаръ чешетъ ему голову, натягиваетъ рубашку, сопернице прохладѣла рука Илья Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ беспокоить его, и напоминаетъ Илья Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: встать поутру, умыться, и т. п.

«Захочетъ ли чегонибудь. Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть — ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнить его желаніе; уронитъ ли онъ чтонибудь, достать ли ему нужно вещь да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли за чѣмъ, — ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать, да три тетки, въ пять голосовъ и закричатъ:

« — Зачѣмъ? куда? А Васяна, а Ванька, а Захарка на что? Эй Васька, Ванька, Захарка! Чего вы смотрите, розньи? Вотъ я васъ!...

«И не удастся никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что нибудь самому ли себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и выучился самъ покрикивать: «Эй, Васька, Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!»

«Подъ-часъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжить ли онъ съ дѣтницы или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздаются десять отчаянныхъ голосовъ: «ахъ, ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, разшибется! Стой, стой!...» Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни или отворить форточку, — опять крики: «ай, куда? какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься!...» И Илюша съ печалью оставался дома, лѣтѣмый, какъ экзотическій пѣтухъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая.»

Такое воспитаніе вовсе не составляетъ чего нибудь исключительнаго, страннаго въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не вездѣ, конечно, Захарка натягиваетъ чулки барченку, и т. п. Но не нужно забывать, что подобная льгота дается Захаркѣ по особому снисхожденію или вслѣдствіе высшихъ педагогическихъ соображеній, и вовсе не находится въ гармоніи съ общимъ ходомъ домашнихъ дѣлъ. Барченонъ, пожалуй, и самъ одѣнется; но онъ знаетъ, что это для него въ родѣ милаго развлеченія, прихоти, а въ сущности онъ вовсе не обязанъ этого дѣлать самъ. Да и вообще, ему самому нѣтъ надобности что нибудь дѣлать. Изъ чего ему биться? Некому, что ли, вѣдать и сдѣлать для него все, что ему нужно?... Поэтому онъ себя надъ работой убивать не станетъ, что бы ему ни толковали о необходимости и святости труда: онъ съ малыхъ лѣтъ видитъ въ своемъ домѣ, что всѣ домашнія работы исполняются лакеями и служанками, а папенька и маменька только распоряжаются да браются за дурное исполненіе. И вотъ у него уже готово мерзкое понятіе, — что сидѣть сложа руки почетнѣе, нежели суетиться съ работою.... Въ этомъ направленіи идетъ и все дальнейшее развитіе.

Понятно, какое дѣйствіе производится такимъ положеніемъ ребенка на все его нравственное и умственное образованіе. Внутреннія силы «никнутъ и увядаютъ» по необходимости. Если мальчикъ и вытаетъ ихъ иногда, то развѣ въ капризахъ и въ заносчивыхъ требованіяхъ исполненія другими его приказаній. А извѣстно, какъ удовлетворенные капризы развиваютъ безхарактерность и какъ заносчивость несовмѣстна съ умѣньемъ серьезно поддерживать свое достоинство. Привыкая предъявлять безтолковыя требованія, маль-

чикъ скоро теряетъ мѣру возможности и удобоисполнимости своихъ желаній, лишается всякаго умѣнья соображать средства съ цѣлями, и потому становится въ тупикъ при первомъ препятствіи, для отстраненія котораго пужно употребить собственное усиліе. Когда онъ вырастаетъ, онъ дѣлается Обломовымъ, съ большей или меньшей долей его, апатичности и безхарактерности, подъ болѣе или менѣе искусной маской, но всегда съ однимъ неизмѣннымъ качествомъ — отвращеніемъ отъ серьезной и самобытной дѣятельности.

Много помогаетъ тутъ и умственное развитіе Обломовыхъ, тоже, разумѣется, направляемое ихъ внѣшнимъ положеніемъ. Какъ въ первый разъ они вглянуть на жизнь навыворотъ, — такъ ужъ потомъ до конца дней своихъ и не могутъ достигнуть разумнаго пониманія своихъ отношеній къ міру и къ людямъ. Имъ потомъ и растолкуютъ многое, они и поймутъ кое-что; но съ дѣтства укоренившееся воззрѣніе все-таки удержится гдѣ нибудь въ уголку и безпрестанно выглядываетъ оттуда, мѣшая всѣмъ новымъ понятіямъ и недопуская ихъ уложиться на дно души.... И дѣлается въ головѣ какой-то хаосъ: иной разъ человѣку и рѣшимость придетъ сдѣлать что нибудь, да не знаетъ онъ, что ему начать, куда обратиться.... И не мудрено: нормальный человѣкъ всегда хочетъ только того, что можетъ сдѣлать; за то онъ немедленно и дѣлаетъ все, что захочетъ.... А Обломовъ.... онъ не привыкъ дѣлать что нибудь, слѣдовательно не можетъ хорошенько опредѣлить, что онъ можетъ сдѣлать и чего нѣтъ, — слѣдовательно не можетъ и серьезно, *дѣлательно* захотѣть чего нибудь.... Его желанія являются только въ формѣ: «а хорошо бы, если бы вотъ это сдѣлалось»; но какъ это можетъ сдѣлаться, — онъ не знаетъ. Оттого онъ любитъ помечтать и ужасно боится того момента, когда мечтанія придутъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью. Тутъ онъ старается взвалить дѣло на кого нибудь другаго, а если нѣтъ никого, то на *агось*....

Всѣ эти черты превосходно подмѣчены и съ необыкновенной силой и истинной сосредоточены въ лицѣ Ильи Ильича Обломова. Не нужно представлять себѣ, чтобы Илья Ильичъ принадлежалъ къ какой нибудь особенной породѣ, въ которой бы неподвижность составляла существенную, коренную черту. Несправедливо было бы думать, что онъ отъ природы лишенъ способности произвольнаго движенія. Вовсе нѣтъ: отъ природы онъ — человѣкъ, какъ и всѣ. Въ ребячествѣ ему хотѣлось побѣгать и поиграть въ сѣжки съ ребятами, достать самому то или другое, и въ оврагъ сбѣгать, и въ ближайшій березнякъ пробраться черезъ каналъ, плетни и ямы. Пользуясь часомъ общаго въ Обломовкѣ послѣобѣденнаго сна, онъ разминался, бывало: «взбѣгать на галерею (куда не позволялось

ходить, потому что она каждую минуту готова была развалиться), обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжить жукъ и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ.» А то — «забирался въ каналъ, рылся, отыскивалъ какіе-то корешки, очищалъ отъ коры и ѣлъ въ-сладсть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька.» Все это могло служить задаткомъ характера кроткаго, спокойнаго, но не бессмысленно-лѣниваго. Притомъ и кротость, переходящая въ робость и подставленіе спины другимъ, — есть въ человѣкѣ явленіе вовсе не природное, а чисто благопріобрѣтенное, точно такъ же, какъ и нахальство и заносчивость. И между обоими этими качествами разстояніе вовсе не такъ велико, какъ обыкновенно думаютъ. Никто не умѣетъ такъ отлично вздергивать носа, какъ лакеи; никто такъ грубо не ведетъ себя съ подчиненными, какъ тѣ, которые подличаютъ передъ начальниками. Илья Ильичъ, при всей своей кротости, не боится поддать ногой въ рожу обувашему его Захару, и если онъ въ своей жизни не дѣлаетъ этого съ другими, такъ единственно потому, что надѣется встрѣтить противодѣйствіе, которое нужно будетъ преодолѣть. Поневогѣ онъ ограничиваетъ кругъ своей дѣятельности тремястами своихъ Захаровъ. А будь у него этихъ Захаровъ во сто, въ тысячу разъ больше — онъ бы не встрѣчалъ себя противодѣйствій и пріучился бы довольно смѣло поддавать въ зубы каждому, съ кѣмъ случится имѣть дѣло. И такое поведеніе вовсе не было бы у него признакомъ какого нибудь звѣрства натуры; и ему самому, и всѣмъ окружающимъ оно казалось бы очень естественнымъ, необходимымъ.... никому бы и въ голову не пришло, что можно и должно вести себя какъ нибудь иначе. Но — къ несчастью или къ счастью — Илья Ильичъ родился помѣщикомъ средней руки, получалъ дохода не болѣе десяти тысячъ рублей ассигнаціи, и вслѣдствіе того могъ распоряжаться судьбами міра только въ своихъ мечтаніяхъ. За то въ мечтахъ своихъ онъ и любилъ предаваться воинственнымъ и героическимъ стремленіямъ. «Онъ любилъ иногда вообразить себя какимъ нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, предъ которымъ не только Наполеонъ, но и Ерусланъ Лазаревичъ ничего не значить; выдумаетъ войну и причину ея: у него хлынуть, напр. народы изъ Африки въ Европу, или устроить онъ новые крестовые походы, и воюетъ, рѣшаетъ участь народовъ, разоряетъ города, шадитъ, казнитъ, оказываетъ подвиги добра и великодушія.» А то онъ воображаетъ, что онъ великій мыслитель или художникъ, что за нимъ гоняется толпа, и всѣ поклоняются ему.... Ясно, что Обломовъ не тупая, апатическая натура, безъ стремленій и чувствъ, а человѣкъ,

тоже чего-то ищущий в своей жизни, о чем-то думающий. Но гнусная привычка получать удовлетворение своих желаний не от собственных усилий, а от других, — развила в нем апатическую неподвижность и повергла его в жалкое состояние нравственного рабства. Рабство это так переплетается с барством Обломова, так они взаимно пронимают друг друга и одно другим обуславливаются, что, кажется, нѣтъ ни малѣйшей возможности провести между ними какую нибудь границу. Это нравственное рабство Обломова составляет едва ли не самую любопытную сторону его личности и всей его истории... Но какъ могъ дойти до рабства человекъ съ такимъ независимымъ положеніемъ, какъ Илья Ильичъ? Кажется, кому бы и наслаждаться свободой, какъ не ему? Не служить, не связанъ съ обществомъ, имѣеть обезличенное состояніе.... Онъ самъ хвалится тѣмъ, что не чувствуетъ необходимости кланяться, просить, унижаться, что онъ не подобенъ «другимъ», которые работаютъ безъ устали, бѣгаютъ, суетятся, — а не пеработаютъ, такъ и не поѣдаютъ.... Онъ внушаетъ къ себѣ благоговѣнную любовь доброй вдовѣ Пшеницкой, именно тѣмъ, что онъ баринъ, что онъ сіяетъ и блещетъ, что онъ и ходитъ, и говоритъ такъ вольно и независимо, что онъ «не пишетъ безпрестанно бумагъ, не трясется отъ страха, что опоздаетъ въ должность, не глядитъ на всякаго такъ, какъ будто проситъ ездять его и пѣхать, а глядитъ на всѣхъ и на все такъ спокойно и свободно, какъ будто требуетъ покорности себѣ.» И однако же вся жизнь этого барина убита тѣмъ, что онъ постоянно остается рабомъ чужой воли и никогда не возвышается до того, чтобы проявить какую нибудь самобытность. Онъ рабъ каждой женщины, каждого встрѣчнаго, рабъ каждого меиенника, который захочетъ взять надъ нимъ волю. Онъ рабъ своего крѣпостнаго Захара, и трудно рѣшить, который изъ нихъ болѣе подчиняется власти другаго. По крайней мѣрѣ — чего Захаръ не захочетъ, того Илья Ильичъ не можетъ заставить его сдѣлать; а чего захочетъ Захаръ, то сдѣлаетъ и противъ воли барина, и баринъ покорится.... Оно такъ и слѣдуетъ: Захаръ все-таки умѣетъ сдѣлать хоть что нибудь, а Обломовъ ровно ничего не можетъ и не умѣетъ. Нечего уже и говорить о Тарантьевѣ и Иванѣ Матвѣичѣ, которые дѣлаютъ съ Обломовымъ, что хотятъ, несмотря на то, что сами и по уметственному развитію, и по нравственнымъ качествамъ гораздо выше его.... Отчего же это? Да все оттого, что Обломовъ, какъ баринъ, не хочетъ и не умѣетъ работать и не понимаетъ настоящихъ отношеній своихъ ко всему окружающему. Онъ не прочъ отъ дѣятельности — до тѣхъ поръ, пока она имѣетъ видъ призрака и далека отъ реальнаго осуществленія: такъ онъ создаетъ иллюзію

въ самомъ отвлеченномъ разсужденіи, въ самой утопической теоріи имѣлъ способность останавливаться на данномъ моментѣ и затѣмъ не выходить изъ этого statu quo, несмотря ни на какія убѣжденія. Рисуя идеалъ своего блаженства, Илья Ильичъ не думалъ спросить себя о внутреннемъ смыслѣ его, не думалъ утвердить его законность и правду, не задавалъ себѣ вопроса: откуда будутъ браться эти оранжереи и парники, кто ихъ станетъ поддерживать и съ какой стати будетъ онъ ими пользоваться?... Не задавая себѣ подобныхъ вопросовъ, не разъясняя своихъ отношеній къ міру и къ обществу, Обломовъ, разумѣется, не могъ осмыслить своей жизни и потому тяготился и скучалъ отъ всего, что ему приходилось дѣлать. Служилъ онъ — и не могъ понять, зачѣмъ это бумаги пинутся; не понявши же, ничего лучше не нашелъ, какъ выдти въ отставку и ничего не писать. Учился онъ — и не зная, къ чему можетъ послужить ему наука; не узнавши этого, онъ рѣшился сложить книги въ уголъ и равнодушно смотрѣть, какъ ихъ покрываетъ пыль. Выѣзжалъ онъ въ общество — и не умѣлъ себѣ объяснить, зачѣмъ люди въ гости ходятъ; не объяснивши, онъ бросилъ всѣ свои знакомства и сталъ по дѣльнымъ днямъ лежать у себя на диванѣ. Сходилъ онъ съ женщинами, не подумавъ: однако, чего же отъ нихъ ожидать и добиваться? подумавши же, не рѣшилъ вопроса и сталъ избѣгать женщинъ..... Все ему наскучило и опостылѣло, и онъ лежалъ на боку, съ полнымъ, сознательнымъ презрѣніемъ къ «муравиной работѣ людей», убивающихся и суетящихся Богъ вѣсть изъ-за чего....

Дойдя до этой точки въ объясненіи характера Обломова, мы находимъ умѣстнымъ обратиться къ литературной параллели, о которой упоминали выше. Предыдущія соображенія привели насъ къ тому заключенію, что Обломовъ не есть существо, отъ природы совершенно лишенное способности произвольнаго движенія. Его дѣнь и анатія есть созданіе воспитанія и окружающихъ обстоятельствъ. Главное здѣсь не Обломовъ, а обломовщина. Онъ бы, можетъ быть, сталъ даже и работать, если бы нашелъ дѣло по себѣ; но для этого, конечно, ему надо было развиться нѣсколько подлѣ другіи условия, нежели подлѣ какими онъ развился. Въ настоящемъ же своемъ положеніи онъ не могъ нигдѣ найти себѣ дѣла по душѣ, потому что вообще не понималъ смысла жизни и не могъ дойти до разумнаго воззрѣнія на свои отношенія къ другимъ. Здѣсь — то онъ и подаетъ намъ поводъ къ сравненію съ прежними типами лучшихъ нашихъ писателей. Давно уже замѣчено, что всѣ герои замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей и романовъ страдаютъ оттого, что не видятъ цѣль въ жизни и не находятъ себѣ приличной дѣятельности. Вслѣдствіе того они чувствуютъ скуку и отвращеніе отъ всякаго дѣла, въ

чемъ представляютъ разительное сходство съ Обломовымъ. Въ самомъ дѣлѣ, — раскройте, напр. «Онѣгина», «Героя нашего времени», «Кто виноватъ», «Рудина», или «Лишняго человѣка», или «Гамлета Щигровскаго уѣзда», — въ каждомъ изъ нихъ вы найдете черты, почти буквально сходныя съ чертами Обломова.

Онѣгинъ, какъ Обломовъ, оставляетъ общество, за тѣмъ, что его

Изысканья утомить успѣли,
Друзья и дружба надѣли.

И вотъ онъ занялся писаньемъ:

Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,
Хотѣлъ писать; но трудъ упорный
Ему былъ тошнень; ничего
Не вышло изъ пера его....

На этомъ же поприщѣ подвизался и Рудинъ, который любилъ читать избраннымъ «первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій своихъ». Тентетниковъ тоже много лѣтъ занимался «колоссальнымъ сочиненіемъ, долженствовавшимъ объять всю Россію со всѣхъ точекъ зрѣнія»; но и у него «предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываньемъ: изгрызалось перо, лаялось на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось въ сторону». Илья Ильичъ не отсталъ въ этомъ отъ своихъ собратьевъ: онъ тоже писалъ и переводилъ, — Ся даже переводилъ. «Гдѣ же твои работы, твои переводы?» спрашиваетъ его потомъ Штольцъ. — «Не знаю, Захаръ куда-то дѣлѣ; въ углу, должно быть, лежатъ», отвѣчаетъ Обломовъ. Выходитъ, что Илья Ильичъ даже больше, можетъ быть, сдѣлалъ, чѣмъ другіе, принимавшіеся за дѣло съ такой же твердой рѣшимостью, какъ и онъ.... А принимались за это дѣло почти всѣ братья обломовской семьи, несмотря на разницу своихъ положеній и естественнаго развитія. Петровичъ только ометрѣлъ саисока на «неставниковъ повѣстей и сочинителей мѣщанскихъ драмъ»; впрочемъ и онъ писалъ свои записки. Что касается Бѣлцова, то онъ навѣрное сочинялъ что нибудь, да еще вромѣ того артистомъ былъ, ходилъ въ армітажъ и сидѣлъ за мольбертомъ, обдумывалъ большую картину встрѣчи Варона, идущаго изъ Сибири, съ Минихомъ, идущаго въ Сибирь.... Что изъ всего этого вышло, извѣстно читателямъ.... Во всей семьѣ тоже обломовщина....

Относительно «присвоенія себѣ чужаго ума», т. е. чтенія, Обломовъ тоже не много расхедитъ съ своими братьями. Илья Ильичъ

читалъ тоже кое-что, и читалъ не такъ, какъ покойный батюшка его: «давно, говорить, не читалъ книги»; «дай-ко, почитаю книгу»,—да и возьметъ, какая подъ руку попадется.... Нѣтъ, вѣяніе современнаго образованія коснулось и Обломова: онъ уже читалъ по выбору, сознательно. «Услышнѣть о какомъ нибудь замѣчательномъ произведеніи,—у него явится позывъ познакомиться съ нимъ; онъ ищетъ, проситъ книги, и если принесутъ скоро, онъ примется за нее, у него начнетъ формироваться идея о предметѣ; еще шагъ, и онъ овладѣлъ бы имъ, а посмотришь, онъ уже лежитъ, глядя апатически въ потолокъ, и книга лежитъ подлѣ него, недочитанная, непонятая. Охлажденіе одолевало имъ еще быстрѣе, нежели увлеченіе: онъ уже никогда не возвращался къ покинутой книгѣ». Не то ли же самое было и съ другими? Онѣгинъ, думая себѣ присвоить умъ чужой, началъ съ того, что

Отрядомъ книгъ устави́лъ полку,

и принялся читать. Но толку не вышло никакого: чтеніе скоро ему надоѣло, и —

Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задержнулъ траурной тафтой.

Тентетниковъ тоже такъ читалъ книги, (благо онъ привыкъ ихъ всегда имѣть подъ рукой),—большую частію во время обѣда: «съ супомъ, съ соусомъ, съ жаркимъ и даже съ пирожнымъ».... Рудинъ тоже признается Лажиневу,—что закупилъ онъ себѣ какихъ-то агрономическихкихъ книгъ, но ни одной до конца не прочелъ; сдѣлался учителемъ, да нашелъ, что фактовъ знаетъ маловато, и даже ни одного математика XVI столѣтія былъ сбѣтъ учителемъ математики. И у него, какъ у Обломова, принимались легко только общія идеи, а «мелкости, смѣты и цифры» постоянно оставались въ сторонѣ.

«Но гдѣ это еще не жизнь,—это только приготовленіе къ жизни»,—думалъ Андрей Ивановичъ Тентетниковъ, проходившій, вмѣстѣ съ Обломовымъ и всей этой компаніей, тѣмъ ненужныхъ наукъ и не умѣвшій ни Моты изъ нихъ примѣнить къ жизни. «Настоящая жизнь—это служба». И всѣ наши герои, кромѣ Онѣгина и Печорина, служатъ, и для всѣхъ ихъ служба — ненужное и бессмысленное время; и всѣ они оканчиваютъ благородной и ранней отставкой. Бѣльтовъ четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцовъ не дослужилъ до пражки, потому что, погорячившись сначала, вскорѣ охладѣлъ къ канцелярскимъ занятіямъ, сталъ раздражителемъ и небреженъ.... Тентетниковъ поговорилъ крупно съ начальникомъ, да притомъ же хотѣлъ принести

пользу государству, лично занявшись устройством своего имѣнія. Рудинъ поссорился съ директоромъ гимназіи, гдѣ былъ учителемъ. Обломову не понравилось, что съ начальникомъ всѣ говорятъ «не своимъ голосомъ, а какимъ-то другимъ, тоненькимъ и гадкимъ»;— онъ не захотѣлъ этимъ голосомъ объясняться съ начальникомъ по тому поводу, что «отправилъ нужную бумагу, вмѣсто Астрахани, въ Архангельскъ», и подалъ въ отставку... Вездѣ все одна и таже обломовщина....

Въ домашней жизни обломовцы тоже очень похожи другъ на друга.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокій,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцалуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина, —
Вотъ жизнь Онѣгина святая....

Тотъ же самое, слово въ слово, за исключеніемъ коня, рисуется у Ильи Ильича въ идеалѣ домашней жизни. Даже поцалуй черноокой бѣлянки не забыть у Обломова. «Одна изъ крестьянокъ,—мечтаетъ Илья Ильичъ,—съ загорѣлой шеей, съ открытыми локтями, съ робко-опущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду только, обороняется отъ барской ласки, а сама счастлива... те... жена чтобъ не увидала, Боже сохрани!» (Обломовъ воображаетъ себя уже женатымъ).... И если бы Ильѣ Ильичу не лѣнь было уѣхать изъ Петербурга въ деревню, онъ непремѣнно привелъ бы въ исполненіе задуманную свою идиллію. Вообще обломовцы склонны къ идиллическому, бездѣйственному счастью, которое ничего отъ нихъ не требуетъ: «наслаждайся, молъ, мною, да и только».... Ужь на что, кажется, Печоринъ да и тотъ полагаетъ, что счастье-то, можетъ быть, заключается въ покоѣ и сладкомъ отдыхѣ. Онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ, томимымъ голодомъ, который «въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче.... но только проснулся, мечта исчезаетъ, остается удвоенный голодъ и отчаяніе».... Въ другомъ мѣстѣ Печоринъ себя спрашиваетъ: «отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?» Онъ самъ полагаетъ,—оттого, что «душа его сжилась съ бурями и жаждетъ кипучей дѣя-

тельности».... Но вѣдь онъ вѣчно недоволенъ своей борьбой и самъ же безпрестанно высказываетъ, что всѣ свои дрянныя дебоширства затѣваетъ потому только, что ничего лучшаго не находитъ дѣлать.... А ужъ коли не находитъ дѣла и вслѣдствіе того ничего не дѣлаетъ и ничѣмъ не удовлетворяется, такъ это значитъ, что къ бездѣлю болѣе склоненъ, чѣмъ къ дѣлу.... Также обломовщина....

Отношенія къ людямъ и въ особенности къ женщинамъ тоже имѣютъ у всѣхъ обломовцевъ нѣкоторые общія черты. Людей они вообще презираютъ, съ ихъ мелкимъ трудомъ, съ ихъ узкими понятіями и близорукими стремленіями. «Это все чернорабочіе,» небрежно отзывается даже Бельтовъ, гуманнѣйшій между ними. Рудинъ наивно воображаетъ себя гениемъ, котораго никто не въ состояніи понять. Печоринъ, ужъ разумѣется, топчетъ всѣхъ ногами. Даже Онѣгинъ имѣетъ за собою два стиха, гласящіе, что

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей.

Тентетниковъ даже, — ужъ на что смирный, — и тотъ, пришедши въ департаментъ, почувствовалъ, что «какъ будто его за проступокъ перевели изъ верхняго класса въ нижній;» а пріѣхавши въ деревню, скоро постарался, подобно Онѣгину и Обломову, развѣдаться со всѣми сосѣдами, которые посѣщали съ нимъ познаться. И даже Илья Ильичъ не уступитъ никому въ презрѣніи къ людямъ: ему вѣдь такъ легко, для него даже усилій никакихъ не нужно. Онъ самодовольно проводитъ передъ Захаромъ параллель между собой и «другими»; онъ въ разговорахъ съ пріятелями выражаетъ наивное удивленіе, изъ-за чего это люди бываютъ, заставляя себя ходить въ должностъ, писать, слѣдить за газетами, посѣщать общество, и проч. Онъ даже весьма категорически выражаетъ Штольцу сужденіе своего превосходства надъ всѣми людьми. «Жизнь, говоригъ, въ обществѣ? Хороша жизнь! Чего тамъ искать? Интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это: нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, хуже меня, эти члены сѣта и общества!...» И за тѣмъ Илья Ильичъ очень пристрастно и краснорѣчиво говоритъ на эту тему, такъ что хоть бы Рудину такъ поговорить.

Въ отношеніи къ женщинамъ всѣ обломовцы ведутъ себя одинаково постыднымъ образомъ. Они вовсе не умѣютъ любить и не знаютъ, чего искать въ любви, точно такъ же, какъ и вообще въ жизни. Они не прочь пожевать съ женщиной, пока видятъ въ ней куклу, двигающуюся на пружинкахъ; не прочь они и перабо-

тить себѣ женскую душу... какъ же! этимъ бывасть очень довольна ихъ барственная натура! Но только чуть дѣло дойдетъ до чего нибудь серьезнаго, чуть они начнутъ подозрѣвать, что предъ ними дѣйствительно не игрушка, а женщина, которая можетъ и отъ нихъ потребовать уваженія къ своимъ правамъ, — они немедленно обращаются въ постыдѣйшее бѣгство. Трусость у всѣхъ этихъ господа непомѣрная! Онѣгинъ, который такъ рано «умѣлъ тревожить сердца кокетокъ записныхъ», который женился «искалъ безъ упоенія, а оставалъ безъ сожалѣнія», — Онѣгинъ струсилъ передъ Татьяной, дважды струсилъ, и въ то время, когда принималъ отъ нея урокъ, и тогда, какъ самъ ей давалъ его. Она ему, видъ, нравилась съ самаго начала, и если бы любила метѣе серьезно, онъ не подумалъ бы принять съ нею тонъ строгаго правоучителя. А тутъ онъ увидѣлъ, что шутить опасно, и потому началъ толковать о своей отжитой жизни, о дурномъ характерѣ, о томъ, что она другаго полюбить впоследствии, и т. д. Впоследствии онъ самъ объясняетъ свой поступокъ тѣмъ, что «замѣтя искру нѣжности въ Татьянѣ, онъ не хотѣлъ ей вѣрить», и что

Свою постылую свободу
Онъ потерять не захотѣлъ.

А какинъ образомъ — то прикрылъ себя, малодушный!

Бельтовъ съ Кручинской, какъ извѣстно, тоже не переставалъ идти до конца и убѣждалъ отъ нея, хотя и по совершенно другимъ соображеніямъ, если ему только вѣрить. Рудинъ — этотъ уже совершенно растерялся, когда Наталья хотѣла отъ него добиться чего нибудь рѣшительнаго. Онъ ничего болѣе не сумѣлъ, какъ только посоветовать ей «покориться». На другой день онъ остроумно объяснилъ ей въ письмѣ, что ему «было не въ привычку» жить дѣло съ такими женщинами, какъ она. Такимъ же оказывается и Ицаринъ, специалистъ по части женскаго сердца, признающійся, что время женщинъ онъ ничего въ свѣтѣ не любитъ, что для него онъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. И онъ признается, что во первыхъ, «не любитъ женщинъ съ характеромъ: или ли это дѣло!» во вторыхъ, что онъ никогда не можетъ жениться. «Какъ бы страстно я ни любилъ женщину», говоритъ онъ, «но она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться — прости любовь. Мое сердце превращается въ камень, и ничто не разогрѣетъ его снова. Я готовъ на всѣ жертвы, крѣпѣ этой; даже разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту, но свободы моей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? Что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго? Право, ровно ничего.

Это какой-то врожденный страх, неопредѣленное предчувствіе и т. д. А въ сущности, это — больше ничего, какъ обломовщина!

А Илья Ильичъ развѣ, вы думаете, не имѣетъ въ себѣ, въ свою очередь, печоринскаго и рудинскаго элемента, не говоря объ онѣгинскомъ? Еще какъ имѣетъ-то! Онъ, напримѣръ, подобно Печорину, хочетъ непремѣнно обладать женщиной, хочетъ вынудить у нея всяческія жертвы въ доказательство любви. Онъ, видите ли, не надѣялся сначала, что Ольга пойдетъ за него замужъ, и съ робостью предложилъ ей быть его женой. Она ему сказала что-то въ родѣ того, что это давно бы ему слѣдовало сдѣлать. Онъ принялъ въ смущеніе, ему стало недовольно согласіи Ольги, и онъ — что бы вы думали?... онъ началъ — испытать ее, столько ли она его любитъ, чтобы быть въ состояніи сдѣлаться его любовницей! И ему стало досадно, когда она сказала, что никогда не пойдетъ по этому пути; но затѣмъ ея объясненіе и страстная оцена успокоили его... А все-таки онъ струсилъ передъ концъ до того, что даже на глаза Ольгѣ боялся показаться, прикидывался больнымъ, прикрывалъ себя разведеннымъ мостомъ, давалъ понять Ольгѣ, что она его можетъ компрометировать и т. д. И все отчего? оттого, что она отъ него потребовала рѣшимости, дѣла, того, что не входило въ его привычки. Женитьба сама по себѣ не страшна для него такъ, какъ страшна Печорина и Рудина: у него болѣе патріархальныя были привычки. Но Ольга захотѣла, чтобы онъ передъ женитьбой устроилъ дѣла по нѣкому; это уже была бы жертва, и онъ, конечно, этой жертвы не совершилъ, а явился настоящимъ Обломовымъ. А самъ между тѣмъ очень требователенъ. Онъ сдѣлалъ съ Ольгой такую штуку, какая и Печорину вѣру была бы. Ему вообразилось, что онъ не довольно хорошо собою и вообще не довольно привлекателенъ для тѣхъ, чтобы Ольга могла сильно полюбить его. Онъ начинаетъ страдать, но снѣтъ ночь, наконецъ вооружается энергіей и строчить къ Ольгѣ длинное, рудинское посланіе, въ которомъ повторяетъ извѣстную, тертую и перетертую вещь, говоренную и Онѣгинскимъ Татьянѣ, и Рудинскимъ Натальѣ, и даже Печоринскимъ княжнѣ Маріи: «я, дескать, не такъ созданъ, чтобы вы могли быть со мною счастливы; придетъ время, вы полюбите другаго, болѣе достойнаго...»

Смѣнить не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты....
Полюбите вы снова: но....
Учитесь властвовать собою;
Не всякій ласкъ, какъ я, пойметъ....
Къ бѣдѣ немыслимость вселеть.

Всѣ обломовцы любятъ уничижать себя; но это они дѣлаютъ съ той цѣлью, чтобъ имѣть удовольствіе быть опровергнутыми и услышать себя похвалу отъ тѣхъ, предъ кѣмъ они себя ругаютъ. Они довольны своимъ самоуниженіемъ и всѣ похожи на Рудина, о которомъ Нигасовъ выражается: «начнетъ себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ, — ну, думаешь, теперь на свѣтъ Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣетъ даже, словно горькой водкой себя поводчивалъ!» Такъ и Онѣгинъ послѣ ругательства на себя рисуется предъ Татьяной своимъ великодушіемъ. Такъ и Обломовъ, написавши къ Ольгѣ наскнилъ на самого себя, чувствовалъ, «что ему ужъ не тяжело, что онъ почти счастливъ».... Письмо свое онъ заключаетъ тѣмъ же правоученіемъ, какъ и Онѣгинъ свою рѣчь: «исторія со мною пусть, говоритъ, послужитъ вамъ руководствомъ въ будущей, нормальной любви», и пр. Илья Ильичъ, разумѣется, не выдержалъ себя на высотѣ уничиженія передъ Ольгой: онъ бросился подсматрѣть, какое впечатлѣніе производитъ на нее письмо, увидѣлъ, что она плачетъ, удовольствовался и — не могъ удержаться, чтобы не предстать предъ ней въ сію критическую минуту. А она доказала ему, какимъ онъ пошлымъ и жалкимъ эгоистомъ явился въ этомъ письмѣ, написанномъ «изъ заботы объ ея счастіи.» Тутъ уже онъ окончательно снасовалъ, какъ дѣлаютъ, впрочемъ, всѣ обломовцы, встрѣчая женщину, которая выше ихъ по характеру и по развитію.

«Однако же, возопіютъ глубокомысленные люди, — въ нашей параллели, несмотря на подборъ видимо одинаковыхъ фактовъ, совсѣмъ нѣтъ смысла. При опредѣленіи характера не столько важны внѣшнія проявленія, сколько побужденія, вслѣдствіе которыхъ то или другое дѣлается человекомъ. А относительно побужденій, какъ же не видѣть неизмѣримой разницы между поведеніемъ Обломова и образомъ дѣйствій Печорина, Рудина и другихъ?... Этотъ все дѣлаетъ по инерціи, потому что ему лѣнь самому съ мѣста двинуться и лѣнь упереться на мѣстѣ, когда его тапчутъ; все его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы лишній разъ пальцемъ не пошевелить. А тѣ свѣдаются жадною дѣятельности, съ жаромъ за все принимаются, дни безпрестанно

Овладѣваетъ безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ

и другіе недуги, признаки сильной души. Если они и не дѣлаютъ ничего истинно-полезнаго, такъ это потому, что не находятъ дѣятельности, соотвѣтствующей своимъ силамъ. Они, по выраженію Печорина, подобны вѣнію, прикованному къ чиновничьему столу и осужденному переписывать бумаги. Они выше окружающей ихъ

дѣйствительности и потому имѣютъ право презирать жизнь и людей. Вся ихъ жизнь есть отрицаніе въ смыслѣ реакціи существующему порядку вещей; а его жизнь есть пассивное подчиненіе существующимъ уже влияніямъ, консервативное отвращеніе отъ всякой перемѣны, совершенный недостатокъ внутренней реакціи въ натурѣ. Можно ли сравнивать этихъ людей? Рудина ставить на одну доску съ Обломовымъ!... Печорина осуждать на тоже ничтожество, въ какомъ погрязаетъ Илья Ильичъ!... Это совершенное непоминаніе, это нелѣпость, это — преступленіе!...

Ахъ, Боже мой! Въ самомъ дѣлѣ, — мы вѣдь и позабыли, что съ глубокомысленными людьми надо держать ухо востро: какъ разъ выведутъ такіа заключенія, о которыхъ вамъ даже и не снилось. Если вы собираетесь купаться, а глубокомысленный человѣкъ, стоя на берегу со связанными руками, хвастается тѣмъ, что онъ отлично плаваетъ, и обѣщаетъ спасти васъ, когда вы станете тонуть, — бойтесь сказать: «да помилуй, любезный другъ, у тебя вѣдь руки связаны; позаботься прежде о томъ, чтобъ развязать себѣ руки». Бойтесь говорить это, потому что глубокомысленный человѣкъ сейчасъ же ударится въ амбіцію и скажетъ: «а, такъ вы утверждаете, что я не умѣю плавать! Вы хвалите того, кто связалъ мнѣ руки! Вы не сочувствуете людямъ, которые спасаютъ утопающихъ!...» И такъ далѣе... глубокомысленные люди бываютъ очень краснорѣчивы и обильны на выводы самые неожиданные.... Вотъ и теперь: сейчасъ выведутъ заключеніе, что мы Обломова хотѣли поставить выше Печорина и Рудина, что мы хотѣли оправдать его лежанье, что мы не умѣемъ видѣть внутренняго, кореннаго различія между нимъ и прежними героями, и т. д... Послѣднимъ же объясниться съ глубокомысленными людьми.

Во всемъ, что мы говорили, мы имѣли въ виду болѣе обломовщину, нежели личность Обломова и другихъ героевъ. Что касается до личности, то мы не могли не видѣть разницы темперамента напр. у Печорина и Обломова; такъ же точно, какъ не можемъ не найти ее и у Печорина съ Онегинимъ, и у Рудина съ Бельтовымъ.... Кто же станетъ спорить, что личная разница между людьми существуетъ (хотя, можетъ быть, и далеко не въ той степени и не съ тѣмъ значеніемъ, какъ обыкновенно предполагаютъ). Но дѣло въ томъ, что надъ всѣми этими лицами тяготѣетъ одна и таже обломовщина, которая кладетъ на нихъ нежагладимую печать бездѣльности, дармоедства и совершенной ненужности на свѣтѣ. Весьма вѣроятно, что при другихъ условіяхъ жизни, въ другомъ обществѣ, Онегинъ былъ бы истинно-добрымъ малымъ, Печоринъ и Рудинъ дѣлали бы вели-

Т. LXXV. Отд. III.

кіе подвиги, а Бельтовъ оказался бы дѣйствительно превосходнымъ человѣкомъ. Но при другихъ условіяхъ развитія можетъ быть и Обломовъ съ Тептетниковымъ не были бы такими байбаками, а наши бы себѣ какое нибудь полезное занятіе.... Дѣло въ томъ, что теперь—то у нихъ всѣхъ одна общая черта — бесплодное стремленіе къ дѣятельности, сознаніе, что изъ нихъ многое могло бы выйти, но не выйдетъ ничего.... Въ этомъ они поразительно сходятся. «Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее, и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А вѣрно она существовала и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій,—лучшій цвѣтъ жизни.» Это — Печоринъ.... А вотъ какъ разсуждаетъ о себѣ Рудинъ. «Да, природа мнѣ много дала; но я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ, не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда. Все мое богатство пропадетъ даромъ: я не увижу плодовъ отъ сѣмянъ своихъ....» Илья Ильичъ тоже не отстастъ отъ прочихъ: и онъ «болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть теперь уже умершее, или лежитъ оно, какъ золото въ нѣдрахъ горы, и давно пора бы этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжело заваленъ кладъ дрянью, наноснымъ соромъ. Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища.» Видите—*сокровища* были зарыты въ его натуру, только раскрыть ихъ предъ міромъ онъ никогда не могъ. Другіе братья его, помоложе, «по свѣту рыщутъ,

Дѣла себѣ исполнскаго ищутъ,
Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ....

Обломовъ тоже мечталъ въ молодости «служить, пока стѣнетъ сѣмъ, потому что Россіи нужны руи и головы для разработыванія неистощимыхъ источниковъ....» Да и теперь онъ «не чуждъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей, ему доступны наслажденія высокихъ помысловъ, и хотя онъ не рыщетъ по свѣту за исполнскимъ дѣломъ, но все-таки мечтаетъ о всемірной дѣятельности, все-таки съ презрѣніемъ смотритъ на чернорабочихъ и съ жаромъ говоритъ:

Нѣтъ, я души не растрочу моею
На муравьиной работѣ людей....

А бездѣльничаетъ онъ ничуть не больше, чѣмъ всѣ остальные братья обломовцы; только онъ откровеннѣе, — не старается прикрыть своего бездѣлья даже разговорами въ обществахъ и гуляньемъ по Невскому проспекту.

Но отчего же такая разница впечатлѣній, производимыхъ на насъ Обломовымъ и героями, о которыхъ мы вспоминали выше? Тѣ представляются намъ въ разныхъ родахъ сильными натурами, задавленными неблагопріятной обстановкой, а этотъ — байбакомъ, который и при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ ничего не сдѣлаетъ. Но во первыхъ, — у Обломова темпераментъ слишкомъ валый, и потому естественно, что онъ для осуществленія своихъ замысловъ и для отпора враждебныхъ обстоятельствъ употребляетъ еще нѣсколько менѣе попытокъ, нежели сангвиническій Онѣгинъ или жолчный Печоринъ. Въ сущности же они все равно несостоятельны предъ силою враждебныхъ обстоятельствъ, всѣ равно погружаются въ ничтожество, когда имъ предстоитъ настоящая, серьезная дѣятельность. Въ чемъ обстоятельства Обломова открывали ему благопріятное поле дѣятельности? У него было имѣнье, которое могъ онъ устроить; былъ другъ, вызывавшій его на практическую дѣятельность; была женщина, которая превосходила его энергіей характера и ясностью взгляда и которая нѣжно полюбила его.... Да скажите, у кого же изъ обломовцевъ не было всего этого, и что всѣ они изъ этого сдѣлали? И Онѣгинъ, и Тентетниковъ хозяйничали въ своемъ имѣнии, и о Тентетниковѣ мужики даже говорили сначала: «экой востроногіи!» Но скоро тѣ же мужики смекнули, что баринъ, хоть и прыгокъ на первыхъ порахъ, но ничего не смыслитъ и толку никакого не сдѣлаетъ.... А дружба? Что они всѣ дѣлаютъ съ своими друзьями? Онѣгинъ убилъ Ленскаго; Печоринъ только все пикируется съ Вернеромъ; Рудинъ ужъ оттолкнулъ отъ себя Лежнева и не воспользовался дружбой Покорскаго.... Да и мало ли людей, подобныхъ Покорскому, встрѣчалось на пути каждаго изъ нихъ?... Что же они? Соединились ли другъ съ другомъ для одного общаго дѣла, образовали ли тѣсный союзъ для обороны отъ враждебныхъ обстоятельствъ? Ничего не было.... Все разсыпалось прахомъ, все кончилось той же обломовщиной.... О любви нечего и говорить. Каждый изъ обломовцевъ встрѣчалъ женщину выше себя (потому что Круциферская выше Бельтова и даже княжна Мери все-таки выше Печорина), и каждый постыдно бѣжалъ отъ ея любви или добивался того, чтобъ она сама прогнала его.... Чѣмъ это объяснить, какъ не давленіемъ на нихъ гнусной обломовщины?

Кромѣ разницы темперамента, большое различіе находится въ самомъ возрастѣ Обломова и другихъ героевъ. Говоримъ не о лѣтахъ:

они почти однолѣтки, Рудинъ даже двумя—тремя годами постарше Обломова; говоримъ о времени ихъ появленія. Обломовъ относится къ позднѣйшему времени, стало быть онъ уже для молодаго поколѣнія, для современной жизни, долженъ казаться гораздо старше, чѣмъ казались прежніе обломовцы.... Онъ въ университетѣ, какихъ нибудь 17—18-ти лѣтъ, прочувствовалъ тѣ стремленія, проникся тѣми идеями, которыми одушевляется Рудинъ въ тридцать пять лѣтъ. За этимъ курсомъ для него было только двѣ дороги: или дѣятельность, настоящая дѣятельность, — не языкомъ, а головой, сердцемъ и руками вмѣстѣ, или уже просто лежанье сложа руки. Апатическая натура привела его къ послѣднему: скверно, но по крайней мѣрѣ тутъ нѣтъ лжи и обморочиванья. Если бъ онъ, подобно своимъ братцамъ, пустился толковать во всеуслышаніе о томъ, о чемъ теперь осмѣливается только мечтать, то онъ каждый день испытывалъ бы огорченія, подобныя тѣмъ, какія испыталъ по случаю полученія письма отъ старосты и приглашенія отъ хозяина дома—очистить квартиру. Прежде съ любовью, съ благоговѣніемъ слушали фразѣровъ, толкующихъ о необходимости того и другаго, о высшихъ стремленіяхъ и т. п. Тогда, можетъ быть, и Обломовъ не прочь былъ бы поговорить.... Но теперь всякаго фразѣра и прожектѣра встрѣчаютъ требованіемъ: «а не угодно ли попробовать?» Этого ужъ обломовцы не въ силахъ снести....

Въ самомъ дѣлѣ, — какъ чувствуется вѣяніе новой жизни, когда по прочтеніи Обломова, думаешь, что вызвало въ литературѣ этотъ типъ. Нельзя приписать этого единственно личному таланту автора и широтѣ его воззрѣній. И силу таланта, и воззрѣнія самыя широкія и гуманныя находимъ мы и у авторовъ, произведшихъ прежніе типы, приведенные нами выше. Но дѣло въ томъ, что отъ появленія перваго изъ нихъ, Онѣгина, до сихъ поръ прошло уже тридцать лѣтъ. То, что было тогда въ зародышѣ, что выражалось только въ неясномъ полусловѣ, произнесенномъ шопотомъ, то приняло уже теперь опредѣленную и твердую форму, высказалось открыто и громко. Фраза потеряла свое значеніе; явилась въ самомъ обществѣ потребность настоящаго дѣла. Бельтовъ и Рудинъ, люди съ стремленіями, дѣйствительно высокими и благородными, не только не могли проникнуться необходимостью, но даже не могли представить себѣ близкой возможности страшной, смертельной борьбы съ обстоятельствами, которыя ихъ давили. Они вступали въ дремучій, невѣдомый лѣсъ, шли по топкому, опасному болоту, видѣли подъ ногами разныя гадовъ и змѣй, и лѣзли на дерево, — отчасти, чтобъ посмотреть, не увидать ли гдѣ дороги, отчасти же для того, чтобы отдох-

нута и хотѣла на время избавиться отъ опасности увязнуть или быть ужаленными. Слѣдовавшіе за ними люди ждали, что они скажутъ, и смотрѣли на нихъ съ уваженіемъ, какъ на людей, шедшихъ впереди. Но эти передовые люди ничего не увидѣли съ высоты, на которую взобрались: лѣсъ былъ очень обширенъ и густъ. Между тѣмъ взлѣзая на дерево, они изцарапали себѣ лицо, переранили себѣ ноги, испортили руки.... Они страдаютъ, они утомлены, они должны отдохнуть, примостившись какъ нибудь поудобнѣе на деревѣ. Правда, они ничего не дѣлаютъ для общей пользы, они ничего не разглядѣли и не сказали; стоящіе внизу сами, безъ ихъ помощи, должны прорубать и разчищать себѣ дорогу по лѣсу. Но кто же рѣшится бросить камень въ этихъ несчастныхъ, чтобы заставить ихъ упасть съ высоты, на которую они взмоглись съ такими трудами, имѣя въ виду общую пользу? Имъ сострадаютъ, отъ нихъ даже не требуютъ пока, чтобы они принимали участіе въ разчисткѣ лѣса: на ихъ долю выпало другое дѣло, и они его сдѣлали. Если толку не вышло, — не ихъ вина. Съ этой точки зрѣнія каждый изъ авторовъ могъ прежде смотрѣть на своего обломовскаго героя, и былъ правъ. Къ этому присоединилось еще и то, что надежда увидѣть гдѣ нибудь выходъ изъ лѣсу на дорогу долго держалась во всей ватагѣ путниковъ, равно какъ долго не терялась и увѣренность въ дальнозоркости передовыхъ людей, взобравшихся на дерево. Но вотъ, мало по малу, дѣло прояснилось и приняло другой оборотъ: передовымъ людямъ понравилось на деревѣ; они рассуждаютъ очень краснорѣчиво о разныхъ путяхъ и средствахъ выбраться изъ болота и изъ лѣсу; они нашли даже на деревѣ кой-какіе плоды и наслаждаются ими, бросая чешуйку внизъ; они зовутъ къ себѣ еще кой-кого, избранныхъ изъ толпы, и тѣ идутъ и остаются на деревѣ, уже и не высматривая дороги, а только пожирая плоды. Это уже — Обломовы въ собственномъ смыслѣ.... А бѣдные путники, стоящіе внизу, вязнутъ въ болотѣ, ихъ жалятъ змѣи, пугаютъ гады, хлещутъ по лицу сучья.... Наконецъ толпа рѣшается приняться за дѣло и хочетъ воротить тѣхъ, которые позже полѣзли на дерево; но Обломовы молчатъ и обжираются плодами. Тогда толпа обращается и къ прежнимъ своимъ передовымъ людямъ, прося ихъ спуститься и помочь общей работѣ. Но передовые люди опять повторяютъ прежнія фразы о томъ, что надо высматривать дорогу, а надъ разчисткой трудиться нечего. — Тогда бѣдные путники видятъ свою ошибку и, махнувъ рукой, говорятъ: «э, да вы всѣ Обломовы!» И затѣмъ начинается дѣятельная, неутомимая работа: рубятъ деревья, дѣлаютъ изъ нихъ мостъ на болотѣ, образуютъ тропинку, бьютъ

змѣй и гадовъ, попавшихся на ней, не заботясь болѣе объ этихъ умникахъ, объ этихъ сильныхъ натурахъ, Печориныхъ и Рудиныхъ, на которыхъ прежде надѣялись, которыми восхищались. Обломовцы сначала спокойно смотрятъ на общее движеніе, но потомъ, по своему обыкновению, трусятъ и начинаютъ кричать.... «Ай, ай,— не дѣлайте этого, оставьте, — кричатъ они, видя, что подсѣкается дерево, на которомъ они сидятъ. — Помидуйте, вѣдь мы можемъ убиться, и вмѣстѣ съ нами погибнуть тѣ прекрасныя идеи, тѣ высокія чувства, тѣ гуманныя стремленія, то краснорѣчіе, тотъ пафосъ, любовь ко всему прекрасному и благородному, которыя въ насъ всегда жили.... Оставьте, оставьте! Что вы дѣлаете?...» Но путники уже слышали тысячу разъ всѣ эти прекрасныя фразы и, не обращая на нихъ вниманія, продолжаютъ работу. Обломовцамъ еще есть средство спасти себя и свою репутацію: слѣзть съ дерева и приняться за работу вмѣстѣ съ другими. Но они, по обыкновению, растерялись и не знаютъ, что имъ дѣлать.... «Какъ же это такъ вдругъ?» повторяютъ они въ отчаяніи и продолжаютъ посылать безплодныя проклятія глупой толпѣ, потерявшей къ нимъ уваженіе.

А вѣдь толпа права! Если ужъ она сознала необходимость настоящаго дѣла, такъ для нея совершенно все равно, — Печоринъ ли передъ ней или Обломовъ. Мы не говоримъ опять, чтобы Печоринъ въ данныхъ обстоятельствахъ сталъ дѣйствовать именно такъ, какъ Обломовъ; онъ могъ самими этими обстоятельствами развиваться въ другую сторону. Но типы, созданные сильнымъ талантомъ, долговѣчны: и нынѣ живутъ люди, представляющіе какъ будто сколокъ съ Онѣгина, Печорина, Рудина, и пр. и не въ томъ видѣ, какъ они могли бы развиваться при другихъ обстоятельствахъ, а именно въ томъ, въ какомъ они представлены Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Тургеневымъ. Только въ общественномъ сознаніи всѣ они болѣе и болѣе превращаются въ Обломова. Нельзя сказать, чтобы превращеніе это уже совершилось: нѣтъ, еще и теперь тысячи людей проводятъ время въ разговорахъ и тысячи другихъ людей готовы принять разговоры за дѣла. Но что превращеніе это начинается — доказываетъ типъ Обломова, созданный Гончаровымъ. Появленіе его было бы невозможно, если бы хотя въ нѣкоторой части общества не созрѣло сознаніе о томъ, какъ ничтожны всѣ эти quasi-талантливыя натуры, которыми прежде восхищались. Прежде онѣ прикрывались разными мантиями, украшали себя разными прическами, привлекали къ себѣ разными талантами. Но теперь Обломовъ является предъ нами разоблаченный, какъ онъ есть, молчаливый, сведенный съ красиваго пьедестала на мягкій диванъ, прикрытый вмѣсто мантии

только просторнымъ халатомъ. Вопросъ: что онъ дѣлаетъ? въ чемъ смыслъ и цѣль его жизни?—поставленъ прямо и ясно, не забытъ никакими побочными вопросами. Это потому, что теперь уже настало, или настаетъ неотлагательно, время работы общественной... И вотъ почему мы сказали въ началѣ статьи, что видимъ въ романѣ Гончарова *знаменіе времени*.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ измѣнилась точка зрѣнія на образованныхъ и хорошо разсуждающихъ лежебоковъ, которыхъ прежде принимали за настоящихъ общественныхъ дѣятелей.

Вотъ передъ вами молодой человѣкъ, очень красивый, ловкій, образованный. Онъ выѣзжаетъ въ большой свѣтъ и имѣетъ тамъ успѣхъ; онъ ѣздитъ въ театры, балы и маскарады; онъ отлично одѣвается и обѣдаетъ; читаетъ книжки и пишетъ очень грамотно... Сердце его волнуется только ежедневностью свѣтской жизни, но онъ имѣетъ понятіе и о высшихъ вопросахъ. Онъ любитъ потолковать о страстяхъ,

О предразсудкахъ вѣковыхъ,
И гроба тайнахъ роковыхъ....

Онъ имѣетъ нѣкоторыя честныя правила: способенъ

Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнить;

способенъ иногда не воспользоваться неопытностью дѣвушки, которую не любитъ; способенъ не придавать особенной цѣны своимъ свѣтскимъ успѣхамъ. Онъ выше окружающаго его свѣтскаго общества настолько, что дошелъ до сознанія его пустоты; онъ можетъ даже оставить свѣтъ и переѣхать въ деревню; но только и тамъ скучаетъ, не зная, какое найти себѣ дѣло.... Отъ нечего дѣлать онъ ссорится съ другомъ своимъ и по легкомыслію убиваетъ его на дуели... Черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвращается въ свѣтъ и влюбляется въ женщину, любовь которой самъ прежде отвергъ, потому что для нея нужно было бы ему отказаться отъ своей бродяжнической свободы... Вы узнаете въ этомъ человѣкѣ Онѣгина. Но всмотритесь хорошенько; это — Обломовъ...

Передъ вами другой человѣкъ, съ болѣе страстной душой, съ болѣе широкимъ самолюбіемъ. Этотъ имѣетъ въ себѣ какъ будто отъ природы все то, что для Онѣгина составляетъ предметъ заботъ. Онъ не хлопочетъ о туалетѣ и нарядѣ: онъ свѣтскій человѣкъ и безъ этого. Ему не нужно подбирать слова и блистать мишурнымъ знаніемъ: и безъ этого языкъ у него, какъ бритва. Онъ дѣйствительно

презираетъ людей, хорошо понимая ихъ слабости; онъ дѣйствительно умѣетъ овладѣть сердцемъ женщины, не на краткое мгновеніе, а надолго, навсегда. Все, что встрѣчается ему на его дорогѣ, онъ умѣетъ устранить или уничтожить. Одно только несчастье: онъ не знаетъ, куда идти. Сердце его пусто и холодно ко всему. Онъ все испыталъ и ему еще въ юности опротивѣли всѣ удовольствія, которыя можно достать за деньги; любовь свѣтскихъ красавицъ тоже опротивѣла ему, потому что ничего не давала сердцу; науки тоже надоѣли, потому что онъ увидѣлъ, что отъ нихъ не зависить ни слава, ни счастье; самые счастливые люди — невѣжды, а слава—удача; военныя опасности тоже ему скоро наскучили, потому что онъ не видѣлъ въ нихъ смысла и скоро привыкъ къ нимъ. Наконецъ даже простосердечная, чистая любовь дикой дѣвушки, которая ему самому нравится, тоже надоѣдаетъ ему: онъ и въ ней не находитъ удовлетворенія своихъ порывовъ. Но что же это за порывы? куда влекутъ они? отчего онъ не отдается имъ всей силой души своей? Оттого, что онъ самъ ихъ не понимаетъ и не даетъ себѣ труда подумать о томъ, куда дѣвать свою душевную силу, и вотъ онъ проводитъ свою жизнь въ томъ, что острить надъ глупцами, тревожить сердца неопытныхъ барышенъ, мѣшается въ чужія сердечныя дѣла, напрашивается на ссоры, выказываетъ отвагу въ пустякахъ, дерется безъ надобности.... Вы припоминаете, что это исторія Печорина, что отчасти почти такими словами самъ онъ объясняетъ свой характеръ Максиму Максимычу.... Всмотритесь, пожалуйста, получше: вы и тутъ увидите того же Обломова....

Но вотъ еще человѣкъ, болѣе сознательно идущій по своей дорогѣ. Онъ не только понимаетъ, что ему дано много силъ, но знаетъ и то, что у него есть великая цѣль... Подозрѣваетъ, кажется, даже и то, какаѣ это цѣли и гдѣ она находится. Онъ благороденъ, честенъ (хотя часто и не платитъ долговъ); съ жаромъ разсуждаетъ не о пустякахъ, а о высшихъ вопросахъ; увѣряетъ, что готовъ пожертвовать собою для блага человѣчества. Въ головѣ его рѣшены всѣ вопросы, все приведено въ живую, стройную связь, онъ увлекаетъ своимъ могучимъ словомъ неопытныхъ юношей, такъ что, послушавъ его, и они чувствуютъ, что призваны къ чему-то великому.... Но въ чемъ проходитъ его жизнь? Въ томъ, что онъ все начинаетъ и не оканчиваетъ, разбрасывается во всѣ стороны, всему отдается съ жадностью и—не можетъ отдаться.... Онъ влюбляется въ дѣвушку, которая наконецъ говоритъ ему, что несмотря на запрещеніе матери, она готова принадлежать ему; а онъ отвѣчаетъ: «Боже! такъ ваша маменька не согласна! какой внезапный ударъ! Боже! какъ ско-

ро!... Дѣлать нечего, — надо покориться!...» И въ этомъ точный образецъ всей его жизни... Вы уже знаете, что это Рудинъ... Нѣтъ, теперь ужъ и это Обломовъ. Когда вы хорошенько всмотритесь въ эту личность и поставите ее лицомъ къ лицу съ требованіями современной жизни, — вы сами въ этомъ убѣдитесь.

Общее у всѣхъ этихъ людей то, что въ жизни нѣтъ имъ дѣла, которое бы для нихъ было жизненной необходимостью, сердечной святыней, религіей, которое бы органически срослось съ ними, такъ что отнять его у нихъ, значило бы лишить ихъ жизни. Все у нихъ внѣшнее, ничто не имѣетъ корня въ ихъ натурѣ. Они, пожалуй, и дѣлаютъ что-то такое, когда принуждаетъ внѣшняя необходимость, такъ какъ Обломовъ ѣздилъ въ гости, куда тащилъ его Штольцъ, покупалъ ноты и книги для Ольги, читалъ то, что она заставляла его читать. Но душа ихъ не лежитъ къ тому дѣлу, которое наложено на нихъ slučajемъ. Если бы каждому изъ нихъ даромъ предложили всѣ внѣшнія выгоды, какія имъ доставляются ихъ работой, они бы съ радостью отказались отъ своего дѣла. Въ силу обломовщины, обломовскій чиновникъ не станетъ ходить въ должность, если ему и безъ того сохранять его жалованье и будутъ производить въ чины. Воинъ дастъ клятву не прикасаться къ оружію, если ему предложить тѣ же условія, да еще сохранять его красивую форму, очень полезную въ извѣстныхъ случаяхъ. Профессоръ перестанетъ читать лекціи, студентъ перестанетъ учиться, писатель броситъ авторство, актеръ не покажется на сцену, артистъ изломаетъ рѣзецъ и палитру, говоря высокими слогами, если найдетъ возможность даромъ получить все, чего теперь добивается трудомъ. Они только говорятъ о высшихъ стремленіяхъ, о сознаніи нравственного долга, о прорикновеніи общими интересами, а на повѣрку выходитъ, что все это — слова и слова. Самое искреннее, задушевное ихъ стремленіе есть стремленіе къ покою, къ халату, и самая дѣятельность ихъ есть не что иное, какъ почетный халатъ (по выраженію, не намъ принадлежащему), которымъ прикрываютъ они свою пустоту и апатію. Даже наиболѣе образованные люди, притомъ люди съ живою натурою, съ теплымъ сердцемъ, чрезвычайно легко отступаются въ практической жизни отъ своихъ идей и плановъ, чрезвычайно скоро мирятся съ окружающей дѣйствительностью, которую, однако, на словахъ не перестаютъ считать пошлою и гадкою. Это значить, что все, о чемъ они говорятъ и мечтаютъ, — у нихъ чужое, наносное; въ глубинѣ же души ихъ коренится одна мечта, одинъ идеаль — возможно-невозможный покой, квіетизмъ, обломовщина.

Многіе доходятъ даже до того, что не могутъ представить себѣ, чтобъ человѣкъ могъ работать по охотѣ, по увлеченію. Прочтите-ка въ «Экономическомъ Указателѣ» разсужденія о томъ, какъ всѣ умрутъ голодною смертію отъ бездѣлья, ежели равномѣрное распредѣленіе богатства отниметъ у частныхъ людей побужденіе стремиться къ наживанію себѣ капиталовъ....

Да, всѣ эти обломовцы никогда не перерабатывали въ плоть и кровь свою тѣхъ началъ, которые имъ внушили, никогда не проводили ихъ до послѣднихъ выводовъ, не доходили до той грани, гдѣ слово становится дѣломъ, гдѣ принципъ сливается съ внутренней потребностью души, исчезаетъ въ ней и дѣлается единственною силою, двигающею человѣкомъ. Потому-то эти люди и лгутъ безпрестанно, потому-то они и являются такъ несостоятельными въ частныхъ фактахъ своей дѣятельности. Потому-то и дороже для нихъ отвлеченныя воззрѣнія, чѣмъ живые факты, важнѣе общіе принципы, чѣмъ простая жизненная правда. Они читаютъ полезныя книги для того, чтобы знать, что пишется; пишутъ благородныя статьи затѣмъ, чтобы любоваться логическимъ построеніемъ своей рѣчи; говорятъ смѣлыя вещи, чтобы прислушиваться къ благозвучію своихъ фразъ и возбуждать ими похвалы слушателей. Но что далѣе, какая цѣль всего этого читанья, писанья, говоренья, — они или вовсе не хотятъ знать, или не слишкомъ объ этомъ беспокоятся. Они постоянно говорятъ вамъ: вотъ что мы знаемъ, вотъ что мы думаемъ, а впрочемъ—какъ тамъ хотятъ, наше дѣло сторона... Пока не было работы въ виду, можно было еще надувать этимъ публику, можно было тщеславиться тѣмъ, что мы вотъ, дескать, все-таки хлопочемъ, ходимъ, говоримъ, рассказываемъ. На этомъ и основанъ былъ въ обществѣ успѣхъ людей, подобныхъ Рудину. Даже больше — можно было заняться кутежомъ, интрижками, каламбурами, театральствомъ, — и увѣрять, что это мы пустились, молъ, оттого, что нѣтъ простора для болѣе широкой дѣятельности. Тогда и Печоринъ, и даже Онѣгинъ долженъ былъ казаться натурою съ необъятными силами души. Но теперь ужъ всѣ эти герои отодвинулись на второй планъ, потеряли прежнее значеніе, перестали сбивать насъ съ толку своей загадочностью и таинственнымъ разладомъ между ними и обществомъ, между великими ихъ силами и ничтожностью дѣла ихъ.

Теперь загадка разъяснилась,
Теперь имъ слово найдено.

Слово это — *обломовщина*.

Если я вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ челоуѣчества и о необходимости развитіа личности, — я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ — Обломовъ.

Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о бесполезности *тилаго шага* и т. п., я не сомнѣваюсь, что онъ Обломовъ.

Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что наконецъ сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали, — я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки.

Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ челоуѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самыя (а иногда и новыя) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода, — я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку....

Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствіи и скажите: «вы говорите, что не хорошо то и то; что же нужно дѣлать?» Они не знаютъ.... Предложите имъ самое простое средство, — они скажутъ: «да какъ же это такъ вдругъ?» Непремѣнно скажутъ, потому что Обломовы иначе отвѣчать не могутъ... Продолжайте разговоръ съ ними и спросите: что же вы намѣрены дѣлать? — Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: «Что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами....» и пр. (См. Тург. Пов. ч. III, стр. 249). Больше отъ нихъ вы ничего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины.

Кто же, наконецъ, сдвинетъ ихъ съ мѣста этимъ всемогущимъ словомъ: «впередъ!», о которомъ такъ мечталъ Гоголь и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ. Гончаровъ, умѣвшій понять и показать намъ нашу обломовщину, не могъ, однако, не заплатить дань общему заблужденію, до сихъ поръ столь сильному въ нашемъ обществѣ: онъ рѣшился похоронить обломовщину и сказать ей похвальное надгробное слово. «Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ», говорить онъ устами Штольца,

и говорить неправду. Вся Россія, которая прочитала, или прочитаетъ Обломова, не согласится съ этимъ. Нѣтъ, Обломовка есть наша прямая родина, ея владѣльцы — наши воспитатели, ея триста Захаровъ всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова, и еще рано писать намъ надгробное слово. Не за что говорить объ насъ съ Ильею Ильичемъ слѣдующія строки:

«Въ немъ было то, что дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ чести и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязь. Не обольстить его никакая нарядная ложь и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ драни, зла; пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ на-выворотъ, — никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно.... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться.»

Распространяться объ этомъ пассажѣ мы не станемъ; но каждый изъ читателей замѣтитъ, что въ немъ заключена большая неправда. Одно въ Обломовѣ хорошо, дѣйствительно: то, что онъ не усиливался надуть другихъ, а ужъ такъ и являлся въ натурѣ — лежебокомъ. Но, помилуйте, въ чемъ же на него можно *положиться*? Развѣ въ томъ, гдѣ ничего дѣлать не нужно? Тутъ онъ, дѣйствительно, отличится такъ, какъ никто. Но ничего — то не дѣлать и безъ него можно. Онъ не поклонится идолу зла! Да вѣдь почему это? Потому, что ему лѣнь встать съ дивана. А стащите его, поставьте на колѣни передъ этимъ идоломъ: онъ не въ силахъ будетъ встать. Не подкупишь его ничѣмъ. Да на что его подкупать-то? На то, чтобы съ мѣста сдвинулся? Ну, это дѣйствительно трудно. Грязь къ нему не пристанетъ! Да, пока лежитъ одинъ, такъ еще ничего; а какъ придетъ Тарантьевъ, Затертый, Иванъ Матвѣичъ — брр! какая отвратительная гадость начинается около Обломова. Его объѣдаютъ, опиваютъ, спавиваютъ, берутъ съ него фальшивый вексель (отъ котораго Штольцъ нѣсколько безцеремонно, по русскимъ обычаямъ, безъ суда и слѣдствія избавляетъ его), разоряютъ его именемъ мужиковъ, дерутъ съ него немилосердные деньги ни за что, ни про что. Онъ все это

терпитъ безмолвно и потому, разумѣется, не издаетъ ни одного фальшиваго звука.

Нѣтъ, нельзя такъ льстить живымъ, а мы еще живы, мы еще по прежнему Обломовы. Обломовщина никогда не оставила насъ и не оставила даже теперь, — *въ настоящее время*, когда и пр. Кто изъ нашихъ литераторовъ, публицистовъ, людей образованныхъ, общественныхъ дѣятелей, кто не согласится, что, должно быть, его-то именно и имѣлъ въ виду Гончаровъ, когда писалъ объ Ильѣ Ильичѣ слѣдующія строки:

«Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ ную пору надъ бѣдствіями человечества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и тоску, и стремленія куда-то вдале, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ. Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его. Случается и то, что онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ міръ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы, и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ вырастаютъ въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ, задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преобразуются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ.... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ.... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія! Но, смотришь, промелькнетъ утро, день уже клонится къ вечеру, а съ нимъ клонится къ покою и утомленнымъ силы Обломова: бури и волненія смирятся въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленно пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно садящееся за чей-то четырехъ-этажный домъ. И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ!»

Не правда ли, образованный и благородно мыслящій читатель, — въѣдъ тутъ вѣрное изображеніе вашихъ благихъ стремленій и вашей полезной дѣятельности? Разница можетъ быть только въ томъ, до какого момента вы доходите въ вашемъ развитіи. Ильѣ Ильичу доходило до того, что привставалъ съ постели, протягивалъ руку и озирался вокругъ. Иные такъ далеко не заходятъ: у нихъ только мысли гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ море (такихъ большая

часть); у другихъ мысли вырастаютъ въ намѣренія, но не доходятъ до степени стремленій (такихъ меньше); у третьихъ даже стремленія являются (этихъ ужъ совсѣмъ мало)....

Итакъ, слѣдуя направленію настоящаго времени, когда вся литература, по выраженію г. Бенедиктова, представляетъ

....нашей плоти истязанье,
Вериги въ провѣ и стихахъ,—

мы смиренно сознаемся, что какъ ни лестны для нашего самолюбія похвалы г. Гончарова Обломову, но мы не можемъ признать ихъ справедливыми. Обломовъ менѣе раздражаетъ свѣжаго, молодаго, дѣятельнаго челоѣка, нежели Печоринъ и Рудинъ, но все-таки онъ противенъ въ своей ничтожности.

Отдавая дань своему времени, г. Гончаровъ вывелъ и противодіе Обломову — Штольца. Но по поводу этого лица мы должны еще разъ повторить наше постоянное мнѣніе, — что литература не можетъ забѣгать слишкомъ далеко впередъ жизни. Штольцевъ, людей съ цѣльнымъ, дѣятельнымъ характеромъ, при которомъ всякая мысль тотчасъ же является стремленіемъ и переходитъ въ дѣло, еще нѣтъ въ жизни нашего общества, (разумѣемъ образованное общество, которому доступны высшія стремленія; въ массѣ, гдѣ идеи и стремленія ограничены очень близкими и немногими предметами, такіе люди безпрестанно падаютъ). Самъ авторъ сознавалъ это, говоря о нашемъ обществѣ: «вотъ, глаза очнулись отъ дремоты, слышались бойкіе, широкіе шаги, живые голоса.... Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими именами!» Должно явиться ихъ много, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но теперь пока для нихъ нѣтъ почвы. Оттого-то изъ романа Гончарова мы и видимъ только, что Штолецъ челоѣкъ дѣятельный, все о чемъ-то хлопочетъ, бѣгаетъ, пріобрѣтаетъ, говоритъ, что жить — значитъ трудиться, и пр. Но что онъ дѣлаетъ и какъ онъ ухитрится дѣлать что нибудь порядочное тамъ, гдѣ другіе ничего не могутъ сдѣлать,—это для насъ остается тайной. Онъ мигомъ устроилъ Обломовку для Ильи Ильича; — какъ? этого мы не знаемъ. Онъ мигомъ уничтожилъ фальшивый вексель Ильи Ильича; — какъ? это мы знаемъ. Поѣхалъ къ начальнику Ивана Матѣвича, которому Обломовъ далъ вексель, поговорилъ съ нимъ дружески, — Ивана Матѣвича призвали въ присутствіе и не только что вексель велѣли возвратить, но даже изъ службы выходить приказали. И по дѣломъ ему, разумѣется; но, судя по этому случаю, Штолецъ не доросъ еще до идеала общественнаго русскаго дѣателя. Да и нельзя еще: рано.

Теперь еще, — хоть будь семи пядей во лбу, а въ замѣтной общественной дѣятельности — можешь, пожалуй, быть *добродѣтельнымъ откупщикомъ* Муравовымъ, дѣлающимъ добрыя дѣла изъ десяти милліоновъ своего состоянія, или благороднымъ помѣщикомъ Констанжогло, — но далѣе не пойдешь.... И мы не понимаемъ, какъ могъ Штольцъ въ своей дѣятельности успокоиться отъ всѣхъ стремленій и потребностей, которыя одолѣвали даже Обломова, какъ могъ онъ удовлетвориться своимъ положеніемъ, успокоиться на своемъ одинокомъ, отдѣльномъ исключительномъ счастьи.... Не надо забывать, что подъ нимъ болото, что вблизи находится старая Обломовка, что нужно еще разчищать лѣсъ, чтобы выйти на большую дорогу и убѣжать отъ обломовщины. Дѣлалъ ли что нибудь для этого Штольцъ, что именно дѣлалъ и какъ дѣлалъ, — мы не знаемъ. А безъ этого мы не можемъ удовлетвориться его личностью.... Можемъ сказать только то, что не онъ тотъ человѣкъ, который «сѣмъетъ, на языкѣ, понятномъ для русской души, сказать намъ это всемогущее слово: «впередъ!»

Можетъ быть, Ольга Ильинская способнѣе, нежели Штольцъ, къ этому подвигу, ближе его стоитъ къ нашей молодой жизни. Мы ничего не говорили о женщинахъ, созданныхъ Гончаровымъ, ни объ Ольгѣ, ни объ Агаѣ Матвѣевнѣ Пшеницыной (ни даже объ Анисѣ и Акулинѣ, которыя тоже отличаются своимъ особымъ характеромъ), потому что сознавали свое совершеннѣйшее безсиліе — что нибудь сносное сказать о нихъ. Разбирать женскіе типы, созданные Гончаровымъ, значить предъавлять претензію быть великимъ знатокомъ женскаго сердца. Не имѣя же этого качества, женщинами Гончарова можно только восхищаться. Дамы говорятъ, что вѣрность и тонкость психологическаго анализа у Гончарова — изумительна, и дамамъ въ этомъ случаѣ нельзя не повѣрить.... Прибавить же что нибудь къ ихъ отзыву мы не осмѣливаемся, потому что боимся пускаться въ эту, совершенно невѣдомую для насъ, страну. Но мы беремъ на себя смѣлость, въ заключеніе статьи, сказать нѣсколько словъ объ Ольгѣ и объ отношеніяхъ ея къ обломовщинѣ.

Ольга, по своему развитію, представляетъ высшій идеалъ, какой только можетъ теперь русскій художникъ вызвать изъ теперешней русской жизни. Оттого она, необыкновенной ясностью и простотой своей логики и изумительной гармоніей своего сердца и воли, поражаетъ насъ до того, что мы готовы усомниться въ ея даже поэтической правдѣ и сказать: «такихъ дѣвушекъ не бываетъ.» Но слѣдя за нею во все продолженіе романа, мы находимъ, что она постоянно

вѣрна себѣ и своему развитію, что она представляет не сентенцію автора, а живое лицо, только такое, какихъ мы еще не встрѣчали. Въ ней-то болѣе, нежели въ Штольцѣ, можно видѣть намекъ на новую русскую жизнь, отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣетъ обломовщину.... Она начинаетъ съ любви къ Обломову, съ вѣры въ него, въ его нравственное преобразование.... Долго и упорно, съ любовью и нѣжной заботливостью, трудится она надъ тѣмъ, чтобы возбудить жизнь, вызвать дѣятельность въ этомъ человѣкѣ. Она не хочетъ вѣрить, чтобы онъ былъ такъ безсиленъ на добро; любя въ немъ свою надежду, свое будущее созданіе, она дѣлаетъ для него все, пренебрегаетъ даже условными приличіями, ѣдетъ къ нему, одна, никому не сказавшись, и не боится, подобно ему, потери своей репутаціи. Но она съ удивительнымъ тактомъ замѣчаетъ тотчасъ же всякую фальшь, проявляющуюся въ его натурѣ, и чрезвычайно просто объясняетъ ему, какъ и почему это ложь, а не правда. Онъ, напримѣръ, пишетъ ей письмо, о которомъ мы говорили выше, и потомъ увѣряетъ ее, что писалъ это единственно изъ заботы о ней, совершенно забывши себя, жертвуя собою, и т. д. — «Нѣтъ, отвѣчаетъ она, — неправда: еслибъ вы думали только о моемъ счастьи и считали необходимою для него разлуку съ вами, то вы бы просто уѣхали, не посылая мнѣ предварительно никакихъ писемъ». Онъ говоритъ, что боится ея несчастія, если она со временемъ пойметъ, что ошибалась въ немъ, разлюбить его и полюбить другаго. Она спрашиваетъ, въ отвѣтъ на это: «гдѣ же вы тутъ видите несчастье мое? Теперь я васъ люблю, и мнѣ хорошо; а послѣ я полюблю другаго, и, значитъ, мнѣ съ другимъ будетъ хорошо. Напрасно вы обо мнѣ беспокоитесь.» Эта простота и ясность мышленія заключаютъ въ себѣ задатки новой жизни, не той, въ условіяхъ которой выросло современное общество.... Потомъ, — какъ воля Ольги послушна ея сердцу! Она продолжаетъ свои отношенія и любовь къ Обломову, несмотря на всѣ постороннія непріятности, насмѣшки, и т. п., до тѣхъ поръ, пока не убѣждается въ его рѣшительной дрянности. Тогда она прямо объявляетъ ему, что ошиблась въ немъ, и уже не можетъ рѣшиться соединить съ нимъ свою судьбу. Она еще хвалитъ и ласкаетъ его и при этомъ отказѣ, и даже послѣ; но своимъ поступкомъ она уничтожаетъ его, какъ ни одинъ изъ обломовцевъ не былъ уничтожаемъ женщиной. Татьяна говоритъ Онѣгину, въ заключеніи романа:

Я васъ люблю (къ чему лукавить?)

Но я другому отдана

И буду вѣкъ ему вѣрна....

Итакъ только виѣшній нравственный долгъ спасаетъ ее отъ этого пустаго фата; будь она свободна, она бы бросилась ему на шею. Наталья оставляетъ Рудина только потому, что онъ самъ уперся на первыхъ же порахъ, да и проведивъ его, она убѣждается только въ томъ, что онъ ея не любитъ, и ужасно горюетъ объ этомъ. Нечего и говорить о Печоринѣ, который успѣлъ заслужить только *ненависть* княжны Мери. Нѣтъ, Ольга не такъ поступила съ Обломовымъ. Она просто и кротко сказала ему: «я узнала недавно только, что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ.... какъ голубь; ты спрячешь голову подъ крыло — и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь приторковать подъ кровлей.... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего — не знаю!» И она оставляетъ Обломова, и она стремится къ своему *чему-то*, хотя еще и не знаетъ его хорошенъко. Наконецъ она находитъ его въ Штольцѣ, соединяется съ нимъ, счастлива; но и тутъ не останавливается, не замираетъ. Какіе-то туманные вопросы и сомнѣнія тревожатъ ее, она чего-то допытывается. Авторъ не раскрылъ предъ нами ея волненій во всей ихъ полнотѣ, и мы можемъ ошибиться въ предположеніи на счетъ ихъ свойства. Но намъ кажется, что это въ ея сердцѣ и головѣ вѣяніе новой жизни, къ которой она несравненно ближе Штольца. Думаемъ такъ потому, что находимъ нѣсколько намековъ въ слѣдующемъ разговорѣ.

«— Что же дѣлать? поддаться и тосковать, спросила она.

«— Ничего, сказалъ онъ: — вооружаться твердостью и спокойствіемъ. Мы не Титаны съ тобой, продолжалъ онъ обвиняя ее: — мы не пойдемъ, съ Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье и....

«— А если они никогда не отстанутъ: грусть будетъ тревожить все больше, больше?... спрашивала она.

«— Чтожъ? примемъ ее, какъ новую стихію жизни... Да нѣтъ, этого не бываетъ, не можетъ быть у насъ! Это не твоя грусть; это общій недугъ челоѣчества. На тебя брызнула одна капля.... Все это страшно, когда челоѣкъ отрывается отъ жизни, — когда нѣтъ опоры. А у насъ»....

Онъ не договорилъ, что у насъ.... Но ясно, что это онъ не хочетъ «идти на борьбу съ мятежными вопросами», онъ рѣшается «смирено склонить голову»... А она готова на эту борьбу, тоскуетъ по ней

и постоянно страшится, чтобъ ея тихое счастье съ Штольцемъ не превратилось во что-то, подходящее къ обломовской апатіи. Ясно, что она не хочетъ склонять голову и смиренно переживать трудныя минуты, въ надеждѣ, что потомъ опять улыбнется жизнь. Она бросила Обломова, когда перестала въ него вѣрить; она оставитъ и Штольца, ежели перестанетъ вѣрить въ него. А это случится, ежели вопросы и сомнѣнія не перестанутъ мучить ее, а онъ будетъ продолжать ей совѣты—принять ихъ, какъ новую стихію жизни, и склонить голову. Обломовщина хорошо ей знакома, она сѹмѣетъ различить ее во всѣхъ видахъ, подъ всѣми масками, и всегда найдетъ въ себѣ столько силъ, чтобъ произнести надъ нею судъ безпощадный....

И. —БОГЪ.

НОВЫЯ КНИГН.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1858 г. Спб. 1858 г.

Петербургская публичная библіотека, давно уже ставшая на ряду съ знаменитѣйшими книгохранилищами Европы и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошедшая ихъ, не перестаетъ обогащаться новыми приобрѣтеніями и совершенствоваться въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Нынѣшній отчетъ, подобно предъидущимъ, представляетъ весьма много фактовъ, свидѣтельствующихъ непрерывную заботливость начальства библіотеки о пополненіи ея сокровищъ. Болѣе трехъ четвертей нынѣшняго отчета занято исчисленіемъ приобрѣтеній библіотеки въ минувшемъ году, и въ числѣ ихъ поменовано много замѣчательныхъ книгъ и рукописей. Въ прошломъ году библіотекою приобрѣтено въ полномъ составѣ нѣсколько замѣчательныхъ коллекцій книгъ и рукописей. Таковы: 1) коллекція греческихъ и восточныхъ палимпсестовъ и рукописей, профессора Тишендорфа, 2) коллекція рѣдчайшихъ инкунабулъ, кушанныхъ въ маѣ 1858 г. въ Аугсбургѣ, въ которой находится между прочимъ экземпляръ знаменитой мазариновской библии (между 1450—1455 г.); 3) библіотека покойнаго курляндскаго ландгофмейстера барона Клопмана, около 5000 нумеровъ; 4) библіотека покойнаго дѣйств. стат. совѣтника Аделунга, до 4000 томовъ печатныхъ книгъ и до 670 рукописей; 5) библіотека покойнаго барона Виттенгейма, — 1385 томовъ; 6) коллекція книгъ (10,591 томъ), переданныхъ комитетомъ иностранной цензуры изъ числа поступившихъ въ него съ 1815

по 1854 г.; 7) коллекція привилегій или патентовъ на разныя изобрѣтенія, выданныхъ англійскимъ правительствомъ съ XVII-го в. до нашего времени. Главная часть ихъ (около 25,000) еще въ 1857 году была принесена въ даръ библіотекѣ англійскою комиссіею о привилегіяхъ; нынѣ прислано продолженіе (около 4000 брошюръ).

Кромѣ цѣльныхъ коллекцій, библіотека дѣлала покупки и получала приношенія и отдѣльныхъ изданій.

Между купленными библіотекою, укажемъ на два изданія, любопытныя въ историко-литературномъ отношеніи: 1) *Масонскіе хоры и пѣсни*, книга безъ заглавнаго листа, содержащая въ себѣ два хора и 42 пѣсни; 2) *Разскащикъ забавныхъ басенъ*, — вновь открытое періодическое изданіе 1781 г., представляющее новый матеріалъ для трудовъ нашихъ библіографовъ. Въ послѣднемъ листкѣ «Разскащика» находятся стихи, приведенные въ «Отчетѣ»; мы рѣшаемся выписать ихъ. Издатель говоритъ о себѣ, что онъ «*благодаря полагалъ первымъ предметомъ, чтобъ ево прославить.*» Затѣмъ вдохновляется и говоритъ стихами:

Сколь было силы всей, къ писанью прилѣжалъ
И слово данное свое во всемъ злѣржалъ,
Журнала онаго по званью:
Блаторазумію стараясь угодить;
Невежество же снѣгъ прилѣплъ къ не годованью!
Всѣ равно начали о семъ судить:
Цорекъ поклались своею душою
Разскащикъ гдѣбъ допалъ, сломишь ему тутъ цѣю!...
Въ такомъ случаѣ чтожъ начать?
Потребно замолчать.

Между частными приношеніями отмѣтимъ слѣдующія:

«*Муравейникъ*, литературные листы, издаваемые неизвѣстными обществомъ неученыхъ людей. 1831 г. (Спб. въ типографіи Главнаго Интаба), пять номеровъ; небольшой журналъ, задуманный и издававшийся В. А. Жуковскимъ, съ участіемъ членовъ царственнаго семейства и собственно для нихъ однихъ, и составляющій теперь библіографическую драгоценность.»

«*Горе отъ ума*, Грибоедова, in 4^о, 99 страницъ, безъ мѣста и года печати и безъ цензурнаго разрѣшенія; изданіе, сколько можно судить по шриоту, напечатанное въ тридцатыхъ годахъ, съ рукописи, безъ пропусковъ и съ сохраненіемъ даже грамматическихъ ошибокъ переписчика.»

Покупки библіотеки простирались въ 1858 г. до 9,306 томовъ (въ 1857 г. было куплено 9,135 томовъ). Всѣхъ книгъ прибавилось 38,136 томовъ.

Относительно пользованія сокровищами библіотеки въ прошломъ году также сдѣланы были нѣкоторыя новыя усовершенствованія. Такъ въ прошломъ году устроены : выставка автографовъ знаменитыхъ русскихъ людей, выставка палимпсестовъ, выставка греческихъ рукописей, выставки древнѣйшихъ образцовъ книгопечатанія и гравюръ, найденныхъ въ древнихъ переплетахъ. Число подобныхъ выставокъ могло бы быть, по словамъ «Отчета», значительно еще увеличено, если бы библіотека не стѣнялась постоянно недостаткомъ мѣста. Впрочемъ, «Отчетъ» сообщаетъ свидѣніе, что библіотекѣ нѣтъ даны уже средства къ разширенію ея помѣщенія, и въ нѣмѣшнемъ же году приступлено будетъ къ построенію новой читальной залы.

Пользованіе богатствами библіотеки значительно облегчится и, конечно, разширится въ своихъ размѣрахъ, когда будутъ окончены каталоги, которыхъ составленіе дѣлательно продолжается чиновниками библіотеки. До настоящаго времени уже внесено въ каталоги — въ русскомъ отдѣленіи 25,169 сочиненій (болѣе, чѣмъ во всѣхъ до селѣ бывшихъ у насъ каталогахъ; у Соинкова 13,249, у Смирдина съ прибавленіями, — 18,364); въ отдѣленіи рукописей составленъ г. Муральтомъ *систематическій* каталогъ греческихъ рукописей, съ критическими замѣчаніями о текстѣ и редакціяхъ. Этотъ каталогъ уже приготовленъ къ печати. Кромѣ того кончены въ прошломъ году : систематическій и хронологическій каталоги библейскихъ книгъ, инвентарь всего отдѣленія классиковъ, сводный каталогъ всѣхъ сочиненій на польскомъ языкѣ, раздѣленныхъ по разнымъ отдѣленіямъ библіотеки, каталоги беллетристики — англійской, голландской, португальской, испанской и итальянской.

Число читателей въ библіотекѣ и въ прошломъ году превзошло число предыдущаго года. Всѣхъ читателей было 34,275, а въ 1857 г. 31,151 (въ 1856 — 27,866), билетовъ для чтенія выдано 3716, а въ 1857 — 3512 (въ 1856 — 2875). Имъ вытребовано книгъ : на русскомъ языкѣ 50,638 томовъ (въ 1857 — 49,671, а въ 1856 — 37,003), и на иностранныхъ 20,758 (въ 1857 — 18,509, а въ 1856 — 14,590). Такимъ образомъ въ прошломъ году количество однихъ русскихъ книгъ, выданныхъ въ чтеніе, почти равнялось всему количеству книгъ, читанныхъ въ библіотекѣ въ 1856 г. (тогда выдано было всего 51,593 тома, въ 1857 — 68,189, въ 1856 — 71,396).

Въ концѣ отчета помѣщена вѣдомость о читателяхъ по состояніямъ. Изъ нея оказывается, что болѣе трети читателей составляли воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, изъ прочихъ же читателей всего болѣе было чиновниковъ 8, 9 и 10-го класса, а изъ во-

военныхъ — поручиковъ, подпоручиковъ, прапорщиковъ и корнетовъ.

Всего болѣе книгъ требовалось по тому разряду, который названъ въ вѣдомости «Отчета» общимъ именемъ *полиграфіи*. Въ иностранныхъ отдѣленіяхъ число это не такъ велико — 2435, но въ русскомъ простирается до 22,555, т. е. почти половина всѣхъ выданныхъ книгъ. Въ нынѣшнемъ году и книги русскаго отдѣленія перечислены по предметамъ, что даетъ возможность составить болѣе полное понятіе о характерѣ читательскихъ требованій въ библиотекѣ. Такимъ образомъ наибольшее количество книгъ, послѣ полиграфіи, было требовано по исторіи (9360 русскихъ и 3870 иностранныхъ) и по богословію (4129 русскихъ и 983 иностранныхъ). Всего менѣе требовалось книгъ по философіи (русскихъ 882 и иностранныхъ 655). По естественнымъ наукамъ и математикѣ русскихъ книгъ было выдано 3713, а иностранныхъ 5113. Кромѣ того въ русскомъ отдѣленіи показана медицина (2439 книгъ), который въ иностранномъ ея почему-то нѣтъ.

Что касается до изысканія средствъ для удовлетворенія книгами всѣхъ читателей, желающихъ заниматься въ библиотекѣ, до сихъ поръ библиотека съ честію выходила изъ всѣхъ затрудненій, неизбежныхъ при такой огромной массѣ книжныхъ богатствъ и при желаніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ читателей. Объ уснѣхахъ, которыхъ она достигла, свидѣтельствуетъ уже громадное приращеніе числа занимающихся въ ней. Но теперь это самое приращеніе налагаетъ на нее новыя заботы относительно удобствъ читателей. Читальная зала становится тѣсною, и начальство библиотеки уже испросило разрѣшеніе на устройствѣ второй читальной залы. Но кромѣ того, при огромномъ количествѣ читателей, неизбежно является другое неудобство въ самой выдачѣ книгъ. Чаше и чаще нынѣ библиотечка должна отвѣчать на требованія, что книга *въ чтеніи*; чаще и чаще приходится читателю ждать нужной книги. Это особенно проявляется въ библиотекѣ потому, что въ ней очень много читателей одного разряда, часто имѣющихъ надобность въ одѣхъ и тѣхъ же книгахъ, какъ, напримѣръ, студенты медицинской академіи, многіе изъ студентовъ университета, принадлежащіе къ одному факультету. Поэтому на нѣкоторые книги требованія безпрерывно возобновляются. Таковы, напримѣръ, нѣкоторые изданія Археографической Коммиссіи, Невольничъ, Соловьевъ и проч. Случается также, что записавшій книгу не получаетъ ее потому, что она въ чтеніи. Черезъ день она сдана читателемъ и выдается другому, который записалъ ее въ этотъ день. Тотъ же, который записывалъ ее прежде, опять долженъ ждать, пока она освободится отъ

второго читателя, да и тутъ, можетъ быть, не успѣть получить ее. Неудобство это, разумѣется, неизбѣжно при многочисленномъ стеченіи читателей; но, можетъ быть, есть средства, хотя нѣсколько смягчить его. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ книгъ, болѣе и чаще другихъ требуемыхъ, можно бы имѣть дублиеты и выдавать ихъ, если не по первому, то по крайней мѣрѣ по второму требованію. Кромѣ того, нельзя ли было бы устроить, чтобы карточки о тѣхъ книгахъ, которыя находятся въ чтеніи, не оставались въ общей массѣ карточекъ, а, напримѣръ, вкладывались въ самую книгу, возлѣ закладки читающаго? Или нельзя ли бы въ общей росписи выдаваемыхъ книгъ отмѣчать противъ № книги № новаго требователя. Это, или что нибудь подобное, могло бы служить для той цѣли, чтобы книга всегда попадала въ руки того, кто раньше ее потребовалъ.

Впрочемъ, замѣчая, что неудобство, указанное нами, происходитъ отъ чрезмѣрнаго обилія читателей, мы тѣмъ самымъ уже говоримъ, что это неудобство ничтожно. Тысячи людей приходятъ сюда и встрѣчаютъ здѣсь рѣдкія удобства, наполняющія ихъ сердце чувствами благодарности и уваженія къ дѣятельности начальства Библиотеки, столь заботливаго и предусмотрительнаго. Что же могутъ значить какія нибудь частныя, всегда неизбѣжныя, желанія, въ сравненіи съ безусловною, въ фактахъ выражаемою, признательностью этихъ тысячъ, съ году на годъ все увеличивающихся!

Украинскіе народные рассказы Марка Вовчка. Переводъ *И. С. Тургенева*. Спб. 1859 г.

Въ началѣ прошлаго года вышли «Народні Оповідання» Марка Вовчка, на малороссійскомъ языкѣ, и имѣли необыкновенный успѣхъ въ малороссійской публикѣ. Успѣхъ этотъ, вполне заслуженный, во многихъ изъ незнающихъ помалороссійски возбудилъ желаніе прочесть ихъ въ русскомъ переводѣ. Нѣсколько рассказовъ было переведено въ нашихъ журналахъ, но переводы эти не были удовлетворительны, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ И. С. Тургеневъ въ предисловіи къ своему переводу, «носили на себѣ слишкомъ ясный отпечатокъ малороссійской рѣчи.» Желая дать русской публикѣ возможность сколько можно лучше и ближе познакомиться съ прекрасными рассказами Марка Вовчка, ихъ взялся перевести Тургеневъ. Въ предисловіи онъ говоритъ, что задача его была—«соблюсти въ переводѣ чистоту и правильность роднаго языка и въ то же время сохранить по возможности ту особую, наивную прелесть и поэтическую грацію, которою исполнены «Народныя Рассказы». Насколько удалась ему его задача, въ особенности ея вторая,

труднѣйшая часть, — онъ предоставляетъ судить благосклонному читателю. Конечно, рѣшительное сужденіе объ этомъ всего лучше могутъ дать малороссы, хорошо знающіе порусски. Но мы съ своей стороны должны замѣтить, что если кто нибудь изъ великоруссовъ, способенъ къ совершенно удовлетворительному исполненію подобной задачи, такъ это именно Тургеневъ. Въ его собственномъ талантѣ столько поэтической граціи и прелести, его сочувствія такъ близки къ народной жизни, что онъ могъ приложить къ этому дѣлу свою душу, и это рѣшается намъ, что русская публика получаетъ теперь переводъ Украинскихъ Разказовъ Марка Вовчка, не уступающій оригиналу. Чтобы дать понятіе о способѣ выраженія, употребляемомъ въ разказахъ, и о характерѣ перевода, мы рѣшились привести ниже цѣлый небольшой разказъ «Одарка,» по переводу Тургенева, вставивши его въ отзывъ о «Народныхъ Оповіданьяхъ,» написанный однимъ изъ лучшихъ знатоковъ малороссійскаго языка и письменности, г-мъ К., еще при первомъ появленіи ихъ въ малороссійскомъ подлинникѣ.

Вотъ что писалъ г. К.

«Народні оповідання» Марка Вовчка представляютъ собраніе разказовъ изъ простионароднаго быта, передаваемыхъ народною рѣчью, большею частію отъ лица женщинъ. Личность автора не видима. На каждомъ шагу читатель встрѣчаетъ картины, поражающія красотой, тѣмъ болѣе цѣнныя, что написаны безъ притязанія на искусство. Нигдѣ не видно старанія изобразить предметъ, какъ можно шире и нагляднѣе: авторъ довольствуется характеристическими чертами и на всѣхъ его разказахъ лежитъ отпечатокъ сжатости и выпуклости образовъ. Въ этомъ отношеніи въ нихъ есть что-то античное: какъ въ великихъ произведеніяхъ древняго міра, въ немногихъ чертахъ представляется многое, и оконченное созерцаніе продолжаетъ свою работу въ душѣ читателя рядомъ возбужденныхъ мыслей и чувствованій. Эта же способность отыскивать главные поразительныя черты, убѣгать многословія и въ немногомъ выражать многое, отличаетъ и тѣ мѣста, гдѣ изображаются чувства: нѣтъ здѣсь сантиментальности, въ которую иногда впадаютъ и даровитые писатели, увлекаясь желаніемъ представить полнѣе и живѣе дѣятельность человѣческаго сердца. Все непринужденно, все естественно: это рѣчь народа, но не разказчика-народа, не списанная со словъ — хотя народнаго человѣка, но призваннаго съ цѣлію разказывать по народному и чрезъ то поставленнаго въ искусственное положеніе, а подмѣченная и подслушанная въ то время, когда она выражалась невольно, не на показъ. Притомъ, «Народні Оповідання» раскрываютъ предъ нами движенія малороссійскаго сердца въ такой обста-

новѣ, въ какой возникаютъ онѣ подѣ условіями и вліяніями настоящей общественной жизни народа. Пять изъ разсказовъ: Козачка, Одарка, Панська-Воля, Знай-Лаше и Викупъ, изображаютъ случаи въ жизни малороссійскаго поселенина, порождаемые неестественнымъ и ненормальнымъ отношеніемъ земледѣльцевъ къ землевладельцамъ, превратившимъ послѣднихъ, не столько вслѣдствіе административныхъ распоряженій, сколько по злоупотребленіямъ, въ душевладельцевъ. Шестой разсказъ, подѣ названіемъ «Сестра», касается положенія бѣдной работницы, зависящей отъ зажиточныхъ хозяевъ. Такимъ образомъ «Народні Оповідання» выступаютъ съ голосомъ правды и человѣколюбія за слабыхъ и беззащитныхъ. Обратимъ вниманіе читателей на разсказъ «Одарка», какъ по мысли, такъ и по выраженію, достойный того вполнѣ.

ОДАРКА.

I.

Старый нашъ панъ, покойникъ, недобрый былъ человекъ! Не гѣмъ бы его вспоминать, да лучшимъ не за что.

У насъ за рѣкой на хуторѣ жили вольные козаки; такъ и они даже боялись нашего пана пуще огня: крѣпко онъ и ихъ обижалъ. А сколько ужъ панъ, крѣпакамъ, приходилось терпѣть отъ него.... охранн, Господи, всякаго крещенаго человека отъ такой напасты! Бывало, завидишь его издали — бѣжишь отъ него зря, только бы не встрѣтиться съ нимъ. Пуще всѣхъ боялись пана дѣвушки.... Не одинъ вѣкъ дѣвичій веселый онъ стубилъ. А что ему сдѣлаешь? Идетъ, бывало, по селу сумрачный, сердитый, да поглядываетъ по сторонамъ, словно волкъ хинцый.

Сидимъ мы какъ-то разъ въ хатѣ, говоримъ объ немъ (и не добромъ, правда, его поминаемъ), — какъ застучить, загремѣть вдругъ кто-то въ сѣняхъ.... Смотримъ — самъ онъ въ двери, по пословницѣ: *Про едека пождека, а воєкь єв хату!*

Вошелъ онъ, да и спрашиваетъ: «А гдѣ твоя дочка Одарка?»

А у моего брата была дочь. Боже мой милостивый, какая дѣвушка! Бывало, весь дворъ веселить она собою, звѣздочка наша ясная! Молоденькая, счастливая! Никакого горя не знаетъ, не вѣдаетъ, бѣгаетъ, сиѣтся, точно въ серебряные колокольчики позванивается.

Какъ спросилъ онъ про Одарку, мы такъ и приросли всѣ къ мѣсту, гдѣ стояли. А тутъ какъ разъ Одарка въ хату. Панъ увидѣлъ ее, — глаза у него засѣтились, и говорить онъ ей: «Иди со мною во дворъ, дѣвушка».

Одарка бросилась къ матери, стала подлѣ нея и стоитъ, не дышетъ, моя рыбочка.

«Ей только еще пятнадцатый годовѣ пошелъ; она еще дитя», говорить отецъ; а мать плачетъ.

«А, ты еще разговаривать станешь, вражий сын! такъ я тебя попечую!» вскрикнулъ грозно панъ, а самъ снова къ Одаркѣ: «Скорѣй, Одарка, пойдемъ!»

Она все стоитъ, не двинется.

«Скорѣй же!»

Не идетъ, словно обмерла.

Схватилъ онъ ее за руку и потащилъ.

Словно наше солнце закатилось! Опустѣло у насъ въ хатѣ, обезлюдѣло.

II.

Мужой мучились мы вплоть до вечера. Вечеромъ невѣстка побѣжала на панскій дворъ провѣдать Одарку, да скоро воротилась.

«Не пустили къ Одаркѣ», говоритъ, «и издали ее не видала и голоса ея не слыхала!»

А сама плачетъ, плачетъ!

И долго мы не видали своего дитяти: не пускали къ ней ни отца, ни матери, ни меня. Бывало, прийдешь, постоишь около панскихъ воротъ, да съ тѣмъ домой и воротись. Не глядѣла бы на бѣлый свѣтъ! Разспрашивать станешь у дворовыхъ дѣвушекъ. «Не знаемъ», говорятъ, «сраде, не знаемъ. Ваше дитя словно за золотыми воротами заперта, и въ глаза ее не увидишь.»

А нынѣ смѣются, словно у нихъ Господь разумъ отнялъ. «Что съ вашею Одаркою станется?» говорятъ. «Да тоже самое, что и съ нами было. И что же такое? Знатная панна ваша Одарка, что ли? А мы, небось, не отцовскіе дѣти, тоже? Небось, и насъ мать не любила, не вѣжила? Были и мы когда-то и хорошия, и добрыя, и честныя, да вотъ привелось же!... А все таки на свѣтъ живемъ и хлѣбъ жуемъ!»

Мы ходимъ да ходимъ каждый день: «Авось», думаемъ, «увидимъ!» Уже третья недѣля на исходѣ. Въ воскресенье вечеромъ невѣстка воротилась, вся въ слезахъ. «Не видала», говоритъ, «только дворовыя надо мной насмѣялись, прости имъ, Господи!»

III.

Разъ сидимъ мы молча: тихо въ хатѣ, тоска! Только слышимъ, какъ невѣстка плачетъ, какъ братъ тяжело вздыхаетъ. Вдругъ что-то зашелестѣло; скрипнула дверь, и вошла наша Одарка. Мы, какъ на нее взглянули, такъ и обмерли: блѣдная она стоитъ такая да измученная! А она, бесталанная, поклонилась, да и стала у порога, словно чужая; стоитъ и глазъ не подниметъ.»

«Вотъ, жена», говоритъ братъ, «вотъ и увидѣли мы свое дѣтище! Какая пригожая стала!»

Сказалъ да и заплакалъ. Отъ роду въ первый разъ я тогда видѣла, какъ мой братъ плачетъ. Не приведи Матерь Божія увидать въ другой разъ!

Посадили мы свою Одарку на лавкѣ; невѣстка и спрашиваетъ ее: «Дочка моя! горлянка моя! Тебя ужь отпустили?»

«Я, мамо, украдкой пришла. Въ дворѣ гости пріѣхали, молодой панъ съ женою.»

«Разскажи намъ, Одарочка, всѣ свои бѣды, голубка!» говорю я.

«Да, разскажи мнѣ, разскажи! пускай послушаютъ», вымолвилъ братъ, да и пошелъ изъ хаты, словно его огнемъ обожгло.

Одарка горько заплакала, да и стала разсказывать все: какъ ее за-
мыкали одну на ночь въ горницы, какъ грозили и били, какъ до ги-
бели довели.

«Ты бѣ, моя дочка, панью попросила: можетъ, она бы тебя спасла...
неразумное мое дитятко?»

«Мамо, мамо! какъ пани поможетъ? Да отъ него всѣ вразсыпную бѣ-
гутъ, словно голуби отъ коршуна! Не поможетъ пани! Пани и панночки
на меня же злятся, будто я внаправду виновата. Какая изъ нихъ ни
пройдетъ мимо меня, такъ и коритъ меня, и словомъ, и взглядомъ.»

Кручиннися да плачемъ, плачемъ да кручиннися.... Не успѣли огля-
нуться, какъ уже темная ночь на дворѣ.

«Неадорозится мнѣ, матушка», говоритъ Одарка. «Переночую я у
васъ хоть одну ночешку. Теперь въ дворѣ гости,—некогда мнѣ и спо-
хватиться меня.»

IV.

Заночевала дома. Она еще и глазъ закрыть не успѣла, какъ уже
бѣгутъ за нею изъ господскаго двора паробки: «Мили скорѣй!»

Какъ она просилась, какъ она плакала! «Дайте мнѣ пожить у ба-
тющки!» Больно ей неадорозилось.

«Нѣтъ», говорятъ, «мы не смѣемъ. Не пойдешь по доброй волѣ,—
насильно поведемъ: такъ приказано! Тебя зачѣмъ-то еще съ вечера
искали панночки и пріѣзжала пани.»

«Знать, какая-нибудь еще бѣда готовится», говоритъ невѣстка.

«Не доведи Богъ и до того, что было», отозвался братъ. «Лучше
бы она, маленькая, погибла. Полно, Одарка, полно плакать, полно про-
сить! они не помилуютъ, да и невластны они.»

«Не наша власть», говорятъ паробки (и мнѣ жалко стало). «Эге.
ладко», говорятъ, «кабы наша власть!»

Мы, просто, ума не приложимъ: что-то будетъ! не знаемъ, идти ли
на нашскій дворъ, или дома дожидаться горя. А тутъ въ обѣденную
пору приходитъ Одарка.

«Прощайте, мамо, прощайте!»

Мы къ ней: «Что такое? что такое?»

«Отдали меня молодыки панамъ», говорятъ: «На той недѣлѣ пове-
зутъ меня. И васъ тоже берутъ, тетушка! Велико намъ къ воскресенью
собраться.»

У меня такъ на сердцѣ и похолонуло. Хотя я и не въ роскоши вѣкъ
своей видала, да все же между своими, въ своей хатѣ, а тутъ отдаютъ

чужимъ людямъ, въ чужую сторону, не знаешь, за что и про что. Горько мнѣ стало; залилась я слезами. А невѣстка Бога благодарить, что ея Одарка не одна въ чужую сторону ѣдетъ.

Нашъ старшій паничъ женился на Полькѣ и жилъ въ городѣ; къ отцу не ѣздивъ года съ четыре: были они въ ссорѣ. Старикъ сердился на сына, зачѣмъ онъ на полянкѣ женился, и только тогда и простилъ его, когда Богъ ему внучать далъ. Стали они въ-частую прѣзжать. Полька околдовала старика, словно чарами какими: онъ и слушался ее, и деньги ей давалъ.... а скупой былъ, Господи Воже!

Только прѣехала полька, пани съ панночками и принялись ее уговаривать: «Выпроси Одарку себѣ!» Итъ, видите ли, хотѣлось, чтобы бѣдную дѣвушку какъ можно подальше отъ пана завести. Какъ начала полька просить, какъ начала молить пана, такъ и отдалъ. Вотъ, приказати намъ къ воскресенью собраться, а сами впередъ покатили.

V.

Дождались мы воскресенья; пошлись родные насъ провожать. Простились. Одарка въ послѣдній разъ поклонилась матери, а мать схватила ее, облила слезами да только свои причитаетъ: «Дитя мое! дитя мое единое!» Такъ уже, несчастная, убивалась, что и каменное сердце бы растаяло. А Одарка будто замерла — и не плачетъ. Поклонилась отцу. Отецъ благословилъ ее: «Заступи тебя Божія Матерь, моя дочка!»

Привели насъ на господскій дворъ. Вozы уже стоятъ запряженные. Вышла пани съ паночками, приказываетъ служить вѣрою и правдою молодымъ панамъ. Вышелъ и самъ старшій паниъ.

«Трогай!» говоритъ онъ кучеру. «О чемъ тутъ толковать? — Если паны на васъ пожалуются», пригрозилъ онъ намъ, «то узнаете, какъ козамъ рота выправляютъ! Трогай!»

Мы поѣхали.

Ѣдемъ день, Ѣдемъ другой. Спрашиваю Одарку: здорова ли она?

«Здорова», говоритъ, «теточка, только на сердцѣ тяжело, охъ, какъ тяжело!»

И все она думаетъ, все тоскуетъ: извѣстное дѣло — съ отцемъ, съ матерью разлучилась.

На четвертый день вѣхали мы въ панскій дворъ. Всѣ насъ оглядываютъ да перемигиваются; никто не заговорить съ нами привѣтливо. Городскіе все люди, непрямые, нечистосердечные, насмѣшливые.

Повели насъ въ хоромы. Выскочила пани. Можетъ быть, вамъ не разъ случалось видѣть ихъ, полекъ? Всѣ онѣ такіе живыя да веселыя, да рѣчистыя, говоруньи такіе; и эта точь-въ-точь была такая же. Какъ начала, такъ и за себя все сказала, и за насъ отиѣтила. И такъ все это проворно да бойко! сама такъ и вьется передъ нами. Въ глѣтахъ уже была, а на вискахъ кудри, вся въ перстняхъ, въ лентахъ,—оттого и казалась моложава.

Вышелъ паниъ. Онъ былъ собою хорошъ, стройный такой и гордый да спесивый. Бывало, если и взглянетъ, такъ однимъ только глазомъ,

через плечо. Спросилъ, нѣтъ ли письма отъ отца, и вышелъ. Выбѣжали и дѣти на насъ посмотрѣть. Пани имъ посвоему говорить: «Дайте этимъ холопкамъ ручки поцѣловать.» Они и протянули рученки: цѣлуйте!

VI.

Велѣли мнѣ прять, а Одарку вышивать посадили. Вышиваетъ она юбочки панночкамъ, или что другое, да каждый вечеръ и несетъ показывать паньѣ. Пани временемъ и добра бывала, только непремѣнно ее выбрать, если что тамъ не хорошо, а временемъ, какъ расходится, такъ ничѣмъ ее не уймешь, словно воду изъ мельничныхъ жолобовъ. Тогда всѣмъ бѣда!

Не влюбилъ она насъ,—не столько меня, сколько Одарку. Бывало, такъ и бѣгъ ее, какъ ржа желѣзо.

Говоритъ она ей однажды: «танцуй, Одарка! танцуй, да и только!» Велѣла ее вывести на середину горницы: «танцуй!» Пошла танцовать несчастная, да ножки у ней подкосились — упала, а паны грохочутъ: «притворяется», говорятъ, «притворяется!» Такое горе!

Смотрю я—таетъ, таетъ моя Одарка, какъ восковая свѣча. Сидитъ, бывало, цѣлый Божій день и словечка не вымолвить. Какъ, пани ни допекаетъ ее, какъ ни напугаетъ на нее—она молчитъ; только взглянетъ иногда на нее своими тихими, кроткими глазами. А нашенята вопыются въ нее, какъ пьютъ: «Ты дура! твое племъ все глуное! А ну, потанцуй!» Толкаютъ ее, параютъ, щиплютъ. Она только поглядитъ на нихъ, моя голубка! Пани, бывало, даже разгнѣвается, да и говоритъ: «Это какая-то каменная дѣвка!»

VII.

Даль Господь весну. Мы въ саду кошаемъ, застѣваемъ, а Одарка и за порогъ не переступила. «Много она тутъ марочаетъ!» говоритъ пани. «Пускай ужъ лучше сидитъ да вышиваетъ!»

Въ одинъ день отработались мы, идемъ изъ саду, а пани и говоритъ: «Вѣрно, Одарка не вышиваетъ, а либо спитъ, либо зѣваетъ.»

«Ужъ это вѣрно, мамаща, что не вышиваетъ», подхватила старшая панночка. «Я ужъ знаю.»

«Тише!» говоритъ пани. «Посмотримъ, что она дѣлаетъ.»

Подкралась.... вошли. Одарка лежитъ, руки заложивъ подъ голову, вся блѣдная—блѣдная, только глаза сіяютъ; лежитъ и пристально смотритъ на насъ. Даже пани остановилась и ничего не сказала. Я перенесла ее въ коморку, положила ее на лавку.... она ужъ и не встала.

Все, бывало, просить: «Сердце мое, теточка! отворите окошечко и двери; пускай я на свѣтъ Божій погляжу; пускай посмотрю туда, гдѣ моя сторона!»

Паны совѣтывались между собою, велѣли бабу дѣварку привести. Пришла бабушка, старенькая такая, даже побѣлѣла вся; распросила,

посмотрѣла, да и покачала головою: «Дитя мое несчастное!» говорить, — «затоптали тебя какъ цвѣтокъ душистый! Пусть не видать добра въ жизни тѣ, что это надъ тобою сдѣлали! а твой вѣкъ ужъ не долгій.» Перекрестила она дѣвушку, заплакала, да и вышла.

VIII.

Тогда пани велѣла отвезти Одарку въ больницу.

«Пустите меня, пани», прошусь я у нея; «я присмотрю за Одаркою! Я и работать вамъ буду хорошо, все сдѣлаю, что прикажете, и за ней присмотрю.»

«Вотъ еще глупости!» говорить пани. «Тамъ лучше тебя присмотрятъ!» Такъ и не пустила.

Въ воскресенье какъ-то я вырвалась, побѣжала ее провѣдать. Вошла, гляжу—она лежитъ какъ разъ противъ окна, и окно открыто.

«Какъ начала ваша дѣвушка просить да молить», сказала мнѣ старая служанка, что тамъ за больными ходила: «положите, да положите меня противъ окна» — надо было ей угодить.»

«А что, Одарочка?» спрашиваю ее я, «какъ ты себя чувствуешь?»

Она посмотрѣла на меня, да и говорить: «тетя милая, у насъ теперь вишни да черешни цвѣтутъ, а тамъ скоро и макъ закруасется.... А тато и мама? Нѣтъ вѣстей?»

«Еще нѣту, голубушка», говорю. «Я тогда сейчасъ прибѣгу къ тебѣ. Не желаешь ли чего, Одарко?»

«Нѣтъ, теточка, ничего не хочу; нускай только меня отъ окна не отгоняють.»

IX.

Въ воскресенье я ее провѣдала, а въ четвергъ, слышнмъ, она умерла. Побѣжала я туда; а она уже на столѣ. Свѣчка горитъ, а никого нѣтъ. И такая она хорошая лежала, какъ ангелочекъ Божій!

Вошла старая прислужница. «О», говорить, «поплакала я надъ вашею дитею! Ужъ какая же она была тихая да покорная! Такой доброй души отродясь я не видала. Вошла я къ ней вчера, она карабкается на окно. «О», говорю, «дѣвушка! что это ты дѣлаешь?» — «Пустите меня», сказала, «пустите, бабушка! Я взгляну туда въ послѣдній разъ.... Тамъ мой отецъ и мать живутъ....» И такъ жалобно, словно птичка чиликаетъ: *пустите!*—Я ее и пустила. Поддержала ее, а она все глядитъ пристально-пристально въ даль, и слезы, какъ жемчужинки, такъ и сыплются мнѣ на руки, теплыя-теплыя.... Солнце тогда заходило. Увидала она — вышла въ садъ цвѣтеть: «Принесите мнѣ, бабушка!»— Я пошла и привнесла ей. Она взяла: «О, какой пахучій да свѣжій!» говорить. «Спасибо вамъ, сердце мое бабушка!» Легла и цвѣточекъ подлѣ себя положила. «Вотъ уже и солнышко низко!» промолвила она, да и опять стала вспоминать про отца и мать; все ихъ звала, все

съ ними говорила: «Тату мой, тату! на что вы меня покинули! Матушка! возьмите меня! Ой, покинули меня! Покинули одну!... Мамо!... Тату!... родные мои да милые!...» Прійми ее Господь на свое лоно, мою голубушку! Ужь такъ я поплакала на старости дѣтъ!»

Въ пятницу ее схоронили. Какъ стали гробъ опускать въ могилу, все бѣлые голуби надъ нею кружились. Солнце яркo сіяло, словно высыпалось по землѣ золотыми лучами. Утро такое ясное было да тихое, вѣтерокъ не повѣетъ, тучка не набѣжить.... Праведная душа представилась!

«Это обыкновенное, каждодневное событіе, (продолжаетъ г. К. свой разборъ), рассказанное такъ просто, возбуждаетъ много, много думъ въ головѣ и сердцѣ читателя.

«Столь же прекрасенъ рассказъ о Козачкѣ, вышедшей замужъ за барскаго человѣка. Сначала терпитъ она недостатки, суровость обращенія, томится сердцемъ, какъ барскіе дѣти дурачатся съ ея ребятишками и бьютъ ихъ для забавы; потомъ ее разлучаютъ съ мужемъ, отправленнымъ съ бариномъ въ Москву. Когда она въ простотѣ сердца вздумала спросить у своей барыни о судьбѣ его, то за такое неумѣстное и неприличное проявленіе чувства въ холонкѣ, ее осмѣляли и вытолкали. Мужъ ея умеръ на чужбинѣ. Вся привязанность ея сосредоточилась на дѣтяхъ, но у ней взяли двоихъ сыновей и отправили съ двумя господскими сыновьями въ столицу. У матери оставался третій мальчикъ; но горести и лишенія обезсилили ее; она не въ состояніи была болѣе работать и барыня прогнала ее съ ребенкомъ. Она нанялась у какого-то кузнеца, гдѣ неужилась, по причинѣ вздорнаго характера хозяина, воротилась-было въ барскій дворъ, оттуда ее выгнали, разбранивъ за то, что старшій ея сынъ, отправленный съ господскими дѣтьми, проворовался! Олена—такъ звали ее — нанялась у одного добраго человѣка, но такъ какъ ей приходилось съ нимъ ѣхать куда-то далеко, то она пришла къ барынѣ за письменнымъ видомъ. Барыня закапризничала и узнавъ, что Олена получаетъ два рубля въ мѣсяцъ, требовала давать ей эту сумму въ оброкъ за отпускъ. По желанію хозяина, она согласилась, но барыня потребовала еще болѣе, и женщина принуждена была остаться во дворѣ. Сообразно законамъ, какъ вольная по происхожденію, она имѣла право отойти отъ барыни, но не знала своихъ правъ, какъ не знаютъ ихъ по большей части безграмотные мужики. Козачка умерла въ барскомъ дворѣ. Кончина ея изображена раздирающими сердце чертами. Замѣтимъ только: при всѣхъ достоинствахъ этого рассказа, полного мысли, чувства, при всемъ его художественномъ настроеніи, тамъ есть неестественность; это — письмо, писанное помалороссійски мужемъ ея изъ Москвы: такъ

писать могутъ малороссійскіе писатели другъ къ другу, а не слуги къ своимъ женамъ.

«Короткій разсказъ «Панська Воля» описываетъ: какъ въ имѣніи одного господина, который пріѣхалъ управлять полученнымъ наслѣдствомъ съ благими намѣреніями учить мужиковъ наукамъ и построить имъ новыя хаты о трехъ окнахъ, у матери-крестьянки умираетъ младенецъ, оставленный ею безъ призранія, потому что надобно было идти на барщину. Этотъ ударъ былъ для нея такъ ужасенъ, что она сошла съ ума; конецъ нѣсколько натянутый: подобныхъ примѣровъ дѣтской смерти чрезвычайно множество, и крестьянки не сходятъ объ нихъ съ ума.

«Вообще «Народні Оповідання» хотя въ первый разъ въ южно-русской литературѣ коснулись этого вопроса, но не исчерпали его и даже ограничиваются только описаніемъ единичныхъ явленій, а не представляютъ изображенія народнаго быта въ постоянныхъ условіяхъ означеннаго вопроса. Строго разбирая, спросимъ, что говорятъ намъ эти превосходно-разсказанные событія? Только то, что подобное случается, и сверхъ того, — какъ народъ разсказываетъ о такихъ случаяхъ. Но всѣ эти случаи не суть необходимыя условія того состоянія крестьянъ, о которомъ идетъ рѣчь. Они могутъ и не быть при немъ, и конечно, есть очень много душевладѣльцевъ, которые съ спокойною совѣстію могутъ сказать, что у нихъ подобнаго не случалось. «Народні Оповідання» не коснулись такихъ сторонъ этого предмета, которыя бы вытекали изъ его сущности, были бы необходимыми и постоянными его признаками и тѣмъ показывали неприменимость самого принципа къ потребностямъ настоящаго времени и несомѣстимость его какъ съ пользою владѣльцевъ, такъ и съ благоденствіемъ земледѣльческаго класса. Равнымъ образомъ, здѣсь нѣтъ ни народнаго взгляда на это положеніе дѣлъ, исторически усвоеннаго народомъ, ни тѣхъ типическихъ особенностей, съ какими малороссійскій народъ является по отношеніямъ къ атому предмету. А эти-то стороны вопроса въ особенности желательно было бы увидѣть въ литературѣ. Замѣчается это вовсе не съ цѣлю обвинить автора. Никто не вправе требовать отъ сочинителя, чтобы онъ изображалъ то, а не другое, когда онъ не показалъ самъ притязанія; но если авторъ Народныхъ Разсказовъ Марка Вовчка подарилъ читателей такими прекрасными разсказами, то читатели вправе просить его не останавливаться на этихъ первоначальныхъ опытахъ, а раскрыть важную сторону народной жизни въ болѣе общихъ и знаменательныхъ ея явленіяхъ. Всѣ малороссіане разделяютъ это желаніе. Если литературнымъ созданіямъ въ формѣ разсказовъ и повѣстей суждено не только служить развлеченіемъ для праздности, но

художественнымъ выраженіемъ задушевныхъ мыслей современнаго общества возбуждать въ насъ плодоносныя думы, чистыя чувства и жажду дѣятельности на добро ближнимъ, то призваніе благороднаго автора еще вперед: ибо онъ угадалъ требованія читающей и мыслящей части своего народа, которая давно нуждается въ пророкахъ, которые бы раскрывали вѣковыя раны, замазанныя лицемѣріемъ и безпечностію, и указывали бы на животворную купель исцѣленія. Но, къ сожалѣнію, проходя мимо своихъ писателей и поэтовъ, и даровитыхъ и бездарныхъ, въ этомъ отношеніи мы могли сказать съ разслабленнымъ: «человѣка не имамы;» а если и были такіе призванные, то они умоляли слишкомъ рано, можетъ быть, не всегда по собственной волѣ, а по приговору судьбы». — К.

Движеніе внѣшней торговли Россіи съ 1853 по 1856 годъ. Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества *Θ. Тернера*. С. Петербургъ. 1856 г.

Въ концѣ 1858 г. появилось въ печати сочиненіе извѣстнаго уже въ статистической литературѣ г. Тернера «О движеніи внѣшней торговли Россіи съ 1852 по 1856.» Трудъ этотъ представленъ былъ на разсмотрѣніе Русскаго Географическаго Общества, и какъ единственный въ своемъ родѣ послѣ знаменитаго сочиненія Г. И. Небольсина и Тенгоборскаго, удостоенъ статистической преміи — золотой медали. — Статистическая литература Россіи, говоритъ авторъ, еще не богата обширными сочиненіями. Такъ напримѣръ, до сихъ поръ существуетъ на русскомъ языкѣ только одинъ полный подробный и въ высшей степени замѣчательный трудъ о *внѣшней торговлѣ Россіи*. Г. И. Небольсина. Сочиненіе это вышло послѣднимъ изданіемъ въ 1850 г., но большая часть фактовъ, обсуживаемыхъ въ немъ, не восходитъ далѣе 1847 г. Съ тѣхъ поръ однако всемірная, а вмѣстѣ съ нею и русская торговля подверглись весьма значительнымъ измѣненіямъ.

Послѣ сочиненія Г. Небольсина, вышелъ въ свѣтъ на французскомъ языкѣ трудъ г. Тенгоборскаго (*Les forces productives de la Russie*.) Трудъ этотъ обнимаетъ свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи по 1853 годъ. Такимъ образомъ свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи до 1858 ограничивались только этими двумя сочиненіями, изъ которыхъ первое, какъ мы сказали, доведено до 1840, а второе до 1853 года. Г. Тернеръ взялъ на себя трудъ составить свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи съ 1853 по 1856 годъ. — Сочиненіе это служить какъ бы продолженіемъ упомянутыхъ двухъ сочиненій гг. Небольсина и Тенгоборскаго. Но такъ какъ сродство, соединяющее

Т. LXXV. Отд. III.

остальную часть прошедшаго десятилѣтняго періода съ 1853, 1854 и 1855 годами не такъ тѣсно, какъ связь существующая между этими тремя годами, то г. Тернеръ, рассматривая необыкновенныя измѣненія, происшедшія въ нашей виѣшней торговлѣ послѣ 1853 года, указалъ и на нормальные успѣхи, которые она сдѣлала съ 1846 по 1856 годъ.

Обозрѣніе виѣшней торговли Россіи г. Тернеръ раздѣлилъ на два отдѣла: первый отдѣлъ посвященъ общему обозрѣнію привозной и отпускной торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ указаны тѣ европейскія событія и перевороты, которые имѣли вліяніе на развитіе всемірной торговли и промышленности; — во второмъ отдѣлѣ рассмотрѣна съ величайшею подробностью и тщательностію одна только отпускная торговля Россіи. Нельзя не сказать, что г. Тернеръ разработалъ сухія числовыя данныя съ истиннымъ знаніемъ дѣла: выводы его вѣрны и очень интересны.

Тенгоборскій, въ своемъ сочиненіи «О производительныхъ силахъ Россіи», подраздѣляетъ всѣ предметы нашей отпускной торговли на: а) *такіе, отпускъ коихъ дѣлаютъ успѣхи и которымъ предстоитъ хорошая будущность*, таковы: хлѣбъ, рыба, ленъ, масличныя сѣмена, стеаринъ, оленінь, рыбій жиръ, шерсть, лѣсъ, щетина, конскій волосъ, холстъ и полотно, канаты и веревки, мѣха и др.; б) *которые дѣлаютъ слабые успѣхи*, сюда относятся: мѣдь, поташъ, сальныя и другія свѣчи; в) *коихъ торговля не возвышается*, таковы: пенька, заячьи шкуры, кожи, выдѣланныя и др.; г) *коихъ отпускъ въ упадкѣ и не можетъ еще подняться*, какъ, напримѣръ: скотъ, спиртовые напитки, сало, сырыя кожи; наконецъ д) *предметы, коихъ торговля рѣшительно въ упадкѣ*, таковы: желѣзо, красильныя вещества, парусина, мыло, рыбій жиръ, воскъ (мы видѣли противное въ 1854 и 1855 году) и растительныя масла.

Г. Тернеръ въ обзорѣннн своемъ о состояніи нашей виѣшней торговли съ 1853 по 1856 годъ доходитъ до слѣдующихъ выводовъ.

1) Итогъ нашей виѣшней торговли понизился въ 1854 году въ сравненіи съ среднимъ годовымъ отпускомъ 1850 — 1852 г. на 67 милліоновъ руб. или на 30%; уменьшеніе же въ 1855 году противъ того же средняго годоваго отпуска составляетъ 100 милліоновъ, т. е. до 50%. Замѣчательно, что этотъ упадокъ произведенъ не только уменьшеніемъ нашей торговли съ Европой, но и одновременнымъ упадкомъ нашей финляндской и азіатской торговли. Пониженіе же одной европейской торговли, несмотря на то, еще сильнѣе, чѣмъ упадокъ нашей всеобщей торговли, ибо она понизилась въ 1854 г. на 37% (противъ 1850—1852 г.), а въ 1855 г. на 51%.

2) При этомъ упалъ значительную роль играть отпускъ: въ 1854 году онъ упалъ (сравнительно съ 1850—1852 г.) на 35 миллионъ руб. или на 40%, между тѣмъ какъ пониженіе привоза не превосходитъ 28 миллионъ руб. или 34%. Затѣмъ въ 1855 году отпускъ понизился еще на 26 миллионъ или на 48%, привозъ же возвышается въ сравненіи съ 1854 г. на 2 милліона или на 3% слѣшкомъ.

3) Изъ всѣхъ статей нашей внутренней торговли болѣе всего потеряли обороты льбѣомъ (въ 1854 г. отпущено нѣсколько менѣе 3 миллионъ четвертей. — средній же нормальный годовой отпускъ съ 1850—1852 г. былъ 5½ мил. четверт.; отпускъ же въ 1855 г. былъ самый незначительный, а именно 650,000 четверт.

4) Кромѣ того, въ 1854 и 1855 годахъ, замѣтно сильное пониженіе въ отпускѣ:

Пониженіе отпуска сравнительно съ 1850 — 1852 г.

	въ 1854 г.	въ 1855 г.
Сада на	52%	65%
Льна.	57%	61%
Пеньки.	56%	61%
Лѣсу	20%	45%
Щетины	37%	30%
Конскаго волоса. . .	56%	80%
Мѣди	50%	40%
Мягкой рухляди. . .	59%	80%
Льняныхъ тканей. .	90%	73%
Канатовъ и веревокъ .	53%	70%
Юфти	90%	92%
Невыдѣлан. кожъ .	62%	80%

Несмотря, однакожъ, на военныя событія, по нѣкоторымъ статьямъ замѣчается въ 1854 году даже приращеніе отпуска противъ среднихъ чиселъ періода 1850—1852 г.

Отпускъ увеличился	въ 1854 г.
Масличныхъ сѣмянъ на	11%
Коноплянаго масла.	88%
Выдѣланныхъ кожъ:	114%
Конскихъ гривъ	35%

Тоже значительно увеличился отпускъ: стеарина, воску, льняной пряжи и пеньковой пакли.

Итакъ, въ теченіе этихъ двухъ годовъ войны, изъ главныхъ статей нашей отпускной торговли довольно хорошо держались

только шерсть и маслянистый сѣмьна, между тѣмъ какъ отпущенъ хлѣба, сала, льна, пеньки и лѣса пострадалъ весьма сильно.

5) Последняя англо-французская война показала, что хотя главные изъ нашихъ сырыхъ продуктовъ составляютъ дѣйствительно предметы первой надобности для Великобританіи, но *зависимость Англійи отъ Россіи*, относительно снабженія первой сырыми продуктами, необходимыми для англійскихъ мануфактуръ и фабрикъ, *совершенно не такъ велика*, какъ полагаютъ многие люди въ нашемъ отечествѣ. Несмотря на уменьшеніе вывоза изъ Россіи въ 1854 году, даже въ 1855 г., привозъ въ Англію льнянаго сѣмени, шерсти, сала и другихъ жирныхъ веществъ, лѣса, льна и пеньки, среднимъ числомъ даже превзошелъ количество годового привоза 1850—1852 г. Правда, что тому способствовала необыкновенная дороговизна этихъ продуктовъ въ Англіи, но все же этотъ фактъ доказываетъ возможность вполне замѣнить дефицитъ привоза изъ Россіи ея главныхъ сырыхъ продуктовъ подвозомъ изъ другихъ странъ.

Наконецъ г. Тернеръ заключаетъ: нашимъ произведеніямъ предстоитъ еще на долгое время вѣрный сбытъ на великобританскомъ рынкѣ, однако, *если мы не будемъ стараться усовершенствовать производство нашихъ сырыхъ продуктовъ, съ намѣреніемъ улучшить ихъ качество и понизить относительно ихъ цѣны, то можно предвидѣть, что сбытъ ихъ въ Англію будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться съ каждымъ годомъ, ибо ихъ станутъ вытѣснять подобныя же продукты другихъ странъ, которые или лучше приготовлены, или дешевле.*

Учебная книга русской исторіи. Сочиненіе *Сергія Соловьева*. Выпускъ 1. Москва. 1859 года.

Краткое изложеніе русской исторіи. Составилъ *Н. Тихомаевъ*. Спб. 1858 года.

Спѣшимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на книжку г. Соловьева замѣчательную уже тѣмъ, что составителемъ является профессоръ, извѣстный своими учеными трудами и служащій нынѣ представителемъ русской исторической науки. Дѣло составленія учебниковъ признано наконецъ дѣломъ серьезнымъ; за него принимаются люди, подобные гг. Соловьеву, Буслаеву, В. Шульгину и безъ всякаго сомнѣнія ихъ труды скоро вытѣснятъ тѣ жалкія издѣлія, какими до сихъ поръ снабжались наши учебныя заведенія отъ гг. Зуева, Н. Греча, Ив. Давыдова, Ив. Шульгина, и т. п. Если еще и долго не дождемся мы учебниковъ, которые бы вполне соответствовали потребностямъ учащихся, то по крайней мѣрѣ можемъ

порадоваться хоть тому, что въ нѣкоторыхъ изъ учебниковъ, изданныхъ въ послѣднее время, здравый смыслъ уже не искажается съ тою безпощадностью, какъ прежде. Можно надѣяться, что со временемъ явятся у насъ и такія руководства, по которымъ учиться дѣйствительно будетъ легко и просто....

«Учебникъ» г. Соловьева, разумѣется, вполне удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія можно ему сдѣлать съ чисто-научной точки зрѣнія. Факты разсказаны въ немъ вѣрно и точно, связь ихъ показана очень ясно, сдѣлана оцѣнка внутренняго смысла явленій, обращено большое вниманіе на внутреннее состояніе общества въ данную эпоху. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ изложеніе русской исторіи до Іоанна III, и въ этомъ изложеніи представляются не устарѣлыя мнѣнія, не отсталыя выводы, а дѣйствительно результаты самыхъ послѣднихъ ученыхъ изысканій о нашей древней исторіи. Но въ педагогическомъ отношеніи еще многого можно желать отъ «Учебника» г. Соловьева. По мнѣнію лучшихъ педагоговъ, учебникъ исторіи долженъ быть составленъ такъ, чтобы ни одинъ фактъ, ни одна личность не оставались въ головѣ учащагося однимъ празднымъ словомъ, а непремѣнно возбуждали бы его мысль, воображеніе, даже привлекали его сердечное участіе. Поэтому всѣ историческія лица, упоминаемыя въ учебникѣ, должны являться въ немъ съ своею особою фizioноміею, — всѣ отдѣльныя событія должны имѣть свой ярко-опредѣленный характеръ, свое, рѣзко обрисованное, значеніе. Если печѣмъ характеризовать лицо или событіе, лучше вовсе пропустить его. Пусть ученикъ не знаетъ, кто былъ великимъ княземъ, — на примѣръ хоть послѣ Мстислава Владиміровича; что за бѣда? «Что имя? Звукъ пустой!...» Довольно для ученика, если онъ узнаетъ общій характеръ борьбы Мономаховичей съ Ольговичами; а этихъ Ярополковъ, Вячеславовъ, Всеволодовъ вѣдь онъ, все равно, перепутаетъ же невозвратно черезъ два дня по окончаніи послѣдняго экзамена. Можно держать пари, на что угодно, — что никто, даже изъ людей, прошедшихъ университетскій курсъ, но не занимавшихся специально древней русской исторіей, не разскажетъ вѣрно всѣхъ подробностей удѣльной кутерьмы или даже какойнибудь части ея, на примѣръ хоть происшествій при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава. И отъ этого не происходитъ рѣшительно никакого пробѣла въ историческихъ знаніяхъ человѣка. Равнымъ образомъ человѣкъ не сдѣлается сильнѣе въ знаніи исторіи, если выучитъ изъ «Учебника» г. Соловьева, на примѣръ слѣдующія свѣдѣнія: «Мстиславъ владѣлъ Кіевомъ, Новгородомъ и Смоленскомъ, въ Новгородѣ княжилъ сынъ его Всеволодъ, въ Смоленскѣ другой, Ростиславъ; братья Мстиславовы княжили: Ярополкъ въ Переяславѣ, Вя-

чеславъ въ Туровѣ, Андрей на Волыни, Юрій въ Ростовской и Суздальской землѣ.» (стр. 22). Или: «изъ пятерыхъ сыновей Ярославовыхъ старшій Изяславъ былъ великимъ княземъ, владѣлъ Кіевомъ и Новгородомъ; второй, Святославъ, владѣлъ Черниговомъ, Тмутроканью и землями по Окѣ, страню Вятичей, Рязанью, Муромомъ; третій, Всеволодъ, владѣлъ Переяславлемъ Южнымъ или Рускимъ; кромѣ того Всеволодъ владѣлъ землями по Волгѣ, также Ростовомъ, Суздалемъ, Бѣлоозеромъ; четвертый, Вячеславъ, получилъ Смоленскъ; пятый, Игорь, владѣлъ Владиміромъ Волынскимъ. Полоцкъ оставался въ отдѣльномъ владѣніи у потомковъ Изяслава, сына св. Владиміра. Но послѣ Ярослава остался еще внукъ Ростиславъ,» и т. д... (стр. 15)». Мы не говоримъ, чтобъ все это было вредно знать, или чтобъ эти подробности дѣлали «Учебникъ» негоднымъ; но, какъ намъ кажется, подобные приемы обнаруживаютъ, что г. Соловьевъ не слишкомъ заботился о переработкѣ массы историческихъ данныхъ сообразно съ формой, объемомъ и требованіями учебника, а просто составилъ краткое извлеченіе, — родъ подробнаго конспекта, — изъ своей полной исторіи. Поэтому онъ и не обратилъ особеннаго вниманія на выборъ и соразмѣреніе фактовъ. Самый объемъ «Учебника» очень значителенъ: 1-й выпускъ, до Юліана III, содержитъ 116 страницъ убористой печати, что составитъ, вѣроятно, гораздо болѣе половины цѣлой книжки гимназическаго курса исторіи, г. Устрялова. Правда, что у г. Соловьева несравненно болѣе фактовъ, и они лучше рассказаны; правда и то, что г. Соловьевъ не теряетъ словъ понапрасну и никогда не пускается въ затхлое краснорѣчіе; правда, что четвертая доля книги занята обозрѣніемъ внутренняго состоянія общества, о чемъ г. Устряловъ слишкомъ мало думалъ. Но всѣ эти достоинства не исключаютъ возможности сократить рассказъ выпускомъ нѣсколькихъ мелкихъ подробностей и болѣе общей характеристикой событій.

Впрочемъ, все-таки книжка г. Соловьева представляетъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ составленія нашихъ учебниковъ. При слѣдующихъ выпускахъ мы надѣемся еще возвратиться къ ней и поговорить о ней подробнѣе.

Что касается книжки г. Тимаева, то она, доводя до крайности недостатокъ, замѣченный нами въ «Учебникѣ» г. Соловьева, вовсе не имѣетъ его достоинствъ. У г. Тимаева имена князей, городовъ и пр. разсыпаны по всѣмъ страницамъ съ необыкновенною щедростью. Въ «Учебникѣ» г. Соловьева если имена приводятся во множествѣ, то они по крайней мѣрѣ оказываются болѣею частью нужными для разъясненія подробностей послѣдующихъ фактовъ, особенно удѣльныхъ междоусобій. Но г. Тимаевъ приводитъ имена просто для то-

го, чтобы привести ихъ: «Изъ Волынскихъ князей, говоритъ, *замѣчательны*—храбрый Романъ Мстиславичъ и его сынъ Данилъ Романовичъ, овладѣвшій Галицкимъ княжествомъ; изъ Смоленскихъ князей *замѣчательны* Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалый, про-
славившіеся отвагой и побѣдами» (стр. 36). И болѣе о нихъ—ни слова. Подобнымъ образомъ онъ занимается даже татарами: «первые ханы Сарайскіе, — говоритъ, были Батый, Беркай, Менгу-Темиръ, Ногай, Туда-Мангу, Тохта и Узбекъ.» (стр. 45). А въ предисловіи г. Тимаевъ говоритъ, что старался «разсказывать только *важный-шее*» и «придать своему учебнику *занимательность*». Вѣрите послѣ этого предисловіямъ!

Кромѣ страннаго воззрѣнія на *занимательность*, г. Тимаевъ отличается еще тѣмъ, что очень смѣло говоритъ ложь о предметахъ, которыхъ не понимаетъ и о которыхъ даже, безъ ущерба сущности дѣла, могъ бы не говорить вовсе. Напр., по его мнѣнію «*изои* — были князья, недовольные своими удѣлами и желавшіе приобрести новыя земли!» (стр. 28). Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что только «при дворѣ Владимірскомъ появились разные придворные чины — *бояре, гридни или мечники*» и пр. (стр. 37). Еще примѣръ: Владиміръ Мономахъ началъ войну съ Византіей, но эта война скоро прекратилась, *потому что* Византійскій императоръ Алексѣй Комнинъ прислалъ Владиміру подарки: золотую Мономахову шапку, золотую цѣпь, бармы, скипетръ и державу (стр. 33). Любопытно, какъ онъ начинаетъ разсказъ о Петрѣ Великомъ. «О Петрѣ были различныя предсказанія. Одинъ юродивый говорилъ царю Алексѣю Михайловичу, что его сынъ Петръ будетъ Пахомъ съ большимъ костью, и *всѣ его будутъ бояться*; ученый іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, св. Димитрій Ростовскій и многіе иностранные ученые предсказывали по звѣздамъ, что *явится великій герой. И дѣйствительно* (!!!) Петръ уже въ юности *выказывалъ умъ и способности*.» (стр. 139). Скажите чему тутъ болѣе удивляться, невѣжеству, дерзости или безтолковости разсказа?

Вообще, сверхъ всѣхъ означенныхъ достоинствъ, «Изложеніе русской исторіи» отличается постоянно безтолковостью, чуть не безграмотностью, фразъ. Можно ли такъ писать: «священники ходили по городу и *проповѣдывали* истины христіанской вѣры, по греческому обряду» (стр. 19). «Король Сигизмундъ III хотѣлъ покорить восточную Русь, гдѣ въ это время происходили смуты самозванцевъ, но не имѣлъ успѣха: онъ былъ *отбитъ* нижегородскою *ратью* подъ предводительствомъ Минина и Пожарскаго,» (стр. 59). (Какое? Мининъ и Пожарскій сражались съ Сигизмундомъ!) «Михаилъ Федоровичъ, съ пятилѣтняго возраста, жилъ вмѣстѣ съ ма-

терью въ монастыряхъ и въ помѣстьяхъ Домниихъ. Здѣсь (?) однажды поляки хотѣли убить юнаго Михаила Феодоровича, но крестьянинъ Иванъ Сусанинъ спасъ его; съ этого времени (?) Михаилъ Феодоровичъ поселился въ Ипатьевскомъ монастырѣ и отличался (съ этого времени?) добродушіемъ и смиреніемъ (стр. 123). И такими-то фразами вся книга написана! А между тѣмъ по ней ужъ кто-то учится! Она недаромъ составлена: это чувствуется по заключительнымъ словамъ предисловія, что «учебникъ этотъ назначенъ преимущественно для женскихъ учебныхъ Э(в)веденій, и если онъ принесетъ малѣйшую пользу учащимся, то исполнитъ (учебникъ исполнитъ?) искреннее желаніе сочинителя.»

А если онъ принесетъ пользу не малѣйшую, тогда не исполнитъ искренняго желанія сочинителя?

Раскрытый Портфель: выдержки изъ «сшитыхъ тетрадей» автора, ге желающаго объявлять своего имени. Первый отдѣльный выпускъ. Изданіе Любителя. Спб. 1859.

Добрыя дѣла не остаются безъ благихъ послѣдствій въ нашъ просвѣщенный вѣкъ!... Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы сдѣлали откровенный отзывъ о *Любителѣ*, издавшемъ «Олега подъ Константинополемъ» и адресовавшагося къ публикѣ черезъ дворника дома Сутугина. Теперь этотъ самый Любитель является съ «Раскрытымъ Портфелемъ», но уже объясняетъ прямо, что изданіе это можно получать въ домѣ Сутугина, въ квартирѣ г-жи Зельке, а уже не у дворника. Кромѣ того *Любитель* рѣшился теперь, вѣроятно тоже по нашему совѣту, устроить сношенія съ покупателями посредствомъ книжнаго магазина Писарева. Вотъ плоды нашей скромной (не тѣмъ будь помянуть г. Бѣшенцовъ!) рецензій, и мы такъ этимъ довольны, что не огорчаемся даже неблагодарностію *Любителя*, который остался нами очень недоволенъ. Онъ говоритъ, что на пародію г. Аксакова было двѣ рецензій—одна *благородная*, а другая *благонамыренная*. Одна помѣщена въ «Русскомъ Мирѣ», а другая въ «Отечественныхъ Запискахъ»; обѣ онѣ отзывались о пародіи г. Аксакова *благоклонно*. А мы не попали ни въ *благородные*, ни въ *благонамыренные*, ни въ *благоклонные*.... О насъ любитель лзвительно отзывался, что въ роскошномъ лѣсу поэзіи г. Аксакова, висѣто того, чтобы восхищаться ея дубами и каштанами, мы умѣли пайги только *трюфели*!... За то и въ нашей рецензій *Любитель* отыскалъ, по его выраженію, «одина гриба», который немедленно и съѣлъ....

Но оставимъ Любителя съ его грибомъ и займемся авторомъ, не желающимъ объявлять своего имени. Это авторъ,—если можно такъ выразиться,—чудовищный. Едва мы успѣли заглянуть въ «Раскры-

тый Портфель», какъ у насъ замелькали въ глазахъ разнообразныя чудовища, одно другаго страшнѣе. Ихтиосавры, Родослоны, Бованин, страшная птица Ракъ, Бѣлые Геніи на яйцахъ... Страхъ обуялъ насъ, и мы хотѣли бросить книгу; но авторъ насъ успокоилъ. Это, говоритъ ничего, такъ-себѣ, «своеправіе творчества, литературная забава.» Хороша, подумали мы, забава! Однако рѣшились допытаться, въ чемъ же тутъ дѣло. Оказывается вотъ что. Авторъ, не желавшій объявлять своего имени, выдумалъ двухъ артистовъ, Дмитрлева и Цвѣлёву (ее онъ тоже называетъ артистомъ), и вообразилъ, что ихъ таланты вдохнули ему «драматическую фантазію, въ честь ихъ задуманную.» Въ результатѣ этой выдумки воображаемыхъ артистовъ, вдохнувшихъ фантазію, вышелъ, по справедливому замѣчанію автора, — «Ералажъ: приключенія знаменитаго артиста или недоконченный бенефисъ одного изъ первыхъ любимцевъ русской публики.» Прейскурантъ этого Ералажа такого рода: «Сонъ и явь, смѣсъ обыденной жизни, волшебства, мелодрамы, водевиля, оперы, фарса, идилліи, комедіи, концерта, балета, пляски, декламаций, стиховъ и прозы, съ таинственнымъ окончаніемъ пьесы возрожденіемъ Ихтиосавра.» Должно быть очень хорошо!.. Одна афиша для пьесы съ именами дѣйствующихъ лицъ занимаетъ семь страницъ. И какихъ нѣтъ именъ! Темсельинггара, Барабарабада, Эбн-Тагеръ, докторъ Еммануилъ Ивашычъ Високость, буква А—астрономъ, буква Б—геометръ, буква Е—механикъ, буква Д—свѣтило, буква Ж — M-me L'Impénétrable, прозванная la migaïlle, буква З—Еврей спекуляторъ, буква—Ө Индѣйской нѣтухъ; а есть и такія: сердце въщательница мукъ, предвѣстница любви, услаждение сердца, красота зари, восточная ночь, дыханіе вечера и т. п. Не менѣе интересны названія нѣкоторыхъ частей пьесы, и отдѣльных картинъ, какъ напр. «Дмитрлевъ подгулялъ»; «Родослонъ и красавица, или Дмитрлевъ въ яйцѣ»; «Очарованная долина съ феей Дмитрлевной», и т. п. Волшебницы, фен, говорящіе попугаи, сумасшедшіе, удушенники, чудовища, геніи, божества, черные духи, адскіе палачи, невидимая стража — все стеклось сюда, чтобы образоватъ истинный ералажъ, какою не видалъ міръ со времени Фауста г. Овчинникова. Вы не можете представить себѣ, какіе тутъ творятся ужасы и чудеса! Громъ и трескъ, превращеніе въ мычащихъ коровъ, въ столбы и вазы, бѣганье на четверенькахъ, катанье въ громадныхъ яйцахъ и на крылатыхъ колесницахъ.... А тутъ аркадскіе пастушки и пастушки, наяды, дріады, волшебныя феи, внезапно раждающіеся цвѣты и мѣшки золота.... Если бы все это было представлено на сценѣ! Вотъ бы эффектъ—то вышелъ! Какъ жаль, что геніальный, чудовищно—геніальный авторъ (мы не находимъ выраженія болѣе приличнаго его громадному генію), испо-

линь—авторъ, ихтиосавръ—авторъ, если хотите, — не окончилъ дивной своей «фантазіи!» А онъ думалъ когда-то поставить ее на сцену! Онъ написалъ даже нѣсколько примѣчаній касательно внѣшней обстановки пьесы и игры актеровъ, примѣчаній, изъ которыхъ еще яснѣе усматривается глубина его предусмотрительности и остроумія.... Нѣтъ, какъ хотите, это не литературная забава, а созданіе, глубоко обдуманное и прочувствованное. Вникните, напр. хоть въ это примѣчаніе, сдѣланное на счетъ колесницы, на которой должна сидѣть безобразная волшебница: «для отличія отъ бѣлыхъ крыльевъ Генія, крылья колесницы могутъ быть сѣрыя, тѣмъ болѣе приличествуя чернымъ духамъ.» Или касательно выполненія роли старой волшебницы, Мамуны: «для голоса, которымъ предполагается, что здѣсь поетъ и говоритъ Цвѣлева въ видѣ Мамуны, надобно принять въ соображеніе, что, по довольно многимъ старушечьимъ ея монологамъ въ піесѣ, шепелянье было бы нестерпимо для зрителей; безъ шепелянья же не выйдетъ старухи, а потому должно держаться середины: ходить сгорбившись, опираясь на волшебный жезлъ, но говорить довольно твердо и ясно, хотя никакъ не своимъ голосомъ.»

Но авторъ можетъ быть на насъ въ претензіи за то, что мы незнакомимъ нашихъ читателей съ характерами дѣйствующихъ лицъ и изложеніемъ пьесы. Угадывая его желаніе, смѣшимъ замѣтить, что все характеры въ пьесѣ выдержаны какъ нельзя лучше, особенно характеръ Дмитріева. Дмитріевъ — все тотъ же Дмитріевъ и въ счастливой Аркадіи, и въ собачьей конурѣ, и въ качествѣ «властелина всесильной книги.» Выпишемъ нѣсколько «прямо попавшихся намъ подъ глаза» строчекъ.

«Дмитріевъ. Что это? Фи, какъ волеетъ псиной! Куда это она меня угораздила? (Выставивъ голову:) Ай! Да это никакъ собачья конура? Собака—то чай тутъ?

«Мамуна. Не бойся! Тебя никто не видитъ и не слышитъ. Возьми цвѣтокъ.

«Дмитріевъ (выползъ изъ конуры и беря цвѣтокъ). Давай, давай его! — Спасибо, красавица! Смастерили штуку, дала мнѣ въ наставники этого роденьку Эби-Тагера. Видно адскіе-то пріятели такіе же, какъ и нашеньскіе. Хорошо, что осталась еще голова на плечахъ.»

Не правда ли, характеръ Дмитріева рѣзко обозначается уже и въ этихъ немногихъ строкахъ, а образъ рѣчи его доказываетъ, что авторъ, не желающій объявлять своего имени, чрезвычайно искусно умѣлъ соединить требованія чистаго искусства съ условіями нашей народности!.. Въ доказательство приведемъ еще, какъ Дмитріевъ любезничаетъ съ волшебницей. Мамуна говоритъ, что она «прилѣпилась къ нему всѣмъ своимъ помышленіемъ,» А Дмитріевъ отвѣчаетъ ей на это:

«Спасибо! Только повуда у тебя эта харя и восьмисотлѣтнія морщины, я любить тебя не буду.

«Мамуна. Но этой любви положено самое легкое условіе: о динѣ поцѣлуй.

«Дмитряевъ. Условіе, конечно, во всякомъ случаѣ не трудное, да только о твои губки не мудрено переломить себѣ зубы. — Впрочемъ, вѣдь не укусить же, стало быть можно рискнуть для добраго дѣла. — Позволь только прежде хорошенько тебя поразсмотрѣть.... Фи! какая гадость! Ни за что не поцѣлую!

«Мамуна. Ты обязанъ это сдѣлать.

«Дмитряевъ. Ба, ба ба! Какъ ты смѣешь такъ со мною говорить? Развѣ не знаешь, что силою нити, которою я владѣю, ты можешь быть снова на восемь сотъ лѣтъ превращена въ летучую мышь? Эй! гдѣ ты тамъ! Бѣлый Геній!»

Вы видите, что Дмитряевъ со всѣми одинаковъ. И съ Бѣлымъ Геніемъ онъ обходится не слишкомъ церемонно. А вотъ случай, гдѣ обращеніе его съ геніемъ еще безцеремоннѣе. Когда волшебница хотѣла открыть Дмитряеву секретъ, но стѣснилась присутствіемъ генія, Дмитряевъ просто-на-просто закричалъ ему: «Геній! Маршъ!» И геній долженъ былъ убраться со своего лѣнца. Конечно, съ геніемъ-то можно бы обходиться и по деликатнѣе: все-таки онъ *геній*, а не старая колдунья, и вдобавокъ *бѣлый* геній. Но такова ужъ, видно, натура г. Дмитряева, или таково «своенравіе творчества» автора, не желающаго объявлять своего имени.

Характеры другихъ дѣйствующихъ лицъ уже не такъ замѣчательны и не такъ рѣзко выдаются; но всѣ они обрисованы очень вѣрно. Чудовище, какъ и слѣдуетъ, поводитъ хоботомъ, корова мычить, фавны и силваны любезничаютъ съ пастушками и играютъ на свирѣляхъ, геній летаетъ или говоритъ возвышенныя рѣчи.... Однимъ словомъ, каждое лицо дѣйствуетъ вполне сообразно съ своею природою.

Однако какая же отъ всего этого, спросите вы, польза для отечества? — О, для отечества тутъ огромная польза! Послушайте, что говоритъ геній:

Въ передпотопный вѣкъ, изъ вѣдръ Икхтисавра,
Чудовища, камихъ не зрѣлъ свирѣпый Нилъ,
Не заключалъ Дедалъ, не призывалъ духъ Тавра,
Собравшій силы адъ Злыхъ Геніевъ родилъ.
Борьбой кровавою, ужасными чарами,
Они въ тревожный сей, уномъ кичливый вѣкъ,
Должны воспроизвестъ страшилище предъ нами:
Да, навѣ предъ Господомъ, смирится человекъ!

Дальше слѣдуетъ описаніе Ихтиосавра. Описаніе это такъ интересно, что мы не можемъ не выписать его въ заключеніе :

Съ Дельфинной пастію и Ящерной главою,
Зубами Крокодилъ, по перьямъ водный Китъ;
Хвостомъ чешуйчатыхъ глубъ рыбинъ модъ собору,
Теперь безъ жизни онъ на днѣ морскомъ лежитъ;
Но окомъ, какъ маня въ главу его воткнутому,
Ужъ загараются пучина грозныхъ водъ;
И зѣвомъ, какъ пила двойная разомкнутокъ,
Направитъ скоро онъ разрушительный свой ходъ.
И близокъ, близокъ часъ, когда, хвостомъ воставымъ
Упершись о скалу, онъ ринется со дна,
И слѣдъ Чудовища, путемъ своимъ багрянымъ,
Кровавая, дымясь, покроетъ пелена!
Тогда воспринетъ грѣхъ, страстей возстанетъ сила;
Доколѣ Спешій въ міръ заблудшихъ не спасетъ
И снова, гладкое, со скрежетомъ, страшило,
Изнеможенное, въ глубъ водную падетъ!
Но, въ ярости, оно, гложя тамъ скалы подножья,
Не вдругъ еще смежитъ зіяющую пасть.
На злыхъ духовъ тогда обрушитъ кара Божья
Отъ нихъ же грѣшникамъ готованную часть.

Экіе стихи, подумаешь!

Стихотворенія, помѣщенные въ концѣ «Раскрытаго Портфеля», уже не такъ интересны. Изъ нихъ можно почерпнуть развѣ только нѣсколько свидѣній объ авторѣ, не желающемъ объявлять своего имени. Изъ этихъ стихотвореній мы узнаемъ, что въ 1826 году онъ произведенъ былъ въ майоры (что, если онъ теперь уже генералъ!) и написалъ по этому случаю особое стихотвореніе, въ которомъ выражаетъ непритворную свою радость — и призываетъ своихъ *клевретовъ*:

Придите милые клеветы,
Широкой рюмкою вина
Густые вспырсить эпoletы!

Но, между радостныхъ друзей,
Ты здѣсь одинъ, М...въ, смученъ!
Тебѣ текло лишь по усамъ,
Тебѣ мой чинъ, дружокъ, обидя:
Ты не майоръ, по пустякамъ
Листы вертѣлъ ты Инвалида!

Но, за исключеніемъ майорскаго чина, судьба рѣдко посылала радости въ душу поэта. За два года до производства въ майоры такъ

груститъ онъ въ курной избѣ, во время зимней стоянки, слушая однообразное постукиванье часовъ:

И жизнь не такъ же ли (т. е., какъ часы)? Вдругъ вспыхнетъ

И чрезъ мгновеніе задретъ!...

Мы умираемъ каждый часъ,

Минута: нападая для насъ

Есть не гробу такъое сближеніе....

Даже въ тотъ самый годъ, въ который онъ былъ произведенъ въ майоры, можетъ быть за нѣсколько дней до его майорства, въ него, съ непонятной цѣлью, впиалась грусть, и онъ тоскливо вопрошалъ ее:

Зачѣмъ ты, грусть, въ меня впиалась

И, съ непонятною мнѣ цѣлью

Вкругъ сердца, жаднаго къ веселью,

Зимей грызущей обвилась?

Въ какой ты алчущей утробѣ

Свой лѣтъ мучительный впила?

Грустилъ онъ и послѣ производства въ майоры. Такъ въ 1831 г. онъ размышлялъ о родинѣ:

Родина, родина! Гдѣ же ты въ мірѣ?

Въ солнцѣ, въ лунѣ, въ голубомъ ли эфирѣ?

Иль межъ крылатымъ тѣмъ клиромъ чертога,

Псиъ аллилуйя гласящимъ для Бога?

Я ужъ извѣдалъ пространство земное!

Я ужъ усталъ! Я грущу о покоѣ!

Но были и отрадные минуты въ жизни поэта: и не одно производство въ майоры наполняло восторгомъ его душу. Однѣ изъ этихъ минутъ дала ему любовь. Въ кого былъ влюбленъ поэтъ, онъ таитъ; можетъ быть въ ту самую Делію, которой, по его выраженію,

.....свѣтъ вручилъ единогласно

Самодержавіе сердець.

Но, какъ бы то ни было, онъ воспѣлъ любовь въ особомъ стихотвореніи, которое начинается такъ:

Есть добрый Богъ! Его названье

Большое въ свѣтъ нареканье

Несетъ отъ самкино съ нимъ зла....

Далѣе поэтъ говоритъ, что онъ, этотъ богъ,

Сильныя дружбы, наполняетъ

Онъ дружбу ревностью; но имъ

Мы только счастливы однимъ.

Гимнешь въ сердца съ нимъ водворяетъ

Нераду бѣдствій и тревогъ....

Вѣроятно это-то чувство онъ и сравнивалъ съ метеоромъ, который

*Взгорѣлъ, пробѣгъ — и вдругъ исчезъ,
Въ пучинѣ отблеснувъ зыбучей!*

Подъ пучиной зыбучей поэтъ разумѣетъ самого себя.

Кромѣ любви, много свѣтлыхъ минутъ приспосылала ему муза, какъ видно изъ его стихотворенія, подъ названіемъ «Наслажденіе воображеніемъ.»

Мой міръ: мое воображеніе!
Съ прилетной Музою, мечты
Моя вся жизнь и наслажденіе,
Моя вся радость и цвѣты!
Едва (говорить) слышу въ небѣ гостью,
И думы встрѣчу ей пошли!
И сыплю полною я юрстю
Предъ ней сокровища земли:
Восторгъ, любовь и обаянье
Въ умъ раскинувшись сновъ!
И рѣмы съ рѣмой сочетанье,
И звуки мѣрные стиховъ
Незамычлемо ложатся
Подъ быстролетное перо;
И искры искрами плодятся;
И слезы наполняютъ дно
Души, взбунтованной въ тревою! и т. д.

Чудовища также доставляютъ ему немалое утѣшеніе, и вслѣдствіе того онъ даже поэта представляетъ себѣ чѣмъ-то въ родѣ чудовища, отроотившаго себѣ ногти на подобіе когтей и употребляющаго ихъ въ дѣло при случаѣ.

*И ногти длинные поэта
Отъ бѣдъ игры не защищать, —*

восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ....

Вообще нужно сказать, что «Раскрытый Портфель» представляетъ весьма много любопытнаго. Если Любитель будетъ постоянно издавать такіа интересныя вещи, то его изданія будутъ имѣть несомнѣнный успѣхъ....

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Война и прогрессъ.—Отрывокъ изъ разговора знаменитаго Микромегаса съ людьми.—Свѣтлый праздникъ и различныя фантазіи на этотъ мотивъ.—Пьянство въ Петербургѣ и хитрость откушщиковъ.—Нашимы экипажи и мостовые въ Петербургѣ.—Петербургскіе водопроводы.—Весна въ Петербургѣ.—Весеннія эмиграціи.—Странный случай.—Театры.—Пріѣздъ М. С. Щепкина и его дебютъ въ роляхъ Фамусова и Городничаго.—Дебютъ г-жи Деверіа и г-на Деверіа, актера Порт-Сен-Мартенскаго театра.—*Ouïssé aux enfers, rîsse-bouffe*.—*Jeanne Mathieu*, комедія водевилъ.—Выставка въ магазинъ Делля.—Распродажа картинъ и фарфора у г. Жюста.—Портретная галлерей г. Мюнстера.—Сельско-хозяйственная статистика Саратовской губерніи.—О продолженіи изданія Шиллера.—Сочиненія Евг. Туръ.—Изданія гг. Пахитонова, Водова и комп.—Отрывокъ изъ сочиненія г. Новосильскаго.—Портретъ Бозіо въ Художественномъ Листкѣ.—Стихи Некрасова, въ переводѣ А. Дюма.—О выставкѣ садоводства.—Отъ Императорской Публичной Библіотеки.—О кончинѣ С. Т. Аксакова.

Война! жребій брошенъ. *Alea jacta est!* какъ говаривалъ Ламартинъ.

Въ сію минуту почти ни о чемъ больше не толкуютъ въ Петербургѣ, какъ о войнѣ: политическія газеты читаются на расхватъ, телеграфическія депеши ожидаются съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Снова льется человѣческая кровь, несмотря на то, что всѣ единогласно сознали великое зло и страшныя бѣдствія, происходящія отъ войны. Убивать и рѣзать людей и въ то же время проповѣдывать гуманность и различныя прогрессивныя принципы — какое противрѣчіе!

Гдѣ же эта гуманность? Въ чемъ же этотъ прогрессъ?

Но прежде, въ вѣкахъ варварства, рѣзали и убивали людей очень просто изъ-за какого нибудь клочка земли и не думали оправдываться въ кровопролитіи блестящими фразами; напротивъ, гордились кровавыми подвигами, а теперь всякій старается сбросить съ себя тяжкую отвѣтственность въ пролитіи крови и болѣе или менѣе ловко оправдаться передъ человѣчествомъ. Вотъ прогрессъ!

«Бѣдствія войны ужасны», говорятъ теперь вызывающіе кровопролитіе, *«но наше сердце должно умолкнуть, когда говоритъ честь и долгъ!»*

Въ вѣкахъ варварства не умѣли составлять такихъ краснорѣчивыхъ и громкихъ фразъ.

Въ эти вѣка дрались просто, безъ оправданій и гордились насиліями и побѣдами, стремясь только къ расширенію своихъ владѣній, а въ нашъ гуманный вѣкъ дерутся безкорыстно, вслѣдствіе симпатій, которыя обнаруживаютъ къ угнетеннымъ народамъ; теперь всѣ льютъ кровь для водворенія мира и, объявляя войну, опираются на правосудіе, на человѣчность, на свои права, на любовь къ независимости и тому подобное.

Развѣ это не прогрессъ?...

А между тѣмъ человѣческая кровь льется такъ же точно, какъ лилась въ варварскіе вѣка и отъ этихъ громкихъ фразъ человѣчеству не легче.

Все это привело мнѣ на память знаменитую философическую сказку прошлаго столѣтія о *Микромегасѣ*.

Для тѣхъ изъ читателей, которые забыли эту остроумную сказку — я увѣренъ, что между моими читателями нѣтъ такихъ, которые бы не знали ея — я здѣсь приведу кстати небольшой отрывокъ.

Надобно замѣтить, что Микромегасъ обитатель планеты Сириусъ, на которой живутъ исполины, ростомъ въ восемь лѣ. Мы — люди, обитатели земли, разумѣется, должны казаться имъ гораздо менѣе, чѣмъ намъ муравьи. Замѣтивъ въ насъ интеллектуальныя способности и умѣнье говорить, господинъ Микромегасъ, который считался на Сириусѣ бель-омомъ, взялъ на свою ладонь нѣсколько человѣчковъ, съ любопытствомъ разглядывалъ ихъ и потомъ обратился къ нимъ такую рѣчь:

«О, разумные атомы, на которыхъ Вѣчное Существо проявило до такой степени свою ловкость и могущество!.. вы, вѣрно, наслаждаетесь чистѣйшею, блаженною радостію на своей планетѣ, ибо, заключая въ себѣ такъ мало матеріи, всѣ какъ бы составленные изъ духа — вы должны только любить и мыслить. Такова жизньъ всѣхъ

духовъ. Я нигдѣ не находилъ истиннаго счастья. Вѣроятно, маленькіе плутинки, оно приютилось у васъ на землѣ....»

Одинъ изъ самыхъ откровенныхъ человѣчковъ, сидѣвшихъ на ладони Микромегаса, захохоталъ.

— Ахъ, господинъ Исполнитъ, сказалъ онъ: — какъ вы жестоко ошибаетесь: мы слишкомъ матеріальны, если зло происходитъ отъ матеріи, и потому дѣлаемъ много зла; если же зло заключается въ духѣ, то въ такомъ случаѣ мы ужъ черезъ-чуръ духовны. Повѣрите ли вы, на примѣръ, что въ ту минуту, когда я говорю съ вами, сто тысячъ безумцевъ нашей породы въ каскахъ убиваютъ сто тысячъ другихъ животныхъ въ чалмахъ, или наоборотъ... и это ведется на землѣ съ незапамятныхъ временъ.

Обитатель Сиріуса содрогнулся.

— О, Боже! воскликнулъ онъ: — но какая же причина такихъ ужасныхъ распрей между столь незамѣтными и эфемерными существами, какъ вы?

— Эти распри, отвѣчалъ человѣчекъ: — начинаются иногда изъ-за какого нибудь клочка грязи, величиной не болѣе, какъ съ вашъ карлукъ. И не подумайте, чтобы кто нибудъ изъ этого милліона людей, рѣжущихъ другъ друга, воображалъ, что этотъ клочекъ рай земли, — ни мало; весь вопросъ въ томъ, чтобы знать, кому владычествовать надъ этимъ клочкомъ — человѣку, называющему себя султаномъ, или другому, который величаетъ себя Цезаремъ. Ни одинъ изъ нихъ, конечно, никогда и не увидитъ этого грязнаго клочка земли и ужъ навѣрно почти ни одинъ изъ тѣхъ, которые такъ усердно бьютъ и рѣжутъ другъ друга, не увидятъ никогда въ глаза того, за котораго они рѣжутся и дерутся.

Современный человѣчекъ отвѣчалъ бы Микромегасу иначе, на примѣръ, въ такомъ родѣ:

— Мы рѣжемъ и убиваемъ себя подобныхъ не изъ-за какого нибудъ ничтожнаго клочка земли; нѣтъ, это было бы варварство; но для возстановленія мира, любви, справедливости, независимости и свободы на землѣ... по крайней мѣрѣ такъ увѣряютъ насъ тѣ, которые не позволяютъ намъ иногда заикнуться о собственной независимости.

— О, несчастные! воскликнулъ сирійскій бель-омъ съ негодованіемъ: — можно ли вообразить себѣ, что вы, крошки, доходите до такого безумія и звѣрства? Это ни на что не похоже и я готовъ въ негодованіи сдѣлать три шага и тремя ударами раздавить подъ ногою пятаю весь этотъ муравейникъ смѣтныхъ убійцъ.

— Не безпокойтесь! воскликнуло нѣсколько человѣчковъ: — мы сами очень усердно заботимся объ истребленіи другъ друга. Знаете

ли, что черезъ каждые десять лѣтъ, это статистически-вѣрно, и со- той части не остается насъ на землѣ. Если мы не истребляемъ другъ друга мечемъ, огнестрѣльнымъ или другимъ какимъ либо оружіемъ, то сами себя уничтожаемъ трудомъ, голодомъ или не- умѣренностію... Самые ужасные между нами называются диплома- тами, они считаютъ себя тончайшими и глубокомысленнѣйшими изъ людей; хитрятъ, обманываютъ и опутываютъ другъ друга и по- лагаютъ, что въ этомъ заключается вся мудрость человѣческая. Надо замѣтить, что званіе дипломата почитается у насъ весьма почет- нымъ и дѣти всѣхъ нашихъ сановниковъ стремятся непременно за- писываться въ дипломатію. Эти-то дипломаты въ своихъ кабинетахъ рѣшаютъ судьбы народовъ и въ непрестанной заботливости о мирѣ (этой фразы, впрочемъ, нѣтъ въ сказкѣ), доводятъ насъ обыкновенно своими хитростями до того, что заставляютъ рѣзать другъ друга.

Микромегасъ, выслушавъ это, проникнулся глубочайшимъ со- страданіемъ къ этимъ забавнымъ крошкамъ, которые называютъ себя людьми... и проч. и проч..

Тѣхъ, которые захотятъ исполнѣ возобновить въ своей памяти эту остроумную философскую сказку, мы попросимъ обратиться къ сочиненіямъ одного изъ знаменитѣйшихъ философовъ XVIII-го вѣка. Мы только привели этотъ отрывокъ для того, чтобы пока- зать, что съ тѣхъ поръ, какъ написана эта сказка, человѣчество не ушло еще слишкомъ далеко и что мы, проповѣдая о прелестяхъ мира, о правильныхъ внутреннихъ развитіяхъ *подъ его благотвор- ной снѣю* и тому подобное, рѣжемся такъ же, какъ рѣзались и во времена оны, и кромѣ того, для удобнѣйшаго истребленія другъ друга, еще безпрестанно изобрѣтаемъ новыя, усовершенствованныя орудія смерти.

И въ наше время, какъ бывало встарь, враждующія государства каждое въ свою очередь считаетъ себя совершенно правымъ и убѣ- ждено, что Богъ на ея сторонѣ.

«Наша борьба справедлива», восклицаетъ одинъ изъ ополчив- шихся, «мы принимаемъ ее съ довѣренностію и твердостію. Со- вѣсть наша чиста и потому мы спокойно можемъ положиться на приговоръ Всемогущаго Бога.»

«Надѣмся, что Богъ благословитъ наши усилія», восклицаетъ другой, «ибо дѣло, защищаемое нами, право и свято.»

Какъ бы то ни было, а война началась — и говорятъ, за незави- симость Италіи. Мы не имѣемъ права сомнѣваться въ этомъ и отъ всей души желаемъ, чтобъ эта цѣль была достигнута, хотя крова-

вымъ путемъ войны.... если уже не было никакой возможности достичь ее другимъ, болѣе человѣческимъ путемъ.

Во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества слышатся теперь, какъ мы уже замѣтили, различныя политическіе толки, соображенія и разсужденія, иногда очень напоминающія разговоръ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ о политикѣ.

— Ну, скажите, батюшка, а мы-то будемъ тоже воевать? спрашиваетъ старушка у господина, глубокомысленно предполагающаго, что Наполеонъ III хочетъ покорить всю Европу, по примѣру своего дядюшки, оставивъ только насъ неприкосновенными, и что эта война за независимость Италіи только маска.

— Вы изволите спрашивать, отвѣчаетъ онъ : — примемъ ли мы участіе въ войнѣ? Теперь куда нѣтъ (и онъ хмуритъ значительно бровь), а что будетъ далѣе, сударыня, неизвѣстно.

— Это запутанный вопросъ, замѣчаетъ другой господинъ : — тутъ болѣе интриги Турціи, Австріи, революціонный духъ — все это, знаете, виѣсть....

И останавливается, не зная чѣмъ докончить свою фразу.

Меня на дняхъ остановилъ мой знакомый, отвелъ нѣсколько въ сторону и произнесъ таинственно:

— Слышали вы новость?

— Какую?

— Да говорятъ, Англія прислала предписаніе, чтобы всѣ англійскія торговыя суда, пришедшія въ Кронштадтъ, немедленно вышли оттуда. Это явный разрывъ съ Англіею! Можетъ быть снова нынѣшнее лѣто англійскій флотъ будетъ подъ Кронштадтомъ.... Что вы на это скажете?

Я ничего не сказалъ и только подумалъ:

— Если такіе политическіе слухи разносятся въ Петербургѣ и не шута повторяются, то что должно быть въ провинціи?...

Я заговорилъ о войнѣ и обо всѣхъ этихъ забавныхъ толкахъ по ея поводу, потому что теперь всѣ сдѣлались политиками. Интересующихся же серьезно ею, мы просимъ обратиться къ нашему политическому обозрѣнію. Въ моихъ скромныхъ замѣткахъ не рѣшаются судьбы царствъ и народовъ, выражаясь общепринятою краснорѣчивою фразою; я записываю только ежедневныя явленія петербургской жизни и набрасываю легкіе очерки петербургскихъ нравовъ и обычаевъ.

Итакъ, обратимся къ этой спеціальности.

Праздникъ Свѣтлаго Воскресенія не былъ такъ оживленъ въ нынѣшнемъ году, какъ обыкновенно, потому что все время праздника погода въ Петербургѣ была весьма неблагоприятная. Дожди,

холодъ, сибѣтъ продолжался до 27 апрѣля. Впрочемъ, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія было до 14° тепла (нельзя не замѣтить этого для чести петербургскаго климата) и Петербургъ въ этотъ день представлялъ уже совершенно праздничную и оживленную картину.

У Гостинаго Двора не было проѣзда отъ экипажей; во всѣхъ магазинахъ по Невскому Проспекту была давка, словомъ, все какъ слѣдуетъ. Всѣ попадавшіеся мнѣ были, какъ это обыкновенно бываетъ наканунѣ праздника, чѣмъ-то очень озабочены, куда-то спѣшили, къ чему-то приготавливались, что-то закупали. Одинъ я шолъ тихо и спокойно, ни о чемъ не заботясь, никуда не спѣша, ни къ чему не приготавливаясь, ничего не закупая. И глядя на этихъ волнующихся и беспокоящихся людей, ощущалъ какое-то эгоистическое удовольствіе. Я, просто, вышелъ походить безъ цѣли, обрадовавшись теплой погодѣ.

«А вѣдь не душно пользоваться нѣкоторою независимостію», думалъ я, «если бы я служилъ, напримѣръ, я былъ бы, вѣроятно, сегодня въ такомъ же волненіи и хлопотахъ, какъ всѣ эти господа, которые попадаютъ мнѣ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько дѣлъ въ это время человѣку служащему, зависящему отъ начальства: заботиться о визитныхъ карточкахъ (у меня ихъ вовсе нѣтъ, потому что мнѣ не къ кому разсылать ихъ; пріятель мои обойдутся и безъ нихъ), о наймѣ экипажа на слѣдующій день, чтобы развѣзжать по переднимъ и росписываться (а насмычные порядочные экипажи въ Петербургѣ не только въ этотъ день, но и всегда, почти баснословной цѣны, несмотря на таксу), размѣнивать деньги для раздачи швейцарамъ, курьерамъ, сторожамъ и проч., закупать конфеты и яйцы у Рабона, Крампона или Фойе для тетусекъ, кузинъ, подругъ дѣтства (у меня ихъ нѣтъ), а главное — для женъ и дочерей начальниковъ (подсластить начальство все-таки не мѣшаетъ!).

А сколько тратится денегъ на эти бездѣлушки!

Представьте себѣ, какая нибудь изящная коробочка съ конфетами, или фарфоровое яичко съ сюрпризомъ внутри — десять рублей!... Нельзя же ея превосходительству поднести просто конфеты или какое нибудь обыкновенное, красненькое яичко!

А внутреннія, духовныя волненія передъ праздниками?

Я, такъ сказать, вошелъ въ тѣло служащаго чиновника и продолжалъ мыслить:

«Получу ли я завтра награду и какую-именно? Чинъ, крестъ, денежное награжденіе?...

Деньги — прекрасно, но мой сослуживецъ, мой сверстникъ — перегонитъ меня въ такомъ случаѣ крестомъ, или чиномъ, а это, какъ

хотите, ужасно для самолюбія! Человѣкъ, съ которымъ мы шли на-примѣръ наравнѣ, вдругъ махнетъ въ дѣйствительныя статскіе со-вѣтники, а я съ своею денежною наградой останусь статскимъ;—ему будутъ говорить и писать ваше превосходительство, а мнѣ на конвер-тахъ, по прежнему станутъ писать *ваше высокородіе*, да и какая раз-ница между высокородіемъ и высокоблагородіемъ—почти никакой! Иные даже и не знаютъ этого различія, тогда какъ слова: генераль, ваше превосходительство — какъ-то звучатъ хорошо, въ этихъ зву-кахъ есть что-то значительное.... Генералу ужъ никто не напишетъ на конвертѣ «его высокоблагородію».

Или: у меня напримѣръ Анна съ короной на шеѣ, я возьму де-шевую награду, а моему сверстнику дадутъ Владиміра на шею?... Во-ля ваша, можетъ быть это и смѣшно, но мнѣ послѣ этого какъ-то неловко и непріятно будетъ встрѣчаться съ нимъ въ департаментѣ. Этотъ Владиміръ мнѣ неволью будетъ колоть глаза.... Такова наша природа! Что дѣлать?

Я отчасти и либераль, если хотите: я всегда отзываюсь обо всѣхъ этихъ отличіяхъ и знакахъ съ равнодушіемъ, а не смотря на это, внутренно все-таки меня коробить, хоть я это всячески стараюсь скрыть, если кто нибудь перегонитъ меня.

Если бы, положимъ, я имѣлъ генеральскій чинъ, — мнѣ, при-знаюсь откровенно, было бы неловко, если бы у меня не было звѣз-ды. Конечно, это предразсудокъ, я очень хорошо понимаю это, — по что ни говорите, а генералу безъ звѣзды неловко! Я принадлежу къ *порядочнымъ людямъ*: разумѣется я носилъ бы ленту не постоян-но, а только въ экстренныхъ случаяхъ — на службѣ, или являясь къ значительному человѣку; но отъ значительнаго человѣка я могъ бы, какъ будто нечаянно, захватить къ пріятелю, у котораго нѣтъ звѣзды и который не имѣетъ уже никакихъ надеждъ никогда полу-чить ее, и блеснулъ бы передъ нимъ моею звѣздою.

— Въ какомъ ты парадѣ и блескѣ сегодня! воскликнулъ бы мой пріятель не безъ провіи, потому что онъ такъ же, какъ и я, чело-вѣкъ свободно мыслящій.

— Отчего? отвѣчалъ бы я съ умышленною разсѣянностію и прит-ворнымъ равнодушіемъ, — Ахъ, это-то? — и указалъ бы на звѣз-ду.... да я вѣдь къ тебѣ прямо отъ министра.

Повѣрьте моей опытности, что слова: «я прямо отъ министра» и моя звѣзда непременно возвысили бы меня въ глазахъ моего прія-теля, и при этомъ онъ улыбнулся бы и пожалъ бы мнѣ руку съ большимъ чувствомъ и гораздо слаще, не смотря на его свободный образъ мыслей и равнодушіе ко всѣмъ знакамъ отличія.

Чтожь дѣлать, батюшка, человѣческая слабостъ! и самые умные люди, какъ мы съ вами, неизъятъ отъ этихъ слабостей!...

Пріятно получить генеральскій чинъ, что бы ни говорили, но какъ то еще пріятнѣе украсить грудь свою первую звѣздою, потому что она, такъ сказать, укрѣпляетъ и окончательно подтверждаетъ генеральское достоинство. Человѣка со звѣздою уже никто, конечно, не будетъ разсматривать иначе, какъ генерала, и при видѣ звѣзды всякій не только ретроградъ, но и либералъ, невольно произнесетъ: «ваше превосходительство».

Предположимъ теперь, что я женатъ, что я имѣю милѣйшую подругу жизни, которая во мнѣ такъ сказать души не чае, и нѣсколько прелестныхъ малютокъ.... Супруга моя женщина очень образованная, проникнутая современными идеями, между нами сказать, даже либералка; но я знаю, что не смотря на все это, ей смертельно хочется, чтобы меня произвели въ генералы, (если я еще только статскій совѣтникъ) чтобы лакеи говорили ей: ваше превосходительство, и чтобы няня или гувернантка, гуляя въ Лѣтнемъ Саду съ нашими дѣтьми, на вопросъ «чьи это дѣти?» незнакомца или незнакомки, плѣннѣйшей нашими малютками, могла отвѣчать: «генерала такого-то»... Вотъ почему супруга моя передъ каждымъ праздникомъ въ такомъ волненіи, въ такомъ ожиданіи чего-то; она даже скрыть этого не можетъ и, ласкаясь ко мнѣ, съ нѣжностью треплетъ меня по щекѣ, спрашиваетъ:

— Ну чтожь, мой другъ, тебя сдѣлаютъ генераломъ хоть къ нынѣшнему празднику?

Я очень хорошо знаю, что сдѣлаютъ, но притворюсь неувереннымъ и говорю:

— Не знаю, право... можетъ быть... (для того, чтобы сдѣлать ей сюрпризъ).

Въ день Свѣтлаго Воскресенья, я получаю чинъ, иду къ женѣ и говорю ей съ пріятнѣйшею улыбкою:

— Поздравляю, ваше превосходительство, съ праздникомъ....

— Какъ! неужели! восклицаетъ она съ сіяющимъ лицомъ: — ты генералъ!... Поздравляю, поздравляю тебя, душка ты мой!

И она бросается ко мнѣ на шею и целуетъ меня съ увлеченіемъ, съ жаромъ.

— Нынѣшній праздникъ для меня вполне свѣтлый праздникъ! замѣчаетъ она.

Семейное счастье мое поднимается еще на нѣсколько градусовъ. Мы всѣ блаженствуемъ; при разъѣздѣ изъ театра или изъ концерта кричатъ «карету генерала такого-то». Когда первый разъ раздастся этотъ крикъ — мы переглядываемся съ женою и пріятно улыбаемся

другъ другу. Первымъ три недѣли послѣ полученія генеральскаго чина намъ какъ-то особенно легко и отрадно, все такъ ясно и свѣтло вокругъ насъ, точно будто мы въ жаркій лѣтній день нѣжимся подъ прохладнымъ навѣсомъ деревьевъ и внимаемъ музыкѣ природы, жужжанію насѣкомыхъ и пчелъ. Дѣйствительно вокругъ насъ все такъ и жужжать: «Ваше превосходительство! Ваше превосходительство!»

Полученіе первой ленты и звѣзды.... также одно изъ тѣхъ мгновеній, которыя никогда не забываются въ семейной жизни.

Представьте себѣ восторгъ моей доброй Женнички или Машеньки, (я еще не знаю, какъ будутъ звать мою жену) когда я вдругъ вхожу въ ея будуаръ въ мундирѣ съ красною лентою черезъ плечо и со звѣздой на груди.

Она восклицаетъ: «Ахъ!» и бросается ко мнѣ на грудь, нѣжно прижимается къ лентѣ, потомъ отходить отъ меня на нѣсколько шаговъ; смотритъ на меня съ чувствомъ и говоритъ:

— Какъ это красиво, какъ это идетъ къ тебѣ!

И снова бросается въ мои объятія.

Вечеромъ у насъ ложа. Мы ѣдемъ въ театръ.

Я надѣваю фракъ безъ звѣзды, потому что порядочные люди ѣздить обыкновенно въ театръ безъ всякихъ знаковъ отличій, хотя признаться мнѣ очень хочется украсить свою грудь этою новинкой; но меня нѣсколько останавливаетъ то, что нѣкоторые вольнодумные мои пріятели, взглянувъ на меня, подумаютъ «Вотъ обрадовался-то!»

Я вхожу къ женѣ, которая въ великолѣпномъ туалетѣ ожидаетъ меня.

При взглядѣ на меня, она хмуритъ бровки и говоритъ плаксиво:

— Serge! отчего же ты не надѣлъ звѣзды?

— Но, другъ мой, это не принято, отвѣчаю я.

— Я знаю, возражаетъ она, — но на этотъ разъ можно сдѣлать исключеніе. Я непремѣнно хочу, чтобы ты сегодня былъ въ театрѣ со звѣздою.... Я хочу, чтобы все увидѣли, что ты получилъ такую награду.... Я увѣрена, что Саша Малевская придетъ въ бѣшенство, увидѣвъ тебя со звѣздою, и не дастъ покою своему кошаку мужу.... Вѣдь онъ еще, мой другъ, не скоро получитъ звѣзду?

— Куда еще ему!... говорю я улыбаясь, — до этой звѣзды ему.

«Какъ до звѣзды небесной далеко!»

— Ну такъ ты надѣнешь звѣзду? Не правда ли? — перебиваетъ меня моя добрая жена и нѣжно прибавляетъ: — Надѣнь, mon ange!

Я съ притворнымъ равнодушіемъ повинуюсь ей и прищипливаю звѣзду къ фракъ, какъ будто для того только, чтобы сдѣлать ей удовольствие....

Саша Малевская, подруга моей жены по институту, когда мы входимъ въ ложу (ложы Малевскихъ рядомъ съ нашей), бросаетъ удивленный и значительный взглядъ на мою звѣзду, закусываетъ губу отъ злости и произноситъ сухо:

— Поздравляю васъ.

И потомъ яростно заглядываетъ на своего мужа, какъ будто хочетъ сказать ему:

— Ну а ты, дуракъ, когда же ты-то у меня получишь звѣзду?

Я и жена моя — мы это, разумеется, тотчасъ замѣтили, — торжествуемъ внутренне; потому что внушать къ себѣ чувство зависти въ друзьяхъ, чтобы тамъ ни проповѣдывали моралисты, очень пріятно.

Вмѣстѣ съ генеральскимъ чиномъ въ передней моей въ торжественные дни Рождества, Нового года и Свѣтлаго Воскресенія появляется уже на столѣ листъ бѣлой бумаги и ставится чернильница, для того, чтобы приходящіе съ поздравленіями записывались. Возвращаясь домой въ Свѣтлый день праздника къ обѣду (я уже извѣдывалъ весь городъ и записался вездѣ, гдѣ слѣдуетъ), я бросаю косвенный и любопытный взглядъ на этотъ листъ и потомъ беру его къ себѣ и прочитываю фамиліи записавшихся: ихъ, правда, нѣмного и все такая мелочь:

Коллежскій секретарь Подточинъ.

Титулярный совѣтникъ Иванъ Брылкинъ.

Коллежскій регистраторъ Илья Зарубаевъ, два или три коллежскихъ совѣтника, подвѣдомственные мнѣ, и статскій совѣтникъ Эльпидифоръ Перекачаевъ, очень четко, полными и круглыми буквами написавшій свой чинъ, имя и фамилію... При этомъ имени я останавливаюсь съ особенною признательностію....

— Что ему во мнѣ? думаю, я, — онъ мнѣ не подчиненъ, мы служимъ въ разныхъ вѣдомствахъ, онъ бы смѣло могъ прислать мнѣ просто свою карточку, а между тѣмъ.... Но у него канальство чуткое обоняніе!... Онъ видитъ, что я иду въ гору, такъ на всякій случай записываетъ во мнѣ и оказываетъ мнѣ особенные знаки уваженія и преданности.... Великій льстецъ и низкопоклонникъ!

И у меня невольно рождается къ нему какое-то особенное расположеніе, именно вслѣдствіе того, что онъ записываетъ во мнѣ.

— Довкій и милый человѣкъ! произношу я почти вслухъ улыбался, — умѣетъ проникать въ изгибы и тайники чиновныхъ сердецъ!

Я бросаю листъ на столъ и продолжаю размышлять съ самимъ собою:

— Когда-то у меня будутъ на лѣстницѣ выставляться книги для росписки и списываться отъ перваго до послѣдняго листа въ великіе дни Новаго года и Свѣтлаго Воскресенія — да списываться не Брыликинскими, не Зарубаевскими, не какими-нибудь ничтожными коллежскими регистраторами, а генераль-майорами, генераль-лейтенантами, камеръ-юнкерами, камергерами, тайными совѣтниками?... Когда моя лилиевая ваза, стоящая въ гостиной, въ которой пьютъ вазюху десертна два карточекъ, будетъ биткомъ набита карточками съ именами сенаторовъ, графовъ, князей?... Ахъ фантазія, фантазія!.. куда ты улетаешь неси?... Когда? Когда? Дамеко еще гуляю до Мотрова дня!

И при этомъ я испускаю печальный вздохъ....

Странное дѣло, я считаю себя человѣкомъ гуманнымъ, прогрессивнымъ; относительно Европы я даже имѣю весьма широкіе взгляды, которые, пожалуй, ретрограды назовутъ красными взглядами, — (они во всемъ видятъ красноту!) но если какой-нибудь изъ чиновниковъ, подчиненныхъ мнѣ, самый дѣловый и усердный, не роспишетъ на моемъ листѣ въ Новой годъ или въ свѣтлый праздникъ, я ужъ на него смотрю какъ-то иначе и при случаѣ даже невольно придержу къ нему.... Конечно, изъ-за такихъ пустяковъ я не лишу его мѣста, какъ это дѣлывали въкоторыя начальники съ старыми и дикими понятіями; но очень можетъ случиться, что представлю его къ меньшей денежной наградѣ, нежели бы какая ему слѣдовала....

А если онъ, человѣкъ бѣдный, слабый здоровьемъ, обремененный семействомъ, не придетъ ко мнѣ росписаться, потому что живетъ гдѣ-нибудь на Выборгской сторонѣ, въ пяти верстахъ отъ меня, и что ему тяжело тащиться такую даль пѣшкомъ, а нанять дрожки не на что; если онъ не пришелъ ко мнѣ росписываться именно потому, что считаетъ меня человѣкомъ образованнымъ, начальникомъ вполне просвѣщеннымъ, который не требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ мелочныхъ знаковъ уваженія, низкопоклонства, — а только труда и дѣла?... Какъ же я изъ моего личнаго, мелочнаго чувства лишу его какой-нибудь сотни рублей, на которую онъ рассчитывалъ и которая ему необходима для поддержанія его многочисленнаго семейства, особенно теперь при страшной дороговизнѣ петербургской?

Ахъ, ахъ, ахъ! всѣ-то мы ужасные эгоисты, наше мелочное самолюбіе неумолимо, — а мы должны бы подавлять его въ себѣ и стараться быть какъ можно опоскодительнѣе къ бѣднымъ, подчиненнымъ намъ людямъ!... Намъ-то легко и хорошо росписываться, расфѣзжая на рысакахъ, да еще пожалуй съ лаксємъ въ ливрон и штиблетахъ!...

Любопытно бы однако знать, что сильные-то мира этого обращают ли внимание на эти росписки и неужели они каждый праздник перелистываютъ книги съ росписывающимися?...

Нѣтъ. Мнѣ кажется, это невозможно!... да и до того ли имъ? у нихъ столько дѣла! Что, если они въ самомъ дѣлѣ не читаютъ? Для чего же въ такомъ случаѣ мы скажемъ, какъ угорѣлые, или дома въ домъ и расчеркиваемся въ этихъ книгахъ?... Вотъ забавно!... А вѣдь нельзя не росписываться, воля ваша.... Я почти увѣренъ, что они не читаютъ, ну а если читаютъ?...

Я по чувству гуманности могу еще извинить какого-нибудь бѣднаго чиновника, живущаго на Выборгской, если онъ не росписался на листѣ моемъ: у него сапогъ нѣтъ, ему не на что нанять извозника.... а чѣмъ же меня-то можетъ извинить его превосходительство, или его сіятельство, если я не исполню относительно ихъ своего долга?

Я получаю прекрасное жалованье, столовые, квартирные, у меня экипажъ!...

Нѣтъ, нѣтъ! читаютъ, или не читаютъ, но во всякомъ случаѣ необходимо росписываться.

Изучить нравы начальника, умѣть во время услужить, угодить ему — это, я вамъ скажу, наука, да еще кака! Для того, чтобы постигнуть ее, необходима глубокая проникательность, особая тонкость ума и изворотливость; для этого не должно упускать изъ виду никакихъ мелочей, формальностей. Въ такихъ случаяхъ логика и философія ни къ чему не поведутъ!

Его превосходительство непремѣнно вытаскитъ меня, если я съумѣю угодить ему; я въ свою очередь непремѣнно вытаску другаго, который съумѣетъ мнѣ угодить; онъ.... и такъ далѣе.

Всѣ вытаскиваютъ своихъ фаворитовъ.... Надобно только попасть въ число ихъ, крѣпко и во время зацѣпиться за значительнаго человѣка, а ужъ онъ вытянетъ — не беззаботись.

Тотъ, кто предположилъ себѣ идти вверхъ — долженъ быть всегда на сторожѣ, всегда на готовѣ, обнаруживать постоянную расторопность и дѣятельность, быть всегда на виду у начальства, сдѣлаться такъ сказать необходимостію для глазъ начальства.... Для этого нужна энергія, необходимо нѣкоторое самоотверженіе. Спокойствіе, усыпленіе, халатъ, татарскія привычки, *обломовщина* (слово это сдѣлалось послѣ романа Гончарова нарицательнымъ) никуда не годятся. Положившій себѣ цѣлю идти впередъ, долженъ воспитывать, какъ Отелло:

«Прости спокойствіе!...»

Я зналъ впрочетъ многихъ Обломовыхъ, которые достигали до степеней извѣстныхъ.

Отчего же это?

Но на долю этихъ Обломовыхъ выпадали супруги честолюбивыя, энергическія, недававшія имъ ни минуты покоя, принимавшія рѣшительныя мѣры относительно своихъ супруговъ и истребившія всѣ ихъ турецкія и татарскія халаты. Лишь только такого рода супругъ задремлетъ немножко, такого рода супруга толкаетъ его....

— Поѣзжай, говоритъ, сию минуту къ тому-то. У него, говорятъ, сегодня на вечеръ такой-то — человѣкъ тебѣ нужный....
или:

— Сегодня рожденіе, или именины—сестры, дочери, сына, брата, или тѣни такого-то извѣстнаго лица. Поѣзжай сейчасъ съ поздравленіемъ....

— Но... произнесетъ супругъ....

— Но при этомъ та энергическая супруга такъ взглянетъ на своего супруга, что тотъ опрометью побѣжитъ одѣваться.

Что, если бы я имѣлъ такую супругу? спросилъ меня мой внутренний голосъ. Холодный потъ при этомъ выступилъ у меня на спинѣ и ледяныя иголки пробѣжали отъ темени до пятокъ....

— За то ты бы не излѣнился, какъ теперь, возразило моему внутреннему голосу мое мелочное самолюбіе,—не опалъ бы до полудня, не валялся бы на диванѣ съ книгою въ рукѣ, а рисковалъ бы съ утра до вечера, кланялся, извинялся, наклонялся, пріятно улыбался, служилъ и подслуживался....

Это побѣсило меня.

— Я человѣкъ честный; честь и независимость для меня всего дороже, вскрикнулъ я съ жаромъ и потѣлъ, какъ червя, придавить мое мелочное самолюбіе.

Но оно легко выскользнуло изъ-подъ паты моей, какъ все мелкое и скользкое, и подняло свой голосъ:

— Честь, независимость!... Это слова, которыми ты стараешься оправдать себя въ томъ, что ты почти въ 50 лѣтъ только какойнибудь жалкій коллежскій секретарь, тогда какъ твои сверстники давно генералы со звѣздами съ лентами черезъ то и черезъ другое плечо... Не честь, не независимость не допустили тебя до блестящаго пути административной карьеры, а лѣнь, обломовщина, любезный другъ... И что же хорошего, что ты дожилъ до сѣдыхъ волосъ и остался тѣмъ, ничѣмъ, въ своемъ татарскомъ халатѣ и съ книгою въ рукѣ?.. Ты отъ этого и состарѣешься и одряхлѣешь преждевременно, потому что только дѣятельная жизнь, постоянно на вытѣжкѣ, поддерживаетъ здоровье и силы человѣка. Взгляни напримѣръ на его пре-

восходительство Артомона Егорыча, ему подъ 60, а на видъ 40: ни одной морщинки, ни одной сѣдинки.... Онъ я до сихъ поръ бѣгаетъ, кланяется, хлопочетъ, угождается, вѣчно на вытѣхѣ, въ завитомъ шарикѣ....

Я ужаснулся, что внутри меня могутъ подниматься еще такого рода сиверные голоса....

Неужели я могъ допустить въ себѣ существовать такому пошлему и жалкому самолюбію? спросилъ я свой внутренний голосъ.

— Что дѣлать? Со дна души человѣка, отвѣчалъ онъ мнѣ для успокоенія меня, — поднимаются иногда разные мелкія страстишки и возвышаютъ свой голосъ.... Онѣ кое-какъ тайно поддерживаютъ свое безсильное существованіе въ самыхъ чистыхъ натурахъ, питаясь предразсудочными впечатлѣніями дѣтства и жалкими привычками и обычаями той среды, въ которой выросъ человѣкъ и отъ которой онъ постепенно отрывался по мѣрѣ своего развитія и проникновенія своимъ человѣческимъ достоинствомъ....

Я легче вздохнулъ послѣ этого.

Въ эту минуту выбѣжалъ изъ магазина мой сверстникъ — человѣкъ отлично идущій по службѣ, ума не глубокаго, но крайней лояльности, расторопности и уголивости.

— Ааа! протянулъ онъ мнѣ, — здравствуй, душа моя.

— Что все въ хлопотахъ? въ вѣчной дѣятельности? спросилъ я его.

— Comme de raison, mon chér, — отвѣчалъ онъ.

Какъ всѣ люди, плохо знающіе французскій языкъ, онъ безпрестанно ввертываетъ въ разговоръ избитыя французскія фразы.

— То есть ты не поѣдешь, какъ измучился сегодня, продолжалъ онъ, — передъ праздникомъ, ты знаешь, всегда работы бездна, къ тому же *нашъ* (своего высшаго начальника онъ всегда называетъ мой или *нашъ*)... ты знаешь, онъ почему-то имѣетъ по мнѣ особенное пристрастіе... поручилъ мнѣ пересмотръ одного очень важнаго дѣла... Я за нимъ, *имею*, трое сутокъ сидѣлъ день и ночь и только кончилъ сегодня утромъ.... да за то я всталъ въ пять часовъ.... Въ девять я былъ уже у него въ кабинетѣ и занимался съ нимъ до 12. Въ двѣнадцать пришла его жена — ее давно кто-то увѣрилъ, что я человѣкъ со вкусомъ, — и съ тѣхъ поръ, это просто бѣда, — она поручаетъ мнѣ разные закуски, подарки къ праздникамъ — у нихъ вѣдь бѣдна родня.... Отъ порученія такой особы вѣдь не откажешься, дѣлать нечего!... Вотъ я и рискаю съ 12 часовъ... Ну и *малосъ* надобно сдѣлать кое-какія закупки къ празднику... Я долженъ сегодня пообѣдать наскоро, а потомъ опять таскаться по магазинамъ.... Измучился, совсѣмъ измучился... а завтра-то, завтра-то что предстоитъ

миѣ! Вотъ ты, братецъ, счастливый человѣкъ, независимый, свободный, какъ воздухъ.... Я, признаюсь, тебѣ завидую....

— Притворяешься, не завидуешь! — отвѣчалъ я, — ты за свое усердіе получишь награды къ каждому празднику, а я никакихъ; ты идешь все впередъ и впередъ, украшаешься.... генераломъ скоро будешь ... а я все стою на одномъ мѣстѣ.... Вотъ и теперь я ясно читаю на лицѣ твоёмъ, что завтра ты непременно урассишься чѣмъ нибудь новопольнымъ, или поднимешься ступенью выше. Я поздравляю тебя заранѣе.... Съ какой же стати ты будешь завидовать миѣ?

Онъ пріятно улыбнулся, потрепалъ меня благосклонно по плечу и произнесъ не безъ ироніи:

— Да какъ же! вы, господа, нынче въ ходу.... Что мы передъ вами?... Мы васъ боимся, мы должны за вами улаживать, потому что того изъ гледи попадешь къ вамъ въ журналъ....

И при этомъ онъ засмѣялся и крѣпко пожалъ миѣ руку.

— До свиданія, мой милый, миѣ нѣкогда. Au revoir.

Я провожалъ его глазами и думалъ:

— Нѣтъ, ты не завидуешь миѣ, ты вздоръ говоришь; напротивъ, я знаю: ты убѣдился въ томъ, что я завидую твоимъ возвышеніямъ, твоимъ украшеніямъ и прочему.... Но ты ошибаешься, любезный другъ! За ту цѣну, за которую ты приобретаешь все это, я не хотѣлъ бы приобретать награды въ двадцать разъ важнѣйшія.

Миѣ не нужно бѣгать по магазинамъ для угожденія женѣ начальника, торчать въ приемной его превосходительства, чтобы быть всегда наготовѣ, когда позовутъ онъ, лѣстить, извиваться, разсыпаться мелкимъ бѣсомъ, интриговать противъ своихъ сослуживцевъ, подставлять имъ подножки и прочее и прочее....

Я завтра, когда ты въ мундирѣ и трекъуголѣ будешь рыскать по империарскимъ и записываться, въспокойно разлягусь на диванѣ въ своемъ кабинетѣ и при громѣ экипажной подкатывающихся къ подъѣздамъ, при мысли объ этомъ всеобщемъ волненіи, съ естественнымъ наслажденіемъ, крѣпко завернусь въ мой халатъ и приму еще болѣе покойную и удобную позу, поблагодаривъ Бога, что эта чаша прошла мимо меня....

Я выведетъ быть изъ этихъ глубокомысленныхъ разсужденій толпой въ бѣгъ.... Какой-то господинъ, выбѣжавшій изъ шляпнаго магазина съ новой шляпой, завернутой въ бумагу, вдругъ наскокчалъ на меня....

Толкотня, суетня на тротуарахъ, оглушающій громъ на мостовой.... Всѣ бѣгутъ, скачутъ толпятся, закупаютъ....

Всѣ хотѣтъ быть завтра непременно въ освѣщенномъ и обновленномъ видѣ.

Праздникъ! Праздникъ!

Тѣ, которые не моются во мѣсяцѣмъ, завтра непременно вымыются и надѣнутъ на себя все чистенькое и новенькое; вездѣ скребутъ, моютъ въ самыхъ грязныхъ квартирахъ и углахъ.... Сколько кофею будетъ истреблено завтра! Сколько будетъ выпито водки специальной и простой. О, какъ должны радоваться сердца петербургскихъ откупщиковъ при наступленіи святой недѣли!

Къ удовольствію ихъ, въ Петербургѣ нѣтъ и женщины о трезвости. На каждомъ шагу въ теченіе цѣлой праздничной недѣли на васъ натыкаются повсюду одурѣвшіе отъ сивухи люди съ криками, съ жестами; мужья, бывшіе женъ; жены, ругающія мужей, пьяныя женщины съ младенцами на рукахъ. Стоны, крики, слезы.... Картина очень печальная!

Кстати о винѣ. Мы прочли недавно въ одной газетѣ, что гг. откупщики, испугавшись распространяющейся внутри Россіи трезвости, придумали: *въ теченіе нѣкотораго времени продавать въ извѣстныхъ кабакахъ вино по сильно пониженной цѣнѣ, только въ довольно-значительномъ количествѣ.*

Остроумная уловка для возбужденія пьянства!

Когда любители вина узнаютъ, что ведро вина продается за три рубля, — если они имѣютъ три рубля въ карманѣ, они, разумѣется, поспѣшатъ приобрести ведро, ибо черезъ три четверти дня вино вздорожаетъ.

«Но не въ значительности продажи», продолжаетъ газета заключалась выгода откупа: «она рассчитывалъ на другое. Купившіе ведро и пившіе прежде не болѣе двухъ или трехъ рюмокъ въ день, стали пить, четыре и пять рюмокъ, такъ что ведро вышло очень скоро, захотѣлось выпить еще, а ужъ вино возвысилось въ цѣнѣ. Дѣлать нечего, пришлось купить ведро по возвышенной цѣнѣ, и это новое ведро исчезло такъ же быстро, какъ первое, потому что привычка пить вмѣсто трехъ рюмокъ — пять, сдѣлалась уже сильна. Навѣрно, что водка дѣйствуетъ губительно на желудокъ и скорѣе всякаго другаго пьянаго напитка возбуждаетъ запой; вследствие дешево-купленной и можетъ быть не совсѣмъ доброкачественной водки многіе спились, ввали въ запой и стали чаще и чаще посылать въ наѣбъ, не думая уже о дороговизнѣ. Такимъ образомъ откупъ успѣлъ сбить вина и въ то же время оградить себя отъ опасности, которою грозилъ ему распространяющійся въ Россіи духъ трезвости....» и проч. Газета, изобличающая это, обѣщаетъ представить доказательства.

Праздникъ кончился, и все опять вошло въ свою обычную колею.

Балаганные содержатели, если не въ убыткѣ, то приобрѣли на

этотъ разъ весьма немного, потому что, какъ сказано было выше, всю свѣтлую недѣлю въ Петербургѣ лилъ дождь, попархивалъ снѣгъ и стояли нестерпимые холода съ еще болѣе нестерпимыми вѣтрами.

Освободившись отъ грязнаго льда, Нева имѣла свинцовый оттѣнокъ, какъ въ глухую осень, и еще до сихъ поръ нѣтъ зелени на деревьяхъ. Какъ холодно въ Биржевомъ саду бѣднымъ обезьянамъ, попугаямъ, райскимъ и другимъ тропическимъ птицамъ, привезеннымъ изъ-за моря!

Однимъ изъ весеннихъ подарковъ въ Петербургѣ въ старые годы считались устрицы, но въ нынѣшнемъ году охотники могли пользоваться ими почти въ теченіе всей зимы... Несмотря на это, съ открытія навигаціи биржевыя лавки по утрамъ набиты были господами, поглощающими устрицъ.

Для людей со средствами всѣ времена года хороши и каждое имѣетъ свои особенныя сюриризы и наслажденія; для людей же недостаточныхъ и бѣдныхъ — все сѣверно и каждое время года имѣетъ еще свои особенныя неурядицы....

Люди богатые не замѣчаютъ ни сѣверной погоды, ни дурныхъ дорогъ, ни гризи, качаясь какъ въ люлькѣ на лежащихъ рессорахъ своихъ экипажей и глядя сквозь зеркальныя стекла своихъ каретъ; люди богатые во всѣ времена года пьютъ кристальную воду, пропускаемую сквозь водоочистительные снаряды, или вѣрнѣе сказать вовсе не пьютъ воды, а употребляютъ шампанское и другіе напитки, какъ воду....

А бѣдный зимой взиетъ по колѣна въ снѣгу, о сенью и весною утопаетъ въ грязи.... Загляните-ка на такъ называемыя улицы Галерной Гавани, Петербургской и Выборгской сторонъ. Да и къ чему заглядывать въ Галерную Гавань, на Выборгскую.... Посмотрите на мостовую весною въ самыхъ лучшихъ улицахъ Петербурга. Что можетъ быть ужаснѣе этой мостовой? Ямы, провалы, выбоины, колеи, точно послѣ потона; попробуйте ощутить прелесть этой мостовой, проѣхавшись на извозничьихъ дрожкахъ въ формѣ гитары — на этомъ татарскомъ экипажѣ, на которомъ ежеминутно вы рискуете сломать себѣ шею, или вывихнуть ногу!...

Вода и водка единственные напитки бѣднаго; — о водкѣ я не скажу ни слова, потому что объ ней было говорено впереди, — но полюбознательствуйте посмотреть, какую воду пьютъ петербургскій бѣдный весною и лѣтомъ, не имѣющій средствъ приобрести водоочистительную машину.... Вода въ Фонтанкѣ, въ Мойкѣ, на Екатерининскомъ каналѣ, въ которыя проведены сточныя трубы, которыя лѣтомъ загружаются дровами и другими барками, — это не вода, а отравы.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дѣйствій общества С.—Петербургскихъ водопроводовъ. Оно объявило, что въ теченіе лѣта предполагаетъ проложить чугунныя трубы по шестидесяти шести улицамъ, площадямъ и набережнымъ, — всего на протяженіи пятидесяти верстъ.

Дай Богъ, чтобы это осуществилось.

Когда же мы дождемся сколько нибудь сносныхъ мостовыхъ? сколько нибудь удобныхъ и приличныхъ наемныхъ экипажей?

По этому поводу я даже написалъ въ подражаніе г. Розентейму элегію съ припѣвомъ *Когда? Когда?* которую я когда нибудь сообщу читателю....

Несмотря на ожидаемые громы войны и на вооруженіе всей Европы, отъѣзжающимъ за границу нѣтъ числа. Въ почтовыхъ экипажахъ берутся мѣста за полтора мѣсяца впередъ.... Надо признаться, что брать мѣсто впередъ за полтора мѣсяца очень неудобно.... мало ли что съ человѣкомъ случится въ эти полтора мѣсяца? можно занемочь, могутъ остановить какія нибудь дѣла, наконецъ необходимо выѣхать черезъ три дня, а васъ угощаютъ билетомъ черезъ полтора мѣсяца....

Послѣ поста на театрѣ нашемъ появились двѣ новыя пьесы: на русскомъ, — новая драма «Банкрутъ», изъ романа Шпиндлера, — на французскомъ «Орфей въ аду» (*Orphée aux enfers*) фарсъ съ пѣніемъ, и на русскомъ оперномъ театрѣ новая опера г. Фитингофа *Мазепа*.

Въ Петербургѣ находятся въ сію минуту М. С. Щепкинъ, который уже игралъ «роли Фамусова и Городничаго въ Ревизорѣ.» Александрійскій театръ въ оба эти представленія былъ полонъ сверху до низу и петербургская публика приняла съ громкими рукоплесканіями ветерана русскихъ артистовъ.

На французскомъ театрѣ дебютировала въ старинномъ водевилѣ *Jean Mathieu ou Etre aimé pour soi même* — Г-жа Деверіа съ отцомъ своимъ, актеромъ Порт-Сен-Мартенскаго театра.

Г-жа Деверіа — лѣтъ 18; она высока и стройна, имѣетъ правильныя и пріятныя черты лица. Она не красавица въ общепринятомъ смыслѣ и вѣроятно большинство всегда предпочтетъ ей по красотѣ г-жу Терикъ; но въ лицѣ г-жи Деверіа столько выраженія, столько ума, столько одушевленія, что она, покрайней мѣрѣ намъ кажется, привлекательнѣе многихъ такъ называемыхъ красавицъ.

Въ игрѣ г-жи Деверіа мы замѣтили много тонкости и сценическаго таланта, лиція ея очень натуральна, въ манерахъ нѣтъ того кокетства, той пзысканности, которая такъ непріятно поражала на примѣръ въ г-жѣ Плесси и во многихъ другихъ французскихъ ак-

трисахъ, которыхъ удалось намъ видѣть; въ игрѣ дебютантки мы не замѣтили ни малѣйшей подражательности какому бы ни было знаменитому образцу; у нея есть что-то свое, чуждое совершенно пошлой сценической рутинѣ, обнаруживающее въ ней положительное дарованіе, для котораго есть будущее....

Въ г-жѣ Деверіа — французская петербургская труппа дѣлаетъ очень пріятное пріобрѣтеніе.

Что же касается до отца г-на Деверіа — объ немъ говорить не стоитъ: — это дюженный актеръ парижскихъ бульварныхъ театровъ, у котораго нѣтъ и проблеска сценическаго дарованія. Онъ движется одною рутиной.

О драмѣ «Банкрутъ» мы говорить ничего не будемъ, потому что мы говоримъ здѣсь только о болѣе или менѣе замѣчательныхъ сценическихъ явленіяхъ, но скажемъ нѣсколько словъ объ «Орфеѣ въ аду», потому что этотъ музыкальный фарсъ принадлежитъ по своей нелѣпости къ замѣчательнымъ явленіямъ. Въ Парижѣ онъ, говорятъ, имѣлъ успѣхъ на театрѣ «Парижскихъ Буффовъ» и выдержалъ несчетное количество представленій. Въ Петербургѣ успѣха онъ не имѣлъ, не смотря на то, что обставленъ съ большимъ эффектомъ на сценѣ Большаго театра.

(Французы играютъ теперь на сценѣ Большаго театра, по случаю передѣлки Михайловскаго).

Содержаніе «Орфея въ аду» рассказывать бесполезно, но мы замѣтимъ только, что въ этомъ фарсѣ на сценѣ дѣйствуетъ весь Олимпъ, герои безсмертнаго Гомера. Фарсъ, при такихъ данныхъ, могъ бы быть очень забавенъ.

Зевсъ — громовержецъ, тучъ-воздыматель Кроніонъ является намъ въ лицѣ г-на Лемениля. Представьте себѣ: Лемениль-громовержецъ!

Зевсъ парижскаго бульварнаго фарса, Зевсъ-Лемениль имѣетъ сходство съ величественнымъ гомеровскимъ Зевсомъ въ томъ только, что оба немножко любятъ матеріальныя удовольствія.

Когда гомеровскій страшный Кроніонъ заключалъ въ свои могучія объятія свою царственную супругу, лилейно-розовую Геру, то

Быстро подъ ними земля возрастила цвѣтуція травы,
Лотось росистый, Сафранъ и цвѣты Гіацины густыя,
Гибкіе, кои боговъ высоко отъ земли поднимали.....

и когда они предавались споконію

.....одѣвалъ почивающихъ облакъ
Пышный, златый, изъ котораго свѣтлая капала влага.....
Т. LXXV. Отд. III.

Зевсъ-Леменьи не такъ величественъ и страшенъ, хотя и держитъ гремы.... изъ дерева. Онъ просто добрый и ограниченный старичишка, подъ башмакомъ у своей супруги; онъ открываетъ свою табакерку со скрипомъ, безпрестанно набиваетъ свой носъ табакомъ и позволяетъ по глупости водить себя за носъ бойкому, ловкому и умному подземному богу Плутону.

Что, если бы робкіе и легковѣрные люди, трепещущіе передъ этимъ воздымателемъ тучъ, передъ этимъ Громовержцемъ, посмотрѣли бы на него вблизи въ его домашнемъ быту! Какъ бы они посмѣялись надъ своимъ нелѣпымъ страхомъ, какъ бы имъ стало стыдно самихъ себя!

Если бы эта тема была развита покороче и поостроумнѣе, фарсъ былъ бы не безъ смысла и не безъ веселости.

Но все смѣшное въ парижскомъ фарсѣ основано на табакеркѣ, на превращеніи волочащагося Зевса въ жука; на томъ, что съ Юноной (г-жа Леменьи) дѣлается первическій припадокъ отъ невѣрности супруга и она кричитъ и дрыгаетъ ногами.

И все это длится болѣе трехъ часовъ!...

Весна въ Петербургѣ время различныхъ выставокъ: выставки флоры, выставки искусствъ (говорятъ, скоро откроется академическая годичная выставка), выставки благотворительныхъ лотерей и наконецъ выставки новѣйшихъ и модныхъ парижскихъ товаровъ въ магазинахъ.

Въ числѣ послѣднихъ занимала первое мѣсто выставка въ магазинѣ *Делиля* (у Полицейскаго моста, въ домѣ Голландской церкви). Она продолжалась нѣсколько дней. Выставка эта была дѣйствительно очень блестяща: удивительныя кисеи, необыкновенныя по красотѣ и дороговизнѣ шелковыя матеріи (мы замѣтили между прочимъ одно голубое шелковое платье о двухъ юбкахъ съ цвѣтами, стоящее 150 р.), ковры, репсы, бархаты и другія мебельныя матеріи—все это привлекало въ магазинъ *Делиля* тѣхъ изъ прекраснаго пола, для которыхъ доступны всѣ эти прелести, стоящія баснословныхъ денегъ....

Дешевыя распродажи въ Петербургѣ также въ большомъ ходу весною. Такихъ различныхъ дешевыхъ распродажъ было въ особенности много нынѣшнюю весною. Замѣчательнѣе другихъ была распродажа въ домѣ герцога Лейхтенбергскаго и у г. Жюста картинъ старинныхъ и новѣйшихъ живописцевъ, японскаго, китайскаго, сервскаго и стариннаго саксонскаго фарфора и другихъ. Между этими картинами и вещами было нѣсколько очень замѣчательныхъ по своему художественному достоинству.

Мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ о г. Рарей.... Представимъ теперь одинъ изъ труднѣйшихъ опытовъ надъ дикою лошадью. Мы занимаемся это изъ «Русскаго Инвалида»:

«Труднѣйшій опытъ г. Рарей произведенъ былъ надъ дикою лошадью, приведенною, за 17 лѣтъ тому назадъ, изъ черноморскихъ степей и находившеюся съ тѣхъ поръ въ Гатчинѣ, зимою въ нарочно для нея устроенной конюшнѣ, а лѣтомъ въ особомъ мѣстѣ парка. Лошадь эта малорослая (около 1 вершка), но весьма сильная, коренастая и съ толстыми членами, отличалась своею необузданностію, дикостію и необыкновенною злостію, усиленною еще отъ того, что люди, проходившіе лѣтомъ мимо того мѣста, гдѣ она находилась, постоянно дразнили ее; тогда она становилась на дыбы, старалась бросаться на человѣка, кусать, бить передними ногами или оборотясь лягать задними. Переводъ ея изъ парка въ зимнее помѣщеніе всегда сопряженъ былъ съ величайшими затрудненіями и даже опасностію; неоднократно ломала она денникъ свой, дѣлая огромные скачки, доказывавшіе неимовѣрную силу мускуловъ; даже пищу принуждены были давать ей чрезъ нарочно сдѣланное въ денникѣ отверстіе, и тогда она старалась бросаться на человѣка, передававшего ей кормъ.

«17-го марта, г. Рарей, въ сопровожденіи двухъ кавалерійскихъ офицеровъ, отправился въ Гатчино, съ тѣмъ, чтобы привести сказанную лошадь въ Петербургъ, гдѣ опыты для укрощенія ея должны были производиться въ такъ называемомъ маленькомъ манежѣ, состоящемъ при казармахъ Кавалергардскаго полка.

«Прибывъ въ Гатчино, Рарей отправился немедленно въ конюшню, въ которой заперта была лошадь; она не позволяла подойти къ себѣ, бросалась на Рарей съ намѣреніемъ укусить его, обращалась къ нему задомъ и подскакивая такимъ образомъ старалась лягнуть: онъ едва успѣвалъ выскочить изъ денника и притворилъ за собою дверь, въ которую лошадь стала лягаться столь сильно, что вышибла притолоку. Рарей, возвратясь въ денникъ, старался, посредствомъ длиннаго шеста, приучить ее къ прикосновенію посторонняго тѣла, при чемъ она безпрестанно билась, прыгала, лягалась и бросалась на Рарей, который едва успѣвалъ выскакивать изъ денника. Когда онъ наконецъ, посредствомъ шеста, старался накинуть на шею лошади арканъ, то она наклоняла голову, топтала веревку аркана передними ногами и бросалась на Рарей, быстрыми и ловкими движеніями отъ нея ускользавшаго. Работа эта продолжалась около 4 часовъ, и когда, наконецъ, удалось Рарею накинуть арканъ на шею лошади, то она взвилась на дыбы, кувыркалась и, наконецъ,

разорвала веревку аркана, такъ что работу надлежало начать вновь. А какъ на это потребовалось бы слишкомъ много времени, то Рарей, узнавъ, что тутъ находились люди, употребляемые при выпускѣ этой лошади изъ конюшни въ паркъ и обратномъ вводѣ ея въ конюшню, потребовалъ отъ нихъ помощи: ихъ было 10 человекъ; двое изъ нихъ набрасывали петлю чрезъ отверстіе, сдѣланное въ потолокъ денника, двое изъ окна и шестеро изъ дверей. Чрезъ четверть часа, лошадь, съ петлей на шеѣ и съ спутанными ногами, повалена была на полъ, она щелкала зубами, билась и старалась освободиться. Этимъ временемъ воспользовался Рарей, чтобы надѣть на нее узду, и тогда вывелъ на длинной кордѣ изъ денника, и прошелъ нѣсколько шаговъ; она остановилась, отказалась идти далѣе, взвилась на дыбы и упала на землю. Рарей поднялъ ее и провелъ снова нѣсколько разъ по двору, при чемъ уже она оказалась послушною; затѣмъ, проведя ее нѣсколько по дорогѣ, онъ возвратился назадъ, и тогда сѣлъ на другую лошадь и повелъ дикую лошадь безъ всякаго сопротивленія къ дебаркадеру гатчинской желѣзной дороги, и въѣхавъ самъ на подмости, ввелъ ее въ вагонъ, въ которомъ она, во все время переѣзда въ Петербургъ, стояла спокойно, смирише даже нежели стоять обыкновенно въ вагонѣ лошади ручныя. По прибытіи въ Петербургъ, въ тотъ же день, лошадь, доведенная все такимъ же образомъ до кавалергардскихъ казармъ, вырвалась въ сосѣдствѣ оныхъ и побѣжала къ Таврическому Саду; но Рарею удалось поймать ее и ввести въ маленькій манежъ, гдѣ она и провела первую ночь. На другой день, 18-го марта, Рарей началъ съ нею работу, и въ тотъ же день лошадь, вычищенная самимъ Рареемъ щеткою и скребницею, стала повиноваться своему укротителю. 19-го марта Рарей осѣдлалъ ее, и она стала слѣдовать за нимъ какъ собака; 20-го онъ ѣздилъ на ней шагомъ и рысью, мѣняя направленіе и смѣло побуждая ее хлыстомъ. 21-го марта онъ расчищалъ и опилялъ ей копыта, и продолжалъ выѣзжать ее по дѣвухъ и приучать ко всему. Такимъ образомъ повторялъ онъ работу съ этою лошадью и довелъ ее до того, что могъ 23-го марта показать въ манежѣ Аничковскаго Дворца, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича. Лошадь, по желанію г. Рарея, легла на землю, и онъ сѣлъ на нее; потомъ всталъ и сталъ хлопать бичемъ, при чемъ лошадь оставалась неподвижною. Рарей положилъ голову свою на правую заднюю ногу лошади и копытомъ лѣвой ноги сталъ чесать у себя щеку и лобъ; потомъ, поднявъ лошадь на ноги, осѣдлалъ ее и поѣхалъ на ней; лошадь повиновалась безпрекословно каждому его движенію.»

Обратимся къ новымъ изданіямъ и книгамъ:

Г. Мюнстеръ продолжаетъ свою Портретную Галерею русскихъ литераторовъ, журналистовъ, художниковъ и другихъ замѣчательныхъ людей. Вышли 4 и 5 тетрадь этой галереи, заключающая портреты: митрополита Платона, г. Дружинина, графа Сперанскаго, графини Е. Р. Дашковой, Островскаго, Плещеева, Пушкина и Лермонтова. Говорятъ, ко всѣмъ этимъ портретамъ г. Мюнстеръ приложитъ біографіи. Нельзя не одобрить издателя галереи за такое намѣреніе.

Многіе портреты въ двухъ послѣднихъ тетрадяхъ очень удачны, — въ особенности портреты гг. Дружинина, Плещеева и Островскаго. Касательно портрета г. Островскаго можно замѣтить одно только: въ дѣйствительности г. Островскій блѣднѣе, а на портретѣ онъ вышелъ почему-то брюнетомъ.

Мы слышали также, что г. Мюнстеръ намѣренъ издавать портреты замѣчательныхъ иностранцевъ и также съ біографіями, въ подраженіе извѣстному изданію Кастиля: «Portraits historiques et politiques au XIX siècle», по весьма умѣренной цѣнѣ.

Все это очень похвально и — нельзя не пожелать, чтобы труды г. Мюнстера были вознаграждены вниманіемъ публики.

Г. Гербель продолжаетъ неутомимо свое полезное изданіе *Полныхъ сочиненій Шиллера*.

Въ непродолжительномъ времени отпечатаются и выйдутъ въ свѣтъ *пятая, шестая и седьмая* части «Сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей». Вотъ содержаніе этихъ трехъ книжекъ: *часть V*. «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ», драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, въ новомъ переводѣ Н. В. Гербеля; «Марія Стюартъ», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ старомъ переводѣ покойнаго А. А. Шишкова 2-го. *Часть VI* «Валленштейнъ», драматическая поэма въ двухъ частяхъ. Часть первая: «Прологъ», въ новомъ переводѣ Л. А. Мея; «Лагерь Валленштейна», драматическое представленіе въ одномъ дѣйствіи, въ новомъ же переводѣ Л. А. Мея. «Пикколомини», драматическая поэма въ пяти дѣйствіяхъ, также въ новомъ переводѣ В. А. Лилина. Часть вторая: «Смерть Валленштейна», трагедія въ пяти актахъ, въ старомъ переводѣ покойнаго А. А. Шишкова 2-го. *Часть VII* «Коварство и Любовь», мѣщанская трагедія въ пяти актахъ, въ новомъ переводѣ М. М. Достоевскаго; «Орлеанская Дѣва», драматическая поэма въ пяти актахъ, въ старомъ переводѣ покойнаго В. А. Жуковскаго. *Часть VIII* также готовится къ печати. Въ составъ этой части войдутъ: «Димитрій Самозванецъ», неоконченная трагедія, въ новомъ переводѣ Л. А. Мея; «Духовидѣцъ», романъ въ новомъ же переводѣ А. А. Григорьева; «Мизантропъ», драматическій отрывокъ, также въ новомъ переводѣ Н. В.

Гербея, и нѣкоторыя мелкія стихотворенія, не вошедшія въ первыя двѣ части «Шиллера», въ переводахъ: В. Г. Бенедиктова, Н. В. Берга, Н. В. Гербея, М. М. Достоевскаго, Л. А. Мея, О. Б. Миллера, М. Л. Михайлова и другихъ. — *Части IX и X*, куда войдутъ большія историческія сочиненія Шиллера: «Исторія тридцатилѣтней войны» и «Исторія освобожденія Нидерландовъ изъ-подъ испанскаго владычества», оба въ новыхъ переводахъ, первое — М. Л. Михайлова, а второе — Л. А. Мея, также начаты. Остальныя *XI и XII части* будутъ заключать въ себѣ историческія, философическія и критическія статьи Шиллера, изъ которыхъ многія уже переведены, а другія — переводятся.

Намъ случилось пробѣжать нѣкоторыя изъ этихъ переводовъ и мы нашли, въ особенности переводы гг. Мея и Лялина, очень удачными.

Торговый домъ г.г. Струговщикова, Пахитонова и Водова издалъ нѣсколько полезныхъ сочиненій, по части естественныхъ наукъ, а именно:

1) Учебникъ Химіи, или первоначальное изученіе химіи при помощи самыхъ простыхъ опытовъ безъ пособія наставника, сочиненіе Доктора Штекгардта, переведенное и изданное г. Ходневымъ. — При этомъ сочиненіи 286 полтипажей въ текстѣ.

2) Біографіи знаменитыхъ астрономовъ, физиковъ и геометровъ, сочин. Франсуа Араго, въ переводѣ Д. М. Перевощикова.

и 3) Природа и ея силы, заимствованіе, сдѣланное г. Новосильскимъ изъ Бабиня, Циммермана и друг.

Г. Новосильскій доходитъ мѣстами въ своей книгѣ до поэзіи, возвышается до лиризма. Выпишемъ одну изъ самыхъ краснорѣчивыхъ страницъ его новаго сочиненія:

«Никакое происшествіе на нашей землѣ, говоритъ онъ, — отъ начала міра до окончанія его не погибаетъ, но вся исторія человѣчества, со всѣми частными подробностями, въ свѣтилахъ небесныхъ, какъ въ зеркалахъ вселенной, всецѣло отражается.

«Пойдемъ далѣе.... но какъ мы будемъ часто ссылаться на идею *возможнаго*, то просимъ читателя согласиться съ нами въ слѣдующемъ:

«Мы называемъ *возможнымъ* то, что не противорѣчитъ общимъ законамъ природы; *невозможнымъ* — что имъ противорѣчитъ.

«Въ этомъ смыслѣ, усовершенствованіе всякаго человѣческаго открытія до чрезвычайности — есть дѣло возможное. Такимъ образомъ, можно достигнуть до того, чтобъ пробѣгать извѣстное пространство въ определенное, но чрезвычайно малое время. Если по желѣзнымъ дорогамъ мы пробѣгаемъ десять верстъ въ десять ми-

нута; если, помощью электрическаго телеграфа, мы можемъ въ одну секунду времени зазвонить въ колокольчикъ, находящійся отъ насъ на разстояніи тысячи верстъ, предположеніе, что можемъ найти средство двигаться отъ одного пункта къ другому съ изумительною быстротою, не принадлежитъ еще къ невозможному.

«Повторяемъ, что подобнаго результата на практикѣ мы, разумѣется, никогда не достигнемъ, хотя въ сущности предстоитъ намъ одно препятствіе: усовершенствовать до чрезвычайности извѣстные механическіе дѣатели, чтобъ получить, напримѣръ, движеніе, скорость котораго превышала бы скорость свѣта (*); въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что не выходимъ изъ области возможнаго.

«Теперь мы продолжаемъ, полагая, что читатель допускаетъ, что наша идея возможнаго не есть одна пустая мечта, хотя, съ другой стороны, и далека еще отъ практическаго осуществленія.

«Допуская это, предположимъ, что обитатель земли перенесется на звѣзду съ такимъ сильнымъ телескопомъ, что можетъ на всякомъ разстояніи въ подробности разсматривать освѣщенные мѣста нашей планеты.

«Съ этимъ предложеніемъ и зная взаимное положеніе и разстояніе между неподвижными звѣздами (свѣдѣнія эти даетъ, новѣйшая астрономія), наблюдатель можетъ вызвать передъ свои глаза всѣ важнѣйшія событія всемірной исторіи, которыя представляются ему живыми, какъ бы въ это время совершающимися. Если онъ захочетъ видѣть, напримѣръ, Полтавскую битву и безсмертнаго Петра передъ русскими полками, то перенесется въ пространство между звѣздами 6-й и 7-й величины; пожаръ Москвы 1812 года, озаряющій быстро изъ Россіи Наполеона и полиціи двадцати народовъ, онъ увидитъ, находясь около звѣзды четвертой величины. Наконецъ, направивъ свой полетъ отъ рубежей нашей солнечной системы къ блестящему Сириусу, наблюдатель могъ бы воскресить и незабвенный для насъ день 26-го августа 1856 года и видѣть въ полномъ блескѣ торжество коронаціи возлюбленнаго нашего Монарха.

«Теперь вообразимъ наблюдателя на звѣздѣ 12-й величины, вооруженнаго обыкновенно-сильнымъ телескопомъ. Онъ могъ бы видѣть землю, какою она была назадъ тому четыре тысячи лѣтъ. Представимъ себѣ, что этотъ наблюдатель несется отъ звѣзды 12-й величины съ такою скоростью, что можетъ прилѣтѣть на землю на одинъ часъ. На половинѣ дороги онъ увидѣлъ бы землю въ томъ видѣ, какъ она была въ дѣя тысячъ лѣтъ, и т. д.

«Отсюда ясно, что еслибъ наблюдатель могъ обнять своимъ взоромъ весь вихрь изображеній, которыя послѣдовательно будутъ не-

(*) Электричество движется скорѣе свѣта.

редъ нимъ развертываться, онъ прожилъ бы сорокъ вѣковъ и видѣлъ бы всѣ событія на земномъ шарѣ въ теченіе одного часа времени», и проч.

Торговый домъ гг. Струговщикова, Пахитонова и Водова печатаетъ всѣ свои изданія въ собственной типографіи и печатаетъ съ большимъ изяществомъ, и главное продаетъ по весьма дешевой цѣнѣ.

Лекціи, устроенныя Торговымъ домомъ въ Пассажѣ, прекратились до осени. — Большимъ успѣхомъ пользовались лекціи гг. Ходнева и Ценковского, въ особенности послѣдняго.

Мы слышали, что осенью откроются лекціи исторіи, словесности и т. д.

Лекціи исторіи, говорятъ, взялъ на себя профессоръ Стасюлевичъ.

Желательно, чтобы петербургская публика поддержала полезную дѣятельность Торговаго дома гг. Струговщикова, Пахитонова и Водова.

Департаментъ сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ издалъ «Сельско-хозяйственную статистику Саратовской губерніи, составленную по свѣдѣніямъ, собраннымъ Саратовскою комиссіею (въ 1852 — 1854 г.) для управленія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ.

Статистическое описаніе Саратовской губерніи составлено подъ непосредственнымъ руководствомъ начальника этой комиссіи К. В. Зальскаго. Оно было напечатано (1857 и 1858 г.) въ журналѣ министерства государственныхъ имуществъ, а теперь съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями, сдѣланными въ статистическомъ отдѣленіи департамента сельскаго хозяйства, изданы особою книгою.

Книга эта раздѣлена на нѣсколько отдѣловъ:

Въ первомъ — описываются физическія свойства страны; во второмъ — жители; въ третьемъ — хозяйственный ихъ бытъ; въ четвертомъ — описаніе разныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ; въ пятомъ — фабрики и заводы; въ шестомъ — общія замѣчанія о торговлѣ и бытѣ сельскихъ произведеній.

Ко всему этому въ концѣ книги приложена карта Саратовской губерніи, съ показаніемъ почтъ и движеній хлѣбной торговли.

Въ 13 № «Художественнаго Листка», г. Тиммъ подарилъ намъ отлично выполненный и очень похожій портретъ г-ни Бозио и ея краткую біографію, изъ которой мы сдѣлаемъ небольшую выписку для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которымъ дорога память прекрасной артистки; такъ преждевременно и неожиданно сошедшей съ своего поприща:

«Анджіолина Бозіо происходила изъ семейства артистовъ, подвизавшихся въ Италіи на драматическомъ поприщѣ.

«Она родилась въ Туринѣ, 20-го августа 1829 года. По окончаніи въ Миланѣ своего музыкальнаго образованія, она 16-ти лѣтъ выступила на то поприще, на которомъ впослѣдствіи достигла такой извѣстности.»

«Пѣнію училась она у извѣстнаго профессора Катанео. Импресарио Баракки первый разгадалъ ея рождавшееся дарованіе и предложилъ ей скромный ангажементъ, который былъ для нея первою ступенію къ достиженію художнической славы. Она дебютировала на Миланскомъ театрѣ Re, въ оперѣ Верди *I due Foscari*. За тѣмъ она пѣла въ Веронѣ. Ея дебюты въ Италіи были такъ успѣшны, такъ блистательны, что извѣстность ея быстро разнеслась по Европѣ и доставила ей нѣсколько приглашеній. Прежде всего она отправилась въ Копенгагенъ, а оттуда въ Мадридъ. Въ обоихъ городахъ она имѣла такой же блистательный успѣхъ, какъ и въ Италіи. Пробывъ въ Испаніи два лѣта, она отправилась потомъ въ Америку, гдѣ провела три года, посѣтила всѣ болѣе значительные города Соединенныхъ Штатовъ, была въ Гаваннѣ и вездѣ встрѣчала блистательный пріемъ. Извѣстность Анджіолины Бозіо была уже велика, прежде, чѣмъ она пріѣхала въ Парижъ. Она появилась во время величайшихъ успѣховъ знаменитой Софіи Крувелли на сценѣ тамошней *Итальянской оперы*. Бозіо поступила на сцену *Большой оперы* и имѣла блистательный успѣхъ. Потомъ пѣвица помѣнялась мѣстами съ своей соперницей: уступила ей свое мѣсто въ *Большой оперѣ*, а сама перешла на сцену *Итальянской*. Наконецъ въ 1855 году Анджіолина Бозіо пріѣхала въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ постоянно зимній сезонъ проводила у насъ, а лѣтній въ Лондонѣ.

«Четыре года даровитая артистка приводила въ восторгъ весь Петербургъ.... Суровый климатъ сѣвера пагубно дѣйствовалъ на ея натуру, и Анджіолина Бозіо скончалась, не достигнувъ еще тридцати лѣтъ, въ полной силѣ своего таланта, вдали отъ своей родины....

«Простуда развила въ бѣдной артисткѣ неизлѣчимую болѣзнь, отъ которой не могли спасти ее самые опытные петербургскіе врачи.»

Мы слышали, что уже собрана значительная сумма денегъ по подпискѣ, для сооруженія ей памятника....

Г. Дюма, упоминая въ своемъ журналѣ о русской литературѣ и журналистикѣ, и сказавъ, между прочимъ, нѣсколько словъ о талантѣ г. Некрасова, перевелъ три его стихотворенія: «Забятая деревня», «Княгиня» и «Бду ли ночью по улицѣ темной». — Вотъ какъ перевелъ Дюма: «Бду ли ночью по улицѣ темной»:

Si, la nuit, je traverse une ruelle sombre;
 Si gronde sur mon front l'orage ténébreux,
 Pauvre ami! à l'instant je vois surgir dans l'ombre
 Ton fantôme plaintif, malade et douloureux.

Mon âme a fait de toi sa plus triste pensée:
 Dès l'enfance, tu fus jouet du sort moqueur;
 Ton père était méchant, ta mère intéressée,
 Et tu te marias, un autre amour au cœur.

Un bien mauvais époux t'échut en mariage,
 Son cœur était cruel et lourde était sa main;
 Tu ne pus te soumettre à ce dur esclavage:
 Tu t'enfuis; le malheur me mit sur ton chemin.

Te souviens-tu du jour, ma pauvre bien-aimée,
 Où sans force, accablée d'une sombre stupeur,
 Nous regardions, muets, dans la chambre affamée,
 Notre souffle onduler en vagues de vapeur?

Te souviens-tu du vent sanglotant dans la plaine,
 Des larmes de la pluie et du jour finissant?
 Ton fils pleurait, et toi, de ta mourante haleine,
 Tu réchauffais ses mains, sous le froid bleuissant.

Mais lui pleurait toujours, et sa plainte incessante,
 Que ne pouvait calmer ton maternel effort,
 De moment en moment devenait plus perçante.
 Minuit sonna; l'enfant se tut: il était mort!

Fais trêve maintenant à ta plainte insensée
 Pauvre femme! il te reste à souffrir aujourd'hui,
 Et demain, par la faim et la douleur bercée,
 Tu dormiras non moins profondément que lui.

Et puis mon tour viendra. L'âpre propriétaire,
 Achetant trois ceurcueils, nous maudissant tous trois,
 Dans l'angle abandonné d'un pauvre cimetière,
 Inscritra nos trois noms sur une seule croix...

Nous nous tenions au coin du noir foyer sans flamme,
 Tu palissais déjà sous le trépas vainqueur;
 Un projet douloureux mûrissait dans ton âme,
 Un combat acharné se livrait dans ton cœur.

Je m'endormis, et toi, tu partis sans rien dire,
Après avoir quitté ton vêtement de deuil,
Et revins apportant, folle, presque en délire
Pour le père un souper, pour l'enfant un cercueil.

Nous mangeâmes, prenant des forces pour l'épreuve;
Dans le foyer éteint je fis un peu de feu,
Tu passas à l'enfant sa robe la plus neuve;
Lequel nous secourait, du hasard ou de Dieu?

Sans te questionner, fiévreux, sombre, farouche,
Je restai tous les jours dans mon anxiété;
Car, tu t'en souviendras, pauvre femme, ta bouche,
Fut lente à confesser la triste vérité.

Que fais-tu maintenant? Dans cette voie amère,
Si l'on entre une fois, il faut aller au bout!
De la honte suis-tu le chemin ordinaire?
Le ruisseau, prends-y garde, aboutit à l'égoût.

Oh! qui te défendre du mépris et du blâme
Que les hommes sur toi verseront durement?
Tous sans exception te nommeront infâme;
Je le maudirai tous.... mais inutilement!

По нашему мнѣнію, этотъ переводъ весьма удаченъ.

.... Открылась вторая публичная выставка цвѣтовъ и растеній петербургскаго общества садоводства. Выставка эта устроена въ экзерциргаузѣ у Зимняго дворца. Она продолжится до 6 мая. — Первая выставка имѣла успѣхъ колоссальный, на ней перебывало нѣсколько десятковъ тысячъ.

Нынѣшняя — еще великолѣпнѣе прошлогодней. Она устроена академикомъ Пелемъ, по плану академика Боссе. Устройство выставки стоитъ 8,000 р. с.... Сборъ послѣдняго дня предназначенъ для вспоможенія бѣднымъ садовникамъ и ихъ семействамъ.

Какое блаженство гулять въ этомъ роскошномъ саду съ пригорками, прудами, фонтанами, каскадами, бесѣдками, среди тропическихкихъ, неслыханныхъ и невиданныхъ растеній и цвѣтовъ, вдыхать въ себя ихъ ароматическій запахъ и прочее и прочее....

Не было весны въ Петербургѣ и признака, при открытіи этой выставки: солнце только свѣтило, а не грѣло, — вѣтры были холодны и ни одинъ кусточекъ не распустился....

Петербургская весна и поэзія — приютились въ экзерциргаузѣ, и мы, несчастные обитатели Петербурга, всѣ толпами спѣшили туда

встрѣчать весну.... Въ экзерциргаузъ! Въ экзерциргаузъ! кричали мы другъ другу — весна въ экзерциргаузъ! За 50 копѣекъ мы можемъ насладиться чудесною весною, только съ каменнымъ потолкомъ, вмѣсто лазореваго неба....

Мы сейчасъ получили слѣдующее извѣстіе отъ академика С. М. Воробьева, съ просьбою напечатать его въ нашемъ журналѣ. Исполняя желаніе г. Воробьева, мы не считаемъ нужнымъ прибавлять о достоинствѣ картинъ его покойнаго отца, который пользовался у насъ почетною извѣстностію, какъ весьма талантливый и замѣчательный художникъ.

«Съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора разыгрываются слѣдующія картины работы покойнаго заслуженнаго профессора Императорской Академіи Художествъ *М. Н. Воробьева*: 1) Видъ г. *Шумлы* (писанный съ натуры) въ осадномъ положеніи въ 1828 г. и главной квартиры дѣйствующей арміи, съ портретами въ Бозѣ почившихъ: Его Величества Императора Николая I-го и Великаго Князя Михаила Павловича, и съ портретами всѣхъ особъ, состоявшихъ тогда въ свитѣ Его Величества; 2) *Буря*; и 3) Видъ *С.-Петербурга* (писанный съ натуры) съ Парголовской горы.

Билеты на эту лотерею, по 75 к. сер., можно получить, при выставкѣ разыгрываемыхъ картинъ, въ квартирѣ г. профессора Академіи С. М. Воробьева, находящейся въ зданіи Академіи Художествъ на Васильевскомъ Островѣ (подъѣздъ съ Румянцевской площади, въ 3 лиціи), и во всѣхъ главнѣйшихъ магазинахъ столицы.

О днѣ и мѣстѣ розыгрыша, по раздачѣ билетовъ, будетъ объявлено въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

Гг. Иногородные, обозначая подробно и ясно свои адреса, благоволятъ обращаться съ своими требованіями за лотерейными билетами исключительно по слѣдующему адресу: *Въ С.-Петербургѣ. По Екатерининскому каналу, близъ 2-й Адмиралтейской части, въ домѣ г. Штенгера подъ № 107, Ксенофонту Максимовичу Воробьеву въ квар. № 17.*

Выписывающіе отъ 1-го до 10-ти билетовъ прилагаютъ на пересылку 50 к. сер., выписывающіе болѣе 10-ти билетовъ, прилагаютъ на пересылку по 50 к. с., на каждыя десять билетовъ; выписывающіе же сто или болѣе билетовъ на пересылку ничего не прилагаютъ.»

Во всѣхъ нашихъ газетахъ появилась статья, подписанная просвѣщеннымъ директоромъ Императорской Публичной Библіотеки, барономъ Модестомъ Андреевичемъ Корфомъ. Исполняя желаніе почтеннаго автора, мы за особенное удовольствіе считаемъ перепечатать ее въ нашемъ журналѣ:

«Съ конца прошлаго года, между нѣмцами и чешскими учеными, въ Прагѣ ведется ожесточенный споръ о подлинности древнихъ памятниковъ чешской литературы. Нѣмецкая партія, постоянно враждебная всякому умственному движенію чеховъ и руководимая особыми цѣлями, печатно провозгласила, что чешскіе ученые, съ 1817 года, завели постоянную, систематическую фабрикацію древнихъ рукописей, съ торжествомъ возвѣщаютъ объ открытіи ихъ всему славянскому міру и изъ своего обмана извлекаютъ для себя большія матеріальныя выгоды. Въ этомъ литературномъ подлогѣ упомянутая партія обвиняетъ, сверхъ Палацкаго и Шафарика, въ особенности В. В. Ганку, котораго прямо выдаетъ за открытаго поддѣльвателя древнихъ чешскихъ рукописей. Эти обвиненія, направленныя противъ передовыхъ лицъ Чехіи, стяжавшихъ своими многочисленными и добросовѣстными трудами благодарность всего ученаго славянскаго міра, были болѣе или менѣе извѣстны изъ нѣмецкихъ и польскихъ журналовъ и газетъ, и нашей публикѣ; но теперь только я узналъ, что выходящая въ Прагѣ газета *Tagesbothe aus Böhmen* косвенно примѣшивая къ этому дѣлу и С. Петербургскую Публичную Библіотеку. Въ очень любопытной статьѣ, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Современника» подъ заглавіемъ «Два мѣсяца въ Прагѣ», говорится между прочимъ слѣдующее: «Въ своей послѣдней, пятой статьѣ «*Tagesbothe*» спеціальнѣе обращается къ Ганкѣ; хотя авторъ рѣдко называетъ его, но какъ человекъ, нашедшій Краледворскую рукопись, онъ стоитъ одинъ, какъ прямая цѣль его нападеній. Сказавши, что чешская «Школа писанія» (*Schreibschule*) — подразумѣвается поддѣльваніе старыхъ памятниковъ — процвѣтала въ девятнадцатомъ столѣтіи, авторъ продолжаетъ: «Процвѣтала? Конечно, потому что для того, чтобы не счесть слишкомъ смѣлымъ мнѣніе о ея новѣйшей *цвѣтущей* эпохѣ, надобно знать, что между 1820—40 годами, кромѣ указанныхъ выше памятниковъ, она создала столько *старо-чешскихъ* рукописей, что могла производить пни формальную вывозную торговлю съ одной сѣверной столицей, особенно интересующейся библіотечными цимеліями». За симъ слѣдуетъ въ «*Tagesbothe*» выноска: «Извѣстно, что Императорская Библіотека въ Петербургѣ, по литературнымъ драгоценностямъ или цимеліямъ, есть самое богатое собраніе въ свѣтѣ». Авторъ статьи «Современника» (она подписана буквами А. Р.) съ своей стороны

прибавляетъ: «Чтобы покончить съ этими обвиненіями, мы осмѣливаемся, если еще не поздно, пригласить къ окончательному объясненію дѣла и тѣхъ, кого въ Петербургѣ касаются слова «Тагесбота» о торговлѣ старо-чешскими рукописями: пусть будетъ передана на судъ общественнаго мнѣнія истина дѣла, навлекшаго столько несправедливостей на мирные патріотическіе труды чешскихъ ученыхъ». Изъявляя живую признательность автору статьи «Современника» за его благонамѣренный вызовъ, долгомъ считаю объявить въ общее свѣдѣніе: 1) Что со времени существованія Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургѣ она ни у кого не покупала ни одной старо-чешской рукописи; между немногими же чешскими манускриптами, пріобрѣтенными ею въ 1856 году, въ общемъ составѣ библіотеки покойнаго Юнгманна, безъ всякаго посредства чешскихъ ученыхъ, не было ни одного древнѣе XV вѣка. Слѣдственно, извѣстіе о торговлѣ пражскихъ ученыхъ съ нашею библіотекою старо-чешскими рукописями, подлинными ли, подложными ли, есть чистый вымыселъ. 2) Что хотя извѣстный чешскій ученый В. В. Ганка неоднократно обогащалъ нашу библіотеку щедрыми приношеніями, но они состояли, всегда и исключительно, въ однихъ лишь печатныхъ книгахъ. Помѣняая это объясненіе въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», я покорнѣйше прошу редакціи прочихъ газетъ и журналовъ благоволить перепечатать его у себя, какъ самое положительное опроверженіе дерзкой клеветы, взведенной и на палеографическія свѣдѣнія чиновъ нашей библіотеки, и на достойнаго ученаго, уже многіе десятки лѣтъ пользующагося общимъ сочувствіемъ и уваженіемъ въ Россіи. Отвѣтъ въ такомъ же смыслѣ посланъ мною и въ Прагу, для напечатанія въ тамошнихъ газетахъ.»

Сейчасъ мы только что получили печальное извѣстіе изъ Москвы о кончинѣ *Сергія Тимофѣевича Аксакова*, автора «Семейной Хроники....» Онъ скончался на 69 году.... Миръ праху честнаго и полезнаго гражданина! Имя С. Т. Аксакова займетъ почетную страницу въ исторіи русской литературы!

ПОЛИТИКА.

АВСТРІЙСКИЙ УЛЬТИМАТУМЪ. — Невѣрность австрійскихъ дѣйствій въ сардиніи. — состоитъ ли цѣль войны въ освобожденіи италіи? — положеніе дѣлъ въ италіи около 13 мая новаго стиля. — выборы въ англій.

Обзоръ нашъ въ апрѣльской книжкѣ былъ писанъ въ то время, когда только что были получены первыя извѣстія о согласіи французскаго и австрійскаго правительствъ на составленіе конгресса по итальянскому вопросу. Радость, произведенная этою неожиданною новостью въ людяхъ, понимавшихъ всю вредность угрожавшей тогда войны, была такъ велика, что заставила ихъ на нѣсколько дней забыть о несомнѣнности истинныхъ причинъ войны съ какими бы то ни было разрѣшеніемъ вопроса мирными путями; въ томъ, что конгрессъ соберется, никто не сомнѣвался, и почти всѣ были увлечены надеждою на то, что результатомъ конгресса будетъ миръ. Противъ этого увлеченія мы говорили довольно подробно, доказывая, что какъ бы ни велись и о чемъ бы ни велись совѣщанія конгресса, онъ никакъ не можетъ уменьшить неизбѣжность войны и можетъ развѣ только послужить средствомъ оттянуть объявленіе войны мѣсяца на два или на три, пока Франція кончитъ свои приготовления къ войнѣ.

Если бы статья наша составлялась днями пятью позже, намъ не было бы нужды много говорить въ подтвержденіе нашей мысли о безсиліи конгресса: въ газетахъ уже явились положительные

факты, показывавшіе, что конгрессъ дѣйствительно служить для Франціи только средствомъ выиграть нѣсколько времени; еще два или три дня,—и можно уже было довольно вѣрно предсказывать, что конгрессъ не только не рѣшитъ вопроса, но и вовсе не соберется. Около 7 апрѣля новаго стиля, всѣ разсудительные люди уже замѣчали это по характеру, въ какомъ велись переговоры о составленіи конгресса. Видно было, что одна изъ враждующихъ сторонъ хорошо поняла намѣренія другой и требуетъ передъ созваніемъ конгресса такихъ гарантій миролюбія, дать которыхъ никакъ не могла другая сторона. Мы не будемъ слѣдить за всѣми подробностями переговоровъ о конгрессѣ, — эта исторія теперь уже устарѣла, да и въ свое время не имѣла дѣльнаго значенія, какъ мы тогда же доказывали; упомянемъ только для связи событій о послѣднемъ фазисѣ переговоровъ, изъ котораго непосредственно вышло объявленіе войны со стороны Австріи. Послѣ множества разныхъ споровъ о разныхъ предварительныхъ условіяхъ для созванія конгресса, Австрія наконецъ предложила, чтобы еще до созванія конгресса была обезоружена Сардинія, потому что иначе громъ оружія могъ бы ежеминутно прервать совѣщанія конгресса, говорила она. Это предложеніе, присланное въ Лондонъ для сообщенія другимъ державамъ, Англія немедленно объявила справедливымъ, по намѣренію, но неделикатнымъ по исключительной формѣ: было бы обидно для Піемонта требовать отъ него, чтобы онъ одинъ обезоруживался, когда двѣ другія, гораздо сильнѣйшія державы, его сосѣдки, остаются вооруженными, говорила Англія; но дѣйствительно, для успѣха совѣщаній конгресса нужно, чтобы ихъ тишина не нарушалась возможностью вооруженныхъ столкновений; потому предварительнымъ условіемъ должно быть обезоруженіе, но не одного Піемонта, а всѣхъ трехъ вооружающихся державъ, т. е. и Австріи, и Франціи. Австрія немедленно отвѣчала, что она согласна, и есть вѣроятность думать, что этотъ новый оборотъ, приданный Англіею первоначальному предложенію Австріи, былъ сдѣланъ сообразно плану, предварительно условленному: предложеніе обезоружиться являлось изъ Лондона въ Парижъ съ большимъ вѣсомъ, нежели какой имѣло бы, происходя прямо изъ Вѣны. Франція отвѣчала такимъ способомъ, который ясно показывалъ, что въ Парижѣ господствуетъ непреклонная рѣшимость воевать: ваше предложеніе совершенно справедливо, отвѣчали изъ Парижа въ Лондонъ, и Франція думаетъ, что тѣ державы, которыя вооружились, т. е. Австрія и Сардинія, должны обезоружиться; но ко Франціи это требованіе не примѣняется, потому что Франція не вооружалась; она только занималась приведеніемъ своей арміи и флота въ комплектъ по мирному положенію. Въ сущности

этими отвѣтомъ былъ рѣшенъ послѣдующій образъ дѣйствій Австріи. Но если есть врагъ слабый, то почему не свалить на него ту вину, которая должна бы относиться къ другому врагу, болѣе сильному? Сардинія имѣла эту привилегію слабыхъ, принимать на себя удары, вызываемые поступками сильныхъ. На первый разъ она отвѣчала, что не хочетъ обезоруживаться, но немедленно одумалась и послала въ Лондонъ второй отвѣтъ, говорившій, что она согласна на обезоруженіе. Этотъ второй отвѣтъ былъ уже изъ Лондона сообщенъ въ Вѣну, когда тамъ рѣшились послать въ Туринъ знаменитый ультиматумъ. Повидимому, не было и причины обиднымъ образомъ предлагать требованіе обезоружиться державѣ, уже принявшей принципъ обезоруженія; но въ Вѣнѣ хотѣли имѣть предлогъ къ объявленію войны и потому просто не приняли въ соображеніе второй отвѣтъ Сардиніи, т. е. согласіе, а основались только на первомъ отвѣтѣ, т. е. на отказѣ. Отъ 19 (7) апрѣля было изъ Вѣны послано приказаніе Гюлау переслать къ Кавуру письмо Буоля, требовавшее немедленно обезоруженія Сардиніи, съ прибавленіемъ, что Австрія даетъ трехдневный срокъ на отвѣтъ и что всякій уклончивый отвѣтъ приметъ, какъ необходимость начать военныя дѣйствія. Этотъ ультиматумъ былъ привезенъ графу Кавуру барономъ Келлербергомъ въ 5½ часовъ вечера 23 (11) апрѣля. Срокъ ожиданія кончился въ 5½ часовъ вечера 26 (14) апрѣля. Сардинія отвѣчала отказомъ покориться обидному требованію; этотъ отвѣтъ былъ врученъ послу Гюлау въ 5½ часовъ, и вечеромъ того же дня австрійцы перешли черезъ Тичино. Война началась.

Дерзкій ультиматумъ разгнѣвалъ противъ Австріи всѣ нейтральныя державы и общественное мнѣніе цѣлой Европы. Пруссія, Россія, Англія протестовали противъ такого крутаго образа дѣйствій въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Газеты цѣлой Европы разразились негодованіемъ на безразсудную наглость Австріи. Императоръ французскій торжествовалъ: австрійскій кабинетъ не могъ сдѣлать ничего, болѣе соответствовавшаго видамъ Тюильри. Вся дипломатическая тактика Наполеона стремилась къ тому, чтобы выставить передъ Европою Австрію зачинщицею войны, и теперь сама Австрія исполнила его желаніе, даже превзошла его надежды: онъ надѣялся только показать, что былъ поставленъ неуступчивостью Австріи въ необходимость начать войну, а теперь сама Австрія начинала ее. Но если Австрія рѣшалась на поступокъ, такъ сильно компрометировавшій ее въ дипломатическомъ отношеніи, она имѣла много причинъ пренебречь этимъ невыгоднымъ впечатлѣніемъ. Ускоряя объявленіе войны, она могла выиграть довольно много въ отношеніи финансовомъ и чрезвычайно много въ отношеніи военномъ. Изложимъ

эти соображенія, заставившія ее пожертвовать соблюденіемъ дипломатическихъ формъ, которыми она всегда такъ дорожила.

Первою причиною, спѣшить началомъ войны, было финансовое положеніе Австріи. Мы излагали въ предыдущихъ обзорѣхъ ходъ итальянскаго вопроса. Изъ фактовъ, всѣмъ извѣстныхъ, ясно было, что Франція, во что бы то ни стало, рѣшилась найти предлогъ къ войнѣ съ Австріею и никакія уступки не могли избавить Австрію отъ войны, очевидно необходимой для Наполеона III. Въ половинѣ апрѣля (новаго стиля) Австрія совершенно кончила свои вооруженія и промедленіе уже не могло усилить, ни числа ея войскъ, ни ея вѣрностей: то и другое было доведено до полной силы, какая только возможна. Между тѣмъ содержаніе арміи, вполнѣ приведенной на военную ногу и уже занявшей всѣ позиціи, требуемыя войною, ежедневно стоило Австріи полумилліона гульденовъ (около 2½ милліоновъ руб. сер. въ недѣлю). Денежные запасы казны подходили къ концу. По самымъ благоприятнымъ разсчетамъ представляется, что около 15 апрѣля Австрія имѣла обыкновенныхъ финансовыхъ средствъ уже не болѣе, какъ только на содержаніе своей арміи въ теченіе 45 дней. Объявленіе войны открывало ей путь изворотиться въ этой финансовой крайности средствами невозможными въ мирное время. Двигая свою армію въ Піемонтъ, она сваливала съ себя на сардинскія земли бремя ея продовольствія. Кромѣ того, она получала предлогъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ въ собственныхъ финансовыхъ дѣлахъ. Мы видѣли, что обыкновенные займы совершенно ей не удавались. Объявленіе войны немедленно сопровождалось наложеніемъ на вѣнскій банкъ насильственнаго займа въ 200,000,000 гульденовъ (125 милліоновъ руб. сер.) достаточнаго по австрійскому разсчету, на покрытие издержекъ первой компаніи.

Еще гораздо важнѣе были военныя выгоды, приобретаемыя немедленнымъ объявленіемъ войны. Франція желала еще мѣсяца два продлить переговоры, потому что ея вооруженія далеко не были кончены. Съ половины апрѣля каждый потерянный день приближалъ ту минуту, когда непріятель можетъ явиться на войну съ полною готовностью. Что будетъ, должны были разсуждать австрійскіе министры, если мы не разорвемъ переговоровъ? Франція дотянетъ время до конца мая или начала іюня, успеетъ спокойно ввести въ Сардинію свои войска, приготовленные къ битвѣ, устроитъ операционную линію близъ ломбардской границы и, объявивъ войну, въ два дня займетъ Миланъ превосходными силами. Чтобы предупредить это, надобно воспользоваться временемъ, когда мы совершенно готовы, а Франція еще не готова къ началу военныхъ дѣйствій, пока ея войскъ нѣтъ еще въ Сардиніи. Имѣя предъ собою только

сардинцевъ, австрійцы могли быстро двигаться впередъ и въ пять или шесть дней похода занять такія позиціи, которыми почти отнималась у французовъ возможность помочь сардинцамъ. Сардинская армія одна была бы совершенно смята австрійцами. Ей оставалось бы, или запереться въ Алессандріи, или даже отступить въ Геную. Блокировавъ Алессандрію, австрійцы могли легко занять всѣ горные проходы изъ генуэзскаго побережья въ піэмонтскую долину. Пусть тогда прибывало бы сколько угодно французскихъ войскъ въ Геную: австрійцамъ было бы легко остановить ихъ въ альпійскихъ ущельяхъ. Заперевъ сардинцевъ въ Алессандрію, или отбросивъ ихъ въ Геную и занявъ горные проходы лѣвымъ крыломъ своей арміи, правымъ крыломъ австрійцы черезъ два или три дня занимали бы Туринъ и Сузу и овладѣвали бы путемъ изъ Франціи въ Сардинію черезъ Монъ-Сени и другими проходами черезъ Савойскія Альпы. Сѣть сардинскихъ желѣзныхъ дорогъ была бы въ ихъ рукахъ; они имѣли бы въ своихъ рукахъ всѣ дефиле, черезъ которыя должны проходить въ Италію французскія войска; почти безъ всякихъ усилій и рѣшительно безъ всякаго риска они могли въ одну недѣлю овладѣть почти всѣмъ Піэмонтомъ, уничтожить или запереть сардинскую армію и, сокрушивъ одного врага, имѣли бы на рукахъ только однихъ французовъ, которымъ едва ли было бы возможно проникнуть въ Піэмонтъ безъ страшныхъ жертвованій черезъ Савойскія и Генуэзскія Альпы, захваченныя австрійцами.

Эти чрезвычайныя выгоды рѣшительно перевѣшивали собою то неудобство, что нападеніемъ на Піэмонтъ Австрія выставала себя, какъ зачинщицу войны. Успѣхъ компаніи стоитъ того, чтобы переистить нѣсколько дипломатическихъ протестацій. И притомъ раздраженіе нейтральныхъ державъ было только формальностью. Англія и Пруссія все-таки хорошо знали, что Австрія не сама начинаетъ войну, а вынуждена къ ней Франціею. Удовлетворивъ дипломатическую принципію протестомъ, эти державы не замедлили бы высказать свое прежнее расположеніе въ пользу Австріи и объявили бы, что хотя Австрія не права по формѣ, но права по сущности дѣла.

Такимъ образомъ, когда прошла первая минута недоумѣнія, возбужденная австрійскимъ ультиматумомъ, нейтральная Европа согласилась, что видимая дерзость была въ сущности слѣдствіемъ очень вѣрнаго и разсудительнаго соображенія. Но если Австрія дѣйствовала совершенно согласно съ своими выгодами, рѣшившись разорвать переговоры, то ея дальнѣйшія дѣйствія показали, что она рѣшительно не умѣла поступать сообразно условіямъ того положенія, стать въ которое рѣшилась. Мы видѣли, на чемъ былъ основанъ весь планъ, отъ чего зависѣлъ весь успѣхъ. Основаніемъ всему служилъ

тотъ фактъ, что около 20 апрѣля ни было еще не одного французскаго солдата въ Сардиніи. Цѣлью всего дѣла было то, чтобы кончить компанію прежде чѣмъ французы присоединятся къ сардинцамъ: первѣйшимъ условіемъ успѣха въ этомъ была всевозможная быстрота. Что же мы видимъ? Война рѣшена апрѣля 19-го, военныя дѣйствія едва начинаются 29-го. Миланъ соединенъ съ Вѣною электрическимъ телеграфомъ, и такъ ультиматумъ могъ быть полученъ Гіулаемъ черезъ четверть часа послѣ того, какъ былъ составленъ въ Вѣнѣ. Туринъ соединенъ съ Миланомъ желѣзною дорогою, кромѣ одного небольшого перерыва около границъ, версты въ пятнадцать, и посланный Гіулай могъ быть въ Туринѣ черезъ четыре часа. Трехъ или четырехъ часовъ очень достаточно, чтобы король могъ созвать министровъ и сказать «да» или «нѣтъ» на сообщенное ему требованіе. Еще четыре часа на возвратный путь, и если ультиматумъ былъ отправленъ изъ Вѣны 19 апрѣля въ 5 часовъ вечера, австрійскія войска могли перейти черезъ Тичино 20 числа въ 6 или 7 часовъ утра и 25 числа кончить дѣло съ сардинскою арміею, а 26 уже занимать проходы изъ Савойскихъ Альпъ въ Піэмонть. Но австрійцы, отступивъ отъ дипломатическихъ формъ своею рѣшимостью послать ультиматумъ, не могли, кажется, рѣшиться на отступленіе отъ канцелярскаго порядка въ своихъ внутреннихъ распоряженіяхъ. Имъ казалось необходимо, чтобы приказаніе объ ультиматумѣ было доставлено Гіулаю не телеграфическою депешею, а какимъ нибудь курьеромъ, и благодаря этой переменности австрійскаго кабинета въ сношеніяхъ съ своимъ главнокомандующимъ, посланный Гіулай явился въ Туринъ только 23 числа, т. е. ровно четырьмя сутками позже того, какъ слѣдовало бы ему явиться. По причинамъ, рѣшительно непонятнымъ, вмѣсто трехъ часовъ данъ былъ сардинцамъ срокъ для отвѣта въ цѣлыхъ трое сутокъ, — и вотъ уже была потеряна цѣлая недѣля, и, благодаря австрійскому канцелярскому порядку, французы успѣли явиться въ Генуѣ и въ Сузѣ въ ту самую минуту, какъ австрійцы только еще собирались переходить черезъ Тичино. Но австрійцамъ вѣроятно казалось, что еще мало времени потеряно ими: они отыскивали причину потерять еще трое сутокъ. Англія предложила возобновить при ея посредничествѣ переговоры съ Франціею на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ велись они черезъ лорда Каули еще до принятія русскаго предложенія о конгрессѣ. Австрія согласилась отложить движеніе своей арміи черезъ Тичино, пока Англія получитъ отвѣтъ отъ императора французовъ на это предложеніе. Такая отсрочка рѣшительно непостижима. Ультиматумъ былъ посланъ, конечно, только потому, что Австрія совершенно убѣдилась въ бесполезности переговоровъ, въ томъ,

что они только служатъ для Франціи средствомъ выиграть время, пока французскія вооруженія будутъ совершенно кончены. Послѣ этого совершенной нелѣпностью представляется промедленіе, принятое Австрією. Наполеонъ отвѣчалъ, что согласенъ возобновить переговоры только на томъ условіи, если Англія совершенно ручается за ихъ удачу и готова объявить войну Австріи, когда Австрія не успѣетъ помириться съ Францією. Само собою разумѣется, Австрія не могла принять переговоровъ, единственнымъ результатомъ которыхъ была бы ссора ея съ Англією, и получивъ извѣстіе объ условіяхъ, предлагаемыхъ Францією, отказалась отъ посредничества. Тогда, вечеромъ 29 апрѣля, двинулась черезъ Тичино вся австрійская армія, которая до той поры оставалась на ломбардскомъ берегу, пославъ только нѣсколько слабыхъ отрядовъ въ Сардинію. Наполеону было теперь очень легко предлагать для переговоровъ невозможныя условія: десятидневная отсрочка, данная ему австрійскою медленностью, была достаточна для введенія въ Сардинію такого числа войскъ, чтобы не нуждаться въ дальнѣйшихъ отсрочкахъ для открытія компаніи. Французы и сардинцы превосходно воспользовались временемъ, которое дано было имъ нелѣпою медленностью врага.

Въ тотъ самый день, какъ пріѣхалъ въ Туринъ баронъ Келлербергъ, было созвано чрезвычайное засѣданіе сардинской палаты депутатовъ и графъ Кавуръ, изложивъ состояніе дѣлъ, потребовалъ у палаты полномочій королю на время войны. Съ патріотизмомъ, который никогда не измѣняетъ никакому парламенту въ подобныхъ случаяхъ, палата не стала даже и совѣщаться о требованіи правительства. Немедленно былъ назначенъ комитетъ для составленія доклада, черезъ полчаса былъ готовъ докладъ и тотчасъ же, большинствомъ 110 голосовъ противъ 24, былъ принятъ законъ, предложенный Кавуромъ. По этому закону королю на время войны предоставляется диктаторская власть. Въ тотъ же день, 23 (11) апрѣля, сардинская армія получила распредѣленіе нужное для начала похода. Самъ король принялъ команду надъ армією, которая стала сосредоточиваться между крѣпостями Казале и Алессандрією, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ ожидать прибытія французовъ. Австрійцы начали дѣйствовать такъ поздно, и потомъ дѣйствовали такъ вяло, что сардинцы спокойно простояли въ своей крѣпкой позиціи, не подвергаясь ровно никакимъ опасностямъ, пока черезъ Геную прибыло къ нимъ столько французскихъ войскъ, что нападеніе со стороны австрійцевъ на союзную армію, защищаемую пушками Алессандріи, сдѣлалось невозможно.

Гораздо болѣе усилий нужно было французамъ, чтобы прибыть въ Цімонть съ тою удивительною быстрою, которая заслужила имъ

полную похвалу отъ всѣхъ европейскихъ специалистовъ. Извѣстіе о рѣшительности Австріи послать ультиматумъ, т. е. напасть на Сардинію, сдѣлалось извѣстно французскому правительству по крайней мѣрѣ въ тотъ же самый день, какъ былъ написанъ ультиматумъ, если не сдѣлалось извѣстнымъ еще раньше, пока оно составлялось. Дѣла нельзя было не знать объ этомъ 20 числа французскому правительству, если 21 знали англійскія газеты. Замѣчательна не та быстрота, съ которою французское правительство получило нужныя свѣдѣнія, а та энергія, съ которою оно стало доканчивать свои приготовленія къ походу, какъ только узнало о рѣшительномъ оборотѣ дѣла. 23 числа, въ тотъ день, когда австрійскій ультиматумъ былъ сообщенъ графу Кавуру, было уже снаряжено въ походъ нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, которые 19 числа еще не предполагали двинуться раньше двухъ или трехъ недѣль. 26 числа, когда австрійскій авангардъ перешелъ Тичино, французы уже высаживались въ Генуѣ и спускались въ Сузу, съ Савойскихъ Альповъ. Перѣздъ моремъ едва ли былъ труденъ, потому что въ Марсели давно уже были собраны огромныя транспортныя средства; по чрезвычайно замѣчательна поспѣшность, съ какою французскія войска умѣли сѣсть на корабли и выйти на берегъ. До какой степени доведена была заботливость французскаго военнаго начальства о быстромъ совершеніи всѣхъ эволюцій, нужныхъ для перевозки арміи моремъ или сухимъ путемъ, можно видѣть изъ того, что французскіе солдаты были заранее обучаемы тому, какъ входить въ вагоны желѣзныхъ дорогъ и выходить изъ нихъ самымъ быстрымъ и правильнымъ образомъ.

Дивизіи, отправлявшіяся сухимъ путемъ, должны были совершить дорогу очень трудную. Въ концѣ апрѣля проходы въ Савойскихъ Альпахъ еще покрыты снѣгомъ. 4,000 рабочихъ было употреблено на очищеніе пути черезъ Монъ-Сени, но все-таки войскамъ пришлось перенести очень тяжелыя затрудненія. О томъ, какъ много долженъ былъ терпѣть отъ холода и тяжелаго пути солдатъ, можно вообразить, зная, что умеръ отъ перехода черезъ Монъ-Сени генералъ Буа, начальствовавшій первою дивизіею, вступившею въ Сузу. Были примѣры, что французскіе отряды дѣлали въ одинъ день 45-ти верстовой переходъ черезъ Монъ-Сени съ его утомительнымъ подъемомъ и утомительнымъ спускомъ.

Но каковы бы ни были трудности похода, эти войска уже вступили въ Туринъ 30-го апрѣля поутру, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ главныя силы австрійцевъ перешли сардинскую границу. Гораздо большая часть французскихъ войскъ переправилась въ Сардинію моремъ, какъ потому, что этотъ путь легче, такъ и потому, что сардинская армія, соединиться съ которой они спѣ-

шли; находились около Алессандрин, которая гораздо ближе отъ Генуи, нежели отъ Сузы.

Извѣстіе о наступленіи австрійцевъ было получено въ Туринѣ изъ Генуѣ нѣсколько раньше, нежели вѣсть о приближеніи союзниковъ. Послѣ мучительной неизвѣстности, успѣютъ-ли французы прійти во время, чтобы спасти столицу и армію Сардиніи, первыя французскія колонны были встрѣчены жителями съ неописаннымъ восторгомъ. Солдаты, вступившіе въ Туринъ, воткнули съ французской граціозностью букеты цвѣтовъ въ дула своихъ ружей и сами были засыпаны цвѣтами съ балконовъ и изъ оконъ.

Быстро прибывали въ Сузу новые отряды одинъ за другимъ, еще быстрее приходила въ генуэзскую гавань одна эскадра за другою, каждая привоза французскій десантъ. Около 5-го мая, когда австрійцы наконецъ собрались приблизиться къ Алессандрин, изъ Генуи къ сардинской арміи пріѣхали уже болѣе 40,000 французскихъ солдатъ. Около 7-го числа болѣе 80,000 французовъ уже были въ Піэмонтѣ. Австрійцы слишкомъ запоздали переходомъ черезъ Тичино; но если бы, хотя потомъ, умѣли вознаградить потерянные дни, вѣроятно еще успѣли бы что нибудь сдѣлать, потому что на первый разъ французы перевозили только солдатъ, безъ лошадей, безъ пушекъ, безъ обоза. Но австрійцы не торопились и французы имѣли время снабдить свою пѣхоту конницею и артиллеріею. Мы уже прочли въ телеграфическихъ депешахъ, что 12-го мая императоръ французовъ прибылъ въ Геную и 13-го (1) въ Алессандрин; это значить, что онъ уже переслалъ въ Италію все то количество войскъ, какое считаетъ нужнымъ имѣть тамъ, что перевезены туда и пушки и всѣ военные запасы, которые предназначались къ отправленію для начала похода. Наполеонъ III не явился бы на театръ войны раньше, нежели приготовлено все нужное для блистательнаго наступленія. Австрійцы сами уже увидѣли, что время слабости противниковъ прошло и что пора имъ отступать. Снова перейти въ наступленіе случится имъ, вѣроятно, еще не слишкомъ скоро. Посмотримъ же, что они успѣли сдѣлать въ первую недѣлю кампаніи, пока шансы были для нихъ благоприятны, чѣмъ будутъ во все продолженіе остальнаго похода. Мы находимъ, что самое лучшее понятіе объ этомъ можемъ дать читателямъ, переведя изъ Times'a 6-го мая статью, написанную или специалистомъ, или по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ специалистами.

«Австрія, по видимому, хочетъ убѣдить свѣтъ, что если была очень поспѣшна въ своей дипломатикѣ, то готова вознаградить за такую, непривычную ей, поспѣшность медленностью своей стратегіи. Она удивила Европу и озадачила важныхъ, невинныхъ и доверчивыхъ англій-

свихъ министровъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ въ данную минуту, когда они полагали, что она ждетъ мирнаго разрѣшенія всѣхъ своихъ затрудненій; она явилась съ внезапною угрозою, съ трехдневнымъ срокомъ и съ немедленнымъ открытіемъ похода, и мы всѣ думали, что кратковременною выгодностію обстоятельствъ она хочетъ воспользоваться для нанесенія рѣшительнаго удара. Она имѣла 190,000 человекъ въ Ломбардіи и Венеціи, изъ нихъ 120,000 были придвинуты къ самымъ берегамъ пограничной рѣки. Командиръ этой арміи, смотря черезъ маленькую рѣчку, могъ видѣть почти весь театръ своихъ будущихъ дѣйствій. Направо, исчезая въ отдаленіи, встаютъ вершины Альповъ; нѣтъ, неѣе громадныя вершины Монферратскихъ и Апеннинскихъ горъ обозначаютъ границу иѣстности, въ которую онъ думалъ вторгнуться. Но между сѣвѣрною и южною горными террасами растилается, прямо впереди его, далекій горизонтъ равнины, идущей между этими горами, подобно заливу. По срединѣ равнины извивается По, прославленная поэзіею и исторіею. Съ сѣвера и съ юга, съ Альпъ на правой рукѣ и съ Апеннинскаго хребта на лѣвой рукѣ и съ отдаленныхъ Коттійскихъ Альпъ, возвышающихся прямо передъ нимъ въ концѣ горизонта и отдѣляющихъ его отъ Франціи, текутъ маленькія рѣчки, будто блестящія ребра, входящія въ спинной хребетъ Піемонта, образуемый рѣкою По. Въ горныхъ округахъ, нѣтъ, стоятъ сардинскія крѣпости; значительнѣйшая изъ нихъ, Алессандрія, расположена почти у входа въ Монферратскую землю, а за нею, на берегу моря, лежитъ Генуя. Гористая страна направо, поднимающаяся къ Симплону, къ Розѣ и къ Большому Сентъ-Бернару, почти не защищена искусствомъ; а прямо передъ собою, по всей плоской равнинѣ рѣки По, нашъ австрійскій генералъ не находитъ ни одного укрѣпленія, способнаго обороняться хотя одинъ часъ. Только извивается по этой равнинѣ большая рѣка и текутъ въ нее справа и слѣва небольшія рѣчки. Есть тутъ маленькіе неукрѣпленные города, напримѣръ: Новара, Мортара и Верчелли, составляющіе треугольникъ; но нѣтъ никакой задержки между нимъ и Туриномъ, лежащимъ въ концѣ этой равнины. Вся Европа думала, что Туринъ будетъ цѣлью австрійцевъ; что, получая отъ гораго прѣвосходства въ силахъ, они хотѣтъ маскировать сильной арміею крѣпость Алессандрію и Казале и весь южный горный округъ, надъ которымъ господствуютъ эти крѣпости, и что съ остальными силами они быстро двинутся прямо впередъ, безъ остановки пойдутъ до самаго королевскаго дворца въ Туринъ. Занятіе вражеской столицы въ началѣ войны принесло бы славу, и была бы стратегическая выгода овладѣть сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которая теперь ставитъ въ непосредственное сообщеніе французовъ, высаживающихся въ Генуѣ, съ французами, переходящими черезъ Монтъ-Сени въ Сузу. Владѣя Туриномъ и желѣзными дорогами, находящимися въ Туринѣ, австрійскій генералъ разрѣзалъ бы дѣѣ французскія арміи и спокойно владѣлъ всею Сардиніею, кромѣ только одной горной Монферратской области.

«Завладѣть Туриномъ было такъ важно для удачнаго начала игрѣ, что Австрія дѣйствительно могла пренебречь моральною невыгодою, если сдѣлала войной за тѣмъ, чтобы пріобрѣсть такую важную физическую выгоду. Но по какимъ-то причинамъ, — очень можетъ быть, что эти причины очень уважительны, но если онѣ существуютъ, то не было надобности сдѣлать разрывомъ переговоровъ, — по какимъ-то причинамъ Австрія не воспользовалась, ни своимъ выигрышемъ во времени, ни своимъ превосходствомъ въ силахъ. Ея армія медленно переступила черезъ рѣку и стала на плоскую равнину, лежавшую передъ нею. Постепенно, съ большою медлительностью, она заняла два города, Новару и Мортару, — Новару правымъ флангомъ, Мортару лѣвымъ, — и потомъ подвинулась на нѣсколько верстъ далѣе до Верчелли; тутъ она остановилась, стала дѣлать рекогносцировки, а между тѣмъ прибывали нагруженные войсками корабли въ Геную и длинныя колонны французской пѣхоты спускались съ Монъ-Сени. Быть можетъ, австрійцы задержали дождь, отъ которыхъ разлились маленькія рѣчки и испортились дороги; быть можетъ революціи въ Паризѣ и въ Тосканѣ внушили имъ осторожность или нерѣшительность, а быть можетъ и то, что австрійцы считали выгоднѣйшимъ впустить всѣхъ французовъ черезъ море и черезъ Альпы въ Піемонтъ, дать имъ собрать всѣ силы, — быть можетъ австрійцы думали, что лучше разомъ прикрыть всѣхъ ихъ въ этой равнинѣ, изъ которой некуда будетъ убѣжать французамъ, и придавить всѣхъ ихъ вѣстѣй. Мы не можемъ отгадывать ихъ побужденій и критиковать ихъ стратегіи; но мы можемъ видѣть, что, пробывъ семь дней на сардинской землѣ, они подвинулись отъ границъ не далѣе 50 верстъ.

«Съ праваго пути австрійцы повертываютъ на югъ, т. е. направляются болѣе къ Монферратскому хребту, нежели къ Альпійскому. На пути встрѣчается имъ одинъ изъ изгибовъ По, и 4-го мая они перешли эту рѣку въ Камбіо, близъ города Салы, какъ будто намѣрены были двинуться на Алессандрію; далѣе вверхъ по рѣкѣ, у Фрассинетто, близъ Казале, крѣпости, способной держаться нѣсколько времени, другою австрійскою корпусъ пытался перейти черезъ рѣку, но послѣ канонады, продолжавшейся 15 часовъ, онъ былъ отбитъ съ нѣкоторымъ урономъ.

«Какую цѣль могли имѣть эти движенія? Если бы австрійцы продолжали двигаться по сѣверному берегу По, они шли бы на Туринъ. Но тутъ на дорогѣ встрѣчается Дора, маленькая рѣчка, текущая изъ Альпъ и впадающая въ По; берега этой рѣки укрѣплены сардинцами, воспользовавшимися медленностью австрійцевъ. Перешедши на другой берегъ По, австрійцы совершенно обошли эту позицію, потому что они теперь на южномъ берегу, а Дора впадаетъ въ По съ сѣвера. Но въ чемъ состоитъ ихъ намѣреніе: хотѣть ли они идти на Туринъ, или на Алессандрію — трудно рѣшить.»

Дѣйствительно, трудно рѣшить, что хотѣли дѣлать австрійцы. Одни предполагають, что они думали дойти до Турина; другіе ду-

маютъ, что они хотѣли обратиться на Алессандрію; третьи полагаютъ, что они хотѣли отрѣзать Алессандрію отъ Генуи. Но все равно, что бы ни хотѣли они сдѣлать. Потеря времени разстроила всѣ ихъ планы. Отъ границы до Турина верстъ около 100. Верстахъ въ 50 отъ границы лежитъ Алессандрія, находящаяся на западъ и нѣсколько на югъ отъ Турина, верстахъ въ десяти на югъ отъ По. Австрійцы прошли половину дороги до Турина, такъ что поровнялись съ Казале, и Алессандрія оставалась у нихъ уже нѣсколько назадъ. Но пока они медлили, стояли и производили реквизицировки, сардинская армія, стоявшая между Алессандріею и Казале (Казале нѣсколько ближе къ Турину, нежели Алессандрія), получила такія сильныя подкрѣпленія отъ французовъ, что австрійцамъ нельзя было ни напасть на нее, ни продолжать свое движеніе на Туринъ. Они постояли еще нѣсколько времени; непріятель усилился новыми французскими отрядами, и теперь австрійцы отступаютъ и гдѣ остановится ихъ отступление—трудно сказать. По послѣднимъ извѣстіямъ французско-сардинскія войска уже начали наступленіе подъ личною командою императора французовъ и австрійскія войска отгѣснены уже почти до самой границы. Такимъ образомъ движеніе впередъ принесло имъ развѣ только ту пользу, что они прокормили двѣ недѣли своихъ солдатъ сардинскимъ хлѣбомъ и собрали нѣсколько контрибуцій. Это нелѣпное начало похода не предвѣщаетъ для нихъ ничего особенно хорошаго. Будутъ ли они защищаться на Тичино, будутъ ли защищать Миланъ—неизвѣстно. Но съ битвами или безъ битвъ, все равно, они скоро будутъ отгѣснены до линіи рѣки Минчіо, гдѣ найдутъ опору въ крѣпостяхъ Пескьеръ и особенно Мантуѣ.

Приводятъ двѣ причины для оправданія чрезмѣрной медленности въ ихъ наступленіи. Сардинцы, отступая передъ непріятелемъ, испортили дороги: на каждаго 100 метрахъ (45 саженьяхъ) они копали черезъ дорогу довольно глубокіе рвы; кромѣ того, рубили стоявшія по дорогамъ деревья и сваливали ихъ на дорогу; наконецъ, они прорвали плотины и шлюзы каналовъ, которыя проведены по всей западной части Піемонта для орошенія полей, и затопили подъ водою цѣлыя обширныя мѣстности. Погода также заступилась за сардинцевъ: съ 1 мая (19 апрѣля) пошли проливные дожди, продолжавшіеся нѣсколько дней, и рѣчки выступили изъ береговъ. Но такихъ затрудненій все-таки еще мало для объясненія медленности, съ которою австрійцы подавались впередъ. Какъ бы ни были испорчены дороги, все-таки можно было пройти по нимъ въ цѣлую недѣлю больше того пространства, которое въ одинъ день переходили французскіе отряды по Альпійскому хребту, гдѣ дорога и хуже и несрав-

цению трудности. Чрезмѣрному затопленію полей отъ опущенныхъ каналовъ нельзя вѣрить—Піемонтъ не Голландія, и навѣрное было бы австрійцамъ гдѣ пройти, еслибы они хотѣли; а если поля были такъ затоплены, что идти было нельзя, то все равно нельзя было проходить и по 8 верстъ въ день, если нельзя было проходить по 25 верстъ. Нѣтъ, кажется, надобно сказать, что, пропустивъ благоприятное время для исполненія своего плана, австрійцы сами не знали, что имъ дѣлать.

Мы нишемъ почти черезъ мѣсяць по объявленіи войны Австріею Сардиніи, а между тѣмъ, собственно говоря, не произошло никакихъ громкихъ военныхъ событій, и хотя надобно думать, что участь начинавшагося похода рѣшена невольностью австрійцевъ, не успѣвшихъ помѣшать соединенію французовъ съ сардинцами, но въ военной части извѣстій за прошлый мѣсяць мало интереснаго. До сихъ поръ людямъ, интересующимся итальянскими дѣлами, политическія догадки доставляли больше предметовъ къ размышленію, нежели военные событія. Война началась; есть сильная вѣроятность, что австрійцы въ первый же походъ потеряютъ всю землю въ Италіи до Вероны и Мантуи; но въ чемъ же существенная цѣль войны, чего надобно ожидать въ случаѣ успѣха французовъ? Это мы отчасти можемъ видѣть изъ предшествовавшихъ войнъ переговоровъ и сужденій, произносимыхъ самими французами о цѣляхъ ихъ политики.

Конгрессъ не состоялся; но его собранію предшествовали переговоры и нѣкоторыя основанія будущаго устройства дѣлъ въ Италіи были одобрены Франціею.

Нѣкоторые думаютъ, что Франція, подобно Сардиніи, не можетъ удовлетвориться ничѣмъ, кромѣ совершеннаго отнятія итальянскихъ владѣній у Австріи. Это несправедливо. Вотъ четыре основанія, принятыя самою Франціею для переговоровъ на предполагавшемся конгрессѣ.

I. Средства обезпечить сохраненіе мира между Австріею и Сардиніею.

II. Оставленіе римскихъ владѣній иностранными войсками, ихъ занимающими, и изслѣдованіе, какія реформы должны быть введены въ итальянскія государства.

III. Будетъ предложена комбинація для замѣны особенныхъ трактатовъ между Австріею и итальянскими государствами.

IV. Распределеніе территоріальныхъ владѣній и трактаты 1815 года останутся неприкосновенными.

Изъ этого мы видимъ, что Франція соглашалась на сохраненіе за Австріею всѣхъ ея нынѣшнихъ итальянскихъ владѣній. Само со-

бою разумѣется, что въ случаѣ успѣшнаго похода требованія Франціи возрастуть, но нѣтъ имъ никакой необходимости возрастать непременно до совершеннаго отнятія всѣхъ итальянскихъ владѣній у Австріи. Тутъ можетъ быть множество среднихъ степеней, опредѣляемыхъ размахомъ успѣховъ и силою расположенія въ императорѣ французовъ къ прекращенію войны послѣ нѣсколькихъ славныхъ побѣдъ. Всякія условія возможны послѣ того, какъ Франція соглашалась оставлять за австрійцами всѣ ихъ нынѣшнія владѣнія. Если Франція найдетъ удобнымъ кончить войну оставленіемъ у Австріи венеціанскихъ владѣній до Гардского озера, до Минчио и Мантуи, а отъ Ломбардіи заставить ее отказаться, Франція назоветъ это великою услугою дѣлу итальянской независимости. Если у австрійцевъ будетъ отнято и гораздо меньше, напримѣръ только западная часть Ломбардіи до Адды и озера Комо, и это будетъ также названо великою услугою итальянской независимости. Читатель понимаетъ нашу мысль. Впрочемъ, мы ничего не предсказываемъ; мы говоримъ только, что императоръ французовъ вовсе не обязанъ продолжать войну до тѣхъ поръ, пока заставитъ Австрію отказаться отъ всѣхъ владѣній въ Италіи; мы говоримъ только, что онъ можетъ заключить миръ съ Австріею на какихъ ему угодно условіяхъ, и каковы бы ни были условія, все-таки онъ можетъ сказать, что сдѣлалъ для Италіи болѣе, нежели обѣщался сдѣлать передъ началомъ войны: не станемъ забывать, что онъ соглашался оставить за Австріею всѣ ея владѣнія въ Италіи.

Но удовлетворять ли итальянцевъ какія бы то ни было условія мира, кромѣ совершеннаго отнятія у Австріи всѣхъ Ломбардо-Венеціанскихъ земель? Люди бываютъ склонны къ излишней требовательности отъ своихъ помощниковъ или покровителей; но въ такомъ случаѣ всегда бываетъ можно уличить ихъ въ неблагодарности и неблагоразуміи, напоминая имъ, какъ скромны были ихъ желанія въ началѣ дѣла. Есть въ Италіи партія, непринимавшая никакихъ сдѣлокъ, всегда требовавшая непременно только того, чтобы ни одинъ клочекъ итальянской земли не принадлежалъ иностранцамъ; это маццинисты. Но императоръ французовъ опирается не на этихъ республиканцевъ, а на людей умѣренной или такъ называемой конституціонной партіи въ Италіи. Эта партія передъ войною вовсе не шла въ своихъ требованіяхъ до такой революціонной неуживчивости съ австрійцами, какъ маццинисты. Она объявляла, что удовлетворится гораздо меньшими пріобрѣтеніями. Самымъ точнымъ выраженіемъ ея тогдашнихъ требованій надобно считать программу разрѣшенія итальянскаго вопроса, съ которою въ началѣ апрѣля былъ отправленъ въ Лондонъ повѣренный отъ конституцион-

ной партіи центральныхъ итальянскихъ государствъ. Мы приводимъ здѣсь свѣдѣнія, сообщаемыя объ этомъ важномъ фактѣ парижскимъ корреспондентомъ Times'a, въ письмѣ его отъ 9 апрѣля (28 марта).

«Въ Лондонѣ пріѣхалъ повѣренный отъ конституціонной партіи въ центральной Италиі съ предложеніями, производящими замѣчательное впечатлѣніе на людей, которымъ онъ сообщалъ ихъ. Въ числѣ значительныхъ лицъ, съ которыми онъ имѣлъ совѣщанія, находятся лорды Наммерстонъ, Кларендонъ и Джонъ Россель, а къ нынѣшнему времени онъ вѣроятно склонилъ и лорда Мальмсбери раздѣлять такой же взглядъ. Секретъ его успѣха заключается въ слѣдующемъ: онъ предлагаетъ средство вполне удовлетворить итальянцевъ, оставляя неприкосновенными вѣнскіе трактаты. Онъ объявляетъ, что центральная Италия и Піемонтъ оставляютъ, какъ несбыточное желаніе, всякое требованіе выгнать австрійцевъ изъ Ломбардіи и Венеціи. Конечно, они не перестаютъ желать этого, но этого нельзя достигъ безъ войны, а конституціонная партія вовсе не желаетъ видѣть французовъ въ Италиі. Теперь она ограничиваетъ свои желанія тѣмъ, чтобы австрійцы и французы вывели свои войска изъ всѣхъ итальянскихъ владѣній, нынѣ занимаемыхъ ими не на основаніи трактатовъ. Она требуетъ, чтобы Австрія, владѣющая частью Италиі единственно по вѣнскому трактату, была обязана строго ограничиваться предѣлами этого трактата и не простирала своей власти на другія государства. Иначе сказать, они говорятъ австрійцамъ: «Ограничивайтесь вашимъ берегомъ По, и оставьте насъ въ покоѣ въ нашихъ земляхъ.» Многіе говорили, что вліяніе Маццини въ Италиі ослабѣло, совершенно исчезло. Конституціонная партія подтверждаетъ теперь это; она объявляетъ, что имѣетъ полную организацію и готова принять на свою рѣшительную отвѣтственность управленіе государствами центральной Италиі по удаленіи австрійцевъ, ручаясь за то, что не будетъ ни насилій, ни кровопролитія. Она только требуетъ того, чтобы австрійцы удалились изъ тѣхъ частей Италиі, которые заняты ими не по вѣнскому трактату, и обязались никогда не возвращаться въ эти земли, потому что безъ такого обязательства австрійцы вѣчно будутъ возбуждать волненія, чтобы имѣть предлогъ воротиться.

«Важнѣйшій фактъ во всемъ этомъ то, что Сардинія въ лицѣ синьора д'Азеліо отъ имени графа Кавура совершенно согласна съ этою программой. Синьоръ д'Азеліо говоритъ, что Сардинія имѣетъ свои особенныя неудовольствія противъ Австріи, но что они не важны сравнительно съ условіями, на которыхъ согласна вся Италия. Конституціонная партія говоритъ, что это умѣренное требованіе можетъ быть исполнено безъ войны, и что если дѣла будутъ устроены на этомъ основаніи, она будетъ совершенно довольна, предоставляя успѣхамъ времени и разуму и вліянію соседнихъ либеральныхъ учрежденій пронаести перемѣну въ положеніи Ломбардіи. Но, прибавляетъ она, ко-

нечто, она будетъ стремиться приобрести все, что можетъ, если войнъ вспыхнетъ.»

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ относительной силѣ націонистовъ и конституціонистовъ. Конституціонисты думаютъ, что они сильнѣе, націонисты могутъ думать тоже самое о себѣ, — не въ этомъ дѣло, какъ думаетъ конституціонная партія о своихъ силахъ, а въ томъ, чего она хотѣла, на что соглашалась передъ войною. Относительно ея чувствъ мы выводимъ изъ ея программы, присланный въ Лондонъ, два заключенія. Во первыхъ, конституціонная партія въ Италіи имѣла сомнѣніе въ томъ, благоприятны ли будутъ для либеральныхъ учрежденій и независимости Италіи результаты войны, которую Франція хотѣла начать противъ австрійцевъ. Эти сомнѣнія были такъ велики, что конституціонная партія центральной Италіи и Піемонта готова была пожертвовать ломбардо-венетіанцами австрійцамъ, лишь бы избавить Италію отъ опасности со стороны французовъ. Этотъ фактъ мы припомнимъ впоследствии. Во вторыхъ, — и это теперь для насъ главное, — конституціонная партія всего только за нѣсколько дней до начала войны говорила, что «ея требованія могутъ быть совершенно удовлетворены» даже при сохраненіи за австрійцами всѣхъ ихъ нынѣшнихъ владѣній. Только съ этою партіею хотеть до сихъ поръ дѣйствовать Франція за одно, только ея содѣйствіе она принимаетъ, только ея потребности признастъ справедливыми; мы спрашиваемъ теперь, какое право будетъ она имѣть жаловаться на неудовлетвореніе своихъ желаній, если Франція найдетъ неудобнымъ лишать австрійцевъ хотя бы одного селенія въ Ломбардіи? А если Франція уменьшитъ австрійскія владѣнія хотя какимъ нибудь маленькимъ округомъ, императоръ французовъ можетъ назвать это уже великодушнымъ превышеніемъ требованія самихъ итальянцевъ. «Но конституціонная партія не отказывалась отнять у австрійцевъ все, что можно будетъ отнять, если вспыхнетъ война.» — Такъ, этими самыми словами ей и будутъ отвѣчать, если война кончится какими нибудь не важными потерями для австрійцевъ. «Что могли мы отнять у австрійцевъ, не подвергая Францію чрезвычайнымъ успіамъ и бѣдствіямъ слишкомъ упорной войны, то мы и отняли у нихъ, — скажутъ французскіе дипломаты; — требовать совершеннаго отказа ихъ отъ итальянскихъ владѣній, значило бы слишкомъ обременять Францію и итальянскую войну обращать въ обще-европейскую; этого Франція не обѣщала сдѣлать и не могла сдѣлать.»

«Но самъ императоръ французовъ въ своей прокламаціи объявилъ, что война должна имѣть своимъ результатомъ совершенное изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи.» Нѣтъ, понимать прокламацію его

непримѣнно въ такомъ смыслѣ—значить видѣть въ ей выраженія только такое значеніе, какое пріятно неопытному въ дипломатическихъ истолкованіяхъ читателю, и не замѣчать, что тѣ же самыя выраженія могутъ допускать и другое толкованіе, далеко не столь тѣсное. Мы попробуемъ показать, что можно слѣдвать изъ этихъ фразъ, въ случаѣ надобности. Въ длинной прокламаціи собственно только два мѣста, опредѣляющія конечную цѣль войны; мы посмотримъ, что могутъ слѣдовать изъ нихъ обоимъ дипломаты, въ случаѣ надобности.

«Австрія довела положеніе дѣлъ до такой крайности, что должно или ей владѣть до Альпъ, или Италіи быть свободной до Адриатическаго моря». Неопытный умъ можетъ видѣть въ этомъ положительную рѣшимость отнять у Австріи все, до самой Венеціи. Но очень легко истолковать эти слова иначе. Во первыхъ, необходимость изгнанія австрійцевъ ставится слѣдствіемъ ихъ собственной политики, непримиримо враждебной Піемонту, — «Австрія довела вещи до такой крайности», и освободить Италію до Адриатическаго моря необходимо потому, что иначе Австрія «завладѣетъ всею землею до Альпъ» — то есть, Піемонтомъ. Но что, если Австрія докажетъ, что она отказывается отъ вражды противъ Піемонта? Что, если она согласится на такія условія мира, что существованіе Піемонта будетъ ограждено отъ предполагаемой опасности? Тогда исчезаетъ одна половина дилеммы, стало быть исчезаетъ надобность и въ другой половинѣ. Если не будетъ опасности, что Австрія станетъ расширять свои владѣнія, не будетъ надобности и изгонять ее изъ Италіи.

Нейтральныя державы теперь убѣждены, что Австрія никогда не хотѣла присвоивать себѣ ни вершка піемонтской земли, — почему знать, что Франція не убѣдится въ этомъ, когда посчитетъ удобнымъ склониться къ такому убѣжденію?

Итакъ, прокламація ставитъ изгнаніе австрійцевъ въ зависимость отъ факта (опасность для Піемонта), который можетъ быть съ согласія Австріи устраненъ множествомъ разныхъ способовъ; напримеръ: обязательствомъ Австріи не нападать на Піемонтъ; уступкою какихъ нибудь округовъ, отнимающихъ стратегическія линіи для наступленія въ Піемонтъ изъ Австрійскихъ владѣній; срытіемъ какихъ нибудь пограничныхъ укрѣпленій; обязательствомъ не держать въ Ломбардіи болѣе 100,000 войска (какъ и не держала Австрія до начала нынѣшняго года) и т. д. Нельзя исчислить всѣхъ комбинацій, которыми можетъ уничтожиться надобность изгонять австрійцевъ изъ Италіи.

Мы видимъ, какъ легко при нѣкоторой опытности въ дипломатическихъ изслѣдованіяхъ найти, въ случаѣ надобности, что первое

изъ выраженій, опредѣляющихъ цѣль войны, вовсе не исключаетъ возможности оставить за австрійцами часть ихъ владѣній или и всѣ ихъ владѣнія въ Италіи, смотря по внушенію обстоятельствъ. А на этомъ одномъ выраженіи почти исключительно и опираются всѣ толки, будто бы полное изгнаніе австрійцевъ поставлено непремѣнною цѣлью войны. Въ самомъ дѣлѣ, второе выраженіе прокламаціи гораздо менѣе опредѣлительно:

«Цѣль этой войны — то, чтобы Италія снова принадлежала самой себѣ (*rendre l'Italie à elle-même*), а не то, чтобы замѣнить одно господство надъ нею другимъ.» Тутъ сущность мысли заключается просто въ засвидѣтельствованіи того, что Франція не хочетъ завоеваній въ Италіи, что она не хочетъ занять въ ней того положенія, какое нынѣ занимаютъ австрійцы. Но само собою разумѣется, что исполненіе желаній зависитъ отъ обстоятельствъ, и въ строкахъ, непосредственно слѣдующихъ за этимъ выраженіемъ, мы имѣемъ указаніе на факты, которые могутъ принудить Францію, — конечно, съ прискорбіемъ, отступить отъ образа дѣйствій, стремленіе къ которому выражено приведенною у насъ фразою:

«Мы идемъ въ Италію не возбуждать безпорядки, не потрясать власть святѣйшаго отца, нами возстановленную.» Но что же, если бы оказалось, что итальянцы наклонны къ произведенію «безпорядковъ?» — Ясно, что Франція стала бы удерживать ихъ отъ такого губельнаго заблужденія, — этимъ именно и занималась до сихъ поръ Австрія. Вся политика ея въ Италіи направлена была исключительно къ предупрежденію «безпорядковъ.» Власть папы должна остаться непоколебимою; но что, если окажется въ римлянахъ желаніе полатъ ее? Франція принуждена будетъ охранять папу отъ недоброжелательства его подданныхъ.

Такимъ образомъ, самая прокламація довольно точно показываетъ, что Франція въ Италіи главное своею заботою будетъ имѣть пресѣченіе безпорядковъ и народныхъ волненій; она предоставитъ итальянцамъ ту степень независимости, какая можетъ остаться у нихъ безъ нарушенія законнаго порядка; условія мира съ австрійцами поставляются въ зависимость отъ прекращенія опасности для Піемонта, и мы видѣли, что опасность эта можетъ быть устранена множествомъ разныхъ способовъ, не требующихъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи. Только людямъ, слишкомъ расположеннымъ видѣть въ чужихъ словахъ смыслъ, какой пріятенъ для нихъ, и не привыкшимъ вникать въ характеръ дипломатическаго языка, можетъ казаться, что императоръ французовъ связываетъ себя въ своей прокламаціи какими нибудь обязательствами, кромѣ обѣщанія не допускать въ Италіи безпорядковъ, какъ не допускали ихъ австрійцы, и

поддерживать власть папы, какъ поддерживалъ ее до сихъ поръ. Если у кого остается сомнѣніе въ этомъ, оно можетъ окончательно разъясниться соображеніемъ смысла рѣчей, сказанныхъ въ Законодательномъ Корпусѣ по поводу итальянскаго вопроса, и соображеніями относительно дѣйствій французскаго коменданта въ Римѣ.

Много разъ мы указывали на существенную причину неизбежности войны, находя ее въ отношеніяхъ нынѣшней французской системы къ общественному мнѣнію. Система эта чувствовала необходимость отвлечь вниманіе націй отъ внутреннихъ вопросовъ грозомъ побѣдъ и упрочить себя возобновленіемъ своей военной славы. Политика эта въ значительной степени оправдалась успѣхомъ. Мы видимъ, что сначала нынѣшняго года толками о войнѣ заглушились требованія внутреннихъ реформъ, такъ быстро усилившіяся въ концѣ прошлаго года. Мы говорили также, что ропотъ разсчитливыхъ людей на обременительность задуманной войны будетъ заглушенъ энтузіазмомъ воинственной націи, когда война будетъ объявлена. И дѣйствительно, массою простолудниковъ въ Парижѣ и въ другихъ большихъ городахъ овладѣлъ восторгъ, какъ только была объявлена война. Мы могли бы не вѣрить, если бы только французскія газеты говорили о народномъ восторгѣ; но изъ англійскихъ и даже нѣмецкихъ газетъ видно, что простолудники большихъ городовъ и особенно Парижа дѣйствительно увлечены мыслью о славѣ, какую приобрететъ Франція, освободивъ Итацію. Разсказы газетныхъ корреспондентовъ несомнѣнно подтверждаются двумя фактами. Число волонтеровъ, поступающихъ на время войны, если и не такъ громадно, какъ утверждаютъ оффиціальныя газеты, то все же оченъ значительно. Одинъ Парижъ далъ ихъ болѣе 15,000 (оффиціальныя газеты говорятъ о 25,000). Въ другихъ большихъ городахъ наберется почти такое же число. Еще важнѣе тотъ фактъ, что императоръ отказался послать ихъ Парижу въ Итацію и само гвардію, и боюющую часть (гарнизона). Это показываетъ, что правительство стало пользоваться значительной оспецною популярностію и могло ослабить предосторожности противъ возстанія въ столицѣ.

Правда и то, что простолудники, совершенно незнакомые съ дипломатическими тонкостями, понимаютъ характеръ войны совершенно не въ такомъ свѣтѣ, какой придаетъ войнѣ правительство и въ какомъ видѣть ее люди, болѣе свѣдущіе въ дипломатическомъ языкѣ. Парижскіе простолудники и вся французская армія думаютъ, что война имѣетъ реэмоціонный характеръ; потому и восторгъ, ею возбужденный въ солдатахъ и въ рабочихъ, уже принялъ отъносительный характеръ, который дозволитъ столкновенію, когда факты покажутъ простолудникамъ и солдатамъ, что они ошибались. Тогда

волонтеровъ и работниковъ ходятъ по улицамъ Парижа съ революціонными пѣснями, которыхъ не слышно было съ 1850 года. Войска, садившіяся на корабли въ Марсели, также пѣли революціонныя пѣсни. Во французскомъ лагерѣ въ Піемонтѣ, надъ всѣми криками въ честь императора и въ честь Италіи господствуетъ Марсельеза. Съ криками «да здравствуетъ императоръ!» часто смѣшиваются крики «да здравствуетъ республика!» Конечно, не надобно придавать этому республиканскому и революціонному характеру простонароднаго энтузіазма слишкомъ большой важности и должно ожидать, что военная дисциплина успѣетъ подавить тѣ его проявленія, которые были бы для нынѣшней системы опаснѣе простаго пѣнія. Можно даже думать, что въ случаѣ успѣшнаго хода войны личный энтузіазмъ къ императору, доставившему случай для побѣды, возьметъ верхъ надъ нынѣшнимъ республиканскимъ отгнѣнкомъ воинственности. Но какъ бы то ни было, надобно замѣтить фактъ, который можетъ быть источникомъ затрудненій для нынѣшней системы, если не будетъ подавленъ быстротой побѣды.

Заблужденія простолюдиновъ не раздѣляются, какъ мы сказали, людьми опытыми въ политической жизни, а восторгъ отъ ожидаемой славы не заставляетъ образованные классы общества забывать объ интересахъ, которыми война неблагоприятна. Республиканская партія не предполагаетъ, чтобы война имѣла цѣлью действительное освобожденіе Италіи, а буржуазія скорбитъ объ упадкѣ фондовъ. Этимъ объясняется чрезвычайно холодный пріемъ военныхъ предложеній въ Законодательномъ Корпусѣ и снѣжность рѣчей, сказанныхъ нѣкоторыми изъ членовъ его. Засѣданія Законодательнаго Корпуса въ первый разъ со времени втораго декабря становятся интересными. Опираясь на недовольствѣ большинства депутатовъ, въ которыхъ прежніе расчеты о выгодахъ приверженности къ нынѣшней системѣ смѣняются расчетами о вѣроятномъ разореніи отъ войны, малочисленные республиканцы Законодательнаго Корпуса начинаютъ говорить довольно рѣзко. Мы приведемъ здѣсь отрывки изъ писемъ парижскаго корреспондента *Таньса* и отчета *Монитѣра* о нѣкоторыхъ рѣчахъ, сказанныхъ въ Законодательномъ Корпусѣ.

Мы говорили о быстротѣ, съ какою французское правительство сдѣлало военныя распоряженія при первомъ извѣстіи объ австрійскомъ ультиматумѣ. Не теряя времени, внесло оно въ Законодательный Корпусъ и проекты тѣхъ декретовъ, которые должны быть принимаемы съ согласіемъ законодательной власти. Первые два предложенія состояли въ томъ, чтобы увеличить призванный подъ знамена контингентъ 1850 года отъ прежней нормы 100,000 до 140,000 человекъ и дать правительству полномочіе заключить за сѣмъ въ

500,000,000 франковъ. Вотъ какъ парижскій корреспондентъ Times'a рассказываетъ о засѣданіи Законодательнаго Корпуса 26-го апрѣля, когда были сдѣланы эти предложенія.

«Графъ Морни, управляющій мудрыми совѣщаніями представителей Франціи, явился въ половинѣ втораго въ простомъ фракѣ. Относительно орденовъ онъ принялъ скромность. Изъ находящейся у него полдюжины ихъ, онъ удовольствовался на этотъ разъ только лентою и звѣздою Почетнаго Легіона. Скоро явился г. Барошъ, замѣчательный по своему мундиру президента государственнаго совѣта, богато вышитому золотомъ, по лентѣ и по звѣздѣ,—за свои гражданскія заслуги онъ также получилъ «звѣзду мужества.» Передъ г. Морни стоялъ столъ съ богатою позолотою, съ инкрустациями и съ конторкою, имѣющею завидное отличіе служить хранилищемъ мыслей его высокопревосходительства. Ниже стоитъ длинный столъ, за которымъ сидятъ комиссары правительства: одинъ изъ нихъ теперь г. Барошъ. Приблизилась рѣшительная минута; г. Морни позвонилъ въ колокольчикъ во второй разъ и водворилось глубокое молчаніе. Президентъ возвѣстилъ о прибытіи министра иностранныхъ дѣлъ; г. Валуевскій вошелъ въ залу и сѣлъ за столъ комиссаровъ. Затруднителенъ вопросъ, чей мундиръ богаче вышить,—г. Валуевского или г. Бароша: оба они находятся въ золотой скорлупѣ. Но нѣтъ кажется, что г. Валуевскій, какъ сенаторъ, имѣетъ право носить одинъ или два золотые жгута лишнихъ противъ г. Бароша, какъ президента государственнаго совѣта. Впрочемъ, оставляю этотъ вопросъ до дальнѣйшихъ изслѣдованій; довольно сказать, что оба они чрезвычайно великодушны. Изъ лентъ, дельепоновъ, кордуновъ, орловъ и другихъ орденовъ, данныхъ г. Валуевскому европейскими государями, на выставкѣ не было ни одного, кромѣ ленты и звѣзды Почетнаго Легіона. Съ удовольствіемъ свидѣтельствую объ этой общей умѣренности.

«Президентъ объявилъ, что министръ имѣетъ нѣчто объявить палатѣ. Г. Валуевскій всталъ и началъ читать по тетради. Сообщение содержало только исторію итальянскаго вопроса и начиналось описаніемъ безпокойства, произведеннаго въ началѣ года вооруженіями Австріи и накопленіемъ войскъ въ ломбардо-венеціанскія земли съ намѣреніемъ напасть на Піемонтъ. Смѣлѣе я разсуждалъ, министръ не упомянулъ ни о словахъ, оказанныхъ императоромъ французу австрійскому посланнику въ новый годъ, ни о пломбьерскихъ планахъ, ни о намѣреніи, приписываемомъ Піемонту, при помощи Франціи выгнать австрійцевъ изъ Ломбардіи. Умалчивая обо всѣхъ этихъ фактахъ, какъ обстоятельствахъ неважныхъ, онъ изложилъ ходъ переговоровъ до австрійскаго ультиматума относительно обезоруженія Піемонта. Разумѣется, министръ выказывалъ умѣренность желаній и плановъ императора и сильно отрицалъ всякіе планы честолюбія или завоеванія. Палата слушала молча. Къ концу сообщенія, въ мѣстахъ о желаніи императора сохранить миръ, два раза послышался шопотъ семи или восьми голосовъ *très bien! très bien!*—по окончаніи рѣчи десятка два голосовъ по-

вторили тоже восклицаніе и десятка два паръ рукъ захлопали. Большинство палаты сидѣло молча и неподвижно.

«Тогда г. Барошъ прочелъ изложеніе причинъ проекта закона объ увеличеніи послѣдняго сто-тысячнаго контингента прибавкою еще сорока тысячъ рекрутъ. Прочтенъ былъ также проектъ закона о разрѣшеніи правительству сдѣлать заемъ въ 500 милліоновъ франковъ.

«Тогда всталъ г. Морни и прочелъ краткій адресъ къ палатѣ. Онъ убѣждалъ депутатовъ «пренебречь при настоящихъ обстоятельствахъ всѣми матеріальными интересами для патріотизма, смотрѣть не назадъ, а впередъ», и т. д. Убѣжденіе пренебречь матеріальными интересами для болѣе благородной цѣли, исходя отъ столь уважаемаго авторитета, безъ сомнѣнія произвело надлежащее впечатлѣніе. Нѣкоторые депутаты улыбнулись, — въ знакъ согласія и одобренія, какъ я полагаю. Послѣ этой самоотверженной рѣчи нѣсколько человекъ изъ депутатовъ закричали: *Vive l'empereur!* и стали аплодировать. Аплодисменты были вовсе не общіе и расположеніе палаты не походило на энтузіазмъ.

«Надобно не оставить безъ вниманія то, что два министра, избранные для представленія сообщеній и для поддержанія ихъ своимъ краснорѣчіемъ, съ самаго начала до самаго конца противились войнѣ. И г. Валуевскій, и г. Фульдъ, прочитавшіи сенату такое же сообщеніе, какъ г. Валуевскій Законодательному Корпусу, глубоко скорбѣли о направленіи, принятомъ дѣлами.»

Разсмотрѣвъ проекты въ свѣжѣхъ отдѣленіяхъ (бюро), Законодательный Корпусъ собрался на другой день (27 апрѣля) для совѣщаній въ публичномъ засѣданіи объ увеличеніи контингента. Ораторомъ оппозиціи явился въ этотъ день республиканецъ Эмиль Оливье. Рѣчи, произносимыя въ Законодательномъ Корпусѣ, печатаются только въ извлеченіяхъ, составляемыхъ офиціальнымъ порядкомъ подъ наблюденіемъ президента, назначеннаго императоромъ. Поэтому можно судить, до какой степени смягчается и даже совершенно измѣняется въ этихъ извлеченіяхъ смыслъ словъ, несогласныхъ съ желаніями президента. Но и по блѣдному извлеченію, представленному Мониторомъ, читатель можетъ видѣть, въ чемъ состоялъ смыслъ словъ Оливье. Вотъ буквальный переводъ изъ протокола, помѣщеннаго въ Мониторѣ.

«Г. Эмиль Оливье говоритъ, что вотъ уже четыре мѣсяца общественное мнѣніе взволновано. Всѣ съ безпокойствомъ спрашиваютъ себя, сохранитъ Франція миръ или начнетъ войну? Ораторъ жалѣетъ, что въ теченіе этого долгаго времени французы получали свѣдѣнія о ходѣ дѣла только изъ преній англійскаго или сардинскаго парламентовъ, и французскому Законодательному Корпусу предложенъ этотъ вопросъ только уже по фактическому его разрѣшенію.

«Въ настоящую минуту Италия одушевлена всеобщимъ желаніемъ: вся нація желаетъ изгнанія иностранцевъ, соединяется подъ знаменемъ

Пизомонта и призываетъ Францію. Такое чувство, по мнѣнію оратора, совершенно основательно. Съ 1815 года австрійское правительство не ограничивалось нарушеніемъ общаній, данныхъ отъ его имени миланцамъ и венеціанцамъ, оно постоянно угнетало всю Италію. На минуту блеснулъ Италіи лучъ надежды; она отвергла даже руку, протягиваемую ей французской республикой, надѣясь, что будетъ обязана своимъ освобожденіемъ только самой себѣ. Эта надежда ее обманула.

«На жалобы итальянскаго народа, на протестаціи, сдѣланныя отъ его имени графомъ Кавуромъ передъ парижскимъ конгрессомъ, всегда отвѣчали только однимъ возраженіемъ, указаніемъ на трактаты 1815 года, на эту «территоріальную конституцію Европы», по выраженію лорда Пальмерстона.

«Какъ надобно смотрѣть на трактаты 1815 года? Были высказываемы очень различныя мнѣнія объ этихъ, слишкомъ знаменитыхъ дипломатическихъ сдѣлкахъ. Во Франціи никто не отваживался защищать ихъ, даже изъ тѣхъ людей, которые считали необходимымъ сохранять ихъ. Одни говорили, должно проклинать ихъ, но уважать ихъ; другіе, какъ знаменитый манифестъ (Ламартина), говорили: должно отрицать юридическую силу трактатовъ 1815 года, но уважать ихъ фактическое существованіе. Всѣ признавали, что эти трактаты должны считаться не столько договорами, сколько приговорами, произнесенными противъ Франціи. Ораторъ объявляетъ, что онъ и его друзья дѣлаютъ существенное различіе между разными территоріальными опредѣленіями трактатовъ 1815 года. Постановленія, направленные противъ Франціи, они отличаютъ отъ тѣхъ, которыми нарушены права національностей менѣе сильныхъ. Достопочтенный членъ мало скорбитъ о томъ, что не разширяются границы Франціи. Призваніе Франціи не въ томъ, чтобы разширять свои границы. Ораторъ и его друзья осуждаютъ устарѣлую завоевательную политику. Не матеріальныя, а нравственныя завоеванія должна дѣлать Франція; для націй, какъ и для частныхъ людей, истинное величіе состоитъ въ безкорыстіи.

«Но есть, по мнѣнію оратора, въ трактатахъ 1815 года такія постановленія, которыя должны быть энергически отвергаемы; это тѣ постановленія, которыя направлены противъ національностей, не столь сильныхъ, какъ Франція, и въ особенности тѣ двусмысленныя постановленія, которыя повергли Италію, какъ жертву, къ ногамъ Австріи. Когда былъ возбужденъ итальянскій вопросъ, достопочтенный членъ и его друзья хотѣли думать, что во мнѣніи самаго правительства трактаты 1815 года перестали существовать по отношенію къ Италіи; на этомъ пути они готовились оказывать ему самую рѣшительную, страстную, неослабную помощь; но въ ту минуту, когда надобно принять окончательное рѣшеніе, возникло въ умѣ оратора сомнѣніе и онъ желалъ бы, чтобы правительство разсѣло это сомнѣніе. Онъ далекъ отъ мысли упрекать правительство за то, что оно не торопилось вступать въ войну; козвѣтно, что глава государства колеблется передъ рѣшеніемъ отнять у націи блага мира. Но онъ былъ печально удивленъ

слыша вчера, что г. министр иностранных дѣлъ подтверждаетъ слова, сказанныя съ англійской трибуны, что французское правительство соглашалось вести переговоры на основаніи трактатовъ 1815 года, — этихъ трактатовъ, которые разорвала сама Австрія своими особенными договорами, своими дипломатическими и военными виѣшательствами, продолжительными занятіями чужихъ земель военною силою. Правительство могло не возбуждать вопроса; но, возбудивъ его, оно не должно было соглашаться на переговоры, которые могли упрочить трактаты 1815 года и возратить имъ силу, ими потерянную.

«При такомъ положеніи вещей ораторъ спрашиваетъ, что хотятъ дѣлать въ Италіи. Итальянскіе походы могутъ имѣть разный характеръ. Французское виѣшательство можетъ произвести освобожденіе Италіи; но оно можетъ также привести только къ договору въ родѣ Кампоформіосскаго, или оказаться новою римскою экспедиціею. Намѣренія правительства не объяснены. Въ этой неизвѣстности, ораторъ и его друзья считаютъ нужнымъ опасаться, что, предпринимая настоящую экспедицію, правительство имѣетъ только одну цѣль, пріобрѣтеніе военной славы, хочетъ воспользоваться Италіею, а не принести пользу ей. Они не хотятъ выражать довѣріе къ правительству, подавая голосъ за предложенный законъ; они не хотятъ, отвергая законъ, принимать такой видъ, какъ будто бы измѣняютъ Италіи и становятся на сторонѣ австрійцевъ; потому они удерживаются отъ подачи голоса. Сердце ихъ за Италію, но они ожидаютъ отъ правительства объясненія, что нынѣшняя война начинается для пользы Италіи.

«Въ заключеніе ораторъ говоритъ, что, судя по официальнымъ извѣстіямъ, война начинается при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Чѣмъ бы она ни кончилась, онъ свидѣтельствуетъ, что онъ и его друзья останутся вѣрны преданію своихъ отцевъ, преданію тѣхъ гражданъ-героевъ, которые въ дни великой опасности умѣли охранять, подъ предводительствомъ Гошей и Марсо, отъ оскверненія иностранцами священную землю отечества.»

Немного нужно догадливости, чтобы понять изъ этого извлеченія, какимъ рѣзкимъ неодобреніемъ была проникнута рѣчь Оливье. Онъ говоритъ, по выраженію Монитѣра, что французская нація въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ узнавала факты только изъ преній англійскаго и сардинскаго парламентовъ; но въ Монитѣрѣ часто печатались официальные статьи, излагавшія ходъ дѣла и намѣренія французскаго правительства, — ясно, что Оливье не считаетъ достовѣрнымъ ни одного слова этихъ статей. Онъ жалѣетъ, по выраженію Монитѣра, что четыре мѣсяца правительство не предлагало Законодательному Корпусу итальянскаго вопроса и сообщаетъ ему объ этомъ дѣлѣ, когда оно уже рѣшено, — ясно, что ораторъ говоритъ о пренебреженіи правами Законодательнаго Корпуса, а права эти понималъ такъ, что правительство было обязано не дѣлать ничего

важнаго безъ его согласія. Ораторъ думалъ, по выраженію Монитёра, что правительство хочетъ вести войну для уничтоженія трактатовъ 1815 года относительно Италіи, т. е. для изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, но въ рѣшительную минуту въ немъ пробудилось сомнѣніе, — ясно, онъ говорилъ, что никогда не вѣрилъ въ намѣренія правительства освободить Италію; а теперь нѣтъ въ рукахъ доказательства основательности своего невірія. Это доказательство доставлено словами англійскаго министра, что Франція соглашалась вести переговоры на основаніяхъ трактатовъ 1815 года. Но Монитёръ также излагалъ основанія переговоровъ, и ясно, что Оливье выставилъ разпорѣчіе Монитёра съ истиной, доказанной протѣками англійскаго парламента; онъ говоритъ, что Монитёръ скрывалъ факты, излагалъ дѣло въ ложномъ видѣ; но теперь Валуевскій и Барошъ говорили согласно съ Монитёромъ, — ясно, какой характеръ придаетъ Оливье ихъ словамъ. По выраженію Монитёра, онъ былъ бы радъ, если бы объяснилось его сомнѣніе, — ясно, онъ требовалъ у министровъ отчета въ противорѣчіи официальныхъ изложеній съ фактами. Валуевскій подтвердилъ факты, обнаруженные англійскимъ парламентомъ: это значитъ, Валуевскій былъ принужденъ сознаться, что до сихъ поръ лгалъ. Наконецъ, въ предпоследнемъ параграфѣ рѣчи, несмотря на всѣ искаженія, сдѣланныя протоколомъ въ словахъ Оливье, смыслъ остался такъ рѣзокъ, что не требуетъ поясненій. Можно идти въ Италію за тѣмъ, чтобы освободить ее, можно идти за тѣмъ, чтобы поработить ее больше прежняго, говоритъ Оливье въ этомъ параграфѣ. Зачѣмъ посылаютъ туда теперь французовъ, продолжаетъ онъ, можно знать по результатамъ римской экспедиціи. Исторія этой экспедиціи извѣстна: когда она отправлялась, Наполеонъ III, бывший еще тогда президентомъ республики, говорилъ, что цѣль экспедиціи спасти Римъ отъ австрійцевъ, а кончилась экспедиція тѣмъ, что французы поддерживаютъ въ Римѣ правительство, которое угнетаетъ римлянъ хуже, нежели австрійцы угнетаютъ ломбардцевъ. Последний параграфъ протокола заключаетъ въ себѣ мысль самую горькую: «война начинается при счастливыхъ условіяхъ, но мы готовы защищать Францію отъ вторженія иностранцевъ», говоритъ Оливье. Ясно, что это значитъ: Оливье говорилъ, что самыя счастливыя обстоятельства разрушаются коварствомъ издѣшной хитрости, которое наконецъ должно возстановить противъ себя всю Европу; Европа увидитъ, что Ломбардія была только предлогомъ для завоевательной политики; Европа увидитъ, что должна защищать сама себя, а не Австрію, составитъ новая коалиція и повторятся событія 1813 и 1814 годовъ. Кажется, этого было бы довольно; но имена Гоша и Марсо, упоминаемые

Мониторы, свидѣтельствуя о мысли еще болѣе рѣзкой: безъ сомнѣнія, Оливье противопоставлялъ этихъ республиканскихъ генераловъ Наполеону I и указывалъ на то, что европейская коалиція, которая легко побѣдитъ императорскую Францію, можетъ быть побѣждена только республиканскою Франціею.

Къ такимъ-то рѣчамъ въ Законодательномъ французскомъ Корпусѣ открывается теперь возможность; большинство, составленное изъ людей, до сихъ поръ восторженно хвалившихъ нынѣшнюю систему, вдругъ охладѣло къ ней и дозволяетъ возвышать голосъ немногимъ республиканцамъ, наводившимся въ Законодательномъ Корпусѣ; мало того, что оно позволяетъ имъ говорить, — вѣроятно, оно слишкомъ сочувствуетъ имъ за протестъ противъ намѣреній императора, если самъ графъ Морни, президентъ Законодательнаго Корпуса, принужденъ былъ терпѣть рѣчь Эмиля Оливье.

Но зачѣмъ догадки о чувствахъ большинства, такъ недавно бывшаго преданнымъ нынѣшней системѣ? Холодность, съ которою принимается оно сообщенія и объясненія правительства, достаточно свидѣтельствуешь о его чувствахъ. Но опять, зачѣмъ мы говоримъ о заключеніяхъ, выводимыхъ изъ молчанія и холодности? Бывшіе панегиристы правительства уже не довольствуются молчаніемъ; черезъ два дня послѣ преній о контингентѣ происходили пренія о займѣ, и вотъ что рассказываетъ парижскій корреспондентъ Times'a о засѣданіи Законодательнаго Корпуса 29 апрѣля. Въ предисловіе къ его разсказу мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе: слова Плишона онъ буквально беретъ изъ протокола, напечатаннаго въ Мониторѣ, и беретъ далеко не все рѣзкое, сохраненное изъ нихъ даже Мониторомъ. Можно по этому судить, какова въ дѣйствительности была рѣчь этого депутата, до сихъ поръ восхвалявшагося второю имперіею.

«Вольное удивленіе было возбуждено свободой, съ которой говорили противъ войны многіе члены, до сихъ поръ бывшіе работящими приверженцами (*zorgeloze folloewers*) правительства, и просторомъ, который былъ дозволенъ ихъ рѣчамъ вице-президентомъ Законодательнаго Корпуса г. Шнейдеромъ, представлявшимъ въ этотъ день... Если бы болѣзнь не помѣшала быть въ засѣданіи президенту, г. Морни, то, вѣроятно, не было бы такого простора. Особенно энергиченъ былъ языкъ г. Плишона. Онъ началъ тѣмъ, что не чувствуетъ никакой симпатіи къ большей части мнѣній г. Оливье, республиканскаго депутата, говорившаго въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій, но соглашается съ нимъ въ одной мысли, — въ той мысли, что «невыносимо для страны, столь долго жившей всю полноту политической жизни, терпѣть такое положеніе, что факты, относящіеся къ ней, она должна узнавать отъ иностранцевъ.» Еще невыносимѣе, прибавилъ онъ, что вопросы, отъ которыхъ зависитъ будущее страны, заглаживаются и

рѣшаются безъ всякаго участія Законодательнаго Корпуса. «Я подаю голосъ за увеличеніе нашихъ военныхъ силъ (продолжалъ г. Плимонъ), потому что наши войска уже перешли границу, стало быть мы обязаны поддерживать честь французскаго знамени и поздно намъ разсуждать. Но еслибы вопросъ не былъ уже рѣшенъ безъ насъ; еслибы я могъ разсматривать, имѣетъ ли Франція какую нибудь надобность вмѣшиваться въ эту войну, я сказалъ бы нѣтъ. Я вотирую за прискорбіемъ, потому что имѣю глубокое убѣжденіе, что правительство безъ надобности ввело нашу страну въ войну, исполненную риска и опасности, для результатовъ, по крайней мѣрѣ неутвержденныхъ, чтобы не сказать болѣе. Изъ сообщеній, сдѣланныхъ правительствомъ, рѣшительно не видно, чтобы австрійская политика въ Италіи подвергала опасности честь или спокойствіе Франціи, или равновѣсіе Европы.» Далѣе онъ замѣтилъ, что политическое положеніе Италіи вовсе не ново; что современіи возникновенія этого положенія было во Франціи много разныхъ правительствъ и ни одно изъ нихъ не находило это положеніе столь важнымъ для интересовъ Франціи, чтобы завязывать войну для его прекращенія. Онъ спросилъ, будетъ ли эта война революціонная или политическая, должна ли она быть отрицаніемъ или продолженіемъ политики, вступившей римскую экспедицію? Будетъ ли цѣлью ея только изгнаніе австрійцевъ, или независимость и единство Италіи? Онъ спросилъ, какъ далеко хочетъ идти правительство и на чемъ оно думаетъ остановиться? «Каждому видны, заключилъ г. Плимонъ, жертвы, которыхъ будетъ стоить Франціи эта война; но никто не видитъ, какую выгоду Франція получитъ отъ нея. Да, ничего не можетъ она получить отъ нея, кромѣ развѣ пустой славы,—это будетъ единственныя вознагражденіемъ ея за кровь ея дѣтей.» Г. Плимонъ отвѣчалъ г. Барошъ, президентъ государственнаго совѣта. Онъ сказалъ, что Франція воюетъ потому, что на нее напали. Франція объявила, что если австрійцы нападутъ на Піемонтъ, она обязана защищать его. Другихъ причинъ къ войнѣ нѣтъ. Послѣ того всталъ просить слова г. Жюль Фавръ, знаменитый республиканскій адвокатъ.

Рѣчь Жюль Фавра занимала важнѣйшее мѣсто въ засѣданіи 29 апрѣля; мы приводимъ вполнѣ всю часть протокола, въ которой излагаются его слова. Читатель замѣтитъ, какою смѣло должно было имѣть въ дѣйствительности замѣчаніе президента, предшествовавшее словамъ Жюль Фавра. Президентъ просилъ палату слушать спокойно съ увѣренностью, что ораторъ не скажетъ ничего оскорбительнаго для чувствъ палаты; это служило напомниманіемъ оратору, что позволеніе говорить дается ему подлѣ условіемъ соблюдать осторожность въ словахъ. Но въ благодарности президенту, которой начинается Жюль Фавръ, содержится прямой отказъ скрывать свои мысли. Потому онъ возстаетъ противъ Плимона, — это за то, что Плимонъ высказывалъ боязнь войны съ революціоннымъ характе-

ромъ. Жюль Фавръ доказываетъ, что если война не будетъ имѣть революціоннаго характера, то не зачѣмъ начинать ее; и вся его рѣчь состоитъ въ развитіи двухъ мыслей, одинаково враждебныхъ нынѣшней системѣ: онъ доказываетъ, что война необходимо должна была бы имѣть революціонный характеръ; потомъ доказываетъ, что правительство хочетъ вести ее въ консервативномъ духѣ съ единственной цѣлью упрочить свое существованіе славою побѣды, безъ всякаго намѣренія улучшить положеніе Италіи. Но прочтемъ изложеніе самой рѣчи, представленное Мониторомъ.

«Г. Жюль Фавръ требуетъ рѣчи.

«Г. Президентъ, давая рѣчь г. Жюлю Фавру, проситъ палату слушать его не перерывая. Искусство, къ которымъ г. Фавръ владѣетъ рѣчью, должно служить палатѣ ручательствомъ за то, что рѣчь оратора будетъ сообразна съ важностью обстоятельствъ; потому г. президентъ проситъ палату слушать эту рѣчь, не перерывая.

«Г. Жюль Фавръ благодаритъ Г. Президента за доброжелательную мысль его замѣчанія, но требуетъ полной независимости своимъ объясненіямъ. Онъ постарается не оскорбить палату ни однимъ изъ своихъ словъ. Если онъ принимаетъ участіе въ настоящемъ преніи, онъ дѣлаетъ такъ по убѣжденію, что это преніе необходимо, и требуетъ болѣе глубокаго разъясненія.

«Ни мало не одобряя нѣкоторыхъ словъ, произнесенныхъ г. Президентомъ, ораторъ понимаетъ ихъ. По мнѣнію distinguished члена, очевидно истинною принимается то, чтобы война могла являться совершенно оправданной, чтобы ее причина была ясно указана и цѣль ее ясно опредѣлена.

«Достопочтенный членъ указываетъ на несообщеніе извѣстій, какъ на нѣчто очень замѣчательное. Онъ не можетъ объяснить себѣ, какими образомъ Франція могла быть ввергнута въ войну, которая можетъ объять всю Европу, и представители страны могли быть не призваны своевременно къ выраженію своего мнѣнія. Но если Законодательному Корпусу не дано было направлять ходъ событій, если теперь онъ не имѣетъ права отказывать нашей арміи въ средствахъ съ блескомъ явиться на театрѣ дѣйствій, то члены палаты имѣютъ право спрашивать о причинѣ и о цѣли войны.

«Свѣдѣнія, сообщенныя правительствомъ, не бросили особеннаго свѣта на вопросъ. Правительство промолчало послѣ рѣчи г. Оливье. А между тѣмъ при настоящихъ обстоятельствахъ объясненія должны казаться необходимыми. Г. Министръ иностранныхъ дѣлъ прочелъ палатѣ изложеніе событій, но по мнѣнію оратора въ этомъ объясненіи нѣтъ откровенности относительно одного пункта, и этотъ недостатокъ откровенности кажется ему ошибкою и опасностью.

«Въ настоящее засѣданіе г. президентъ государственнаго совѣта сказалъ, что война теперь начата и трактаты разорваны. Ораторъ спра-

шивается, не нужно ли въ такомъ случаѣ самымъ точнымъ образомъ опредѣлить положеніе дѣлъ. Каждый членъ палаты желаетъ, чтобы война была счастлива и кратковременна. Но для этого надобно, чтобы она воспламенила сердца, а для этого нужно, чтобы необходимость ея была доказана всѣмъ, чтобы всѣмъ была показана святость и нравственность ея причины.

«Документъ, прочитанный г. министромъ иностранныхъ дѣлъ, говорить, что Франція постоянно желала мира, что она и теперь желаетъ его, что она вела переговоры для этой цѣли. Ораторъ протестуетъ противъ этихъ выраженій. Г. президентъ государственнаго совѣта сказалъ, что Франція сражается только потому, что на нее напали; но, по мнѣнію оратора, война имѣетъ цѣль болѣе высокую. Воевать для собственной защиты, — такая политика невозможна для Тюильри. Правительство должно умѣть лучше держать знамя Франціи. По убѣжденію оратора, французское правительство хотѣло войны и готовило ее. Отвѣтственность за войну должна лежать на правительствѣ.

«Достопочтенный членъ проситъ возвратиться мыслямъ годъ назадъ. Ничто не показывало тогда, что миръ будетъ нарушенъ. Тюильрійскій кабинетъ выразилъ свою заботливость объ Италіи среди этого совершеннаго спокойствія; онъ высказалъ тогда мысль, что надобно произвести реформу въ нѣкоторыхъ итальянскихъ государствахъ, и возставалъ противъ возрастающаго существованія Австріи. Положеніе, принятое французскимъ правительствомъ, его слова, допускаемыя имъ статьи и брошюры, все это встревожило Австрію за владычество въ Италіи, все это показывало, что трактаты 1815 г. колеблятся въ своемъ основаніи.

«По мнѣнію оратора, такой образъ дѣйствій необходимо долженъ былъ имѣть двойное послѣдствіе: глубоко взволновать Италію и встревожить вѣнскій кабинетъ, т. е. заставить его усилить стѣснительныя мѣры, которыми онъ обременялъ Италію. 40 лѣтъ Австрія господствуетъ въ Италіи насиліемъ, терроризмомъ, инквизиціею, полиціею, ссылками, конфискаціями, многочисленными крѣпостями, которыя она считаетъ неприступными и которыми ограждаетъ она свою непопулярность. Она думала, что, увеличивъ силу средствъ разрушенія и порабощенія въ этой благородной и несчастной странѣ, она восторжествуетъ надъ всѣмъ. Она подавила все, кромѣ сердецъ: сердца ускользнули отъ тиранства, и непримиримостью своей вражды протестуютъ противъ нарушенія вѣчныхъ законовъ, на которыхъ основываютъ они свой протестъ. Но, прибавляетъ ораторъ, насиліе бываетъ только фактомъ временнымъ и никогда не можетъ основать прочнаго правительства.

«Притомъ же явилось для Франціи затрудненіе, о которомъ не думали уполномоченные Вѣнскаго конгресса, затрудненіе въ тысячу разъ опасѣйшее всѣхъ тайныхъ обществъ, поражающихъ во мракѣ. Австрія подвергается явной опасности отъ развитія свободы передъ лицомъ деспотизма. Потому Австрія почувствовала необходимость вести противъ Піемонта глухую вражду. Но Піемонтъ имѣетъ за себя святость и спра-

ведливость своего дѣла и нравственную поддержку во всѣхъ благородныхъ людяхъ. Его молодой король составляетъ гордость своего народа и хочетъ отмстить за смерть своего благороднаго, славнаго и несчастнаго отца. Помощникомъ піемонтскаго короля находится государственный человѣкъ, возведенный мыслью, что онъ долженъ освободить Италію, что это должно быть дѣломъ его жизни, — государственный человѣкъ, написавшій на знамени Піемонта девизъ: «независимость Италіи», т. е. изгнаніе австрійцевъ.

«Ораторъ спрашиваетъ, правда ли, что тѣ волненія, которыя въ настоящую минуту обнаруживаются въ Италіи, движеніе, которое разливается въ ней и которое уже низвергло шаткіи тосканскій престолъ, — правда ли, что эти волненія одобряются Тюльрійскимъ кабинетомъ? Французское правительство услышало жалобы итальянцевъ и сдѣлалось ихъ охотомъ; оно недавно укрѣпило договоромъ и брачнымъ союзомъ старинныя связи между Франціею и савойскимъ домомъ. Правительство въ своей политикѣ было вѣрно преданіямъ Франціи и ораторъ убѣжденъ, что Франція будетъ могущественна только тогда, когда Италія будетъ свободна и обновлена. Разбивать цѣпи рабства, изгонять влстителей, умѣющихъ господствовать только насиліемъ, таково, по мнѣнію достопочтеннаго члена, призваніе Франціи.

«Ораторъ знаетъ, что была рѣчь о конгрессѣ, на которомъ дипломаты думали мирно разрѣшить эти вопросы; дипломаты способны на все, но эта надежда ихъ всегда казалась оратору химерою. Конгрессъ невозможенъ, если на немъ нѣтъ Піемонта; а если является на немъ Піемонтъ, удаляется съ него Австрія. Но, удаляясь, она губить себя, потому что удаляется отъ цивилизаціи и человѣчества.

«И такъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только войною, потому ораторъ считаетъ необходимою, чтобы въ точности была известна политика и цѣль Франціи. Причиною войны служитъ угнетеніе Италіи, оно вредно для Франціи. Чтобы устранить этотъ вредъ, рѣшена теперь война и эта война не должна имѣть никакой другой цѣли, какъ независимость Италіи. Это говоритъ Піемонтъ въ своей прокламаціи, и намъ союзникъ не можетъ быть обмануть.

«Потому оратору кажется, что невозможно имѣть сомнѣній относительно цѣли войны. Но онъ не можетъ удержаться отъ воспоминаній, относящихся къ 1849 году, къ эпохѣ римской экспедиціи. Въ 1849 году онъ имѣлъ нѣкоторое опасеніе за результатъ экспедиціи. Члены тогдашняго правительства отвѣчали ему, ручаясь своимъ словомъ, что не будетъ сдѣлано никакихъ покушеній противъ свободы; а между тѣмъ известно, что произошло. По мнѣнію оратора, результатомъ римской экспедиціи было возстановленіе правительства, которое ненавистно жителямъ Церковной Области и которое всѣ кабинеты признають дурнымъ.

«Чтобы устранить всякую неизвѣстность, ораторъ проситъ г. президента государственнаго совѣта сказать ему, ошибается ли онъ въ истолкованіи истинной причины и цѣли войны. По мнѣнію оратора, Франція обя-

жизля мечъ за независимость Италіи и не должна впадать его въ жожны, пока остается хотя одинъ австріецъ на итальянской землѣ. Если правительство находитъ, что мысль оратора слишкомъ обширна, онъ проситъ отвѣчать ему на вопросъ: обнаружившееся волненіе уже низвергло престолы австрійскихъ вассаловъ; намѣрено-ли правительство возстановлять ихъ? Если правительство кардиналовъ будетъ низвергнуто, то будутъ ли проливать кровь римлянъ для возстановленія этого правительства?

«По мнѣнію оратора, это невозможно. Ему не кажется даже, чтобы правительству нужно было давать объясненія объ этомъ. Довольно будетъ и того, если правительство промолчитъ. Дилемма теперь такова: или надобно измѣнить Италіи и Піемонту, или надобно освободить Италію, т. е. изгнать изъ нея австрійцевъ. Ораторъ хочетъ думать, что если правительство не отвергнетъ прямо политику втораго рода, то оно принимаетъ ее. Ограничивать роль Франціи войною чисто оборонительною, это значило бы косвеннымъ образомъ дѣлать Францію союзницею Австріи, упрочивать австрійское господство и отдавать Италію на жертву всѣмъ бѣдствіямъ реакціи.

«Ораторъ убѣжденъ, что никто не можетъ желать такого результата; потому онъ убѣжденъ, что французы теперь идутъ на освобожденіе Италіи и что независимость ея составляетъ цѣль войны. Достоинственный членъ прибавляетъ, что во внутренней политикѣ не можетъ быть никакого примиренія между нимъ и правительствомъ, пока Франція остается угнетена нынѣшнею системою.

«Г. Барошъ, президентъ государственнаго совѣта, говорить, что такое выраженіе не должно быть терпимо. Франція не угнетена нынѣшнею системою; напротивъ, Франція поднята нынѣшнею системою.

«Г. Президентъ замѣчаетъ, что г. Жюль Фавръ, прозвонясь употребленное имъ выраженіе, забылъ, что нынѣшнее правительство было избрано нѣсколько разъ поразительнымъ согласіемъ неизмѣримаго большинства націи.

«Г. Жюль Фавръ говорить, что единственнымъ его намѣреніемъ было честно выразить его мысль о войнѣ. Если Франція и правительство думаютъ о войнѣ также, какъ онъ, то какъ бы велико ни было то несогласіе съ правительствомъ во внутренней политикѣ, онъ будетъ нергически поддерживать правительство противъ внѣшнихъ враговъ.»

Даже по этому искаженному извлеченію видно, что Жюль-Фавръ оворилъ съ самой ѣдкой ироніей. Даже Мониторъ не сумѣлъ крыть фразы о неестественности порядка, при которомъ Франція могла быть ввергнута въ войну безъ согласія своихъ представителей. Требовать отъ правительства объясненій послѣ того, какъ оно юмнмъ молчаніемъ подтвердило слова Оливье, — требовать послѣ того новыхъ объясненій и все-таки доказывать, что война, вѣроятно, будетъ ведена для освобожденія Италіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ на-

поминать о римской экспедиции, — это значило горько смѣяться. Наконецъ, рѣзкое выраженіе объ угнетеніи Франціи при нынѣшней системѣ свидѣлствуетъ о такой смѣлости рѣчи, какую рѣдко позволяли себѣ ораторы и въ Палатѣ Депутатовъ при Луи-Филиппѣ. Какъ ни скрашиваетъ Мониторъ слова, сказанныя Жюлемъ Фавромъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Бароша, все-таки видно, что Барошъ и президентъ не могли заставить его взять назадъ свое выраженіе; и даже по изложенію Монитѣра видно, что заключеніе рѣчи о согласіи республиканцевъ съ выѣшнюю политикою правительства имѣло смыслъ сарказма.

Заключимъ обзоръ фактовъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ войною во Франціи, письмомъ парижскаго корреспондента Times'a о дѣйствіи, произведенномъ въ Парижѣ прокламаціею императора французовъ.

«Прокламація императора французовъ, явившаяся вчера въ «Мониторѣ», кажется публикѣ слабымъ, но старательнымъ подражаніемъ прокламаціи первой имперіи. Она представляется такою близкою копіею всѣхъ этихъ манифестовъ, сначала производившихъ трескъ, а потомъ потерявшихъ всякую эффектность; что есть люди, указывающіе на нее какъ на свидѣтельство того, что въ прежнія времена было больше умственной свѣжести и оригинальности. Дѣйствительно, нынѣшняя прокламація вовсе не лестнымъ для себя образомъ напоминаетъ о бюллетеняхъ и прокламаціяхъ генерала Бонапарте къ его полу-голодной и полу-нагой арміи, устремлявшейся съ альпійскихъ снѣговъ на плодородныя ломбардскія долины; напоминаетъ его «приказы» послѣ Лоди, Арколе или Кампо-Форміо, его адреса къ французскому народу при выступленіи въ каждый новый походъ. Одинъ депутатъ изъ Бургоніи замѣтилъ, что нынѣшняя прокламація точно также относится къ тирадамъ Наполеона I, какъ стаканъ дешеваго вина, разбавленнаго водою, къ рюмкѣ настоящаго шамбертенскаго. Но пошадятся люди, которые находятъ, или по крайней мѣрѣ говорятъ, что она очень краснорѣчива. Объ этомъ можете судить, какъ хотите, но она не прошла безъ замѣчаній со стороны людей, читающихъ ее на улицахъ. Они замѣчаютъ съ изумленіемъ (хотя трудно сказать, на какомъ основаніи они изумляются), что она не упоминаетъ ни о сенатѣ, ни о Законодательномъ Корпусѣ, ни о государственномъ совѣтѣ, — ни объ одномъ изъ такъ называемыхъ *grands corps de l'Etat*, «великихъ государственныхъ учреждений», какъ будто бы они и не существовали въ правительственномъ механизмѣ, не имѣли въ немъ ни нравственнаго, ни матеріальнаго, ни финансоваго значенія. Упомянувъ объ императрицѣ и наслѣдномъ принцѣ, прокламація вѣрнѣе этихъ августѣйшихъ особъ принцу Героиму, «брату перваго императора», «храбрости войскъ, остающихся во Франціи», національной гвардіи и вообще народу, но ни слова не говоритъ «Мониторъ» ни о сенатѣ, ни о депутатахъ.

«Министры также «блистают своимъ отсутствіемъ» въ этомъ торжественномъ адресѣ къ французскому народу. Но это менѣе удивительно, если справедливъ слухъ, что кабинетъ распался, что его члены увольняются въ отставку или посылаются въ армию съ напутствіемъ: «идите туда, гдѣ ждетъ васъ слава». Дѣйствительно, говорятъ, что г. Валуевскій и г. Фульдъ желали сопровождать императора,—достовѣрно ли это, не умѣю сказать. Государственный министр и министр иностранныхъ дѣлъ болѣе всѣхъ членовъ кабинета надѣялись и желали сохраненія мира. Но, съ ироническою хитростью, именно г. Фульдъ и г. Валуевскій были избраны для произнесенія воинственныхъ воззваній къ сенату и депутатамъ. Это напоминало о «бѣсѣ проповѣдникъ» испанской комедіи, въ которой бѣсъ Любеля принуждаетъ за наказаніе надѣть костюмъ францискавскаго монаха и проповѣдывать въ луженихъ церквахъ въ защиту ордена, который онъ особенно ненавидѣлъ и которому особенно вредилъ. Старательность Любеля, желающаго поскорѣе кончить обязанность, ненавистную ему, отчаянныя усилія его выдать свое уничиженіе за усердіе, принужденная горячность его проповѣди,—все это было повторено на нашихъ глазахъ. Потому вовсе не удивительно, что прокламація не упоминаетъ о вышедшихъ министрахъ, и холодность, съ какою были приняты депутатами важныя сообщенія послѣднихъ дней, можетъ служить объясненіемъ оффиціальному молчанію о депутатахъ. Сенатъ, говорятъ, оказался удовлетворительнѣе въ этомъ отношеніи. Сенатъ и въ первой французской имперіи былъ угодливѣе Законодательнаго Корпуса. Но не должно забывать, что въ часъ несчастія Наполеонъ I именно на сенатъ наливала свои горячайшіе сарказмы. Къ сенаторамъ онъ обращался съ упрекомъ за то, что они никогда не имѣли мужества сказать ему истину, безъ сопротивленія и возраженія принимали каждое его распоряженіе, каждое его желаніе. Слова о «неисправимыхъ людяхъ старыхъ партій, постоянно соединявшихся съ врагами отечества», обращены на легитимистовъ и орлеанистовъ и составляютъ, надобно думать, лучшее средство пріобрѣсть ихъ сочувствіе.

«О томъ, выходить ли, остаются ли министры, публика, повидимому, мало заботится,—перемены интересны только для нихъ самихъ и для желающихъ занять мѣста отставленныхъ. Изъ упоминанія о принцѣ Іеронимѣ должно бы, кажется, слѣдовать, что по крайней мѣрѣ двое или трое изъ нихъ должны быть отставлены. Друзья принца Іеронима говорятъ, что онъ мало вѣритъ въ ихъ преданность царствующей династіи.»

Прокламацію императора французовъ мы не приводимъ здѣсь, потому что она слишкомъ извѣстна читателю по газетамъ. Но кому угодно вообще ближе познакомиться съ характеромъ и степенью правдивости военно-дипломатическаго краснорѣчія, тотъ можетъ прочесть двѣ слѣдующія прокламаціи австрійскаго главнокоманду-

ющаго. Вотъ что говоритъ Гиулай жителямъ Ломбардо-Венеціанскихъ провинцій, выступая въ походъ противъ Сардиніи:

«Оскорбленія, наносимыя изъ піэмонтскихъ владѣній императорской фамиліи безумной партіей, противной порядку и закону, и упорство, съ которымъ она отвергаетъ всякія слова миролюбія и примиренія, истощили долготерпѣніе нашего Августѣйшаго Императора и Государя и заставили его прибѣгнуть къ силѣ оружія на побѣдоносную защиту закона и справедливости.

«Волею нашего Государя, я назначенъ главнокомандующимъ арміей и гражданское управление Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ соединено въ моихъ рукахъ съ военной властью на время войны съ той минуты, какъ наши царственные орлы и наши славныя знамена переходятъ за ломбардскія границы.

«Энтузіазмъ, съ которымъ ваши молодые люди стали въ ряды императорской арміи, добровольное усердіе, съ которымъ вы удовлетворили нуждамъ нашей храброй арміи, чувство долга, одушевляющее васъ,— все это служить для меня ручательствомъ за сохраненіе тишины и общественного порядка, не взирая на всѣ ухищренія революціонной партіи.»

Конечъ прокламаціи, по выраженію Гоголя, — уже не такъ занимателенъ. Онъ говоритъ о томъ, что для огражденія ломбардцевъ, столь усердныхъ къ австрійскому императорскому дому, отъ злонамѣренныхъ людей, оставляется въ Ломбардіи достаточное число войска. Эта заботливость объ огражденіи усердныхъ ломбардцевъ отъ всякой бѣды со стороны ненавистныхъ имъ коварныхъ злоумышленниковъ носить на себѣ характеръ высокой заботливости о благѣ Ломбардо-Венеціанскаго королевства. Но скажите, высказался ли когда нибудь самъ авторъ Монте-Кристо до такой восхитительной поззіи, какою проникнуты переведенныя нами строки объ увѣренности Гиулая въ энтузіазмъ, съ которымъ ломбардскіе юноши бѣгутъ становиться подъ славными знаменами Австріи!...

Но, можетъ быть, читателю интересно точнѣе узнать короткія добродѣтели Гиулая, находящагося въ столь чувствительныхъ отношеніяхъ къ ломбардо-венеціанцамъ. Отецеская любовь его къ ломбардо-венеціанцамъ достаточно характеризуется бѣднымъ анекдотомъ. Однажды Гиулай замѣтилъ Радецкому, помощнику котораго былъ, что онъ слишкомъ неосторожно ѣздитъ по миланскимъ улицамъ, потому что какой нибудь итальянскій патріотъ можетъ выстрѣлить въ него. «Не бойтесь, сказалъ Радецкій, они въ меня не будутъ стрѣлять; вѣдь они знаютъ, что послѣ моей смерти главнокомандующимъ сдѣлаетесь вы.»

Но не съ одними ломбардцами Гиулай говоритъ совершенно на душѣ, съ полной откровенностью и правдивостью. Столь же пре-

красна и его другая прокламація, къ сардинцамъ. Вы, читатель, быть можетъ полагаете, что только французы идутъ въ Ломбардію освободителями, — вы совершенно ошибаетесь: австрійцы также идутъ въ Сардинію за тѣмъ, чтобы освободить ее. Вы не знали этого; такъ вотъ же вамъ подлинная прокламація австрійскаго главнокомандующаго.

«Піэмонтцы!

«Перехода ваши границы, мы направляемъ наше оружіе не на васъ.

«Наше оружіе грозитъ партіи безпорядка, которая слаба числомъ, но сильна своею дерзостью, и которая насиліемъ своимъ угнетаетъ васъ, востаетъ противъ всякаго миролюбиваго слова и нарушаетъ права другихъ итальянскихъ государствъ и Австрій.

«Если вы встрѣтите императорскихъ орловъ безъ ненависти и сопротивленія, они принесутъ вамъ порядокъ, тишину и увѣренность; мирный гражданинъ можетъ быть увѣренъ, что свобода, честь, законы и собственность будутъ неприкосновенны и священны.

«Мое слово служить вамъ ручательствомъ, что челоѣколюбіе императорскихъ войскъ нисколько не уступаетъ ихъ храбрости.

«Какъ выразитель великодушныхъ намѣреній моего Августѣйшаго Императора и Государя, я, вступая на вашу землю, провозглашаю и повторяю вамъ обѣщаніе: наша война не есть война противъ народовъ и національностей, но противъ дерзкой партіи, которая подъ обманчивою маскою свободы лишила бы всѣхъ насъ свободы, если бы Богъ нашего оружія не былъ бы и Богомъ правосудія.

«Когда наши противники будутъ побѣждены, когда порядокъ и миръ будутъ восстановлены, вы, называющіе насъ нынѣ врагами, вы тогда назовете насъ вашими освободителями и друзьями.»

Наполеонъ III называетъ себя освободителемъ, и Гіулай называетъ себя также освободителемъ, — какъ разобратъ, кто изъ нихъ лучший другъ свободы? Но этотъ вопросъ намъ нѣтъ никакой надобности рѣшать. Мы только излагаемъ факты, да и то, какъ видитъ читатель, почти только чужими словами.

Не знаемъ, многіе ли сардинцы повѣрили Гіулаю, но французскимъ прокламаціямъ вѣрить множество итальянцевъ. Ближе всего должны быть знакомы съ обѣщаемою свободою римляне, которые уже 10 лѣтъ пользуются правительствомъ, находящимися подъ защитою французскаго войска, и теперь снова ограждаемого отъ всякой опасности прокламаціями и многими изустными и письменными увѣреніями французскаго правительства. Но римляне вздумали было воображать, что они итальянцы, и что такъ какъ французы пришли освободить всю Италію до самого Адриатическаго моря, то следовательно освобожденіе относится и къ нимъ. Начало своему освобожденію принимали полагать они очень идиллическое, именно,

ограничились на первый раз тѣмъ, что два раза собрались подъ окнами генерала Гойона, командующаго французскимъ войскомъ въ Римѣ, и герцога Граммона, французскаго посланника въ Римѣ, и кричали: «да здравствуетъ императоръ!» — «да здравствуетъ Франція!» — «да здравствуетъ Италия!» Намѣренія у нихъ, какъ видно, не были слишкомъ человекоубійственны или анархичны, но все-таки поступки ихъ нарушали порядокъ, и потому генералъ Гойонъ, вышедши на балконъ, сказалъ народу, махавшему шляпами и платками въ честь ему и Франціи: «Прекрасно, прекрасно, но довольно, довольно!» Послѣ этихъ словъ, столь же ясныхъ, сколь краткихъ, генералъ ушелъ съ балкона, а кардиналъ Антонелли, то же защитникъ свободы, прислалъ полицію, которая арестовала нѣсколькихъ человекъ; а на другое утро, въ предупрежденіе дальнѣйшихъ нарушеній порядка и свободы, явилась прокламація Гойона, которая менѣе чувствительна и возвышенна, чѣмъ всѣ прокламаціи, занимавшія насъ до сихъ поръ, но въ которой за то, съ похвальной ясностью, изображены истинныя качества итальянской свободы съ точки зрѣнія Гойона.

«Штабъ-квартира.

«Римъ. 26-го апрѣля 1859 года.

«Въ городѣ произошли мирныя, но публичныя манифестаціи. Какова бы ни была наша симпатія къ чувствамъ, ими выражаемымъ, но мы не можемъ допустить ихъ возобновленія. Всякая публичная манифестация, подъ какимъ бы знаменемъ и по какому бы побужденію ни происходила, нарушаетъ порядокъ, и слѣдствіемъ ея всегда бываютъ мѣры, печальныя для тѣхъ, кого онѣ постигаютъ.

«Законъ воспрещаетъ всякія столпленія на улицахъ и повелѣваетъ, чтобы въ случаѣ нужды они были разгоняемы силою.

«Назначенный сюда по призыванію нашего императора, чтобы помогать досточтимому Святѣйшему Отцу облегченіемъ его правительству способствовать сохраненію порядка, я обязанъ, какъ командиръ вооруженной силы, наблюдать за соблюденіемъ закона. Какъ бы ни прискорбна была эта обязанность, мы неукоснительно исполнимъ ее при всякихъ обстоятельствахъ. Но я надѣюсь, что понятливость и благоразуміе Римскаго народа облегчатъ мнѣ исполненіе моего долга. Гойонъ.»

Въ этой прокламаціи каждое слово дышетъ самою чистѣйшею правдою, тутъ нѣтъ ни тѣни притворства, генералъ Гойонъ никого не хочетъ вводить въ заблужденіе, и изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, онъ одинъ обращается къ своей публикѣ съ словами, вполне заслуживающими довѣрія. Его образъ дѣйствій мы считаемъ наилучшимъ поясненіемъ того, каковы будутъ для итальянцевъ результаты французскихъ побѣдъ въ Италіи при нынѣшней системѣ.

Если бы нынѣшняя система французскаго правительства хотѣла допускать въ Италіи «безпорядки,» въ Римѣ и въ Неаполѣ давно бы произошли перевороты, подобные тому, какой совершился въ Тосканѣ. Стоило бы французамъ сказать въ Римѣ, что они не будутъ стрѣлять по народу, если онъ выразитъ свои чувства, и Римъ давно низложилъ бы папу, и 25,000 римскаго войска пошли бы на усмиреніе сардинско-французской арміи. Стоило бы французамъ послать одинъ батальонъ войска въ Неаполь, и тамъ была бы провозглашена конституція или было бы учреждено временное правительство, и 50,000 неаполитанцевъ пошли бы помогать сардинцамъ. По всей южной границѣ Ломбардо-Венеціанскихъ владѣній явились бы итальянскія войска, возстаніе въ нѣсколько дней охватило бы эти владѣнія; австрійскіе отряды, оставшіеся тамъ, бѣжали бы въ Мантую и Верону, а вступившая въ Піэмонть армія, отрѣзанная отъ всѣхъ сообщеній, должна бы просто положить оружіе. Въ двѣ недѣли, вся кампанія была бы кончена; французамъ осталось бы только блокировать три-четыре крѣпости, и если бы Австрія не заключила мира, черезъ нѣсколько дней она не существовала бы, потому что и Вѣна, и Пештъ, и Аграмъ, и Прага ждутъ только случая, чтобы разсчитаться съ преемниками Визидишгреца за обманы и свирѣпости. Если бы императоръ французовъ хотѣлъ собственно того, чтобы освободить Италію отъ австрійцевъ, такая политика съ его стороны была бы неимѣнна. Но цѣль его совершенно не такова. Онъ хочетъ собственно того, чтобы увеличить свою военную славу, не допуская безпорядковъ въ Италіи. Потому Неаполь остается спокойнѣе, и Римъ принужденъ оставаться спокойнымъ, и только Флоренція, относительно которой французы не успѣли принять никакихъ мѣръ, не была удержана отъ переворота.

Съ самаго начала нынѣшняго года, люди умѣренной конституціонной партіи старались убѣдить австрійскаго эрцгерцога Леопольда II, царствовавшаго въ Тосканѣ, что если онъ хочетъ сохранить свой престолъ, ему необходимо сблизиться съ Піэмонтомъ и провозгласить себя защитникомъ итальянской независимости. Само собою разумѣется, что онъ отвергалъ эти совѣты; онъ говорилъ, что величайшая уступка, на какую онъ можетъ рѣшиться, будетъ сохраненіе нейтралитета между Австріею и Піэмонтомъ. Неудовольствіе въ народѣ увеличивалось, но Леопольдъ II былъ нѣсколько лучше другихъ итальянскихъ государей, державшихся австрійской стороны, потому лично ему не угрожала никакая опасность со стороны народа, роптавшаго только на его политику. Особенно опаснымъ казался народу генералъ Феррари, главнокомандующій тосканскихъ войскъ, который прежде находился въ австрійской службѣ и впропитанъ

такъ антинаціональнымъ направлѣніемъ. 24-го апрѣля, когда во Флоренціи получено было извѣстіе объ австрійскомъ ультиматумѣ, жители начали сильнѣе прежняго говорить, что стыдно было бы измѣнять національному дѣлу. Въ этотъ день (пасхальное воскресенье) хотѣли просить герцога, когда онъ пойдетъ изъ церкви во дворецъ, чтобы онъ отставилъ Феррари. Не потому стали говорить, что самъ герцогъ увидитъ эту необходимость, и первый день Пасхи прошелъ безъ демонстрацій. Въ понедѣльникъ разыгрывалась во Флоренціи лоттерея, на которую сходится множество народа изъ окрестностей; но спокойно прошелъ и этотъ день, хотя Феррари сдѣлалъ поступокъ, какъ бы нарочно въывавшій къ возстанію. Братъ одного изъ офицеровъ тосканскаго войска отправлялся волонтеромъ въ Піемонтъ; офицеръ поѣхалъ провожать брата въ Ливорно и обвинялъ его при прощаніи. Феррари велѣлъ схватить этого офицера и заковать въ цѣпи; но всѣ другіе офицеры объявили, что вооруженной силой освободятъ заключеннаго. Феррари освободилъ его и тѣмъ кончилось дѣло. Сами австрійцы признаются, что жители Тосканы держали себя съ удивительнымъ самоотверженіемъ, все еще надѣясь, что герцогъ пойметъ свои обязанности къ Италіи. 26 апрѣля срокъ австрійскаго ультиматума кончился; австрійцы готовились перейти Тичино, французы прибыли въ Геную. Флорентинцы увидѣли, что невозможно болѣе медлить. Офицеры и солдаты тосканскій арміи начали говорить, что не могутъ имѣнить отечеству и не захотятъ рѣзать народъ. На улицахъ показались трехцвѣтныя итальянскія кокарды. Повсюду слышались крики «да здравствуетъ Италія!» 27-го апрѣля всѣ улицы были наполнены народомъ, но особенно толпились онъ передъ герцогскимъ дворцомъ. Въ цитадели Св. Георгія, господствующей надъ Флоренціей, еще съ августа мѣсяца хранился запечатанный конвертъ. 27-го апрѣля, поутру, въ половинѣ девятаго, эрцгерцогъ Карлъ, сынъ Леопольда, отправился въ цитадель, созвалъ офицеровъ, распечаталъ передъ ними конвертъ и прочелъ содержащуюся въ немъ бумагу. Она заключала приказаніе бомбардировать Флоренцію, написанное генераломъ Феррари, съ подробными распоряженіями о томъ, какъ производить бомбардировку. Эрцгерцогъ Карлъ спросилъ, много-ли въ крѣпости зарядовъ и сколько орудій можетъ быть наведено на городъ. Командитъ цитадели отвѣчалъ, что онъ и его товарищи готовы защищать великаго герцога и его семейство, еслибъ членамъ династии лично угрожала опасность, но не могутъ стрѣлять по народу за то, что онъ высказываетъ чувство національности, раздѣлять которое сама армія считаетъ долгомъ чести. Герцогъ, убѣдившись, что армія не хочетъ начинать междоусобную войну и истреблять городъ, долженъ былъ

отказаться отъ проекта бомбардировки. Жители Флоренціи, собравшіеся на площади передъ дворцомъ, послали къ Леопольду депутацию, которая убѣждала его, что единственнымъ средствомъ сохранить престолъ своей династіи остается ему отреченіе въ пользу старшаго сына Фердинанда, которому народъ еще можетъ довѣрять, между тѣмъ какъ самому герцогу никто уже не вѣритъ послѣ событій 1849 года. Герцогъ отвѣчалъ, что не откажется отъ власти, и послалъ за маркизомъ Лаятико, однимъ изъ главныхъ людей умѣренной національной партіи, чтобы поручить ему составленіе министерства въ либеральномъ духѣ. Но, посоветовавшись съ своими друзьями, маркизъ отвѣчалъ, что необходимо отреченіе великаго герцога въ пользу старшаго сына. Герцогъ и тутъ не согласился, и сталъ готовиться къ отъѣзду. Все это было 28 числа, поутру; около четырехъ часовъ герцогъ уѣхалъ съ своимъ семействомъ. Толпы народа молча пропускали поѣздъ, не произнося ни одного оскорбительнаго слова. Въ половинѣ осьмага, вечеромъ, муниципальное начальство города Флоренціи обнародовало, что должно было принять на себя заботу объ учрежденіи новой администраціи, по удаленіи герцога со всѣмъ семействомъ. Временное правительство, назначенное городскими начальствомъ, объявило, что Тоскана вѣрляетъ свою судьбу королю сардинскому, вручаетъ ему диктаторскую власть на время войны и проситъ его прислать комиссара для управленія дѣлами. Сардинскій король отвѣчалъ, что принимаетъ на себя только завѣдываніе военными дѣлами для борьбы съ австрійцами. Вооруженія въ Тосканѣ производятся очень дѣятельно и она усиливаетъ 15-ти тысячнымъ корпусомъ сардинскую армію. Леопольдъ съ своимъ семействомъ безъ всякихъ затрудненій выѣхалъ за границу и теперь находится въ Вѣнѣ.

Часть герцогства Моденскаго, лежащаго между Сардиніей и Тосканой (Масса и Каррара), также послѣдовала примѣру Тосканы и присоединилась къ Піэмонту въ военномъ отношеніи. Въ остальной части Моденскаго герцогства народъ долженъ былъ оставаться спокойнымъ, потому что слишкомъ близко находятся сильныя австрійскіе отряды въ ломбардскихъ областяхъ и въ Феррарѣ. Приближеніе австрійцевъ возстановило власть герцогини Пармской, которая была принуждена дня на два удалиться изъ своихъ владѣній.

Въ Неаполѣ продолжается тревожное ожиданіе потрясеній, которыя должны послѣдовать за смертью Фердинанда II, лежащаго теперь въ медленной и мучительной агоніи.

Таково было положеніе дѣлъ въ Италіи около 13 (1) мая. Война до сихъ поръ сохраняла чисто политическій характеръ; императоръ французовъ рѣшительно не хочетъ возбуждать революціонныхъ

движеній, и гдѣ воюетъ, какъ наприимѣръ въ Римѣ, поддерживаетъ существующій порядокъ противъ недовольныхъ. Онъ не довѣряетъ ни народному энтузіазму, ни волонтерамъ, и до сихъ поръ могъ остаться вѣренъ своей мысли, выставить только солдатъ противъ австрійскихъ солдатъ. Если борьба будетъ сохранять такой характеръ, австрійцы могутъ очень долго тануть ее, владѣя Вероною, Леньяно, Мантуею и Пескьерою. Четырехугольникъ, образуемый этими крѣпостями, изъ которыхъ особенно сильны Верона и Мантуя, находится въ самомъ центрѣ ихъ итальянскихъ владѣній. Выбить ихъ изъ него будетъ дѣломъ очень труднымъ, если и предположить, что они, потерявъ нѣсколько сраженій, принуждены будутъ отступать до Минчио и Адидже въ нынѣшній походъ.

Если война продолжится болѣе одного кратковременнаго похода, — въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, — то нѣтъ ей возможности не распространиться далеко за предѣлы Италіи. Нейтральныя державы, при нынѣшней дипломатической системѣ, по необходимости будутъ съ каждымъ мѣсяцемъ ближе и ближе стягиваться въ этотъ водоворотъ, пока онъ совершенно увлечетъ ихъ. Въ Западной Европѣ важны въ военномъ отношеніи только Пруссія съ Германскимъ союзомъ, который теперь совершенно подчиняется ея руководству, и Англія.

О томъ, какую роль въ войнѣ будетъ играть Германія, едва ли надобно говорить. Она будетъ противъ Франціи. Вопросъ объ этомъ только вопросъ о времени и поводѣ открытія военныхъ дѣйствій. И Пруссія, и всѣ второстепенныя державы Германскаго союза уже приготовили свои войска къ выступленію въ походъ, — разумѣется, не противъ Австріи. Германія можетъ выставить на Рейнъ 500,000 войска, кромѣ гарнизоновъ, которые останутся въ крѣпостяхъ по западной границѣ.

Гораздо сложнѣе вопросъ о войнѣ въ Англіи, но самымъ краткимъ образомъ можно опредѣлить намѣренія Англіи двумя словами: она чрезвычайно желаетъ бы сохранить нейтралитетъ, но предчувствуетъ, что должна будетъ взяться за оружіе для собственной защиты, и въ такомъ случаѣ будетъ вести войну самымъ энергичнымъ образомъ. Эти двѣ черты вопроса очень живо и полно выражены въ рѣчахъ, которыя Брайтъ и Робекъ сказали на выборахъ своимъ избирателямъ. Брайтъ представляетъ первую черту нынѣшняго англійскаго взгляда на войну — гибельность войны, желаніе сохранить миръ, если бы это было возможно, прокладываетъ тѣхъ, кто заставитъ Англію взяться за оружіе. Робекъ говоритъ о томъ, что какъ бы то ни было, война неизбежна, и когда она начнется,

Англія отменно накажетъ тѣхъ, кто нарушилъ ея спокойствіе. Мы возмещаемъ въ приложеніи эти замѣчательныя рѣчи.

Но вотъ коротенькій отчетъ изъ Times'a объ успѣхѣ митинга, который былъ собранъ въ Гайдъ-Паркѣ однимъ изъ немногихъ про-отодушныхъ и догѣрчивыхъ людей, воображающихъ, что война начата для освобожденія Италіи. Читатель увидитъ изъ этихъ строкъ, какой успѣхъ имѣютъ подобныя мысли въ Англіи.

«Вчера вечеромъ многочисленный митингъ былъ собранъ въ Гайдъ-Паркѣ, съ цѣлю предложить адресъ къ императору Наполеону для выраженія симпатіи императору за образъ дѣйствій, принятый имъ въ итальянскихъ дѣлахъ. Этотъ митингъ былъ собранъ докторомъ Уэббомъ, который и прѣдсѣдательствовалъ. Прѣдсѣдатель, открывая совѣщаніе, сказалъ, что онъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ радикаловъ въ королевствѣ. Неложная митингу причина, по которой онъ собранъ, докторъ Уэббъ прочелъ адресъ императору, выражавшій одобреніе ему за образъ дѣйствій, принятый имъ для освобожденія итальянцевъ отъ австрійскаго тиранизма. Мистеръ Ментель (одинъ изъ главныхъ людей радикальной партіи въ Лондонѣ) сказалъ тогда рѣчь, объяснявшую, что онъ не вѣритъ императору французовъ. Потомъ мистеръ Ментель предложилъ поправку, осуждающую адресъ доктора Уэбба къ императору. Поправка была положена на голоса и принята единодушно, а предложеніе доктора Уэбба послать адресъ къ императору французовъ было отвергнуто.»

Мысль о томъ, что при желаніи сохранить миръ, Англія вынуждена будетъ воевать противъ Франціи, давно замѣчалась въ англійскихъ государственныхъ людяхъ всѣхъ партій, торі, виговъ и радикаловъ, Дерби, Пальмерстона и Робекъ, и высказывалась газетами, которые въ результатѣ всегда остаются руководящими силами; но съ особенною силою вспыхнула эта мысль при слухѣ о союзѣ между Россіею и Франціею. Никакія увѣренія англійскихъ министровъ въ томъ, что слухи о русско-французскомъ союзѣ несомнѣтельны, не помогли дѣлу. Англичане остались при мысли, что Франція задумываетъ напасть на Англію, отнять у ней владычество на моряхъ и истребить или уже истребила союзниковъ. Эта мысль имѣетъ рѣшительное вліяніе на ихъ расположеніе. Давно уже производились вооруженія, теперь они приняли гигантскій размѣръ, передъ которыми ничтожны кажутся всѣ вооруженія, сдѣланные въ крымскую войну.

Начались уже и дипломатическія столкновенія съ Франціею, предшествующія войнѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательна протестация англичанъ противъ перехода французскихъ войскъ черезъ Савойскія Альпы. По трактатамъ 1815 года австрійскія владѣнія

въ Италиі были увеличены собственно съ тою цѣлью, чтобы Австрія вмѣстѣ съ Піемонтою служила оплотомъ противъ попытокъ Франціи къ новому завоеванію Италиі. Чтобы еще больше укрѣпить оборону, было поставлено, что часть Савойи, служившая въ то время обыкновеннымъ путемъ изъ Франціи въ Италию, при всякихъ войнахъ должна оставаться нейтральною и охраненіе ея нейтралитета было поручено Швейцаріи. Когда разнеслись слухи о намѣреніи французовъ идти черезъ Савойю, Швейцарія встревожилась и потребовала объясненій у французскаго правительства. Но противъ Швейцаріи Франція дѣйствительно не имѣетъ пока никакихъ замысловъ и потому Швейцарія могла получить объясненіе, совершенно успокоившее ее. Всѣ недоразумѣнія были уже устранены, когда французскія войска пошли черезъ Савойю, и притомъ шли она не такимъ частямъ этой области, которыя Швейцарія признала входящими въ границу нейтральности; итакъ она не имѣетъ ни малѣйшей претензіи на движенія французскихъ войскъ черезъ Савойю. Послѣ этого казалось бы, что Англіи еще гораздо менѣе надобности вмѣшиваться въ это дѣло; однако же она протестовала противъ перехода французскихъ войскъ черезъ Савойю, какъ противъ нарушенія нейтральной земли. Этотъ фактъ очень важенъ: онъ показываетъ, что Англія уже приписываетъ причины къ объявленію войны при первомъ случаѣ, когда ей покажется, что пора предупредить опасность, которая, какъ убѣждены англичане, грозитъ имъ.

Императоръ французовъ замѣчаетъ, какъ сильно недовѣріе Англіи къ его намѣреніямъ, и употребляетъ всѣ усилія, чтобы восстановить доброе согласіе съ ней. Мы не будемъ перечислять всѣхъ маленькихъ и большихъ любезностей, которыя онъ оказываетъ ей съ этою цѣлью, — отъ приказанія освободить отъ карантинныхъ формальностей какого нибудь англичанина, сѣдѣющаго черезъ Францію воротиться домой съ Востока, до назначенія посланникомъ въ Лондонъ Персины, который считается въ Англіи самымъ жаркимъ приверженцемъ англо-французской дружбы. Замѣтимъ только, что въ Тюльери опять начали осыпать похвалами лорда Пальмерстона, котораго недавно такъ бранили, и говорить, что когда онъ сдѣлается министромъ, разрывъ между Англіею и Франціею будетъ невозможенъ.

Говорить такимъ образомъ, предполагать, что иностранная политика Пальмерстона отличалась бы отъ политики Дерби и Малмсбери чѣмъ нибудь, кромѣ развѣ большей твердости, значить не понимать, что торіи и виги расходятся между собою только во вопросамъ внутренней политики, а въ иностранной политикѣ держатся совершенно

неодинаковыхъ началъ. Если бы лордъ Пальмерстонъ замѣнилъ лорда Мальмсбери, иностранная политика Англіи не мало не измѣнилась бы.

Но падетъ ли торійское министерство, замѣнится ли министерствомъ Росселя и Пальмерстона? Это по прежнему зависить отъ того, какъ почтутъ нужнымъ дѣйствовать радикалы въ новомъ парламентѣ, который соберется 31 мая. Въ прошедшій разъ мы довели рассказъ о внутреннихъ событіяхъ англійской исторіи до послѣднихъ дней преній о второмъ чтеніи билля парламентской реформы. Мы говорили, какими комбинаціями и обстоятельствами было рѣшено поражение торійскаго министерства въ прошедшемъ парламентѣ и какими надеждами было обмануто министерство, поставившее вопросъ такъ круто, что не могло избѣжать распущенія парламента, потерпѣвъ поражение. Намъ остается представить рассказъ о томъ засѣданіи, которымъ была рѣшена судьба министерства и парламента. Это засѣданіе было исполнено интереса, и мы переводимъ цѣлкомъ лондонскаго корреспондента газеты Manchester Guardian, любопытное и въ томъ отношеніи, что читатель довольно подробно можетъ познакомиться изъ него съ нѣкоторыми обычаями англійскаго парламента.

«Палата ожидала замѣчательной рѣчи отъ мистера Д'Израэли, и не ошиблась. Сначала онъ говорилъ о технической сторонѣ вопроса, излагалъ свой билль и защищалъ его. Палата постепенно наполнялась. Герцогъ Кембриджскій, графъ Кардэйль и многіе другіе пары явились въ залъ, а между тѣмъ ораторъ начиналъ говорить о личныхъ вопросахъ и одушевлялся страстью. Вотъ онъ извергаетъ грезы на своихъ противниковъ сильнымъ, отдающимъ по всей залѣ голосомъ; вотъ голосъ его обращается въ звучный шепотъ, достойный министры Сиддонсъ въ роли леди Макбетъ. Когда онъ говоритъ объ услугахъ, оказанныхъ странѣ министерствомъ лорда Дерби, его голосъ дрожитъ отъ волненія. Тутъ онъ складываетъ на груди руки и говоритъ глухимъ сдержаннымъ тономъ челоуѣка, рѣшившагося подавлять свое волненіе и негодованіе, какъ Отелло передъ сенатомъ. И вдругъ, съ театральнымъ порывомъ, онъ протягиваетъ руку, указываетъ на лорда Росселя и громкимъ голосомъ съ бурными жестами, будто Цицеронъ, обвиняющій Катилину, объявляетъ, какъ челоуѣкъ и какъ министр, что образъ дѣятеліи благороднаго лорда производитъ вредное вліяніе на государственныя дѣла. Въ эти жесты и быстрые переходы отъ *forte* къ *pianissimo*, эти замеченныя модуляціи, трагическіе перегибы голоса, различныя позы были до того театральны, что не производили должнаго впечатлѣнія. Въ нихъ не было натуральности. На сценѣ былъ замѣчательный актеръ, владѣвшій всѣмъ, кромѣ верховнаго искусства скрывать искусственность. Однако же рѣчь достопочтеннаго джентльмена прерывали довольно

мало, хотя большинство слушателей не соглашалось съ многими изъ его словъ и хотя арфище такого человѣка, какъ мистеръ Д'Неразли, выдающего съ замираніями голоса о чемъ бы то ни было, напоминало зрителямъ не столько о трагедіи, сколько о балаганномъ «форсѣ». Съ юною деликатностью показавъ своимъ слушателямъ, что распушеніе парламента будетъ слѣдствіемъ противнаго министерству рѣшенія, онъ сѣлъ среди криковъ одобренія, производимыхъ энтузіазмомъ 300 джентльменовъ съ голосами, развитыми псовою охотою (*).

«Президентъ предлагаетъ вопросъ. Герцога Кембриджскій и другіе перы позорно изгоняются изъ палаты. Песочные часы переворачиваются, колокола по заданію звонять съ неистовымъ усердіемъ и депутаты устремляются въ залу. (**)

«Президентъ провозглашаетъ «молчаніе» и герольдмейстеръ палаты затворяетъ двери, и каждый членъ, находящійся въ залѣ, уже ноймать и долженъ подать голосъ, а каждый членъ, оставленный за запертою дверью, долженъ писать къ своимъ избирателямъ объ несчастномъ случаѣ, по которому онъ опоздалъ минутою къ подачѣ голосовъ. Депутаты толпятся у рѣшотки своихъ мѣстъ, какъ рой пчелъ, а въ галлереѣ зрители набиты, какъ сельди. Президентъ предлагаетъ вопросъ, столь мало понятный публикѣ, «чтобы слова, предложенныя къ выпущенію, остались въ вопросѣ» (***). Джентельмены съ высокими грудями

(*) Читатель знаетъ, что псовая охота служить любимымъ наслажденіемъ сельскихъ сквайровъ, составляющихъ главную опору торійской партіи.

(**) Въ англійскомъ парламентѣ болѣе, нежели въ какомъ нибудь другомъ, находясь членовъ, которые не охотники слушать рѣчей, и пока ораторы аргументируютъ, они прохаживаются по корридорамъ, разсуждая о разныхъ предметахъ, или сидятъ въ бібліотекѣ и другихъ комнатахъ зданія, занимаясь своими дѣлами, а въ залу собраній являюся только къ тому времени, когда нужно подавать голоса. Чтобы дать нѣкоторое время собраться, оставляется нѣсколько минутъ между предложеніемъ вопроса и подачею голосовъ. О предложеніи вопроса дается вѣсть по всему зданію звономъ колокольчиды, а прочесть вопросъ намѣрятся песочными часами. Когда этотъ срокъ кончился, затворяются двери, ведущія отъ депутатскихъ мѣстъ въ корридоры.

(***) Техника, по которой предлагаются въ англійскомъ парламентѣ вопросы, довольно многосложна, такъ что во многихъ случаяхъ большинство англійской публики не поняло бы, въ чемъ дѣло и почему оно ведется такимъ порядкомъ, если бы газеты не переводили эту технику на вразумительный языкъ. Теперь дѣлошло слѣдующимъ порядкомъ: пренія начинались по предложенію Д'Неразли прочесть во второй разъ билль; но парламентской «форсѣ» это выражается слѣдующими словами: канцлеръ назначаетъ предполагать, «чтобы билль былъ прочитанъ во второй разъ въ палатѣ». Это составляетъ основной вопросъ преній и по нему направляется ходъ подачи голосовъ. Дордъ Росседъ предлагаетъ вмѣсто этого свое рѣшеніе, смыслъ котораго, глго, что билль министерства не удовлетворителенъ. На техническомъ языкѣ это выражается такъ: «депутатъ лондонской Сити предлагаетъ палатѣ выпустить въ предложеніи всѣ слова, стоящія послѣ чтобы, и замѣнить ихъ слѣдующими словами....» Итакъ, прежде всего палата должна рѣшить, выпустить ли изъ основнаго вопроса всѣ слова послѣ

и пово-охотничьиими голосами воззываются обыкновенною формою: «Вы, говорящие «да»,—говорите «да!» Они не просто говорят «да», они режут его, рычат его. Президент говорит: «Вы, говорящие «нѣтъ»,—говорите «нѣтъ!» Если бы 330 подполковниковъ съ голосами Стентора скомандовали или! взрывъ крика не могъ бы быть сильнѣе. Самый тонкій слухъ затруднился бы рѣшить, въ которомъ отвѣтъ крикъ былъ громче, Президентъ, быть можетъ подозрѣвая на чьей сторонѣ большинство, сказалъ: «Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «нѣтъ». Въ отвѣтъ раздалась обычная фраза съ громовымъ крикомъ: «большинство на сторонѣ «да». Тогда президентъ сказалъ: «да» идутъ направо, «нѣтъ» идутъ налѣво. Считать «да» будутъ мистеры.... конецъ фразы былъ заглушенъ шумомъ и хаосомъ (*).

Собрание раздѣлилось на два медленные потока, устремившіеся въ противоположныя стороны. Медленно шли слабые, больные, дряхлые члены, принесенные съ постелей въ палату по холодному ночному туману, смѣнившему бурю съ снѣгомъ, бывшую въ тотъ вечеръ. Тихо шли они, разсуждая о рѣши Диванъ (**), о заслоняющемъ собою всѣ другія заботы распущеніи парламента и о большинствѣ въ пользу лорда Джона. Медленно проходили каждый передъ секретаремъ и счетчиками, потому что спереди и сзади задерживала его толпа; сосредоточенна и важна была внимательность господъ счетчиковъ при исполненіи ихъ обязанности въ такомъ важномъ случаѣ. Воротаясь въ палату, «да» обрадовали почти непроходимую толпу у рѣшотки, а «нѣтъ»

сказали: Если она рѣшится, что ихъ должно выпустить, тогда она должна будетъ рѣшиться, поставивъ ли на нѣто слово, предложенныя Д'Израэли и уже отброшенныхъ, слова, предложенныя Росселю. Ясно, что въ настоящемъ случаѣ эта вторая подача голосовъ будетъ имѣть только формальное значеніе, потому что желать выпущенія словъ Д'Израэли могли только тѣ, которые хотѣли замѣнить ихъ словами Росселя. Итакъ существенную важность имѣла въ настоящемъ случаѣ только первая подача голосовъ о рѣшеніи, «чтобы слова, предложенныя къ выпущенію, остались въ вопросѣ», т. е. о томъ, удерживаются-ли основное предложеніе Д'Израэли, «прочтеть билль во второй разъ», или отвергается.

(*) Первый способъ подачи голосовъ въ англійскомъ парламентѣ состоитъ въ томъ, что президентъ проситъ согласныхъ съ предложеніемъ сказать «да», потомъ несогласныхъ сказать «нѣтъ»; судя по силѣ звука, онъ говоритъ петомъ, на которой сторонѣ большинство голосовъ. Если сторона, которую онъ объявляетъ меньшинствомъ, сомнѣвается въ вѣрности его догадки, или просто хочетъ, чтобы извѣстнымъ были въ точности силы ея и силы ея противниковъ, она протестуетъ, и тогда президентъ назначаетъ подачу голосовъ «раздѣленіемъ» (*division*). Тогда депутаты, принимающіе предложеніе, выходятъ изъ залы засѣданій въ боковую залу на одну сторону, депутаты, отвергающіе предложеніе — въ боковую залу на противоположной сторонѣ. На той и другой сторонѣ бываетъ по два счетчика (*tellers*); они записываютъ имена, пересчитываютъ ихъ и подаютъ списки президенту.

(**) Фамиліарное прозвище, вѣсто Д'Израэли; Пальмерстона фамиліарно зовутъ Памъ; лорда Джона Росселя — Джонни.

столпились около кресла президента. Каждый съ бодрѣвающимъ нетерпѣніемъ ждетъ результата. Наконецъ два джентльмена проходятъ черезъ толпу, стоящую у рѣшотки; одинъ изъ нихъ, сэръ Уильямъ Джолифъ, счетчикъ «да», подходитъ къ президенту, шепчетъ ему число «да» и потомъ возвращается къ своему предводителю. Лордъ Дизей безстрастно; но сэръ Уильямъ не достигалъ совершенства въ этой школѣ. «Мысли его можно прочесть на лицѣ его», по словамъ поэта. Лицо его печально, и мы видимъ, что онъ считаетъ своихъ побѣжденных. Онъ знаетъ число только своей залы, но по безпримѣрному многолюдству присутствовавшихъ депутатовъ, онъ полагаетъ, что въ засѣданіи было больше 600 членовъ, а онъ не насчиталъ въ своей залѣ и половины этого числа. Бѣдный сэръ Уильямъ, онъ убитъ духомъ и не можетъ скрыть этого! Вотъ по неопыту пробиваются черезъ толпу своихъ счетчики противной стороны и шепчутъ секретарю. Секретарь ищетъ и передаетъ бумагу собирателю депутатовъ оппозиціи (*). Правительство побито. Поднимается страшный гулъ въ палатѣ. Тсъ, тифе... объявляются цифры. «Да», на правой сторонѣ—291, «нѣтъ», на лѣвой сторонѣ—330. Раздаются аплодисменты такіе, какъ будто бы 330 подполковниковъ пожалованы кавалерами Бани и получили крыжскую медаль изъ рукъ ея величества.

Тишина отчасти восстановлена и президентъ предлагаетъ подачу голосовъ о рѣшеніи лорда Росселя. Поднимается мистеръ Уильямъ, продавецъ ландкартъ, ищущій магазинъ на Черингъ-Кроссѣ, — у него есть поправка въ пользу баллотировки. Начинается сцена крика и сентенія, одна изъ тѣхъ сценъ, которыя едва ли можно видѣть гдѣ нибудь, провъ Палаты Общинъ, — сцена, которая возбуждала бы въ насъ насмѣшку, или даже презрѣніе, еслибы мы прочли, что она происходила въ конгрессѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Среди страшнаго вопля можно разслышать крики: «прочь, прочь! на голоса, на голоса!» Нѣсколько минутъ палата хохотала, когда мистеръ Генри Беркли, очевидно, по совѣту лорда Джона Росселя, встаетъ требовать себѣ нѣкоторой опеки надъ вопросомъ о баллотировкѣ въ палатѣ и представлять, что мистеръ Уильямъ повредитъ этому вопросу, требуя подачу голосовъ о немъ несвоевременнымъ образомъ, въ такую минуту, когда палата нетерпѣливо хочетъ подавать голоса о предложеніи лорда Росселя и пожать плоды побѣды. Но шумъ и смятеніе увеличиваются; достопочтенный депутатъ Бристоли (Веркли), ощущая, что его убѣжде-

(*) *Whipper-in*. И министерская партія, и оппозиція ищутъ по одному такому члену, специальная обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы искренно заботиться собирать какъ можно болѣе депутатовъ своей стороны къ тѣмъ засѣданіямъ, когда рѣшаются важныя дѣла. Онъ рассылаетъ циркуляры съ просьбами непременно явиться въ палату такого-то числа, влаетъ ихъ въ уши, ободряетъ больныхъ и тому подобное. Какая энергія нужна для его заботъ, обозначается его именемъ *Whipper-in*, которое буквально надобно было бы перевести «человѣкъ, загоняющій плетью».

ни не могут быть въ одно время слышны стенографамъ и достопо-
чтенному депутату города Бедмина (Уильду), сидящему позади его,
обращается задомъ къ президенту, лицомъ къ нему и ораторствуетъ
передъ достопочтеннымъ джентльменомъ съ замѣчательною энергіею
жестикуляціи, при хохотѣ палаты, которая не можетъ разслышать ни
слова. Мистеръ Мильнеръ Джибсонъ является помощникомъ мистеру
Беркли (*).

«Бѣдный мистеръ Уильдъ представлялъ въ эту минуту комическую
картинку: онъ сидѣлъ угрюмый, озлобленный, упорный, но не совсѣмъ
довольный собой. Мистеръ Брайтъ, сидѣвшій прямо впереди него,
обернулся назадъ и, кажется, испытывалъ надъ нимъ силу интимныхъ
убѣждений. Лордъ Кингъ и другіе крайніе либералы подошли къ мисте-
ру Уильду и тоже утѣшали его вѣта назадъ свое предложеніе; но
онъ сидѣлъ неподвижно, и страшно было шумъ и гвалтъ. Мильнеръ
Джибсонъ объявлялъ, что уйдеть изъ залы, не подавъ голоса, если до-
стопочтенный членъ не отступится отъ требованія подачи голосовъ о
баллотировкѣ.

«Тогда вскалъ мистеръ Кле и, засунувъ палецъ за верхнюю пугови-
цу жилета, въ величественной позѣ ожидалъ, пока пронесется крикъ
неудовольства, протѣставшій его появленіе, какъ пронесется по на-
вѣ дыханіе вѣтра. Онъ сказалъ: «Серь (крики неудовольствія, на
время которыхъ умоляется достопочтенный джентльменъ), я думаю
(новые крики неудовольствія и новая шумъ); я думаю (новые крики,
идущіе *crasendo*).» Мѣлъ возможность продолжить. Достопочтенный
джентльменъ, помня свою ораторскую позытуру, скороговоркою пред-
лагаетъ отсрочить время. Встаетъ серъ Джонъ Шелли и подполковни-
комъ съ голосомъ Свентора объявляется слишкомъ 500. Такихъ гро-
мкихъ криковъ «не нужно» рѣдко удается слышать.

«Буря достигла страшной силы. Можетъ ли лордъ Джонъ укротить
ее? Онъ дѣлаетъ попытку, встаетъ и усиливается сказать что-то па-
латѣ. Глухой могъ бы быть тутъ наилучшимъ стенографомъ. Всѣ ви-
дѣть, что губы благороднаго лорда движутся, что онъ жестикулируетъ,

(*) Уильдъ, очевидно, одинъ изъ людей, одержимыхъ ревностью не по разуму;
нѣтъ усердія къ баллотировкѣ, онъ своею поправкою едва не погубилъ самого
предложенія лорда Росселя и едва не спасъ министерства. Въ прошлой палатѣ,
большинство было противъ баллотировки, и заставило подавать голоса о ней,
значиле, заставить многихъ либераловъ подать голоса изѣстъ съ министерскою
партіею. Беркли президентъ общества, требующаго введенія баллотировки при
выборахъ, и въ парламентѣ имѣетъ роль представителя своей партіи (незави-
симость, вѣкъ и радикализмъ) по этому вопросу. Мильнеръ Джибсонъ, какъ
каждѣмъ читателю, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ реформеровъ, потому и
онъ старается спасти свою партію отъ неоправданной выходки Уильда. Голоса, тре-
бованія подачи голосовъ о предложеніи Уильда, конечно, принадлежали то-
рѣдскимъ депутатамъ, — они надѣялись, что пораженіе баллотировки заставитъ
многихъ либераловъ унасъ духомъ и вообще разстрѣять ряды ихъ проти-

но этой пантомимой ограничивается все доступное чувствам зрителей. Когда увидели, что нельзя отворотить подачи голосовъ, мистеръ Брайтъ, мистеръ Беркли и другіе друзья баллотировки встали и идутъ изъ залы, но и тутъ несчастная судьба преслѣдуетъ ихъ: несочные часы бѣгутъ и послѣдняя песчинка упала, а далеко еще не вся толпа ретирующихся депутатовъ успѣла скрыться изъ залы. Депутаты нетерпѣливо кричатъ: «время кончилось» и президентъ былъ принужденъ дать знакъ къ закрытію дверей. Со времени битвы подъ Ватерлоо, когда покойный сэръ Джеймсъ Макдоннальдъ, съ другими храбрыми воинами желѣзной силы, руками вытолкнули за верота Гугуновскаго заика Французовъ и заперли за ними верота, не бывало примѣровъ такого сильнаго мужества, также было выказано герольдмейстеромъ по командѣ президента: «затворите и закройте двери!» Толпа депутатовъ стремилась въ залу, толпа депутатовъ стремилась изъ залы, когда герольдмейстеръ, схватившись за дверь, разрывалъ пополамъ этотъ сонетъ, и осталась въ залѣ половина хотѣвшихъ выйти и не могла въ залу половина хотѣвшихъ войти (*).

Подаются голоса о предложеніи мистера Уиллада «Вы, гессеріиціе «да» — говорите «да!» Слабъ отвѣтъ. «Вы, гессеріиціе «нѣтъ» — говорите «нѣтъ!» Не наполнилась ли палата волами немощными — иначе какъ бы могъ подняться такой ревъ? Разумѣется, предложеніе мистера Уиллада отвергнуто; отворяются двери, и толпа врывается снова въ залу. Опять немстоно звонять колокола и члены сѣднать, толпа другъ друга, чтобы не остаться запертыми въ корридорахъ при подачѣ голосовъ о рѣшеніи лорда Росселя. Президентъ говоритъ: «мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да.» 50 недовольныхъ торъ возражаютъ: «большинство на сторонѣ «нѣтъ» (**). Президентъ отражаетъ атаку. «Мнѣ ка-

(*) Превращенны баллотировки, знад, что не будутъ имѣть болѣшинства, поспѣшили изъ залы затѣмъ, чтобы имѣть право сказать: мы не участвовали въ подачѣ голосовъ, потому что она была несвоевременна; и чтобы можно было имъ возобновить вопросъ въ другой разъ, когда они успѣютъ расположить въ пользу баллотировки колеблющихся депутатовъ. Такъ дѣйствительно и сдѣлалъ Беркли. Въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій онъ выбралъ такую благоприятную минуту, что баллотировка была отвергнута только большинствомъ трехъ голосовъ. Такое слабое меньшинство противъ баллотировки Беркли справедливо называлъ великимъ успѣхомъ своего дѣла.

(**) Прежде предлагался вопросъ, остаются-ли въ предложеніи Д'Нэрвэли слова, противъ которыхъ предложена поправка Росселя; торъ должны были отвѣчать «да», т. е. оставить слова Д'Нэрвэли. Большинство рѣшило, что имъ должно выпустить. Теперь спрашивается, внести-ли въ рѣшеніе слова, предложенныя Росселемъ, и торъ должны отвѣчать «нѣтъ». Но сущность дѣла, какъ мы говорили, уже рѣшена первою подачею голосовъ; очевидно, большинство будетъ на сторонѣ Росселя и въ этомъ вопросѣ, потому выгода торъ требуетъ уже не доводить дѣла до подачи голосовъ раздѣленіемъ: еслибы сосчитать голоса, то оказалось бы, что большинство усилилось послѣ первой победы присоединеніемъ колебавшихся членовъ прежняго меньшинства. И въ англійскомъ

жится, большинство на сторонѣ «да». Дѣло становится серьезнымъ, министры оборачиваются и бросаютъ умоляющіе взгляды на своихъ приверженцевъ. На этотъ разъ только 25 голосовъ восклицаютъ: «большинство на сторонѣ «нѣтъ!» — «Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да», говоритъ президентъ въ третій разъ. Молчаніе такое, что слышенъ былъ бы полетъ мухи. Президентъ говоритъ: «Большинство на сторонѣ «да». Поправка лорда Росселя, о которой шли такіе долгіе, упорные споры, торжественно принята палатою, и каждый посматриваетъ на канцлера казначейства. Среди многозначительнаго молчанія онъ предлагаетъ отсрочить засѣданіе до понедѣльника, и тѣ депутаты, которые не раздѣлены каретками, въ бесчисленномъ множествѣ движущимися у подножія, поили дождь, глубоко размышляли и весело болтали о занимательныхъ эпизодахъ засѣданія.»

Мы говорили, что торійское министерство, потерпѣвъ пораженіе, рѣшилось распустить парламентъ, надѣясь, что общественное мнѣніе не захочетъ видѣть министерскій кризисъ наканунѣ войны и что къ новой парламентѣ торіи получатъ большинство. Кромѣ нерасположенія отлагать мнѣніе министровъ во время войны или приготовленій къ войнѣ, торіи надѣялись на благопріятный исходъ выборовъ потому, что ожидали помощи себѣ отъ всѣхъ тѣхъ маленькихъ мѣстечекъ, у которыхъ парламентская реформа должна отнять представителей. Для множества такихъ мѣстечекъ выборы служатъ просто источникомъ дохода, и торіи надѣялись, что любовь къ собственному карману заставитъ многія изъ нихъ, прежде бывшія за вигговъ, замѣнить прежнихъ депутатовъ своихъ торійскими депутатами, которые будутъ защищать прежнія злоупотребленія. Но еще больше, нежели на благопріятное расположеніе этихъ городковъ, торіи надѣялись на прямую покупку ихъ избирателей. Тотчасъ же, какъ рѣшено было распустить парламентъ, торійскіе богачи собрались, чтобы составить подписку «на покрытіе издержекъ по выборамъ», то есть на покупку маленькихъ городовъ. Въ нѣсколько минутъ подписка дошла до 100,000 фунтовъ, — гораздо болѣе полумилліона руб. сер. Подкупы были возведены при нынѣшнихъ выборахъ торическою партіею до размѣровъ неслыханныхъ, колоссальныхъ. Мы въ приложеніи перепроводимъ изъ Times'a нѣсколько статей, которыя дадутъ читателю понятіе о великости скандала и впечатлѣніи, произведенномъ на англійское общество этимъ наглымъ безстыдствомъ.

парламентъ, какъ повсюду, есть люди, которые всегда присоединяются къ побѣдителямъ, хотя бы прежде и возставали противъ нихъ. Парламентская тактика требовала отъ торійской партіи маскировать то, что она теперь не можетъ имѣть и тѣхъ 291 голоса, которые были на ея сторонѣ въ началѣ засѣданій. Но какъ Уильямъ едва не погубилъ либераловъ излишнимъ усердіемъ, такъ и между торіи явились теперь такіе же вредные ревнителѣ.

Но результаты выборов не совсѣмъ отвѣчаютъ огромности средствъ, употребленныхъ на подкупъ. Тори все-таки не успѣли приобрести большинства въ новомъ парламентѣ, — напротивъ либеральныя партіи имѣютъ въ новомъ парламентѣ большинство отъ 60 до 70 голосовъ. Сколько можно судить по нынѣшнимъ извѣстіямъ о характерѣ либеральной половины Палаты Общинъ, чистыхъ виговъ, безусловно идущихъ за Росселемъ или Пальмерстономъ, будетъ въ ней нѣсколько меньше, нежели въ прежней палатѣ, всего около 220 человекъ, а радикаловъ, независимыхъ либераловъ и манчестерцевъ, группирующихся около Брайта и Робкса, нѣсколько больше прежняго, всего около 150 человекъ. Тори будутъ имѣть около 280 голосовъ. Эти цифры еще не совсѣмъ точны, потому что до сихъ поръ подробные расчеты сдѣланы только по общему распределенію голосовъ между министерствомъ и оппозиціею всѣхъ отѣнковъ вмѣстѣ. Но во всякомъ случаѣ, ясно, что ходъ дѣлъ въ Палатѣ Общинъ будетъ по прежнему зависѣть отъ тактики Брайта и Робкса, съ тою только разницею, что въ новомъ парламентѣ ихъ прямое вліяніе будетъ нѣсколько сильнѣе прежняго. Падетъ ли министерство Дерби или нѣтъ, это главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ нихъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

ВЗГЛЯДЪ АНГЛИЧАНЪ НА ВОЙНУ.

1. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РЪЧИ БРАЙТА КЪ ЖИТЕЛЯМЪ БИРМИНГЪМА 28 АПРѢЛЯ.
(По Times'y).

Выборъ кандидатовъ происходилъ въ залѣ Городскаго Совѣта; въ 11 часовъ вечера были отворены двери залы, вмѣщающей до 7000 человекъ, и она наполнилась въ нѣсколько минутъ. Сэръ Ротклифъ, мэръ бирмингемскій, предсѣдательствовалъ въ собраніи. Когда мистеры Чольфильдъ (*) и Брайтъ явились на эстрадѣ, ихъ приветствовали аплодисментами, продолжавшимися по крайней мѣрѣ 10 минутъ. Мистеръ Эклендъ, напротивъ, былъ освястанъ съ такою же энергіею.

Мистеръ Чольфильдъ первый обратился къ избирателямъ. Послѣ него сталъ говорить мистеръ Брайтъ. Онъ былъ принятъ съ восторженными и продолжительными аплодисментами. Сказавъ нѣсколько словъ о своихъ убѣжденіяхъ, о необходимости реформы и ея цѣли, онъ продолжалъ:

(*) Бирмингемъ посылаетъ въ парламентъ двухъ представителей. Чольфильдъ, вмѣстѣ съ Брайтомъ бывшій депутатомъ Бирмингема въ прошломъ парламентѣ, имѣетъ убѣжденія одинаковыя съ Брайтомъ. Виги и торы соединились противъ Брайта и выставили своимъ кандидатомъ Экленда.

«Я говорю, что англійское правительство разорительно, дерако и публично расточало плоды народнаго труда. Если бы не было такъ, то почему же мы имѣли бы теперь національный долгъ въ 800 милліоновъ фунтовъ, за который вѣчно должны платить каждый годъ 30 милліоновъ фунтовъ процентовъ, почему же мы имѣли бы надобность ежегодно собирать до 70 милліоновъ фунтовъ податей? Развѣ управлять нами такъ затруднительно? Развѣ нужны огромныя арміи и огромныя флоты, безчисленная полиція, и колоссальныя издержки на то, чтобы сохранить порядокъ въ нашей землѣ? (крики «нѣтъ!» и апплодисменты). Можно ли указать хотя на одного работника ланкастерскихъ фабрикъ, хотя на одного земледѣльца, хотя на когонибудь изъ всѣхъ людей, живущихъ трудомъ своихъ рукъ, и сказать, что онъ сталъ богаче, лучше или безопаснѣе, благодаря невѣроятнымъ нашимъ расходамъ въ послѣдніе сто лѣтъ? (апплодисменты). Съ парламентомъ, составленнымъ такъ, какъ составленъ теперь вашъ парламентъ, нѣтъ у васъ должнаго обезпеченія за экономію. Знаете ли вы чудовищный фактъ, что нынѣ, завтра и послѣзавтра 47 городковъ, общее населеніе которыхъ не превышаетъ населеніе Бирмингэма, выбираютъ — не двухъ депутатовъ, какъ вы, а 72 депутатовъ въ Палату Общинъ (крики «это стыдъ!» и апплодисменты). Это не представительное правленіе! Предположите, что ктонибудь изъ вашихъ хозяевъ взялъ деньги на плату рабочимъ и далъ имъ по одному шиллингу за цѣлую недѣлю, а все остальное какомунибудь привилегированному десятку. Правда, онъ раздалъ всѣ деньги и форма платежа соблюдена, но тѣ, которые получили только по шиллингу, разумѣется, скажутъ, что не дано имъ полного вознагражденія за ихъ трудъ, и результатомъ будетъ неудовольствіе, отвращеніе, голодъ и нищета, — такъ и здѣсь. Депутаты выбираютъ и ктонибудь выбираетъ ихъ, лордъ Нѣкто, сквайръ Нѣкто. Вмѣстѣ дѣйствуютъ по одной системѣ; и если вы введете моего почтеннаго товарища и меня въ слѣдующій парламентъ, то со всѣхъ сторонъ будемъ мы окружены десятками депутатовъ, всѣ избиратели которыхъ, взятые вмѣстѣ, не составляютъ такого числа, какъ тотъ одинъ городъ, представителями котораго мы будемъ (апплодисменты). Надобно сказать еще о баллотировкѣ. Когда я вижу, что теперь дѣлается, — не въ большихъ городахъ, подобныхъ Бирмингэму, а въ маленькихъ городкахъ, — когда я посмотрю, какія приготовленія дѣлаются къ выборамъ, какъ подавляется самостоятельность въ избирателяхъ, какъ о каждомъ независимомъ избирателѣ производятъ обыскъ, не долженъ ли онъ комунибудь, не оказалъ ли ему ктонибудь услуги, не можетъ-ли ктонибудь привлечь его обѣщаніями или запугать, чтобы этии средствами подѣйствовать на его голосъ, — когда я посмотрю на это, то чувствую, что многіе избиратели въ маленькихъ городахъ захвачены въ такіе тиски, что если осталась въ ихъ груди искра чести, они должны считать себя униженными и пристыженными на всю жизнь (апплодисменты). Едва ли есть на свѣтѣ такая земля, имѣющая представительную систему, въ которой не была бы принята баллотировка. Въ Соеди-

новыхъ Штатахъ, въ австралійскихъ колоніяхъ, во Франціи, въ Бельгій и въ Сардиніи, выборы производятся баллотировкою. Могутъ сказать, что баллотировка не спасла Францію отъ военного деспотизма, или была употреблена орудіемъ при введеніи его въ этой странѣ. Но я скажу вамъ, что пусть будутъ у васъ американскія учрежденія, или нѣкоторые ваши учрежденія, или тѣ, какія прежде существовали во Франціи,—вообще, пусть будетъ какая угодно форма вашего правленія, но если среди васъ находится 400,000 вооруженныхъ людей, единственное ремесло которыхъ война, которые отдѣлены отъ гражданского быта, которые живутъ не въ домахъ, а въ палаткахъ или казармахъ, то не будетъ безопасности, — нѣтъ, и на полгода не будетъ безопасности ничему, заслуживающему имя гражданской свободы (апплодисменты). Я стыдился бы недостатка логики въ своей головѣ, еслибы сказалъ, что военный деспотизмъ во Франціи поддерживается или произведенъ всенароднымъ выборомъ. Еслибы право голоса было бы такъ ограничено, какъ при Луи-Филиппѣ, или еще больше ограничено, и явился бы человекъ, по какому нибудь наслѣдству, или по личнымъ качествамъ получившій приверженность полумилліона солдатъ, все равно исчезло бы все похожее на свободу (браво, браво!) Перехожу теперь, джентльмены, къ вопросу величайшей важности. Я слышу, что получено изъ Лондона извѣстіе величайшей и печальнѣйшей важности для Европы и для человѣчества. Война, которая четыре мѣсяца приближалась потаеннымъ, но не укрывавшимися ни отъ слуха, ни отъ зрѣнія, шагами, появилась наконецъ во всей своей демонской ужасности.

«Смотрите, стоитъ на горѣ этотъ гигантъ; закрываютъ солнце его развѣсающіеся волосы, пропитанные кровью. Свѣркаетъ въ его злодѣйскихъ рукахъ смертоносное орудіе; сожигаетъ глазъ его все, на что устремится.»

See where the giant on the mountain stands,
His blood-red tresses deepening in the sun,
With death-shot glowing in his fiery hands,
And eye that scorches all it glares upon

(апплодисменты). Таково чудовище, являющееся теперь на горизонтѣ, грозящее опустошить, залить кровью, наполнить невыразимыми страданіями города и села безчисленныхъ милліоновъ европейскаго населенія. Что намъ должно дѣлать? Судя по прошедшему, я знаю, что мы станемъ дѣлать. Мы станемъ сначала посредничать тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста посредничеству. Мы станемъ немножко одобрять однихъ, немножко страдать другихъ. Но немногу мы впускаемся въ дѣла одной стороны такъ, что другая станетъ обвинять насъ во враждѣ и коварствѣ. А тутъ, какое нибудь страшено дѣло будетъ совершенно одною изъ воюющихъ сторонъ. Оно будетъ выставлено передъ нами въ истинномъ или грубопреувеличенномъ видѣ. Если ваше правительство расположено къ войнѣ,

въ лондонскихъ журналахъ найдутся люди, которые будутъ разукрашивать и искажать всѣ факты и разжигать васъ воззваніями иногда къ вашимъ благороднымъ страстямъ, иногда къ низкимъ страстямъ, пока наконецъ наша страна, эта жемчужина изумруднаго моря, которая одна безопасна среди всѣхъ бурь и грозъ, волнующихъ и мучающихъ міръ, будетъ увлечена въ тому, чтобы вмѣшаться въ борьбу, и англійская кровь, и англійскіе сокровища будутъ проливаться, какъ проливались прежде по всѣмъ угламъ Европы, гдѣ выигрываются или проигрываются битвы (апплодисменты). Говорятъ, что у насъ есть договоры съ Бельгіей и что если кто станетъ обижать это маленькое королевство, то надобно послать англійское войско на защиту его столицы и его государя. Я не заключалъ такихъ договоровъ, не заключали и вы; и я говорю, что министръ, который хочетъ втянуть Англію въ эту войну, становится виновникомъ въ гнуснѣйшемъ предательствѣ передъ англійскою короною и англійскимъ народомъ (апплодисменты). Но всѣ вы ничего не знаете о мнѣніяхъ вашего правительства. Вы ничего не знаете о переговорахъ. Парламентъ ничего не знаетъ о нихъ. Намъ совершенно неизвѣстно, какія обязательства мы дали тому, кто владычествуетъ въ Парижѣ, или тому, кто владычествуетъ въ Вѣнѣ. Я думаю,—и рекомендую это мнѣніе джентльменамъ другихъ партій,—я думаю, что если бы англійскій народъ имѣлъ справедливое участіе въ составленіи Палаты Общинъ, то по всей вѣроятности наши иностранныя дѣла велись бы съ большею открытостью, съ большимъ прямотою, съ большею добросовѣстностью и намъ было бы менѣе опасности, проснувшись въ то или другое утро, увидѣть, что наша благородная страна, со всею своею промышленностью, всѣмъ своимъ просвѣщеніемъ, всею своею нравственностью, всею своею религіозностью ввергнута въ ужаснѣйшее изъ всѣхъ человѣческихъ преступленій, изъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій (апплодисменты). Еще одно слово по вопросу о войнѣ. Я никогда не отрицалъ, нѣсколько зная человѣческую натуру, зная нѣсколько человѣческую исторію, и никогда не стану отрицать, что иногда человѣческому глазу и человѣческому сердцу кажется, будто есть кажущаяся необходимость брать на себя отвѣтственность за военныя бѣдствія (апплодисменты). Но какова бы ни была, когда нибудь, кажущаяся необходимость войны, пусть каждый изъ насъ держитъ себя такъ, чтобы передъ лицомъ Бога, знающаго всѣ тайны нашего сердца, могъ быть чистъ въ своихъ личныхъ дѣйствіяхъ при подобныхъ случаяхъ (браво, браво!). Война, по своей натурѣ, разрушительна и анархична; не можетъ быть свободы въ Европѣ, не можетъ быть невозмутимаго или прочнаго мира въ Европѣ, пока великія державы содержатъ 3 или 4 милліона вооруженныхъ людей во время глубокаго мира (апплодисменты). Даже у насъ, въ Англіи, что можетъ быть анархичнѣе и разрушительнѣе войны? Вспомните о войнѣ, въ которую мы были ввязаны съ 1793 до 1815 г. Это былъ періодъ ужаснаго страданія; это былъ также періодъ полнаго деспотизма. Не было тогда свободы выраженію мнѣній, не было свободы печатному слову, не было

свободы никому, кромѣ развѣ того, кто хотѣлъ превзойти своихъ сосѣдей безумнымъ пристрастіемъ къ войнѣ. И потомъ опять, съ 1815 до 1828, не было свободы въ Англіи, или было почти столько же свободы, сколько теперь у нашихъ сосѣдствъ — французовъ. Изъ года въ годъ было все тоже: тяжелое страданіе, упадокъ промышленности, нищета въ народѣ, постоянные заговоры, тайныя общества, вспышки возмущеній, всяческія опасности для законнаго порядка. Все это было натуральнымъ и неизбѣжнымъ плодомъ той гигантской и дурной войны, которую вели ваши правители 25 лѣтъ (крикъ «нѣтъ», заглушенный аплодисментами). И вотъ опять война. За этою войною — государственныи долгъ; за этимъ государственнымъ долгомъ — увеличеніе налоговъ; за этими налогами — недовольство и всякія опасности въ будущемъ; вотъ что будетъ, если вы позволите вашему правительству хоть на одинъ часъ выѣзжаться въ вооруженный споръ, начинающійся теперь (аплодисменты). Въ Палатѣ Общинъ одинъ изъ министровъ имѣлъ наглость упрекнуть меня, что я говорю во вредъ англійской коронѣ. Меня тутъ не было; но теперь я бросаю ему въ лицо его клевету (долгіе аплодисменты). Англійская королева никогда не подвергнется опасности отъ счастливаго и довольнаго народа (аплодисменты). Посмотрите на другія націи и на исторію прошедшаго: когда корона была срываема съ чьей нибудь головы, когда престолъ былъ низвергаемъ, когда королевское семейство блуждало въ изгнаніи, это бывало не результатомъ справедливой, милостивой и мирной политики, это было наказаніемъ, непосылаемымъ отъ Бога на нарушителей его закона, на презрителей его заповѣдей. Недалеко назадъ надобно возвращаться, всего только на пять лѣтъ, чтобы найти объясненіе этимъ словамъ. Вы помните прославляемую осаду Севастополя; вы помните страданія англичанъ, чтобы не говорить мнѣ о страданіяхъ французовъ, русскихъ, турокъ и сардинцевъ. Вы помните, что однажды, когда русскіе атаковали наши войска, только чудомъ англійскія войска спаслись отъ совершеннаго истребленія. Вы помните раздраженіе общественнаго мнѣнія. Вы помните громы могущественнѣйшей изъ вашихъ газетъ. Вы помните черныя мысли, которыя проносились въ умѣ каждаго, когда одна за другою приходили къ намъ эти вѣсти; помните, какъ люди спрашивали себя, что будетъ съ нашими несчастными солдатами и съ честью Англіи. Предположите же, что случилось то, что едва не случилось, и никто еще не объяснилъ, какъ могло не случиться. Я спрашиваю, кто поручился бы, что при тогдашнемъ расположеніи умовъ сохранился бы порядокъ въ Англіи, хотя на одинъ день, и что не получили бы наши законы удара несравненно болѣе тяжелаго, нежели всѣ опасности, о какихъ помнить кто-нибудь изъ насъ (крики «нѣтъ», «да!» и аплодисменты). Нѣтъ, конечно нѣтъ, опасность прошла. Люди забываютъ бурю, едва не потопившую ихъ, едва поставятъ ногу на твердую землю. Но я говорю вамъ, что изъ такихъ событій происходитъ національное неудовольствіе, анархія, паденіе законовъ и совершенная гибель самыхъ уважаемыхъ династій (аплодисменты).

2. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РЪЧИ РОБЕКА ВЪ ШЕФФИЛДЪ ПО ОКОНЧАНІИ ВЫБОРОВЪ (по отчету Times'a).

«Прежній парламентъ былъ распущенъ не по государственной надобности, а для частной выгоды (аплодисменты). Въ нынѣшнее время, когда судьба міра рѣшается, не нужно ли вамъ было имѣть твердое и сильное правительство, дѣйствующее отъ вашего имени? (браво! bravo!) Но лордъ Дерби и его министерство распустили парламентъ, хотя мы всѣ видѣли угрожающую опасность, и Англія теперь лишена правительства (*). Что же произошло? Каждому, скольконибудь знакомому съ политикой, было ясно, что въ прошедшую субботу (**) европейскіе деспоты узнали, что получили свободу дѣйствовать по своимъ желаніямъ, и мы всѣ предсказывали, что непосредственнымъ результатомъ этого будетъ война. Что же вышло? мы знаемъ теперь, что въ тотъ же самый день австрійскій ультиматумъ былъ посланъ въ Сардинію. Итакъ, вышла война и поля Италіи обольются кровью. Зачѣмъ же это? Началась война, и что теперь дѣлать Англіи? Друзья мои, мы должны будемъ требовать произведеній вашего труда, чтобы защищать васъ, вашихъ женъ и дѣтей, и великое имя Англіи (аплодисменты). Не знаю, что скажетъ на это мой товарищъ (***), потому что онъ одинъ изъ тѣхъ довѣрчивыхъ людей, которые очень полагаются на разсудительность людей. Сколько я знаю, онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которыхъ называютъ друзьями мира (хохотъ). Я тоже другъ мира; но между мной другомъ и мною та разница, что, по моему мнѣнію, при нынѣшнемъ расположеніи народовъ, Англія должна обнаруживать готовность къ страшному отпору, если хочетъ сохранить миръ (аплодисменты). Не пришло еще то время, чтобы считали хорошими, когда ударятъ васъ по щекѣ, подставлять другую щеку (хохотъ). Если кто ударитъ меня, я поквитаюсь съ нимъ (хохотъ и громкіе аплодисменты). И если Англія хочетъ остаться въ мирѣ, пусть она готовится къ войнѣ (браво!). Если за границей будутъ знать, что малѣйшее нарушеніе неприкосновенности англійскихъ владѣній или англійской территоріи повлечетъ за собою немедленное и страшное наказаніе, тогда Англія будетъ безопасна. Но если бы когда случилось, чтобы въ нашемъ Британскомъ каналѣ побѣдоносно плавали француз-

(*) Робекъ хочетъ сказать, что министры не знаютъ, одобряетъ ли нація нѣтъ образъ дѣйствій и какого образа дѣйствій она хочетъ, потому остаются совершенно безсильны, когда нѣтъ парламента.

(**) Т. е. 23 апрѣля, когда парламентъ былъ распущенъ.

(***) Другой депутатъ Шеффилда, Гедфилдъ, подобно Брайту говорящій, что война не извиняется ничѣмъ, никогда, кромѣ необходимости отражать врага, вторгающагося въ наше отечество. Гедфилдъ, подобно Робеку—радикалъ.

скій и русскій флоты, что было бы съ вашей торговлею, съ вашей безопасностью, что было бы съ могуществомъ Англіи, съ цивилизаціею человѣчества? Но чтобы эти флоты не могли побѣдоносно приплыть въ Британскій каналъ, это будетъ одною изъ первыхъ моихъ заботъ. Нѣтъ вещи, которой бы я не сдѣлалъ, нѣтъ билля, за который я не подалъ бы голосъ, чтобы сохранить господство англійскаго флота въ Британскомъ каналѣ (громкіе апплодисменты).

В.

О ХАРАКТЕРѢ ВЫВОРОВЪ ВЪ МАЛЕНЬКИХЪ ГОРОДКАХЪ (статья Times'a 26 апрѣля).

«Лордъ Дерби—горячій приверженецъ свободной торговли. Каковы бы ни были его мнѣнія о другихъ пунктахъ либеральной программы, въ этомъ пунктѣ отреченіе отъ прежнихъ заблужденій у него открытое, окончательное, полное. Подъ управленіемъ прежнихъ жестокихъ противниковъ Пяля мы получаемъ свободную торговлю во всемъ, даже въ продажѣ голосовъ. Побѣда полновѣснѣйшему кошельку! Начинается битва гиней, какъ начинается битва императоровъ. Идутъ въ продажу маленькіе городки британскихъ острововъ. «Кто купить, кто не купить? Купите, куните! даемъ 15 фунтовъ за избирателя! Идетъ, 15 фунтовъ,—это дешевле пареной рѣпы!» Избиратели покупаются съ аукціона Керльтонскимъ клубомъ (*). Жаль, что нельзя намъ зажать ротъ аукціонеру. Натурально негодованіе на человѣка, продающаго право первородства за блюдо чечевичы; но мы не должны забывать, что покупщикъ въ этомъ гадкомъ торгѣ хуже продавца. Искуситель хуже искушаемаго, хитрый лоснящійся змѣй гнуснѣе безразсудной красавицы Евы. Такой фактъ, какъ предпринятая теперь покупка маленькихъ городковъ политической партіей, идущей наперекоръ націи, можетъ привести къ заключенію, что эти маленькіе городки—лѣзва, которую надобно безстрашной рукой вырѣзать изъ нашей избирательной системы. Лордъ Дерби и его друзья предпринимаютъ такую покупку. Лордъ Дерби выложилъ свои деньги на столъ. Сумма красива и велика, соответствуетъ своему предмету и достойна его. Герцогъ Боклю слѣдуетъ за нимъ съ достойнымъ такого примѣра пожертвованіемъ; другіе консервативные магнаты не измѣняютъ своему предводителю, и составляется груда золота, чтобы купить власть надъ правами англичанъ. Станнымъ можетъ казаться на первый разъ, что отъ поведенія немно-

(*) Керльтонскій клубъ центральный избирательный комитетъ торійской партіи.

гихъ избирателей, какими нибудь десятками развѣянныхъ по 40 или 50 ничтожнымъ городкамъ, зависить политика нашего великаго государства; но это фактъ, и бесполезно съ гнѣвомъ отрицать его. Отъ большинства въ Палатѣ Общинъ зависить управленіе нашею страной; выборы маленькихъ городовъ рѣшаютъ, на какой сторонѣ будетъ большинство. Батальонъ не армія, но батальонъ можетъ быть поставленъ такъ, что отъ его вѣрности и мужества можетъ зависѣть судьба арміи. У лорда Дерби достало ума понять это. Его расчетъ могъ бы быть вѣренъ, еслибъ онъ не забылъ сообразить негодованія, какое пробуждается этимъ въ обществѣ. Если ему не удастся исполнить на практикѣ свою теорію, ему будетъ худо, а если удастся, то будетъ еще хуже. Мы терпѣливый народъ; не любимъ политическихъ смятеній, хотя вѣчно споримъ о политикѣ. Но есть вопросъ, въ которомъ будутъ совершенно согласны 999 англичанъ изъ 1000. Они не будутъ спокойно смотрѣть на то, что ихъ отечество покупается и продается за 100.000 фунтовъ стерлинговъ. Привиллегія управлять Англіею должна цѣниться дороже.

«Смотрите зорко!» такой долженъ быть лозунгъ каждаго избирателя и даже не избирателя, во время выборовъ. Вся батарея подкуповъ будетъ направлена на маленькіе города. Мы не можемъ надѣяться остановить ея огонь, но наши усилія могутъ покрайней мѣрѣ лишить этотъ огонь успѣха. Есть у насъ трибуналы въ избирательныхъ комитетахъ Палаты Общинъ, а рѣшенія комитетовъ вообще принимаютъ цвѣтъ общественнаго мнѣнія. Если оно будетъ говорить, что грубое плутовство совершено надъ страной, что предводители политической партіи, лишенные внутренней силы, но занимающіе министерскія мѣста, обдуманно составили планъ подкупать избирателей, сдѣлали для этого большую подписку, употребили хитрыхъ и опытныхъ агентовъ, то комитеты будутъ строги къ повѣркѣ выборовъ. Правда, что открыть подкупъ не всегда будетъ имъ легко, потому что подкупъ обращенъ въ науку и профессора ея хитрѣйшіе люди нашего времени. Они посвятили всю энергію своего ума, всѣ усилія своей жизни на открытіе способовъ прикрывать передачу взятокъ отъ подкупающаго къ подкупаемому. Они трудились надъ этою проблемою, какъ Ньютонъ трудился надъ проблемою тяготѣнія. Наше спасеніе въ томъ, что есть другая часть общества, обратившая всѣ усилія своего ума, всю свою энергію на преданіе преступниковъ суду. Это только особенная форма вѣчной борьбы между мошенниками и полиціей, а побѣда въ результатѣ не остается за мошенниками.»

(статья Times'a 27 апрѣля).

«Не на большіе города направлены могущественнѣйшія усилія денегъ и происковъ. Нѣтъ, сотня городовъ, скуднѣйшихъ населеніемъ и самыхъ

зависимых по своему положению, служат полемъ настоящей битвы. Выберите тѣ городки, у которыхъ дѣйствительно хорошій бѣлъ реформы долженъ отнять депутатовъ, и знайте, что именно въ этихъ городкахъ рѣшается великій конституціонный вопросъ. Къ этимъ малымъ мѣстамъ стремятся политическія сердца. Въ эти почтенныя мѣстности текутъ обильныя рѣки денегъ. Но есть въ нынѣшнихъ выборахъ, превосходящихъ всѣ прежніе развитіемъ плутовства, то угнетительное обстоятельство, что они очень своевременно раскрываютъ чудовищное зло, лѣкарствомъ отъ котораго должна служить реформа. Въ прокламаціи королевы лордъ Дерби объяснилъ причину къ распусценію парламента. Но быть можетъ еще большей благодарности заслуживаетъ онъ за то, что выставляетъ теперь на видъ всѣмъ характеръ существующей парламентской системы. Честь англійскаго джентльмена съ такимъ упорствомъ переживаетъ періодическое соприкосновеніе съ политическимъ подкупомъ, что въ два года мы почти забываемъ, какъ рождался на свѣтъ Палата Общинъ. Люди любятъ забывать то, о чемъ непріятно вспоминать. Но теперь, какъ только сойдется Палата Общинъ, ей представится вопросъ о томъ, какъ она составила, и она будетъ хорошо знать положеніе дѣла.

Непріятно указывать на отдѣльные случаи, но исторіи объ избираемыхъ въ маленькихъ городкахъ, разносящихся теперь къ публикѣ, конфузуютъ даже крѣпкую совѣсть высокихъ политическихъ людей. Ничѣмъ не насыщаются нѣкоторые изъ этихъ городковъ, собирающихъ теперь, какъ они полагаютъ, свою послѣднюю жатву. Вытравивъ всѣ деньги у кандидата, они прогоняютъ его, чтобы замѣнить болѣе богатою жертвою; производится два и три побора, каждый въ увеличенномъ размѣрѣ противъ прежняго. Избиратели раздѣлены на разряды десяти-фунтовыхъ, двадцати-фунтовыхъ и пятидесяти-фунтовыхъ, и въ каждомъ разрядѣ ставится за долгъ амбиціи не брать меньше того, сколько слѣдуетъ. На нашихъ страницахъ много избирательныхъ адресовъ и рѣчей, но въ большей части случаевъ это только благоприсойное прикрытие для сдѣлокъ вовсе не высокаго характера. Кандидатъ надаетъ прокламацію и ходитъ по собраніямъ, говоря рѣчи. Но существенное дѣло производится между тѣмъ въ заднихъ комнатахъ людьми, которые не говорятъ рѣчей и едва упоминаютъ о политическихъ мнѣніяхъ. Этимъ нешумнымъ путемъ производится торгъ, неуступающій своимъ размѣромъ дѣламъ англійскаго банка. Нынѣшніе выборы будутъ стоить надержекъ, — преступныхъ и гибельныхъ надержекъ, — въ цѣлый милліонъ фунтовъ стерлинговъ. О такихъ фактахъ нечего много разсуждать. Каждый изъ нихъ замѣняетъ цѣлые томы доказательствъ. Краснорѣчивый ирландскій проповѣдникъ вмѣсто того, чтобы сказать проповѣдь о пожертвованіяхъ на сиротскую школу, взошелъ на кафедру и только указалъ на небо, на несчастныхъ сиротъ, на тарелку для сбора и сошелъ съ кафедры; и никогда еще не бывало такого сбора. Такъ и теперь, когда будетъ вопросъ о реформѣ, не нужно будетъ говорить, нужно будетъ только указать однимъ словомъ на общезнаемые факты. Будемъ же благодарить лорда Дерби

Т. XXXV. Отд. III. 1/4

за картинное поясненіе нашего конституціоннаго порядка. Ныѣшніе выборы — альбомъ сценъ въ духѣ реформы. Трагическая муза Шекспира изобразила сцену французскихъ пировъ и англійскихъ жемчужинъ въ ночь наканунѣ Азенкурской битвы. Мистеръ Чарльзъ Китъ воспользовался этимъ изображеніемъ двумя 30-сентовыми картинками. Лордъ Дерби приналъ къ себѣ самъ трагической музы и представилъ намъ картину выборовъ въ наглядное поученіе, что чѣмъ скорѣе и чѣмъ радикальнѣе преобразуемъ мы такой парламентъ — тѣмъ лучше.»

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛОНДОНСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ТЕМЗА.

.... Und es herrscht der Erde Gott — das Geld.
Schiller.

Чтобы увидать Лондонъ съ-разу съ самой характеристической и съ самой величественной его стороны, слѣдуетъ прїѣхать сюда не по желѣзной дорогѣ, а на пароходѣ, который идетъ съ материка прямо въ Темзу и останавливается въ самомъ сердцѣ города, у Сити, около Лондонскаго моста. Такъ совѣтуютъ всѣ, бывавшіе въ Лондонѣ, и купцы, и туристы, — и я не раскался, что послѣдовавъ этому совѣту. Лучшаго пункта для перваго знакомства съ Лондономъ точно не можетъ быть.

Парижъ покидалъ я не безъ нѣкотораго удовольствія: мнѣ успѣли очень надоесть — и его наружная суета безъ внутренняго движенія, и его празднично-беззаботный и въ тоже время стройно-казарменный видъ, и его легкое умѣнье покоряться обстоятельствамъ, и его легкое раздраженіе, мгновенно вспыхивающее и мгновенно погасающее, и его прогрессивные и ретроградные журналы, настроенные однимъ камертономъ, и его лихорадочные толки о войнѣ и биржѣ,

и его официальные брошюры съ либеральнымъ оттенкомъ, который никоимъ образомъ не обманываетъ и темъ не менѣе всѣхъ удовлетворять, и проч., и проч., и проч., о чемъ печально вспомнить, потому что Парижъ все-таки славный городъ, и его любишь по преданію, и желаешь ему всѣхъ благъ мира, свѣта и свободы, вдобавокъ къ этому ясному, безоблачному небу и яркому, теплему солнцу, которые такъ ласково, такъ по-лѣтнему грѣли его въ послѣдніе дни передъ моимъ отъѣздомъ.

Только этого солнца и было мнѣ жаль, когда я уѣзжалъ. Я зналъ, что не увижу его такимъ свѣтлымъ и дружелюбнымъ сквозь лондонскій дымъ и туманъ.

Въ два часа по полудни, 18 февраля по новому стилю, отправился я по Сѣверной желѣзной дорогѣ въ Булонь. Въ полночь долженъ былъ отплыть изъ Булони лондонскій пароходъ, на который я записался въ Парижъ билетомъ.

Уже на подорожѣ можно было поручиться, что морской переѣздъ нашъ не будетъ особенно спокоенъ. Выходя изъ вагона на станціяхъ, не мѣшало покрѣпче придерживать шляпу на головѣ: вѣтеръ дулъ очень непривѣтливо.

Все общество кареты, въ которой я сидѣлъ, отправлялось, какъ и я, въ этотъ же вечеръ въ Англію, и разговоръ нашъ невольно принялъ мрачный медицинскій характеръ. Каждый сообщалъ подробныя свѣдѣнія о вліяніи разныхъ морей на свой желудокъ и предлагалъ средства отъ «морской скуки». Только юная французенка, никогда не бывавшая на морѣ, не могла принять дѣятельнаго участія въ этихъ разсужденіяхъ и съ тоской прислушивалась къ совѣтамъ опытныхъ людей. Одинъ считалъ за лучшее тотчасъ уйти въ каюту и лечь въ постель; другой говорилъ, что никакъ не слѣдуетъ сходить въ каюту, а напротивъ оставаться на палубѣ, и никакъ не лежать, а сидѣть; третій совѣтовалъ подкрѣпляться коньякомъ; четвертый рекомендовалъ воду, какъ средство, облегчающее давленіе подъ ложечкой, и т. под. Неизвѣстно было, кого слушать. Если не вѣрнѣе, то пріятнѣе всѣхъ для исполненія былъ совѣтъ одного изъ двухъ нѣмцевъ, ѣхавшихъ въ Лондонъ чрезъ Парижъ изъ Гамбурга. Нѣмецъ утверждалъ, что никакъ не слѣдуетъ отправляться въ море съ тощимъ желудкомъ. «Скажу по опыту, говорилъ онъ: — для небольшихъ морскихъ переѣздовъ хорошій плотный ужинъ и хорошій плотный обѣдъ съ приличнымъ количествомъ вина — радикальное средство отъ морской болѣзни.»

Въ десять часовъ вечера пріѣхали мы въ Булонь, и омнибусъ тотчасъ же перевезъ насъ со станціи желѣзной дороги на набережную,

къ пароходной пристани. Неопытная спутница наша вѣроятно тутъ уже почувствовала тошноту. Вѣтеръ былъ, какъ сумасшедшій, и сшибалъ съ ногъ; темное море шумѣло по-зимнему. Но пароходъ нашъ «Альбионъ» еще не топился, и намъ оставалось цѣлыхъ два часа, чтобы «принять свои предосторожности», какъ выражался мой соотѣль, гамбургскій нѣмецъ.

Выборъ мѣста для принятія этихъ предосторожностей былъ довольно затруднителенъ. Едва успѣли мы выйти изъ омнибуса, насъ обступили гарсоны изъ всѣхъ прибрежныхъ гостиницъ, выхваляя свой ужинъ и свою вина. Икъ было человѣкъ двѣнадцать и новопришедшему ни одинъ не боялся, что его прохватитъ, въ тонкомъ куцонѣ фракъ и безъ шапки, мореной вѣтеръ.

Прежде чѣмъ принять чье-либо приглашеніе, мы съ нѣмцемъ рѣшили снести свои дорожные мѣшки на пароходъ и занять тамъ мѣста. Въ каютѣ былъ накрытъ длинный столъ; но ничто не располагало тутъ къ ужину: и освѣщеніе было печальное, и скатерть не снѣжной бѣлизны, и отъ печки пахло угольнымъ чадомъ, waiter смотрѣлъ мрачно и молчаливо, входилъ и уходилъ, словно хотѣлъ съ-разу дать почувствовать каждому континентальному туристу, что у него нѣтъ ничего общаго съ французскимъ garçon, и что веселое лицо и вѣжливыя фразы приличны развѣ такимъ вѣтрогонамъ, какихъ мы оставили на берегу.

«Не правда ли, въ немъ есть что-то внушающее (imposant), хоть видъ у него и плюгавый?» замѣтилъ мнѣ нѣмецъ, укладывая въ футляръ свою шляпу и надѣвая фуражку. «Подумаешь, что онъ пропащій чувствомъ человѣческаго достоинства, и потому держитъ себя такъ почтенно. Я, какъ человѣкъ опытный, скажу вамъ: вы этимъ не обольщайтесь! Головой поручусь, что онъ такой холопъ, какого не скоро прищешь на континентѣ, до мозга костей пропитанъ холопствомъ. Поэтому и глядитъ онъ такъ мрачно, поэтому и молчитъ такъ упрямо. Вѣдь осмѣлся онъ улыбаться при джентльменѣ, посмѣй говорить съ нимъ почеловѣчески, — да какой же онъ будетъ послѣ этого лакей? Мы здѣсь ужъ въ Англіи, и вы съ этого субъекта можете начать изучать англійскіе нравы.»

Мнѣ стало досадно на моего спутника за его рѣзкій приговоръ, и я почувствовалъ даже какое-то угрызеніе совѣсти, будто я былъ виноватъ передъ безвинно осужденнымъ стюартомъ, что не нашелъ его съ-разу чрезвычайно привлекательнымъ. Увы! потомъ, когда я ближе увидалъ англійскую прислугу и короче узналъ ее, я не разъ

вспоминалъ замѣчаніе нѣмца и находилъ его не совсѣмъ несправедливымъ. Но объ этомъ послѣ.

«Что же касается до англійской кухни, продолжалъ разговорчивый нѣмецъ: — знакомство съ нею не совѣтую вамъ начинать здѣсь. Вы получили превратное понятіе о британскомъ ростбифѣ. Пиво, можетъ быть, здѣсь и порядочное; но по моему съ Франціей надо проститься бутылкой бордо, и потому — пойдете! Выберемъ ту гостиницу, гдѣ въ окнахъ больше свѣту.»

Гарсоны все еще сновали по берегу; но ни одинъ изъ нихъ не угодилъ намъ въ чичероне. Особенно ярко свѣтились окна какого-то *hôtel de Paris*, а можетъ быть и *hôtel de Londres*, и мы поспѣшили туда по мокрому, хрустящему песку берега. Свѣтъ не обманулъ насъ: мы нашли просторную теплую комнату съ большимъ растопленнымъ каминомъ, горячій супъ, вкусные котлеты, порядочное вино и отличный брн.

«Итакъ здоровье наше обезпечено на два, на три часа качки!» сказалъ мой спутникъ, ставя свою чашку кофе на мраморную доску камина и придвигая къ огню кресла. «Я думаю, лучше всего теперь закурить сигару и посидѣть спокойно. На пароходъ намъ еще рано, а въ бюро паспортовъ мы можемъ и не идти сами, если дадимъ по полуфранку гарсону. Онъ сбѣгаетъ туда съ нашими паспортами и получаетъ билетъ (*permis d'embarquer*), безъ котораго насъ не пустятъ на пароходъ. Французскій полицейскій, я думаю, ужъ помѣстился тамъ, чтобы преградить дорогу каждому безпаспортному.»

Гарсонъ точно обдѣлалъ все мигомъ и принесъ намъ билеты. Мы отирались на пароходъ минутъ за десять до срока и нашли тамъ всѣхъ пассажировъ въ полномъ комплектѣ. На палубѣ было холодно, и потому тутъ суетилась преимущественно пароходная прислуга, уставляя, прикрывая цыновками и увязывая груды ящиковъ, сундуковъ и чемодановъ. Со всѣхъ сторонъ слышались ужъ отрывистыя англійскія фразы. Большая часть пассажировъ убралась въ каюту. Ужинъ со стола исчезъ, на диванахъ явились постели, надъ диванами койки. Два-три француза уже совершенно раздѣлись, сидѣли въ постеляхъ и повязывали себѣ головы пестрыми фулярами; мрачный стюартъ сонно двигался отъ койки къ койкѣ, разставляя умывальныя чашки. Изъ числа нашихъ парижскихъ спутниковъ нигдѣ не оказывалось только другаго гамбургскаго нѣмца.

«Это странно!» замѣтилъ мнѣ его землякъ. «Онъ ужъ видно слишкомъ усердно послѣдовалъ моему совѣту относительно предосторожностей. Я еще давеча на берегу хватился его, хотѣлъ звать ужинать

виѣсть; но его и слѣдъ простылъ. Онъ видно прямо изъ вагона отправился въ трактиръ.»

Еще не чувствуя желанія спать, я закутался потеплѣе и вышелъ опять на палубу. Суеты было тутъ уже меньше: вся тяжелая поклажа была на мѣстѣ. Пароходъ шумно топился, и большая стрѣлка на большомъ, освѣщенномъ сзади циферблатѣ часовъ надъ зданіемъ пароходной компаніи на берегу, показывала безъ трехъ минутъ двѣнадцать.

Едва успѣвъ я сѣсть на лавочку около спуска въ каюту, на палубу торопливо взбѣжалъ потерянный нами изъ виду нѣмецъ. Онъ задыхался отъ усталости и черезъ силу тащилъ въ рукахъ и подъ мышками свою поклажу: два большихъ дорожныхъ мѣшка, картонку со шляпой и зонтикъ съ тростью, связанные вмѣстѣ.

Я спросилъ его, гдѣ онъ такъ долго пропадалъ. Онъ мрачно отвѣчалъ мнѣ охрипшимъ голосомъ:

«Ахъ, не спрашивайте! Столько было бѣготни! Потомъ все разскажу....» И исчезъ въ каюту.

Часы на берегу начали громко бить полночь. Лѣстницы и переходы встали на пароходъ, и онъ качнулся, зашумѣлъ и двинулся. Минуты черезъ три мы были уже въ морѣ. Оно было темно и безпокойно, и качка не заставила себя ждать.

Собесѣдникъ мой нѣмецъ скоро опять присоединился ко мнѣ, чтобы имѣть право закурить сигару, чего въ каютѣ, конечно, не позволяется. Я тотчасъ же спросилъ его, что за бѣда стряслась надъ его землякомъ.

«Главная бѣда, что онъ долженъ теперь лечь въ постель съ пустымъ желудкомъ», отвѣчалъ нѣмецъ: «и его начало ужъ мутить. А желудокъ у него пустъ оттого, что онъ смотритъ на міръ слишкомъ съ высшей точки зрѣнія. Съ этой точки ему показалось достаточнымъ чувствовать себя честнымъ человѣкомъ да уложить въ чемоданъ свое бѣлье, чтобы переправиться съ континента въ Англію. А между тѣмъ здѣсь о душевныхъ качествахъ его не спросили, а потребовали описаніе его наружныхъ примѣтъ. Съ своей высшей точки зрѣнія онъ это описаніе забылъ въ Парижѣ, и сколько ни увѣрялъ здѣсь, что у него и съ описаніемъ и безъ описанія все такой же носъ, и такіе же глаза, и такіе же рыжіе бакенбарды, и такая же бородавка надъ лѣвой бровью—ничто не помогло. Пришлось бѣжать къ консулу и будить его, а консулу вставать и будить своего секретаря, а секретарю вставать и писать, что у господина такого-то, котораго онъ видитъ въ первый разъ въ жизни, носъ обыкновенный,

глаза сѣрые, бакенбарды рыжіе, особая примѣта—бородавка и проч. и что поэтому его можно отпустить въ Англію. Съ этой цидулой надо было бѣжать въ бюро паспортовъ и получить тамъ, взаимнѣя, билетъ. Хорошо еще, что консулъ со сна не сердитъ, и что въ бюро всѣ требованія ограничиваются описаніемъ примѣтъ, а то моему земляку пришлось бы и на пароходъ сегодня не поспѣть. Что закусить онъ не успѣлъ, это само собою разумѣется. И вотъ человѣка теперь мутитъ. Онъ думалъ, что въ безпаспортный Лондонъ ѣдетъ, такъ его и здѣсь безъ паспорта пропустить. Нѣтъ, дудки! Здѣсь порядокъ — прежде всего. И принять предосторожностей отъ морской болѣзни нельзя, если не выправить, какъ слѣдуетъ, паспорта.»

Словоохотливый нѣмецъ долго еще, пока не докурить сигары, распространялся о французскомъ порядкѣ и англійскомъ безпорядкѣ, и о преимуществахъ—не знаю, перваго ли надъ вторымъ, или втораго надъ первымъ: пропія его касалась и того и другаго. Рѣзкій вѣтеръ начиналъ уже пробираться меня, пароходъ сильно качался, море обдавало мнѣ по временамъ лицо холодными брызгами. Берегъ Франціи, блѣдно обрисовывавшійся во мракѣ, наконецъ совсѣмъ исчезъ. Смотрѣть было не на что, да было пора и спать. Крѣпко держась за рампу, спустился я въ каюту, гдѣ уже началась во всѣхъ углахъ извѣстная музыка. Безпаспортный нѣмецъ страдалъ, кажется, больше всѣхъ: онъ не успѣлъ и раздѣться какъ слѣдуетъ, и лежать на постели въ жилетѣ и панталонахъ.

Около подушки на койкѣ № 18, которая была занята мною, стояла наготовѣ глиняная чашка; но она, къ счастью, мнѣ не понадобилась. Размышляя о томъ, будетъ ли меня тошнить, или не будетъ, я скоро крѣпко заснулъ, и когда проснулся, пароходъ уже не колебался, словно стоялъ на мѣстѣ. Въ маленькое оконце надъ моей койкой смотрѣло утро.

Я поспѣшилъ одѣться и вышелъ изъ душной каюты. Вѣтеръ утихъ, но утро было холодно. Солнце еще не грѣло, и то и дѣло пряталось то въ разорванныхъ сѣрыхъ облакахъ, носившихся по небу, то въ дымномъ столбѣ нашего парохода. Тамъ и самъ видѣлись вдали сѣрые паруса, тонкія иглы мачтъ, пароходныя трубы съ длинными хвостами дыма. Впереди сквозилась въ туманѣ, который одѣвалъ даль, темная гряда англійскаго берега.

Пока я сидѣлъ на воздухѣ и глядѣлъ на море, поднялись съ косякъ всѣ пассажиры, и мой нѣмецъ первый явился наверхъ, чтобы сообщить мнѣ объ отлично проведенной ночи и услышать отъ

меня похваду своему средству. «За то взгляните на моего земляка! сказалъ онъ съ искреннимъ состраданіемъ: — на немъ лица нѣтъ. Вотъ что значить пускаться въ море безъ ужина....»

И точно — на землякѣ не было лица. Онъ, впрочемъ, не столько жаловался на французскую полицію, сколько на французско-англійское море. Остальные пассажиры скоро оправились и съ большимъ усердіемъ принялись за завтракъ, состоявшій, какъ прилично всякому порядочному англійскому завтраку, изъ ростбифа, ветчины, бараньихъ котлетъ и чернаго, какъ сусло, чая, съ жидкимъ, какъ вода, молокомъ, съ горячими хлѣбцами и съ жареными тостами.

Страсть англичада къ такому черному чаю можно объяснить развѣ только ихъ пристрастіемъ вообще ко всему крѣпкому, ѣдкому и острому. Чѣмъ болѣе похожъ чай цвѣтомъ на крѣпкій кофе, тѣмъ онъ для англичанина лучше. Вслѣдствіе этого страннаго вкуса, половина Англіи пьетъ подкрашенный чай, и здѣсь нисколько не удивительно прочесть на окнѣ очень порядочнаго чайнаго магазина, какъ рекомендацію товару, что «листъ не подкрашенъ.» Извѣстно, что чѣмъ лучше чай, тѣмъ труднѣе настаивается; изъ любви къ темному цвѣту, большинство пьетъ, стало быть, дурной чай. Если онъ ужъ и безъ того дуренъ, то понятно, каковъ будетъ онъ, если его подкрасить да приправить какими нибудь духами.

Между тѣмъ какъ мы занимались чаемъ и прочимъ, пароходъ шелъ себѣ да шелъ впередъ, и когда завтракъ въ каютѣ кончился, мы были уже въ Темзѣ. Но гдѣ кончилось море, гдѣ началась рѣка, вѣрно никто изъ насъ не могъ бы сказать. Очертанія береговъ справа и слѣва были еще неясны. Казалось, пароходъ вступилъ въ широкую морскую бухту, и только оттого не шелохнется.

Нѣтъ другой рѣки въ мірѣ, которая была бы такъ, какъ Темза, способна къ громаднѣйшему развитію торговой дѣятельности. За то неугомонно кипучая жизнь, которая завладѣла ея берегами и взмучила ея воды, поражаетъ и подавляетъ своимъ грознымъ движеніемъ cadaго чужестранца, какъ бы онъ ни былъ пропитанъ современной способностью *nil mirari*.

Темза судоходна на протяженіи ста-восьмидесяти-восьми англійскихъ миль и на семьдесятъ миль подвержена вліянію морскаго прилива и отлива. До Лондонскаго моста, до котораго считается отъ устья сорокъ пять съ половиною миль, доходятъ самыя большія купеческія суда. Будущее чудо морей, Левіаѳанъ, выстроено чуть не въ самомъ Лондонѣ, и ему будетъ легче выйти съ отливомъ въ

море, тѣмъ было сойти съ подмостковъ верей. Ни одному изъ кораблей, доходящихъ до Лондонскаго моста, не нужно во время отлива ни парусовъ, ни пара, чтобы пуститься въ путь: отливъ выносить ихъ безъ хлопотъ въ открытое море.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, все чаще и чаще попадались намъ навстрѣчу большія суда и пароходы, отправлявшіеся можетъ быть въ очень далекія странствованія, и все ближе сдвигались берега, пока еще не загорожденные лѣсами мачтъ и черными зданіями верей. Но ни справа, на холмахъ Кентскаго графства, ни слѣва, на плодородныхъ равнинахъ Эсекса, не видали еще мы той изумрудной зелени, которою такъ хвалится Англія и которою начали уже при мнѣ одѣваться широкія поляны и пригорки лондонскихъ парковъ.

Скоро показался справа и первый англійскій городъ, Гревзендъ, расположенный на пологомъ скатѣ берега. Контуры его зданій виднѣлись, какъ сквозь легкую прозрачную дымку. Туманъ начиналъ уже тихо подниматься съ рѣки и класть на все свою сѣрую тушвку.

Приближаясь къ гревзендской пристани, «Альбіонъ» замедлилъ шагъ; отъ пристани отчалила лодка и скоро пристала къ пароходу. По сброшенной съ него лѣстницѣ на палубу къ намъ взобралось нѣсколько таможенныхъ чиновниковъ, или, лучше сказать, одинъ таможенный чиновникъ съ нѣсколькими, не имѣющими ничего оффиціального, помощниками. Да и самъ глава ихъ нисколько не былъ похожъ на тѣхъ employés, съ которыми мы разстались во Франціи. Онъ смотрѣлъ мирнымъ гражданиномъ, не принималъ важной посадки и походки, не возвышалъ голоса. Можно было подумать, что ему совѣстно беспокоить пассажировъ, тогда какъ на другихъ таможняхъ обыкновенно кажется, что пассажиры нарушаютъ покой чиновниковъ и что чиновники дѣлаютъ имъ особенное одолженіе, перерывая ихъ сундуки и чемоданы съ пасмурнымъ оффиціальнымъ видомъ. За скромность и совѣстливость толстаго господина съ большими свѣтлыми бакенбардами, пріѣхавшаго изъ Гревзенда ревизовать насъ, можно было примириться съ странной необходимостью отпирать чемоданы и показывать, что тамъ, кромѣ бѣлья и платья, ничего нѣтъ.

Отъ Гревзенда начинается постоянное сообщеніе съ Лондономъ посредствомъ небольшихъ пароходовъ. За нѣсколько пенсовъ можно пріѣхать погулять по гревзендскимъ холмамъ, и маленькіе пароходы никогда не бываютъ пусты. Съ ранняго утра и до поздней ночи бѣ-

гнѣютъ они вверхъ и внизъ по рѣкѣ, останавливаясь почти у каждой пристани и высаживая и забирая пассажировъ. Раскрашенные разноцвѣтными въ кабъку, невысокія трубы, по которымъ лондонскій житель издали узнаетъ, куда отправляется пароходъ, къ морю ли, или вверхъ по Темзѣ, стали часто встрѣчаться намъ. Дальше рѣка кишитъ этими пароходами. Одни плывутъ къ Гревзенду и завозятъ желающихъ въ Гринвичъ, въ Вульвичъ; другіе, исполняя совершенно должностъ омнибусовъ, везутъ пассажировъ отъ Лондонскаго моста къ Somerset-House, къ Вестминстеру, къ каждому слѣдующему мосту, и вонъ изъ Лондона, мимо мѣстечекъ Чельси, Путней и Фульгама, сливавшихся съ ними, вдоль живописныхъ береговъ, украшенныхъ садами, парками и виллами, до Ричмонда и Кью, гдѣ воду Темзы еще можно пить и она непохожа на тѣ черныя помои, въ которые превращается у Сити.

До пристани оставалось намъ еще двадцать двѣ мили; но тутъ и берега и рѣка начинали уже кипѣть жизнью, и путь не могъ казаться скучнымъ. Кромѣ большихъ и малыхъ пароходовъ, кромѣ парусныхъ судовъ, качавшихся на всѣхъ моряхъ, и новыхъ кораблей, только-что спустившихся съ подмостокъ мастерской и готовившихся къ такому же испытанію, намъ безпрестанно попадались большія барки и маленькія лодки съ горами каменнаго угля и рыбацкія челноки съ крашенными, коричневыми парусами. Запахъ угля становился все сильнѣе, дакъ все больше куталась въ туманъ. Изжелта-сѣрыя волны его плыли и на насъ, и когда мы поравнились съ Вульвичемъ, то есть проѣхали еще двѣнадцать миль отъ Гревзенда, — солнца, которое свѣтило очень ярко, когда мы вступали въ устье Темзы, нельзя было узнать. Оно то сквозилось краснымъ раскаленнымъ ядромъ изъ-за густыхъ, черныхъ клубовъ дыма, подымавшагося надъ пароходами, то прорѣзывалось тонкимъ золотымъ кольцомъ, когда дымъ на минуту рѣдѣлъ и разстилался по небу мутнымъ пологомъ. У береговъ сѣрый туманъ начиналъ превращаться въ черный, и изъ этого унылаго мрака слышался непрерывный стукъ тысячи молотовъ. Рѣзко и грозно разносились вдоль по рѣкѣ ихъ тяжелые и частые удары по наковальнямъ; къ нимъ примѣшивался по временамъ гулъ машинныхъ колесъ и свистъ пилъ.

Кто-то изъ пассажировъ нашего парохода, толпившихся на палубѣ, справедливо замѣтилъ, что нельзя придумать лучшаго аккомпанемента къ извѣстной пѣснѣ: «Rule, Britania, the wares!»

Почти на протяженіи цѣлой мили тянутся у праваго берега, на которомъ стоитъ Вульвичъ, мрачные навісы военной верфи. Подъ ними мы различали порой огромные остоны и ребра кораблей; но ни

людей, кующихъ тутъ въ чадной угольной тѣнѣ морское желѣзиче Британіи, ни ихъ тяжелой работы нельзя было разглядѣть, и тѣмъ грознѣе казался безаустанный и неумолчный грохотъ этого неслыханнаго движенія. За высокой стѣной, ограждающей полосу берега, на которой построена вульвичская верфь, изъ-за ея высокихъ мачтъсовъ, изъ-подъ глухихъ кровель ея мастерскихъ — солнца не увидишь иначе, какъ въ вѣчномъ затмѣніи, и у каждаго изъ работающихъ подъ этимъ негрѣющимъ солнцемъ, безъ отдыха и безъ надежды на отдыхъ, остановится въ горлѣ второй стихъ горделиваго народнаго гимна, который не сложился бы безъ ихъ темной работы.

Къ вульвичской верфи примыкаетъ и громадный морской арсеналъ, въ которомъ хранится чуть ли не двадцать пять тысячъ орудій и милліона три пушечныхъ ядеръ.

Едва началъ становиться за нами глуше и смутнѣе стукъ молотковъ и машинъ, до насъ сталъ доноситься такой же гулъ и грохотъ спереди. Мы миновали мѣстечко Блэкволъ, гдѣ у пристани тѣснились пароходы, и пассажиры ихъ спѣшили на желѣзную дорогу, которая идетъ отсюда по улицамъ Лондона и надъ его домами въ самую средину Сити. Пароходъ нашъ приближался къ громаднымъ вестиндскимъ докамъ. Рѣка дѣлаетъ тутъ поворотъ влѣво и поворачивая дальше вправо на линію своего прежняго теченія, образуетъ большой мысъ, который прорѣзанъ насквозь каналомъ и бассейнами доковъ.

Мы стали огибать мысъ. Старое имя его Isle of Dogs (Собачій островъ), давно пора бы замѣнить инымъ и, чтобы не переименовывать много, назвать его — Isle of Docks (Островъ доковъ). Думаютъ, что названіе «Собачій» дано было ему въ то время, когда въ Гринвичѣ, который лежитъ прямо насупротивъ, на выгибѣ праваго берега Темзы, была королевская резиденція, а на мысу жили придворныя охотничьи собаки. Теперь такъ же не живетъ собакъ на островѣ, какъ въ Гринвичѣ королей, и если гринвичскій дворецъ, который строили себѣ расточительные Стюарты, занятъ теперь и называется госпиталемъ, а не дворцомъ, то почему же бы не переименовать и Собачьяго острова?

Скоро увидели мы и Гринвичъ, и его знаменитый дворецъ — госпиталь для морскихъ инвалидовъ, которыхъ помѣщается тутъ до трехъ тысячъ. Изящный фасадъ его съ колоннами и куполами обращенъ на рѣку, и не заслоненъ, къ счастью, темными торговыми постройками. Просторная терраса идетъ отъ него къ Темзѣ.

Немного дальше, у смежнаго съ Гринвичемъ Дентеорда, еще госпиталь, но уже не въ нынешнемъ дворцѣ, а въ большомъ разсѣщен-

номъ кораблѣ, который стоитъ тутъ на якорѣ. Огромная надпись на немъ: *Seamen's Hospital*, не можетъ не броситься въ глаза каждому, плывущему по Темзѣ. Матросы всѣхъ націй принимаются въ эту надводную больницу, и *Dreadnought* (такъ именуется корабль) стоитъ за свое теперешнее назначеніе гораздо большаго уваженія, чѣмъ какимъ пользовался когда-то за свое участіе въ трафальгарской битвѣ.

Въ деревнѣ Дептфордъ, какъ извѣстно всякому русскому, работалъ на верфяхъ Петръ Великій. Прежде чѣмъ мы миновали се, всѣ пассажиры нашего парохода, вѣхавшіе въ Лондонъ въ первый разъ, насторожили вниманіе. Мы приближались къ громадѣ Левіаѳана, ожидающаго окончательной отдѣлки (которая и производится быстро и съ успѣхомъ), чтобы двинуться въ океанъ съ четырьмя тысячами пассажировъ. Желѣзные бока его такъ высоко поднимаются изъ воды, что намъ приходилось закидывать голову, чтобы видѣть ихъ борты. И теперь уже, несмотря на свою безжизненность и неподвижность, Левіаѳанъ кажется какимъ-то баснословнымъ чудовищемъ. Что же будетъ, когда палубы его съ площадями и улицами каютъ, и салоны, равняющіеся палубамъ линейныхъ кораблей, наполнятся народомъ, когда вмѣсто маленькихъ лодокъ, висящихъ у боковъ теперешнихъ кораблей, онъ привѣситъ къ себѣ два винтовыхъ парохода и двадцать небольшихъ судовъ, большею частью съ палубами, мачтами и парусами, и пуститъ клубы дыма изъ своихъ широкихъ трубъ, и спокойнымъ ходомъ пойдетъ по бурному морю, въ то время, какъ такіе пароходы, какъ нашъ Альбионъ, будутъ качаться и заплескиваться волнами, и изъ всѣхъ каютъ будутъ слышаться *«Erbrechen, Fluchen und Beten»*, какъ говоритъ Гейне! Левіаѳанъ обезпеченъ не только отъ сильной качки, но и отъ огія и крушенія. Горѣть ему нельзя, потому что въ немъ нѣтъ ни куска дерева; весь корпусъ его двойной, и еслибъ дно и бока разбились, корабль все таки не погибъ бы, потому что у него остаются другое дно и другіе бока. И какъ подумаешь, что онъ построенъ не изъ тщеславныхъ видовъ, какъ строится еще очень многое въ нашъ прославленный положительностью вѣкъ, что это дѣло коммерческаго разсчета и частной предпримчивости, нельзя не изумляться страшному развитію промышленныхъ силъ народа, способнаго на такія гигантскія предпріятія. Постройка этой громады стояла и стоитъ еще многихъ милліоновъ; но чтобы понять, что эти милліоны не только не пропадутъ, но и принесутъ огромные барыши, достаточно вспомнить, что на одномъ углѣ, который Левіаѳанъ станетъ запасать разо мѣ въ приличномъ количествѣ, будетъ чистаго выигрыша чуть ли не двад-

пять тысячъ франковъ въ каждый проѣздъ въ Америку и обратно. И съ какой быстротой производится здѣсь эти несокрушимыя постройки! Хрустальный дворецъ выросъ въ одинъ годъ, на Ливингстонъ понадобилось менѣе пяти лѣтъ.

Пароходъ нашъ пошелъ тише, когда мы оставили за собой Ливингстона, коммерческіе доки съ частоколомъ мачтъ за законченнымъ зданіями берега налѣво и востъ—индскіе доки съ такимъ же частоколомъ направо. Темза становилась своею суетой похожа на нашу Садовую въ Вербную субботу; вся разница была въ томъ, что вмѣсто омнибусовъ, каретъ и сапей тутъ сновали корабли, пароходы, барки и лодки. Проѣзжая дорога ссузилась. Къ берегамъ тѣсно жались въ нѣсколько рядовъ суда всевозможныхъ размѣровъ и формъ. Число ихъ—легіонъ, хотя можетъ быть только десятая доля судовъ, стоящихъ у Лондона, стоитъ въ рѣкѣ. Остальные пристають въ докахъ, и безчисленные иглы ихъ мачтъ видны мѣ-за прибрежныхъ домовъ. Глазу безпрестанно кажется, что эти дома выстроились на узкой полоскѣ земли, за которою лежитъ если не море, то такая же широкая рѣка, какъ Темза.

«Мы теперь въ такъ-называемой Лужѣ (Pool),» сказали мнѣ мой спутникъ—нѣмецъ, стоявшій со мною рядомъ на палубѣ. «Название очень характеристическое. Посмотрите, по какимъ черниламъ мы плывемъ! Весь Лондонъ снабжаетъ Темзу грязью и помоями, и только нынче поняли, что это не способствуетъ благорастворенію воздуха. Что ни говорите, успѣхи цивилизаціи, быстротѣ которыхъ мы такъ дивимся, совершаются очень туго. Надо было Лондону простоять слишкомъ тысячу лѣтъ, чтобы сообразить, что изъ дряни, которая, накопаясь въ рѣкѣ, способна произвести чуму, можно извлечь серьезную пользу. Положимъ, тысячу лѣтъ тому назадъ думать объ этомъ было раненъко; но ужъ лѣтъ-то за сто можно было бы догадаться. Нѣтъ, подождали, чтобы лѣтомъ нельзя было не только ораторствовать, но даже и дышать въ парламентѣ. Порядочный джентльменъ считаетъ постыднымъ пройти и по Лондонскому мосту; а объ этихъ черныхъ вонючихъ переулкахъ, которые примыкаютъ къ Темзѣ, и говорить нечего; а попробовать бы онѣ дышать здѣсь даже и сто лѣтъ тому назадъ. Теперь, какъ стало вонять въ парламентѣ, начали не бось придумывать и обсуждать мѣры, какъ бы помочь горю. Помочь однакожь, по моему, не очень-то легко. Положимъ, трубы, которыя выливаютъ теперь всѣ нечистоты въ Темзу, будутъ направлены въ противоположную сторону; да вѣдь два-то у нея ужъ не вычистить. Лужа останется лужей, и Фобъ, какъ говорятъ нашъ Шиллеръ, никогда не будетъ отражать въ ней сво-

его золотого лица. — Вы, однако, не пропустите безъ вниманія вонъ этой широкой и приземистой сѣрой башенки направо. Это входъ въ туннель подъ Темзу, и мы какъ разъ плывемъ надъ любознательными путешественниками, которые осматриваютъ его теперь. Кромѣ нихъ, посѣтителей у туннеля мало. Навѣро такая же башенка; но ея не видать. Мы вѣдь сами плывемъ подъ туннелемъ дыма, чада и тумана.»

Я не отсталъ отъ любознательныхъ путешественниковъ, о которыхъ говорилъ мой спутникъ, и впоследствии посѣтилъ туннель. Заплативъ пенни пошлины у входа въ башенку, я одного спустился по широкой и удобной лѣстницѣ въ глубокую шахту, ведущую къ подводному ходу. Только внизу попалось мнѣ человѣка три-четыре. Они тихо входили по лѣстницамъ, смотрѣли по сторонамъ, на стѣны. Это были, видимо, праздные зрители, какъ и я. Подъ круглыми, свѣтлыми отъ газа сводами туннеля, проходя изъ конца въ конецъ, я встрѣтилъ не больше двадцати прохожихъ. Изъ нихъ, я думаю, я половина не шла тутъ по необходимости. Правда, было воскресенье; маленькія лавчонки съ дешевыми товарами, которыя помѣщаются между арками, раздѣляющими туннель на двѣ улицы, были заперты, кромѣ одной лавки съ нѣжомъ, апельсинами и пряниками. Но возвращаться въ туннель въ будни не стоило: достаточно справиться у будочки сборщика пенсовъ, сколько доставляетъ туннель ежегоднаго сбору, чтобы увѣриться, что и въ шумные будничные дни, когда надъ этими подводными сводами давка въ Лужѣ Темзы, здѣсь тихо и пусто. Всего около пяти тысячъ фунтовъ собирается ежегодно съ прохожихъ туннеля. Стало быть, въ день имъ пользуется круглымъ числомъ съ небольшимъ три тысячи человѣкъ. Что значитъ эта цифра для Лондона, гдѣ по Блэкфрейрскому мосту проходитъ ежедневно пѣшкомъ больше шестидесяти тысячъ, а по Лондонскому мосту до девяноста тысячъ человѣкъ, и проезжаетъ по одному болѣе трехъ съ половиной, а по другому около пяти съ половиною тысячъ омнибусовъ, извозничьихъ каретъ, фуръ и проч.

Туннель строился тоже не для однихъ пѣшиходовъ. Для нихъ назначены неширокіе тротуары по бокамъ обѣихъ улицъ туннеля; по срединѣ мостовая для лошадей и экипажей. На рисункахъ до сихъ поръ не рѣдкость увидать экипажъ подъ сводами подводной дороги; но это только на рисункахъ. Страшная сумма, убитая на постройку туннеля, (онъ стоилъ 613,000 фунтовъ), должна бы была увеличиться чуть не вдвое, еслибы вмѣсто широкаго колодца, которымъ спускаются теперь въ туннель пѣшеходы, сдѣлать къ нему проѣзжіи спускъ. Сколько домовъ пришлось бы покупать и сламывать на обо-

ихъ берегахъ, сколько срывать земли! Но едва ли не вдвое скорѣе окупилась бы тогда издержки, хотя бы и выросли вдвое.

Мысль устроить въ этомъ мѣстѣ подводное сообщеніе между двумя берегами Темзы была очень практична, и неуспѣхъ ея произошелъ лишь оттого, что она исполнена только наполовину. Тутъ нельзя было построить моста, не загородивъ этой громадной гавани, которая тянется отъ моря къ самому сердцу города; а между тѣмъ сообщеніе было тутъ необходимо. Въ началѣ вѣроятно никто изъ строителей и не рассчитывалъ на пѣшеходовъ. Человѣку безъ тяжелой ноши за плечами, безъ телеги съ поклажей, и легче и дешевле переправиться черезъ Темзу на лодкѣ: во-первыхъ, не нужно спускаться по сотнѣ ступеней подъ землю, потомъ опять подниматься; во-вторыхъ вмѣсто пенни въ одинъ конецъ на лодкѣ можно проѣхать два конца за полпенни. И поэтому ставъ лодокъ, которыми снуютъ надъ туннелемъ взадъ и впередъ по Темзѣ, ловко шныряя подъ самымъ носомъ пароходовъ, всегда полны пестрымъ народомъ; а туннель вѣчно пустъ. Между тѣмъ тому движенію, для котораго онъ строился, туннель не помогаетъ. Можетъ быть онъ и оживился бы, еслибъ могъ быть мѣстомъ прогулки; но для этого много препятствій. Въ суетливыхъ и нищенскихъ кварталахъ, къ которымъ онъ примыкаетъ, народу не до прогулокъ. Да если и есть часъ досуга бѣдному труженнику, онъ захочетъ взглянуть на зедень, на солнце, не проникающее ни однимъ лучомъ въ дѣдыны потемки его тюрьмы-мастерской, и не пойдетъ онъ, и не поведетъ своихъ чадныхъ дѣтей подъ душные своды туннеля. Для мелкихъ подводныхъ торгашей, собирающихъ скудную дань съ малочисленныхъ прохожихъ, воскресенье должно быть истиннымъ праздникомъ. Они могутъ запереть свои лавчонки и выйти изъ газового свѣта на Божій свѣтъ и изъ подвальной духоты на свѣжій воздухъ. Даже чадный туманъ Сити кажется свѣжимъ воздухомъ по выходѣ изъ туннеля. Пройдя его изъ конца въ конецъ, я почувствовалъ стѣсненіе въ груди и торопливо взбѣгалъ по спиральной лѣстницѣ, чтобы поскорѣе выйти вонъ. Правда, въ туннель не проникаетъ копоть, окрашивающая въ траурный цвѣтъ все зданіе Лондона, и гладкія стѣны и своды его такъ чисты, какъ будто только-что смазаны глиной и выбѣлены; но зато вверху иногда дуетъ вѣтеръ съ моря и посреди вредныхъ испареній и дыма проносится же иногда струей, если не чистый, то все-таки дѣйствительно свѣжій воздухъ, и, признаюсь, для меня темныя стѣны лондонскихъ переулковъ показались, по выходѣ изъ туннеля, отраднѣе его опрятныхъ сводовъ.

«Прорытіе подводнаго хода подъ Темзой можетъ считаться вы-

сочаинимъ торжествомъ инженернаго искусства...» Такъ или въ родѣ этого говорить всѣ описанія лондонскаго тумана. Признаемъ за нимъ это значеніе, припишемъ съ его непрактичностью и воротимъ ся на Темзу.

Домъ или лучше сказать черныя кирпичныя стѣны на обѣихъ сторонахъ рѣки жалась другъ къ другу все плотнѣе и плотнѣе. На каждой стѣнѣ бѣжали большія прописныя буквы надписей, объяснявшихъ, что за стѣной помѣщается или верфь, или мастерская, или складочное мѣсто. За вервами рядомъ стѣнъ видѣлся другой рядъ, выше, съ такими же надписями, а черезъ него глядѣли опять стѣны и опять вывѣски. Порой, вмѣсто втораго и третьяго ряда стѣнъ, снова подымались сотни мачтъ. Мы были около лондонскихъ доковъ и доковъ св. Екатерины. Въ тѣсныя ущелья между двухъ домовъ то и дѣло осторожно входили или пароходъ или наусное судно. Оставайся всѣ они на рѣкѣ, по ихъ палубамъ можно было бы пройти, не замочивъ подошвы, отъ Лондонскаго моста до Гревзенда.

Въ безчисленной стаѣ кораблей, жавшихся къ берегамъ и двигавшихся по рѣкѣ, глаза невольно останавливались на судахъ съ углами изъ нью-кестльскихъ копей. Они были самой темной тѣнью въ сѣрой панорамѣ, окружавшей насъ: черныя бока, черныя палубы, черныя снасти и черные люди. «Изъ грозной и мрачной глубины каменно-угольныхъ копей (говоритъ одинъ нѣмецкій путешественникъ) возникло промышленное, а чрезъ него и политическое величіе Англіи. Отнимите у британскихъ острововъ ихъ каменный уголь, влейте золото, серебро, алмазы въ темныя шахты, наполните ихъ всею монетою, которую начеканили съ сотворенія міра дурные и добрые государи, — они не замѣнятъ воспалимой искры, которая таится въ углѣ и возбуждаетъ, истощаясь сама, тысячи новыхъ жизненныхъ силъ. Еслибъ англійскій народъ не владѣлъ неистощимыми угольными мѣсторожденіями, онъ стоялъ бы все на томъ же мѣстѣ, какъ и за тысячу лѣтъ, былъ бы только маленькимъ островнымъ населеніемъ, бѣднымъ, безсильнымъ, забытымъ, обреченнымъ довольствоваться вѣчно-скудными произведеніями своей почвы и невѣрными дарами окрестнаго моря.»

Не остановимся, однакожъ, на этихъ словахъ, какъ на окончательномъ выводѣ, и не забудемъ, что безъ предприимчиваго генія въ самомъ народѣ пласты каменнаго угля лежали бы и донынѣ неприкосновенными подъ землею и не замѣнили бы съ лихвой грудъ золота.

«Легко сваливать на природу вину собственнаго неразумія», продолжаетъ тотъ-же путешественникъ. «Взгляните на нашу землю!

На ней мало, очень мало такихъ прострѣяствъ, которыми, какъ болшія пустыни въ жарихъ странахъ или безотрадные ледяныя равнины у полюсовъ, не могли бы представить какого нибудь неслѣдоваго клада, таящаго въ себѣ будущность цѣлаго народа. Что дала природа британскому народу столь великаго, чего не могли бы назвать своимъ и многія другія націи? Но какъ воспользовалась британская раса тѣмъ, что дано ей природой, сравнительно съ другими племенами? Почва ея раститъ теперь лучшія въ Европѣ породы хлѣба: зерно англійской пшеницы отличите вы въ тысячѣ другихъ зеренъ; изъ угольныхъ коней своихъ, словно волшебною силой, выводятъ британдцы величайшее промышленное государство всѣхъ вѣковъ; море, омывающее ихъ скалистые берега, превратили они въ мостъ, по которому предприимчивый геній ихъ мыслится во всѣ страны свѣта. Вода, земля, воздухъ и огонь! Все тѣже древніе стихіи, и онѣ-то послужили матеріаломъ англійскому величію» (*).

— Что это за зданіе? спросилъ кто-то за мной.

— Гдѣ? Направо? Это Лондонскій Замокъ (Tower), отвѣчалъ мой вѣмецъ. — Не правда ли, эта мертвая старина какъ-то некстати здѣсь, рядомъ съ самой живой современностью? Только мѣсто занимаетъ. Тутъ можно бы очень удобно устроить складочныя магазины для табаку, чаю или вина.

И точно, — все вокругъ такъ полно суетливой жизни, такъ предано неутомимымъ насущнымъ заботамъ, (какова бы ни была ихъ цѣль — тысячи ли фунтовъ барыша, или чорствая корка хлѣба), что вниманію некогда оторваться отъ настоящаго и думать о прошломъ, хотя безъ этого прошлаго мы не увидали бы этого настоящаго такимъ, какимъ видимъ его теперь. Притомъ у Товера съ рѣки нѣтъ ничего ни особенно величественнаго, ни особенно вѣющаго стариной. Онъ реставрированъ послѣ недавняго пожара, и высокія гладкія стѣны его съ четырьмя башнями по угламъ не потемнѣли еще отъ копоти, которая такъ скоро придаетъ почтенный древній характеръ лондонскимъ зданіямъ.

На рвы, стрѣльчатые ворота, круглыя башни и массивныя стѣны Товера надо взглянуть съ другой стороны. Тамъ, не развлекаясь шумомъ и суетой настоящаго дня, вы невольно вспомните темную исторію замка и станете съ должнымъ благоговѣніемъ смотрѣть на эти башни, изъ которыхъ въ каждой разыгралась не одна кровавая борьба. Въ одной башнѣ удушены дѣти Эдуарда, въ другой сидѣла Дженъ Грей въ ожиданіи казни, въ третьей убитъ Генрихъ VI, въ

(*) *Max Schlesinger, Wanderungen durch London. Bd. II. (Berlin, 1853).*

четвертой лилось вино; а не кровь, но и вино тутъ было невесело: въ бочкѣ его захлебнулся братъ короля Эдуарда IV. Подъ землей, на которой стоитъ Товеръ, лежали цѣлыя груды обезглавленныхъ тѣлъ, и между ними Анна Боленъ, Дженъ Грей, Катерина Говардъ и проч. и проч. поэтической и не поэтической памяти жертвы. Въ собраніи рѣдкостей, показываемыхъ въ Товерѣ всякому желающему за шиллингъ и за шесть пенсовъ, хранится и топоръ, подъ которымъ падала большая часть этихъ злополучныхъ головъ, и орудія пытки, которыхъ попробовали многіе, прежде чѣмъ понесли свои головы на плаху.

Скоро ли отживетъ свой вѣкъ, какъ Товеръ, и это огромное зданіе вблизи его съ большою террасой на рѣку, съ тремя подъездами и тремя выступами, украшенными колоннами, безъ которыхъ не обходится въ Лондонѣ ни одно зданіе, какъ скоро имѣетъ притязаніе на красоту и важность? Это Custom-House. Разъ шесть онъ сгоралъ, и столько же разъ строили его снова на томъ же мѣстѣ, и вѣроятно еще нѣсколько поколѣній пройдутъ, прежде чѣмъ онъ превратится въ этнографическій музей или что нибудь подобное.

Мы уже почти у пристани. Вотъ и London-Bridge съ его тяжелыми сѣрыми арками, предѣляя собственно-морской жизни. За его сводами видны вдали своды другаго моста; если бы не туманъ, который здѣсь особенно густъ, мы увидали бы и еще мостъ, третій. Всѣхъ ихъ въ Лондонѣ семь, и всѣ кипятъ жизнью; но первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Лондонскому мосту. Глядя съ парохода, можно подумать, что въ этой давкѣ не пройдешь, не пройдешь. Тихо движутся по срединѣ громадныя возы, чудовищныя омнибусы съ тѣсно положенными на ихъ крышахъ людьми, кареты и кэбы; тысячи круглыхъ мужскихъ шляпъ на тротуарѣ кажутся изъ-за стѣнъ моста какимъ-то чернымъ потокомъ.

Почти такая же толкотня, какъ на мосту, и у пристаней по сю и по ту сторону. Однѣ толпы тѣсняются къ пароходамъ, другія бѣгутъ плотною массой съ пароходовъ имъ навстрѣчу, еще толпы пробираются по живому мосту сдвинувшихся судовъ. Всѣ голоса и звуки мѣшаются въ одинъ смутный гулъ: и крики матросовъ, и шипѣнье выпускаемаго пара, и шумъ водяныхъ колесъ. Надо родиться на этихъ туманныхъ берегахъ и съ дѣтскихъ лѣтъ привыкнуть къ этому страшному движенію, чтобы не почувствовать какой-то невольной робости, какого-то еще неиспытаннаго одиночества. Какъ ни осязательно-дѣйствительны эта неугомонная жизнь, это неутомимое движеніе, въ нихъ есть что-то сказочно-фантастическое для непривычнаго зрителя, можетъ быть отъ этого тумана, лежащаго на всемъ,

можетъ быть отъ этого мутнаго багроваго солнца, лучи котораго безсильно тонуть въ немъ.

Если взглянуть отъ Лондонскаго моста вдоль по Темзѣ на ея берега, они кажутся выставленными и загроможденными какими-то угрюмыми развалинами: такъ черны и грязны эти практическія постройки, кирпичныя стѣны которыхъ спускаются къ самой водѣ. Нѣтъ мѣста, гдѣ бы взглядъ не встрѣтился съ трубой, кидающей клубы чернаго дыма словно на зло упрямому при своемъ безсиліи солнцу. Справа, въ Соутваркѣ, этомъ приростѣ Лондона съ шестьюстами тысячъ жителей, трубы фабрикъ, заводовъ и пивоваренъ подымаются изъ-за прибрежныхъ зданій высокими колоннами и обелисками, и не вставая надъ ними дымящіе столбы и облака, можно бы подумать, что все это какіе нибудь памятники въ родѣ такъ называемаго монумента въ Сити, воздвигнутаго въ воспоминаніе о большомъ лондонскомъ пожарѣ.

Можетъ быть картина выиграла бы въ красотѣ, еслибъ берега рѣки обложить гладкимъ камнемъ, обсадить деревьями, испестрить цвѣтниками, застроить изящными дворцами и проч. Тогда и воздухъ не былъ бы такъ сѣръ, и туманъ не лежалъ бы на рѣкѣ такъ упорно, и дымъ не мѣшалъ бы солнцу свѣтить такъ же ярко, какъ оно свѣтитъ надъ истоками Темзы. Но такихъ красивыхъ картинъ не мало на свѣтѣ и безъ Лондона, и онѣ не придали еще ни одному городу того прочнаго величія, какое дала Лондону эта мрачная и унылая обстановка.

Впрочемъ и у этой мутной Темзы Сити была пора романтической красоты. Воды ея были настолько прозрачны, что могли отражать въ своемъ зеркалѣ и берега и корабли. Корабли были немногочисленны, но берега зеленѣли бархатной муравой и пышными садами, пестрѣли красивыми домами и дачами, однимъ словомъ, могли удовлетворить вполне самаго взыскательнаго любителя украшенной природы или искусства, что было по тогдашнимъ эстетикамъ одно и то же. Роскошно-убранныя гондолы и праздныя parties de plaisir вытѣснены темными отъ копоти пароходами и дѣловымъ движеніемъ, и жалѣть объ этомъ никому не приходило въ голову. Правда, лордъ-мэръ, вступая въ должность, катается еще каждую осень на разукрашенныхъ лодкахъ отъ Сити до Вестминстера; но и эту комедію, надо предполагать, постигнетъ скоро участь знаменитой процессіи обрученія венеціанскаго дожа съ моремъ. Какъ ни крѣпко, какъ ни по-китайски держится англичанинъ за свою старину съ мишурными мантиями и париками, придется же наконецъ ихъ бросить: ужъ не говоря о Пончѣ, кто втихомолку не смѣется надъ этимъ пыльнымъ хламомъ?

Кому любопытно взглянуть на тотъ Лондонъ, который имѣлъ по-ползновеніе быть похожимъ на Венецію, тому надо подняться вверхъ по Темзѣ къ великолѣпному дворцу, выстроенному лордомъ Коммерсетомъ и сѣдѣвшему донынѣ подъ именемъ Somerset-House, хотя отъ первоначальной постройки въ немъ не осталось и слѣда. Въ этомъ мѣстѣ Темза начинаетъ уже понемногу утрачивать свой чернорабочій характеръ, и Коммерсетскій Дворецъ не загороженъ лѣсомъ мачтъ. Длинный фасадъ его въ итальянскомъ вкусѣ, съ рядами колоннъ, съ широкой террасой, съ надводными арками, составляетъ, вмѣстѣ съ величественнымъ, несмотря на всю свою причудливость, зданіемъ парламента, лучшее архитектурное украшеніе верхней части Темзы.

Но пароходъ нашъ уже причалилъ. Носильщики взваливаютъ себѣ на спину ящики и чемоданы, вѣрный собесѣдникъ мой нѣмецъ совѣтуетъ мнѣ остановиться въ одной съ нимъ гостинницѣ, въ Сити, пока не приищу квартиры, и мы уже на твердой землѣ. Подъ большимъ широкимъ досчатымъ навѣсомъ въ родѣ сарая, куда мы входимъ прямо съ парохода вслѣдъ за носильщиками, чиновникъ, сидящій въ маленькой будочкѣ, около выходныхъ дверей, смотритъ, на всѣхъ ли вещахъ у насъ есть таможенные билетки, и мы прямо изъ дверей попадаемъ чуть не въ объятія толстаго краснощекаго извозчика, который и принимаетъ нашу поклажу въ свою допотопную карету. Грязный узкій переулочъ круто поднимается въ гору.

«Glück auf!» говоритъ нѣмецъ. «На Темзу совѣтую вамъ возвратиться еще разъ. Днемъ вы ее видѣли: посмотрите теперь вечеромъ. Кстати же и гостинница наша въ двухъ шагахъ отъ London-Bridge.»

Рано наступаетъ вечеръ въ Лондонѣ. Иногда и цѣлый день не что иное, какъ сплошные сумерки, и въ лавкахъ узкихъ улицъ съ утра горитъ газъ. Какъ фонари у каретъ, у маленькихъ омнибусовъ-пароходовъ зажигаются по два красныхъ или зеленыхъ глаза и, словно блудячіе огоньки, мелькаютъ то тамъ, то сямъ, то встрѣчаясь, то обгоняя другъ друга, въ сырой мглѣ. Долго еще не смолкаетъ на рѣкѣ движеніе, но скоро грохотъ на Лондонскомъ мосту становится слышнѣе, чѣмъ шумъ виизу, у его тяжелыхъ сводовъ. Вмѣсто судовъ оживляются смрадные переулки, ведущіе къ нимъ, печальные пріюты бѣдности и разврата.

Днемъ, глядя на кипучую дѣятельность надъ Темзой, на этотъ всесвѣтнй рынокъ, куда всѣ концы земли прислали свои товары (wo vier Welten ihre Schätze tauschen), вы изумляетесь невиданному богатству, и забываете о столь же невиданной пищѣ, живущей съ нимъ бокъ-о-бокъ. Ночью, когда утихаетъ рѣчная жизнь и начинаетъ

ся глухое движеніе въ смежныхъ съ Темзой дохметныхъ (gagged) кварталахъ, невольно приходятъ на память горькіе стихи «поэтовъ бѣдности», которыхъ ни одна литература не насчитаетъ столько, какъ англійская, и мысль невольно останавливается на дорогой цѣнѣ, которою покупается такъ называемое «промышленное величіе» народовъ....

O God! that bread should be so dear,
And flesh and blood so cheap! (*)

(*) «Господи! что это — какъ дорогъ хлѣбъ, и какъ дешевы людское тѣло и кровь!» *Томасъ Гудъ*.

МНХ. МИХАЙЛОВЪ.

ВУЛЬВНЧСКИЙ АРСЕНАЛЪ И ПУШКА ЭРМСТРОНГА.

Говорятъ, что нейтральныя державы, предвидя изгнаніе австрійцевъ изъ Ломбардіи въ нынѣшнюю компанію, приготовились настанавать и въ Парижѣ и въ Вѣнѣ о пачатіи мирныхъ переговоровъ тотчасъ же по вступленіи французовъ въ Миланъ. Трудно полагать, чтобы эти усилія прекратить войну имѣли успѣхъ, пока силы враждующихъ сторонъ еще не истощены до послѣдней крайности. А если война не кончится однимъ походомъ, то при нынѣшней дипломатической системѣ она не можетъ не вовлечь въ свой водоворотъ тѣ государства Западной Европы, которыя имѣютъ претензію возвышать голосъ во всѣхъ политическихъ столкновеніяхъ. Пруссія очевидно желала бы не начинать войны; но она такъ тѣсно связана съ Нѣмецкимъ Союзомъ, а Нѣмецкій Союзъ такъ тѣсно связанъ съ Австріею, что каждая новая побѣда французовъ приближаетъ минуту, когда Германія подъ предводительствомъ Пруссіи вступится за Австрію. Когда же война вспыхнетъ на Рейнѣ, Англія въ свою очередь не удержится отъ участія въ ней. Силы континентальныхъ державъ измѣряются очень легко: нужно только заглянуть въ какія нибудь статистическія таблицы, чтобы сосчитать количество солдатъ, которыхъ можетъ поставить подъ ружье Пруссія, Нѣмецкій Союзъ, Австрія, Франція. Нужно вычесть изъ нихъ то число, какое должно остаться дома для охраненія внутренняго порядка, и мы знаемъ силу, какую каждое изъ этихъ государствъ можетъ выказать въ войнѣ. Могущество Англіи опредѣляется не такъ легко. По численности ея арміи передъ началомъ войны нельзя судить о томъ, сколько людей будетъ имѣть она подъ знаменами во время войны. Можно только знать по примѣрамъ всѣхъ прежнихъ войнъ,

что съ каждымъ новымъ годомъ армія Англіи на театрѣ войны увеличивается въ числѣ, между тѣмъ какъ численность другихъ армій обыкновенно уменьшается съ каждымъ походомъ. Но количество солдатъ, которымъ можетъ располагать Англія, вовсе не составляетъ главнаго элемента ея военной силы. Давно извѣстно, что деньги, въ которыхъ она никогда не будетъ чувствовать недостатка, придавали ей военное могущество гораздо болѣе значительное, нежели какого слѣдовало бы ожидать, судя только по числу ея солдатъ. Но теперь есть еще третій источникъ военной силы, которымъ особенно превосходитъ Англія всѣ другія государства. Технические усовершенствованія въ оружіи, развивающіяся передъ нашими глазами, утроняють силу того войска, которое располагаетъ ими. Теперь сознали вездѣ необходимость вооружить штуцерами всю пѣхоту. Но ни Австрія, ни Франція, ни Пруссія не имѣютъ средствъ дать хорошіе штуцера каждому своему пѣхотинцу; эту возможность имѣетъ только Англія. Еще важнѣе соотвѣтственное измѣненіе въ устройствѣ артиллерійскихъ орудій. Послѣ крымской войны найдено средство дѣлать парѣзныя пушки, какъ незадолго передъ тѣмъ было придумано средство дать войну парѣзное ружье, которымъ прежде пользовался только охотникъ. Какъ простое ружье безсильно противъ штуцера, такъ артиллерія, употреблявшаяся до сихъ поръ, становится безсильна противъ парѣзныхъ орудій. У французовъ есть теперь нѣсколько пушекъ парѣзной системы, и хотя онѣ очень малы калибромъ и очень дурны по своему устройству, онѣ уже были одною изъ главнѣйшихъ причинъ побѣды при Монтебелло. Каково же должно быть дѣйствіе парѣзныхъ орудій несравненно лучшаго устройства и несравненно большаго калибра, которыми владѣютъ теперь одни только англичане? Арсеналы и литейные заводы всегда обнаруживали очень сильное вліяніе на ходъ войны, но только теперь начинается эпоха совершеннаго перевѣса артиллерійскихъ средствъ государства надъ всеми другими элементами военнаго могущества. Поэтому, чтобы знать, какую роль будетъ играть въ начинающейся войнѣ Англія, надобно познакомиться съ положеніемъ ея артиллерійскихъ средствъ. Съ этою цѣлью мы переводимъ изъ Times'a двѣ статьи: во-первыхъ, описаніе Вулвичскаго арсенала; во-вторыхъ, рассказъ Эрмстронга, изобрѣтателя знаменитой новой пушки, объ устройствѣ и дѣйствіи ея орудія. По прочтеніи этихъ статей остается неизгладимое впечатлѣніе, что всѣ военныя дѣйствія до вмѣшательства англичанъ будутъ только прелюдіею къ тѣмъ событіямъ, которыя должны произойти въ случаѣ вмѣшательства англичанъ. Англія не желаетъ воевать, но если ошибки континентальныхъ дипломатовъ принудятъ ее воевать,

страшное потребленіе ждетъ тѣ несчастныя арміи, которыя вызовутъ противъ противъ себя англійское войско съ его энфальдскими штуцерами и эрмстронговыми баттарейми. И что страшнѣе всего, это справедливая увѣренность англичанъ, что источникъ ихъ военного могущества огражденъ отъ всякаго соперничества со стороны другихъ націй не какимъ нибудь секретомъ, а просто тѣмъ, что другія націи не могутъ сдумать приготовить для себя тѣ ужасныя орудія, передъ которыми всѣ континентальныя ружья и пушки ничтожны, какъ дубина дикаря передъ штыкомъ европейца.

Мы помѣщаемъ сначала описаніе Вульвичскаго арсенала, напечатанное въ Times'ѣ, 12 мая. Въ нѣмецкихъ и нашихъ газетахъ были нѣкоторыя извлеченія изъ этой статьи, но намъ кажется, что съ нею стоитъ познакомиться въполнѣ.

«Въ Вульвичѣ, великомъ центрѣ производства разрушительныхъ оружій и военныхъ запасовъ всякаго рода, всѣ отдѣленія арсенала кипятъ чрезвычайной дѣятельностью, которая отличается отъ дѣятельности, бывшей во время самаго разгара крымской войны, только тѣмъ, что работа еще не производится по ночамъ. Въ Вульвичѣ думаютъ, и можетъ быть справедливо, что эта дѣятельность болѣе направлена заботою о сохраненіи мира, нежели намѣреніемъ вести войну. Но каковъ бы ни былъ предметъ, средства для его достиженія одинаковы, и мы увѣрены, что публикѣ пріятно будетъ узнать объ этой дѣятельности, которая съ каждымъ днемъ укрѣпляетъ оборонительное положеніе нашей страны, такъ что черезъ два или три мѣсяца Англія будетъ въ состояніи съ совершеннымъ равнодушіемъ смотрѣть на вопросъ о войнѣ и мирѣ, на сколько онъ зависигъ отъ степени готовности къ войнѣ. Вульвичскій арсеналъ есть самое огромное депо и самая огромная мануфактура своего рода не только въ Англіи, но и въ цѣломъ мірѣ, и то, что происходитъ въ немъ теперь, можетъ служить вѣрнымъ образцомъ того, что происходитъ на всѣхъ арсеналахъ и верфяхъ Великобританскаго королевства.

«Новая пушечная литейная въ Вульвичѣ пока не участвуетъ въ общихъ приготовленіяхъ. Недѣли двѣ тому назадъ, работа на ней остановлена для того, чтобы пристроить добавочныя горны. По первоначальному плану, эту литейную предназначалось устроить на пять паръ горновъ; но во внезапномъ припадкѣ бережливости рѣшено было построить на первое время только двѣ пары горновъ. Въ этихъ четырехъ горнахъ въ прошедшемъ году было отлито 197 пушекъ 32-фунтоваго и 63-фунтоваго калибра; среднимъ числомъ пушка обходилась въ 50 ф. с. (320 рублей). Недѣли двѣ или три тому назадъ получено было приказаніе построить еще два прибавочныя

горизонт и теперь новая пушечная литейная может приготовить каждую неделю по 10 пушек 68-фунтового калибра; но въ случаѣ надобности, работая день и ночь, она легко может изготовлять вдвое болѣе, то есть, до 1000 орудій въ годъ.

«Въ прошедшемъ финансовомъ году правительство заказало частнымъ заводчикамъ 1335 чугунныхъ орудій, вѣсившихъ вмѣстѣ 4800 тоннъ (300,000 пудовъ). Изъ этихъ орудій было 312 пушекъ 68-фунтового калибра; 460 мортиръ 10-дюймового калибра; 300 пушекъ 32-фунтовыхъ; 19 гаубицъ 10-дюймовыхъ; 44 гаубицы 8-дюймовыхъ; 200 пушекъ 10-дюймовыхъ и 19 полевыхъ гаубицъ 10-дюймовыхъ. Эти орудія обошлись отъ 19 до 21 фунта за тонну (почти ровно 2 рубля за пудъ). Въ нынѣшнемъ году заказано на частныхъ заводахъ около 1000 чугунныхъ пушекъ разныхъ калибровъ, перечисленныхъ выше; но заводчики легко сдѣлаютъ, въ случаѣ надобности, тройное количество орудій. Такимъ образомъ при помощи новой казенной литейной пушечной въ Вулвичѣ, Англія безъ малѣйшаго затрудненія можетъ приготовить отъ 4 до 5 тысячъ самыхъ лучшихъ орудій самаго большаго калибра.

«Но и безъ прибавки этого громаднаго производства, Англія даже въ настоящую минуту достаточно снабжена орудіями на цѣлыя годы европейской войны. Въ вульвичскихъ кладовыхъ находится теперь около 12,000 чугунныхъ орудій; и если мы выключимъ изъ этого числа старыя и 24-фунтовыя орудія, которыя теперь не употребляются ни на корабляхъ, ни въ крѣпостяхъ, все-таки останется болѣе 7000 пушекъ самой лучшей новой системы и самаго тяжелаго калибра, для употребленія хотя нынѣ же. Въ этотъ счетъ, разумѣется, не входятъ запасы на нашихъ большихъ верфяхъ, въ каждой изъ которыхъ хранится отъ 1000 до 1500 тяжелыхъ орудій новѣйшей системы. Вулвичскій арсеналъ можетъ теперь приготовить къ выпуску по 200 орудій въ недѣлю, а въ случаѣ надобности это число могло бы быть увеличено почти до 500. Въ настоящее время приказано приготовить къ отправленію на службу по 100 этихъ тяжелыхъ орудій въ недѣлю; и они отправляются въ Мальту, на Корфу, въ Гибралтаръ и на другіе посты Средиземнаго моря съ чрезвычайною быстротою. Орудія самаго тяжелаго калибра отправляются также въ Канадскіе форты и перевозятся моремъ для замѣщенія малыхъ пушекъ въ прибрежныхъ укрѣпленіяхъ самой Великобританіи, особенно на восточномъ берегу Англіи. Въ Чотемскихъ и Ширнесскихъ фортахъ прежнія орудія старой системы и малаго калибра также со всевозможною быстротою замѣняются новыми орудіями самаго тяжелаго калибра. То же происходитъ въ Тильбериномъ портѣ, гдѣ кромѣ того устраивается и нѣсколько

новыхъ батарей 68-фунтоваго калибра. Работы въ Тильбёрйскомъ фортѣ можно считать примѣромъ чрезвычайной предусмотрительности правительства, потому что едва ли какойнибудь флотъ можетъ дойти до этой цитадели (*). Намъ было бы пріятно видѣть такую же заботливость объ укрѣпленіяхъ Портсмута и Плимута. Особенно о Портсмутѣ надобно замѣтить, что большая часть орудій въ немъ очень стары и многія батареи вооружены только короткими 18 и 24-фунтовыми пушками 1800 года. Вооруженіе Плимута снискъ укрѣпленій не такъ дурно, но и они нуждаются въ орудіяхъ болѣе тяжелаго калибра, а главное, число ихъ должно быть больше.

«По старой системѣ подрядовъ, всѣ ядра и артиллерійскіе снаряды дѣлались частными заводчиками по цѣнѣ около 13 фунтовъ за тонну (около 1 руб. 25 коп. за пудъ). Въ крымскую войну страшный расходъ на эти матеріалы заставилъ наконецъ правительство заняться этимъ предметомъ, и была устроена въ Вульвичѣ литейная для приготовленія артиллерійскихъ снарядовъ. Успѣхъ, который сопровождался этотъ опытъ, повелъ къ постепенному его разширенію, и теперь наконецъ всѣ ядра и бомбы, которыя понадобились бы въ войнѣ самаго колоссальнаго размѣра, могли бы легко быть доставлены текущимъ производствомъ въ Вульвичскомъ арсеналѣ и притомъ со сбереженіемъ для націи отъ 6 до 7 фунтовъ на тонну. Теперь это отдѣленіе арсенала работаетъ съ чрезвычайной дѣятельностью, производа въ недѣлю по 26,000 снарядовъ, — ядръ, бомбъ и картечи. Работая день и ночь, литейная можетъ производить до 40,000 снарядовъ въ недѣлю. Выѣстъ съ нѣсколькимистами тысячъ запасныхъ снарядовъ, находящихся въ кладовой, этого количества достаточно на покрывтіе всѣхъ надобностей въ случаѣ войны, въ чемъ легко можно убѣдиться, сравнивъ размѣръ недѣльнаго Вульвичскаго производства съ размѣромъ потребленія артиллерійскихъ снарядовъ во время Севастопольской осады. По оффиціальнымъ отчетамъ, представленнымъ артиллерійскому департаменту, въ бомбардировку, начавшуюся 17 октября 1854 года, дѣйствовали 72 осадныя орудія, которыя выпустили всего 21,881 снарядъ; въ бомбардировку, начавшуюся 9 апрѣля 1855 г., 123 орудія выпустили 30,633 снаряда; въ бомбардировку, начавшуюся 6 июня, 155 орудій выпустили 32,883 снаряда; въ бомбардировку, начавшуюся 17 июня, 166 орудій израсходовали 22,684 снаряда; бомбардировка 17 августа, произведенная 196 орудіями, потребовала 26,270 снарядовъ. Въ послѣднюю бомбардировку 8 сентября, 208 орудій сдѣлали 28,472 выстрѣла. Кромѣ того было сдѣлано 88,640 выстрѣ-

(*) Она лежитъ на берегу Темзы на восточномъ концѣ Лондона.

лось случайно или для отраженія ночныхъ нападений, и 405 выстрѣловъ было сдѣлано свѣтящимися ядрами. Такимъ образомъ во все продолженіе осады, съ перваго до послѣдняго ея дня, англичане израсходовали 251,872 артиллерійскихъ снаряда; а эта цифра даетъ средній расходъ по 6000 выстрѣловъ въ недѣлю, т. е. менѣе чѣмъ одну шестую часть того количества, какое можетъ еженедѣльно приготовляться въ одномъ Вульвичскомъ арсеналѣ. Надобно, однакоже, замѣтить, что расходъ артиллерійскихъ снарядовъ въ морской войнѣ почти удваиваетъ цифру выстрѣловъ, какую нанесли мы въ осадѣ Севастополя. Такъ въ бомбардировку 17 октября, когда союзные флоты содѣйствовали сухопутнымъ баттаріямъ, «Агамемнонъ» въ продолженіе 4 часовъ выпустилъ болѣе 3000 снарядовъ, а «Родни», «Samarangh» и «Bellerophon» израсходовали почти по столько.

Подлѣ новой пушечной литейной устранивается теперь другая, еще болѣе новая, для выдѣлки пушекъ сэра Уильяма Эрмстронга. Новая постройка не будетъ очень велика, потому что для этой литейной передается также обширный рядъ мастерскихъ, построенныхъ для выдѣлки ланкастеровыхъ пушекъ и ядеръ, которыя теперь оказываются ненужными. Ланкастерская литейная, выбьющая 13 большихъ горновъ и 9 паровыхъ молотовъ и стоявшая 250,000 фунтовъ, теперь, наконецъ, будетъ употреблена съ пользою, и менѣе чѣмъ въ годъ Вульвичъ получитъ средства производить ежегодно некрайней мѣрѣ 300 этихъ великолѣпныхъ орудій. Разумѣется, мы никакъ не закатимъ сказать, чтобы военное начальство нашего королевства казалось намъ когда нибудь смѣшнымъ; но еслибы могло еще казаться смѣшнымъ, то всего скорѣе смѣшно было бы оно въ своей претензійи щеголять тѣмъ видомъ, какъ будто бы оно содержитъ въ тайнѣ какое нибудь новое изобрѣтеніе и будто бы эта тайна можетъ быть сохранена. Такъ оно дѣйствуетъ съ эрмстронговой пушкой: оно бережетъ ее, прячетъ ее, какъ будто бы каждый ирационализующійся, взглянувшій на эту пушку, можетъ не только отгадать всѣ таинства ея чрезвычайно сложной выдѣлки, но тотчасъ же и самъ будетъ способенъ приготовить такіа пушки для иностранныхъ державъ. Въ эрмстронговой пушкѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ секретовъ, которыми бы стоило дорожить, кромѣ одного того великаго секрета, котораго нельзя ни продать, ни разгласить; этотъ секретъ — наше великое превосходство въ механическихъ работахъ. Еслибы въ каждый изъ иностранныхъ арсеналовъ посѣять по эрмстронговой пушкѣ, иностранные артиллеристы и литейщики, разумѣется, могли бы и захотѣли бы дѣлать такіа пушки, но ихъ успѣшія кончились бы только тѣмъ, что они, истративъ много времени и громадныя суммы денегъ, наконецъ прислали бы къ намъ заказы

дѣлать для нихъ эти орудія. Очень распространено въ публикѣ ошибочное мнѣніе, что если устройство дѣлаемаго нами оружія станетъ извѣстно за границу, то во французскихъ, русскихъ, австрійскихъ или прусскихъ арсеналахъ можно будетъ въ какомъ угодно количествѣ дѣлать такое же оружіе; но это совершенная ошибка. Въ доказательство надобно только вспомнить о судьбѣ штуцера Минье. Его великое превосходство давно извѣстно, но все-таки ни одна армія, кромѣ нашей, не вооружена въ полномъ своемъ составѣ штуцерами. Читатели наши очень удивятся, когда мы скажемъ, что во Франціи, Россіи, Пруссіи и Австріи штуцерами вооружены только отдѣльныя стрѣлковыя команды, а линейная пѣхота остается при старыхъ ружьяхъ. Притомъ девять десятыхъ того количества штуцеровъ, какое находится въ австрійской, прусской и русской арміяхъ, сдѣлано для нихъ въ Люттихѣ, а люттихскія мастерскія могутъ выдѣлывать штуцера въ количествѣ 500 въ недѣлю. Французы сами дѣлаютъ себѣ штуцера; но невозможно представить себѣ оружія столь тяжелаго и столь затруднительнаго въ дѣлѣ, какъ штуцера ихъ стрѣлковъ, хотя дальностью и вѣрностью выстрѣла они почти равняются штуцерамъ Минье. Эти факты показываютъ, что мы не должны бояться ни того, чтобы иностранныя державы быстро вводили усовершенствованное оружіе въ своихъ арміяхъ, ни того, чтобы онѣ могли принимать даже тѣ усовершенствованія, польза которыхъ хорошо извѣстна. Императоръ французскій дѣлалъ великій секретъ изъ своихъ полевыхъ наръзныхъ пушекъ, но какъ ни велики его средства охранять секретъ, все-таки наше правительство имѣло свидѣнія о каждой пушкѣ, которую онъ дѣлалъ. Мы полагаемъ, что не ошибаемся, утверждая, что у него не сдѣлано еще и ста наръзныхъ пушекъ, и что эти пушки — маленькія полевые орудія съ четырьмя наръзами и что они стрѣляютъ цилиндрическими ядрами, обернутыми свинцомъ, чтобы плотно входить въ наръзы. Конечно, ихъ слѣдуетъ назвать усовершенствованіемъ сравнительно съ обыкновенными пушками, но онѣ на столько же ниже эристонговой пушки, на сколько карманный пистолетъ ниже эфалдскаго штуцера.

«Но возвратимся къ эристонговой пушкѣ. Принципъ, по которому она построена, и способъ ея постройки, — все это хорошо извѣстно въ сосѣдствѣ съ мастерскою сэра Уильяма въ Ньюкэстлѣ, и кажется навѣрное можно сказать, что хорошіе рисунки этого изобрѣтенія уже находятся въ Парижѣ и въ Петербургѣ; — но что касается практическаго употребленія, какое могутъ извлечь изъ нихъ въ тѣхъ странахъ, пользы отъ рисунковъ будетъ столько же, какъ еслибъ они оставались въ Англіи. Сэръ Уильямъ Эристонгъ въ нынѣш-

намъ году долженъ сдѣлать 200 полевыхъ пушекъ 9-ти фунтоваго, 12-ти фунтоваго и 18-ти фунтоваго калибра; этого числа совершенно достаточно для снабженія ими одними всѣхъ батарей нашей полевой артиллеріи. Скоро мы надѣемся видѣть эрмстронговы пушки въсомъ въ 50 центнеровъ (150 нудовъ), которыя будутъ стрѣлять 90 фунтовымъ или 100 фунтовымъ ядромъ на разстояніе 5 миль ($7\frac{1}{2}$ верстъ). Каждая пушка дѣлается изъ кусковъ длиною въ три фута, по тому же самому способу, какъ дѣлается ружейные стволы изъ проволоки. Тонкія полосы лучшаго кованаго желѣза, толщиной въ два дюйма, разогреваются до бѣлаго каленія и въ этомъ состояніи онѣ скручиваются спиральными свивками около стального стержня. діаметръ котораго нѣсколько меньше предполагаемаго калибра пушки. Когда этотъ слой остынетъ, онъ покрывается другимъ слоемъ, спираль котораго идетъ въ противномъ направленіи, и такимъ образомъ кладется другъ на друга три или четыре слоя, смотря по калибру пушки и требуемой толстотѣ ея стѣнокъ. Потомъ весь этотъ цилиндръ снова разогревается и въ послѣдній разъ куется паровымъ молоткомъ. Послѣ того концы трехъ-фунтовыхъ цилиндровъ сръзываются такъ, какъ нужно для ихъ соединенія; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соединяются цилиндры, пушка связывается толстыми кольцами изъ кованаго желѣза, которые надѣваются на нее раскаленные до-бѣла, и охлаждаясь сжимаютъ охваты цилиндра такъ сильно, что пушка выходитъ крѣпче того, чѣмъ была бы изъ цѣльнаго куска. Въ казенной части прорѣзывается отверстіе въ камору. Сама казенная часть отдѣляется отъ пушки и соединяется съ ней сильнымъ винтомъ. Когда пушкѣ надобно зарядить, задняя часть отводится, и вкладывается зарядъ, который вталкивается въ пушку поворотомъ большаго винта, приводящаго заднюю часть вполнѣ къ пушкѣ. Это соединеніе задней части съ пушкою производится однимъ оборотомъ рукоятки, и пушка готова къ выстрѣлу. Операция заряданія и выстрѣла, сколько мы знаемъ, можетъ производиться три раза въ минуту. Кромѣ этого простаго, но вѣрнаго механизма, устроеннаго для заряданія, великое достоинство пушкѣ придается способомъ ея составленія изъ спиральныхъ кованыхъ полосъ, который увеличиваетъ крѣпость стѣнъ до такой степени, что онѣ имѣютъ только половину обыкновенной толщины. Такъ, напримѣръ, обыкновенная 32-фунтовая пушка вѣситъ 57 центнеровъ и требуетъ 10-ти фунтоваго заряда, чтобы бросить ядро на дальнѣйшее, возможное для нея разстояніе—3,000 ярдовъ ($2\frac{1}{2}$ версты); 32-фунтовая пушка Эрмстронга вѣситъ только 26 центнеровъ (81 нудъ), и зарядъ въ 5 фунтовъ пороха бросаетъ ея ядро на $5\frac{1}{2}$ миль ($8\frac{1}{4}$ верстъ), или почти на 10,000 ярдовъ. Въ этой 32-фунтовой пушкѣ дѣлается не

мѣръ 41 парѣза; парѣзы эти имѣютъ полный оборотъ въ 10-ти футовъ, т. е. для того, чтобы парѣзъ описалъ полный кругъ, стволъ пушки долженъ былъ бы имѣть десять футовъ длины. Еслибы оборотъ парѣза былъ круче, то безъ сомнѣнія ядро приобрѣтало бы большую силу полета, но опасность, что свинцовая одежда ядра не выдержитъ такого тренія, была бы очень велика, и потому дѣлать парѣзы круче признали неудобнымъ. Ядра эрмстронговой пушки желѣзные, имѣющія форму цилиндра, и сначала изобрѣтатель совершенно покрывалъ ихъ свинцомъ; но теперь эта система измѣнена и снарядъ имѣетъ только два свинцовыхъ кольца, каждое толщиною въ одну четверть дюйма и шириною въ полтора дюйма; одно кольцо идетъ по заднему концу цилиндра, а другое въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяется съ цилиндромъ конусъ, составляющій переднюю часть ядра. Оба эти кольца вѣрзаны такъ спазать въ желѣзную массу ядра, такъ что наружу выступаютъ на одну десятую дюйма, для того чтобы входить въ парѣзы. Такимъ образомъ, когда зарядъ воспламеняется, онъ вталкиваетъ ядро изъ каморы впередъ въ стволъ орудія, который нѣсколько тысячъ для свинцовыхъ колецъ; и они вѣрзаются въ парѣзы такъ плотно, что ни малѣйшая часть газа не можетъ пролетать мимо ядра и вся сила заряда обращается на выталкиваніе ядра.

«Пушка, которая нѣсколько мѣсяцевъ испытывалась правительствомъ, въ Шубернессѣ, выдержавъ 3,500 выстрѣловъ, осталась столь же невредимою, какъ вышла изъ мастерской. Точность выстрѣла изъ орудія этой системы такая, что на дистанціи 4,000 ярдовъ (3 версты 200 сажень) мишень, имѣющая по 10 футовъ въ ширину и высоту, получаетъ изъ 100 выстрѣловъ 90.

«Таковы артиллерійскія средства Вульвичскаго арсенала. Относительно ручнаго огнестрѣльнаго оружія наша и его имѣютъ такой же размѣръ. Въ кладовыкѣ арсенала находится отъ 80 до 90 миллионъ зарядовъ для штуцера Минье, и машины изготовляютъ коническія пули для этого штуцера въ количествѣ двухъ миллионъ въ недѣлю; если на этихъ машинахъ будутъ работать и ночью, онѣ легко станутъ готовить по 3 миллиона. О томъ, сколько миллионъ пистонъ находится въ запасѣ и сколько сотенъ тысячъ можно дѣлать ихъ каждый день въ случаѣ надобности, мы не будемъ говорить, — цифры эти покажутся невѣроятны читателю.

«Даже изъ этого краткаго перечня запасовъ и средствъ, находящихся въ одномъ Вульвичскомъ арсеналѣ, читатели могутъ видѣть, что наши приготовленія имѣютъ довольно почтенный размѣръ и что если говорить о средствахъ нашихъ къ оборонѣ, то характеръ этихъ средствъ можетъ внушить спокойный сонъ самому робкому человѣку.

ку. Но оборонительную или наступательную войну мы будем вести, все равно, и успокоительно, и ново для публики будетъ знать, что въ настоящее время мы приготовлены ко всему, чтобы ни случилось, и что если по несчастію Англія будетъ принуждена принять участіе въ войнѣ, она будетъ воевать, имѣя такія силы и запасы, которые изумятъ міръ. Крымская кампанія была суровымъ и горькимъ урокомъ; но если этотъ опытъ купленъ нами дорого, то онъ остался не безполезенъ своимъ родѣ.»

Итакъ важнѣйшимъ залогомъ своей безопасности въ оборонительной войнѣ и ручательствомъ за успѣхъ въ наступательной войнѣ съ какою бы то ни было державою, англичане считаютъ нулю Эрмстронга и увѣрены, что никакой другой народъ не въ состояніи сдѣлать для себя подобныхъ орудій. Чтобы ближе познакомиться съ этимъ новымъ изобрѣтеніемъ, мы переводимъ рѣчь, которую изобрѣтатель произнесъ на обѣдѣ, данномъ ему въ началѣ мая въ Ньюкэстлѣ-на-Тайнѣ его согражданами. Читателя наши конечно знаютъ, что Эрмстронгъ членъ фирмы, которая имѣетъ пушечный заводъ, что за свое изобрѣтеніе онъ возведенъ въ баронеты, что его литейному заводу сдѣланъ заказъ приготовить 200 новыхъ пушекъ и что самъ Эрмстронгъ, продолжающій управлять своимъ заводомъ, съ тѣмъ вмѣстѣ назначенъ начальникомъ литейной, которая устраивается теперь въ Вульвичѣ для выдѣлки новыхъ пушекъ и о которой упоминаетъ переведенная нами статья Times'a. Вотъ рѣчь Эрмстронга.

«Трудно, невозможно мнѣ выразить чувство, съ какимъ я смотрю на честь, оказанную мнѣ вашимъ приглашеніемъ на этотъ обѣдъ. Эту честь, сдѣланную мнѣ жителями города, въ которомъ я родился, въ которомъ я провелъ почти всю свою жизнь, я считаю выраженіемъ не одного общественнаго сочувствія, но и личнаго добраго расположенія ко мнѣ; и во всю свою жизнь я буду вспоминать о немъ съ гордостью и благодарностью. Благодарю васъ всѣхъ отъ всей души. Предметъ, вызвавшій эту демонстрацію отъ васъ, можетъ считаться предметомъ, имѣющимъ направленіе къ увеличенію кровопролитія; и если бы я думалъ, что сдѣланное мною благопріятствуетъ войнѣ или можетъ вредить интересамъ человѣчества, то я горько жалѣлъ бы о своей дѣятельности. Но я не имѣю такого опасенія. Могущество, даваемое знаніемъ, будетъ ли употреблено оно въ войнѣ или мирѣ, всегда будетъ на сторонѣ цивилизаціи; распространеніе цивилизаціи необходимо должно уменьшать войну и дѣлать ее менѣе свирѣпою. Наша нація имѣетъ мало лишнѣхъ людей, чтобы тратить ихъ на войну. Намъ нужны всѣ пособія, какія можетъ дать знаніе, чтобы оградить насъ отъ нашествій. О моихъ пушкахъ, возбудившей столько толковъ, нелѣпо было бы предпо-

гать, что есть какой нибудь секретъ въ ея общемъ устройствѣ, которое уже извѣстно сотнямъ лицъ и которое приблизительно уже описано во множествѣ изданій. Но есть въ ней много подробностей, которыя не легко сдѣлаются общезнѣсными и которыми надобно вполне овладѣть другимъ націямъ прежде, чѣмъ сдумать онѣ сдѣлать такую пушку. Не раскрывая такихъ подробностей, я могу въ достовѣрной формѣ сообщить вамъ общія свѣдѣнія объ этомъ орудіи.

«Начну съ того, что моя пушка вся сдѣлана изъ кованаго желѣза. Первоначально я дѣлалъ ее отчасти изъ стали; но теперь я не употребляю ничего, кромѣ кованаго желѣза. Она составная, т. е. составляется изъ отдѣльных частей такой умѣренной величины, чтобы каждую изъ нихъ можно было удобно выковывать безъ внутреннихъ пустотъ. Такой способъ построения придаетъ ей большую прочность и слѣдовательно большую легкость. Были слухи, что дѣл изъ моихъ пушекъ разорвались, но это не имѣетъ никакого основанія, подобно многимъ другимъ разсказамъ объ этомъ предметѣ. Говоря о томъ, что пушка заряжается съ казенной части, всѣ писавшіе о ней упоминали о большомъ винтѣ, дѣйствующемъ въ задней части пушки и нажимающемъ поршень для закрытія отверстія. Но они, или не знали, что этотъ винтъ имѣетъ внутри пустоту, или не понимали цѣли такого устройства. Операция, ежедневно производимая теперь артиллеріею, не составляетъ секрета и потому я могу сказать, что моя пушка и заряжается и чистится черезъ этотъ пустой винтъ, и что было бы большою ошибкою предполагать, будто бы возможно вкладывать ядро или зарядъ въ разрѣзъ, гдѣ находится поршень. Поршень этотъ имѣетъ небольшой размѣръ, совершенно не похожій на изображеніе этой части орудія въ разныхъ фантастическихъ рисункахъ его, которые сообщались публикѣ; онъ прикованъ къ пушкѣ, чтобы какъ нибудь не потерялся. Есть много особенностей въ лафетахъ, въ прицѣлахъ и въ другихъ принадлежностяхъ этихъ пушекъ. Не наскучая вамъ подробностями, замѣчу только, что въ станкѣ морской или крѣпостной пушки есть наклонная плоскость, по которой пушка откатывается при выстрѣлѣ, потомъ приходитъ въ первоначальное положеніе дѣйствіемъ тяжести. Это приспособленіе имѣетъ много важности при пушкахъ тяжелаго калибра, потому что избавляетъ отъ надобности въ большомъ числѣ прислуги для подкатыванія пушки послѣ каждого выстрѣла.

«Теперь скажу вамъ о снарядахъ. Они во всѣхъ случаяхъ дѣлаются изъ литаго чугуна, одѣтаго тонкимъ слоемъ свинца, и будучи метромъ нѣсколько болѣе, нежели калибръ орудія, снарядъ съ свинцовой одеждою вдавливается въ нарэзы, чѣмъ и производится

необходимое вращеніе снаряда, а съ тѣмъ вмѣстѣ устраняется всякое колебаніе его и зазоръ. Снарядъ для полевыхъ орудій можетъ служить и плотнымъ ядромъ, и бомбою, и картечнымъ выстрѣломъ. Онъ состоитъ изъ раздѣльныхъ частей, которыя такъ крѣпко сшнучены, что снарядъ пролетаетъ черезъ дубовую стѣну въ девять футовъ толщины, не разбиваясь. Если онъ употребляется какъ бомба, онъ разрывается на 49 правильныхъ частей и около 100 неправильныхъ обломковъ. Онъ соединяетъ въ себѣ качества шрапнели и ударной бомбы, то есть можетъ разрываться или при приближеніи къ предмету или отъ удара о предметъ. Между друзьями онъ такъ безонасенъ, что упадетъ съ кровли дома на землю не разрываясь; но среди враговъ онъ такъ чувствителенъ и злобенъ, что разрывается отъ прикосновенія къ нему пальцемъ. Причина разницы та, что толчокъ, получаемый имъ въ пушкѣ при выстрѣлѣ, приводитъ ударную машинку при снарядѣ въ особенное положеніе, все равно, какъ бы сказать, взводитъ курокъ ружья, и тогда снарядъ становится такъ чувствителенъ, что разрывается отъ удара въ мѣшокъ съ ошмѣками, какъ было испытано въ Шуберинессѣ. Кромѣ того можно сдѣлать, что онъ будетъ разрываться въ минуту вылета изъ пушки, и тогда куски разлетаются въ видѣ вѣтра и производятъ дѣйствіе картечи. Словомъ сказать, снарядъ можетъ разрываться по произволу на далекой или близкой дистанціи, отъ удара о предметъ или отъ дѣйствія гильзы, а когда разрывается, то дѣйствуетъ подобно картечи. Я могъ бы представить вамъ сотни примѣровъ того, какъ дѣйствовали эти бомбы на опытахъ, произведенныхъ комитетомъ нарѣзныхъ пушекъ; но я ограничусь однимъ примѣромъ, который выбираю собственно потому, что тутъ присутствовало чрезвычайное множество лицъ, въ томъ числѣ герцогъ Кембриджскій со многими извѣстными офицерами. Двѣ мишени, каждая въ девять футовъ вышины и ширины, были поставлены въ дистанціи 1,500 ярдовъ (650 сажень) отъ пушки и было брошено въ нихъ 7 бомбъ. Дѣйствіе этихъ 7 бомбъ было таково, что въ двухъ мишеняхъ оказалось 596 пробовъ. Подобное дѣйствіе въ другихъ случаяхъ было производимо на дистанціяхъ до 3,000 ярдовъ (болѣе 2½ верстъ); потому предоставляю вамъ судить, съ какимъ успѣхомъ эти бомбы могли бы держать непріятеля въ должномъ отдаленіи.

«Для дѣланія брешей, для разрушенія зданій, для пробиванія стѣнъ корабля употребляется другое устройство бомбы, цѣль котораго та, чтобы вложить въ нее какъ можно больше пороха. Почти всѣ писатели, хотѣвшіе объяснять публикѣ качества моей пушки, говорили, будто бы большій недостатокъ моего снаряда то, что онъ вмѣщаетъ мало пороха. Итъ, если бы эти писатели сказали, что большая

мысли моего снаряда въ томъ, что онъ выжигаетъ много пороха, они были бы гораздо ближе къ истинѣ. Да, бомба моей 32-фунтовой пушки содержитъ вдвое больше пороха, чѣмъ бомба обыкновенной 32-фунтовой пушки. Ставилъ также въ недостатокъ моему снаряду то, что, проходя сквозь стѣну корабля, онъ дѣлаетъ слишкомъ малую дыру. Если говорить о дѣйствіи плотнаго ядра, тутъ была бы нѣкоторая правда; но что касается до бомбы, то именно того и нужно, отъ нея, чтобы дыра была мала. Моя бомба разрывается въ тотъ моментъ, когда проходитъ черезъ дерево, и чѣмъ меньше дыра ею пробиваемая, тѣмъ стѣсненнѣе будетъ взрывъ, стало быть тѣмъ сильнѣе будетъ его разрушительное дѣйствіе. Вообще о моей пушкѣ надобно судить не столько по отношенію къ плотному ядру, сколько по отношенію къ бомбѣ, снаряду несравненно болѣе странному, которымъ мои пушки и будутъ дѣйствовать почти исключительно.

«Но, возвращусь къ самому началу своихъ опытовъ. Я долженъ сказать вамъ, что они начались болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ. Я началъ дѣлать свою первую пушку въ декабрѣ 1854 и кончилъ ее рано весною слѣдующаго года; хотя она была устроена по тому же самому принципу, какъ нынѣшнія мои пушки, но сначала не давала удовлетворительныхъ результатовъ. Тѣ изобрѣтатели, открытія которыхъ остаются только на бумагѣ, не знаютъ всѣхъ трудностей, вѣстрѣчаемыхъ людьми, приводящими мысль въ дѣло. Я вполне испыталъ всѣ эти затрудненія и мнѣ понадобилось около трехъ лѣтъ вѣстойнаго труда, чтобы побѣдить ихъ. Лѣтомъ опыты мои производились болѣею частью на морскомъ берегу между тремя и шестью часами утра, потому что позднѣе люди просыпаются и ихъ движеніе могло бы мѣшать дѣлу. Зимой я пользовался пустынными болотами въ Олленгедѣ, принадлежащими моему другу министру Вомонту; тамъ у меня была изба, построенная на горѣ въ 2,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Мишени свои я ставилъ на противоположной сторонѣ глубокой долины, гдѣ выстрѣлы не могли никому вредить. Я построилъ инструментъ для поддержанія огня по предмету, погруженному въ ночную темноту, и будилъ дичь этой пустыни, стрѣляя по своей далекой мишени среди ночи, и замѣчу мимоходомъ, что когда этотъ инструментъ былъ доведенъ до надлежащаго совершенства, онъ далъ мнѣ средства въ самую темную ночь поражать отдаленный предметъ съ такою же вѣрностью, какъ при дневномъ свѣтѣ. Въ концѣ трехъ лѣтъ я успѣлъ довести до хорошаго устройства и пушку и ядро. На свой счетъ я сдѣлалъ нѣсколько новыхъ пушекъ и вѣшелъ въ значительныя издержки по производству своихъ опытовъ; но всѣ мои расходы были уплачены правительствомъ, когда оно испытало годность моей пушки. Я долженъ сказать, что гене-

раль Пиль, лордъ Пембрукъ, герцога Нильзонта, словомъ сказать всѣ люди, бывшіе военными министрами, когда я производилъ свои опыты, постоянно оказывали мнѣ всякое содѣйствіе, какого только я могъ желать. Также я долженъ сказать обо всѣхъ несѣмилучшихъ начальствахъ военного вѣдомства. Въ началѣ прошлаго года былъ назначенъ комитетъ для полнаго изслѣдованія вопроса о порѣзныхъ пушкахъ. Комитетъ состоялъ изъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ съ обширными знаніями и съ опытностью въ артиллерійскомъ дѣлѣ и, употребивъ большую часть своего времени, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, на изслѣдованіе пушекъ, ядеръ и бомбъ, представленныхъ мною, они дали единодушное рѣшеніе въ пользу моей системы.

«Относительно вѣрности и дальности выстрѣловъ изъ этихъ пушекъ, я могу мало прибавить къ тому, что было сказано: генераломъ Пилемъ; но замѣчу, что съ той поры, какъ онъ говорилъ, мы успѣли достигъ значительно улучшенныхъ результатовъ. На дистанціи 600 ярдовъ (255 сажень) предметъ, не превосходящій своею величиною дуло напіятельской пушки, можетъ быть поражаемъ почти каждымъ выстрѣломъ. На 3,000 ярдовъ (2 версты 300 саж.) мишень, имѣющая въ квадратѣ 9 футовъ и кажущаяся на этомъ разстояніи маленькимъ пятнышкомъ, въ тихой день была поражена девятью ядрами изъ десяти. Корабль на гораздо большей дистанціи представляется гораздо большую цѣль, а въ городъ или въ цитадель ядра могутъ быть бросаемы съ разстоянія болѣе 5 миль (около 8 верстъ). Не чтобы орудіе приносило всю свою пользу на далекихъ дистанціяхъ, артиллерійскіе солдаты должны получать гораздо лучшее научное образованіе, чѣмъ нынѣ. И я полагаю, что морское и военное министерства примутъ необходимыя мѣры для надлежащаго образованія офицеровъ и солдатъ. Интересенъ вопросъ о томъ, какое было бы вліяніе общаго введенія этихъ орудій на различные условія военныхъ дѣйствій. Если встрѣтятся простые деревянные корабли на открытой морѣ, то, мнѣ кажется, они должны быстро уничтожить другъ друга. Прошло то время, когда люди одѣвались въ латы; но мнѣ кажется, что подходитъ время одѣвать въ латы корабли. Къ нашему счастью, нѣтъ страны, которая могла бы выдержать въ этомъ уровень съ Англіею. Мы имѣемъ безграничныя средства производить и употреблять въ дѣло желѣзо, изъ котораго будутъ дѣлаться корабельныя латы. Если будетъ простой корабль противъ батареи, большая выгода будетъ на сторонѣ батареи, потому что она имѣетъ для пушекъ неподвижную платформу и сдѣлана изъ матеріала болѣе прочнаго, чѣмъ деревянный корабль. Напротивъ при бомбардированіи крѣпостей, арсеналовъ и верфей, пред-

отвѣщающихъ цѣль большого размаха, корабли могутъ дѣйствовать съ очень далекой дистанціи, на которой будутъ пренебрегать выстрѣлами сукунутыхъ укрѣпленій. Въ случаѣ высадки (этотъ случай, быть можетъ, самый интересный для насъ) для защищающагося важность такихъ пушекъ безмѣрна. Надобно полагать, что невозможно было бы произвести высадку, еслибы обороняющійся дѣйствовалъ даже только полевыми батареями изъ такихъ пушекъ; а если бы высадка была произведена, то отступающее войско вообще могло бы дѣйствовать подлѣ всякаго нибудь прикрытія, между тѣмъ какъ нападающіе должны были бы подниматься по открытой мѣстности, на которой подверглись бы страшному истребленію.

«Теперь я скажу нѣсколько словъ о личныхъ условіяхъ, заключенныхъ между мною и правительствомъ. Съ самаго начала я рѣшительно не думалъ брать съ правительства какое нибудь вознагражденіе за усовершенствованія, которыя надѣялся произвести. Потому сначала я и не брать принималогіи. Но скоро я увидѣлъ надежду изъять привиллегію, не для того, чтобы присвоить себѣ монополію, но чтобы оградить себя отъ узурпаціи. Наконецъ, когда рапортъ комитета былъ представленъ, я написалъ въ правительству письмо, въ которомъ предоставлялъ въ распоряженіе службы ея величества всѣ сдѣланныя мною усовершенствованія. На это письмо правительство отвѣчало мнѣ объясненіемъ, что оно готово одѣлать мнѣ денежное вознагражденіе; я отказался брать его. Но возникли два вопроса: во-первыхъ, какими образомъ правительство вычтется дѣлать такіе пушки; во-вторыхъ, какими образомъ поступать относительно будущихъ моихъ усовершенствованій, потому что все это дѣло шло еще въ развитіи и нельзя предполагать, чтобы оно остановилось въ вышнѣйшемъ своемъ видѣ. Для устраненія затрудненій я предложилъ, что если правительство будетъ платить мнѣ годовыя по 2,300 фунтовъ въ годъ, начиная за три года съ настоящаго времени, когда почти все мое время было употреблено на этотъ предметъ, и потомъ еще въ теченіе слѣдующихъ семи лѣтъ, то я отдаю въ его пользу всѣ свои знанія и опытность и предоставляю ему всю свои будущія усовершенствованія. Это совершенно не то, что полученіе вознагражденія, отъ котораго я отказался. Это договоръ, относящійся къ службѣ, и если моя служба прекратится смертью или другимъ образомъ, то и жалованье прекратится. Я глубоко цѣню милостивое признаніе моихъ заслугъ ея величествомъ, но договоръ мой съ правительствомъ цѣню только какъ средство усилить заниматься своимъ дѣломъ для государственной пользы и моего собственнаго удовольствія; и если бы правительству раньше или позже показалось, что моя служба не стоитъ получаемого мною жалованья,

мнѣ будетъ довольно самаго легкаго намера, чтобы освободить правительство отъ этого условія. Конечно, я никогда и не думалъ отказываться отъ своихъ нынѣшнихъ занятій; напротивъ, въ условіи окончательно сказано, что мнѣ оставляется свобода вести промышленныя предприятия, какия хочу я. Не знаю, согласно ли это съ прежними примѣрами; но я увѣренъ, что по моему образу дѣйствій дубина можетъ быть увѣрена, что я имѣю въ виду не свои собственные выгоды. Мое честолюбіе состоитъ только въ томъ, чтобы усовершенствовать дѣло, которымъ я занимаюсь; о денежныхъ выгодахъ отъ него я мало думаю.»

Эрмстронгъ ссылался на слова, сказанныя объ его изобрѣтеніи генераломъ Пиллемъ, тогдашнимъ военнымъ министромъ. Мы передаемъ этотъ отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной Пиллемъ въ Палатѣ Общинъ 4 марта, при обсужденіи бюджета военнаго министерства.

«Палата много слышала о новой пушкѣ сэра Уильяма Эрмстронга. Невозможно и предсказать, какия огромныя послѣдствія будетъ имѣть общее введеніе этого орудія въ нашу армию. Пренесенный г-номъ былъ назначенъ комитетъ для изслѣдованія разныхъ названныхъ пушекъ, представленныхъ правительству. Заключение комитета было рѣшительно въ пользу орудія изобрѣтеннаго сэромъ Уильямомъ Эрмстронгомъ. Эта пушка заряжается съ казенной части, сдѣлана изъ названнаго металла по особенному способу и бросаетъ снарядъ, который употребляется какъ плотное ядро, какъ бомба или какъ картечь. Онъ примѣняется также къ употребленію на корабляхъ и имѣетъ чрезвычайную силу при разрывѣ. Пушка эта очень прочна. Я самъ видѣлъ такую, изъ которой было сдѣлано 1,300 выстрѣловъ и которая послѣ того не представляла ни малѣйшихъ поврежденій. Важныя преимущества этой пушки—ея легкость, дальность ея выстрѣла и вѣрность стрѣльбы. Эрмстронгова пушка, стрѣляющая 12-ти фунтовыми ядрами, вѣситъ въ три раза легче обыкновенной пушки, имѣющей ядро такого же калибра. 32-хъ фунтовая пушка при зарядѣ въ 5 фунтовъ пороха бросаетъ ядро на $5\frac{1}{4}$ милл. Вѣрность ея стрѣльбы еще болѣе удивительна. На 3,000 ярдовъ она стрѣляетъ въ 7 разъ вѣрнѣе, чѣмъ обыкновенная пушка стрѣляетъ на 1,000 ярдовъ; а на дистанціи 1,000 ярдовъ она попадаетъ каждымъ ядромъ въ такую мишень, въ которую обыкновенная пушка попадаетъ только однимъ ядромъ изъ 57; нѣтъ нужды сказать, что по вѣрности стрѣльбы она превосходитъ обыкновенную пушку въ 57 разъ.»

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ШЕКСПИРЪ ВЪ ПЕРЕВОДЪ Г. ФЕТА.

(Юлій Цезарь, трагедія *Вилльама Шекспира*, перев. А. Фета. «Библиот. для Чт.», мартъ 1859 г.).

Кто не въ состояніи броситься съ седьмаго этажа внизъ головой, съ непоколебимой вѣрой въ то, что онъ воспаритъ по воздуху тотъ, не лирикъ.

А. Фетъ.

(«Русск. Слово», № II, Крит. стр. 76).

Мы выписали слова г. Фета о лирикѣ, съ тѣмъ, чтобы замѣтить, что едва ли можно ихъ приложить къ хорошему переводчику драматическаго произведенія. Въ самомъ дѣлѣ, — едва ли долженъ браться за переводъ Шекспира тотъ, кто чувствуетъ себя въ состояніи «броситься внизъ головой съ седьмаго этажа, съ непоколебимой вѣрой въ то, что онъ воспаритъ по воздуху.» Хорошій переводъ требуетъ терпѣливаго изученія и глубокаго вниманія къ своимъ словамъ и къ ихъ соответствію съ словами подлинника; лирическіе salto-mortale съ седьмаго этажа тутъ не помогутъ. Вотъ почему мы немало не удивились, когда начавши читать переводъ «Юлія Цезаря» г. Фета, съ первыхъ страницъ увидѣли, что нашъ лирикъ не совсѣмъ удачно передалъ русской публикѣ твореніе великаго драматурга. Но, читая далѣе, мы уже не могли удержаться отъ удивленія тому, съ какою отвагою г. Фетъ совершаетъ свои лирическія паденія съ седьмаго этажа,

пренебрегая всеми условиями грамматического и логического смысла. Намъ показалось, что г. Фетъ въ своемъ «Юліѣ Цезарѣ» явился гораздо болѣе лирикомъ, чѣмъ сколько этого требовалось для перевода Шекспира. Безъ всякаго ущерба для достоинства перевода, онъ могъ бы сохранить болѣе благоразумія и удовольствоваться прыжками напр. изъ пятого или даже четвертаго этажа, и притомъ не внизъ головою. Это ему тѣмъ легче было бы сдѣлать, что у него предъ глазами былъ примѣръ другого переводчика, г. Дружинина, который совершилъ свое дѣло весьма солидно, и если иногда и прыгалъ съ своимъ изящнымъ стихомъ, то не болѣе какъ изъ бель-этажа.... Но г. Фету непременно хотѣлось хватить съ седьмого, и непременно внизъ головою и вверхъ ногами.... Онъ остался вѣренъ своей лирической натурѣ, но нельзя не сознаться, что путешествіе свое внизъ головою совершилъ не совсѣмъ удачно и если не сломалъ шеи себѣ самому, такъ за то пошатнулъ въ глазахъ русскихъ читателей зданіе Шекспировской трагедіи, несмотря на его вѣковую прочность. Мы убѣждены, что читатели, не вполне знающіе лирическую силу г. Фета, были повержены его переводомъ въ крайнее недоумѣніе относительно Шекспира: великій драматургъ былъ, конечно, принятъ ими за падающую башню, и они съ ужасомъ отбѣжали отъ него на почтительное разстояніе, съ искреннею клятвою никогда болѣе къ нему не приближаться. Но столь рѣшительная клятва совершенно напрасна: Шекспиръ въ сущности вовсе не такъ опасенъ для спокойствія духа здравомыслящаго читателя, какъ является онъ въ переводѣ г. Фета. Чтеніе и изученіе его можетъ доставить много эстетическаго наслажденія и принести дѣйствительную пользу нашей публикѣ, которая вообще такъ мало еще знакома съ классическими произведеніями иностранныхъ литературъ. Если же чтеніе «Юліи Цезаря», напечатаннаго въ «Библіотекѣ для Чтенія», производитъ въ читателѣ нѣкоторый ужасъ и чувство тоскливаго недоумѣнія, то вина такого эффекта должна быть приписана не Шекспиру, а г. Фету, на каждой страницѣ по нѣсколько разъ бросающемуся внизъ головою изъ седьмого этажа. Мы очень почитаемъ Фета и до нѣкоторой степени питаемъ также уваженіе и къ господину Шекспиру; поэтому намъ желательно—съ одной стороны возстановить въ глазахъ русской публики колеблющуюся репутацію послѣдняго, съ другой превознести достойнымъ образомъ и порывистый лиризмъ перваго (которому въ «Современникѣ» столько разъ уже отдаваема была самая полная справедливость). Для достиженія этихъ двухъ цѣлей,—изъ которыхъ одна преимущественнѣе другой,—мы рѣшаемся войти въ нѣкоторыя подробности о переводѣ г. Фетомъ трагедіи Шекспира. Мы ничего не будемъ дѣлать, кромѣ только того, что

постараемся подстрочнымъ переводомъ возстановить подлинный текстъ Шекспира, столь неловко задѣтый и поваленный нашимъ лирикомъ при паденіи его изъ седьмаго этажа.

Оставивъ метафорическій способъ выраженія, замѣтимъ, что г. Фетъ старался о сохраненіи вѣрности своего перевода съ подлинникомъ. Но какъ онъ понимаетъ эту вѣрность? именно такъ, какъ долженъ понимать человѣкъ, летящій изъ седьмаго этажа внизъ головою, т. е. лирикъ. Онъ хлопочетъ только о томъ, чтобы сохранить *буквальную* вѣрность и составить пятистопный ямбъ; эти два пункта составляютъ для него, такъ сказать, законъ тяжести, вслѣдствіе котораго онъ летитъ внизъ, а не вверхъ. Остальное же все до него, можно сказать, не касается. И вслѣдствіе того происходятъ вотъ какіе стихи въ переводѣ.

Бругъ, заговорщикъ, разсуждая самъ съ собою о необходимости убить Цезаря, говоритъ:

Одинъ исходъ тутъ смерть его. А я
Ею столкнутъ причины не знаю личныя,
Но ради общихъ....

У Шекспира сказано:

— — for my part,
I know no personal cause to spurn at him,
But for the general.

Послѣднія слова г. Фетъ перевелъ буквально; но (but) ради (for) общихъ (the general). Т. е. чего же это общихъ? Конечно, г. Фетъ разумѣлъ *причины*, (хотя впрочемъ изъ построенія фразы этого не видно). Но въ своемъ лирическомъ стремленіи г. Фетъ позабылъ здѣсь, что постройка фразы въ англійскомъ языкѣ иногда различается отъ русской, что тамъ иногда опускаются слова, которыхъ у насъ нельзя выпустить, и что буквальный переводъ иногда можетъ не имѣть даже грамматическаго смысла. Что сказалъ бы г. Фетъ, если бы напр. фразу — the house you have sold — «домъ, который вы продали» — мы перевели буквально: «домъ вы продали?» или фразу: I am all but glad — «я не радъ» словами «я есмь все кромѣ радъ?» Навѣрно г. Фетъ самъ согласился бы, что подобный переводъ можетъ возбудить неудовольствіе во всякомъ читателѣ, кромѣ развѣ того, который способенъ бросаться съ седьмаго этажа. Тому, конечно, ужъ не до гладкости перевода: ему все равно, только бы долетѣть поскорѣе. Но справедливость требуетъ замѣтить, что у насъ такихъ — не только читателей, но и писателей-то немного. Впрочемъ и это обстоятельство, (какъ ни прискорбно должно быть оно для г. Фета) не исключаетъ возможности правильно и свободно передать порусски

приведенный выше стихъ. Это даже и мы можемъ попытаться. Г. Фетъ относитъ слова the general къ слову cause, тогда какъ онѣ очевидно замѣняютъ собою существительное имя, а слово but не всегда значитъ *но*, а также *исключая*, *развѣ*, *кромя*. Принявъ это послѣднее значеніе, можно бы перевести эту фразу такъ: я не знаю никакихъ личныхъ причинъ нападать на него (на Цезаря), *кромя* какъ для общаго блага, или опустивъ слово *какъ*, — *развѣ* для общаго блага. Этотъ переводъ нашъ — подстрочный; мы дозволили здѣсь себѣ только прибавку слова — *благю*, потому что такова мысль подлинника.

Вотъ другое довольно замѣчательное мѣсто, переведенное г. Фетомъ близко къ подлиннику, что однако не оправдываетъ допущенной въ переводѣ темноты.

Брутъ.

Припомни мартъ, припомни нды марта,
 Великій Юлій не во имя ль правды
 Сражень? Какой подлецъ его бы тронуть
 Своимъ кинжаломъ не во имя правды
 Осмѣлился? *Какъ! чтобъ одинъ изъ насъ,*
Къмъ былъ убитъ первѣйшій мужъ на свѣтъ,
За покровительство ворами; чтобъ мы
Себѣ марали пальцы въ низкихъ взяткахъ
И продавали вкругъ себя почетъ
За столько драки, сколько схватили юрствою?

Въ стихахъ, напечатанныхъ курсивомъ, слово *къмъ* неизвѣстно куда относится: г. Фетъ хотѣлъ, чтобы оно относилось къ слову *насъ*, а вышло другое: его скорѣй можно отнести къ слову *одинъ*. Вообще эта тирада, по фактурѣ стиха и по ясности фразъ, напомнила намъ прекрасное двустипіе одного изъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ, имѣющее одинъ только недостатокъ тотъ, что его до сихъ поръ никто понять не могъ. Вотъ это двустипіе:

Брыкни, коль могъ, большаго пожелавъ,
 Стать имъ; коль нѣтъ, — и въ меньшемъ безъ препонъ....

Поэтъ увѣряетъ, что это тоже буквальный переводъ изъ какого-то иностраннаго поэта....

Подобно приведенному поэту, г. Фетъ выказываетъ иногда удивительное пристрастіе къ словамъ, и для того, чтобы удержать въ переводѣ какое нибудь слово, жертвуетъ многимъ. Напр:

Изъ голоса достойнѣй нѣтъ, чѣмъ мой,
Чтобъ слаще тронуть Цезарево ухо,
 Моля о братѣ изгнанномъ моемъ?

Въ подлинникѣ сказано:

Is there no voice more worthy than my own
To sound more sweetly in great Caesar's ear — etc.

(т. е. неужели нѣтъ голоса достойнѣй, чѣмъ мой, и который звучалъ бы пріятнѣе для уха великаго Цезаря?) Г. Фету, какъ видно, главнымъ казалось удержать слово *слаще* (sweetly, что значитъ также и пріятнѣе) и онъ безъ всякой надобности замѣнилъ слово *звучать* (sound) словомъ *тронуть*, не обративъ даже вниманія на то, что первое изъ нихъ гораздо болѣе ладитъ со словомъ *слаще*, нежели второе. Впрочемъ надо замѣтить, что вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Фету, по стѣснительнымъ условіямъ стиха или по другимъ причинамъ, приходится пожертвовать однимъ какимъ нибудь словомъ для сохраненія другаго, то онъ оставляетъ именно то, которое лучше бы выпустить. Напр. у него Порція (жена Брута) говорить мужу:

— — *Невъжливо* ты Брутъ
Ушелъ съ моей постели, а *вечоръ*,
Вспочивъ нѣ-за *трапезы*, сталъ ходить, и проч.

Въ подлинникѣ первые два стиха выражены такъ:

— — You have ungently, Brutus,
Stole from my bed.

(т. е. ты, Брутъ, неласково, тайкомъ ушелъ съ моей постели). Не лучше ли было бы сохранить выраженіе *тайкомъ* ушелъ, при чемъ *невъжливость* Брута видна была бы сама собою? И какое странное соединеніе, въ трехъ стихахъ, трехъ словъ съ совершенно различными оттѣнками — свѣтскимъ, простонароднымъ и торжественнымъ: *невъжливо*, *вечоръ* и *трапеза*!

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Антоній, другъ Цезаря, проситъ у заговорщиковъ позволенія похоронить тѣло его, Брутъ, разрѣшивъ это съ нѣкоторыми условіями, между прочимъ говорить:

Безъ этого не *приложи* и *рукъ*
Къ похоронамъ.

Въ подлинникѣ:

Or else shall you not have any hand at all
About his funeral.

Г. Фету въ быстромъ путешествіи его черезъ окно нѣтъ седьмого тажа, къ сожалѣнію, неудобно было взглянуть въ какой нибудь англійско-русскій лексиконъ. Но если бы онъ это сдѣлалъ, то нашелъ

бы, что to have a hand in—значить *участвовать*, и тогда бы поняли, что приведенные нами англійскіе стихи имѣютъ слѣдующій смыслъ: «иначе ты вовсе не будешь участвовать въ его погребеніи» (т. е. что ему это будетъ запрещено). Но г. Фету мелькнуло въ воздухъ слово *hand* *рука* и онъ, по естественному чувству самосохраненія, счелъ необходимымъ спасти ее, какъ сдѣлалъ это и въ другомъ мѣстѣ:

Брутъ.

Ну, что, Люцилій? или Кассій близко? (т. е. близко ли Кассій)

Люцилій.

Онъ *подъ рукой* (at hand, что значитъ очень близко).

Тоже пристрастіе (весьма впрочемъ понятное, когда летишь съ седьмого этажа) г. Фетъ выказалъ и къ ногѣ:

Каска.

И я не ближе всякаго *шагу*
Ноюй вотъ этой.

Для переводчика было весьма важно сохранить въ цѣлости эту *ногу*! Сохранивъ же ее, онъ воскликнулъ отъ удовольствія «*вотъ!*» — и у него вышелъ уродливый стихъ. А мысль подлинника здѣсь просто та, что Каска ни отъ кого не отстанетъ.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ буквализма, которому слѣдовалъ иногда г. Фетъ:

Животное (коня) я выучилъ *сражаться*

или:

Отъ этихъ выгодъ мы его отржемъ.

или:

Враги догнали насъ до края бездны;
Достойный намъ самимъ въ нее прыгнуть,
Чѣмъ ждать, пока стелзнуть насъ.

Если бы г. Фетъ обратилъ вниманіе на то, что слово *fight* сражаться значитъ также бой, онъ бы перевелъ первую фразу словами: «я приучилъ коня къ бою»; если бы онъ взглянулъ въ лексиконъ, то увидѣлъ бы, что to cut off значитъ между прочимъ и *лишить*; слѣдовательно вторую фразу надо было перевести такъ: «мы *лишимъ* его этихъ выгодъ»; наконецъ если бы онъ постарался передать слово *достойный* согласно съ духомъ русскаго языка, то онъ перевелъ бы его словомъ *приличный*, или *лучше*, или словами — *сообразилъ съ нами достоинство*. Надъ послѣдними стихами, какъ говорящими о специальності г. Фета — о прыганьи въ бездну, — онъ, кажется, особенно долженъ былъ бы постараться....

Тому же пристрастію къ буквѣ мы приписываемъ еще одинъ промахъ г. Фета, хотя онъ повидимому относится къ другой категоріи. Антоній, другъ Цезаря, въ рѣчи своей надъ его трупомъ говоритъ :

Я человекъ, какъ видите, простой
И преданъ другу; это знали сами
Дозволившіе рѣчь мнѣ произнести.
Вѣдь у меня ни письменнаго нѣтъ,
Ни словъ, ни сильной рѣчи, ни движеній,
Чтобъ волновать людскую кровь.

Что значитъ *письменнаго нѣтъ*? Не знаемъ, но появленіе этого выраженія можемъ объяснить слѣдующимъ образомъ. Мы догадываемся, что г. Фетъ прочелъ вмѣсто слова wit (устройство, умъ) — wit, что значитъ *писанный* отъ write, *писать*. Было ли это вслѣдствіе опечатки въ томъ изданіи, которымъ онъ пользовался, или вслѣдствіе собственнаго недосмотра, — все равно. Но удивительно, какъ г. Фету не бросилась въ глаза совершенная бессмыслица, происходящая отъ этого предательскаго wit? Это можно было замѣтить даже при паденіи съ седьмага этажа, и намъ кажется, что здѣсь переводчикъ забрался уже въ восьмой.

Впрочемъ г. Фетъ вообще на смыслъ обращаетъ мало вниманія. Мы это увидимъ и ниже, здѣсь же замѣтимъ, что, желая перевести какое либо слово, онъ часто беретъ первое попавшееся ему значеніе его, да и довольствуется этимъ. Такъ вы встрѣтите у него стычку (encounter) вмѣсто встрѣчи, разсыпьте (disperse yourselves) вмѣсто разойдитесь, трезвый (sober) вмѣсто сдержанный или спокойный и т. п.

Предоставляемъ судить читателямъ, кстати ли г. Фетъ употребилъ выбранныя имъ значенія.

Заговорщики противъ Цезаря толкуютъ о томъ, что имъ слѣдуетъ склонить на свою сторону и Брута. За тѣмъ Кассій говоритъ:

Пойдемъ, мой Каска; намъ съ тобой застать
Въ дому еще до свѣта должно Брута.
Три четверти въ немъ наши, а всего
Себя отдастъ онъ намъ при первой стычкѣ.

Въ подлинникѣ два стиха, напечатанные курсивомъ, выражены такъ:

— — three parts of him
Is ours already; and the man entire
Upon the next encounter, yields him ours.

(т. е. три четверти его уже наши, а всего себя онъ отдастъ намъ при первой встрѣчѣ).

Затѣмъ заговорники идутъ къ Бруту, условливаются о томъ, какъ имъ должно дѣйствовать, и уходя Кассій говоритъ:

Насъ утро гонить: мы уходимъ, Брутъ.
Друзья, *разсыпайтесь*; помнить, что сказали,
Чтобъ Римлянами показать себя.

Въ подлинникѣ:

And, friends, disperse yourselves: but all remember
What you have said, and show yourselves true Romans.

(т. е. друзья, разойдитесь: но помните, что вы сказали, и покажите себя настоящими римлянами).

Брутъ и Кассій недовольны другъ другомъ, Кассій говоритъ:

Достойный братъ, меня ты оскорбилъ.

Брутъ.

Пусть судять боги, оскорблялъ ли я
Своихъ враговъ? Такъ оскорблю ли брата?

Кассій.

Брутъ, прикрываешь *трепетнымъ* видомъ ты
Обиду. Продолжая такъ....

Мы нарочно выписали нѣсколько стиховъ для того, чтобы видѣть, истати ли г. Фетъ заподозрилъ Брута *въ пьяномъ видѣ*. Вотъ послѣдніе два стиха у Шекспира:

Brutus, this sober form of yours hides wrongs;
And when you do them,

(т. е. Брутъ, подъ этимъ *сдержаннымъ* видомъ ты скрываешь оскорбленія; и когда ты ихъ дѣлаешь...)

Слѣдуя своей методѣ не обращать вниманія на смыслъ, лишь бы только сохранить букву, г. Фетъ въ одномъ мѣстѣ перевелъ слова — *если ты не измѣнишь намѣренія* (mind) фразою — *если ты не сойдешь съ ума* (mind). Вотъ это мѣсто:

Кассій.

Ну, такъ придеешь ко мнѣ обѣдать завтра?

Кассіа.

Да, если буду живъ и ты не сойдешь съ ума и обѣдъ твой будетъ стоить труда его ѣсть.

Въ подлинникѣ: Ay, if I be alive, and *your mind hold* (если ты не измѣнишь намѣренія) and your dinner worth be eating. Какъ поры-

известный лирикъ, г. Фетъ счелъ нужнымъ выразиться похвально-иже: чѣмъ мѣнять намѣренія, такъ ужь лучше, дескать, Кассію прямо съ ума сойти!...

Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній по поводу буквальной близости къ подлиннику, которой иногда слѣдовалъ г. Фетъ. Онъ удержалъ нѣкоторыя несообразности, встрѣчающіяся у Шекспира, у котораго язычники римляне говорятъ иногда христіанскимъ языкомъ; напр.

Вѣдь Цезаревымъ ангеломъ былъ Брутъ

или:

Ты что ни будь, — Богъ, ангелъ или дьяволъ?

За это нечего упрекать г. Фета: онъ хотѣлъ и долженъ былъ передать Шекспира безъ прикрасъ. Но намъ кажется, что если подобные слова имѣютъ еще другое значеніе, то лучше бы его брать для перевода. Такъ въ стихѣ: «Вѣдь Цезаревымъ ангеломъ былъ Брутъ» слово ангелъ можно бы замѣнить словомъ любимецъ, тѣмъ болѣе, что въ подлинникѣ оно имѣетъ это значеніе и употреблено въ томъ же смыслѣ, какъ у насъ говорится иногда любимому человѣку «ангелъ мой». Во второмъ стихѣ: «Ты что ни будь, Богъ, ангелъ или дьяволъ» слово Богъ въ подлинникѣ употреблено въ смыслѣ языческаго многобожія; тамъ сказано: some god, т. е. какой нибудь богъ; этого не видно въ переводѣ г. Фета. Впрочемъ повторимъ, что мы не упрекаемъ г. Фета въ буквальной передачѣ подобныхъ словъ, встрѣчающихся у Шекспира. Но зачѣмъ еще онъ отъ себя-то прибавилъ нѣсколько такихъ же несообразностей? напр. у него (актъ III, сцена 1) Артемидоръ говоритъ:

Богъ помощь, Цезарь!

Въ подлинникѣ сказано:

Hail Caesar! (т. е. здравствуй, Цезарь!)

Въ другомъ мѣстѣ Кассій говоритъ:

О! мы съ тобой слышали отъ отцовъ,
Что былъ когда-то Брутъ, который въ Римѣ
Скорѣ бы сталъ терпѣть толпу чертей,
Чѣмъ повелителя.

Въ подлинникѣ вмѣсто толпы чертей стоитъ eternal devil, т. е. вѣчный дьяволъ, но г. Фету мало было одного чорта. Онъ вошелъ въ лирическую пассію и уподобился купцу Абдулину, который, тоже въ лирическомъ шарадѣ, говоритъ Хлестакову: «что триста! Возьми пятачка!» Что ужь одного чорта!... толпу чертей, — если хотите!..

Впрочемъ, каковы бы ни были ошибки переводчика происходящія отъ буквальности перевода, онѣ еще могутъ быть объяснены желаніемъ быть близкимъ къ Шекспиру. Но г. Фетъ не вездѣ стѣсняетъ себя такимъ образомъ, и иногда оставляетъ Шекспира совершенно въ сторонѣ, не въ силахъ будучи увлечь его за собою въ воздушное свое путешествіе. Отъ недостатка ли свѣдѣній въ англійскомъ языкѣ, или отъ невниманія къ смыслу, отъ лирическаго произвола, или же по другимъ какимъ нибудь причинамъ, онъ часто переводитъ слова и цѣлые стихи совершенно не такъ, какъ слѣдуетъ, и измѣняетъ смыслъ и тонъ подлинника вставкою разныхъ словъ, союзовъ и частицъ, какъ мы увидимъ ниже. Приведемъ сперва отрывокъ, въ которомъ есть нѣсколько подобныхъ недостатковъ.

Кассій.

Ты, Каска, тушъ; тебѣ той искры жизни,
 Что въ Римлянахъ должна быть, *недостало*
Или не нужно. Ты смущенъ и блѣденъ
 И полонъ страха, растерялся весь,
 Увидя гибль необычайный неба;
 Но если бъ ты причину знать хотѣлъ,
 За чѣмъ *они и присидая бродятъ*,
 Что свойства птицъ мѣняетъ и задрей,
 Что старцевъ учитъ *орать*, дѣтей пророчить,
 Что обращаетъ каждой вещи видъ
 Естественный и ей всегда присущій
 Въ чудовищность: тогда бы ты нашелъ,
 Что *небо этотъ духъ внушаетъ имъ*,
Орудіемъ угрозъ и увѣщаній
Странь съ такимъ чудовищнымъ устройствомъ.

Во второмъ изъ этихъ стиховъ вмѣсто *тебѣ недостало* слѣдовало бы сказать *недостаетъ*, или *у тебя нѣтъ* (you do want), а въ третьемъ слова — *или не нужно* слѣдовало бы замѣнить выраженіемъ — *или ты не употребляешь этой искры въ дѣло* (не пользуешься ею), потому что таково именно значеніе словъ подлинника — *or else you use not*. Мы не хотимъ этимъ сказать, что г. Фетъ долженъ былъ перевести показанную фразу именно нашими словами; мы добиваемся только сохраненія смысла подлинника. — Въ седьмомъ стихѣ непонятно выраженіе — *они бродятъ*. Въ подлинникѣ сказано:

Why all these fires, why all these gliding ghosts,

(т. е. зачѣмъ всѣ эти огни, зачѣмъ всѣ эти бродящія привидѣнія), слѣдовательно, слово — *бродятъ*, должно относиться только къ привидѣніямъ.

дѣіямъ. Притомъ у г. Фета не видно, о какихъ огняхъ идетъ дѣло, а у Шекспира ясно, что здѣсь говорится о необыкновенныхъ атмосферическихъ явленіяхъ, бывшихъ въ ту ночь, въ которую происходилъ разговоръ Кассія съ Каскою. — Въ девятомъ стихѣ слово fools—*безумные* переведено словомъ *врать*! Въ подлинникѣ сказано:

Why old men, fools, and children calculate

(т. е. отъ чего *старіки, безумные и дѣти пророческуютъ*). Вѣроятно г. Фетъ произвелъ слово fools отъ глагола to fool—*дурачиться* (все-таки не *врать*), не обративъ при этомъ вниманія ни на смыслъ, ни на грамматику вообще и англійскую въ особенности. Пристрастіе къ *вранью* совершенно ослѣпило г. Фета! Впрочемъ это нисколько не оправдываетъ его въ неуваженіи къ старцамъ, которыхъ онъ, вопреки Шекспиру, заставляетъ *врать*....

Стихи:

— Тогда бы ты нашелъ,
Что небо этотъ духъ внушаетъ имъ,
Орудіямъ угрозъ и увѣщаній,
Странѣ съ такимъ чудовищнымъ устройствомъ.

опять напоминаютъ: «Врыкии, коль могъ, большаго пожелавъ,» и проч.

Въ подлинникѣ сказано:

. . . . you shall find
That heaven hath infus'd them with these spirits,
To make them instruments of fear and warning
Unto some monstrous state.

(т. е. ты найдешь, что небо влило въ нихъ этотъ духъ для того, чтобы сдѣлать ихъ орудіями страха и предостереженія предъ какимъ-то чудовищнымъ (или ужаснымъ) состояніемъ (порядкомъ вещей), или, если угодно, предвареніемъ о какихъ-то ужасныхъ бѣдствіяхъ»). Уже одно слово some — *какой нибудь, какой-то*, должно бы предостеречь г. Фета отъ сдѣланной имъ ошибки. Оно показываетъ, что еслибы даже state (состояніе) перевести словомъ государство, то все-таки здѣсь говорится не о Римѣ, а неопредѣленно о какомъ-то государствѣ.

Въ другомъ мѣстѣ г. Фетъ перевелъ статуя (statua) словомъ *ликъ*, и этотъ *ликъ* у него *точитъ кровь* изъ сотни жолобовъ!

Цвѣтъ.

Ей нынче мой приснился ликъ,
Какъ бы колодезь не сто жолобовъ
Точилъ онъ кровь... и проч.

Декій.

Видѣвъ это къ радости и къ счастью;
 Твой ликъ, точащій кровь изъ жолобовъ, — и проч.

Въ подлинникѣ:

CAESAR.

She dreamt to night she saw my *statua*
 Which like a fountain, with a hundred spouts,
 Bid run pure blood; et cetera.

(ей снилась въ эту ночь моя статуя, которая подобно фонтану, имѣющему сто трубочекъ, изливала чистую кровь)

Decius.

It was a vision, fair and fortunate :
 Your statue spouting blood in many pipes,

(это было видѣніе свѣтлое и счастливое. Твоя статуя, изливающая кровь изъ множества трубочекъ...).

Если, вмѣсто *статуя* мы видимъ у г. Фета *ликъ*, то вмѣсто лица находимъ *обликъ*:

Брутъ.

Не нужно клятвъ: коль *обликъ* человѣка,
 Страданье нашихъ душъ, *вражда* времени —
 Безильны вась подвигнуть, расходитесь.

Въ подлинникѣ:

No, not an oath. If not the face of men,
 The sufferance of our souls, the time's abuse, —
 If these be motives weak, break off betimes.

(нѣтъ, не нужно никакой клятвы. Если *лицо* людей, страданье нашихъ душъ и злоупотребленія этого времени, — если всѣ эти побужденія слабы, то разойдемся заблаговременно.... и проч.) Какой же здѣсь обликъ человѣка? По смыслу подлинника здѣсь разумѣется *стыдъ предъ лицомъ людей*.

Представимъ еще примѣры уклоненій отъ подлинника:

Но вотъ пергаментъ съ Цезарской печатью,
 Найденный мной; его тутъ завѣщанье.
 Услышь народъ, что въ немъ заключено
 (Я *выговать* — его вамъ не прочту).
 Онъ бы лобзать сталъ Цезаревы раны,
 Мечить платки въ святой его крови;
 Да, волосы бы сталъ просить на память, —
 И передъ смертью *ослаживать* о немъ,
 Чтобъ передать его, какъ даръ безцѣнный,
 Своимъ потомкамъ.

Въ подлинникѣ вмѣсто *винovatъ* сказано *извините меня* (*pardon me*), что *тожъ, да не всегда все тожъ*, говоря словами г. Фета; а вмѣсто *вспоминая* о немъ (о волосѣ) — *упомянули бы о немъ въ своихъ заповѣдяхъ* (*they would mention it within their wills*).

Еще смѣлый переводъ фразы — *unto bad causes swear such creatures as men doubt*, — т. е. на злыя дѣла даютъ клятву люди подозрительные (или твари подозрительныя). Г. Фетъ перевелъ ее такъ:

Пусть чернь клянется, коль не врать ей.

Какъ не любить черни г. Фетъ!... А не мѣшало бы ему, вмѣсто подражанія Тредьяковскому въ версификаціи, послѣдовать его практическому совѣту:

Держись черни
И знай штуку!

А то г. Фетъ и черни не держится и штуки не знаетъ! Что, хорошаго!...

Въ своихъ условіяхъ отъ подлинника г. Фетъ высказываетъ также мало сообразительности, какъ и при строгомъ слѣдованіи буквѣ. Онъ часто не обращаетъ вниманія на то, что вводимая имъ фраза не только несогласна съ фразою подлинника, но и не влжется ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, напр.

Лигарій.

— Что дѣлать мнѣ?

Брутъ.

То, что должно больнымъ послать здоровье.

Лигарій.

Но одному здоровому болѣзнь?

Брутъ.

Такъ быть должно. Въ чемъ это дѣло, Кай,
Скажу, когда пойдемъ къ тому, надъ кѣмъ (*)
Оно должно случиться.

Вотъ это мѣсто въ подлинникѣ:

LIGARIUS.

. . . What is to do?

BRUTUS.

A piece of work, that will make sick men whole.

(*) Г. Фетъ превзошелъ здѣсь въ благозвучіи знаменитый стихъ:

Се росса Флакка зрякъ, се тотъ, кто, какъ и онъ....

Т. LXXV. Отд. III.

Лиг.

But are not some whole, that we must make sick?

Брут.

That must we also. What it is my Cajus
I shall unfold to thee, as we are going,
To whom it must be done.

(т. е. Лигарий. Что предстоит дѣлать?)

Брутъ. Нѣчто такое, что сдѣлаетъ больныхъ людей здоровыми.

Лигарий. Но нѣтъ ли кое-какихъ здоровыхъ, которыхъ мы должны сдѣлать больными?

Брутъ. *Это мы тоже должны сдѣлать* (или просто: — *есть*). Что это такое, я объясню тебѣ на пути къ тому, съ кѣмъ это надо сдѣлать).

Все это мѣсто у г. Фета не отличается особенной ясностью; но мы обращаемъ здѣсь вниманіе читателей только на слова — *такъ быть должно*: какой смыслъ имѣютъ они въ общей связи рѣчи?

Цезарь, открывая засѣданіе сената, спрашиваетъ:

Что еще забыли,

Въ чемъ долженъ Цезарь и Сенатъ помочь.

Въ подлинникѣ сказано:

What is now amiss

That Caesar and his senate must redress?

т. е. *что еще не такъ* (что еще худо), что Цезарь и его сенатъ должны исправить? или другими словами: *какое зло* Цезарь и его сенатъ должны исправить?

Г. Фетъ часто прибавляетъ безъ надобности слова, союзы и частицы, которыя даютъ подлиннику другой смыслъ или другой тонъ, иногда очень странный, напр.

О мощный Цезарь! *Такъ-то* ты лежишь?

Иль всѣ твои побѣды и триумфы

Въ такую малость сжались? — *Ну*, прощай!

Замѣтьте, это говоритъ Антоній, приверженецъ Цезаря, пораженный видомъ его трупа. У Шекспира сказано:

O mighty Caesar! Dost thou lie so low?

Are all thy conquests, glories, triumphs, spoils

Shrunk to this little measure? Fare the well!

(т. е. О, мощный Цезарь! Неужели ты лежишь такъ низко? Неужели всѣ твои побѣды, слава, триумфы и добыча сжались въ такой малый объемъ? Прощай!)

Трибунъ Марулль, упрекая гражданъ въ томъ, что они, прежніе приверженцы Помпея, обнаруживаютъ сочувствіе Цезарю и въ праздничныхъ одеждахъ вышли посмотрѣть на его триумфъ, выражается, по переводу г. Фета, такъ:

Его (Помпея) едва завидя колесницу,
Не общій ли вы подымали крикъ,
Такъ что до дна, бывало, дрогнетъ Тибръ,
Когда раздастся громкій вашъ привѣтъ
По берегамъ извилистымъ его?
А не надѣли лучшихъ вы одеждъ?
А не *рѣшились* праздновать весь день?
Не сыпете цвѣтовъ на путь тому,
Кто праздновать идетъ Помпея кровь?

А не и не прибавки очень странныя; онѣ затемняютъ смыслъ и измѣняютъ тонъ подлинника; *рѣшились* тоже прибавка неумѣстная, а послѣдній стихъ совсѣмъ несогласенъ съ подлинникомъ. Послѣдніе пять стиховъ у Шекспира выражены такъ:

And do you now put on your best attire?
And do you now cull out a holiday?
And do you now strew flowers in his way,
That comes in triumph over Pompey's blood?

(и вы теперь нарядились въ лучшія ваши одежды! И выдумали праздникъ! и усыпаете цвѣтами путь того, кто идетъ въ триумфъ по крови Помпеевой!)

Хорошо и это мѣсто:

Невольникъ (знаешь самъ его въ лицо)
Приподнялъ руку лѣвую и, вспыхнувъ,
Она, какъ двадцать факеловъ свѣтила (*)
А для руки безвреденъ былъ огонь.
Да вотъ (съ тѣхъ поръ меча я не влагалъ)
У Капитолія я встрѣтилъ льва:
Отъ гровоу глянулъ на меня и прочъ
Понелъ, меня не тронувъ; сбился въ кучу
До сотни блѣдныхъ женщинъ, искаженныхъ

(*) Въ подлинникѣ — пылала и горѣла — *did flame and burn*.

Испугомъ, и калялся, что въ ихъ глазахъ
По улицамъ шли люди всѣ въ огнѣ.
А вотъ вчера ночная птица въ полдень
Услыся какъ-разъ на площади
Крича и укая! — и проч.

Она свѣтила, а для руки (вмѣсто—и для нея) безвреденъ былъ
огонь: какъ это грамотно! и какъ милы эти прибавки: *да вотъ, а
вотъ и какъ разъ!*

У г. Фета вообще въ большомъ ходу частицы *ко, а, же,* разные
междометія, напр. *эхъ, ну* и проч. Это у него резервъ, который онъ
пускаетъ въ дѣло всякій разъ, какъ замѣтить недочетъ въ словахъ
какогонибудь изъ своихъ стиховъ, напр.:

О, что за время, добрый Кай, ты выбралъ
Носить платокъ! *Вотъ* будь-ко ты здоровъ!

Въ подлинникъ:

O, what a time have you chose out
To wear a kerchief? Would you were not sick!

т. е.: О, какое время ты выбралъ носить платокъ! если бы ты не
былъ боленъ!

Однако посмотри же, Кассій

вмѣсто: однако, посмотри, Кассій (But look you, Cassius):
На слова Кальпурнии:

Такъ чтоже, Цезарь? Думаешь идти!
Ты изъ дому ступить не долженъ нынѣ,—

Цезарь отвѣчаетъ:

А Цезарь выйдетъ

По милости этой прибавки, Цезарь является здѣсь какимъ-то ка-
признымъ ребенкомъ; онъ какъ будто говорить: на же вотъ выйду,
на зло выйду. Въ подлинникъ:

CALPURNIA.

What mean you, Caesar? Think you to walk forth?
You shall not stir out of your house to — day.

(«Какъ, Цезарь! ты думаешь идти? Ты не долженъ выходить сего-
дня изъ дому» — Цезарь выйдетъ.)

Эхъ, добрый Кассій, ты о немъ не думай (актъ I, сц. 1).

—

Эхъ! я имъ въ душу заглянулъ (актъ V, сц. 1).

—

Ну чтожь, не бредъ, Кальфурнія, твой страхъ?

Въ подлинникѣ:

How foolish do your fears seem now Calphurnia!

(Какъ безумны теперь кажутся твои опасенія, Кальфурнія!)

Въ одномъ мѣстѣ къ слову завтра г. Фетъ прибавилъ *на* и вышло — назавтра, что совершенно измѣнило смыслъ подлинника:

Да, говорить, сенаторы на завтра
Рѣшились Цезаря признать царемъ.

Порусски это значитъ рѣшились признать царемъ на (одинъ) завтрашній день, тогда какъ въ подлинникѣ сказано: to morrow, т. е. завтра.

Подобныхъ примѣровъ много; они поражаютъ читателя съ первыхъ словъ; такъ во второмъ стихѣ перевода г. Фета (актъ I, сц. 1) совершенно неумѣстно прибавлено слово *что жь*, за то опущено необходимое *что*:

Пошли домой, бездѣльники, — домой!
Иль нынче праздникъ? *Чтожь!* Вамъ неизвѣстно,
Работникамъ не смѣть въ рабочій день
Ходить безъ знаковъ своего занятія?

Впрочемъ, мы здѣсь ошиблись: въ подлинникѣ есть слово, которое г. Фетъ перевелъ — *что жь* и именно — what (какъ). Но одинъ промахъ стоитъ другаго. Въ третьемъ стихѣ смыслъ подлинника затемненъ выпускомъ союза *что*; слѣдовало бы сказать: какъ! вамъ не извѣстно, *что* работники не должны, и проч.

Но не однимъ произвольнымъ переводомъ словъ и фразъ и разными неумѣстными вставками вредить смыслу подлинника г. Фетъ; онъ умѣетъ нарушить его самыми разнообразными средствами: неумѣнемъ ясно выразить мысль, опущеніемъ нѣкоторыхъ словъ, пренебреженіемъ къ грамматикѣ роднаго языка, употребленіемъ словъ въ томъ смыслѣ, какой имъ не принадлежитъ, замѣною одной грамматической формы другою. Какъ хороши, наприимѣръ, вотъ эти мѣста у г. Фета.

Цезарь, обращаясь къ заговорщикамъ, которые рѣшились убить его въ сенатѣ и пришли звать его туда, говорить у г. Фета:

Друзья, войдемъ, вина здѣсь вмѣстѣ выпьемъ
И какъ друзья, отсюда всѣ пойдемъ.

Брутъ.

Что тожъ, да не всегда все тожъ, Цезарь!
Объ этомъ съ болью сердца мыслить Брутъ.

У Шекспира Брутъ говоритъ такъ:

That every like is not the same, o Caesar,
The heart of Brutus yearns to think upon!

Слово въ слово: «это подобіе — не тождество» (или: похоже, да не тоже); о, Цезарь, сердце Брута болитъ отъ этой мысли.

Въ то время, какъ Цезарь долженъ отправиться въ сенатъ, Порція, жена заговорщика Брута, беспокоясь о мужѣ, который открылъ ей свое намѣреніе, спрашиваетъ у гадателя, понавшагося ей на улицѣ:

Что, съ просьбою ты къ Цезарю, не такъ ли?

Гадатель.

Такъ точно, если Цезарю угодно
Меня, изъ дружбы къ Цезарю, услышать,
То попрошу, чтобъ онъ себя берегъ.

Порція.

Ты развѣ знаешь, что ему *грозитъ*?

Гадатель.

Не знаю чѣмъ; боюсь, все можетъ статься.

Въ подлинникѣ послѣдніе стихи выражены такъ:

PORTIA.

Why know'st thou *any harm's intended towards him*?

(Какъ, развѣ ты знаешь, что *противъ него замышляютъ какое нибудь зло?*)

SOOTHSAYER.

None, that I know will be; much, that I fear may chance.

(Ничего не знаю, что будетъ; но боюсь многого, что можетъ случиться.)

Въ севатѣ заговорщики просятъ Цезаря о возвращеніи изъ ссылки Публія Цимбера. Цезарь отвѣчаетъ, что его не могутъ тронуть просьбы, какъ людей обыкновенныхъ, что онъ сходенъ съ популярною звѣздой въ небѣ, гдѣ много звѣздъ, но только одна постоянна и неподвижна. Затѣмъ говоритъ:

И въ мірѣ такъ; онъ полонъ весь людей;
А у людей и плоть, и кровь, и чувство.
Но знаю я межъ нихъ лишь одного,
Который сталъ на мѣстѣ недоступномъ
Для всѣхъ напоровъ — и проч.

Что значитъ: *а у людей и плоть, и кровь, и чувство*? Въ подлинникѣ сказано:

And men are flesh and blood, and apprehensive.

(т. е. а люди — плоть и кровь, и ихъ легко разжалобить).

Въ рѣчи надъ трупомъ Цезаря, Антоній говоритъ (по переводу г. Фета):

Друзья мои, не долженъ увлечать
Я васъ къ такому бурному восстанію.
Вадъ это подвигъ доблестныхъ мужей:
Что побудило ихъ (къ чему?), увы! не знаю,
Но всѣ они и мудры и достойны (чего?)
И вѣрно вамъ во всемъ дадутъ отчетъ.

Поймите изъ этихъ стиховъ, что Антоній называетъ подвигомъ доблестныхъ мужей: возбужденіе къ возстанію, или умерщвленіе Цезаря (о которомъ дѣйствительно здѣсь идетъ рѣчь)? Если примемъ послѣднее, то все-таки темно: по переводу г. Фета выходитъ, что Антоній хвалитъ убійство, какъ подвигъ, свойственный доблестнымъ людямъ. И все это произошло отъ искусственной сжатости, отъ опущенія словъ, которыя въ подлинникѣ дѣлаютъ это мѣсто совершенно яснымъ: тамъ сказано:

Good friends, sweet friends, let me not stir you up
To such a sudden flood of mutiny.
They, that have done this deed, are honourable;
What private griefs they have, alas, I know not,
That made them do it; they are wise and honourable,
And will, no doubt, with reasons answer you.

(Добрые, милые друзья, я не хочу возбуждать васъ къ такому внезапному порыву бунта. Тѣ, которые сдѣлали этотъ поступокъ, — люди честные; увы, я не знаю, какія имѣли они частныя недо-

вольствія, побудившія ихъ къ нему; они умны и честны и, безъ сомнѣнія, дадутъ вамъ основательный отвѣтъ).

или:

А Цезарю и Кай Лигарій врагъ,
За выговоръ, что похвалялъ Помпея — и проч.

У Шекспира.

Cajus Ligarius doth bear Caesar hard
Who rated him for speaking well of Pompey.

(Кай Лигарій недоволенъ на Цезаря, который сдѣлалъ ему выговоръ за хорошій отзывъ о Помпее).

или:

Гей тамъ въ толпѣ! ты къ Цезарю ступай.

У Шекспира:

Fellow, come from the throng: look upon Caesar.

т. е. товарищъ (или: эй, мальи) выйди изъ толпы, стань предъ Цезаремъ.

Полный тревожными порывами лиризма, г. Фетъ оказываетъ большое пренебреженіе не только англійской грамматикѣ (которой, какъ видно, вслѣдствіе пренебреженія и не знаетъ), но и русской. Читатели вѣроятно уже отчасти замѣтили это изъ приведенныхъ нами стиховъ, но мы приведемъ еще примѣры. По купеческому выраженію, ихъ въ переводѣ г. Фета большой выборъ.

Начнемъ хоть съ этого:

— Если бѣ ты узналъ,
Что людямъ льщу и вису (?) я на нихъ,
А на спинной ругаюсь; или узнаешь, (если бѣ?)
Что на пирахъ отдаю себя готовъ
Я всякому, тогда страшнѣе меня.

Если г. Фетъ хотѣлъ сказать *узнаешь*, то онъ долженъ бы прибавить слово *если*, т. е. *если узнаешь*; иначе предъ *узнаешь* подразумевается поставленное выше—*если бѣ*.

Пусть я хранимъ богами въ той же мѣрѣ,
Въ какой мнѣ честь милѣй, чѣмъ смерть страшна.

Замѣтите—это цѣлый пунктъ, отъ точки до точки. Отыщите тутъ здравый смыслъ.

Я говорю, чего страшиться можно
А не чего страшусь: вѣдь все я Цезарь.

Будь онъ ктобъ ни былъ.

— Сенать надѣтъ рѣшился нынѣ
На Цезаря могучаго вѣнецъ.
Поплешь ты имъ сказать, что ты не будешь,
Они отдумать могутъ; даже въ смѣхъ
Оборотить. (что?)

— И каждый разъ, какъ это будетъ,
То каждый разъ найдутъ въ союзѣ нашемъ
Людей, что дали родниѣ свободу.

Сограждане, пусть я одинъ уйду.

(вмѣсто: сограждане, позвольте мнѣ уйти одному (let me depart alone).)

Зло отъ людей переживаетъ ихъ,
Добро жъ отъ нихъ хоронятъ часто съ ними.

Не слѣдъ вамъ знать, что вамъ его наслѣдство.
Дойди до васъ (что?), о, что бѣ въ то время было?

Сзожемъ друзей и напряжемъ всѣ силы
И пусть *рѣшимъ* (1) немедля на совѣтѣ,
Какъ тайныя дѣла раскрыть удобнѣй
И дать вѣрнѣй отпоръ бѣдѣ открытой.

Г. Фетъ, какъ видно, переводитъ словомъ *пусть* англійское let, знакъ повелительнаго наклоненія въ первомъ лицѣ!

Ты отъ жены ли письма получилъ?

Этою фразою г. Фетъ переводитъ вотъ какой стихъ:

Had you your letters from your wife my lord?

(Получалъ ли ты письма отъ своей жены?)

Но если бы мы вздумали перечислять всѣ грамматическіе промахи г. Фета, то наша статья слишкомъ была бы велика. Мы не сочли нужнымъ приводить подлинникъ всѣхъ погрѣшающихъ въ этомъ отношеніи мѣстъ перевода, которыми нами указаны, хотя они иногда уклоняются отъ оригинала: мы хотѣли здѣсь только представить образчики того, какъ безцеремонно обращается г. Фетъ съ русскою грамматикою.

Что касается до неправильнаго употребленія словъ, то у г. Фета встрѣчаемъ:

Жертвовать, вмѣсто приносить жертву:

Скажи жрецамъ, чтобъ *жертвовали* тотчасъ.

Стеречь, вмѣсто охранять, или стоять на часахъ.

Пусть Люцій и Титиній стерегутъ насъ

(Въ подлинникѣ: Let Lucius and Titinius guard our door, т. е. пусть Люцій и Тициній охраняютъ наши двери, или: стоятъ на часахъ у нашихъ дверей).

Распознать, вмѣсто видѣть:

И многіе жалѣютъ, Брутъ, о томъ,
Что предъ тобой нѣтъ зеркала, чтобъ *видѣла*
Ты доблести въ немъ тайныя свои,
И *распознала* бы тѣнь свою.

Въ подлинникѣ: that you might see your shadow, чтобы ты *могла видѣть* тѣнь свою. Вообще все это мѣсто написано не по-русски.

Догнать, вмѣсто пригнать:

Враги догнали насъ до края бездны

Увидѣть, вмѣсто посмотреѣть:

Пойдешь ли ты обрядъ увидѣть бѣга?

Пойдешь ли увидѣть: какъ это должно быть пріятно для нѣнца, говорящаго: *я буду посмотреѣть....*

Произнести рѣчь къ похоронамъ, вмѣсто по случаю похоронъ:

Прошу дозволить мнѣ
На площадь тѣло выставить его
И тамъ съ трибуны, какъ *прямичю* другу,
Речь произнести къ его похоронамъ. (!)

Четверить, вмѣсто четвертовать:

— Матери лишь улыбаться будутъ,
Когда дѣтей ихъ *оставутъ четверить*.

Мы говорили, что г. Фетъ, во вредъ ясности подлинника, заимѣняетъ одну грамматическую форму другою. Онъ пристрастенъ преимущественно къ повелительному наклоненію.

Напримѣръ, такіе стихи:

Будь *глазъ моихъ не меньше ранъ твоихъ*,
Чтобъ слезы лить, какъ кровь изъ *глазъ* струиться.

Что это за стихи! Подумаешь, что они взяты *напрокатъ* изъ Фауста г. Овчинникова.

Будь глаза моютъ не меньше ранъ твоихъ!...

Нѣтъ, рѣшительно—

Все то звѣздня,
Одна взмазня, —

— какъ говоритъ г. Овчинниковъ.... Г. Фетъ хотѣлъ попробовать, до какой степени удачно можетъ онъ подражать знаменитому переводчику «Фауста». Повторимъ еще разъ:

*Будь глаза моютъ не меньше ранъ твоихъ,
Чтобъ слезы лить, какъ кровь изъ твоихъ струится.*

Этимъ г. Фетъ хотѣлъ сказать вотъ что: *Если бы у меня было столько же глазъ, сколько у тебя ранъ, и если бы они могли плакать такъ же сильно, какъ изъ этихъ ранъ струится кровь.*

Или:

*Затѣялъ подвигъ я такой, Лигаріи,
Личи будь здоровъ твои слухъ о немъ таить.*

Опять таже самая взмазня и звѣздня! На человѣческомъ языкѣ это значить: я имѣю въ виду подобный подвигъ, если твои уши на столько здоровы, чтобы о немъ послушать.

(Such an exploit have j in hand, Ligarius,
Had you a healthful ear to hear of it)

или:

О Брутѣ дурно не толкуй онъ тутъ.

т. е.: лучше всего было бы, еслибъ онъ не говорилъ здѣсь ничего дурнаго о Брутѣ.

(*'Twere best he speak no harm of Brutus here.*)

Къ искаженіямъ смысла подлинника мы не безъ нѣкотораго права причисляемъ не только произвольныя перемѣны въ словахъ и фразахъ, допущенныя г. Фетомъ, но и темноту его перевода, нарушеніе грамматическихъ правилъ роднаго языка, употребленіе словъ его не въ томъ смыслѣ, который имъ принадлежитъ, и наконецъ неумѣстную замѣну одной грамматической формы другою. Развѣ не искажается смыслъ подлинника, когда мы своимъ переводомъ навязываемъ ему неясность и двойственность, которыхъ въ немъ нѣтъ? Развѣ не искажается смыслъ подлинника, когда въ переводѣ читателя останавливаетъ какая нибудь грамматическая безсмыслица, которая заставляетъ его предполагать тоже въ оригиналѣ? Развѣ не искажается смыслъ подлинника, когда мы хотимъ насиль-

но придать фразѣ неестественный оборотъ, надъ которымъ приходится ломать голову, тогда какъ этого нѣтъ въ оригиналѣ?

Спрашивается, чему же г. Фетъ жертвовалъ, и смысломъ подлинника, и ясностью рѣчи, и законами роднаго языка? Не легкости ли и изяществу стиха? Но каковы бы ни были перемѣны, сдѣланныя г. Фетомъ, онѣ не помогли ему придать легкости своему стиху. Мы это видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ, можемъ привести и другіе. Вообще легкости и изящества стиха не видно въ переводѣ г. Фета. Напротивъ того мы находимъ въ немъ много стиховъ, напоминающихъ манеру Тредьяковскаго, и тѣ, такъ называемыя пѣтическія вольности, которыя *de jure* давно уже изгнаны изъ нашей литературы, но фактически, какъ видно, еще существуютъ въ ней. Сюда относится неестественная перестановка въ стихахъ словъ, а въ словахъ удареній. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ переводѣ г. Фета мы встрѣчаемъ Марка Катона, вмѣсто Марка Катона (актъ V, сц. 4), если вмѣсто если (актъ IV, сц. 3), это вмѣсто это (а. V, сц. 4), Децій вмѣсто Децій (актъ II, сц. 2), Мессала, Мессала и Мессала, смотря по надобности; пору вмѣсто пору (актъ II, сц. 1). Нужно ли представлять примѣры неестественной перестановки словъ и уродливости въ стихахъ послѣ тѣхъ обращиковъ, которые мы видѣли выше? Пожалуй, приведемъ еще нѣсколько:

Не какъ добыча ль множества князей
Лежитъ онъ здѣсь?

Никто другой его не славенъ смертью.

Каска.

Кто помнить небо полнымъ такъ грозой?

Кассій.

Тотъ, кто видитъ такъ полной землю помнить.

—

Его и какъ намъ нуженъ видъ его

Представилъ очень вѣрно ты.

Здѣсь г. Фетъ бросился, кажется, уже съ девятаго этажа, чтобы добыть такіе стишки. Въ подлинникѣ сказано:

Him, and his worth, and our great need of him
You have right well conceited.

(т. е. ты правильно понялъ его, его достоинство и нашу великую нужду въ немъ).

А Брутъ вполне достойный человекъ.

Какъ все они, достойные все люди.

Кассій.

Иль ты, любя меня, стерпѣть не можешь,
Когда въ пылу забудусь, мнѣ врожденномъ
Отъ матери?

Брутъ.

Да, Кассій, и отнынѣ,
Когда ты съ Брутомъ будешь слишкомъ строгъ,
Подумаю: мать дорчитъ въ немъ (въ комъ?), онъ (кто?)
уступить

Темны и нескладны слова Кассія, но Брутъ превзошелъ его въ этомъ отношеніи.

Въ подлинникѣ послѣдній стихъ выраженъ такъ:

He'll think your mother chides, and leave you so.

т. е. онъ подумаетъ, что это твоя мать бранится, и не будетъ возражать тебѣ.

Клятву взялъ съ тебя,
Что что бы я тебѣ ни приказалъ,
Ты все исполнишь.

—
Чтобъ это зло смердѣло по землѣ,
Непогрѣбенной падалью людской.

Это выраженіе очень мило. Выраженіемъ *падалъ людская* онъ перевелъ слова *carion men*. Слово *carion* дѣйствительно значитъ *падалъ*; но *carion men* слѣдовало бы перевести: валяющіеся людскіе трупы или тѣла.

У Цезаря какъ перья эти вырвешь,
Такъ онъ пониже спустится летать,
А то бы онъ, поднявшись вонъ изъ глазъ,
Держалъ насъ всѣхъ подъ раболѣпнымъ страхомъ.

—
А Маркъ Антоній, что о немъ и думать;
Онъ Цезаревой не сильнѣй руки
Безъ Цезаревой головы.

Послѣдніе два отрывка мы приводимъ, какъ примѣры особенной легкости и изящества.

Повторимъ вопросъ: чему же г. Фетъ жертвовалъ и смысломъ подлинника и ясностью своего перевода? Мы уже видѣли, что идоломъ его не были изящество и легкость стиха, а что-то другое, чему и эти достоинства принесены въ жертву. Идоломъ г. Фета

былъ, повидимому, стихотворный *размѣръ*. Переводчикъ, кажется, задалъ себѣ задачу—соблюсти этотъ *размѣръ* во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось броситься съ пятнадцатаго этажа внизъ головою, — и онъ достигъ своей цѣли.... Но какими средствами? Самыми экстраординарными. Напр. ему нужно дополнить стихъ, въ которомъ недостаетъ стопы. Что тутъ дѣлать? Г. Фетъ не задумывается: у него есть цѣлая армія односложныхъ словъ, которыми можно заставить пустое мѣсто въ каждомъ стихѣ и такимъ образомъ обезобразить какую угодно тираду. Армія эта довольно многочисленна. Вотъ перечень нѣкоторыхъ изъ ея воиновъ, особенно часто вырочающихся г. Фета въ борьбѣ съ версификаціей:

А, бы, вотъ, все, гей, да, же, и, иль, какъ, ко, ли, лишь, на, о, пусть, такъ, то, тутъ ужъ, уже, что, эхъ....

Если пересчитать, сколько разъ всѣ эти и подобныя имъ слова встрѣчаются безъ всякой нужды въ переводѣ г. Фета, то наберется по малой мѣрѣ семьсотъ семьдесятъ семь, а то пожалуй и цѣлая тысяча.

Но только-что г. Фетъ, при помощи столь многочисленнаго войска, побѣдитъ затрудненіе, происходящее отъ недостатка стопъ, какъ является другое: стихъ слишкомъ длиненъ, словъ много, — куда ихъ дѣвать? Тутъ г. Фетъ придумываетъ средство довольно оригинальное: при малѣйшемъ излишкѣ въ стихѣ, онъ выбрасываетъ изъ него здравый смыслъ, полагая, что отъ этого стихъ сократится. Онъ и сократится, дѣйствительно, — только въ немъ ужъ, по выраженію самого же г. Фета, нельзя будетъ «*раскопать и признака малѣйшаго.*» Впрочемъ лирику нашему очень мало до этого нужды: онъ, какъ видно, полагаетъ, что для того, чтобы броситься съ седьмого этажа внизъ головою, здраваго смысла вовсе не требуется....

Но сразу, даже и освобожденную отъ излишка здраваго смысла, все-таки нужно упрятать въ какія нибудь удобо-соединимыя грамматическія формы. Г. Фетъ и этого не признаетъ: онъ остается глухъ и нечувствителенъ ко всѣмъ требованіямъ грамматики.... Онъ гонитъ ее отъ себя всякій разъ, какъ только на него найдетъ дурной стихъ, и только развѣ изъ милости позволяетъ иногда русской грамматикѣ остаться въ стихѣ, съ подчиненіемъ правиламъ грамматики англійской.... Но вотъ опять бѣда: какого нибудь слова никакъ нельзя приладить къ стиху по ударенію его, или по числу слоговъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, или потому, что его слѣдуетъ поставить въ рѣчи именно на такомъ-то мѣстѣ.... И тутъ г. Фетъ

является неограниченнымъ властелиномъ языка, не признающимъ надъ собою никакихъ законовъ: удареніе въ словѣ онъ заставитъ перейти на другое мѣсто, — гдѣ ему быть слѣдуетъ по требованію стиха г. Фета. Если же слово и за тѣмъ по своему объему не подходитъ подъ стихъ, то лирикъ нашъ отважно выбрасываетъ его за окно и обращается къ языку славянскому, простонародному, канцелярскому, гдѣ и отыскиваетъ подходящій синонимъ или другую форму того же слова. Такъ вы у него найдете и *трапеза*, и *обстоить*, и *кажи*, и *владыко*, и *вечеръ*, слова изъ самыхъ различныхъ сферъ, нерѣдко поставленные даже рядомъ одно съ другимъ. И все это г. Фетъ дѣлаетъ, разумѣется, не потому, чтобы онъ сообразовался съ тономъ подлинника, въ которомъ тоже иногда языкъ пзмѣняется, смотря потому, какія лица выступаютъ на сцену, — а единственно для стихотворнаго размѣра. Г. Фетъ не пренебрегаетъ и преданьями временъ давно минувшихъ; манеру выражаться онъ, сознательно или безсознательно — заимствуетъ иногда и у Тредьяковскаго, и у знаменитаго лирика Петрова, и у славнаго оратора Ософана Прокоповича, и у того подъячаго временъ Алексѣя Михайловича, котораго челобитье, написанное на такомъ длинномъ столбцѣ, вывѣшено было въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Словомъ — г. Фетъ, подобно пчелѣ, собирающей медъ изъ разныхъ цвѣтовъ, черпаетъ слова и выраженія, изъ всевозможныхъ источниковъ. И въ тоже время, подобно самовластному господину, онъ помыкаетъ и смысломъ и грамматикою; подобно скупому домохоzinу, у котораго ничто не пропадаетъ, онъ собираетъ всякіе лоскутки и ветошь и заливляетъ ими разбитыя окна своего дома.... Зато и переводъ его похожъ на какую-то груду мусора, которымъ завалена превосходная картина или статуя. Сходство этого перевода съ подлинникомъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что оба они написаны патетическими ямбами. Но вѣроятно г. Фету извѣстно, что подобное сходство слишкомъ еще незначительно для того, чтобы ему жертвовать всѣмъ остальнымъ.... Впрочемъ, точно ли *ему* именно пожертвовалъ всѣмъ г. Фетъ? Мы уже и въ этомъ сомнѣваемся, потому что и проза г. Фета страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и стихи. Въ Юліи Цезарѣ, и въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, которыя написаны не стихами, г. Фетъ тоже успѣлъ надѣлать ошибокъ очень крупныхъ, въ родѣ *не надрываясь надо мной* и т. п. Значитъ проза сама по себѣ еще не можетъ служить для г. Фета спасеніемъ....

Но мы все представляли частныя ошибки и небольшіе отрывки, но которымъ нельзя судить о тонѣ и достоинствѣ всего перевода.

Приведемъ теперь нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ характеръ новаго произведенія г. Фета долженъ выразиться явственнѣе.

Брутъ.

*Одинъ исходъ тутъ смерть его. А я
Его столкнуть, причинъ не знаю личныхъ,
Но ради общихъ. Онъ вѣнца жаждетъ.
Насколько это (?) въ немъ измѣнить духъ, —
Вопросъ. Лишь знойный дѣнь рождаетъ змѣй;
Ходить при этомъ должно осторожно.
Ему вѣнчаться? Это, — тутъ ручаюсь,
Ему ладимъ мы жало, чтобъ могъ онъ
По волѣ имъ вредить. Величье — зло,
Когда оно отъ совѣсти отдѣлится
Власть; говоря о Цезарѣ по правдѣ,
Не помню я, чтобъ страсти превышали
Разсудокъ въ немъ. Но общая замѣтка, —
Смиренье лѣстница для честолюбцевъ,
Кто ляжетъ вверхъ, лицомъ къ ней обращенъ;
А кто достигнулъ самой высшей точки,
Тотъ къ лѣстницѣ ужъ обращаетъ тылъ
И смотритъ вверхъ, смѣясь ступенямъ нижнимъ,
По конимъ взлѣзъ. Такъ сдѣлать Цезарь можетъ:
Предупредить, пока онъ такъ не сдѣлалъ;
И если не оправдываетъ онъ
Еще вражды къ нему, разсудитъ вотъ-какъ:
Коль увеличить то, чѣмъ онъ теперь,
Такъ или иначе можетъ выйти крайность;
За тѣмъ считать его лицомъ змѣи
Съ зародышемъ опаснымъ по природѣ
И въ скорлупѣ еще убить его.*

Желали бы мы видѣть того счастливецъ, который съумѣетъ сказать навѣрное: съ какого этажа нужно броситься, чтобы написать такіе неизъяснимо-отчаянные стихи. Что касается до насъ, то мы, прочитавъ ихъ, только и могли, съ крайнимъ прискорбіемъ о переводчикѣ, повторить: «за тѣмъ считать его лицомъ!» Что же еще прибавить къ этому канцелярскому рѣшенію, вложенному нашимъ своевольнымъ лирикомъ въ уста Брута.

А вотъ это мѣсто въ подлинникѣ:

*It must be by his death: and for my part
I know no personal cause to spurn at him,
But for the general. He would be crown'd: —
How that might change his nature, there's the question.*

It is the bright day, that brings forth the adder;
 And that craves wary walking. Crown him? — That; —
 And then, I grant we put a sting in him,
 That at his will he may do danger with.
 The abuse of greatness is, when it disjoins
 Remorse from power: and to speak truth of Cæsar,
 I have not known when his affections sway'd
 More than his reason. But 'tis a common proof,
 That lowliness is young ambition's ladder,
 Whereto the climber-upward turns his face:
 But when he once attains the upmost round,
 He then unto the ladder turns his back,
 Looks in the clouds, scorning the base degrees
 By which the did ascend: so Cæsar may;
 Then, lest he may, prevent. And since the quarrel
 Will bear no colour for the thing he is,
 Fashion it thus; that what he is augmented,
 Would run to these and these extremities:
 And therefore think him as a serpent's egg,
 Which, hatch'd would, as h is kind, grow mischievous;
 And kill him in the shell.

(т. е. одно средство — смерть его. Что до меня — я не имѣю личныхъ причинъ нападать на него; я стремлюсь только къ общему благу. Ему хочется короны: вопросъ здѣсь въ томъ, — какъ она можетъ измѣнить его натуру. Змѣи выползаютъ только въ ясный день, и это заставляетъ ходить съ осмотрительностью. Кароновать его? — Такъ — чрезъ это, конечно, мы дадимъ ему жало, которымъ онъ можетъ вредить по своему произволу. Злоупотребленіе величія состоитъ въ томъ, когда оно отдѣляетъ совѣсть отъ власти: сказать правду, я не замѣчалъ, чтобы въ Цезарѣ страсти преобладали надъ разсудкомъ. Но, — общеизвѣстная истина, — смиреніе служить лѣстницею для юнаго честолюбія: взбирающійся по ней обращается къ ней лицомъ, но дойдя до верху, онъ поворачивается къ лѣстницѣ спиною, смотритъ въ облака и презираетъ низкія ступени, по которымъ взошелъ. Тоже можетъ случиться и съ Цезаремъ, предупредимъ же эту возможность. Въ нынѣшнемъ значеніи Цезаря нѣтъ никакого повода враждовать противъ него; но обратимъ вниманіе на то, что если его значеніе увеличится, то это приведетъ къ такимъ-то и такимъ крайностямъ. И потому будемъ на него смотрѣть, какъ на змѣиное лицо, которое сдѣлается зловреднымъ подобно всему змѣиному роду, когда изъ него выйдетъ плодъ, и убьемъ его еще въ скорлупѣ.)

Т. LXXV. Отд. III.

19

Вотъ другое мѣсто изъ г. Фета.

Брутъ.

*Пусть чернь клянется коль не врать ей,
Но не порочь ты нашего рѣшенья,
Неукротимой силы нашихъ душъ,
Предположивъ, что замысль нашъ или дѣло
Нуждаться могутъ въ клятвѣ, — если каждый
Сынъ Рима каждой чистой каплей крови
Въ опасности быть выродкомъ отдѣльнымъ,
Нарушить хоть малѣйшую частицу
Того что онъ однажды обѣщалъ*

Надобно быть выродкомъ отдѣльнымъ, чтобы понять малѣйшую частицу того, что г. Фетъ сочинилъ здѣсь, вмѣсто Шекспирова подлинника.

Въ подлинникѣ сказано:

— — — unto bad causes swear
Such creatures as men doubt; but do not stain
The even virtue of our enterprize,
Nor the insuppressive mettle of our spirits,
To think, that, or our cause, or our performance,
Did need an oath; when every drop of blood,
That every Roman bears, and nobly bears,
Is guilty of a several bastardy,
If he do break the smallest particle
Of any promise that hath pass'd from him.

(т. е. Люди подозрительные даютъ клятву на злыя дѣла, — но не пятнайте чистоты нашихъ намѣреній и непреклонной твердости нашего духа той мыслью, будто бы нашъ замысль или его выполнение нуждаются въ клятвѣ: тогда какъ каждая капля крови, которую носить въ себѣ римлянинъ, и носить съ честью, становится многократно незаконною (вотъ гдѣ онъ — выродокъ-то отдѣльный!), если онъ нарушитъ хоть малѣйшую частицу какого нибудь изъ своихъ обѣщаній).

Вотъ еще одно мѣсто.

Брутъ.

Антоній, смерти не проси у насъ,
Кровавы и жестоки мы на видъ,
Таковыми наши руки и ихъ дѣло
Являютъ насъ; ты наши руки видишь,
И ихъ кровавый подвигъ предъ тобой;

*На ты въ сердцахъ не видишь состраданья,
А только жалость къ общимъ стонамъ Рима
(Огонь тѣснитъ огонь, а жалость — жалость)
На Цезаря возстала.*

Бѣдный Брутъ! ты наказанъ за умерщвление Цезаря: г. Фетъ осудилъ тебя говорить или нескладницу или бессмыслицу. Вотъ какъ выражены у Шекспира послѣдніе четыре стиха:

Our hearts you see not, they are pitiful;
And pity to the general wrong of Rome
(As fire drives out fire, so pity, pity.)
Hath done this deed on Cæsar.

(т. е. Но ты не видишь сердецъ нашихъ: они сострадательны, и причиною этого поступка съ Цезаремъ было состраданіе къ общему бѣдствію Рима (какъ огонь выгоняется огнемъ, такъ состраданіе — состраданіемъ)).

Г. Фетъ перевелъ слова — «ты не видишь сердецъ нашихъ, они сострадательны», непонятнымъ стихомъ «но ты въ сердцахъ не видишь состраданья.» Во первыхъ здѣсь является вопросъ; въ чьихъ сердцахъ? — а во вторыхъ, вслѣдствіе опущенія слова *нашихъ*, можно съ перваго раза приписать этой фразѣ другой смыслъ: *въ сердцахъ*, т. е. будучи раздраженъ, сердитъ. Неясность этого стиха и неполная передача мысли подлинника дѣлаетъ и послѣдующій стихъ неяснымъ. Оба они связаны такимъ образомъ, что какъ будто ими г. Фетъ хотѣлъ сказать: «ты не видишь въ сердцахъ состраданья, а видишь только жалость къ общимъ стонамъ Рима.» Иначе и понять нельзя, пока читатель чрезъ вставочную мысль — «огонь тѣснитъ» (т. е. вытѣсняетъ) огонь, а жалость — жалость, не доберется до словъ — на Цезаря возстала.

Мѣста подлинника, соотвѣтствующія приведеннымъ нами тремъ послѣднимъ отрывкамъ изъ перевода г. Фета, не принадлежатъ къ лучшимъ въ Юліѣ Цезарѣ: въ нихъ много холоднаго разглагольствованія. Можетъ быть Шекспиръ вложилъ въ уста Брута подобныя рѣчи, съ цѣлю изобразить настоящаго римлянина, который даже въ рѣшительную минуту, когда нужно дѣйствовать, не можетъ удержаться отъ риторическаго изображенія возвышенности чувствъ своихъ. Это относится преимущественно ко второму отрывку: онъ составляетъ третью часть того, что наговорилъ Брутъ по поводу предложенія Кассія скрѣпить заговоръ клятвою. Какъ бы то ни было, эти мѣста и въ подлинникѣ холодны, и потому въ переводѣ ихъ мы ставимъ г. Фету въ вину только недостатокъ ясности, близости къ оригиналу, грамматическаго и логическаго смысла, не думая обви-

нять его въ недостаткѣ изящества стиха, хотя желательнѣе было бы, чтобы этотъ стихъ былъ полегче. Но посмотримъ, какъ г. Фетъ передаетъ лучшія мѣста подлинника. Вотъ переводъ одного изъ нихъ:

Антоній.

Коль слезы есть у васъ, готовьте ихъ.
Всѣмъ вамъ вотъ этотъ плащъ знакомъ. Я помню,
Когда въ немъ Цезарь *вышелъ* въ первый разъ,
То было лѣтнимъ вечеромъ, въ палаткѣ, (*вышелъ въ па-
латкѣ?*)

Онъ въ этотъ день Неврійцевъ покорилъ.
Вотъ! вотъ гдѣ Кассіевъ прошелъ кинжалъ!
Смотрите, какъ ворвался злобный Каска!
А это Брутъ возлюбленный прошибъ;
И, *сотъ*, лишь вырвалъ онъ проклятый ножъ,
Ужъ Цезарева кровь за нимъ во слѣдъ
Рванулась, какъ за дверь, чтобы узнать,
Что, точно ль Брутъ стучится такъ жестоко:
Вѣдь Цезаревымъ ангеломъ былъ Брутъ.
О Боги, какъ онъ Цезарю былъ дорогъ!
Такой ударъ чувствительнѣй былъ всѣхъ;
И, только Цезарь *это* (что?) увидалъ,
Неблагодарность злѣй, чѣмъ стала убійца,
Его сразила: замеръ мощный духъ;
И, завернувъ лицо вотъ въ этотъ плащъ,
Къ подножію Помпеевой статуи,
Съ которой кровь струилась, Цезарь палъ,
Друзья! что это было за паденье!
И я, и вы, мы всѣ упали съ нимъ,
Обрадовать кровавую измѣну.
Вы плачете, — я чувствую, что въ васъ
Проснулась жалость; въ этихъ капляхъ нѣжность.
Вы плачете, друзья, лишь увидавъ
Изгналъ въ одеждѣ Цезаря? смотрите,
А сотъ онъ самъ измѣной искаженъ.

Въ этомъ мѣстѣ красота подлинника проглядываетъ нѣсколько да же и сквозь переводъ г. Фета; но надо отдать справедливость переводчику: онъ и здѣсь съумѣлъ нѣсколькими неуклюжими словами и прибавками испортить общее впечатлѣніе... Такъ поступилъ онъ и со всей пьесой. ...

Изъ сдѣланныхъ нами выписокъ можно судить о достоинствахъ перевода г. Фета. Сужденіе это будетъ, разумѣется, не въ его пользу. Но, можетъ быть, читатели подумаютъ, что все это —

частности, что недостатки нѣкоторыхъ мѣстъ перевода выкупаются блестящими достоинствами другихъ мѣстъ его. Если бы это было такъ, мы бы извинили г. Фету частные недостатки. Въдѣ смотримъ же мы сквозь пальцы на странные, часто дикіе, — чтобы не сказать больше, — стихи въ его мелкихъ непереводныхъ стихотвореніяхъ. Мало того: мы ищемъ въ нихъ какой-то особенной поэзіи, стараемся понять ихъ и находимъ въ нихъ какія-то особые достоинства, въ которыхъ увѣряемъ и другихъ. Что причиною подобной снисходительности? Уваженіе къ блестящимъ сторонамъ таланта г. Фета и къ тому, что въ одномъ и томъ же стихотвореніи, рядомъ съ этими дикими стихами, мы видимъ стихи полные жизни, гармоніи и поэзіи. Тѣмъ болѣе мы простили бы г. Фету нѣкоторые промахи въ произведеніи, занимающемъ собою около сотни печатныхъ страницъ. Но дѣло въ томъ, что прекрасныхъ мѣстъ въ переводѣ г. Фета мѣтъ; есть мѣста порядочныя, да и тѣхъ немного, а промаховъ такая бездна, что переводъ г. Фета весь можно назвать однимъ огромнымъ, сплошнымъ промахомъ. Желающимъ повѣрить наши слова мы предоставляемъ пересмотрѣть переводъ отъ начала до конца. На каждой страницѣ, за исключеніемъ развѣ трехъ или четырехъ, незначительныхъ по своему содержанію, непременно найдется нѣсколько ошибокъ; нѣкоторыя же страницы ими просто испещрены. Два послѣдніе акта переведены удачнѣе трехъ первыхъ (хотя все-таки далеко неудовлетворительно); но это нисколько не утѣшаетъ въ искаженіи лучшихъ мѣстъ подлинника. Мы, разумѣется, привели меньшую часть тѣхъ недостатковъ, которые нашли въ переводѣ; но и эти выписки насъ утомили. Во всей статьѣ нашей мы говорили почти только о томъ, какъ г. Фетъ передаетъ смыслъ подлинника, тогда какъ для перевода мало сохранить смыслъ и соблюсти правильность и чистоту языка; для него нужна жизнь, которою проникнуть подлинникъ. Мы примѣняли къ г. Фету требованія довольно ограниченныя, не упоминая о томъ, что въ его переводѣ не встрѣчается почти ни одной искры одушевленія. Объ этомъ недостаткѣ нельзя дать понятіе выписками. Авторъ, какъ видно, заботился о формѣ, забывая о содержаніи: самую форму онъ понималъ въ смыслѣ слишкомъ ограниченномъ.

Просимъ г. Фета не быть на насъ въ претензіи за невыгодный отзывъ о его произведеніи. (Мы не смѣемъ приписать Шекспиру «Юлія Цезаря», напечатаннаго въ III № Библиотеки для Чтенія). Можетъ быть большинство критиковъ похвалитъ его, по уваженію и довѣрію къ таланту нашего лирика. Но, даже подъ опасеніемъ быть *выродкомъ отдѣльнымъ*, мы рѣшились высказать г. Фету правду (по крайней мѣрѣ по нашему убѣжденію). Надѣмся, что наша

статья послужить къ тому, чтобы разрѣшить недоразумѣніе, которое переводъ г. Фета можетъ поселить въ нашей публикѣ относительно гг. Фета и Шекспира. По этому переводу читатели могутъ подумать одно изъ двухъ: или что Фетъ есть новый псевдонимъ г. Генслера-Семенова, недавно уподобившагося г. Овчинникову переводомъ Гейне; или — что самъ Шекспиръ есть нѣчто въ родѣ нашего оригинальнаго драматурга, барона Розена. Но послѣ нашихъ свѣдѣній и указаній, кажется, должно быть ясно, что—съ одной стороны въ переводѣ г. Фета нѣтъ Шекспира *ни признака малѣйшаго*; а съ другой, — что переводчикъ Юлія Цезаря есть именно нашъ знаменитый лирикъ, и что вслѣдствіе лиризма—то именно переводъ и вышелъ таковъ, какимъ мы его видѣли. За тѣмъ читатель можетъ дѣлать какія угодно заключенія, — пожалуй хоть — *затѣмъ считая его лицомъ....* Что же касается до г. Фета, то мы въ заключеніе статьи считаемъ нужнымъ выразить наше полное уваженіе къ его таланту, достойно уже одѣненному нашими лучшими критиками, и позволимъ себѣ только одно замѣчаніе: хорошій переводъ Шекспира — дѣло очень трудное и не всякому доступное; для многихъ броситься внизъ головой изъ седьмаго, даже девятаго, даже пятинадцатаго этажа — несравненно легче, нежели удачно перевести одинъ монологъ изъ Шекспира.

М. ЛАВРЕНСКИЙ.

НОВЫЙ КОДЕКСЪ

РУССКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ МУДРОСТИ.

(Наука жизни или какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ. Ефима Дыммана Спб. 1859).

Время отъ времени являются у насъ мудрецы, желающіе быть руководителями молодыхъ людей на жизненномъ поприщѣ. Бѣльшую частію это бываютъ люди, искушенные долгимъ опытомъ жизни и оттого смотрящіе на все нѣсколько мрачно. Иные доходятъ даже до того, что, вмѣсто всякихъ совѣтовъ, предписываютъ только угрозы и побой. Таковъ напр. долженствующій быть знаменитымъ, г. Миллеръ-Красовскій (о которомъ мы говоримъ въ этой же книжкѣ), полагающій всю надежду воспитанія въ *пощечинахъ*. Но не таковъ г. Ефимъ Дымманъ, составившій «Науку Жизни». Его направленіе очень мягко и благодушно. О дѣтяхъ, напр. онъ говоритъ слѣдующее.

«Тѣлесно дѣтей никогда не наказывать, въ отвращеніе *грубыхъ чувствъ упрямства и ожесточенія*. Какова бы ни была вина дѣтей, не дѣлать изъ того ни шума, ни криминала, никогда на нихъ не кричать, и *вразумлять* ихъ всегда съ ласкою, *толкую* имъ тихо и ясно, какъ поступокъ ихъ вреденъ и какія изъ того могутъ выйти дурныя послѣдствія (стр. 326).»

Вы уже чувствуете расположеніе къ автору за такую гуманность, и думаете, что г. Дымманъ далеко ушелъ отъ теорій г. Миллеръ-Красовскаго. Съ точки зрѣнія г. Миллеръ-Красовскаго, подобныя мысли должны представляться безумными и отчаянно либеральными. Какъ! Не бить дѣтей! Не кричать на нихъ!! Вразумлять ихъ!! Толковать имъ о вредныхъ послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть ихъ поступокъ!!! Что можетъ быть ужаснѣе для вѣрнаго *рыцаря трехъ пощечинъ*? Какое преступленіе можетъ болѣе этого возмутить его? Навѣрно г. Миллеръ-Красовскій скажетъ о г. Дымманѣ, что онъ «не заглядывалъ въ жизнь и силенъ одними кабинетскими теоріями»; навѣрное сочтетъ его послѣдователемъ «русскихъ плевегъ филантропизма».

Но формы, въ которыхъ проявляется житейская философія, могутъ быть очень разнообразны, нисколько не измѣняя тѣмъ ея существеннаго характера. Прочтавъ «Науку Жизни», мы увидимъ, что г. Ефимъ Дымманъ въ сущности не менѣе кого другаго уважаетъ молчалинскую теорію умѣренности и аккуратности; безусловное повиновеніе онъ любитъ не менѣе, чѣмъ самъ рыцарь *трехъ пощечинъ*. Но складъ ума г. Ефима Дыммана болѣе дипломатическій, и оттого правила, предписываемыя имъ, никогда не имѣютъ такого жестокаго характера, и даже въ грамматическомъ отношеніи не столь ужасны, какъ «Основные законы воспитанія» г. Миллеръ-Красовскаго, восхищающагося своими *тремя пощечинами*. Г. Ефимъ Дымманъ отличается чрезвычайнымъ житейскимъ благоразуміемъ и такою гибкостью ума и совѣсти, какой можетъ позавидовать любой дипломатъ. Вотъ отчего и происходитъ видимое различіе его совѣтовъ отъ предписаній мудрецовъ, подобныхъ г. Миллеръ-Красовскому. Но по самой ловкости изложенія, «Наука Жизни» заслуживаетъ того, чтобы на нее обратить серьезное вниманіе. Въ ней возведено въ систему то, что у насъ обыкновенно дѣлается безсознательно; она представляетъ кодексъ принятой нынѣ житейской нравственности. Съ этой точки зрѣнія она очень любопытна, и мы считаемъ нелишнимъ рассмотреть ее съ нѣкоторой подробностью.

Авторъ «Науки Жизни» какъ открывается изъ разныхъ мѣстъ книги, служилъ прежде въ военной службѣ; доехалъ до степеней извѣстныхъ, содѣлался старцемъ, былъ женатъ, но теперь живетъ одиноко, имѣя въ домѣ четырехъ человѣкъ: пожилую женщину, въ родѣ ключницы, кучера, повара и лакея. — которые безпрестанно между собою ссорятся и *просятъ расчета* у автора (стр. 243). Но г. Ефимъ Дымманъ и съ этими безпокойными людьми *умѣетъ ладыть*

такъ же хорошо, какъ онъ ладить со всѣми на свѣтѣ, и въ этомъ-то умѣньи со всѣми ладить заключается его искусство общежитія, которое хочетъ онъ передать молодымъ людямъ.

«Наука Жизни» заключаетъ въ себѣ именно правила о томъ, какъ уживаться съ людьми, пріобрѣсть общее уваженіе и нажить состояніе. По благожелательности и по добротѣ своего сердца, авторъ заботится о мирѣ, тишинѣ и общемъ благополучіи; но опытъ жизни, содѣлавъ его Талейраномъ, научилъ его не предаваться движеніямъ своего сердца. «Прежде всего, — совѣтуетъ онъ юношѣ, — сдѣлай себѣ всегдашнимъ правиломъ: никогда не предаваться своему первому движенію, какъ въ отношеніи людей, такъ и во всѣхъ твоихъ дѣлахъ» (стр. 235). Вы знаете, что и Талейранъ говорилъ тоже самое, прибавляя только резонъ: «потому, что первое движеніе всегда хорошо». Кажется, что и г. Ефимъ Дымманъ имѣетъ ту же тайную мысль; но онъ не такъ простъ, чтобы высказать ее прямо: опытъ жизни научилъ его быть осторожнѣе и хитрѣе Талейрана. Вслѣдствіе того, онъ и не говоритъ иначе, какъ языкомъ дипломатическимъ. Юноши, которые будутъ читать «Науку Жизни», непременно должны имѣть это въ виду. Для того, чтобы лучше понять ее, они могутъ даже составить небольшой объяснительный словарь употребительнѣйшихъ въ ней словъ. Напр. *лицемѣріе* въ наукѣ жизни изображается постоянно подъ видомъ *вѣжливости*, *подлость* — подъ именами *утожденія* и *искательства*, *мошенничество* — называется *ловкостью*, *подозрительность* и *малодушіе* — *осторожностью*, *кража* всѣхъ видовъ — *пользованіемъ обстоятельствами*, *шарлатанство* — *сноровкою* и пр. И все это пересыпается, само собою разумѣется, безпрестанными громкими воззваніями о честности, добросовѣстности, братолюбіи, помощи несчастнымъ и т. п. Словомъ, вся книжка составлена чрезвычайно дипломатически. Разсмотримъ же сущность ея содержанія, имѣя въ виду сдѣланную нами оговорку относительно фразеологии автора.

Цѣлю жизни поставляетъ г. Дымманъ пріобрѣтеніе житейскаго благополучія, т. е. общаго почета, обеспеченнаго состоянія и долговѣчности. Средства для этой цѣли предписываются самыя практическія, и притомъ такого свойства, что, по мнѣнію самого автора, «для человѣка слабаго духомъ могутъ показаться труднымъ». «Но, продолжаетъ онъ — за то они вѣрны и дѣйствительны, и мы съ ними совершимъ дѣло чудное: пріобрѣтемъ любовь людей; *честнымъ образомъ* обеспечимъ себя состояніемъ и будемъ здоровы, счастливы и долговѣчны. А изъ благодарности ко Всевышнему, даровавшему намъ эти средства, будемъ помогать неимущимъ и

слабымъ, защищать правого и невиннаго, и стяжаемъ ими людей добрыхъ, честныхъ и благоразумныхъ» (стр. 344). Этими словами оканчиваетъ авторъ свою книгу, и вы видите, что онъ хлопочетъ о добрѣ и честности. Слушайте его, и вы будете долговѣчны, богаты и всѣми уважаемы, оставаясь честнымъ человѣкомъ. Авторъ увѣренъ въ этомъ, и, какъ намъ кажется, не напрасно. Съ полнымъ и горячимъ убѣжденіемъ (хотя нѣсколько и витіевато) говоритъ онъ въ началѣ книги: «Прежде приступа къ нашему дѣлу, весьма серьезному и очень далекому отъ всякаго пустословія и отъ всякаго спѣшенія забавныхъ, скуки ради, приключеній, скажу я тебѣ, юноша, что ни въ чемъ такъ свято и положительно не увѣренъ я, какъ въ пользы и добры, приносимыхъ мною въ дань прекрасному нашему юношеству этою книгою; что ни надъ чѣмъ не трудился я съ такимъ душевнымъ посвященіемъ, какъ надъ нею, и что ничего въ жизни пламеннѣе не желаю я, какъ того, чтобы юное наше поколѣніе вполнѣ ею воспользовалось» (стр. 13). Мы не станемъ до времени выражать нашего мнѣнія о томъ, желательно ли, чтобы въ самомъ дѣлѣ кто нибудь воспользовался правилами г. Ефима Дыммана. Но мы смѣло можемъ сказать, что *кто принимаетъ конечную цѣль автора*—всеобщее уваженіе и обезпеченное состояніе, тотъ найдетъ въ его книгѣ много практически полезныхъ совѣтовъ, очень ловко примѣненныхъ къ духу современнаго нашего общества. Представимъ нѣкоторые изъ нихъ нашимъ читателямъ и потомъ посмотримъ, какое значеніе могутъ имѣть они въ русской жизни, между русскими людьми, поставленными такъ, какъ они поставлены при современномъ нашемъ общественномъ устройствѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что г. Дымманъ имѣетъ въ виду людей не обезпеченныхъ и независимыхъ, а такихъ, которые должны чего нибудь добиться въ жизни. Поэтому онъ очень сильно напираетъ на необходимость людямъ трудиться, сберегать свои силы, не пьянствовать, не возставать противъ начальства, не вѣрять ворожеямъ и сновидѣніямъ, не буйствовать, не предаваться неумѣреннo ласкамъ женщинъ и пр. Нельзя не согласиться, что всѣ подобные совѣты очень благоразумны, съ какой хотите точки зрѣнія. Выражаетъ ихъ авторъ очень сильно и подтверждаетъ примѣрами еще болѣе сильными. Напр. вотъ что говоритъ онъ о ласкахъ женщинъ:

«Я былъ очевидцемъ, какъ одинъ здоровый молодой человѣкъ, предавшійся неумѣреннo ласкамъ женщинъ (чему былъ очевидцемъ г. Ефимъ Дымманъ!!!), безъ малѣйшаго страданія вдругъ почувствовалъ безсиліе

и ослабленіе памяти, возраставшія *всакую минуту*, въ такой степени, что на другой день онъ не могъ даже припомнить словъ къ разговору, а на третій уже его не было въ живыхъ (стр. 340).»

Видите,—какъ скоро!... Есть правоучительная книжка: «Сорокъ лѣтъ пьяной жизни»; такъ въ той вредъ пьянства доказывается тѣмъ, что человѣкъ, пьянствовавшій *сорокъ лѣтъ*,—наконецъ сгорѣлъ... А у г. Ефима Дыммана — какъ только человѣкъ предался неумѣреннѣ ласкамъ женщинъ, такъ на другой же день память потерялъ, а на третій ужъ и Богу душу отдалъ... Примѣръ, въ самомъ дѣлѣ, поразительный!...

Но кромѣ отрицательныхъ совѣтовъ, г. Дымманъ даетъ юношѣ и положительныя правила. Сущность ихъ заключается, какъ онъ самъ говоритъ, «въ трехъ главнѣйшихъ откровеніяхъ,—*угожденіи, умеренности и трудѣ*» (стр. 287). Всѣ три должны быть тѣсно связаны въ жизни и одно другому помогать. Трудиться долженъ человѣкъ, *угождая* другимъ, чтобы достигнуть цѣли своихъ стремленій; но въ стремленіяхъ всегда долженъ быть *умѣренъ*. Міръ и жизнь, по мнѣнію автора, превосходны. «Какова участь, каковъ удѣлъ человѣка на землѣ!—восклицаетъ онъ. Цѣлый міръ, вся планета, вся земля дана ему на его пользу, для его наслажденія, для его счастья». Наша жизнь есть радостнѣйшая, прелестнѣйшая жизнь, и цѣлый міръ даровалъ намъ Господь на услажденіе ея» (стр. 132). Надобно только не искать невозможнаго, довольствоваться тѣмъ, что есть, и не идти противъ людей, нашихъ братьевъ, обладателей міра. «Не слушай неблагоразумныхъ»,—совѣтуетъ г. Дымманъ,—которые корчатъ молодца противъ начальства, противъ существующаго порядка. Каковъ бы ни былъ этотъ порядокъ, но, какъ установленіе людское, онъ совершеннымъ быть не можетъ никогда; равнымъ образомъ—съ постепеннымъ просвѣщеніемъ и устройствомъ самаго гражданскаго общества, и онъ не можетъ не улучшаться» (стр. 112). Не правда ли, что совѣтъ г. Дыммана очень практиченъ и вполне согласенъ съ теоріею угожденія и умѣренности?

Съ тою же послѣдовательностью своимъ началамъ г. Дымманъ разсуждаетъ и о трудѣ. Онъ признаетъ трудъ полезнымъ для здоровья, и кромѣ того велитъ заботиться объ исполненіи всякой, даже самой ничтожной обязанности, *потому*, что «нѣтъ такой маловажной должности, въ которой неутомимою, всегдашнею дѣятельностью нельзя было бы обратить на себя вниманія и милостей начальства, а за труды не получить награды и повышенія» (стр. 118). Впрочемъ, убиваться надъ работою, заботясь о пользѣ самого дѣла, г.

Дымманъ не заставляетъ. Напротивъ, онъ даетъ такіе совѣты: «дѣла исполняй всегда открыто, торжественно, сохраняя всѣ временемъ принятые обычаи; это *налагаетъ на исполнителей* (что?) и удерживаетъ ихъ въ строгомъ порядкѣ. *Держись крѣпко формальности*, — она часто наводитъ на важныя обстоятельства и указываетъ ходъ дѣлу. *Ничего не дѣлай на словахъ*, а всѣ дѣла должны быть ясно изложены на бумагѣ и облечены въ законную форму, крайне необходимую для справокъ» (стр. 273).

Вообще, какъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, такъ и въ самыхъ совѣтахъ относительно труда, г. Дымманъ является, такъ сказать, квіетистомъ. Онъ сознаетъ, напримѣръ, что правда почтенна, что добро дѣлать слѣдуетъ, что трудиться надобно честно, и т. п. Но, поставивъ себѣ цѣлью искусное общежитіе, онъ признаетъ благоразумнымъ и необходимымъ дѣлать уступки принятымъ въ обществѣ требованіямъ, плыть по теченію, не покушаться ни на какія перемѣны. «Правда есть свѣтъ яснѣе солнца, совершенство, свойство Божества! Сладка жертва, приносимая правдѣ, и сладко отстоять ее!» восклицаетъ г. Ефимъ Дымманъ, — и тутъ же прибавляетъ: «но съ правдой, какъ съ бритвой, надобно обходиться осторожно; въ противномъ случаѣ она зарѣжетъ». По мнѣнію г. Дыммана, человѣкъ, какъ существо разумное, долженъ стремиться къ правдѣ; но какъ существо ограниченное, слабое, долженъ къ ней стремиться только тогда, когда это *у мѣста и к стати*; во многихъ же случаяхъ надобно укротить свой крикъ противъ неправды и держать языкъ за зубами» (стр. 156—157).

Какъ видите, у г. Дыммана всѣ добрыя стремленія признаются, но только въ той мѣрѣ, въ какой они могутъ достигаться безъ малѣйшаго разстройства заведеннаго порядка. Какъ скоро моя правда или честность могутъ кого нибудь задѣть или мнѣ самому послужить помѣхою въ моихъ дѣлишкахъ, я воленъ отказаться отъ своей правды, и не только воленъ, но даже долженъ, если хочу показаться г. Дымману неглупымъ человѣкомъ. По его соображеніямъ, очень логическимъ, ясно выходитъ, что умнымъ человѣкомъ нужно считать только того, кто умѣетъ нажить состояніе. Вотъ слова г. Дыммана (стр. 177):

«Можно ли удивляться, когда люди, провѣдавъ, что у кого нибудь есть много средствъ къ жизни (денегъ), хотя бы безъ всякой надежды получить изъ нихъ и самаго малѣйшаго частицу, низко тому кланяются и оказываютъ величайшее уваженіе? Не только невозможно, но *по самой строгой справедливости нельзя не уважать* того, у кого много средствъ

къ жизни, потому, что если онъ приобрѣлъ эти средства, или, лучше сказать, этихъ *свидѣтелей ума* самъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ *человѣкъ умный, а умныхъ людей должно уважать*. Если же эти средства къ жизни онъ не самъ приобрѣлъ, а получилъ ихъ по наслѣдству; то *изъ уваженія какъ къ его умному дѣду и прадѣду, ихъ приобрѣтшимъ, такъ равно и къ самымъ этимъ, въ его распоряженіи находящимся, средствамъ нельзя не уважать его*.

«Чрезвычайно много есть людей, пользующихся въ свѣтѣ репутаціею умныхъ, которые, пройдя поприще своей жизни, живутъ въ большой бѣдности, то есть безъ средствъ къ жизни. Въ великость ума этихъ людей я *верить не могу*, какъ потому, что *истинно умный человекъ долженъ скорѣе и ловче найтись къ приобретенію средствъ къ жизни, какъ самой необходимѣйшей потребности къ существованію, чѣмъ глухой*; такъ и оттого, что гораздо *легче прослыть въ свѣтъ глупому — умнымъ, чѣмъ честнымъ образомъ (!) нажить состояніе*: только ловко пусти людямъ пыль въ глаза, то они тебя и запишутъ въ умныя, ибо имъ это ничего не стоитъ; но чтобы отъ нихъ получить средства къ жизни, то надобно по крайней мѣрѣ пустить имъ пыль въ глаза золотую. Я самъ не богатъ именно оттого только, что во время *мой дѣлательной жизни* *недовольно былъ смѣтливъ*.»

Авторъ «Науки Жизни» хлопочетъ однакоже о томъ, чтобы нажить состояніе не иначе, какъ *честнымъ образомъ*. Взятничество, казнокрадство, грабежъ, дѣланіе фальшивой монеты — онъ признаетъ дѣланіями преступными и низкими. Но что же онъ разумѣетъ подъ *честнымъ* наживаніемъ состоянія? Опять ту же угодливость, умѣренность и аккуратность. Онъ говоритъ, что «хитрое поле житейское мы должны пройти въ полной и непосредственной зависимости отъ людей, нашихъ непостижимыхъ братьевъ, и *непремѣнно по ихъ кодексу, называемому общежитіемъ*».... Это хитрое общежитіе, базисъ нашей жизни, есть *тончайшее*, какое только могъ придумать людской умъ, *поведеніе человека въ отношеніяхъ его къ людямъ всѣхъ сословій и состояній*» (стр. 189). Понимаете ли дипломатику науки жизни, по г. Ефиму Дымману: грабежъ и взятки — довольно грубыя средства обогащенія, и потому они не приняты въ общежитіи, которое состоитъ въ *тончайшемъ поведеніи*. Именно этому *тончайшему* поведенію тончайшимъ образомъ и учитъ г. Дымманъ. Вотъ нѣкоторыя черты его.

При первой встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ всегда нужно смотрѣть, не переодѣтый ли это разбойникъ или неблагонамѣренный Фискалъ. Это правило выражено у г. Дыммана на 235 стр. слѣдующимъ образомъ:

«Вѣрни себѣ въ неизмѣнный законъ, при первомъ знакомствѣ съ какимъ бы то ни было человѣкомъ, тотчасъ спросить себя самого и слѣдить внимательно о томъ, точно тотъ, кѣмъ ли онъ называется и кого собою представляетъ: можетъ быть это переодѣтый мошенникъ, плутъ, разбойникъ, неблагонамѣренный фискалъ, который хочетъ отъ тебя что нибудь вывѣдать и вовлечь тебя въ худое дѣло, обыграть, или обворовать, или инымъ какимъ нибудь образомъ сдѣлать тебѣ несчастіе.»

И не только съ незнакомыми, но и вообще съ людьми надобно быть крайне осторожнымъ.

«Будь всегда какъ можно болѣе осторожнымъ съ людьми и во всѣхъ дѣлахъ. Но болѣе всего надобно осторожности въ словахъ: никогда ни съ кѣмъ не говори о политикѣ и не разсуждай о Правительствѣ; это самый опасный разговоръ; въ немъ могутъ представить твои слова со-всѣмъ въ другомъ видѣ и оклеветать тебя, и чрезъ то однимъ разомъ можешь ты безвинно потерять все и даже самую жизнь» (стр. 239).

Въ служебной дѣятельности г. Дымманъ предписываетъ — въ одну сторону покорность, въ другую — строгость.

«Въ отправленіи своей обязанности безпрестанно помни, и всегда надъ ними трудись, два главныхъ обстоятельства: 1) безусловно угождать своему начальству, и 2) держать всѣхъ подчиненныхъ въ порядкѣ и повиновеніи».

«Для этого первымъ твоимъ долгомъ будетъ узнать въ точности и подробѣйшимъ образомъ все свое начальство, *порознь каждому*: ихъ методу по службѣ, характеръ, правила, образъ мыслей, ихъ слабости, семейную жизнь и связи. Потому, каково бы ни было твое начальство, хорошо или худо, долженъ ты, соображаясь съ обстоятельствами, дѣйствовать такъ, чтобы *всенепременно* снискать его доброе къ себѣ *расположеніе*, потому, что если начальство тебя не жалуетъ, или имѣетъ объ тебѣ дурное мнѣніе, то твоя служба пропала, хотя бы ты былъ гениемъ своего дѣла и исполнялъ его наилучшимъ образомъ. Болѣе всего въ этомъ случаѣ надобно ладить съ окружающими твоихъ начальниковъ, потому, что хотя и можно временно приобрести милостивое расположеніе начальника безъ ихъ пособія, но при малѣйшемъ ихъ къ тебѣ неблагопріятствѣ, какъ бы начальникъ твой ни былъ совершенъ, правдивъ и строгъ, они непременно найдутъ случай его противъ тебя возружить.»

Съ подчиненными г. Дымманъ совѣтуетъ обходиться ласково и справедливо, но только не позволять имъ непокорности. «Если въ комъ нибудь изъ твоихъ подчиненныхъ замѣтишь ты *хотя малѣй-*

шую тѣнь непокорности, неблагонамѣренія или невниманія къ твоей власти, то слѣди за всѣми его дѣйствіями, особенно и неупустительно всякую минуту». Если онъ тотчасъ раскается, то на первый разъ можно простить его, и только продолжать слѣдить за нимъ. Но «несмотря ни на какую личину преданности, если ты замѣтишь за твоимъ подчиненнымъ *самомалѣйшее недоброжелательство или непокорность* въ другой разъ, то представь объ немъ начальству, какъ о *человѣкѣ неблагонамѣренномъ и для службы вредномъ*» (стр. 268).

Заботливость г. Дыммана о юношѣ не ограничивается общественной его дѣятельностью, а проникаетъ и въ жизнь семейную: онъ даетъ наставленія относительно женитьбы. Нельзя не поблагодарить его за тѣ золотыя правила, которыя предписываетъ онъ молодымъ людямъ. Женись, говоритъ, никакъ не ранѣе 35 лѣтъ, *потому* что женившись моложе (напр. 34-хъ лѣтъ), могъ бы ты имѣть *пятнадцать и болѣе дѣтей*, что составило бы тебѣ тяжкое бременіе» (стр. 306). «Выбирая жену, совѣтуйся съ людьми почтенными». Если ты бѣденъ, то не женись на дѣвушкѣ безъ приданого: это есть «злодѣйство хуже разбоя, криминалъ, непростительное малодушіе» (стр. 301). Но всего драгоцѣннѣе въ этомъ отношеніи глава подъ названіемъ: «Спасайся!» Въ ней заключается слѣдующее мудрее правило: «Случится съ тобою, молодой читатель, что какая нибудь дѣвица прельститъ тебя, при первой твоей съ нею встрѣчѣ, или что та, къ которой ты былъ сначала равнодушенъ, начнетъ нечувствительнымъ образомъ тебѣ нравиться, случится непремѣнно, и не одинъ разъ. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? — «Спасайся!» восклицаетъ г. Дымманъ. «Отъ дѣвицы, начинающей тебѣ нравиться, на которой ты по благоразумію жениться не можешь (а по г. Дымману, ранѣе 35 лѣтъ всякому *неблагоразумно* жениться, значить, совѣтъ относится ко *всѣмъ* случаямъ подобнаго рода, бывающимъ *со всѣми* молодыми людьми), нѣтъ другаго способа спастись, какъ только отъ нея бѣжать и никогда съ нею не встрѣчаться». «Спасайся, спасайся», повторяетъ авторъ: «уйди изъ того дома и никогда въ него болѣе ни ногой» (стр. 304—305). Истинно-благодѣтельные наставленія! Совѣтую вамъ, читатель, принять ихъ безусловно. По крайней мѣрѣ, что касается до меня, то я до 35 лѣтъ намѣренъ ими постоянно руководствоваться. Я буду спасаться и спасаться отъ дѣвицъ, которыя мнѣ станутъ нравиться. Иначе — шутка ли! — я могу пожалуй имѣть къ 35 годамъ «пятнадцать или болѣе дѣтей», что дѣйствительно составитъ для меня немалое бременіе!

Но всего лучше въ книгѣ г. Ефима Дыммана тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ объ *искательствѣ* и *угожденіи*. Тутъ онъ возвышается до самаго восторженнаго пафоса.

«Угожденіе, угожденіе! (такъ восклицаетъ г. Ефимъ Дымманъ). Божественный даръ, небесный отводъ всѣхъ неудачъ и препятствій, нектаръ отъ жажды, небесная мана отъ голода, всесильное оружіе, равно побѣждающее и сильнаго и слабаго, и добраго и злаго, для котораго нѣтъ ни врага, ни мстителя!

«Вотъ въ чемъ, юноша, заключается средство самое вѣрнѣйшее изъ всѣхъ, ключъ, свѣтъ, истинный генералъ-басъ науки жизни. Крѣпко и долго подумай надъ нимъ; и если ты будешь въ состояніи *сполнь* его постигнуть и *сполнь* имъ воспользоваться, то въ преуспѣяніи твоёмъ я тебѣ поручаю» (стр. 214).

И вслѣдъ затѣмъ авторъ начинаетъ излагать извѣстную мораль изъ «Горя отъ Ума»:

Во первыхъ угождай всѣмъ людямъ безъ изъятія, и проч.

Въ переложеніи г. Дыммана она представляетъ такой видъ:

«Угождать надобно начальнику и подчиненному, сильному и слабому, уминому и глупому, тому, съ кѣмъ дѣлаешь дѣла, и съ кѣмъ, можетъ быть, болѣе не встрѣтишься, своему слугѣ, мужику, всѣмъ и каждому, — *въ томъ святомъ убѣжденіи, что въ каждомъ человѣкѣ, какое бы онъ ни былъ, лучше припасти для себя доброе расположеніе, чѣмъ ненависть*. Врагамъ своимъ нужно угождать вдвое, чтобы ихъ превратить въ своихъ друзей.

Ты будешь въ отношеніяхъ, а можетъ быть и въ зависимости, у гордеца, обнаруживающаго къ тебѣ, въ присутствіи всѣхъ, явное презрѣніе; у недоброжелателя, надрывающагося на твою пагубу; у завистливаго, который будетъ сохнуть отъ твоихъ удачъ; у чудака, упорствующаго въ самыхъ безумныхъ и вреднѣйшихъ сужденіяхъ и поступкахъ; однимъ словомъ, у людей переполненныхъ такими чудовищными, уродливыми и даже иногда злодѣйскими влеченіями (къ счастью, такіе люди довольно рѣдки), что они тебя сначала поразятъ, и отнять у тебя къ угожденію имъ всякую надежду; но ты бодрости духа не теряй, и къ принятію отъ такихъ людей *всевозможныхъ непріятностей* приготовь и предрасположи себя заблаговременно и рѣшительно, на тотъ конецъ, чтобы никакое зло, какъ уже предвидѣнное, не могло тебя поразить. Потомъ дай съ твердостью самому себѣ такой обѣтъ: «чѣмъ злѣе чловѣкъ и его дѣйствіе, тѣмъ болѣе я долженъ изыскать мѣръ и приложить старанія къ тому, чтобы заслужить его къ себѣ доброе расположеніе *непрямьно, и тѣмъ отвернуть отъ себя всякій, могущій произойти*

отъ его злости предъ.» Наконецъ вѣѣи своему самолюбію въ торжество и славу, *снискавъ расположеніе къ себѣ именно того, кому наиболѣе угодить.»* (стр. 215).

Вы скажете, что такое угожденіе людямъ негоднымъ, даже злодѣямъ, необходимо должно переходить въ подличанье, должно соединяться съ полнымъ отсутствіемъ въ человѣкѣ совѣсти и чести. Вы готовы осудить г. Дыммана, какъ проповѣдника безиравственности.... Но не будьте слишкомъ торопливы: г. Дымманъ спѣшитъ предупредить васъ. Онъ самъ не менѣе васъ ненавидитъ обманъ и подлость, и вслѣдствіе того вотъ какъ объясняется съ юношею относительно правилъ общежитія.

«Боясь я, чтобы ты, юноша, будучи можешь быть очень юнымъ, этого всѣмъ принятаго общежитія не понялъ превратно и не подумалъ, что надобно сдѣлаться обманщикомъ или коварнымъ лицемеромъ. Нѣтъ, это двѣ вещи совершенно равныя. Для лучшаго твоего уразумѣнія привожу тебѣ примѣръ: встрѣчаешь ты, положимъ, *отмѣленную недоброжелателя и во всемъ дурнаго человѣка*; но вмѣстѣ съ тѣмъ, *по его отклоненіямъ и степени*, на которой онъ стоитъ, *человѣка сильнаго*; то вмѣсто того, чтобы обнаружить къ нему явную ненависть и отвернуться отъ него, ты *долженъ, не показывая къ нему ни малѣйшаго нерасположенія, обойтись съ нимъ учтиво и вѣжливо. Это есть общежитіе*. Безстыдные же и безчестные — обманъ и коварство суть слишкомъ извѣстные пороки, чтобы имъ приводить примѣры.» (стр. 190).

Ясно ли? Отъ васъ требуется только *общежитіе*; а безчестныхъ поступковъ вамъ вовсе не предписываютъ. И отчего же не признать благоразумными и добродѣтельными напр. слѣдующихъ поступковъ, предписываемыхъ юношамъ г. Ежиномъ Дымманомъ.

«Для вѣрнѣйшаго пользованія обворожительнымъ вниманіемъ, *совѣтую тебѣ, юноша, завести, непременно завести книгу, въ которую долженъ ты вписывать по алфавитному порядку имена и отчества всѣхъ твоихъ начальниковъ, товарищей и знакомыхъ, на тотъ конецъ, чтобы перечитывая ихъ отъ времени до времени, могъ ты каждого называть по имени и отчеству*; что съ твоей стороны будетъ очень учтиво и внимательно, а для тѣхъ, которыхъ ты будешь такъ величать, *чрезвычайно приятно*. Сверхъ того знаніе именъ и отчества будетъ тебя часто выводить изъ затрудненія при надобности писать письма къ старымъ своимъ знакомымъ, которыхъ долго не видалъ.

«Примѣръ. Обѣдаешь ты у знатнаго лица и за столомъ, въ общемъ разговорѣ, какой нибудь *значительный человекъ*, съ которыми ты ни-

когда не имѣлъ и не имѣешь прямыхъ сношеній и самъ не знаешь его имени и отчества, *вдругъ при всякъхъ называетъ тебя, человека мало знающаго, по имени и отчеству. Вообрази себѣ это живо, и ты поймешь, какъ было бы оно лестно и пріятно для твоего благороднаго самолюбія.* (стр. 225).

Въ сношеніяхъ съ людьми нужными и даже ненужными, г. Дымманъ совѣтуетъ постоянно похваливать ихъ, такъ какъ похвала никогда ничего не испортитъ, и такъ какъ нѣтъ человѣка, у котораго не было бы чего нибудь, стоящаго похвалы. «Не опасайся, чтобы кто нибудь могъ тѣмъ обидѣться, и будь увѣренъ, что какъ бы кто твои похвалы ни принималъ, но послѣдствія всегда выйдутъ одни и тѣже, т. е. что онъ къ тебѣ будетъ расположенъ наилучшимъ образомъ. Къ этому еще надобно добавить, что если бы ты въ бесѣдѣ съ кѣмъ нибудь не находилъ предмета къ разговору, то начинай смѣло хвалить его самого, или его одежду, экипажи, лошадей, домъ и все, что у него знаешь хорошаго. Разговоръ, начатый такимъ образомъ, всякій станетъ продолжать охотно, и всегда за него будетъ къ тебѣ признателенъ. Такова человѣческая природа!» (стр. 254).

Кромѣ похвалы, г. Дымманъ совѣтуетъ пускать въ дѣло и *корысть*, т. е. невиннымъ образомъ подкупать значительныхъ людей.

«Въ знакомствахъ и отношеніяхъ съ людьми значительными можно съ умомъ и ловкостію употреблять самую ничтожную корысть съ успѣхомъ, напримѣръ: приноровить кстаті пріятный сюрпризъ ихъ дѣтямъ, поднести имъ какую нибудь бездѣлку новаго изобрѣтенія, проиграть самыя незначительныя деньги въ коммерческую игру, и другими подобными угожденіями можно снискать расположеніе самаго безкорыстнаго человѣка.» (стр. 252).

Такое практическое правило выведено г. Дымманомъ изъ того наблюденія, что, «*къ несчастію*, теперь корысть сдѣлалась сильнѣйшимъ двигателемъ всего человѣческаго рода». (стр. 252).

Тоже самое замѣчаетъ г. Ефимъ Дымманъ и относительно гордости. Порокъ этотъ онъ считаетъ «до того безумнымъ, *отвратительнымъ и неприличнымъ* человеку, что такъ и хочется сказать гордецу: надменный, надутый гордецъ! къ чему ты гордишься? вразумись, заблудшій... и пр. (стр. 247). Однако же юношѣ г. Дымманъ не совѣтуетъ такъ отдѣлываться гордецовъ, а даетъ такое правило: «а гордецами смѣло повелѣвай однимъ угожденіемъ; имъ же угождать

не трудно: знай *щедро передъ ними разсылай* пустую похвалу, и сдѣлаешь изъ нихъ, что тебѣ угодно.» (стр. 248).

Но довольно, кажется. Вы познакомились, читатель, съ «Наукою Жизни», и конечно исполнились уже благороднаго негодованія къ ея правиламъ. Вы находите, что они безнравственны, что иезуитство и макіавелизмъ ихъ—возмутительны для честнаго человѣка, для котораго дороги убѣжденія,—что житейская дипломатія «Науки Жизни» въ сущности есть не что иное, какъ послѣдняя степень нравственнаго и умственнаго растлѣнія.... Воспламеняясь благородными чувствами, вы начинаете смотрѣть на автора «Науки Жизни», какъ на что-то исключительное, чудовищное, долженствующее пугать людей, вы полагаете, что теоріи его такъ дикы, что никого не заразить; вы даже свысока удивляетесь, зачѣмъ мы такъ долго останавливаемъ ваше вниманіе на такой ничтожной брошюрѣ безвѣстнаго автора, не имѣющаго ничего общаго съ современными стремленіями нашего общества.... Но успокойтесь, читатель, взгляните въ дѣло хладнокровно и примите пожалуйста во вниманіе нѣсколько *обстоятельствъ*, которыя мы вамъ сейчасъ изложимъ.

Мы сами съ перваго раза возмутились—было безцеремонными софѣтами г. Дыммана и готовы были счесть его человѣкомъ отсталымъ, явленіемъ исключительнымъ въ нашемъ обществѣ, которое такъ быстро идетъ по пути прогресса. Но послѣ нѣкотораго размышленія, мы рѣшительно перемѣнили свой взглядъ. Дѣйствительно, говоря отвлеченно, нельзя не признать вполне справедливымъ то негодованіе, которое человѣкъ, смотрящій со стороны, долженъ почувствовать къ теоріямъ г. Дыммана. Но въ томъ-то и дѣло, — имѣемъ ли мы право поставить себя совершенно въ сторонѣ отъ этихъ теорій. Что касается до насъ, то мы готовы признаться (какъ это ни горько), что въ дѣлѣ нравственности общественной мы не рѣшаемся считать себя совершенно чистыми отъ послѣдованія софѣтамъ г. Ефима Дыммана. Такое признаніе конечно вызоветъ у васъ презрительную улыбку. Но не торопитесь: мы въ своихъ недостаткахъ признаемся такъ смѣло потому вѣдь только, что увѣрены и въ васъ найти тѣже самыя.... Да, читатель, кто бы вы ни были, но ежели только вы живете и дѣствуете среди современнаго русскаго общества, то я смѣло говорю, что вы не можете стоять слишкомъ высоко надъ «Наукою Жизни», г. Ефима Дыммана. Скажите, что васъ возмущаетъ въ ней? То, что человѣкъ, повидимому понимающій и уважающій правду и добро, сознательно приноситъ ихъ въ жертву житейскимъ выгодамъ? Да кто же изъ насъ этого не дѣлаетъ? Кто же изъ насъ беззавѣтно и всецѣло отдается своимъ чис-

тымъ стремленіямъ, не оглядываясь назадъ, не увлекался соблазнами міра, не боясь ни гоненій, ни пытки, ни смерти? Гдѣ этотъ рыцарь безъ страха и упрека, гдѣ этотъ человѣкъ не отъ міра сего?

Гдѣ ты? Откликнись! Нѣтъ отвѣта....

Всѣ мы, проходя разныя науки, набрались, болѣе или менѣе, разныхъ идей о правдѣ и добрѣ, всѣ мы болѣе или менѣе проникнуты святыми и высокими стремленіями, сочувствуемъ общественнымъ интересамъ. Но вѣдь все тоже самое есть и въ г. Дымманѣ: и онъ говоритъ о правдѣ и честности, и онъ совѣтуетъ заботиться о своихъ ближнихъ, даже о подчиненныхъ и слугахъ. «Дѣлай добро всегда, когда это не составитъ для тебя никакого неудобства, будь честенъ и правдивъ постоянно, когда это нисколько не нарушаетъ твоего комфорта», — это правило проникаетъ собою всю книгу г. Дыммана, и.... оно же постоянно выражается въ жизни каждого изъ насъ. Мы только не имѣемъ добросовѣстности признаться въ этомъ, — ни другимъ, ни даже себѣ самимъ. А развѣ, напр. я, или вы, читатель, не соблюдаемъ той *осторожности въ словахъ*, о которой говоритъ г. Дымманъ на стр. 239 (см. выше)? Развѣ мы не встрѣчаемъ безпрестанно въ обществѣ людей, которыхъ признаемъ дурными и вредными, и развѣ мы съ ними не обходимся *въжливое*, вмѣсто изъясненія имъ прямо своего нерасположенія? Развѣ не оказываемъ уваженія деньгамъ, оправдывая на практикѣ умозрѣнія г. Дыммана? Развѣ не смѣемся, выѣстъ съ нимъ, надъ «какой-то *двѣдственной совѣстливостью или лучше малодушіемъ*» тѣхъ людей, которые ничего и ни въ комъ не умѣютъ *снискать* себѣ?... Развѣ мы не ищемъ расположенія начальства, не радуемся вниманію значительнаго лица, не бѣжимъ отъ женитьбы на бѣдной дѣвушкѣ, не желаемъ пріобрѣсти капиталаецъ? Не называемъ ли мы утопистами, мечтателями, сумасбродами тѣхъ, кто толкуетъ о счастіи въ хижинѣ, о безусловной силѣ истины въ мірѣ, всеобщемъ братствѣ, объ уничтоженіи всѣхъ искусственныхъ преградъ, всѣхъ давящихъ и озлобляющихъ отношеній между людьми? Будемъ же послѣдовательны, слѣдуемъ простой силлогизмъ изъ слѣдующихъ положеній, неизбѣжно представляющихся нашему вниманію.

Человѣку нужно счастье, онъ имѣетъ право на него, долженъ добиваться его, во что бы то ни стало.

Счастье, — въ чемъ бы оно ни состояло примѣнительно къ какому человѣку порознь, — возможно только при удовлетвореніи пер-

выхъ матеріальныхъ потребностей человѣка, при обеспеченности его высшаго положенія.

При современномъ устройствѣ и направленіи общества, не можетъ достигнуть обеспеченности, не можетъ и думать о достиженіи счастья тотъ, кто будетъ во всемъ, постоянно и неуклонно, слѣдовать своимъ высокимъ стремленіямъ, ни разу не уступить обычаю и силѣ, не затантъ своей правды. Извѣстно, что такого человѣка не терпятъ въ обществѣ и не даютъ ему ходу, какъ безпокойному и опасному вольнодумцу.

Согласны вы принять эти три положенія? Или, можетъ быть, вы скажете, что наше современное общество уже даетъ полный просторъ честнымъ людямъ, — что у нихъ уже не можетъ теперь оставаться за душой невысказанной мысли, не можетъ встрѣтить помѣхи задуманное предпріятіе? Неужели вы рѣшитесь сказать это? Въ такомъ случаѣ немного же имѣете вы за душою честныхъ убѣжденій!...

Итакъ я полагаю, что вы принимаете всѣ три положенія, указанные выше. Что же изъ нихъ слѣдуетъ? По моему мнѣнію, выводъ не труденъ для человѣка, дѣйствительно уважающаго правду и въ самомъ дѣлѣ желающаго общаго блага. Если настоящія общественныя отношенія несогласны съ требованіями высшей справедливости и не удовлетворяютъ стремленіямъ, къ счастью, сознаваемымъ вами, — то, кажется, ясно, что требуется коренное измѣненіе этихъ отношеній. Сомнѣнія тутъ никакого не можетъ быть. Вы должны стать выше этого общества, признать его явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ, уродливымъ, и не подражать его уродству, а напротивъ громко и прямо говорить о немъ, проповѣдывать необходимость радикальнаго лѣченія, серьезной операціи. Почувствуйте только, какъ слѣдуетъ, права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самымъ непримѣтнымъ и естественнымъ образомъ придете къ кровной враждѣ съ общественной неправдой.... Тогда-то, и только тогда, можете вы съ полнымъ правомъ считать себя честнымъ человѣкомъ, и вамъ уже возможно будетъ отвергать темныя сдѣлки съ ложью и неправою силою....

Но вы не чувствуете въ себѣ довольно силъ для того, чтобы возстать противъ цѣлаго общества? Вѣдь вы одни, а этихъ людей, съ которыми нужно бороться, такъ много и они такъ сильны!... Страшно даже вообразить себя въ открытой борьбѣ съ ними! И что тутъ ѣлаешь? «Одинъ въ полѣ не воинъ; историческій прогрессъ, горжество правды и свѣта совершается трудно и медленно»....—

Если такъ, то нечего намъ и говорить съ вами: идите за «Наукою Жизни», г. Ефима Дыммана. Въдѣ и въ ней толкуется (вы это видѣли), что не нужно возставать противъ завсѣданныхъ порядковъ: современемъ они сами собою улучшатся, а до тѣхъ поръ надобно пользоваться тѣмъ, что есть. Въдѣ и г. Дымманъ пришелъ къ своей практической мудрости, именно вслѣдствіе той основной мысли, что «свѣта намъ не передѣлать, а съ волками жить, такъ надо по волчьи и вить.» Ступайте же за г. Дымманомъ, признайте его своимъ учителемъ и вождемъ; мы не бросимъ въ васъ камня, какъ и въ него не бросаемъ. Но только будьте добросовѣстны: идя за своимъ наставникомъ, не прикидывайтесь людьми непоколебимыхъ убѣжденій, не щеголяйте презрѣніемъ къ практической мудрости, излагаемой въ «Науку Жизни.» Вы можете кричать противъ взятокъ, противъ угнетенія, противъ обмана, тѣлеснаго наказанія, и пр. и пр. Всѣмъ этимъ вы недалеко уйдете отъ г. Дыммана: и у него есть совѣты: не брать взятокъ, не драться, не отдавать денегъ въ ростъ, не дѣлать грубостей подчиненнымъ, и т. п. И все это не мѣшаетъ ему проповѣдывать *умѣренность* и *угодливость*. Вы можете считать это безнравственнымъ и безчестнымъ, сколько вамъ угодно; но всмотритесь пристальнѣе въ собственное поведеніе, и вы увидите, что на практикѣ вы безпрестанно дѣлаете именно то, что совѣтуетъ «Наука Жизни.» Не что иное, какъ молчалинская *умѣренность* вызываетъ у васъ эти восторженные похвалы и неистовые клики радости при каждой вашей общественной поправкѣ изъ кулъка въ рогожку. Не что иное, какъ *угодливость*, заставляетъ васъ цѣлые годы и десятки лѣтъ сидѣть, сложа руки, и грустнымъ взоромъ смотрѣть на зло и неправду въ обществѣ. Можетъ быть, вы при этомъ и не стремитесь упрочить себѣ состояніе, какъ совѣтуетъ г. Дымманъ; но во всякомъ случаѣ вы любите миръ, тишину и комфортъ.... Добро и правда существуютъ у васъ только въ умозрѣніи, да и то гдѣ-то далеко на второмъ планѣ.... Вы можете смѣло идти рука объ руку съ г. Дымманомъ.... Сдѣлайте надъ собою маленькое усиліе и признайтесь, что въ «Науку Жизни» возведенъ въ систему только вашъ постоянный образъ дѣйствій.

Но вамъ все еще совѣстно признаться въ этомъ? Вамъ хочется оправдать свой образъ дѣйствій общемою человѣческой слабостью, и вы хотите поставить между собой и г. Дымманомъ то различіе, что онъ одобряетъ *искательство*, *угожденіе* и ложь всякаго рода для житейской выгоды, а вы гнушаетесь ими, и только по слабости и вслѣдствіе крайней нужды впадаете въ нихъ сами по временамъ. Но ежели такъ, ежели вы въ самомъ дѣлѣ гнушаетесь тѣмъ пове-

деніемъ, которое считаетъ похвальнымъ г. Дымманъ, то вашъ долгъ, какъ честнаго человѣка, не потакать себѣ, а принять совершенно противоположный образъ дѣйствій. Пока вы будете съ обществомъ связаны тѣми же отношеніями и интересами, какъ теперь, до тѣхъ поръ вамъ невозможно приобрести полнаго простора для вашихъ честныхъ, правдивыхъ стремленій; вы необходимо должны будете продолжать свои уступки въ пользу существующаго и укоренившагося зла. Значить, первымъ признакомъ того, что вы дѣйствительно гнушаетесь сдѣлками, предлагаемыми въ «Наукѣ Жизни», должна служить опять-таки ваша рѣшимость—предпринять коренное измѣненіе ложныхъ общественныхъ отношеній, господствующихъ надъ нами и стѣсняющихъ нашу дѣятельность. И не нужно пугаться того, будто вы одни должны будете бороться съ неправдою цѣлаго міра. Такого геройства вовсе не потребуется. Правда, свѣтъ и счастье нужны всѣмъ; всякій къ нимъ стремится и всякій остается безъ удовлетворенія въ современномъ обществѣ. Вслѣдствіе этого, всякій чувствуетъ недовольство окружающею его обстановкою, и всякій радъ былъ бы отъ нея избавиться. Разумѣется, каждый отдѣльно боится приниматься за большое дѣло; но потому-то и надо стараться, чтобы это дѣло изъ сознанія частныхъ лицъ все болѣе и болѣе переходило въ общее сознаніе. Этой цѣли могутъ способствовать и творенія, подобныя книгѣ г. Ефима Дыммана: серьезно и добродушно, въ систематическомъ порядкѣ, съ убѣжденіемъ и даже паеосомъ, излагаютъ онѣ кодексъ отвратительной морали, при которой одной только и возможенъ житейскій успѣхъ въ современномъ обществѣ. Всѣ пользуются болѣе или менѣе этой моралью, но никто не хочетъ возводить ее въ правило, обязательное для себя. Прочитавъ книжку г. Дыммана, всякій, у кого сохранился въ натурѣ остатокъ честности, долженъ придти въ состояніе человѣка, который долгое время по слабости характера позволялъ марать себѣ лицо жженой пробкой, поить себя уксусомъ, вмѣсто вина, и всячески надъ собою издѣваться извѣстному богачу, и который вдругъ прочитавъ о себѣ бумагу, что онъ находится въ кабалѣ у этого богача и необходимо долженъ выносить отъ него всякія оскорбленія. Естественнo, что первая мысль, первое движеніе несчастнаго, при всей слабости его характера, будетъ—употребить отчаянное усиліе, чтобы избавиться отъ этой кабалы. Таково же должно быть и впечатлѣніе *откровеній* г. Дыммана на всякаго человѣка, который въ душѣ предпочитаетъ правду лжи, свѣтъ—мраку и общее счастье—страданіямъ огромнаго большинства.... И вотъ почему мы такъ долго останавливались на разборѣ этой книги. Мы сочли не без-

полезнымъ представить безпристрастное, систематическое изложене общественной нравственности нѣкоторыхъ людей, почерпнутое изъ книги опытнаго старца Ефима Дыммана. Пусть полюбуются на себя и пусть знаютъ, что истинное достоинство ихъ поступковъ не укрывается отъ людей, вступающихъ въ жизнь съ энергическими надеждами и желающихъ серьёзнаго, истинно честнаго дѣла....

—КОНЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Весна. Литературный Сборникъ на 1859 г. Спб. 1859.

Двое Ахшарумовыхъ, Юл. Жуковский и И. Юрьевъ соединили труды свои и издали книгу, довольно толстую и разнообразную. Въ предисловіи къ ней, г. Н. Ахшамуровъ заявляетъ, что участники сборника не хотятъ «стать подъ знамя какой нибудь партіи и сдѣлаться представителями какого нибудь извѣстнаго, исключительнаго направленія, а являются подъ *общимъ* знаменемъ русской литературы.» И дѣйствительно, статьи, помѣщенные въ «Веснѣ», — имѣютъ общаго только то, что всѣ, какъ написанныя порусски, должны быть причислены къ русской литературѣ. Одинъ изъ Ахшарумовыхъ — критикъ, поборникъ чистаго искусства; другой — поэтъ, не выражающій рѣзко-опредѣленнаго направленія; г. Юрьевъ — мелодрамный романтикъ, воспѣвающий рыцарское благородство и гоненія рока на пылкую любовь; г. Жуковский — тоже отчасти романтикъ и тоже съ примѣсью мелодрамы, но только въ сферѣ петербургскихъ чиновниковъ и камерій. Какъ видите «Весна» очень разнообразна и не лишена занимательности. Въ самомъ дѣлѣ, — исключая нѣкоторыхъ изъ стихотвореній г. Вл. Ахшарумова, да статьи г. Н. Ахшарумова о «Воспитанницѣ» Островскаго, нельзя ни объ одной статьѣ сборника сказать, чтобы она ужъ вовсе никуда не годилась. Всѣхъ слабѣе оказывается критикъ «Весны», г. Н. Ахшамуровъ. На 55 страницахъ разсуждаетъ онъ о романѣ «Тысяча Душъ», убиваясь надъ доказываньемъ того, что въ этомъ романѣ нѣтъ какой-то художественной перспективы и гармоніи, или еще чего-то въ этомъ родѣ. Статья

пересыпана весьма глубокими и вѣрными афоризмами, въ такомъ родѣ.

«Критика должна вытекать изъ сущности предмета своего, а не изъ чего нибудь посторонняго» (ст. 293).

«Герой романа долженъ быть въ высшей степени интересенъ, и въ этомъ состоятъ *свѣдѣнія* сказать (вы думаете, что за этимъ какое нибудь неприличное слово слѣдуетъ? Нѣтъ, ничего),—все его геройство» (стр. 299).

«Типъ Калиновича, для своей художественной красоты, не нуждается ни въ какихъ оправданіяхъ; со всѣми своими нравственными противорѣчіями онъ *имѣетъ право* явиться въ романѣ, ни *передъ кѣмъ не извиняясь*» (стр. 299).

«Все въ жизни имѣетъ свое послѣдовательное развитіе (какая глубокая мысль!); и рѣзкія особенности характера возникаютъ не внезапно магическаго жезла, а постепенно слагаются и образуются и постепенно доходятъ до крайнихъ своихъ результатовъ» (стр. 299).

«Чѣмъ можетъ выразить себя здоровье? такъ же, какъ истинная красота, оно не имѣетъ въ себѣ никакихъ рѣзкихъ и поразительныхъ особенностей. Оно не имѣетъ своей *патологіи*. (*патологія* здоровья!!!, своихъ припадковъ, и симптомовъ, и странностей. Въ немъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что оно въ существѣ своемъ просто нормально...» и проч. (стр. 316).

«Реальная школа убиваетъ духъ и анатомируетъ тѣло природы; она гонитъ изъ нея идею и мысль» (стр. 336).

За увлеченіе реальною школою и достается г. Писемскому отъ строгаго критика! По мнѣнію г. Ахшарумова, всѣ недостатки «Тысяча Душъ» происходятъ отъ *недостатка вліянія* реальной школы, отъ поработенія искусства идеѣ. Когда припомнишь содержаніе и развитіе романа г. Писемскаго и вообще характеръ его литературной дѣятельности, да потомъ вникнешь въ смыслъ замѣчанія г. Ахшарумова, то невольно удивишься тому, какъ мѣтко попалъ критикъ... Бываютъ же этакіе тонкіе люди, что такъ вотъ сейчасъ и смекнуть, въ чемъ дѣло!

Впрочемъ въ статьѣ г. Ахшарумова о «Тысячѣ Душъ» есть нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній относительно художественной фальшивости характера Калиновича.

Есть нѣсколько замѣчаній, съ которыми можно согласиться, и въ статьѣ о «Дворянскомъ Гнѣздѣ» Тургенева, хоть вся она совершенно ложна въ своемъ основаніи, признавая, что сущность повѣсти Тургенева заключается въ изображеніи характера Лизы, и хотя въ ней попадаются такіа милыя вещи: «для эническаго интереса въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» отведено особое поле родословныхъ и рет-

роспективныхъ взглядовъ на предъидущую исторію лицъ и по этому полю онъ постоянно *пятится ракомъ*» (стр. 371).

Но совершенное отсутствіе критическаго такта нашли мы въ статьѣ о «Воспитанницѣ.» Критикъ упрекаетъ Островскаго, — въ чемъ бы вы думали?... въ томъ что онъ *представилъ не идиллію*, что изобразилъ только *грязныя пятна жизни*, а не самую жизнь; что всѣ его лица, кромѣ Нади, — «вовсе не лица, а *какія-то отолеченныя, перегнанныя и фильтрованные дозы разнаго рода человѣческой грязи*, отъ которыхъ на душѣ у читателя остается самое тяжелое и не-пріятное впечатлѣніе» (стр. 351).

Могло ли до сихъ поръ кому нибудь придти въ голову, чтобы Островскаго можно было упрекнуть въ отвлеченности и безличности создаваемыхъ имъ образовъ? Но для г. Ахшарумова ни по чемъ такой отважный подвигъ. Напечатавши въ прошломъ году грозную статью «О порабощеніи искусства,» онъ уже можетъ быть увѣренъ, что никакою выходкой, какъ бы она не противорѣчила здравому смыслу, не можетъ удивить публику.

Не можемъ разстаться съ эксцентрическимъ критикомъ, не указавши на то, къ чему приводитъ милая теорія непорабощеннаго искусства. Поклонники ея наконецъ начинаютъ проговариваться о томъ, что до сихъ поръ тщательно скрывали, но что еще Державинъ говорилъ о нихъ, т. е. что

Поэзія для нихъ любезна,
Какъ лѣтомъ въусный лимонадъ.

Такъ г. Ахшарумовъ объявляетъ между прочимъ, что на литературу смотреть онъ какъ на «средство разсѣять свою тоску и горе.»

«Онъ (г. Ахшарумовъ говоритъ здѣсь о читателяхъ, подобныхъ ему) беретъ въ руки романъ, комедію или драму, *желая вырваться хоть на минутку изъ той удушливой атмосферы страданія недуга, которая такъ часто обхватываетъ его со всѣхъ сторонъ*. Въ нихъ думаетъ онъ найти тотъ свѣтъ и просторъ и тотъ свѣжій воздухъ, которые такъ сильно нужны ему для его утѣшенія... и проч. Представьте же себѣ его удивленіе и ужасъ, когда романъ, комедія и драма *наперерывъ спѣшатъ* возразить ему, что все это глупыя, дѣтскія мечты, или фантазіи изъ тысячи одной ночи, и что онъ долженъ привыкать къ больницѣ, потому что она есть вѣчный удѣлъ его на землѣ, и что дѣйствительность съ поэтическимъ ея элементомъ *исконн-бѣ* находятся въ полномъ, непримиримомъ противорѣчій, и что дѣло искусства подмѣнить это противорѣчіе и выставить его въ полномъ объемѣ, а не льстить чело-вѣку, лаская его несбыточными воплощеніями самодѣльныхъ идеаловъ. Боже милостивѣйшій! Неужели же это правда?» (стр. 251).

При такомъ воззрѣніи на искусство, которое можно называть не чистымъ, а скорѣе *сибаритскимъ*, не мудрено, что г. Ахшарумовъ возмущается комедіею г. Островскаго, находя, что «эссенціи и экстракты, явившіеся въ ней вмѣсто характеровъ, *отравили художественную сторону эффекта*» (стр. 356).

Другой Ахшарумовъ — поэтъ — имѣетъ болѣе уваженія къ идеѣ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его стихотвореній. Вообще стихотворенія незамѣчательны, равно какъ и литовскія пѣсни, переведенныя г. Ахшарумовымъ. Но есть у него и недурные стихи, съ которыхъ мелькаетъ искреннее чувство. Приведемъ маленькое стихотвореніе, мысль котораго намъ постоянно нравится (стр. 151).

Пускай грозить и гонить свѣтъ!
 Для непреклонныхъ убѣжденій,
 Для пылкихъ сердца увлеченій
 Смѣшонъ чужой авторитетъ.
 Куда бъ они ни привели,
 Тотъ правъ, кто жилъ согласно съ ними,
 Хотя законами земными
 Казнится бѣдный сынъ земли!...

Двѣ повѣсти, напечатанныя въ «Веснѣ», совершенно противорѣчатъ направленію г. Ахшарумова-критика. Обѣ онѣ принадлежатъ къ *отрицательному* или, какъ ихъ называетъ «Утро» московское, къ *утилитарному* направленію. Повѣсть г. Юрьева «Свадьба» содержитъ въ себѣ исторію о томъ, какъ сынъ одного богатаго помѣщика влюбился въ воспитанницу, выросшую вмѣстѣ съ нимъ, отвергъ графиню, предложенную ему въ замужество отцомъ, и какъ за то крутой старикъ-отецъ его отдалъ свою воспитанницу замужъ за мужика изъ своей деревни. Какъ одинъ изъ ужасныхъ случаевъ, возможность которыхъ обуславливается уничтожаемымъ нынѣ крѣпостнымъ правомъ, фактъ этотъ самъ по себѣ представляетъ тему очень благородную. Но къ сожалѣнію, мы еще такъ близки къ крѣпостному праву, что не осмѣливаемся изображать его такими яркими чертами, какихъ оно заслуживаетъ. Пишутъ много, но все еще съ какою-то оглядкою, съ опасеніемъ, чтобы кто нибудь не разсердился; поэтому, вмѣсто настоящей правды и дѣльныхъ изображеній, ограничиваются все больше намеками. Обстоятельство это печально всего болѣе потому, что доказываетъ, что мы еще далеко не разстались съ крѣпостнымъ правомъ, что духъ его еще обитаетъ въ большинствѣ нашего общества и связываетъ руки писателю. Такъ и въ повѣсти г. Юрьева мы видимъ много недосказаннаго и утаеннаго. Въ «Свадьбѣ» рисуется старикъ-помѣщикъ, упрекающій сына за то, что

тотъ говоритъ лакею: *пожалуйста*, — виѣ себя отъ ярости бьющій нагайкой крѣпостнаго охотника за то, что тотъ немножко попортилъ заячью шкуру, разсуждающій такъ: «я тебѣ говорю, — ты мужика не знаешь, ты все съ нимъ разговаривать хочешь, урезонивать его, а это ему, какъ стѣнѣ горохъ; *нѣтъ, ты его такъ, такъ онъ тебя и пойметъ*» (стр. 171). Какая великолѣпная вещь могла бы выдти изъ полнаго и широкаго развитія одного этого характера, рожденнаго, сложившагося и проявляющаго себя въ крѣпостныхъ отношеніяхъ! Подробное изображеніе этого характера и его обстановки необходимо было въ этой повѣсти, даже съ чисто художественной точки зрѣнія, не говоря объ общественномъ интересѣ. Поступокъ старика съ воспитанницею, любимую имъ и ни въ чемъ не виноватою, легкость его исполненія, безгласіе всѣхъ окружающихъ, начиная съ жениха и до священника, который вѣнчалъ эту свадьбу, — все это требовало предварительной подготовки и обстоятельныхъ объясненій со стороны автора; въ цѣломъ рядѣ картинъ, въ цѣлой цѣпи эпизодовъ, въ цѣломъ широкомъ и смѣломъ очеркѣ долженъ былъ авторъ представить намъ всю эту жизнь для того, чтобы намъ показалась вполне естественною, понятною и необходимою та развязка, которою оканчивается его повѣсть. Къ сожалѣнію, онъ почти ничего для этого не сдѣлалъ, — по слабости ли силъ своихъ, или по какимъ нибудь вѣншимъ препятствіямъ, не зависѣвшимъ отъ его воли, — не знаемъ... Во всякомъ случаѣ — несомнѣнно то, что повѣсть отъ этого очень много проиграла, и въ настоящемъ своемъ видѣ производитъ очень слабое впечатлѣніе. Еще болѣшему ослабленію его способствуетъ и то обстоятельство, что сынъ помѣщика, представленный, разумѣется, образцомъ всѣхъ добродѣтелей, подъ конецъ оказывается очень недалекимъ господиномъ. Зная крутонравіе, тупоуміе и звѣрство своего отца, зная беззащитность бѣдной воспитанницы, зная, что никто не можетъ противостать злобѣ помѣщика (дѣло происходитъ въ помѣстьи старика), — все-таки оставляетъ любимую дѣвушку на произволъ этого звѣря, а самъ уѣзжаетъ отъ отца въ Петербургъ, въ самый день отъѣзда отказавшись отъ предложенной невесты и объявивши отцу о своей любви къ воспитанницѣ. Правда, что онъ поѣхалъ съ тѣмъ, чтобы устроить свои дѣла и потомъ возвратиться за своей Лизой (такъ какъ отецъ погрозилъ лишить его наслѣдства въ случаѣ послушанія); правда, что онъ могъ и не предвидѣть столь крутаго оборота дѣла; но все-таки онъ долженъ былъ знать, что положеніе оставляемой имъ дѣвушки будетъ вовсе незавидно въ домѣ его отца. Можно было бы позаботиться и о ней.... Впрочемъ

мы замѣчаемъ это только затѣмъ, чтобы показать, какъ плохо вообще удаются нашимъ авторамъ образцы добродѣтели....

Повѣсть г. Жуковского «Петербургскія Ночи», — тоже дышетъ современнымъ интересомъ. Большая часть ея занята описаніемъ камелій высокаго полета, находящихся подъ покровительствомъ различныхъ, очень государственныхъ и очень старыхъ графовъ. Эти описанія не по нашей части: можетъ быть, они очень вѣрны, очень художественны, очень глубоки. Мы даже почти увѣрены въ этомъ, потому что г. Жуковский *самъ* говоритъ въ началѣ повѣсти: «говорятъ, что въ Петербургѣ мало мужей вѣрныхъ женамъ; я же знаю (!), что въ немъ еще менѣе женъ, вѣрныхъ мужьямъ» (стр. 2). Какимъ образомъ *знаетъ* г. Жуковский такое, можно сказать, *толькое обстоятельство*, по собственному ли опыту или изъ вѣрныхъ источниковъ, — вопросъ довольно щекотливый. Но дѣло въ томъ, что г. Жуковский *знаетъ* и слѣдовательно описываетъ вѣрно; этимъ мы и довольствуемся по части камелій. Намъ болѣе занимаютъ другія стороны повѣсти; въ ней изображенъ, между прочимъ, Бобринцевъ, молодой и благородный человекъ, очень фразистый по обыкновенію, и Броницынъ, мерзавецъ, составляющій себѣ карьеру разными низостями и между прочимъ женитьбою на знатной дѣвушкѣ, племянницѣ и кузинѣ двухъ десятковъ князей и графовъ, — находящейся въ такомъ положеніи, что.... долѣе скрывать невозможно.... По поводу этихъ двухъ лицъ изображается присутственный день въ какомъ-то департаментѣ, и изображеніе это довольно рѣзко, хотя все еще не совсѣмъ откровенно. Но мы порадовались и тому уже, что въ повѣсти г. Жуковского идетъ рѣчь, довольно прямая и ясная, — уже не о земскомъ судѣ, не о несчастномъ квартальномъ, не о магистратскомъ секретарѣ или о неопредѣленномъ какомъ-то уѣздномъ чиновникѣ, — а о столичныхъ столоначальникахъ, начальникахъ отдѣленія, директорахъ департамента.... Это въ первый разъ, кажется, такая смѣлость въ русской литературѣ. А ужъ давно пора бы нашимъ обвинителямъ перенести свою наблюдательность отъ будочниковъ и становыхъ на сферы болѣе значительныя. Люди — вездѣ люди и вездѣ подвержены ошибкамъ; директора департаментовъ — тоже люди, слѣдовательно и они подвержены ошибкамъ. Силлогизмъ этотъ ясенъ и ни для кого не обиденъ. Возьмите, вѣсто директора департамента, кого угодно, — хоть Наполеона или Петра Великаго: и Наполеонъ былъ человекъ, слѣдовательно и онъ былъ подверженъ ошибкамъ. Что же тутъ дурнаго? А если это такъ, если директора департаментовъ дѣйствительно подвержены ошибкамъ, то почему и не говорить о нихъ, почему и не указывать имъ,

въ чемъ они ошибаются? Если секретари уѣздныхъ судовъ обижаются, когда ихъ выводятъ въ повѣсти, такъ вѣдь это все *отъ необразования* больше дѣлается; начальники же отдѣлений, директоры департаментовъ и т. д. — люди (предполагается) образованные и благонамѣренные; слѣдовательно они и обижаться не будутъ, а еще поблагодарятъ нашу гласность.... Что же въ самомъ дѣлѣ, — гласность, такъ ужъ гласность, — *«не разбираючи лица....»* Не однимъ же столоначальникамъ въ городскомъ магистратѣ, не однимъ городничимъ и земскимъ исправникамъ принимать на себя всѣ неудобства гласности, не пользуясь ни однимъ изъ ея благодѣяній.... Если невозможно примѣнять на дѣлѣ святыя слова о равенствѣ *всѣхъ* предъ закономъ и предъ судомъ общественнаго мнѣнія; то пусть пока хоть въ вымыслѣ, въ фантазій, въ повѣсти будетъ представляться и директоръ департамента, и очень государственный графъ, и т. п. Неужели прогрессъ нашей литературы и до этого еще не доросъ? Вотъ посмотримъ.... Теперь примѣръ поданъ въ повѣсти г. Жуковского, и мы нарочно останавливаемъ на ней вниманіе нашихъ читателей, чтобы заявить этотъ первый дебютъ автора на новой ступени обличенія. Чтобы дать понятіе о его тонѣ и степени силы, приведемъ нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Чиновики въ одномъ изъ отдѣленій какого-то департамента столпились въ кучу и разсуждаютъ о балѣ, который вчера задавалъ гдѣ-то графъ и на которомъ былъ начальникъ отдѣленія. Начальникъ отдѣленія, еще не старый человѣкъ, ломается передъ ними и, усѣвшись на столъ, пересыпаетъ изъ пустаго въ порожнее. Входитъ новое лицо, — Рѣжинъ.

«А, вотъ и Григорій Петровичъ, сказалъ начальникъ отдѣленія, протягивая руку только-что вбѣжавшему чиновнику. Какъ ваше здоровье; что новаго, какъ дѣла, что его превосходительство и какъ графъ послѣ бала? — Въ отвѣтъ на такіе вопросы, Григорій Петровичъ Рѣжинъ, высокій, сухой и смуглый мужчина, секретарь директора департамента, подаетъ начальнику отдѣленія свою жилистую руку, сказавъ съ нѣкоторой ироніей, что его превосходительство ни свѣтъ, ни зоря изволить бѣсноваться у себя въ кабинетѣ; а что графъ, вѣроятно, сегодня не будетъ, потому что съ полчаса тому назадъ экзекуторъ ѣздилъ, по приказанію его превосходительства, узнать о здоровьи, но что его сіятельство изволили еще почивать. — А вотъ полюбуйтесь, если это васъ интересуетъ, прибавилъ онъ, вынимая изъ синей обертки, съ печатнымъ заголовкомъ «къ исполненію», какую-то бумагу. — Балы задавать своимъ содержанкамъ, это мы умѣемъ, на это намъ тысяча не жаль, а несчастному чиновнику просить пятьдесятъ рублей, такъ жалко. На это у насъ достаетъ духу написать: «зачѣмъ женился, когда бѣденъ».

Всѣ чиновники, стоявшіе возлѣ, вѣдлись въ бумагу, какъ мухи въ медъ. Къ нимъ подскочило сейчасъ же все, что было чиновничества въ комнатѣ, кромѣ канцелярскихъ, отъ чего кругомъ начальника отдѣленія произошла на минуту страшная давка. Замѣтивъ сумятицу, секретарь поспѣшилъ взять бумагу обратно изъ рукъ начальника отдѣленія; вслѣдъ за тѣмъ набѣжавшая толпа также разомъ отхлынула и кружокъ остался въ прежнемъ составѣ.

— Вотъ, пооди, послѣ этого, набирай чиновниковъ. Правда, что канторжѣ нашего вѣдомства нѣтъ службы, сказалъ секретарь.

— Вездѣ одинъ чортъ, отвѣтилъ начальникъ отдѣленія, тряхнувъ головой и принимаясь зѣвать.

— А требованія какія, Боже ты мой! продолжалъ Рѣзинъ, который всегда былъ не прочь поговорить, а особенно о начальствѣ. Намедни еще, я вамъ скажу, присылаетъ за мной курьера на домъ. Что за чертовщина, думаю?— А я только что сѣлъ обѣдать; такъ противно стало, что ложки не проглотилъ, выплюнулъ, и аппетита пропагъ. Прихожу.—По вашему, говоритъ, столу записка?—По нашему.—Нужно переписать.—Что такое. —Поля не по формѣ; да къ завтраму непременно.—Помидуйте, говорю, кого же мнѣ теперь заставить писать? Всѣ чиновники по домамъ. Да и какая машина справится съ такимъ писаньемъ къ завтраму?—Знать, говоритъ, не хочѣ. Графъ не любитъ полей не по формѣ, а къ завтраму, чтобъ было готово, хоть сами пишите.— Ну и поѣхалъ я самъ отыскивать писарей. Никого не поймаешь. Бѣду уже назадъ, вижу, на мое счастье, Чернецкій за какими-то дамами увивается. Началъ ему такъ и такъ; отличиться, де, можете, вниманіе начальства заслужить, карьера и т. д., ну, какъ обыкновенно.—Силъ, говоритъ, нѣтъ, — грудь болитъ. — А по Невскому, говорю, шататься грудь не болитъ? Пожадуйте-ка въ департаментъ... Ну, и переписалъ за одну ночь. Какъ онъ это сдѣлалъ, до сихъ поръ понять не могу. Чтожъ вы думаете? нужная записка до сихъ поръ въ кабинетѣ на окнѣ валяется.

— Какъ же вы хотите? на то служба, возразилъ Междоумовъ. Съ насъ требуютъ, знать и выше требуютъ.

— Какая служба! Фразеологія одна, сказалъ секретарь; отчего при старомъ директорѣ этихъ требованій не было? А этотъ только бѣсноваться умѣетъ. Передъ графомъ все да, да да, какъ прикажете, а потомъ прибѣжить въ кабинетъ и рветъ на себѣ волосы. — Ахъ, я несчастный; есть ли человѣкъ, которому хуже меня на свѣтѣ? Есть, говоритъ: это женѣ моей.—А намъ развѣ лучше?

— Фразеологія!—Нѣтъ, изъ-за этой фразеологіи другіе всю жизнь бьются, и не могутъ руки набить, отвѣтилъ Междоумовъ.

— Что жъ изъ этого всего выходитъ? Ну, вотъ мы здѣсь собрались; спрашиваю я васъ: что мы здѣсь дѣлаемъ? разговариваемъ, и изъ этихъ разговоровъ, кромѣ брани слыше да распеканій, для насъ ничего не выходитъ.

— Ну, какъ! есть же своя благородная и серьезная сторона въ службѣ, имѣющаяся начальникъ отдѣленія: — исполненіе своей обязанности, наконецъ желаніе пользы. Зачѣмъ же вы иначе служите?

— Вотъ хочу, батюшка, да и вы то же, отвѣчалъ секретарь. Вотъ моя польза и моя обязанность, если хотите знать: не успѣли глаза продрать, Николай Ивановичъ зоветъ; слѣдуетъ обѣдать, Николай Ивановичъ зоветъ. А зачѣмъ? — Принесите мнѣ это писмо въ 6-ть часовъ и напомяните отвѣсти его туда-то. — Придите ко мнѣ въ 4 часа напомянуть, что графъ приказалъ мнѣ съѣздить туда-то. — У графа на дачѣ щенки перебѣсились, что намъ дѣлать? Скачите скорѣе туда. — Только и домога, когда знаешь, что легъ въ постель».

Цѣлая глава занята въ «Петербургскихъ Ночахъ» изображеніемъ зажитій чиновниковъ въ департаментѣ, и все это изображеніе очень живо. Есть нѣсколько чертъ, повторенныхъ изъ Гоголя, изъ «Утра дѣловаго человѣка»; но есть и новыя, самостоятельныя наблюденія автора. Намъ показалось любопытнымъ и то, что авторъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ разговоровъ Бобринцева, не успокоивается на изображеніи всей этой драмы, а ищетъ исхода изъ омута, который самъ же изображаетъ. Исхода этого онъ, разумѣется, не находитъ, потому что ищетъ его, кажется, не совсѣмъ въ той сторонѣ, гдѣ нужно. Но вотъ какія рѣчи говорить другъ другу Рѣжикъ — уже довольно послужившій чиновникъ, и Бобринцевъ, только-что начинавшій службу.

— Какъ вспомнишь, даже смѣшно станеть, сказалъ Рѣжикъ, какъ вы расходились, когда у насъ былъ первый разговоръ съ вами. Теперь, говорить, служба не то, что была прежде. Чиновники совсѣмъ другіе, люди образованные, современные, всѣ служатъ дѣлу.... Повѣрьте мнѣ, люди всегда какъ люди, а съ ними и обманъ. На крики ума у всякаго хватить. Дѣла только, жаль, изъ пустословія не выжмешь; не то что дѣла, даже нашего бездѣлья нѣтъ него не состранаешь. Ну вотъ, вы можете быть пользы хотѣли; что, каково съ ней служится?

— Отъ чего жѣ не послужить наконецъ, отвѣтилъ Бобринцевъ, пока нервы еще здоровы? они тверже и легче переносятъ всѣ непріятности: для нихъ многое выночешь, что невыносимо для человѣка, уже раздраженнаго. Будто нѣтъ ужъ, наконецъ, ни одного человѣка, который служилъ бы нѣтъ ищеченія къ дѣлу?

— Оплать за старое, возразилъ секретарь:—гдѣ жѣ вы видѣли таинствъ служащихъ? не эти ли молодцы, что буквы и хорошенно не вывернули, да лѣзутъ впередъ черезъ всѣ преграды? У нихъ ли есть ищеченіе къ дѣлу, но зашему? Я вотъ служу, такъ у меня нѣтъ никакихъ ищеченій; мнѣ вотъ прикажутъ такого-то выгнать, потому что онъ изъ куска хлѣба служить, а на его мѣсто посадить вотъ этого, потому что онъ на службѣ про пользу разговариваетъ, а дома платки подаетъ,

къ начальству въ гости ѣздить, около бабья трется и рекомендатель-
щія письма вымаливаетъ, — я и пишу, и все напишу, что вы прикажете».

Въ отвѣтъ на жолчныя выходки Рѣжина, Бобринцевъ говоритъ:
«положимъ, что все скверно и подло; но вѣдь это насъ съ вами не
оправдываетъ на бездѣйствіе. Нужно же имѣть скольконибудь хоть
упрямства, если не характера». Рѣжинъ отвѣчаетъ на это: «бывало
было для чего; а то надсадить кулакъ недолго, да проку-то отъ этого
мало». Затѣмъ онъ читаетъ Бобринцеву такую мораль:

«Молодость лобъ подставляетъ подъ все, что хотите; оно хорошо,
да бесполезно. Она ничего не хочетъ принять дурного; ей подавай
одну добродѣтель. Славная вещь добродѣтель, спору нѣтъ, и молодой
человѣкъ славная вещь, да жить — то съ ней одной нельзя. Пока
ожидаешь за школьной славой, — ну, оно и ничего; а когда сунешься
промышлять добрыхъ людей, оно и выводитъ, что или арестуешь, или
съ чортѣмъ знакомься. Будь подлежомъ и дѣйствуй съ нѣтъ службы
остаться порядочнымъ человѣкомъ. Вотъ эквилибристика дащей жи-
зни. А вы вотъ этого понять не хотите; все ищете брать пра-
мо способностями да благородствомъ. Развѣ наши дѣла стоятъ способ-
ностей? Есть у васъ крупная, состарѣвшаяся бездарность — давайте ее
сюда; а есть у васъ способности, — проходите далѣе; зачѣмъ ихъ гу-
бить попусту. Кажется, ясно?»

— Куда же далѣе? спросилъ Бобринцевъ; развѣ вездѣ, кромѣ своей
комнаты, я не попаду въ тѣ же колодки и не принужденъ буду, какъ
лакей, согнуть шею; да и тамъ еще насъ предостерегали съ дѣтства
быть молчаливѣе тѣней.

— Учитесь въ такомъ случаѣ нашей эквилибристикѣ.

— Какъ ни кинь все клинъ, стало, быть одинъ развратъ остается
свободенъ, кончилъ молодой человѣкъ, невольно забываясь и не выдер-
живая спокойнаго голоса....(стр. 26).

Разсужденія Рѣжина подходятъ, конечно, къ той морали, кото-
рую проповѣдуетъ г. Ефимъ Дымманъ въ своей «Наукѣ Жизни». Бобринцевъ возражаетъ, какъ видите, съ точки зрѣнія зеленатаго
либеральства. Немудрено, что они оба скоро сходятся въ резуль-
татъ: Рѣжинъ махнулъ рукой на все и сдѣлался циникомъ служебной
безнравственности; и Бобринцевъ тоже махаетъ рукой на все и го-
товъ сдѣлаться жрецомъ этого разврата, который одинъ свободенъ.
Оба — не герои, какъ оказывается; Рѣжина можно даже положи-
тельно назвать негодяемъ, съ отвращенной точки зрѣнія. Но съ че-
сти автора надо сказать, что онъ умѣлъ понять это лице безъ жи-
вымъ образомъ: въ его изображеніи чувствуется протѣстъ не про-
тивъ личности Рѣжина и его поступковъ, а противъ жизни, которая
сдѣлала его такимъ. Такое поставленіе личности Рѣжина доказы-

знать, что авторъ или въ значительной степени обладаетъ художническимъ тактомъ, или добился такихъ выводовъ сплюю размышленія. Судя по исполненію всей повѣсти, мы не сомнѣваемся, что послѣднее предположеніе справедливѣе. Но въ такомъ случаѣ мы пожелаемъ автору, чтобы онъ не остановился на безвыходныхъ сожалѣніяхъ своихъ героевъ, а додумался за нихъ до какого нибудь рѣшенія.

«Было бы для чего дѣйствовать, а то надсадить кулакъ не долго, да проку—то отъ этого мало.»

Такъ говоритъ у г. Жуковского Рѣжикъ, и въ словахъ его нельзя не признать, въ некоторой доли справедливости. Но въ томъ-то и задача общественнаго дѣятеля, чтобы не надсаживать кулака понапрасну, а бить прямо по больному мѣсту современнаго общества. Наша общая болѣзнь состоитъ въ недостаткѣ личной самостоятельности, въ разслабленіи воли; поэтому общественный дѣятель прежде всего долженъ укрѣпить свою волю противъ всѣхъ внѣшнихъ соблазновъ и нестороннихъ покушеній, долженъ, сознавши условность и несправедливость существующихъ въ обществѣ отношеній и обычаевъ, сознать и то, что онъ долженъ рѣшительно оградить себя отъ нихъ и идти на ихъ ниспроверженіе, чего бы это ни стоило. Явись подобная мысль въ сознаніи Бобріщева или Рѣжика, — разговоръ ихъ принялъ бы не такой оборотъ: съ первыхъ двухъ словъ согласившись въ гадости и подлости окружающаго ихъ порядка, третьимъ словомъ они бы сдѣлали уже вопросъ: «какими средствами измѣнить этотъ, несправедливый для нихъ порядокъ?»

Вообще говоря, повѣсть г. Жуковского можетъ навести на хорошія мысли, хотя сама повѣсть и не можетъ быть названа хорошою. Она длинна, скучна, наполнена сентенціями, не имѣетъ никакой цѣльности, никакой внутренней связи и, будучи основана на любви Бобріщева къ падшей, но благородной женщинѣ, исполнена мелодраматизма. Мы о ней не стали бы и говорить, если бы въ ней не обнаруживалось, что авторъ — серьезно-мыслящій человекъ, и если бы въ ней не замѣтили мы образчика обличеній въ несколько въ новой сферѣ.

Настъ многіе обвиняютъ, что мы сѣдемъ надъ обличительной литературой и надъ самой гласностью; но мы никому не уступимъ въ горячей любви къ обличенію и гласности, и едва ли найдется кто нибудь, кто желалъ бы придать имъ болѣе широкіе размѣры, чѣмъ мы желаемъ. Оттого-то вѣдь и смѣли мы

происходить: мы хотимъ болѣе цѣльнаго и основательнаго образа дѣйствій, а насъ подчуютъ какини — то ребяческими выдумками, да еще хотятъ, чтобъ мы были довольны и восхищены. Мы каждый день, чуть не каждый часъ, должны претерпѣть слѣдующую исторію. Нужно намъ ѣхать изъ Петербурга въ Москву; дорога извѣстная, хлопотъ немного, и мы очень спокойно собираемся въ путь. У самаго дебаркадера встрѣчаетъ насъ услужливый пріятель, который тоже ѣдетъ по желѣзной дорогѣ, и предлагаетъ за насъ похлопотать — и билеты взять, и вещи отправить. И дѣйствительно, пріятель все устроиваетъ, мы садимся въ вагонъ, спрашиваемъ у пріятеля билеты, — оказывается, что билеты взяты имъ только до Колпина, и вещи тоже до Колпина отправлены. «Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?» спрашиваемъ его. Онъ вдругъ дѣлается недоволенъ, обижается и начинаетъ толковать, что мы любимъ скачки, хотимъ все дѣлать вдругъ, что, ѣхавши въ Москву, Колпина не миновать, что нужно прежде всего думать о ближайшей цѣли, а потомъ ужъ, пріѣхавши въ Колпино, заботиться о томъ, какъ ѣхать дальше. Разумѣется, все это смѣшно слушать, когда знаешь, какъ эти вещи обыкновенно дѣлаются на желѣзныхъ дорогахъ. Но изъ слабости характера мы позволяемъ пріятелю еще разъ распорядиться нашими деньгами и взять для насъ билеты въ Москву; а онъ пойдетъ да опять возьметъ — до Любани. И опять начнетъ ту же философію о постепенномъ подвиганіи впередъ. Да такъ-то всю дорогу!... Да если еще вся жизнь въ безпрестанной ѣздѣ проходитъ! Да если видишь, что услужливый пріятель, потерявъ кредитъ у насъ, къ другимъ обращается и съ другими каждый разъ такіе же предѣлки повторяетъ, съ тѣми же разсужденіями!.. Поневолю иной разъ разсмѣешься и поглумишься, хоть и невесело.... А добрые люди изъ этого Богъ знаетъ что выводятъ! Говорятъ, что мы сами желѣзныхъ дорогъ не признаемъ, въ дружбу не вѣруемъ, пріятельскія станціи хотимъ уничтожить....

Впрочемъ, видя безпрестанно людей, плетущихся отъ станціи къ станціи, мы даже отчасти примиряемся съ ними и смѣемся только уже тогда, когда они принимаются наивно восхвалять свой образъ путешествій. И въ этомъ случаѣ мы уже съ любовью смотримъ на людей, которые утверждаютъ, что не нужно мѣнять билетъ на каждой станціи, а можно запасаться имъ на двѣ и на три, или даже взять одинъ билетъ до Бологова, напр. Мы тотчасъ самымъ радужнымъ образомъ приветствуемъ такихъ людей, нитая слѣдующее, а именно, что, можетъ быть, они придутъ наконецъ и къ тому убѣжденію, что можно и прямо въ Москву брать билетъ изъ Петербурга. Такъ

въ настоящемъ случаѣ привѣтствуемъ мы и г. Жуковскаго, который ѣдетъ, кажется, чуть ли не до Твери или по крайней мѣрѣ до Вышнего Волочка, съ однимъ билетомъ. При этомъ мы только просимъ ему въ будущихъ путешествіяхъ—не брать съ собой армянскаго и ливонскаго багажа, которыми загромождена его вынѣшенная повѣсть.

Но п. Жуковскому даже вовсе и нужды нѣтъ писать повѣсти: у него есть занятіе, обшаривающее, кажется, быть гораздо болѣе благодарнымъ для него. Онъ съ успѣхомъ можетъ заниматься русской исторіей и правомъ, какъ свидѣлствуетъ статья его, также вышедшая въ «Воснѣ»: «Общественныя отношенія Россіи съ точки зрѣнія исторической науки права». Статья эта любовитна въ томъ отношеніи, что тоже представляетъ исканіе выхода изъ тѣхъ недоумѣній, которыя возбуждаются въ каждомъ мыслящемъ русскомъ психологическомъ порядкомъ дѣлъ. Намъ кажется, что г. Жуковский довольно близко подошелъ къ выходу; но мы не знаемъ, видитъ ли онъ самъ этотъ выходъ. Статья его представляетъ собственно очеркъ исторіи крѣпостныхъ отношеній въ Россіи и указываетъ на нѣкоторое значеніе въ жизни русскаго народа. Смысль всей статьи въ томъ, что на этомъ правѣ или на этомъ отношеніи основана всякая ея общественная организація Россіи, ея ея цивилизація и государственность (стр. 255). Въ объясненіе своей мысли, авторъ дѣлаетъ маленькій параллель между нашей и европейской исторіей и находитъ слѣдующую существенную разницу. Въ европейской исторіи, какъ и у насъ, государство образовалось централизацией; но «въ государствахъ западной Европы централизація выросла, опираясь на уничтоженіе частно-владѣльческихъ началъ; въ Россіи же она выросла, именно опираясь на эти начала» (стр. 255). Порядокъ мыслей, доказывающихъ у г. Жуковскаго это положеніе, слѣдующій. Централизующимъ началомъ былъ у насъ элементъ княжескій, варяжскій; но отношенія, въ которыхъ съ самаго начала княжескій родъ и дружина стали къ славянскому быту, были лишены помещичьаго характера и оставались долгое время чисто княжескими. При обширности земли и при ея малонаселенности, она ничего не стоила, и потому въ древней Руси дѣлилось постоянно на пространство владѣльной земли, а большее или меньшее количество людей, назначавшихъ въ личную зависимость отъ князя или вообще владѣльца. Народъ не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ; крестьяне очень часто бросали свои участки и переходили на другіе, болѣе удобные; земля же, оставленная впусту, не могла имѣть никакой цѣны. Отсюда въ древнихъ постоянно замѣчается забота о томъ, чтобы какъ можно болѣе употребить подати и всякаго рода поборовъ, безъ всякой заботливости объ упроченіи благосостоянія земства. Они знали, что

земство это — сегодня здесь, а завтра может уйти, и потому кто-то стал единственно о томъ, чтобы не выпустить изъ рукъ сегодняшней своей доли. Поэтому и само управленіе приняло кочевой характеръ, и, въ противоположность Европѣ, съ самаго начала развилось у насъ кормленіе, а не поземельная собственность. — Самишнее сословіе тоже кочевало, переезжая отъ князя къ князю. Осѣдлость самихъ князей начинается со времени Владиміроваго княжества, и тутъ же организуется поземельный сборъ по сохамъ, вытѣмъ и пр., взимаемый съ общины. При сборѣ этомъ князья воспомогались первобытной общиной, существовавшей у славянъ, и заставляли ее уплачивать поземельную подать, несмотря на выбывавшихъ членовъ. Это обстоятельство помѣшало, разумѣется, дѣйствительной организациі у насъ общинъ, такъ какъ населеніе еще не имѣло прочныхъ началъ для развитія у себя земского самоуправленія, а князья старались наложить какъ можно крѣпче свою руку на общину. Отсюда происходятъ постоянныя жалобы крестьянъ, что имъ не въ мочь платить за войтъ выбывшихъ членовъ общины, и наконецъ — переходы цѣлыхъ селеній съ однихъ участковъ на другіе. Вѣстѣ съ тѣмъ и кормленщики, получавшіе отъ князей округи въ кормленіе, на извѣстныхъ условіяхъ, тоже должны были бродить съ мѣста на мѣсто и перѣдко отъѣзжать отъ одного князя къ другому. Разумѣется, они не оставались равнодушными къ собиранію подати съ земства и постоянно старались содрать какъ можно больше; отсюда безпрестанныя жалобы древней Руси на безконечныя притѣсненія и открытій грабежъ бояръ и чиновниковъ княжескихъ. Вотчинное право начинается собственно изъавленіемъ земель, — сначала помѣстныхъ и духовныхъ, а потомъ и частныхъ лицъ, — отъ влѣній кормленщиковъ; затѣмъ, для отягченія своего вѣла и переездовъ бояръ, является уже различіе мѣтъ саминъ вотчинъ, мѣтѣ кормленія. Но вотчина могла быть выгодна только при возможности владѣть ею обезпеченно; а между тѣмъ, при возможности перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому, не было никакого обезпеченія для владѣльца. Отсюда, вѣстѣ съ уничтоженіемъ удѣльной системы, начинается со стороны центральной власти рядъ мѣръ, противодействовавшихъ переходу крестьянъ и все болѣе суровыхъ сносъ князей съ боярами и вслѣдствіи слухившимъ людьми. Съ двухъ этихъ обстоятельствъ г. Жуковскій вырываетъ тѣмъ образомъ.

«На первомъ планѣ въ противорѣчій съ в. княжеской властью стояли слуги и бояре, сильные своимъ правомъ отъѣзда и вслѣдствіи родовыми притязаніями. Права послѣдняго рода образовались отъ чина и должностей дворового управленія, сдѣлавшіяся наследственными. Родо-

ная честь возникала здѣсь сама собою, приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ держится холопская гордость въ частныхъ вотчинахъ. Сынъ камердинера хотѣлъ быть не меньше, какъ лакеймъ и т. д. Центральная власть сдѣлала эти желнія; но упорныя сопротивленія и провела лично-зависимыя отношенія къ служилымъ людямъ до крайняго результата, обративъ бояръ въ холоповъ. Но зависимость эта все таки была недостаточна; основанная преимущественно на политической силѣ, она не имѣла матеріальной опоры въ самыхъ социальныхъ отношеніяхъ этого класса, а потому все таки, какъ чисто-личная зависимость, была шатка и ненадежна. Главнымъ опредѣляющимъ условиемъ; какъ въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ верховной власти, такъ и въ отношеніи земства къ этому классу должна была сдѣлаться земля.

«Тогда только могла родиться крѣпкая, надежная связь между этими общественными элементами, а верховная власть—поставить въ прочную зависимость отъ себя всѣ состоянія и успѣшно дѣйствовать на нихъ. Для этого нужно было во первыхъ приручить крестьянъ къ землѣ; во вторыхъ обложить право владѣнія такими населенными землями обязательствами царской службы».

Ограниченія перехода видны во многихъ договорахъ московскихъ князей; срокъ перехода опредѣленъ въ XV в., въ Судебникѣ Іоанна III; мѣры закрѣпленія являются съ конца XVI в. Раздача вотчинъ тоже начинается съ XIV в.; въ XVI усиливается и переходитъ изъ пожалованія уже въ простую продажу, затѣмъ являются помѣстные оклады; такъ что въ XVII ст. свободной казенной земли оставалось уже чрезвычайно мало.

Сдѣлавъ этотъ историческій очеркъ, небогатый фактическими подробностями, но группирующій факты, уже извѣстные, нѣсколько иначе, чѣмъ какъ это дѣлалось прежде, г. Жуковский дѣлаетъ слѣдующее заключеніе, которое, несмотря на очень тяжеловатую форму изложенія, любопытно по нѣкоторымъ изъ содержащихся въ немъ соображеніямъ.

«Такимъ-то образомъ, къ XVIII столѣтію, сложилась на крѣпостныхъ основаніяхъ общественная жизнь Россіи, и сложилась притомъ принудительно. Основанія эти, какъ мы видѣли, не были слѣдствіемъ социального броженія, достигнуга извѣстныхъ формъ кристаллизаціи, если можно такъ выразиться, свободнымъ произволеніемъ той союзной силы, болѣе или менѣе присущей историческому царю, которая должна творить и разлагать, переживая нравственный бытъ даннаго народа, въ одной формѣ въ другую, и въ силу которой государство представляетъ само-собою изъ социальной почвы, какъ было тамъ, напротивъ, гдѣ эта союзная сила была особенно присуща народному характеру, гдѣ народъ, можно сказать, самъ творилъ свою жизнь и гдѣ, по

этому, важнейшія его событія его жизни, какъ политическаго тѣла, всегда лежали на сердцѣ этого народа. У насъ, напротивъ того, собою сила была слаба настолько, что она не могла сложить нашей жизни сама отъ себя. На западѣ Россіи, гдѣ первыя формы обществѣнія въ видѣ родовыхъ общинъ явились, какъ непосредственное данное, эти формы не могли развиваться далѣе самостоятельно. Сознавая свое бессіе, онѣ сами призвали на себя важнейшую, централизующую власть, въ безплодной борьбѣ съ которой потомъ прошелъ блестящій періодъ ихъ существованія, кончившійся политическою смертію жизни, замкнувшейся здѣсь довольно шумно; а важнейшая власть, въ свою очередь, темая въ безплодныхъ спорахъ съ историческими содержаніемъ мѣстной жизни, была отброшена на востокъ Россіи и здѣсь заложила свой централизующій лагерь, передъ которымъ въ половинѣ XVI вѣка положила оружіе безпокойная жизнь удѣльной Россіи, кончая Новгородомъ и Псковомъ. Но здѣсь централизація не могла стать на степень народной власти и заложить среди всеобщаго броженія народныхъ массъ, среди жизни кочующей, разложенной почти до просто собирательнаго отношенія лицъ, своеобразныхъ общественныхъ союзовъ, не наложивъ ярма крѣпостныхъ отношеній на всѣ лица и состоянія.

«Такимъ образомъ укрѣпленіе не ограничивалось одними крестьянами, а распространялось и на служилыхъ людей; словомъ, имъ разрѣшался общій вопросъ ослѣдости общественныхъ массъ,—образованіе тѣхъ прочныхъ поземельныхъ отношеній, которыя не могли установиться сами собою, по малощѣности земли, и образованіе которыхъ во всякомъ случаѣ было необходимо для крѣпости государства и централизаціи. Послѣ этого понятно, какую роль долженъ былъ играть въ развитіи русской социализаціи крѣпостной союзъ. Заложенный въ корень общественныхъ учрежденій, онъ поневолѣ долженъ былъ пропитать всѣ стороны жизни, имѣя задачу вынести на своихъ тяжелыхъ крыльяхъ русскую жизнь изъ средневѣковаго броженія въ дѣятельность настоящаго и прошлаго столѣтій, и дать Россіи ту внутреннюю крѣпость и силу, которыя позволили ей играть такую роль въ судьбахъ Европы. Здѣсь фактами Русской исторіи договорились мы до того положенія, что государство должно опираться непремѣнно на существующія ему формы социализаціи, а гдѣ этихъ формъ не подготовила исторія, тамъ государство, налагаясь сверху, неизбѣжно создастъ само себѣ своеобразную социальную почву. Такую-то социальную почву подготовила себѣ у насъ центральная власть. И теперь она была сильна, она была народна и социальна потому, что народъ принялъ какъ неизлечимое эти крѣпостныя основанія; бояре и земледѣльцы все стало въ поземельно крѣпкія отношенія къ центральной власти.

Съ тѣхъ поръ прошло почти два столѣтія. Русская жизнь, утѣренная на такихъ основаніяхъ, все крѣпче и тверже прививалась къ нимъ, проводя и развивая ихъ внутри себя до послѣднихъ крайностей. Она не сдѣлала шага въ сторону отъ крѣпостныхъ связей; напротивъ того, власть помещиковъ надъ крестьянами становилась все тверже, а

они оставались все тѣми же усердными слугами центральной власти. Они имѣли пробованіе освободить ихъ отъ обязательной службы, но обязательство это осталось социальное во всей силѣ. Вмѣстѣ съ указомъ, разрешившимъ обязательную службу, вышли на сцену ордены, которые, вмѣстѣ съ чинами и опасеніемъ лишиться дворянскаго достоинства и помѣстья, въ случаѣ неслуженія двухъ дворянскихъ поколѣній сряду, сдѣлали то, что для дворянина понынѣ считаются возможнымъ только два состоянія: служба или управленіе своимъ помѣстьемъ. Таже власть пробовала вывести дворянство отчасти изъ его личнаго раздѣленія, и дать ему видъ и принадлежности сословія.

Обращаясь затѣмъ къ дѣятельности центральной власти, мы видимъ, что совершивъ дѣло общаго закрѣпленія, она оставила общественную жизнь развиваться по этимъ основаніямъ, а сама бросила Москву, бросила старую Россію и зажила европейской жизнью. Она имѣла свое XVIII столѣтіе, своей вѣжѣ военныхъ побѣдъ и военной силы и славы, свою придворную хронику, свою литературу даже. Среди безпорядковъ, выполняющихъ исторію первой половины наступающаго столѣтія на западѣ Европы, она безбоязненно торжествовала, отдыхая на своихъ ордахъ, славу своего оружія и политическую силу. Но не оружіе и не штыки дали ей эту крѣпость и силу, ихъ дали тѣ социальные основанія, на которыхъ держалась общественная жизнь народа, которыми она правила.

Въ виду всего сказаннаго, въ виду той роли, какую играли у насъ вотчинныя отношенія, спрашивается теперь, можно ли смотрѣть на вопросъ о нихъ у насъ, какъ на застарѣвшее право, за предѣлы котораго давно перешло социальное развитіе страны, какъ на частное дѣло крестьянъ и помѣщиковъ? Не ясно ли только одно изъ предыдущаго, — что ближайшіе результаты этого дѣла не разрѣшаютъ еще многого вопроса нашихъ общественныхъ отношеній.

Итакъ заключительное слово г. Жуковскаго то, что вопросъ еще не разрешенъ вполне. Конечно, такъ; но изъ фактовъ, выставленныхъ самимъ г. Жуковскимъ, ясно, кажется, что рѣшеніе близко, и что оно должно быть не въ пользу централизаціи. Но словамъ самого же г. Жуковскаго, «централизація подготовила себѣ социальную почву въ крѣпостныхъ отношеніяхъ и на этой почвѣ могла спокойно строить свое вышнее могущество.» Изъ этого можно бы, конечно, вывести заключеніе, что крѣпостныя связи, глубоко укоренившись въ русской жизни, должны оставаться незыблемыми, какъ опора русскаго политическаго могущества. Но заключеніе это было бы справедливо только въ томъ случаѣ, если принять, что эти отношенія вполне устраиваютъ благосостояніе народа и приносятъ ему по духу и по праву; а самъ же авторъ статьи сознается, что указавшая имъ социальная почва подготовилась единственно въ интере-

сахъ центральной власти, а никакъ не въ выгодахъ народа, и что общественная жизнь Россіи на крѣпостныхъ основаніяхъ сложилась *принудительно*, только вслѣдствіе отсутствія союзоной силы въ народѣ. Поэтому мы можемъ сказать, что социальное развитіе страны вовсе не имѣетъ надобности *переходить за предѣлы* наложенныхъ на народъ отношеній, потому что оно никогда и не входило въ эти предѣлы: *ближайшіе результаты*, о которыхъ говоритъ г. Жуковский въ концѣ статьи, доказываютъ, что общественная жизнь народа не держится на тѣхъ социальныхъ основаніяхъ, которые созданы у насъ централизациею. Значитъ, для народной силы нѣтъ никакой опасности отъ измѣненія этихъ основаній. Они нужны были для централизаціи и принудительно наложены ею на народъ; но когда централизація совершилась и неужива болѣе для народнаго могущества, тогда естественно должны падать и опоры, на которыхъ он держался. На этомъ основаніи, въ вопросѣ, разсматриваемомъ г. Жуковскимъ, мы, вовсе не заботясь о централизаціи, совершенно отбѣляемъ ся дѣло отъ дѣла народа. На стр. 273 г. Жуковский неомѣрно восхищается централизаціей, говоря, что «ни одинъ народъ Европы не обязанъ ей столько своимъ развитіемъ, какъ русскіе», и проч.... Но мы съ нимъ въ этомъ случаѣ должны нѣсколько разойтись. Въ прошломъ мѣсяцѣ, (въ статьѣ г. Чернышевскаго о г. Черчинѣ), высказано было въ «Современникѣ» мнѣніе о французской централизаціи, и между прочимъ показано, должно ли считать народъ *обязаннымъ* централизаціи за что нибудь. Отсылая читателя къ этой статьѣ, мы здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что и въ исторіи Московскаго княжества можно относить и некоторые дѣла объединеній, сдѣланныхъ г. Чернышевскимъ относительно французской централизаціи. Впрочемъ, и самъ г. Жуковский почти подтверждаетъ это въ тѣхъ мѣстахъ статьи, гдѣ онъ говоритъ, что центральная власть дѣйствовала *единственно въ своихъ интересахъ*.... Да и самое странное, чтобъ г. Жуковский вообще былъ добродѣтельнымъ централизаторомъ, его же собственною повѣстію такъ ярко выставленныя недостатки и нелѣпости, происходящія вслѣдствіе ея!... Она возбуждаетъ, конечно, только въ смыслѣ историческаго стимула народное смущеніе и то, но нашему мнѣнію, несправедливо. Впрочемъ вопросъ этотъ можетъ быть еще предисловіемъ многимъ разсужденіямъ... Мы, однако, говорили о немъ только потому, что намъ дошло до дѣла «Современника», предостережъ г. Жуковского, отъ односторонняго взгляда на нѣкоторыя изъ нашихъ вещей, и на нѣкоторыя изъ нашихъ ученій, какъ напр. г. Черчинъ. Вообще, мы сочли нужнымъ съ нѣкоторою подробностію рассмотреть оба произведенія г. Жуковского въ «Вислѣ», и потому оба автора ихъ, въ первый разъ, кажется, воспринимающіе нашу критику.

чати, принадлежать къ такимъ явленіямъ въ нашей литературѣ, которыхъ не слѣдуетъ пропускать безъ вниманія.

Исторія Австріи. Сочиненіе графа *Майлата*. Перев. съ нѣмецкаго. Москва. 1859.

Графъ Майлатъ — вельперъ знатнаго рода, отличившійся вѣрной службою Австріи въ довольно важныхъ должностяхъ, ораторствовавшій въ пользу австрійскаго правительства въ 1848 г., поклонникъ Габсбургскаго дома и іезуитовъ. Столь почтенный мужъ, пользующійся въ Венгрии репутаціей ренегата, сочинилъ очень обширную и ученую исторію Австріи. Трудъ его такъ понравился австрійскому правительству, что оно поручило автору составить изъ него сокращеніе, для введенія въ руководство въ австрійскія школы. Это самое сокращеніе предлагается теперь русской публикѣ въ очень свѣсномъ переводѣ, довольно сѣбно напечатанное на сѣрвовой бумагѣ.

Кажется, вѣтъ уже все сказано о книгѣ графа Майлата; послѣ сообщенныхъ нами свѣдѣній, мы считаемъ разборъ ея совершенно ненужнымъ. Намъ гораздо болѣе занимаетъ вопросъ: зачѣмъ незнакомый переводчикъ потратилъ свой трудъ на такую книгу, которая систематически, сознательно и злонамѣренно лжетъ съ начала до конца?

Вопросъ этотъ заданъ себѣ и самъ переводчикъ, очень хорошо знавшій, какъ называется изъ предисловія изъ переводу, блестящая качества книги Майлата. Переводчикъ замѣчаетъ, что сокращеніе Майлата значительно искажено даже сравнительно съ тѣмъ самымъ сочиненіемъ, изъ котораго извлечено. Напр. изъ обширной исторіи Австріи, изданной Майлатомъ, можно видѣть, что Австрія — государство новое, случайное, не имѣющее корней ни въ какой народности; въ сокращеніи это очень тщательно скрыто, и Австрія изображается государствомъ, искони существовавшимъ, имѣвшимъ свою отличительную, установившуюся народность еще въ XV в. Богемія и Венгрія съ своими древними временъ представляются какъ-то входящими въ составъ Австрійской Имперіи, и народныя войны ихъ постоянно называются возмущеніями... Милосердное и просвѣщенное правительство, мудрое внутреннее устройство, побѣдоносная армія и т. п. рисуются, конечно, яркими чертами. Переводчикъ самъ указываетъ въ предисловіи на нѣкоторые факты, искаженные или утаенные Майлатомъ въ «Сокращенной Исторіи Австріи», и сознается, что русскому переводчику нужно бы было оговорить ихъ въ примѣча-

віяхъ. «Но, — прибавляетъ онъ, — пропуски многочисленны, и пришлось бы всю книгу испестрить примѣчаніями.» Какъ выхъ это правится? Книга такъ плоха, что и поправитъ ее трудно: нужно всю перемарать и передѣлать. Таковъ вѣдь, кажется, смыслъ словъ переводчика? Хорошая же рекомендація для читателя! Но переводчикъ идетъ еще дальше: онъ считаетъ нужнымъ *предостеречь* читателя отъ переведенной имъ книги и считаетъ для очистки своей совѣсти совершенно достаточнымъ слѣдующее замѣчаніе.

«Можетъ быть, для *предостереженія* читателя, достаточно будетъ и одного слѣдующаго извѣстія: издаваемая нами книга введена, по распоряженію австрійскаго правительства, въ австрійскія учебныя заведенія. Нужно ли что прибавлять?» (Пред. стр. III).

Напе замечаніе все увеличиваетъ. «Такъ зачѣмъ выводить переводена и издана эта книга?» спрашиваемъ мы еще разъ. Промолвите отгвѣчаетъ: «не безъ причины.» Какая же причина? — Ихъ дѣйствителъ, что исторію Австріи знаютъ намъ нужно, а на русскомъ языкѣ нтъ никакой исторіи. Эта причина, по нашему мнѣнію, совершенно неосновательна: во первыхъ, для перевода можно было выбрать что нибудь не столь нехитрое, а во вторыхъ дучше совсѣмъ познать предмета, нежели жить о немъ совершенно превратное понятіе. Поманіе хочетъ учиться, а ложное знаніе стремится къ ошибочнымъ мовданіямъ. Изъ «Исторіи Австріи» Майгата мы ничего не узнаемъ объ Австріи, кромѣ виѣшней послѣдовательности событій, наивѣстнѣ намъ и изъ курса всеобщей исторіи. Къ чему же было и трудиться надъ ея переводомъ? Неужели для узнаанія исторіи народа всеобщемо нужно ея учебникъ, спеціально сдѣланный въ австріи? Можемъ ли мы, желающему узнать исторію Россіи, необходимо перевести учебникъ Устрялова?

Другая причина, приведенная переводчицею, еще страннѣе. Вотъ какъ она выражена въ предисловіи.

«Эти мнѣнія (приводимыя въ исторіи Майгата), кажется, безпрѣчны для русскихъ читателей, послѣ опытовъ послѣдняго десятилѣтія. Пусть, наприкладъ, на русскомъ языкѣ пишутся повѣсти умѣренности и милосердія Австріи. Говоря, сообщеніе о расширеніи австріи, не хотѣвшихъ саркастичъ въ доразвѣт, замѣчаютъ, едеа. Бону, нине на русскомъ языкѣ. Да и память о австрахъ, сдѣланныхъ въ австріи русскими и убитыхъ австріицами, и личное знакомство русской днн съ побѣдоносною австріицею, — убѣдительно всѣхъ книгъ. Безъ примѣчаній переводчика вспомнитъ читатель — и о избіеніи галицкаго дворянства, и о подвигахъ князя Виндиггреца въ Прагѣ, и о венгерскіхъ дамахъ, которыхъ баронъ Гайнау счелъ нужнымъ наказывать ромъ ми» (пред. IV).

И это опять таки не резонъ. Если слѣдовать логикѣ переводчика, то можно врать все, что придется въ голову, оправдываясь тѣмъ, что «вѣдь вы можете узнать правду изъ другихъ источниковъ.» Положимъ, что и такъ, — положимъ, что моя ложь и не будетъ вредна; но все-таки зачѣмъ же лгать? Неужели для русской публики нуженъ на что нибудь переводъ, напр. всеобщей исторіи, употребляющейся въ іезуитскихъ школахъ и признающей реформацию дѣломъ діавола, Филиппа II — образцомъ жизни добродѣтелей, смерть Генрика IV — Божескимъ наказаніемъ за нестерпимость въ католицизмѣ и пр.

Къ мнѣнію о томъ, что для русскихъ безвредны ложныя книги объ Австріи, переводчикъ прибавляетъ, что знать ихъ даже полезно намъ, потому что изъ книгъ этихъ, и именно изъ Майлята, многія понятія и воззрѣнія перешли въ умы многихъ славянъ, венгерцевъ и итальянцевъ, съ которыми намъ придется имѣть умственное общеніе. «Намъ же бесполезно узнать ихъ прежде, чѣмъ мы вступимъ въ пря- юю связь съ людьми, воспитавшимися въ австрійскихъ школахъ, подъ исключительнымъ вліяніемъ іезуитовъ и австрійскихъ учеб- ныхъ пособій.» Но тутъ некажѣтственный переводчикъ двоякиъ ошибается: напрасно полагаетъ онъ, что мнѣнія, излагаемые Майля- томъ могутъ быть только у людей, «воспитавшихся подъ исключи- тельнымъ вліяніемъ іезуитовъ и австрійскихъ судебныхъ чиновни- ковъ»; напрасно также онъ думаетъ, что для насъ подобныя мнѣнія совершенно безвредны и никакъ у насъ не могутъ быть раздѣляемы. Мы беремся доказать ему противное, и случай намъ въ этомъ очень благоприятствуетъ: у насъ въ эту минуту находится подъ руками книга, наданная уже восемь лѣтъ тому назадъ, но недавно, по поводѣ историческихъ событій, вновь опубликованная авторомъ: «Графъ Радецкій и его походъ въ Италию въ 1848 и 1849 г.» Авторъ этой книги г. П. Лебедевъ, генеральнаго штаба подполковникъ, импера- торской военной академіи профессоръ и «Русскаго Инвалида» редак- торъ. — лицо, стало быть, извѣстное. Раскройте же его книгу и посмотрите: какая разница въ его понятіяхъ объ Австріи, отъ по- нятій графа Майлята? Разрѣ только та, что у Майлята образъ выра- женій упрощенъ, а у г. Лебедева гораздо болѣе военнаго краснорѣ- чія. А впрочемъ — они совершенно другъ съ другомъ сходятся. Вось- мого для сравненія хотѣ то и есть изъ Майлята, гдѣ говорится объ Итальянской войнѣ 1848 — 1849 г. Кстати же теперь это предметъ соврѣменный.

«Въ Миланѣ поднялась буря, какъ скоро туда достигла вѣсть о въ- скихъ событіяхъ. Борьба продолжалась уже два дня, когда фельдмар- шалъ Радецкій получилъ извѣстіе, что сардинскій король Карлъ Аль- бертъ съ сильнымъ войскомъ перешелъ черезъ границу, *тогда еще не-*

задало предъ тѣмъ успѣлъ въ сраженіи миролюбивъ, Радецкий тотчасъ же выступилъ и занялъ крѣпкое положеніе близъ Вероны.

«Между тѣмъ въ тылу у Радецкого поднялась Венеціанская область, и въ самой Венеціи была провозглашена республика. Все спасеніе Австрійской монархіи зависѣло отъ войска Радецкого. Карлъ-Альбертъ напалъ на него при Санта-Лучіи и былъ разбитъ. Радецкий пошелъ на Виченцу и въ одинъ день занялъ ее. Резервная армія, подъ предводительствомъ Пугента, покорила всю Венеціанскую область и приготовила путь для Радецкого. После преданности Бисмарка, оранжъ, произошла битва при Кустоцѣ, и сардинцы были вновь разбиты. Они бѣжали къ Ломбардіи и заключили перемиріе» (стр. 296).

Вотъ намъ и вся компанія 1848 г. Кто хоть немного знаетъ исторію похода Радецкого въ 1848 г., тотъ, конечно, не въ силахъ будетъ удержаться отъ смѣха, читая такое изложеніе. Это вѣдь все равно, какъ рассказать напр. войну 1812 г. такимъ образомъ:

«Наполеонъ пошелъ на Россію съ огромнымъ войскомъ. Вся надежда Россіи была возложена на ея храбрыхъ полководцевъ и на новую армію. Войска наши тотчасъ выступили и заняли стратегическую позицію у Смоленска. Наполеонъ напалъ на нихъ при Дорохѣ и былъ разбитъ. Вскорѣ онъ принужденъ былъ постыдно бѣжать изъ Москвы и, потерпѣвъ ужасныя пораженія при Тарутинѣ, Малоярославцѣ и Березинѣ, сдаться русскимъ Парижъ и отречься отъ французской короны.»

Если хотите, почти все это даже и правда (разумѣется, съ историческими натяжками); но можно ли такъ писать исторію?

А между тѣмъ въ такомъ именно смыслѣ пишется исторія г. Л. Лебедева, несмотря на то, что онъ не выходилъ, конечно, подъ исключительнымъ вліяніемъ іезуитовъ и австрійскихъ унтер-офицеровъ. Вотъ его общіе выводы о компаніи 1848 г. въ Италіи:

«Такъ кончилась четырехмѣсячная борьба безначалія съ порядкомъ и законностью (то есть Карла-Альберта съ Радецкимъ). Начавъ съ однихъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Радецкий умѣлъ своимъ собраніемъ и устройствомъ своей арміи, испытать ее въ дѣлѣ противъ непріятеля при Санта-Лучіи и, разгадавъ своего противника, умевшаго находившіяся въ тылу арміи, перешелъ къ решительному наступленію на два недѣли успѣлъ разбить и окончательно разгромить австрійскую армію; занялъ города, бывшіе начalomъ и средоточіемъ сопротивления и водрузилъ побѣдныя знамена императорскія, до чего достигъ Тоскана. Результаты удивительныя, если принять во вниманіе смутное, раздробленіе дѣлъ Австріи и незначительность силъ, которыя сдѣлались въ началѣ подъ рукою!» (стр. 225).

Сравните этотъ отрывокъ съ выписаннымъ выше отрывкомъ изъ Майлата, и вы увидите, что сущность возразовъ у обоихъ авто-

ровъ одинакова, только что русскій превосходитъ австрійскаго краснорѣчїемъ и ненавистью къ Италїи. Австрійскій авторъ не говоритъ прямо, что итальянцы *бунтовали* противъ Австріи; русскій, напротивъ, ясно выражаетъ это и во многихъ мѣстахъ книги развиваетъ съ особенною любовью. Не говоримъ о томъ, что г. Лебедевъ всадъ клеймилъ итальянскихъ воиновъ мятежниками, измѣнниками, крамольниками и пр.; замѣтимъ одно, — что самую мысль объ итальянской народности онъ считалъ преступною химерою, злонамѣренною фразою. Вотъ напр. одно мѣсто изъ его книги:

«*Крамola дѣйствовала тайно, подрывая самую главнѣйшую основанїя законной власти; свободное книгопечатаніе помогало распространенію идей о мнимой народности и необходимости національнаго единства, а между тѣмъ, для этого мнимаго единства, ни одно мелкое владѣніе не хотѣло пожертвовать частью своей личной независимости; «единство Италїи» было гремучею фразою, которую повторяли два корифея новѣйшей итальянской литературы, Джоберти и Апелло; праздная молодость съ мажорною долей эти фразы; національная гвардія, учрежденная въ Римѣ и Тосканѣмъ герцогами, была готовымъ орудїемъ для тѣхъ, которые, въ преступной, ребяческой необходимости, готовы были пожертвовать благосостояніемъ и спокойствїемъ мѣстныхъ — осуществленію своихъ мечтательныхъ и мнимыхъ целей» (стр. 6).*

«Такой исключительности нѣтъ даже у австрійскаго автора, который вообще гораздо искуснѣе скрываетъ свои заднія мысли. Дѣло итальянской независимости онъ тоже готовъ признать бунтомъ, заговоромъ; но онъ не осмѣлился высказать это съ тѣмъ безсовѣстнымъ цинизмомъ, на который даетъ право только совершенное отсутствіе живой мысли добросовѣстнаго знанія. Поэтому-то и въ упрекъ Карлу Альберту у Майлата замѣчено только, что онъ «еще незадолго передъ войною увѣрялъ въ своемъ миролюбіи.» У нашего историка дѣло представлено гораздо съ большею рѣзкостью. Въ одномъ мѣстѣ, описавъ сраженіе австрійцевъ съ сардинцами, г. Лебедевъ говоритъ: «таково было сраженіе, окончательно рѣшившее торжество *правого дѣла и порядка надъ измѣною и безначалїемъ*» (стр. 206) Очевидно, что Карлъ Альбертъ признается у г. Лебедева орудїемъ измѣны и не считается даже *начальникомъ* войны: иначе какое могло бы быть *безначаліе* въ предпрїятїи, которое имъ было руководимо? И дѣйствительно, г. Лебедевъ очень безцеремонно объявляетъ что «Карлъ Альбертъ пожертвовалъ спокойствїемъ своего государства, престоломъ и цѣлою арміею для *поддержанія дѣла нѣсколькихъ ломбардскихъ либераловъ*» (стр. 198). И такъ онъ стремился, самъ не зная куда, изъ угожденія нѣсколькимъ либераламъ и крамольникамъ (къ которымъ г. Лебедевъ причисляетъ даже ультра-католика и мо-

нархиста аббата Джіоберти), — и для нихъ-то жертвовалъ *армію и престоломъ!* «Какая непостижимая глупость можетъ, иногда обуть челоуѣка», — невольно подумаешь, прочитавъ такое объясненіе поступковъ Карла Альберта!

И вѣдь приведенный отзывъ вовсе не составляетъ какой нибудь обмолвки, фразы, сказанной для красоты слога. Нѣтъ г. Лебедевъ серьезно увѣрять, что *«большинство жителей Дармбурга было истинно предано австрійскому правительству и цѣлило его заботливостью о благосостояніи края; единство же Италіи было потребностью людей, которые прикрывали этимъ словомъ свои личные, болѣею частью своекорыстные расчеты.»* (стр. 84). Вслѣдствіе такого убѣжденія, г. Лебедевъ упрекаетъ австрійцевъ *«за излишнее довѣріе къ туземцамъ въ Италіи»* (стр. 79). По его мнѣнію, послѣдствіемъ довѣрчивости австрійцевъ *«была почти общая измѣна.»*

Вотъ какія мнѣнія печатаются у насъ объ Австріи учеными специалистами, а переводчикъ исторіи Майлата считаетъ безразличнымъ его мнѣніа для нашей публики! У насъ, говоритъ, печатаются въ газетахъ *«извѣстіа о разстрѣливаніи италійцевъ, не хотѣвшихъ сдѣлать въ хорватовъ.»* Такъ что же изъ этого? Спросите г. Лебедева, какъ онъ на это смотритъ; онъ вамъ скажетъ: *«разумѣется, какъ и справедливую казнь измѣнниковъ.»* Вотъ что напр. говоритъ онъ, восхваляя *«превосходный духъ офицеровъ австрійской арміи: «полкъ, армія — составляютъ отечество для австрійскихъ офицеровъ; будь онъ австріецъ, богемецъ, венгерецъ, кроатъ, полякъ или италіецъ, онъ прежде всего — солдатъ и вѣрный слуга своего государя и государства, а потому строгая добросовѣстность въ исполненіи обязанностей составляетъ отличительное его качество. Часто случается, что офицеръ, унтеръ-офицеръ, фельдфебель и ватимистръ — не знаютъ языка своихъ подчиненныхъ; но между ними устанавливается свой условный языкъ, а главное, простая нѣмецкая команда заставляетъ каждую дѣлать свое дѣло и дѣлать все въ порядокъ.»* (стр. 13). А если такъ, то почему же и не разстрѣливать другъ друга? Сдѣлайте простую нѣмецкую команду, каждый сдѣлаетъ свое дѣло, и порядокъ ни мало не будетъ нарушенъ...

По всей вѣроятности, переводчикъ Майлата не предполагаетъ, что между русскими учеными специалистами еще существуютъ подобныя мнѣнія: иначе онъ, конечно, не рѣшился бы давать имъ такую поддержку въ авторитетъ Майлата. Точно также онъ не знаетъ вѣроятно и того, до какой степени искажаются историческіе факты и въ нашихъ доморощенныхъ исторіяхъ: иначе не сталъ бы онъ такъ торопиться въ тѣхъ Посмотрите напр. книгу г. П. Лебедева хоть съ точки зрѣнія фактической вѣрности: вамъ болѣе и свѣдѣно сдѣлается.

Точно такъ, какъ у австрійскаго историка, — чуть не пропущенъ молчаніемъ успѣхи сардинцевъ въ первый періодъ войны; битва при Санта-Лучія расписана такъ, какъ будто она была для итальянцевъ чѣмъ-то въ родѣ березинской переправы Наполеона. Мало этого: говорится, что послѣ битвы при С.-Лучіи, у австрійцевъ «успѣхъ слѣдуетъ за успѣхомъ и вскорѣ истощенная и обезсиленная сардинская армія должна уже была сражаться не за побѣду, а за жизнь» (стр. 78). Сравните съ этимъ выписанное выше мѣсто, гдѣ говорится, что Радецкій *въ дѣль недѣли* отъ начала наступательныхъ дѣйствій разстроилъ сардинскую армію; выходитъ, что или Радецкій разстроилъ сардинцевъ въ двѣ недѣли послѣ битвы при С.-Лучіи, т. е. къ 20-му мая, или что онъ потомъ *разстроилъ уже разстроенную* армію... И то, и другое хорошо. Г. Лебедевъ, восхищаясь австрійскими успѣхами, забываетъ даже о томъ, что черезъ мѣсяцъ послѣ С. Лучіи, была битва при Гойто и взята была сардинцами Пескьера... Впрочемъ онъ дѣло при Гойто считаетъ *неръшительнымъ*, а Пескьеру ничтожной крѣпостцой! За то вступленіе австрійцевъ въ Миланъ 6-го августа рассказано съ энтузіазмомъ и доблести воиновъ Радецкаго отдана вполнѣ дань удивленія и восторга.

Не стали бы мы говорить о книгѣ г. Лебедева, но заблужденіе переводчика Майлата, будто бы у насъ въ публикѣ не вредны австрійскія нелѣпости, показалось намъ отчасти опаснымъ; для опроверженія же его мы не могли найти ничего лучше сочиненія г. Лебедева. Кстати же недавно о немъ была публикація у разныхъ книгопродавцевъ, какъ будто о новой книгѣ....

Основные законы воспитанія. Вкратцѣ изложилъ для семейства и школы *Н. А. Миллеръ-Красовскій*, кандидатъ С.-петербургскаго университета по факультету историко-филологическихъ наукъ, классный надзиратель при Гатчинскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Изданіе автора. Спб. 1859 г.

Мы хотимъ познакомить читателей съ воззрѣніями и логикой г. Миллеръ-Красовскаго, чтобъ они увидѣли, до какихъ позорныхъ нелѣпостей могутъ у насъ доводить люди, съ успѣхомъ кончившіе курсъ въ университетѣ.

Г. Миллеръ-Красовскій самъ себя на заглавномъ листѣ своей книги титуловалъ *кандидатомъ* университета; значитъ, онъ былъ въ своемъ курсѣ однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Онъ посту-

шилъ въ классныя надзиратели гатчинскаго института и 12 лѣтъ, какъ видно изъ книги, занимался дѣломъ воспитанія; слѣдовательно онъ не отвратился отъ науки и просвѣщенія для житейскихъ цѣлей, какъ дѣлаютъ многіе другіе, учащіеся въ университетѣ только *для правъ*, т. е. для чина. Мало того, онъ и свою воспитательскую обязанность исполнялъ не машинально, не изъ-за того только, чтобы имѣть средства жить какъ нибудь; нѣтъ — онъ размышлялъ о своемъ дѣлѣ, хотѣлъ осмыслить свое назначеніе, доходилъ до общихъ опредѣленій, наконецъ даже написалъ и издалъ сочиненіе объ основныхъ законахъ воспитанія. Можно бы, кажется, ожидать чего нибудь хорошаго....

А между тѣмъ посмотрите, что говоритъ онъ о предметѣ, которому посвятилъ себя спеціально, — о воспитаніи. Въ прошломъ году мы представляли читателямъ образецъ обскурантскихъ, молчалинскихъ понятій изъ диссертациі другаго г. Миллера, Ореста. Но диссертациа г. Ореста Миллера, несмотря на свою пошлую бездарность, была по крайней мѣрѣ написана довольно грамотно и не рѣшалась пускаться въ практическую сферу, довольствуясь восхваленіемъ молчалинскихъ добродѣтелей только въ теоріи. Г. Миллеръ-Красовскій, основываясь на собственной *двѣнадцатилѣтней* практикѣ, прямо преподаетъ воспитателямъ и юношамъ правила практической дѣятельности, увѣряя, что онъ основывается «на св. вѣрѣ и на самой жизни» (стр. 69). Даже въ газетной публикаціи о своей книгѣ, онъ прибавляетъ, что *педагогія краткая эта весьма важна и полезна, потому что изложена по опытности изъ русской жизни* (См. «Спб. Вѣдом.» № 118). Но несмотря на такую авторскую рекомендацію, какое дикое смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ понятій представляется въ его книгѣ! *Жизни* въ ней нѣтъ вовсе, и видно, что авторъ о жизни вовсе не заботился, сочиняя свои правила: такъ все въ нихъ мертво и формально. О *св. вѣрѣ* часто упоминаетъ г. Миллеръ-Красовскій; но и ея внушеніями онъ не пользуется такъ, какъ бы слѣдовало. У него встрѣчаются правила, имъ самимъ придуманныя и отличающіяся чрезвычайно мрачнымъ характеромъ. Мы, конечно, еслибы и хотѣли, то никакъ не могли бы упрекнуть автора за нѣкоторые мѣста, напр. за его общее понятіе о нѣмецкой и русской исторіи, выраженное имъ на стр. 5—6.

«Воспитаніе по дѣлу и по содержанію можетъ служить зеркаломъ исторіи каждаго народа. Нѣмцы, напр., воспитывали человѣка, развивая его индивидуальныя силы *не для государства*, а для всего человечества. Такое слишкомъ отвлеченное стремленіе теперь оказывается не практическимъ какъ въ единичномъ человѣкѣ, такъ и въ цѣлой Германіи, гдѣ при всѣхъ ея достоинствахъ, недостаетъ единства и сосре-

доочеловѣтитъ силъ. Сомнѣвъ другое мы видимъ въ Россіи. Вотъ та исторія русскаго народа постоянно развивалась изъ двухъ началъ, краснорѣчиво и сильно выразившихся въ минуты отечественной неволе. Это именно нашъ народный девизъ: «за Вѣру и за Царя.»

Такія разсужденія должно признавать вполне благонамѣренными, и мы нарочно ихъ выписали, чтобы съ самаго начала дать читателямъ понять, что г. Миллеръ-Красовскій, по своимъ основнымъ убѣжденіямъ, не принадлежитъ къ числу людей *неблагонамѣренныхъ*. Тоже самое должны мы сказать и о слѣдующемъ мѣстѣ, разсуждающемъ, хотя довольно безграмотно, о храненіи старинныхъ обычаевъ:

«Школьное знаніе отечественной исторіи всегда останется въ молодомъ человѣкѣ мертвымъ, оно не перейдетъ въ его кровь, если семейная дисциплина не заставила его благоговѣть предъ обычаями, нравами и дѣлами, — какъ семейныхъ, такъ и народныхъ предковъ. Тутъ мы понимаемъ не однихъ *гербовъ*, не *громкихъ торжественныхъ фирмъ*; нѣтъ, — и въ крестьянской избѣ отцы и дѣды должны служить *путеводительными точками* для молодаго поколѣнія. Отъ стариковъ оно должно учиться вѣрно служить Богу и Царю. Эта мысль—основа воспитанія» (стр. 21).

Благочестіе и кроткая благонамѣренность автора выражаются и въ слѣдующемъ мѣстѣ, возстающемъ противъ котораго мы также не смѣемъ:

«И мы говоримъ: воспитывайте естественно, да только въ той мѣрѣ, какъ оно согласно съ законами Св. Церкви и отечества. Дисциплина налагается на насъ свыше, и потому уже вѣрующій человѣкъ не разсуждаетъ, почему оно такъ и иначе. А если онъ сумѣетъ заглянуть въ человеческое сердце, такъ онъ дѣйствительно тамъ найдетъ много такого вреднаго и лишняго, что искоренимо одною строгою дисциплиною» (стр. 26).

Чувство патриотизма, котораго нельзя порицать, и смиренія, которому нельзя не удивляться, видно и въ слѣдующей замѣткѣ автора о наградахъ ученикамъ.

«Во Франціи педагогія громкими, щедрыми наградами развиваетъ самолюбіе до тщеславія; у насъ награда дѣйствительная, потому что освящена *смиренностію*, какъ Св. Церковь и требуетъ этого: она большею частію раздается благословляющею рукою духовной особы» (стр. 41).

Нельзя также не отдать справедливости чувству благочестія, которое согрѣваетъ г. Миллера-Красовскаго, приводя его въ слѣдующимъ положеніямъ, напечатаннымъ въ его книгѣ нарочно-крупнымъ шрифтомъ:

«1) Каждое крещенное дитя принадлежит Св. Церкви и потому занимает законное мѣсто между міромъ.

2) Каждое крещенное дитя растетъ подъ священнымъ дѣйствіемъ Святыхъ Таинствъ Крещенія, слѣдовательно оно имѣетъ полное право и на уваженіе міра» (стр. 43).

Если строки эти показались вамъ слишкомъ крупны, — вина не наша: таковы шрифтомъ почтены онѣ у самого автора.

Объясняя свои крупныя положенія шрифтомъ болѣе мелкимъ, г. Миллеръ-Красовскій прибавляетъ:

«Дитя есть Божіе достояніе, отказывать ему въ уваженіи христіанское благочестіе запрещаетъ. Родители разумѣйшимъ образомъ возбуждаютъ и развиваютъ это чувство, — если напр., день ангела, день рожденія дитяти всегда празднуются благодарственнымъ молебствіемъ, если дитя получаетъ подарокъ и другія маленькія преимущества. Подъ такимъ направленіемъ дитя пойметъ, что оно также имѣетъ значеніе, также принадлежитъ Церкви и любимъ Богомъ» (стр. 43).

Дѣлая честь благочестію автора, эти мысли совершенно согласны и съ общими его воззрѣніями, выражаемыми, напр., въ слѣдующихъ строкахъ:

«Законъ природы ужъ таковъ, что свѣту противорѣчитъ мракъ, теплотѣ — стужа, оазамъ — песчанныя, знойныя степи. Но Творецъ мудро устроилъ все. Поставивъ человѣческій разумъ для уравниванія и побороенія враждебныхъ физическихъ силъ, Онъ и человѣку также далъ возможность развитъ разумъ. Человѣкъ отъ Бога получилъ законъ, Его откровеніе и съ тѣмъ вѣрнѣйшее средство побороть собственные зародыши нравственнаго мрака, зноя и холода. Всемирная исторія ясно доказываетъ намъ, что тамъ, гдѣ человѣкъ отступалъ отъ закона, Господь и караго его въ той мѣрѣ, въ какой истина нарушалась» (стр. 44).

Но проводя въ своей книгѣ общія идеи, заимствованныя, по выраженію автора, «изъ русской жизни и вѣры», г. Миллеръ-Красовскій доходитъ до крайностей столь нелѣпыхъ, что трудно повѣрить, чтобы дошелъ до нихъ человѣкъ, съ успѣхомъ кончившій курсъ наукъ въ университетѣ. Онъ постоянно вооружается на нмцесъ (г. Миллеръ-Красовскій!), говоря, что они омрачены Русскими плеселами (стр. 45) и филантропическими тенденціями, и вслѣдствіе того — толкуютъ учащимся про нмц права. Это выдѣляется еще въ большое преступленіе г. Миллеромъ-Красовскимъ, который самъ

собственные воззрѣнія развиваетъ вотъ въ какой послѣдовательности:

«Но если же воспитатель долженъ довести питомца, — будущаго гражданина, — до сознанія, что права человѣка преимущественно измѣряются исполненіемъ гражданскихъ обязанностей; и если всякая гражданская обязанность есть ничто иное, какъ безусловное подчиненіе нашей индивидуальной воли правительству и отечественнымъ законамъ; то само собою разумѣется, послушаніе, требуемое воспитателемъ отъ питомца, будетъ основою и гражданского послушанія. Самоограниченіе и самоотверженіе главнѣйшіе дѣйствители въ воспитаніи: они вырабатываютъ въ молодой душѣ способность подчиняться общенароднымъ цѣлямъ. Этимъ же подчиненіемъ подъ общее мы и въ свою очередь пользуемся общими нравственными, умственными силами и общимъ покровительствомъ, т. е. благостію церкви и государства» (стр. 8).

Сколько можно понять изъ неграмотнаго изложенія, авторъ хочетъ сказать, что человѣка нужно воспитывать единственно для государства. Иначе сказать—нужно подавлять въ немъ личную волю, съ малолѣтства заглушать всякое сознаніе своихъ правъ (кромѣ только приведенныхъ выше празднованій, дня ангела, рожденія, и проч.) и цѣлью всего воспитанія поставить дисциплину и субординацію. Такъ именно и полагаетъ г. Миллеръ-Красовскій. Въ концѣ книги, сводя къ одному результату всѣ своей положенія, онъ ставитъ четвертымъ основнымъ положеніемъ слѣдующее:

«Воспитаніе и образованіе, по формѣ и содержанію, ничто другое, какъ одно поименованіе» (стр. 69).

Даже родительской и дѣтской любви онъ не оставляетъ мѣста въ воспитаніи, безъ дисциплины. Съ цинической грубостію, съ самымъ варварскимъ неуваженіемъ къ лучшимъ чувствамъ человѣческой природы, г. Миллеръ-Красовскій говоритъ (стр. 27):

«Мы не станемъ болѣе доказывать, что одна дисциплина прочтѣть родителямъ дѣтскую любовь; смыслъ ея лучше всего выраженъ непереложною педагогическою истиною:

Новинуясь, дѣти учатся любить (но не на оборотъ.)

Мало этого, г. Миллеръ-Красовскій считаетъ вреднымъ даже то, когда дѣтямъ объясняютъ, почему они должны сдѣлать то или другое. **Не разсуждай, а помолни!** ~~сгройными~~ бунтами напечатано на 33 стр. его книги. И этому изреченію предшествуетъ слѣдующее разсужденіе:

«Мы часто замѣчаемъ, что родители облегчаютъ дѣтямъ повиновеніе, убѣждая ихъ въ воспитательской какой либо необходимости причинами и доводами. Это, въ сущности, тоже самое, что освобожденіе отъ всякаго повиновенія; потому что убѣжденное дитя ужь болѣе не слушается родителей, а причинъ, резоновъ и такимъ образомъ только привыкаетъ резонировать.... Слабая мать, слабый воспитатель, поясняющіе дѣтямъ свои требованія резонами и причинами, только снисходятъ на степень покорныхъ слугъ предъ дѣтьми; за то послѣднія нерѣдко и дѣлаются маленькими деспотами. Нельзя вообще допускать, ни подъ какимъ видомъ, идею равенства между воспитывающимъ и воспитанникомъ; оно не согласно съ заповѣдью. Мы однако сами часто доводимъ ребенка до грѣха именно тѣмъ, что возбуждаемъ нашими вѣчными резонами въ немъ охоту возражать. Дитя, привыкшее къ возраженіямъ, мало по малу усвоиваетъ себѣ право переговоровъ. А что же возраженія, переговоры, какъ не идея равенства! —

Положимъ, убѣжденное дитя дѣйствительно и покорилось необходимости, такъ оно сдѣлало это ужь не повиновясь высшей воли, — оно покорилось собственной, самоудной силѣ сознанія (какъ это печально!) При такомъ направленіи дѣти не только легко лишаются необходимаго, благоговѣйнаго чувства къ воспитателю; они и всю жизнь страдаютъ.... Если мы признаемъ истину, что привычка много значитъ и что человѣкъ всегда и постепенно доходитъ отъ малаго до великаго, то явное воспитаніе и не допустить резоновъ у дѣтей. Оно непремѣнно установить для себя воспитываемыхъ, безъ разбора возраста и сословія, — разумное правило:

Не разсуждай, а исполняй.»

Какъ видите, г. Миллеръ-Красовскій вовсе не хочетъ, чтобы дѣти слушались резоновъ. Нѣтъ, пусть ихъ слушаются чужихъ приказовъ, не смѣя и подумать о томъ, разумны или нѣтъ эти приказы. Повиновеніе, дисциплина — вотъ основа и цѣль воспитанія. А добиться повиновенія можно не приученіемъ дѣтей къ разумному согласію съ волею воспитателя, къ внутреннему одобренію его требованій, а просто наградами и наказаніями. Награды (т. е. вѣдѣнное одобреніе, знаки отличія и т. п.) г. Миллеръ-Красовскій признаетъ необходимымъ и единственнымъ стимуломъ всякой дѣятельности человѣческой. Онъ говоритъ:

«Карамзины, Пушкины, всѣ, кто только не (т. е. не) записанъ въ (т. е. не) золотыхъ скрижаляхъ исторіи, навѣрно не возвеличили бы своими дарами человѣческаго достоинства, если бы имъ съ молодости твердили: ты работай, трудись, — но награды не жди! (Какой же награды? Мысли автора объ этомъ отчасти объясняется слѣдующимъ, тутъ же приводимымъ у него примѣромъ). И гениальный Суворовъ, послѣ безсмертныхъ подвиговъ русскаго оружія въ Италіи, писалъ еще

изъ Италіи нашему посланнику при лондонскомъ дворѣ: «пришлите мнѣ подвазожъ» (стр. 38).

Страсть получать знаки отличія и всякія награды очень похвальна съ точки зрѣнія г. Миллеръ-Красовскаго, который высочайшую степень достоинства человѣка поставляетъ въ смирренности. Къ приобрѣтенію смирренности долженъ, по его мнѣнію, каждый человѣкъ стремиться, какъ къ идеалу человѣческаго совершенства. Съ одушевленіемъ говоритъ онъ на этотъ счетъ: «легко можетъ быть, что иной яркій лучъ, иной прекрасный цвѣтокъ въ нашей литературѣ рано померкъ, рано увялъ отъ горделивой воли, отъ недостатка въ благочестивой смирренности. Такъ, напримѣръ, въ произведеніяхъ Лермонтова, любимомъ поэтѣ молодежи, мы находимъ естественную силу и красоту, отголоски величественной кавказской природы; но за то весьма рѣдко встрѣчаемъ въ нихъ нравственную силу — смирренность.» (стр. 16). Безъ смирренности же человѣкъ погибъ, по мнѣнію г. Миллеръ-Красовскаго; отъ недостатка смирренности и вслѣдствіе «плевея филантропизма», германскій народъ много бѣдствовалъ, и «мудрено ли послѣ этого, если Наполеонъ двумя ударами, при Іенѣ и Ауерштедтѣ, покори́лъ Пруссію?» (стр. 23). Опасаясь, какъ видно, чтобы и Россію не постигла столь же печальная участь, г. Миллеръ-Красовскій очень подробно толкуетъ о разныхъ наказаніяхъ, посредствомъ которыхъ можно произвести въ дѣтяхъ смирренность и отучить ихъ отъ всякой претензіи на какія нибудь права. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Миллеръ-Красовскій очень одобряетъ розгу; но въ ней онъ видитъ и нѣкоторыя неудобства, состоящія въ томъ, что процессъ сѣчанія беретъ много времени. Противъ карцера г. Миллеръ-Красовскій возстаетъ рѣшительно, находя, что онъ не убьетъ, а скорѣе «укрѣпитъ молодую грѣшную волю».

«Въ школѣ еще карцеръ играетъ важную роль: оно по мнѣнію многихъ педагоговъ потому полезно, что молодой грѣшникъ можетъ на досугѣ удобно обдумать свою вину. Мы же держимся совсѣмъ другаго мнѣнія: наша *двѣнадцатилѣтняя практика* говоритъ намъ, что продолжительное наказаніе большею частію не только бесполезно, оно даже способствуетъ зачерствѣнію и ослѣпленію молодой натуры. *Быстро, моментное дѣйствіе же воспитателя всегда больше потрясетъ, чѣмъ систематически задуманные пріемы и способы.* Наша главная задача единственно состоитъ въ томъ, чтобы *предать смерти молодую грѣшную волю*, а не давать ей на досугѣ, во время дѣлающагося наказанія, укрѣпляться. Это, какъ уже сказано, достигается одною быстротою, основательнымъ, сильнымъ моментнымъ потрясеніемъ» (стр. 50).

Что же разумѣетъ авторъ подъ *сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ*, пользу котораго доказала ему *двѣнадцатилѣтняя практика*? Не розгу, читатель, не розгу: она кажется все еще не довольно сильнымъ и быстрымъ средствомъ. *Двѣнадцатилѣтняя практика* убѣдила г. Миллеръ-Красовскаго въ пользѣ другаго, болѣе *дѣйствительнаго* способа наказанія, именно — *пощечины*! Въ доказательство благотворности пощечины, или, точнѣе, *трехъ пощечинъ*, г. Миллеръ-Красовскій рассказываетъ даже *быль*, которую мы представляемъ читателямъ во всей ея первобытной красотѣ, не омрачаеи ни однимъ замѣчаніемъ.... По нашему мнѣнію, всякая прибавка, всякій знакъ вопроса много бы отняли у этого неподражаемаго разсказа, способнаго возмутить самаго невзыскательнаго человѣка, даже выросшаго въ строгихъ правилахъ старинной бурсы или бышняго кантоцистскаго положенія. Вотъ разсказъ г. Миллеръ-Красовскаго, въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ его книжкѣ, на стр. 53—55.

БЫЛЬ.

Въ семьѣ отецъ и мать часто давали дѣтямъ своею неладящею *соблазнительными* примѣры. Не то, чтобы старики вѣчно ссорились; этого не было. Но отецъ, бывало, придетъ домой изъ должности и начнетъ ворчать на дѣтей и на жену; то не хорошо, третье, десятое. Дѣти, разумеется, привыкли бояться вѣчно недовольнаго отца и мало по малу потеряли любовь къ нему, ласкали одну свою вѣжливую, добрую мать. Рѣдкій день не проходилъ безъ отцовскаго наказанія; а дѣти какъ были *лѣнивыми*, *задорными*, такъ и оставались. Когда отецъ умеръ, для матери ужъ трудно было мудро и твердо править своимъ царствомъ. Одинъ изъ мальчиковъ въ особенности много озабочивалъ ее, два года въ классѣ сидѣлъ и все не зналъ таблицы умноженія. Тутъ надобно было поручить его опытному человѣку, что и сдѣлали. Учитель слегка началъ свое дѣло, приходилъ въ домъ только на два часа, былъ добръ, мягокъ, ласковъ, какъ слѣдуетъ; потому мальчикъ скоро привыкъ къ порядку, хорошо занимался. Но увы! черезъ мѣсяць старинное упрямство опять появилось: сыночекъ по прежнему не слушается матери, спитъ сколько угодно, на каждое замѣчаніе возражаетъ матери, просто, не бонится. Эта комедія продолжалась недѣлю; мать не хотѣла жаловаться учителю, надѣясь, что ея наставленія вразумятъ упряма. Однажды учитель *приходитъ на урокъ въ 10 часовъ утра и застаётъ все семейство еще за кофеемъ, кромѣ Пети. Мать посылаетъ за Петей, — Петья не идетъ, не хочетъ коффея. Учитель самъ наконецъ требуетъ чрезъ меньшаго брата Пети къ столу, ему приносятъ отвѣтъ, что Петья не идетъ и баста. Все замолкло, — мать и дѣти покраснѣли, — учителю также не*

ловко стало. Как тут быть?—Случай необычайный, а между тем и дал друзьям дурной пример. Учитель хотя не хотя отправляется в камнату Пети, все надеясь еще, что мальчик сконфузится, покорится ему. Не тут-то было. «За чѣмъ ты къ кофѣю не дѣлся?» «Я, я не хочу!» «Какъ ты не хочешь?—вотъ тебя!»—Петя съ такою быстротою получилъ три пощечины, что совсѣмъ растерялся, заплакалъ и давай просить у матери прощенья. Нужно замѣтить, что онъ прежде не умѣлъ каяться. Покоренный вить весь день плакалъ, хныкалъ; но дѣло было кончено. Петя позналъ, что вдаваться въ новую борьбу съ ласковымъ наставникомъ ему не по силамъ и пошелъ себѣ хорошо, сталъ любезнымъ, прилежнымъ воспитанникомъ, нѣжно-любимымъ сыномъ. Если бы же употребляли розгу, что беретъ больше времени, чѣмъ скорая, **осторожная** пощечина; то мальчикъ 12 лѣтъ имѣлъ бы время собраться духомъ, вынесъ бы казнь и остался бы упрямымъ. Прежніе частые отцовскіе побои вбили въ Петю упрямство; благоразумный, безпристрастный наставникъ же основательно вылечилъ Петю тремя пощечинами. Кто усомнится или упрекнетъ насъ, что этотъ разсказъ не былъ, а выдумка, тотъ навѣрно не заглядывалъ въ жизнь, тотъ силенъ одними кабинетскими теоріями. Мы повторяемъ: личность воспитателя много значить; она то и рѣшаетъ самыя трудныя проблемы педагогіи.»

Прочитавъ эту быль, припомните, что авторъ самъ — классный надзиратель въ одномъ изъ нашихъ учебныхъ заведеній, припомните его слова, что убѣжденіе относительно моментнаго дѣйствія «сложилось въ немъ такъ твердо и непоколебимо вслѣдствіе *двѣнадцатилѣтней практики*», припомните, что онъ принимаетъ правило: *не разсуждай, а исполняй*, и требуетъ безусловнаго повиновенія своей волѣ, признавая, что успѣхъ воспитанія зависитъ отъ личности воспитателя, употребляющаго сильныя моментныя дѣйствія, — припомните все это и пожалѣйте, вмѣстѣ съ нами, объ участи несчастныхъ дѣтей, которыхъ злая судьба бросаетъ въ руки такого воспитателя. Что можетъ быть жалче и безотраднѣе ихъ положенія? Отъ нихъ требуютъ повиновенія; но повиноваться воспитателю по любви къ нему — г. Миллеръ-Красовскій считаетъ вреднымъ, повиноваться по убѣжденію въ разумности приказанія — тоже считается опаснымъ; представлять возраженія, обнаруживать самостоятельность воли, — это ужъ такое преступленіе, за которое г. Миллеръ-Красовскій караетъ дѣтей «сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ». Бѣдныя, жалкія дѣти! Что-то выйдетъ изъ васъ, когда къ вамъ прилагается постоянно такая система воспитанія!

А между тѣмъ г. Миллеръ-Красовскій — кандидатъ университета по факультету историко-филологическихъ наукъ; свой образъ дѣйствій употребляетъ онъ сознательно и обдуманно; въ «двѣнадцати-

лѣтней практикѣ по моментнымъ, потрясающимъ дѣйствіямъ» онъ не боится признаться нечестно, и даже попрекаетъ *кабинетскими теоріями* людей, которые не захотятъ согласиться съ нимъ въ благоговѣнности пощечины или *трехъ пощечинъ!* Что же послѣ этого дѣлается въ тѣхъ темныхъ уголкахъ, тѣми темными личностями, которыя о себѣ не печатаютъ?!

Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ «Описаніе сельскаго духовенства». Спб. 1859 г.

«Что это за книга «Описаніе сельскаго духовенства?» спроситъ читатель. И почему указываемъ мы на «Мысли» объ этой книгѣ, а не говоримъ ничего о ней самой? Не гораздо ли полезнѣе было бы разобрать самое сочиненіе, имѣющее своимъ предметомъ столь важный и любопытный вопросъ, какъ положеніе сельскаго духовенства, — нежели заниматься «Мыслями Свѣтскаго Человѣка» о такомъ сочиненіи, которое еще неизвѣстно для публики и котораго никто изъ читателей нашихъ, вѣроятно, даже не видалъ?

Мы признаемъ законность этихъ вопросовъ и недоумѣній читателя, и спѣшимъ разрѣшить ихъ, насколько сами знаемъ дѣло, о которомъ должны теперь говорить. Дѣло въ томъ, что книги: «Описаніе сельскаго духовенства» мы сами не читали и не видали, а получили понятіе о ней только изъ брошюры, заглавіе которой выписали выше. Изъ брошюры этой оказывается, что «Описаніе сельскаго духовенства» напечатано на русскомъ языкѣ за границей, что оно неблагонамѣренно и содержитъ въ себѣ многія хулы на духовенство. Не прочитавши книги, подвергшейся такому осужденію въ разсматриваемой нами брошюрѣ, мы, разумѣется, не можемъ судить, справедливы или нѣтъ мысли Свѣтскаго Человѣка о книгѣ «Описаніе сельскаго духовенства». Одно только можемъ замѣтить съ своей стороны: мысли эти намъ кажутся совершенно излѣпленными и даже производятъ на насъ впечатлѣніе неблагопріятное. Изданіе ихъ доказываетъ, что авторъ придавалъ значеніе книгѣ, вышедшей за границу о сельскомъ духовенствѣ, и считалъ нужнымъ опровергать ее. А между тѣмъ въ самомъ разборѣ неоднократно повторено, что книга не стоитъ опроверженія!... Да если бы и стоила, то для кого писать опроверженіе? Неужели авторъ думаетъ, что у насъ можетъ разойтись и имѣть вредное вліяніе такая книга, которая не находится въ продажѣ? Это значитъ слишкомъ мало имѣть довѣрія

къ благонамѣренности и честности русской публики. У насъ мало читають (а если и читають, такъ не слушаютъ) и то, что печатается въ Россіи и продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ: станутъ ли читать то, что напечатано за границей? Рѣшительно напрасно трудился свѣтскій человѣкъ, — тѣмъ болѣе напрасно, что о значеніи его собственной брошюрки нельзя составить себѣ никакого опредѣленнаго мнѣнія, не имѣя подъ руками самаго «Описанія сельскаго духовенства».

Но между тѣмъ Свѣтскій Человѣкъ возбуждаетъ наше любопытство на счетъ «Описанія сельскаго духовенства». Онъ говоритъ, что *«книга сія уже переведена на французскій и нѣмецкій языки»* (стр. 4), что она *«принята и читаема высшимъ обществомъ»* (стр. 7), что *«на нее даже указываютъ въ наставленіи архипастыремъ»* (стр. 6). Чѣмъ она заслужила такое исключительное вниманіе общества, даже *высшаго*? Можетъ быть, въ ней есть новыя свѣдѣнія, яркія картины, интересные факты, свѣтлыя соображенія, — несмотря на жолчность или даже фальшивость общаго направленія? Можетъ быть, она способна возбудить въ обществѣ участіе къ положенію нашего сельскаго духовенства? Можетъ быть, она содержитъ новыя планы полезныхъ преобразованій? Ничего этого мы не видимъ изъ «Мыслей». Авторъ «Мыслей» возстаетъ только противъ тона книги и приводитъ отрывочныя выписки въ двѣ или три строчки, — что изъ нихъ можно понять? Напр. Свѣтскій Человѣкъ говоритъ (стр. 6):

«Распространяясь о томъ, на что тратятъ духовныя власти свои доходы, заносчивый писатель доходитъ даже до неприличія, позволяя себѣ такіе намеки, которые нигдѣ не могутъ быть терпимы. Совѣстно повторять и то, что говоритъ онъ объ обращеніи архіереевъ со священниками, называя ихъ *сатрапами* въ рясахъ и возводя на ихъ голову всѣ возможныя нечѣпости: будто они смотрятъ на іереевъ, какъ на собакъ нечистыхъ, и пр. Послѣ такихъ выраженій неужели еще можно вѣрить автору, будто архіереи внушаютъ мірянамъ: «мы уже почти совсѣмъ растоптали поповъ, топчите кстати и вы: все ослы и большаго не заслуживаютъ», и къ этому присовокупляетъ: «на это способны только смиренныя архипастыри Православной Руси». Какое хульное кощунство надъ всею церковью, надъ всею православною Русью! Книга падаетъ изъ рукъ.»

Все это можетъ быть вполнѣ справедливо; но можетъ быть и то, что всѣ оразы, приводимыя Свѣтскимъ Человѣкомъ, имѣютъ

въ книгѣ и не совсѣмъ тотъ смыслъ, какой имъ придается въ «Мысляхъ». Не зная самей книги, трудно судить рѣшительно.

Впрочемъ, и съ самыми замѣчаніями Свѣтскаго Человѣка не всегда можно согласиться. Напр. онъ возстаетъ противъ желанія автора книги о сельскомъ духовенствѣ, чтобы священникъ былъ вмѣстѣ и медикомъ. Кому неизвѣстно, какъ страдаютъ наши простолюдины отъ недостатка знающихъ врачей въ селеніяхъ, какими обманамъ, убыткамъ и существенному вреду для здоровья подвергаются они отъ шарлатанства знахарей, ворожей и т. п.? Кто не знаетъ, что во многихъ мѣстахъ крестьяне еще выказываютъ недо-вѣріе ко всякому совѣту врача, считая его наводненіемъ нечистой силы? Самымъ лучшимъ средствомъ для устраненія всего этого могло бы быть дѣйствительно соединеніе въ лицѣ священника духовнаго авторитета съ знаніями медицинскими. Но Свѣтскій Человѣкъ, знающій, какъ видно, отчасти букву Писанія, но не углублявшійся въ духъ его, считаетъ медицинскія занятія неприличными священнику. Въ этомъ странномъ мнѣніи онъ опирается во-первыхъ на то, что Господь исцѣлялъ больныхъ не медицинскими пособіями, что Апостолы, по Его Божественному распоряженію, какъ сами *мазали масломъ многи недужныя и исцѣляху*, такъ и пастырямъ церкви заповѣдали врачевать больныхъ не медицинскими пособіями, а таинствомъ Елеосвященія» (стр. 13). Неужели, по здравому разуму писанія, приведенныя Свѣтскимъ Человѣкомъ слова могутъ свидѣтельствовать противъ употребленія медицинскихъ пособій?

Второе основаніе, принимаемое Свѣтскимъ Человѣкомъ противъ медицины, состоитъ въ томъ, что «какъ же священникъ приступитъ къ совершенію Святыхъ Таинъ послѣ ухода за больными, особенно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ многіе заражены *ужасными недугомъ, заносимымъ изъ столицы*» (стр. 15). Но, какъ бы ни былъ нечистъ недугъ, неужели онъ оскверняетъ врача, прикасающагося къ больному? Свѣтскій Человѣкъ забылъ притчу о благодѣтельномъ самарянинѣ, забылъ заповѣдь Христову о посѣщеніи больныхъ, забылъ, что достоинство священнослужителя, по духу вѣры христіанской, состоитъ не во внѣшней опрятности, а въ чистотѣ сердца, въ любви къ ближнему, въ правдѣ и самоотверженіи. Въ замѣчаніи, что уходъ за больными (хотя бы и злокачественною болѣзнію) можетъ препятствовать священнику въ совершеніи послѣ того Святыхъ Таинъ, слишкомъ рѣзко обнаруживается «свѣтскій чело-

вѣкъ», понимающій только виѣшнюю сторону обрядовъ, но не внимавшій въ существенный смыслъ и духъ Христова ученія.

Послѣ этого странно намъ кажется, что Свѣтскій Человѣкъ, столь чуждый, какъ видно, духовнымъ занятіямъ, *первый и одинъ* принялъ на себя обязанность опровергать автора, который не только не можетъ защищаться, но даже не можетъ быть безпристрастно судимъ читателями «Мыслей», потому что онъ и его книга никому у насъ неизвѣстны. Еще страннѣе показался намъ тонъ, принятый Свѣтскимъ Человѣкомъ. Каждая страница брошюры переполнена бранью. Свѣтскій Человѣкъ говоритъ: «заносчивый писатель», «хульное кощунство автора», «завистливый характеръ автора» (стр. 6), «всѣ возможные ругательства, разсыпанные въ книгѣ», «авторъ кощунствуетъ», «выражается неприличнымъ образомъ» (стр. 7); «дикая сія картина могла осуществиться только въ разгоряченномъ воображеніи автора»; «все это преувеличено и написано съ вѣтра» (стр. 11) и пр. И все это безъ всякихъ доказательствъ, безъ всякой заботы о подтвержденіи фактами своихъ собственныхъ мнѣній и подробными выписками — своихъ строгихъ осужденій книгѣ неизвѣстнаго автора. Въ заключеніе Свѣтскій Человѣкъ говоритъ: «тяжкая падаетъ отвѣтственность за эти хулы предъ Богомъ и людьми на дерзнувшаго поднять столь святотатно руку свою на *Святую Церковь!*» (стр. 16). Мы были поражены такимъ заключеніемъ и еще разъ перечитали всѣ выписки, приводимыя въ брошюрѣ Свѣтскаго Человѣка изъ «Описанія сельскаго духовенства»: ни одна изъ этихъ выписокъ (даже въ томъ отрывочномъ видѣ, какъ представлена Свѣтскимъ Человѣкомъ) не заключаетъ въ себѣ ни *малѣйшей хулы на Св. Церковь*. Самое сильное мѣсто, отмѣченное въ брошюрѣ съ особымъ негодованіемъ, состоитъ въ слѣдующемъ: «авторъ кощунствуетъ (говоритъ Свѣтскій Человѣкъ) не только о своихъ настыряхъ, но и о самой литургіи, говоря, что сельскому священнику невыносимый трудъ служить литургію въ праздникъ; лучше бы онъ обмолотилъ два овина, чѣмъ отслужилъ обѣдню» (стр. 7). Признаемся, изъ этой отрывочной цитаты, приведенной безъ всякой связи и смысла, мы ничего не можемъ заключить: можетъ быть, она и содержитъ въ себѣ нѣчто непристойное, а можетъ быть, въ общей связи рѣчи, она и совершенно невинна.

Мы говоримъ все это не съ тѣмъ, чтобы оправдывать книгу, которой мы не знаемъ и о которой слѣдовательно судить не можемъ. Мы хотимъ показать только одно: какой дурной оборотъ для самаго дѣла можетъ произойти оттого, когда его начинаютъ защищать человѣкъ малосвѣдущій.

Благое намѣреніе можетъ осуществиться не вполне хорошо, если силы человѣка слабы для его выполненія; но оно можетъ получить совершенно превратный смыслъ и характеръ, когда при выполненіи его человѣкъ водится личной раздражительностью, поверхностнымъ пониманіемъ дѣла и разными исключительными пристрастіями. Последнее совершилось и съ «Мыслями Свѣтскаго Человѣка». Въ чемъ могло состоять намѣреніе автора, начавшаго опровергать «Описаніе сельскаго духовенства»? Въ томъ, конечно, чтобы возстановить истинныя понятія о бытѣ и свойствахъ русскаго духовенства, искаженныя неизвѣстнымъ авторомъ «Описанія сельскаго духовенства». Но чѣмъ руководился Свѣтскій Человѣкъ въ своей брошюрѣ? Чувствомъ раздраженія, которое онъ ничѣмъ не умѣлъ оправдать. Въ началѣ своей брошюры онъ показалъ даже такое настроеніе, которое вообще неизвинительно для образованнаго человѣка современнаго общества. Свѣтскій Человѣкъ начинаетъ свои «Мысли» *оплишкию противъ гласности!* Онъ говоритъ: «къ сожалѣнію, свобода языка, внезапно разрышившись, *называемая теперь гласностью, болѣею частию* увлекаетъ оглашающихъ такъ далеко, что они забѣгаютъ за предѣлы истины и почти *всегда представляютъ дѣло въ превратномъ видѣ*, и такимъ образомъ пишутъ, вмѣсто портретовъ, каррикатуры и, разумѣется, не достигаютъ своей цѣли». Намъ кажется, что нашу гласность можно упрекать скорѣе въ скрытности и уменьшеніи многого, ею заявляемаго, нежели въ увеличеніяхъ и искаженіяхъ? Говорить, что наша гласность почти *всегда* представляетъ дѣло въ превратномъ видѣ, значитъ — говорить *неправду*, и мы смѣло объявляемъ эти слова Свѣтскаго Человѣка *несправедливыми*. Мы вызываемъ его доказать ихъ фактами; но совершенно убѣждены въ томъ, что онъ не въ состояніи этого сдѣлать.

«Мысли Свѣтскаго Человѣка» представляютъ, кажется, первый опытъ русскаго опроверженія на русскую же книгу, напечатанную за границей. Множество русскіхъ книгъ, доселѣ изданныхъ, какъ говорятъ, за границей, не встрѣчало пока никакого печатнаго отзыва въ Россіи. Жаль, что этотъ первый опытъ оказался такъ мало удовлетворительнымъ. Но мы надѣмся, что дѣло на этомъ не остановится. Пусть не «свѣтскіе люди», а сами духовные, пусть, если возможно, сами сельскіе священнослужители произнесутъ свой судъ надъ «Описаніемъ сельскаго духовенства», съ подобающею имъ кротостью и безпристрастіемъ, а не съ раздражительностью и бранью «свѣтскаго человѣка». Вопросъ о положеніи и значеніи духовенства въ Россіи слишкомъ важенъ, и его никакъ нельзя оставлять безъ вниманія.

Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой, которая получила исцѣленіе предъ чудотворною иконою Святителя Христова Николая, въ селѣ Колпинѣ, 26-го сент. 1858. Составилъ *Иванъ Рклицкій*, Императорской С.-петербургской Медикохирургической Академіи заслуженный профессоръ и академикъ, докторъ медицины и хирургіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Изда-но въ пользу Колпинскаго храма. Спб. 1859.

Наше время и нашу столицу въ особенности упрекаютъ въ невѣ-рин; говорятъ, что нынѣ не совершается чудесъ или что мы не при-знаемъ ихъ. Особенно нападаютъ на медиковъ и натуралистовъ, какъ на людей потерявшихъ вѣру въ чудесное. Въ примѣненіи къ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ и случаямъ, упреки эти могутъ быть справедливы; но, говоря вообще, они совершенно неосновательны. «Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой, которая получила исцѣленіе предъ чудотворною иконою Святителя Христова Николая, въ селѣ Колпинѣ. 26 сент. 1858 г., составленное докторомъ и академикомъ Рклицкимъ», — служить очевиднымъ доказательствомъ того, что вѣра въ чудеса и нынѣ распространена—не только въ простомъ на-родѣ (всегда отличающемся своей религіозностью), но и въ людяхъ образованныхъ и посвященныхъ наукою въ таинства природы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательно то, что собы-тіе, совершившееся съ г-жею Артамоновою, подтверждено *плтью* учеными врачами, которыхъ имена приведены на послѣдней стра-ницѣ «Описанія». Вотъ эти имена (стр. 22):

Высочайшаго Двора лейбъ-хирургъ, дѣйств. ст. совѣтникъ *П. Нарановичъ*;

Дѣйств. ст. совѣтникъ, академикъ и заслуженный профессоръ *И. Рклицкій*;

Врачъ училища ордена св. Екатерины, коллежскій ассесоръ *Ала-бушевъ*;

Лейбъ-медикъ, тайный совѣтникъ *Н. Арендтъ*;

Профессоръ *В. Эккъ*.

Два послѣднія имени особенно замѣчательны: имена эти обнару-живаютъ неправославное происхожденіе, а извѣстно, что въ люте-ранской церкви ни ходатайство святыхъ предъ Господомъ за грѣш-никовъ, ни самыя чудотворныя и оны—не признаются; тѣмъ болѣе силы должно имѣть для насъ свидѣтельство такихъ лицъ о чудѣ, совершившемся предъ православною чудотворною иконою, и при-

томъ въ столь недавнее время, на такомъ близкомъ разстояніи отъ столицы.

Сущность событія, рассказаннаго г. академикомъ и заслуженнымъ профессоромъ Рклицкимъ, состоитъ въ томъ, что г-жа Артамонова, молодая женщина купеческаго званія, съ дѣтства часто страдавшая нервными болѣзнями, подверглась наконецъ ужаснѣйшимъ припадкамъ, отъ которыхъ ничто не могло ее избавить. Ей лавали хлороформъ, кодеинъ, по одному и болѣе грану въ ночь, мускусъ, отъ 5 до 30 грановъ въ одинъ приемъ; но всѣ эти средства не помогли, а напротивъ того усилили нервное разстройство и довели умственное состояніе больной до того, что она рѣшилась обратиться къ животному магнетизму. Ее магнетизировали гг. Бергъ и князь А. Долгоруковъ, и, разумѣется, напрасно. Припадки стали возобновляться съ больною по 16 разъ въ сутки, сопровождаясь судорогами, столбнякомъ и корчами, такъ что четыре челоуѣка не могли удерживать больную въ спокойномъ положеніи. 6-го декабря 1857 г., принявъ, послѣ самаго отчаяннаго припадка, одинъ гранъ кодеина, больная во время обѣдни заснула и видѣла свое первое видѣніе: св. Николай Чудотворецъ явился ей въ видѣ старца, въ одеждѣ послушника, и велѣлъ сдѣлать разныя приношенія, или жертвы: Николаю Угоднику и Успенію Божіей Матери пелену, Варварѣ Великомученицѣ ленту, Ангелу Хранителю свѣчи, и всѣ эти иконы поднять къ себѣ въ домъ и отслужить молебенъ съ водосвятиемъ (стр. 9). Кромѣ того, старецъ сказалъ, что она «будетъ лежать въ большемъ разслабленіи, но не должна роптать на Бога» (стр. 10). Дѣйствительно, съ этого времени больная впала въ совершенное изнеможеніе и не могла принимать ни пищи, ни даже лѣкарства, кромѣ миндальнаго молока, и то въ маломъ количествѣ. Въ отчаяніи, видя, что всѣ усилія медиковъ тщетны, больная рѣшилась было, по совѣту родныхъ, оставить ихъ и принять простолюдина-лѣкаря. Но тутъ (28 дек.) она опять видѣла видѣніе, о которомъ слѣдующимъ образомъ рассказала доктору Рклицкому (стр. 11):

«Сегодня ночью я видѣла прежняго старца, какъ бы обиженнаго тѣмъ, что я, потерявъ всякое терпѣніе, рѣшилась, оставивъ *опытныхъ и образованныхъ докторовъ*, прибѣгнуть къ помощи простолюдина. Старецъ подошелъ ко мнѣ съ правой стороны кровати и сказалъ: что ты дѣлаешь? Хочешь лѣчиться отъ неупотребленія пищи; неужели твои врачи хуже понимаютъ твою болѣзнь, нежели какой нибудь простой мужичекъ? Они тебѣ ничего не дадутъ и ничего не дѣлаютъ потому, что ты не въ состояніи ничего принимать, и вѣрно такъ угодно Богу; а ты идешь противъ воли Божіей и хочешь быть больше самого Бога. Ты насильно требуешь, чтобы могла употреблять пищу; но развѣ кто

ѣсть, тотъ не умираетъ? А тебя питаетъ Господь Богъ и ты всегда сыта. Скажи мнѣ правду, что ты просила только о прекращеніи твоихъ припадковъ и что ничего болѣе не желала получить отъ Бога. Ты теперь пьешь миндальное молоко, но послѣ не только его, но даже воды не будешь брать въ ротъ болѣе сутокъ и, какъ было тебѣ сказано, будешь лежать въ большемъ разслабленіи, и тогда ожидай особой перемены; послѣ этого старецъ сказалъ: мнѣ пора идти къ заутренѣ. Я просила его помолиться за меня Богу и дала ему на свѣчи; оставляя меня, онъ велѣлъ не лѣчиться у мужаина».

Послѣ этого больная, по свидѣтельству пользовавшаго ее доктора Рклицкаго, отвергла врача простолудина и продолжала лѣчиться «у опытныхъ и образованныхъ докторовъ», о которыхъ говорилось въ видѣніи. Но облегченія ей не было, и съ половины января началась у больной сильнѣйшая рвота, доводившая ее до обморока. Это продолжалось двѣ недѣли, а 29 янв. больная рассказала г. Рклицкому о слѣдующемъ видѣніи (стр. 12 — 13).

«Сегодня я видѣла во снѣ двухъ священниковъ съ діакономъ въ полномъ облаченіи, которые служили молебенъ Тремъ Святителямъ, Николаю Угоднику и Ангелу Хранителю; одинъ изъ священниковъ подошелъ ко мнѣ съ правой стороны кровати, со крестомъ, и сказалъ мнѣ: ты будешь избавлена отъ рвоты молитвами Николая Угодника, Трехъ Святителей и Ангела Хранителя, и я благословлю тебя пищею—ухю, которую должно приготовить изъ пяти ершей большихъ, или десяти малыхъ, и втораго куска отъ хвоста сига въ одной глубокой столовой тарелкѣ воды; уху эту долженъ сварить непременно мужчина, и ты раздѣли ее на три дня—на обѣдъ и ужинъ; завтра утромъ пошли, кто около тебя ходитъ, къ обѣднѣ отслужить молебенъ упомянутымъ святымъ, и когда придетъ изъ церкви, начинай ѣсть антидоръ съ святою богоявленскою водою, а для обѣда употребляй одну шестую часть тарелки ухи и такимъ образомъ продолжай три дня. Все это должно храниться въ строгой и величайшей тайнѣ между двумя, или не болѣе, какъ тремя лицами и докторомъ (т. е. мною, замѣчаетъ г. Рклицкій), который послѣ трехъ дней назначить тебѣ, по своему усмотрѣнію, другую пищу, но мяснаго или скоромнаго отнюдь не употребляй; потомъ онъ благословилъ меня и скрылся; я проснулась».

Предписанія, данныя въ видѣніи, больная исполняла весьма точно около двухъ мѣсяцевъ; но облегченія все не чувствовала. Въ началѣ апрѣля сдѣлали ей кровопусканіе, отчего начали продолжаться прежніе припадки и продолжались до августа, когда больная имѣла новое, четвертое видѣніе, въ которомъ общано было ей исцѣленіе предъ иконою св. Николая въ Колпинѣ. И действительно, около этого времени, по свидѣтельству г. заслуженнаго профессора

Рклицкаго, ей стало легче. 14-го авг. еще разъ было ей видѣніе, въ которомъ повелѣно было отправиться въ Колпино для поклоненія чудотворной иконѣ. Несмотря на свою слабость, еще не позволявшую больной ходить безъ костылей, она 25-го сент. рѣшилась отправиться въ Колпино. Приѣхавъ туда, она была до того слаба, что въ церковь внесли ее на рукахъ; во время обѣдни съ нею сдѣлался припадокъ и, очнувшись, она должна была сѣсть въ кресла. Но во время херувимской пѣсни «больная вдругъ почувствовала въ ногахъ силу и крѣпость, сама встала и, сдѣлавъ три земныхъ поклона, стояла на ногахъ до конца обѣдни, не чувствуя въ нихъ ни малѣйшей боли,—даже въ правой, къ которой легкое прикосновеніе прежде производило сильныя припадки. Все это страшное и чудесное событіе, — прибавляетъ почтенный академикъ Рклицкій,—совершилось надъ больной при большомъ стеченіи народа въ храмъ, по случаю праздника Іоанна Богослова, и произвело невыразимое зрѣлище на молящихся, которые съ умиленіемъ и молитвами обращали взоры и сердца свои къ Святому Угоднику Николаю, какъ виновнику, совершившему предъ ними чудо и удостоившему ихъ быть свидѣтелями такого достопамятнаго событія» (стр. 21).

Дѣйствительно, это событіе весьма замѣчательно въ нашъ вѣкъ, обуянный духомъ сомнѣнія. Но для вѣрующаго христіанина отраднo не только самое чудо, но и то радостное явленіе, что оно описано и засвидѣтельствовано людьми столь образованными и почтенными. Десница Божія всегда одинаково проявлялась въ жизни; но не всегда одинаково судили люди объ этихъ проявленіяхъ. И случай съ г-жею Артамоновою многіе, конечно, захотѣли бы объяснить какими нибудь естественными причинами; но такіе авторитеты, какъ доктора Нарановичъ, Рклицкій, Алабушевъ и особенно Арендтъ и Эккъ, — должны заградить уста всякому невѣрующему!...

Матеріалы для статистики Финляндіи, изданные департаментомъ генеральнаго штаба военнаго министерства. Спб. 1859.

Департаментъ генеральнаго штаба продолжаетъ издавать статистическія описанія губерній и областей Россіи. Объ одномъ изъ нихъ, относящемся къ Закавказскому краю, мы говорили въ прошедшемъ году. Нынѣшній выпускъ содержитъ въ себѣ матеріалы для статистики Финляндіи и составляетъ первую или общую часть описанія этого края. Составитель описанія, гвардейскаго генеральнаго штаба г. капитанъ Альфтанъ, какъ и пред-

шественники его въ этомъ дѣлѣ, имѣлъ подѣ руками множество источниковъ. Главнымъ изъ нихъ были рекогносцировки гг. офицеровъ генеральнаго штаба, произведенныя ими въ Финляндіи въ 1856 году, и собственные наблюденія составителя описанія, во время его трехлѣтняго тамъ пребыванія. Для пополненія и повѣрки собранныхъ свѣдѣній, авторъ воспользовался нетронутыми еще матеріалами изъ архивовъ императорскаго Финляндскаго сената и подвѣдомственныхъ ему управленій, многими статистическими сочиненіями, брошюрами и отдѣльными статьями въ финляндскихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ собственно относящимися до Финляндіи такъ и общими статистическими. Послѣднія послужили ему при сравненіи разныхъ статистическихъ данныхъ о Финляндіи съ Россією и иностранными государствами. Въ этомъ сравненіи охотники до статистическихъ выводовъ могутъ найти довольно много данныхъ, не лишенныхъ интереса.

Богатство матеріаловъ, собранныхъ г. Альфтаномъ, дало ему возможность составить отчетливое, интересное и, сколько позволяетъ общее обзорнѣе, подробное описаніе финляндскаго края. При обзорнѣи, напр., водъ Финляндіи у него не только обозначены всѣ мельчайшія озера, рѣчки и каналы, не говоря уже о большихъ, но перечислены даже мосты и шлюзы. Въ текстѣ находится нѣсколько таблицъ, въ которыхъ съ возможною точностію обозначено количество пахатной и луговой земли, лѣсовъ употребляемыхъ для выжиганія, сухихъ и мокрыхъ, открытыхъ болотъ, водъ, голыхъ скалъ, дорогъ и строеній; направленіе и движеніе изотермъ въ Финляндіи, въ теченіе каждаго мѣсяца; среднее время посѣва, цвѣтенія и жатвы главнѣйшихъ хлѣбныхъ растений, въ различныхъ частяхъ Финляндіи; время замерзанія и вскрытія водъ, количество выпадающаго ежегодно дожда и снѣга; численность, густота и движеніе народонаселенія, отношеніе половъ и возрастовъ, размѣщеніе жителей по городамъ и селамъ, равно какъ численность и относительное приращеніе финляндскихъ сословій. Въ концѣ книги приложены: таблица, показывающая присутственныя мѣста и власти въ Финляндіи, и весьма подробная и отчетливая генеральная карта великаго княжества Финляндскаго, составленная А. В. Эклундомъ. Главнымъ основаніемъ для этой карты служила карта Финляндіи, за исключеніемъ Улеоборгской, Выборгской и части С. Михельской губерній, барона Хермеллина, изданная еще въ концѣ прошлаго столѣтія, но отличающаяся замѣчательною добросовѣстностію исполненія. Для дополненія и исправленія этой карты, поступили произведенныя во время и послѣ минувшей войны рекогносцировки и болѣе десяти лучшихъ специальныхъ картъ.

Краткій очеркъ проекта, сооруженія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Барона К. Б. Розена, съ 60 чертежами. Спб. 1859.

До сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было сочиненія, которое могло бы доставить необходимыя свѣдѣнія касательно устройства и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, — и вотъ г. баронъ Розенъ рѣшился восполнить этотъ недостатокъ издавiемъ разсматриваемой книги. Онъ имѣетъ въ виду не государственныя, а частныя желѣзныя дороги. Книгу свою авторъ предназначаетъ собственно для тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые сами вздумали бы содѣйствовать сооруженію или эксплуатаціи желѣзной дороги своими капиталами или трудами. Но при этомъ специальномъ назначеніи своей книги, онъ, конечно, имѣетъ въ виду и вообще всякаго, кто хочетъ ближе ознакомиться съ желѣзными дорогами. А нельзя не сознаться, что такое ознакомленіе можетъ быть очень нелишнимъ для нашей публики, въ которой многіе не только ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, но даже имѣютъ и акціи ихъ, имѣя самыя смутныя понятія объ этомъ мудреномъ заведеніи....

Книга г. барона Розена начинается введеніемъ, въ которомъ кратко изложена исторія желѣзныхъ дорогъ, представляющая главнѣйшія данныя объ ихъ началѣ и развитіи. Авторъ начинаетъ исторію желѣзныхъ дорогъ съ того времени, когда, для сбереженія движущей силы при перевозкѣ тяжестей въ каменноугольныхъ коняхъ, англичане настилали деревянные колен, которые потомъ для прочности стали покрывать плоскими желѣзными полосами. Въ 1767 г. деревянные рельсы замѣнены были чугунными, а въ 1808 г., при введеніи паровой ѣзды, желѣзными четырехъ-угольной формы, и только съ 1820 г. стали выдѣлывать рельсы изъ катаннаго желѣза, имѣвшія въ разрѣзѣ форму гребня. Движеніе нагруженныхъ повозокъ, по наклонной плоскости, производилось сначала лошадьми, потомъ сила лошадей замѣнена была силою тяжести, и движеніе производилось посредствомъ ворота. Этотъ воротъ утверждался на вершинѣ наклонной плоскости; на него наматывалась бичева, къ одному изъ концовъ которой прикрѣплялись нагруженныя повозки, къ другому же порошнѣ, и по мѣрѣ движенія первыхъ внизъ, вслѣдствіе собственной тяжести, другія поднимались вверхъ. Съ теченіемъ времени введены были въ употребленіе горизонтальныя желѣзныя дороги и изобрѣтена была паровая машина. Но машина, устроенная въ первый разъ въ 1802 году, была еще до того неудовлетворительна, что не въ со-

стояніи была привести въ движеніе грузъ, превышавшій 500 пудовъ, при чемъ скорость была не болѣе 7 верстъ въ часъ. Въ 1829 году назначена была значительная денежная премія за устройство болѣе удобнаго паровоза. Локомотивъ, устроенный Стефенсономъ, превзошелъ ожиданія механиковъ. Начала, на которыхъ онъ основанъ, служатъ и понынѣ въ главныхъ частяхъ своихъ основаніемъ всѣхъ послѣдовавшихъ усовершенствованій въ устройствѣ паровозовъ. — Съ 1830 года желѣзныя дороги стали распространяться во всѣхъ государствахъ.

Краткая исторія желѣзныхъ дорогъ, какъ мы уже сказали, изложена авторомъ во введеніи. Самая же книга состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой изъ нихъ говорится о томъ, какъ составляется обыкновенный проектъ желѣзной дороги, какъ подавать просьбу о разрѣшеніи ея и какія требуются при этомъ условія. Вторая часть содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о сооруженіи желѣзной дороги. Здѣсь говорится о лицахъ, завѣдывающихъ работами, о покупкѣ земель подъ дорогу, о верхнемъ и нижнемъ строеніи ея, объ искусственныхъ сооруженіяхъ — мостахъ, виадукахъ и тунеляхъ, о надзорѣ и предохраненіи тунелей — оградахъ, заставахъ, сторожевыхъ домикахъ, сигналахъ, телеграфахъ и т. п. и о станціяхъ. Въ третьей части содержатся свѣдѣнія объ эксплуатаціи желѣзной дороги — о центральныхъ и частныхъ управленіяхъ, о подвижномъ составѣ, т. е. паровозахъ, тендерахъ, каретахъ и вагонахъ, и о движеніи по желѣзнымъ дорогамъ. Въ концѣ книги въ небольшомъ отдѣлѣ подъ заглавіемъ «Статистическія свѣдѣнія» исчислены издержки на устройство и эксплуатацію желѣзной дороги.

Все это для многихъ могло бы быть интересно, если бы не было слишкомъ сжато и мѣстами даже не совсѣмъ понятно, особенно для тѣхъ, кому не случалось видѣть описываемыхъ предметовъ... Книга г. барона Розена даже мало походитъ на описаніе; скорѣе это перечисленіе всего, что относится къ желѣзнымъ дорогамъ, съ краткимъ указаніемъ на назначеніе каждаго предмета. Желая перебрать все, авторъ почти столько же распространяется о томъ, что особенно интересно и мало извѣстно читателямъ, сколько и о томъ, что всякому совершенно извѣстно, и о чемъ не стоило бы даже и говорить. По нашему мнѣнію, это существенный недостатокъ книги г. барона Розена. Еще кстати замѣтимъ, что объясненіе русскихъ названій соответствующими имъ названіями на языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ едва ли не излишне, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для большинства русскихъ читателей.

Лаокоонтъ, или о границахъ живописи и поэзии. Соч. Лессинга. Переводъ Е. Эдельсона. Москва 1859 г.

Въ «Современникѣ» 1857 г. помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей о Лессингѣ, въ которыхъ довольно подробно разсматривалось значеніе его для современной ему Германіи. Тѣ изъ нашихъ читателей, которые помнятъ эти статьи, порадуются вмѣстѣ съ нами появленію русскаго перевода одного изъ капитальныхъ произведеній германскаго критика. «Лаокоономъ» Лессингъ создалъ новую теорію поэзіи, внесши въ нее жизнь и разбивши мертвенную формалистику, которая господствовала до тѣхъ поръ во всѣхъ эстетикахъ. Съ чрезвычайной ясностью и силою мысли, съ неотразимой логической убѣдительностью онъ доказалъ, что существенный предметъ поэзіи, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ искусствъ и особенно отъ живописи, составляетъ — *дѣйствіе*. Не самые предметы должна изображать поэзія, а ихъ дѣйствіе на душу человѣка; не описывать красоту долженъ поэтъ, а передать намъ то впечатлѣніе, какое она производитъ: тогда мы сами уже въ состояніи будемъ представить себѣ и образъ, произведшій это впечатлѣніе. Самый же образъ недоступенъ, во всей своей полнотѣ и яркости, слову поэта: полное и точное изображеніе нужно предоставить живописи. Таковы существенныя положенія, развитыя Лессингомъ въ «Лаокоонтѣ.» Ими онъ изгонялъ изъ поэзіи все мертвенное, все чуждое міру души человѣческой. «Лаокоонтъ» произвелъ рѣшительный переворотъ въ литературныхъ теоріяхъ Германіи. Гёте самъ сознается, «что «Лаокоонтъ» разомъ разрушилъ въ немъ и въ его молодыхъ сверстникахъ искаженное понятіе о томъ, что поэзія должна подражать живописи.» Съ появленіемъ Лаокоона *жизнь* въ своемъ теченіи, а не бездушная форма признана существеннымъ содержаніемъ поэзіи.

Безъ сомнѣнія Лаокоонтъ не останется безъ пользы для литературнаго образованія и нашей публики, въ которой еще такъ смутны теоріи изящнаго. Нельзя не поблагодарить переводчика за его полезный трудъ, исполненный имъ очень добросовѣстно. При переводѣ «Лаокоона» находится небольшое предисловіе, въ которомъ г. Эдельсонъ излагаетъ свой взглядъ на трудъ перевода классическихъ произведеній изъ иностранныхъ литературъ. Съ мнѣніями его вообще нельзя не согласиться, и нельзя не поблагодарить его, что онъ въ своемъ собственномъ трудѣ остался вѣренъ своимъ воззрѣніямъ.

Историческая Библіотека. Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія Французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы. *Ф. К. Шюссера.* Т. IV и V. Спб. 1859 г.

Въ концѣ прошлаго года мы говорили о трехъ первыхъ томахъ Исторической Библіотеки. Въ нынѣшнемъ году вышли четвертый и пятый, содержащіе продолженіе «Исторіи XVIII столѣтія.» Она же будетъ продолжаться и въ слѣдующихъ трехъ томахъ, которые должны выйдти въ нынѣшнемъ году. Четвертый и особенно пятый томы обнимаютъ собою время, преимущественно интересное въ исторіи прошлаго столѣтія. Въ IV томѣ одна половина занята изображеніемъ состоянія литературы французской и нѣмецкой въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія; другая половина рассказываетъ европейскія событія во времена сѣверо-американскихъ войнъ и начало безпокойствъ, предшествовавшихъ великому государственному перевороту во Франціи. Четвертый томъ рассказываетъ министерство Неккера, Калонна и созваніе государственныхъ сословій; послѣдующія за тѣмъ событія до итальянскихъ войнъ Наполеона содержатся въ пятомъ томѣ. При пятомъ томѣ находится предисловіе, въ которомъ Шюссеръ, съ удивительнымъ спокойствіемъ и сознаніемъ своей правоты и силы, излагаетъ нѣкоторыя свои понятія о смыслѣ историческихъ работъ, и передаетъ нѣкоторые факты о своихъ собственныхъ трудахъ при составленіи Исторіи XVIII столѣтія, особенно той части, которая излагаетъ событія, содержащіяся въ пятомъ томѣ. Изъ предисловія мы узнаемъ между прочимъ, что авторъ довольно много работалъ въ Парижской королевской библіотекѣ и въ нѣсколькихъ частныхъ, и собиралъ свѣдѣнія отъ людей, которые сами видѣли событія, предшествовавшія Наполеону. При этомъ онъ собралъ много интересныхъ данныхъ, не бывшихъ обнародованными. Кромѣ того, онъ тутъ окончательно убѣдился, «какъ нелѣпо, не зная парижской суеты и безстыдства книгодѣлателей, полагаться на парижскіе мемуары и вообще на новую салонную литературу.» «Онъ очень хорошо зналъ, что администраціи и аристократы, показывающіе видъ, будто хотятъ сообщить публикѣ все, *никогда* не сообщаютъ ей того, что дѣйствительно интересно.» (пред. V). Вслѣдствіе этого, критика Шюссера въ разсказѣ событій, предшествовавшихъ во Франціи Наполеону, еще строже и безпощаднѣе, нежели въ другихъ частяхъ его сочиненія.

На русскомъ языкѣ до сихъ поръ не было ни одной книги, въ которой бы хотя съ нѣкоторою подробностью разсказаны были событія послѣднихъ годовъ французской исторіи до Наполеона. Между тѣмъ этотъ періодъ, самый интересный во всей европейской исторіи прошлаго столѣтія, давно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе и русскихъ читателей. Теперь ихъ желанія могутъ быть удовлетворены наилучшимъ образомъ: имъ представляется разсказъ Плюссера, столько основательный, полный и безпристрастный, какъ только можно этого желать....

Въ слѣдующемъ томѣ излагается уже исторія консульства.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ,

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Сюрпризы петербургскаго климата. — Русскіе патриоты и фельдцейхмейстеръ Гюлай. — Семейныя сцены по поводу дачъ. — Очеркъ брачнаго союза. — Мужская энергія и женскія нервы. — Павловскій воксалъ. — Опять Штраусъ, и прочее. — Приятное утро на дачѣ. — Два слова о туркахъ, персіянахъ — европейскихъ денди и проч. и о новомъ англійскомъ романѣ Ливингстонъ. — Успѣхъ Обломова. — Слухи о новомъ романѣ Гончарова. — Театры. — Загородныя увеселенія. — Ботаническій садъ. — Пароходы на р. Великой, Чудскомъ озерѣ и р. Эмбахъ. — Еще нѣсколько словъ о Петербургской веснѣ и по ея поводу о дачной жизни и о загородныхъ гуляньяхъ. — Приобрѣтеніе Императорской Публичной Библіотеки. — V томъ сочиненій Пушкина, изданіе Я. А. Исакова. — «Записки Охотника» Тургенева. — Карта Италіи г. Анчикова и Шевелева.

Въ послѣдніе дни великолѣпной цвѣточной выставки, когда розы, лилеи, сирени, рододендроны, левкои, кактусы и какія-то невиданные цвѣты на какихъ-то не слыханныхъ растеніяхъ никли головками, теряли свою свѣжесть, увядали съ каждою минутою, подъ душнымъ каменнымъ потолокомъ, — петербургскіе либералы, отчаявшіеся въ настоящей веснѣ и терявшіе искусственную весну, устроенную въ экзерциргаузѣ почтенными любителями флоры, начинали проклинать свой отечественный климатъ, возбуждая благородное негодованіе истыхъ патриотовъ, для которыхъ даже отечественная слякоть, грязь, градъ, дождь, мракъ, выбоины на улицахъ, и прочее и — прочее, сладки и пріятны... въ эти-то послѣдніе дни выставки сѣрое петербургское небо — цвѣта извѣстныхъ сѣрыхъ шинелей,

превратилось чуть не въ яхонтовое; вслѣдъ за морозами наступили жары, пролилъ теплый весенній дождикъ и все вдругъ зазеленѣло, зацвѣло, запѣло и жужжало... «Италія! Италія!» воскликнули торжествующіе патріоты, «чего же еще хотѣть? Солнце, жаръ, благоуханіе! да еще у насъ теперь лучше Италіи, потому что тамъ въ сію минуту дожди, которые, къ сожалѣнію, мѣшаютъ побѣдоносному австрійскому воинству подавить и уничтожить этихъ безпокойныхъ умниковъ, либераловъ, возмутителей общественнаго порядка, притѣсняющихъ бѣдный сардинскій народъ, на спасеніе котораго подвигся благородный и великодушный поборникъ истины и порядка *шлемоблещущій* Фельдцейхмейстеръ Гюлай....

«Словно огонь истребительный....

Но мы заговорили о веснѣ и едва не попали въ политическую колею, по которой теперь всѣ ѣздятъ и прохаживаются.

Оставимъ этихъ милыхъ патріотовъ, и выѣстѣ съ ними все старое, догнивающее и доживающее, и обратимся къ оживленной и обновленной природѣ, къ лѣсамъ, къ полямъ, къ морю, къ озеру, къ рѣкѣ и къ деревнѣ....

Какъ легко и хорошо вдыхать въ себя освѣжительный запахъ земли, травы, ароматическій запахъ цвѣтовъ, смотрѣть на безоблачное небо, прислушиваться къ неумолкаемому движенью, жужжанью и стрекотанью насѣкомыхъ, пѣнью, шелканію, свисту и чилюканью птицъ! Какая нѣга разлита въ природѣ!... Какъ все свѣжо и молодо! Какъ все живетъ и торопится жить! Какъ все кипитъ дѣятельностію, послѣ долгихъ ледяныхъ оковъ, послѣ мрака и оцѣпѣненія! Какъ все привѣтствуетъ свободу и солнце!...

Если бы въ мірѣ нравственномъ все также скоро и незамѣтно обновлялось подъ дыханіемъ новыхъ идей, (такъ тяжело впрочемъ вырабатываемыхъ людьми) какъ обновляются луга и лѣса подъ дыханіемъ весны.... Боже мой! какъ бы всѣ люди блаженствовали въ сію минуту на землѣ! Любовь и братство соединяли бы всѣ народы, правосудіе и разумная свобода царствовали бы повсюду, науки, искусства, торговля и промышленность развивались бы спокойно, мирно и послѣдовательно по лицу земли, всѣхъ равно надѣляя своими благами; войны, какія бы то ни было, казались неслыханною дикостью и шлемоблещущій Гюлай—такую же нелѣпностію и невозможностію, какою намъ представляются теперь Тамерланъ или Чингисъ-Ханъ.

Нѣтъ! до полной весны человечества, до его обновленія еще далеко...

Что же касается до весны въ Петербургѣ, то она появилась на сей разъ такъ неожиданно, что застала совсѣмъ въ-расплахъ петербургскихъ жителей.

Вчера еще было хорошо ходить по солнечной сторонѣ Невскаго проспекта и отогрѣваться, а сегодня Невскій проспектъ сдѣлался нестерпимъ... Каменные стѣны вдругъ раскалились, пыль, духота, скверный запахъ со дворовъ, точно, какъ будто въ серединѣ душнаго лѣта. Вчера никто еще не помышлялъ о дачѣ, о деревнѣ, а теперь всѣ всполошились.

«Вонъ изъ города!» закричали всѣ счастливыя, могущіе независимо дѣйствовать и имѣющіе средства уѣзжать на лѣто за границу, въ деревни, на дачи....

Но бѣда въ томъ, что еще многія дачи не готовы: у иныхъ на дачѣ перестройка, передѣлка, перекраска, другіе еще не позаботились нанять дачу... По поводу дачъ во многихъ почтенныхъ семействахъ *средняго рода* петербургскихъ людей, (по незабвенному выраженію г. Безобразова) нарушилось спокойствіе, произошли драматическія сцены, ссоры, обмороки, слезы, нервическіе припадки.

Супругъ господинъ среднихъ лѣтъ и съ значительной фізіономіей сидитъ въ своемъ кабинетѣ и что-то выкладываетъ на счетахъ, нахмутивъ брови, потомъ оставляетъ счеты размышляетъ и записываетъ, наконецъ опускается въ кресла и улыбается наипріятнѣйшимъ образомъ. Я знаю, отчего онъ такъ улыбается: наканунѣ его супруга обнаружила къ нему особенную внимательность, даже предупредительность и нѣжность, поцаловала его и два раза потрепала по щекѣ. Онъ припоминаетъ этотъ подалуй и улыбаясь думаетъ:

— Нѣтъ, однако она меня любитъ и право я могу еще сказать, что я счастливъ!... Да, семейное счастье есть, можно сказать, высочайшее счастье на землѣ, оно очень рѣдко!

Размышленія его прерываются шумомъ отворившейся двери.

Въ кабинетъ входитъ сама супруга, дама лѣтъ 28, недурная собой, одѣтая съ изысканностію, въ неизмѣримомъ кринолинѣ. Годъ назадъ тому она не хотѣла и слышать о кринолинѣ.

— Это безобразно, уродливо, говорила она, — я ни за что не стану носить кринолина.... Какое мнѣ дѣло, что всѣ носятъ,—пусть носятъ, а я не буду носить!

— Непремѣнно будете носить, возразилъ ей ея двоюродный братецъ офицеръ, который изученіе лошадей и женщинъ считаетъ своею спеціальностію.

— Не буду.

— Будете, продолжалъ онъ настойчиво.

— Я вамъ говорю — не буду, не буду и тысячу разъ не буду!

— Хотите пари?

— Хорошо, я вамъ вышью подушку, если проиграю, — я убѣждена, что мнѣ не придется вышивать ее, замѣтила она съ улыбкой; а вы мнѣ конфеты, если я выиграю, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь.

Закладъ былъ заключенъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого двоюродный братецъ выигралъ подушку, потому что двоюродная сестрица явилась въ кринолинѣ.

— Нельзя же, когда носить всѣ!... Я не могу, чтобы на меня показывали пальцами, говорила она съ недовольной гримасой въ свое оправданіе... я впрочемъ надѣла этотъ гадкій кринолинъ à sonné соеиг....

Такъ она вошла въ кабинетъ своего супруга, шурша своими безчисленными юбками, надѣтыми сверхъ кринолина, для приданія себѣ еще большей пышности.

Супругъ пріятно ослабился при ея появленіи.

— Фу, какая жара! произнесла она съ недовольнымъ видомъ: — другъ мой, пора на дачу, продолжала она обращаясь къ супругу: — а ты, кажется, еще и не позаботился о дачѣ?.. Я хочу переѣхать какъ можно скорѣй... мнѣ надо дышать чистымъ воздухомъ. Ты знаешь, что я нездорова. Да и дѣтямъ тоже.... для дѣтей дача необходима...

Супругъ вздрогнулъ.

— Да, кажется, мы всякое глѣто живемъ на дачѣ, сказалъ онъ вполголоса: — объ этомъ и говорить нечего, я хотѣлъ посоветоваться съ тобой, гдѣ ты желаешь, и на дняхъ поѣхать нанять.

— На дняхъ! посоветоваться! Она пожала плечами: — какъ же ты не могъ позаботиться объ этомъ прежде? Я увѣрена, что теперь ужъ всѣ дачи разобраны.

— Не беспокойся, возразилъ супругъ: — мы дачу найдемъ и переѣхать успѣемъ. Признаюсь, мнѣ и въ голову не приходила дача... вчера еще былъ чуть не морозъ, еще зелени не видно, на деревьяхъ нѣтъ почекъ, какая тутъ дача!

— Ахъ, Боже мой! да долго ли распуститься деревьямъ? Одинъ еще такой день и всѣ деревья распустятся.... Я задыхаться въ городѣ не намѣрена....

— Да кто тебѣ велитъ задыхаться? возражаетъ супругъ нѣсколько нахмурясь, — задыхаться! Вчера еще, кажется, у насъ печки топили....

— Чтожъ изъ этого?... Она тяжело вздохнула... Моимъ желаніямъ, видно, не суждено исполняться... продолжала она въ минорномъ тонѣ. — Я всякій годъ мечтаю на дачѣ встрѣчать самую раннюю весну, — это лучшее время года. Я такъ люблю природу и это мнѣ никогда

не удастся по твоей милости... Ты обо мнѣ совсѣмъ не заботишься, вѣдь тебѣ все равно существую я или нѣтъ, объ моемъ здоровьи ты нисколько и не думаешь.... Но если ты обо мнѣ не думаешь, то подумалъ бы покрайней мѣрѣ о своихъ дѣтяхъ. Саша такой больной; ты знаешь, какъ необходимъ ему свѣжій воздухъ.

— Господи Боже мой! Что такое? За что эти упреки?

Супругъ пожалъ плечами.

— Полноте пожалуйста, продолжала супруга, — прикидываться такимъ жалкимъ, притѣсненнымъ!... Конечно, для моего спокойствія и удовольствія вы никогда не хотите ничего сдѣлать.... Я очень хорошо понимаю и вижу васъ насквозь, вы только и заботитесь, что о самомъ себѣ. Себѣ вы ни въ чемъ не отказываете, а вотъ если я попрошу васъ объ чемъ нибудь, то если вы и исполните это, то вѣчно какъ будто нехотя. И чего мнѣ стоитъ всякая такая просьба! Я сношу ваши пожатія плечами, ваши гримасы, ваши ироническія улыбки и выраженія... Въ васъ нѣтъ ни малѣйшей жалости: вы знаете мое слабое здоровье, мои нервы....

При словѣ нервы супруга повела судорожно.

Рѣчь исполненная шпилекъ, колкостей, намековъ самыхъ мелочныхъ, но страшно язвительныхъ, неудержимыхъ и бурныхъ потокомъ полилась изъ устъ прелестной супруги. Супругъ раза два было заикнулся, но это еще увеличило раздраженіе прекрасной супруги.

Вначалѣ ея голосъ звѣнѣлъ въ ухѣ ровно и монотонно, какъ колокольчикъ, потомъ онъ обратился въ пискъ, прерываемый всхлипываньемъ и наконецъ совсѣмъ прервался. Изъ бѣлой волнующейся груди вырвался стонъ, пронзительный крикъ: «Ахъ!» и супруга упадаетъ въ кресла, тяжело дыша и какъ будто задыхаясь. Кринолинъ приподнялъ юбки и обнаружилъ двѣ маленькія, прекрасно обутыя и дрыгающія ножки.

Супругъ, за минуту передъ этимъ почитавшій себя почти счастливейшимъ супругомъ, схватилъ въ отчаяніи себя за голову, прошепталъ: «Что это такое? Это ужъ изъ рукъ вонъ! Это сумасшествіе!» бросился къ супругѣ и забѣгалъ около нея: подносилъ ей стаканъ воды, совалъ ей въ носъ стклянку съ одеколономъ, жженое перо, но она только стонала и дрыгала ножками. Когда же онъ принялся разстегивать ей капоть, она дико вскрикнула:

— Подите прочь! Оставьте меня! Оставьте!

«Это не жизнь, а каторга!» думалъ счастливый супругъ.

Послѣ полчасовой возни около нея, супруга начинаетъ дышать ровнѣе и легче и почти приходитъ въ себя, хотя все еще поглядываетъ на супруга свирѣпо и едва отвѣчаетъ на его мягкіе вопросы, сопровождаемые нѣжнымъ взглядомъ участія.

Черезъ часъ впрочемъ супруги примиряются; супругъ становится на колѣна передъ супругой, перебираетъ съ нѣжностію пальчики ея рукъ и тихимъ голосомъ лепечетъ:

— Не называй меня, душка, эгоистомъ, мнѣ это больно, — по-вѣрь, очень больно.

При этомъ онъ дѣлаетъ чувствительную гримасу и ударяетъ себя въ грудь....

— Вѣрь мнѣ, что твое спокойствіе, счастье составляетъ постоянную заботу моей жизни... Если я тружусь, работаю, добиваюсь повышеній, то это не для удовлетворенія собственнаго честолюбія, а для того, чтобы расширить наши средства и имѣть возможность доставить тебѣ большій комфортъ, большія удовольствія. Я живу тобою и для тебя.... Успокойся же, мой ангелъ, я сегодня же поѣду и найму дачу. Гдѣ ты желаешь?... На островахъ?

— Вотъ еще выдумалъ на островахъ! возражаетъ уже безъ снисхожденія, но болѣзненнымъ тономъ супруга: — на островахъ сыро, острова мнѣ надоѣли, на этихъ островахъ, какъ на выставкѣ, надобно имѣть великолѣпные туалеты, которыхъ у меня нѣтъ...

«Боже! Боже! какъ она несправедлива! думаетъ супругъ: — четыре огромные шкафа биткомъ набиты дорогими и неизмѣримой величины платьями различныхъ цвѣтовъ съ безчисленными юбками, фол-баррами, волонами, кружевами, бархатами и тому подобными украшеніями, — чего же ей еще? Что же называется великолѣпными туалетами?... Ненасытная женщина!»

Но онъ фразу супруги оставляетъ безъ всякихъ возраженій, боясь возобновленія нервическаго припадка, и кротно говоритъ:

— А что, не нанять ли намъ въ Гатчинѣ? Право. Мы никогда не живали въ Гатчинѣ; а тамъ хорошо, уединенно, кругомъ все лѣса, воздухъ чудесный....

— Какія у тебя, pardon pour l'expression, дикія фантазіи... Кто же живетъ въ Гатчинѣ? тамъ можно умереть отъ тоски... лѣсъ и болото, Солото и лѣсъ... тамъ комары заѣдаютъ. Я когда вспомню о Гатчинѣ, такъ у меня нервы разстроиваются...

Супругъ передернулся... Слово: *нервы* онъ не могъ слушать спокойно.

— Ну нѣтъ, не надо въ Гатчину, перебилъ онъ торопливо, — Богъ съ ней съ Гатчиной: это я такъ только сказалъ. Не хочешь ли въ Петергофъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она задумчиво: — Петергофъ я любила прежде... давно, когда я была еще очень молода и когда онъ былъ одушевленъ присутствіемъ Двора, праздниками... теперь ужъ меня это не занимаетъ, меня утомляетъ весь этотъ шумъ, блескъ...

— Въ такомъ случаѣ чего же лучше Ораніенбаумъ? Тихо, уединенно, прекрасный паркъ... мы будемъ ѣздить на *Вьнки*. Какой видъ оттуда! На дачу Жадиміровской... какія тамъ живописныя мѣста! Знаешь ли, что я придумалъ: наймемъ-ка дачу въ Кронштадтской колоніи...

Супруга иронически улыбнулась и подернула однимъ плечкомъ...

— Колоніи! да кто же живетъ въ колоніяхъ? тамъ какіе-то все нѣмцы и нѣмки...

Она сдѣлала презрительную гримаску.

— Ты знаешь, что нѣмцы — моя антипатія... Они по праздникамъ пьютъ на дачахъ глинтвейнъ и поютъ хоромъ какія-то пѣсни, или пляшутъ подъ звуки разбитой наемной шарманки; тамъ безпрестанно таскаются странствующие мальчишки съ гармоникой, за которыми толпами бѣгаютъ грязныя дѣти колонистовъ. Все это не въ моемъ вкусѣ. Покорно васъ благодарю.

— А море-то! море! воскликнулъ супругъ.

— Я когда-то любила море, — продолжала супруга не много на расцѣвъ, задумчиво, какъ бы погружаясь въ воспоминанія: — но теперь оно наводитъ на меня какое-то мучительное и тоскливое чувство....

— Переѣдемъ въ Царское Село. — Тамъ моря нѣтъ: гористое мѣсто, сухой воздухъ, для дѣтей тамъ очень полезно, или въ Лѣсной Институтъ, или наконецъ въ Парголово, что-ли? Хотя мнѣ и неудобно оттуда ѣздить всякій день; но если тебѣ хочется, я готовъ и на это...

— Какія дачи въ Парголовѣ! тамъ все лачужки какія-то... а если есть порядочныя дачи, то ихъ не отдаютъ въ наймы.

— Прошлое лѣто Егоръ Васильичъ жилъ въ Полостровѣ, на Кушелевскихъ дачахъ. Онъ былъ очень доволенъ.

— Нѣтъ, лучше ужъ ѣхать на Пороховые заводы, или къ Александровской мануфактурѣ...

И при этомъ она залилась нервическимъ смѣхомъ, отъ котораго у супруга выступилъ холодный потъ на спинѣ и пробѣжали иголки на темени.

— Но.... ангелъ мой... началъ было онъ.

— Какъ это вамъ не стыдно говорить, — еще не давъ ему времени замкнуться продолжала она: — кто же живетъ въ Полостровѣ изъ порядочныхъ людей, я васъ спрашиваю?.. Вашъ Егоръ Васильичъ мнѣ ни въ какомъ случаѣ не указъ! Тамъ живутъ такъ, самые мелкіе, самые ничтожныя чиновники...

Супруга улыбнулась и вдругъ перемѣнила тонъ.

— Чудакъ ты! Какія тебѣ непостижимыя мысли приходятъ въ голову...

И супруга ласково потрепала его двумя пальчиками по лбу, какъ будто хотѣла сказать:

— Хотя ты и дослужился до значительнаго чина, мой другъ, но здѣсь все-таки у тебя мало, очень мало!

— Ну, душенька, сказалъ супругъ пріятно осклабясь: — я сейчасъ же ѣду навимать дачу, сію секунду; но скажи Бога ради, гдѣ нанять? Я жду твоихъ приказаній...

Она задумалась.

— Я право не знаю... мнѣ все равно... начала она съ равнодушіемъ: — я полагаю... мнѣ кажется... всего приличнѣе опять въ Павловскѣ... Тамъ можно найти и совершенное уединеніе, и вмѣстѣ развлеченіе — воксалъ; хотя я вовсе не ищу развлеченія, ты это знаешь. Прошное лѣто я всего, можетъ быть, была въ воксалѣ разъ десять, или пятнадцать, несмотря на то, что хорошая музыка для меня величайшее наслажденіе...

— Помилуй, вырвалось невольно у супруга: — да ты, кажется, всякій вечеръ ходила и ѣздила въ воксалъ...

Супруга вспыхнула и глаза ея сверкнули.

— Съ чего ты это взялъ? произнесла она скороговоркою и закусила не много нижнюю губку. — Боже мой! Я всякій вечеръ была въ воксалѣ! продолжала она, поднявъ плечи... Надобно съ ума сойти, или не имѣть совѣсти, чтобы сказать это!

Въ прекрасныхъ глазахъ ея можно было прочесть близость новой бури, приближеніе разрушительнаго нервическаго припадка. Чтобы отстранить эти ужасы, супругъ принялъ выраженіе самое тупоумное и сладкое...

— Прости, душенька, я совралъ самъ не знаю, что... Я теперь припоминаю... да, точно ты врядъ ли и десять-то разъ была въ воксалѣ...

«Чортъ бы его побралъ этотъ воксалъ! прибавилъ онъ мысленно и передъ глазами его мелькнули подпрыгивающій и размахивающій смычкомъ Штраусъ, приводящій въ энтузіазмъ павловскихъ жительницъ, образцовые и другіе офицеры, крики, вызыванья, хлопанья, маханья батистовыми платочками, сплетни, волокитства, толкотня въ залѣ, духота, дымъ сигаръ, запахъ вина, пьяныя рожи, наглые и разодѣтыя женщины, молодой подполковникъ бель-ошъ, съ локтями напередъ, съ черными, усиками кончающимися въ видѣ иголокъ, который вьется около его супруги и какъ комаръ все что-то жужжитъ ей подъ ухо, и опять подпрыгивающій Штраусъ, которому подполковникъ аплодируетъ во всю мочь, не щадя своихъ ла-

дней и котораго онъ вызываетъ во все горло, не щадя своего голоса, хотя этому громозвучному голосу онъ обязанъ тѣмъ, что достигъ такъ скоро густыхъ эполей... Онъ кричитъ, и хлопаетъ, и смотритъ, мило улыбаясь, на его супругу, потому что все это онъ дѣлаетъ въ угодность ей, принадлежащей къ самымъ жаркимъ поклонникамъ Штрауса. Штраусъ и подполковникъ, подполковникъ и Штраусъ какъ-то странно сливаются для него въ одинъ ненавистный образъ, возбуждаютъ въ немъ какія-то непріятныя и подозрительныя мысли, какое-то нелѣпное сомнѣніе, противъ воли тревожащее его всякій разъ, когда онъ вспомнитъ о Павловскѣ и о его воксалѣ...

Однако дѣлать нечего... Надо ѣхать въ Павловскъ нанимать дачу. Такъ приказываетъ супруга.

— Такъ ты рѣшилась въ Павловскѣ? спрашиваетъ онъ.

— Да. Пожалуйста, съѣзди нанять сегодня же.

— Хорошо, хорошо.

Онъ смотритъ на часы и говоритъ, какъ будто про себя:

— Въ Павловскѣ-то, я думаю, дачи очень дороги, послѣ прошлогоднихъ пожаровъ — и спѣшить прибавить: — впрочемъ ничего, я ѣду, ѣду въ Павловскъ.

— Ты найми, мой другъ, приличную, порядочную дачу, а не лачужку какую нибудь — и ближе къ саду.

— Будь покойна, я постараюсь отыскать хорошенькую дачу.

Онъ беретъ за шляпу и протягиваетъ ей руку, глядя на нее съ чувствомъ.

Она бросаетъ на него также чувствительный взглядъ. Они дѣлаютъ оба шагъ впередъ, сходятся и уста ихъ сливаются въ поцалуй...

Картина очень трогательная!.....

Что связываетъ эти два существа другъ съ другомъ?..

Любятъ ли они хоть немного, уважаютъ ли хоть сколько нибудь другъ друга?

Говоря правду, имъ и не приходятъ въ голову такіе глубокіе вопросы, хотя у нихъ двое дѣтей, и старшему уже лѣтъ около семи.

Онъ женился на ней, потому что какъ-то разъ плѣнился ея личикомъ и талією.

«Она бѣдная дѣвушка, разсуждалъ онъ: — я человѣкъ съ состояніемъ, слѣдовательно она будетъ мнѣ обязана своимъ благосостояніемъ и будетъ такъ сказать подчинена мнѣ, если не любовью, то чувствомъ благодарности; притомъ разница въ нашихъ лѣтахъ небольшая: мнѣ 39, ей 23.»

Она вышла за него за-мужъ, какъ благоразумная дѣвушка, потому что ей пора было выходить за-мужъ и потому что онъ человѣкъ съ общественнымъ положеніемъ, на хорошей дорогѣ и съ деньгами.

«Правда, думала она, — онъ мнѣ вовсе не нравится, я не чувствую къ нему ничего; но тѣ, которые мнѣ нравятся, только ухаживаютъ за мною такъ, отъ нечего дѣлать, не имѣя никакихъ серьезныхъ намѣреній, — и что за бѣда, если я выйду за-мужъ за него не любя?... Чтожь? я потомъ привыкну къ нему, какъ привыкли къ своимъ мужьямъ Катя, Надя, Соня — мои институтскія подруги, вышедшія также не любя. Къ тому же замужняя женщина всегда свободнѣе дѣвушки, и выйти за-мужъ — выигрышь во всякомъ случаѣ.»

Первое время послѣ замужства, новость положенія очень занимала ее. На восторженный вопросъ супруга: — любишь ли ты меня?... она отвѣчала: «люблю» и ей въ самомъ дѣлѣ казалось, что она начинаетъ какъ будто любить его; потомъ она убѣдилась, что ей только такъ показалось, но нельзя же было сообщить мужу это убѣжденіе, по неволѣ надо было притворяться любящей, лицефривить, чтобы поддерживать брачный эквилибръ; къ тому же дѣти пошли... Можетъ быть мысль, что она обманываетъ мужа, что она лицефривитъ передъ нимъ, нѣсколько и смущала ее вначалѣ, но потомъ она совѣмъ примирилась съ этимъ, тѣмъ болѣе, что лицефривіе дѣйствовало отлично на семейное счастье. Да и къ тому же супругу нѣкогда было дорываться до глубины сердца супруги: честолюбіе и чинолюбіе брали въ немъ верхъ надъ всѣмъ. — У себя дома онъ искалъ только тишины и спокойствія, пріятной улыбки на устахъ супруги, изрѣдка поцалуя или нѣжнаго трепанья по щекѣ, не добиваясь, что движитъ этими поцалуями и нѣжностями — истинное чувство или притворство.

Когда они немного пообжились и поосмотрѣлись, вопросъ: кто будетъ играть первую роль въ домашнемъ быту? представился имъ обоимъ... Супругъ былъ по натурѣ деспотъ, всѣ подчиненные сильно побаивались его, онъ натурально хотѣлъ взять верхъ и надъ супругой и первое время это удалось ему, но супруга была на сторожѣ... Первыя противорѣчія она сносила довольно терпѣливо, потомъ при малѣйшихъ замѣчаніяхъ стала впадать въ дурное расположеніе духа, а при серьезныхъ противорѣчіяхъ плакать... Слезы кончались дурнотою, а за дурнотою слѣдовалъ иногда нервическій припадокъ... Нервы у ней съ раннихъ лѣтъ были очень разстроены... Она видѣла, что во время этихъ припадковъ, супругъ совершенно теряется и готовъ поддаться на все, что ей угодно. И усиленные нервическіе припадки возобновлялись всякій разъ, когда того требовала необходимость. Супругъ, человѣкъ съ упрямымъ даже съ

энергическимъ характеромъ, заставлявшій трепетать своихъ подчиненныхъ, долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ и совершенно подчиниться нѣжной и слабой женщинѣ, всегда непобѣдимой и несокрушимой во всеоружіи своихъ нервъ...

Въ самомъ дѣлѣ, что такое та энергія и сила воли, которыми мужчины гордятся? Одинъ нервическій женскій припадокъ—и все это исчезаетъ и бѣдный безоружный мужчина становится тряпкою, по выраженію Гоголя. Великіе мужи силы, знаменитые герои, древніе и новые геніи, двигавшіе массами, исполины, управлявшіе судьбами царствъ и народовъ, не знавшіе преграды своимъ намѣреніямъ и замысламъ, нерѣдко являлись смиреннѣйшими, робчайшими и покорнѣйшими въ своемъ домашнемъ быту. Тѣ, передъ кѣмъ трепетало человѣчество, сами трепетали передъ слабымъ и болѣзненнымъ существомъ, которое зовутъ женщиной...

Что герои! Тучегонитель и громовержецъ Зевсъ, который махненьемъ бровей своихъ приводилъ въ ужасъ и трепетъ весь Олимпъ со всѣми его богами, Зевсъ, повелѣвавшій и безсмертными и смертными, при видѣ своей мѣлочно-раменной Геры робѣлъ и смущался и не всегда осмѣливался противорѣчить ея волѣ. Когда Фетида явилась передъ молній-метателемъ Зевсомъ съ просьбою объ отпущеніи за сына и дарованіи побѣды троянскимъ ратямъ:

«Ей вдохнувши глубоко, отвѣтствовалъ тучегонитель:
 «Скорбное дѣло, ненависть ты на меня возбуждаешь
 «Геры надменной: озлобитъ меня оскорбительной речью;
 «Гера и такъ неустрашима, предъ сонмомъ безсмертныхъ, со мною
 «Спорить и воевать, что я за Троянъ побораю во брани.
 «Но удалися теперь, да тебя на Олимпѣ не узритъ
 «Гера. . . . .»

Правда, онъ прибавляетъ:

«. . . . . о прочей заботы пріемлю я самъ и исполню:
 «Зря, да утѣрена будешь, тебѣ я главою помагаю.
 «Се отъ лица моего для безсмертныхъ боговъ величайшій
 «Слова залогъ; невозвратно то слово, во мѣхъ непреложно,
 «И не свершится не можетъ, когда я главою помагаю....»

Но такъ любятъ прихвастнуть почти всѣ мужья въ отсутствіи своихъ Геръ; при ихъ приближеніи они совсѣмъ перемѣняютъ тонъ. И чего бы, казалось, стоило молній-метателю и туче-гонителю, всемогущему Кроніону разстаться съ своей надменной супругой? при всемъ пламенномъ желаніи его отдѣлаться отъ *соловьиной* богини, всемогущій покоряется ей и противъ собственныхъ желаній испол-

няеть всё ея желанія. Она принуждаетъ супруга согласиться на разрушеніе Трои...

« . . . . и внялъ ей отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ. »

Что же заставляетъ его подчиняться надменной и капризной Герѣ? — Желаніе домашняго спокойствія, боязнь скандала на Олимпѣ. « Что скажутъ боги? » думаетъ онъ, какъ Фамусовъ думалъ:

« Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна? »

И сколько браковъ на свѣтѣ поддерживаются этими роковыми словами:

Что скажутъ?

Если бы супругъ и супруга, о которыхъ я завелъ рѣчь, взяли на себя трудъ углубиться въ самихъ себя и въ собственныя отношенія, они непременно бы сознали, что между ними нѣтъ ничего общаго, что ихъ не связываетъ ни любовь, ни уваженіе другъ къ другу; но къ счастью, они не углубляются въ такіе вопросы, а живутъ день за день животною привычкою и поддерживаютъ кое-какъ свои отношенія лицемеріемъ и обманомъ. Еслибъ не страшное: « что скажутъ? » они давно разстались бы другъ съ другомъ безъ сожалѣнія и обоимъ было бы свободнѣе и легче жить....

Для того, чтобы не нарушить наружнаго домашняго спокойствія и не быть свидѣтелемъ обмороковъ, криковъ и стоновъ, — супругъ нанимаетъ дачу въ Павловскѣ.

Они переѣзжаютъ.

Дача очень хороша и удовлетворяетъ вполне самолюбію супруговъ, потому что дачи, нанятые ея знакомыми, гораздо хуже. Первые дни послѣ переѣзда тепло, ясно.... зелень распускается быстро на ея глазахъ, птицы чирикаютъ, соловей въ паркѣ противъ дачи вечеромъ такъ и заливается — удивительный соловей, какъ будто нарочно нанятый вмѣстѣ съ дачею; черемуха разливается въ воздухъ благоуханіе; дѣти такъ рады свободѣ и такъ весело бѣгаютъ въ садикъ. Все прекрасно.

Супруга впадаетъ въ поэтическое настроеніе. Она какъ будто перелюбля и похороняла. Она гуляетъ по лугамъ, почти бѣгаетъ, собираетъ полевые цвѣты и составляетъ изъ нихъ букеты, прислушивается къ пѣнію соловья и погружается въ тихую задумчивость; играетъ съ дѣтьми и обнаруживаетъ къ нимъ необыкновенную внимательность и нѣжность; она въ такомъ кроткомъ расположеніи.

что даже ласкаетъ супруга и приказываетъ готовить ему любимыя блюда къ его столу.

У него показываются по временамъ, глядя на нее, слезы благодарности и умиленія и онъ шепчетъ про себя:

«Нѣтъ, я еще счастливъ, ей-Богу, счастливъ!»

Воксалъ хотя еще не открывался, но говорятъ откроется на дняхъ и опять появится подпрыгивающій Штраусъ; подполковникъ.... онъ еще, благодаря Бога, не показывался; но тѣнь его уже какъ будто разъ мелькнула въ паркѣ.

Да что жъ ему до Штрауса и до подполковника? Онъ ищетъ единственно домашняго спокойствія, семейной тишины; для укрѣпленія этого спокойствія, кажется, надобно только сквозь пальцы смотрѣть на кокетство супруги и стараться не видѣть того, что ясно для всѣхъ.

Неужели это — ревность? Но ревность болѣзнь, горячка любви. Ревность понятна только при бѣшеной, страстной любви. О такого рода любви мой супругъ и въ юности никогда не имѣлъ понятія.

Сказать откровенно, еслибъ Штраусъ или подполковникъ были дѣйствительно избранными сердца его супруги и онъ имѣлъ бы непреложныя доказательства этого, и если бы никто никогда не могъ подозрѣвать объ этомъ, и она была бы въ понятіяхъ всѣхъ, кромѣ его, образцовой супругой, — то онъ кое-какъ примирился бы съ своимъ положеніемъ и смотрѣлъ бы равнодушно на Штрауса и на подполковника, — но бѣда въ томъ, что кокетство его супруги не можетъ укрыться отъ постороннихъ глазъ, особенно въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Павловскъ, гдѣ всѣ ежедневно другъ съ другомъ сходятся и знаютъ другъ друга, по крайней мѣрѣ по имени. Здѣсь сейчасъ представляется вопросъ:

«Что скажутъ?»

Вопросъ нестерпимый, мучительный для самолюбія... А развѣ по большей части источникомъ ревности не бываетъ самолюбіе?

Воксалъ открылся. Штраусъ появился на эстрадѣ, смычокъ его пришелъ въ движеніе. Дамскіе взоры устремились на Штрауса съ пріятнымъ и нѣжнымъ выраженіемъ; двѣ пятидесятилѣтнія дѣвственницы, разрисованныя и разряженные, чуть не прискакнули отъ восторга на своихъ стульяхъ противъ того мѣста, гдѣ красуется плѣнительный держіёръ оркестра; подполковникъ захопалъ при его появленіи изъ всей силы.... Все какъ слѣдуетъ, все опять точно также, какъ дронное дѣло. Тѣ же лица, тѣ же выраженія, тѣ же крики и вызовы.

И супруга сидитъ на томъ же мѣстѣ. Все то, что копошилось въ супругѣ, какъ самое непріятное воспоминаніе, какъ тяжелый сонъ, воскресло на яву.

Вотъ и подполковникъ подходитъ къ нимъ, ловко разшаркивается передъ его супругой, звякаетъ шпорами и уже начинаетъ жужжать около нея, какъ комаръ.

Подполковникъ приглашенъ супругой на чай, послѣ музыки.

Они въ троемъ возвращаются домой черезъ садъ.

Подполковникъ начинаетъ разговоръ съ супругомъ. Супругъ чувствуетъ, что этотъ разговоръ заводится съ нимъ такъ только изъ приличія и что подполковнику хочется собственно разговаривать не съ нимъ, а съ его супругой, и то еще не въ его присутствіи; но чтобы не обнаружить и тѣни ревности, онъ поддерживаетъ съ нимъ разговоръ, повидимому очень охотно и очень пріятно, и улыбается ему, несмотря на то, что онъ хотѣлъ бы разорвать его на части.

Противъ супруги у него внутри закипаетъ жолчь ключомъ; но онъ отъ времени до времени обращается къ ней съ любезнѣйшимъ выраженіемъ и говорить ей нѣжнымъ голосомъ:

— Посмотри, мой дружокъ, какъ хороша этотъ оврагъ и какъ живописно расположены въ немъ деревья.

или:

— Слышишь, слышишь — соловей! Но этотъ гораздо хуже нашего. Не правда ли?

За чаемъ подполковникъ подсаживается къ супругѣ и жужжить что-то ей вполголоса. Супругъ дѣлается серьезенъ. Ему кажется, чай несладокъ, онъ изъявляетъ неудовольствіе, что нѣтъ его любимыхъ крендельковъ, и спрашиваетъ у своей супруги:

— Отчего же ихъ нѣтъ?

Супруга вспыхиваетъ при этомъ вопросѣ и, улыбаясь иронически, отвѣчаетъ:

— Ахъ, Боже мой, я-то почему знаю? Какіе крендели? Что такое?

И обращается къ подполковнику, продолжая съ нимъ разговоръ.

Когда подполковникъ уходитъ, она обращается къ супругу:

— Что съ вами? я чуть не сгорѣла отъ стыда.... Какъ вы обращаетесь со мною при постороннихъ? Это ужасно! Вы адресуетесь ко мнѣ, какъ къ ключницѣ, спрашиваете меня о какихъ-то кренделяхъ, корчите какія-то недовольныя гримасы.... просто, ни на что похоже..... Это мое терпѣніе можетъ только переносить все это.

— Господи! восклицаетъ супругъ, поднимая плечи: — ну, что за бѣда, что я спросилъ васъ о кренделяхъ? Вы сами же мнѣ третья-

то для сказали: «я буду тебя всякій день кормить, мой другъ, твоими любимыми кренделями», а гримась я никакихъ не дѣлала, вы ошибаетесь. Я не понимаю, отчего вы ко мнѣ привязываетесь?

— *Приказываетесь!* Какъ это любезно! Вы хотите, чтобы я никого не приглашала къ себѣ, желаете меня лишить всякаго развлеченія. Я не могу переносить такого деспотизма, я вамъ объявляю торжественно—слышите ли вы это? Не могу, не могу и не могу!... Я буду принимать къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кого я хочу, а если кто нибудь изъ нихъ вамъ не нравится, вы можете уходить къ себѣ въ кабинетъ, я не мѣшаю вамъ....

Супругъ нахмурился при этихъ послѣднихъ словахъ.

— Вамъ, кажется, этого и хочется. Вы желаете, чтобы я уходила въ свой кабинетъ, когда этотъ подполковникъ будетъ сидѣть съ вами?

— Что это значитъ! вскрикнула она. — Вы еще меня оскорбляете? Ахъ, я не могу переносить этого.... Ахъ! ахъ!

Она схватываетъ себя за грудь и падаетъ на диванъ съ раздирающими криками.

Нервическій припадокъ въ сильнѣйшей степени.

На улицѣ противъ дома начинаютъ съ удивленіемъ останавливаться запоздавшіе гуляющіе. Въ это время никто никогда не показывается на улицѣ, а тутъ какъ нарочно!

Горничныя хлопочутъ около барыни.

Крики дѣлаются слабѣе.

Баринъ стоитъ у окна и смотритъ въ окно, ничего не видя, и шепчетъ про себя:

«Вотъ адъ—то! Вотъ настоящій адъ—то!... Связалъ же меня Господь съ этой женщиной!... Я ее облагодѣтельствовалъ, вырвалъ изъ нищеты, сдѣлалъ барыней и вмѣсто благодарности — вотъ!

Но когда барыня приходитъ въ себя, баринъ подходитъ къ ней на ципочкахъ и съ грустной миной, боязливо и тихимъ голосомъ спрашиваетъ у ней:

— Ну, каково ты себя чувствуешь, мой ангелъ?

Нервы еще не совсѣмъ успокоились, и она, отвернувшись, мрачно и скороговоркой говорить:

— Подите прочь! Оставьте меня въ покоѣ, умоляю васъ!

Супругъ молча и печально отходитъ, но черезъ полчаса снова возвращается и для водворенія въ домъ спокойствія и мира становится на колѣна передъ супругою, признаетъ себя виновнымъ, проситъ прощенія и цалуетъ кончики ея пальчиковъ.

Послѣ этого примиреніе совершается. Супруга треплетъ его по щекамъ и даже слегка прикасается своими губками къ его

лбу, на которомъ время провело три рѣзкія, глубокомысленныя складки.

На слѣдующее утро въ воскресенье, когда супругъ не ѣздитъ въ Петербургъ, они вмѣстѣ прогуливаются въ паркѣ и отдыхаютъ въ Красной долині.

Супруга очень внимательна, весела и разговорчива. Погода восхитительная: тепло, воздухъ душистъ, бѣлыя бабочки кружатся около куста сирени, ласточки быстро летаютъ и хлопчутъ около своихъ гнѣздъ, которыя они свили подъ крышей павильона, два дерева — береза и клень, противъ того мѣста, гдѣ сидятъ они, такъ дружно сплелись между собою и такъ тихо шепчутъ листьями, какъ будто ведутъ между собою въ объятіяхъ другъ друга любовную рѣчь. Все, кажется, дышитъ любовью и счастьемъ, только несносные комары не даютъ покоя.

Супруга закуриваетъ папироску, супругъ сигару.

Разговоръ между ними становится все одушевленнѣе и одушевленнѣе.... Супруга перебираетъ критически всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, особенно женскаго пола, предаетъ ихъ безошадно строгому анализу, разбираетъ по косточкамъ; супругъ, хотя и не совершенно во всемъ соглашается съ нею, даже совсѣмъ не соглашается, но поддакиваетъ ей улыбаясь и еще прибавляетъ отъ себя, чтобы только не противорѣчить и не нарушать тишины и миръ.

Утро проходитъ пріятно и незамѣтно.

И добрый супругъ почти опять готовъ воскликнуть:

«Однако, я право счастливъ!» почти забывъ вчерашнюю бурю.

Какъ провести мои супруги остальное лѣто, я не знаю. Кто возьметъ верхъ въ ея головѣ, или въ ея сердцѣ — Штраусъ или образцовой подполковникъ? Не явится ли другой конкурентъ, какоенибудь новое лицо, передъ которымъ уничтожатся два первые? Чтонибудь оригинальное, небывалое, напимѣръ турецкій посланникъ, или персидскій мирза?

Но турки теперь не такъ живописны, страшны и заманчивы, какъ бывало во время оно... у нихъ нѣтъ ни чалмы на головѣ, ни ятагана съ рукояткою, осыпанной драгоценными каменьями; они обсыропелись наружно, сняли съ головы даже красную феску — и уши! ходятъ теперь въ узкихъ панталонахъ, въ круглой шляпѣ, какъ всѣ мы и какъ всѣ мы расшаркиваемся передъ дамами и отпускаемъ французскія фразы. Выродившіеся потомки Чингисъ-хановъ, Балзетовъ, Му-

радовъ и Магоматовъ, нѣкогда наводившіе ужасъ, или покрайней мѣрѣ возбуждавшіе интересъ и любопытство въ дамахъ.... своимъ великолѣпнымъ одѣянiемъ, утратили всю свою оригинальность съ той минуты, какъ натянули на себя европейскій кургузый костюмъ, начали писать ноты и меморандумы объ опасности, угрожающей Европѣ отъ демократическихъ и социальныхъ идей, какъ будто передразнивая западныхъ доктринѣровъ.

Персіане покрайней мѣрѣ до сихъ поръ не снимаютъ съ себя своей классической остроконечной, какъ сахарная голова, шапки и отъ времени до времени щеголяютъ еще въ своихъ пестрыхъ архаюкахъ изъ термоламы. Отъ этого они имѣютъ для нашихъ барынь и барышень все-таки еще болѣе пикантности; но и имъ какъ будто уже неловко становится въ сахарныхъ головахъ и въ пестрыхъ архаюкахъ и они усиливаются приближаться къ европейской одеждѣ и нѣкоторыя изъ нихъ вставляютъ уже лорнетку въ глазъ и лепечутъ французскія слова, прогуливаясь въ саду Павловскаго воксала.

Они не походятъ на прежнихъ персіанъ, отъ которыхъ приходили въ экстазъ маменьки современныхъ дамъ, гуляя въ Таврическомъ саду, во время пребыванія Хозревы-Мирзы въ Петербургѣ....

Къ тому же и дочки ужъ не похожи на маманекъ... У нихъ сравнительно съ ихъ маменьками, плѣнявшимися свитою Хозревы-Мирзы, вкусъ нѣсколько утончился, явились болѣе деликатныя и поэтическія потребности и артиста въ родѣ Штрауса, съ усиками и щегольски одѣтаго, онѣ (я полагаю) не промѣняютъ на какого нибудь турку или персіанина....

Въ настоящую минуту чалмы, фески, бараньи шапки, усы, сабли и эполеты — эти нѣкогда необходимыя атрибуты для воспламененія сердца, также совсѣмъ утратили въ дамскихъ глазахъ свое значеніе, и если супруга, о которой шла рѣчь выше, обнаруживаетъ особенное вниманіе къ подполковнику, то это не потому, что онъ носитъ усы и саблю, а вѣроятно потому, что отличается до нѣкоторой степени свѣтскостію и дандизмомъ.

Легкій дандизмъ производитъ на сердца современныхъ нашихъ барынь дѣйствіе гораздо болѣе сокрушительное, чѣмъ гусарскій, уланскій, или кирасирскій мундиръ, эполеты, сабли, шапки, ментики и прочее.

Къ счастью, наши русскіе, доморощенные дэнди не слишкомъ опасны.... Что же касается до артистовъ, въ родѣ Штрауса, — то это только такъ, праздная мечта, головная фантазія, — и никакъ нельзя предположить, чтобы женщина благороднаго происхожденія, могла не шутя почувствовать серьезное влеченіе къ человѣку, какъ бы онъ привлекателенъ ни былъ, выходящему ежедневно передъ публикою

со скрыпкой подъ мышкою и со смычкомъ въ рукѣ, чтобы забавлять ее.

Итакъ русскіе обитатели Павловскихъ дачъ въ этомъ случаѣ могутъ быть совершенно покойны.

Богъ еще хранилъ насъ и нашихъ дамъ отъ такого рода дэнди, какіе напиримѣръ описываются въ новомъ англійскомъ романѣ Гей-Ливингстонъ (Guy-Livingston). Правда эти герои нѣсколько сродни нашему Печорину; но надо сказать правду, Печорины на Руси въ дѣйствительности почти никогда не существовали. На русской почвѣ всегда удобнѣе плодятся *Обломовы*. Вотъ это наше родное явленіе. Печоринъ это западный, байроническій типъ. Въ Англии еще до сихъ поръ существуютъ такіе типы, какъ видно изъ романа, о которомъ я завелъ рѣчь.

Ливингстонъ — это прототипъ Печорина. Вотъ какъ характеризуетъ этого англійскаго героя одинъ изъ французскихъ критиковъ. Читая эту характеристику, думаешь иногда, что читаешь характеристику Печорина:

«Лица, подобныя Гей-Ливингстону, принадлежатъ безъ исключенія къ тѣмъ людямъ, которыхъ называютъ дэнди. — Не должно однако понимать подъ этимъ словомъ тѣхъ господъ, которые въ ходу, въ модѣ, пользуются успѣхами и которыхъ называютъ: *hommes à la mode*, или *hommes à succès*, — еще менѣе тѣхъ ничтожныхъ куколъ, которыя бываютъ рабами своего портнаго или сапожника. Ливингстонъ принадлежитъ къ дэнди высшаго значенія. — Въ этихъ дэнди есть своего рода поэзія; ихъ гордыя души, закаленные въ эгоизмъ, способны на удивительные подвиги, близкіе къ героизму. Блестательная исторія такихъ дэнди, ихъ заблужденій, успѣховъ и преступленій, начиная отъ Алкивиада до Лорда Байрона, составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ главъ въ нравственныхъ лѣтописяхъ человѣка. Они извѣстны нѣсколькими блестящими вещами, они дѣлаютъ тысячу дурныхъ вещей и неспособны ни на какое истинно хорошее и доброе дѣло. Демоническій элементъ ихъ природы такъ силенъ, что движетъ всѣми ихъ поступками.... Они принадлежатъ къ той породѣ людей, (прибавимъ мы отъ себя) про одного изъ которыхъ сказалъ русскій поэтъ:

«....И слабыхъ душъ мученья—
Не зналъ раскаянья и сожалѣнья.»

Они способны участвовать въ прогрессивномъ и ретроградномъ политическомъ движеніи: защищать баррикады или дѣйствовать противъ нихъ; движимые внутреннимъ деспотизмомъ и эгоизмомъ, пустившимъ глубокіе корни въ ихъ самолюбивыя души, они

способны производить такъ называемыя *coups d'état*. Они наводнили литературу типами въ родѣ *Донъ-Жуановъ* и *Донселасовъ*; имъ мы обязаны такими лицами, какъ *Чальдъ-Гарольды* и *Лары*. Къ этому можно еще прибавить, если мы посмотримъ на нихъ попристальнѣе, что чуть ли не имъ мы также обязаны іезуитскими учрежденіями. Во всякомъ случаѣ вы видите, что такіе *дэнды*—люди далеко не дюжинные. Природа денди, анализированная въ подробностяхъ, есть квинтъ-эссенція самый утонченной и ядовитой безнравственности. Первородный грѣхъ на нихъ наложилъ самые глубокіе слѣды.

«Главный ихъ двигатель — гордость; не та разумная гордость, которая предохраняетъ нравственное достоинство человѣка; гордость, которую можно назвать добродѣтелью,—но гордость инстинктивная, какъ злоба тигра или величіе льва. Это—та инстинктивная гордость порождаетъ въ нихъ тотъ чудовищный эгоизмъ, который нельзя сокрушить ничѣмъ — ни состраданіемъ, ни упреками, ни зрѣлищемъ страданій, ни примѣрами самоотверженія, — ничѣмъ. Онъ покоряется только ударамъ судьбы.

«До тѣхъ поръ, покуда денди является во всемъ своемъ блескѣ и въ силѣ, его увѣренность въ себѣ и презрѣніе ко всему безмѣрны; но когда судьба разоблачаетъ его отъ всѣхъ богатствъ, дѣлаетъ его нищимъ, больнымъ, лишаетъ его всего,—его гордость превращается въ отчаяніе, и чтобы не обнаружить его передъ людьми, онъ прибѣгаетъ обыкновенно къ самоубійству или оканчиваетъ поприще съ эффектомъ блистательною дуэлью.

«Никакая опасность не устрашаетъ такого денди, никакой врагъ не покажется ему страшенъ, когда онъ стоитъ передъ нимъ лицомъ къ лицу и онъ можетъ побѣдить всякаго врага даже слабѣйшимъ оружіемъ.—Если нужно умереть, онъ умретъ и всегда величественно, гордо.... Дикіе могутъ его скальпировать, бунтовщики застрѣлить, но онъ не потеритъ ни на минуту своего хладнокровія и не унижится, чтобы просить пощады; но передъ врагомъ невидимымъ, передъ такимъ, на котораго нельзя напасть съ оружіемъ, онъ дѣлается беззащитенъ, какъ ребенокъ.—Его можетъ раздавить презрѣніе женщины, но онъ и тутъ не обнаружитъ этого и тутъ не примирится съ нравственной истинной, не подчинится человѣческому чувству. — Таковъ герой романа «Гей-Ливингстонъ». Когда несчастіе обрушивается надъ такими людьми, имъ ничего не остается, кромѣ смерти. — Да и хорошо, если такія существованія кончаютъ свои поприща преждевременно, не дожидая до старости. Старый эгоистическій поэтъ представляетъ довольно смѣльное зрѣлище, но старый денди отвратителенъ! — Это скандалъ въ костяхъ и во плоти... Пламя, охватывавшее его и дѣлавшее его эффектнымъ, дав-

нымъ давно исчезло, остался одинъ дымъ, чадъ, копоть. Блестательная наглость превратилась въ возмутительный, холодный цинизмъ и привычка играть со зломъ обратилась въ какую-то гнусную, старческую, махиавелевскую теорію. Онъ проповѣдуетъ философію порока, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ свое собственное безсиліе, свою неспособность, примѣнять свою теорію къ практикѣ и уже наслаждается зрѣлищемъ порока въ другихъ. Кровь его охладѣла, сердце высохло, совѣсть молчитъ—картина отвратительная! Къ счастью, дѣди всегда кончаютъ свое поприще во-время и доживаютъ до старости не многіе....»

Англійскій романъ кипитъ такого рода героями.... и молодыми, и старыми. Если вы, читатель, принадлежите къ такъ называемымъ *блазированнымъ* людямъ и любите мелодраматическія ощущенія, вы найдете въ Ливингстонѣ множество сценъ, которыя вамъ непременно должны понравиться... Здѣсь страсти являются во всемъ своемъ разгарѣ и развиваются до послѣднихъ предѣловъ.... Если вы, читательница, принадлежите къ любительницамъ сильныхъ ощущеній, то чтеніе этого романа увлечетъ васъ. Я знаю притомъ, что вы не любите произведеній, въ которыхъ дѣйствуютъ *incogniti*, люди низшихъ классовъ, и потому въ особенности рекомендую вамъ «Ливингстона», что всѣ дѣйствующія лица этого романа принадлежатъ къ высшему обществу. — Хороши же нравы этого общества, если вѣрить автору!...

Авторъ впрочемъ не оправдываетъ, не извиняетъ своихъ *офисскихъ* героевъ, какъ это дѣлывалъ во время оно Бульверъ. Рассказъ «Ливингстона» проникнутъ грустію и авторъ рассказываетъ горькія истины суровымъ голосомъ. — Онъ подчиняется нѣсколько вліянію современной литературы, которая демократизируется все болѣе и болѣе....

Я совѣтую запастись на лѣто любителямъ и любительницамъ легкаго чтенія этимъ романомъ, хоть для того, чтобы ужъ во всѣхъ подробностяхъ и тщательно разсмотрѣть и изучить эти демоническія натуры, которыя такъ любилъ изображать Лермонтовъ.

Съ этой точки зрѣнія англійскій романъ представить много поучительнаго и интереснаго, при сравненіи Печорина съ Ливингстономъ. Нельзя не сознаться съ авторомъ статьи: «Что такое обломовщина?» (Соврем. № V), что въ демоническомъ Печоринѣ Лермонтова, въ этомъ геродѣ представителѣ высшаго развитія русскаго дѣлзма, есть много Обломовскаго.

Кстати объ Обломовѣ.... Успѣхъ этого романа огромный. Въ Петербургѣ всѣ говорятъ объ немъ и всѣ почти приходятъ отъ него въ восторгъ.

Мы слышали, что у Гончарова составленъ въ головѣ планъ новаго романа и что онъ уѣхалъ теперь за границу, чтобы тамъ свободнѣе заняться планомъ этого произведенія, которое, вѣроятно, будетъ выполнено съ такою же художественною глубиною и тонкостію, съ какою исполненъ его «Обломовъ».

Теперь почти всѣ петербургскіе жители съ кое-какими средствами уѣхали за границу, или переселились въ деревни и на дачи; опустѣлый Петербургъ представляетъ, какъ обыкновенно лѣтомъ, самый слабый интересъ. — Кстати объ отъѣзжающихъ за границу.

Хорошо, если бы почтовое начальство придумало какія нибудь мѣры для немедленнаго удовлетворенія отъѣзжающихъ. Неужели нельзя умножить числа экипажей?

За границу ѣздить по большей части люди достаточные — и они готовы бы были заплатить до Таурогена, до Варшавы, до Ковно, только бы ѣхать сейчасъ, а не ждать полтора мѣсяца.

Но если устроить это находить почему бы то ни было неудобнымъ и невозможнымъ, то за долготерпѣніе отъѣзжающихъ желательнѣе бы было, чтобы ихъ награждали покрайней мѣрѣ приличными и удобными экипажами....

— А развѣ наши почтовые кареты неудобны? спроситъ любопытательный читатель.

— О нѣтъ! онѣ превосходны.... Но я расскажу сейчасъ, чему я былъ свидѣтелемъ.... не у насъ. Я изъ скромности не скажу гдѣ.

Я провожалъ одну мнѣ знакомую даму, взявшую для себя два мѣста въ каретѣ, чтобы покойнѣе и удобнѣе расположиться. Покой и удобства необходимы для нея, потому что она нездорова, да и мѣста въ почтовыхъ каретахъ (той страны гдѣ это случилось) вообще такъ узки, что имѣть незнакомыхъ сосѣда или сосѣдку весьма непріятно.

Какъ бы то ни было: взято было два мѣста — и замѣтите *въ каретѣ*....

Мы приѣхали за полчаса до отъѣзда.

Къ счастью, отъѣзжающей дамѣ пришла мысль, посмотреть на экипажъ, въ которомъ она должна была ѣхать.

Я сопровождалъ ее.

Мы вошли на прекрасный дворъ, крытый стеклянной крышей.

— Гдѣ карета, отъѣзжающая туда-то? спросилъ я у кондуктора съ галунами и съ трубой въ рукѣ.

— Вотъ-съ, отвѣчалъ онъ, указывая на запряженную уже.... къ величайшему нашему изумленію *не карету*, а что-то въ родѣ крытой, весьма неудобной узкой коляски, брика, съ жесткой узенькой ска-

мейкой, внутри и съ какими-то странными трехугольными окнами и щелями у дверей и у оконъ.

— Что это значитъ? спросилъ я: — у васъ взято два мѣста *въ каретъ*, а не въ этомъ странномъ экипажѣ.

— Я ничего не знаю-съ, такъ приказано....

— Кѣмъ приказано?... Въ этомъ экипажѣ дама, взявшая мѣста *въ каретъ*, не поѣдетъ. Вы должны дать дѣйствительную карету, потому что мѣста взяты, я говорю вамъ, *въ каретъ* и за эти мѣста заплачены деньги.

— Не угодно ли вамъ обратиться къ нимъ, — отвѣчалъ мнѣ кондукторъ, указывая на господина чиновника, стоявшаго на крыльцѣ.

Я объяснилъ г. чиновнику въ чемъ дѣло.

Г. чиновникъ выслушалъ меня, взглянулъ на неопредѣленный экипажъ и произнесъ:

— Да развѣ это не карета?... И это *тоже* карета.

Тогда я указалъ ему на нѣсколько дѣйствительныхъ каретъ, стоявшихъ на дворѣ, и замѣтилъ, что между ними и заложенымъ экипажемъ величайшая разница.

Г. чиновникъ былъ такъ добръ, что дѣйствительно призналъ нѣкоторую разность и распорядился, чтобы даму посадили въ настоящую карету.

— Нельзя ли достать маршрутъ? спросилъ я у обязательнаго чиновника.

— Маршрутовъ здѣсь нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — маршруты даются на почтѣ.

Однако онъ подумалъ немного и черезъ минуту произнесъ:

— Ну, пожалуй, я вамъ достану.

И дѣйствительно принесть маршрутъ.

Отчего бы, казалось, не продавать маршруты тутъ же для отъѣзжающихъ? Отчего бы прямо не сажать въ кареты тѣхъ, которые берутъ мѣста въ кареты?

Чтобы сказать г. завѣдующій нашими почтовыми экипажами, если бы у насъ случилось что нибудь подобное?...

Последнимъ петербургскимъ интересомъ могла бы быть годичная выставка Академіи Художествъ, (открывшаяся въ нынѣшнемъ году необыкновенно поздно, въ то время, когда большинство уже выѣхало изъ Петербурга), — но мы должны сказать къ глубокому приискорбію, что эта выставка, за исключеніемъ двухъ-трехъ пейзажей, не представляла почти ничего замѣчательнаго. Къ лучшимъ ея произведеніямъ, такимъ, которыя бы могли украсить всякую выставку,

принадлежить сцена въ харчевнѣ г. Андрея Попова, — картина полная жизни и истины и выполненная художественно.

Театры потеряли весь свой интересъ съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней. Къ тому же, по случаю перестройки двухъ театровъ, спектакли весьма рѣдки. Г. Щепкинъ гостилъ въ Петербургѣ довольно долго. Онъ игралъ роли Фамусова, Городничаго, Муромскаго (въ Свадьбѣ Кречинскаго) Чупруна, (Москаль-Чаривникъ), Матроса, Сганареля и Гарпагона. Спектакли, въ которыхъ онъ участвовалъ, привлекали постоянно множество зрителей. Театральная публика принимала его всегда съ громкими рукоплесканіями, въ память прошедшаго, и надо правду сказать, что несмотря на то, что Щепкинъ ослабѣлъ и устарѣлъ, въ немъ все-таки еще видѣнъ истинный артистъ....

Мы ни разу не упоминали о г-жахъ Подобѣдовой 2-й, и Барановой, о г-нѣ Шемаевѣ, дебютировавшемъ въ роли Расплюева; но о первыхъ двухъ говорить нечего, потому что онѣ не прибавляютъ ровно ничего и не выходятъ ни на одну черту изъ подъ общаго уровня, а послѣдній былъ не дуренъ въ роли Расплюева — вотъ все, что можно сказать объ немъ.

Новая опера г. Фитингофа «Мазепа», по мнѣнію музыкальных знатоковъ, произведеніе весьма посредственное и лишнее всякой оригинальности. Намъ впрочемъ не удалось слышать ее.

Вотъ новость для любителей итальянской оперы, которую сообщаетъ изъ Парижа фельетонистъ «Норда» Henry de Pène:

«Въ прошедшее воскресенье (въ Парижѣ) вечеръ у г-жи Кайсаровой былъ блистательный; на немъ между прочимъ присутствовали графъ Киселевъ, г. Сабуровъ, директоръ петербургскаго театра, и директоръ итальянской парижской оперы г. Кальзадо. Героиней вечера была — молодая и прекрасная собою пѣвица — *г-жа Эмми Лагра* (Emmy Lagua). Г-жа Лагра родилась въ Сициліи и шесть или семь лѣтъ тому назадъ явилась въ парижской оперѣ, возвращаясь изъ Дрездена, гдѣ были ея первыя дебюты. Съ тѣхъ поръ она много путешествовала и талантъ ея развился сильно. Теперь она уже пользуется значительной извѣстностію. — Пѣвица произвела на своихъ слушателей не только большой эффектъ, — она привела ихъ въ восторгъ. Эту примадону г. Кальзадо ангажируетъ для Парижа, г. Сабуровъ для Петербурга. За кѣмъ останется побѣда?»

Оканчивая свой фельетонъ, г. Пенъ прибавляется:

«Въ ту минуту, какъ мы кончали нашъ фельетонъ, — до насъ дошли слухи, что г. Сабуровъ одержалъ побѣду. Г-жа Лагра ангажирована въ Петербургъ, кажется, за ту же самую цѣну, какую платили бѣдной Бозіо.»

Загородныя гулянья въ окрестностяхъ Петербурга всѣ открылись.... На Минеральныхъ Водахъ играетъ оркестръ, подъ управленіемъ Гунгля; въ Павловскомъ вокзалѣ подъ управленіемъ Штрауса;—вилла Monde Brilliant (бывшая вила Боргезе, у Каменноостровскаго моста) управляется знаменитымъ Излеромъ, который гдѣ нибудь да воскресаетъ каждое лѣто. Лѣтнія афишки сдѣлались невозможны безъ имени Иалера.

Нева и Невки оживлены движеніемъ маленькихъ парашодовъ. Сверхъ прежней, учредилась еще нынѣшнее лѣто новая парашодная компанія.

Ботаническій садъ полонъ теперь рѣдкими цвѣтами и растеніями. Близъ входа въ большую оранжерею устроена гора изъ камней (она ужъ существуетъ нѣсколько лѣтъ), на которой очень красиво расположены всѣ цвѣты и растенія петербургскихъ окрестностей и образцы Сибирской флоры....

На этихъ искусственныхъ пригоркахъ и скалахъ въ миниатюрѣ, на открытомъ воздухѣ, можно видѣть постоянно съ первыхъ дней весны до послѣднихъ дней осени, необыкновенно замѣчательные цвѣты и растенія, которыя не уступаютъ нисколько растеніямъ, съ трудомъ содержимымъ въ оранжереяхъ.

Здѣсь вы можете между прочимъ, видѣть блестящую оранжеваго цвѣта *trollices*, огненнаго цвѣта *dodecatheon*, мамурру съ красными цвѣтами, морошку въ цвѣту (цвѣтокъ ея бѣлый и очень красивый), альпійскія розы, точно такія, какія цвѣтутъ въ горахъ Швейцаріи, и множество другихъ любопытныхъ обрашковъ царства Флоры.

Такихъ растений и цвѣтовъ мы не видали въ частныхъ садахъ, а между тѣмъ они легко могутъ расти и цвѣсти во всѣхъ садахъ и для нихъ не нужно теплицъ и оранжерей....

Пути сообщеній дѣлаются у насъ наконецъ, все болѣе и болѣе удобными. Нынѣшнее лѣто открылся, между прочимъ, новый и прекрасный путь въ Дерптъ. Путь этотъ сократился сравнительно съ прежнимъ почти на половину. Прежде надобно было ѣздить въ Дерптъ по Нарвскому тракту весьма скучному и монотонному и требовалось на это 50 часовъ! Почтовые лошади, которые отправлялись туда, не отличались большимъ комфортомъ. — Теперь отъѣзжающіе въ Дерптъ отправляются изъ Петербурга въ 8 часовъ вечера по Варшавской желѣзной дорогѣ. Поездъ приходитъ въ Псковъ въ 4 часа утра. Оттуда въ 6 часовъ утра отходитъ парашодъ, идущій по рѣкѣ Великой (12 верстъ), по Чудскому озеру (100 съ чѣмъ-то верстъ) и наконецъ по рѣкѣ Эмбахъ до самаго Дерпта. — Всего отъ Пскова до Дерпта 12 часовъ ѣзды.

Прежнимъ путемъ надо было употребить двое сутокъ на поѣздки отъ Петербурга до Дерпта и путевыя издержки стоили по крайней мѣрѣ 20 р. сер. Новый путь не болѣе 20 часовъ, а издержки никакъ не превышаютъ 12 р. сер.

Кромѣ сокращенія времени и удобства новаго пути, онъ представляетъ еще много удовольствій. Берега рѣки Эмбахъ очень живописны, а пароходъ *Нарова* содержится въ большой чистотѣ и порядкѣ....

Май мѣсяцъ выдержалъ себя въ Петербургѣ съ честію: двѣ недѣли совершенно лѣтнихъ жаровъ, начиная съ 8-го мая; потомъ одинъ день дождь, послѣ дождя два дня холода съ вѣтромъ (въ эти два дня по вечерамъ было не болѣе 3¼ градуса) и наконецъ снова ясная и довольно теплая погода.

Послѣ почти 8-мѣсячнаго заточенія за двойными рамами, казалось, петербургскіе жители должны бы были отъ радости, при видѣ солнца и зелени, разсыпаться по окрестнымъ полямъ, лугамъ, рощамъ, паркамъ, садамъ; казалось бы, эти сады, поля, луга, рощи и парки должны были представлять самую пеструю и оживленную картину. Ничего не бывало. Повсюду страшная пустота и безлюдье.... Еще на Елагиномъ острову изрѣдка по вечерамъ попадаются блестящіе экипажи и нѣсколько человѣкъ съ дипломатическою важностію, прохаживающихся по насыпной набережной дорожкѣ; но въ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ—въ Павловскомъ, въ Петергофскихъ и въ Ораніенбаумскихъ паркахъ, въ изрѣдка встрѣтите какой нибудь экипажъ и почти никогда ни одного пѣшехода, несмотря на отличныя, теплыя вечера.... Можетъ быть вы заключите изъ этого, что въ тѣхъ мѣстахъ мало живутъ на дачахъ? Напротивъ, всѣ дачи заняты и набиты биткомъ, несмотря на умножающуюся ежегодно дороговизну дачъ.... За двѣ комнатки безъ саду въ колоніяхъ за Петергофомъ платятъ 80 р. сер. Поэтому вы можете судить, что должна стоить мало-мальски порядочная и удобная дача въ своимъ садикомъ. Нѣкоторые изъ дачъ Петергофскихъ и Ораніенбаумскихъ противъ самаго парка: стоитъ только перейти дорогу... но петербургскіе дачники выѣзжаютъ изъ городскихъ каменныхъ стѣнъ, кажется, для того только, чтобы заключить себя въ деревянныя дачныя стѣны и умирно пользоваться иногда воздухомъ только въ своихъ палисадникахъ, или изрѣдка проѣхаться или пройтись до музыки.

Но много ли бываетъ и на музыкахъ, гремящихъ лѣтомъ повсюду?...

На Минеральныхъ Водахъ—пустота.

При открытіи *Monde-Brillant* сначала было довольно много посѣтителей: первые два или три раза, а потомъ—пустота.

Въ Павловскомъ воисалѣ также не тѣсно. За исключеніемъ поклонницъ Штрауса, живущихъ на дачахъ, и нѣсколькихъ образцовыхъ офицеровъ и гусаръ изъ Царскаго Села, тоже почти никого посторонняго.

Въ Петергофѣ, когда играетъ у дворца два оркестра военной музыки, мрачно и апатически прохаживаются фигуры тридцать обоего пола. Фонтаны бьютъ и мечутъ на воздухъ воду, не привлекая и не прохладяла никого.

Въ Ораніенбаумѣ также играетъ по вечерамъ музыка у такъ называемой Каталной горки и тамъ никогда уже не бываетъ болѣе десяти человѣкъ....

Если иногда, гдѣ нибудь, на какой нибудь музыкѣ и соберется иногда довольно публики, то отъ этого одушевленія не прибавляется нисколько. Всѣ прохаживаются чинно, какъ будто по-наряду, по должности, по обязанности: дамы можетъ быть для того, чтобы удивить своимъ пышнымъ туалетомъ; мужчины просто такъ, отъ нечего дѣлать. Все сонно и вяло; на всѣхъ мужскихъ лицахъ обломовская пустота, апатія и тоска. Все основано и одавлено условными, нецѣлѣвыми приличіями.... Вездѣ раздѣленіе, касты: напыщенность съ одной стороны, рабѣйство съ другой; ни одного естественнаго движенія, ни одного натурального, свободнаго взгляда, улыбки, поклона. Все натянуто, искусственно, заучено... Нестерпимая, мучительная тоска такъ и охватываетъ все!

И музыканты играютъ какъ-то вяло, нехотя...

Каждый изъ гуляющихъ, кажется, спрашиваетъ у самого себя: «Зачѣмъ я здѣсь?»

Или еще рѣзче:

«Зачѣмъ чортъ привнесъ меня сюда?..»

На одномъ изъ такихъ прелестныхъ гуляній я сидѣлъ на скамейкѣ съ моимъ пріателемъ. Оба мы зѣвали и лѣниво смотрѣли на лѣниво двигавшихся мимо насъ куколъ. Пріатель мой, человѣкъ умный и образованный, имѣющій знакомства съ людьми такъ называемаго большаго свѣта, но не выѣзжающій въ этотъ свѣтъ. Передъ нами съ величайшею важностію появились вдругъ два великосвѣтскіе господина *хорошаго* тона, шедшіе подъ руку. Одинъ изъ нихъ, при видѣ моего пріателя, наклонилъ немного свою голову и произнесъ тѣмъ особеннымъ тономъ и съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, съ которымъ обыкновенно высшія обращаются къ низшимъ: — Здравствуйте-съ. Какъ ваше здоровье?

И прошелъ не дожидаясь отвѣта.

Пріатель мой также слегка кивнулъ ему головою, улыбнулся и обратился ко мнѣ:

— Вотъ это называется *хороший тонъ*. Кто проситъ этого господина замѣчать меня?...

— Ты можешь съ нимъ сдѣлать тоже, отвѣчалъ я, что Пиронъ сдѣлалъ съ Вольтеромъ. — Въ Фонтенебло, проходя въ свитѣ придворныхъ, Вольтеръ замѣтилъ бѣднаго поэта и также аристократически взглянулъ на него, какъ теперь на тебя этотъ господинъ, и произнесъ: — «Comment vous portez-vous?» и также, не дожидая отвѣта, ушелъ. На другой день Пиронъ встрѣтилъ Вольтера и безъ всякихъ предисловій произнесъ: Fort bien, monsieur, et prêt à vous servir.»

Вольтеръ понялъ это; но бѣда въ томъ, что если ты также поступишь съ этимъ господиномъ, то онъ едва ли пойметъ это...

— На вѣрно не пойметъ! замѣтилъ мой пріятель.

Въ теченіе первой четверти этого года (свѣдѣнія эти мы заимствуемъ изъ «Journal de St.-Petersbourg») Императорская Петербургская Публичная Библіотека получила въ даръ отъ 116 лицъ 2,089 томовъ книгъ, 81 манускриптовъ и автографовъ, 196 эстамповъ и 5 музыкальных пьесъ.

Въ числѣ ихъ—много весьма замѣчательныхъ и рѣдкихъ.

Вышло новое изданіе «Записокъ Охотника», И. С. Тургенева, въ 2 томахъ, очень красиво отпечатанныхъ въ типографіи г. Вульфа.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ особенныхъ литературныхъ новостей не было, только появился V томъ «Сочиненій Пушкина», изданіи Я. А. Исакова. Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ: отрывки, журнальныя и историческія статьи. Въ немъ между прочимъ находятся «Египетскія ночи», «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», и до сихъ поръ не старѣющіяся остроумныя полемическія его статьи: «О выходѣ Записокъ Самсона», «О Запискахъ Видока», «Торжество дружбы, или оправданный Александръ Анфимычъ Орловъ», «Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Б. и о прочемъ...»

Мы уже говорили, что это изданіе изящно, удобно и дешево. — Что оно разоидется быстро, въ этомъ мы не сомнѣваемся.

Рекомендуемъ нашимъ читателямъ карту театра военныхъ дѣйствій, изданную гг. Аничковымъ и Шевелевымъ. — Это безъ сомнѣнія лучшая и подробнѣйшая карта изъ доселѣ изданныхъ.

Съ появленіемъ жаровъ обнаружилось въ Петербургѣ нѣсколько холерныхъ случаевъ очень сильныхъ. — И потому Медицинскій Департаментъ счелъ долгомъ извѣстить объ этомъ петербургскихъ жителей и проситъ ихъ принимать извѣстныя мѣры предосторож-

ности. Петербургъ въ маѣ мѣсяцѣ страдалъ отъ сильныхъ пожаровъ. Въ Рождественской части сгорѣло до 200 домовъ.

Въ 20 № «Искры» напечатана небольшая иллюстрированная статейка, подъ которой подписано мое имя. — Никакой подобной статейки я не сочинялъ и не посылалъ въ «Искру». — Какимъ образомъ подъ ней очутилось мое имя, должна объяснить редакція «Искры».

И. ПАНАЕВЪ.

ПОЛИТИКА.

**ПРИЧИНЫ НАШЕЙ СИМПАТИИ КЪ АВСТРІЙЦАМЪ. — СРАЖЕНІЯ ПРИ МОНТЕВЕЛЛО И
МАЛЕСТРО. — БИТВА ПРИ МАДЖЕНТЪ. — ДѢЙСТВІЯ ГАРИВАЛДИ. — ТОСКАНСКІЯ
ДѢЛА.**

Нашъ разсказь объ итальянской войнѣ въ прошедшій разъ былъ доведенъ только до прибытія императора французовъ въ Алессандрію 14 (2) мая; и хотя до той поры не было еще ни одной битвы, даже ни одной сколько нибудь замѣчательной стычки, но уже не трудно было предугадывать участь компаніи, и, повторяя соображенія безпристрастныхъ газетъ, мы говорили: «надобно думать, что участь начавшагося похода рѣшена неловкостью австрійцевъ, не усиѣвшихъ помѣшать соединенію французовъ съ австріцами» (Современникъ № V. «Политика», стр. 171); «нелѣпное начало не предвѣщаетъ для нихъ (австрійцевъ) ничего особенно хорошаго. Будутъ ли они защищаться на Тичино, будутъ ли защищать Миланъ — неизвѣстно. Но съ битвами или безъ битвъ, все равно, они скоро будутъ отгѣснены до линіи рѣки Минчіо, гдѣ найдутъ опору въ крѣпостяхъ—Пескьеръ и особенно Мантуѣ» (стр. 170). Теперь это соображеніе уже исполнилось болѣе чѣмъ наполовину: мы знаемъ, что австрійцы уже отступили далеко за Миланъ, занятый французами, и въ то время, когда читатель будетъ перелистывать эти страницы, онъ вѣроятно уже прочтетъ въ телеграфическихъ депешахъ, что австрійцы отгѣснены до самаго Минчіо. Дѣлать такіа предсказанія очень легко, и хвалиться ихъ исполненіемъ нечего: нужно только слѣдовать соображеніямъ тѣхъ газетъ, у которыхъ лучшіе корреспонденты и у кото-

рыхъ есть политическій тактъ. Мы напоминаемъ объ исполненіи нашихъ прежнихъ словъ только съ цѣлью увѣрить читателя, что онъ можетъ считать не пустымъ обольщеніемъ тѣ соображенія о характерѣ, ходѣ и результатахъ итальянской войны, которыхъ мы держимся. Если эти соображенія оправдались фактами въ той части своей, которая наиболѣе подвержена случайностямъ, это можетъ быть нѣкоторымъ ручательствомъ за то, что оправдаются событіями и тѣ стороны ихъ, въ которыхъ случай имѣетъ гораздо меньше силы. Если ходъ войны оказался дѣйствительно таковъ, какой надобно было предполагать по указаніямъ достовѣрнѣйшихъ публицистовъ Западной Европы, то можно быть увѣреннымъ, что эти публицисты не ошибались и въ своихъ указаніяхъ на характеръ войны и на то, какіе результаты она дастъ, если сохранить нынѣшній свой характеръ.

Итакъ мы просили бы читателя, не увлекаясь обольстительными надеждами, какія внушаютъ побѣды, припомнить то, что мы говорили въ февральской, мартовской и майской книжкахъ объ истинномъ характерѣ нынѣшней войны и о цѣляхъ, которыми должна ограничиться она по расчетамъ могущества, нашедшаго нужду поднять итальянскій вопросъ. Въ нынѣшній разъ мы не станемъ повторять всего, что говорили прежде; не будемъ вновь доказывать, что сила, поднявшая войну и могущая окончить ее, когда захочетъ, руководится вовсе не желаніемъ освободить Италію, а только потребностью упрочить себя приобрѣтеніемъ военной славы; не будемъ говорить о томъ, что эта цѣль вовсе не одинакова въ восторженныхъ надеждахъ итальянскихъ патріотовъ, которые пока еще не получили прочнаго ручательства въ согласіи французской политики съ ихъ планами; не будемъ говорить, что совершенное изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи вовсе не должно считаться единственною возможною развязкою французско-сардинскихъ побѣдъ и что, напротивъ, существуетъ множество другихъ комбинацій, которыми можетъ удовлетвориться Франція и которыя вовсе не соответствуютъ гипотезамъ, созданнымъ довѣрчивостью многихъ благородныхъ людей въ Италіи, во Франціи и у насъ. Повторять въ четвертый или въ пятый разъ то, что уже много разъ доказывалось съ большою подробностью, было бы слишкомъ скучно: притомъ мы рисковали бы напрасно огорчать тѣхъ читателей, которые оставались не согласны съ нами: они теперь увлечены благородною радостью отъ вѣсти о бѣгствѣ австрійскихъ мучителей изъ Ломбардіи; въ восторгѣ прекрасной симпатіи, они не захотятъ хладнокровно думать о тѣхъ грустныхъ фактахъ, на которыхъ основано наше недоувѣріе и которые затѣваются теперь блескомъ побѣдъ. Мы только просимъ ихъ не осу-

ждать насъ за то, что мы не въ состояніи забыть прошедшаго и не можемъ вѣрить словамъ людей, которые, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо познакомили насъ съ собою своими дѣлами въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Мы помнимъ, что говорилось въ 1849 году и что было сдѣлано въ томъ же 1849 году и въ слѣдующіе за нимъ годы. Прокламація къ жителямъ Милана кажется намъ слишкомъ похожей на множество прокламацій, съ которыми обращалась та же сила къ жителямъ Рима, а прежде того къ самимъ французамъ. Читатели, несогласные съ нами, не хотятъ помнить прошедшаго и не захотѣли бы слушать насъ, если бы мы стали говорить объ немъ. А тѣ, которые согласны съ нами, сами помнятъ то, забвеніе о чемъ приготовляетъ другимъ горькую необходимость скоро раскаться въ нынѣшней довѣрчивости.

Не будемъ же говорить о томъ, къ чему ведетъ Италію нынѣшняя война, если характеръ этой войны не измѣнится отъ новыхъ катастрофъ; займемся только приведеніемъ въ связь газетныхъ извѣстій о ходѣ войны. Онъ былъ блистателенъ для французовъ и сардинцевъ и свидѣтельствуетъ о нецѣпности австрійцевъ. Покрайней мѣрѣ послѣднее обстоятельство пріятно тѣмъ, что умственная сторона дѣла соотвѣтствуетъ его нравственному достоинству. Гнусные притѣснители, австрійцы, оказываются съ тѣмъ вмѣстѣ пошлыми, бездарными, просто глупыми. Къ сожалѣнію, эта гармонія нравственныхъ качествъ съ умственными замѣтна только въ австрійцахъ. Въ другихъ лагеряхъ мы почти только и видимъ, или людей честныхъ, но дающихъ себя въ обманъ, или людей, умѣющихъ очень хорошо обдѣлывать свои дѣла при помощи обманываемаго благородства, людей, которые умѣютъ хорошо дѣлать, но дѣлаютъ только дурное.

Нецѣпность австрійцевъ обнаружилась къ нашему удовольствію и радости, конечно, всѣхъ нашихъ читателей еще поразительнѣе, нежели какъ мы надѣялись въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Мы полагали, что прибытіе императора французовъ въ Геную 12-го мая (новаго стиля) обозначаетъ уже совершенную готовность французскихъ войскъ въ Италію къ началу наступательныхъ дѣйствій. Онъ и самъ ожидалъ найти все нужное перевезеннымъ, устроеннымъ, приготовленнымъ къ походу: онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же по прибытіи начать посылать въ Парижъ бюллетени о побѣдахъ. Но его отъѣздъ изъ Парижа, обманувшій насъ, былъ слѣдствіемъ ошибки въ его собственныхъ предположеніяхъ. Онъ могъ начать наступательныя дѣйствія не ранѣе, какъ черезъ двѣ съ половиною недѣли послѣ своего пріѣзда. Около 13 (1) мая французская пѣхота была дѣйствительно готова къ открытію компаніи, но не была готова ни кавалерія, ни артиллерія, безъ которыхъ нечего было дѣлать и пѣхотѣ.

Такимъ образомъ австрійцы имѣли еще около трехъ недѣль лишняго времени, для того, чтобы что нибудь сдѣлать на свободѣ. Они не умѣли ничего сдѣлать и въ этотъ срокъ, далеко превосходящій наши прежнія ожиданія. Они стояли, они ходили, они собирали реквизиціи, они укрѣпляли позиціи, которыя оставляли безъ боя, они поглядывали на непріятельскія позиціи, которыя можно было взять безъ боя, и не брали ихъ; одинъ только разъ издумали было что-то сдѣлать, но и тутъ распорядились самымъ пошлымъ образомъ, такъ что не только дали побить себя, но въ добавокъ и обмануть себя. Это было при Монтебелло. Читатель знаетъ, что австрійцы были тутъ побиты, но можетъ быть онъ не знаетъ, что по ихъ собственному объясненію они дали эту битву для разузнанія расположенія французско-сардинскихъ войскъ, а въ результатѣ она послужила къ тому, что они не знали, гдѣ имъ ждать нападенія отъ непріятелей.

Съ 26-го (14) апрѣля до 20-го (8) мая, цѣлый мѣсяцъ свободного времени австрійцы потеряли за-даромъ, потерявъ прежде того еще цѣлую недѣлю тоже нецѣпнымъ образомъ. 21-го мая они издумали наконецъ что нибудь сдѣлать, — и придумали сдѣлать сильную рекогносцировку на своемъ лѣвомъ флангѣ, чтобы узнать расположеніе праваго фланга французскихъ войскъ. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ австрійскій главнокомандующій. Поправляя говоря, вѣроятно была тутъ также надежда захватить въ расп্লохъ французскую дивизію, которая стояла слишкомъ далеко отъ другихъ. Дѣйствительно, дивизію эту захватили они въ расп্লохъ, такъ что должны были бы непременно уничтожить ее; но вмѣсто того сами были ею побиты, такъ что стыдно было имъ и признаваться въ своемъ человеко-убійственномъ намѣреніи, и за лучшее почли они говорить только о нелинейной мысли произвести рекогносцировку. Подробности объ этомъ дѣлѣ извѣстны теперь съ достаточной точностью; но оно потеряло свою занимательность послѣ страшной битвы при Маджентѣ, потому разсказъ нашъ можетъ быть коротокъ.

Обѣ враждебныя арміи, около 20-го (8) мая, стояли растянувшись каждая верста на сто. Часть французско-сардинскихъ войскъ была на лѣвомъ (сѣверномъ) берегу По, часть на правомъ (южномъ). Австрійскія войска тоже стояли по обѣ стороны рѣки. На сѣверъ отъ По границею между врагами служило теченіе рѣки Сезин, на югъ естественной границы не было. Главною позиціею австрійцевъ была тутъ Страделла, составляющая ключъ къ обладанію надъ тою частью По, которая находится между Павією и Піаченцою. Французскія войска стояли, между прочимъ, около Вогеры, которая лежитъ верстахъ въ тридцати отъ Страделлы. «Мы хотѣли узнать, говорить

Гюлай, какъ велики силы французовъ въ этомъ пунктѣ.» Съ этою нѣлью былъ посланъ по дорогѣ къ Вогерѣ корпусъ Стадіона, имѣвшій до 25,000 человекъ. Первые непріятельскіе аванпосты встрѣтилъ онъ въ деревнѣ Кастеджіо: тутъ стоялъ отрядъ сардинской конницы, имѣвшій всего нѣсколько сотъ человекъ. Сардинцы защищались очень храбро, сдѣлали нѣсколько геройскихъ атакъ, но припуждены были отступить по той же вогерской дорогѣ въ деревню Монтебелло, гдѣ находилось около 500 человекъ французской пѣхоты подъ командою полковника Камбреля. Эта горсть людей вѣстѣ съ сардинскими кавалеристами нѣсколько часовъ выдерживала битву, пока генералъ Форѣ, начальствовавшій дивизіею, расположенною въ тѣхъ мѣстахъ, собиралъ своихъ людей и послѣдно посылалъ ихъ баталіономъ за баталіономъ на подкрѣпленіе аванпостному отряду. Отъ Вогеры къ Монтебелло идетъ желѣзная дорога, и это дѣло было первымъ сраженіемъ, въ которомъ вагоны привозили солдатъ прямо на поле битвы. Деревня Монтебелло нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Австрійцы очень твердо выдерживали бой, пока онъ ограничивался перестрѣлкою. Наконецъ французы понли въ штыки, — въ этомъ способѣ битвы австрійцы оказались довольно плохи, — и забавно читать письмо одного изъ ихъ офицеровъ, который презрительно говоритъ, что такой «безчеловѣчный маневръ», какъ рукопашный бой на штыкахъ, «не нравится австрійскимъ войскамъ, непривыкшимъ къ этому варварству», — увѣряемъ читателя, что эта фраза ни мало не прикрашена, а буквально взята изъ письма ученаго и гуманнаго австрійца. Штыками французы окончательно утвердились въ Монтебелло, и австрійцы отступили въ Кастеджіо. Французы не могли преслѣдовать ихъ, потому что были гораздо слабѣе числомъ.

Изъ этого мы видимъ, что въ тактическомъ отношеніи побѣда была далеко не полная. Французы успѣли сбить австрійцевъ со второй позиціи; но въ первой позиціи, отнятой въ началѣ боя, австрійцы спокойно оставались, не преслѣдуемые побѣдителями. За то нравственное дѣйствіе перваго серьезнаго дѣла было довольно велико: французы и сардинцы увѣрились, что при равномъ числѣ сражающихся австрійцы не могутъ устоять противъ нихъ. Любопытными чертами боя были также два обстоятельства. При Монтебелло въ первый разъ дѣйствовали новыя французскія нарезныя пушки, и французы говорятъ, что ихъ страшному дѣйствию болѣе всего облажены побѣдою. Съ другой стороны тутъ же было въ первый разъ испытано искусство знаменитыхъ тирольскихъ стрѣлковъ, и австрійцы увѣряютъ, что венсенскіе стрѣлки далеко уступаютъ этимъ отборнымъ мастерамъ своего дѣла. Само собою разумѣется, что тотъ и

другой фактъ одинаково оспариваются противниками: французы говорятъ, что въ тирольскихъ стрѣлкахъ нѣтъ ничего особенно хорошаго; австрійцы пишутъ, что французскія наръзные пушки принесли имъ мало вреда. Надобно думать, что обѣ стороны правы, хвала свое оружіе, и обѣ только хотятъ уменьшить страхъ опасности въ своихъ рядахъ, отвергая дѣйствительность непріятельскаго огня. Такъ думать заставляетъ страшный урокъ, понесенный обѣими сторонами. Со стороны французовъ было въ дѣлѣ отъ 8 до 10 тысячъ человекъ, изъ нихъ выбыло изъ строя около тысячи; число австрійцевъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ, было отъ 12 до 15 тысячъ, изъ нихъ выбыло изъ строя болѣе 1,250 человекъ. Сраженіе длилось не очень много времени, и военные люди находятъ, что такая сильная пропорція убитыхъ и раненыхъ (около восьмой части людей бывшихъ въ дѣлѣ) была почти безпримѣрна въ подобныхъ стычкахъ прежнихъ войнъ. Ее надобно приписать, во французскихъ войскахъ, штуцерамъ тирольскихъ стрѣлковъ, а въ австрійскихъ—дѣйствию наръзныхъ пушекъ. О небывалой прежде мѣткости выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ свидѣлствуетъ и непропорціональная потеря въ корпусѣ офицеровъ въ обонхъ отрядахъ. Изъ четырехъ полковыхъ командировъ и двухъ генераловъ, бывшихъ въ дѣлѣ, французы лишились одного генерала и трехъ полковыхъ командировъ; изъ шести человекъ уцѣлѣло только двое, да и то не совсемъ, потому что генераль Форѣ также получилъ легкую рану.

Еще довольно важное обстоятельство состоитъ въ томъ случайномъ совпаденіи мѣстностей, что центромъ первой битвы въ нынѣшнемъ походѣ сдѣлалась деревня Монтебелю, при которой въ 1800 году Ланцъ одержалъ блистательную побѣду надъ австрійцами. Это дѣло служило вступленіемъ къ сраженію при Маренго, и отъ такого воспоминанія въ десять разъ усиливался эффектъ, произведенный нынѣшнею схваткою во французахъ и сардинцахъ.

Но едва ли не любопытнѣе всего въ этомъ дѣлѣ то безцеремонное хвастовство, съ которымъ обѣ стороны уменьшали число своихъ и увеличивали число непріятельскихъ войскъ, участвовавшихъ въ сраженіи. Французы говорили, что ихъ было всего только 5,000, или даже только 3,000, или даже только 2½ тысячи противъ 25,000 австрійцевъ. Цифра 5,000 находится даже въ официальныхъ отчетахъ, хотя каждому легко сосчитать по нумерамъ полковъ и батальоновъ, что сражалось болѣе 8,000 французовъ, и хотя достоверно, что австрійцевъ сражалось не болѣе 15,000, а вѣроятно и болѣе, и другія части корпуса Стадіона не участвовали въ битвѣ. Гиулай, напротивъ, говоритъ, что 8,000 австрійцевъ сражались противъ 40,000 французовъ и удержались въ своей позиціи; 40,000 противниковъ

набираетъ онъ очень просто, считая весь корпусъ Бараге-д'Илье, къ которому принадлежитъ дивизія Форэ; онъ могъ бы также легко показать и 250,000 противниковъ, стоило бы только считать всю французо-сардинскую армію. Какіе же Роландовскіе подвиги, могли бы послушать Форэ или Гюлай! Съ одной стороны 5,000 французовъ на голову разбили 25,000 австрійцевъ, съ другой стороны 8,000 австрійцевъ не были побѣждены 40,000 французовъ. Прелестно здѣсь согласіе въ опредѣленіи пропорціи: и по французскому, и по австрійскому отчету одинаково полагается одинъ свой солдатъ противъ пятихъ непріятелей.

Но если Гюлай не могъ перещеголять французовъ въ этомъ отношеніи, онъ оставилъ ихъ далеко за собою тѣмъ отряднымъ самодовольствіемъ, съ какимъ излагаетъ Европѣ свое понятіе о результатѣ дѣла. Французы, отбѣсивши противниковъ, полтора раза превосходившихъ ихъ числомъ, кричали, что одержали полную побѣду, — тутъ нѣтъ еще ничего страннаго. Но Гюлай чуть не съ наслажденіемъ говоритъ, что сраженіе, въ которомъ сильный отрядъ ево былъ разбитъ, совершенно соотвѣтствовало его намѣренію и удовлетворило его желанію. «Мы, говоритъ онъ, хотѣли заставить противниковъ выказать свои силы, и достигли въ этомъ успѣха.» Times очень не дурно подсмѣивается надъ такимъ тупоумнымъ усиленіемъ утайтъ шило въ мѣшкѣ.

«Если кому нибудь угодно, говоритъ Times, потратить цѣлое утро совершенно понапрасну, пусть онъ проповѣдуетъ здравый смыслъ знаменитому медику или полководцу. Для этихъ людей задача не въ успѣхѣ, — успѣхъ пустая случайность, — а въ томъ, чтобы дѣйствовать по правиламъ искусства. Фортуна — капризница беретъ города и спасаетъ жизнь; правила искусства вѣчны и безспорны. Уморивъ 30 пациентовъ правильнымъ лѣченіемъ, докторъ идетъ въ кабинетъ, беретъ книгу, читаетъ ее и съ удовольствіемъ говоритъ себѣ, что не ошибся въ симптомахъ и что его рецепты всѣ были *secundum artem*. Его пациентъ воспользовался всѣми благами нынѣшняго совершенства науки и умеръ надлежащимъ образомъ. Чего же вамъ больше? Австрійскій генералъ яснымъ образомъ принадлежитъ къ той же школѣ. Онъ подвигается съ цѣлымъ корпусомъ и атакуетъ позицію, на которой несомнѣннымъ образомъ долженъ найти сильнѣйшій отпоръ. Потерявъ 1,500 человекъ и такимъ образомъ «исполнивъ цѣль рекогносцировки» и «принудивъ непріятеля выказать всѣ свои силы», онъ отступаетъ въ совершенномъ порядкѣ и пишетъ ученую реляцію. Что мы станемъ говорить съ людьми, у которыхъ принципы до такой степени различны отъ нашихъ?»

Само по себѣ, сраженіе при Монтебеліо не имѣло никакихъ результатовъ. Но оно принесло союзникамъ большую пользу тѣмъ, что утвердило австрійцевъ въ мысли, будто французы хотятъ держаться большими силами на южномъ берегу По и думаютъ начать наступленіе по дороги отъ Вогеры къ Страделу, чтобы перейти въ Ломбардію черезъ По между Павією и Піаченцою. Блестательный отпоръ, данный ими австрійцамъ на правомъ берегу По, прикрылъ передвиженіе, которое сдѣлали они черезъ нѣсколько дней, перешедши черезъ По гораздо-выше австрійской его части и сосредоточивъ свои силы на сѣверномъ берегу По, на дорогѣ изъ Верчелли въ Миланъ, посредствомъ отступленія къ Казале, — движеніе, которымъ рѣшена была судьба похода.

Около 20-го мая французы далеко еще не были готовы къ началу похода, и потому около полуторы недѣли не было никакихъ важныхъ извѣстій о дѣйствіяхъ союзной арміи. Не раньше 30 (18) числа одинъ изъ отрядовъ ее встрѣтился съ австрійцами, — но за то уже тутъ каждый день стали совершаться дѣла, одно другаго важнѣе, и къ 5-му іюня (24 мая), въ одну недѣлю была кончена первая половина компаніи: въ 5 дней (съ 30-го мая до 3-го іюня) австрійцы были принуждены уступить двѣ оборонительныя линіи (Сезію и Тичино) на укрѣпленіе которыхъ было потрачено ими такъ много труда; въ 6-й день (4-го іюня) произошло генеральное сраженіе; на 7 день было ясно, что вся Ломбардія до Минчіо и Адидже освобождена отъ поработителей, и что быстрота, съ которою произойдетъ очищеніе разныхъ ломбардскихъ областей и городовъ австрійцами и занятіе ихъ французами, зависитъ уже только отъ быстроты, съ какою способна двигаться назадъ одна армія, двигаться впередъ другая.

Чтателю извѣстны главные факты этой чрезвычайной поспѣшной катастрофы: 30 и 31-го мая сардинцы два раза разбили сильныя австрійскіе отряды у Палестро; 1-го іюня австрійцы отступали за Тичино съ крайнею торопливостію; 2-го іюня союзники подошли къ Тичино; 3-го іюня переправились черезъ него; 4 іюня (23 мая) разбили австрійскую армію у Мадженты. Чтобы ясны были подробности этихъ дѣлъ, надобно намъ прежде всего ближе познакомиться съ театромъ ихъ.

Мы уже говорили, что въ послѣдней половинѣ мая австрійскія войска, бывшія на сѣверной сторонѣ По, постепенно отступая, очистили большую половину сардинскихъ земель, занятыхъ ими въ началѣ похода, и сосредоточились въ четырехъ-угольникѣ между рѣками Сезією, Тичино, По и городомъ Новарою. Сезія и Тичино идутъ съ сѣвера на югъ почти параллельно, немного расходясь въ южной части своего теченія, передъ впаденіемъ въ По. Сезія образовала за-

падую, Тичино восточную часть расположенія австрійской арміи; на сѣверѣ австрійцы сильными отрядами стояли до шоссе и желѣзной дороги, которыя бокъ-о-бокъ идутъ въ этихъ мѣстахъ, ведя изъ Турина въ Миланъ. Важнѣйшій пунктъ въ этой части ихъ, между Сезіею и Тичино—городъ Новара, гдѣ потерпѣли сардинцы окончательное пораженіе въ 1848 году. На западномъ берегу Сезіи, очищенномъ австрійцами, стоитъ на этой же желѣзной дорогѣ (и шоссе) городъ Верчелли, еще въ половинѣ малъ занятый сардинцами, а нѣсколько южнѣ село Палестро. Южную границу четырехъугольника составляетъ По. Въ южной сторонѣ широта четырехъугольника, занятаго австрійцами, составляетъ верстъ 40, въ сѣверной части верстъ 30 по прямому направленію, длина четырехъугольника отъ По до Миланской дороги (Новары) тоже верстъ 40.

Ясно, какой смыслъ имѣло это расположеніе. На югѣ австрійцы защищали По, на сѣверѣ миланскую дорогу; они думали, что союзникамъ трудно будетъ выбить ихъ изъ этого положенія, защищаемого съ фронта рѣкою Сезіею; а по отступленіи съ Сезіи у нихъ оставалась другая защита, рѣка Тичино.

Ясно также, какой смыслъ имѣли битвы 30 и 31 мая при Палестро, и битва 4 іюня при Маджентѣ: — первыми двумя сардинцы сбили австрійцевъ на югъ съ миланской дороги между Сезіею и Тичино, третьею битвою союзники очистили себѣ дорогу отъ Тичино до Милана, отбросивъ австрійцевъ къ югу. Но какъ произошли эти битвы и наступательныя движенія союзниковъ, имъ предшествовавшія? Какимъ образомъ было произведено движеніе для сосредоточенія растянутыхъ до той поры отъ Верчелли, черезъ Алессандрію, до Вогеры союзныхъ войскъ между Сезіею и Тичино, въ средней части ихъ теченія отъ Борго-Верчелли до Новары, т. е. по дорогѣ изъ Турина и Верчелли въ Миланъ? Какимъ образомъ совершился этотъ блистательный фланговый маршъ, которымъ вся союзная армія обошла правый (сѣверный) флангъ непріятельскаго расположенія? Извѣстія французскихъ, сардинскихъ и бельгійскихъ газетъ объ этомъ маневрѣ чрезвычайно сбивчивы и отрывочны, притомъ такъ, что одинъ и тотъ же корреспондентъ въ двухъ письмахъ сообщаетъ несообразные между собою клочки извѣстій, изъ которыхъ одно противорѣчитъ другому. Какъ ни старались мы составить изъ нихъ сколько нибудь связный разсказъ, все-таки выходило что-то дикое. Напримѣръ, по всѣмъ извѣстіямъ оказывалось, будто бы двойное сраженіе при Палестро, 30 и 31 мая, было дано при самомъ переходѣ черезъ Сезію, какъ будто бы тутъ сардинцы въ первый разъ хотѣли проникнуть за эту рѣку; а между тѣмъ, по письмамъ тѣхъ же самыхъ корреспондентовъ видно было, что сардинская дивизія

Чальдини еще съ 21 мая стояла на восточной сторонѣ Сесии. Какимъ образомъ она вновь являлась переходящею черезъ Сесию, 30 мая, если перешла черезъ нее 21 и не была послѣ того тревожена австрійцами? И зачѣмъ австрійцы перепустили ее такъ свободно 21 мая? Какъ они могли 30 мая защищать переходъ черезъ рѣку, который былъ уже давно отвѣтъ у нихъ, или, лучше сказать, уступленъ ими почти безъ боя 21 мая? И какимъ образомъ, 31 мая, сардинцы, въ началѣ втораго боя, являются отступающими изъ Палестро, если бой начался тѣмъ, что австрійцы прямо подступили къ этой деревнѣ, чтобы выбить изъ нея непріятеля, еще не ходившаго дальше нея? И какую связь имѣли эти сардинскія битвы на среднемъ теченіи Сесии съ движеніями главныхъ союзныхъ силъ, которыя вдругъ являются, 1 іюня, уже довольно далеко на востокъ изъ Палестро, близко къ Тичино, когда предполагается по всѣмъ извѣстіямъ, что австрійцы еще оспариваютъ переходъ черезъ Сесию? — всѣхъ этихъ и многихъ другихъ безсвязностей и противорѣчій никакъ нельзя было объяснить по извѣстіямъ континентальныхъ газетъ. Наконецъ, мы получили тѣ номера Times'a, въ которыхъ помѣщены письма корреспондента этой газеты изъ Верчелли, отъ 31 мая, и изъ Палестро, отъ 1 іюня. Онъ одинъ оказывается наблюдателемъ, умѣвшимъ узнать дѣло и рассказать его порочнымъ образомъ; у него одного факты изложены связнымъ и понятнымъ образомъ. Потому, отбрасывая всѣ нелѣпыя рассказы другихъ газетъ, приходящихъ сюда раньше англійскихъ, мы просто переводимъ его письма. Думая, что вставлять въ нихъ клочки изъ другихъ извѣстій, съ перваго раза оказывавшихся безтолковыми, значило бы только портить рассказъ корреспондента Times'a, мы ограничиваемся лишь тѣмъ, что въ выносахъ прибавляемъ нѣкоторые поясненія. Такимъ образомъ читатели, если и будутъ лишены множества эффектныхъ картинъ съ громкими фразами, которыми изобилуютъ континентальныя газеты, то покрайней мѣрѣ будутъ въ состояніи ясно понимать ходъ дѣла.

Верчелли. 31 мая.

«По обѣщанію пользуюсь первой интересной минутой, чтобы писать вамъ. Не ожидайте, чтобы это первое письмо мое было длинно, потому что хлопотать нужно очень много, осматривать очень многое, и очень мало остается времени на то, чтобы обдумать и написать. Тайна нынѣшней необыкновенной дѣятельности, столь сильно противорѣчащей тишинѣ послѣдняго мѣсяца, объясняется двумя словами: союзныя арміи кончили свои приготовленія и двигаются впередъ, двигаются съ такою быстротою и энергіею, которая за-

ставалось возможным нетерпеливых, ожидавших битвы за битвою и победы за побѣдою черезъ 24 часа послѣ того, какъ генуэзцы и туринцы приветствовали восторженными криками прибытіе пер-выхъ французскихъ войскъ.

«Безспорно, мы должны быть очень благодарны австрійцамъ, которые дали намъ кончить всѣ эти приготовления, не думая мѣшать нашимъ дѣламъ ничѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ движеній въ родѣ наступленія къ Монтебелло и маленькихъ стычекъ на Сезио.

«Были люди, улыбавшіеся при мысли, что императоръ лично принимаетъ командованіе арміею. Они должны были бы посмотреть на мѣстѣ, какъ собиралась эта великолѣпная армія, какъ снабжалась она всѣмъ нужнымъ, какъ принимались всѣ мѣры для огражденія ея, въ случаѣ покушеній непріятеля помѣшать приготовленіямъ; они должны были бы посмотреть, какъ эта армія съ безпримѣнною быстротою перенеслась въ назначенное мѣсто, и вѣроятно они перестали бы улыбаться, потому что все это произведено самимъ императоромъ; онъ все организуетъ, онъ управляетъ и руководитъ. Одинъ фантъ самымъ яснымъ образомъ покажетъ, какъ онъ это дѣлаетъ. Не далѣе какъ четыре или пять дней тому назадъ главныя силы французовъ были расположены отъ Вогеры по южному берегу По къ Алессандріи, Валенцѣ и Казале, а нынѣ эта масса, за исключеніемъ одной гвардіи, перешла Сезію, и все движеніе совершилось безъ всякой запутанности, безъ всякихъ промаховъ и съ такимъ великимъ искусствомъ, что до третьяго дня общее мнѣніе полагало, что движеніе арміи произойдетъ по совершенно другому направленію, именно къ востоку. Это убѣжденіе было такъ сильно, что всѣ вѣрили нарочно распушенному слуху, будто бы главная квартира императора будетъ перенесена въ Вогеру. Сборы императора выѣхать изъ Алессандріи много содѣйствовали такому успѣху.

«Только третьяго дня и вчера движеніе приняло свой истинный характеръ. До той поры главною задачею было—принять оборонительное положеніе и ввести въ линію французскую армію. Понять, какую массу составляетъ армія, имѣющая болѣе 100,000 человекъ, такъ же трудно, какъ приобрести ясное понятіе о великости суммы въ нѣсколько милліоновъ. Это можно узнать, только увидя глазами; самое живое воображеніе не можетъ сравниться съ дѣйствительностью. И надобно знать, что всѣ военные запасы и большую часть всего продовольствія надобно перевозить изъ Франціи, т. е. надобно перевозить сотни тысячъ тоннъ багажа, артиллеріи, аммуниціи и понтоновъ. Необходимо было сдѣлать все это безъ всякаго замѣшательства, потому что малѣйшая запутанность замедлила бы всѣ приготовления страшнымъ образомъ. И вотъ французскія войска, по

мѣръ того какъ прибывали, посылались на разныя позиціи, чтобы остановить всякое покушеніе со стороны австрійцевъ. Такимъ образомъ французская армія постепенно расположилась по южному берегу По, отъ Кастеджіо, Вогеры, Кастельнуово и Сале до Бастильяно; Алессандрія и Тортонa были базами ея расположенія; а изомонтская армія занимала линію отъ Валенцы до Казале и, по отступленіи австрійцевъ, до Верчелли.

«Первою задачею было получить переходъ черезъ Сезію, одну изъ тѣхъ широкихъ, болотистыхъ рѣкъ, которыми пересѣкаются долины верхній Италіи. Черезъ нее былъ только одинъ мостъ въ Верчелли, построенный на прекрасныхъ каменныхъ аркахъ. Онъ служилъ вмѣстѣ, и для желѣзной дороги, и для большого шоссе, вслущихъ въ Новару. Австрійцы, отступая, взорвали двѣ арки этого превосходнаго моста; поправка ихъ на глазахъ австрійцевъ была бы дѣломъ слишкомъ долгимъ и труднымъ и конечно слишкомъ привлекла бы ихъ вниманіе на этотъ пунктъ. Потому сардинская дивизія Чальдини получила приказаніе перейти Сезію въ бродъ; это было исполнено съ полнымъ успѣхомъ болѣе недѣли тому назадъ. Чальдини утвердился въ Борго-Верчелли, первомъ значительномъ мѣстечкѣ по дорогѣ въ Новару (*). Послѣ того немедленно поправили мостъ, и такимъ образомъ учредили свободное сообщеніе между обоими берегами рѣки. Масса сардинской арміи постепенно сосредоточилась въ этомъ пунктѣ и французскіе отряды заняли позиціи, оставленныя австрійцами (**).

«Третьяго дня (29 — 17 мая) самъ король перенесъ свою главную квартиру изъ Казале въ Борго-Верчелли за Сезію. Французскіе инженеры къ этому времени уже построили еще другой мостъ для облегченія перехода, и французскія войска начали переправляться черезъ

(*) Борго-Верчелли лежитъ верстахъ въ трехъ на востокъ отъ Сезіи и нѣсколько сѣвернѣе города Верчелли, стоящаго на западномъ берегу рѣки.

(**) Изъ этого ясно, что австрійцы просто не обращали вниманія на движенія Чальдини, упорствуя въ своемъ предположеніи, что главныя силы союзниковъ непремѣнно должны начать наступленіе къ Ломбардіи по прямой линіи отъ своего первоначальнаго расположенія, т. е. по южному берегу По до ломбардской границы, и пытаться вторгнуться въ Ломбардію прямо черезъ По въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта рѣка служитъ границею Сардиніи, т. е. между Павіею и Пиаченцею. Въ этой мысли конечно укрѣпляло ихъ то обстоятельство, что до послѣдней минуты главная квартира императора Французовъ оставалась въ Алессандріи; это свидѣтельствовало, по ихъ мнѣнію, что французская армія не измѣляетъ своего расположенія. Были даже, какъ мы прочли уже, нарочно распускаемы слухи, что главная квартира переносится въ Вогеру, т. е. по прямой дорогѣ изъ Алессандріи къ пограничной части рѣки По. Движеніе Чальдини вѣроятно считали австрійцы просто диверсіею, дѣлаемою для того чтобы отвлечь ихъ вниманіе съ юга на сѣверъ.

рѣку. Въ этомъ ихъ движеніи съ праваго крыла на лѣвое важную роль играла желѣзная дорога, и надобно сказать, что для перваго опыта примѣнить желѣзныя дороги къ военнымъ дѣйствіямъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, этотъ манеръ былъ блистателенъ (*). Войска, которымъ нужно было бы пять или шесть дней тяжелаго похода, въ пять или шесть часовъ достигли къ мѣсту своего назначенія. Это имѣло еще и ту выгоду, что войскамъ, шедшимъ по обыкновенной дорогѣ, оставался просторный путь, между тѣмъ какъ шоссе загромождалось бы, если бы всѣ войска шли по немъ; не говорю о томъ, что огромная масса войскъ, перевезенная по желѣзной дорогѣ, избавилась отъ утомленія форсированныхъ маршей.

«Впрочемъ это послѣднее обстоятельство, избавленіе отъ форсированнаго марша, было для французской арміи менѣе пужно, чѣмъ для всякой другой. Еслибъ не огромность ея массы, можно бы подумать, что она составлена изъ отборныхъ солдатъ. Большая часть солдатъ, люди служившіе довольно долго; вообще они имѣютъ отъ 25 до 30 лѣтъ; по ихъ свободной и твердой поступи вы узнали бы въ нихъ опытныхъ служаекъ, если бы и не блистали повсюду въ ихъ рядахъ крымскія медали.

«Вчера вечеромъ (30 мая) значительная часть французскихъ войскъ, предназначенныхъ къ переходу черезъ Сесію, была уже на восточномъ берегу рѣки и съ той поры безъ перерыва идутъ другія войска черезъ мосты. Пѣхота, кавалерія, артиллерія, зарядные ящики, аммуниція, обозъ французскій и сардинскій, идутъ сплошною цѣпью, перерывалась только на тѣ минуты, когда ѣдутъ съ той стороны лазаретныя дроги съ ранеными, своими и непріятелями; каждый сторонится передъ этимъ поѣздомъ. Поразительнѣе всего въ союзныхъ войскахъ спокойный и веселый духъ, господствующій не смотря на частыя затрудненія и невзгоды, неизбѣжныя въ подобныхъ обстоятельствахъ.

(*) Отъ Александріи, верстахъ въ десяти-пятнадцати вдоль по южному берегу По, идетъ желѣзная дорога къ ломбардской границѣ. Тортона лежитъ на этой дорогѣ верстахъ въ двадцати на востокъ отъ Александріи; Вогера верстъ на пятнадцать на востокъ отъ Тортоны. Почти прямо на сѣверъ, съ небольшимъ уклоненіемъ на западъ, отъ Александріи идетъ въ Верчелли также желѣзная дорога, переходящая черезъ По въ Казале, гдѣ была до 29 мая главная квартира сардинскаго короля. Казале лежитъ отъ Александріи верстахъ въ 30 на сѣверъ; Верчелли еще верстъ на 20 далѣе къ сѣверу, такъ что все разстояніе по желѣзной дорогѣ отъ Александріи до Верчелли составляетъ верстъ 50, а отъ Вогеры верстъ 80. Итакъ французы уѣхали отъ австрійцевъ съ южнаго берега По по желѣзной дорогѣ на западъ до того мѣста, гдѣ переправа черезъ По была свободна, и потомъ повернули, также по желѣзной дорогѣ, къ сѣверу.

«Вчера, въ годовщину битвы при Гойто, когда піемонтцы, 11 лѣтъ чему назадъ, совершили блистательный переходъ черезъ Минчо (30 мая), было назначено начать наступленіе.

«Сардинцамъ была предоставлена честь идти впередъ подъ личнымъ предводительствомъ короля. Вы знаете изъ реляцій, что послѣ упорнаго сопротивленія они овладѣли деревнями Палестро, Казалино и Вивзалио, лежащими по дорогѣ къ Мортарѣ (*). Двѣ пушки и до трехъ сотъ плѣнниковъ (въ томъ числѣ раненные) были трофеями побѣды. Слава ея вполне принадлежитъ сардинцамъ, потому что хотя значительныя силы французскихъ войскъ были уже за Сезію, но не участвовали въ сраженіи. Сардинцы вполне заслуживали этой чести, потому что по всѣмъ рассказамъ сражались очень храбро. Упорность, съ какою отбивались австрійцы, надобно въ значительной степени приписать характеру мѣстности, чрезвычайно благоприятному для обороны. Представьте себѣ низменную поляну, пересѣченную рвами и небольшими насыпями и поросшую лѣсомъ, достаточно густымъ для того, чтобы прикрыть обороняющихся и не давать наступающему мѣста развернуть силы. Деревни построены изъ кирпича и дикаго камня, такъ что каждый домикъ въ нихъ легко обращается въ крѣпость, а каждая изъ многочисленныхъ фермъ, разсѣянныхъ по всѣмъ направленіямъ, составляетъ крѣпкую позицію. Не можетъ быть мѣстности болѣе удобной для задержки наступающаго непріятеля.

«Довольно любопытно то, что первая линія австрійскихъ войскъ состояла изъ итальянцевъ и большая часть плѣнниковъ, захваченныхъ вчера, ломбардцы. Ихъ заперли въ церковь и они служатъ предметомъ большого любопытства.

«Французскіе солдаты боятся теперь только того, чтобы австрійцы не отняли у нихъ случая подрататься въ открытомъ полѣ. Это опасеніе объясняется непостижимыми движеніями австрійцевъ, которые дали французамъ полную свободу кончать приготовленія. Быть можетъ они хотятъ драться на позиціи, которую сами выберутъ, а быть можетъ, что они обмануты внезапнымъ движеніемъ французовъ на Сезію, зная послѣ сраженія при Монтебелло, что французы сосредоточены на южномъ берегу По. Вѣрнѣе всего предполагать, что обѣ причины вмѣстѣ заставляютъ ихъ отступать.

(*) Изъ этого мы видимъ, что первое сраженіе при Палестро было слѣдствіемъ наступленія союзниковъ уже съ восточнаго берега Сезіи далѣе къ Тичино, а не возникло изъ того, какъ говорили другія газеты, будто бы австрійцы не перепускали союзниковъ черезъ рѣку. Дѣйствительно, какъ могли австрійцы 30 мая защищать Сезію противъ города Верчелли, когда оба берега рѣки въ этихъ мѣстахъ были уже заняты сардинцами 21 мая.

Извѣстно, что третьяго дня главныя силы австрійцевъ были еще на южномъ берегу По. Едва послѣдніе ряды французовъ вышли изъ Вогеры, какъ слышался уже тамъ стукъ австрійскихъ барабановъ. Третьяго дня австрійцы заняли Вогеру и сожгли ее.

«Несомнѣнно то, что австрійцы медленно отступаютъ передъ сардинцами по направленію къ Мортарѣ (*) и что они также безъ сраженія отступаютъ къ Новарѣ.»

«Палестро, 1-го іюня (20 мая).

«Вамъ извѣстны реляціи о двухъ удачныхъ дѣлахъ, которыми сардинцы третьяго дня и вчера начали свое наступленіе, и для васъ, вѣроятно, будетъ интересно услышать подробности объ этихъ блистательныхъ сраженіяхъ, которыми сардинцы открыли походъ. По своему размѣру эти дѣла едва могутъ называться сраженіями, но блескомъ своимъ ни мало не уступаютъ они дѣлу при Монтебелло, а результатомъ навѣрное превосходятъ его.

«Вы помните, что по мѣрѣ того, какъ австрійцы отступали съ Доры, до которой дошли было ихъ аванпосты, сардинская армія занимала позиціи, покидаемыя непріятелями (*). На Сезіи, довольно значительной рѣкѣ, австрійцы остановились и укрѣпили всѣ слабыя пункты переправы черезъ нее, какъ будто бы рѣшившись обороняться на этой линіи. Линія Сезіи вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ неприступнымъ позиціямъ, на которыхъ горсть людей можетъ останавливать цѣлыя арміи; но все-таки, подобно другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ По, она представляетъ значительныя выгоды обороняющемуся. Какъ всѣ рѣки сѣверной Италіи, она течетъ широкимъ русломъ, пересѣченнымъ маленькими островами и отмелями, а берега ея покрыты густыми рядами деревьевъ, дающими хорошую защиту.

«Въ Верчелли переходитъ черезъ Сезію дорога въ Новару и другая дорога въ Мортару; въ этомъ городѣ сходятся и двѣ желѣзныя дороги, одна, ведущая съ юга къ Лаго-Маджіоре, а другая изъ Сардиніи въ Миланъ. Потому Верчелли, будучи ключемъ сообщеній между Сардиніею и Ломбардіею, составляетъ важный стратегическій

(*) Мортара лежитъ верстахъ 20 на востокъ отъ Верчелли и также верстахъ 20 прямо на югъ отъ Новары, то есть отъ прямой дороги изъ Турина и Верчелли въ Миланъ. Новара на сѣверѣ и Мортара въ средней части четырехугольника, который занимали австрійцы, лежатъ почти на одинаковомъ разстояніи между Сезіею и Тичино.

(*) Дора течетъ почти параллельно съ Тичино и Сезіею верстъ на 33 къ западу отъ Сезіи, такъ что отъ ея устья остается до Турина по прямому пути верстъ 30. Австрійцы начали отступать съ Доры около 13-го (1-го) мая.

пунктъ въ странѣ, которая вся пересѣчена рвами и канавами, устроенными для орошенія полей.

«Отступая изъ Верчелли, австрійцы разрушили единственный мостъ, служившій и для шоссе, и для желѣзной дороги (одна сторона была оставлена для шоссе, по другой шла желѣзная дорога). Взорвали двѣ среднія арки моста, австрійцы разорвали важнѣйшую линію сообщеній съ Новарою и всюю мѣстностью между Тичино и Сезію.

«Десять дней тому назадъ, какъ вы знаете, дивизія Чальдини перешла въ Борго-Верчелли, деревню, которая находится по дорогѣ въ Новару, миляхъ въ двухъ (верстахъ въ трехъ) отъ Сезіи. Съ той поры она стояла тутъ, не будучи ни мало тревожима австрійцами, расположенными въ сосѣднихъ деревняхъ.

«30-го мая было назначено отгѣснить австрійцевъ съ ихъ позицій по дорогѣ къ Мортарѣ. Съ дороги изъ Верчелли въ Новару отдѣляются на правой рукѣ двѣ вѣтви, идущія на разстояніи около одной мили (полторы версты) одна отъ другой. Одна изъ этихъ вѣтвей отдѣляется съ большой дороги при деревнѣ Борго-Верчелли. Обѣ они идутъ почти параллельно между собою въ юго-восточномъ направленіи и наконецъ соединяются въ Роббію, миляхъ въ десяти (верстахъ въ шестнадцати) отъ тѣхъ пунктовъ, изъ которыхъ выходятъ (*). Миляхъ въ двухъ отъ начала этихъ вѣтвей стоятъ на нихъ,—на одной деревня Палестро, на другой деревня Винзалио; обѣ эти деревни, находящіяся почти другъ противъ друга, были заняты австрійскими авангардами и укрѣплены баррикадами; въ каждой деревнѣ стояло 1,500 человекъ и половина батареи.

«Какъ при переходѣ черезъ Сезію, такъ и теперь, движеніемъ и отгѣсненіемъ австрійцевъ командовалъ самъ король. Дивизія Чальдини была раздѣлена на двѣ колонны, которыя одновременно пошли, одна на Палестро, другая на Винзалио.

«Чтобы понять вамъ трудности, съ которыми должны были бороться сардинцы, я долженъ описать вамъ ту мѣстность. Вся страна на востокъ отъ Сезіи составляетъ одну массу хлѣбныхъ и рисовыхъ полей, раздѣляемыхъ насыпями, сдѣланными для проѣздовъ, и канавами отъ 3 до 4 футовъ глубины, для орошенія. Межи этихъ участковъ густо усажены деревьями, большею частью тополями и платанами, а самыя поля густо усажены шелковичными деревьями. Послѣ проливныхъ дождей хлѣбъ имѣлъ роскошный ростъ и вообще стоитъ теперь вышиною покрайней мѣрѣ отъ 5 до 6 фу-

(*) Роббію стоитъ на дорогѣ изъ Верчелли въ Мортару, нѣсколько ближе къ Мортарѣ, нежели къ Верчелли.

товъ, доставляя такимъ образомъ превосходное прикрытіе для стрѣлковъ. Рисовыя поля, напротивъ, до сихъ поръ всё остаются подъ водою: для равнаго распредѣленія воды и управленія орошеніемъ сдѣланы маленькія насыпи отъ одного до двухъ футовъ вышиною, идущія по полямъ зигзагами сообразно съ наклономъ мѣстности. По такому-то округу идутъ двѣ дороги, образуемыя искусственными насыпями и возвышающіяся иногда футовъ на 20, а иногда и больше надъ уровнемъ окружающихъ полей и надъ дорожками, которыя идутъ по полямъ и отъ фермы къ фермѣ почти на одномъ уровнѣ съ полями. По этимъ маленькимъ дорожкамъ до сихъ поръ проходъ еще труденъ послѣ весеннихъ дождей. Изъ этого очерка, безъ котораго невозможно составить понятія о ходѣ битвы, вы можете видѣть, какъ затруднительно было наступленіе и какія выгоды были для обороны. Во первыхъ, совершенно невозможно было сколько нибудь развернуть силы и воспользоваться численнымъ превосходствомъ. Во вторыхъ, артиллерію можно было ставить только на двухъ шоссе, — остальная мѣстность не позволяетъ провезти пушку; а ширина шоссе такова, что нельзя поставить на немъ больше двухъ пушекъ. Наконецъ, какъ бы для засвидѣтельствованія сардинской храбрости, положеніе обѣихъ деревень само по себѣ очень крѣпко. На ружейный выстрѣлъ передъ ними течетъ канализованная рѣчка Болжеа-Вузеа. Эта быстрая рѣчка имѣетъ покрайней мѣрѣ 15 футовъ ширины и 5 глубины. Кромѣ моста на каждомъ изъ двухъ шоссе, другихъ мостовъ черезъ нее нѣтъ. Передъ деревнями мѣстность имѣетъ легкій подъемъ, начиная съ 300 ярдовъ (125 сажень) отъ мостовъ, а потомъ вдругъ обрывисто подымается на высоту отъ 20 до 30 футовъ. На этомъ крутомъ пригоркѣ построены деревни, а самыя шоссе, для которыхъ такой отвѣсный подъемъ былъ бы невозможенъ, прорѣзаны сквозь возвышеніе, будто бы широкія желѣзныя дороги, и съ обѣихъ сторонъ возвышаются надъ ними отвѣсныя крутизны прорѣза. При входахъ въ обѣ деревни австрійцы устроили баррикады. Подобно всѣмъ итальянскимъ деревнямъ, оба села выстроены исключительно изъ дикаго камня и кирпича; главныя улицы въ нихъ почти совершенно прямыя; по этимъ улицамъ идутъ шоссе. Тутъ стоитъ церковь старинной постройки съ высокой колокольней, которая въ военное время прекрасно служитъ для открытія непріятели, приближающагося по прямому шоссе. Дворы домиковъ кругомъ обнесены постройками, оконъ въ нихъ мало, да и тѣ очень не велики, такъ что каждый домикъ составляетъ маленькій редутъ, запершись въ которомъ мужественный противникъ можетъ дорого продать побѣду нападающему.

«Когда колонна, шедшая по правому шоссе, приблизилась къ Палестро, отдѣленіе 16-й батареи выѣхало впередъ и стало бомбардировать деревню, а баталіонъ берсальеровъ и одинъ баталіонъ 15-го линейнаго полка были посланы въ обходъ на право отъ шоссе по одной изъ маленькихъ дорожекъ и черезъ поля, чтобы напасть на деревню съ лѣваго фланга непріятеля. Къ тому времени, какъ эта колонна подходила къ первымъ домикамъ, непріятель съ фронта началъ колебаться отъ артиллерійскаго огня. Какъ только это было замѣчено, другой баталіонъ 15-го линейнаго полка двинулся скорымъ шагомъ. Этою двойною атаккою деревня была очищена отъ австрійцевъ, они отступили за деревню на кладбище, очень обширное и окруженное стѣною. Они поставили нѣсколько пушекъ на шоссе за деревнею, на одной линіи съ кладбищемъ, чтобы стрѣлять по сардинцамъ, когда они двинутся за деревню. На срединѣ села, на шоссе стоитъ церковь, и шоссе въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ поворотъ; потому когда австрійцы были вытѣснены изъ деревни, сардинцы въ деревнѣ не терпѣли вреда отъ пушекъ, поставленныхъ непріателемъ на шоссе за деревнею. Чтобы заставить замолчать эти орудія, сардинцы поставили свои пушки у самой церкви; но австрійцы быстро подбили ихъ. Тогда сардинцы выставили другое отдѣленіе 16-й батареи; оно скоро заставило непріятеля прекратить огонь. Немедленно послѣ этого австрійцы удалились, и піемонтцы остались владѣтелями деревни, захвативъ довольно много плѣнныхъ.

«Деревня Винзальйо по своему положенію болѣе крѣпка и страшна при оборонѣ; но сардинцы встрѣтили тамъ меньше сопротивленій. Она была также взята штыками, а пороху сардинцы истратили тутъ мало. Эта деревня была очищена австрійцами нѣсколько раньше Палестро, и едва сардинцы успѣли выбить ихъ съ кладбища у Палестро, по узкой дорогѣ изъ Винзальйо въ Палестро прибыли двѣ австрійскія пушки съ прикрытіемъ, — непріятель еще надѣялся найти своихъ въ этой деревнѣ. Какъ только сардинцы замѣтили приближеніе этихъ орудій, они послали изъ Палестро отрядъ, который безъ затрудненія взялъ ихъ, потому что прислуга, обрѣзавъ постромки, ускакала. Эти двѣ пушки были первыми, взятыми въ нынѣшній походъ. Онѣ были въ тотъ же вечеръ отосланы въ Верчелли.

«Дивизія Чальдини стала на ночь въ Палестро. Вечеромъ пришелъ 3-й полкъ зуавовъ, бывшій въ Крыму, а теперь отданный императоромъ въ распоряженіе короля сардинскаго.

«Такъ совершалась годовщина битвы при Тичино. На другое утро (31 мая), часовъ въ девять, замѣчено было, что австрійцы приближаются повидимому съ намѣреніемъ отбить у сардинцевъ позицію, потерянную наканунѣ. Хотя колокольная церковь въ селѣ довольно

высока, но благодаря характеру мѣстности, описанному мною, ихъ приближеніе не могло быть открыто, пока они не подошли очень близко, а еще меньше можно было разгадать ихъ планъ. За деревнею земля покрыта преимущественно хлѣбными полями, между тѣмъ какъ въ мѣстности, пройденной сардинцами до деревни, господствуютъ рисовыя поля. По сосѣдству съ деревнею на поляхъ деревьевъ мало, стало быть мѣстность благопріятнѣе для того, чтобы развертывать силы въ боевую линію.

«Австрійская каноннада противъ деревни продолжалась уже нѣсколько времени; но все еще нельзя было угадать ихъ истиннаго плана. Вдругъ съ праваго фланга сардинцевъ, на той канализированной рѣчкѣ, о которой я упоминалъ, показался большой непріятельскій отрядъ съ двумя батареями. Теперь ясно стало, что австрійцы хотятъ ни больше, ни меньше, какъ отрѣзать передовый сардинскій отрядъ отъ Сези. Какъ только это было замѣчено, сардинцы, двинувшіеся главными своими силами впередъ за деревню противъ австрійцевъ, послали съ крайняго праваго своего фланга полкъ зуавовъ и два свои батальона (одинъ 9-го, другой 18-го линейнаго полка) противъ непріятеля, показавшагося на рѣчкѣ. Одушевленные братскимъ соревнованіемъ, эти храбрецы бросились на позицію, занятую австрійцами на правомъ ихъ флангѣ и, несмотря на страшный картечный огонь, встрѣтившій ихъ, сдѣлали великолѣпную атаку на австрійскія пушки. Имъ надобно было пройти около 400 ярдовъ (175 сажень) подъ убійственными непріятельскими выстрѣлами, и правда, что изъ ихъ рядовъ было вырвано огнемъ много людей; но жаръ ихъ не остылъ и, сдѣлавъ по одному выстрѣлу, они бросились въ штыки. Атака была такъ стремительна, что тирольскіе стрѣлки, выдвинутые цѣпью впереди батарей, не успѣли отступить, а прибѣжали къ батареямъ перемѣшанные съ сардинцами и зуавами. Восемь пушекъ и много плѣнныхъ были результатами этой блистательной атаки. Изъ восьми пушекъ пять очутились въ рукахъ у зуавовъ, три у сардинцевъ; но стремительность нападенія была такъ мгновенна, что невозможно и разобрать, какая пушка кѣмъ была взята. Кромѣ этихъ восьми пушекъ, отъ 800 до 900 плѣнныхъ и раненныхъ попалось въ руки союзниковъ. Число убитыхъ пропорціонально этой цифрѣ. Первая забота обратилась, натурально, на раненныхъ и справедливо требуетъ сказать, что австрійцы, которымъ судьба опредѣлила быть равными и попасть въ плѣнъ, не могутъ жаловаться на обращеніе союзниковъ съ ними. Такая заботливость должна производить на этихъ бѣдняковъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что, кажется, между ними была распространена мысль, будто бы союзники способны поступать съ плѣн-

ными самымъ дурнымъ образомъ. Поэтому, напимѣръ, былъ случай, что австрійскій солдатъ, раненный подъ Вогерою въ животъ и въ голову, четыре дня прятался въ погребѣ, не ѣвши и не пивши и перевязывая свои раны носовымъ платкомъ.

«Какъ серьёзна была битва, можно судить по числу раненныхъ, привезенныхъ со вчерашняго дня и все еще продолжающихъ прибывать въ Верчелли. Это темная сторона войны. Бѣдняки переносятъ свою судьбу очень мужественно, но невозможно равнодушно видѣть ихъ блѣдныя лица, раздробленные члены, ихъ окровавленное платье и слышать стоны, вырывающіеся у нихъ противъ воли.

«Австрійскіе плѣнники возбуждаютъ здѣсь, натурально, большое любопытство. Не знаю, быть можетъ нарочно на передовыхъ позиціяхъ были поставлены самые молодые солдаты, но какъ бы то ни было, почти всѣ плѣнные просто мальчики. Не удивительно, что они не устояли противъ возмужалыхъ піемонтцевъ и притерпѣвшихъ къ военнымъ трудностямъ зуавовъ. Любопытно также, что большинство ихъ, принадлежавшее къ полку Вимпфена, набранному изъ славянскихъ провинцій на адриатическомъ берегу, говоритъ по-итальянски. По всей вѣроятности, австрійцы хотѣли показать, что могутъ вполне полагаться на свои итальянскіе полки.»

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, вотъ еще отрывокъ изъ письма другаго (туринскаго) корреспондента Times'a.

«Туринъ, 2 мая (23 мая).

«Король сардинскій выказалъ тутъ (при Палестро) неудержимую храбрость, которой онъ отличается. Онъ самъ водилъ войско въ атаку на батарею, какъ будто бы простой капитанъ, желающій поскорѣе получить майорскіе эполеты. Его отвага приобрѣла ему любовь зуавовъ, они провозгласили его своимъ товарищемъ и наградили чиномъ капрала зуавской службы. «Онъ можетъ быть доволенъ, мы его выбрали единодушно», говорятъ они: *il doit être content, il a été élu à l'unanimité*. На первый разъ это хорошо, и примѣръ короля безъ сомнѣнія имѣлъ хорошее дѣйствіе на армию; но сто главнокомандующаго не въ головѣ батальйона, идущаго въ атаку, и Викторъ Эммануэль долженъ помнить, что его смерть запутала бы положеніе дѣлъ и могла бы повредить интересамъ, которые теперь, по мнѣнію многихъ, не совершенно ограждены отъ опасности (*). Говорятъ, императоръ французовъ сказалъ ему, что онъ

(*) Корреспондентъ намекаетъ на опасность, грозящую самостоятельности Италіи не отъ однихъ враговъ, но и отъ союзниковъ. Мы увидимъ, что италяне боятся французовъ.

долженъ болѣе щадить свою жизнь, если хочетъ быть королемъ итальянскимъ. Но характеръ короля рѣшительно боевой, и я увѣренъ, что онъ находитъ положительное наслажденіе въ экзальтаціи схватки и въ запахѣ австрійскаго пороха, вспыхивающаго у него подъ носомъ. Достовернѣйшіе изъ здѣшнихъ разсказовъ о битвѣ при Палестро свидѣлствуютъ, что австрійцы ниже своихъ противниковъ въ дѣйствованіи штыкомъ, и не могутъ устоять противъ этого оружія во французскихъ или пѣмонтскихъ рукахъ. Фактъ то, что изъ привезенныхъ теперь сюда австрійскихъ раненыхъ огромное большинство имѣющихъ рану штыкомъ получили ее сзади. Кажется, робость овладѣваетъ ими въ рѣшительную минуту схватки. Нѣкоторые изъ итальянцевъ, взятыхъ въ плѣнъ при Палестро, разсказываютъ любопытныя подробности объ итальянскихъ солдатахъ австрійской арміи. Говорятъ, что итальянцы были поставлены въ первую линію, а позади ихъ кроаты. Когда союзники подошли, одинъ изъ солдатъ (это передаетъ его товарищъ, солдатъ той же роты) замѣтилъ офицеру, что грустно имъ, итальянцамъ, быть принужденными сражаться въ Италіи противъ итальянцевъ. У офицера въ рукахъ была обнаженная шпага и онъ отвѣчалъ на неосторожное замѣчаніе тѣмъ, что заколовъ солдата. Потомъ онъ обратился къ ротѣ и сказалъ, что если они не будутъ исполнять своей обязанности, кроаты, стоящіе за ними, будутъ стрѣлять по нимъ. Разумѣется, имъ оставалось только сражаться, и вѣроятно они «исполнили свою обязанность», если справедливо говорить плѣнный, что изъ 165 человекъ, составлявшихъ его роту, осталось въ живыхъ только 16. Впрочемъ, я уже писалъ вамъ прежде, что итальянцы въ австрійскихъ войскахъ сражаются отчаянно. Но сдѣлавъ первый залпъ, солдаты этой роты подняли на штыки офицера, заколовшаго ихъ товарища. Другія итальянскія роты падали на землю, пропуская сардинцевъ далѣе. Таковыя разсказы плѣнниковъ, и надобно сказать, что они носятъ на себѣ печать истинны. Австрійцы, разумѣется, будутъ оспаривать ихъ справедливость, но такое опроверженіе едва ли должно имѣть много вѣсу.»

Разсказы англійскихъ корреспондентовъ, переведенные нами, имѣютъ не одно то достоинство, что очень яснымъ образомъ знакомятъ насъ съ обстоятельствами битвы при Палестро, совершенно безтолково разсказываемыхъ континентальными газетами. Они также одни только представляютъ настоящее отношеніе между участіемъ сардинскихъ и французскихъ войскъ въ одержавной побѣдѣ. По французскимъ и бельгійскимъ извѣстіямъ вся честь второй, рѣшительной битвы предоставляется исключительно зуавамъ, и выходитъ, будто бы сардинцы были почти уже разбиты австрійцами, когда

подоспѣлъ на выручку къ нимъ третій полкъ зуавовъ, который притомъ былъ будто бы направленъ на помощь къ нимъ самимъ императоромъ, видѣвшимъ поражение своихъ союзниковъ. Все это называется чистымъ вздоромъ. Мы видимъ, что третій полкъ зуавовъ еще въ предыдущіе дни былъ отданъ императоромъ въ распоряженіе сардинскаго короля и поступилъ въ составъ отряда, которымъ командовалъ Викторъ-Эммануилъ. Полкъ этотъ вовсе не подоспѣвалъ на выручку Богъ знаетъ откуда, а просто съ начала битвы былъ поставленъ сардинскимъ королемъ на правомъ флангѣ. Посланъ былъ онъ противъ австрійцевъ, пошедшихъ въ обходъ деревни, не по какой нибудь особенной причинѣ, не потому, чтобы только онъ одинъ могъ исполнить атаку, слишкомъ трудную для сардинцевъ, какъ предполагается по французскимъ отчетамъ; нѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ пошли, ни на шагъ отъ него не отстали, въ одинъ мигъ съ нимъ добѣжали до непріятельской батареи, взяли ее и смяли австрійцевъ два сардинскіе батальона, и если ему пришлось участвовать въ блистательной атакѣ вмѣстѣ съ сардинцами, такъ это просто потому, что онъ стоялъ на правомъ флангѣ, около котораго пошли въ обходъ австрійцы; а на какой пунктъ будетъ произведено главное наступленіе австрійцевъ, это, какъ мы видимъ, рѣшительно не было извѣстно до той самой минуты, какъ началась атака сардинско-зуавскимъ правымъ флангомъ. Вовсе не видно и того, чтобы на другихъ пунктахъ сардинцы уступали непріятелю; напротивъ, австрійское наступленіе съ фронта оказывается только фальшивою атаккою; служа единственно для замаскированія обхода съ праваго фланга, фронтальное наступленіе и не должно было имѣть особенной энергіи, а по французскимъ извѣстіямъ представляется, будто бы до того мѣста, гдѣ атаквали ихъ зуавы, австрійцы дошли, гоня передъ собою сардинцевъ, сбитыхъ ими съ позиціи, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они достигли этого мѣста особеннымъ отрядомъ, посланнымъ въ обходъ и ни мало не главшимъ сардинцевъ ни съ какого пункта. Словомъ сказать, весь ходъ дѣла искаженъ съ тою цѣлью, чтобы вся честь побѣды принадлежала однимъ зуавамъ, а сардинцы являлись бѣдствующими, почти разбитыми. Точно такую же несправедливость къ сардинцамъ мы видимъ во французскихъ отчетахъ и о дѣлѣ при Монтебелло. Сардинская кавалерія почти забыта въ нихъ, и если упоминается, то какъ будто только съ цѣлью внушить, что она спаслась отъ истребленія единственно отступленіемъ подъ защиту французскаго аванпоста, командуемаго Камбрелемъ; между тѣмъ собственно ея блистательныя атаки были обязаны французы тѣмъ, что слабый отрядъ ихъ могъ удержаться до прибытія подкрѣпленій; а что она не ислам

защиты, доказывалось тѣмъ, что она постоянно возобновляла атаки до тѣхъ поръ, пока потеряла почти всѣхъ своихъ лошадей. Возвращаясь ко второму дѣлу при Палестро, мы выставимъ одинъ фактъ, положительно доказывающій, что въ знаменитой атакѣ на правомъ флангѣ сардинцы дѣйствовали ни чуть не хуже зуавовъ: изъ восьми пушекъ, взятыхъ быстрымъ натискомъ, три оказались въ рукахъ у сардинцевъ и только пять у французовъ. Эта пропорція трофеевъ совершенно соотвѣтствуетъ численности тѣхъ и другихъ войскъ. Зуавскій полкъ имѣлъ три батальона, сардинцевъ было два батальона, и по числу взятыхъ пушекъ оказывается, что всѣ батальоны дѣйствовали въ натискѣ совершенно равно. Участіе сардинскихъ войскъ въ успѣхахъ, приобретенныхъ союзниками, вообще уменьшается систематически во французскихъ извѣстіяхъ. Такъ, напримеръ, почти совершенно замаскировывается въ нихъ тотъ общій фактъ, что сардинцами была исполнена главнѣйшая часть плана, который имѣлъ результатомъ очищеніе западной Ломбардіи отъ австрійцевъ. Пока французы бездѣйственно стояли на южномъ берегу По, на долю сардинцевъ досталось произвести то наступленіе по миланской дорогѣ, слѣдствіемъ котораго была побѣда при Маджентѣ. Сардинцы должны были перейти Сезію, устроить мосты на ней для перехода остальныхъ частей войска; они вообще были авангардомъ въ общемъ планѣ компаніи и подвергались сильнѣйшему риску. Да и самыя сраженія при Палестро, данныя при исполненіи этой трудной задачи, лишаются своего значенія по французскимъ отчетамъ, между тѣмъ какъ собственно они очистили французамъ дорогу въ Ломбардію.

Не успѣвъ остановить наступленіе сардинцевъ къ Тичино и увидя, что за ними уже очень близко идутъ всѣ французскія силы, австрійцы начали быстро очищать пространство между Сезіею и Тичино, потому что только за Тичино могли соединиться съ тѣми своими силами, которыя стояли на южномъ берегу По и теперь были двинуты для общаго отпора врагу, направившему свое нападеніе не съ той стороны, какъ ждали австрійцы. Кажется, только 1 іюня они убѣдились, что союзники обманули ихъ искуснымъ передвиженіемъ главныхъ силъ на сѣверъ; они догадались объ этомъ планѣ уже тогда, какъ онъ былъ исполненъ, и должны были чрезвычайно торопиться, чтобы непріятель не захватилъ ихъ отрядовъ разбросанными. Они отступали съ такой поспѣшностью, что бросали въ сардинскихъ городахъ не только запасы провіанта и оружія, но часто и свои кассы съ звонкой монетой. Союзники шли за ними всего только въ нѣсколькихъ часахъ пути и черезъ четыре дня по началіи наступленія уже переходили черезъ Тичино у Буффалоры, Турбйго и другихъ де-

ревень, расположенныхъ вдоль рѣки около желѣзной дороги и шоссе, ведущихъ изъ Новары въ Миланъ. Переправа не обошлась безъ сраженій, и между прочимъ было дѣло у переправы въ Турбиго (3 юня); но читатели знаютъ, что эти схватки были только предлюдію къ генеральному сраженію 4-го юня при Маджентѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сардинской границы на миланскомъ шоссе. Остановимся здѣсь на минутѣ, прежде чѣмъ станемъ говорить объ этомъ сраженіи, и обратимъ себе вниманіе на австрійцевъ: до сихъ поръ мы все говорили только о дѣйствіяхъ союзниковъ, и было бы обидно съ нашей стороны австрійцамъ не подтвердить подробно и о нихъ, а мы ни за что въ свѣтъ не хотимъ оскорблять это образцовое правительство; не даромъ про насъ говорятъ очень многіе, что мы держимъ сторону австрійцевъ: мы охотно сознаемся, что чувствуемъ къ нимъ слабость; да и какъ не симпатизировать намъ при нашихъ убѣжденіяхъ съ восхитительной австрійской системою? Да, мы смотримъ на австрійцевъ съ умилеіемъ восторга за то, что всему свѣту являются они въ истинномъ видѣ. Какъ въ древности говорили о грекахъ, что всѣ ихъ дѣла и мысли всѣмъ извѣстны въ настоящемъ видѣ, — *res graecorum nulla est*, — такъ можно теперь сказать объ австрійцахъ, и объ однихъ австрійцахъ, что никто не ошибается на ихъ счетъ. Попробуйте сказать что нибудь о французской, объ англійской, о какой угодно другой внутренней или внешней политикѣ, — сотни и тысячи благороднѣйшихъ людей набросятся на васъ за недостатокъ вѣры въ честность, благородство, въ добрыя намѣренія, въ прекрасныя цѣли, въ восхитительные результаты; вы будете названы грязнымъ скептикомъ, клеветникомъ, жолчнымъ фанатикомъ и т. д. Съ одними австрійцами дѣло не таково. Тутъ скажите только: «австрійская политика своекорыстна, реактивна, гнусна», — всѣ съ вами соглашаются. Неужели же недостойны признательности австрійцы за то, что ими одними не обольщенъ никто? Это объективная причина нашего глубокаго сочувствія къ австрійцамъ: невозможно не уважать дѣла, не производящаго ошибки ни въ чемъ умѣ. Есть и субъективная причина у насъ любить австрійскую политику: она слушаетъ едвали не единственнымъ предметомъ, въ мнѣніи о которомъ сходимся мы со множествомъ людей, очень строго осуждающихъ наши мнѣнія почти о всѣхъ остальныхъ дѣлахъ бѣлаго свѣта. Только говоря объ австрійцахъ, они могутъ хитя на минуту прижираться съ нами и признавать, что еще осталась въ насъ хотя слабая искра нѣкотораго человѣческаго чувства. Скажите же, читатель, какъ намъ не любить австрійцевъ? — вѣдь безъ нихъ исчезло бы единственное зеркало, въ которомъ черты наши отражаются благородными и прекрасными.

Перенесемтесь же въ австрійскій лагерь и посмотримъ, что надобно сказать о дѣйствіяхъ благороднаго и человѣколюбиваго Гіулая, подтора мѣсяца тому назадъ рыцарски пошедшаго освобождать сардинцевъ. Надобно, къ сожалѣнію, признаться, что и съ той поры, какъ онъ долженъ былъ дѣйствовать оборонительнымъ образомъ, умственное достоинство его распоряженій стоило же мало соответствовало высокому нравственному достоинству его дѣла, какъ и въ ту пору, пока онъ могъ дѣйствовать наступательно. Мы желали бы скрыть это, но не можемъ: запасы, оружіе, деньги, оставленные австрійцами при торопливомъ отступленіи, слишкомъ ясно обнаруживаютъ, что австрійскіе генералы вмѣстѣ съ своимъ Гіулаемъ не умѣли ничего сдѣлать, какъ слѣдуетъ и заблаговременно. Они укрѣплялись на Сесид и перепустили сардинцевъ черезъ эту рѣку безъ боя. Кротость похвальна; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было изнурять своихъ солдатъ работами для устройства укрѣпленій? Пропустивши врага тамъ, гдѣ слѣдовало остановить его, они принялись сражаться съ нимъ на мортарской дорогѣ. Отважность также похвальна; но зачѣмъ было сражаться, имѣя въ тылу Тичино? Военные люди говорятъ, что имѣя въ тылу рѣку, переходъ черезъ которую труденъ, сражаться не слѣдуетъ. Какъ только союзники ворвались, или, лучше сказать, безпрепятственно вошли въ знаменитый, надобѣвшій и намъ и, вѣроятно, читателямъ четырехугольникъ между Сесиею и Тичино, каждому и французскому, и австрійскому офицеру было ясно, что австрійцамъ остается только отступить за Тичино. Или они сражались за тѣмъ, чтобы задержать наступленіе и порядочнымъ образомъ убраться, куда имъ слѣдуетъ? Но нѣтъ, они удовольствовались тѣмъ, что пять батальоновъ отняли восемь пушекъ у какого-то ихъ отряда, разсудили, что останавливать союзниковъ не стоитъ, и пошли назадъ такъ торопливо, что не успѣли вывезти съ собою даже своихъ денегъ, и притомъ не бумажекъ, а настоящихъ металлическихъ денегъ, которыми такъ небогаты. Чтожь это такое за недѣлица? Но объ этомъ хорошо говоритъ Тимесъ. Статья его, написанная еще до полученія точныхъ свѣдѣній объ искусномъ передвиженіи союзниковъ съ юга на сѣверъ, угадываетъ часть своего приговора и французамъ; но по дружбѣ къ австрійцамъ мы скажемъ, что всѣ сужденія англійской газеты должны теперь достаться исключительно въ ихъ пользу: французскіе генералы доказали послѣ того, что, кромѣ ружей и пушекъ, имѣютъ и достаточную долю ума.

«Дѣлайте, что хотите (говоритъ Times), — трубите въ трубы, бейте въ барабаны, размахивайте знаменами, оглушайте шумомъ, ослѣпляйте блескомъ, война все-таки страшное и отвратительное дѣло, стоящее въ рѣзкомъ противорѣчій со всѣми религіозными

ученіямъ, всѣмъ нравственнымъ чувствамъ, всѣмъ потребностями и стремленіями цивилизаціи. Войною мы еще связаны съ гнуснымъ прошедшимъ, съ временами невыразимаго варварства и звѣрства, безконечныхъ и бесплодныхъ страданій рода человѣческаго. Когда цивилизованные люди берутся за оружіе для взаимнаго истребленія, какъ мало различія между ними и дикарями, какъ похожимъ становится XIX вѣкъ, видѣвшій возникновеніе французской имперіи, на V вѣкъ, видѣвшій паденіе Римской имперіи! Но какъ ни отвратительна бываетъ война всегда, никогда не являлась она въ формѣ болѣе ужасной, нежели та, какую имѣетъ теперь на итальянскомъ полуостровѣ. Кажется, какъ будто бы принята теорія Гоббза, и война сочтена естественнымъ состояніемъ человѣчества, слишкомъ долго подавлявшимся трусливою и ничтожною однообразностью мира. Иначе, какъ бы могло, съ перваго дня нынѣшняго года, внезапно оказаться невозможнымъ положеніе вещей, продолжавшееся 45 лѣтъ? Война представляется еще ужаснѣе отъ своего сближенія съ величайшими пріобрѣтеніями новой цивилизаціи. Рѣзня при Монтебелло поддерживалась непрерывными поѣздами желѣзной дороги, подвозившей свои грузы прямо на мѣсто человѣческой бойни, какъ подвозятъ быковъ, барановъ и телятъ на бойню, питающую Лондонъ. Оскверненная наука обращена въ орудіе для истребленія того самаго существа, умомъ котораго создана она, и тайны, вырванные терпѣливымъ и долгимъ трудомъ мысли изъ тайниковъ не хотѣвшей выдать ихъ природы, обращены на уничтоженіе прекраснѣйшаго ея творенія. Враждебныя толпы встрѣчаются съ свирѣпостью, которой могли бы позавидовать Гунны и Вандалы, а извѣстія о каждой подробности рѣзни разносятся прекраснымъ механизмомъ электрическаго телеграфа и пульсъ, въ которомъ бьется жизнь природы, съ вѣрностью и быстротою невѣдомой бичу людей въ прежнія времена, сообщаетъ всѣ обстоятельства разрушенія.

«Но этотъ контрастъ между гнусными средствами и цѣлями войны и благородными силами, порабощенными ихъ осуществленіемъ, еще не такъ возмутителенъ, какъ легкомысленная, напрасная растрата жизни, замѣчаемая нами въ нынѣшней борьбѣ. Сдѣлавшись болѣе ученою, война утратила нѣсколько своей прежней дикости, и со временъ великаго Наполеона стала игрою, въ которой побѣда должна принадлежать скорѣе высшему уму, нежели отчаяннѣйшей храбрости. По мнѣнію Наполеона и нашего Веллингтона, генералу нужно имѣть болѣе гражданскихъ, нежели чисто военныхъ качествъ, чтобы вести войну успѣшно; и оба они своими успѣхами были болѣе обязаны удивительной вѣрности своихъ соображеній, нежели храбрости своихъ войскъ, какъ ни велика была она. Ихъ арміи со-

вершали упорныя битвы, въ которыхъ много страдали; но бились и страдали онѣ для достиженія важныхъ стратегическихъ цѣлей, а не для того только, чтобы прославиться храбростью, или перебить много людей у непріятеля. Солдаты чувствовали, что его побѣда необходима для выполненія плана, осуществленіе котораго ведетъ къ тому, чтобы предать въ его власть непріятельскую армію или столицу. Герцогъ Веллингтонъ хотя и выигралъ много побѣдъ, но любилъ хвалиться тѣмъ, что никогда не начиналъ ни одной стычки, т. е. никогда не жертвовалъ кровью своихъ солдатъ на дѣла, неимѣвшія прямой связи съ результатомъ похода. Смотри на вещи, происходящія въ Италіи, мало мы увидимъ слѣдовъ тѣхъ правилъ, какія были оставлены для руководства будущихъ полководцевъ этими великими мастерами военного искусства. До сихъ война представляла намъ рядъ кровопролитныхъ битвъ, дававшихся, кажется, съ тою единственною цѣлю, чтобы истреблять людей другъ у друга. Отыскивать непріятеля повсюду, гдѣ можно найти его, бросаться въ стычку, стоять въ ней съ бульдоговскимъ мужествомъ и потомъ отойти, не получивъ и не желавъ получить никакой выгоды, кромѣ «нанесенія большой потери непріятелю», — это кажется высочайшею мудростью, доступною нынѣшнимъ полководцамъ. Возьмите, напримѣръ, сраженіе при Монтебелло, въ которомъ было погублено громадное число людей, — такое громадное число, что до изобрѣтенія наръзнаго оружія такое кровопролитіе было бы достаточно для рѣшенія судьбы похода, или для взятія крѣпости, господствующей надъ цѣлою провинціею. Бывала ли когда нибудь такая напрасная и безпредметная рѣзня? Австрійцы хотѣли узнать, какъ велики силы французовъ въ извѣстномъ направленіи, и узнавъ это, напирали все впередъ, съ полной увѣренностью, что додвигаются наконецъ до такихъ силъ, превосходствомъ которыхъ будутъ оттолкнуты назадъ. Они знали это столь же твердо, какъ мальчикъ, бросающій камень въ трудъ, знаетъ, что камень дойдетъ до дна и остановится на немъ. Но для удовлетворенія ребяческому желанію превратить рекогносцировку въ нападеніе, не могшее имѣть успѣха, принесено было въ жертву больше людей, чѣмъ стоила Альмская побѣда, и лишены были жизни эти люди безъ малѣйшаго результата.

«Тоже самое можно сказать о сраженіяхъ при Палестро. Сколько мы знаемъ, ни на минуту нельзя имѣть мысли, что австрійцы станутъ серьезно защищать всю линію передъ Тичино, когда французско-сардинская армія двинется для занятія этой линіи. Но Палестро нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; австрійцы дрались за него съ сардинцами съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ будто за Эйлауское кладбище, или Бородинскій редутъ, или за Гугумонскую

ферму подъ Ватерлоо. Спрашивается, что же выиграно этою битвою? Австрійцы должны отступать, того требуетъ планъ ихъ компаніи. Въ тылу у нихъ почти неприступная линія Минчіо между Гардскимъ озеромъ и Мантуанскими болотами, и по всѣмъ соображеніямъ не слѣдуетъ имъ останавливаться для рѣшительнаго отпора, пока нѣтъ на ихъ сторонѣ ровно никакого преимущества. А если такъ, то кровь, пролитая подъ Палестро, пролита понапрасну и ничего не приобрѣтено уменьшеніемъ силы одной арміи, которое куплено такимъ же уменьшеніемъ силы другой арміи. Генералы съ обѣихъ сторонъ дѣйствуютъ, кажется, по совѣту, даваемому Филлидоромъ молодымъ игрокомъ: «чаще мѣняйтесь шашками, говоритъ онъ, потому что это очищаетъ шахматницу и даетъ просторъ игрѣ.» Военное искусство должно было бы имѣть другой способъ дѣйствія; слѣшкомъ легко достигъ въ немъ совершенства, если оно учитъ только нападать на непріятеля при всякомъ случаѣ и наносить себѣ, вмѣстѣ съ другими, всевозможный вредъ. По сравненію съ такою тактикой достойно славы вторженіе Гарибальди въ австрійскія владѣнія, хотя оно и опрометчиво, хотя оно и оставлено безъ поддержки: если онъ рисковалъ погубить себя и своихъ спутниковъ, то по крайней мѣрѣ у него была цѣль дѣйствительно важная. Мильтонъ говоритъ, что англо-саксонскія битвы столько же заслуживаютъ памяти въ исторіи, какъ битвы коршуновъ съ воронами. То же самое можно сказать о рядѣ битвъ, въ которыхъ единственной цѣлью было кровопролитіе, въ которыхъ тысячи были убиты не для исполненія какого нибудь обдуманнаго плана, а просто въ удовольствіе драчливости двухъ армій, генералы которыхъ повидимому неспособны сдерживать свое взаимное ожесточеніе до той поры, когда созрѣетъ планъ дѣйствій съ ненапраснымъ пролитіемъ крови. Впрочемъ веденіе войны соотвѣтствуетъ ея началу. Начата она безъ всякой осмысленной причины, ведется она съ циническимъ презрѣніемъ чело-вѣческой жизни, достойнымъ деспотическихъ государствъ, измѣряющихъ свое благосостояніе и могущество не числомъ рукъ, которыя могутъ заниматься въ нихъ полезною дѣятельностью, а объемомъ, до котораго могутъ они развить средства рѣзни и разрушенія въ рядахъ своихъ многочисленныхъ армій.»

Эта статья была напечатана въ Times'ѣ еще 2 іюня (21 мая), когда не было извѣстно, что сраженія при Палестро были слѣдствіемъ общаго наступленія, предпринятаго союзниками; по вѣрнымъ телеграфическимъ депешамъ казалось тогда, что движеніе сардинцевъ за Сесію не вытекало изъ общаго плана, а было чисто дѣломъ удачества. Потому-то авторъ статьи осуждаетъ за безсмысленное кровопролитіе полководцевъ обѣихъ сторонъ. Теперь же

знаемъ, что дѣйствія французско-сардинскихъ полководцевъ были обдуманы и только слова ихъ дешеть, нелѣно эффектныя, отнимали на время у ихъ поступковъ характеръ благоразумія. Теперь, когда ходъ дѣла сталъ точнѣе извѣстенъ, мы видимъ, что и подъ Палестро, какъ подъ Монтебелло, только бездарность австрійскихъ предводителей производила рѣшительно ненужную для нихъ рѣзню.

Провожая австрійцевъ изъ сардинскихъ владѣній, мы должны сказать нѣсколько словъ въ объясненіе неправдоподобныхъ увѣреній, которыми отвѣчали они на крики о грабительствахъ и свирѣпостяхъ, будто бы произведенныхъ ими въ Піэмонтѣ. Теперь нѣтъ надобности говорить, что слухи эти дѣйствительно были очень преувеличены. Само французское правительство почло нужнымъ напечатать оффиціальное предупрежденіе своимъ газетамъ, чтобы онѣ перестали съ неразсчетливой радостью выдавать за истину всѣ выдумки о каннибальствѣ австрійскихъ солдатъ. Оно разочло, что излишнее пристрастіе къ пустымъ сплетнямъ въ результатѣ повредить дѣлу самихъ союзниковъ во мнѣніи Европы. Но быть можетъ, французское правительство не заслуживаетъ довѣрія? Мы не станемъ спорить противъ этого, а припомнимъ только, что само сардинское правительство сняло съ австрійскихъ кораблей эмбарго, наложенное на нихъ по оффиціальному объявленію за грабительство австрійцевъ въ Сардиніи. Снявъ эмбарго, оно показало, что увѣрилось въ несправедливости этихъ слуховъ. Въ первый разъ поколебалась вѣра въ нихъ письмами англичанина, корреспондента Times'a, допущеннаго австрійскимъ правительствомъ находиться при главной квартирѣ австрійской арміи. Странное, кажется, дѣло: всѣ австрійскія газеты и само правительство увѣрило Европу, что слухи о грабежѣ несправедливы; никто не вѣрилъ. Написалъ какой-то англичанинъ, никому неизвѣстный, Богъ знаетъ какихъ нравственныхъ качествъ, и ему повѣрили больше, нежели всѣмъ австрійскимъ командирамъ.

Но возвратимся къ слухамъ объ австрійскомъ грабительствѣ въ Сардиніи. Когда союзники вступили въ области, оставленныя непріателемъ, корреспонденты французскихъ газетъ, слѣдовавшіе за арміею, сами убѣдились, что необходимо отказаться отъ прежнихъ сплетенъ, и начали писать, что австрійцы не дѣлали съ сардинцами ничего предосудительнаго. Мало по малу откровенность дошла до того, что мы прочли въ *Indépendance Belge* слѣдующія строки, конечно очень лестныя для австрійцевъ, но еще болѣе утѣшительныя для ломбардцевъ, которые теперь съ восторгомъ встрѣчаютъ французовъ:

Т. LXXV. Отд. III.

27

«Проведя три дня въ странѣ на востокъ за Тортовою (*), я собралъ, пишеть французскій офицеръ, подробности о контрибуціи, наложенной австрійцами на занятые ими города. Все дурное, разносившееся слухами, почти совершенно исчезаетъ, кромѣ нѣсколькихъ изолированныхъ фактовъ, которые надобно приписать исключительно бродягамъ. На мой взглядъ австрійцы не переступали границъ военного права, совершенно позволяющаго жить на счетъ непріятельской страны. Мое мнѣніе раздѣляется здѣсь (т. е. во французскомъ лагерѣ) всеми. Навѣрное мы не видѣли бы большого грѣха, если бы стали точно также поступать въ Австріи.»

По разсказамъ англійскихъ корреспондентовъ французскіе офицеры употребляютъ иногда въ этомъ аргументѣ вмѣсто слова «Австрія» и слово «Ломбардія.» Но что еще будетъ въ Ломбардіи, мы услышимъ, а пока знаемъ только, по свидѣтельству того же французскаго офицера, что дѣло производится иногда его товарищами и въ Сардиніи нѣсколько по примѣру австрійцевъ. Нѣсколькими строками выше переведеннаго нами мѣста, мы въ томъ же письмѣ читаемъ:

«Не знаю, понятно ли вамъ, что такое значить расположеніе войскъ по квартирамъ? Скажу вамъ о немъ два слова, потому что дѣло это непривычное для французской арміи, которая со времени послѣднихъ войнъ всегда располагалась только на бивуакахъ. Квартировавіе по деревнямъ состоитъ вотъ въ чемъ. Отрядъ приходитъ, вступаетъ на дворъ фермы; начальникъ отряда ищетъ помѣщенія; овинны, копышны, амбары — запертые и отпертые — все годится, на чемъ есть кровля. (Итакъ, замокъ на дверяхъ амбара не служитъ помѣхой?) Берутъ у фермера всю солому, нужную для постелки людямъ. Располагаются въ этихъ амбарахъ, овинахъ, конюшняхъ и каждый устраиваетъ себѣ постель. Правда, что потомъ даютъ крестьянину квитанціи для уплаты ему за то, что взято; но всегда ли даютъ ихъ? Невозможно, чтобы при квартирномъ расположеніи болѣе 100,000 человекъ не потерпѣлъ убытка какой нибудь бѣдняга. Правда, что этотъ бѣдняга порядкомъ вознаграждаетъ себя, дорого продавая вино, яйца, птицу и проч. (Но если, какъ видно, не всегда даютъ даже квитанціи, по которымъ заплатитъ казна, то всегда ли дадутъ деньги изъ своего кармана?) Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ такое безцеремонное хозяйничаніе, увидѣлъ, какъ солдаты, не обращая ни на что вниманія, берутъ охапки соломы, у меня поворотилось сердце, — но что же дѣлать, надобно же солдату имѣть постель.»

(*) Т. е. въ мѣстности, которую долго занимали австрійцы.

Если у автора письма на первый разъ поворотилось сердце, то вѣроятно не отъ однихъ охапокъ соломы, иначе нервы у него были бы уже слишкомъ чувствительны. Но все равно, всегда ли французы платили сардинцамъ и будутъ платить Ломбардцамъ за птицу, вино и т. д.; всегда ли будутъ они выдавать имъ идилическія квитанціи за солому и дѣйствительно ли Ломбардія тоже должна входить въ составъ той Австріи, гдѣ, по мнѣнію французскаго лагеря, не будетъ большаго грѣха поступать французамъ точно также, какъ австрійцы поступали въ Сардиніи, — дѣло идетъ теперь не о французахъ, а объ австрійцахъ, симпатія къ которымъ въ насъ замѣчена многими и признана теперь нами самими. Признаемся, источникомъ похвальной гордости служить намъ то, что теперь сами противники австрійцевъ свидѣтельствуютъ о безукоризненномъ проведеніи нашихъ друзей въ сардинскихъ областяхъ. Но слѣдуетъ ли изъ безупречности ихъ поведенія по кодексу французскаго офицера, чтобы жителямъ занятыхъ ими областей дешево обошлось посѣщеніе Гіулая — освободителя? Въ цѣлыхъ округахъ не осталось ни хлѣба, ни скота, ни птицы, ничего, такъ что жители будутъ голодать до слѣдующей жатвы (въ Италіи впрочемъ при лѣтнемъ зноѣ дѣла полезла, да и до жатвы осталось недолго); въ три года едва ли успѣютъ они снова обзавестись скотомъ и въ десять лѣтъ можно еще будетъ съ перваго взгляда узнавать тѣ мѣстности, въ которыхъ побывали гости. Да, намъ, читающимъ газеты, война скрывается съ рукъ очень удобно, а нашимъ знакомымъ, служащимъ въ оберъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ, она иногда бываетъ даже пріятна, потому что даетъ прибавку жалованья; но поселанину она не обходится дешево даже при австрійскомъ поведеніи войскъ, совершенно соответствующемъ французскому идеалу. Вся восточная часть Піемонта теперь разорена; если безпорядочныхъ грабительствъ не было, все-таки всѣ средства страны поглощены реквизиціями; какими же образомъ могли быть придуманы австрійцами дикія сказки, будтобы сардинскіе поселане принимали ихъ съ радостью, точно въ самомъ дѣлѣ Гіулай съ товарищами идетъ освобождать ихъ? Самая нелѣпая выдумка должна же привязываться къ какому нибудь дѣйствительному обстоятельству. Объясненіе этой дикимой нелѣпости мы опять также находимъ въ письмахъ одного изъ корреспондентовъ Times'a. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ изъ Гарласко 28 и 30 мая.

«Въ одномъ изъ моихъ первыхъ писемъ отсюда (изъ восточной части Сардиніи), я говорилъ, что поселане вовсе нерасположены были къ войнѣ, а готовы, пожалуй, къ социалистской революціи, не видя своихъ господъ, богатыхъ собственниковъ, живущихъ въ Туринѣ и въ Миланѣ. Одна изъ австрійскихъ газетъ сочиняетъ

изъ этого, будтобы народъ здѣсь расположенъ къ Австріи. Нѣтъ, я могу увѣрить васъ, что поселяне Ломелинской провинціи (земли между Сесіею и Тичино) не любятъ ни австрійцевъ, ни французовъ, ни своего правительства. Они имѣютъ только одно чувство — ненависть ко всѣмъ «проклятымъ господамъ» (*maladetti signori*). Они думаютъ, что богатые — «богатыми» называютъ они всѣхъ, неработающихъ руками, — имѣютъ выгоду отъ войны и приносятъ ей въ жертву поселянъ и ихъ интересы. Видя, какъ легко могло бы быть произведено здѣсь социалистское возмущеніе, я не могу вѣрить словамъ Туринскаго бюллетеня № 32, говорящаго, что австрійцы старались возмутить бѣдный классъ жителей въ Страделлѣ и Вогерѣ противъ богатыхъ..... Стараются поколебать довѣріе къ моимъ письмамъ, представляя меня приверженцемъ австрійцевъ. Увѣряю васъ, мое все сердце лежитъ, какъ должно лежать сердце каждаго англичанина, къ *итальянскому народу*, масса котораго должна пострадать отъ этой войны, на которой бы сторонѣ ни осталась побѣда, и пусть лучше отпадетъ у меня правая рука, чѣмъ напишу я хотя одно слово во вредъ итальянскому народу, для выгоды кого бы то ни было, французскаго ли императора, сардинскаго ли короля или австрійскаго императора... Я боюсь, что общественное устройство въ Сардиніи едва ли сообразно съ конституціоннымъ порядкомъ. Огромное большинство народа находится въ слишкомъ большой зависимости отъ немногихъ богачей, въ числѣ которыхъ есть миланскіе аристократы. Кромѣ того, какъ вы знаете, въ Сардиніи есть сильная реакціонная партія, вовсе не ограничивающаяся однимъ какимъ нибудь сословіемъ. Я встрѣчалъ, кромѣ священниковъ, также и фермеровъ, сельскихъ старшинъ и другихъ людей, принадлежащихъ къ ней. Аргументъ одного изъ нихъ былъ такъ простъ, что я повторю его вамъ. *E troppo cara, la libertà*, сказалъ этотъ патріотъ: «слишкомъ дорога она, свобода.» Прежде онъ платилъ въ казну только 150 франковъ, а теперь подати съ него постепенно возвысились до 400 франковъ.»

Многіе, быть можетъ, осудятъ насъ за эти выписки. Но что же дѣлать, если мы думаемъ, что въ нихъ высказана правда? Здѣсь не мѣсто подробно излагать нашъ взглядъ на политику Кавура; скажемъ въ двухъ словахъ, почему мы не питаемъ къ нему энтузіазма, за недостатокъ котораго иные осуждаютъ насъ. Намъ кажется, что онъ дался въ обманъ, и скоро будетъ въ томъ раскаиваться, если еще не раскаялся и теперь, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ признакамъ. Намъ кажется, что для освобожденія Италіи было бы полезнѣе ждать обстоятельствъ не столь опасныхъ, какъ нынѣшняя комбинація. Кромѣ того, намъ кажется, что въ ожиданіи

войны съ Австріею не слѣдовало бы обременять сардинскій народъ, слишкомъ высокими налогами для содержанія слишкомъ огромной арміи, которая даромъ истощала государство въ теченіе многихъ лѣтъ, — имѣя только готовые кадры, легко было при наступленіи надобности организовать сильную армію въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ на примѣръ сдѣлала Пруссія въ 1813 году. Мы думаемъ, что Кавуръ заставлялъ до сихъ поръ сардинскій народъ слишкомъ дорого платить за нынѣшніе подвиги, польза отъ которыхъ для Италіи еще очень сомнительна; и что наконецъ онъ далъ обмануть себя, сдѣлался теперь орудіемъ въ рукахъ, которыя отбросятъ его, когда извлекутъ изъ него себѣ пользу, далеко не соотвѣтствующую желаніямъ Кавура и итальянскихъ патріотовъ. Нѣкоторые подтвержденія этому взгляду читатель найдетъ на слѣдующихъ страницахъ, между прочимъ въ разсказѣ о тосканскихъ дѣлахъ. Теперь мы, обращаемъ вниманіе читателя только на фактъ, объясняющій, почему австрійцы были приняты сардинскими поселянами безъ негодованія, такъ что могли выдумать, будтобы сардинскіе поселяне сочувствуютъ имъ, угнетателямъ Италіи. Итальянскіе землевладѣльцы при всемъ своемъ патріотизмѣ забыли, какъ мы видимъ, позаботиться о томъ, чтобы облегченіемъ повинностей примирить съ собою поселянъ, живущихъ на ихъ землѣ, графъ Кавуръ тоже забылъ, что для внушенія массѣ населенія привязанности къ правительству мало прекрасныхъ рѣчей и вѣрности патріотическимъ стремленіямъ образованныхъ сословій: нужно также облегчить народъ отъ лежащихъ на немъ тягостей; а графъ Кавуръ удвоилъ эти тягости для содержанія огромной арміи въ мирное время, когда еще не было въ ней надобности. Впрочемъ, мы совершенно напрасно вдавались въ этотъ эпизодъ объ отношеніяхъ къ народу политики, столь симпатичной благороднымъ стремленіямъ всѣхъ образованныхъ сословій: какое кому дѣло до того, лучше или хуже стало массѣ? У насъ, образованныхъ людей, потребности не тѣ, какъ у грубой массы, озабоченной только добываніемъ для себя, а болѣе для насъ, матеріальныхъ средствъ къ жизни, и нашимъ потребностямъ стремленіе политики Кавура удовлетворяетъ прекрасно. Возвращаемся же къ разсказу о войнѣ.

Мы оставили союзниковъ въ то время, когда, отбивъ непріателя у Палестро, они продолжали наступленіе къ Тичино. На каждомъ шагу ихъ изумленіе возрастало, потому что они находили самыя выгодныя для обороны позиціи оставленными непріателемъ безъ всякой попытки задержать на нихъ наступающія колонны. Это впечатлѣніе очень живо передается читателю письмами того же корреспондента Times'a, которому обязаны мы единственными хорошими отчетами о

двухъ битвахъ при Палестро. Продолжаемъ пользоваться его рассказомъ:

«Новара, 4 июня (23 мая).

«Это письмо прійдетъ къ вамъ, когда вы по официальнымъ реляціямъ конечно уже будете знать, какимъ непонятнымъ образомъ дѣйствовали австрійцы. Они оставили Мортару безъ сопротивленія, отступая по дорогѣ къ Павіи, къ Виджевано и къ броду при Аббат-Грассо (*). Французы перешли Тичино въ двухъ мѣстахъ—у Буффалоры, на шоссе отсюда въ Миланъ, и у Турбиго. Не только не было сопротивленія; но оба моста были оставлены почти невредимыми, что значительно облегчило союзникамъ переправу. Это страннѣе всего, что мы видѣли до сихъ поръ, потому что, если отступление и скрываетъ какой нибудь глубоко обдуманнѣйшій планъ (**), котораго мы еще не можемъ разгадать, то едва ли можно себя вообразить планъ, который требовалъ бы облегчать наступленіе для непріятельской арміи. Надобно прибавить, что обѣ эти переправы, шоссе къ которымъ идетъ по болотамъ, представляютъ важныя выгоды для обороны. Но что страннѣе всего, давъ союзникамъ безпрепятственно пройти черезъ оба эти дефиле, они вдругъ показали вчера у Турбиго, миляхъ въ двухъ за рѣкою и около мили за каналомъ Naviglio Grande, образующимъ вторую линію обороны, почти столь же сильную. Тутъ произошла стычка, которую иные раздуваютъ въ цѣлую битву (***), въ которой будто бы очень сильно фигурировали турки; а между тѣмъ, по правдоподобнѣйшимъ рассказамъ, это была не болѣе, какъ одна изъ тѣхъ стычекъ, которыя происходятъ теперь каждый день, чуть не каждый часъ, и въ которыхъ сотни три-четыре безвредныхъ выстрѣловъ обмѣниваются между стрѣлками съ обѣихъ сторонъ, да нѣсколько ядеръ перебрасываются съ одной стороны на другую. Реляція говоритъ о взятіи семи пушекъ и иъ-

(*) Виджевано лежитъ на дорогѣ изъ Мортары въ Миланъ, на сардинской сторонѣ Тичино, Аббат-Грассо по тойже дорогѣ далѣе, уже въ Ломбардіи. На дорогѣ изъ Мортары къ Павіи лежитъ Гарласко, гдѣ и была главная австрійская квартира.

(**) Читатель увидитъ, что потомъ этотъ планъ объясняется.

(***) Почему этотъ австрійскій отрядъ явился, только уже перепустивъ непріятеля безпрепятственно черезъ обѣ крѣпкія линіи обороны, мы знаемъ изъ донесеній Гіулая. Войска тутъ были не тѣ, которыя отступали отъ Палестро и Мортары, а новый отрядъ, спѣшившій по желѣзной дорогѣ изъ Милана на встрѣчу союзникамъ; онъ былъ силою въ 7,000 человекъ. Онъ не успѣлъ встрѣтить союзниковъ раньше, въ дефиле или на Naviglio Grande. Прекрасно; но что же дѣлали войска, бывшія подъ Палестро еще 31 мая въ числѣ 20,000? Кажется, они могли бы задержать непріятеля и, въ теченіе трехъ дней, они могли бы получить подкрѣпленія съ юга. Но нѣтъ, они отступали безъ оглядки.

сколькихъ сотъ пѣнныхъ; но реляціи въ нынѣшней компаніи у французовъ еще въ сто разъ хвастливѣе, чѣмъ былъ въ Крыму. Достоверно одно: союзники утвердились за Тичино безъ битвы, достойной называться битвою и укрѣпляются за рѣкою тверже и тверже съ каждою минутою.

«Несмотря на то, что австрійцы отступаютъ неспостижимымъ образомъ, мы беремъ всѣ предосторожности противъ внезапнаго нападенія, и это необходимо, потому что австрійцы рѣдко не бываютъ въ виду у насъ. Такая чрезвычайная и постоянная бдительность должна бы, кажется, изнурять войска, дѣлающія большіе переходы. Странно сказать, утомленія въ нихъ вовсе нѣтъ, больныхъ почти вовсе нѣтъ, и въ жизнь свою я не видѣлъ арміи, которая глядѣла бы такою здоровою. На всѣхъ этихъ усиленныхъ маршахъ я, сколько помню, не видѣлъ ни одного усталого: каждый идетъ молодцомъ, чтобы не смѣялись надъ ними товарищи. Духъ въ солдатахъ веселый, и каждый день сильнѣе разгорается въ нихъ разъ охота помѣряться съ непріателемъ. Это одушевленіе не ограничивается одними отборными войсками, зуавами или берсальерами,—имъ одинаково одушевлены всѣ войска, и я жду, что они изумятъ противника, когда столкнутся съ нимъ.

«Когда же это будутъ? Вопросъ становится проблематичнѣе съ каждымъ днемъ. Непріятель не держался на Сезии, не принялъ битвы въ Мортарѣ; теперь ясно, что онъ не хочетъ защищать и линію Тичино (*). На всѣхъ этихъ линіяхъ австрійцы надѣлали полевыхъ укрѣпленій, и не въ двухъ—не въ трехъ мѣстахъ, а повсюду, гдѣ только мѣстность представляла для нихъ выгоду. У обоихъ мостовъ черезъ Тичино возведены укрѣпленія. Все это не оставляетъ никакого сомнѣнія, что они хотѣли крѣпко держаться въ странѣ, которую заняли, и по необходимости приходишь къ мысли, что какая нибудь особенная причина заставила ихъ измѣнить первоначальный планъ. Вы помните, при началѣ войны говорилось, что мысли Гюлая, командира австрійской арміи въ Италіи, и Гесса, начальника главнаго штаба императора, не одинаковы. Гюлай думалъ дѣйствовать наступательно и перейти за Тичино; Гессъ, говорятъ, хотѣлъ дѣйствовать чисто оборонительно. Принятъ былъ планъ Гюлая; но оказалось теперь, что онъ плохъ, потому очень можетъ быть, что теперь стали слѣдовать плану Гесса.

«Есть еще другое объясненіе неожиданному отступленію. Эта причина, которая если не одна заставила принять оборонительную

(*) Дѣйствительно, онъ не защищалъ ее, а сражался. Богъ знаетъ зачѣмъ нѣсколькими верстами далѣе, послѣ того, какъ выдалъ безъ боя врагу эту сильную линію обороны.

систему Гесса, то значительно содѣйствовала его принятію, состоятъ въ блистательномъ движеніи, которыми союзники въ нѣсколько дней совершенно обошли правое крыло австрійцевъ и принудили ихъ отступать. Они замѣтили это движеніе только четыре дня тому назадъ (*) и едва имѣли время убраться. Кажется, только появленіе французовъ въ Новарѣ было для нихъ первымъ указаніемъ другаго плана: до той поры и не воображали, какой сюрпризъ имъ готовится. Приведемъ въ доказательство одинъ фактъ. Недалеко отъ Новары уланы захватили австрійскаго часового, тирольскаго стрѣлка, который и не предполагая, что непріятель близко, положивъ въ сторону ружье, спокойно занимался починкою своихъ штановъ, которые снятъ для этого дѣла.

«Не знаю, не посылали ли австрійцы въ передовую линію только свои худшія войска, но какъ бы то ни было, въ сраженіяхъ, происходившихъ до сихъ поръ, они не поддерживали репутаціи австрійской арміи. При Монтебелло корпусъ, силу котораго они сами считаютъ въ 20,000, былъ прогнанъ одною французскою дивизіею и нѣсколькими эскадронами сардинцевъ. При Палестро, во второй день, были въ дѣлѣ, какъ извѣстно, цѣлыя двѣ дивизіи и онѣ, съ потерею 8 пушекъ и 1,000 плѣнныхъ, были прогнаны одною сардинскою дивизіею Чальдини и полкомъ зуавовъ. Эти факты могутъ объясняться лишь предположеніемъ, что или одни плохія войска были выставлены впередъ, или духъ австрійской арміи не такъ высокъ, какъ увѣряли ея защитники.

«Кажется, что союзническая манера боя производить на нихъ сильное дѣйствіе: одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ самъ признавался, что стремительная атака въ штыки, безъ остановки для стрѣльбы, кошачья гибкость, къ которой союзные солдаты переходятъ всѣ затрудненія и пробѣгаютъ на батарею сквозь картечный градъ, совершенно разстраиваютъ австрійскихъ офицеровъ и солдатъ, такъ что солдатъ нельзя удержать въ порядкѣ. Это очень правдоподобно, потому что изъ 8 пушекъ, взятыхъ при Палестро, четыре взяты заряженными.—фактъ, говорящій самъ за себя. Неудивительно, что австрійцы теряются отъ изумленія при этой стремительности: они всегда воображали какимъ-то этикетомъ правильнаго боя стрѣлять, пока

(*) Дѣйствительно, по письмамъ другаго корреспондента *Times'a*, находящагося въ главной квартирѣ австрійцевъ, мы знаемъ, что еще 31 мая тамъ ожидали наступленія главныхъ французскихъ силъ прямо черезъ По, или по дорогѣ отъ Вогеры на Страделлу, на правый флангъ австрійцевъ, гдѣ и были сосредоточены главные ихъ силы, или на центръ, черезъ Валенцу. Дѣйствительно, только появленіе французовъ въ Новарѣ; 1 іюня, вывели ихъ изъ этого заблужденія.

есть патроны; имъ кажется, что только варвары, непонимающіе деликатности, могутъ съ перваго же раза прибѣгать къ такому отчаянному способу неучтиваго боя.»

«Турбиго, 4 іюня.

«Вотъ мы на ломбардской почвѣ! Черезъ одиннадцать долгихъ лѣтъ сардинская армія снова переходитъ этотъ Рубиконъ Италіи и Викторъ-Эммануилъ на дорогѣ къ Милану. Берега Тичино представляютъ въ эту минуту одну изъ великолѣпнѣйшихъ картинъ, какія только можно вообразить: армія движется по странѣ, какъ будто созданной быть самою эффектною обстановкою. Отъ Новары до деревни Галліате (*) вы ѣдете по пыльной дорогѣ между роскошными хлѣбными полями, опоясанными монотоннымъ и меланхолическимъ рядомъ ивъ, перерѣзанныхъ рядами суровыхъ и также скучныхъ тутовыхъ деревьевъ; ивы и тутовые деревья посажены такъ тѣсно, что портятъ перспективу на Альпы и закрываютъ васъ, такъ что видна вамъ только длинная линія солдатъ, фуръ и муловъ, шагающихъ по прямой, пыльной дорогѣ. Такъ вы добираетесь до деревни Галліате, которая нѣсколько вознаграждаетъ васъ за тяжелый путь, который вы совершили, проталкиваясь сквозь толпу, затопляющую дорогу и покрывающую васъ пылью. Вы бродите по извилистымъ улицамъ деревни съ причудливыми итальянскими домами, изъ которыхъ почти у cadaго, надъ широкою дверью со сводомъ, нарисованъ покровительствующій ему святой. За деревнею вы опять на монотонной дорогѣ, по прежнему окруженной хлѣбными полями. Деревья тутъ гораздо рѣже и Альпы открыты передъ вами во всемъ своемъ величіи. Но вамъ не время дивиться на гигантскія горы, потому что все ваше вниманіе занято самой дорогой, по которой вамъ надобно лавировать съ вашими лошадьми, охраняясь отъ упрямыхъ муловъ и скрипучихъ фуръ, съ ихъ сагетіегі, которые еще упрямяе и безтолковѣе животныхъ, имъ подвластныхъ. Правда, вы избавились бы отъ всей непріятной тѣсноты, своротивъ въ сторону; но вамъ стыдно портить поля, пощаженные самимъ непріателемъ.

«Вамъ нетерпѣливо хочется увидѣть Тичино; вы поглядываете впередъ и сквозь зелень деревьевъ начинаютъ проглядывать на горизонтѣ колокольни. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ ихъ становится больше, вы различаете колокольни Турбиго, Бобекетты, Куджіоне и Буффалоры, встающія у подножія Альпъ; но все еще нѣтъ Тичино. Вдругъ вся сцена перемѣняется. Хлѣбныя поля, не-

(*) Верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ главнаго миланскаго шоссе и верстахъ въ пяти до доходя Тичино.

отступно тянувшіяся по дорогѣ, исчезаютъ съ обѣихъ сторонъ и вы находитесь среди высокаго кустарника изъ дубовыхъ и каштановыхъ деревцевъ; ваше вниманіе отвлечено отъ дороги нестрою толпою французскихъ и сардинскихъ офицеровъ: они сошли съ лошадей — ѣдятъ, пьютъ, курятъ и отдыхаютъ; маркитанты суетятся удовлетворить голоднымъ желудкамъ, пересохшимъ горламъ; поселане, разинувъ рты отъ удивленія, стоятъ и смотреть; шумъ увеличивается лошадьми, которыхъ проводятъ подъ уздцы, или спутываютъ. Двухъэтажный домъ налѣво съ надписью «Dogana Sarda» (сардинская таможня), говоритъ вамъ, что вы достигли конца вашего пути, что вы на берегахъ Тичино. Но вы еще не видите его. Вы дѣлаете нѣсколько шаговъ, — и стоите на обрывѣ той возвышенной плоскости, которую до сихъ поръ принимали за долину, и панорама Тичино раскрывается передъ вами. Во всей этой части теченія Тичино съ обѣихъ сторонъ опоясанъ высокой плоскостью, которая, по капризнымъ изгибамъ этой капризнѣйшей изъ рѣкъ, то подходитъ къ берегу, то отступаетъ отъ него, иногда подходя почти къ самой водѣ, въ другихъ мѣстахъ отдаляясь отъ рѣки болѣе чѣмъ на милю. У *ponte di Turbigo*, гдѣ рѣка раздѣляется на три рукава, одинъ рукавъ течетъ у самаго подножія террасы, спускъ съ которой такъ отвѣсенъ, что дорога должна дѣлать большой изворотъ сперва направо, потомъ налѣво, чтобы дойти до каменнаго моста, ведущаго черезъ рѣку. Русло рѣки имѣетъ здѣсь совершенно не такой видъ, какъ въ ея низовьяхъ. Два маленькіе рукава здѣсь разведены по каналамъ, болота замѣняются роскошною массою молодыхъ дубовъ и каштановъ, которые въ иныхъ мѣстахъ пересѣкаются хлѣбнымъ полемъ, и его нѣжная зелень съ желтоватымъ оттенкомъ рельефнѣе отгнѣняетъ густую зелень лѣса. На противоположной сторонѣ третьяго и главнаго рукава изъ-за деревьевъ, плотно покрывающихъ тотъ берегъ, выглядываетъ караульный домъ. По постепенно возвышающейся мѣстности лѣса тянутся до края горизонта, гдѣ смѣшиваются съ зеленью Альпъ, великолѣпно окаймляющихъ картину. Среди массы зелени разбросаны деревни Турбиго, Бобекетта, Каджіоне и Буффалора, стоящія почти въ одинъ рядъ на террасѣ, опоясывающей Тичино съ ломбардской стороны. Длинные караваны солдатъ всѣхъ родовъ оружія, артиллеріи, повтоновъ, фуръ, телегъ, муловъ, обозныхъ лошадей, — эти караваны, столь утомлявшіе глазъ на длинной прямой линіи шоссе, здѣсь придаютъ новую очаровательность картинѣ, то скрываясь, то появляясь по извилинамъ дороги.

«Но теперь военное время, и живописность картины скоро заслоняется другими чувствами и мыслями; армія перешла рѣку и утвердилась за ней, не встрѣчая до сихъ поръ сопротивленія, о которомъ

стоило бы упоминать. Вечеромъ 2-го юня первыя французскія войска показались на берегу Тичино, здѣсь, у Турбиго, и у Буффалорского моста. Въ Буффалорѣ широкій каменный мостъ былъ найденъ, если не совершенно невредимымъ, то уцѣлѣвшимъ на столько, что возможно было нѣкоторое сообщеніе черезъ него. Австрійскіе инженеры повидимому торопились, такъ что не нашли досуга взорвать его; только нѣкоторые изъ ихъ минъ подѣйствовали и сдвинули нѣсколько камней. Въ Турбиго не было такой большой дороги, какъ у Буффалоры, и въ два послѣдніе года существовагъ тамъ только наплавной мостъ, — плашкоутный, существовавшій прежде, былъ сорванъ рѣкою и послѣ того не возобновлялся. На противномъ берегу стояли австрійскіе стрѣлки съ нѣсколькими пушками; но союзныя стрѣлки и артиллерія скоро заставили ихъ молчать; понтонная команда принялась наводить мостъ и только изрѣдка тревожила ее свистъ нѣсколькихъ пуль, такъ плохо направленныхъ, что ни одинъ человѣкъ изъ понтонной команды не былъ раненъ. Разъ или два выѣзжали впередъ австрійскіе уланы и тоже безвредно стрѣляли, пока одинъ изъ нихъ свалился съ лошади отъ пули здѣшняго стрѣлка. Когда мосты были готовы (на другой день къ вечеру), войска бросились черезъ нихъ и утвердились на другомъ берегу. Оттуда тотчасъ же стали подвигаться по дорогѣ, которая ведетъ лѣсомъ къ каналу (*). На ломбардской сторонѣ дорога отъ рѣки слегка поднимается до Турбиго, стоящаго на краю террасы. Австрійцы, отступившіе отъ рѣки безъ сопротивленія, заняли позицію на этой террасѣ, защищаемой съ фронта каналомъ. У нихъ были пушки, обстрѣливавшія дорогу, и насыпаны были полевые укрѣпленія. Такимъ образомъ австрійцы стояли на одной изъ тѣхъ грозныхъ позицій, которыя дорого обходятся нападающему. Какъ въ Палестро, дѣло было покончено съ-разу, стремительною атакою. Тюрки, алжирскіе туземцы, блистательно овладѣли позиціею, захвативъ семь, по другому счету девять пушекъ. Австрійцы останавливали нашихъ послѣ того на маленькомъ кладбищѣ по дорогѣ въ Бобекетту; въ третій разъ въ этой деревнѣ. Съ каждымъ разомъ сопротивленіе было слабѣе и вообще болѣе походило на шутку. Союзники хотѣли не заниматься истребленіемъ этого незначительнаго отряда, а скорѣе идти впередъ по миланской дорогѣ; потому бѣгущихъ преслѣдовали не очень горячо; говорятъ, что взято въ плѣнъ нѣсколько сотъ человѣкъ. По рассказамъ поселянъ, австрійцы бѣжали въ совершенномъ разстройствѣ, бросая ружья, ранцы, все, что могло задержа-

(*) Къ тому каналу *Naviglio Grande*, который идетъ параллельно рѣкѣ, верстахъ въ двухъ отъ нея; о немъ говорилось въ первомъ письмѣ.

вать ихъ на бѣгу. Я говорилъ съ мѣстными жителями; по ихъ словамъ, австрійцевъ было до 6,000 и они пришли изъ Милана.

«Нынѣ утромъ французскіе аванпосты находились въ Санъ-Мартино противъ Буффалоры. У Буффалорскаго моста непріятеля не было, и вся окрестность при появленіи союзниковъ была погружена въ мертвое молчаніе. Буффалора еще занята австрійцами, которыми представляется превосходную позицію. Будутъ ли они защищаться на ней сильнѣе, чѣмъ здѣсь, это надобно еще видѣть. Обманутые быстрымъ движеніемъ союзниковъ съ крайняго праваго фланга отъ Вогеры, на крайній лѣвый флангъ къ Верчелли, они не успѣли поспѣть къ Турбиго и защищали его только нѣсколькими тысячами солдатъ, пришедшихъ изъ Милана. Если они будутъ противиться у Буффалоры, это будетъ значить, что они успѣли собрать тутъ нѣсколько войскъ, наслаждавшихся деревенскимъ воздухомъ на По и спавшихъ въ Мортарѣ.

«4-го іюня, вечеромъ.

«Едва кончилъ я мое письмо къ вамъ, какъ послышались пушечные выстрѣлы со стороны Буффалоры. Съ прибрежной террассы ясно видѣнъ дымъ каждой пушки; но пробраться туда нѣтъ никакой возможности сквозь массы движущихся туда войскъ. До сихъ поръ успѣлъ узнать я слѣдующее: гвардейскіе зуавы и гренадеры, ушедшіе впередъ другихъ войскъ по этому направленію, атаковали позицію при Буффалорѣ, занятую австрійцами въ большихъ силахъ, пные говорятъ до 40,000 человекъ. Несмотря на такое превосходство противниковъ, французы, которыхъ было четыре полка, всего отъ 6 до 7,000 человекъ, послѣ упорнаго боя и сильной потери успѣли штурмомъ взять позицію, когда подошли къ нимъ австрійцы. Сраженіе продолжалось до поздней ночи.»

«Турбиго, 5-го іюня. 11 часовъ утра.

«Дѣло при Буффалорѣ было самымъ блистательнымъ изъ всѣхъ въ нынѣшнюю компанію; оно имѣло размѣры большого сраженія (*). Планъ состоялъ въ томъ, чтобы напасть на эту позицію, очень крѣпкую, не съ одного только фронта, но также съ лѣваго фланга, отъ Турбиго. Въ движеніи колонны, шедшей отъ Турбиго, произошло замедленіе и результатомъ было, что когда гвардейскіе гренадеры и зуавы, — всего только четыре полка, — атаковали непріятеля, то оказалось, что они одни атакуютъ цѣлую армию въ позиціи сильной

(*) Авторъ называетъ битву 4-го іюня сраженіемъ при Буффалорѣ, потому что у этой деревни началось оно; но теперь его называютъ битвою при Маджентѣ, потому что боемъ у этой деревни рѣшена была побѣда.

отъ природы и еще болѣе усиленной полевыми укрѣпленіями. Не оробѣвъ отъ этого, они все-таки шли впередъ. Но у непріятеля было такое превосходство въ числѣ, что, отражая атаку, онъ могъ въ тоже время произвести наступленіе другими войсками и даже взять одну изъ нарѣзныхъ пушекъ. Однакоже, несмотря на всѣ свои усилія, онъ наконецъ не могъ устоять и былъ отгѣсненъ. Въ то время, какъ ему приходилось отступать, подошла и колонна съ лѣваго фланга.

«Я теперь ѣду на мѣсто сраженія и пишу вамъ эти немногія строки, чтобы дополнить свѣдѣнія объ этой битвѣ, находившіяся въ моемъ вчерашнемъ письмѣ.»

На этомъ, самомъ любопытномъ, мѣстѣ останавливается корреспондентія, напечатанная въ тѣхъ нумерахъ Times'a, которые мы теперь имѣемъ. Сравнивъ переведенный нами рассказъ съ тѣми реляціями и письмами о дѣйствіяхъ союзниковъ съ 28 мая до 3 іюня, которыя можно находить въ другихъ газетахъ, читатель не осудитъ насъ за то, что мы не хотимъ теперь и пользоваться ими для продолженія подробнаго очерка кампаніи съ того мѣста, на которомъ останавливаются письма корреспондента Times'a. Читатель, вѣроятно, одобритъ нашу рѣшимость, лучше повременить мѣсяцъ, чтобы продолжать изложеніе по превосходному, очень полному и совершенно дѣльному источнику, чѣмъ представлять публикѣ во второй разъ клочки той безтолковой декламациі или реляціоннаго хвастовства, которымъ можно пресыщаться во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ и которое оставляетъ въ головѣ только недоумѣніе о томъ, какъ же въ самомъ дѣлѣ происходило дѣло, передаваемое съ очевидной вздорностью и явными противорѣчіями въ одномъ и томъ же источникѣ. Читатель, конечно, уже пробѣжалъ и реляцію Гюлаа о сраженіи при Маджентѣ, и отчетъ объ этой битвѣ, составленный въ главной французской квартирѣ; пусть онъ самъ скажетъ, много ли онъ понялъ изъ этихъ донесеній, въ которыхъ техническая темнота служить составителямъ только къ прикрытію ошибокъ съ своей стороны и къ монотонному восхваленію храбрости каждаго отряда, каждой колонны, чуть не каждаго оберъ-офицера. Также сбивчивы и письма французскихъ корреспондентовъ. Нѣмецкія газеты, получаемыя здѣсь, всѣ наполнены истерическимъ чванствомъ тупоумія, думающаго, что можно обманывать Европу самохвальствомъ даже послѣ очищенія всей восточной Ломбардіи. Другихъ нѣмецкихъ газетъ, болѣе достовѣрныхъ, мы не имѣемъ въ рукахъ. Итакъ, вмѣсто того, чтобы путать читателя напутными догадками о настоящемъ ходѣ дѣла, лучше отложимъ про-

долженіе разсказа до слѣдующаго раза и представимъ здѣсь только самый краткій перечень фактовъ, начиная съ 4 іюня.

Сраженіе при Маджентѣ произошло, какъ видимъ изъ приведеннаго нами разсказа, оттого, что союзники слишкомъ уже понадѣлись на себя: да и трудно было удержаться отъ увлеченія вѣрностью своихъ комбинацій и презрѣніемъ къ противнику послѣ безтолковости, обнаруженной австрійцами при наступленіи союзниковъ отъ Верчелли къ Буфалорѣ. Планъ генеральнаго сраженія былъ составленъ, когда еще очень немногіе изъ союзныхъ корпусовъ успѣли придти на линію, съ которой наступленіе могло идти безпрепятственно и сообразно съ диспозиціей. Какъ всегда бываетъ при слишкомъ многосложныхъ диспозиціяхъ, распределяющихъ движенія на слишкомъ далекое пространство, планъ битвы оказался неудобноисполнимымъ отъ множества непредвидѣнныхъ препятствій. Изъ всѣхъ войскъ, назначенныхъ къ атакѣ, оказались въ свое время на своемъ мѣстѣ только четыре гвардейскіе полка, при которыхъ находился и самъ императоръ французовъ. Потомъ сраженіе тянулось, чуть-ли не наудачу, до той поры, пока Макъ-Магонъ подошелъ на помощь стѣсненнымъ французамъ, пошедши не туда, куда предписывала идти разстроившаяся диспозиція, а на тотъ пунктъ, куда оказалось нужнымъ явиться по его собственному вѣрному соображенію. Въ дѣлѣ участвовала половина всей австрійской арміи и нѣсколько менѣе половины союзныхъ войскъ: остальные корпуса союзниковъ или не подошли, или попали не въ тѣ мѣста, куда слѣдовало, а австрійцы еще не успѣли къ 4 іюня подвести къ миланской дорогѣ всѣхъ своихъ силъ съ юга. Надобно полагать, что союзники погрѣшили излишнею самоувѣренностью и тѣмъ спасли австрійцевъ отъ полнаго пораженія, которое ждало бы ихъ, еслибъ начало битвы было отложено союзниками на нѣсколько часовъ, пока всѣ корпуса ближе придвинутся къ непріятелю. Но совершенно нельзя допустить австрійцы, остановивъ половину своихъ силъ для генеральнаго сраженія въ такомъ пунктѣ, куда еще не могли придти другіе корпуса ихъ. Союзники одержали побѣду вовсе не блестящую въ тактическомъ отношеніи, — австрійцы отступили въ полномъ порядкѣ, какъ видно изъ того, что потеряли только четыре пушки, сами успѣвъ отбить одну у побѣдителей. Но стратегическія и особенно нравственныя послѣдствія этой неполной побѣды были огромны: союзники удержали за собою миланскую дорогу, оставивъ непріятелю свободу движеній только въ южной части восточной Ломбардіи. Черезъ два дня союзники были въ Миланѣ, который еще во время битвы самъ освободилъ себя отъ австрійскаго гарнизона, слишкомъ ослабленнаго посылкою подкрѣпленій на поле сраженія.

Чтобы не быть отрѣзанными отъ своихъ крѣпостей на Минчіо и Аддаже, австрійцы теперь поспѣшно отступаютъ, бросая безъ защиты даже такіа крѣпости въ юго-восточной Ломбардіи, какъ Павія и Піаченца. Съ этой рѣшительностью въ первый разъ является смыслъ въ ихъ дѣйствіяхъ. И дѣйствительно, послѣ сраженія при Маджентѣ бездарный Гіулай наконецъ отставленъ и теперь командуетъ арміею Гессъ, котораго считаютъ очень хорошимъ генераломъ. Что успѣетъ онъ сдѣлать, мы увидимъ, а теперь онъ покрайней мѣрѣ спасъ армію отъ истребленія, которое грозило бы ей, еслибъ она дала себя отрѣзать отъ Мантуи. Опасность эта была по-видимому близка: такъ надобно думать, судя потому, что 8 іюня корпусъ Бараге д'Илье уже атаковалъ австрійцевъ при Мариньяно съ явнымъ намѣреніемъ отбить ихъ къ югу отъ мантуанской дороги. Онъ взялъ эту позицію; но австрійцы были уже дальше на востокъ, и, кажется, достигнуть своего знаменитаго четырехугольника на юго-востокѣ Гардскаго озера. До той поры, пока австрійцы станутъ за линіею Минчіо, а союзники соберутся выбивать съ нея непріятеля, всѣ слѣдующія военныя дѣйствія не будутъ имѣть почти никакого существеннаго интереса, хотя могутъ имѣть эффектные эпизоды, если австрійцы вздумаютъ безъ пользы и безъ толка давать еще какое нибудь большое сраженіе, не доходя до Минчіо. Прогнаніемъ австрійцевъ съ Тичино судьба всей Ломбардіи рѣшена: далѣе до самой Мантуи нѣтъ такихъ позицій, въ которыхъ была бы вѣроятность удержаться имъ. Итакъ, съ интересомъ неизвѣстности надобно ждать теперь только уже того времени, когда начнется борьба на Минчіо; сущность всей части компаніи до этой минуты впередъ извѣстна: съ битвами или безъ битвъ, австрійцы остановятся въ своемъ отступленіи не прежде, какъ у Мантуи.

Какъ ни громка побѣда при Маджентѣ, какъ ни увлекательно подѣйствовало на массу публики занятіе Милана союзниками, но гораздо съ большею любовью останавливаемся мы на удивительныхъ подвигахъ волонтеровъ Гарibaldi въ сѣверной Ломбардіи, и если бы мы могли, эту часть военныхъ событій мы изложили бы съ наибольшою подробностью, и тутъ не было бы того холоднаго недовѣрія къ людямъ и намѣреніямъ, за которое осуждаютъ болѣе насъ счастливые способностью видѣть бѣлымъ черное или покрайней мѣрѣ довольно запачкавшиеся отъ слишкомъ охотнаго прикосновенія къ смолѣ. Мы считаемъ дѣйствія волонтеровъ Гарibaldi заслуживающими самаго точнаго изученія не по одному только уваженію къ этимъ истинно благороднымъ людямъ, жертвующимъ собою не изъ видовъ честолюбія, не по личнымъ разсчетамъ, дѣйствительно по искреннему желанію освобожденія отечеству, а не

чегонибудь другого, — итъ, ихъ судьба приковывается къ себѣ наше заботливое вниманіе и потому, что собственно только ихъ сила могла бы служить неизмѣнною опорою для независимости Италіи. Съ той самой поры, какъ австрійцы дали французамъ время прійти на помощь сардинцамъ, было ясно, что австрійцамъ нечего ожидать въ Италіи, кромѣ поражений. Вопросъ давно уже не въ томъ, удастся ли союзникамъ выгнать австрійцевъ изъ Италіи, если они захотятъ; вопросъ только въ томъ, захотятъ ли этого французы, или удовольствуются блескомъ побѣдъ и заключать съ противниками миръ столь же безудачный для нихъ, какъ парижскій миръ; а если и вовсе не позволятъ австрійцамъ владѣть ни однимъ футомъ земли въ Италіи, то захотятъ ли оставить ей независимость, или найдутъ удобнѣйшимъ иначе распорядиться ея судьбою. Кому интересна война собственно по этому вопросу, тотъ видитъ, что одна только сила войскъ подвластныхъ единственно этому принципу національной независимости можетъ представляться ручательствомъ за нее. До сихъ поръ чистыми представителями этой идеи въ военныхъ силахъ можно съ достовѣрностью считать только волонтеровъ и потому — то интереснѣе всего теперь вопросъ о вліяніи, какое могутъ приобрести они себѣ на рѣшеніе дѣла своею численностью, военными качествами и степенью участія въ изгнаніи австрійцевъ. Исторія отряда Гарибальди составляетъ не только самую чистую, но и самую важную для сущности дѣла часть похода. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы ничего не знаемъ объ отрядѣ Гарибальди, кромѣ того, что онъ дрался геройски, что онъ къ несчастью слишкомъ еще малочисленъ и не можетъ еще имѣть большого вѣса въ совѣщаніяхъ союзниковъ, наконецъ, что есть ясные признаки взаимнаго нерасположенія между союзниками и Гарибальди. Слуховъ о дѣйствіяхъ Гарибальди носилось много, но почти всѣ они были очень сбивчивы и всѣ до сихъ поръ лишены подробностей. Сообщимъ хотя то немногое, что теперь извѣстно.

Гарибальди двинулся въ сѣверо-западную гористую часть Ломбардіи, пограничную съ Швейцаріей, еще въ тѣ дни, когда Чальдини только что перешелъ Сесію, за цѣлую недѣлю до начала наступленія со стороны союзниковъ. Онъ имѣлъ отъ 4000 до 5000 волонтеровъ, которыхъ выбиралъ самъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что люди у него были на подборъ, крѣпкаго сложенія, способные переносить всѣ лишения и дѣлать изумительные переходы по труднымъ, гористымъ дорогамъ. Въ той части Ломбардіи, куда вступалъ онъ (Вальтеллине), населеніе отличается, если не особенно ненавистью къ австрійцамъ, — въ этомъ отличиться передъ другими ломбардцами было бы трудно, — то особенно воинствен-

нотією, которая облекается и содѣйствию свободной Швейцаріи, и гористымъ мѣстоположеніемъ. Въ 1848 году они продолжали упорно бороться противъ австрійцевъ, когда вся остальная Ломбардія была уже покорена и всякая надежда на успѣхъ сопротивленія и на сардинскую помощь исчезла. Еще въ началѣ компаніи, какъ только австрійцы уведи свои главныя силы въ Сардинію и когда еще не было никакой надежды на скорое появленіе союзниковъ въ Ломбардіи, городъ Комо (*) возсталъ противъ австрійцевъ. Разумѣется, возстаніе было тотчасъ же усмирено прибытіемъ сильнаго австрійскаго войска и наказано наложеніемъ огромной контрибуціи. Этотъ удивительный примѣръ отважнаго самопожертвованія показываетъ, что въ желаніи присоединиться къ Гарибальди у жителей Вальтеллине не могло быть недостатка. Но они не имѣли оружія, которое было строжайшимъ образомъ отобрано австрійцами въ 1848 году; то, которое успѣли они спрятать въ землѣ, уже стало негоднымъ отъ ржавчины. Союзникамъ было это хорошо извѣстно. Почему же у Гарибальди не было запасовъ оружія для раздачи жителямъ? Ломбардцамъ не посылали того, что всего необходимѣе было для успѣха начинаемаго ими дѣла. Еще изумительнѣе та странность, что самому Гарибальди не дали ни лошадей, чтобы имѣть ему хотя маленькій отрядъ кавалеріи, не дали даже ни одной пушки, хотя у союзниковъ есть такіа легкія орудія, что два человѣка могутъ переносить ихъ на рукахъ по мѣстамъ, недоступнымъ для лошадей. Отрядъ въ 5000 человѣкъ, не имѣющій ни одной пушки, — это дѣло ни съ чѣмъ несообразное. Какъ объяснить такую безпечность союзниковъ о Гарибальди, о его волонтерахъ, о жителяхъ Вальтеллине? Чтобы понять это, нужно только прочесть прокламацію, которую Гарибальди издалъ при вступленіи своемъ въ Ломбардію:

«Ломбардцы, вы призываетесь къ новой жизни и должны отвѣчать на призывъ, какъ отвѣчали ваши отцы у Понсиды и у Леньяно. Врагъ все тотъ же: свирѣпый, безжалостный, убійца и грабитель. Ваши братья во всѣхъ провинціяхъ поклялись побѣдить или умереть съ вами. Мы должны отмстить за притѣсненія, оскорбленія, поработеніе двадцати поколѣній, мы должны оставить нашимъ дѣтямъ наслѣдіе, чистое отъ оскверняющаго господства иноземныхъ солдатъ. Викторъ Эммануэль, котораго національная воля избрала нашимъ верховнымъ вождемъ, посылаетъ меня къ вамъ организовать васъ на патріотическія битвы. Я умоляю васъ сердцемъ

(*) Лежащій верстахъ въ 35 по прямому направленію отъ сардинской границы, на самой границѣ Швейцаріи.

отъ святой обязанности, мнѣ вѣренной, и горжусь тѣмъ, что буду предводительствовать вами.

«Къ оружію же! Конецъ порабощенію. Кто можетъ держать въ рукахъ ружье и не возьмется за него, тотъ измѣнникъ!

«Дѣти Италіи, соединившись и освободившись отъ иноземнаго владычества, сдѣлаютъ возвратить ей мѣсто между народами, назначенное ей Провидѣніемъ.»

Гарибальди не ободряетъ ломбардцевъ указаніемъ на великодушную помощь императора французовъ, а говоритъ только о Викторѣ Эммануэлѣ и сардинцахъ; о французaxъ нѣтъ у него ни слова. Естественно, что французы не очень заботились о поддержаніи генерала, своимъ молчаніемъ слишкомъ ясно опредѣляющаго свой взглядъ на ихъ роль въ Италіи. Есть положительныя извѣстія о взаимномъ нерасположеніи итальянскихъ волонтеровъ и французскаго военнаго начальства. Надобно прибавить, что когда Гарибальди двинулся въ Ломбардію, было объявлено, что вслѣдъ за нимъ двинется сильный корпусъ союзныхъ войскъ для поддержки возстанія. Но это условіе не исполнилось, и до послѣдней минуты Гарибальди былъ предоставленъ собственнымъ своимъ силамъ, хотя невозможно было и ожидать, чтобы онъ не погибъ, имѣя противъ себя въ тѣхъ мѣстахъ болѣе 25,000 австрійцевъ, къ которымъ шелъ еще корпусъ Кламъ Галласа, состоявшій изъ 40,000 человекъ. Положимъ, что корпусъ Ніэля, который обѣщали послать въ Вальтеллине, оказался нуженъ для дѣйствій по миланской дорогѣ; но все-таки, кажется, можно было бы изъ 200 или 250 тысячъ союзныхъ войскъ отделить нѣсколько тысячъ для поддержанія столь важнаго дѣла, какъ экспедиція Гарибальди, не ослабляя арміи, дѣйствовавшей на Сезин. Соображая все это, трудно удержаться отъ заключенія, что гибель Гарибальди не слишкомъ огорчила бы главную квартиру французской арміи.

Впрочемъ, каковы бы ни были обстоятельства и мысли, по которымъ Гарибальди не получилъ артиллеріи, не получилъ оружія для раздачи жителямъ и оставленъ былъ безъ всякой поддержки среди враговъ въ пять разъ и потомъ въ десять разъ превосходящихъ его числомъ, онъ противъ всякаго ожиданія нанесъ въ Ломбардіи не гибель, а блистательные успѣхи. 22 (10) мая онъ вступилъ въ Ломбардію черезъ Арону (на южномъ концѣ Лаго-Маджіоре) и двинулся на Варезе, ближайшій ломбардскій городъ въ верстахъ двадцати по прямому направленію отъ сардинской границы. На дорогѣ онъ разбилъ австрійцевъ, и 23 числа занялъ Варезе. Черезъ нѣсколько часовъ приблизился къ городу австрійскій корпусъ въ

5000 человекъ съ артиллерією, которой не было у Гарибальди. Укрѣпиль городъ баррикадами, онъ оставилъ въ немъ нѣсколько сотъ человекъ своихъ волонтеровъ, жители вооружились, какъ могли, а самъ Гарибальди съ главными силами ушелъ изъ города. Австрійцы подступили къ Варезе, но въ эту минуту Гарибальди началъ на нихъ съ такой стороны, откуда они никакъ не могли его ожидать, разбилъ и разсѣялъ ихъ, и овладѣлъ всеми пятью пушками, которыя были у неприятеля. Быстро двинулся онъ потомъ на востокъ, въ Комо (на югозападномъ концѣ озера Комо, востокъ въ двадцати отъ Варезе), но дорогъ тамъ былъ австрійцевъ, занявъ Комо, двинулся далѣе на востокъ. Между тѣмъ австрійцы стягивали въ ту сторону свои войска, оставшіяся въ Ломбардіи; изъ арміи, стоявшей въ Сардиніи, былъ посланъ свирѣпый Урбанъ, славившійся между австрійцами искусствомъ въ партизанской войнѣ, съ отрядомъ отборныхъ австрійскихъ головорѣзовъ. Погибель Гарибальди казалась немѣлкая, и нѣсколько разъ разносились слухи, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, отгнѣсненъ то къ швейцарскимъ, то къ тирольскимъ границамъ. Какими маршами и побѣдами усилывалъ онъ уходить отъ австрійцевъ или отбрасывать ихъ, все это до сихъ поръ еще неизвѣстно хорошенъко, потому что извѣстія слишкомъ отрывочны и разногласны; видно только, что волонтеры Гарибальди дѣлали изумительные переходы, имѣли иногда по три стычки въ одинъ день и повсюду были австрійцевъ, гонявшихся за ними. Тяжелѣ моего должны были пройти для нихъ тѣ дни, когда огромный корпусъ Клаамъ-Галлоса, идущій на подрывленіе Гюлаю, находился въ тѣхъ мѣстахъ. Это было въ послѣднихъ числахъ мая. Всѣ походы и побѣды Гарибальди теперь остаются еще неразсказанными съ достовѣрностью въ газетныхъ извѣстіяхъ. Извѣстно только, что постепенно поднималъ онъ всю сѣверо-западную часть Ломбардіи и что результатомъ всѣхъ маршей и сибоекъ оказалось, 4 іюня (23 мая), въ день битвы при Меджентѣ, совершенное торжество волонтеровъ: войска Урбана, разбитыя и разсѣянныя, послѣдно отступали въ этотъ день на югъ, а Гарибальди, преслѣдуя ихъ, занималъ уже Бергамо 8-го числа, когда союзники вступили въ Миланъ, далеко въ тылу Милана, на желѣзной дорогѣ изъ Милана къ австрійскимъ крѣпостямъ. Этотъ результатъ показываетъ, каковъ оборотъ приняла бы война, еслибы Гарибальди не былъ оставленъ союзниками рѣшительно безъ всякой помощи. Имѣлъ онъ войска нѣсколько больше, онъ отрѣзалъ бы австрійцамъ отступление къ Мантуѣ и Веронѣ, и вся австрійская армія, бывшая въ Сардиніи, отброшена была бы на югъ и была бы взята въ плѣнъ. Но Гарибальди не хотѣлъ давать подрывленія и потому

онъ могъ только показать, что въ состояніи сдѣлать итальянскіе моменты при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

За недостаткомъ связныхъ извѣстій о подвигахъ Гарибальди, покрайней мѣрѣ перескажемъ изъ *Indépendance Belge* писемъ одного француза, жителя Комо, о тѣхъ сценахъ, которая удалось ему видѣть. Если изъ него не получимъ мы никакого понятія объ общемъ ходѣ дѣлъ, то покрайней мѣрѣ даемъ оно описанію картину одного изъ тѣхъ моментовъ, которыми была наполнена жизнь блистательнѣйшей эскадры нынѣшней освободительной, и въ какомъ-то образномъ извѣстѣ впечатлѣніе, производимое Гарибальди на своихъ и на враговъ.

«Комо, 30 (18) мая.

«Милый братъ!

«Я думаю, ты очень тревожишься за меня; смѣшу успокоить тебя, сказать, что всѣ мы живы и цѣлы. Но какія испытанія мы пережили! Событія смѣнялись въ нашемъ бѣдномъ городѣ съ поразительною быстротою.

«Я писалъ тебѣ, съ какимъ восторгомъ энтузіазма было принято здѣсь объявленіе войны Австріи. Мы, здѣшніе французы, составляющіе маленькій комитетъ, отпраздновали его достойнымъ образомъ, такъ что полиція пропущала и около двухъ недѣль мы не могли собираться. Мы жили въ постоянномъ стѣсненіи, едва осмѣливались спрашивать другъ у друга о дѣйствіяхъ нашей арміи. По одному номеру парижской газеты, ускользнувшей отъ взгляда таможенныхъ, мы знали, что 200.000 нашихъ занимаютъ Пьемонтъ отъ вторженія Гіуды, и больше ничего не знали. Наше любопытство стало сильно возбуждаться, когда нашъ гарнизонъ, часто сѣняющійся, сталъ безпрестанно выходить изъ города и возвращаться назадъ, иногда съ добычею и ранеными.

«Дѣло отчасти объяснилось именемъ Гарибальди, которое поехомъ произносили австрійскіе офицеры, говоря между собою. Австрійцы ходили искать его; онъ сильно безпокоилъ ихъ. На солдатъ одно его имя наводило суевѣрный ужасъ: говорили, что его не беретъ никакое оружіе, говорили даже, что пули сплывающіяся, ударяясь о его лицо.

«Десять дней тому назадъ австрійскій отрядъ вышелъ утромъ, вѣроятно для рекогносцировки; къ восьми часамъ солдаты ворвались, тяжело дыша отъ изнуренія, покрытые пылью, убитые духомъ; многіе изъ нихъ побросали оружіе. Они кричали: закройте ворота! Ворота заперли. Остальные солдаты тѣснились на подступѣ къ мосту, съ водами ужаса. Никто не отвернулъ воротъ. Они бро-

сидясь на колѣна, подымали по землѣ; — завершившись, остались неумо-
лимы.

«Въ одинъ мигъ весь гарнизонъ построился въ ряды; въ десять часовъ, отъ Волытской площади пошелъ за городъ. Дошедши до фор-
та, генералъ передумалъ и послалъ только патруль. Съ мучительною
тревогою ожидали его возвращенія. Онъ воротился уже къ вечеру,
не видѣвъ ничего, кромѣ ранцовъ и ружей, побросанныхъ быва-
вшими австрійцами.

«Тревога была поднята и вновь застрѣльщики; мигъ появился,
будто они зашлили штурмовать въ засадѣ. Они торопливо отступили
изъ своей колонны, стрѣляя изъ ружей. Панический страхъ ола-
гала солдатки и они неудержимо побѣжали навадъ въ городъ.

«Генералъ въ тотъ же день отдавъ подъ военный судъ несчаст-
наго поручика, командовавшего отрядомъ. Его ночью разстрѣляли
во рву. Но утѣшать, что онъ дѣйствовалъ хорошо.

«Можешь вообразить, въ какомъ безпокойствѣ былъ весь на-
родъ. По утру, послѣ небольшой манифестации, явились на стѣнахъ
аэиши: Онъ призывали лонбардцевъ къ оружію, обѣщая, что Га-
рибальди не замедлитъ прийти къ нимъ на помощь. Полиція разо-
рвала эти прокламаціи и стала производить дошвыя обыски; они
продолжались трос сутокъ. Я успѣлъ спрятать свои пистолеты и
охотничье ружье, спрятать и женскую газету, которую получалъ
черезъ контрабанду. Но эти предосторожности только увеличили
общее волненіе. Епископъ уѣхалъ изъ города; многіе жители
также.

«Еслибъ не мои торговля дѣла, признаюсь; я тоже уѣхалъ бы.
Не бросить фирму значило бы потерять все состояніе.

«Я тебѣ говорилъ, что у насъ, французовъ, была устроена
ялудь. Въ 11 часовъ вечера мы собирались поочередно другъ у
друга, отдѣльными'человѣкъ по 10, чтобы не возбуждать подозрѣ-
ній. Карбонари изъ Варезе давали намъ тайныя приглашенія. Они
предлагали намъ присоединиться къ обществу Гіасомі, въѣти'кого-
раго идуть до самаго Милана. Я настаивалъ, чтобы принять при-
глашеніе. Момитетъ отказался, боясь шпіоновъ, отчасти и потому,
что многіе изъ Гіасомі нашего города ему не нравятся.

«Черезъ агента варезскихъ карбонари мы узнали, что Гарибаль-
ди думаетъ вторгнуться въ нашу провинцію; мы сильно ободрали
его передать сѣльному генералу точныя свѣдѣнія объ австрійскихъ
силахъ; у насъ эти свѣдѣнія были изъ вѣрныхъ источниковъ. Онъ
отправился, взявъ ихъ, и потомъ я узналъ, что этому извѣщенію
мы были обязаны своимъ освобожденіемъ. Гарибальди не потерялъ
времени.

«Въ четвергъ (26 — 14 мая) мы были задолго до разсвѣта пробуждены ужаснымъ шумомъ. Солдаты ходили по улицамъ, перемалывая; слышалъ рожокъ, барабаны били тревогу; артиллерія стучала по улицамъ, всадники носились въ галопъ. Въ однихъ домахъ открывались ставни, въ другихъ отворяли двери; въ третьихъ жители бросились въ погреба, приготовляя тамъ себѣ убѣжище. Потомъ повсюду водворилась неподвижность.

«Мертвое молчаніе господствовало въ городѣ. Проснувшись, мы увидали на каждомъ перекресткѣ часового; курки у нихъ ручей были взведены. Мой приказчикъ вынужденъ отворить магазинъ — часовый прицѣлился въ меня съ ругательствами. Бѣднѣе воротился домой, дрожа всѣмъ тѣломъ и уналь на стулѣ. Я успокоилъ его. Онъ воображалъ себя уже убитымъ. Съ трудомъ я донесъ его до дома, что съ нимъ такое.

«Когда онъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло, я вооружился бумагою водки и отираюся парламентаремъ къ австрійцу. Онъ подпустилъ меня, услышавъ, какое приношеніе назначено ему. Пошлецъ я знаю плохо, но для помощи заразительнѣе знакомъ чужаго посылъ, зачѣмъ онъ тутъ поставленъ.

«Жителямъ запрещается открывать окна и двери и выходить изъ домовъ, — въ того, кто ослушается, должно стрѣлять.

«Приказъ былъ формальнымъ. Черезъ нѣсколько времени его отпародовали. Кромѣ этого, я могъ узнать отъ своего австрійца только то, что его товарищи пошли атаковать Герибмади въ Варезе.

«Наканунъ былъ слухъ, что австрійцы разбиты. Я не зналъ, что думать. Мы съ женою провели день въ большой тревогѣ.

«Вечеромъ, въ Палискія ворота прискакалъ адъютантъ, шавъ на почтовомъ дворѣ свѣжую лошадь и, вынимъ ставни французскаго вина, носкавалъ въ Камерлату, много палихъ оконъ. Запрещеніе выпускать жителей изъ домовъ было гласно объявлено. Въ 11 часовъ, громкая военная музыка вывѣла жителей изъ ихъ жилищъ. Передъ нашими глазами прошла цѣлая бригада въ эскадрѣ и артиллерійскихъ экипажахъ. Она шла на Варезе. ...

«Солнце начинало выходить, какъ послышалась стрѣляная тревога со стороны Варезе. Каждый выстрѣлъ мучительно отзывался въ груди нашей. Около десяти часовъ, пришелъ первый бой. Горки мумовъ, — они вели раненыхъ. Беспокойная рѣчь увеличившая страданія раненыхъ, съ каждымъ шагомъ у нихъ вырывалась мучительный стонъ. Такая необыкновенная тишина иль перерывъ показалась мнѣ признакомъ пораженія. Дѣйствительно, мумовъ с ранеными прошли по Длинной улицѣ, не останавливаясь у лазарета. Раненыхъ увозили въ главную квартиру.

«Въ половинѣ перваго часа, въ окрестностяхъ показались бѣгущіе солдаты. Они прятались. Пушечные выстрѣлы раздавались уже только нѣрѣдка; но ружейный огонь былъ очень силенъ, суда по непрерывнымъ отголоскамъ отдаленныхъ выстрѣловъ.

«Около трехъ часовъ выстрѣлы приблизились. Эскадронъ гусаръ въ безпорядкѣ прискакалъ на Piazza Nuova; онъ пытался снова построиться; двѣ или три лошади взбѣсились. Замѣшательство увеличилось. Одна изъ лошадей, съ боками окровавленными отъ шпоръ, бросилась стрѣмглавъ по Миланской улицѣ, другія понеслись за нею; эскадронъ разсѣялся весь. Не прошло четверти часа, какъ стали входить черезъ Варезское предмѣстье 2000 человекъ, покрытыхъ пылью, потомъ, кровью, почернѣвшихъ отъ порохового дыма. Они возвращались отъ Борго-Вико. Хотѣли привести ихъ въ порядокъ. Но голосъ начальникова былъ безсиленъ, новые бѣглецы врывались въ эту толпу, и вся смѣшанная масса вошла въ Камерлату.

«Едва миновалъ этотъ потокъ людей, оставляя за собою раненыхъ, ранцы, оружіе, какъ большой колоколъ кафедральной церкви зазвучалъ набатнымъ звономъ, — одна за другою, стали звонить всѣ колокольни страшнымъ призывомъ, глухіе и медленные звуки котораго говорили:

«Вооружайтесь! Вооружайтесь!

«Еслибъ ты видѣлъ, милый братъ, какъ нѣмой городъ оживился, будто въ судорожномъ пароксизмѣ, при знакомыхъ звукахъ! Не видѣвъ, нельзя понимать этихъ чудесъ!

«Вудто волшебствомъ появлялось оружіе изъ потаенныхъ ящичковъ, будто изъ земли возникали люди, разливались по улицамъ, и черезъ часъ, 10,000 поселянъ бросались навстрѣчу Гарибальди. Онъ проскакалъ галопомъ черезъ городъ. Я не могъ увидѣть его въ этотъ разъ, но я съ удивленіемъ смотрѣлъ на людей, слѣдовавшихъ за нимъ, на этихъ черныхъ демоновъ, съ тяжелыми карабинами, прыгающими у нихъ за плечами. Они бѣжали съ быстротою, которой нельзя было бы ожидать отъ людей столь утомленныхъ, послѣ шестичасоваго сраженія.

«Бой возобновился у станціи Миланской желѣзной дороги.

«Тутъ выстрѣловъ почти не было, и работа покончилась быстро. Австрійцы побѣжали. Въ 6 часовъ, генералъ торжественно вступалъ обратно въ городъ съ 5000 своихъ героевъ. Какое зрѣлище!

«Отбитыя у непріятеля пушки были убраны цвѣтами. Раненыхъ мы разобрали по домамъ и стали ухаживать за ними, какъ за родными дѣтьми. У насъ съ тещею также есть раненый: повѣрь, онъ не пожалуется на насъ.

«Я видѣлъ Гарибальди только мелькомъ. Онъ высочаго роста, широкъ въ плечахъ, у него львиная голова на атлетическомъ станѣ. Его длинная черная борода, вѣсколочная, неразчесанная; его блестящіе глаза, сверкающіе молніею; его черная войлочная шапка съ развѣвающимися черными перьями; его красный плащъ, завазанный на шеѣ, — все это производитъ необыкновенное впечатлѣніе. Всѣ увѣряютъ, что онъ человѣкъ очень деликатный, очень любезный съ женщинами, очень строгій къ своимъ волонтерамъ, еще болѣе строгій къ самому себѣ, до чрезвычайности умѣренный въ образѣ жизни, экзальтированный и холодный въ одно и то же время. Своєю маленькой арміи онъ внушаетъ безграничное довѣріе, съ которой равняется только ужасъ, внушаемый имъ непріятелю. Онъ всегда первый въ битвѣ, онъ скачетъ на своемъ конѣ въ ряды непріятельскихъ батальйоновъ, сыргиваешь съ него, чтобы взять ружье и хотинца, дерется въ рукопашномъ бою, какъ простой солдатъ, постоянно подавая примѣръ самой рѣдкой храбрости и самага дружелюбнаго хладнокровія.

«Разсказываютъ, что, ведя своихъ солдатъ въ битву, онъ говорить имъ:

«Дѣти мои, васъ одинъ противъ пятерыхъ. Передъ вами смерть; за вами ружья товарищій, которые убьютъ, какъ собаку, первого, кто отступитъ. У насъ нѣтъ пушекъ; надобно взять ихъ. Пусть насъ убьютъ, не въ смерти дѣло, а надобно, чтобы Италія была свободна: вотъ ваша единственная награда!»

«Его 6000 человѣкъ, выбранныхъ изъ 30,000 волонтеровъ, которыхъ представляла ему Италія, таковы, что онъ можетъ дѣлать съ ними чудеса.

«Этотъ человѣкъ, столь похожій на атамана разбойничьей, будетъ великимъ полководцемъ, если австрійская лудя не остановитъ его на дорогѣ.

«Вечеромъ этого радостнаго дня, мы всѣ множили свои мечты. Въ городѣ былъ праздникъ: какая радость, какое веселье! Мы угощаемъ этихъ храбрецовъ, какъ родныхъ.

«Они уже уходятъ отъ насъ. Но Комо свободна, дѣла уже нѣтъ австрійцевъ. Въ шесть лѣтъ, какъ я покинулъ Францію, я не испытывалъ подобной радости.»

Еще недавно, только одни маццинисты въ Италіи сомнѣвались въ томъ, что война имѣетъ своею цѣлью совершенное освобожденіе Италіи отъ всякаго чужеземнаго владычества. Маццини писали еще при самомъ началѣ похода:

«Италія жаждетъ національнаго единства. Цѣль Луд-Народова не можетъ быть такова. Кромѣ Ниццы и Савойи, уже уступленныхъ

ему Момонтонъ въ улаву за союзъ, онъ ищетъ также имѣть случай къ тому, чтобы воздвигнуть престолъ въ южной Италіи для Мюрата и престола въ центральной Италіи для своего двоюроднаго брата, принца Чандисона. Римъ и часть римскихъ областей должны остаться подъ свѣтскою властью папы. Италія будетъ раздѣлена на четыре государства. Два изъ нихъ прямо будутъ находиться подъ управленіемъ чужеземцевъ; косвеннымъ образомъ Франція будетъ вѣдѣствовать надъ всею Италією, потому что папа съ 1840 года сталъ подвластенъ Франціи, а сардинскій король по узамъ благочерности и по слабости силъ станетъ французскимъ вассаломъ.»

Но тогда очень немногіе помнили о своихъ прежнихъ опасеніяхъ: при объявленіи войны австрійцамъ, восторгъ овладѣлъ всѣми италійцами, воцарилась сильная радостная ожиданія по поводу, отъ Венеціи до Неаполя. Мы знаемъ, какъ они были привлечены къ разумному порядку въ Римѣ генераломъ Гойомонъ; многія обстоятельства, относящіяся къ Гарибальди, заставляютъ думать, что возникновено итальянской силы, независимой отъ союзниковъ, встрѣчать препятствія и въ сѣверной Италіи. Но необыкновенно всего въ этомъ отношеніи ходъ дѣлъ въ Тосканѣ. Мы знаемъ, что тотчасъ послѣ переворота, тосканцы просили сардинскаго короля принять на время войны диктаторскую власть надъ ихъ страной, но что онъ отказался отъ этого, соглашавшись только назначить отъ себя командира для тосканскихъ войскъ. Онъ выбралъ генерала Уллоа, неаполитанца, отличавшагося при защитѣ Венеціи въ 1848 году; войска разились потерянностію иди претнвъ австрійцевъ — ихъ оставляли въ праздности, и дисциплина упала отъ бездѣлствія и подомольства, такъ что наконецъ въ разныхъ отрядахъ обмороукились попыткамъ неповиновенія. Пробытіе французскихъ войскъ восстановило дисциплину; но вмѣстѣ съ войсками прибавилъ въ Тоскану принцъ Момонтонъ и его появленіе пробудило живѣйшее опасеніе въ тосканцахъ, еще до начала войны кланявшіеся, что ему предназначается получить владѣніе въ центральной Италіи, которое предполагается оставить изъ Тосканы и Ломбардіи. Онъ издалъ прокламацію, служившую поводомъ отбѣтъ на опасенія жителей, убралъ въ ней, что пріѣхалъ въ Тоскану единственно для воденія войны; но прежнее безпокойство продолжалось и папало собѣ новую ширину по множеству странныхъ обстоятельствъ. Чтобы читатель не принималъ насъ за болѣе предвѣдѣвшихъ вещи въ томномъ свѣтѣ, мы не будемъ сами рассказывать фактовъ, а только переведемъ одно изъ писемъ флорентинскаго корреспондента Times'a.

«Историческ.», 30 (48) год.

«Дня въ Тосканѣ живутъ: аловѣишъ видѣ, возбудившій тревожные опасенія во всѣхъ мыслящихъ людяхъ. Тутъ, очевидно, дѣйствуютъ какія-то таинственные интриги. Вчера было опасеніе знаменъ тосканской арміи. Энтузіазмъ массы охватилъ всѣхъ, горящихъ желаніемъ присоединиться къ сардинцамъ, — артиллерию, который и былъ главною причиною тосканской революціи. Препятствую, что освѣщеніе знаменъ будетъ послѣднимъ возможнымъ предлогомъ удерживать солдатъ въ праздности и что немедленно послѣ церемоніи всѣ они, вмѣстѣ съ непокорившимися французами, пойдутъ на Пистую черезъ Апеннины; или по какому нибудь другому направлению для содѣйствія франко-итальянской арміи. Но теперь намъ холодно говорить, что пока еще не представляется никуда двигать тосканскихъ войскъ; что едва ли будутъ двигаться хотя одинъ солдатъ до 30 июня, такъ что мы имѣемъ въ виду еще мѣсяцъ полного бездѣйствія франко-итальянскихъ силъ, простирающихся по крайней мѣрѣ до 45,000 человекъ».

«Съ 21 апрѣля до сихъ поръ, до 30 мая, тосканскія войска оставались здѣсь неподвижно; хотя каждый человѣкъ въ этой Тосканѣ и въ цѣлой Италіи желалъ, чтобы они пошли противъ австрійцевъ; предлогомъ было то, что ихъ надобно организовать; что надобно принять въ ихъ ряды волонтеровъ. Но организація до сихъ поръ привела только къ дез-организаціи. Цѣлый мѣсяцъ бездѣйствія, отсутствіе дисциплины, деморализированіе тосканскихъ солдатъ до такой степени, что теперь они стали приходить въ бѣшенство, ссориться. И я уже писалъ вамъ, что они сдѣлались бы источникомъ большихъ тревогъ и опасностей для родины, если бы были французы. Теперь мы опять слышимъ, что они собираются и «организоваться». Еще мѣсяцъ и, быть знаетъ, сколько судящихся мѣсяцевъ Тоскана не будетъ участвовать въ національной войнѣ».

«Никогомъ говорить здѣсь, въ чемъ влечетъ въ этой войнѣ императоръ, желая избавиться отъ своего кузена, принца Наполеона, потерявъ неудачу въ сраженіи дѣла ему завязѣ въ Алжирѣ, назначилъ ему престолъ въ Италіи; и если не представится ничего лучшаго, то ему будетъ дано великое герцогство Тосканское, или королевство Этрурійское, или королевство центральной Италіи. Отсюда образованіе отдѣльнаго французскаго корпуса полъ императору, отсюда прокламація, утѣрающая, что императоръ не имѣетъ никакихъ честолюбивыхъ плановъ въ Италіи для себя и своего семейства. Конечно, сардинское правительство, или по крайней мѣрѣ графъ Кавуръ, должны были участвовать въ этихъ прозктахъ, и по-

тому-то отказать Витторио-Эмануэля от диктаторства, предлагавшего ему Тосканой, поразить умомъ война итальянскихъ патриотовъ, заставить всѣхъ думать, что не безъ причины дѣлается такое отступление отъ всѣхъ условленныхъ между итальянцами законовъ, — отступление, оно рѣзче выставило бы совершенно дружки образцы дѣйствій сардинскаго правительства относительно Массы и Каррары, Пармы и теперь Ломбардіи. Мысленно люди полагаютъ, что всѣ эти провинціи будутъ соединены въ королевство северной Италии, а Тоскана останется въ сторонѣ, чтобы стать уделомъ французскаго принца. Не скоро обнаружилось въ дѣйствіяхъ сардинскаго правительства что-то похожее на желаніе воротиться назадъ. Оно отказалось отъ диктаторства, предлагавшаго сардинскому королю, и даже Тосканѣ считать самой управлять своими дѣлами, но вдругъ, двумя послѣдними послѣ этого, т. е. двумя послѣдними слѣдкомъ пошло, оно повѣщаетъ тосканцамъ, что лорды принимаютъ протекторство и приглашаютъ временное правительство передать верховную власть въ руки сардинскаго комиссара Брунионнани.

Но онъ не произвелъ никакой перемѣны въ дѣлахъ: Брунионнани человекъ неспособный въ энергическомъ мѣрамъ. Выступъ отъ министровъ, членовъ академіи изящной словесности, онъ занимается прежнеемъ надѣлами о велика-герцогиньскихъ оранжереяхъ, гуманныхъ школахъ и муниципальномъ устройствѣ, — дѣлахъ прекрасныхъ, но совершенно несообразныхъ, но обращая никакого вниманія на настоятельныя потребности страны и на единственное дѣло, которымъ должна была бы заниматься Тоскана, на національную войну, такъ что Тоскана и при сардинскомъ комиссарѣ, какъ до него, остается совершенно безъ управленія. Тоскана не могла и солдатъ и денегъ для національной арміи, но одинъ мѣсяцъ такого пустого управленія довелъ войско до деморализаціи и бѣдства, а государственныя финансы расстроили такъ, что теперь требуется около 30,000,000 лиръ, тогда 27 апрѣля имѣли въ государственной кассѣ 18,000,000 налитыхъ денегъ.

Сардинскому правительству не удалось направить своего прежняго министра, потому что выборъ его упалъ на неспособнаго человѣка; но очевидно, что оно старается возрѣшить потерянное вниманіе къ Тосканѣ. Недавно сюда были присланы секретарь графа Канура, Массатини Ниграсъ: онъ изъ числа двухъ или трехъ людей, которыми графъ Канура дѣлаетъ свои тайны, которыхъ считаетъ способными исполнить глубоко обдуманныя планы. Мона утверждаетъ, что Ниграсъ призванъ сюда дѣйствовать противъ принца Наполеона; онъ входитъ въ тѣсныя сношенія съ людьми, имѣющими вліяніе на

тосканцевъ, и всячески старались обжить партію итальянскаго единства, господствовавшую въ Тосканѣ 27 апрѣля. Но онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно. Духъ сопартизера развился здѣсь; самъ Кавуръ произвелъ его, когда посоветовалъ своему королю отказаться отъ диктатуры. Правда, есть въ Тосканѣ национальная партія, желающая единства Италіи и большинство молодежи всѣхъ сословій принадлежать къ ней; но эта партія теперь ушла въ дубодѣ и издѣлана.

«Единственная серьезно-важная сторона во всемъ этомъ, — тотъ фактъ, на который обращаю я ваше вниманіе и къ которому возвращаюсь, быть можетъ слишкомъ длинно, — тотъ фактъ, что императоръ Наполеонъ и графъ Кавуръ уже не имѣютъ единодушія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ тосканскимъ дѣламъ. Я прѣдлагаю, чтобы графъ Кавуръ считалъ возможнымъ или возможнымъ прекратитъ самостоятельное существованіе Тосканскаго государства, и не то я говорю, чтобы для него не все равно было: диктатура Вонапарте или какая друная диктатура будетъ царствовать въ Тосканѣ, если Тоскана не сольется въ одно государство съ остальною Италією. Въ эти вопросы о будущемъ устройствѣ Италіи такіа задачи, разрѣшеніе которыхъ очень трудно и должно быть въ значительной степени предоставлено случаю и непреодолимому ходу событій. Божественное желаніе Кавура и его партіи въ томъ; чтобы, исполнялось обѣщаніе, данное имъ императоромъ: «подъ сѣнотрѣмъ савойскаго дома будетъ соединено королевство съ 12,000,000 населенія». Если въ вознагражденіе за такую важную услугу Франціи захочетъ посадить принцевъ изъ дома Вонапарте на престолы центральной и южной Италіи, графъ Кавуръ не имѣетъ ничего сказать противъ этого, потому что сѣверное королевство кажется ему достаточно сильнымъ для обезпеченія независимости всего полуострова. Но графъ Кавуръ и его друзья недовольны, во-первыхъ, неосторожно торопливостью, съ которою принцы Наполеоны идутъ къ своей цѣли, обнаруживая политику, отъ которой тронки бѣжали всѣ главные лица союза, промѣловательно возбуждая подозрѣніе и неудовольствіе савойскаго государства; во вторыхъ, недовольны еще тѣмъ, что, думая только о достиженіи своей цѣли, они обрекутъ на бездѣйствіе тосканскую армію. Итальянцы бѣдѣ своего болѣе, и справлялись болѣе, чтобы участіе ихъ въ войнѣ не было злѣеюю французскими силами; приглашенными на войну: каждый итальянецъ, котораго выведутъ они въ поле, служить арміею; аргументомъ въ защиту ихъ требованій стать независимыхъ королевствъ. Имъ очень тяжело уже то, что пьемонтская армія раздробляется на бригады и дивизіи, изъ которыхъ каждая действуетъ

вѣстѣ съ цѣлымъ французскимъ корпусомъ, и не дано ей дѣйствовать самостоятельно, всей вѣстѣ, на одномъ пунктѣ. Еще вышло для нихъ, что они лишены помощи 18 или 20,000 регулярнаго, хорошо обученнаго тосканскаго войска, которое или вовсе не явится на поле битвы, или будетъ считаться только частью пятаго корпуса французской арміи. Очевидно, графъ Кавуръ самъ навязываетъ на себя это горе своимъ слишкомъ скорымъ соглашеніемъ на планы императора французовъ въ пользу принца Наполеона; но не менѣе справедливо и то, что сардинскій король, даже и отказываясь отъ диктаторства, принималъ на себя командованіе всѣми тосканскими войсками; и хотя неразсудительно было воображать, что страна, находившаяся въ революціонномъ состояніи, можетъ имѣть военное правительство различное отъ гражданскаго правительства; хотя Кавуръ былъ очень несчастливъ въ выборѣ командиромъ тосканскихъ войскъ Уллоа, боеваго генерала, а не администратора, и своего комиссара Буонкомпанни, человѣка, умѣющаго говорить и писать, но не дѣйствовать; но должно сказать, что утрата тосканскихъ войскъ для итальянскаго дѣла не входила въ программу, о которой условливались графъ Кавуръ и императоръ французовъ, и служить однимъ изъ предметовъ неудовольствія между ними.

«Какъ бы ни было, а пока графъ Кавуръ и національная партія необходимы дѣловъ. Константино Нитра уѣхалъ изъ Тосканы безъ всякаго успѣха. Буонкомпанни жалуется на рѣзкость манеръ принца Наполеона. Генералъ Уллоа ждетъ удавленія отъ команды. Между тѣмъ вчера я видѣлъ среди тысячи знаменъ итальянское трехцвѣтное знамя съ императорскимъ орломъ по срединѣ. Оно было истерзанной одеждой, его поднимали, чтобы оно развилось выше, — и поднимали не безъ шамкронія».

Мы не утверждаемъ, чтобы бездѣйствіе тосканскихъ войскъ производимо было именно только рѣзкостію принца Наполеона, которому исключительно приписываютъ его авторъ письма; читатель видѣлъ, что изъ всего сказаннаго и переведеннаго нами выше, открывается этому другая причина, болѣе сильная: вообще нежеланіе французской политики пользоваться чисто народными силами для побѣды надъ австріяцами; желаніе по возможности не допускать никакихъ переменъ въ прежнемъ порядкѣ дѣлъ, кромѣ тѣхъ измѣненій, которыя могутъ быть нужны для личныхъ цѣлей.

Если бы эта статья не была такъ длинна, мы могли бы найти новое подтвержденіе такому взгляду въ отношеніяхъ Франціи къ Неаполю, гдѣ 21 (9) мая уиеръ Фердинандъ II вступилъ на престолъ его сынъ, Францискъ II, съ которымъ Франція примирилась, не потребовавъ отъ него никакихъ измѣненій во внутренней поли-

тѣхъ, хотя Немоготанскій переломъ дѣлъ, если и отличался чѣмъ отъ австрійскаго перелома въ Ломбардіи, то развѣ только къ худшему. Но мы сами сказали, что въ Испаніи съ новыми царствованіемъ не произошло никакихъ пережитъ, стало быть и ничего особеннаго важнаго, ничего такого, о чемъ не было бы удобно отложить рѣчь до будущаго времени. Въ извѣщеніяхъ иъспіи все вниманіе Бароны до того было поглощено войною, что было бы даже несовременно требовать отъ читателя терпѣнія слушать подробныя разсказы о другихъ дѣлахъ.

Что же произошло новаго въ отношеніяхъ другихъ европейскихъ державъ къ войнѣ? Въ Германіи съ каждымъ недѣлемъ усиливается движеніе, требующее внимательнаго Нѣмецкаго Союза въ помозу Австріи. У насъ имѣютъ привычку сваливать на всѣхъ людей цѣлой націи и на всѣ ея партіи ункіе національные предрассудки, которыми повсюду увлекается толпа, — мы говоримъ не о простомъ людяхъ, а особенно о классахъ, въ которыхъ сосредоточивается общественное мнѣніе, которые заняты политическими дѣлами, читаютъ газеты и обнаруживаютъ вліяніе на ходъ дѣлъ, — эта толпа, повсюду сажающая игрушкою спескорыстія и интриги. Теперь она въ Германіи кричитъ о необходимости защищать итальянскія владѣнія Австріи, кричитъ о томъ, что для всѣхъ нѣмцевъ постыдно, если изгнать изъ Италіи нѣкоторые нѣмцы, угнетающіе Италію. У насъ многіе обвиняютъ за это всѣхъ нѣмцевъ. Чтобы показать, что нѣмцы, возвысившіеся надъ пошлыми понятіями, коопедствующими не въ одной Германіи, судить объ этомъ дѣлѣ точно также, какъ судить о подобныхъ дѣлахъ возвысившіеся надъ предрассудками люди всѣхъ другихъ націй, мы приводимъ въ приложеніи большіе отрывки изъ брошюры Карла Фохта объ итальянскомъ вопросѣ. Намъ нѣтъ читатель увидитъ, что этотъ нѣмецъ смотритъ на дѣло съ ганина безпристрастнаго благородства, лучше котораго ничего нельзя представить благородному человеку ни въ Россіи, ни во Франціи, ни въ самой Италіи. Его горячность къ дѣлу освобожденія Италіи простирается до того, что онъ даже осуждаетъ ту итальянскую партію, принципы которой ближе всего подходятъ къ его собственному. Она не вѣритъ союзникамъ: онъ, убѣждая своихъ соотечественниковъ не помогать противникамъ союзниковъ, выставляетъ ее въ дурномъ свѣтѣ, лишь бы усилить въ своихъ читателяхъ впечатлѣніе, что они не должны имѣть изгнанію австрійцевъ изъ Италіи сардиніями и ихъ союзниками.

Нѣкоторые ожидаютъ возстанія въ самой Австріи, особенно въ Венгріи. Говорятъ, что Кошутъ отправляется съ нѣсколькими стами венгровъ поднимать сводъ соотечественниковъ и что онъ ду-

неужь проминутъ къ Венгрію черезъ Дунайскія Княжества. Не знаемъ, правда ли, что онъ уже думаетъ, будто настала благоприятная минута для такой попытки. Но дѣйствительно, странно было бы, если бы венгры не воспользовались нынѣшнюю войною для возстанія своей свободы. Кошутъ уже приговаривалъ къ этому Европу рѣшамъ, которые происходили на англійскихъ митингахъ. Въ приложеніи мы переводимъ извлеченіе изъ одной его рѣчи. Оно слѣшкомъ коротко и безцѣлно; но мы выбрали все-таки лучшее изъ тѣхъ, какія были у насъ подъ руками.

Изъ этого извлеченія читатель можетъ видѣть между прочимъ, что даже Кошутъ не надѣется отъ Англіи для угнетенныхъ національностей австрійской имперіи ничего, кромѣ нейтралитета. Самое благоприятное для нихъ было бы уже то, если бы Англія не стала прямо помогать австрійцамъ. Изъ такого признанія самого Кошута мы можемъ убѣдиться, какъ неосновательны надежды людей, полагающихъ, что перемѣна министерства можетъ привести Англію къ союзу съ Франціею и Сардиніею въ итальянскомъ вопросѣ. Война принесла уже тотъ вредъ Англіи, что вырвала на мѣсто пераго министра лорда Пальмерстона, не очень расположеннаго къ внутреннимъ улучшеніямъ, отнявъ первенство между вигами у Росса, который гораздо либеральнѣе своего бывшаго противника и нынѣшняго друга. Большимъ и почти невѣроятнымъ счастьемъ было бы, еслибъ она не отозвалась подобнымъ образомъ и на судьбѣ остальныхъ европейскихъ народовъ и въ томъ числѣ даже самыхъ итальянцевъ. Будущаго предугадать нельзя. Очень возможно и то, что какія нибудь непредвидѣнныя событія измѣнятъ ея характеръ и вмѣсто ожидаемыхъ нами разочарованій всѣмъ, увлекающимся надеждами, поведутъ измѣненное дѣло къ хорошимъ результатамъ. Но при томъ характерѣ, съ какимъ началась война и какой сохраняетъ она до сихъ поръ, мы не должны ожидать отъ нея ничего, кромѣ разоренія верхней Италіи, неискупаемаго никакими важными приобрѣтеніями ни въ національной независимости, ни въ развитіи внутреннихъ учреждений; — ничего, кромѣ гибели нѣсколькихъ сотъ тысячъ сардинцевъ и французовъ и вдвое большаго числа австрійцевъ въ битвахъ и еще большаго тѣхъ и другихъ въ военныхъ госпиталяхъ отъ тифа, изнурительной лихорадки и другихъ принадлежностей войны. «Чтожь, хорошо и то покрайней мѣрѣ, что перебьютъ много австрійцевъ», скажетъ иной. — Да, если бы 20,000 человекъ, выбывшіе изъ строя у Гіулая подъ Маджентою, были австрійцы; но австрійцы — эта не существующая нація, только командуютъ войсками, а эти войска, въ которыхъ солдатъ бьютъ десятками тысячъ, состоятъ на половину изъ единоплеменныхъ намъ славянъ, а другую половину составляютъ

итальянцы, венгерцы и наконецъ частные, престоупившіе нѣмцы Вѣны и Инспрука, которые точно также поработедамы австрійцами, какъ и венгерцы, и итальянцы, и поляки. Австрійцы только руководители армій... и на убой за сохраненіе своего владычества покуда ведутъ они людей ни мало не виновныхъ въ томъ коварствѣ и умышленіи другихъ людей, которое служить основнымъ чертою нѣмца-австрійца. Австрійцы, это понятіе не такъ просто, какъ думаютъ простые люди, представляющіе себѣ его въ географическомъ смыслѣ. Это такое же мировое понятіе, какъ поселянинъ, горнякъ, портной, или какъ обскурантъ, либераль, прогрессистъ, реакціонеръ. Австрійцы есть и въ Англіи, и въ Пруссіи, и во Франціи, и Австрія также мало населена австрійцами, какъ Англія, Пруссія или Франція.

Да, мы едва не забыли, что при нынѣшнемъ своемъ характерѣ война ведетъ къ одному вѣрному результату: упроченію власти Наполеона III. Французы уже начали считать къ нему энтузіазмъ за то, что онъ «озаряетъ блескомъ побѣды французское оружіе». Кажется, не надобно также прибавлять, что если война не измѣнитъ своего характера, она будетъ безусловно владычествовать во всей Италиі, какъ до сихъ поръ владычествовалъ въ Римѣ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

А. ОТРЫВКИ ИЗЪ STUDIEN ZUR GEGENWÄRTIGEN LAGE EUROPA'S V. KARL VOGT.

1. Австрія, стр. 39 — 38.

При вопросѣ объ Австріи прежде всего надобно подумать о томъ, правда ли то, что Австрія—нѣмецкая держава, существенные интересы которой лежать въ Германіи, или, напротивъ, она держава чуждая Германіи и стоитъ только одной ногой въ ней? Цифры отвѣчаютъ на это лучше словъ. 37,000,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 16,000,000 славянъ, 8,000,000 нѣмцевъ, 6,000,000 венгровъ и почти 6,000,000 итальянцевъ, — неужели это нѣмецкое государство? неужели это нѣмецкое населеніе? неужели тутъ могутъ преобладать нѣмецкіе интересы? Только самое пошлое тупоуміе, только подкупленное перо можетъ утверждать это. По справедливому выраженію Броча (*), «Австрія государство, не имѣющее въ своемъ цѣломъ никакой натуральности: она конгломератъ различнѣйшихъ земель и клочковъ земель; она не имѣетъ естественныхъ прочныхъ границъ, напротивъ того перерѣзана внутри естественными границами, раздѣляющими ея составныя части; у ней почти нѣтъ морскихъ береговъ, или лучше сказать за исключеніемъ Далматскаго побережья, не имѣющаго никакой роли при нынѣшнемъ положеніи вещей, и за исключеніемъ Итальянскихъ провинцій, о которыхъ идетъ споръ, у ней вовсе нѣтъ морскихъ береговъ; она не владѣетъ даже устьемъ единственной своей большой рѣки; она просто смѣшеніе—не націи, а отрывковъ различныхъ народовъ, которые никакъ не могутъ имѣть естественной связи,

(*) Замѣтимъ, что Брочъ также нѣмецъ и брошюра его напечатана по-нѣмецки.

не подходить другъ къ другу, не имѣютъ одинаковыхъ интересовъ, которые напротивъ взаимно отталкиваются другъ отъ друга, независимы одинъ другому, которые удерживаются вмѣстѣ только насиліемъ, во въ которыхъ уже пробудилось сознание ихъ національностей и необходимости измѣнить такое положеніе.»

Со времени подавленія послѣдней революціи всячески утѣрили Европу, что старая Австрія, сгорѣвши въ пламени, возродилась изъ пепла, какъ фениксъ, съ молодымъ императоромъ. Администрація, юстиція, полиція, высшая политика и внутреннія тенденціи, все въ ней измѣнилось, говорятъ намъ. Если вѣрить вдохновеннымъ статьямъ господина Германа Орреса, опредѣленнаго состоять при австрійской главной квартирѣ въ Ломбардіи корреспондентомъ *Allgemeine Zeitung*. — если вѣрить его статьямъ, то нѣсколько орѣховыхъ скорлупъ, находящихся на Адриатическомъ морѣ, составляютъ важный зародышъ могущественнаго флота, который скоро чуть ли не будетъ соперникомъ англійскому. Много лѣтъ заманивали обманчивымъ пластыремъ язвы, глубоко въѣвшіяся въ австрійскій организмъ, но теперь съ приближеніемъ войны они раскрылись въ отвратительной наготѣ. Намъ говорили о цѣлующихъ финансахъ, но теперь не продаждь желѣзныхъ дорогъ, горныхъ заводовъ, но продаждь послѣдней рубашки, при ежегодномъ дефицитѣ болѣе 50,000,000 въ мирное время, при употребленіи почти всѣхъ доходовъ на содержаніе арміи въ мирное время, послѣ передѣлки монеты для пріобрѣтенія нѣсколькихъ крейцеровъ, — теперь является изумительный результатъ, что даже Ротшильдъ, хотя и считается австрійскимъ генеральнымъ консуломъ, не принялъ на себя новаго займа, а только взялъ его на комиссію, что, несмотря на низкій курсъ и высокой процентъ за комиссію, онъ успѣлъ вмѣсто 150,000,000 получить только 25,000,000 и потерялъ въ Англіи полное фiasco. *Allgemeine Zeitung* печатала много статей, стараясь показать затруднительность финансоваго положенія Сардиніи и постоянное возрастаніе государственнаго долга Франціи. Пусть все это будетъ такъ; положимъ, что Франція истощена и что Піемонтъ близокъ къ нищенской сумѣ; но легче ли отъ этого финансовое положеніе Австріи? Когда три банкрота колотъ глаза другъ другу, уплачиваются ли тѣмъ ихъ долги? Но мы можемъ еще спросить, въ состояніи ли Австрія сдѣлать то, что теперь дѣлаетъ Піемонтъ и что сдѣлала Франція въ крымскую войну, — въ состояніи ли она сдѣлать національный заемъ? Піемонтскій заемъ былъ покрытъ въ нѣсколько дней, и сама Австрія значительно участвовала въ его покрытіи капиталами своихъ итальянскихъ провинцій. Посмотрѣли бы мы, много ли милліоновъ нашла бы Австрія въ своей землѣ и сколько баценовъ получила бы она изъ другихъ земель, еслибы попробовала сдѣлать національный заемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она пыталась сдѣлать истинно-добровольный насильственный заемъ. Землевладѣльцы, чиновники, капиталисты, всѣ, кто не дошелъ до нищенства, должны были давать по мѣрѣ своихъ доходовъ. Всѣческими средствами старались набрать деньги, и все-таки не собрали и посто-

вины той суммы, какая была нужна. Оби́тъ бумажныхъ денегъ, о которомъ протрубили, какъ о призна́ннъ благосостоя́ннъ австрійскихъ финансовъ, былъ пустымъ оболочени́емъ, это теперь доказано, и никто не былъ имъ обманутъ, хотя вся эта продѣлка была расчитана только на обманъ. Неужели можно назвать оби́томъ бумажныхъ денегъ, когда въ день только два часа продолжается выдача мелкихъ суммъ; а для оби́та крупныхъ суммъ нужно подавать извѣщеніе за нѣсколько дней и притомъ объявлять свое имя! Разумѣется, никто не пойдетъ на такой обманъ, зная, что иначе подвергся бы полицейскимъ подозрѣніямъ и преслѣдованіямъ. Когда Наполеонъ I хотѣлъ подорвать англійскій банкъ, банкъ только на одинъ день прибѣгъ къ тому, что выдавалъ деньгмъ счетомъ, а не вѣсомъ, какъ прежде. Австрійская касса 365 дней въ году находится въ такомъ же, или, вѣрнѣе сказать, въ гораздо худшемъ положеніи. Такимъ образомъ мы видимъ, что Австрійская имперія, совершенно истощивъ свои финансовыя силы, находится на краю банкротства, къ которому и прибѣгнетъ, если война затянется, какъ уже прибѣгла прежде. Знающіе финансовыя люди пишутъ изъ Вѣны, будто бы и къ войнѣ стремились только за тѣмъ, чтобы она послужила благомыслимъ предлогомъ для банкротства.

Что касается до внутренней администраціи, никто въ мірѣ насъ не увидитъ, будто бы сдѣлано въ ней что нибудь хорошее. Самые ничтожныя органы австрійскаго правительства сознаются теперь въ этомъ. Даже полуофициальныя корреспондентіи принуждены сознаваться, что прежніе наемники были пустословіи. Въ *Allgemeine Zeitung*, 27 февраля, одинъ изъ этихъ полуофициальныхъ корреспондентовъ изъ Вѣны пишетъ: «Да, мы глубоко сожалѣемъ, что австрійское правительство оставляетъ внутренніи органы государства какими-то трупами, что оно не организуетъ провинціальныхъ представительныхъ собраній и черезъ это лишаетъ государство возможности имѣть центральное представительное собраніе; мы думаемъ, что и многія правительственныя лица не имѣе насъ жалѣютъ объ уклоненіи отъ идей Стадіона и Шаарценберга. Это дурная сторона нашего положенія, но все-таки наше право (то есть на Италію) остается ненарушимымъ. Мы лишены средства выразить нашу патріотичность съ возвышеннаго центра; но это не относится къ вопросу, о которомъ теперь идетъ дѣло. Либеральна или не либеральна, конституціонна или не конституціонна теперь Австрія, федеративное устройство имѣетъ она или централизованное — но о томъ теперь рѣча. Дѣло не въ томъ, чтобы замѣненіемъ ближней политики проложить дорогу болѣе свободному внутреннему развитію государства, вопросъ не о томъ, какова внутренняя организація нашей державы, — дѣло идетъ о чѣлости и о независимости части нашего отечества.» 21 февраля онъ пишетъ: «Мы очень желали бы быть спокойными относительно организаціи нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Основаніемъ тутъ долженъ служить императорскій патентъ 31 декабря 1861 г.; мы хотимъ исполненія этого декрета, но тутъ возобновился вопросъ: что же исполнено изъ опредѣленій этого патента?

Мелочныя реформы въ нашемъ судопроизводствѣ сдѣлали изъ него что-то нецѣльное, несоотвѣтствующее ни старому, ни новому принципу: оно не пользуется даже и тѣмъ уваженіемъ, какимъ пользовались наши прежніе законы. Полумѣры и временныя мѣры потрясли законы въ самыхъ основаніяхъ. По вопросамъ о представительныхъ собраніяхъ, о вѣротерпимости, о муниципальномъ устройствѣ, о торговомъ и промышленномъ законодательствѣ не рѣшено еще ничего. Истинную опасность для Австріи мы видимъ не во внѣшнихъ, а во внутреннихъ ея дѣлахъ.»

Нужны ли послѣ этого еще свидѣтельства?

Патентъ 31 декабря 1831 года, о которомъ говоритъ вѣнскій корреспондентъ, самъ былъ источникомъ того, что увеличилось внутреннее распаденіе Австріи. Желаніе побѣдоносной реакціи онъ стиснулъ разными національностями, которыя прежде пользовались хотя призракомъ отдѣльной жизни. Въ изнеможеніи, послѣдовавшемъ за революціей, національности были подавлены безъ сопротивленія. Но теперь чехи, поляки, венгры, южные славяне чувствуютъ, какъ угнетены они ярмомъ централизаціи, повсюду начинается недовольство, которымъ очень легко воспользоваться коварному врагу, чтобы обезоружить Австрію. Будутъ ли служить негодяйскими силами для имперіи восточныя провинціи, Венгрія, Славонія, если необходимость войны заставитъ противника помочь недовольнымъ деньгами, оружіемъ, аммунициею и даже отрядами войска? Въ Кроаціи былъ наказанъ полкъ, не хотѣвшій идти въ походъ; въ Піемонтѣ съ каждымъ днемъ увеличивается число австрійскихъ дезертировъ, — это ли признаки энтузіазма къ единству Австрійской имперіи? При такихъ признакахъ распаденія нужно только искусно помочь недовольству, чтобы вся имперія развалилась. Франція въ этомъ отношеніи тверда; и каково бы ни было ея правительство, не найдетъся въ ней партія, которая возмущалась бы въ союзѣ съ иностранцами. Объ Австріи напротивъ можно сказать, что въ каждой изъ ея не-нѣмецкихъ провинцій скрывается зерно возмущенія, грозящаго разрушеніемъ цѣлому государству, и что это зерно ждетъ только оплодотворяющаго дождя, чтобы возникнуть изъ земли тысячами отпрысковъ.

Габсбургская династія всегда жила не покровительствомъ народни и національностямъ, а ихъ подавленіемъ; она постоянно вела съ ихъ тростью и успѣхомъ гибельную игру, подавляя одинъ народъ другимъ и въ неразборчивости средствъ никогда не уступала бонапартизму. Ламбесса или Мантуя и Шинцльбергъ, Кашива или вѣнскія, на которой умерли венгерскіе генералы, — тотъ и другой методъ, по нашему мнѣнію, одинаковы. Стремленіе подавить національности принуждаетъ Австрію постоянно изнурять свои собственныя силы; она должна держать такую армію, которая совершенно поглощается всѣмъ ея финансовымъ средствамъ; она должна отовсюду призывать искателей счастья, чтобы они командовали этою безродною арміею. Правду говорили, что Австрія находилась въ лагерѣ Радецкаго. Она и теперь только въ армейскомъ

лагерѣ, въ постоянномъ военномъ положеніи противъ своихъ собственныхъ народовъ, постоянно занимаетъ свои области военнымъ образомъ. Кромѣ лагеря, Австрія не существуетъ нигдѣ.

Всѣ австрійско-баварскія, всѣ ультрамонтанскія и реакціонныя скрипки разыгрываютъ теперь мотивъ «Австрія нѣмецкое государство». Насъ это ни мало не удивляетъ. Нѣмецкій духъ, нѣмецкое происхождение, нѣмецкій союзъ, нѣмецкое призваніе Австріи, — Габсбургскій домъ всегда прибѣгалъ къ этимъ «разамъ», когда грозила опасность его не-нѣмецкимъ провинціямъ. Тогда онъ ласкалъ Германію. Австрія уже давно готовила то настроеніе, которымъ теперь хочетъ пользоваться. Годъ тому назадъ одинъ изъ моихъ друзей писалъ мнѣ: «Нигдѣ въ цѣлой Германіи нѣтъ теперь такого нѣмецкаго патріотизма, какъ въ вѣнскомъ высшемъ кругу. Нѣмецкое единство — это аксіома, о которой толкуютъ каждый день. Но что думаютъ эти люди на самомъ дѣлѣ, лучше всего можно видѣть изъ словъ Меттерниха, за вѣрность которыхъ я ручаюсь: «Я никогда не согласился бы на созваніе нѣмецкаго парламента, — сказалъ на дняхъ сѣдой дипломатъ: — я до послѣднихъ силъ боролся бы противъ него; но когда его созвали и дали ему законную власть, то какимъ образомъ можно было пренебрегать его произведеніемъ, — имперскою конституціею, этого я не понимаю.»

Послѣ того подкупныя перья начали выставлять нѣмецкой и заграничной публикѣ нѣмецкую политику Австріи въ полномъ ея великолѣпнѣи, заводя нѣмцевъ на ту мысль, что они должны не жалѣть ни денегъ, ни крови для Австріи. Теперь, когда опасность приблизилась, армія австрійскихъ агентовъ при всѣхъ большихъ и мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ вслѣдствіи убѣждаетъ нѣмецкія правительства принимать военные мѣры. Графъ Буоль во всей Германіи разсылаетъ циркуляры, въ которыхъ чисто нѣмецкій характеръ Австріи выставляется съ такою ясностью, какъ будто бы она не имѣла ни владѣній, ни интересовъ внѣ Германіи. Въ чемъ же доказательства нѣмецкаго направленія Австріи? На чемъ основываться, чтобы увѣриться въ нѣмецкомъ патріотизмѣ Австріи, въ ея энергіи, благоразуміи и проницательности? На чемъ основывается теперь она, обращающаяся къ патріотизму общаго нѣмецкаго отечества и «съ увѣренностью ожидая отвѣта своихъ высокихъ братьевъ по союзу», какъ выражается графъ Буоль въ циркулярѣ 5 февраля? На своемъ образѣ дѣйствій въ нѣмецкомъ сеймѣ до революціи 1848? На своихъ заслугахъ въ дѣлѣ преслѣдованія нѣмецкой мысли? На несчастьяхъ бѣдствіяхъ, которымъ подвергла Германію, помогая мелкимъ нѣмецкимъ государствамъ бросать въ темницу каждого, у кого было хотя малѣйшее стремленіе къ единству и свободѣ, скрывать печальное слово, лишать всякаго значенія представительныя собранія и повсюду возбуждать племя противъ племени, народъ противъ народа, правительство противъ правительства? Или при своемъ воззваніи Австрія можетъ сослаться на свое поведеніе во время революціи, на то время, когда своими интригами она разрушала всѣ попытки къ основанію нѣмецкаго единства, раздувала старую вражду, привела кротовъ

опустошить свою собственную столицу, населенную немцами, и наконец устроила то, что вместо единства возникъ раздоръ хуже прежняго и плодомъ всѣхъ усилій Германіи остался прежній гибельный немецкій сеймъ? Или при своемъ воззваніи къ единству и патриотизму Германіи можетъ она сослаться на свое поведеніе послѣ революціи? На свои дѣйствія въ національномъ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ дѣлѣ? Въ этомъ ли немецкое направленіе, которое «всегда выказывала Австрія»? Напротивъ, не представляютъ ли всѣ дѣйствія Австріи въ Германіи непрерывнаго ряда преступленій противъ единства, чести, безопасности, свободы, могущества и величія Германіи?

Въ новой Австріи есть еще особенная черта, которая должна въ самомъ основаніи разрушить всякое довѣріе къ этой державѣ. Эта черта — заключеніе и исполненіе конкордата, который повергнулъ государство къ ногамъ ультрамонтанской партіи, уничтожилъ въ Австріи свободу совѣсти, ввелъ въ ней возмутительнѣйшую религіозную востановку и пренебреженіе. Послѣ австрійскаго конкордата эта партія сразу подняла голову въ цѣлой Европѣ. Съ той поры она повсюду стала предъявлять неслыханныя притязанія, и цивилизаціи не одного государства, а цѣлаго міра, снова сталъ грозить врагъ, противъ могущественныхъ нападений котораго она можетъ удержаться только самыми крайними напряженіемъ силъ. Такое дѣло должна защищать Германія, — Германія, единственнымъ палладиумомъ которой противъ совершеннаго упадка было до сихъ поръ право свободного исслѣдованія, должна жертвовать деньгами и кровью, чтобы спасти Австрію и чтобы спасенная Австрія отняла у нея и это послѣднее утѣшеніе, свободу мысли и совѣсти? О, нѣтъ, лучше намъ во второй разъ быть завоеванными! Отъ иностраннаго ига навѣрное освободилъ бы насъ свободный порывъ духа, воспитаннаго и укрѣпленнаго свободою мысли и совѣсти, какъ спасъ въ 1813 году.

О томъ, какъ Австрія управляетъ своими не-немецкими провинціями, намъ не нужно тратить много словъ. Можно до небесъ превозносить австрійское управленіе въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, можно доказывать, что оно лучшее правительство на цѣломъ полуостровѣ, не исключая даже піемонтскаго; что итальянскіе подданные императора пользуются даже излишними льготами, — все это ни мало не относится къ сущности вопроса. Если бы австрійцы были ангелами на землѣ и носили бы блага благодѣяніями Ломбардію, все-таки они ненавистны ломбардцамъ: стало быть возраженія противъ ихъ владычества въ Ломбардіи соотрѣпали бы всю свою силу. Какъ произошла эта ненависть: выражается ли ею негодованіе національнаго самосознанія на вѣковое угнетеніе итальянцевъ немцами; коренится ли она въ новыхъ воспоминаніяхъ о прокламаціи герцога Іоанна въ 1809 году, когда онъ обѣщалъ итальянцамъ свободу и національную независимость. или о прокламаціяхъ Наполеона въ 1813 году: или она просто племенная предразсудокъ, — это рѣшительно все равно. Это постоянное сопротивленіе, эта вѣчная

оппозиція, не дающая ни минуты покоя австрійскому правительству, эти постоянные заговоры, вспыхивающіе то тамъ, то здѣсь, — все это не дѣло одного заговорщика или немногихъ недовольныхъ, напротивъ, это выраженіе глубокой ненависти, идущейся въ народѣ, ненависти, которая успокоится только тогда, когда исчезнетъ ее причина.

Венгрія находится въ такомъ же положеніи, какъ Ломбардія. 6 милліоновъ воинственнаго, рыцарскаго народа, въ теченіе вѣковъ сохранявшаго свою самостоятельность, не могутъ быть почеркомъ пера подведены подъ безразличный уровень «подданныхъ Австрійской имперіи». Запертая со всѣхъ сторонъ, не имѣя прямой связи ни съ цивилизованнымъ свѣтомъ, ни съ моремъ, Венгрія въ своей политической оппозиціи показываетъ не непрерывныя конвульсіи, какъ Италия, а отрывочные взрывы, но зато страшно сильныя, которые каждый разъ приносятъ монархію на край гибели.

Бросимъ также взглядъ на вѣнскую политику Австріи. Кричали прежде и теперь начинаютъ кричать, что Австрія предназначена распространить на востокъ цивилизацію, возвратить Дунай нѣмецкой торговлѣ, быть можетъ германизировать весь востокъ. Но исполнила ли она хотя какую нибудь долю этой задачи? И если Австрія имѣетъ эту задачу, то какой другой путь есть къ ея достиженію, кромѣ поддержки и усиленія національностей, населяющихъ берега Дуная, чтобы онѣ вошли въ нравственный и матеріальный союзъ съ нѣмцами? На комъ, если не на Австріи, лежала прямая обязанность быть защитницею Дунайскихъ княжествъ? Если бы справедлива была болтовня нѣмецкихъ профессоровъ, что Австрія имѣетъ задачею распространить нѣмецкую цивилизацію на востокъ, она должна была бы примкнуть въ этомъ дѣлѣ къ Франціи. Вмѣсто того Австрія служитъ источникомъ смутъ на востокъ и все ея стремленіе до сихъ поръ состояло въ томъ, чтобы разслабить силы восточныхъ племенъ внутренними смутами, чтобы отнять у нихъ возможность сблизиться съ австрійскими провинціями.

Въ другихъ итальянскихъ государствахъ Австрія всегда была только полицейскимъ притѣснителемъ, который поддерживалъ ненавидимыя народу системы, штыки котораго всегда были готовы, справедливо и несправедливо, по всякому поводу и безъ всякаго повода, поддерживать угнетеніе. Фактически она господствовала въ цѣлой Италіи и постоянно была занята хлопотами усмирять то здѣсь, то тамъ морщины народного неудовольствія. Съ династическо-австрійской точки такое положеніе, конечно, было необходимою. Освобожденіе другихъ частей Италіи повредило бы ея господству въ Ломбардіи. Для сохраненія своихъ владѣній она должна была быть палачемъ въ остальной Италіи, а эта роль принуждала ее подавлять желѣзною рукою всякую жизнь въ ломбардскомъ народѣ.

Нельзя служить двумъ господамъ, а наивные люди думаютъ, что Австрія можетъ вполне служить тремъ господамъ: Германіи, Италіи и Востоку. Когда грозятъ ей итальянскимъ владѣніямъ, она кричитъ:

«помогите, я чисто-нѣмецкая держава!» Если колеблется ея положеніе на Востоѣ, она кричитъ : «помогите, иначе вспыхнетъ революція въ Италіи и Германіи!» Если требуютъ, чтобы она поддерживала своимъ могуществомъ нѣмецкое дѣло, она говоритъ, что занята на Востоѣ и въ Италіи; если нужно поддерживать нѣмецкіе интересы на Востоѣ, она говоритъ, что у ней связаны руки Италією. У ней, какъ у Филгешрейра въ комедіи Гольбейна, всегда ужасно много хлопотъ съ тѣмъ, чего не нужно дѣлать, и всегда ей некогда дѣлать того, что нужно. Такая жалкая молитка необходима въ интересахъ династій, которая хлопочетъ только о своемъ господствѣ и вслѣдствіе старается подавить народную жизнь.

Обратимъ вниманіе еще на одну сторону вопроса, на уваженіе въ трактатахъ, которые теперь выставляются палладіумомъ европейскаго устройства. Австрійское правительство твердитъ о своемъ уваженіи къ святости договоровъ. Страненъ такой языкъ въ устахъ единственнаго правительства, которое до сихъ поръ видимо нарушало договоры. До сихъ поръ всѣ другія державы хранили ихъ, только Австрія разорвала ихъ.

II. Италія (стр. 66 — 79).

При настоящемъ кризисѣ главное вниманіе Европы обращено на Италію. По низверженіи Наполеона, Италія была «географическимъ понятіемъ», въ которомъ владычествовала Австрія. Въ Сардиніи господствовала Австрія, въ Пармѣ, Моденѣ, Тосканѣ — Австрія, въ Церковной Области — Австрія, въ Неаполѣ — Австрія. Почти со всѣми этими государствами заключила она договоры, дающіе ей право вооруженнаго вмѣшательства при каждомъ малѣйшемъ случаѣ, и она, какъ нельзя полнѣе, пользовалась этимъ правомъ. Даже на тотъ случай, когда Парма и Піаченца присоединятся къ Сардиніи, Австрія выговорила себѣ сохраненіе крѣпости Піаченцы съ округомъ земли на 2000 туазовъ, считая отъ гласиса. Съ Моденою заключила она наступательный и оборонительный трактатъ, по которому «можетъ вводить въ Моденскія владѣнія и находящіеся въ нихъ крѣпости императорскія войска всякій разъ, когда потребуютъ того интересы общей защиты, или военное благоразуміе» и даже вообще «въ случаѣ событій, внушающихъ опасеніе за тишину и порядокъ». Такой же договоръ заключенъ съ Пармою. Договоръ съ Тосканою идетъ еще далѣе : онъ говоритъ даже о томъ случаѣ, когда вообще «будетъ угрожать война итальянскому полуострову». Въ Церковной Области Австрія успѣла на вѣнскомъ конгрессѣ приобрѣсти себѣ, несмотря на протестаціи папскаго правительства, право имѣть гарнизоны въ Феррарѣ и Комакію. Съ Неаполемъ въ 1815 году былъ заключенъ подъ именемъ наступательнаго и оборонительнаго союза договоръ, по которому Австрія завоевала это государство; Неаполь обязался сохранить безъ перемѣны установленную въ немъ Австрійскою формою правленія. Австрія въ замѣну обязалась охранять блага вѣн-

ного мира и совершеннаго внутреннего спокойствія и съ этой цѣлью вспомогательный неаполитанскій корпусъ отдалъ подъ команду австрійскаго генерала.

Извѣстно, какъ Австрія воспользовалась этими трактатами. Когда Неаполь въ 1820 году принялъ конституцію, Австрія двинула свои войска, возобновила прежнюю форму правленія, стала ронять неаполитанцевъ съвоею стрѣлою и занимала Неаполитанское королевство своими войсками цѣлыхъ шесть лѣтъ. Въ мелкихъ итальянскихъ государствахъ она также не ограничивалась правомъ содержать гарнизоны. Куда ни вступали австрійскіе генералы, они захватывали въ свои руки администрацію и уголовный судъ, диктатуру надъ дѣлами и словами; австрійцы назнани патриотовъ, жители должны были исполнять австрійскія предписанія. Такимъ образомъ Австрія была фактически владѣтельницаю всею Италіею, потому что ни одно изъ правительствъ полуострова не могло бы удержаться собственной силой. Развѣ могъ бы держаться собственною силою Неаполь или какое правительство, гнусность котораго видѣть самыя заклятые ультрамонтаны? Развѣ можно считать Тоскану и маленькія герцогства самостоятельными государствами, способными держаться собственною силою? Если бы они могли держаться сами, Австрія не стала бы теперь держаться за договоры съ ними съ охотою отчаянія, подобно утопающему, хватающемуся за соломинку, не стала бы дѣлать изъ нихъ вопроса о жизни и смерти для цѣлей нинерин; эти договоры были бы ненужными клочками бумаги, и не послала бы она 200,000 солдатъ защищать ихъ. Дѣло пошито наждаму. Въ тотъ самый день, когда поутру европейскія державы объявлять, что ни одна изъ нихъ, ни Франція, ни Австрія, ни Россія, ни Англія, ни Баварія, ни Сардинія не могутъ вводить своихъ войскъ въ эти государства и что не могутъ они держать иностранныхъ наемныхъ солдатъ, — вечеромъ того же дня, утромъ котораго будетъ принято и немаломо это рѣшеніе, мама, неаполитанскій король, великій герцогъ тосканскій, герцоги и герцогини съ своими пожитками, привѣстельники и приживальники побѣгутъ за границу, кому куда бывше. Но въ тотъ же день на ломбардо-венеціанской границѣ явится соседнее австрійское революціе.

Такое было бы несомнѣнное положеніе дѣлъ въ Италіи, еслибы только предоставить ее самой себѣ и очистить отъ иностранныхъ штыковъ.

Только одно государство осталось бы немолотобимо среди общаго волненія, могло бы уменьшить свою армию, поставить ее на мирное положеніе. Это государство — Піемонтъ, бывшій прежде политическимъ спутникомъ Австріи, а теперь по принятіи національной политики сдѣлавшійся злѣйшимъ ея противникомъ. Положимъ, что въ основаніи этой политики кроется мыслъ о династическомъ возвышеніи сардинскаго дома, что Сардинія хочетъ дать Италіи только независимость отъ иностранцевъ, а не внутреннюю свободу; но все-таки несомнѣнно то, что эта политика соответствуетъ теперь національному настроенію итальянскаго народа. Правда, что для достиженія своей цѣли Піемонтъ дѣлалъ

чрезвычайныя усилія, далеко превышающія его средства. Финансы его обременены чрезвычайными долгами; доходы его нерасходованы далеко вперед; съ какимъ-то хвастовствомъ, неуцѣсливымъ для такого маленькаго государства, Сардинія принимала участіе въ войнѣ, чтобы приобрести себѣ дружбу Франціи и Англіи и уваженіе Россіи. Но развѣ эти усилія были совершенно напрасны и не вознаграждены многими приобретениями? Развѣ производительныя средства страны не увеличились въ чрезвычайной степени, развѣ не построены шоссе и желѣзные дороги, не улучшено и не преобразовано внутреннее управленіе, не развита и не укрѣплена политическая жизнь? И развѣ всѣ эти усилія не были устремлены къ цѣли дѣйствительно благородной, — къ тому, чтобы освободить угнетенное племя отъ иностраннаго ига?

Италическая партія старается возбудить сомнѣніе въ способностяхъ итальянскаго племени управлять самимъ собою; но каковы бы ни были недостатки итальянскаго характера, все—таки этому племени, какъ и всякому другому, принадлежитъ право располагать своею судьбою, какъ само оно хочетъ. Желѣть тому назидаться Европа сочувствовала борьбѣ грековъ съ турками за свою свободу. Неумѣли итальянцы заслуживать сочувствія менѣе грековъ? Кто дѣйствительно знаетъ, видѣлъ собственными глазами эти два племени, тотъ ни на минуту не усомнится, которое изъ нихъ заслуживаетъ больше симпатій. Надъ греками рабство тяготѣло долѣе и сильнѣе, въшло въ нихъ глубже. Но возрѣсшимъ къ итальянскому народу. Мы признаемъ въ немъ много недостатковъ, порожденныхъ, развитыхъ, прирѣтыхъ долгами внутренними и внѣшними угнетеніемъ; но мы признаемъ въ немъ съ другой стороны пламенный патріотизмъ, неутомимо возобновляющій свои усилія для освобожденія Италіи; мы видимъ въ немъ быстроту пониманія и соображенія, смѣлѣющую о великихъ умственныхъ способностяхъ, которыя при первой возможности снова могутъ обнаружиться такимъ же блестящимъ образомъ, какъ прежде. Въ характерѣ итальянскаго народа мы видимъ множество превосходныхъ качествъ, множество благородныхъ зачатковъ, которые теперь подавляются, но тѣмъ не менѣе существуютъ и способны къ развитію. Аргументы, противопоставляемые освобожденію итальянцевъ, тѣже самые, которыхъ мы наслаивались отъ противниковъ эманципаціи евреевъ: это все тѣ же аргументы, которые всегда выставались угнетателями противъ каждаго народа, стремившагося къ независимости. Фальшивый кругъ, по которому вѣчно строятся силлогизмы при подобныхъ вопросахъ, повторяется и здѣсь. «Освобожденіе должно совершиться тогда, когда народъ созрѣетъ до него: теперь онъ еще не созрѣлъ, и потому долженъ оставаться въ рабствѣ.» Но въ рабствѣ онъ никогда не созрѣетъ, будетъ отпугивать защитниковъ освобожденія: его недостатки порождены и развиты рабствомъ. Уничтожьте причину и исчезнетъ послѣдствіе. Дайте народу въ его независимости почву, на которой могъ бы онъ развиваться нормальнымъ образомъ, и онъ разовьется гармонически, согласно своей натурѣ, и будетъ приносить благородные плоды зрѣлаго волчкова и

терний, порождаемых нынешнею ночью рабства. Нам спросить даже, кто должен определять норму, по которой должно измеряться право народа на свободу?—Неработителем?—но его собственный узкий интерес ужено будет заставлять его говорить, что эта норма еще не достигнута и, продолжая свое притязание, онъ съ каждымъ днемъ будетъ уменьшать возможность къ достиженію нормы. Это все равно, что обещать человеку известную должность, если онъ приобрететъ известную пованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ запрещать ему посѣщать школу, въ которой онъ только и можетъ приобрести эти знанія.

Партія угнетателей Италіи, выставлющая эти возраженія и подавляющая національныя стремленія, находитъ себѣ контрастъ въ другой партіи, которая въ абстрактномъ абсолютизмѣ своихъ революціонныхъ стремленій кажется нѣтъ столь же уклоняющеюся отъ истины, какъ и противная ей партія. Я говорю о такъ называемой партіи националистовъ, идеаломъ которой служить единая и нераздѣльная италіянская республика, которая исповѣдала на своемъ знамени абстрактный девизъ «*Uno e Perito*» и отвергаетъ, какъ предательство національному дѣлу, всякое переходное состояніе между нынѣшнимъ положеніемъ и республикою. Намъ кажется, что эта партія страдаетъ двумя главными недостатками: непониманіемъ національнаго характера и неумѣнностью въ расчѣтахъ о томъ, какія силы нужны для достиженія цѣли. Историческое развитіе и направленіе народныхъ чувствъ безъ сомнѣнія указываютъ на федеративное устройство Италіи, а не на централизованную республику съ единственною столицею Римомъ. Намъ кажется, что полное государственное единство въ Италіи—все равно, съ республиканскою или монархическою формою,—можетъ быть установлено только при помощи страннаго внутренняго деспотизма и при пролитіи цѣлыхъ рѣкъ крови въ междоусобицѣхъ войнѣхъ. Но должны ли идти италіяны этимъ путемъ, разумеется, мы должны предоставить имъ собственному разсужденію и обстоятельству будущаго.

Иде опасеніе этой тенденціи кажется намъ то, что революціонная партія ошибается въ своихъ силахъ, считая ихъ вѣдшими болышими, и поэтому отвергаетъ всякое соединеніе съ партіею федеральнаго направленія для достиженія окончательной цѣли, думая, что она сама образуетъ на тѣхъ, которые соединяются съ нею для достиженія ближайшихъ цѣлей. Можно очень подробно высчитывать милліоны, эмфатически говорить о непреодолимой силѣ революціи и народныхъ ополченій и о томъ, что регулярныя войска не такъ сильны въ битвахъ, какъ вообще думаютъ; но что бы мы ни говорили, сила все-таки остается силой, и мы знаемъ, что организованная сила принадлежитъ ей такое могущество, до котораго не возвышается неорганизованная сила. А единственная организованная сила, которая теперь можетъ служить въ Италіи національному дѣлу, сардинская армія и составная народная сила должна сгруппироваться около нея, чтобы получить возможность дѣйствовать; а въ настоящее время сардинская армія можетъ служить только

дѣлу независимости и конституціонной монархіи, а не дѣлу республиканской свободы. Надо ли отталкивать ее отъ себя зато, что она не пойдеть далѣе этой границы? Мы думали совершенно иначе; и если даже предположить, что по завоеваніи независимости республиканская партія для достиженія полнѣйшей свободы должна была обратиться противъ своей прежней союзницы, — даже предположить это, мы все-таки думаемъ, что она не должна отвергать теперь союза съ нѣм.

Итакъ, мы напутствуемъ самыми искренними желаніями отъясненія Италіи, усилія Піемонта; и теперь, какъ десять лѣтъ тому назадъ, мы желаемъ изгнания австрійцевъ изъ Италіи, какъ въ 1848-году выражали «либеральное» желаніе, чтобы Раденіе было побито. Мы глубоко скорбимъ, что нѣмецкая сила, нѣмецкая кровь будетъ приноситься въ жертву гнилому дѣлу; мы ускоримъ нѣм., усилія уничтожить возможность возобновленія подобныхъ событій въ будущемъ; но теперь мы считаемъ пораженіе Австріи въ Италіи неизбежною необходимостью, изъ которой выйдетъ поумолимая судьба. Австрія сурово предупреждаетъ піемонтское правительство, піемонтскій народъ зато, что они приближаются къ войнѣ и революціи; но развѣ не то же дѣлаетъ ппманти въ 1812-мъ мы сами въ 1813 году? Мы теперь снова категорично провозглашаемъ національное нѣмецкое возстаніе, вызываемъ Наполеона. Но развѣ въ 1813 году Пруссія играла относительно нѣмецкихъ государствъ, связанныхъ договорами съ Наполеономъ, не ту же самую роль, какую теперь Пімонтъ играетъ относительно Ломбарда-Венеціанскаго королевства и нѣмецкихъ нѣмецкихъ государствъ? Пруссія тогда, тоже съ откровенною облатіи принимала договоренъ и въ одинъ разъ пришло, империю, 40,000 саксонцевъ она даже импровизировала вгосударствъ и союзниковъ въ земляхъ тѣхъ нѣмецкихъ государствъ, которые были союзниками иностраннаго порабощателя; Пруссія, тоже нарушила тогда договоры, соблюдать которые взяла; она вслѣдствіи, подготовила возстаніе, а между тѣмъ формально держалась, она знала, что дѣлала тайнѣ, до той поры, когда пришло время сбросить маску. И развѣ она была достойна торжествъ?—нѣтъ, она была права! Фальшивость, заговоръ, каміа, нарушеніе договоровъ, все это сыгало большую роль со смирналей исторіи, на которой осталось только одно слово: «освобожденіе народа отъ иностраннаго ига». Ножи и дѣла испанца, баронингого противъ французовъ, близости теперь ослѣпо, потому что онъ хотѣлъ независимости своей нации.

III. ВТОРОСТЕПЕННЫЯ НѢМЕЦКІЯ ГОСУДАРСТВА (стр. 90—100).

По различію мѣстоположенія и вѣроисходленія, по историческимъ отношеніямъ племени и семейнымъ связямъ царствующія династіи, въ великихъ государствахъ нѣмецкаго союза владычествуютъ очень различными вліяніями, изъ которыхъ часто происходятъ даже долги неудовольствія между правительствами и народами. Совершенно подчинена австрійскому вліянію: особенно Баварія, нѣтъ она всецѣло же охоты, не

гораздо менше средства, играть имъ себя великую державу, какъ и Сардинія, которую базароніи органъ, *Allgemeine Zeitung*, немедленно упрекаетъ за это стремленіе.

Какъ есть спутники у Австріи, такъ есть они и у Пруссіи. Мекленбургъ—Прусская Баварія, Баденъ—Прусская Саксонія. Берлинъ кажется второй отчизной для мекленбургскихъ герцоговъ, а мекленбургскій феодализмъ кажется идеаломъ для помѣщичьего дворянства. Шверинъ и Стрелица находятся подъ военнымъ управленіемъ Пруссіи, какъ Мюнхенъ подъ управленіемъ Австріи. Баденскій престолъ обязанъ своимъ восстановленіемъ прусскому войску, а шверинскій герцогъ тѣсно связанъ съ прусскою династіею родственнымъи связями. Такимъ образомъ въ Баденѣ такое же положеніе, какъ въ Саксоніи. Дворъ идетъ съ Пруссіей, но народъ не разделяетъ этой симпатіи.

Совершенно преданы прусскому интересу Гессенъ-Кассель, Брауншвейгъ, Ольденбургъ болѣе преданы Австріи Виртембергъ, Гессенъ-Дармштатъ, Нассау и Ганноверъ. Тѣ нѣмецкіе государства, которыя, во время отказавшихся отъ союза съ Наполеономъ, сохранили полученное отъ него расширеніе границъ, еще живо помнятъ, какъ трудно было имъ на вѣдомомъ конгрессѣ защититься отъ прусскаго стремленія къ единству Германіи, и въ правительствѣ нѣмцаго имъ этихъ государствъ сохраняются желаніе возобновить прежнюю игру при удобномъ случаѣ и вести ее на счетъ слабѣйшихъ особѣй. Каждый маленькій министрикъ, управляющій государствомъ величинею въ одинъ прусскій округъ, воображаетъ себя такимъ тонкимъ дипломатомъ, который въ случаѣ политическихъ переворотовъ окупитъ сластолюбивость своего государства и даже увеличитъ его; потому всѣ эти господа при началѣ кризиса стараются прикинуть къ сторонѣ, обѣщающей больше выгоды.

Въ Австріи никто не предпологаетъ желанія увеличить свои владѣнія на счетъ другихъ нѣмецкихъ государствъ, а Пруссія, какъ всѣмъ кажется, не можетъ обойтись такого ограниченія. Особенно Ганноверъ считаетъ чрезвычайно опасными для себя олимпийскія дружескія объятія сосѣда и потому теперь онъ терпитъ съ манифестациями, служащими выраженіемъ не патристича, а просто недовѣрія къ Пруссіи.

Объ остальныхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ едва ли стоитъ говорить. Запрещаетъ ли Нассау назвать ландцей, имѣетъ ли опору герцогъ Саксен-Кобургскій, — это, по нашему мнѣнію, не будетъ нѣтъ важнаго вліянія на ходъ европейскіхъ дѣлъ. Эти маленькія фигуры европейскаго маскарада появляются на сценѣ и исчезаютъ съ нею, не возбуждая особеннаго вниманія ни въ концѣ, кромѣ своихъ подданныхъ, чьему интересу, какъ имъ знать, не очень важно.

Надобно сказать нѣсколько словъ и о Нѣмецкомъ Союзѣ вообще. Едва ли нуженъ была такой сильный толчекъ, какъ нынѣ, чтобы свѣта показать всю фидотвенную глубину нѣмецкаго наденія, показать, что единство Германіи не болѣе, какъ иллюзія, питаемая въ сердцѣ народа, но постоянно уничтожаемая правительствомъ отдѣльныхъ государствъ и

ихъ сепаратизмомъ. Неспособный сдѣлать ни шага впередъ, нѣмецкій Сеймъ снова явился соотвѣствующимъ той нѣмъ, для которой созданъ дипломатами, снова явился препятствіемъ къ единству, машинною для подавленія всякаго національнаго чувства, вопиаво стремленія къ свободѣ въ нѣмецкомъ народѣ. Какова бы ни была дорога, по которой слѣдуетъ идти Германія въ настоящемъ кризисѣ, несомнѣнно то, что Германія, какъ одно цѣлое, должна была бы энергически идти опредѣленнымъ путемъ; а между тѣмъ теперь злополучный нѣмецкій Сеймъ, злополучный Нѣмецкій Союзъ, бродитъ, какъ пьяный кругомъ дорожнаго столба и напрасно усиливается разобрать, по какой дорогѣ ему идти. И можно ли ожидать чего нибудь иного? Можемъ ли существовать единство интересовъ въ основѣ государствъ, изъ которыхъ главнымъ необходимо увлекаются интересами, чуждыми основу? Союзъ не можетъ соотвѣтствовать своей цѣли, пока въ немъ есть члены, не принадлежащіе къ нему, такіе члены, интересы которыхъ прямо противоположны интересамъ союза. Могли-ли этого положеніе Нѣмецкаго Союза. Развѣ не членъ его король Голландіи по своей принцессѣ Лимбургской? и развѣ выгода Голландіи не требуетъ того, чтобы держать закрытыми для дѣйствій устья Рейна и вѣчески подолжать территорию Германіи? Развѣ не членъ Нѣмецкаго Союза король датскій по Гольштейну и Лауэнбургу? и развѣ не закрываетъ устья Эльбы датская таможенная? Кто скажетъ, что Даниа, имѣющая голосъ на нѣмецкомъ Сеймѣ, руководится нѣмецкими интересами? И развѣ Пруссія не отняла Померанію? и развѣ ее нѣмецкая область, Восточная Пруссія, не осталась внѣ союза? Развѣ большая часть австрійскихъ областей не находится внѣ союза? и развѣ не должна поэтому Австрія необходимо имѣть интересы враждебныя Нѣмецкому Союзу? Перечисленіе этихъ уродливостей доказываетъ, что Нѣмецкій Союзъ рѣшительно не имѣетъ условій, нужныхъ для живаго существованія, и становится живымъ тѣломъ только тогда, когда забывается отъ народовъ, чуждыхъ нѣмецкой національности: только тогда составляетъ онъ крѣпкое авторитетное цѣлое, имѣющее одинъ интересъ, одну политическую мысль.

О внутреннемъ устройствѣ нѣмецкаго политическаго союза, осужденнаго на политическое безсміе, мы не хотимъ и говорить: говорить объ этомъ, значило бы даромъ тратить слова. Мы упомянемъ только н одно обстоятельство, что въ критическія минуты, подобныя настоящей, нѣмецкій народъ получилъ бы громадную силу отъ нейтральнаго собранія своихъ представителей, въ которыхъ вошелъ бы всѣхъ членовъ политическаго положенія. Изъ нашего разсказа и безсмія нѣмецкаго правительства въ опасныя времена всегда слышалось только тѣмъ, что призываютъ на помощь силу народа; но каждый разъ народное доверіе было обмануто по нѣмъ нападѣнн на бѣды. Теперь снова наступаетъ такой періодъ обольщенія; снова призываютъ на помощь народную силу, признавая, что надобно проявить всѣхъ резервы; и снова народъ будетъ обманутъ, какъ былъ обманутъ прежде. Набѣдныя депрессіи, снова откроютъ, что дѣтъ необходимости исполнить данные обѣщанія.

Я никогда не приписывалъ себѣ дара пророчества, но долженъ напомнить, что въ 1848 году я говорилъ съ трибуны: нѣмеческій народъ обманули въ 1813 году Каппианскою прокламаціею, снова обманули его въ 1830 и въ третій разъ обманули въ 1848 году.» Это предсказаніе исполнилось, и судя по тому способу, какимъ ведется теперь политическое движеніе, надобно сказать, что и въ нѣмѣцкій разъ произойдетъ такой же обманъ, и за движеніемъ послѣдуетъ еще большее униженіе. Вытащите Австрію изъ бѣды, пожертвуйте вашими силами для сохраненія гнилаго мира, обманчивой тишины, для поддержанія этого протѣвоестественнаго государства, которое безъ вашей помощи развалится, — слышите это, и вы не замедлите вкусить плоды вашего безумія и легкомырія. Но споску. обѣщанію Австрія и въ нѣмѣцкій разъ «изумитъ свѣтъ колоссальностью своей неблагодарности.» Когда вы ее спасаете, она найдетъ, что Нѣмецкій Союзъ организуетъ совершенное удовлетворительно, чтобы служить ей орудіемъ; и въ чувствѣ этой удовлетворительности, вѣлическимъ интригами и наемными пострасуетъ остальнѣ Нѣмецкій Союзъ въ нѣмѣцкомъ его видѣ и отстранять всякую реформу, въ концѣ бытъ то ни было снѣсѣтъ.

Вопросъ теперь не въ томъ, защищаться ли намъ противъ нѣмѣцкаго врага, — онъ не нападетъ на насъ, но угрожаетъ намъ, его нѣтъ, развѣ мы сами сочинили его, — нѣтъ, вопросъ въ томъ, поддерживать ли намъ нѣмѣцкое гнилое положеніе, укрѣплять ли его намъ своею кровью на вѣчное униженіе и ослабленіе отечества.

IV. Вопросъ о войнѣ для Германіи (стр. 101 — 125).

Какое отношеніе Нѣмецкаго Союза къ Австріи въ случаѣ итальянской войны, пока эта война будетъ ограничиваться нѣмѣцкими провинціями Австріи, не пересая нѣмецкой границы? Отвѣтъ на это совершенно простъ. Если граница Нѣмецкаго Союза будетъ пересѣчена неприязнью, союзъ обязываетъ воюющіе силы воздерживаться на ея защиту; если же союзныя земли останутся неприкосновенными, то отъ Союза совершенно зависитъ, защищать ли не защищать область одного изъ союзниковъ, нападающаго на друга. Это ясно сказано въ 47 статьѣ союзнаго акта.

Итакъ дѣло зависитъ единственно отъ того, надобно ли считать опасностью для союзныхъ земель, когда австрійцы будутъ сражаться съ италянтами и французами въ долинахъ По, Минчіо и Адидже, надобно ли въ этомъ случаѣ ограничиться только обороною для собственной защиты, или идти далѣе и помогать Австріи? Дѣло стоитъ внимательнаго исследованія: крики гасеть и въ которыхъ падать такъ запутали и наемили вопросъ, что надобно распутать его. Крикъ поднимать такой, что поумасишь, будто дѣло идетъ не о войнѣ на По, а о войнѣ на Рейнѣ; что арміи направляются во Францію не на югъ, а на сѣверъ и востокъ; что идутъ они помогать не сардинцамъ, а голландцамъ и бельгіяцамъ, вторгающимся въ Германію. Австрія нѣмѣтъ своимъ

цѣтъ, какъ хамелеонъ. Еще въ декабрѣ флаги ея были черныя съ желтымъ, чисто австрійскій, а теперь подкупленные въ Германіи газеты намазали на немъ такую широкую красную полосу, что онъ сталъ похожъ на трехцвѣтный нѣмецкій флагъ, такъ долго бывший подъ запрещеніемъ; а если мысленное колебаніе продлится еще нѣтъ, а не успѣетъ, то можно ожидать, что красный цвѣтъ возьмется рѣшительнѣе переѣхать въ австрійскій знаменіи и нѣмецкій народъ съ удивленіемъ увидитъ, что Австрія всегда желала возстановить франкфуртскій парламентъ. Видъ *Allgemeine Zeitung* уже посылаетъ рукою любезнымъ воцалумъ нѣмецкимъ нагнаннымъ. Нелѣпость провозглашаемаго теперь принципа лучше всего можно выразить, пригласивъ къ не-нѣмецкимъ областямъ другихъ членовъ союза то понятію, какое хотѣтъ заставить принять насъ. Королевство Датское, королевство Голландское выходятъ изъ Германіи точно въ такомъ же отношеніи, какъ Австрія: нѣмецкая часть ихъ областей и ихъ населенія принадлежатъ къ Нѣмецкому Союзу; другая, большая часть, не принадлежитъ Германіи; ихъ интересы противоположны интересамъ Нѣмецкаго Союза; большинство жителей въ государствахъ, какъ одномъ цѣломъ, не принадлежатъ къ нѣмецкой національности. Но въ этомъ отношеніи Голландія и Данія все-таки остаются выгодами, чѣмъ Австрія, потому что въ нихъ господствующее большинство по крайней мѣрѣ родственно съ нѣмцами. Теперь мы спросимъ каждаго изъ честныхъ нѣмцевъ; обманутыхъ лживостью подкупныхъ газетъ: чувствуетъ ли она за собою обязанность сѣсть на помощь Голландіи или Даніи, если непріятель будетъ грозить ихъ областямъ, не входящимъ въ Нѣмецкій Союзъ? Въ Голштейнѣ нѣмцы храбро сражались и были побѣждены и продолжаютъ теперь тяжелую парламентскую борьбу, потому что Данія хочетъ уничтожить различіе между своими областями и уничтожить самостоятельность нѣмецкихъ герцогствъ. Развѣ не то же сдѣлала Австрія? развѣ она также не сблала въ одну кучу нѣмцевъ и словаковъ, чеховъ и венгровъ, поляковъ и итальянцевъ, и притомъ еще безъ конституціи, безъ народнаго представительства?

Итакъ положеніе совершенно одинаково. Предположимъ теперь такой случай: по поводу Зуваской поимки, гарантированной Дин трактатами, Сѣверная Америка, Англія и Россія нападаютъ на Данію: станутъ ли удерживать насъ, что поднималась бы вся Германія и послала бы свои войска защищать датскіе острова? Разумѣется, кто заговорилъ бы объ этомъ, былъ бы обязанъ за сумасшедшаго. Но, говорить или опасность грозить нѣмецкимъ асмамъ:—нѣтъ, опасенъ сѣкъ французскій и Рейнъ. Если такъ, защищайте Рейнъ, твердо обявите, что нарушеніе неприкосновенности этой границы будетъ объявленіемъ войны Нѣмецкому Союзу, пригрозьте, если хотите, войною. Это будетъ уныло, если только ваши опасенія основательны. Но держитесь же строго въ границѣ союзныхъ обязанностей, не переступайте ни на шагъ дальше ихъ. Развѣ Нѣмецкій Союзъ обязанъ истовно надирать свои силы для защиты провинцій, до которыхъ ему нѣтъ никакой надобности, которыя

только накладывают на него очевидную опасность и внушают некоторым членам Союза стремления противиться его интересам? Время нам, если не теоретически, то практически решить этот вопрос. Съ вѣнскаго мира еще ни одному солдату не нужно было браться за ружье для защиты отъ иностраннаго нападенія областей, принадлежащихъ къ Союзу. Но Союзъ долженъ былъ воевать противъ одного изъ своихъ членовъ, короля Датскаго. Пруссія вела войну въ своей области, не принадлежащей къ Нѣмецкому Союзу — въ Поляни; Австрія вела ожесточенную войну въ своихъ областяхъ, не принадлежащихъ къ Союзу — въ Венгріи и Италіи. Кто страдалъ отъ всѣхъ этихъ битвъ и войнъ? Страдали нѣмецкія области, Нѣмецкій Союзъ. Всѣ столкновения происходили отъ не-нѣмецкихъ областей и господство надъ этими областями было для Нѣмецкаго Союза только причиною растраты крови и денегъ, источникомъ слабости и внутренняго разстройства.

Если мы не воспользуемся нынѣшнимъ случаемъ для измѣненія такого порядка дѣлъ, мы будемъ торчать попрежнему; а этотъ порядокъ дѣлъ не измѣнится, пока Нѣмецкій Союзъ будетъ по рукамъ и по ногамъ скованъ прикованными къ нему нѣмецкими областями, и отъ этихъ оковъ покрыты ранами его члены. Эти нѣмецкія области — вѣчныя фонтанели, вытягивающія изъ него жизненные соки, покрывающія его гнойными язвами. Эти наросты дикаго мяса не укрѣпляютъ, а ослабляютъ Германскій Союзъ, и истинно нѣмецкая, истинно національная политика первую задачу должна поставить осуществленіе единственнаго разумнаго принципа, говорящаго: никакой союзъ не долженъ имѣть владѣній, не принадлежащихъ къ союзу.

Въ послѣднее время дѣлали много воззваній къ нѣмецкому сердцу. Мы слышимъ воззваніе къ нѣмецкой головѣ, которая пользуется некоторымъ уваженіемъ въ свѣтѣ. Уловить благоприятную минуту для осуществленія своей цѣли, — вотъ главная задача политической практики. Отъ умѣнья уловить эту минуту зависитъ успѣхъ дѣла. А по нашему мнѣнію, пора бы намъ убѣдиться изъ опыта, что въ спокойное время политическаго застою не удавалось намъ проявить ни малѣйшаго измѣненія въ бѣдственномъ положеніи Германіи, что только во времена вѣнскихъ или внутреннихъ невогодъ, войны или революцій, нѣмецкія правительства удостоивали обидать отстраненіе этихъ бѣдствій, но брали назадъ свои обѣщанія, какъ только переставала опасность грозить имъ. Преобразование Нѣмецкаго Союза, его тѣлеснѣе спасеніе должно служить единственнымъ ручательствомъ за неприкосновенность его границъ. Всѣ остальные полумѣры будутъ только жалкимъ заманываніемъ щелей, расширяющихся все шире и шире подъ обманчивою заманкою. Потому и теперь, когда бѣдствіе низвергается на Австрію, намъ надобно воспользоваться этою благоприятною минутою, чтобы преобразовать Нѣмецкій Союзъ, установить его на новыхъ основаніяхъ. Въмѣсто патристическихъ возгласовъ, вмѣсто наивной довѣрчивости, съ которою отлагаютъ всякое улучшеніе внутреннихъ отношеній до будущаго времени, до того времени, когда пройдетъ бѣда, — вмѣсто

этой снѣжной дощичности мы требуемъ мужественной твердости, твердаго стремленія къ нашей собственной, ясно-сознанной цѣли; мы требуемъ, чтобы партія, которой дорого единство Германіи, поставила это единство условіемъ для нѣмецкихъ правительствъ; чтобы она объявила, что пришло время дать дѣйствительное существованіе Нѣмецкому Союзу и ограничить его тѣми провинціями, въ которыхъ населеніе дѣйствительно составляютъ нѣмцы, тѣми областями, у которыхъ интересъ одинъ и тотъ же. Если серьезно захотѣть этого, легко теперь достигъ этого. А если мы отложимъ реформу до окончанія войны, то безъ особеннаго пророческаго дара можно предсказать, что единство Германіи снова останется мечтою до пришествія новыхъ бѣдъ.

«Но договоры!—говорятъ мнѣ. — Договоры должны быть охранены. Надобно поражать того, кто нарушитъ ихъ. На этихъ договорахъ основанъ европейскій миръ. Горе тому, кто ихъ нарушитъ!» — Но мы напрасно усиливаемся считать эти договоры ненарушенными. Напрасно мы искали въ вѣсномъ и парижскомъ трактатахъ Бельгійскаго королевства, — оно существуетъ только по нарушенію этихъ договоровъ, нарушенію, жертвою котораго былъ одинъ изъ членовъ Нѣмецкаго Союза, голландскій король, защищать котораго не думалъ никто, въ томъ числѣ и Нѣмецкій Союзъ. А король голландскій точно такой же членъ Союза, какъ императоръ австрійскій, и владѣніе Бельгіею было гарантировано ему тѣми же трактатами и съ такою же торжественностью, какъ императору австрійскому владѣніе итальянскими провинціями; и все-таки Бельгія отторглась отъ него въ противность договоровъ и, надобно замѣтить, отторглась только благодаря также французскому вмѣшательству. Если бы Франція не положила на вѣсы свою шпату, то Галландія навѣрное подавила бы Бельгію.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

Мы уже говорили, что ихъ нарушала и сама Австрія. Въ вѣсномъ трактатѣ мы находимъ Краковскую республику. Австрія прибрала ее къ своимъ рукамъ, несмотря на вызвы протестаціи Франціи и Англіи, и теперь мы находимъ только австрійскій провинціальный городъ Краковъ, безъ всякаго слѣда самостоятельности.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

Во Франкфуртскомъ парламентѣ засѣдали депутаты Шлезвига, Восточной Пруссіи; и Германскій Сеймъ, и Франкфуртскій парламентъ торжественно объявили, что эти области принадлежать къ Германскому Союзу. По договорамъ 1815 года, напротивъ, онѣ не принадлежать къ нему.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

По договорамъ 1815 года родъ Бонапарте навѣки изгнанъ изъ Франціи и всѣ державы обязались изгонять его изъ Франціи, если будетъ нужно, вооруженною силою. Всѣ державы оофициально признали и продолжаютъ признавать новую Французскую имперію.

Договоры 1815 года гарантируют, что Швейцарія должна сохранить то устройство, какое получила въ 1815 году. Швейцарскій народъ совершенно неизмѣнилъ это устройство. Всѣ державы признали этотъ переворотъ.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

Полноте же лицемерить!

Мы знаемъ теперь, какъ производили эти трактаты; мы знаемъ, какія пружины тутъ дѣйствовали, и знаемъ жалкій результатъ ихъ, такъ называемое европейское равновѣсіе, которое ежеминутно колеблется и ничего не уравниваетъ. Даже Гизо, этотъ закостыленный доктринеръ, признается въ своихъ мемуарахъ, что эти трактаты были бѣдствиемъ для Европы.

Трактаты, подобно законамъ, служатъ выраженіемъ извѣстной эпохи, бываютъ произведеніемъ извѣстнаго отношенія партій или государствъ, которое можетъ быстро измѣниться. На вѣнскомъ конгрессѣ дѣйствовали только династическіе интересы и дипломатическія взятки. Но послѣ того народная жизнь шла впередъ гигантскими шагами, и она, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, требуетъ новаго выраженія, новой одежды для тѣла, въ которомъ движется. Сознаніе національности посяку развивается неудержимо, и раньше или позже разорветъ цѣпи, наложенныя на національности трактатами.

Въ движеніи, глубоко взволновавшемъ теперь Германію и усиливающемся съ каждымъ днемъ, прекрасная и возвышенная сторона является въ искаженіи нечистыми элементами. Возвышенную сторону движенія составляетъ національное чувство, потребность единства, сознаніе необходимости для Германіи имѣть самостоятельную политику. Возвышенную сторону его составляетъ сближеніе при мысли объ угрожающей опасности, хотя бы мнимой, требованіе общихъ мѣръ, которое отчасти возникаетъ изъ народа, къ которому почти равномерно примкнули всѣ политическія партіи, между тѣмъ какъ правительства неохотно поддаются господствующему направленію. Это движеніе свидетельствуетъ, что событія 1848 года не остались безъ энергическаго слѣда; оно показываетъ, что потребность единства, тождественная въ Германіи съ потребностью свободы, находитъ отголосокъ въ сердцѣ народа.

Въ этомъ отношеніи мы совершенно сочувствуемъ нынѣшнему движенію; мы призываемъ къ соединенію силъ противъ всякаго нападенія на Германію. Но мы не хотимъ, чтобы этотъ призывъ служилъ средствомъ для своекорыстныхъ цѣлей; мы хотимъ сорвать маску съ лицемеровъ, показать имъ, что умѣемъ различать искреннюю потребность отъ преступной спекуляціи на народное довѣріе.

Мы видимъ, что подъ этимъ движеніемъ скрывается нечистый элементъ ультрамонтанизма. Съ той поры, какъ Австрія отказалась отъ принциповъ Юсефа II и засіяла на черножелтомъ небѣ въѣзда конкордата, взоры всей ультрамонтанской партіи обращены на Австрію; изъ

Австріи получать она свои лозунги, австрийскіе обскуранты управляютъ ею въ Баваріи, Верхней Швабіи Вестфалии. Въ католическихъ земляхъ сильнѣе всего развилось нынѣшнее движеніе. Манифестаціи виртембергской палаты депутатовъ были возбуждены двумя депутатами изъ Верхней Швабіи. Слишкомъ знаменитый Кеттелеръ, епископъ майнцскій, утѣщаетъ своими пастырскими посланіями католическое духовенство поддерживать нѣмецкое движеніе. Всѣ ультрамонтанскіе агитаторы твердятъ, что Германія одно и тоже съ Австріей, Австрія одно и тоже съ папою, и призываютъ защищать Германію, для того, чтобы защитить конкордатъ.

Какая забота о Германіи у этихъ изчадіи Рима? Они просто дѣйствуютъ въ пользу конкордата, посредствомъ котораго господствуютъ надъ Австріею и хотѣли господствовать надъ Германіею. Пусть нынѣшнее движеніе защититъ Австрію отъ иностраннаго нападенія, поддержитъ и укрѣпитъ ее, и вы увидите, что оно будетъ обращено къ пользѣ ультрамонтанской партіи, увеличитъ вліяніе Австріи, а Австрія будетъ дѣйствовать въ пользу ультрамонтанской партіи и нѣмецкій Сеймъ снова будетъ служить орудіемъ для подавленія свободы совѣсти. Можетъ ли быть такова наша цѣль? можемъ ли мы хотѣть сами налагать на себя руки, отдаваться во власть врагу рода человѣческаго? Намъ твердятъ о непримиримыхъ врагахъ Германіи — французахъ. Въ каждомъ номерѣ «*Allgemeine Zeitung*» проповѣдуется о нихъ; но нѣтъ ни одного слова о томъ гнусномъ чудовищѣ, которое хочетъ погубить всего рода человѣческаго. Разумѣется, «*Allgemeine Zeitung*» не станетъ говорить о немъ, она его союзница, или вѣрнѣе сказать, она его рабыня. Но мы еще не продавались ему и не хотимъ погубить свободной мысли; мы должны предостеречь отъ черныхъ фигуръ, вышшающихся въ нынѣшнее движеніе; мы должны разоблачить ихъ и спросить нѣмцевъ, неужели они хотѣтъ слѣдовать по пути, по которому желаютъ вести ихъ эти черные люди; мы должны спросить нѣмцевъ, не лучше ли намъ приберечь свои силы и свое одушевленіе для лучшаго дѣла?

Мы видимъ также, что поднимается изъ исторической тины старинное французодство съ ореблѣвшимся отъ старости Архатомъ и Петромъ Пустынникомъ тевтономани Яномъ; они снова начинаютъ дѣть старую пѣсню о нѣмецкомъ Рейнѣ. Поднимается даже крикъ о завоеваніи Эльзаса и Лотарингіи, какъ нѣмецкихъ земель, и, чего добраго, не нынче-завтра появится какой нибудь ученый господинъ съ syllabismusомъ, совершенно основательнымъ: Карлъ-Великій былъ нѣмецъ, слѣдовательно и всѣ земли, которыми онъ владѣлъ, должны быть возвращены къ Германіи. Но шутки въ сторону. Французы мечтаютъ о рейнской границѣ; но отъ мечты до осуществленія далеко, и разсудительные люди хорошо понимаютъ, что надежда на осуществленіе французской мечты можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока Германія имѣетъ 34 различныхъ правительства и пока главнѣйшія изъ этихъ правительствъ, господствующія на нѣмецкомъ Сеймѣ, имѣютъ суще-

ственные интересы вѣ Нѣмецкаго Союза. Когда будетъ существовать истинная Германія съ единствомъ интереса и твердой организаціей, рейнская граница будетъ совершенно безопасна.

Принципъ національности драгоцѣненъ для насъ; но принципъ свободнаго рѣшенія народомъ своей судьбы,—еще драгоцѣннѣе. Эльзасъ—нѣмецкая страна, и можно жалѣть о томъ, что раздробленность Германіи была причиною потери этой провинціи. Но не должно забывать, что должно пройти много поколѣній прежде, чѣмъ эта страна захочетъ присоединиться къ Германіи. Я много разъ по-долгу жила въ Эльзасѣ, у меня есть близкіе друзья во всѣхъ его городахъ, во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ политическихъ партіяхъ; и никогда, даже въ эпоху самой горячей борьбы противъ французскаго правительства или въ защиту нѣмецкихъ правъ и языка отъ вторженія французскихъ элементовъ, никто изъ нихъ не слыхалъ въ цѣломъ Эльзасѣ ни малѣйшаго желанія отдѣлиться отъ Франціи и присоединиться къ Германіи. Стоитъ только намекнуть объ этомъ, и умолкаютъ всѣ жалобы на невыносимое бремя податей, на несносный чиновничій деспотизмъ, на французскую надменность и шарлатанство. Это можетъ быть печальнымъ свидѣтельствомъ о томъ, каково состояніе Германіи; но никто не можетъ отрицать истину этого свидѣтельства. Такое настроеніе умовъ въ Эльзасѣ можетъ служить для насъ примѣромъ того, какое глубокое чувство возбуждается въ народѣ сознаніемъ своей принадлежности къ единому и великому цѣлому.

Наконѣцъ основною причиною нынѣшняго движенія я нахожу нашу старую наслѣдственную грѣхъ, наслѣдованное нами еще отъ кимбровъ и тевтоновъ расположеніе стремиться за Альпы и господствовать въ Италиі. Эта ошибка въ теченіе многихъ столѣтій, съ самыхъ Среднихъ вѣковъ губила наши лучшія силы, истощала нашу кровь. Отъ усилій господствовать въ Италиі,—да, только отъ этихъ усилій погибло политическое могущество нѣмецкой націи; а все еще мы не исцѣлились отъ этой старой болѣзни. Въ доказательство мы приведемъ отрывокъ изъ письма, помѣщеннаго въ *Allgemeine Zeitung*, 6 марта. «Впечатлѣнія, производимыя на нѣмца путешествіемъ въ Ломбардію, различны, смотря по различію въ настроеніи его мыслей. Мы вынесли изъ Италиі совершенно не такія впечатлѣнія, какъ г. Витте (*); главнѣйшее изъ нихъ то, что нѣмецъ въ Ломбардіи чувствуетъ себя членомъ владычествующей націи; это чувство такъ рѣдко. Оно такъ мало пробуждается въ другихъ посѣщаемыхъ нами странахъ, что становится двойной радостью для насъ, тѣмъ болѣе, что служитъ свидѣтельствомъ моральнаго превосходства нашей націи». Поздравляемъ васъ, надменный глупецъ, съ вашимъ сердечнымъ наслажденіемъ отъ владычества надъ рабами.

(*) Витте, прусакъ, помѣстилъ въ одной изъ прусскихъ газетъ рядъ писемъ изъ Италиі, проникнутыхъ тою мыслью, что насильственное владычество австрійцевъ въ Ломбардіи дѣйствуетъ самымъ грустнымъ образомъ на нѣмцевъ съ благороднымъ образомъ мыслей.

У васъ сіяетъ лицо пошлымъ восторгомъ отъ мысли поработать другихъ. Мы не раздѣляемъ этого чувства, мы не понимаемъ наслажденія, съ которымъ плантаторъ топчетъ ногами негра; мы не хотимъ быть ни поработченными, ни поработителями.

Опомнися же отъ этого гогештауфенскаго сумасбродства и габсбургскаго идиотства. Есть хорошая французская поговорка: *il faut laisser l'Allemagne aux Allemands* — «оставьте Германію нѣмцамъ», — будемъ же имѣть мужество сказать: оставимъ Италію итальянцамъ. Мы еще не выбили изъ своей головы средневѣковаго варварства; отбросимъ его, подобно другимъ средневѣковымъ нелѣпостямъ, и будемъ благодарить небо, если закроется могила, въ которой до сихъ поръ каждый годъ, каждый день, каждый часъ хоронили мы нѣмецкую силу, нѣмецкое богатство и нѣмецкое политическое могущество.

V. заключеніе (стр. 126—134).

Безъ войны не разрѣшатся вопросы, поднимающіеся нынѣ со всѣхъ сторонъ, не удовлетворятся стремленія дать Европѣ болѣе разумное устройство. Безъ войны Германія не можетъ получить болѣе плотнаго единства, отказаться отъ своихъ не-нѣмецкихъ приставокъ и приобрести такимъ образомъ политической силы; Италія также не можетъ безъ войны достичь того, чтобы составить національную федерацію и свергнуть австрійское иго; не можетъ и Венгрія достичь осуществленія своего стремленія къ самостоятельности; не могутъ южные славяне и румыны достичь національной организаціи. Безъ войны, безъ совершеннаго истощенія противящихся тому державъ, невозможно такое преобразование и потому спокойствіе Европы не установится, пока не будутъ разрѣшены эти вопросы. Война должна начаться не нынѣ, завтра. Конгрессъ можетъ лишь отсрочить ее на нѣсколько мѣсяцевъ, но не устранить ее.

Итакъ мы ожидаемъ войны и думаемъ, что она будетъ гораздо лучше нынѣшняго тревожнаго положенія, отъ котораго національное богатство страдаетъ больше, нежели страдало бы отъ войны. Но кто же будутъ противники и какихъ результатовъ можно ожидать, если война вспыхнетъ, какъ теперь предполагаютъ, по вопросу объ итальянскихъ провинціяхъ Австріи? На одной сторонѣ будутъ Франція и Піемонтъ, на другой Австрія. Обѣ стороны имѣютъ хорошія войска, хорошихъ генераловъ, почти одинаковое число жителей, и потому война будетъ упорна, быть можетъ нерѣшительна. Австрія самое упрямое изъ всѣхъ континентальныхъ государствъ. Постоянно побѣждаемая Наполеономъ, она постоянно выводила новыя арміи и переживала новыя пораженія. Въ оборонѣ она всегда была также упорна, какъ французы неудержимы въ наступленіи.

Война можетъ имѣть три случая. Во-первыхъ, если Австрія будетъ побѣждена, она потеряетъ всѣ Ломбардо-Венеціанскія земли и будетъ от-

брошена за Тальянто. Может ли быть результат благоприятный этого? Мы хотимъ независимости Италіи, мы убѣждены, что возвращеніе Италіи естественныхъ границъ будетъ залогомъ спокойствія въ Европѣ, какъ теперь служить для Европы источникомъ волненій. Промышленный классъ долженъ обратить вниманіе на наши слова. Онъ боится революцій; революція перестанетъ грозить Германіи только тогда, когда Германія будетъ отдѣлена альпійскою стѣною отъ Италіи.

Но, говорятъ намъ, вмѣсто австрійцевъ станутъ господствовать въ Италіи французы. Франція увеличится, почерпнетъ новыя силы въ этой войнѣ, и Германія снова должна будетъ бояться за свою рейнскую границу. Мы отвѣчаемъ: Франція достигнетъ побѣды только съ крайнимъ напряженіемъ силъ, и пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ она оправится отъ этого истощенія. Италія долго еще будетъ занята внутренними вопросами, если сдѣлается самостоятельной, и Луи-Наполеонъ ограничится тѣмъ, что возвратитъ ей независимость. Потому и въ этомъ случаѣ союзъ съ Италіею вовсе не увеличитъ силу Франціи въ наступательной войнѣ. Но, говорятъ намъ, Луи-Наполеонъ не удовольствуется освобожденіемъ Италіи, онъ хочетъ завоеваній. Мы этому не вѣримъ. У насъ есть примѣръ противнаго въ крымской войнѣ, и мы остаемся тѣмъ спокойнѣе, что послѣ нѣсколькихъ хорошихъ битвъ другія державы навѣрное не останутся праздными зрительницами и вмѣшаются въ дѣло, чтобы не позволить Франціи слишкомъ расширить своихъ границъ.

Но предположимъ даже, что, противъ всякой вѣроятности, Франція оставила бы за собою какія нибудь области на югѣ или на сѣверѣ Италіи. Неужели могущество Франціи увеличилось бы отъ этого приобрѣтенія? Посмотрите на Римъ. Французовъ въ Римѣ ненавидятъ точно такъ же, какъ австрійцевъ въ Ломбардіи. Между римлянами и ими не установилось ничего, похожего на дружбу, ни одна партія не сочувствуетъ имъ, всѣ желаютъ ихъ удаленія. Если бы Франція захотѣла явиться въ Италіи завоевательницею, она стала бы въ Италіи точно въ такое же отношеніе, какъ Австрія. Ея силы безплодно истощались бы на охраненіе завоеванныхъ областей; при малѣйшемъ поводѣ къ нарушенію мира она стала бы трепетать за эти провинціи, какъ трепещетъ Австрія; въ случаѣ войны, ей постоянно грозило бы возстаніе, а ея оборонительная линія страшно растянулась бы, такъ что трудно было бы ей защищаться. Да, съ самой узкой нѣмецкой точки зрѣнія, надобно было бы желать, чтобы французскій волкъ схватилъ въ пасть итальянскую козю, о которую притупились бы его зубы. Итакъ мы не боимся французскихъ завоеваній въ Италіи, хотя въ интересѣ самой Италіи вовсе не желаемъ ихъ.

Предполагаемъ второй случай, что побѣдятъ австрійцы. Мы твердо убѣждены, что нынѣшняя французская система не можетъ пережить пораженія; она должна была бы или упасть отъ революціи, или совершенно измѣниться, допустивъ расширеніе внутренней свободы. Та и другая перемена была бы выгодна для Европы и Германіи.

Предположимъ наконецъ третій случай, что война будетъ таковое перѣшительнымъ образомъ, и обѣ противныя стороны должны будутъ напрягать всѣ свои силы въ долгой борьбѣ. Каковъ былъ бы результатъ? Франція истощилась бы; Австрія разорилась бы, ей грозило бы распаденіе, она была бы принуждена опереться на Германію и сдѣлать ей всѣ уступки, требуемыя нѣмецкими интересами. Такимъ образомъ внѣшній врагъ и внутренній врагъ сдѣлались бы равно безсильны и безвредны.

Но пора намъ высказать выводъ. Мы видѣли, что Австрія опаснѣйшій внутренній врагъ Германіи, мы видѣли, что будущность Германіи можетъ улучшиться только отъ раздробленія Австріи. Мы видѣли, что Европа только тогда приобрететъ спокойствіе, нужное для ея внутренняго развитія, когда уничтожатся противостоятельныя отношенія, установленныя трактатами, замѣнившись естественнымъ распределеніемъ національностей по государствамъ. Мы убѣдились, что пришедшія національности составляетъ теперь требованіе европейскаго мира. Мы убѣдились, что пришло время, когда Германія можетъ приобрести себѣ національное устройство, если только будетъ дѣйствовать разсудительно, и при этомъ условіи можетъ приобрести политическую самостоятельность въ Европѣ. Мы видѣли, что каковъ бы ни былъ исходъ борьбы между Австріею и Франціею, во всякомъ случаѣ онъ будетъ выгоденъ для внутренняго развитія и политической будущности Германіи.

Таковы наши выводы.

Неужели же мы пожертвуемъ всѣми своими интересами въ безсмысленномъ ослѣпленіи и фальшивомъ патріотизмѣ? неужели мы сами усилимъ и возвеличимъ нашего внутренняго врага, чтобы онъ тѣмъ сильнѣе вредилъ намъ въ послѣдствіи? Неужели католическіе обскуранты убѣдятъ насъ истощить всѣ наши силы для того, чтобы отравить нашу будущность, отнять у себя возможность свободнаго развитія, потерять драгоцѣннѣйшее наше благо—свободу мысли и совѣсти? Гдѣ же та разсудительность, за которую прославляли нѣмецкій народъ, которая всегда была и достоинствомъ и недостаткомъ его?

Никакой договоръ не долженъ останавливать народа отъ устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ сообразно съ его желаніями. Такъ сдѣлала Бельгія, такъ сдѣлала Швейцарія, такъ сдѣлала Франція, — неужели одна Германія не имѣетъ ни права, ни силы поступить такимъ же образомъ?

Пусть всѣ газеты, пусть всѣ палаты, пусть каждый нѣмецъ требуетъ преобразованія Нѣмецкаго Союза. Государства Нѣмецкаго Союза не должны имѣть никакихъ провинцій внѣ Германіи. Нѣмецкій Союзъ долженъ имѣть представительное правленіе и быть однимъ политическимъ цѣлымъ въ иностранной политикѣ. Одинъ народъ, одно государство, одна армія.

Если мы достигнемъ этого, если мы успѣемъ соединиться, намъ не будутъ страшны тогда никакіе внѣшніе враги. Намъ проповѣдуютъ теперь политику страха. Безъ помощи Австріи, вы потеряете Рейнъ, ге-

верять намъ. Помогайте Австріи на Ю, чтобы она помогла вамъ на Рейнѣ. Но мы говоримъ: пусть соединятся нѣмцы. Если мы соединимся, намъ не нужно будетъ бояться никого въ свѣтъ; а пока мы раздроблены, пока мы связаны съ чехами, поляками, венграми, кроатами, итальянцами, мы будемъ побѣждаемы всякимъ врагомъ.

В. Извлечение изъ рѣчи Кошута по поводу итальянскаго вопроса, на митингѣ въ лондонской Сити, 19 (7) мая. (Изъ *Times'a*).

Г-нъ Кошутъ былъ встрѣченъ громкими и продолжительными аплодисментами и сказалъ:

«Туча, собиравшаяся болѣе 40 лѣтъ и переполненная электричествомъ, наконецъ начала извергать громы. При такомъ положеніи дѣлъ Англія должна занять положеніе безпристрастнаго нейтралитета и строгаго внимательства. Если она своимъ внимательствомъ не придастъ искаженнаго направленія естественному ходу событій, то я жду отъ начавшейся теперь войны пользы для націй, которой принадлежать всѣ стремленія моего сердца. Такое ожиданіе превосходитъ не отъ минутнаго увлеченія, оно основано на той безспорной аксіомѣ, что бѣднѣе угнетающаго представляетъ шансъ избавленія угнетенному. Францію вовлеченъ въ войну: думая объ относительномъ положеніи воюющихъ сторонъ и о стратегическихъ необходимостихъ, которыя должны развиться въ продолженіи войны, я прихожу къ заключенію, что скоро освобожденіе будетъ возможно для нѣкоторыхъ изъ числа національностей, угнетаемыхъ Австріею. Это угнетеніе составляетъ величайшее изъ европейскихъ бѣдствій и безъ его уничтоженія могутъ быть только придумываемы разныя искусственныя комбинаціи для временнаго прикрытія нежеланности политическаго устройства Европы, но не возможно мирное и прочное устройство европейской политической системы. Британское правительство дало торжественное обязательство, что не вмѣшется въ войну ни примышль, ни косвеннымъ образомъ и будетъ держаться строгаго нейтралитета. Это хорошо, но я долженъ выразить желаніе, чтобы принципъ нейтралитета получилъ характеръ прочнаго правила, не подверженнаго случайнымъ отклоненіямъ, а для этого необходимо обществу мнѣнію высказаться яснѣе, чтобы не осталось сомнѣнія о смыслѣ, какой англичане хотятъ придать нейтралитету. Нейтралитетъ—общее выраженіе; онъ долженъ получить опредѣлительный смыслъ, который будетъ имѣть только тогда, когда ясно будетъ, на чьей сторонѣ стало бы англійское правительство въ томъ случаѣ, если бы не осталось нейтральнымъ. Я не читалъ ни одного оффиціального или полуоффиціального объявленія, которое показывало бы, что Англія сочувствуетъ Франціи; но читалъ много такихъ объясненій, изъ которыхъ оказывалось, что для нынѣшняго правительства выборъ былъ только между нейтралитетомъ или союзомъ съ Австріею. Говорилось

также, что Англія останется нейтральною, но будетъ слѣдить за тѣмъ, какою оборою примутъ событія, а между тѣмъ вооружаться, чтобы можно ей было отразить нашествіе на свои границы. Но на Англію не нападетъ никто, если она сама не вступаетъ въ войну. Между тѣмъ, мы имѣемъ признаки для того, чтобы предугадывать, чего хочетъ англійское правительство; намъ говорятъ, что если французскій флотъ вступитъ въ Адриатическое море, то интересъ Англіи требуетъ воспротивиться ему; что если французы нападутъ на Венецію, то интересъ Англіи требуетъ защитить ее. Отчего же защитить? Отъ великаго несчастія быть освобожденной изъ подъ австрійскаго деспотизма? Есть предрассудки, которые вовлекутъ Англію въ войну, если она не отвергнетъ ихъ. Изъ этихъ предрассудковъ главные происходятъ отъ ошибочнаго пониманія итальянскаго вопроса, отъ уваженія къ трактатамъ 1815 года, отъ дипломатической фразы объ ограниченіи театра войны опредѣленною мѣстностью и отъ величайшей изъ всѣхъ политическихъ ошибокъ — отъ мнѣнія, будто существованіе Австрійской имперіи необходимо для сохраненія европейскаго равновѣсія. Итальянскій вопросъ возникаетъ не просто отъ дурнаго управленія, онъ не таковъ, чтобы его можно было устранить своевременною уступкою или реформою. Это вопросъ о національности, и потому сущность его практическаго разрѣшенія состоитъ въ совершеномъ и окончательномъ изгнаніи австрійцевъ изъ Италіи, такъ, чтобы имъ нельзя было туда воротиться. Потому слѣлки тутъ невозможны. Или австрійцы должны быть окончательно изгнаны изъ Италіи, или итальянскій вопросъ будетъ появляться вновь. Только истребленіемъ итальянцевъ можетъ упрочиться австрійское господство въ Италіи, а народъ, состоящій изъ 26,000,000, нельзя истребить. Въ доказательство того, что это вопросъ о національности, надобно вспомнить, что въ 1846 году жители Папской Области, при всей невыносимости своихъ частныхъ страданій, объявляли, что вопросъ о нихъ притѣленіи—дѣло второстепенное. Общій итальянскій вопросъ, говорили они, составляетъ главную сторону дѣла, и главное ихъ неудовольствіе противъ папскаго правительства состоитъ въ томъ, что оно поработило себя Австріи. Поэтому въ 1848 году вся Италія соединилась противъ австрійцевъ, и когда независимость была предложена Ломбардіи, миланцы объявили, что не хотятъ отдѣлять своей судьбы отъ судьбы Венеціи. Они сражались не за Ломбардію, а за Италію. Потому и швейцарцы, хотя своей судьбой и были довольны, съ радостью подверглись опасностямъ, страданіямъ и жертвованіямъ великой войны. Республиканцы присоединились къ королю, написавшему на своемъ знамени «независимость Италіи». Тоскана подчинилась сардинскому монарху и французы встрѣчены съ восторгомъ. Во всѣхъ переговорахъ, предшествовавшихъ объявленію войны, была со стороны британскаго правительства та ошибка, что оно смотрѣло на это дѣло, не какъ на вопросъ о національности, а какъ на такой вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ безъ изгнанія австрійцевъ, если только они обяжутся не входить во внутреннія дѣла другихъ государствъ полуострова.

О трактатах 1815 года надобно сказать, что история следующих 44-х лѣтъ была непрерывнымъ протестомъ противъ этихъ трактатовъ. Всѣ ихъ статьи, благоприятныя для свободы, нарушались континентальными правительствами, и Англія не мѣшала этому; неужели теперь она возьмется за оружіе, чтобы защищать неприкосновенность этихъ трактатовъ въ пользу Австріи, которая гонится только для того, чтобы распространять мракъ и утѣковѣчивать рабство?

Теперь надобно перейти къ тому, что дипломаты называютъ ограниченіемъ войны. Это выраженіе значитъ, что война не должна переходить за границы Италіи. Но если австрійцы отступятъ за Тальяменто, которымъ Ломбардія отдѣляется отъ нихъ другими владѣніи, то неужели французы и сардинцы не должны преслѣдовать ихъ, и неужели Австрія, ведя войну, должна пользоваться всѣми выгодами нейтралитета?

Какой выводъ изъ этихъ соображеній? Безполезно разсуждать о томъ, что должна будетъ дѣлать Англія, если французы вторгнутся въ рейнскую Германію, потому что императоръ французскій вовсе не хочетъ раздражать Германію и Англію. Истинный вопросъ въ томъ, должны ли англичане своею кровью и своими деньгами гарантировать Австріи привилегію нейтралитета въ ея областяхъ, лежащихъ внѣ Италіи? Должны ли англичане бросаться въ ужасы войны для защиты Австріи отъ военныхъ дѣйствій, которыя, не нарушая народного права, могутъ предпринять противъ нея противники? Если англичане не хотятъ этого, они не должны довольствоваться неопредѣленными общими фразами, а должны внушить своему правительству, что ограничится ли война бассейномъ По, или распространится на другія австрійскія области, Англія все равно не должна принимать въ ней участія. За что англичанамъ защищать Австрію? Ее называютъ вѣрною союзницею Англіи; она была на постоянной пенсіи Англіи, въ ея бездонный карманъ постоянно бросались милліоны, собираемые съ англійскаго народа; но исторія не говоритъ, чтобы Англія получала какія либо выгоды отъ нея.

Говорятъ, будто цѣлость Австрійской имперіи необходима для сохраненія политическаго равновѣсія. Я не буду разсматривать этой на-балистической абракадабры «политическое равновѣсіе», этого Молоха, которому такъ долго приносили въ жертву справедливость, политическую нравственность и свободу націй; я только скажу, что искусственныя государства, лишеныя органическаго единства и гармоніи, служатъ не къ предупрежденію, а къ возбужденію войны. Противъ чьего перевѣса должна служить оградой Австрія? Если бы Австрія не владѣла Италіею, не было бы итальянскаго вопроса. Австрія не оплотъ европейскаго равновѣсія, она Дамокловъ мечъ, грозящій спокойствію Европы. Пусть она исчезнетъ въ пучинѣ вѣчной гибели, разсверзающей для нея, и тогда, если и будутъ частныя перевороты, то не будетъ уже нарушаться спокойствіе всей Европы. Нации, собранныя въ искусственную массу, называемую Австріей, имѣютъ значительные элементы могущества,

но ошибочно заключать изъ этого, что Австрійская имперія могущественна. Если всѣмъ этимъ націямъ будетъ дозволено возвратитъ свою національную самостоятельность, они дѣйствительно составятъ оплотъ для независимости Европы. Но въ настоящее время Австрія не оплотъ Европы, а слабѣйшій пунктъ Европы.

Говорятъ, что если бы итальянцы или другія угнетенныя націи дѣйствовали однѣ, Англіи не было бы нужды вмѣшиваться, но вмѣшательство французовъ измѣняетъ дѣло. Говорятъ, что императоръ французовъ дѣйствуетъ только съ честолюбивыми цѣлями и что для національностей нѣтъ выгоды мѣнять одного господина на другаго. Я отвѣчаю на это, что почти не было примѣровъ, когда бы народъ приобрѣталъ свободу безъ помощи иностранцевъ. Самой Англіи помогали при возвращеніи свободы 15,000 голландскихъ солдатъ и голландскій флотъ изъ 500 вымпеловъ, съ которыми пришелъ на помощь ей Вилгельмъ Оранскій. Постоянно были вмѣшательства противъ свободы; но Англія никогда не вооружалась, чтобы остановить ихъ; неужели она теперь начнетъ войну, чтобы остановить вмѣшательство, происходящее въ пользу свободы? По какимъ побужденіямъ императоръ французовъ началъ эту войну, я не знаю; но я знаю, что было бы противно его выгодамъ и потому не входитъ въ его намѣренія. Его выгодамъ было бы противно стремленіе къ завоеваніямъ, потому что оно послужило бы погибелью для него, какъ послужило погибелью для Наполеона I. Если вслѣдствіе событій, возникающихъ изъ этой войны, откроется новому отечеству возможность возвратитъ себѣ независимость, неужели я долженъ былъ бы совѣтовать венграмъ отвергнуть независимость только потому, что ее предлагаетъ имъ Бонапарте? Нѣтъ, Венгрія такъ далека отъ Франціи и настолько сильна, что не можетъ сдѣлаться французскимъ департаментомъ. А если итальянцы, получивши черезъ французское вмѣшательство возможность организоватьъ и вооружиться, не счумѣютъ въ случаѣ надобности защититься отъ своихъ друзей, то они покажутъ, что не заслуживали свободы.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

	Стр.
Англійская коммерческая политика. Историческій очеркъ. <i>Б. Б. Калиновскаго</i>	5
Московскій сыщикъ Яковлевъ. (Воспоминанія). <i>Л. И. Халютина</i>	79
Сумасшедшій. Стих. <i>Я. П. Поломскаго</i>	95
Подозрѣніе. Стих. <i>Н. О. Щербини</i>	96
Винный акцизъ. <i>А. Памкратова</i>	97
Губернскій карнавалъ. Часть первая.	115
Часть вторая и послѣдняя.	277
Новая весна. (Изъ Гейне). Стих. <i>М. Л. Михайлова</i>	211
Перлы и пѣсни. (Съ пѣсенкаго). <i>А. Н. Плещеева</i>	212
Сардинская армія, способъ ея набора и содержанія. <i>В. Тульова</i>	213
«Кричатъ перепела, трещатъ коростели», стих. <i>А. А. Фета</i>	248
Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ.	
Статья <i>П. В. П. Безобразова</i>	249
Юность и старость. (Изъ Роберта Прутта). Стих. <i>А. Плещеева</i>	275
Своя рубашка. Разсказъ <i>С. Т. Словутинскаго</i>	367
Виргинцы. Романъ <i>В. М. Тэккерла</i> . (Продолженіе. — Въ приложе- ніи).	съ 113 до 177

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Стр.

- № IX. Предположенія объ установленіи справедливыхъ отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ землѣ крестьянскими обществами и о правильномъ устройствѣ крестьянскаго быта. *Алексѣя Тютчева*. (Помѣщика Ярославской губерніи Мышкинскаго уѣзда) 1

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАЙ.

- РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.—О календаряхъ. *Грицько*. 1
Г. Чичеринъ, какъ публицистъ. (Очерки Англіи и Франціи, соч. Б. Чичерина. Москва. 1859 г.) *Н. Г. Чернышевскаго*. 28
Что такое обломовщина? (Обломовъ, романъ И. А. Гончарова. «Отеч. Записки» 1859 г. № I—IV). *Н. —бова*. 59
Новыя книги. Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1858 г. 99
Украинскіе народные рассказы Марка Вовчка. Переводъ И. С. Тургенева 103
Движеніе вишней торговли Россіи съ 1853 по 1856 г. *Ө. Тернера*. 113
Учебная книга русской исторіи. Соч. *Сергія Соловьева*.—Краткое изложеніе русской исторіи. Составилъ *Н. Тимаевъ* 116
Раскрытый Портфель 120
Петербургская жизнь. Замѣтки *Новаго Поэта*. Война и прогрессъ.—Отрывокъ изъ разговора знаменитаго Микромегаса съ людьми.—Свѣтлый праздникъ и различныя фантазіи на этотъ мотивъ.—Пьянство въ Петербургѣ и хитрость откупщиковъ.—Наемные экипажи и мостовыя въ Петербургѣ.—Петербургскіе водопроводы.—Весна въ Петербургѣ.—Весеннія эмиграціи.—Странный случай.—Театры.—Пріѣздъ М. С. Щепкина и его дебютъ въ роляхъ Фамусова и Городничаго.—Дебютъ г-жи Деверія и г-на Деверія, актера Порт-Сен-Мартенскаго театра.—*Ouïss aux enfers, pièce-bouffe*.—*Jeanne Mathieu*, комедія-водевиль.—Выставка въ магазинѣ Делила.—Распродажа картинъ и фарфора у г. Жюста.—Портретная галлерей г. Мюнстера.—Сельско-хозяйственная статистика Саратовской губерніи.—О продолженіи изданія Шиллера.—Сочиненія Евг. Туръ.—Изданія гг. Пахитовова, Водова и комп.—Отрывокъ изъ сочиненія г. Новосильскаго.—Портретъ Бозіо въ Художественномъ Листкѣ.—Стихи А. Некрасова, въ переводѣ А. Дюма.—О выставкѣ садоводства.—О лоттерей г. Воробьева.—Отъ Императорской Публичной Библиотеки.—О кончинѣ С. Т. Аксакова. 127
ПОЛИТИКА. Австрійскій ультиматумъ.—Недѣльность австрійскихъ дѣйствій.—Состоитъ ли цѣль войны въ освобожденіи Италіи?—Положеніе дѣлъ въ Италіи около 13 мая новаго стиля.—Выборы въ Англіи.—Приложенія. (Взглядъ англичанъ на войну. О характерѣ выборовъ въ маленькіхъ городкахъ). 133

Лондонскія замѣтки. <i>М. А. Михайлова</i>	219
Вульничскій арсеналъ и пушка Эрматронга.	239

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Шекспиръ въ переводѣ г. Фета. (Юлій Цезарь, трагедія Вильяма Шекспира, перев. А. Фета. «Библ. для Чт.», мартъ 1859 г.) <i>М. Лавренскаго</i>	255
--	-----

Новый кодексъ русской практической мудрости. (Наука жизни или какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ. Ефима Дыммана). — <i>бова</i>	289 ✓
---	-------

Новыя книги: Весна. Литературный Сборникъ на 1859 г.	307
--	-----

Исторія Австрiи. Сочиненiе графа Майлата. Перев. съ нѣмецкаго.	325
--	-----

Основные законы воспитанiя. Н. А. Миллеръ—Красовскаго.	331
--	-----

Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ «Описанiе сельскаго духовенства».	340
--	-----

Описанiе болѣзни г-жи Артамоновой, которая получила исцѣленiе предъ чудотворною иконою Святителя Христова Николая, въ селѣ Колпинѣ, 26 сент. 1858. Составилъ Иванъ Рхлицкiй.	345
--	-----

Матерiалы для статистики Финляндiи, изданныя департаментомъ генеральнаго штаба военнаго министерства.	348
---	-----

Краткiй очеркъ проекта, сооруженiя и эксплуатацiи желѣзныхъ дорогъ. Барона К. Б. Розена.	350
--	-----

Лаокоонтъ, или о границахъ живописи и поэзiи. Сочин. Лессинга. Переводъ Е. Эдельсона.	352
---	-----

Историческая Библиотека. Исторiя восемнадцатаго столѣтiя и девятнадцатаго до паденiя французской имперiи, съ особенно подробнымъ изложенiемъ хода литературы. Ф. К. Шлоссера. Т. IV и V.	353
--	-----

Петербургская жизнь. Замятки <i>Новаго Поэта</i> . Сюрпризы петербургскаго климата. — Русскiе патриоты и фельдцейхмейстеръ Гюлай. — Семейныя сцены по поводу дачъ. — Очеркъ брачнаго союза. — Мужская энергiя и женскiя нервы. — Павловскiй вокзалъ. — Опять Штраусъ и прочее. — Приятное утро на дачѣ. — Два слова о туркахъ, персиянахъ—европейскихъ денди и проч. и о новомъ англiйскомъ романѣ Диннагстонъ. — Успѣхъ Обломова. — Слухи о новомъ романѣ Гончарова. — Театры. — Загородныя увеселенiя — Ботаническiй садъ. — Пароходы на р. Великой, Чудскомъ озерѣ и р. Эмбахъ. — Еще нѣсколько словъ о петербургской веснѣ и по ея поводу о дачной жизни и о загородныхъ гуляньяхъ. — Приобрѣтенiе Императорской Публичной Библиотеки. — V томъ сочиненiй Пушкина, изданiе Я. А. Исакова. — «Заниски Охотника» Тургенева. — Карта Италiи гг. Авичкова и Швелера	355
---	-----

ПОЛИТИКА. Причины нашей симпатии къ австрійцамъ. — Сраженіи при Монтебелло и Палестро. — Битва при Маджентѣ. — Дѣйствія Гарібальди. — Тосканскія дѣла. — Отрывки изъ *Studien zur gegenwärtigen Lage Europa's v. Karl Vogt*. — Извлеченіе изъ рѣчи Кошута по поводу итальянскаго вопроса, на митингѣ въ лондонской Сити. 19 (7) мая. (Изъ *Times'a*). 203

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюня 12 дня 1859 года.

Ценсоръ К. Оберъ.

1. 10. 1910.
2. 10. 1910.
3. 10. 1910.
4. 10. 1910.
5. 10. 1910.

